

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Bd. Nov. 1928

HARVARD LAW LIBRARY

Received

July 18. 1922

Сборник Государственных
Званий

4

2

СБОРНИКЪ

1

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

1

1 с

X

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. П. ВЕЗОВРАЗОВА

7-8
"

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИ ВЛЖАЙШЕМЪ СОДѢЙСТВИИ

ПРОФЕССОРОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: И. Е. АНДРЕЕВ-СКАГО (по полицейской наукѣ), М. И. ГОРЧАКОВА (по церковному законо-вѣдѣнію), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ф. Ф. МАРТЕНСА (по международному праву), В. И. СЕРГѢЕВИЧА (по исторіи русскаго права), Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА Г. А. ЛЕВРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ф. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

Томъ VII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1879.

+

Rus.

JUL 18 1922

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

(Вас. Остр., 8 л., № 45).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Начала русской земли, П. С. М. Соловьева	1
Государство и право въ исторіи, В. И. Сертсевича	19
Полицейскій арестъ, Н. Т. Тарасова	97
Военная организація и статистика, Я. А. Гребенщикова	118
Желѣзныя дороги въ Россіи, А. А. Головачова. Исторія постройки дорогъ. Статья третья	135
Бумажно-денежные проекты и экстраординарные финансы, И. И. Кауф- мана	264
О значеніи науки для образованія должностныхъ лицъ въ государствен- номъ управленіи, В. П. Безобразова	351

Критика и библиографія.

Русская литература.

Церковь. Критическій анализъ главнѣйшихъ ученій объ отношеніи между церковію и государствомъ, вып. 1. П. Срътенскаго. М. И. Горчакова	8
Очерки внутренней исторіи Византійско-восточной церкви въ IX—XI вѣкахъ. А. Лебедева. <i>Его-же</i>	4
Споры безпоповцевъ о бракѣ. К. Надеждина. <i>Его-же</i>	5
Церковный судъ въ первые вѣка христіанства. Н. Заозерскаго. <i>Его-же</i>	—
Опытъ изслѣдованія объ имуществѣхъ и доходахъ нашихъ монастырей. <i>Его-же</i>	13
Государственное и народное хозяйство. Желѣзнодорожное хозяйство. Т. П. Услова, опредѣляющія движенія и сборы на желѣзныхъ дорогахъ. Вып. 1. А. Чупрова. Д. Писку	19

	Стр.
Исторія. Славянство Болгаръ передъ критикой слависта. Статья проф. Макушева объ «Исторіи Болгаръ» К. Иречка. <i>Д. Илювайскаго</i>	35
Уголовное право. Руководство къ особенной части Русскаго уголовного права. Н. А. Неклюдова. <i>А. Ѳ. Кистяковскаго</i>	45
Курсъ Русскаго уголовного права, проф. Таганцева. Выпускъ 1. <i>А. Палюмбецкаго</i>	57
Гражданское право. Понятіе добровольнаго представительства въ гражданскомъ правѣ, соч. Нерсесова. <i>С. Муромцева</i>	70

Иностранная литература.

Церковь. Греческіе номоканоны. Цахаріе фонъ-Лингентала. <i>М. И. Горчакова</i>	80
Патріархъ и царь, В. Пальмера. <i>Ею-же</i>	81
Современное состояніе Римско-католической церкви во Франціи. Очеркъ аббата Мишо. <i>Ею-же</i>	84
О нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ церковнаго права и политики. Д-ра Цорна. — Важнѣйшія новыя церковно-государственныя узаконенія Германской Имперіи, Австріи, Швейцаріи и Италіи. Д-ра Цорна. — Государство и церковь въ Швейцаріи. Д-ра Гарейса и Д-ра Цорна. <i>Ею-же</i>	86
Радикальный нѣмецкій социализмъ и христіанское общество, соч. Тодта. <i>Ею-же</i>	89
Исторія. нѣмецкаго церковнаго права. Д-ра Ленинга. <i>Ею-же</i>	93
Международное право. Женевская Конвенція. Соч. Проф. Людера. <i>О. Эйхельмана</i>	94
Воюющія и нейтральныя державы. Соч. Гесснера. <i>Ею-же</i>	99
Статистика. Теоретическое и практическое руководство къ статистикѣ. Мориса Блока. <i>Д. Пизно</i>	100
Закономѣрность явленій общественной жизни, соч. г. Маира. <i>Ею-же</i>	105
Государственное и народное хозяйство. Свободная торговля и покровительственная система. Г. Фоссета. <i>И. Янжула</i>	107

Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за 1878 г.).

Вступленіе. Общій взглядъ на событія 1878 г. — Кодефикаціонныя работы. — Центральныя учрежденія. — Военная организація и войско. — Финансы; общее финансовое положеніе по окончаніи войны и расходы на нее; финансовое законодательство и текущія распоряженія. — Государственное хозяйство. — Полиція. — Судебная часть. — Уголовное право. — Народное образованіе. — Художественная часть. — Мѣстное управленіе

НАЧАЛА РУССКОЙ ЗЕМЛИ,

С. М. СОЛОВЬЕВА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

II ¹⁾.

Въ предыдущей главѣ, на основаніи сравнительнаго изученія первоначальнаго быта племенъ, мы старались уяснить краткія извѣстія нашего лѣтописца о бытѣ восточныхъ славянъ до основанія русскаго государства. Теперь, когда мы приступаемъ къ извѣстіямъ лѣтописца объ этомъ основаніи, могутъ насъ спросить: заручились ли мы убѣжденіемъ въ вѣрности его извѣстій; первыя извѣстія лѣтописца о призваніи варяго-русскихъ князей изъ за моря въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ называются „баснею“. Слѣдовательно необходимо прежде всего сказать нѣсколько словъ объ этой баснѣ.

Разумѣется здѣсь представляется первый вопросъ: откуда эта басня взялась? Конечно, люди, считающіе рассказъ лѣтописца о началѣ руссой земли баснею, глубоко сожалѣютъ о самихъ себѣ: исторію какого бѣднаго, жалкаго народа должны они заниматься, народа, который потерялъ совершенно память о своемъ происхожденіи и допустилъ толпу составителей, переписчиковъ хроникъ навязать себѣ басню о своемъ происхожденіи! Былъ сильный народъ, который образовалъ большое государство; но въ одно прекрасное утро у народа, у его грамотныхъ людей, у его вель-

¹⁾ См. главу I, въ Сборн. Гос. Зн., т. IV.

можъ и князей какиѣ-то чудомъ отшибло память, вдругъ позабыли о предкахъ князей, о тѣхъ знаменитыхъ вождяхъ народныхъ, которые первые положили основаніе единству и силѣ народа, позабыли ихъ имена, преемство, дѣла, позабыли все, и вотъ, вслѣдствіе такого забвенія, какой-то грамотѣй сочинилъ басню, что кievскіе князья происходятъ отъ новгородскаго владѣльца, не славянина родомъ, а вызваннаго изъ-за моря, изъ чужаго народа. Любопытно было бы изслѣдовать, когда, въ какомъ мѣстѣ происходилъ тотъ знаменитый съѣздъ лѣтописцевъ и переписчиковъ, на которомъ было постановлено начинать каждый списокъ лѣтописи этою баснею. Здѣсь дѣло идетъ не объ отдаленной древности, когда событія и лица представляются въ иносическомъ туманѣ: басня представляетъ времена относительно недавнія, представляетъ простыхъ смертныхъ, о которыхъ коротко, сухо рассказываетъ самія простыя дѣла: строятъ городки, плывутъ внизъ по большой рѣкѣ, облагаютъ данью разбросанныя племена и т. п. Лѣтописецъ рассказываетъ, что знавалъ старика, который помнилъ крещеніе Руси; старикъ былъ молодъ при Владимірѣ Св., а Владиміръ былъ правнукомъ перваго князя басни, Рюрика, призваннаго изъ-за границы. Правнукомъ и его современники должны были знать о пращѣ, откуда онъ пришелъ, гдѣ княжилъ; зналъ объ этомъ старикъ, зналъ отъ старика лѣтописецъ, который вначалѣ своего рассказа помѣстилъ извѣстіе о призваніи Рюрика изъ-за моря въ Новгородъ. Нѣтъ, говорятъ, это басня: предки русскихъ князей никогда не были призваны съ сѣвера, изъ за моря, они жили на югѣ, въ Кіевѣ, были князьями славянскаго племени роксоланъ. Какъ же ихъ звали, какъ они усилились, гдѣ объ этомъ говорится, въ какой лѣтописи, въ какомъ памятникѣ? Нигдѣ объ этомъ ни слова; впрочемъ все это было въ первоначальныхъ спискахъ лѣтописи, но потомъ уничтожено, и вставлена басня о призваніи варяго-русовъ. Чародѣйство! Но послушаемъ, откуда взялась басня.

„Извѣстно, что средневѣковныя лѣтописцы любили приписывать своимъ народамъ какое-нибудь отдаленное происхожденіе и при томъ лстящее народному самолюбію. Напримѣръ, франки выводили себя отъ энеевыхъ троянъ, бургунды отъ римлянъ и т. п. Но самымъ обычнымъ приемомъ было выводить *народы* изъ Скандинавіи. Такъ Иорнандъ производилъ готовъ изъ Скандинавіи и называлъ эту страну *vagina gentium*. Павелъ Діаконъ производитъ оттуда же лонгобардовъ. Видукинъ сообщаетъ мнѣніе,

которое отсюда же выводит и саксовъ. Очевидно происхожденіе изъ далекаго полуострова Скандіи пріобрѣло особый почетъ, сдѣлалось признакомъ какого-то благородства. Этотъ столь распространенный обычай выводитъ своихъ предковъ изъ Скандинавіи, по всей вѣроятности, отразился и въ нашемъ летописномъ преданіи о выходѣ отсюда варяжской Руси“. Но выходъ извѣстныхъ народовъ изъ Скандинавіи основывается на народномъ преданіи, и во сколько вѣрно или не вѣрно это преданіе — это еще вопросъ, а главное, ни откуда не видно, чтобъ этотъ выходъ изъ Скандинавіи считался почетнымъ; самъ авторъ, рѣшившійся выступить съ такимъ объясненіемъ, не былъ смѣлъ до конца, сталъ выражаться очень неопредѣленно, слѣдовательно ни для кого не убѣдительно: „какого-то благородства, по всей вѣроятности“. Вѣроятность превращается въ полную невѣроятность, когда обратимъ вниманіе, что изъ Скандинавіи производятъ себя только германскіе народы; а съ какой стати славянскому народу считать почетнымъ происхожденіе изъ Скандинавіи? Если бы нашъ авторъ доказалъ, что въ IX вѣкѣ Скандинавія пользовалась такимъ почетомъ у славянъ, то мы бы попросили его признать вѣрнымъ извѣстіе о призваніи, ибо представленію всего естественнѣе было перейти въ фактъ. Но доказательствъ этому для IX вѣка нѣтъ; въ XI Скандинавія, по своему состоянію, не могла имѣть никакого почета на Русь, а позднѣе сочиненіе басни не возможно именно въ Новгородѣ, въ слѣдствіе начавшейся сильной борьбы съ Швеціею: не современникъ ли Александра Невскаго проникался такимъ уваженіемъ къ Скандинавіи? Другое дѣло производить себя отъ римлянъ, владыкъ вселенной, или отъ троянъ, въ которыхъ, благодаря Виргилію, видѣли предковъ тѣхъ же римлянъ; и у насъ производили московскихъ царей отъ Августа Кесаря.

Разсуждаютъ: „Своей настоящей видъ она (басня) получила не ранѣе второй половины XII или первой XIII вѣка, т. е. не ранѣе той эпохи, когда Новгородъ достигаетъ значительнаго развитія своихъ силъ. Это было время живыхъ, дѣятельныхъ сношеній съ Ганзою, т. е. съ германскими и скандинавскими побережьями Балтійскаго моря. Съ XIII вѣка по преимуществу сюда устремлено было вниманіе Сѣверной Руси, и только съ этой стороны свободно достигалъ до насъ свѣтъ европейской цивилизаціи. Между тѣмъ Южная Русь была разворена и подавлена тучею азіатскихъ варваровъ. Уже съ появленіемъ половцевъ русскіе по-

степенно были оттъсняемы отъ побережьевъ Чернаго моря и торговныя сношенія съ Византіей все болѣе и болѣе затруднялись. А когда нагрянула татарская орда, эти сношенія прекратились. Нить преданій о связяхъ Руси съ Чернымъ моремъ порвалась; между прочимъ заглохли и самыя воспоминанія о русскихъ походахъ на Каспійское море, и мы ничего не знали бы о нихъ, если бы не извѣстіе арабовъ. Преданіе о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекаѣ и Хоривѣ есть ничто иное, какъ та же попытка отвѣтить на вопросъ: откуда пошло русское государство? Эта попытка конечно южно-русскаго кіевскаго происхожденія. Кіевское преданіе не знаетъ пришлыхъ князей; оно говоритъ только о своихъ туземныхъ и связываетъ ихъ память съ Византіей и съ болгарами дунайскими. Это преданіе оттъснили на задній планъ и не дали ему ходу писатели, которые на передній планъ выдвинули легенду о призваніи варяжскихъ князей“.

Относительно этого разсужденія замѣтимъ сначала, что живыя сношенія Новгорода съ Ганзою дѣло извѣстное; но какимъ образомъ ганзейская торговля могла повести къ тому, что въ списки русской лѣтописи внесено сказаніе о призваніи первыхъ князей изъ Варяговъ, для объясненія этого подождемъ новаго обширнаго разсужденія, а до тѣхъ поръ подобнымъ выводамъ нельзя дать мѣста въ серьезныхъ ученыхъ сочиненіяхъ; пусть намъ укажутъ, какъ нѣмецкій купецъ отыскалъ преданіе о Рюрикѣ или сочинилъ его и силою своего нѣмецкаго авторитета, а можетъ быть обѣщаніемъ выгодной торговой сдѣлки, заставилъ новгородскихъ купцовъ принять это преданіе, а купцы заставили писателей внести его въ списки лѣтописей, зачеркнувши находившіяся тамъ прежде извѣстія. Но любезнѣе всего выраженіе, что „съ XIII вѣка на германское и скандинавское побережье преимущественно устремлено было вниманіе *Сѣверной Руси*“. Гдѣ на это доказательства? Какъ будто неизвѣстно, на что съ XIII вѣка обращено было вниманіе сѣверной Руси? Какъ будто неизвѣстно, какъ сѣверные лѣтописцы не благоволятъ къ новгородцамъ, а этихъ лѣтописцевъ заставляютъ рабски заимствовать изъ новгородскихъ лѣтописей извѣстіе о призваніи князя изъ-за моря! Далѣе говорится, что вслѣдствіе нашествій кочевыхъ пародовъ нить преданій о связяхъ Руси съ Чернымъ моремъ порвалась и это содѣйствовало замѣненію въ лѣтописяхъ южно-русскихъ преданій новгородскою баснею позднѣйшей ганзейской работы. Но это можно было бы допустить только тогда, когда бы мы имѣли дѣло

съ сочинителями исторій, а не съ писателями, которые считали религіознымъ подвигомъ переписать лѣтопись со всевозможною точностію, вставляли, какъ умѣли, лишнія извѣстія изъ другихъ списковъ, хотя и противорѣчивыя, но не вычеркивали однихъ, и не замѣняли ихъ другими. И какъ будто какой-нибудь Лаврентій Мнихъ могъ имѣть яснѣйшее представленіе о Балтійскомъ, чѣмъ о Черномъ морѣ и потому предпочелъ новую новгородскую сказку о призваніи первыхъ князей изъ-за Балтійскаго моря извѣстіямъ старыхъ лѣтописей о туземномъ ихъ происхожденіи? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же переписывались событія отдаленнаго приднѣстровья, отношенія венгерскія и польскія, зачѣмъ сохраняли извѣстія о походахъ на Тмутаракань, Херсонь, на Ясовъ и Касоговъ: вѣднѣннѣ преданій здѣсь порвалась! Самъ авторъ приведеннаго разсужденія говоритъ, что сказаніе о призваніи князей изъ-за Балтійскаго моря есть позднѣйшее новгородское сочиненіе, значить до XIII вѣка существовали лѣтописи, въ которыхъ въ началѣ находилось извѣстіе о туземномъ происхожденіи князей; но въ такомъ случаѣ это уже было освященное преданіе; какъ же теперь предположить, чтобы переписчики, питавшіе къ лѣтописи религіозное уваженіе, рѣшились, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, измѣнить этому преданію и вмѣсто него вставить новое измышленіе какого-то новгородскаго лѣтописца (существующаго впрочемъ только въ воображеніи)? Наконецъ рѣшаются подкопать вѣру въ лѣтописное извѣстіе о появленіи первыхъ князей молчаніемъ объ этомъ призваніи другихъ древнихъ памятниковъ; указываютъ, что о немъ молчитъ Слово о Полку Игоревѣ, не давая себѣ труда объяснить, съ какой стати и въ какомъ именно мѣстѣ сочинитель Слова долженъ былъ бы упомянуть объ этомъ. Указываютъ на Похвалу Владиміру митрополита Иларіона, гдѣ Владимръ называется сыномъ Святоелава и внукомъ Игоря, а дальше сочинитель нейдетъ; но вѣдъ это извѣстная родословная форма: сынъ такого-то и внукъ такого-то! Дѣло впрочемъ здѣсь въ томъ, что это молчаніе во всякомъ случаѣ ничего бы не доказывало, ибо авторъ приведенныхъ памятниковъ, не упоминая о призваніи изъ-за моря варяжскомъ князѣ Рюрикѣ, не упоминаетъ также объ отцѣ Игоря какъ туземномъ славянскомъ князѣ. Развѣ въ „Словѣ о полку“ или въ Иларіоновой „Похвалѣ“ есть извѣстіе о туземномъ славянскомъ прадѣдѣ князя Владиміра? Даже хотѣть, чтобы Константинъ Багрянородный упомянулъ о пришествіи варяго-русовъ, и если не упоминаетъ, то говорятъ, что „одно

молчаніе такого свидѣтеля способно уничтожить всю норманскую систему“. Но почему же онъ не упоминаетъ объ основаніи русскаго государства какими-нибудь роксоланскими князьями. Какъ же это случилось, что ни свои, ни чужіе ничего не знаютъ объ этихъ первыхъ туземныхъ роксоланскихъ князьяхъ, ничего не знаютъ о прадѣдѣ Владиміра, принявшаго христіанство, ничего не знаютъ объ отцѣ Игоря, въ историческомъ существованіи котораго никто не сомнѣвается, и въ лѣтописяхъ, изъ которыхъ въ продолженіи вѣковъ русскій народъ узнавалъ о началѣ своей земли, вставлена басня? Повторяемъ, что дѣло идетъ вовсе не о доисторическихъ временахъ, насчетъ которыхъ грамотѣи разныхъ вѣковъ могутъ фантазировать сколько имъ угодно и сочинять разныя генеологіи: дѣло идетъ объ отцѣ Игоря, о которомъ знаетъ не одна русская лѣтопись, дѣло идетъ о прадѣдѣ св. Владиміра. Нашъ Рюрикъ соотвѣтствуетъ не какому-нибудь мифическому родоначальнику Меровинговъ, котораго можно было провозвести и изъ Трои; нашъ Рюрикъ соотвѣтствуетъ франкскому Кловису, котораго непосредственно изъ Трои провозвести было нельзя.

Вопросъ о происхожденіи Руси есть вопросъ лѣтописный. Много было написано, можно еще больше написать изслѣдованій, филологическихъ и всякихъ по этому вопросу; но въ основаніи его лежитъ вопросъ о лѣтописи. Кто не согласится рѣшать легко трудные вопросы (какъ наприм., кто-то въ Новгородѣ въ XIII вѣкѣ выдумалъ басню о призваніи Рюрика изъ-за моря, и басня эта чудеснымъ образомъ очутилась въ началѣ нашихъ лѣтописей), тотъ не согласится считать баснею лѣтописное извѣстіе о происхожденіи князей, не согласится признать, что правнуки не знали о происхожденіи своего прадѣда, что народъ, лучшіе въ немъ люди не знали, позабыли, откуда пошла русская земля, не сохранилось объ этомъ ни одного преданія, и на чистой доскѣ (*tabula rasa*) можно было въ послѣдствіи помѣстить какую угодно басню или, что еще страннѣе, уничтожить древнее освещенное преданіе и вмѣсто него вставить новый вымыселъ, не могшій ни почему быть доступнѣе для разумѣнія или чувства народнаго. Кто не согласится на это, тотъ спокойно будетъ относиться къ натяжкамъ въ объясненіяхъ названій днѣпровскихъ пороговъ или именъ первыхъ князей. И потому, сколько бы ни писали многотомныхъ изслѣдованій, но если относительно главнаго вопроса, лѣтописнаго, будутъ ограничиваться предположеніями, основан-

ними на словах: „вѣроятно, можетъ быть“ и т. п., то всё эти толки не поведутъ ни къ чему, вопросъ не получить серьезнаго научнаго значенія.

Люди, отвергающіе лѣтописное извѣстіе о началѣ русской земли, признаются, что въ цѣлой исторической литературѣ навѣрно не одной легендѣ (?) такъ не повезло, какъ этому свидѣтельству: въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій ей вѣрили и повторяли ее на тысячу ладовъ. Но, признавши такое явленіе, надобно было бы прежде всего заняться его объясненіемъ: значить въ этомъ свидѣтельствѣ существуютъ внутреннія условія силы, обязательности. Проверка извѣстій и разныхъ взглядовъ бываетъ очень затруднительна, когда исторія какого-нибудь народа не изучена всецѣло, не является въ сознаніи какъ нѣчто связанное, органическое; но когда историческая наука уже достаточно обрѣла, ходъ народной жизни представляется въ связи, преемственность ступеней развитія ясна, то проверка извѣстій и взглядовъ становится легкою. Такъ лѣтописные извѣстія о IX вѣкѣ проверяются извѣстіями объ XI и XII вѣкахъ, извѣстіями, которыхъ никто не отвергаетъ. Каждого, внимательно изучающаго русскую лѣтопись, поражаетъ тѣсная, необходимая связь явленій, въ ней встрѣчаемыхъ, *историчность*, послѣдовательность, вѣрность общимъ законамъ развитія при извѣстныхъ условіяхъ; явленія XI и XII вѣка понятны намъ только тогда, когда мы знаемъ первыя строки лѣтописи, идемъ съ лѣтописцемъ шагъ за шагомъ. Если мы внесемъ свой произвольный взглядъ, то сейчасъ же спутаемъ ходъ событій и въ результатѣ получимъ ошибку. Предположите, напримѣръ, что русскій народъ и государство получили начало гораздо прежде того времени, на которое указываетъ лѣтописецъ и при другихъ условіяхъ изнутри славянскихъ племенъ, и ошибка на лицо, ибо явленія, указанная лѣтописцемъ, мы должны предположить совершившимися дважды, да еще поднять дѣло на ходули, иначе что же бы сталъ дѣлать сильный русскій народъ, уже давно образовавшійся? Событія послѣдующихъ вѣковъ немедленно уличатъ насъ въ ошибку, ибо наша фактическая постройка никакъ не придется къ нимъ, тогда какъ лѣтописный рассказъ приходится по нимъ совершенно.

Этотъ-то драгоценный характеръ нашего лѣтописца, эта историчность его извѣстій при всей первобытной простотѣ и сухости, и принудили насъ сдѣлать приведенныя замѣчанія на

счетъ мнѣнія, по которому надобно оторвать начало лѣтописи, какъ совершенно баснословное, и замѣнить догадкою Стрыйковскаго о роксоланахъ. На западѣ стали громить древнюю римскую исторію, разгромили, не оставили камня на камень, и, усталые отъ такого научнаго вандализма, съ отчаяніемъ зачеркнули древнюю исторію Рима и начинаютъ—съ середины, тогда какъ въ этихъ зачеркнутыхъ извѣстіяхъ гораздо болѣе жизни и правды, чѣмъ въ книгахъ, написанныхъ для ихъ опроверженія. У насъ относительно русской исторіи захотѣлось подражать этому подвигу хотя въ маломъ видѣ: зачеркнули Рюрика съ Олегомъ, и начинаютъ русскую исторію съ Игоря, хотя Игорь есть сынъ Рюрика, и послѣдній есть простой смертный, не ведетъ своего происхожденія отъ Марса, не сынъ весталки, извѣстенъ очень скромною дѣятельностію, постройкою городковъ, дѣятельностію знаменательною въ глазахъ историка, по не имѣющей ни малѣйшей мифической окраски. Кажется эта попытка рабскаго подражанія извѣстнымъ критическимъ приемамъ нѣсколько запоздала: крайности этихъ приемовъ достигли послѣдней степени, и должно ожидать поворота на новый путь, если исторической наукѣ суждено еще преуспѣвать.

Понятно, что для нашей цѣли, для охраненія исторической цѣлостности и послѣдовательности хода событій, было бы не нужно останавливаться на мнѣніи, которое принимаетъ начальныя извѣстія лѣтописца, извѣстія о приаваніи и первой дѣятельности князей, только утверждаетъ, что эти князья были призваны отъ славянъ, и именно отъ славянъ поморскихъ или ругенскихъ. Мы бы не остановились на извѣстной натяжкѣ того мѣста, гдѣ лѣтописецъ, говоря о варягахъ, причисляетъ къ нимъ только одни неславянскія племена, хотя очень хорошо знаетъ послѣднія, ихъ жилища; мы бы не остановились на натяжкахъ для объясненія нѣкоторыхъ явно неславянскихъ именъ: безъ малаго тридцать лѣтъ тому назадъ мы высказали свое мнѣніе о значеніи народности первыхъ князей и ихъ первой дружины, высказали мнѣніе, что эта народность не имѣетъ сколько-нибудь важнаго значенія. Но мы не можемъ не остановиться, когда приверженцы мнѣнія, выводщаго первыхъ князей изъ Рюгена, позволяютъ себѣ увлекаться своимъ Рюгеномъ точно также, какъ такъ называемые норманисты увлекались своими скандинавами, всюду видѣли ихъ однихъ. Вотъ любопытный приемъ: на балтійскомъ поморьѣ найдено нѣсколько названій, напоминающихъ

Русь, Россъ, и вотъ, начиная отъ устья Вислы идутъ по странамъ, населеннымъ Литвою и восточными славянами, отыскиваютъ и, разумеется, находятъ въ большомъ количествѣ подобныя названія, равно какъ названія, напоминающія слова: *витъ* и *радъ*, и заключаютъ, что это слѣды руссовъ-рюгенцевъ. Бѣдные восточные славяне! бѣдная Литва! это были нѣмцы буквально, нѣмне, у нихъ не было языка! Они не смѣли употреблять слова, означавшія свѣтъ, блескъ, яркій цвѣтъ, казистость, видность и потому чрезвычайно плодovitны въ своихъ производныхъ; привилегія употребленія этихъ словъ принадлежала только рюгенцамъ! Люди, рѣшившіеся употребить такой пріемъ, сами испугались и спѣшатъ оговориться: „Мы впередъ согласимся, говорятъ они, что нѣкоторые изъ этихъ именъ принадлежать общимъ основамъ топографическаго языка у всѣхъ славянскихъ племенъ какъ и у другихъ родственныхъ съ ними народовъ“. Но въ такомъ случаѣ какъ же они отдѣляютъ *именя* изъ этихъ названій, принадлежащихъ восточнымъ славянамъ, отъ названій, принесенныхъ рюгенцами? чѣмъ докажутъ, что всѣ эти названія, какъ общія славянамъ и родственнымъ съ ними племенамъ, не явились *естественно и необходимо* вслѣдствіе занятія извѣстныхъ мѣстностей славянами, Литвою, не нуждаясь вовсе для своего объясненія въ предположеніи прихода какихъ-то рюгенцевъ? и если бы кто-нибудь отправился обратно съ востока на западъ, то развѣ не имѣлъ бы точно такого же права утверждать, что извѣстныя названія принесены на балтійское поморье какимъ-нибудь восточнымъ славянскимъ племенемъ, хотя бы съ береговъ рѣки Роси? Эти защитники славянскаго происхожденія варяжскихъ князей и дружинъ ихъ не хотятъ принять естественнаго для дружинъ быстрого ихъ ославяненія, приравненія къ той средѣ, въ которой утвердились, и заключаютъ, что дружина, утвердившаяся въ финскихъ областяхъ, должна была офинниться. Отвѣчаютъ: можетъ быть тѣ дружины, которыя Рюрикъ послалъ въ Ростовъ и на Бѣлоозеро, и офиннились, но какое намъ до нихъ дѣло? вѣдь о нихъ нѣтъ никакихъ извѣстій. Извѣстно одно, что уже при Владимірѣ Святомъ, послѣ принятія крещенія, отправился въ Финскій Ростовъ князь Борисъ съ дружиною, совершенно славянскою или ославяненною; въ это время славянскій языкъ, сдѣлавшійся церковнымъ, богослужебнымъ, уже одинъ давалъ славянскому элементу такое значеніе, при которомъ не-славяне могли принимать финскую народность, а финны славян-

скую, не говоря уже о неразрывной связи князей и дружинъ ихъ съ Кіевомъ, что уничтожало для нихъ всякую возможность потерять славянскую народность.

Среди подобныхъ приемовъ и бездоказательныхъ возгласовъ о баснѣ, извѣстія лѣтописца о началѣ русской земли стоятъ непоколебимо въ *силу своей* внутренней исторической правды. Въ половинѣ IX вѣка онъ приводитъ насъ на европейскую Украину¹⁾, въ тѣ мѣстности, гдѣ проходила граница между двумя формами, имѣющими такое важное значеніе въ нашей исторіи, между полемъ (степью) и лѣсомъ. Степь — море сухое, но обитатели этого моря представляютъ жидкій, подвижной, безформенный элементъ народонаселенія; вѣчное движеніе осуждаетъ ихъ, на вѣчный застой относительно развитія общественныхъ формъ, относительно цивилизаціи; они не чувствуютъ подъ собою твердой почвы, они не любятъ непосредственно соприкасаться съ нею, проводя время на спинѣ верблюда или лошади; остановка ихъ на одномъ мѣстѣ коротка; они не обращаютъ вниманія на землю, не работаютъ надъ нею, ихъ животное ищетъ для себя корма и даетъ отъ себя кормъ хозяину; ихъ дѣло догнать живую добычу на бѣгу, поймать, убить; ихъ дѣло напасть на другихъ кочевниковъ или на осѣдлаго человѣка, ограбить, взять его въ плѣнъ; они охотники нападать, но не умѣютъ защищаться, при первомъ сопротивленіи мчатся назадъ: да и что имъ защищать? Но убѣжавши въ степь, гдѣ никто не догонитъ, кочевникъ скоро возвращается назадъ и нечаянными разбойничьими нападеніями не оставитъ въ покоѣ осѣдлаго человѣка, живущаго на окраинѣ степи. И города не всегда спасутъ послѣдняго: толпы кочевниковъ окружаютъ городъ и голодомъ заставляютъ его сдать. Но вѣрное спасеніе осѣдлому человѣку отъ кочевника — это лѣсъ дремучій съ его влагою, его болотами. Крѣпкій и выносливый вообще кочевникъ какъ ребенокъ боится влаги, сырости и страдаетъ отъ нихъ; поэтому онъ не пойдетъ далеко въ лѣсную сторону, скоро воротится назадъ.

Въ степи видѣются круглыя вежи кочевниковъ, какъ громадныя постройки животныхъ, громадныя муравьиныя кучи; быстро воздвигаются онѣ, быстро исчезаютъ, складываются, ибо

¹⁾ Любопытно, что славяне у писателей носятъ названіе Антовъ; санскритское слово *anta* значитъ рубежъ, край; у южныхъ славянъ *anta* — межвая насыпь.

въ нихъ почти нѣтъ ничего твердаго. Этой круглой вежѣ кочевника осѣдлый славянинъ противоположилъ свой крѣпкій, долго стоящій домъ, который построилъ изъ твердаго матеріала въ лѣсу или въ его близости, и любопытныя названія остались въ его языкѣ для обозначенія этого главнаго отличія его жизни въ противоположность съ жизнію кочевника. Прежде всего надобно было для построенія дома выжечь въ лѣсу мѣсто—это *огнище*, названіе перенесенное и на самый домъ; до сихъ поръ такъ называются еще пятна, остающіяся отъ выжиги лѣса или травы въ полѣ; это названіе для дома можетъ указывать на различіе жилища, утвержденного непосредственно на землѣ, освобожденной отъ лѣса силою огня, отъ первоначальнаго жилища, устроеннаго на деревьяхъ. Послѣ выжиги мѣста слѣдовало приготовленіе и прилаживаніе лѣснаго матеріала, рубка, рѣзаніе, кроеніе дерева. Отсюда выраженіе: *рубить* для построекъ; не только дома, срубы, города *рубил*, какъ выражается лѣтописецъ. Но и тутъ отъ дѣйствія происходитъ названіе и для сдѣланнаго: отъ корня *кар, кра* (ударять, рубить, кроить, карать), произошли названія построекъ: кремъ или кремль, кромъ (кромный городъ), храмъ, хоромъ, хоромы. Но когда постройка совершена, когда оказалось слѣдствіе рубки, кроенія, каранія, явилось зданіе, оно получаетъ имя отъ сильнаго впечатлѣнія, какое производитъ на человѣка: оно стоитъ твердо, непоколебимо, его нельзя разобрать, сложить какъ вежу кочевническую, отсюда названіе: *истоба, истобка, истьба, изба*, то что твердо, есть, существуетъ, какъ *истое*, неподвижное ¹⁾. Но жилище осѣдлаго человѣка, производя сильное впечатлѣніе этимъ своимъ качествомъ, производило такое же сильное впечатлѣніе формою постройки: въ противоположность круглой вежѣ кочевника, оно было угловатое, четырехугольное, „безъ четырехъ угловъ не становилось“; уголъ до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ дома, отдѣльнаго, независимаго хозяйства, такъ говорится: лучше всего имѣть свой уголъ. Это выраженіе можетъ вести начало изъ глубокой древности, когда въ одномъ домѣ, принадлежавшемъ роду, по угламъ жили члены рода. Рядъ однозвучныхъ названій для постоянного жилища и его главнаго отличія, угла (кутъ, контъ, кошъ, кошть, кутя, куча, кушта, куца, хата) вызывалъ представленія о мѣстѣ укрытомъ, запертомъ, крѣпкомъ,

¹⁾ Тоже въ германск. *stuba*, въ латинск. *istaba, ustuba*.

петропують, цѣломъ ¹⁾; о ховайствѣ, казнѣ (кошь, кошница). Наконецъ постоянное жилище славянина носить названіе *соба*, откуда: *собина* (собственность); это названіе относится уже къ тому времени, когда члены рода жили въ особыхъ жилищахъ, хотя обѣдать и ужинать собирались вмѣстѣ, что существуетъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи ²⁾. Общій столъ служить самымъ рѣзкимъ признакомъ братчины, родового быта, тогда какъ отдѣльное жилище, свой уголь, *собина* служить первой ступенью къ независимости, самостоятельности. Домъ есть первая недвижимая собственность челоуѣка; потому онъ беретъ себѣ къ дому, въ собственность землю около дома, тогда какъ остальная земля, поля, луга, лѣса составляютъ общее владѣніе рода.

Составляя не только символъ, но и суть осѣдлой жизни, домъ, постоянное жилище требовало особенныхъ предосторожностей, чтобы было безопаснымъ, удобнымъ, ибо домъ строился на долго, навсегда. Для безопасности отъ враговъ видимыхъ служила неприступная мѣстность на крутомъ берегу рѣки, въ чащѣ лѣса, не говоря уже о свайныхъ постройкахъ, обѣ избушкахъ на курьихъ ножкахъ, на высочайшихъ столбахъ или деревьяхъ, обѣ избушкахъ, входъ въ которыя былъ такъ запрятанъ, что сказка заставляетъ путника употреблять заклинаніе: избушка, обернись къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ! Для безопасности отъ враговъ видимыхъ служилъ *городъ*, ограда, тынъ, острогъ, ровъ, валъ. Но были враги невидимые, противъ которыхъ прежде всего надобно было принять мѣры предосторожности. При вѣрованіи въ загробную жизнь и въ сильное участіе душъ умершихъ людей въ дѣлахъ живыхъ, при господствѣ родового быта, прежде всего необходимо являлось представленіе о своихъ покойникахъ, о своихъ *родителяхъ* (родныхъ вообще), благопріятствующихъ своимъ, оставшимся на землѣ, и чужихъ, враждебныхъ, и потому готовыхъ дѣлать всевозможныя непріятности и бѣды. Первыхъ надобно было привлечь въ новое постоянное жилище, чтобы они были въ немъ по прежнему хозяева, покровители; послѣднихъ отогнать отъ новаго дома; въ томъ и другомъ случаѣ нужны были особенныя дѣйствія, *чародѣйства*, буквально:

¹⁾ Castus — крѣпкій, цѣлый, петропують, castrum, cateau, chateau.

²⁾ Записки Географич. Общ. по отд. этнографіи. VIII, 35.

духодѣйства, ибо до сихъ поръ въ областныхъ нарѣчіяхъ *чаръ* значить *духъ* ¹⁾.

Мы должны были остановиться на отношеніяхъ славяннина къ своему дому, ибо послѣдній составлялъ самое рѣзкое различіе его быта отъ быта кочевниковъ, съ которыми судьба заставляла его вести постоянную борьбу. Какъ осѣдлый человѣкъ откупилъ свой домъ отъ злаго духа извѣстною жертвою ²⁾, такъ откупалъ онъ его отъ кочевника данью, ибо первымъ дѣломъ жителя юрты или вежи было истребить, съжечь постоянное жилище осѣдлаго человѣка, и восточные славяне, ближайшіе къ степи, платять дань кочевникамъ. Было замѣчено, что это означало слабость осѣдлаго человѣка предъ кочевникомъ. Благодаря лѣтописцу, мы имѣемъ возможность стоять здѣсь на твердой почвѣ, слѣдить за постепеннымъ развитіемъ народа шагъ за шагомъ, заставъ его въ колыбели слабымъ, беспомощнымъ младенцемъ. Но, разумѣется, стоитъ только сойти съ твердой почвы, оставить руководство лѣтописца, и сейчасъ же человѣкъ заблудится, начнутся галлюцинаціи, вмѣсто слабого младенца, лежащаго въ колыбели, представится взрослый человѣкъ, вмѣсто розно, разбросанно по большимъ пространствамъ живущихъ родовъ представится цѣльный, сильный народъ. Въ этомъ патологическомъ состояніи обыкновенно повторяютъ два слова: „города, торговля“. Города были, торговля была, слѣдовательно, говорятъ, нельзя славянское народонаселеніе нинѣшней Россіи представлять себѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно является въ лѣтописи; христіанскій монахъ изъ ненависти къ языческимъ обычаямъ изобразилъ славянъ IX вѣка живущими, какъ звѣри, въ лѣсахъ. Но здѣсь дѣло не въ языческихъ обычаяхъ, а въ городахъ и торговлѣ. Оба эти представленія крайне неопредѣленные и растяжимыя, обращаться съ ними надобно съ крайнею осторожностію, дѣлать объ нихъ опредѣленные выводы можно только на основаніи другихъ данныхъ, а не ихъ полагать въ основаніе какихъ бы то ни было выводовъ, не давши имъ точной опредѣленности; и Петербургъ городъ, и Якутскъ также городъ. Если лѣтописецъ говорить, что племена жили отдѣль-

¹⁾ Говорятъ: весной медвѣдь выйдетъ изъ берлоги такой худой, въ чемъ только чаръ есть.—Въ западной Пруссіи прежде чѣмъ войти жить въ новый домъ, запираютъ въ немъ на ночь собаку или кошку, домашнихъ животныхъ по преимуществу.

²⁾ Andree — Ethnographische Parallelen, 27.

ными родами и въ то же время упоминаетъ о городахъ, то здѣсь не должно предполагать никакого противорѣчія, свидѣтельство о разрозненномъ, первоначальномъ бытѣ не уничтожаетъ свидѣтельство о городѣ, но представленіе о городѣ опредѣляется извѣстіемъ о бытѣ, городъ долженъ быть огороженнымъ, укрѣпленнымъ жилищемъ рода, городъ великъ или малъ смотря по числу членовъ рода; наши казаки при покореніи Сибири встрѣчали большіе и крѣпкіе города, которые брать стоило имъ большаго труда, но эти города были жилищемъ одного большаго рода, управляемаго своимъ старшимъ или князьцемъ, какъ его называли казаки. Кіевъ до Олега постоянно называется у лѣтописца *городкомъ*. Какое понятіе имѣли уже позднѣе о бѣдности славянъ, какъ племени сравнительно съ другими народами, показываетъ слѣдующее извѣстіе лѣтописца: Владиміръ побѣдилъ болгаръ, дядя его Добрыня сказалъ ему: „Я осмотрѣлъ плѣнныхъ: всѣ въ сапогахъ; эти не будутъ давать дани; пойдемъ искать лапотниковъ“. Въ XII вѣкѣ Кіевъ и нѣкоторые другіе города въ западной полосѣ отъ Балтійскаго до Чернаго моря были извѣстны своею большою (по тогдашнему) торговлею, были значительными городами въ настоящемъ смыслѣ слова; но это черезъ два съ половиною вѣка! Извѣстія о значеніи этихъ русскихъ городовъ будутъ намъ понятны, если мы обратимъ вниманіе на утвержденіе къ этому времени болѣе прочнаго порядка вещей на балтійскомъ побережьѣ, поднятіе здѣсь торговли и городовъ, ея богатыхъ, что необходимо поднимало торговое движеніе по извѣстной полосѣ русской земли отъ Балтійскаго моря до Чернаго, по пути „изъ варягъ въ греки“; но до половины IX вѣка условія, въ какихъ находились сосѣднія страны на сѣверозападѣ и самая западная часть нынѣшней Россіи по варяго-греческому пути, допускали ли сильное торговое движеніе и существованіе большихъ и богатыхъ вслѣдствіе его городовъ? Но и относительно позднѣйшаго времени, при благоприятныхъ для развитія торговли и городовъ условіяхъ, мы должны очень осторожно употреблять выраженіе: „сильная торговля, богатые города“, ибо никакихъ статистическихъ данныхъ мы не имѣемъ, никакого опредѣленія сдѣлать не можемъ, а между тѣмъ, употребляя выраженіе: сильная торговля, богатые города, мы руководствуемся своими настоящими понятіями, которые изъ XIX вѣка необходимо переносимъ въ XII-й, не имѣя возможности образы XII вѣка перенести къ себѣ въ XIX вѣкъ. Торговлю

можно найти всюду; нѣтъ такой дикой страны, такого свирѣпаго народа, куда бы кунецъ не проложилъ себѣ пути чрезъ тысячу препятствій, лишь бы только выгодно продать и купить; но пребываніе иностраннаго купца среди народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, вынѣтъ у нихъ естественныхъ произведеній ихъ страны, цѣнимыхъ дорого въ другихъ странахъ, гдѣ ихъ нѣтъ, вынѣтъ ихъ на ничтожныя по цѣнѣ произведенія промышленности, на правящіяся первобытному человѣку; такое пребываніе купца, даже довольно частое, такая торговля не производятъ никакого вліянія на бытъ народовъ, или вліяніе ничтожное, а между тѣмъ имѣемъ полное право говорить, что чрезъ такіа-то страны и народы идетъ торговый путь.

Существованіе большихъ городовъ находится въ тѣсной связи съ густымъ, сплоченнымъ народонаселеніемъ; но можно ли такое предположить на восточной европейской равнинѣ въ половинѣ IX вѣка? Главное неудобство, которое испытываетъ Россія въ своемъ историческомъ развитіи отъ начала ея до нашего времени, состоитъ въ слишкомъ малочисленномъ народонаселеніи, разбросанномъ на слишкомъ обширныхъ пространствахъ, въ противоположность съ западною Европой, страдающею слишкомъ большимъ количествомъ народонаселенія на относительно малыхъ пространствахъ. Но если и теперь у насъ народонаселеніе не велико, то что же было 1000 лѣтъ назадъ? Явленія объясняются, во-первыхъ, относительною суровостію климата; во-вторыхъ, положеніемъ страны на восточномъ краю Европы, которая съ сѣвера, запада и юга граничитъ съ моремъ, а на востокъ имѣетъ сухопутную границу, границу съ Азією, степною Азією, изъ которой двигались на западъ хищныя кочевныя орды, которыя или истребляли встрѣчное народонаселеніе или брали его въ плѣнъ; въ третьихъ, характеромъ страны, именно въ той ея части, которая при борьбѣ съ кочевниками представляла удобство для осѣдлаго человѣка: это была страна, наполненная лѣсами и болотами; такую она была въ XVI и XVII вѣкахъ; какова же она была въ IX вѣкѣ? Что лѣсъ господствовалъ въ странѣ, населенной восточными славянскими племенами, свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, который говоритъ о нихъ: „живяху въ лѣсѣхъ“. У полянъ, которые, какъ видно, получили названіе свое не отъ своихъ обрабатываемыхъ полей, а отъ пограничности съ полемъ, степью, былъ городокъ, знаменитый Кіевъ, и около этого городка былъ „лѣсъ и боръ великій“. Если славяне и занимались земле-

дѣліемъ, то лѣсное звѣроловство, добыча пушного звѣря имѣла важное значеніе: „бяху ловяще звѣръ“. Мѣхами платили дань, мѣха составляли главный предметъ торговли, мѣхами князья дарятъ другихъ владѣтельныхъ лицъ. Какой видъ и значеніе имѣла въ послѣдствіи, во времена московскаго государства, сѣверная часть европейской Россіи и Сибирь, такой видъ и значеніе имѣли въ IX и непосредственно слѣдовавшіе вѣка внутреннія и юго-западныя области европейской Россіи, противопологаясь, какъ лѣсная сторона южной и юго-восточной частямъ, степи, полю. Но такое обиліе лѣса, обширное звѣроловство необходимо предполагаютъ пустынную страну, рѣдкое населеніе. Обширность страны и рѣдкость населенія вмѣстѣ съ украинностію страны условливаютъ характеристическія явленія русской исторіи, русской народной жизни во все ея продолженіе. Они условливаютъ продолжительность періода движенія, періодъ волнующагося, жидкаго состоянія, когда ничего твердаго, прочнаго не могло образоваться, когда правительственное начало кружило по неизмѣримымъ пространствамъ, связывая извѣстными общими интересами, общими дѣйствіями разбѣянные племена и области; когда дешовая и пустая земля не могла привязать къ себѣ человѣка могущественными узами недвижимой собственности и создать прочную систему отношеній, когда все было похоже на *перекати-поле*. Необходимое слѣдствіе — слабость развитія органовъ народнаго тѣла и чрезвычайное усиленіе, чрезмѣрное напряженіе правительственнаго органа для вѣшной централизаціи народныхъ силъ и направленія ихъ къ общей дѣятельности, при недостаткѣ централизаціи внутренней, которая основывается на сплоченности народонаселенія и уничтожается его разбросанностію на обширныхъ пространствахъ, какія бы ни были формы жизни особинныхъ его частицъ, ибо человѣкъ животное общественное и всегда создаетъ себѣ извѣстныя формы общественной жизни, въ главныхъ чертахъ одинаковыя у разныхъ народовъ, повидимому очень далеко отстоящихъ другъ отъ друга. Путешественники по дикой Африкѣ говорятъ, что среди первобытнаго чернаго народонаселенія обыкновенно встрѣчали зданія, отличающіяся отъ другихъ своею обширностію: то были мѣста сходокъ или народныхъ совѣщаній.

Обширность страны, безпрепятственность движенія, просторъ неодолимою силою тянулъ народонаселеніе, и безъ того рѣдкое и разбросанное, къ дальнѣйшему разброду. При первомъ препят-

ствіи, которое можно было уничтожить соединенными силами, не трудности, невозможности этого соединенія, избирали уходъ, средство легкое при простотѣ быта, которая, въ свою очередь, условливается движеніемъ, привычкою къ уходу для избѣжанія всякаго препятствія. Но и безъ препятствій, безъ давленія, самый просторъ, легкость движенія приглашали къ переходу и все большей и большей разбросанности, большому разрѣженію народонаселенія. Врожденное человѣку желаніе лучшаго и недовольство настоящимъ влечетъ къ перемѣнѣ мѣста, когда нѣтъ удерживающихъ условій физическихъ и нравственныхъ, когда рѣзко ограниченная и запечатлѣнная опредѣленнымъ характеромъ мѣстность не образовала не только отдѣльной народности, въ которой тяжело человѣку, но даже сильнаго провинціализма, когда, куда ни пойдетъ человѣкъ, всюду найдетъ свое, по крайней мѣрѣ не найдетъ чужого, когда еще къ тому присоединялось сланиваніе землевладѣльцами, дававшими льготы новымъ поселенцамъ. Движеніе должно было усилиться, когда и послѣднія политическія грани между частями земли уничтожились, когда исчезли отдѣльныя княжества и земля собралась воедино. Такъ было бы крайне односторонне, на примѣръ, приписывать покинутіе новгородскими крестьянами своихъ прежнихъ жилищъ только тяжестью новаго порядка, послѣ присоединенія Новгорода къ Москвѣ; дѣло объясняется проще уничтоженіемъ послѣдней политической границы между Новгородскою и Низовою землею. Это движеніе, условленное просторомъ, обиліемъ земли, отнимало у нея значеніе, цѣнность, ослабляло стремленіе пріобрѣтать землю въ отдѣльную собственность; земля остается въ общемъ владѣніи и тамъ, гдѣ между совладѣльцами нѣтъ родовой связи, хотя родовой бытъ, разумѣется, долженъ былъ положить первыя основанія привычкѣ къ общему землевладѣнію. Когда казацкія общества явились на неизмѣримыхъ степныхъ пространствахъ, то понятно, что земля, которую они считали своею, и которой границъ сами не знали и не желали знать, должна была находиться у нихъ въ общемъ владѣніи, тѣмъ болѣе, что главными промыслами ихъ были рыболовство и звѣроловство.

Расходою, распылчивостію народонаселенія заняты были неизмѣримыя пространства въ Европѣ и Азіи, намѣчена небывалая по своей обширности государственная область; мы ниѣмъ право говорить, что Россія расширялась не завоеваніями, а колонизаціею, колонизаціею сухопутною, при которой занимались посте-

пенно прилежація страны, входившія естественно въ составъ одного государства, въ противоположность западно-европейской за-морской колонизаціи, заселенію земель, лежащихъ за океаномъ, и потому находящихся въ самой хрупкой связи съ метрополіею. Но выгоды отъ этой русской колонизаціи, занятія обширныхъ пространствъ въ будущемъ; а изъ свидѣтельствъ прошедшаго мы видимъ, что страна при такой колонизаціи не сбывала из-лишко народонаселенія, но истощалась уходомъ и безъ того небольшого народонаселенія; въ слѣдствіе этого оставшимся стано-вилось тяжело исполнять требованія государства, что, въ свою очередь, усиливало уходъ жителей, уменьшало средства народныя и государственныя, затрудняло необходимыя отправленія госу-дарства и производило замедленіе въ развитіи народной жизни.

По условіямъ природнымъ, движеніе славянской колонизаціи получило направленіе къ сѣверо-востоку вплоть до Восточнаго океана. На югѣ и юго-востокѣ, въ степи, въ полѣ, какими бы удобствами для осѣдлой жизни извѣстная мѣстность здѣсь ни отличалась, мирный земледѣлецъ не смѣлъ ими пользоваться: онъ немедленно становился добычею хищнаго кочевника; ему тяжело, а наконецъ и невыносимо стало жить и на окраинахъ поля вслѣд-ствіе безпрестанныхъ нападений кочевниковъ. Старая дѣпров-ская Русь, это европейско-христіанское государство на скиеской почвѣ, носитъ изначала характеръ военного поселенія, погранич-ной военной линіи: князья съ своими дружинами должны въ из-вѣстное время выходить въ степь, чтобъ провожать купцовъ, оберегать ихъ отъ кочевниковъ. Не смотря на такія средства для поддержанія торговли знаменитой матери городовъ русскихъ, Кіевъ утонулъ во время наводненія Руси кочевниками въ XIII вѣкѣ. Но не для одной торговли старая Русь должна была упо-треблять такія чрезвычайныя средства. Князья должны были весною отправляться въ степную походъ на кочевниковъ, чтобъ дать земледѣльцу спокойно вспахать поле: двѣ яркія черты быта Руси, какъ окраины, украинъ. Но черезъ шесть съ половиною вѣковъ, когда нѣя русское стало, по древнему выраженію, „честно и грозно“ въ Европѣ, во всемъ свѣтѣ, когда на дипломатиче-скія козни враговъ Россіи отвѣтила Кагуломъ и Чесмою, когда войска Екатерины II заняли Крымъ, послѣднее убѣжище степ-ныхъ хищниковъ на черноморскомъ побережьи, они вывели от-туда болѣе 10,000 русскихъ рабовъ!

ГОСУДАРСТВО

И

ПРАВО ВЪ ИСТОРИИ,

В. И. СЕРГЬЕВИЧА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I.

ИСТОРИЯ, ЕЯ ФАКТОРЫ И ЗАКОНЫ.

Исторія съ самыхъ древнихъ временъ привлекаетъ къ себѣ любознательность человѣка. Но взглядъ на ея задачи и приемы съ теченіемъ времени существенно измѣнился. Престой разсказъ о томъ, что было, въ которомъ дѣйствительность смѣшивалась съ созданіями суевѣрнаго воображенія, совершенно удовлетворялъ наивное стремленіе первобытнаго человѣка къ историческому знанію. Въ наше время отъ исторіи требуютъ раскрытія законовъ развитія человѣческихъ обществъ.

Задача эта столь сложная, рѣшеніе ея представляетъ такія трудности, попытки, совершенныя въ этомъ направленіи, такъ новы и незначительны, что предстоитъ еще многое сдѣлать, прежде чѣмъ мысль эта получитъ свое осуществленіе. Можно и теперь не рѣдко встрѣтить мнѣніе, что время для таковой исторіи еще не на-

стало, что трудъ историковъ долженъ ограничиваться собираніемъ и подготовительной обработкой сыраго матеріала.

Въ этомъ мнѣніи есть своя доля правды. Законченное зданіе исторіи можетъ быть построено только по обработкѣ всего сыраго матеріала. Но значить ли это, что всякая попытка понять смыслъ историческаго движенія должна быть оставлена до этого неопредѣленнаго будущаго?

Согласиться съ этимъ значитъ отказаться, и при томъ едва ли не навсегда, отъ всякаго пониманія исторіи. Всего необходимаго матеріала историкъ никогда не будутъ имѣть подъ руками: громадное количество его погибло безвозвратно и никогда не будетъ восстановлено. Уже поэтому одному историческое знаніе всегда будетъ только приблизительное.

А съ другой стороны, свойства ума человѣческаго таковы, что онъ не можетъ ограничиться однимъ собираніемъ матеріала. Онъ одаренъ неудержимымъ стремленіемъ проникнуть въ смыслъ историческаго движенія. Безъ этого стремленія не имѣетъ цѣли и самое собираніе памятниковъ и кропотливая ихъ обработка. Отнимите у человѣка способность понимать смыслъ историческаго движенія — и у него пропадетъ всякая охота къ труду.

Эти два направленія историческихъ работъ одинаково законны и необходимы: они пополняютъ другъ друга. Творецъ художественной исторіи государства російскаго былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшимъ труженикомъ по части первоначальной обработки сыраго матеріала. Кто совершилъ въ этомъ отношеніи большіе труды, чѣмъ онъ? Возможны ли и въ настоящее время какія либо историческія работы безъ справки съ его текстомъ и примѣчаніями? Многіе томы обширной „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, представляющей наиболѣе полную попытку подвести всѣ явленія нашей исторической жизни подъ одинъ стройный взглядъ, даютъ массу сыраго матеріала, впервые выносиваема авторомъ на свѣтъ Божій изъ глубины нашихъ архивовъ. И такъ было всегда. Стремленіе проникнуть въ смыслъ явленій не чуждо даже нашему первоначальному лѣтописцу. Одни событія объясняетъ онъ дѣйствіемъ дьявола, другія приписываетъ непосредственному проявленію промысла Божія. Что это, какъ не попытка выяснить смыслъ описываемыхъ имъ явленій, законы, ими управляющіе, характеръ которой легко объясняется состояніемъ просвѣщенія его времени?

Попытка понять смыслъ явленій можетъ быть несовершенна, но она никогда не преждевременна. Въ стремленіи къ смыслу явленій и

заключается та движущая сила, которая возбуждает историческія изысканія. Находясь въ тѣсной связи съ общимъ состояніемъ просвѣщенія даннаго времени пониманіе исторіи совершенствуется по мѣрѣ его успѣховъ. Люди нашего времени понимаютъ прошедшее лучше начальнаго лѣтописца, наши потомки будутъ понимать его лучше насъ.

Въ западной литературѣ пониманіе исторіи, какъ науки о законахъ развитія человѣческихъ обществъ, возникло еще въ прошломъ вѣкѣ ¹⁾. Первымъ провозвѣстникомъ его былъ Вико, за нимъ слѣдовалъ Гердеръ, опредѣлившій исторію какъ науку о законахъ прогресса. Такой взглядъ на исторію можно разсматривать теперь какъ твердо установившійся. Но этимъ далеко не завершилось движеніе, вызванное писателями XVIII вѣка. Историческая мысль, получившая новое направленіе, естественно ищетъ и новыхъ путей для достиженія новыхъ цѣлей. Это исканіе новаго, соединенное съ нѣкоторымъ недовольствомъ старымъ, не чуждо и нашей литературы. Оно довольно внятно слышится въ извѣстной рѣчи покойнаго Грановскаго, прочитанной имъ въ торжественномъ собраніи московскаго университета 12 января 1852 г. Господствующіе въ историческихъ трудахъ приемы наши крайне рѣзкаго порицателя въ Боклѣ, въ его „Исторіи англійской цивилизаціи“, пользующейся такимъ успѣхомъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ нашихъ читателей. Далеко не все, порожденное этимъ новѣйшимъ движеніемъ, представляетъ прочное приобрѣтеніе исторической науки; но, при всей его крайности, а иногда и прямой несправедливости къ предшествовавшимъ трудамъ, въ немъ нельзя не видѣть знаменія времени, свидѣтельствующаго о сильномъ возбужденіи исторической мысли, ищущей новыхъ путей, новыхъ способовъ историческаго вѣдѣнія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ приобрѣтеній новаго направленія науки, идущаго отъ Вико и Гердера, надо считать мысль о единообразіи хода историческихъ явленій. Эта мысль перенесена въ область исторіи изъ естественныхъ наукъ. Натуралистамъ удалось открыть единообразіе и правильность тамъ, гдѣ никто этого прежде не подозрѣвалъ. Это, естественно, навело на мысль, что и человѣческій міръ не представляетъ исключенія изъ этой міровой законности, что и онъ управляется законами, а не есть результатъ одной случайности. Эта мысль не осталась въ области одного пред-

¹⁾ Прекрасный обзоръ философскихъ воззрѣній на исторію можно найти у Флинта, *The philosophy of history in france and germany* by Robert Flint, 1874.

положенія. Внимательный обзор добытаго уже историками матеріала привелъ къ убѣжденію, что дѣйствительно въ ходѣ человѣческой исторіи есть своего рода единообразіе и, слѣдовательно, должны быть законы, имъ управляющіе.

Самое это единообразіе далеко еще не раскрыто и законы, имъ управляющіе, не выяснены. Но сдѣланныхъ наблюдений довольно, чтобы признать въ принципѣ закономерность историческаго развитія и въ эту сторону направить историческія изысканія.

Давно уже обращено вниманіе на тотъ фактъ, что явленія общественной жизни каждаго народа, наблюдаемыя въ данное время, не представляютъ разрозненную, хаотическую массу, не имѣющую въ своихъ частяхъ никакой связи. Было подмѣчено, что эти явленія неизбѣжно вліяютъ одно на другое, вслѣдствіе чего, видоизмѣняясь сообразно испытываемому ими вліянію, получаютъ окраску, соответствующую состоянію всей совокупности явленій. Зная признаки одного ряда явленій, историкъ можетъ уже догадываться, какія черты онъ встрѣтитъ и въ другихъ, съ нимъ сосуществующихъ. Состояніе права, напримѣръ, опредѣляется экономическими условіями народа, его умственнымъ развитіемъ, религіозными и нравственными убѣжденіями и т. д., и наоборотъ, существующія учрежденія вліяютъ на экономическій бытъ народа, ходъ его просвѣщенія и т. д. ¹⁾ Измѣненіе въ одномъ рядѣ явленій непременно вызоветъ соответствующія измѣненія и въ другихъ рядахъ. Если бы, съ цѣлью измѣненія даннаго общественнаго быта, что либо было даже заимствовано изъ внѣ, это заимствование никогда не проявится въ немъ совершенно въ томъ видѣ, какой заимствованное учрежденіе имѣло на своей родинѣ, а непременно само видоизмѣнится соответственно условіямъ новой среды. Съ конца прошлаго вѣка представительныя учрежденія Англіи распространились по всему образованному міру. Не смотря на то, что англійскій источникъ ихъ не подлежитъ сомнѣнію, мы ни въ одномъ изъ современныхъ конституціонныхъ государствъ не встрѣтимъ точнаго воспроизведенія англійскихъ учреждений. Перенесенныя на новую почву, они необходимо должны были измѣниться, сообразно условіямъ быта. Только общая идея ихъ можетъ быть вез-

¹⁾ Многіе дикари не имѣютъ словъ для выраженія родовыхъ понятій. Въ языкѣ чоктаусовъ есть названіе чернаго, бѣлаго и краснаго дуба, но нѣтъ названія для обозначенія дуба вообще, а тѣмъ менѣе дерева. Бушмены и бразильскіе лѣсные индійцы не умѣютъ считать далѣе двухъ (Леббокъ, начало цивилизаціи, рус. пер., подъ ред. Д. А. Корочевскаго, стр. 318 сл.). При такомъ низкомъ состояніи умственнаго развитія напрасно будемъ искать у этихъ дикарей сколько нибудь опредѣленныхъ юридическихъ понятій.

дѣ узнана, способъ же ея осуществленія и даже дѣйствіе представительныхъ учреждений — вездѣ своеобразны. Это-то своеобразіе явленій каждаго общественнаго быта и разумѣютъ, когда говорятъ о солидарности сосуществующихъ явленій, о ихъ гармоніи.

Съ этой точки зрѣнія, каждый общественный бытъ представляется какъ бы живымъ организмомъ, который уподобляетъ себѣ всякое новое явленіе, входящее въ сферу дѣйствія его силъ, или, наоборотъ, разстроивается имъ и начинаетъ болѣть, если оказывается невозможнымъ произвести это уподобленіе.

При условіи этой неизбѣжной солидарности явленій, дѣятельность отдѣльнаго человѣка, проявленіе его личной воли въ сферѣ общественной жизни представляется ограниченной. Если законодатель и можетъ желать внести что нибудь новое въ окружающую его среду, не условливаясь именно ею, а исходя изъ чуждыхъ ей образцовъ, все же результатъ этой его дѣятельности будетъ внѣ его личной воли. Этотъ результатъ напередъ уже условленъ свойствами среды. Самый могущественный законодатель не можетъ установить порядка, для котораго нѣтъ благоприятныхъ условій въ окружающей средѣ. Петровскій законъ о единонаслѣдіи, и всѣ усилія этого государя развиты у насъ торговый флотъ, наполнившія русскую землю висѣлицами и каторжниками, достаточный тому примѣръ. Многочисленныя мѣры, направленные къ достиженію той и другой цѣли, породили много болѣзненныхъ явленій въ нашемъ общественномъ быту, но не привели ни къ какому положительному результату въ желаемомъ для законодателя смыслѣ.

Въ силу этой солидарности явленій, будущее представляется не случайнымъ, оно не порождается прихотливой волей законодателя, а опредѣляется предшествующимъ состояніемъ. Исторія, съ этой точки зрѣнія, таже нива: она производитъ только то, что своевременно посеяно, и только въ томъ случаѣ, если были на лицѣ условія, необходимы для возвращенія брошеннаго сѣмени. Настоящее всегда является результатомъ прошедшаго и причиной будущаго. Въ этомъ смыслѣ еще Лейбницъ сказалъ: настоящее чреватое будущимъ.

Каждый народъ, такимъ образомъ, переживаетъ какія-то состоянія, которыя и должны быть раскрыты исторіей. Переходъ изъ одного состоянія въ другое, независитъ отъ свободной воли законодателя, не дѣлается моментально по его предписанію. Старое, нерѣдко, живетъ наперекоръ всѣмъ усиліямъ законодателя. Яркій примѣръ этому даетъ попытка Екатерины II смягчить суровость старой системы наказаній, оставшаяся бесплодной не смотря на всю власть, которой

она пользовалась, и на искренность гуманных мыслей, высказанных ею въ Наказѣ. Разъ сложившійся порядокъ обладаетъ большою живучестью. Новое нерѣдко проявляется только подъ формами стараго. Нужна большая доля вниманія и проницательности, чтобы распознать эти первые зародыши новой жизни ¹⁾. Частныя измѣненія происходятъ постоянно, но полное перерожденіе явленій изъ одного состоянія въ другое всегда совершается крайне медленно, въ теченіи цѣлыхъ столѣтій.

Если мы расширимъ область нашихъ наблюденій и сравнимъ разныя состоянія, пережитыя однимъ народомъ, съ состояніями, которыя пережилъ другой, то, при всемъ различіи въ частностяхъ, мы усмотримъ и сходное въ общемъ ходѣ движенія.

Ограничимся нѣсколькими примѣрами. На первыхъ ступеняхъ развитія мы вездѣ встрѣчаемся съ преобладаніемъ частныхъ началъ надъ общими, государственными. Признаніе самостоятельныхъ интересовъ цѣлаго, представляемыхъ государствомъ, не первоначальное явленіе, оно вездѣ есть результатъ болѣе или менѣе долгой исторической жизни. Въ гражданской сферѣ это преобладаніе частнаго проявляется въ крайнемъ развитіи отеческой и супружеской власти; въ уголовной — въ частномъ характерѣ понятій о преступленіи и наказаніи, въ судѣ — самоуправствомъ. Местъ, древнѣйшая форма наказанія, только съ теченіемъ времени вытѣсняется выкупомъ, который первоначально, какъ замѣна мести, весь идетъ пострадавшимъ. По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія государства, часть выкупа берется уже представителями общественной власти. Съ новыми успѣхами государства наказанія съ частнымъ характеромъ вездѣ замѣняются крайне жестокой системой публичныхъ наказаній, которая лишь въ послѣднее время начинаетъ смягчаться, благодаря успѣхамъ цивилизаціи и общему смягченію нравовъ. Тѣ же причины вызвали и смягченіе первоначально варварской отеческой власти. Развитіе идеи государства вездѣ идетъ рука объ руку съ ограниченіемъ личнаго произвола.

Это сходство перемѣнъ, наблюдаемыхъ въ исторіи разныхъ народовъ, не стоявшихъ ни въ какой непосредственной связи между собой, еще болѣе убѣждаетъ въ мысли, что состоянія, переживаемыя разными народами, и ихъ послѣдовательность не случайны, что они возникаютъ въ силу какой-то необходимости, въ силу дѣйствія ка-

¹⁾ Любопытный примѣръ зарожденія новаго порядка вещей подъ формами стараго даетъ Maine, *Ancient law*, стр. 128 сл.

ких-то общих причинъ. Современная наука все болѣе и болѣе признаетъ, что явленія исторической жизни народовъ слагаются изъ взаимодействія природы человѣка и внѣшнихъ явленій окружающей его среды ¹⁾. Такъ какъ первый факторъ вездѣ единъ, то въ немъ и должна заключаться причина замѣчаемой общности этихъ явленій, ихъ единообразія. Мысль о томъ, что совершившееся, при данныхъ условіяхъ, необходимо должно было совершиться, можно встрѣтить въ трудахъ всѣхъ представителей современной исторической науки.

Указаннымъ фактомъ солидарности и послѣдовательности явленій опредѣляется и самая задача исторіи. Она состоитъ въ раскрытіи тѣхъ послѣдовательныхъ стадій, которыя проходилъ извѣстный народъ, и возсозданіи гармоніи явленій въ предѣлахъ каждой стадіи.

Установившійся въ наукѣ взглядъ на произвольность историческаго развитія наталкивается, однако, на значительныя трудности. Если необходимо допустить существованіе законовъ, управляющихъ человѣческимъ развитіемъ, причѣмъ же останется тогда свободная воля человѣка?

И въ жизни, и въ наукѣ извѣстнаго направленія воля человѣка признается свободной. Эта свобода мыслится не рѣдко безусловной: акты воли и по содержанію ихъ и по возникновенію представляются самосущими, т. е. не обусловленными никакими предшествующими. Въ этой предполагаемой способности человѣка съ безусловной свободой опредѣлять свои дѣйствія видятъ нерѣдко существенный признакъ его высшей природы, условіе его человѣческаго достоинства.

Такая безусловная свобода воли человѣческой и бытіе законовъ, которыми несомнѣнно управляется ходъ исторіи, представляетъ неразрѣшимое противорѣчіе. Или нѣтъ законовъ, и всякое исканіе ихъ въ исторіи человѣческихъ обществъ есть дѣло праздное, или они дѣйствительно существуютъ, но тогда человѣкъ долженъ отказаться отъ притязанія на дѣятельность внѣ общаго закона достаточной причины.

Признанное уже нами бытіе законовъ склоняетъ насъ въ сторону

¹⁾ Это положеніе высказано еще Контомъ въ его *Cours de philosophie positive*, затѣмъ повторено Милемъ въ его *Логикѣ*. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Бокль. Дройзенъ, въ своей полемикѣ съ послѣднимъ авторомъ, оказалъ слишкомъ мало вниманія этому положенію, которое онъ не справедливо считаетъ за особенность Бокля. *Grundriss der Historik, Beilagen*, 1875.

послѣдняго мѣнѣя. ¹⁾ Воля человѣка не безусловна, она опредѣляется своими предшествующими.

Но если воля опредѣляется своими предшествующими, если чувство любви и ненависти, голода и жажды и другихъ ощущеній и страстей направляетъ руку человѣка, то въ чемъ же состоитъ его свобода, сознание о которой такъ ему присуще? Самая мысль о томъ, что ощущенія и страсти опредѣляютъ дѣятельность человѣка, не должна ли подавляющимъ образомъ дѣйствовать на его духъ? Не должна ли она повести его въ пассивному подчиненію тѣмъ независимымъ отъ него силамъ, которыя находятся въ немъ и внѣ его, — къ фатализму? Фатализмъ былъ бы, дѣйствительно, единственнымъ исходомъ изъ этого положенія дѣла, если бы человѣкъ не былъ одаренъ разумомъ, который ставитъ его въ возможность взвѣшивать значеніе разнообразныхъ предшествующихъ, вліяющихъ на его волю, и давать перевѣсъ тому изъ нихъ, которое, при данныхъ условіяхъ, признаетъ онъ наиболѣе умѣстнымъ ²⁾. Разумъ человѣка, его сознание о долженствующемъ быть является, такимъ образомъ, однимъ изъ предшествующихъ, опредѣляющихъ нашу волю. Въ возможности приспособлять свои дѣйствія къ требованіямъ приличій, полезности, права, нравственности и религіи, или намѣренно дѣйствовать наперекоръ имъ, и заключается то, что можетъ называться человѣческой свободой.

Но и этой свободой далеко не въ одинаковой мѣрѣ пользуется каждый человѣкъ. Она есть преимущество извѣстнаго умственнаго развитія, она также условливается своими предшествующими ³⁾. Люди

¹⁾ «Нашъ темпераментъ, настроеніе духа, живость фантазій, таланты — все это зависить въ значительной мѣрѣ отъ нашего тѣлосложенія и его чертъ: многое изъ всего этого, перехода къ намъ въ качествѣ наследственной склонности, есть только результатъ такого процесса природы, который задолго до нашего существованія, невозвратно опредѣлилъ уже извѣстныя черты предстоящей нашей жизни». Лотце, Микрокосмъ, пер. Е. О. Корна, I, 318. Краткій, но живо и ясно написанный очеркъ разнообразныхъ возрѣвій по этому крайне спорному вопросу можно найти у Vacherot, La science et la conscience, 1870.

²⁾ «Только тамъ убѣждены мы, что имѣемъ дѣло съ настоящимъ актомъ воли, гдѣ ясно сознаются влекущія къ поступку побужденія, а рѣшеніе насчетъ того, слѣдовать имъ или нѣтъ, подлечь дальнѣйшему розыску и предоставляется не собственной силѣ влекущихъ побужденій, но опредѣленію свободного выбора независимаго отъ нихъ духа. Въ такой близкой связи оказывается понятіе свободы съ понятіемъ воли; ибо только въ этомъ рѣшеніи насчетъ данной наличности фактовъ состоитъ истинная дѣятельность воли человѣческой. Напротивъ, всякое возможное содержаніе воли всегда слагается произвольнымъ ходомъ представленій и чувствованій... Лотце, I, 322.

³⁾ «C'est un fait d'expérience intime que les volontés les plus libres sont les volontés les plus intelligentes et les plus réfléchies. En sorte que le développement de la liberté est en raison directe du développement de la raison et que l'état de sagesse est le plus haut degré où puisse atteindre notre libre volonté». Vacherot, 42.

недостаточнаго развитія дѣйствуютъ, обыкновенно, подѣ влияніемъ первыхъ побужденій, не останавливаясь надъ взвѣшиваніемъ разныхъ возможныхъ мотивовъ и выборомъ наиболѣе умѣстныхъ. Но и люди, развѣсившіеся до свободы, являются дѣйствительно свободными далеко не въ каждомъ своемъ дѣйствіи. Множество дѣяній ежедневной жизни совершаютъ они путемъ привычки, ни мало не задумываясь, какъ и что сдѣлать, какъ и что сказать ¹⁾.

Переходя отъ узкой сферы дѣятельности отдѣльнаго человѣка на болѣе широкое поприще исторіи права, надо замѣтить, что чѣмъ древнѣе время, тѣмъ свойственныя ему учрежденія наиболѣе характеризуются признакомъ несвободы. Они существуютъ не потому, чтобы сознательно считались наиболѣе соответствующими даннымъ условіямъ и въ этомъ соображеніи были установлены. Правда, они всегда возникаютъ изъ данныхъ условій, но безъ всякаго участія въ этомъ сознательнаго выбора. Сознательный выборъ, на основаніи взвѣсиванія потребностей общественной жизни и свойствъ человѣка, знакомства съ учреждениями другихъ странъ, сравненія ихъ и предпочтенія наиболѣе соответствующихъ даннымъ условіямъ, — все это есть уже дѣло позднѣйшаго времени.

Какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ дѣлается свободнымъ только при условіи извѣстнаго развитія. Свобода возникаетъ въ исторіи, она сама плодъ историческаго развитія человѣка и, въ свою очередь, становится факторомъ его дальнѣйшихъ успѣховъ.

Мы не призваны къ обоснованію этой свободы съ точки зрѣнія психологіи. Мы признаемъ ее не по психологическимъ ея основамъ, а по послѣдствіямъ, проявляющимся въ исторической жизни народовъ. Съ исторической точки зрѣнія, признаніе такой свободы необходимо. Непризнаніе человѣческой воли однимъ изъ факторовъ исторіи съ необходимостью ведетъ къ допущенію фатализма. Если человѣкъ ничего не можетъ внести въ ходъ исторіи, ему надо отказаться отъ всякой борьбы, отъ всякой попытки влияния на окружающую его среду и страдательно отдаться всякому данному теченію

¹⁾ «Мы, конечно, слишкомъ щедро расточаемъ названіе воли и обозначаемъ имъ многіе такіе случаи, къ которымъ душа относится лишь какъ наблюдающее сознаніе, а не какъ дѣятельное существо.... Совсѣмъ безвольно и съ механическою послѣдовательностью само чувство и соединенныя съ нимъ представленія мгновенно возбуждаютъ зачатки тѣлеснаго движенія, и то, что мы зовемъ тутъ побужденіемъ, совсѣмъ не воля, направляющая наше тѣло, по сознательное ощущеніе страдательнаго состоянія и невольна возникающихъ въ немъ движеній, чѣмъ и другія стороны нашего сознанія вызываются къ соответственной тому дѣятельности». Лотце, I, 320, сл.

дѣль. Бываетъ и такъ. Есть народы, воля которыхъ подавлена идеями фатализма. Но они и не были творцами той цивилизаціи, которую по справедливости можетъ гордиться современный міръ. Признаніе въ принципѣ безнадежности всѣхъ личныхъ усилій человѣка подорвало бы въ корнѣ дальнѣйшее развитіе нашей цивилизаціи. Одно изъ существенныхъ условій ея поступательнаго движенія именно коренится въ убѣжденіи, что каждый отдѣльный человѣкъ можетъ ввести свою долю личнаго труда въ прогрессивное движеніе человечества, съ надеждой, что посѣянное имъ зерно не пропадетъ безслѣдно. Нѣтъ достаточнаго основанія утверждать, что народы, коснѣющіе теперь подъ гнетомъ идей фатализма, навсегда обречены этому коснѣнію. Распространеніе другаго рода идей, конечно, должно вывести ихъ изъ этого состоянія.

Бытіе свободы человѣка, въ смыслѣ сознательнаго выбора и сознательнаго приспособленія или противодѣйствія условіямъ окружающей среды, представляется намъ такимъ же положительнымъ фактомъ, какъ и бытіе необходимости. Многія явленія исторіи иначе и не могутъ быть объяснены, какъ предположеніемъ такого выбора. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ.

Сперанскій, въ первый періодъ своей дѣятельности, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ идей, былъ занятъ мыслями о внесеніи въ систему нашего государственнаго быта началъ твердой законности и объ ограниченіи въ немъ произвола. На той же точкѣ зрѣнія и благодаря тѣмъ же вліяніямъ стоялъ и императоръ Александръ. Съ соизволенія императора, Сперанскій выработалъ планъ всеобщаго государственнаго преобразованія, въ которомъ предполагалось ввести въ Россію начала представительной монархіи. Коренными законами въ этомъ планѣ называлась та часть законодательства, въ которой шла рѣчь о правахъ императора и о допущеніи представителей русской земли къ участию въ судѣ, управленіи и законодательствѣ. Увлеченіе Сперанскаго французскими идеями шло такъ далеко, что въ составленномъ имъ сводѣ гражданскаго права онъ далъ собственно переводъ наполеонова кодекса, хотя и снабдилъ его указаніями на отечественные источники. Во второй періодъ, который отдѣляется отъ перваго ссылкой Сперанскаго, дѣятельность его ограничивается, согласно съ мыслями императора Николая, систематизаціей стараго русскаго права. Основные законы составленнаго подъ его редакціей свода говорятъ исключительно о правахъ самодержавной императорской власти и царствующаго дома. Какъ объяснить эту перемену? Значитъ ли она, что Сперанскій разубѣдился

въ справедливости своихъ прежнихъ стремленій и дѣйствовалъ во вторую эпоху своей жизни подъ вліяніемъ новыхъ политическихъ убѣжденій, силѣ которыхъ также не могъ противостоять, какъ прежде не могъ преодолѣть своего увлеченія французскими идеями? Что во второмъ періодѣ, какъ и въ первомъ, онъ былъ произвольнымъ орудіемъ господствовавшихъ въ умѣ его политическихъ идей? О внутреннихъ побужденіяхъ человѣка судить чрезвычайно трудно. Мы позволимъ себѣ, однако, усомниться въ вѣрности сдѣланнаго предположенія. Зная свойства Сперанскаго, происшедшую въ немъ перемену надо объяснять только тѣмъ, что онъ усомнился въ возможности провести свои первоначальныя воззрѣнія, а потому и далъ другое направленіе своей дѣятельности. Это и есть актъ возможной для человѣка свободы, чѣмъ онъ существенно отличается отъ мухи, бесплодно бьющейся о стекло въ оконной рамѣ: никакой опытъ не можетъ привести ее къ сознанію невозможности пролетѣть сквозь это стекло. Сперанскій сталъ дѣлать то, что при данныхъ условіяхъ находилъ возможнымъ. Могутъ сказать, что онъ былъ, въ такомъ случаѣ, непослѣдователенъ и дѣйствовалъ противъ лучшихъ своихъ убѣжденій. Отъ упрека въ непослѣдовательности едва ли можно защитить его. Но эта-то возможность дѣйствовать даже непослѣдовательно, когда непослѣдовательность является результатомъ сознательнаго выбора, и есть одно изъ проявленій человѣческой свободы. При высокомъ умѣ и столь же высокомъ государственномъ смыслѣ Сперанскаго въ немъ никакъ нельзя допустить отсутствія сознательнаго отношенія къ дѣлу такой важности.

Слабости и пороки человѣка, точно также какъ и его добродѣтели, наводятъ на мысль о возможности сознательнаго выбора. Признаніе законовъ историческаго развитія оставляетъ требованія нравственности въ полной ихъ неприкосновенности и силѣ. Если бы нравственная жизнь человѣка сводилась къ произвольной борьбѣ мотивовъ и побѣдѣ всегда сильнѣйшаго, человѣкъ едва ли бы испытывалъ состояніе тяжелаго сомнѣнія и мучительной нерѣшимости. И то и другое намъ понятно только при предположеніи выбора; независящая же отъ воли человѣка побѣда всегда сильнѣйшаго побужденія едва ли способна объяснить возможность этихъ тяжелыхъ нравственныхъ состояній. Сталкивающіеся мотивы не всегда бываютъ на столько несоизмѣримы по своей относительной силѣ, чтобы одни изъ нихъ безусловно вытѣсняли другіе имъ противоположныя. Масса побужденій имѣетъ только относительное значеніе. Чѣмъ выше умственное

развитіе человѣка, тѣмъ лучше видитъ онъ эту относительность и тѣмъ труднѣе для него выборъ. Вотъ почему нерѣшительность такъ часто идетъ рука объ руку съ умственной дальнзоркостью и, наоборотъ, такъ называемые цѣльные характеры нерѣдко проявляютъ энергическую дѣятельность только потому, что подчиняются безоглядки силѣ перваго побужденія. Они менѣе способны къ свободѣ, чѣмъ первые.

Но допущеніе и такой условной свободы не заключаетъ ли въ себѣ противорѣчія съ признаніемъ общихъ законовъ? Если въ исторіи совершается то, что необходимо должно было совершиться, какой же возможенъ тутъ выборъ?

Стремленія личной воли могутъ или совпадать съ общимъ ходомъ исторіи, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ человѣкъ, проводя свою личную волю, является вмѣстѣ съ тѣмъ и орудіемъ необходимости. Таковы всѣ великіе историческіе люди положительной стороны своей дѣятельности. Они были выразителями потребностей своего народа и времени и своею личной дѣятельностью только способствовали совершенію того, что носилось уже въ воздухѣ и рано или поздно должно было совершиться. Только наша удаленность отъ времени ихъ жизни и незнаніе всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ нитей, которыми они были связаны съ окружающею ихъ дѣйствительностью, заставляетъ иногда приписывать имъ исключительно то, что явилось плодомъ свободного совпаденія ихъ личныхъ усилій съ духомъ времени.

Во второмъ случаѣ, личная дѣятельность, идя наперекоръ движенію исторіи, должна, конечно, оказывать ему помѣху. Эта помѣха будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше силы и вліянія сосредоточено въ рукахъ дѣйствующаго. Въ этомъ отношеніи особенно важна роль правительственныхъ органовъ. Пользуясь громадною силою, значительно еще увеличиваемою тѣмъ довѣріемъ, которое почти всегда питаютъ люди массы къ силѣ и ея воплощенію въ органахъ власти, правительство можетъ оказывать чрезвычайно могучее дѣйствіе, какъ задерживающее развитіе, такъ и способствующее ему. Но такъ какъ законы историческаго развитія условливаются природою и свойствами человѣка вообще, а не тѣми исключительными особенностями, которыми могутъ отличаться свойства извѣстнаго отдѣльнаго лица, какою бы онъ ни обладалъ силою, то и въ этомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, совершится то, что должно было совершиться.

Среда, въ которой приходится дѣйствовать историческому лицу,

до крайности разнообразна. Она всегда представляет единовременное существование самых различных течений, не рѣдко одно другое исключаютъ. Весь ходъ исторіи слагается путемъ продолжительной и упорной борьбы разнообразно сталкивающихся интересовъ. Въ этой борьбѣ участію личной воли представляется широкое поприще. Хотя она и не можетъ создать ничего такого, что не условливалось бы свойствами человѣка и, слѣдовательно, не было бы уже дано съ его природой, тѣмъ не менѣе, выбирая извѣстное направленіе, покровительствуя одному, подавляя другое, она можетъ на долгое время дать такое направленіе ходу исторіи, которое и по характеру своему и по продолжительности будетъ зависетьъ отъ ея выбора.

При всей ограниченности, роль, выпадающая на долю человѣка, весьма значительна. Въ исторіи, гдѣ все временно, время имѣетъ великое значеніе, а слѣдовательно и личная воля, могущая то задерживать, то ускорять ея движеніе. Человѣкъ, такимъ образомъ, не обреченъ сидѣть сложа руки и ждать, когда судьбы исторіи совершатся. Онъ призванъ быть дѣятельнымъ участникомъ ихъ совершенія. Въ этомъ смыслѣ говорятъ: каждый народъ заслуживаетъ то правительство, которое онъ имѣетъ.

Возможность вліянія личной воли на ходъ историческаго движенія должна предостеречь историка отъ поклоненія предъ каждымъ совершившимся фактомъ. Крайне тяжелое впечатлѣніе производятъ на читателя историческіе труды, въ которыхъ все совершившееся представляется не только необходимымъ, но сколько оно было вызвано достаточными причинами, но и вызываетъ еще любовь историка и оправдывается имъ какъ желательное и долженствующее быть. Если крыша течетъ, на это есть, конечно, достаточная причина, при существованіи которой она необходимо должна течь, но тутъ еще не чему радоваться, и тотъ, кто не починилъ дырявой доски, заслуживаетъ осужденія. Исторія не есть только необходимость и несвобода, она представляетъ своеобразное соединеніе несвободы (въ смыслѣ бытія общихъ законовъ, управляющихъ ея ходомъ) съ личной человѣческой свободой, а потому сужденіе о дѣятеляхъ историческихъ, съ точки зрѣнія отношенія ихъ къ успѣхамъ человѣческаго развитія, столько же обязанность историка, какъ и раскрытіе законовъ этого развитія ¹⁾.

¹⁾ Призваніе свободной воли человѣка, весьма, впрочемъ, разнообразно понимаемой, историческимъ факторомъ наряду съ необходимостью встрѣчается у многихъ историковъ. Оно есть уже у Гердера. Литература этого вопроса ука-

Наука предстоить еще многое сдѣлать для разъясненія тѣхъ извилистыхъ путей, которыми идетъ человѣческое развитіе, но изысканія ея будутъ сами на ложной дорогѣ, если она не признаетъ личной воли историческимъ факторомъ и всѣ явленія исторіи будетъ выводить изъ однихъ только внѣшнихъ условій страны, ея климата, свойствъ пищи человѣка и т. д.

Сторонники полной произвольности хода человѣческихъ дѣлъ думаютъ видѣть поддержку своему мнѣнію въ наблюденіяхъ статистики. Правильно, изъ году въ годъ, повторяющіяся цифры такихъ дѣйствій какъ браки, убійства, самоубійства, при чемъ даже орудія, которыми совершаются убійства и самоубійства, повторяются въ довольно однообразныхъ пропорціяхъ, приводятъ ихъ къ мысли, что и эти дѣйствія, повидимому наиболѣе свободныя, произвольны, и что человѣкъ даже въ самыхъ интимныхъ сферахъ своей жизни является только слѣпымъ орудіемъ нѣкоторыхъ общихъ законовъ, направляющихъ его руку. Уже нѣкоторыя выраженія Кетле, которому статистика такъ много обязана своими успѣхами, могли навести на этотъ выводъ. „Есть бюджетъ, говоритъ онъ, который выплачивается съ ужасающей правильностью, это бюджетъ тюремъ, каторги и эшафота... Общество содержитъ въ себѣ сѣмена всѣхъ имѣющихъ совершиться преступленій... Оно, въ нѣкоторомъ родѣ, приготовляетъ преступленія, а виновный есть только орудіе, которое ихъ исполняетъ“. Но не таково настоящее воззрѣніе этого автора и дѣйствительное положеніе дѣла. Бюджетъ преступленій платится съ тою же правильностью только до тѣхъ поръ, пока не измѣнились причины, его вызвавшія, и Кетле допускаетъ возможность уменьшенія его. Это уменьшеніе можетъ происходить, по его мнѣнію, подъ вліяніемъ усилій самого человѣка. „Человѣкъ, какъ членъ соціального тѣла, говоритъ онъ далѣе, испытываетъ ежеминутно дѣйствіе *причинъ* и платитъ имъ необходимую дань; но, пользуясь всею энергіей своихъ умственныхъ способностей, онъ управляетъ, въ известной мѣрѣ, этими причинами, модифицируетъ ихъ дѣйствіе, и можетъ приближаться къ лучшему состоянію“¹⁾.

Единообразіе постоянно повторяющихся цифръ даетъ только новый примѣръ на давно известныя уже законъ, по которому одинакія

зана въ выше приведенномъ трудѣ Флинта. Самъ Флинтъ сочувственно относится къ идеѣ соединенія въ исторіи свободы и необходимости, но, по свойству своего историко-литературнаго труда, не могъ войти въ объясненіе того, какъ именно понимаетъ онъ это соединеніе.

¹⁾ Quetelet, Sur l'homme, изд. 1836 года, стр. 10 и 13.

причины вызываютъ, при одинакихъ условіяхъ, и одинакія послѣдствія, но вовсе не отрицаетъ возможности сознательнаго выбора.

Въ примѣненіи къ единообразно повторяющемуся числу браковъ, напримѣръ, законъ этотъ надо понимать такъ. Если число взрослыхъ людей, способныхъ къ браку, въ настоящемъ году тоже, что было въ прошломъ, если причины и условія, подъ влияніемъ которыхъ обыкновенно заключаются браки, а слѣдовательно и зависящая отъ нихъ общая цифра склонныхъ къ браку, также не измѣнилась, — то и число браковъ, имѣющихъ совершиться въ настоящемъ году, будетъ равно числу браковъ въ прошломъ, т. е. одинакія требованія природы человѣческой въ соединеніи съ одинакими внѣшними условіями всегда приведутъ къ однимъ послѣдствіямъ. Но это не значитъ еще, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ человекъ будетъ дѣйствовать безвольно. Всякое измѣненіе данныхъ условій производитъ колебанія и въ числѣ браковъ, которое никогда не повторяется буквально въ той же пропорціи. Особенно рѣзкія колебанія замѣчаются при измѣненіи цѣны на хлѣбъ. Возвышеніе цѣны уменьшаетъ число браковъ, паденіе — увеличиваетъ. Это измѣненіе прямо объясняется дѣйствіемъ личной воли, которая, при вздорожаніи средствъ удовлетворенія первыхъ потребностей, воздерживается отъ брачныхъ обязательствъ. Если допустимъ участіе личной воли (а этого нельзя не сдѣлать) для объясненія колебанія статистическихъ цифръ, не имѣемъ никакого основанія отрицать бытіе той же воли и вообще въ совершеніи браковъ, съ какою бы правильностью въ числѣ они ни повторялись изъ году въ годъ.

Признавая участіе личной воли въ движеніи исторіи, мы должны сдѣлать еще шагъ и признать факторомъ исторіи еще одну силу, но въ противоположность къ волѣ слѣпую и неразумную. Эта сила — случай. Въ ежедневномъ быту человекъ постоянно говоритъ о случаѣ счастливомъ или несчастномъ. Это не заблужденіе, хотя и не всегда мы имѣемъ дѣло съ случаемъ тамъ, гдѣ думаемъ его видѣть. Случай, во всей его неразумности, дѣйствительно существуетъ и оказываетъ влияніе на ходъ исторіи. Пояснимъ нашу мысль самымъ простымъ примѣромъ. При томъ влияніи на ходъ исторіи, которое необходимо признать за личной волей, жизнь и смерть человека не безразличны для исторіи. Смерть же вызывается такими причинами, которыя не стоятъ ни въ какой необходимой связи съ исторической дѣятельностью умершаго. Сама по себѣ, какъ естественное явленіе, смерть никогда не случайна. Она необходимо должна послѣдовать при существованіи тѣхъ условій, которыя ее вызвали,

но совпаденіе условій, вызвавшихъ смерть, съ извѣстнымъ моментомъ исторической дѣятельности человѣка совершенно случайно и при томъ всегда случайно. Эта дѣятельность въ пору лучшаго своего развитія можетъ быть пресѣчена неосторожно брошеннымъ, или даже просто по собственной тяжести упавшимъ камнемъ, и человѣкъ перестанетъ существовать, не сдѣлавъ и половины того, что могъ совершить для пользы своихъ ближнихъ.

Мы привели только одинъ примѣръ, но дѣйствительная жизнь можетъ представить много другихъ. Та же случайность играетъ значительную роль въ столкновеніи людей другъ съ другомъ, а, слѣдовательно, и во вліяніи, которое можетъ одинъ человѣкъ оказывать на другаго и на его историческую роль. Масса всякаго рода открытій и изобрѣтеній также дѣлается случайно, безъ всякаго необходимаго отношенія къ условіямъ оружающаго быта и тѣмъ часто важнымъ послѣдствіямъ, къ которымъ эти открытія съ теченіемъ времени приводятъ. Открытіе металловъ и способовъ ихъ плавленія произошло совершенно независимо отъ свойствъ и особенностей народа, среди котораго имѣло мѣсто, и безъ всякой связи съ его ежедневными нуждами и обычными способами ихъ удовлетворенія. А между тѣмъ это случайное открытіе было существеннымъ толчкомъ къ крайне важнымъ измѣненіямъ въ ходѣ человѣческой культуры.

Дѣйствіе случая, на сколько онъ связанъ съ жизнью человѣка и его общеніемъ съ другими людьми, ограничено въ томъ смыслѣ, что судьбы исторіи гораздо въ большей мѣрѣ совершаются коллективнымъ трудомъ массъ, чѣмъ усиліями одного человѣка, какъ бы они ни были цѣнны и велики. Идеи никогда не остаются достояніемъ только того ума, въ которомъ зародились, и не умираютъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Было уже не разъ обращено вниманіе на тотъ любопытный фактъ, что однѣ и тѣ же научныя открытія зарождаются нерѣдко совершенно самостоятельно въ умахъ разныхъ ученыхъ. Безвременно умершему дѣятелю всегда найдется преемникъ, если только цѣли, которыя онъ преслѣдовалъ, дѣйствительно отвѣчаютъ природѣ человѣка и потребностямъ времени. Но пока явится преемникъ, пройдетъ время, а въ исторіи, гдѣ время играетъ такую важную роль, нельзя оставлять безъ вниманія и этого, хотя, можетъ быть, только отрицательнаго значенія случая.

Историческіе факты, какъ было уже замѣчено выше, представляются результатомъ взаимодѣйствія природы человѣка и внѣшнихъ явленій окружающей его среды, какъ общественной (семьи, рода, племени и государства со всѣми ихъ учрежденіями), такъ и той, ко-

торая дана физической природой населяемой мѣстности (климатомъ, плодородіемъ почвы, распредѣленіемъ суши и воды, отношеніемъ горъ и равнинъ, видами и разнообразіемъ фауны и флоры и пр.). Условливаясь данными свойствами природы человѣка и окружающей его среды, факты исторіи развиваются по общимъ законамъ, которые и составляютъ искомое исторической науки. Историческое развитіе народовъ происходитъ, такимъ образомъ, подъ влияніемъ весьма разнообразныхъ факторовъ. По скольку дѣятелемъ исторіи является человѣкъ, исторія есть психологическая наука. Но человѣкъ живетъ въ обществѣ и при томъ въ извѣстной странѣ. Организация общества и природа страны должны оказывать свое дѣйствіе на природу человѣка и модифицировать ея проявленіе въ исторіи. При современномъ состояніи историческихъ знаній нѣтъ еще никакой возможности опредѣлить точнымъ образомъ относительное значеніе этихъ разныхъ факторовъ: природы человѣка съ одной стороны и условій обществитія и свойствъ страны съ другой. Можно только сказать, что попытки объясненія историческихъ явленій какимъ либо однимъ факторомъ, будетъ ли то воля человѣка или свойства окружающей его страны, въ большинствѣ случаевъ односторонни и не соотвѣтствуютъ существу дѣла.

Давно уже было обращено вниманіе на вліяніе, оказываемое природою страны на человѣка. Указаніе на связь, существующую между природою и человѣкомъ, составляетъ великую заслугу ученыхъ трудовъ Бодена, Монтескье, Гердера. Зависимость человѣка отъ свойствъ населяемой имъ страны стоитъ теперь внѣ всякаго сомнѣнія. Природа страны даетъ необходимыя условія для культурнаго развитія человѣка. Въ странахъ полярныхъ, гдѣ самыя жилища приходится дѣлать изъ льда и снѣга, точно также не можетъ быть рѣчи объ успѣхахъ культуры, какъ и на коралловыхъ островахъ подъ тропиками, гдѣ въ распоряженіи человѣка почти ничего нѣтъ кромѣ раковинъ. Историческое развитіе идетъ успѣшно только тамъ, гдѣ условія природы въ извѣстной степени благоприятствуютъ жизни человѣка. Но это еще не значитъ, что условія природы относятся къ исторіи какъ причина къ ея слѣдствіямъ, и что народный характеръ, учрежденія страны и даже весь ходъ исторіи можно прямо выводить изъ свойствъ страны. Попытки такихъ объясненій дѣлаются, однако, нерѣдко.

Уже Монтескье, близко слѣдуя Бодену, въ значительной степени преувеличиваетъ вліяніе климата. Онъ находитъ, что большой жаръ тропическихъ странъ отнимаетъ силы и бодрость и что, наоборотъ,

холодный климат придаетъ тѣлу человѣка энергію и дѣлаетъ его способнымъ къ напряженной дѣятельности, къ поступкамъ смѣлымъ и великимъ. „Не должно удивляться, говоритъ онъ, что робость (lâcheté), свойственная народамъ жаркихъ климатовъ, почти всегда дѣлаетъ ихъ рабами, и что мужество народовъ холодныхъ странъ охраняетъ ихъ свободу. Это дѣйствіе естественной причины. Оно оправдывается и въ Америкѣ: деспотическія государства Мексики и Перу находятся у тропиковъ, а почти всѣ свободные народы живутъ ближе къ полюсу“¹⁾. Этотъ взглядъ на прямую зависимость характера народа и его учреждений отъ климата, древнѣйшіе корни котораго можно найти еще въ „Политикѣ“ Аристотеля, примѣняется, иногда, и къ обработкѣ нашей отечественной исторіи. Особенности московскаго государства выводятъ изъ свойствъ великорусскаго племени, которыя, будто бы, прямо опредѣлились благодаря вліянію сравнительно суроваго климата Великороссіи въ противоположность къ Малороссіи. Менѣе благоприятный климатъ сѣверо-восточной части Россіи, требовавшій большаго напряженія силъ, и былъ, говорятъ, причиною того, что великорусское племя создало крѣпкое политическое тѣло, тогда какъ малороссы, жившіе въ болѣе мягкомъ климатѣ, оказались неспособными къ самостоятельному государственному творчеству. Такое же рѣшающее для исторіи значеніе придаютъ, иногда, географическому очертанію страны. „Изъ трехъ большихъ полуострововъ южной Европы, говоритъ Фриманъ, центральный, сравниваемый съ группою острововъ на востокъ отъ него, образуетъ цѣльную и компактную страну, которую природа, кажется, предназначила находиться подъ господствомъ единой власти“²⁾.

Въ наше время успѣхи, совершенные въ области естествознанія, наводятъ иногда ученыхъ на мысль примѣнить нѣкоторые выводы естествознанія къ объясненію историческихъ явленій. Попытки такого рода встрѣчаемъ у Бокля и Спенсера.

Бокль, высказавъ положеніе, что нѣтъ исторіи безъ физиче-

¹⁾ Esprit des lois, 1864, стр. 226.

Господствовавшія въ XVIII вѣкѣ возрѣнія на рѣшающее вліяніе климата такъ сильно владѣли умомъ Руссо, что онъ не остановился даже предъ слѣдующимъ положеніемъ: «Quand tout le midi serait couvert de républiques et tout le nord d'état despotique, il n'en serait pas moins vrai que par l'effet du climat le despotisme convient aux pays chauds, la barbarie aux pays froids, la bonne politique aux regions intermédiaires». Du contrat social, an 3 de la république, 139. Предполагаемое отступленіе отъ общаго правила онъ находитъ возможнымъ объяснять частными причинами, видоизмѣняющими дѣйствіе общаго закона.

²⁾ Comparative politics, 1873, стр. 42.

скихъ наукъ, дѣлаетъ анализъ химическаго состава пищи, необходимой для питанія жителей разныхъ странъ, по различію ихъ климата, и приходитъ къ выводу, что приниженное положеніе рабочаго класса въ Индіи должно быть объясняемо жаркимъ климатомъ страны, который даетъ возможность питаться одной растительной пищей, и плодородіемъ почвы, производящей эту пищу въ изобиліи. Вслѣдствіе возникающей изъ этихъ причинъ легкости удовлетворенія первыми потребностямъ, индійскій работникъ принужденъ брать низкую заработную плату. Онъ служитъ изъ полу и даже еще дешевле. Отсюда выводится общій законъ, въ силу котораго заработная плата имѣетъ наклонность въ теплыхъ странахъ къ пониженію, а въ холодныхъ къ возрастанію ¹⁾.

Спенсеръ, отправляясь отъ того наблюденія, что различныя отправления нашего тѣла облегчаются такими атмосферическими условіями, которыя вызываютъ быстрое испареніе кожи и легкихъ, приходитъ къ заключенію, что можно встрѣтить въ жаркомъ поясѣ нѣкоторыя конституціональныя различія между родственными расами въ силу того, что одніе изъ нихъ живутъ въ низкихъ и влажныхъ мѣстахъ, а другіе въ мѣстахъ хорошо осушаемыхъ солнцемъ. У народа, живущаго въ жаркой и сухой странѣ, онъ ожидаетъ встрѣтить болѣе энергическую тѣлесную дѣятельность, чѣмъ у народа, живущаго въ мѣстности жаркой и сырой. „При самомъ бѣгломъ взглядѣ на карту дождей земнаго шара, говоритъ онъ далѣе, нельзя не замѣтить почти непрерывной полосы, обозначаемой названіемъ „полосы бездождія“ и простирающейся чрезъ Сѣверную Африку, Аравію, Персію и Тибетъ въ Монголію; изъ нѣдръ этой-то области, или съ ея окраинъ вышли всѣ побѣдныя расы стараго свѣта“ ²⁾. Такимъ образомъ, причина того крайне распространеннаго явленія, которое извѣстно подъ именемъ переселенія народовъ, объясняется Спенсеромъ легкостью испаренія кожи и условливаемою тѣмъ большею дѣятельностію и энергичностію народовъ, которые жили при обстоятельствахъ, способствующихъ быстрому выдѣленію влаги.

Академикъ Бэръ въ своей извѣстной статьѣ „О вліяніи внѣшней природы на соціальныя отношенія“, указавъ нѣсколько фактовъ такого вліянія, приходитъ къ слѣдующему выводу: „Сказаннаго довольно для уразумѣнія той истины, что когда земная ось получила свое наклоненіе, вода отдѣлилась отъ суши, поднялись хребты горъ

¹⁾ History of civilization in England, 1864 г., стр. 40 сл., 59 сл., 69 сл.

²⁾ Основанія соціологіи, рус. пер. 1876 года, I, стр. 20 сл.

и отдѣлялись другъ отъ друга страны, судьба человѣческаго рода была уже predetermined напередъ, и что всемірная исторія есть ничто иное, какъ осуществленіе этой predetermined участи¹⁾. Едва ли можно идти далѣе въ подчиненіи хода исторіи физическимъ условіямъ земли. Изученіе исторіи теряетъ всякую самостоятельность. Ключъ къ ея уразумѣнію дается изслѣдованіемъ не ея фактовъ, а физическаго строя земли, который разъ навсегда predetermined дѣлалъ ея участь.

Несмотря на всю распространенность приведенныхъ воззрѣній, положеніе о прямомъ соотвѣтствіи климата страны и характера ея жителей едва ли можетъ быть принято. Обширныя наблюденія, сдѣланныя въ разныхъ частяхъ свѣта, приводятъ къ убѣжденію, что характеръ человѣка и настроеніе его духа не находится ни въ какомъ постоянномъ отношеніи къ климату. „Не всегда люди, живущіе подъ яснымъ небомъ, говоритъ Вайцъ, веселѣе и болѣе склонны къ танцамъ и играмъ, чѣмъ тѣ, которые живутъ въ странахъ облачныхъ и туманныхъ. Въ сѣверной и южной Америкѣ, точно также какъ и на южномъ морѣ въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ живутъ какъ мрачные и необщительные люди, такъ и веселые и общительные. Въ то время, какъ египтяне и индусы терпѣливы, спокойны и безстрастны, эскимосы и чукчи по большей части легко раздражительны, веселы и непостоянны.“ Какъ общее правило изъ того громаднаго матеріала, который былъ у Вайца подъ руками, онъ находитъ возможнымъ вывести только то, что жаркій климатъ дѣйствуетъ болѣе усыпляющимъ образомъ, чѣмъ холодный, и что жители жаркихъ странъ менѣе способны къ постоянной энергической дѣятельности²⁾. Но это еще не значитъ, чтобы жители даже тропическихъ странъ были совершенно лишены способности къ энергической дѣятельности.

Точно также нѣтъ прямого соотвѣтствія между характеромъ народа и свойствами употребляемой имъ пищи. „Если ограничиться, говоритъ тотъ же авторъ, сравненіемъ англичанина съ ирландцемъ,

¹⁾ Карманная книжка для любителей земледѣвія, 1848 г., стр. 252.

²⁾ Anthropologie der Naturvölker, 1859, I, стр. 61 сл., 411 и сл. — «Человѣкъ вовсе не сколокъ или противень съ внѣшней природы, но своеобразная живая точка, совершенно особаго свойства, правда, принимающая извнѣ бездну впечатлѣній, но ужь, конечно, не для того, чтобы отразить ихъ въ томъ же видѣ, какъ онѣ ею приняты, но съ тѣмъ, чтобы въ силу своей собственной природы, побуждаться ими къ такимъ воздѣйствіямъ и развитіямъ, которыхъ обязательная причина лежитъ въ ней самой, а отнюдь не во внѣшности». Дотце, II, 438.

или европейца вообще съ питающимся рисомъ индусомъ и яванцемъ, или съ китайцемъ, который очень мало потребляетъ мяса, то можно подумать, что животная пища по преимуществу ведетъ къ болѣе сильному развитію духа и характера. Но иной видъ получить дѣло, если обратимся къ болѣе широкимъ сравненіямъ. Готтентотты и кафры, которые, какъ и жители холодныхъ странъ, любятъ питаться саломъ и жиромъ, чрезвычайно различны между собой по отношенію къ живости духа и характера. Духовная лѣньность, мирный образъ жизни, добродушіе и отсутствіе подозрительности суть выдающіяся свойства готтентоттовъ, тогда какъ кафры, ведущіе съ ними одинъ и тотъ же пастушескій образъ жизни, воинственны. Подобно готтентотамъ, буряты и другіе сибирскіе кочевые народы малы ростомъ и слабы при исключительно животной пищѣ. Наоборотъ, большая часть обитателей южныхъ острововъ питаются почти исключительно растительной пищей и рыбой, хотя съ удовольствіемъ поѣдаютъ и жиръ; они отличаются бодростью, прекрасно одарены умственно и многія изъ нихъ въ высокой степени воинственны. Жители острововъ Фиджи, самые дикіе изъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе одаренные, питаются почти исключительно растительной пищей“ 1).

Еще менѣе можно выводить особенности государственныхъ учреждений изъ свойствъ страны. Республики и деспотіи встрѣчаются подъ всякими широтами. Аѳины и Спарта развивались при одинакихъ условіяхъ природы, а общественный бытъ ихъ былъ очень различенъ. Если московское государство есть созданіе великороссійскаго духа, сложившагося подъ вліяніемъ сравнительно суровой природы, а мадоросы, жившіе при болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, оказались, поэтому, неспособными создать крѣпкое политическое цѣлое, то почему же еще болѣе благодатная природа Италіи не помѣшала римлянамъ создать всемірное государство? Если географическое очертаніе предназначило Италію образовать единое государство, то почему же то же географическое очертаніе не остановило ея раздробленности въ средніе вѣка? Особенности историческихъ судебъ Рима, которыми онъ такъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ государствъ, никакъ нельзя вывести изъ особенностей природы Апеннинскаго полуострова, которыя нисколько неисключительны. Природныя условія обширной равнины, занимаемой русскимъ народомъ, и въ настоящее время почти тѣ же, что были при возникновеніи первыхъ нашихъ княженій, и будетъ совершенно напрасно выводить

1) Waitz, тамъ же, стр. 66.

прямо изъ нихъ все то разнообразіе явленій общественнаго быта, которое можно наблюдать на пространствахъ нашей тысячелѣтной исторіи ¹⁾.

А съ другой стороны, у народовъ, живущихъ при самыхъ разнообразныхъ физическихъ условіяхъ, встрѣчаемъ одинакія явленія общественнаго быта. Древній житель сѣверо-восточной европейской равнины также знакомъ съ мѣстью, какъ и житель Аравіи. Приближенное состояніе рабочаго въ Индіи, выводимое Боклемъ изъ химическихъ свойствъ и дешевизны пищи, обусловленныхъ жаркимъ климатомъ и плодородіемъ почвы, очень близко къ состоянію рабочаго въ нашихъ поморскихъ уѣздахъ, физическія условія которыхъ ничего не имѣли общаго съ условіями Индіи. Въ поморскихъ уѣздахъ мы также встрѣчаемся съ половниками, которые отдавали землевладѣльцу не только половину урожая, но несли еще въ его пользу разнообразныя службы подводами и другими натуральными повинностями ²⁾. Повинности нашихъ половниковъ, слѣдовательно, не легче повинностей индійскихъ рабочихъ, а удовлетвореніе первыхъ нуждъ существованія требовало отъ нихъ гораздо большихъ трудовъ и издержекъ, чѣмъ было необходимо въ Индіи. Кромѣ пищи, добываемой сравнительно тяжелымъ трудомъ, они нуждались еще въ теплой одеждѣ и тепломъ жилищѣ. Положеніе ихъ, значитъ, было гораздо хуже положенія ихъ индійскихъ собратьевъ, а заработная плата несколько не выше, а скорѣе ниже. Законъ Бокля, относительно вліянія климата на заработную плату, оказывается, такимъ образомъ, слишкомъ послѣшно выведеннымъ.

Вышеприведенная дедуктивная и индуктивная аргументація

¹⁾ Вліяніе природы имѣть относительное, а вовсе не безусловное значеніе. Эта мысль хорошо доказана Вайцемъ, I, 412 сл. — Спенсеръ, останавливаясь на рельефѣ страны и его вліяніи на жизнь человѣка, приходитъ къ мысли, что, при другихъ равныхъ, мѣстности, отличающіяся сравнительнымъ однообразіемъ, неблагоприятны для общественнаго прогресса. «Области, говоритъ онъ, подобныя русскимъ степямъ, хотя и годныя, можетъ быть, для перенесенія въ нихъ цивилизацій, развившихся въ другихъ мѣстахъ, не суть такія области, которыя представляли бы какую-либо вѣроятность для зарожденія и развитія въ нихъ самостоятельной цивилизаціи; ибо дифференцирующія вліянія здѣсь слишкомъ недостаточны». А нѣсколько строкъ далѣе онъ принужденъ самъ признать, что долина Нила и обиталища вавилонянъ и ассирянъ, гдѣ возникла древнѣйшая культура, были неособенно разнообразны и превосходили въ этомъ отношеніи только окружающія ихъ безводныя степи! Вместе съ этимъ признаніемъ терлеть, конечно, всякое значеніе и силу и то его положеніе, по которому области, подобныя русскимъ степямъ, не способны для зарожденія въ нихъ самостоятельной цивилизаціи.

²⁾ Свѣдѣнія о повинностяхъ половниковъ можно найти въ наказахъ, присланныхъ депутатами екатерининской законодательной комиссіи.

Спенсера разрушена имъ самимъ въ послѣдней изъ выписанныхъ нами у него фразъ, въ которой онъ говоритъ, что побѣдныя расы стараго свѣта вышли изъ полосы бездождія или *съ ея окраинъ*. Окраины полосы бездождія отличаются уже иными условіями влажности, чѣмъ самая полоса, слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, одинакія послѣдствія вызываются не одной и той же, а разными причинами.

Если характеръ народа и существующія у него учрежденія не составляютъ простаго слѣдствія физическихъ условій населяемой имъ страны, то тѣмъ менѣе есть основаній присоединиться къ мнѣнію академика Вѣра о томъ, что всемірная исторія предопредѣлена физическими свойствами земли. О предопредѣленіи исторіи физическими условіями нашей планеты можно говорить развѣ только въ томъ смыслѣ, что ими напередъ предустановлены границы распространенія исторической жизни. Но самые факты исторіи и ихъ послѣдовательность никакъ еще не даны этими условіями. Даже можно утверждать болѣе: подъ вліяніемъ разумной природы человѣка и самыя первоначальныя границы мѣста дѣйствія исторіи могутъ быть расширены созданіемъ искусственныхъ путей сообщенія, осушеніемъ болотъ, воздѣлываніемъ бесплодныхъ мѣстностей и т. д. Физическія условія страны могутъ быть до такой степени измѣнены, что сдѣлаются, съ теченіемъ времени, неузнаваемыми ¹⁾. Физическія свойства земли не предопредѣляютъ окончательно и безповоротно даже внѣшнихъ условій и границъ распространенія исторической жизни.

При всей неразработанности вопроса объ относительномъ значеніи разныхъ факторовъ, вліяющихъ на историческое развитіе народовъ, надо, однако, признать, что природныя условія страны суть тотъ факторъ, вліяніе котораго съ наибольшою силою обнаруживается только на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія и за тѣмъ идетъ ослабляясь съ каждымъ новымъ успѣхомъ человѣческой культуры. Исторія человѣка есть исторія побѣдъ его надъ природою, а не предопредѣленной отъ нея зависимости.

Историческая наука, прежде чѣмъ пришла къ сознанію дѣйствія общихъ законовъ, управляющихъ ходомъ исторіи, долгое время останавливалась едва ли не исключительно на явленіяхъ случая и личной воли человѣка. Иначе и быть не могло. Дѣйствіе воли и случая ежедневно и непосредственно поражаютъ глазъ наблюдателя и

¹⁾ Преобразующее вліяніе человѣка на природу земли признаетъ и Бѣръ, хотя едва ли существуетъ строгая послѣдовательность между набросанной имъ (231 стр.) мастерской картиной побѣдъ человѣка надъ природою и основнымъ его взглядомъ.

приковываютъ къ себѣ его вниманіе. Только наблюденіе историческихъ явленій въ большіе промежутки времени и у разныхъ народовъ могло привести къ убѣжденію, что за случаемъ и личной волей, которымъ принадлежитъ весьма значительная роль, таится дѣйствіе общихъ законовъ, независящихъ ни отъ случая, ни отъ воли. Такой переворотъ возрѣній сдѣлался возможенъ благодаря сравнительной разработкѣ исторіи и антропологии.

II.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МЕТОДА.

Услуги, оказанныя сравнительной методой филологіи, а вслѣдъ за тѣмъ и миеологіи, навели и историковъ народнаго быта и права на мысль также обратиться къ сравненіямъ. Опыты сравненія въ послѣднее время начинаютъ встрѣчаться все чаще и чаще въ трудахъ по исторіи права какъ западно-европейскихъ ученыхъ, такъ и нашихъ отечественныхъ. Сравненія сдѣлались даже какъ бы обязанностью всякаго изслѣдователя, отступленіе отъ которой навлекаетъ на него упрекъ въ отсталости. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изслѣдователи, прибѣгающіе къ сравненіямъ, берутъ на себя трудъ выяснитъ, въ чемъ состоитъ этотъ новый приѣмъ, къ чему онъ ведетъ и въ какихъ случаяхъ къ нему должно обращаться, хотя по новости дѣла разъясненіе этихъ вопросовъ и представляется существенно необходимымъ. Тѣмъ большую благодарность вызываетъ попытка Фримана указать на особенности этого приѣма, разъяснитъ характеристическія различія между сравненіями въ филологіи и сравненіями при изученіи явленій народнаго быта и политическихъ учрежденій и, наконецъ, опредѣлитъ тѣ конечныя цѣли, къ которымъ могутъ вести сравненія ¹⁾.

Мы уже выше замѣтили, что, при всеобщемъ разнообразіи условій, въ исторіи самыхъ удаленныхъ одинъ отъ другаго народовъ замѣчаются поразительныя сходства. Гдѣ причина этихъ сходствъ?

Фриманъ, останавливаясь на этомъ вопросѣ, приходитъ къ тремъ возможнымъ причинамъ сходныхъ явленій быта народовъ.

Сходства могутъ быть, во первыхъ, результатомъ прямой пере-

¹⁾ Comparative politics, стр. 1—37.

дачи (*direct transmission*) учрежденій одного народа другому. Подъ это понятіе передачи онъ подводитъ какъ разнаго вида заимствованія учрежденій одного народа другимъ, такъ и переносъ учрежденій известной страны въ ея колоніи и вообще въ другія мѣстности вмѣстѣ съ переходомъ туда части ея населенія. Какъ на примѣръ послѣдняго онъ указываетъ на водвореніе крестоносцами системы феодальныхъ учрежденій въ завоеванныхъ ими областяхъ малой Азіи (24 сл.).

Второй источникъ сходствъ заключается въ дѣйствіи одинакихъ причинъ, которыя всегда приводятъ къ одинакимъ послѣдствіямъ (30 сл.).

Наконецъ, Фриманъ различаетъ и третью причину сходствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и третью категорію сходныхъ явленій: эта категорія обязана своимъ сходствомъ происхожденію народовъ отъ одного общаго корня (34 сл.).

Явленія этой третьей категоріи и составляютъ „непосредственный предметъ“ его изслѣдованія. Приступая въ слѣдующихъ главахъ своего труда къ сравненію древнѣйшихъ государственныхъ учрежденій грековъ, римлянъ и германцевъ, Фриманъ приходитъ къ убѣжденію, что замѣчаемыя между ними сходства должны быть объясняемы единствомъ происхожденія этихъ народовъ. Это общее ихъ наследство, которое они получили отъ той доисторической эпохи, когда они всё составляли еще одинъ народъ и жили вмѣстѣ (60—67, 76 и др.).

Къ этому выводу авторъ пришелъ не безъ значительной доли колебанія. Задумываясь надъ вопросомъ о томъ, чему приписать эти сходства, дѣйствію одинакихъ причинъ, или единству происхожденія, онъ говоритъ: „Я не рѣшаюсь высказаться догматически въ пользу того или другаго мнѣнія. Я не думаю, чтобы настало уже время, когда можно безошибочно сдѣлать выборъ между ними. Въ изслѣдованіи, которое только что зарождается, безопаснѣе замѣчать такіе случаи для дальнѣйшихъ изысканій и оставить полное ихъ объясненіе будущему. При настоящемъ запасѣ знаній благоразумнѣе собирать всевозможные случаи и классифицировать ихъ, насколько это возможно, но не должно спѣшить съ классификаціей и падать духомъ, если окажутся такіе случаи, которые не войдутъ въ нашу классификацію“ (59—61). И нѣсколько страницъ далѣе, гдѣ авторъ формулируетъ свой взглядъ, онъ говоритъ о немъ скорѣе въ смыслѣ наиболѣе вѣроятнаго предположенія, чѣмъ совершенно доказаннаго научнаго вывода (67).

Очевидная въ приведенныхъ словахъ и въ самомъ выводѣ нерѣшительность да послужить намъ оправданіемъ, если мы позволимъ себѣ провѣрить предположеніе, сдѣланное человекомъ столь глубокой эрудиціи и столь осторожнымъ въ своихъ заключеніяхъ, какъ Фриманъ.

Въ чемъ заключается разница между явленіями первой и третьей категоріи?

На первый взглядъ онѣ представляются совершенно сходными, это не двѣ разныхъ категоріи, а одна и таже. Если филологія констатировала, что греки, римляне и германцы одного происхожденія, отсюда слѣдуетъ, что, отдѣляясь изъ общаго имъ корня, они унесли съ собой не только общій языкъ и вѣрованія, но и тѣ общественныя и семейныя учрежденія, которыя имъ были свойственны. Это такая же прямая передача учреждений, какъ и переносъ крестноносцами всей феодальной системы на востокъ, прижѣръ, приводимый самимъ Фриманомъ для поясненія явленій первой категоріи.

Что же побуждаетъ его выдѣлить эту третью категорію, какъ особенную, отличную отъ первой?

Между отдѣленіемъ грековъ, римлянъ и германцевъ отъ общаго корня и тѣмъ моментомъ, когда бытъ этихъ народовъ, уже на новыхъ мѣстахъ ихъ поселенія, сдѣлался доступенъ наблюденію историковъ, прошло значительное время, продолжительность котораго никому неизвѣстна. Въ теченіи этого времени помянутые народы переходили съ мѣста на мѣсто и, по всей вѣроятности, находились въ условіяхъ не похожихъ на тѣ, въ которыхъ они были до выдѣленія. Трудно думать, чтобы наблюдаемыя у нихъ учрежденія были совершенно тождественны съ тѣми, которыя они имѣли до отдѣленія отъ общаго корня. Учрежденія остаются неизмѣнными не столько потому, что они разъ достались отъ предковъ, сколько въ силу того, что они продолжаютъ соотвѣтствовать всей совокупности явленій окружающей среды. Если даже мы и допустимъ, что разсматриваемые народы отдѣлились отъ общаго корня съ одинаковыми учрежденіями (что также сомнительно въ виду разновременности этого отдѣленія), все же рядомъ съ этимъ надо допустить и то, что эти учрежденія должны были болѣе или менѣе измѣниться подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ условій, въ соприкосновеніи съ которыми эти народы находились въ своемъ долгомъ странствованіи. Учрежденія, наблюдаемыя Фриманомъ у грековъ, римлянъ и германцевъ, появились не какъ неприкосновенное наслѣдство, полученное отъ предковъ, а уже видоизмѣненное. Въ нихъ могутъ быть открыты черты древнѣй-

шаго, до европейскаго быта, но должны быть и новыя. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о полномъ сохраненіи учрежденій родины, какъ это было съ крестоносцами въ святой землѣ, и по самымъ свойствамъ этихъ первоначальныхъ учрежденій. Феодалная система была уже достаточно выработана до крестовыхъ походовъ, она задолго передъ тѣмъ вышла изъ состоянія первоначальной шаткости и неопредѣленности и была уже закрѣплена въ твердую форму опредѣленныхъ правилъ, что и дало возможность крестоносцамъ составить въ своихъ новыхъ владѣніяхъ наиболѣе полный сводъ феодалнаго права, какой только существуетъ. Невозможно допустить, чтобы тотъ первоначальный общественный бытъ, въ которомъ находились индоевропейскіе народы до ихъ раздѣленія, выработался уже тогда до степени опредѣленныхъ правилъ. Это было скорѣе состояніе неустойчиваго факта, постоянно видоизмѣняющагося, чѣмъ опредѣленнаго права, состояніе, которое могло заключать въ себѣ зародыши всѣхъ возможныхъ формъ государственнаго устройства, строго не соответствуя ни одной изъ нихъ. Для того, чтобы изъ этихъ зачатковъ выработалась та или другая опредѣленная форма, нужно было, чтобы произошло многое новое, чего въ этомъ первоначальномъ строѣ общества еще не было. Такой неустоявшійся бытъ, при встрѣчѣ съ новыми условіями, можетъ легче измѣняться, чѣмъ бытъ болѣе выработанный.

Эта разница, надо думать, и заставила Фримана выдѣлить разсматриваемые случаи въ отдѣльную группу. Въ нихъ можетъ быть нѣчто старое, условливаемое единствомъ происхожденія, но должно быть и нѣчто новое, хотя и возникшее на старой почвѣ, но благодаря новымъ причинамъ и условіямъ. Вотъ почему, характеризуя эту третью группу, Фриманъ говоритъ не только о „слѣдахъ“ (traces) стараго, но и о дальнѣйшемъ развитіи (developments) этого стараго. Но въ этомъ видѣ эта третья группа не что нибудь совершенно отличное отъ первой, а только ея модификація: мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ наслѣдованными учрежденіями (переданными), но и съ дальнѣйшимъ развитіемъ ихъ въ болѣе опредѣленные политическія формы.

Но будетъ ли вѣрно всё сходства этой третьей группы объяснять единствомъ происхожденія, общимъ наслѣдствомъ, какъ это дѣлаетъ Фриманъ? Пока дѣло идетъ объ общихъ слѣдахъ древняго быта, это объясненіе совершенно вѣрно; но если мы остановимся не на слѣдахъ стараго, а на дальнѣйшемъ его развитіи, то здѣсь рѣшающимъ началомъ будетъ уже не наслѣдство, а то, что наслѣдо-

важныя учрежденія, подъ вліяніемъ новой обстановки, развились въ новое похожее цѣлое, т. е. въ дѣйствіи общихъ причинъ, приведшихъ къ сходнымъ результатамъ.

И такъ, этотъ третій случай не есть простой новый, а сложный изъ двухъ первыхъ и долженъ быть, конечно, разложенъ на свои составные элементы: сходные слѣды стараго должны быть отнесены къ передачѣ (первый случай), развитіе же этого стараго въ новое, но опять сходное, должно быть объясняемо дѣйствіемъ общихъ причинъ (второй случай).

Выдѣлить общіе остатки древняго быта изъ сходныхъ видоизмѣненій его, происшедшихъ подъ вліяніемъ дѣйствія одинакихъ причинъ, дѣло величайшей трудности. Этотъ древній, до-европейскій бытъ неизвѣстенъ, заключенія о немъ приходится дѣлать по указаніямъ позднѣйшаго времени. Позднѣйшее же время представляетъ рядомъ сходства, причина которыхъ можетъ быть различна. Какъ же различить ихъ? Единственный путь, сколько нибудь возможный для различенія причины этихъ сходствъ, могутъ дать только указанія филологіи. Если сходныя учрежденія носятъ одинакія наименованія, эти учрежденія съ полною достовѣрностію можно считать остатками до-европейской старины, въ противномъ случаѣ скорѣе надо объяснять ихъ дѣйствіемъ общихъ причинъ, чѣмъ передачей ¹⁾.

Самъ Фриманъ признаетъ, что тѣ сходства быта, которыя онъ нашелъ у грековъ, римлянъ и германцевъ, и образцовое изслѣдованіе которыхъ онъ даетъ въ своей книгѣ, не исключительны (65), что они встрѣчаются и у другихъ народовъ, напримѣръ семитическаго племени (60). Указываемыя имъ сходства и многія другія, относящіяся къ области гражданскаго и уголовнаго права, которыхъ онъ не касается, дѣйствительно встрѣчаются у многихъ народовъ, о племенномъ родствѣ которыхъ съ арійцами и рѣчи нѣтъ ²⁾. Это чрез-

¹⁾ Необходимость содѣйствія филологіи въ этомъ случаѣ вполне признается Фриманомъ. Но для признанія того или другаго сходства наслѣдованнымъ, онъ считаетъ уже достаточнымъ, если слова, обозначающія сходныя учрежденія, происходятъ отъ общаго корня, или даже если они по смыслу совершенно вѣрно переводятъ одно другое (61 сл., 67 сл.). Это едва-ли вѣрный путь. Нельзя отрицать, что учрежденіе могло возникнуть прежде, чѣмъ выработалось определенное техническое выраженіе для его обозначенія. Но при отсутствіи такого выраженія, общаго всѣмъ родственнымъ народамъ, имѣющимъ сходное учрежденіе, всѣ заключенія о томъ, что это учрежденіе принадлежитъ вхожъ, предшествовавшей раздѣленію индоевропейскихъ народовъ, будутъ только предположеніемъ.

²⁾ Общія съ греками, римлянами и германцами черты политическаго и семейнаго быта въ томъ видѣ, какъ ихъ обобщаетъ Фриманъ, можно найти даже у негровъ. См. Waitz, Antropologie der Naturvölker, II, стр. 126—167, 391 сл., 468 и др.

вычайно важное указаніе въ пользу того, что изучаемыя Фриманомъ сходства могли возникнуть и помимо единства происхожденія, въ силу дѣйствія одинакихъ причинъ, всегда и вездѣ ведущихъ къ одинакимъ послѣдствіямъ.

Фриманъ какъ бы чувствовалъ слабость своего мнѣнія съ этой стороны, а потому и высказываетъ въ видѣ предположенія мысль, что можетъ существовать общее наслѣдство не только для арійцевъ и семитовъ вмѣстѣ, но и для всего человѣчества (60, 65). Эта догадка, пока сравнительное языкознаніе, единственная наука, которая можетъ браться за рѣшеніе подобныхъ вопросовъ, не сказало своего слова, нисколько не помогаетъ дѣлу. Сходства въ народномъ бытѣ, правѣ и учрежденіяхъ, какъ бы ни были они обширны, всѣ такого рода, что всегда могутъ быть объясняемы дѣйствіемъ одинакихъ причинъ. Только сходства въ языкѣ не всегда допускаютъ такое объясненіе, а потому одной сравнительной филологіи и должно принадлежать рѣшеніе вопросовъ о племенномъ родствѣ народовъ и общемъ ихъ доисторическомъ наслѣдствѣ.

Возвращаясь къ выше поставленному вопросу, мы должны дать на него такой отвѣтъ: сходства могутъ быть объясняемы двумя причинами: 1) передачей, куда будутъ относиться какъ разные виды заимствованій, такъ и переносъ родныхъ учрежденій въ новыя страны вмѣстѣ съ переселеніемъ части народа, и 2) дѣйствіемъ одинакихъ причинъ.

Самый фактъ сходства еще не указываетъ на свою причину. Для ея раскрытія необходимы особыя историческія изслѣдованія, съ цѣлью уясненія взаимныхъ отношеній народовъ, въ учрежденіяхъ которыхъ есть сходства, и возможнаго вліянія ихъ одного на другой. Всякій разъ, когда нельзя будетъ доказать передачи, въ той или другой формѣ, надо будетъ приписывать сходства дѣйствію общихъ причинъ.

Сходства послѣдняго рода имѣютъ особенно важное значеніе для исторіи. Ничто такъ не приводитъ къ убѣжденію въ существованіи общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ, какъ наблюденія сходныхъ явленій у народовъ, которые развивались безъ малѣйшаго вліянія другъ на друга. Въ виду такихъ сходствъ съ необходимостью возникаетъ мысль о томъ, что ходъ исторіи не есть дѣло человѣческаго каприза, а обуславливается потребностями человѣческой природы, которая вездѣ едина и вездѣ, при другихъ равныхъ, приводитъ къ одинакимъ послѣдствіямъ. Сравнительное изученіе исторіи становится вмѣстѣ съ тѣмъ и изученіемъ

природы человѣка и ея потребностей. Кто рѣшится говорить о случайности извѣстнаго учрежденія, кто будетъ питать надежду на легкую его отмѣну, когда сравнительная метода покажетъ, что это учрежденіе обще не однимъ только народамъ индоевропейскаго племени, но встрѣчается и у многихъ другихъ самаго разнообразнаго происхожденія. Можно питать какія угодно пламенные надежды на улучшеніе человѣческаго быта, но только тѣ изъ нихъ могутъ рассчитывать на успѣхъ, которыя имѣютъ основаніе въ природѣ человѣка. Свойства же этой природы именно раскрываются сравнительнымъ изученіемъ исторіи.

Сравненія, въ разсматриваемомъ смыслѣ, имѣютъ дѣло со сходствами. Это сравненія сходствъ въ институтахъ однородныхъ. Несходства входятъ въ область сравненія только тогда, когда это частныя несходства явленій вообще сходныхъ. Такія несходства раскрываютъ разнообразныя модификаціи, которымъ можетъ подвергаться человѣческая природа подѣ влияніемъ различія условій, и слѣдовательно какъ бы степень растяжимости человѣческой природы.

Чѣмъ шире область сравненій, тѣмъ тверже добываемыя имъ результаты. Нѣтъ, поэтому, необходимости ограничивать сравненія только родственными племенами, для исторіи русскаго права, наприимѣръ, племенами славянскими, для нѣмецкаго — германскими. Сравнительную методу, въ этомъ смыслѣ, не должно смѣшивать съ опытами обработки такъ называемаго общегерманскаго права. Объ общегерманскомъ правѣ говорятъ потому, что германскія племена жили въ некоторое время общей политической жизнью и имѣли общіе источники права. Существованіе общихъ источниковъ права условливаетъ и существованіе общаго права. Сравнительная метода имѣетъ совсѣмъ другую цѣль: она не даетъ общаго права, а указываетъ только на сходства въ духѣ права, которыя могутъ идти рука объ руку съ значительными различіями догмы и совершеннымъ отсутствіемъ общихъ источниковъ. Нормы права, опредѣляющія, наприимѣръ, семейное положеніе женщины, могутъ быть очень различны у славянъ, германцевъ и, положимъ, у негровъ; но сравнительно приниженное положеніе женщины можетъ одинаково составлять характеристическую черту права всѣхъ этихъ народовъ. Общаго права у этихъ народовъ нѣтъ, но сходства въ правѣ будутъ. Эти-то сходства, даже при значительномъ различіи догмы права, и имѣетъ раскрыть сравнительная метода.

Преимущественное сличеніе быта родственныхъ племенъ можетъ имѣть свое самостоятельное значеніе только въ томъ случаѣ, когда исторія права этихъ племенъ представляетъ какія либо особенности,

имъ однимъ свойственныя. Но тутъ нужна большая осмотрительность, чтобы не отнести къ отличительнымъ особенностямъ этихъ племенъ такихъ признаковъ, которые свойственны и другимъ, съ ними не родственнымъ, и составляютъ, такимъ образомъ, общечеловѣческое достояніе. Сравнительной методѣ мы именно обязаны очищеніемъ науки отъ такихъ узкихъ выводовъ. Многія черты быта, которыя первоначально выводились изъ свойствъ даннаго народа въ отличіе его отъ другихъ, въ дѣйствительности оказались свойственными самымъ разнообразнымъ народамъ на извѣстной ступени ихъ развитія. Такая участь постигла ученіе о родовомъ бытѣ и ученіе объ общинѣ, какъ отличительныхъ чертахъ древне-русскаго быта, ученіе о кровной мести и феодализмѣ, какъ отличительныхъ чертахъ быта германскихъ народовъ, и пр. Только самое широкое примѣненіе сравнительной методы можетъ предохранить изслѣдователя отъ такихъ одностороннихъ выводовъ, а потому требованіе методы состоитъ въ возможно большемъ расширеніи области сравненій, а не въ ограниченіи ихъ одними родственными племенами.

Примѣненіе сравнительной методы предполагаетъ, что сравниваемая явленія уже выяснены въ своихъ признакахъ. Сравненіе, слѣдовательно, не есть способъ обработки даннаго положительнаго права. Всякое положительное право можетъ быть обрабатываемо только на основаніи его собственныхъ источниковъ. Чего не даютъ эти источники, то не можетъ быть пополнено сравненіемъ. Сравнительная метода не въ силахъ прибавить къ системѣ даннаго историческаго права ни одного новаго факта. Она можетъ только пролить новый свѣтъ на существующіе и навести на объясненіе неяснаго, несовершенного досказаннаго въ источникахъ свидѣтельства. Сравнительная метода можетъ обнаружить, что учрежденіе, получившее у одного народа полное свое развитіе, встрѣчается въ исторіи другаго только въ зародышномъ состояніи, изъ котораго ему и не пришлось выдти по отсутствію благоприятныхъ для того условій. Та же метода можетъ привести къ открытію такъ называемыхъ переживаній, т. е. обломковъ нѣкогда господствовавшихъ институтовъ, которые вытѣснены другими новѣйшими, но оставили послѣ себя нѣкоторые слѣды, настоящій смыслъ которыхъ можетъ быть понятъ только при сличеніи ихъ съ этимъ древнѣйшимъ состояніемъ. Источники каждаго права могутъ заключать въ себѣ слишкомъ краткія указанія на бытіе какого либо института, изъ которыхъ трудно составить опредѣленное о немъ представленіе. Таковы, напримѣръ, указанія нашихъ источниковъ на „помочь“ въ судѣ. Сближеніе этихъ краткихъ указаній съ свидѣтель-

ствами германскаго права о „соприсяжникахъ“ можетъ пролить свѣтъ на нашихъ „пособниковъ“. Но при такомъ пользованіи методомъ сравненія нужна большая осторожность. Указанія германскаго права могутъ быть только въ томъ случаѣ приняты, если все состояніе нашего права допускаетъ возможность института въ родѣ германскихъ соприсяжниковъ. Но если бы отечественные источники ни словомъ не намекали на соприсяжниковъ, мы не имѣли бы права говорить о нихъ, хотя бы это учрежденіе существовало во всѣхъ возможныхъ законодательствахъ.

Сравнительная метода, по существу своему, находится внѣ предѣловъ обработки даннаго положительнаго права. Она не сопутствуетъ ей, а только слѣдуетъ за нею. Она можетъ только пролить нѣкоторый свѣтъ на то, что не совершенно ясно, и то въ весьма общихъ чертахъ, но никогда не въ состояніи помочь намъ возстановить подробности института, о которыхъ молчатъ наши источники.

III.

НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНОСТИ.

Существуетъ мнѣніе, по которому развитіе права каждаго народа должно быть исключительно національное. Правильное установленіе начала національности въ исторіи требуетъ анализа этого понятія ¹⁾).

Подъ національностью разумѣютъ иногда совокупность свойствъ, искони заложенныхъ въ народный духъ и долженствующихъ навсегда отличать данный народъ отъ всѣхъ другихъ. Въ такомъ предположеніи искони данныхъ и навсегда неизмѣнныхъ народныхъ свойствъ, имѣющихъ постоянно проявляться въ исторіи народа, едва ли есть необходимость. Ни кто не будетъ отрицать того факта, что каждый народъ отличается отъ другихъ нѣкоторой суммой свой-

¹⁾ Вопросъ о національности въ исторіи, поднятый въ известномъ спорѣ славянофиловъ съ западниками, продолжаетъ и теперь привлекать къ себѣ вниманіе нашей литературы. Изъ сочиненій послѣдняго времени укажемъ на два труда, сопоставленіе которыхъ особенно любопытно потому, что авторы ихъ смотрятъ на дѣло съ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія: А. Н. Пыпинъ, Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ, 1865; А. Д. Градовскій, Национальный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ, 1873. Критику воззрѣній перваго автора даетъ О. Э. Миллеръ: Славянскій вопросъ въ наукѣ и жизни, въ сборникѣ его статей: Славянство и Европа, 1877.

ственихъ ему признаковъ. Но эти признаки не остаются неизмѣнными въ его исторіи; съ поступательнымъ ея движеніемъ они сами мѣняются. Для объясненія появленія этихъ признаковъ нѣтъ надобности прибѣгать къ предположенію, что они изначала заложены въ его духъ. Возникновеніе ихъ легко можетъ быть объяснено различіемъ условій, въ которыхъ находятся разные народы. Если бы изначала всѣ народы были одарены и совершенно одинакими свойствами, то и въ этомъ случаѣ, живя въ разныхъ условіяхъ, (а эти условія никогда не тождественны), они непремѣнно проявили бы нѣкоторыя несходныя особенности быта. Единство проехожденія семьи индоевропейскихъ народовъ есть твердо установленный фактъ науки. Въ этой группѣ народовъ, слѣдовательно, всѣ національныя различія не только могутъ, но и должны быть объясняемы различіемъ историческихъ условій, а никакъ не искони прирожденными и навсегда неизмѣнными свойствами.

Такое объясненіе національныхъ различій историческими причинами вовсе не устраниваетъ вопроса о народности въ правѣ, а только вводитъ его въ его естественныя предѣлы. Находясь въ своихъ особыхъ историческихъ условіяхъ, каждый народъ можетъ выработать свои черты быта и свою систему права. Национальное право будетъ, слѣдовательно, право не заимствованное у другихъ, а развившееся самостоятельно изъ столкновения данныхъ внѣшнихъ условій съ природою человѣка.

Национальное право, въ этомъ смыслѣ, не непремѣнно исключительно во всѣхъ своихъ особенностяхъ. Многія изъ нихъ могутъ встрѣтиться и у другихъ народовъ. Цѣли человѣческаго обществія всегда одинаковы, внѣшнія условія, въ которыхъ эти цѣли приходятъ къ своему осуществленію, нигдѣ буквально не повторяясь, все же нерѣдко представляютъ довольно много общаго; вслѣдствіе этого у разныхъ народовъ могутъ встрѣтиться и дѣйствительно встрѣчаются одиѣ и тѣже характеристическія черты быта, которыя одинаково будутъ и здѣсь и тамъ народными. Исканіе однихъ только исключительно народныхъ особенностей есть уже крайность этого направленія, которая обыкновенно приводитъ къ ненаучнымъ и часто дѣтскимъ выводамъ, въ которыхъ все хорошее приписывается исключительно свойствамъ своего народа, все дурное разсматривается какъ результатъ чуждаго вліянія.

Но и въ этомъ смыслѣ національное право и быть далеко не составляетъ удѣлъ каждаго народа. Право могло бы быть исполнѣ національнымъ только въ томъ случаѣ, если бы народы жили совер-

шенно разрозненно, не сталкиваясь съ другими. Такая разрозненность еще можетъ имѣть мѣсто на первыхъ ступеняхъ исторіи человѣчества; но съ дальнѣйшими успѣхами жизни возникаютъ многообразныя столкновенія народовъ другъ съ другомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ открывается и путь для чуждыхъ вліяній. Возможность чуждаго вліянія и заимствованій начинается очень рано. Весьма древніе слѣды ихъ замѣчаются уже въ бронзовомъ періодѣ. Большинство этихъ доисторическихъ вліяній внѣ области человѣческаго знанія. Съ успѣхами цивилизаціи чуждыя вліянія становятся чаще и важнѣе по своимъ послѣдствіямъ. Исторія не знаетъ ни одного историческаго народа, который не былъ бы чѣмъ нибудь обязанъ другимъ. Даже въ римскомъ правѣ, этомъ гениальномъ созданіи римскаго духа, исследователи указываютъ чуждыя вліянія для древнѣйшаго законодательства XII таблицъ. Франція, такъ много сдѣлавшая для развитія европейской цивилизаціи, начала съ того, что усвоила себѣ всю римскую цивилизацію и даже чуждый кельтамъ латинскій языкъ. Съ XII в. начинается усвоеніе Германіей римскаго права. XIX столѣтіе представляетъ поразительный примѣръ распространенія англійскихъ учрежденій по вѣсму образованному міру. Наше право также не осталось чуждо чужеземныхъ вліяній. Существенныя измѣненія его начинаются уже съ принятіемъ христіанства и съ первымъ знакомствомъ съ памятниками греко-римскаго законодательства. За тѣмъ идетъ татарское вліяніе. Несмотря на то, что Татары осуществляли свое господство издали, изъ-за предѣловъ русскихъ княженій, господство ихъ сильно видоизмѣнило и не только финансовую систему древней Россіи, но и весь государственный бытъ древнихъ княженій. Московское государство съ его правомъ и учрежденіями никакъ не можетъ быть разсматриваемо какъ чисто народное русское созданіе. Оно носитъ на себѣ очевидные слѣды и византійскихъ идей и татарскихъ порядковъ. Съ XVIII вѣка начинается усиленное вліяніе западно-европейскихъ идей, столь осуждаемое любителями нашей допетровской старины.

Таковъ дѣйствительный ходъ исторіи. Едва ли существуетъ одинъ историческій народъ, который представлялъ бы историкъ только черты своего самостоятельнаго народнаго быта. Историкъ не можетъ вычеркнуть всѣ разнообразныя результаты этихъ чуждыхъ вліяній и дать только картину національнаго развитія своего народа, когда оно было въ высочайшей степени смѣшанное.

Но если чуждыя вліянія и весьма обыкновенны въ исторіи, все же историкъ долженъ поставить вопросъ, желательны ли они, или

ихъ слѣдуетъ избѣгать? Если бы особенности государственнаго быта и права извѣстнаго народа были результатомъ прирожденныхъ ему свойствъ, всегда постоянныхъ и неизмѣнныхъ, то на чуждыя вліянія слѣдовало бы смотрѣть какъ на болѣзненные наросты, заглушающіе чистые родники народнаго духа. Но право не есть нѣчто простое, первоначальное, неизмѣнное, непосредственно вытекающее изъ духа народа и вездѣ разное, по различію самаго духа. Оно есть чрезвычайно сложный результатъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ условий — экономическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ и пр., въ которыхъ находится народъ, и измѣняется вмѣстѣ съ ними. Въ формахъ государственнаго быта и права проявляются усилія ума человѣческаго внести твердый порядокъ въ разнообразныя отношенія жизни. При такомъ характерѣ права, заимствованія, если благодаря имъ въ народную жизнь вносится что либо сравнительно лучшее, не могутъ быть осуждены въ принципѣ. Заимствованія болѣе совершенныхъ формъ быта и права, если существо жизненныхъ отношеній допускаетъ ихъ примѣненіе, также полезно, какъ заимствованіе полезныхъ ремеселъ, искусствъ, наукъ, изобрѣтеній.

Общеніе съ другими народами и неизбежно условливаемая имъ возможность вліяній и заимствованій выводитъ народы изъ ихъ естественной замкнутости и односторонности на болѣе широкій путь цивилизаціи. Чѣмъ ранѣе начинается такое общеніе, тѣмъ быстрѣе идетъ развитіе народа, и, наоборотъ, чѣмъ уединеннѣе стоитъ народъ, тѣмъ медленнѣе развивается его культура. Если западно-европейскіе народы сдѣлали большіе успѣхи, чѣмъ мы, это надо объяснять не лучшими природными ихъ свойствами, а болѣе раннимъ и глубокимъ общеніемъ съ народами классическаго міра. Первые западно-европейскія государства зародились не на новой и дикой почвѣ, а на почвѣ уже обработанной римской культурой.

Эти заимствованія въ болѣе или менѣе значительной степени измѣняютъ исторически сложившійся народный обликъ, внося въ него новыя черты. Но эти новыя черты, въ свою очередь, подвергаются дѣйствию особенностей народности и сами видоизмѣняются подъ ихъ вліяніемъ. Историческая народность не есть постоянная и всегда сама себѣ равная величина. Наука до сихъ поръ не можетъ сказать, въ чемъ именно состоятъ признаки народности ¹⁾. Безспорно только, что внесеніе въ народный бытъ нѣсколькихъ новыхъ особенностей

¹⁾ Единственнымъ наиболѣе постояннымъ признакомъ служитъ языкъ, всѣ остальные крайне измѣчивы. Но и общій языкъ можетъ, въ силу различія историческихъ условий и отсутствія общенія, раздѣлиться на особыя нарѣчія,

даже и совершенно чуждаго происхожденія, не уничтожаетъ народности. Христіанская религія одинаково національна для всѣхъ принявшихъ ее европейскихъ народовъ, но у каждаго изъ нихъ она отлилась въ особныя формы, сообразно съ народнымъ характеромъ. Едва ли нужно напоминать, что заимствованные у Англій судъ присяжныхъ и представительныя учрежденія вездѣ въ заимствовавшихъ странахъ получали свой особый характеръ. Наука, какъ проявленіе дѣятельности человѣческаго ума, вездѣ себѣ равнаго, кажется, должна бы быть совсѣмъ чужда національныхъ различій. Но даже и въ этой области они даютъ себя чувствовать. Историческая, политическая и юридическая литература Франціи, Германіи и Англій носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды каждой изъ этихъ національностей. Определить и перечислить ихъ чрезвычайно трудно, но это не говоритъ противъ самаго факта національныхъ особенностей даже въ наукѣ. Всѣ попытки опредѣлить точнымъ образомъ черты національнаго характера разныхъ народовъ весьма шатки, тѣмъ не менѣе эти черты существуютъ, чувствуются каждымъ и не исчезаютъ съ заимствованиями.

Культурное общеніе съ другими народами не должно вызывать никакой враждебности, никакого чувства антагонизма. Все, что у другихъ есть лучшаго, есть достоиніе всего человѣчества и должно быть усвоено болѣе молодыми на поприщѣ исторіи народами. Цивилизація всегда есть плодъ соединенныхъ усилій всего человѣчества. Для русскаго народа, позднее выступившаго на поприще всемірной исторіи, ничего нѣтъ постыднаго въ томъ, что ему приходится теперь больше брать, чѣмъ давать. Его старшіе братья дѣлали тоже. Истинно національная политика, преслѣдующая пользы своего народа, будетъ состоять не въ ревнивомъ удаленіи отъ всего иноземнаго, а въ заимствованіи полезнаго.

Высказываясь въ принципѣ въ пользу необходимыхъ заимствованій, мы не хотимъ, однако, этимъ сказать, что всякое отдѣльное заимствованіе, когда либо сдѣланное, было хорошо и должно было быть сдѣлано. Поклоненіе совершившемуся факту здѣсь также мало должно имѣть мѣста, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Наша исторія, какъ и всякая другая, представляетъ не мало заимствованій, которыя только отклонили ее съ надлежащаго пути, на который она рано или поздно, а должна выдти. У насъ были тѣ зачатки политической свободы, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ

которыя могутъ разойтись такъ далеко, что отрасли одного и того же народа перестанутъ понимать другъ друга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ утратить значеніе слѣдующей соединяющей отдѣльныя племена въ одну живую народность.

Европы развились представительныя учрежденія, распространившіяся теперь по всему образованному міру; но у насъ они были подавлены татарскими порядками и византійскими идеями. Вліяніе того же византійскаго права подавило у насъ и ту систему судебныхъ доказательствъ, изъ которой въ Англіи развился судъ присяжныхъ. Въ настоящее царствованіе это учрежденіе было заимствовано нами изъ западной Европы, но уже какъ совершенно чуждое нашему быту. При оцѣнкѣ заимствованій, какъ и вообще хода историческаго развитія, нужно прилагать мѣрку соответствія этихъ заимствованій съ требованіями человѣческой природы.

Свободное усвоеніе чуждаго, въ силу убѣжденія въ его превосходствѣ, не отрицаетъ національности, оно только обогащаетъ ее и нерѣдко тѣмъ, зародыши чего были и у ней самой. Но насильственное введеніе чуждыхъ порядковъ, соединенное съ презрѣніемъ къ своему народному, наноситъ ей величайшій вредъ. Народныя массы никогда не виноваты въ своей отсталости. Они вездѣ и всегда живутъ исподоволь. Хороши или дурны окружающіе ихъ порядки, они дорожатъ ими уже въ силу привычки. Они гордятся ими, какъ созданіемъ своего духа. Вводитъ новое необходимо съ большою осторожностью, не оскорбляя народнаго духа, не презирая его. Оскорбляя народный духъ неумѣльнымъ заимствованіемъ, какъ бы ни было хорошо это заимствование само по себѣ, подавляютъ ту силу, которая одна способна творить все великое въ исторіи.

Говоря до сихъ поръ о національности въ исторіи, мы постоянно имѣли въ виду самостоятельное государственное бытіе каждой особой народности. Но не всегда бываетъ такъ въ исторіи. Нерѣдко народности входятъ въ составъ чуждыхъ имъ государствъ, какъ ирландцы въ Англію, славяне въ Австрію и Турцію, греки и армяне въ Турцію и пр. Ложно понимаемые интересы такого сложнаго политическаго тѣла нерѣдко приводятъ къ подавленію одной народности другою, господствующей. Это подавленіе можетъ повести къ совершенной утратѣ народности. Явленія этого рода встрѣчаются въ исторіи съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Исторія каждаго государства можетъ представить не одинъ примѣръ такихъ поглощенныхъ и утратившихъ свое самостоятельное бытіе народностей. Но только въ наше время возбужденъ вопросъ о правѣ каждой народности на самостоятельное государственное бытіе ¹⁾).

¹⁾ Мысль о томъ, что государство есть форма народной жизни, высказана еще Пухтою: «Volk und Staat hängen aufs genaueste mit einander zusammen». Encyclopädie, I c. § XI.

Признаніе за каждой народностью права на государственную самостоятельность представляет чрезвычайныя трудности. Теоретическое основаніе такого права видятъ, иногда, въ условіяхъ культурнаго развитія каждаго народа. Отправляясь отъ той мысли, что каждая *естественная* народность отличается отъ другихъ особенностями характера и нравственными и умственными способностями, думаютъ, что разнообразіе національныхъ особенностей есть коренное условіе правильнаго хода общечеловѣческой цивилизаціи, и что лишить народъ самостоятельнаго государственнаго бытія значитъ лишить человѣчество возможности проявить во всемірной исторіи все богатство содержанія человѣческаго духа.

Если мы и согласимся въ принципѣ съ приведеннымъ мнѣніемъ, практическое осуществленіе его наталкивается на едва ли побѣдимыя затрудненія. Если право на самостоятельное государственное бытіе условливается цѣлями культурнаго развитія каждой народности, въ такомъ случаѣ будетъ совершенно послѣдовательно признать это право за каждой естественной народностью, какъ бы давно она ни утратила своей политической самостоятельности и на какой бы низкой ступени развитія она ни находилась, ибо теоретически нельзя отрицать, что поставленная самостоятельно она можетъ развить какія либо свои особенности и такимъ образомъ внести въ что оригинальное въ общечеловѣческую цивилизацію. Но въ такомъ случаѣ пришлось бы произвести ломку едва ли не всѣхъ современныхъ государствъ, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ можно встрѣтиться съ разноплеменнымъ составомъ. А при этомъ условіи выставленный принципъ не можетъ разсчитывать на какое либо практическое примѣненіе. Осуществленіе его должно встрѣтить соединенный и энергическій отпоръ всѣхъ современныхъ государственныхъ силъ. Но можетъ быть есть какая нибудь граница его примѣненія? Какую бы границу ни указали намъ, она неизбѣжно будетъ отступленіемъ отъ принципа, непослѣдовательностью и, слѣдовательно, подорветъ теоретическое его значеніе. При такой постановкѣ вопроса о самостоятельномъ государственномъ бытіи народностей, выставленный принципъ отходитъ въ область можетъ быть и желательныхъ, но никогда не осуществимыхъ теорій.

Мы думаемъ, однако, что и помимо всякихъ практическихъ соображеній принципъ самостоятельнаго культурнаго развитія каждаго народа не можетъ быть принятъ въ его теоретической безусловности. Развитіе самобытной народной культуры не непременно обезпечивается бытіемъ отдѣльнаго самостоятельнаго государства. Россія всегда была такимъ государствомъ, но самобытностью нашей куль-

туры мы далеко не можемъ гордиться. А съ другой стороны смѣшеніе разныхъ народностей въ одномъ государствѣ есть чрезвычайно часто повторяющійся историческій фактъ и вовсе не враждебный развитію общечеловѣческой культуры. Почти всѣ культурные историческіе народы—плодъ смѣшенія разныхъ народностей, а не одна чистая народность. Греки и римляне восприняли въ свой составъ нѣкоторыя племена даже не индогерманскаго происхожденія. Въ новой исторіи фактъ смѣшенія народностей повторился едва ли не на пространствѣ всей Европы: французы и англичане крайне смѣшаннаго происхожденія, нѣмцы, если не на всемъ пространствѣ Германіи, то въ весьма многихъ пунктахъ приняли въ себя римскіе и славянскіе элементы. Дѣятелями европейской культуры являются такимъ образомъ народы очень смѣшаннаго состава. Въ виду этого распространеннаго факта наука едва ли имѣетъ достаточное основаніе, въ культурныхъ цѣляхъ, выставить принципъ обособленія естественныхъ народностей. Признаніе въ теоріи права каждой народности на самостоятельное государственное бытіе должно усилить рознь и вражду національностей, тогда какъ исторія, къ несомнѣнному благу чело-вѣчества, ведетъ ихъ къ сближенію. Совершенно довольно одного примѣра разнонародной Швейцаріи, чтобы наука признала возможность гармоническаго соединенія разныхъ народовъ въ одномъ политическомъ тѣлѣ. Если въ наше время такое явленіе возможно только какъ счастливое исключеніе, въ будущемъ оно можетъ стать общимъ правиломъ. При крайней трудности размежеванія государствъ по народностямъ, примѣръ Швейцаріи даетъ поучительный выходъ изъ затрудненія.

Замѣчаемое въ наше время стремленіе нѣкоторыхъ народностей выдѣлиться изъ состава иноплеменныхъ имъ государствъ вызвано не условіями культурнаго развитія каждаго народа, а тѣмъ гнетомъ, который испытывали эти народности подъ чуждымъ господствомъ. Этотъ гнетъ и заставилъ ихъ высказаться противъ притѣснителей и поднять оружіе на установленную власть. Національный вопросъ возбужденъ греками, итальянцами и славянами, народами, которые были подавлены неумѣлымъ господствомъ иноплеменной власти. Напротивъ, нѣмцы Эльзаса и Лотарингіи не возбуждали никакого нѣмецкаго національнаго вопроса, они гордились тѣмъ, что стали французами, хотя совершенно рядомъ, только по другую сторону Рейна, развивалась болѣе родственная имъ нѣмецкая культура.

Причины народнаго недовольства грековъ, итальянцевъ и славянъ давно существовали, но почему же только въ наше время это

недовольство „законнымъ“ правительствомъ получило характеръ права, на защиту котораго выступили вѣнценосные государи въ лицѣ короля Сардиніи, императора французовъ и всероссійскаго императора, освободителя славянъ?

Причина этому лежитъ въ измѣнившихся, съ прошлаго вѣка, воззрѣніяхъ на государство. Благодаря просвѣтительной философіи XVIII вѣка государство перестало быть вотчиной государя, народная воля стала однимъ изъ существенныхъ его факторовъ. Вотъ почему народная воля, высказавшаяся противъ преобладающей власти, нашла защиту въ вѣнценосцахъ, проникнутыхъ идеями нашего времени.

Національный вопросъ есть вопросъ народной воли. Національная политика есть политика согласная съ этою волею. Съ этой точки зрѣнія національный вопросъ ничего не имѣетъ угрожающаго для разноплеменныхъ государствъ нашего времени, онъ не ведетъ непременно къ ихъ разрушенію. Онъ требуетъ только справедливаго и гармоническаго соединенія разныхъ народностей въ одномъ политическомъ цѣломъ. Разноплеменные государства осуждены распасться на свои составныя части только въ томъ случаѣ, если окажутся неспособными выработать соотвѣтствующую ихъ составу форму быта. Но при этомъ условіи могутъ распасться и единоплеменные государства. Англичане утратили же большую часть своихъ американскихъ владѣній, населенныхъ единоплеменнымъ съ ними народомъ.

IV.

ПРОГРЕССЪ.

Существующіе въ наукѣ взгляды на прогрессъ отличаются крайнимъ разнообразіемъ. Въ то время какъ одни писатели, выводя начало исторіи изъ состоянія первобытнаго варварства, пророчатъ человечеству постоянное движеніе къ улучшенію, обнимающему всѣ сферы его жизни и долженствующему сдѣлать его не только совершеннѣе въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніи, но и счастливѣе, другіе ограничиваютъ область прогресса одними только удобствами во вѣдшей обстановкѣ жизни, наконецъ, третьи допускаютъ состояніе первобытной невинности и культуры, въ варварскомъ же бытѣ дикарей видятъ результатъ вырожденія и упадка. Этотъ послѣдній взглядъ напоминаетъ наивную вѣру древняго человѣка въ недостижимыя совершенства первобытнаго золотого вѣка, отъ котораго

будто бы отправилась исторія, идущая отъ лучшаго къ худшему. Прогрессивное движеніе однимъ ученымъ представляется непрерывнымъ, постояннымъ, равномернымъ и безконечнымъ, другіе, наоборотъ, допускаютъ остановки и случаи понятнаго движенія (регресса) временнаго и какъ совершеннаго вырожденія ¹⁾).

Это разнообразіе возрѣній на послѣдовательность хода исторіи совершенно понятно. Въ какомъ направленіи совершается историческое движеніе, какъ идетъ оно и къ чему имѣетъ придти, — все это такіе вопросы, разъясненіе которыхъ сдѣлается возможнымъ только тогда, когда будутъ раскрыты управляющіе ходомъ исторіи законы. Полная теорія прогресса есть дѣло будущаго.

При современномъ состояніи историческихъ знаній общимъ правиломъ можно признать только то положеніе, что всякое сравнительно болѣе совершенное состояніе является послѣ предшествовавшего менѣе совершеннаго, и что движеніе исторіи отправилось отъ состоянія самаго грубаго варварства.

Положеніе это выступаетъ съ полнѣйшею очевидностью въ примѣненіи къ области человѣческихъ знаній. Сравнительно высшая степень успѣховъ ума, въ какой бы то ни было наукѣ, всегда обуславливается предварительно низшимъ ея уровнемъ. Точно также правило это не допускаетъ сомнѣній въ примѣненіи къ области права и ко внѣшнимъ удобствамъ жизненной обстановки. Всѣ успѣхи, сдѣланные въ области ремеслъ и всякаго рода техническихъ производствъ, также какъ и успѣхи знаній, приобрѣтены тяжелымъ трудомъ дѣльных поколѣній. Переходъ въ правѣ отъ грубаго преобладанія физической силы къ господству началъ разума совершается на глазахъ исторіи.

Нѣкоторое сомнѣніе идея прогресса, въ указанномъ смыслѣ, возбуждаетъ въ примѣненіи къ области чистыхъ искусствъ. Указываютъ на великія произведенія Гомера, Фидія, Шекспира, которыя до сихъ поръ не только ни кѣмъ не превзойдены, но и не имѣютъ себѣ равныхъ. Но заключать изъ этого, что прогрессъ не имѣетъ мѣста въ области созданій человѣческаго генія, значитъ давать неправильный оборотъ вопросу. Произденія гениевъ возникаютъ не на дикой почвѣ, они также имѣли свою исторію, которою и были подготовлены. Если великіе образцы прошлыхъ вѣковъ до сихъ поръ не были превзойдены, это можетъ вести лишь къ заключенію, что улучшенія не подлежатъ здѣсь непрерывно и постоянно.

¹⁾ Разнообразные взгляды на прогрессъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей приведены и разобраны въ превосходномъ сочиненіи Флинта, на которое мы уже не разъ ссылались.

Еще большія сомнѣнія возбуждаетъ вопросъ о примѣненіи идеи прогресса къ самой природѣ человѣка, къ возможности улучшенія ея въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніи. Бокль сомнѣвается, чтобы внутреннія силы человѣческаго ума возрастали въ исторіи. Прогрессъ же въ области нравственности онъ положительно отрицаетъ. По его мнѣнію нравственныя истины не мѣняются (I. 163). Съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Тѣ нравственныя начала, которыя Бокль приводитъ какъ неизмѣнныя ¹⁾, не суть первоначальныя и свойственныя человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Первоначальная нравственность была чисто семейная, крайне узкая и далеко не проникнутая идеею справедливости ²⁾. Нравственныя обязанности существовали только по отношенію къ членамъ своей семьи. Любили и берегли только ихъ. Всякій чужой, не членъ своей семьи, разсматривался какъ врагъ ³⁾. Съ этой первоначальной, крайне узкой ступени своей, нравственность идетъ развиваясь. Начала нравственной любви выходятъ за предѣлы семьи и разливаются на все племя, затѣмъ — на весь народъ, а съ христіанствомъ — и на всѣ народы. Нравственныя обязанности къ ближнему не ограничиваются теперь ни различіемъ сословій, ни народностей. Но и по настоящее время христіанская нравственность не можетъ быть разсматриваема, какъ вошедшая въ плоть и кровь христіанскихъ народовъ. Для измѣненія прежнихъ эгоистическихъ и грубыхъ понятій многое еще остается сдѣлать.

Но возрастаніе самыхъ силъ человѣческаго ума съ движеніемъ исторіи нельзя еще считать доказаннымъ фактомъ. Если люди, живущіе въ культурной обстановкѣ, достигаютъ большаго умственнаго развитія, чѣмъ дикари, это можетъ быть объяснено свойствами обстановки, въ которой они возвращаются съ дѣтства, а не наслѣдованными отъ родителей большими силами ума ⁴⁾. Прогрессъ будетъ здѣсь со-

¹⁾ «Дѣлать добро другимъ; жертвовать для ихъ пользы собственными желаніями; любить ближняго, какъ самого себя; прощать врагамъ; обуздывать свои страсти; почитать родителей; уважать старшихъ: эти и еще другія немногія правила составляютъ сущность нравственности; но онѣ были извѣстны тысячелѣтія тому назадъ и всѣ проповѣди моралистовъ и теологовъ не прибавили къ нимъ съ тѣхъ поръ ни одной юты». I. 163.

²⁾ Мысль о томъ, что первоначальный семейный бытъ, съ котораго пошло развитіе общежитія, не воспитываетъ человѣка къ общественной нравственности, прекрасно развита у Лотце, III, 448 сл.

³⁾ Фюстель - де - Куланжъ, Гражданская община античнаго міра, пер Е. О. Корша, стр. 120 сл. Да и теперь совершенно ли вымерли эти понятія?

⁴⁾ Появляющіяся въ послѣднее время изысканія по части наслѣдственной передачи дѣтамъ отъ родителей приобрѣтенныхъ послѣдними свойствъ духа слишкомъ еще недостаточны, чтобы рѣшить этотъ вопросъ въ пользу наслѣдственности. Сдѣланныя Боклемъ возраженія (162) противъ наслѣдственности заслуживаютъ полнаго вниманія.

стоять только въ томъ, что тѣже самыя силы духа въ культурной средѣ развиваются легче и полнѣе, чѣмъ въ некультурной. Умственное развитіе нѣкоторыхъ дикарей такъ ничтожно, что они едва умѣютъ считать до пяти, и вовсе не выработали слова для выраженія этого числа. Они различаютъ отдѣльные цвѣта (красный, зеленый и пр.) и отдѣльные виды деревьевъ; но родовыхъ понятій цвѣта и дерева у нихъ нѣтъ. Ихъ способность обобщенія крайне слаба. Если культурные народы достигли въ этомъ отношеніи громаднхъ успѣховъ, это надо разсматривать какъ результатъ болѣе благопріятныхъ условій внѣшней обстановки для развитія силъ человѣческаго ума, возникшихъ благодаря прогрессивному движенію исторіи. Дикари, съ дѣтства поставленные въ условія культурной среды, усваиваютъ себѣ ея особенности и, наоборотъ, люди бѣлой расы легко дичаютъ въ средѣ некультурной ¹⁾.

Что касается улучшенія физической природы человѣка, вліяніе прогресса въ этой области можетъ быть признано въ томъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, что успѣхи медицины и улучшеніе гигиеническихъ условій жизни дѣйствительно увеличиваютъ среднюю продолжительность жизни человѣка. Это обще признанный статистическій фактъ.

Такова область явленій, въ которыхъ обнаруживается дѣйствіе прогресса въ указанномъ смыслѣ.

Но есть область болѣе близкая нашему сердцу. Это область личнаго человѣческаго счастья. Можемъ ли мы сказать, что рядомъ съ тѣми улучшеніями, которыя происходятъ въ состояніи ума человѣка, его нравственности, въ правѣхъ и во внѣшней обстановкѣ его жизни, мы сдѣлались также счастливѣе нашихъ предковъ, что окружающая насъ дѣйствительность съ ея улучшенными путями, телеграфами и всѣми неисчислимыми усовершенствованіями современной цивилизации, милѣ намъ, болѣе радуется насъ и живитъ, чѣмъ радовала ихъ та безыскусственная природа, которой они были окружены? Многіе думаютъ, что съ прогрессомъ человѣкъ дѣлается и счастливѣе. Но, кажется, есть гораздо болѣе основаній сомнѣваться, чтобы способность наша къ счастью сколько нибудь возрастала. Мы менѣе способны къ ощущеніямъ счастья, чѣмъ наши предки, уже потому, что развитіе сдѣлало насъ болѣе требовательными. Внутреннее раздвоеніе и возникающая изъ него борьба человѣка съ самимъ собой, такъ отравляющая жизнь людей нашего времени, и недовольство окружающей дѣйствительностью, порождающее безпокойное

¹⁾ Waitz, I, 369 и др.

стремленіе куда-то въ даль, совсѣмъ неизвѣстны первобытному человѣку ¹⁾). Если мѣрою прогресса мы поставимъ не улучшеніе природы человѣка и внѣшнихъ условій его быта, а менѣе уловимое, но болѣе захватывающее человѣка отношеніе внѣшнихъ условій быта къ его личному ощущенію, степень личной его удовлетворенности ими, мы едва ли не должны придти къ заключенію, что эта степень нисколько не возрастаетъ; въ настоящее время она можетъ быть даже меньше, чѣмъ во времена самыя отдаленныя и грубыя. Правда, мы свободны отъ того чувства страха и ужаса, которое должны были возбуждать въ первобытномъ человѣкѣ неизвѣстныя ему въ своемъ дѣйствіи силы природы, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы утратили и возможность въ той же мѣрѣ отдаваться ощущеніямъ радости и довольства, которыя такъ легко вызываются въ немъ первымъ удовлетвореніемъ его несложныхъ и безыскусственныхъ потребностей. Древней поэтической мысли русская земля представлялась какъ „свѣтло-русская“. Въ этомъ эпитетѣ нельзя не видѣть яркаго чувства довольства окружающей дѣйствительностью. Напрасно будемъ искать этого счастливаго чувства радости въ современной поэзіи. Счастье человѣка не стоитъ, такимъ образомъ, ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ прогрессу.

Но если всякое болѣе совершенное состояніе (за исключеніемъ личной сферы человѣческаго счастья) является только послѣ предшествовавшаго ему менѣе совершеннаго, то это еще не значитъ, что всякое данное состояніе, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, съ необходимостью вызываетъ слѣдующее лучшее. Лучшее наступаетъ послѣ сравнительно худшаго только въ томъ случаѣ, когда были на лицо необходимыя для того условія, а не въ силу дѣйствія какого-то неизбежнаго (какъ судьба) закона прогресса, ведущаго человечество къ совершенствованію наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, могущимъ возникнуть какъ изъ дѣйствія внѣшнихъ условій, такъ и по волѣ человѣка, враждебной улучшеніямъ. Если этихъ благопріятныхъ прогрессу условій не было, необходима остановка прогрессивнаго движенія, а при особенно неблагопріятныхъ условіяхъ возможно и попятное движеніе. Явленія попятнаго движенія встрѣчаются не только въ одномъ какомъ либо отношеніи (напримѣръ въ развитіи чистыхъ искусствъ и изящной литературы, гдѣ очень мало замѣчается постоянства), но и разомъ во многихъ и даже почти во всѣхъ. Таковы, напримѣръ, послѣдствія татарскаго нашествія для всѣхъ русскихъ княженій и поко-

¹⁾ См Waitz, I, 345.

ренія Новгорода и Пскова для этихъ двухъ областей. Зачатки правильно организованной политической свободы, довольно ясно обозначившіяся здѣсь, навсегда были подавлены московскимъ погромомъ въ ихъ самостоятельномъ мѣстномъ бытіи и развитіи. Крайне натянутымъ и произвольнымъ представляется такое изложеніе исторіи, которое въ каждомъ новомъ царствованіи усматриваетъ непремѣнный успѣхъ, и съ точки зрѣнія котораго исторія являетъ картину праздничнаго шествія народовъ къ безоблачному торжеству настоящаго дня. Всякая попытка соединить линіей прямолинейнаго прогресса всѣ послѣдовательныя стадіи развитія даннаго народа должна быть оставлена, какъ совершенно безнадежная.

Давно была высказана мысль о существованіи болѣзненныхъ эпохъ въ исторіи ¹⁾. Она заслуживаетъ полнаго вниманія. Такія эпохи дѣйствительно есть.

Примѣненіе этой мысли къ обработкѣ исторіи зависитъ отъ установленія понятія о томъ, что должно считать здоровымъ состояніемъ. Абсолютнаго здоровья дѣйствительность не знаетъ. Здоровымъ состояніемъ общества надо считать уже такое, въ которомъ невозможно полнымъ образомъ взаимно примирены и удовлетворены разнообразныя потребности природы человѣческой. Чѣмъ выше степень этого удовлетворенія, тѣмъ ближе общество къ здоровому состоянію и, на оборотъ, тѣ эпохи, въ которыхъ удовлетворена какая нибудь одна, или только нѣкоторыя изъ его нуждъ и потребностей, а другія, столь же законныя, подавлены, должны быть признаны болѣзненными. Не всякая болѣзнь смертельна. И въ жизни отдѣльнаго человѣка за болѣзнью слѣдуетъ, иногда, еще болѣе полное развитіе его силъ. Это возможно и въ жизни общества. Но это еще не значить, что болѣзнь была необходима и полезна на пути его прогресса.

Разнообразные элементы общественной жизни, доступные дѣйствію прогресса, развиваются далеко не равномерно и не параллельно. Въ то время какъ одни прогрессируютъ, другіе могутъ находиться въ совершеннѣйшемъ застоѣ. Развитіе однихъ идетъ нерѣдко даже прямо на счетъ подавленія другихъ. Элементы порядка развиваются, обыкновенно, весьма долгое время на счетъ элементовъ свободы и успѣховъ мысли. Громадное развитіе машиннаго производства, совершающееся на нашихъ глазахъ, идетъ нерѣдко въ ущербъ вкусу, красотѣ, а иногда и прочности произведеній. Въ исторіи

¹⁾ Zachariä, Vierzig Bücher vom Staate, 1839.

каждаго народа можно одновременно встрѣтиться съ явленіями прогресса и застоя. Параллелизм прогресса также не есть необходимое свойство развитія исторіи, какъ и его непрерывность и постоянство.

Прогрессивное движеніе распространяется крайне медленно и далеко не въ одинаковой степени охватываетъ все населеніе даннаго государства. Чувство нашей гордости, возбуждаемое успѣхами современной цивилизаціи, должно въ значительной мѣрѣ умалиться, если обратить вниманіе на то, какъ, сравнительно, не велико число лицъ, пользующихся этими успѣхами. Внѣшняя обстановка жизни нашего крестьянина, въ большинствѣ случаевъ, и теперь мало чѣмъ отличается отъ его обстановки при самомъ началѣ нашей достовѣрной исторіи. Онъ все еще живетъ въ курной избѣ съ землянымъ поломъ и вмѣстѣ съ своими домашними животными. Умственное и нравственное развитіе его также очень мало подвинулось. Онъ и теперь вѣритъ и въ домового, и въ лихой глазъ, и въ спасительное дѣйствіе нашептываній и опрыскиваній съ угля и съ горячей лучины. И это послѣ тысячелѣтней исторіи Россіи.

Прогрессивное движеніе, наконецъ, проявляется далеко не у всѣхъ народовъ съ одинаковой силой. Наибольшую энергію выказало оно среди народовъ бѣлой расы. У народовъ монгольскаго типа оно гораздо уже слабѣе. А многіе народы Азіи, Африки и Америки и теперь находятся въ состояніи весьма близкомъ къ первобытной дикости. Эти различныя успѣхи народовъ въ области культуры и созданіе современной цивилизаціи почти исключительно усиліями европейцевъ наводятъ иногда на мысль, что прогрессивная цивилизація составляетъ скорѣе исключеніе, чѣмъ общій законъ ¹⁾. Нѣкоторые писатели выставляютъ даже теорію народовъ способныхъ къ культурѣ и неспособныхъ и къ числу первыхъ относятъ только бѣлую расу ²⁾. Выводъ, конечно, очень поспѣшный. Изъ указаннаго различія нельзя еще заключать, что народы, сдѣлавшіе самыя ничтожныя успѣхи, навсегда обречены оставаться въ ихъ теперешнемъ положеніи. Иныя историческія условія, иныя вліянія могутъ вызвать и ихъ къ иному проявленію своихъ силъ въ исторіи.

Не смотря на всѣ указанныя ограниченія понятія прогресса, движеніе исторіи къ лучшему представляется многимъ безконечнымъ. Безконечность прогресса надо понимать не въ томъ смыслѣ, что

¹⁾ Это мнѣніе высказываетъ Maine, *Accient law*, 1870, стр. 22, и Flint, стр. 234.

²⁾ Въ I т. Антропологии Вайда можно найти опроверженіе этой теоріи.

улучшенія выдуть, наконецъ, за предѣлы возможнаго, полагаемые природою человѣка и внѣшними условіями его жизни. Она значить только, что умъ человѣка не въ состояніи указать никакихъ опредѣленныхъ границъ этимъ улучшеніямъ ¹⁾. Но безконечность прогресса въ этомъ смыслѣ есть, собственно, только наше невѣдѣніе его границъ.

Хотя прогрессъ и не безконеченъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе положить сколько нибудь опредѣленную границу будущимъ успѣхамъ человѣка въ исторіи дѣло невозможное и ни одна изъ попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи, не можетъ быть признана удовлетворительной.

Попытку этого рода находимъ у Вико. Онъ смотритъ на прогрессъ какъ на движеніе круговращательное: народъ, по его мнѣнію, дойдя до опредѣленнаго конца своего развитія, возвращается снова къ прежнему дикому состоянію и затѣмъ опять проходить тѣ же стадіи развитія. Такое круговращательное движеніе, въ предѣлахъ постоянно повторяющихся періодовъ развитія, совершенная невозможность, такъ какъ нельзя допустить неизмѣннаго повторенія всей совокупности тѣхъ условій, которыя разъ вызвали уже движеніе исторіи даннаго народа въ извѣстномъ направленіи.

Другая такая попытка встрѣчается весьма у многихъ историковъ и состоитъ въ подчиненіи хода развитія извѣстнаго народа или даже и всего человѣчества законамъ человѣческихъ возрастовъ. Съ этой точки зрѣнія послѣдовательныя состоянія въ развитіи исторіи приравняются послѣдовательнымъ состояніямъ въ жизни отдѣльнаго человѣка. Древнѣйшее состояніе человѣчества приравниваютъ дѣтству, затѣмъ говорятъ о юности, зрѣломъ возрастѣ и, наконецъ, о старости, за которою неизбѣжно должна слѣдовать смерть. Бытіе народа представляется при этомъ также напередъ ограниченнымъ, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка. Сень-Симонъ взялъ на себя даже трудъ опредѣлить сколькимъ годамъ въ жизни человечества равняется одинъ годъ въ жизни человѣка. По его мнѣнію одинъ годъ въ жизни человѣка равняется 200 лѣтъ въ жизни народовъ. Попытка — не лишенная своего рода послѣдовательности, только соотношеніе, мѣру котораго она усиливается выяснитъ, совершенно не существуетъ въ дѣйствительности. Каждый народъ, если мы будемъ разсматривать его какъ этнографическую единицу,

¹⁾ Такъ объясняетъ безконечность прогресса Flint, 135 с., защищая воззрѣнія Condorcet.

во всякое данное время одинаково состоитъ изъ лицъ всѣхъ возможныхъ возрастовъ, численное отношеніе которыхъ довольно постоянно. Эта совокупность лицъ всѣхъ возрастовъ не можетъ ни стариться, ни умирать, какъ отдѣльный человѣкъ. Если мы возьмемъ народъ не какъ этнографическую единицу, а какъ политическое цѣлое, которое имѣетъ свое выраженіе не въ суммѣ отдѣльныхъ лицъ, а въ учрежденіяхъ, и представляетъ какъ бы живой политической организмъ, то и въ этомъ случаѣ примѣненіе понятія разныхъ человѣческихъ возрастовъ къ возникновенію, развитію и упадку государственнаго организма далеко не соотвѣтствуетъ существу дѣла. Упадокъ однихъ учреждений и замѣна ихъ другими не есть смерть одного политическаго индивида и рожденіе другаго. Это только перерожденіе однихъ учреждений въ другія въ средѣ того же народа и съ сохраненіемъ массы особенностей прежняго быта.

Сравненіе древнѣйшаго быта человѣчества съ состояніемъ дѣтства, позднѣйшихъ эпохъ съ зрѣлымъ возрастомъ всегда дѣлалось и будутъ, конечно, дѣлаться, но это имѣетъ значеніе только уподобленія, это дѣло языка, образное выраженіе, которому не соотвѣтствуетъ никакое опредѣленное научное понятіе. Это языкъ поэзіи въ наукѣ и ничего больше. Народы появляются на сценѣ исторіи и сходятъ съ нея, но причины ихъ паденія лежатъ не въ томъ, что они, какъ отдѣльный человѣкъ, изжили все то время, которое, по естественному порядку вещей, могли прожить. Понятіями юности, зрѣлаго возраста и старости ничего нельзя объяснить въ жизни такого сложнаго организма, какимъ является народъ, будемъ ли мы разсматривать его какъ этнографическую единицу, или какъ политическое цѣлое. Онъ имѣетъ свои законы развитія, несоизмѣримые съ законами развитія отдѣльныхъ лицъ.

Понятіе прогресса, какъ улучшенія, съ какими бы ограниченіями мы его ни приняли, стоитъ въ необходимой зависимости отъ личныхъ взглядовъ и вкусовъ, а потому въ примѣненіи къ однихъ явленій историческаго роста народовъ можетъ страдать значительной долей неопредѣленности: въ чемъ одинъ историкъ усмотритъ улучшеніе, въ томъ другой можетъ видѣть одно ухудшеніе. Историческая наука не могла, поэтому, остановиться только на этомъ понятіи прогресса: у ней есть и другое, заимствованное отъ понятія развитія органической природы. Тѣла органической природы развиваются, переходя отъ простѣйшаго состоянія къ сложнѣйшему, отъ слитнаго къ расчлененному: что дано въ сѣмени слитно, то въ развитомъ организмѣ является расчлененнымъ и обособлен-

нымъ въ отдѣльные органы. Это движеніе къ обособленію и расчлененію замѣчается и въ исторіи человѣческихъ обществъ ¹⁾. Въ древнѣйшее время религія, нравственность, право еще не выдѣлены одно изъ другаго; правила, относящіеся къ этимъ разнымъ дѣятельностямъ человѣческаго духа, находятся въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ; органы, наблюдающіе за ихъ примѣненіемъ, также не обособлены. Только съ дальнѣйшимъ развитіемъ народа происходитъ выдѣленіе и обособленіе. Неумѣнье обособить эти разные дѣятельности является всегда препятствіемъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ человѣчества.

Съ этимъ явленіемъ обособленія встрѣчаемся и въ отдѣльныхъ сферахъ дѣятельности человѣческаго духа. Въ началѣ исторіи поэзія представляется однимъ эпосомъ; съ дальнѣйшимъ развитіемъ является лира, драма, комедія и т. д. То же замѣчается въ области научныхъ знаній. Первый шагъ, который дѣлаетъ человѣческое знаніе на пути своего развитія, заключается въ его обособленіи отъ миѳологии; за тѣмъ идетъ обособленіе отдѣльныхъ наукъ, одной отъ другой, сдѣлавшее такіе громадные успѣхи въ послѣднее время. Дѣйствіе того же начала наблюдается и во внѣшней обстановкѣ человѣческой жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить измѣненія, совершившіеся въ исторіи одежды и постройки жилищъ.

Эта новая мѣра прогресса особенно ясно и послѣдовательно принимается въ области права. Въ патриархальномъ быту все власти сосредоточиваются въ рукахъ отца семейства. Дальнѣйшая исторія представляетъ явленіе обособленія разныхъ отраслей права и власти и возникновенія особыхъ органовъ для каждой изъ нихъ. Чѣмъ далѣе идетъ развитіе, тѣмъ болѣе усиливается это обособленіе ²⁾. Неумѣнье выдѣлить государство изъ семьи и расчленивъ государственныя власти по различію ихъ дѣятельности всегда является причиной застоя и существеннымъ препятствіемъ политическаго развитія народа.

При этомъ взглядѣ на прогрессъ признакомъ высшей культуры будетъ служить обособленіе религіи, права, поэзіи, науки и пр., а въ области права выдѣленіе понятія государства изъ понятія семейства, частнаго права отъ государственнаго, задачъ общества отъ

¹⁾ О прогрессѣ или специализации говоритъ Maine, *Ancient Law*, 316; Flint, 271, рассматриваетъ дифференціацію какъ слѣдствіе прогресса. У Тейлора, *Первобытная культура*, можно найти массу фактовъ, указывающихъ на ходъ прогресса отъ простѣйшаго къ сложнѣйшему.

²⁾ Движеніе права въ исторіи отъ простаго къ разнообразному указыво уже Пухтоу, *Encyclopédie*, 2 с., § XIX.

задачъ государства, расчлененіе обширной области права по различію его видовъ, появленіе особыхъ органовъ для каждаго особаго рода дѣятельности въ сферѣ государственнаго устройства и управленія и т. д. Чѣмъ старѣе культура, тѣмъ обособленій всякаго рода будетъ больше.

Современныя воззрѣнія науки на прогрессъ представляются далеко не завершенными. Это и понятно. Теорія прогресса можетъ быть построена только по раскрытіи законовъ историческаго развитія. Идея прогресса какъ улучшенія непременно предполагаетъ опредѣленную мѣру улучшенія. Присканіе такой мѣры, которая обнимала бы бытіе общества въ цѣломъ, а не отдѣльныя его стороны, и поставила бы оцѣнку историческаго движенія внѣ личныхъ вкусовъ историка, — дѣло чрезвычайно трудное, и нельзя сказать, что такая мѣра находится уже въ распоряженіи историковъ ¹⁾. При отсутствіи параллелизма въ прогрессѣ, улучшенія являются только отдѣльными и часто совершенно разрозненными фактами въ общемъ состояніи народа. Но это не единственный недостатокъ мѣры прогресса, которая заключается въ понятіи улучшенія. Есть другой, не менѣе важный. Понятіе лучшаго всегда относительно и не исключаетъ извѣстной доли зла. Всякое сравнительно лучшее состояніе имѣетъ и ему свойственные недостатки. Таковы свойства природы человѣческой, таковы и свойства историческихъ состояній, ея обусловливаемыхъ. Давно замѣчено, что добродѣтели не исключаютъ слабостей, а, наоборотъ, каждая добродѣтель, каждое хорошее свойство человѣка имѣетъ и свою изнанку. Сердечная доброта легко переходитъ въ излишнюю и

¹⁾ Бокль дѣлаетъ попытку отыскать такую мѣру. Мѣрою прогресса онъ считаетъ развитіе человѣческихъ знаній (I, 165 сл.). Ни кто не будетъ отрицать, что усѣхи разума — одна изъ главнѣйшихъ причинъ прогресса, но не единственная, какъ думаетъ Бокль. Чувство любви къ ближнему, столь необходимое для успѣховъ человѣческой культуры, не стоитъ ни въ какомъ необходимомъ отношеніи къ массѣ накопленныхъ знаній. Считая умственные истины (въ противоположность къ нравственнымъ) причиною всѣхъ прогрессивныхъ переменъ, Бокль отрицаетъ почти всякое вліяніе на прогрессъ религіи (235 сл.), литературы (244 сл.), законодательства (250 сл.), какъ будто для развитія народа совершенно безразлично, какаѣ бы религіи ни пропандизировались въ его средѣ, какія бы идеи ни проводились въ литературѣ, какиѣ бы направленіемъ ни отличалось его законодательство! По его мнѣнію, въ самыхъ благоприятныхъ случаяхъ, это только второстепенные агенты (265), первостепенный же агентъ — умственное состояніе народа. Но развѣ религіозная проповѣдь и вліяніе литературы и законодательства не могутъ внести въ умственное состояніе народа такихъ признаковъ, которыхъ въ немъ прежде не было? Это крайнее заблужденіе стоитъ у Бокля въ тѣсной связи съ недостаточнымъ признаніемъ личной воли факторовъ исторіи.

часто вредную мягкость и уступчивость, мужество въ жестокость, сознание челоѣческаго достоинства въ неприступную гордость, щедрость въ расточительность, бережливость въ скаредность и алчность, мать столькихъ пороковъ, умъ въ отталявающую сухость. Даже любовь, и та имѣетъ свою отравленную сторону: любовь къ женѣ и мужу переходитъ въ ревность, любовь къ дѣтямъ — въ семейный деспотизмъ. То же замѣчается и на болѣе широкой сценѣ исторіи. Съ ея движеніемъ несомнѣнно появляется множество улучшеній, но не однихъ только улучшеній, возникаютъ и новые пороки, и новыя общественныя язвы. Общественному быту нашего времени свойственны такіе недостатки и преступленія, которыя не были извѣстны болѣе низкому состоянію культуры. Соціализмъ есть признакъ болѣзни исключительно высоко культурныхъ народовъ. Человѣкъ, ограниченный по природѣ своей, никогда не сдѣлается совершеннѣй и общественный бытъ, обуславливаемый этой всегда ограниченной природой, никогда не будетъ золотымъ вѣкомъ, который можетъ грезиться только дѣтскому воображенію. Понятіе прогресса, въ смыслѣ улучшенія, принимаемое безъ всякихъ оговорокъ, какъ общій и безусловный законъ, осуществляющійся въ каждомъ данномъ случаѣ, можетъ повести только къ неправильному пониманію хода исторіи и возбудить такія ожиданія отъ будущаго, которыхъ никогда не оправдаетъ трезвая дѣйствительность. Что высшее состояніе культуры всегда обуславливается предшествовавшимъ низшимъ, это дѣйствительно общій законъ. Но онъ не можетъ быть толкуемъ въ томъ смыслѣ, что каждое данное состояніе неизбѣжно вызываетъ слѣдующее лучшее. Такого заключенія исторія не даетъ права сдѣлать. Но вмѣстѣ съ этимъ прогрессивное движеніе къ лучшему теряетъ значеніе общаго закона. Оно имѣетъ мѣсто только при существованіи благоприятныхъ для того условій, при отсутствіи же ихъ является застой и даже регрессъ.

Хотя прогрессъ, въ смыслѣ улучшенія, и не составляетъ общаго закона историческаго развитія, тѣмъ не менѣе улучшеніе челоѣческаго быта въ исторіи есть необходимое требованіе развитаго культурой челоѣческаго ума. По сколько воля челоѣка является факторомъ исторіи, лучшія ея стремленія всегда были направлены къ улучшенію общественнаго быта. Этимъ завѣтнымъ стремленіемъ челоѣческой воли къ лучшему и объясняется тотъ благодушный оптимизмъ, которымъ нерѣдко запечатлѣны взгляды историковъ на прогрессъ.

Понятіе прогресса какъ обособленія и расчлененія явленій имѣетъ

преимущество большей опредѣленности; оно даетъ болѣе объективную мѣру прогресса, независящую въ той степени отъ личныхъ взглядовъ и вкусовъ, какъ понятіе улучшенія. Эта новая мѣра прогресса хотя въ большинствѣ случаевъ указываетъ на происшедшее улучшеніе и обуславливаетъ дальнѣйшее, но все же не совершенно совпадаетъ съ понятіемъ улучшенія. Это совпаденіе имѣло бы мѣсто только въ томъ случаѣ, если бы каждое обособленіе свидѣтельствовало о дѣйствительномъ улучшеніи, что, однако, не всегда бываетъ. Возможность дробленій, по самой природѣ жизненныхъ отношеній, не безконечна. Обособленія имѣютъ свою границу и именно въ природѣ явленій общественной жизни, изъ которыхъ одни допускаютъ большую дробимость, другія меньшую. Дробленіе, переходящее свою естественную границу, перестаетъ уже быть улучшеніемъ и становится признакомъ вырожденія и упадка. Это будетъ уже явленіе болѣзненного развитія. Въ исторіи встрѣчаемся съ такими обособленіями, которыя въ послѣдствіи уничтожаются какъ вредныя, и явленія расчлененныя снова сливаются вмѣстѣ. Примѣръ этому даетъ учрежденіе рабства, крѣпостнаго права и вся сословная организація. Успѣхъ заключался здѣсь въ слитіи того, что прежде обособилось. Имѣемъ ли мы достаточное основаніе думать, что въ свое время эти обособленія были успѣхомъ? Если мы и признаемъ, что современная культура возникла при ихъ помощи, это еще не даетъ намъ права заключить, что иначе она и не могла возникнуть. Это послѣднее положеніе не доказывается еще совершившимся фактомъ. Допустимъ, что эти обособленія принесли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ свою долю пользы. Но достигнутое такимъ образомъ улучшеніе нѣкоторыхъ сторонъ быта совершилось на счетъ несомнѣннаго ухудшенія другихъ и окончательный выводъ будетъ тотъ же, т. е., не всякое обособленіе есть безусловное улучшеніе. Понятіе расчлененія и обособленія не имѣетъ, такимъ образомъ, постояннаго отношенія къ улучшенію. Чтобы перенести вопросъ на точку зрѣнія улучшенія, необходимо въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлить отношеніе извѣстнаго обособленія къ природѣ и потребностямъ человѣка, а также къ природѣ того явленія, среди котораго оно совершилось. Если обособленіе будетъ соответствовать разнообразнымъ условіямъ среды, оно будетъ имѣть значеніе улучшенія и успѣха, въ противномъ случаѣ это будетъ явленіе болѣзненное и успѣхъ будетъ состоять въ его устраненіи.

V.

ДѢЛЕНІЕ ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВА НА ПЕРІОДЫ.

Если исторія имѣть дѣло съ законами развитія человѣческихъ обществъ, то дѣленіе ея на періоды, въ которыхъ должна отразиться послѣдовательность этого развитія, имѣть существеннѣйшее значеніе: въ дѣленіи весь смыслъ исторіи, вся философія ея хода и перемѣнъ.

Всякое дѣленіе на періоды является конечнымъ результатомъ изученія историческаго матеріала, это послѣдніе выводы исторической науки. Но въ изложеніи оно, по необходимости, предшествуетъ исторіи, а не слѣдуетъ за ней и съ самаго начала даетъ уже возможность окинуть однимъ взглядомъ все обширное поле историческаго движенія. Только послѣдующее изложеніе исторіи можетъ оправдать предлагаемое дѣленіе, въ началѣ же всякое дѣленіе должно быть принято читателемъ на вѣру, или какъ тезисъ, который еще долженъ быть доказанъ.

Всякое дѣленіе предполагаетъ опредѣленное основаніе дѣленія, а потому первый вопросъ, который долженъ быть здѣсь рѣшенъ, состоитъ въ опредѣленіи этого основанія.

Изъ предшествовавшаго видно, что дѣленіе исторіи на періоды должно условливаться самымъ ходомъ историческаго движенія, тѣми естественными различіями, которыми характеризуются разныя стадіи этого движенія. Но выше было уже замѣчено, что историки не имѣютъ еще точной и исчерпывающей мѣры историческаго развитія. Въ этомъ заключается трудность раціональнаго дѣленія и главная причина весьма значительныхъ различій во взглядахъ на его основанія.

Нѣкоторые историки прибѣгаютъ къ чисто внѣшнимъ фактамъ, которые и кладутъ грани на рубежахъ различаемыхъ ими періодовъ¹⁾. Такими разграничительными фактами служатъ, на примѣръ, принятіе христіанства, завоеваніе Руси монголами, царствованіе замѣчательныхъ по своей дѣятельности государей, изданіе важныхъ законодательныхъ памятниковъ, каковы: судебники, уложеніе царя Алексѣя Михайловича и пр.

¹⁾ Такой способъ дѣленія весьма распространенъ. Онъ встрѣчается у Мадейскаго, Неволіна, Рождественскаго и др.

Не подлежит сомѣнію, что такіе крупныя факты, какъ принятіе христіанства и нашествіе татаръ, не остались безъ существеннаго вліянія на самый внутренній бытъ народа. Они внесли въ него новыя начала, которыя и привели къ кореннымъ измѣненіямъ этого быта. Но все же это вѣщныя, со стороны привзошедшіе факты. Кладя ихъ въ основаніе дѣленія, собственно, разрываютъ исторію на отдѣльныя части, при чемъ одинъ періодъ вовсе не вытекаетъ изъ своего предшествующаго, нисколько имъ не условливается, а на оборотъ является его отрицаніемъ, какъ христіанская эпоха есть отрицаніе языческой, а Русь татарская отрицаніе Руси княжеской. Дѣленіе на основаніи такихъ крупныхъ фактовъ не имѣетъ ничего общаго съ послѣдовательнымъ развитіемъ исторіи изъ одного состоянія въ другое, ибо новое состояніе не является слѣдствіемъ предшествовавшаго, а приходится изъ внѣ. Дѣленіе по законодательнымъ памятникамъ также не соотвѣтствуетъ существу историческаго развитія. Такіе памятники, какъ судебники и уложеніе, представляютъ, главнымъ образомъ, сводъ уже дѣйствующаго права; они не только не отрицаютъ его, даже не измѣняютъ въ цѣломъ, а лишь приводятъ въ лучший порядокъ. До судебниковъ и послѣ, до уложенія и послѣ дѣйствуетъ одно и то же право; эти своды могли дать больше удобствъ въ примѣненіи этого права, но въ началахъ, управляющихъ жизнью народа, они не произвели кореннаго переворота. Въ этомъ отношеніи гораздо большую роль можетъ играть какой нибудь отдѣльный указъ, вносящій новыя начала, чѣмъ цѣлый сводъ стараго права. При всей законодательной важности такихъ памятниковъ, они все же не закончили старой жизни и не начали новой. Эту судьбу раздѣляетъ съ ними и изданный при императорѣ Николаѣ сводъ законовъ россійской имперіи. Также несовершенно и дѣленіе по царствованіямъ. Всякое царствованіе одинаково принадлежитъ и прошедшему, которымъ оно подготовлено, и будущему, въ которое оно можетъ внести что либо новое. Ставить царствованіе извѣстнаго государя предѣломъ двухъ періодовъ значитъ разрывать въ наукѣ то, что въ жизни было неразрывно. Даже Петръ Великій не разорвалъ русской исторіи на двѣ отдѣльныя половины. Не смотря на все его желаніе уйти отъ недостатковъ древней Россіи и перестроить весь нашъ бытъ на новыхъ и лучшихъ началахъ, онъ самъ употреблялъ московскіе приемы во многомъ, а нѣкоторыя стороны нашего юридическаго быта оказались послѣ его смерти даже въ худшемъ состояніи, чѣмъ были до него.

Совершенно вѣрный взглядъ на дѣленіе исторіи встрѣчаемъ у

тѣхъ нашихъ ученыхъ, которые въ основаніе дѣленія кладутъ не выдающіеся событія и законодательные памятники, а внутреннія отличительныя свойства періодовъ.

Примѣръ такого дѣленія даетъ К. Д. Кавелинъ. Его взглядъ на послѣдовательность развитія нашей исторіи изложенъ въ статьѣ о юридическомъ бытѣ древней Россіи, бросившей столько свѣта на нѣкоторыя стороны нашей древней жизни ¹⁾. Излагая послѣдовательный ходъ развитія нашего юридическаго быта, почтенный авторъ, къ сожалѣнію, не формулируетъ самъ тѣхъ періодовъ, на которые должно дѣлиться это развитіе. Это дѣленіе мы должны сами извлечь изъ непрерывнаго теченія его мыслей. Если мы правильно его поняли, онъ различаетъ собственно четыре періода ²⁾.

Первый — есть періодъ семейнаго или родоваго быта (312), поглощающаго человѣческую личность. Начало личности у русско-славянскихъ племенъ этого времени не существовало (320). Древняя исторія, по его мнѣнію, представляетъ постепенное развитіе исключительно кровнаго, родственнаго быта (315). Этотъ бытъ, начинаясь съ древнѣйшихъ временъ, крайними своими вѣтвями заходитъ въ московское государство (353, 357). Время отъ призванія Варяговъ и до Ярослава представляетъ перерывъ въ господствѣ родовыхъ началъ. Призванные князья пришли съ своими дружинами, они принесли къ намъ зачатки гражданственности и политическаго единства всей русской земли (327). Но теченіе этого варяжскаго періода (330) было непродолжительно. Варяги уже при Ярославіи слились съ славянами и совершенно подчинились туземному элементу (329), завѣщавъ намъ надолго мысль о государственномъ единствѣ всей русской земли, дружинное начало и систему областнаго управленія (314). Съ Ярослава снова возобновляется развитіе родоваго начала, представленнаго самому себѣ (331).

Второй періодъ является господствомъ вотчинныхъ началъ въ устройствѣ и управленіи княжествъ. Съ Андрея Боголюбскаго князья получаютъ оубдлость и дѣлаются собственниками (343). Господство родовыхъ началъ уступаетъ мѣсто преобладанію началъ семейныхъ (347). Вмѣстѣ съ этимъ прежнее единство Россіи, основанное на единствѣ рода князей, теряется (331, 343) и возникаетъ политическое раздробленіе Россіи на удѣлы.

¹⁾ Полное собраніе сочиненій, I. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи.

²⁾ Характеристику каждаго періода мы постараемся сдѣлать подлинными словами автора.

Третій періодъ есть время уничтоженія удѣловъ (352). Это заслуга московскихъ князей, при которыхъ кровное начало уступаетъ мѣсто политическому (353). Съ Ивана III возникаетъ сознание государственныхъ потребностей, является понятіе о государственной службѣ, о гражданствѣ, о равенствѣ передъ судомъ (354). Иванъ IV объявляетъ войну послѣднимъ остаткамъ родовыхъ началъ въ лицѣ вельможества, и стремится дать власть и просторъ одному государству (361). Въстѣ съ этимъ возникаетъ и начало личности. Но лице было приготовлено древней русской жизнью только какъ форма, лишонная содержанія. Послѣдняго не могла дать древняя русская жизнь, которой все значеніе, конечная задача только въ томъ и состояла, чтобы выработать начало личности, высвободить ее изъ подъ ига природы и кровнаго быта (368). Древняя русская жизнь исчерпала себя вполнѣ (367). Должна была начаться новая исторія.

Съ XVIII вѣка наступаетъ слѣдующій четвертый періодъ, періодъ внутреннихъ преобразованій. Онъ призванъ дать содержаніе личности. Но такъ какъ личность была совершенно не развита, не имѣла никакого содержанія, то это содержаніе должно было быть принято извнѣ; лице должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ (368).

Таковъ смыслъ нашей исторіи и тѣ четыре періода, которые можно замѣтить въ ея развитіи. К. Д. Кавелину принадлежить заслуга дать теорію историческаго развитія нашего быта, обнимающую его ходъ на пространствѣ цѣлаго тысячелѣтія. Это хотя и не первая, но самая полная попытка внести свѣтъ мысли въ необозримый хаосъ фактическаго матеріала нашей исторіи. Къ сожалѣнію почтенный авторъ не написалъ самой исторіи нашего государства и права, которая одна могла бы дать полное оправданіе его взгляду.

Признавая совершенно вѣрнымъ основной взглядъ на дѣленіе, состоящій въ томъ, что въ подраздѣленіяхъ исторіи долженъ отразиться послѣдовательный ходъ ея развитія, мы не можемъ, однако, присоединиться ко всѣмъ частностямъ приведеннаго дѣленія. Мы не будемъ теперь же высказываться о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи этого дѣленія съ дѣйствительнымъ ходомъ нашей исторіи. Это такой вопросъ, который можетъ быть разрѣшонъ только полнымъ изложеніемъ исторіи. Мы остановимся лишь на разборѣ этого дѣленія съ формальной его стороны.

Всякое дѣленіе предполагаетъ извѣстное основаніе дѣленія. Это основаніе должно быть одно, иначе періоды будутъ между собою несоизмѣримы. Основаніе разсматриваемаго дѣленія не представляется

намъ единичнѣ и совершенно ясно обозначившимся. Причина этому можетъ заключаться въ свойствахъ самой статьи, которая не имѣла цѣлью прямо формулировать ученіе о періодахъ въ исторіи русскаго юридическаго быта. Россія проходитъ четыре состоянія: родовое, вотчинное, государственное и эпоху реформъ. Что это за состоянія? Есть основаніе думать, что это разныя состоянія государства, разныя стадіи развитія его устройства и управленія. „Ярославъ, говоритъ авторъ, задумалъ основать государственный бытъ Руси на родовомъ началѣ“ (331). И такъ, со временъ Ярослава, по крайней мѣрѣ, родовой бытъ есть особая форма государственнаго устройства. Тоже, кажется, надо признать и за періодомъ вотчиннымъ. Это новое состояніе государства, проникнутаго какъ въ устройствѣ, такъ и въ управленіи вотчинными началами. Такимъ образомъ въ основаніе двухъ первыхъ періодовъ положена идея особенностей государственнаго устройства и управленія: въ первомъ все имѣетъ кровный родовой характеръ, во второмъ — вотчинный. Но что же такое будетъ третій періодъ? Этотъ періодъ характеризуется тѣмъ, что кровные интересы уступаютъ мѣсто политическимъ; на сцену дѣйствія выступаетъ личность, отрицающая семейное и кровное начало во имя идеи и эта идея — государство. Третій періодъ характеризуется, такимъ образомъ, появленіемъ государства (353). Но какого же государства? Уже Ярославъ основалъ государство, вотчинный періодъ также имѣетъ дѣло съ государствомъ. Московское государство не есть, очевидно, впервые возникшее на Руси государство. Не можетъ оно быть и государствомъ по преимуществу, совершеннымъ государствомъ. Надо думать, что это государство лучше вотчиннаго, но какой именно это видъ государства, чѣмъ онъ отличается отъ вотчиннаго, и совершенно ли онъ отъ него различенъ — этого авторъ не говоритъ. Тоже надо сказать и о четвертомъ періодѣ. Онъ характеризуется какъ періодъ реформъ и, надо думать, реформъ, отразившихся на государственномъ устройствѣ и управленіи. Въ чемъ же состоятъ эти реформы, какое ихъ направленіе, какую форму получаетъ преобразованное государство? Въмѣсто отвѣта на эти вопросы, который существенно необходимъ, если только въ основаніе дѣленія положена идея о развитіи государственнаго строя Руси, какъ это можно думать по первымъ двумъ періодамъ, авторъ указываетъ на призваніе эпохи преобразованій дать человѣческой личности чуждое содержаніе. Самая мысль о томъ, что древняя Россія выработала лице только по формѣ, для которой содержаніе пришлось брать извнѣ, намъ не ясна: мы не умѣемъ понять личности безъ содержанія.

Но допустимъ, что это возможно, тогда все же останется неразрѣшенный авторомъ вопросъ о томъ, какое же существуетъ отношеніе между наполненіемъ личности чуждымъ содержаніемъ и государственными реформами. Дѣленіе во всякомъ случаѣ будетъ страдать отсутствіемъ единого и точно опредѣленнаго основанія, и четвертый періодъ является несоизмѣримымъ съ двумя первыми. Два первыхъ періода отличены внутренними признаками, одинъ преобладаніемъ въ государствѣ родовыхъ началъ, другой вотчинныхъ; четвертый же характеризуется чисто внѣшнимъ признакомъ реформъ. Понятіе реформы не имѣетъ никакого опредѣленнаго содержанія: реформы, по своему направленію, могутъ быть очень различны, и одна можетъ исключать другую. То обстоятельство, что реформы дѣлаются по иностраннымъ образцамъ, не придаетъ этому понятію еще никакого опредѣленнаго содержанія, такъ какъ извнѣ можно было заимствовать и просвѣщенный абсолютизмъ, и начала конституціонной монархіи. Четвертый періодъ, несоизмѣримый съ предшествующими, не имѣетъ съ ними и необходимой связи: онъ не вытекаетъ изъ нихъ, а является только ихъ отрицаніемъ. Помимо этого отсутствія единства основанія, рассматриваемое дѣленіе представляется намъ слишкомъ дробнымъ. Періоды, соотвѣтствуя разнымъ состояніямъ, переживаемымъ народомъ, должны обнимать такіе промежутки времени, въ теченіи которыхъ происходили бы измѣненія не въ одной какой-либо сторонѣ быта, а во всѣхъ: въ государственномъ устройствѣ и управленіи, въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ, въ процессѣ, въ церковномъ правѣ и пр. Указать четырехкратное перерожденіе всѣхъ этихъ проявленій общественной жизни едва ли возможно. За отсутствіемъ соотвѣтствующихъ измѣненій во всѣхъ сферахъ общественной и государственной жизни, нѣкоторые изъ четырехъ періодовъ останутся пустыми и должны будутъ слиться съ своими смежными.

Несмотря на то, что мы не можемъ вполнѣ присоединиться къ разсмотрѣнному дѣленію, мы должны признать, что по основной своей мысли оно представляетъ совершенно правильный пріемъ дѣленія. Наука должна усвоить этотъ пріемъ и дѣлить исторію не по выдающимся фактамъ политической жизни или крупнымъ законодательнымъ памятникамъ, а по внутреннему содержанію періодовъ ¹⁾.

¹⁾ Это почти уже и совершилось. Наиболее полный примѣръ примѣненія такого дѣленія представляетъ исторія Россіи С. М. Соловьева, у котораго можно различить также четыре періода: I) господство родовыхъ отношеній, II) переходъ родовыхъ отношеній въ государственныя (съ XII в. по конецъ XVI), III) господство началъ государственной жизни, наконецъ IV) съ Петра Великаго, періодъ

Мы совершенно присоединяемся къ этому способу дѣленія, считаемъ только необходимымъ искать иное основаніе дѣленію, болѣе широкое, которое одинаково бы примѣнялось къ теченію всей исторіи и соотвѣтствовало бы измѣненіямъ въ цѣломъ строѣ общественной жизни. Общественный строй мѣняется крайне медленно. Мы и теперь еще можемъ наслѣдить въ окружающей насъ дѣйствительности остатки весьма глубокой старины, а потому число пережитыхъ нами состояній или періодовъ не можетъ быть велико.

Явленія исторіи слагаются изъ взаимодѣйствія потребностей природы человѣка съ внѣшними явленіями. Это взаимодѣйствіе и должно дать основаніе для дѣленія исторіи на періоды. Объяснимъ нашу мысль.

Никто не наблюдалъ, какъ зародилось первое человѣческое общество. Отправляясь отъ того, что извѣстно о природѣ человѣка, возникновеніе общежитія объясняютъ слѣдующимъ образомъ. Человѣкъ, по ограниченности своей природы, не можетъ удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ въ разрозненномъ быту, а потому и вынужденъ къ соединенію съ другими людьми. Первымъ такимъ союзомъ является половой союзъ мужа и жены, изъ котораго возникаетъ потомъ семья, союзъ родителей и дѣтей, естественно разрастающійся въ еще болѣе обширный и также кровный союзъ — родовой. Изъ кровныхъ союзовъ, тѣмъ же естественнымъ порядкомъ нарожденія, возникаютъ союзы мѣстные. Родъ развивается въ племя, среди котораго хотя и можетъ сохраняться еще память о единствѣ происхожденія, но кровное родство не имѣетъ болѣе мѣста. Въ племени, составляющемъ совокупность семей въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ (родовъ), не связанныхъ уже больше кровнымъ родствомъ, но интересы которыхъ разнообразно сталкиваются въ силу постоянного соприкосновенія по мѣсту жительства, зарождается болѣе обширный общественный союзъ — государство. Съ возникновеніемъ государства исторія формъ общежитія еще не достигаетъ своего послѣдняго развитія. Какъ существованіе отдѣльныхъ семей повело къ образованію болѣе высшаго организма государственнаго, такъ существованіе государствъ должно повести къ еще высшему организму — союзу государствъ.

реформъ. Тотъ же основной взглядъ на дѣленіе замѣчается у проф. Леонтовича, который дѣлитъ исторію русскаго права «на основаніи переменъ въ общественной жизни и источникахъ права» (Истор. рус. права, вып. I, стр. 25 сл.) и у Н. П. Загоскина, который различаетъ три періода, «изъ которыхъ каждый носитъ въ себѣ извѣстнаго рода особенныя черты, составляющія характеристическія отличія его отъ прочихъ періодовъ». Исторія права Москов. государства, т. I, стр. 1 сл.

Древняя и новая исторія представляетъ уже нѣкоторыя попытки въ этомъ родѣ.

Эти разнообразныя общественныя союзы не составляютъ сами для себя цѣли: они существуютъ не сами для себя, а только какъ средство удовлетворенія потребностей человѣка. Съ этою именно цѣлью вступаетъ человѣкъ въ первый половой союзъ, изъ котораго затѣмъ возникаютъ уже съ необходимостью и всѣ остальные. Въ человѣческомъ мірѣ все сводится къ живой личности, ея потребностямъ и цѣлямъ. Она начало и конецъ всему человѣческому. Всякая форма общежитія, низшая, какъ и самая высшая, является только попыткой примирить личныя стремленія человѣка съ прочнымъ бытіемъ цѣлаго, которое необходимо для осуществленія этихъ стремленій.

Въ этомъ столкновеніи личнаго и общаго вся исторія права, она постоянно имѣетъ дѣло съ различнымъ взаимодействіемъ начала личнаго и общаго, или, говоря иначе, начала личной свободы съ началомъ общественнаго блага. Различныя отношенія начала личнаго (потребностей человѣческой природы) къ началу общаго (область высшихъ явленій, въ данномъ случаѣ: семейство, родъ, государство, союзъ государствъ) и должны быть положены въ основаніе дѣленія исторіи права на періоды. Каждое общество, на какой бы ступени развитія мы его ни наблюдали, представляетъ болѣе или менѣе своеобразное отношеніе этихъ началъ, которое можетъ проявляться какъ въ необузданномъ господствѣ личной свободы, такъ и наоборотъ въ полномъ подавленіи этой свободы началомъ общественнаго порядка, или въ разнообразныхъ попыткахъ признать относительную законность того и другаго.

Это основаніе до такой степени широко, что можетъ объять всѣ явленія общественной жизни. Различныя отношенія этихъ двухъ началъ неизмѣнно отражаются на всемъ государственномъ устройствѣ, управленіи, уголовномъ и гражданскомъ правѣ, процессѣ, церковныхъ порядкахъ и т. д.

Отдѣльные періоды, получаемые въ результатъ такого дѣленія, не будутъ имѣть рѣзкихъ граней, что совершенно соотвѣтствуетъ и дѣйствительному теченію исторіи, нигдѣ не представляющей перерывовъ и скачковъ. Всякіе новые способы замрненія начала личнаго и общаго вырабатываются чрезвычайно туго, а потому новое состояніе наражается крайне медленно и незамѣтно витѣсняется старое. Начала новаго порядка возникаютъ при полномъ еще господствѣ стараго и задолго до ихъ будущаго торжества. И наоборотъ, начала стараго, какъ разрозненные его остатки, долго могутъ жить и при

новомъ порядкѣ, и даже при полномъ его господствѣ ¹⁾. На рубежѣ этихъ періодовъ будутъ не крупныя отдѣльныя факты или царствованія, у начала которыхъ вымираетъ все старое и зарождается новое, даже не десятилѣтія, а цѣлыя промежуточныя эпохи, не точно опредѣленной продолжительности, которыя характеризуются единовременнымъ бытіемъ разнообразныхъ началъ обоихъ смежныхъ періодовъ. Различіе періодовъ скажется не столько въ совершенномъ отрицаніи періодомъ послѣдующимъ всѣхъ признаковъ періода предшествующаго, сколько въ общемъ характерѣ всей совокупности явленій. Всѣ признаки, которыми можетъ быть характеризованъ тотъ или другой періодъ, имѣютъ свое основаніе въ природѣ человѣка и его потребностяхъ, а потому они не безусловно негодны сами по себѣ, а могутъ быть негодны только въ своей крайности и исключительности. Въ другой совокупности тѣ же признаки могутъ быть снова на своемъ мѣстѣ. Признаки одного періода умираютъ въ другомъ только въ своемъ цѣломъ, а не въ отдѣльности. Сами по себѣ они не непременно ложны, а потому могутъ проходить даже черезъ всю исторію, но въ позднѣйшихъ періодахъ они являются приспособленными къ условіямъ новаго времени.

Всякое дѣленіе есть, хотя и необходимый, но все же искусственный приемъ науки. Оно тѣмъ менѣе разоидется съ дѣйствительнымъ ходомъ исторической жизни, чѣмъ менѣе будетъ дробно, чѣмъ менѣе будетъ рѣзко и чѣмъ болѣе перейдетъ въ него необходимая связь одного періода съ другимъ.

Въ жизни человѣчества различаютъ времена историческія отъ доисторическихъ. Различіе виѣшнее, основанное на отсутствіи въ доисторическомъ періодѣ письменныхъ памятниковъ, оно вовсе не значитъ, что въ доисторическія времена жизнь человѣка не развивалась. Развѣтіе человѣка начинается съ очень отдаленнаго времени. Еще задолго до начала исторической эпохи онъ приручилъ всѣхъ тѣхъ животныхъ, услугами которыхъ мы и по настоящее время пользуемся; открылъ и сталъ воздѣлывать всѣ и теперь употребляемыя нами въ пищу злаки, къ которымъ мы съ тѣхъ поръ едва ли прибавили два-три новыхъ вида; открылъ употребленіе огня, и, наконецъ, изобрѣлъ множество орудій, которыя и по настоящее время, хотя и въ усовершенствованномъ видѣ, находятся въ нашемъ ежедневномъ

¹⁾ Невозможность рѣзко разграничить періоды давно уже сознава въ нашей литературѣ. На это указывали К. Д. Кавелинъ, С. М. Соловьевъ и покойный Чебышевъ-Дмитріевъ.

употребленіи. Въ доисторическія времена человѣкомъ были уже сдѣланы обширныя завоеванія въ области культуры. Но объ этой отдаленной эпохѣ мы имѣемъ слишкомъ недостаточныя свидѣтельства, на основаніи которыхъ можно составить себѣ только представленіе о внѣшней обстановкѣ его быта, объ общественной же организаціи этого быта и послѣдовательныхъ измѣненіяхъ его эти свидѣтельства ничего не говорятъ. Всѣ заключенія историковъ объ исключительно семейномъ и родовомъ бытѣ основаны на свидѣтельствахъ позднѣйшихъ памятниковъ, относящихся уже къ болѣе высокому состоянію культуры, и суть заключенія отъ позднѣйшаго къ древнѣйшему. Только съ изобрѣтеніемъ письменности и первыми опытами записыванія совершившихся событій начинаются достовѣрныя историческія времена. Хотя различіе историческаго и доисторическаго времени чисто внѣшнее, но для исторіи явленій общественнаго быта совершенно существенное. Объ исторіи учреждений и права можетъ быть рѣчь только при томъ условіи, когда свидѣтельства о нихъ сохранились въ письменныхъ памятникахъ. Для исторіи русскаго права это время не восходитъ далѣе X, много IX вѣка, когда русскіе жили не разрозненными семьями и родами, а составляли уже болѣе обширныя племенные союзы. Это время мы и будемъ считать древнѣйшимъ, сколько нибудь достовѣрно намъ извѣстнымъ, съ него и начнемъ дѣленіе нашей исторіи на періоды.

Отличительная черта перваго періода состоитъ въ преобладаніи частной, личной воли и, соотвѣтственно этому, въ относительной слабости начала общаго, государственнаго ¹⁾. Эта черта проходитъ по всѣмъ явленіямъ общественнаго быта. Изложеніе состоянія права въ этомъ періодѣ должно выяснитъ и доказать эту его особенность. Здѣсь же мы ограничимся краткимъ указаніемъ только нѣкоторыхъ наиболѣе характеристическихъ сторонъ его. Но и это небольшое должно быть принято на вѣру. Мы уже имѣли случай выше замѣтитъ, что всякое дѣленіе на періоды есть только выводъ изъ всего хода исторіи и можетъ быть совершенно оправдано только полнымъ ея изложеніемъ.

Въ государственномъ устройствѣ и управленіи господство начала

¹⁾ Въ противоположность къ весьма распространенному въ нашей литературѣ взгляду на родовой бытъ, какъ отличительный признакъ перваго періода, Б. Н. Чичеринъ характеризуетъ это время «безграничнымъ господствомъ личной свободы, благодаря которому общественные элементы были слишкомъ слабы и безсвязны». О народномъ представительствѣ, 368 сл. Этотъ взглядъ мы считаемъ вполне вѣрнымъ.

личности проявляется въ томъ, что верховная власть не сосредоточена въ рукахъ князя, а принадлежитъ ему вмѣстѣ съ народомъ, который осуществляетъ свои права въ формѣ вѣча. Участіе народа въ вѣчевыхъ собраніяхъ есть его право, а не обязанность. Неограниченное начало личности проявляется въ непризнаніи правъ большинства въ вѣчевыхъ рѣшеніяхъ: меньшинство, какъ бы оно ни было малочисленно, не считаетъ себя обязаннымъ подчиняться рѣшенію большинства. Едва только оно находитъ себя правымъ и скольконибудь сильнымъ, оно сопротивляется большинству съ оружіемъ въ рукахъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такого порядка является раздробленность Россіи на множество отдѣльныхъ мелкихъ княженій, одно отъ другаго независимыхъ и состоящихъ въ постоянной борьбѣ между собой, и слабость этихъ княженій (такъ называемый удѣльно — вѣчевой періодъ). Отдѣльные элементы, входящіе въ составъ княженій, весьма некрѣпко между собой связаны и оказываютъ постоянное стремленіе къ разьединенію. Княжества не постоянны въ своемъ составѣ и время отъ времени выдѣляютъ изъ своей среды новыя: изъ Киевскаго выдѣляется Переяславское, изъ Черниговскаго — Муромское, изъ Новгородскаго — Псковское, изъ Ростовскаго — Владимірское и т. д., безконечное дробленіе, путемъ котораго и совершается освоеніе русскими племенами почти всей территоріи современной европейской Россіи. Населеніе княжествъ не прикрѣплено ни къ мѣсту своего жительствова, ни къ службѣ. Оно свободно переходитъ изъ княжества въ княжество, изъ города въ городъ и деревню, и служить только если хочеть, а не по обязанности. Начала общаго являются крайне слабыми даже въ той области государственнаго управленія, въ которой такъ необходима дисциплина и безпрекословное повиновеніе приказаніямъ начальства, именно въ военной. Вопросъ о томъ, когда и какъ напасть на непріятеля, нерѣдко рѣшается не приказаніемъ князя, а согласнымъ крикомъ воиновъ. Съ господствомъ того же начала личной воли встрѣчаемся и въ области уголовного права. Понятіе преступленія опредѣляется не нарушеніемъ закона, а матеріальнымъ представленіемъ обиды, наносимой частному человеку. Понятіе цѣлаго до такой степени еще мало развито, что преступленій государственныхъ древнѣйшее время совсѣмъ не знаетъ. Древнѣйшая форма наказанія — есть частная месть, а суда — самоуправство. Начало личной свободы отражается и на системѣ отдѣльныхъ судебныхъ доказательствъ, многія изъ которыхъ запечатлѣны элементомъ вѣры (суды божіи и послухи-пособники). Въ семейственномъ правѣ тоже начало проявляется въ господствѣ главы семейства надъ

всѣми членами семьи: надъ женой, какъ и надъ дѣтьми. Законъ, какъ выразитель начала цѣлаго, до такой степени еще слабъ, что не вмѣшивается въ эти интимныя отношенія и не принимаетъ никакихъ мѣръ для огражденія жены и дѣтей отъ возможныхъ злоупотребленій мужа и отца. Господство того же начала проявляется, наконецъ, и въ свойственныхъ этому періоду источникахъ права. Главнѣйшій источникъ права есть обычай, но не всероссійскій, а весьма частный, различающійся по отдѣльнымъ мѣстамъ, далеко не объединившійся и не окрѣпшій еще въ опредѣленныхъ неизмѣнныхъ формахъ. Рядомъ съ обычаемъ, другой важный способъ установленія права составляютъ соглашенія частныхъ воль (договоры) относительно началъ, опредѣляющихъ ихъ взаимныя отношенія. Какъ между княжескія отношенія, такъ и отношенія частныхъ лицъ, въ сферѣ ихъ гражданскихъ правъ, опредѣляются такими соглашеніями. О чемъ договорились покупатель и продавецъ, наниматель и наемникъ — то и право. Свободный человѣкъ можетъ даже продать себя въ рабство другому и, такимъ образомъ, пожертвовать изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплой одежды и крова всѣми своими человѣческими правами. Неокрѣпшее государство не сознаетъ еще за собою обязанности охранять слабого отъ сильнаго.

Таковы главнѣйшія особенности перваго періода. Но характеризовать свойства даннаго періода еще мало. Нужно указать связь его съ предшествующимъ. Ни одно состояніе въ исторіи не является само по себѣ, оно всегда есть слѣдствіе своего предыдущаго. Какъ же возникло въ общихъ чертахъ намѣченное нами состояніе изъ своего предшествующаго?

Относительно этого предшествовавшаго времени въ наукѣ есть только догадки. Высшую степень вѣроятности имѣетъ догадка объ исключительно семейномъ и родовомъ бытѣ, какъ предшествующей историческому времени стадіи развитія. Семейный бытъ, отъ котораго, надо думать, пошло развитіе человѣческихъ обществъ, представляется господствомъ главы семейства надъ членами его семьи. При отсутствіи другихъ высшихъ союзовъ, въ рукахъ его сосредоточивается всякая власть, свѣтская и духовная, надъ членами его семьи. Съ дальнѣйшимъ разростаніемъ семьи, съ бракомъ подвластныхъ членовъ, власть отца (теперь уже дѣда) распространяется и на внуковъ. Это расширенное семейство, или родъ. Со смертію естественнаго главы рода, родъ или остается, пока это нравится его членамъ, подъ управленіемъ искусственнаго главы, или распадается на семьи въ тѣсномъ смыслѣ и т. д. Такимъ образомъ возникаетъ

племя, которое организуется въ болѣе обширный союзъ — государство. Въ составъ этого перваго государства входятъ, слѣдовательно, полноправные представители своихъ семей и родовъ, неограниченные владыки своихъ кровныхъ союзовъ. Первое племенное государство, образовавшееся изъ такихъ элементовъ, непременно должно было отличаться преобладаніемъ личнаго элемента, не всѣхъ отдѣльных членовъ, конечно, а неограниченныхъ представителей своихъ семей и родовъ. Войдя въ составъ этого высшаго союза, они не могли же съ разу отрѣшиться отъ той воли, которою пользовались въ прежнемъ низшемъ союзѣ, и воплѣтъ поступиться ею въ пользу представителя этого новаго союза, болѣе искусственнаго и не совсѣмъ понятнаго естественному смыслу первобытнаго человѣка. Племенное государство, отличающееся преобладаніемъ личнаго начала, есть необходимое слѣдствіе семейнаго и родоваго быта, какъ предшествовавшей ему стадіи развитія.

Отдѣльныя черты этого древнѣйшаго быта сохраняются и въ первомъ періодѣ, а въ смягченной формѣ могутъ перейти и въ послѣдующіе, если окажутся примиримыми съ потребностями новаго болѣе благоустроеннаго обществія. Какъ на такой остатокъ предшествующаго быта въ первомъ періодѣ можно указать на крайнее развитіе отеческой власти, на особое уваженіе къ старшимъ лѣтами, которые выдѣляются въ особый разрядъ старцевъ, на ссылки князей, при спорахъ о столахъ, на свое родовое старшинство, какъ на какое-то право, передъ которымъ младшіе должны преклоняться, и т. под. (черты такъ называемаго патріархальнаго или родоваго періода).

Второй періодъ, въ противоположность первому, отличается преобладаніемъ цѣлаго, естественныя требованія котораго не были, да и не могли быть достаточно оцѣнены и признаны въ первомъ. Если въ первомъ господствуетъ частная воля, то второй можно охарактеризовать какъ школу подчиненія частной воли волѣ государственной. Верховная власть сосредоточивается въ рукахъ одного лица — царя московскаго и императора всероссійскаго. Все остальное населеніе раздѣляется на сословія, прикрѣпляется къ мѣсту и записывается въ государственное тягло. Служба государству становится обязанностью, уклоненіе отъ которой ведетъ къ тѣлесному наказанію кнутомъ. Прежней воли слѣда нѣтъ. По мѣрѣ возникновенія сильной государственной власти прежняя раздробленность и неустойчивость княженій исчезаетъ, отдѣльныя княженія сливаются въ одно цѣлое московское государство, которое потомъ развивается въ имперію Россійскую. Соответственно этому источники права объединяются. Въ самомъ ха-

рактёръ ихъ происходитъ существенное измѣненіе: обычай и договорное начало смѣняются указами московскихъ государей и регламентами императоровъ російскихъ, воля которыхъ, въ принципѣ, становится единственнымъ источникомъ права. Все должно дѣлаться по указамъ. Въ уголовномъ правѣ понятіе преступленія теряетъ свой прежній характеръ и приобретаетъ формальное значеніе, оно становится нарушеніемъ закона, ослушаніемъ воли государя. Соотвѣтственно окрѣпшему значенію государства появляются государственныя преступленія, древнѣйшему времени совсѣмъ неизвѣстныя. Система частныхъ наказаній вытѣсняется системой публичныхъ, налагаемыхъ не въ интересахъ пострадавшаго, а въ интересахъ цѣлаго, чтобы лихихъ людей искоренить и доставить государству необходимое спокойствіе. Въ судопроизводствѣ всякое самоуправство воспрещается, оно само становится преступленіемъ. Старая система судебныхъ доказательствъ мало по малу теряетъ свое значеніе и наконецъ замѣняется строго формальной. Окрѣпшее государство налагаетъ свою руку и на область гражданскаго права. Поземельныя имущества облагаются государственнымъ тягломъ и получаютъ почти казенный характеръ. Возникаетъ сложная регламентація частныхъ сдѣловъ. Договоры имѣютъ силу только, если соотвѣтствуютъ видамъ правительства и облечены въ установленную отъ него форму. Даже интимная область человѣческой мысли и совѣсти не осталась свободна отъ государственнаго вмѣшательства. Воеводскіе наказы предписываютъ, какъ гражданскій долгъ, хожденіе въ церковь, соблюденіе постовъ, опредѣляютъ сколько разъ каждый христіанинъ долженъ быть на исповѣди и у святаго причастія и т. д.

Крайностью перваго періода было почти необузданное господство личной воли, естественно соединявшееся съ непризнаніемъ законныхъ правъ цѣлаго; крайностью втораго періода является подавляющее господство цѣлаго, съ точки зрѣнія котораго всякое проявленіе личной свободы представляется подозрительнымъ и опаснымъ. Необходимымъ слѣдствіемъ односторонности такого направленія является крайнее подавленіе мысли человѣческой, выразившееся совершеннымъ застоємъ не только всякаго умственнаго движенія, но даже и частной предприимчивости въ области промышленности и торговли.

Какъ первый періодъ возникъ изъ предшествовавшаго ему семейнаго и родоваго быта, такъ второй, въ свою очередь, есть естественное порожденіе перваго и весьма долго сохраняетъ замѣтные слѣды такого своего происхожденія. Побѣдоносное цѣлое, подчинив-

шее себѣ всѣ частныя воли, появилось въ видѣ личной воли московскаго князя. Изъ эпохи господства и борьбы личныхъ воль побѣдительною, естественно, должна была выдти наиболѣ сильная частная воля. Таковою волею была воля московскаго князя и вотъ почему все государство приняло характеръ частнаго дѣла московскихъ государей. Понятіе государства не отдѣлилось еще отъ понятія личности его представителя, который склоненъ разсматривать государство, какъ свою вотчину (такъ называемый вотчинный періодъ).

Частныя права хотя и не уничтожены въ принципѣ, но они не уважаются государственною властью, которая не задумывается принести ихъ въ жертву цѣлому, какъ скоро находитъ это нужнымъ. Московскіе государи также распоряжаются частной собственностью своихъ подданныхъ, какъ и своей личной: чернососныхъ крестьянъ съ ихъ землями они отдають въ помѣстья, или приписываютъ къ своимъ дворцовымъ волостямъ, духовныя завѣщанія частныхъ лицъ отмѣняютъ своими приказами и завѣщанныя вотчины отбирають на себя. Какъ прежде частная воля переходила границы возможнаго и не давала образоваться твердому государственному тѣлу, такъ теперь государственная воля переходитъ границы возможнаго и не даетъ свободно дышать частному человѣку. Одна крайность вызвала другую. Свобода, которая въ первомъ періодѣ была достояніемъ каждаго мужа, сосредоточилась во второмъ только на органахъ власти.

Какъ первый періодъ не даетъ полнаго удовлетворенія естественной потребности человѣка въ общежитіи, такъ и второй, а потому за этимъ вторымъ долженъ послѣдовать третій, въ которомъ имѣють получить свое примиреніе обѣ разившіяся въ предшествовавшее время крайности: рядомъ съ признаніемъ необходимыхъ правъ цѣлаго должны быть признаны и твердо ограждены и права частныхъ лицъ.

Совершеннаго примиренія этихъ крайностей, которымъ бы окончательно и навсегда завершилось историческое развитіе человѣчества, мы до сихъ поръ нигдѣ не находимъ. Дѣйствительность представляетъ только болѣе или менѣе удовлетворительныя, при данныхъ условіяхъ, попытки примиренія этихъ крайностей, которыя, съ дѣлнѣйшимъ развитіемъ исторіи, уступаютъ мѣсто новымъ. Развитіе человѣчества, съ этой точки зрѣнія, не имѣетъ видимой границы. Наиболѣе полная и совершенная попытка, которую встрѣчаемъ во всѣхъ передовыхъ государствахъ нашего времени, состоитъ въ такъ называемомъ представительномъ устройствѣ, отличительныя черты котораго, состоящія въ народномъ представительствѣ, въ отдѣленіи суда отъ управленія, въ отвѣтственности органовъ управленія, свободѣ

совѣсти, печати и общественныхъ союзовъ, всѣмъ хорошо извѣстны. Мы не должны, однако, обманывать себя относительно той пользы, которую приносятъ обществу эти учрежденія. Онѣ не въ силахъ уничтожить всякую возможность враждебныхъ столкновений личной свободы и общаго блага, онѣ не могутъ искоренить всего того зла, которое въ значительной мѣрѣ встрѣчается во всякомъ обществѣ, они не могутъ сдѣлать человѣка добродѣтельнымъ и счастливымъ. Государства съ представительными учрежденіями даютъ не мало примѣровъ самой ожесточенной борьбы отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ партій съ обще-признанными началами порядка. Эти болѣзненные явленія не могутъ быть устранены никакими формами устройства, никакими запретительными законами, и одинаково встрѣчаются какъ въ свободныхъ государствахъ, такъ и въ государствахъ, строго преслѣдующихъ всякое неразрѣшонное властью слово, всякую недозволенную полиціей сходку. Злоупотребленія органовъ администраціи, хотя и болѣе затруднены, но не совершенно невозможны и при представительствѣ: примѣры вопіющаго казнокрадства даютъ не одни соединенные штаты Сѣверной Америки. На представительную форму правленія давно уже никто не смотритъ какъ на средство отъ всѣхъ золъ. Если бы люди были совершенны, не было бы надобности ни въ какихъ формахъ устройства и ни въ какихъ законахъ. Но такъ какъ слабости и пороки, — эта хотя и не необходимая, но довольно обыкновенная дань ограниченной природѣ человѣка, — сопутствуютъ ему на всѣхъ ступеняхъ развитія, то и самыя лучшія учрежденія, попавши въ недостойныя руки, могутъ быть искажены. Если бесцѣліе представительныхъ учрежденій сдѣлать порочныхъ людей добродѣтельными и ни для кого не составляетъ тайны, то возможная польза ихъ едва ли кѣмъ была указана въ такой ясной, привлекательной и даже поэтической формѣ, какъ это сдѣлала императрица Екатерина Великая болѣе ста лѣтъ тому назадъ. О трудахъ созданной ею законодательной комиссіи она отозвалась такъ: „Коммиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно.... Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣные о цвѣтахъ“. Эта заслуга представительной системы, признанная съ высоты русскаго престола, составляетъ неоспоримое и незамѣнимое достоинство всякаго представительства. Какъ бы совершенно ни было устроено бюрократическое государство, сколько бы министерствъ, главныхъ управленій, комитетовъ и канцелярій оно ни имѣло, высшее его правительство никогда не стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ народу, къ

его нуждамъ и пользамъ. Только представительство ставитъ органы власти лицомъ къ лицу съ народными потребностями. Государь не имѣетъ иныхъ цѣлей, кромѣ блага государства, блага народа, блага каждаго отдѣльнаго человѣка. Но въ бюрокритическомъ государствѣ, какъ бы ни былъ государь преданъ благу народа, а народъ своему государю, нѣтъ учрежденія, въ которомъ бы эта необходимая солидарность интересовъ верховной власти и народа формальнымъ и торжественнымъ образомъ обнаруживалась. Только представительство приводитъ въ прямую связь верховную власть и подданныхъ и дѣлаетъ каждаго подданнаго живо заинтересованнымъ охраненіемъ того государственнаго строя, существенный элементъ котораго онъ составляетъ самъ, но не какъ тяглая только единица, а какъ лицо, на которомъ, выражаясь словами манифеста императрицы Екатерины Великой отъ 14 декабря 1766 года, почтеть высокая довѣренность и любовь его государя. Система представительства обезпечиваетъ хотя медленное, но зрѣлое поступательное развитіе народа, свободное отъ всякихъ неожиданныхъ скачковъ и болѣзненныхъ потрясеній государственнаго организма.

Таковы три періода, на которые должна быть раздѣлена исторія права и государства. Какъ же распредѣляются они во времени?

Мы уже выше замѣтили, что историческое развитіе народа совершается крайне медленно, не прямолинейно, съ остановками, перерывами и даже попятнымъ движеніемъ. Вслѣдствіе этихъ особенностей историческаго роста, дѣленіе исторіи на періоды не допускаетъ рѣзкихъ и точно опредѣленныхъ границъ; нельзя указать, гдѣ начинается одинъ и оканчивается другой. Первые проблески новаго періода могутъ появиться въ одной какой либо области права при полномъ господствѣ старыхъ началъ во всѣхъ остальныхъ, и, наоборотъ, черты стараго порядка могутъ еще крѣпко держаться при значительномъ уже накопленіи элементовъ новаго, хотя и отразятъ на себѣ до нѣкоторой степени ихъ вліяніе. Отвѣтъ на вопросъ о распредѣленіи періодовъ во времени долженъ заключаться не столько въ опредѣленіи крайнихъ точекъ, у которыхъ оканчивается старый и начинается новый, сколько въ указаніи того промежутка времени, когда совокупность признаковъ даннаго періода представляется наиболѣе полною.

Съ этой точки зрѣнія первый періодъ имѣетъ свое наиболѣе полное выраженіе въ княжеской Россіи, или удѣльно-вѣчевой. Второю—ясно обозначился въ московской Россіи, получилъ свое формальное завершеніе въ имперіи россійской и въ настоящее время не мо-

жетъ быть еще разсматриваемъ какъ окончательно исчерпанный, хотя вмѣстѣ съ его формальнымъ завершеніемъ начинается уже и появленіе отдѣльныхъ признаковъ, указывающихъ на зарожденіе третьяго періода, полное осуществленіе котораго есть дѣло будущаго.

Этимъ дѣленіемъ въ развитіи исторіи русскаго права выясняются два періода, почти равные по продолжительности, каждый изъ которыхъ занимаетъ пространство времени приблизительно до 500 лѣтъ. Столѣтія XIV и XV составляютъ широкую границу этихъ двухъ періодовъ. Эту границу надо понимать не въ томъ смыслѣ, что здѣсь впервые только зарождаются признаки втораго періода, а признаки перваго окончательно вымираютъ. Нѣкоторыя отдѣльныя черты втораго появляются гораздо ранѣе, однѣ съ принятіемъ христіанства, другія съ завоеваніемъ Руси татарами, и, наоборотъ, нѣкоторыя черты перваго періода далеко заходятъ въ XVI и даже въ XVII вѣкъ. XIV и XV в. есть то время, когда характеристическія черты втораго періода получили уже такую силу, что окончательное торжество новыхъ началъ можетъ быть уже предусматриваемо. Подобно этому, нынѣ переживаемое нами столѣтіе есть время, когда отдѣльные признаки третьяго періода въ значительной уже степени накопились. Это опять не значитъ, что признаки третьяго періода появляются только съ XIX вѣка, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ гораздо болѣе продолжительную исторію.

Мы уже прежде имѣли случай указать на то, что признаки извѣстнаго періода не обречены къ непремѣнному и окончательному вымиранию въ послѣдующихъ. Имѣя свое основаніе въ природѣ человѣка, эти признаки могутъ заключать въ себѣ нѣчто весьма постоянное. Видоизмѣняясь согласно съ требованіями обстоятельствъ времени, они могутъ проходить чрезъ всю исторію.

Къ такимъ постоянно видоизмѣняющимся по своему осуществленію, но никогда не вымирающимъ окончательно признакамъ принадлежитъ само начало личной свободы, крайнее преобладаніе котораго въ первомъ періодѣ дало началу нашей исторіи такой своеобразный и частью даже хаотическій характеръ. Въ вѣчевой жизни перваго періода выразилось естественное, но непримиренное съ интересами цѣлаго стремленіе древняго человѣка къ свободѣ. Гражданская свобода не можетъ быть основана на безусловномъ господствѣ личности. Въ благоустроенномъ обществѣ личность должна признать надъ собою дѣйствіе общаго закона, въ пользу котораго она должна поступиться безусловностью своихъ личныхъ притязаній. Только та-

кимъ самоограниченіемъ личности въ интересахъ цѣлаго можетъ быть достигнута удовлетворительная форма общежитія. Стремленіе къ свободному проявленію личности само по себѣ не ложно: человекъ нуждается въ общежитіи не для того, конечно, чтобы его личность умерла въ этой формѣ жизни. Только крайнее проявленіе начала личности въ первомъ періодѣ было ложно, такъ какъ оно не допускало образованія твердаго политическаго тѣла съ твердою государственною властью. Но въ иной, значительно смягченной, формѣ проявленіе начала личности встрѣчается и во второмъ періодѣ. Вѣчевой бытъ не соотвѣтствовалъ объединенному московскому государству, которое далеко вышло за предѣлы племенныхъ княженій, жизнь которыхъ сосредоточивалась въ одномъ главномъ городѣ. Но самая идея участія отдѣльной личности въ общественныхъ дѣлахъ государства свойственна и второму періоду. Въ объединенномъ московскомъ государствѣ мы встрѣчаемся съ новой формой этого участія, приспособленной какъ къ территориальному расширенію московскаго государства, такъ и къ новому значенію власти московскаго государя. Это участіе выразилось въ формѣ земскихъ соборовъ. Согласно усилившемуся значенію власти московскаго государя, соборы сходятся не сами собой, а созываются по волѣ государя и только тогда, когда онъ находитъ нужнымъ. Значительные размѣры московскаго государства не допускаютъ, чтобы на соборы сходилось все населеніе поголовно, какъ это имѣло мѣсто въ вѣчевыхъ собраніяхъ; въ Москвѣ возникаетъ поэтому начало представительства. Право участія въ соборахъ московскіе государя предоставляютъ всему населенію, но не поголовно, а чрезъ посредство небольшого числа избираемыхъ имъ представителей. Мы уже имѣли случай въ особой статьѣ, помѣщенной во II томѣ Сборника Государственныхъ Знаній, остановиться на подробностяхъ нашей соборной организаціи и не считаемъ необходимымъ повторять тамъ сказанное. Земскіе соборы созданы актомъ воли московскихъ государей. Этимъ положено было начало живому выраженію единства русской земли. Всѣ распоряженія, которыя дѣлались на основаніи соборныхъ постановленій, опирались на единодушномъ рѣшеніи представителей всего государства. Созывая соборы, московскіе государя хотѣли соединить все населеніе государства въ дѣятельномъ участіи при рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни, они искали въ нихъ опоры своимъ усиліямъ на пользу Россіи. Московскіе государя не ошиблись въ своихъ намѣреніяхъ. Соединенные у престола ихъ представители русской земли оказали имъ самую энергическую поддержку въ смутную эпоху на-

шей исторіи и помогли московскому государству побѣдоносно выдти изъ тѣхъ затрудненій, которыя угрожали самому его бытію.

Идея личной свободы, какъ необходимаго элемента всякой благоустроенной государственной жизни, не вымерла и въ петербургскомъ періодѣ нашей исторіи. Но здѣсь она явилась опять въ новыхъ формахъ, соотвѣтственно общему ходу нашей исторіи за это время.

Эпоха горячихъ преобразованій царствованія Петра Великаго мало благопріятствовала созванію земскихъ соборовъ. Великій преобразователь Россіи имѣлъ слишкомъ мало сочувствія къ старымъ московскимъ порядкамъ и слишкомъ былъ проникнутъ самоувѣренной мыслью, что все, необходимое для блага Россіи, хорошо извѣстно ему изъ его личнаго опыта, чтобы обращаться къ содѣйствію ея представителей. Личное знакомство съ континентальною Европою, въ которой господствовалъ тогда просвѣщенный абсолютизмъ, также не могло навести его на мысль о представительствѣ. Но если личное настроеніе царя и устройство тѣхъ опередившихъ Россію западныхъ государствъ, въ которыхъ онъ черпалъ вдохновеніе для своихъ преобразованій, и не могли навести его на широкія попытки примиренія начала личнаго съ общимъ, все же, въ частности, онъ не былъ противникомъ расширенія началъ мѣстнаго самоуправления. Заимствованныя имъ у запада магистратскія учрежденія даютъ городскому населенію широкую свободу самостоятельной дѣятельности. Ему было предоставлено даже право сочинять уставы и представлять ихъ на утвержденіе сената. Масса вопросовъ, которыхъ одновременно касалась преобразовательная дѣятельность Петра, быстрота, съ которой одно преобразование слѣдовало за другимъ, недостатокъ солидной теоретической подготовки дѣятелей, все это мѣшало послѣдовательному проведенію началъ преобразованія. Отсутствіе послѣдовательности весьма замѣтно и въ указахъ, касающихся городского управленія ¹⁾. Но для насъ важно здѣсь признаніе Петромъ Великимъ принципа мѣстнаго самоуправления. Широкую свободу мѣстнаго самоуправления онъ вовсе не считалъ опасной и противорѣчащей общему государственному благу, иначе онъ не подписалъ бы регламента главнаго магистрата и инструкціи магистратамъ, которыми предоставлялись городскому населенію гораздо большія права самоуправления, чѣмъ всеми послѣдовавшими актами этого рода.

¹⁾ На этотъ недостатокъ петровскихъ реформъ хорошо указано въ изслѣдованіи И. И. Дитятина объ «Устройствѣ и управленіи городовъ въ Россіи».

Если Петръ Великій и не сдѣлалъ ничего въ области народнаго представительства, то свѣтъ пауки, внесенной его государственной мудростью въ предѣлы Россіи, открылъ его преемникамъ широкій путь для попытокъ въ этомъ направленіи ¹⁾. Рядъ этихъ попытокъ, благодаря преданіямъ великой эпохи петровскаго царствованія, идетъ у насъ весьма своеобразнымъ путемъ: реформы направляются сверху внизъ. Съ той поры, какъ Петръ Великій смѣло и рѣшительно взялъ въ свои руки дѣло преобразованія Россіи и задался мыслию поставить ее на одинъ уровень съ опередившими насъ западно-европейскими государствами, дальнѣйшее преобразование имперіи на европейскихъ началахъ составляетъ какъ бы священный завѣтъ всѣхъ великихъ представителей нынѣ царствующаго дома Романовыхъ.

Въ лицѣ Екатерины II на императорскій всероссійскій престолъ вступила женщина, которая стояла далеко впереди не только нашего отечественнаго просвѣщенія, но и общаго уровня просвѣщенія современной ей западной Европы. Она принадлежала къ числу тѣхъ тогда еще немногихъ въ Европѣ лицъ, которыя умѣли оцѣнить всю государственную важность сдѣланнаго Монтескье указанія на особенности англійскаго представительнаго устройства. Мысль императрицы немедленно перешла въ дѣло созванія депутатовъ законодательной комиссіи, которымъ она опередила всю континентальную Европу и вызвала всеобщій восторгъ среди своихъ подданныхъ, воплотивъ оцѣнившихъ великодушный починъ своей государыни. Хотя начала представительства не были чужды нашему до-петровскому быту, но екатерининская попытка возникла не столько въ силу не-

¹⁾ На это значеніе петровскаго царствованія указано еще Сперанскимъ: «Петръ Великій, говоритъ онъ, во внѣшнихъ формахъ правленія ничего рѣшительнаго не установилъ въ пользу политической свободы; но онъ отверзъ ей двери тѣмъ самымъ, что открылъ входъ наукамъ и торговлѣ. Безъ точнаго нацѣленія дать своему народу политическое бытіе, но по одному такъ сказать инстинкту просвѣщенія, онъ все къ этому приугодивъ». Нѣсколько выше, указавъ на отсутствіе предусмотрительности и послѣдовательности въ политикѣ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ XVIII вѣка, Сперанскій, въ примѣчаніи, говоритъ: «Какое противорѣчіе: желать наукъ, коммерціи и промышленности и недопускать самыхъ естественныхъ ихъ послѣдствій; желать, чтобы разумъ былъ свободенъ, а воля въ цѣпяхъ, чтобы страсти утонялись и перемѣнялись, а предметы ихъ желаній оставались бы въ одномъ положеніи, чтобы народъ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащенія, свободу. Нѣтъ въ исторіи примѣра, чтобы народъ просвѣщенный и коммерческій могъ долго въ рабствѣ оставаться». Проектъ плана государственнаго устройства, рукопись, писанная рукою Сперанскаго и хранящаяся въ императорской публичной библіотекѣ. За указаніе мнѣ этого важнаго памятника считаю долгомъ принести мою глубочайшую благодарность господину помощнику директора Императорской Публичной Библіотеки, академику, А. Ѳ. Бычкову.

прерывности историческаго преданія, сколько подъ вліяніемъ новыхъ просвѣтительныхъ идей запада. Знакомство съ западомъ, освѣтивъ нашу старину привлекательнымъ для императрицы свѣтомъ европейской науки, значительно облегчило возрожденіе того, что было извѣстно нашимъ предкамъ помимо всякаго сторонняго вліянія.

Мы имѣли уже случай въ другомъ изданіи (Вѣстникъ Европы, 1878, № 1) сдѣлать разборъ дѣятельности екатерининской комиссіи и не будемъ повторять всего, тамъ сказаннаго. Громадность и трудность задачи, возложенной на комиссію, новизна дѣла и совершенно понятная при этомъ условіи невыработанность и даже нѣкоторая непослѣдовательность основныхъ мыслей, которыя должны были руководить ея дѣятельностью, въ связи съ неудачнымъ выборомъ лицъ, направившихъ работы, — все это было причиной, что екатерининская законодательная комиссія не оправдала ожиданій императрицы и самихъ депутатовъ. Но и при существованіи всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій, которыми были обставлены работы комиссіи, дѣятельность ея далеко не осталась безплодной. Привезенные депутатами указы пролили яркій свѣтъ на тогдашнее положеніе государства, поставили императрицу лицомъ къ лицу съ нуждами и желаніями Россіи и дали ей возможность воспользоваться въ своей позднѣйшей законодательной дѣятельности заявленіями депутатовъ. Допущенная императрицей полная свобода преній еще разъ обнаружила тотъ здравый государственный смыслъ русскаго чловѣка, который не разъ спасалъ Россію въ минуты опасности, оказалъ ей такія важныя услуги въ смутную эпоху начала XVII вѣка и теперь продолжаетъ поддерживать всѣ благія начинанія ея государей, какихъ бы жертвъ кровью и имуществомъ они ни требовали у Россіи. Наконецъ, попытка Екатерины Великой дала примѣръ дружнаго соединенія на одномъ общемъ дѣлѣ всѣхъ разноплеменныхъ народностей, входящихъ въ составъ обширной російской имперіи. Опасенія императрицы, что нѣкоторыя окраины Россіи не пришлютъ депутатовъ, оказались напрасными. Малороссія отозвалась на ея великодушный призывъ не съ меньшею готовностью, чѣмъ губерніи великороссійскія. Представители балтійскаго края принимали дѣятельное участіе въ общихъ преніяхъ, а нѣкоторые изъ нихъ весьма потрудились надъ составленіемъ отдѣльныхъ частей общаго для всей имперіи проекта уложенія.

Просвѣщенная попытка Екатерины Великой нашла горячаго послѣдователя въ ея ближайшемъ преемникѣ и ученикѣ, императорѣ Александрѣ I. Воспитанный въ просвѣтительныхъ идеяхъ XVIII

вѣка, онъ съ ранней молодости былъ проникнутъ мыслью дать такое устройство своей обширной монархіи, въ которомъ права личности были бы также обезпечены, какъ и законные интересы цѣлаго ¹⁾. Вѣрнаго исполнителя своихъ предначертаній императоръ нашелъ въ Сперанскомъ, который, по его указаніямъ, выработалъ цѣлый планъ общаго государственнаго устройства имперіи. Этотъ планъ въ теченіи октября и ноября 1809 года „государю угодно было разсмотрѣть и опредѣлить“, какъ выразился Сперанскій въ своемъ отчетѣ за 1810 годъ, представленномъ императору 11-го февраля 1811 г. ²⁾. Въ томъ же напечатанномъ уже отчетѣ встрѣчаемъ и общую характеристику направленія новаго устройства, принятаго императоромъ. Упомянувъ о дѣятельности государственнаго совѣта, учрежденіемъ котораго было положено начало приведенія въ исполненіе всего плана, Сперанскій говоритъ: „Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластиа къ истиннымъ формамъ монархическимъ“. Что же разумѣлъ императоръ подъ истинными монархическими формами, къ которымъ онъ рѣшился перейти? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ самый планъ, который вноситъ совершенно новыя мысли въ нашу государственную практику ³⁾.

Подъ истинно монархическими формами планъ разумѣетъ такое государственное устройство, въ которомъ населеніе имперіи, чрезъ посредство своихъ представителей, пользуется участіемъ въ законодательствѣ, управленіи и судѣ. Съ цѣлью преобразованія порядка законодательнаго предполагалось образовать государственную думу, участіе которой было бы необходимо при изданіи: 1) законовъ, понятіе которыхъ планъ дѣлаетъ попытку отдѣлить отъ правительственныхъ распоряженій, издаваемыхъ подъ разными именами: учрежденій, инструкцій и пр.; 2) постановленій о налогахъ и общихъ повинностяхъ и 3) распоряженій о продажахъ и залогахъ государственныхъ имуществъ.

¹⁾ Это настроеніе императора получило прекрасную характеристику въ статьяхъ А. Н. Пыпина, Вѣстникъ Европы за 1871 годъ.

²⁾ Сборникъ Рускаго Историческаго Общества, т. 21, стр. 448. Ср. еще: «Жизнь Сперанскаго» Барона М. Корфа, т. I, гл. 2.

³⁾ «Если бы права державной власти, читаемъ въ планѣ, были не ограничены, если бы силы государственныя были соединены въ державной власти въ такой степени, что никакихъ правъ не оставляли бы онѣ подданнымъ, тогда государство было бы въ рабствѣ и правленіе было бы деспотическое. Хотя права гражданскія и могутъ существовать безъ правъ политическихъ, но бытіе ихъ въ семъ положеніи не можетъ быть твердо. Изъ сего слѣдуетъ, что истинныя права гражданскія должны быть основаны на правахъ политическихъ, точно также, какъ и законъ гражданскій вообще не можетъ быть твердъ безъ закона политическаго». Вышеприведенная рукопись императорской публичной бібліотеки.

Несмотря на всю кажущуюся новизну этого начала для Россіи XIX вѣка и на очевидно западный его источникъ, оно вовсе не чуждо нашей до-петровской исторіи. *Начало монархической формы правленія стоитъ въ нашей исторіи неизбѣжно: безъ монарха русскій человекъ не можетъ жить.* Во всѣхъ случаяхъ прекращенія царствовавшего рода московскихъ государей, народъ неизмѣнно и безъ всякаго колебанія и раздѣленія обращался къ избранію новаго монарха, но вмѣстѣ съ тѣмъ, русскій народъ вовсе не считалъ несомнѣннымъ съ этой формой правленія установленіе правилъ въ родѣ тѣхъ, которыя приняты въ планѣ императора Александра. Въ пунктахъ, которые были предложены избранному на московскій престолъ польскому королевичу Владиславу, встрѣчаемъ слѣдующее условіе: „На Москвѣ и по городомъ суду быти и совершатися по прежнему обычаю и по судебнику російскаго государства; а будетъ похотять въ чемъ пополнити для укрѣпленія судовъ, и государю на то поволити, съ думою бояръ и всей земли, чтобъ было все праведно“.

Дѣйствія государственной думы (законодательнаго сословія), сената (высшаго судебного учрежденія) и министерствъ (правительственныхъ органовъ) соединяются, по плану, въ державной власти монарха, которому одному принадлежитъ инициатива и утвержденіе законовъ. Безъ почина государя и его окончательнаго утвержденія никакой законъ не можетъ возникнуть. Всѣ правительственныя распоряженія, объявленіе войны и заключеніе мира, и всѣ чрезвычайныя мѣры, пріемлемыя къ спасенію отечества среди какихъ либо бѣдствій, составляютъ дѣло правительства государя. Государь безответственъ. Только назначаемые имъ органы управленія подлежатъ ответственности. Возбужденіе дѣлъ объ ответственности предоставлено государственной думѣ.

Планъ государственнаго устройства дѣлаетъ попытку отдѣленія суда отъ администраціи и предоставляетъ значительную долю участія выборному элементу какъ въ судѣ, такъ и въ мѣстномъ управленіи.

Онъ касается, наконецъ, исторической язвы Россіи—крѣпостнаго права. Не находя возможнымъ прямо отмѣнить зависимое положеніе сельскаго населенія, планъ считаетъ необходимымъ точно опредѣлить въ законѣ обязанности крестьянъ къ помѣщику и, такимъ образомъ, поставить ихъ на будущее время внѣ произвола господъ. Общія гражданскія права признаются за всѣмъ населеніемъ имперіи. Крѣпостные могутъ даже переходить въ разрядъ лицъ, которымъ

предоставлены права политическія, на условіи пріобрѣтенія недвижимой собственности въ опредѣленномъ количествѣ и исполненія повинностей по прежнему своему состоянію.

Таковы основныя мысли новаго плана государственнаго устройства Россіи. Для славы императора Александра I-го надо желать, чтобы этотъ памятникъ его государственной мудрости, великодушнаго довѣрія и любви къ подданнымъ былъ, наконецъ, напечатанъ отъ слова до слова и служилъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ просвѣщенной заботливости его о благѣ имперіи. Лишь тогда будетъ возможна полная его оцѣнка. Теперь же позволимъ себѣ замѣтить только, что при всей глубинѣ основныхъ мыслей плана, въ нѣкоторыхъ частностяхъ его допущена едва ли не излишняя сложность и искусственность построения ¹⁾.

Одновременно съ обсужденіемъ „плана“ государь приступилъ и къ осуществленію своихъ намѣреній. 15 марта 1809 года онъ даровалъ свободныя учрежденія завоеванной его оружіемъ Финляндіи. Съ 1810 года началось осуществленіе плана и для остальной Россіи учрежденіемъ министерствъ и государственнаго совѣта. По этому поводу въ помянутомъ выше отчетѣ Сперанскаго послѣ приведенныхъ уже нами словъ говорится: „Два года тому назадъ умы самыя смѣлыя едва представляли возможнымъ, чтобы російскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: „внявъ мнѣнію совѣта“; два года тому назадъ сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствию. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, которое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ Вашихъ, не могутъ чувствовать его важности; они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало. Они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краугольному его камню“ ²⁾. Въ 1815 году императоръ даровалъ представительныя учрежденія Польшѣ. Открывая первый варшавскій сеймъ, онъ произнесъ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова: „Осуществляя на дѣлѣ либерныя учрежденія, которыя никогда не переставали быть предметомъ моея заботливости и которыя я надѣюсь, съ Божіей помощью, распространить и на всѣ страны, ввѣренныя мнѣ Провидѣніемъ“... ³⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія о содержаніи плана, заимствованныя, впрочемъ, изъ другаго источника, а не изъ собственной рукописи Сперанскаго, можно найти въ выше указанныхъ статьяхъ А. Н. Пыпина.

²⁾ Сбор. Рус. Истор. Общ. т. 21, стр. 448.

³⁾ Русскій Вѣстникъ, 1871 года, т. 94.

Политическія осложненія Европы, которыя все болѣе и болѣе поглощали вниманіе императора, отвлекли его отъ внутреннихъ преобразованій, и заявленное имъ намѣреніе осталось неосуществленнымъ.

Нынѣ царствующему императору Александру II-му принадлежитъ слава дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи на поприщѣ развитія ея гражданской свободы: 19 февраля 1861 года послѣдовалъ великій актъ освобожденія крестьянъ, 1-го января 1864 года положено начало мѣстному самоуправленію, 20-го ноября того же года произведена судебная реформа съ признаніемъ независимости судей и съ отдѣленіемъ суда отъ администраціи, въ слѣдующемъ 1865 году значительно облегчено положеніе печати.

Этотъ рядъ реформъ есть свободный актъ личной воли царствующаго императора. Исторія навсегда запишетъ его имя на ряду съ именами великихъ историческихъ дѣятелей. Но она будетъ несправедлива къ прошлому, если забудетъ его попытки, его неосуществленные планы. Разъ сознанныя и высказанная истина не умираетъ. Она продолжаетъ жить, хотя бы и не перешла въ дѣло.

На преобразованія настоящаго царствованія исторія смотритъ какъ на плодъ медленныхъ успѣховъ времени. Ея святая обязанность спасти отъ забвенія попытки прошлаго и возстановитъ связь, соединяющую успѣхи настоящаго съ лучшими стремленіями отдаленнаго прошедшаго. Древняя и новая исторія Европы, говорятъ, едина ¹⁾. Тѣмъ болѣе едина исторія одного народа. Дѣленіе на періоды не дробитъ ее на отдѣльныя безсвязныя части, а возсоздаетъ это единство и въ явленіяхъ глубокой древности даетъ узнать стремленія, одушевляющія и современнаго намъ человѣка.

¹⁾ См. Freeman, Comparative politics, послѣднее чтеніе: The unity of history.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ АРЕСТЪ.

И. Т. ТАРАСОВА.

Въ составъ принудительной власти полиціи входятъ: 1) *право предписаній*, формы которыхъ весьма разнообразны ¹⁾, причеиъ предписаніе сопровождается иногда угрозою наказанія, согласно съ общимъ постановленіемъ законодательства относительно отвѣтственности за неисполненіе полицейскихъ предписаній; 2) *право исполненія на счетъ обязаннаго*, т. е. полиція, если предписаніе ея не исполнено, исполняетъ его сама на счетъ обязаннаго, какъ это бываетъ, напримѣръ, при сносі ветхихъ построекъ, мощеніи улицъ, очистки нечистотъ и т. п.; 3) *право обвиненія предъ судомъ* за неисполненіе полицейскихъ предписаній, или при нарушеніи общихъ полицейскихъ постановленій; 4) *право полицейскаго суда*, т. е. полиція сама судить за неисполненіе ея предписаній, какъ мы видимъ это, напримѣръ, во Франціи, гдѣ мэръ самъ судить за неисполненіе его предписаній, и 5) *право полицейскаго ареста*, т. е. право на личное задержаніе для цѣлей безопасности.

Эти составныя части полицейской власти полиціи выясняются изъ полицейской практики, въ теоріи же онѣ представляются вполнѣ неразработанными. Въ предлагаемомъ изслѣдованіи мы ограничиваемся только анализомъ права полиціи на личное задержаніе.

¹⁾ Иногда *предписаніе* принимаетъ даже форму *дозволенія*; такъ, напримѣръ, сюда слѣдуетъ отнести дозволенія, даваемыя полиціей, домовладѣльцамъ или жителямъ ихъ дома по случаю какихъ-либо торжественныхъ дней или событій.

Полиція подвергаетъ личному задержанію, какъ служебный органъ юстиціи. Это задержаніе составляетъ такъ называемый *предупредительный арестъ* ¹⁾, когда личное задержаніе производится полиціей по поводу какого-либо преступленія или проступка съ цѣлью передачи виновнаго въ вѣдѣніе органовъ юстиціи и когда безнаказанность преступленія или проступка опасна для общественнаго порядка. Объ этомъ арестѣ, какъ служебномъ для органовъ юстиціи, говорится обыкновенно въ уставахъ уголовного судопроизводства. Но полиція подвергаетъ личному задержанію также и вполне самостоятельно, независимо отъ органовъ юстиціи, исключительно только для цѣлей полицейскихъ, т. е. для безопасности, не по поводу преступленія или проступка и не для сохраненія арестованнаго для органовъ юстиціи. Единственная причина этого ареста — опасность, единственная цѣль — безопасность, такъ что даже при существованіи преступленія или проступка, въ единичныхъ случаяхъ, во всемъ процессѣ этого ареста, преступленіе и проступокъ, имѣютъ значеніе отнюдь не причины, а только какъ-бы эпизода или только добавочнаго момента въ общемъ актѣ. Такъ, напримѣръ, при задержаніи пьянаго, хотя-бы пьянство и считалось проступкомъ, задержаніе это будетъ произведено не по поводу проступка и не съ цѣлью передачи задержаннаго въ вѣдѣніе органовъ юстиціи; а единственно только въ видахъ безопасности. Это — *арестъ полицейскій*.

На сколько указаннаго двѣ формы ареста, совершаемаго полиціей, необходимы и практикуются во всѣхъ государствахъ, на столько переходныя формы отъ предупредительнаго (судебно-полицейскаго) ареста къ аресту полицейскому являются вредными и опасными для условій гражданской свободы, хотя они также практикуются въ нѣкоторыхъ государствахъ и находятъ себѣ защитниковъ даже въ наукѣ. Формы эти слѣдующія: а) арестъ подсудимыхъ

¹⁾ Этотъ новый терминъ необходимъ для отличія отъ ареста, совершаемаго органами юстиціи и называемаго *предварительнымъ*. Терминъ этотъ, повидимому, принятъ уже въ нашей ученой литературѣ; въ иностранной-же терминологіи мы встрѣчаемъ соответствующіе терминъ; такъ, напримѣръ, у англичанъ *arrest* означаетъ полиц. арестъ, *take into custody* — предупредительный (судебно-полицейскій), *commitment for trial* — предварительный (судебный), *detention* — общее понятіе объ арестѣ; у нѣмцевъ *Verwahrung* и *Wegführung* означаетъ полицейскій арестъ, *vorläufige Verwahrung* — предупредительный, *gefängliche Einziehung* и *Untersuchungshaft* — предварительный, *Verhaftung* — общее понятіе; у французовъ *arrestation* — полицейскій арестъ, *arrestation préventive* — предупредительный, *détention préventive* — предварительный арестъ, *détention* — общее понятіе.

(подслѣдственныхъ), оставленныхъ органами юстиціи на свободѣ; б) арестъ оправданныхъ преступниковъ, если оправданіе послѣдовало за недостаткомъ юридическихъ доказательствъ, не уничтоживъ однако подозрѣнія; в) арестъ преступниковъ, отбывшихъ свое наказаніе, и г) арестъ на основаніи постановленій полицейскихъ судовъ.

Относительно первой переходной формы ареста нельзя не замѣтить, что признаніе за полиціей права на него равносильно признанію за ней права контролировать и отмѣнять дѣйствія юстиціи. Если судебный слѣдователь оставляетъ подсудимаго на свободѣ, то въ этомъ нужно видѣть доказательство или тому, что подсудимый не подаетъ повода къ опасенію, что онъ уклонится отъ слѣдствія и суда и скроетъ слѣды преступленія, или же тому, что свойства преступленія или проступка не вызываютъ необходимости принятія этой крайней мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Кромѣ того полиція не имѣетъ никакого фактическаго основанія видѣть въ подслѣдственномъ субъектѣ опаснаго для общества, такъ какъ не только судъ можетъ окончиться оправданіемъ, но даже и слѣдствіе не всегда влечетъ за собою преданіе суду. Вопросъ объ этомъ арестѣ мало разработанъ въ литературѣ: встрѣчаются только отрывочныя и какъ-бы случайныя указанія у *Клейна*, *Ейзена*, *Цахарія*, *Моля*, *Бернарда* и въ особенности у *Лотца* ¹⁾. На практикѣ арестъ этотъ является орудіемъ произвола.

Право полиціи на арестъ оправданныхъ преступниковъ имѣетъ въ сущности тотъ-же характеръ, но въ литературѣ вопросъ объ этомъ арестѣ подвергнутъ болѣе тщательному анализу и тутъ мы встрѣчаемся съ именами *Клейна*, *Квисторпа*, *Ростока*, *Бѣмера*, *Вейсменталя*, *Груннера*, *Ейзена*, *Клейнширода*, *Кирхейзена*, *Берка* и др. ²⁾. Прежде право это принадлежало суду въ формѣ такъ называемыхъ *исключительныхъ наказаній*, такъ что судъ примѣнялъ мѣры безопасности, т. е. вторгался въ сферу дѣятельности полиціи, въ литературѣ-же по анализу этого права можно замѣтить слѣдующія переходныя ступени: а) прежде начали отрицать правильность термина „исключительныя наказанія“, видя въ нихъ только мѣры безопасности; б) затѣмъ возбуждали вопросъ о томъ, кто долженъ примѣнять эти мѣры безопас-

¹⁾ См. *И. Тарасова* «Личное задержаніе какъ полицейская мѣра безопасности». Кіевъ, 1875, ч. I, стр. 115, 116.

²⁾ См. *Ив.*, стр. 116, 128.

ности, судъ или полиція, приче́мъ одни склонялись въ пользу суда, а другіе — въ пользу полиціи, и γ) наконецъ пришли въ полное отрицанію какъ исключительныхъ наказаній, такъ и специальныхъ мѣръ безопасности въ отношеніи къ оправданнымъ преступникамъ. *Гестердинъ* назвалъ исключительныя наказанія грубымъ заблужденіемъ, а мѣры безопасности въ отношеніи къ оправданнымъ преступникамъ — вопіющею несправедливостью. *Вольтеръ* замѣтилъ съ свойственнымъ ему сарказмомъ, что какъ есть полудоказательства, т. е. полуправда, такъ есть полуневиные и полувинные, которыхъ и присуждаютъ къ полусмерти.

Вопросъ объ арестѣ преступниковъ, отбывшихъ свое наказаніе, разработанъ въ литературѣ также довольно подробно ¹⁾; при этомъ одни изслѣдователи являются сторонниками этого ареста, другіе же основательно возбуждаютъ вопросъ, виновать-ли преступникъ, если по отбытіи наказанія, имѣющаго цѣлью исправленіе, онъ остается субъектомъ опаснымъ для общества? Третьи считаютъ возможнымъ признать за судами право на присужденіе преступниковъ къ *добавочнымъ наказаніямъ*, имѣющимъ характеръ мѣръ безопасности, что и развито въ особенности во французскомъ законодательствѣ ²⁾, но противъ этого очень энергично возстаетъ *Лотцъ*, указывая на вредъ и опасность неправильнаго вторженія юстиціи въ область полиціи.

Относительно практическаго примѣненія этого ареста, замѣтимъ, что въ Англіи мировымъ судьямъ предоставлено право требовать отъ осужденныхъ, отбывшихъ свое наказаніе, и даже отъ личностей, не подвергшихся осужденію, залогъ въ обезпеченіе хорошаго поведенія (*surety for the good behaviour*), или въ обезпеченіе того, что они не нарушатъ миръ (*surety of the peace; to keep the peace*) ³⁾. Такой залогъ можетъ быть требуемъ на всю жизнь, или только на опредѣленный срокъ, равно какъ такое требованіе можетъ

¹⁾ См. *Ib.*, стр. 128—138.

²⁾ Во французскомъ законодательствѣ чрезвычайно развита отдача преступниковъ, отбывшихъ наказаніе, подъ надзоръ полиціи (*surveillance de la haute police*), приче́мъ эта отдача подъ надзоръ полиціи разматривается какъ добавочное наказаніе, присуждаемое судомъ. См. *Ib.*, стр. 138—142.

³⁾ Это требованіе залога по англійскому законодательству имѣетъ только кажущееся сходство съ французскимъ *cautionnement* (залогомъ) по ст. 44 кодекса 1810 года и по art. 13 проекта «закона 28 апр.» 1832. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это требованіе залога по англійскому законодательству имѣетъ большое внутреннее (принципіальное) сходство съ *отдачей на поруки* по нашему древнему праву въ томъ, что уличенный разъ въ преступленіи не повторитъ его вновь, или что оставленный на свободѣ политически неблагонадежный человѣкъ «будетъ вѣренъ».

исходить непосредственно от мирового судьи, или же по требованию лиц заинтересованных. Непредставивший к сроку требуемого залога подвергается заключению до тех пор, пока не представлен будет залог, но во всяком случае не долее как на один год. Право это в Англии весьма древнее и ведет свое начало со времен Эдуарда Исповедника. *Блэкстон* видит в нем выражение политической мудрости, — предпочтение предупредительной юстиции пред карательной, и он перечисляет следующие случаи, когда мировой судья имеет право требовать такого залога: α) когда в присутствии мирового судьи кто либо нарушает общественное спокойствие, угрожает кому-либо побоями или убийством, или когда с жаром ссорятся между собою; от лиц, которых известны мировому судье как ябедники и задорные; от приведенных к нему констеблями за нарушение общественного спокойствия (breaches of the peace); β) по требованию частного лица, когда это лицо подтверждает присягой и вообще докажет основательность своего опасения за то, что другое лицо намерено непосредственно, или чрез других лиц, поджечь его дом, или нанести ему телесное повреждение; при этом требующий должен доказать также, что требование его не злонамеренно; γ) по статуту 24 Эд. III гл. 1-й мировой судья имеет право требовать залога хорошего поведения в отношении к королю и его народу от тех лиц, которые не пользуются хорошою репутацией, т. е. являются нарушителями общественного мира, или общественной нравственности ¹⁾.

Английская система требования залога хорошего поведения от преступника, отбывшего свое наказание, несомненно приносящая весьма большую практическую пользу, тем не менее возможна только в таком государстве, которое допускает безусловную судебную ответственность должностных лиц, и сверх того предоставляет полнейшую возможность обжаловать эту меру безопасности в судебном порядке; поэтому в государствах, стоящих в отношении к ответственности должностных лиц на иной точке зрения и менее освоившихся с идеей гражданственности, не может быть введена такая система, и задача правительства должна ограничиться только содействием развитию личных союзов, поставивших себя задачей заботиться о материальном благосостоянии и о нравственности освобожденных преступников, чему та же Англия поддала первый пример, достойный полного подражания.

¹⁾ Ср. *И. Тарасова* «Личное задержание» стр. 135—138.

Относительно ареста по постановленію полицейскихъ судовъ немыслимъ никакой анализъ, безъ предварительнаго уясненія понятія о *полицейскомъ судѣ*.

Полицейскимъ судомъ мы называемъ тотъ судъ, въ которомъ предписывающая власть сама судить за неисполненіе своихъ предписаній, такъ что судъ этотъ является ничѣмъ инымъ, какъ одною изъ формъ исполненія, принужденія, т. е. полицейскою мѣрою. Слѣдовательно въ понятіи о полицейскомъ судѣ существенно не то, что будетъ ли судъ единоличный или коллегіальный, судятъ ли за важныя преступленія или за ничтожныя проступки, и даже не то, судить-ли органъ полиціи или органъ юстиціи, а важно только отношеніе судебной власти полицейскаго судьи къ праву предписаній. Очевидно, что тамъ, гдѣ существуетъ судъ съ судьею изъ полиціи, судящимъ за неисполненіе его предписаній и приговаривающимъ къ болѣе или менѣе продолжительному аресту, тамъ этимъ уже признается за полицейей право на личное задержаніе изъ-за полицейскихъ видовъ, такъ какъ суды эти никомъ образомъ нельзя признать органами юстиціи, и судебная дѣятельность ихъ имѣетъ чисто полицейскій характеръ и цѣли: если предписывающій органъ самъ караетъ за неисполненіе своихъ предписаній, какъ мы видимъ это, напримѣръ, во Франціи, гдѣ мэръ судить за неисполненіе своихъ предписаній, то онъ дѣлаетъ это отнюдь не въ видахъ возстановленія нарушеннаго права и не какъ органъ юстиціи, а онъ пользуется этимъ правомъ, какъ одною изъ мѣръ исполненія, принужденія.

Исслѣдуя историческія причины возникновенія этихъ судовъ, родоначальникомъ которыхъ былъ судъ вотчинника, нельзя не замѣтить, что корень сознанія о необходимости ихъ кроется въ значительной степени въ томъ неуваженіи къ полиціи и въ ненависти къ ней и къ ея предписаніямъ, вслѣдствіе которыхъ общіе суды начали относиться весьма снисходительно къ нарушеніямъ полицейскихъ предписаній и даже весьма часто, при разбирательствѣ такихъ дѣлъ, умышленно или неумышленно, обнаруживали вопіющія злоупотребленія властью со стороны полиціи, дискредитируя этимъ еще болѣе ея значеніе. Очевидно, что это еще недостаточное основаніе для отступленія отъ кореннаго принципа, по которому только судъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, судить, а администрація управляетъ, поэтому и существованіе полицейскихъ судовъ, пока они не состоятъ изъ судей, какъ лицъ совершенно независимыхъ отъ администраціи, юридически образованныхъ и подчиненныхъ общимъ правиламъ судопроизводства, — не можетъ быть оправдано никакими соображеніями. Въ

отношеніи къ разбирательству по полицейскимъ проступкамъ, юстиція должна являться помощницей полиціи; какъ въ предупрежденіи о пресѣченіи преступленій, въ предупредительномъ арестѣ и въ дознаніи, по справедливому замѣчанію *Лотца*, полиція работаетъ для юстиціи, такъ въ данномъ случаѣ юстиція работаетъ для полиціи.

Отрицая умѣстность полицейскихъ судовъ слѣдуетъ, разумѣется, послѣдовательно придти къ отрицанію умѣстности и ареста по постановленіямъ этихъ судовъ.

И такъ перечисленные нами формы ареста, какъ переходныя отъ предупредительнаго (судебно-полицейскаго) ареста къ аресту полицейскому, слѣдуетъ отнести въ область аномальныхъ явленій, которыми, къ сожалѣнію, такъ богата полицейская практика. Но того-же отнюдь нельзя сказать о *полицейскомъ арестѣ* (въ настоящемъ смыслѣ слова), къ анализу котораго мы переходимъ.

Первый случай, и наиболѣе частый, примѣненія полицейскаго ареста тотъ, *когда полиція имѣетъ достаточное основаніе опасаться, что можетъ быть совершено преступленіе или проступокъ* и не имѣетъ другихъ средствъ къ предотвращенію этой опасности. Арестъ этотъ неправильно называть предупредительнымъ (судебно-полицейскимъ), такъ какъ предупредительный арестъ предполагаетъ непременно какое нибудь опредѣленное, совершившееся уже преступленіе, въ формѣ-ли покушенія, или самого совершенія преступленія; тутъ-же мы видимъ только высшее проявленіе полицейской власти, неимѣющее никакого отношенія къ правосудію, которое остается всегда глухо къ заявленію, что *кто-то* хочетъ или можетъ совершить *какое-то* преступленіе. Если первымъ поводомъ къ такому аресту и служить иногда какой нибудь проступокъ, то проступокъ этотъ бываетъ такого свойства, что, независимо отъ цѣлей исключительно полицейскихъ, т. е. предупрежденія опасности, онъ не могъ-бы самъ по себѣ служить поводомъ къ судебному аресту (напримѣръ, при задержаніи лицъ, не имѣющихъ паспорта, если-бы безпаспортность эта не служила достаточнымъ поводомъ къ опасенію, что за этимъ проступкомъ кроется совершенное преступленіе, или-же возможность совершенія такого, то полиція не арестовала-бы этихъ лицъ). Лучшимъ-же доказательствомъ тому, что арестъ такого рода есть полицейскій, заключается въ томъ, что арестованный не передается органамъ юстиціи до удостовѣренія въ его личности; послѣ этого удостовѣренія, онъ или освобождается, или передается органамъ юстиціи, въ зависимости отъ обнаруженныхъ фактовъ. Такимъ образомъ очевидно, что арестъ этотъ нельзя назвать предупредитель-

нымъ (судбно-полицейскимъ), но онъ несомнѣнно можетъ сдѣлаться такимъ, если полиція убѣждается изъ наведенныхъ справокъ въ личности извѣстнаго преступленія. Совершенно то-же слѣдуетъ сказать, напримѣръ, объ арестѣ подозрительнаго лица, бродящаго въ позднее время подлѣ ювелирнаго или какого нибудь другаго магазина и не могущаго представить удовлетворительнаго объясненія своего пребыванія въ данномъ мѣстѣ въ такое время; бродитъ ночью подлѣ какого-бы то ни было магазина, разумѣется, не преступленіе, но за этимъ дѣйствіемъ можетъ скрываться совершенное преступленіе или возможность совершенія такого, а потому въ данномъ случаѣ полицейскій арестъ можетъ сдѣлаться предупредительнымъ, считая съ того момента, когда оправдается опасеніе, послужившее поводомъ къ аресту. Возьмемъ еще примѣръ: полицейскій стражъ видитъ кого нибудь ночью на улицѣ съ какимъ нибудь большимъ тюкомъ; личность эта кажется ему подозрительною; онъ подходитъ къ нему съ распросами, получаетъ неудовлетворительные отвѣты, или-же отвѣты, требующіе провѣрки; онъ задерживаетъ подозрительное лице, отводитъ его въ полицейское управленіе, гдѣ, послѣ допроса, полицейскій арестъ превращается, или-же переходитъ въ предупредительный, согласно съ обнаруженными обстоятельствами. Наконецъ еще одинъ примѣръ: полиція видитъ какую нибудь личность, въ родѣ Нобилинга, подозрительно прячущуюся за экипажи и какъ-бы высматривающую кого-либо въ людной улицѣ; въ *крайнемъ случаѣ* полиція арестуетъ эту личность, послѣ чего арестъ можетъ сдѣлаться предупредительнымъ, если обнаружится наличность *опредѣленнаго* преступленія, или-же подготовленіе къ совершенію его. Разумѣется, условія общественной жизни представляютъ цѣлую массу такихъ примѣровъ и они требуютъ самаго тщательнаго анализа, дабы, съ одной стороны, дать полиціи всѣ необходимыя средства для защиты общественной безопасности, а съ другой—оградить гражданъ отъ произвольныхъ дѣйствій полиціи.

Арестъ въ указанныхъ случаяхъ не только неправильно, но и опасно называть предупредительнымъ (судбно-полицейскимъ), какъ того желаютъ многіе, подводя всѣ случаи ареста подъ понятіе объ арестѣ судебномъ, будто-бы обставленнымъ достаточными гарантіями для личной свободы. Такая замѣна послужила-бы въ явный ущербъ гражданской свободѣ: полицейскій арестъ отличается отъ предупредительнаго по формѣ, сроку и послѣдствіямъ. Арестъ этотъ имѣетъ обыкновенно форму увода для устраненія опасности, тогда какъ арестъ предупредительный имѣетъ форму заключенія. Продолжи-

тельность полицейскаго ареста опредѣляется только опасностью, вслѣдствіе чего онъ можетъ быть только кратковременнымъ, тогда какъ продолжительность предупредительнаго и судебнаго арестовъ опредѣляется необходимостью пресѣчь способы уклоняться отъ слѣдствія и суда, судебными сроками и т. п. Наконецъ отвѣтственность по полицейскому аресту, какъ мы укажемъ на это ниже, можетъ или, по крайней мѣрѣ, должна быть только *исковая (судебная)*, тогда какъ аресты предупредительный и судебный можно только *обжаловать*, ибо въ противномъ случаѣ сдѣлалось-бы невозможнымъ отправленіе правосудія. Пояснимъ это различіе примѣромъ: полиція арестуетъ при народныхъ бунтахъ или дракахъ какъ праватаго, такъ и виноватаго, единственно только въ видахъ скорѣйшаго устраненія опасности; если арестъ этотъ признать въ отношеніи ко всѣмъ лицамъ за предупредительный, то каждый арестованный долженъ бы быть сданъ органамъ юстиціи, содержась до тѣхъ поръ подъ арестомъ. Неправильность этого ареста можно было-бы обжаловать только въ жалобномъ, т. е. въ аппеляціонномъ порядкѣ, тогда какъ, при признаніи этого ареста за полицейскій, полиція должна была-бы, по разогнаніи толпы или прекращеніи драки, т. е. по устраненіи опасности, немедленно освободить тѣхъ лицъ, противъ которыхъ не будетъ никакихъ явныхъ уликъ въ принятіи ими участія въ бунтѣ или въ дракѣ, ограничившись только записаніемъ фамилій и мѣстожительства задержанныхъ, какъ свидѣтелей. Въ случаѣ неправильности такого ареста, задержанному должно быть дано право непосредственнаго обращенія въ судъ съ искомъ противъ виновныхъ; для тѣхъ-же лицъ, противъ которыхъ будутъ явныя улики, если полиція не освободитъ ихъ, это будетъ арестъ предупредительный и арестованные должны быть немедленно сданы органамъ юстиціи, причѣмъ, въ случаѣ признанія ареста неправильнымъ, эти арестованные могутъ обратиться къ органамъ юстиціи только съ жалобой, т. е. съ просьбой о замѣнѣ одной мѣры пресѣченія другою.

Указанный случай полицейскаго ареста наиболѣе частый, но имъ не исчерпывается область примѣненія этого ареста, такъ какъ полиція имѣетъ право или, по крайней мѣрѣ, должна имѣть право арестовать не только при опасеніи, что можетъ быть совершено преступленіе или проступокъ, но и вообще *при видѣ опасности, угрожающей единичному лицу, или цѣлому обществу, и немогущей быть устраненною инымъ путемъ*. Такъ, напримѣръ, полиція видитъ пьянаго на улицѣ, лежащаго въ безчувственномъ

состояніи, она подвергаетъ его личному задержанію, чтобы оградить его отъ опасности, угрожающей ему отъ прохожихъ и проѣзжихъ, и оградить другихъ отъ опасности, угрожающей имъ отъ пьянаго. Другой примѣръ—полиція видитъ когонибудь бѣгущимъ по направлению къ рѣкѣ, по видимому, съ цѣлью утопиться; предупреждая опасность, полиція подвергаетъ бѣгущаго личному задержанію. Тоже, напримѣръ, при арестѣ сумашедшаго, находящагося въ возбужденномъ состояніи, при арестѣ лица, преслѣдующаго кого-либо по улицѣ съ угрозами и т. д., въ особенности при арестахъ во время народныхъ скопищъ, бунтовъ, дракъ и т. д.

Что касается отношенія положительнаго законодательства къ вопросу о полицейскомъ арестѣ, то нельзя не замѣтить двухъ рѣзко различныхъ направлений: континентальное и англо-американское.

Въ *континентальномъ законодательствѣ* часто нѣтъ прямого признанія полицейскаго ареста, оно иногда даже отрицаетъ этотъ арестъ, хотя, какъ извѣстно, практика примѣняетъ его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Извѣстный французскій юристъ-практикъ, *Бертрандъ*, говоря о полицейскомъ арестѣ, откровенно замѣчаетъ, что во французскомъ законодательствѣ нѣтъ санкціи полицейскаго ареста, но практика примѣняетъ его «*comme une conséquence nécessaire du droit de police*».

По *англійскимъ законамъ* констебль имѣетъ право арестовать всякаго, не только при подозрѣніи въ совершеніи какого-нибудь преступленія, но и при подозрѣніи въ желаніи совершить таковое; не нужно даже, чтобы это было непременно преступленіе, но достаточно и простаго нарушенія „мира“, спокойствія (*breach of peace*). Проще сказать, достаточно, чтобы констебль подозрѣвалъ возможность нарушенія общественнаго спокойствія со стороны какого-либо лица, и лице это можетъ быть арестовано имъ. О правѣ мировыхъ судей требовать залога хорошаго поведенія, замѣняя его арестомъ, мы говорили уже выше. По закону 1866 г. всякій гражданинъ имѣетъ право привести къ двумъ мировымъ или полицейскимъ судьямъ, или представить королевскому судьи каждое дитя, которому на видъ мѣнѣе четырнадцати лѣтъ и которое находится въ слѣдующемъ положеніи, а именно: а) нищенствующаго, или просящаго милостыню, явно, или подъ предлогомъ продажи или предложенія въ продажу какой-нибудь вещи, находящагося на улицѣ, или въ другомъ общественномъ мѣстѣ, съ цѣлью просить, или принимать милостыню, б) находящагося въ положеніи бродяги, не имѣющаго ни постояннаго жилища, ни покровителей, ни средствъ опредѣленнаго существованія,

в) находящагося въ безпомощномъ состояніи, потому-ли что онъ сирота, или потому, что его отецъ или мать осуждены въ каторжныя работы, или къ тюремному заключенію, г) посѣщающаго общество людей, прослывшихъ за воровъ, д) получающихъ прокормленіе въ школахъ рабочаго дома и оказывающихся при этомъ непокорными и е) дѣтей моложе двѣнадцати лѣтъ, обвиненныхъ за преступленія, наказываемыя тюремнымъ заключеніемъ, но прежде не подвергавшихся наказанію ¹⁾). Очевидно, что здѣсь цѣлый рядъ случаевъ полицейскаго ареста, т. е. ареста, совершаемаго исключительно только для цѣлей безопасности.

Изъ вышеизложеннаго видно, что полицейскій арестъ существуетъ, и что признаніе его въ государствѣ столь-же необходимо, какъ необходимо, на примѣръ, войско; въ противномъ случаѣ нельзя считать обезпеченными условія безопасности въ государствѣ и полиція вынуждена была-бы прибѣгать къ произволу, или обречена была-бы на безсиліе. Подведеніе всѣхъ случаевъ ареста подъ понятіе объ арестѣ судебномъ, какъ указала практика, ничуть не ограждаетъ личную свободу и не спасаетъ отъ произвола; послѣднія событія въ Германіи, да и у насъ служатъ лучшимъ тому доказательствомъ, между тѣмъ какъ практическая Англія, откровенно санкціонировавшая полицейскій арестъ, справедливо гордится своею гражданскою и политическою свободою. Все дѣло не въ фразахъ и не въ установленіи кабинетныхъ принциповъ, впередъ обреченныхъ на поруганіе, а въ установленіи *практическихъ гарантіяхъ для личной свободы*, въ анализу которыхъ мы и приступаемъ теперь.

Случаевъ полицейскаго ареста въ практической жизни много и перечислить ихъ всѣ невозможно, поэтому и законодательства, которыя стремились-бы сдѣлать такой перечень, оказались-бы въ этомъ случаѣ безсильными ²⁾ и постепенно пришли-бы къ убѣжденію, что можно указать только на общіе, типическіе случаи примѣненія полицейскаго ареста, обративъ особенное вниманіе на форму этого ареста, на сроки, опредѣляющіе продолжительность его, на органы аресту-

¹⁾ См. Кіевскія Университетскія Ивѣстія 1876 г., № 4, стр. 283, статья проф. Кистяковскаго: «Молодые преступники и учрежденія для нихъ исправленія».

²⁾ Понятки подобнаго рода были и съ ними можно ознакомиться въ *Traité de la liberté individuelle par Coffinières*, Paris, 1828. Кромѣ того *Л. Штейнъ* указываетъ на существованіе періода времени, когда стремленіе это было почти общимъ всѣмъ законодательствамъ, если-же мы не находили въ законодательствахъ этихъ различія между полицейскимъ и судебнымъ арестами, то причину этому нужно искать не въ отсутствіи этого различія, а въ ложномъ направленіи, принятомъ этими законодательствами.

ющіе и на отвѣтственность за легкомысленные или злонамѣренные аресты.

Что касается *формы полицейскаго ареста*, на которую обращено было должное вниманіе только въ срединѣ нашего столѣтія, то она опредѣляетъ главнѣйшимъ образомъ обязанность арестовавшихъ облечь въ письменную форму причины, вызвавшія арестъ, написать постановленіе и постановленіе это должно быть предъявлено арестованному. Затѣмъ принято до извѣстной степени въ соображеніе, что самый характеръ полицейскаго ареста предписываетъ величайшую осторожность въ обращеніи съ арестованнымъ, возможное устраненіе всякихъ стѣсненій, лишеній и т. п.

Случаи полицейскаго ареста въ сущности сводятся къ крайней необходимости, поэтому никоимъ образомъ нельзя согласиться съ *Молемъ*, который допускаетъ такой арестъ не какъ послѣднюю, т. е. крайнюю мѣру безопасности, а какъ *отрѣзкую*, ибо, допустивъ такое положеніе, можно отнять всякую возможность преслѣдовать полицію за легкомысленный или злонамѣренный арестъ; если въ законѣ не будетъ опредѣлено, что полиція можетъ прибѣгать къ аресту только какъ къ крайнему средству, предварительно испытавъ всѣ другія, то полицейское должностное лице, привлеченное, къ отвѣтственности, всегда можетъ оправдаться тѣмъ, что по его мнѣнію это было нужнѣйшее средство. Поэтому гораздо рациональнѣе положеніе Лука, который говоритъ, что при принятіи мѣры безопасности нужно руководствоваться двумя правилами: неизбѣжностью, крайнею необходимостью той или другой полицейской мѣры и вредомъ, который произошелъ-бы отъ непринятія этой мѣры. То-же говоритъ *Лотцъ*, доказывая, что полиція должна прибѣгать къ полицейскому аресту только въ крайнемъ случаѣ, поставивъ себѣ за правило *quilibet praesumitur, donec probatur contrarium*: полицейскій арестъ долженъ быть примѣненъ только тогда, когда общественная безопасность не можетъ быть ограждена никакимъ инымъ способомъ.

Что касается *срока полицейскаго ареста*, то онъ опредѣляется самою цѣлью этого ареста: пока существуетъ опасность для единичнаго лица, если для общества, единственный способъ устраненія которой заключается въ арестѣ, арестъ этотъ продолжается, но какъ только опасность прекратилась, или же она можетъ быть устранена инымъ способомъ, арестъ прекращается. Поэтому полицейскій арестъ можетъ имѣть значеніе только простаго увода, или кратковременнаго заключенія, ибо невозможно представить себѣ сколько-нибудь продолжительную опасность, не опирающуюся на преступные факты, въ

последнемъ-же случаѣ арестъ будетъ не полицейскимъ, а предупредительнымъ, или судебнымъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе необходимо установленіе въ законодательствѣ maximum'a срока продолжительности полицейскаго ареста, какъ это и сдѣлано въ англійскомъ законодательствѣ.

Вопросъ объ *органахъ полиціи*, которымъ можетъ, или должно быть предоставлено право полицейскаго ареста, мы оставляемъ здѣсь безъ изслѣдованія, дабы не выйти изъ предѣловъ нашей статьи, тѣмъ болѣе что вопросъ этотъ разработанъ уже нами раньше въ общихъ чертахъ ²⁾.

Относительно *ответственности полиціи* существуютъ двѣ системы: континентальная и англо-американская.

На *континентѣ*, при безсильномъ и часто неискреннемъ стремленіи ограничить законами власть полиціи и облагодѣлать ея вторженіе въ сферу личной свободы названіемъ „судебный арестъ“, ответственность полиціи ставится въ зависимость отъ благоусмотрѣнія начальства: никто изъ должностныхъ лицъ не можетъ быть преданъ суду или вообще подвергнутъ ответственности за служебное дѣйствіе иначе какъ его начальствомъ.

Въ *Англии* каждое лице, потерпѣвшее отъ неправильныхъ или произвольныхъ дѣйствій полиціи, по существу или по формѣ, имѣетъ право обратиться *непосредственно* въ судъ съ искомъ и защищать свое право какъ частное лице противъ частнаго-же лица, хотя-бы обвиняемый (отвѣтчикъ) былъ констеблемъ, или какимъ нибудь другимъ, болѣе важнымъ, должностнымъ лицомъ. Указывая на это особое положеніе въ Англии вопроса объ ответственности должностныхъ лицъ, *Л. Штейнъ* совершенно основательно замѣчаетъ, что вся континентальная литература и даже англійскіе юристы (но не публицисты и историки), занимающіеся изслѣдованіемъ англійскихъ порядковъ, упускаютъ изъ виду, что самое существенное въ знаменитомъ Habeas Corpus Act'ѣ заключается именно въ установленіи этой *судебной* (исковой) ответственности, какъ вѣрнѣйшей защиты личной свободы.

Сравнивая эти двѣ системы въ отношеніи къ вопросу объ ответственности полиціи за арестъ, неправильный по существу или по формѣ, нельзя не отдать предпочтенія системѣ англо-американской. Чтобы полиція могла удовлетворительно исполнять одну изъ глав-

¹⁾ См. *И. Тарасова* «Личное задержаніе», стр. 151—153.

²⁾ См. «Личное задержаніе», стр. 199—214.

нѣйшихъ своихъ задачъ, — огражденіе безопасности, — ей необходимо дать самыя широкія полномочія, пользованіе которыми въ каждомъ данномъ случаѣ должно быть предоставлено, до извѣстной степени, благоусмотрѣнію органовъ полиціи, потому что законодательство не можетъ предусмотрѣть всѣ разновидности опасности и интенсивность ея въ каждомъ данномъ случаѣ; слѣдовательно полиція въ своей дѣятельности для устраненія опасности является въ отношеніи къ гражданамъ снабженною какъ-бы произвольною властью, что было-бы совершенно немислимо ни въ одномъ цивилизованномъ государствѣ, если-бы противовѣсомъ или, вѣрнѣе сказать, регуляторомъ этой власти не служило-бы право гражданъ преслѣдовать органы полиціи судебнымъ порядкомъ въ томъ случаѣ, когда дѣйствія полиціи неправильны по формѣ и по содержанію. Кромѣ того, такого рода отвѣтственности обусловливается успѣшность дѣятельности полиціи въ томъ отношеніи, что какою-бы властью ни была снабжена полиція, власть эта будетъ фиктивною, если она не будетъ вызывать безусловнаго повиновенія, разсчитывать на которое безъ употребленія силы и принужденія можно только тогда, когда тѣ, отъ которыхъ будетъ требоваться это повиновеніе, въ каждомъ данномъ случаѣ будутъ знать, что они подчиняются не грубой силѣ и не произволу, всегда ненавистному, а законности, которая можетъ имѣть мѣсто въ дѣйствіяхъ полиціи только тогда, когда дѣйствія эти будутъ обставлены судебною отвѣтственностью. Судъ оберегаетъ законъ, а законъ, по содержанію своему есть *мтра свободы* каждаго частнаго лица и *граница власти* каждаго органа государства, поэтому зависимость отвѣтственности полиціи отъ благоусмотрѣнія начальства отрицаетъ какъ мѣру свободы, такъ и границу власти. Выгоды-же, которыя вообще можно было-бы ожидать отъ введенія англо-американской системы отвѣтственности полиціи, въ сущности сводятся къ слѣдующему: а) контроль надъ дѣйствіями полиціи, столь трудный для одного правительства, будетъ облегченъ содѣйствіемъ гражданъ, б) полиціи можно будетъ дать весьма широкія полномочія, необходимыя для охраненія условій безопасности, в) въ дѣйствіяхъ ея устраненъ будетъ произволъ, вслѣдствіе чего г) обезпечены будутъ условія *гражданской* (общей) *безопасности* ¹⁾, д) полиціи рѣже придется встрѣчать сопротивленіе своимъ дѣйствіямъ, е) личный персоналъ полиціи можетъ быть менѣе многочисленный, ж) дѣйствія полиціи не будутъ имѣть

¹⁾ См. *Листяковскаго* «Элементарный учебникъ уголовного права», въ Киевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1874, № 3, стр. 158.

характера чего-то скрытого, подпольного, нуждающагося въ разрѣшеніи начальства, чтобы быть подвергнутыми публичному обсужденію, з) полиція пріобрѣтаетъ себѣ то уваженіе, которое для нея столь необходимо, чтобы дѣйствовать успѣшно и чтобы привлечь къ полицейской службѣ достойныхъ лицъ, и и) слово „полиція“ перестанетъ быть равнозначущимъ съ произволомъ и угнетеніемъ, но можетъ сдѣлаться синонимомъ законности.

Высказавшись выше за санкцію полицейскаго ареста и сославшись въ этомъ случаѣ на примѣръ Англіи, мы далеки однако отъ мысли, что Англія должна сдѣлаться предметомъ слѣднаго подражанія для всѣхъ другихъ государствъ. Не надо забывать, что Англія воспитана на принципахъ гражданской свободы, а свобода эта никогда не пріобрѣтается сразу, — она является результатомъ весьма продолжительнаго процесса. Многіе недостатки англійскаго законодательства ступшеваются тѣмъ чувствомъ гражданственности, которое врожденно каждому англичанину и на которое не всегда можно разсчитывать у другихъ народовъ; къ числу этихъ недостатковъ слѣдуетъ отнести, между прочимъ, то, что англійское законодательство предоставило слишкомъ много *благоусмотрѣнн*ю полиціи, обусловивъ только дѣятельность ея неограниченною, судебною отвѣтственностью. Для Англіи это оказывается совершенно достаточнымъ, но для другихъ государствъ и этого можетъ быть мало; сами судьи въ своихъ рѣшеніяхъ могутъ находиться еще подъ вліяніемъ того понятія, что они судятъ должностное лице за должностное дѣйствіе; наконецъ, нижшіе органы полиціи не въ состояніи будутъ сразу усвоить себѣ отношеніе между дѣятельностію и отвѣтственностію за нее. Поэтому недостаточно ограничиться одними только общими чертами въ опредѣленіи сферы правъ и обязанностей полиціи въ отношеніи полицейскаго ареста, обусловивъ дѣятельность ея отвѣтственностью такъ, что полиція — съ одной стороны, а граждане — съ другой сами являлись-бы иѣрилами дозволеннаго и необходимаго, — нужно еще, чтобы законодательство, какъ мы и указали выше, опредѣлило основные случаи приимѣненія полицейскаго ареста, форму его, срокъ и послѣдствія, при чемъ необходимы указанія на органы полиціи, имѣющіе право подвергать полицейскому аресту, и на отвѣтственность ихъ за арестъ, неправильный по существу или по формѣ, наконецъ — необходимо указать также на соотношеніе этого ареста къ другимъ формамъ ареста. Какъ на попытку составленія такого рода законодательнаго акта можно указать на прусскій законъ отъ 12-го февраля 1850 года *въ защиту свободы* (zum Schutze der persön-

lichen Freiheit), нынѣ недѣйствующій, статьи котораго, относящіяся къ нашему вопросу, слѣдующія:

„§ 1. *Предварительный* (т. е. судебный) *арестъ* (Verhaftung) можетъ воспослѣдовать только на основаніи письменнаго приказанія судьи, заключающаго въ себѣ точныя указанія на предметъ обвиненія и на обвиняемаго. Это приказаніе должно быть вручено обвиняемому во время ареста, или не позднеѣ какъ въ теченіи слѣдующаго дня.

§ 2. *Предупредительный* (т. е. судебнополицейскій) *арестъ* (vorläufige Ergreifung und Festnahme)¹⁾, безъ судебного приказанія, можетъ послѣдовать въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если кто-нибудь будетъ достигнуть при совершеніи наказуемаго дѣянія, или же тотчасъ послѣ совершенія его, б) если даже и позднеѣ обнаружатся обстоятельства, которыя дадутъ поводъ къ сильному подозрѣнію кого-либо въ томъ, что онъ зачинщикъ или участникъ въ какомъ-нибудь наказуемомъ дѣяніи и при томъ хотѣлъ бѣжать.

§ 3. Подвергать предупредительному аресту (§ 2) могутъ полицейскія управленія и другія должностныя лица, на которыхъ, по существующимъ законамъ, возложена обязанность розыскивать преступленія и проступки; этимъ-же правомъ пользуются и нисшіе полицейскіе служители (Wachmannschaften), но только въ случаяхъ, указанныхъ въ п. а, § 2-го. Каждое частное лицо уполномочено задерживать (ergreifen) преступниковъ, если въ случаяхъ, указанныхъ въ п. а, § 2-го, преступникъ бѣжитъ, или даетъ основательный поводъ подозрѣвать его въ намѣреніи бѣжать, или-же есть основаніе опасаться, что инымъ путемъ нельзя будетъ удостовѣриться въ личности. Задержанный долженъ быть тотчасъ-же отведенъ къ одному изъ вышеуказанныхъ лицъ, уполномоченныхъ подвергать предупредительному аресту, или къ нисшимъ полицейскимъ служителямъ.

§ 4. При *предварительномъ* арестѣ должны быть тотчасъ-же сдѣланы распоряженія о представленіи обвиняемаго къ судѣ, издавшему приказаніе объ арестѣ. — Всякій, подвергшійся *предупредительному* аресту, долженъ быть или освобожденъ не позднеѣ какъ въ теченіи слѣдующаго дня, или-же въ теченіи этого времени должны быть сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія для представленія арестованнаго прокурору надлежащаго суда. Прокуроръ долженъ или

¹⁾ Der Ergreifene означаетъ лице, задержанное частными лицами, der vorläufig Festgenommene — задержаннаго полиціей. Въ первомъ случаѣ арестованный представляется полиціи, во-второмъ — юстиціи (см. § 3-й).

тотчасъ-же освободить арестованнаго, или-же немедленно представить суду предложеніе о постановленіи рѣшенія объ арестѣ. Если кто нибудь арестованъ внѣ подлежащаго судебного округа, то онъ можетъ требовать, чтобы его предварительно отвели къ мѣстному прокурору, который можетъ освободить его только въ такомъ случаѣ, если арестованный докажетъ, что арестъ произведенъ по ошибкѣ или по недоразумѣнію; во всѣхъ-же другихъ случаяхъ прокуроръ долженъ распорядиться объ отводѣ арестованнаго къ прокурору подлежащаго суда.

§ 5. Всякій, подвергшійся предварительному, или предупредительному аресту (*Verhaftete od. vorläufig Festgenommene*), долженъ быть допрошенъ подлежащимъ судьей не поздне какъ въ теченіи слѣдующаго дня со времени его привода такъ, чтобы арестованный зналъ, въ чемъ онъ обвиняется, и могъ-бы разъяснить недоразумѣніе.

§ 6. Указанные въ § 3-мъ, должностныя лица и нисшіе полицейскіе служители уполномочены подвергать *полицейскому аресту* (*polizeiliche Verwahrung*), если безопасность самого арестуемаго, или поддержаніе общественной нравственности, безопасности и спокойствія настоятельно требуютъ принятія этой мѣры. Подвергшіеся полицейскому аресту должны быть или освобождены не поздне, какъ въ теченіи слѣдующаго дня, или-же въ это время должны быть сдѣланы необходимыя распоряженія для сообщенія объ арестованныхъ въ подлежащія управленія⁴.

Далѣе слѣдуютъ постановленія относительно запрещенія проникать въ частныя жилища въ ночное время, исключая случаевъ пожара, наводненія, опасности жизни, крика о помощи изнутри и преслѣдованія бѣгущаго преступника¹⁾.

Законъ этотъ, который можно было-бы выставить какъ образецъ для законодательства другихъ государствъ, не чуждъ однако нѣкоторыхъ, и весьма существенныхъ, недостатковъ. Начиная съ § 1-го— въ немъ не опредѣлена подробно форма судебного, письменнаго приказанія, такъ какъ одно только указаніе на обвиняемаго и на предметъ обвиненія недостаточно, а неполнота формы можетъ вызвать на практикѣ весьма серьезныя замѣшательства. За тѣмъ нѣтъ никакого разумнаго основанія назначать столь продолжительный промежутокъ времени для врученія арестованному этого приказанія, тогда какъ изъ англійской практики обнаруживается, что не только для предъ-

¹⁾ См. *И. Тарасова* «Личное задержаніе», стр. 187 и слѣд.

явленія подлиннаго письменнаго приказанія, которое должно быть представлено арестуемому при арестѣ, но даже и для выдачи копій съ этого приказанія, 6-ти часовой срокъ, со времени заявленія просьбы о выдачѣ ея, оказывается совершенно достаточнымъ. — Пунктъ б, § 2-го даетъ полиціи слишкомъ широкое право, такъ какъ выраженіе „наказуемое дѣяніе“ имѣетъ весьма обширное значеніе и заключаетъ въ себѣ понятія о преступленіи, проступкѣ и полицейскомъ нарушеніи; право ареста въ этомъ случаѣ предоставлено только полицейскимъ управленіямъ и другимъ должностнымъ лицамъ, на которыхъ возложена обязанность розыскивать преступленія и проступки, т. е. лицамъ, отъ которыхъ можно требовать, до извѣстной степени, знакомства съ существующей классификаціей преступленій и системой наказаній, слѣдовательно въ этомъ пунктѣ параграфа слова: „наказуемое дѣяніе“ можно было-бы замѣнить другимъ выраженіемъ, менѣе общимъ, оставивъ ихъ въ силѣ только для перваго пункта этого параграфа, такъ какъ этимъ пунктомъ уполномочиваются на арестъ нисше полицейскіе служители и частныя лица, отъ которыхъ нельзя требовать точнаго знакомства съ различіемъ между преступленіями, проступками и полицейскими нарушеніями. — Въ первомъ пунктѣ 2-го параграфа не предусмотрѣнъ случай ареста при крикахъ о помощи (*by hue and cry* — по англійскому законодательству), такъ какъ онъ, повидимому, подходитъ подъ 2-й пунктъ, слѣдовательно въ этомъ случаѣ лишены права ареста нисше полицейскіе служители и частныя лица; если-же предположить, что случай этотъ предусмотрѣнъ въ § 6-мъ, то права ареста лишены будутъ частныя лица; — ни то, ни другое не согласно съ требованіями дѣйствительной жизни. Вообще п. а, § 2-го выраженъ весьма неясно; въ подлинникѣ сказано: *wenn die Person bei Ausführung einer strafbaren Handlung „oder gleich nach derselben getroffen oder verfolgt wird“*. Можно думать, что слово „*verfolgt*“ означаетъ преслѣдованіе „*by hue and cry*“, но въ такомъ случаѣ частныя лица и полиція будутъ поставлены въ печальное положеніе: они будутъ видѣть, что кто нибудь преслѣдуетъ кого нибудь, прося о помощи, и полиція, чтобы подать такую помощь, должна будетъ предварительно справиться, совершилъ-ли преслѣдуемый какое нибудь наказуемое дѣяніе и только тогда оказать помощь, задержавъ преслѣдуемаго. Можно представить себѣ и другой случай: кто нибудь, по прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени послѣ совершенія извѣстнаго ему преступленія, вдругъ увидитъ преступника на улицѣ и пустится за нимъ въ погоню; ни полиція, ни частныя лица не могутъ, на основаніи п. а,

§ 2-го и § 3-го, оказать ему помощи, такъ какъ между соверше-
ніемъ преступленія и поимкой преступника истекъ болѣе или менѣе
продолжительный срокъ. Вообще-же § 2-й долженъ былъ-бы за-
ключать въ себѣ указанія, когда вся полиція и всѣ частныя лица
могутъ арестовать, когда только полиція и, наконецъ, когда толь-
ко высшіе чины полиціи. — Параграфъ 3-й выраженъ также не-
достаточно ясно: изъ смысла его вытекаетъ, будто-бы частныя
лица могутъ арестовать преступника только тогда, когда онъ бѣ-
житъ, или намѣренъ бѣжать *отъ полиціи*. — Слово „тотчасъ-же“
(sofort), встрѣчающееся въ §§ 3 и 4-мъ, слѣдовало-бы обусловить
отвѣтственностью за малѣйшее, умышленное промедленіе, какъ это
сдѣлано въ англійскомъ законодательствѣ; равно какъ слова „безъ
замедленія“ (unverzüglich) въ § 4-мъ необходимо замѣнить точнымъ
указаніемъ на срокъ. — Часть § 4-го, отъ слова „если“ — до конца,
можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, такъ какъ слово „пред-
варительно“ можетъ быть неправильно толкуемо, въ слѣдствіе чего
арестованный можетъ быть не *тотчасъ-же* отведенъ къ мѣстному
прокурору; кромѣ того не сдѣлано указанія на срокъ представле-
нія арестованнаго прокурору подлежащаго суда. — Въ § 5-мъ явное
противорѣчіе, такъ какъ въ немъ говорится о лицахъ, подверг-
шихся не только предварительному, но и предупредительному аре-
сту, которыя должны быть допрошены *судьею* не позднѣе какъ
на другой день со времени ихъ привода, между тѣмъ какъ въ
§ 4-мъ сказано, что подвергшійся предупредительному аресту дол-
женъ быть отведенъ къ *прокурору*; выясненіе этого противорѣчія
существенно, такъ какъ весьма важно знать, можно-ли предста-
влять непосредственно въ судъ лицъ, подвергшихся предупреди-
тельному аресту, ибо отъ утвердительнаго или отрицательнаго от-
вѣта на этотъ вопросъ можетъ зависѣть большая или менѣшая
продолжительность этого ареста. — Параграфъ шестой въ особен-
ности неудовлетворителенъ. Въ немъ ничего не упомянуто о правѣ
частныхъ лицъ подвергать полицейскому аресту, тогда какъ стран-
нымъ кажется, отчего, напримѣръ, частныя лица не могутъ подо-
брать на улицѣ пьянаго, или взять буйнаго сумасшедшаго и пред-
ставить ихъ въ полицію? Далѣе, въ параграфѣ этомъ не сдѣлано
никакой попытки указать на главнѣйшіе, типическіе случаи при-
мѣненія полицейскаго ареста, между тѣмъ какъ здѣсь такого рода
указаніе въ особенности необходимо потому, что право полицей-
скаго ареста предоставлено не только нисшимъ полицейскимъ слу-
жителямъ, понятія которыхъ о „нравственности“, напримѣръ, мо-

гутъ быть весьма своеобразны, но должно быть предоставлено въ нѣкоторыхъ случаяхъ и частнымъ лицамъ. — Кроме того, мы не находимъ въ этомъ параграфѣ ни малѣйшей попытки опредѣлять предварительный образъ дѣйствія, предшествующій аресту, тогда какъ въ этомъ именно опредѣленіи, если-бы оно было удовлетворительно, заключалась-бы одна изъ главнѣйшихъ гарантій личной свободѣ: законъ, уполномочивающій къ полицейскому аресту, долженъ указать на всѣ предварительныя мѣры безопасности, только безуспѣшность которыхъ можетъ дать право на полицейскій арестъ. Къ разряду существенныхъ недостатковъ этого параграфа слѣдуетъ отнести также и то, что опредѣляя довольно высокій максимумъ срока продолжительности ареста, онъ распространяетъ этотъ максимумъ на всѣ случаи полицейскаго ареста, не предусматривая тѣхъ случаевъ, когда арестъ этотъ долженъ ограничиться простымъ уводомъ, напримѣръ — при арестѣ дерущихся. Наконецъ, въ параграфѣ этомъ ничего не сказано объ обязанности полиціи вручить арестованному, по его требованію, копію съ постановленія объ арестѣ, вслѣдствіе чего арестъ этотъ пріобрѣтаетъ характеръ домашней мѣры, совершеніе которой проходитъ безслѣдно, безъ всякаго документа въ рукахъ арестованнаго, съ которымъ онъ могъ-бы обратиться въ судъ съ искомъ, въ случаѣ неправильности ареста по существу или по формѣ. — Самый существенный недостатокъ этого закона тотъ, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на отвѣтственность, которой могутъ подвергаться должностныя лица при неисполненіи предписаній этого закона, имѣющаго цѣлью ограждать личную свободу; поэтому законъ этотъ, будучи лучше англійскаго въ томъ отношеніи, что въ немъ видна попытка систематизировать вопросъ и разрѣшить его въ томъ смыслѣ, чтобы сфера и образъ дѣятельности исполнительныхъ органовъ были по возможности опредѣленныя; но онъ хуже англійскаго, такъ какъ исполненіе его не обусловлено тою судебною отвѣтственностью, которая столь категорически и ясно выражена въ англійскомъ законодательствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ этотъ лучше французскаго, такъ какъ онъ яснѣе опредѣляетъ предѣлы гражданской свободы и сообщаетъ большую откровенность и законность образу дѣйствія полиціи, и кроме того, что весьма существенно, законъ этотъ выдѣляетъ вопросъ о полицейскомъ арестѣ изъ устава уголовного судопроизводства.

Мы заключаемъ наше изслѣдованіе словами *Либера*, — этого воспитанника ученой Германіи и жителя свободной Америки, ко-

торый говорить, что не законъ опасенъ свободѣ, а опасно отсутствіе господства закона. Гражданская свобода заключается не въ отсутствіи стѣсненій личной свободы, а въ установленіи гарантій для такихъ правъ, которыя наиболѣе часто нарушаются и считаются людьми наиболѣе дорогими и существенными. Задача законодательства заключается въ томъ, чтобы дать защиту при нарушеніи права и предупреждать такіа нарушенія; задача-же эта никогда не будетъ достигнута тѣмъ, что полиція поставлена будетъ въ необходимость бездѣйствовать, или восполнять темноту закона произволомъ.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ

И

СТАТИСТИКА.

Я. А. ГРЕВЕНЩИКОВА,

ПОЛКОВНИКА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

I.

Армія составляет часть населенія, особо организованную для обороны государства; она находится въ полномъ распоряженіи правительства и также какъ правительство составляетъ органическую часть государства. Правительство, армія и народъ—это три части главнаго государственнаго элемента населенія, активныя способности котораго создаютъ политическое тѣло. Если правительство устанавливаетъ стройный порядокъ во всѣхъ отправленияхъ государственной жизни, а армія охраняетъ этотъ порядокъ и защищаетъ государственныя интересы отъ посягательствъ со стороны другихъ государствъ, то народъ, ради котораго существуютъ правительство и армія, служитъ источникомъ силы и благоденствія государства въ полномъ объемѣ.

Племенные особенности, подъ вліяніемъ естественныхъ и историческихъ условий, создаютъ извѣстныя физическія и духовныя силы, выражающіяся въ формѣ матеріальнаго богатства и духовнаго (умственнаго и нравственнаго) совершенства. Какъ первое, такъ и второе, возникая въ дѣятельности отдѣльнаго лица, растутъ и совер-

шенствуется массируясь въ обществѣ; оба вида богатствъ образуютъ и питаютъ крѣпость и славу правительства и арміи.

Къ физическимъ силамъ государства относятся: территорія со всѣмъ, что на ней, включая и населенія и климатическія условія, какъ результатъ географическаго положенія территоріи; къ духовнымъ: любовь къ родинѣ, религія, довѣріе къ власти, образованіе какъ источникъ знанія, и, наконецъ, самоуваженіе, какъ результатъ сознанія собственной силы и правоты. Все это вмѣстѣ, при взаимнодѣйствіи, создаетъ государственное могущество.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе зависимости, въ которой находится вооруженная сила отъ другихъ государственныхъ элементовъ, положеніе ея, какъ въ общемъ, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется могуществомъ даннаго государства и свойствомъ силъ, которыя образовали это могущество. Всякое уклоненіе: въ сторону ли несоразмѣрнаго увеличенія вооруженныхъ силъ, или же въ сторону численно и качественно, ниже нормальнаго уровня, который опредѣляется политическимъ значеніемъ государства, — неминуемо должно вести къ болѣзненнымъ явленіямъ, понижающимъ государственное могущество.

Изъ всего сказаннаго легко усмотрѣть необходимость и значеніе, для опредѣленія политической роли государства, его общей государственной статистики и сравнительнаго ея изученія по отношенію къ государствамъ, имѣющимъ между собою какое бы то ни было соприкосновеніе.

II.

Прямое назначеніе вооруженной силы — оборона государства, а потому организація вооруженныхъ силъ обуславливается прежде всего организаціею государственной обороны, которая въ полномъ своемъ объемѣ составляетъ предметъ государствовѣдѣнія.

Организація государственной обороны обуславливается слѣдующими данными:

1) *Политическими* условіями, въ которыхъ находится государство относительно внѣшней и внутренней политики. Условія эти, въ зависимости отъ различныхъ комбинацій, опредѣляютъ *нѣсколько положеній*, которымъ должна отвѣчать организація государственной обороны, причемъ осторожность требуетъ, чтобы всѣ соображенія были

сдѣланы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ виду самыхъ невыгодныхъ условій.

Политическія данныя находятся внѣ вѣдѣнія военнаго вѣдомства и должны быть при рѣшеніи спеціально военныхъ вопросовъ приняты имъ какъ уже напередъ данныя величины.

2) *Стратегическими* условіями, которыя опредѣляются географическими, топографическими, экономическими и политическими данными. Стратегическія условія въ зависимости отъ политическихъ положеній могутъ имѣть *нѣсколько постановокъ*, изъ которыхъ въ каждой при опредѣленіи условій государственной обороны должна быть принята въ расчетъ наименѣе выгодная обстановка.

Военное вѣдомство обязано изучить стратегическія данныя, чтобы въ мирное время, заблаговременно, принять соотвѣтствующія мѣры для устраненія оказавшихся неудобствъ и подготовить на случай войны наивыгоднѣйшую обстановку.

3) *Средствами* государства, которыя имѣются для организаціи государственной обороны. Средства эти, матеріальныя и духовныя, какъ результатъ всей предыдущей государственной жизни, не могутъ увеличиваться по произволу и для даннаго времени являются величиною строго опредѣленною.

Такъ какъ могущество государства находится въ тѣсной зависимости отъ наличныхъ средствъ и такъ какъ организація государственной обороны должна быть соображена съ политическими требованіями, опредѣляющимися тѣми же наличными средствами и относительнымъ значеніемъ ихъ, то понятно, что въ основу всѣхъ расчетовъ по организаціи государственной обороны должны быть приняты *самыя точныя свѣдѣнія общей статистики*, причѣмъ на обязанности военнаго вѣдства лежитъ опредѣленіе размѣра, въ которомъ государство должно эксплуатировать имѣющіяся на лицо средства для военныхъ цѣлей.

Такимъ образомъ для правильнаго рѣшенія вопроса о государственной оборонѣ необходимы статистическія свѣдѣнія, какъ относительно собственныхъ средствъ, такъ и средствъ государствъ, столкновеніе съ которыми возможно.

III.

Активная сила государственной обороны заключается въ *вооруженной силѣ* государства, образуемой изъ арміи и всѣхъ вспомогательныхъ учрежденій. Величина арміи и размѣръ развитія

ея вспомогательныхъ учреждений опредѣляется тремя вышеприведенными данными: 1) политическими, 2) статистическими и 3) наличными средствами государства, причѣмъ, соображаясь съ каждымъ изъ трехъ данныхъ, для наибольшей основательности выводовъ слѣдуетъ принимать въ расчетъ самыя невыгодныя условія.

Спеціальная задача военно-организационнаго рѣшенія, какимъ образомъ вооруженныя силы должны быть устроены, состоитъ въ изысканіи такого строя военной организаци и такихъ способовъ пользованія государственными средствами, которыя бы, давая въ результатѣ силы, отвѣчающія, по достоинству, современнымъ требованіямъ военнаго искусства и по количеству политическимъ условіямъ, въ то же время удовлетворяли интересамъ государственной экономіи.

Рѣшеніе военно-организационныхъ вопросовъ должно быть основано на принципѣ *образованія вооруженной силы, численностью и достоинствомъ отвѣчающей своему назначенію съ наименьшими затратами для государства*. Такъ какъ вооруженная сила предназначается для защиты государственныхъ интересовъ, то само собою разумѣется, что нерасчетливое пользованіе государственными средствами не только уничтожало бы пользу, имѣющуюся при этомъ въ виду, но даже вредило бы интересамъ государства болѣе чѣмъ пораженіе отъ руки непріятели. Первое, т. е. нерасчетливое пользованіе средствами, дѣйствуетъ постоянно, въ долгій періодъ мира, а потому глубже, хотя и медленнѣе разстраиваетъ государственный порядокъ, тогда какъ пораженіе, какъ фактъ скоропреходящій, болѣе поражаетъ своею обстановкою, чѣмъ внутреннюю силу.

Ведущіе войну рассчитываютъ нанести другъ другу такой вредъ, впечатлѣніе котораго привело бы къ сознанію своего безсилія. Несоблюденіе въ рѣшеніи военно-организационныхъ задачъ условія „наименьшихъ затратъ для государства“, — равносильно содѣйствію противнику.

Выраженіемъ — „съ наименьшими затратами для государства“ — замѣняется стереотипная фраза „наименьшихъ расходовъ казны“, такъ какъ *казна*, составляя часть государственныхъ *средствъ*, является частностью въ той массѣ матеріальныхъ и духовныхъ запасовъ, которые расходуются на вооруженную силу.

Такимъ образомъ при организаци вооруженной силы должны быть приняты въ основаніе слѣдующія данныя: 1) численность, какъ готовая величина, опредѣленная политическими условіями; 2) военныя требованія, вытекающія изъ стратегическихъ и тактическихъ усло-

вій, опредѣленныхъ военною наукою, и 3) наличныя средства государства, экономическія и соціальныя данныя, обусловливаюція пользованіе ими для нуждъ вооруженной силы.

Свѣдѣнія о средствахъ необходимыхъ для военныхъ цѣлей и способахъ производительнѣйшаго пользованія ими, заключаются въ военной статистикѣ, которая почерпаетъ свои свѣдѣнія изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и общая статистика, но разрабатываетъ ихъ въ большей подробности примѣнительно военныхъ требованій.

Сборъ и разработка военно-статистическихъ свѣдѣній всецѣло лежитъ на обязанности военнаго вѣдомства, если только оно не отказывается отъ самостоятельнаго рѣшенія военно-организационныхъ вопросовъ.

Безъ основательнаго изученія статистическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ опредѣляется порядокъ примѣненія положеній науки къ экономическимъ и социальнымъ условіямъ государства—всякая военно-организационная работа представляется болѣе или менѣе удачною *импровизаціею*, а притекающія отсюда установленія отличаются недолговѣчностью.

IV.

Назначеніе вооруженной силы — вести бой, когда это окажется нужнымъ, чтобы отстоять интересы государства. Степень боевой готовности, соотвѣтственно возможнымъ случайностямъ — вотъ мѣрило пригодности вооруженной силы. Но такъ какъ въ мирное время, по экономическимъ расчетамъ, содержатся только кадры силы, которая должна быть выставлена государствомъ въ случаѣ войны, то правильность рѣшенія военно-организационныхъ вопросовъ должна оцѣниваться какъ пригодностью принятыхъ организационныхъ формъ съ чисто боевой точки зрѣнія, какъ она опредѣлена военною наукою, такъ и условіями существованія кадровъ въ мирное время и порядкомъ укомплектованія и снабженія войскъ до военнаго состава. Словомъ, боевая пригодность данной организациіи опредѣляется быстротою перехода съ мирнаго на военное положеніе (мобилизація) и способностью выполнить всѣ тактическія и стратегическія задачи, встрѣчающіяся на войнѣ и все это съ наименьшими затратами государственныхъ средствъ и силъ.

Быстрота перехода съ мирнаго на военное положеніе, равно какъ и боевая устойчивость войсковыхъ частей зависятъ, прежде всего,

отъ достоинства кадровъ и резервовъ, и затѣмъ отъ совершенства мобилизаціоннаго плана, которымъ опредѣляется весь порядокъ пополненія кадровъ до штатовъ военнаго времени.

Имѣя въ виду совершенство войсковыхъ частей съ точки зрѣнія ихъ боевой пригодности, т. е. не только въ предѣлахъ штатовъ мирнаго времени (кадра), но и во всѣхъ тревоженіяхъ боеваго вихря, ивущаго и ломающаго все, что не имѣетъ достаточно силъ для устойчивости, — надо помнить, что боевое достоинство часто на три пятны зависитъ отъ условій административныхъ вообще и хозяйственныхъ въ особенности. Голодная и продрогшая, да еще дурно управляемая часть, какъ бы она прекрасно ни была обучена тактическимъ дѣйствіямъ и подъ какую бы прекрасную команду ни попала — *сдастъ*, такъ какъ не будетъ заключать въ себѣ основы, на которой опирается постоянство боевыхъ успѣховъ, а именно — *выдержки*.

Конечно, условія, при которыхъ часть будетъ считать себя вполне *краткою*, и вслѣдствіе чего будетъ менѣе чувствительна ко всѣмъ случайностямъ, — измѣняются въ самыхъ широкихъ предѣлахъ: сравните суворовскихъ чудо-богатырей съ прусскимъ ландверомъ, воспитанномъ на гороховой колбасѣ и кофеѣ. Однако, нельзя не признать, что въ прежнее время долгосрочная служба перерождала человѣка, формируя солдата по утвержденному образцу, тогда какъ теперь, съ уменьшеніемъ срока пребыванія солдатъ въ рядахъ арміи, вслѣдствіе уменьшенія вѣроятной возможности преобразовать человѣка, становится необходимою пользоваться уже имѣющимися въ населеніи качествами, примѣняя ихъ къ военнымъ цѣлямъ. Для того, чтобы выполнить такую задачу, необходимо всестороннее изученіе экономическихъ и соціальныхъ условій существованія населенія, что возможно только при посредствѣ статистическихъ данныхъ.

Военное значеніе бытовыхъ условій въ видахъ созданія прочныхъ кадровъ весьма велико. Недаромъ ими такъ интересовались особенно выдающіеся русскіе военачальники, какъ, напримѣръ, Румянцевъ, Суворовъ и друг., а потому будетъ вполне правильнымъ, если мы начнемъ разсматривать значеніе въ военной организаціи статистическихъ данныхъ съ краткаго очерка тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для правильной организаціи кадровъ, при условіи наименьшихъ затратъ со стороны государства.

V.

Оружіе, которымъ снабжены войска, имѣетъ вліяніе на формы строя и способы примѣненія ихъ къ мѣстности. Каждая армія, вводя у себя оружіе, имѣющее уже въ другихъ арміяхъ, естественно вмѣстѣ съ тѣмъ усвоиваетъ главныя основанія соотвѣтствующей тактики. Въ этой сферѣ военнаго искусства подражаніе неизбѣжно. Со-всѣмъ другое дѣло относительно внутренней организаціи тактической единицы.

Если признавать въ тактической единицѣ (баталіонъ, рота, эскадронъ, сотня) живой организмъ, въ которомъ отдѣльныя человѣческія особи слиты воедино силою всѣмъ имъ присущаго духа государственной народности, то для здороваго ихъ существованія и полнаго всесторонняго развитія необходима соотвѣтственность внутреннихъ порядковъ службы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ, присущимъ различнымъ этнографическимъ элементамъ, изъ которыхъ образуется народность. При такихъ условіяхъ не можетъ быть подражанія, и сходство порядковъ въ различныхъ арміяхъ будетъ не болѣе какъ случайность.

Не только каждая административная единица (полкъ, батарея) русской арміи представляетъ совершенно независимую хозяйственную единицу, но эта самостоятельность присуща и тактическимъ единицамъ. Эта особенность наша образовалась и выросла исторически подъ вліяніемъ чисто мѣстныхъ условій.

Каждая часть находитъ въ себѣ самой все, что необходимо для ея существованія; она сама себя кормитъ, поитъ, одѣваетъ, ведетъ свою экономію, для которой ничего не дается, но за которую каждый взysкиваетъ со строеваго начальника, требуя въ то же время, чтобы изъ экономіи покрывались существующія прорѣхи.

Когда существовала долгосрочная служба, то всѣ спеціалисты, необходимые для внутренней службы, какъ-то: писаря, кузнецы, столяры, токари, колесники, печники, хлѣбопеки, кашевары и т. п., образовались въ части; теперь же, при короткихъ срокахъ службы, надо чтобы часть получала ихъ готовыми въ составѣ ежегоднаго контингента новобранцевъ.

Существованіе раіоновъ постояннаго комплектованія частей, при условіи, что населеніе различныхъ мѣстностей Имперіи, какъ въ силу своихъ этнографическихъ особенностей, такъ и по условіямъ эко-

номического развитія, весьма неодинаково относительно способности удовлетворять всѣмъ хозяйственнымъ потребностямъ войсковыхъ частей—обуславливаетъ необходимость самаго внимательнаго росписанія континентовъ.

Для того, чтобы приравнять всѣ войсковыя части въ условіяхъ наибывгоднѣйшаго комплектованія людьми, необходимо имѣть точныя свѣдѣнія:

1) относительно племеннаго состава населенія, каждаго уѣзда, какъ особаго раіона комплектованія;

2) относительно духовныхъ и физическихъ особенностей каждой этнографической группы даннаго уѣзда, какъ онѣ представляются относительно требованій военной службы.

3) относительно распредѣленія населенія уѣзда по роду занятій съ опредѣленіемъ какъ великъ процентъ всякаго рода мастеровыхъ въ составѣ ежегоднаго континента новобранцевъ.

Попытка къ составленію сборника указанныхъ свѣдѣній уже сдѣлана г. Риттихомъ въ его трудѣ „Племенной составъ континентовъ русской арміи“. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, протекающихъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка матерьяла, трудъ этотъ по мысли и исполненію заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Если такія статистическія свѣдѣнія требуются для наилучшей организациі кадровъ войсковыхъ частей, то, съ другой стороны, въ видахъ возможно разсчетливаго пользованія средствами государства, въ данномъ случаѣ силами самой молодой, отборной части населенія, необходимы данныя, на основаніи которыхъ можно было бы предотвратить всякія случайности, вредно вліяющія на здоровье и жизнь молодаго поколѣнія.

Дѣло въ томъ, что при существованіи системы раіоновъ постояннаго комплектованія и нормальной дислокаці войскъ, закрѣпляющей части войскъ на постоянномъ квартирваніи въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, всегда въ одной и той же обстановкѣ относительно расквартированія, размѣщенія и исполненія караульной службы, очень легко можетъ случиться, что континенты нѣкоторыхъ уѣздовъ годъ въ годъ стануть попадать въ такія части войскъ, расположеніе и служба которыхъ будетъ вредно отзывать на здоровьи, увеличивая процентъ смертности и числа неспособныхъ. Такой фактъ можетъ вліять какъ на уменьшеніе, такъ и вырожденіе населенія мѣстности, составляющей раіонъ комплектованія частей войскъ, находящихся въ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Для устраненія указанныхъ случайностей при составленіи рос-

писанія ежегоднаго укомплектованія войскъ должно руководствоваться слѣдующими свѣдѣніями:

1) указаніемъ процента болѣзненности и смертности въ ежегодномъ контингентѣ новобранцевъ каждаго уѣзда въ различныхъ мѣстностяхъ расквартированія войскъ;

2) опредѣленіемъ процента болѣзненности и смертности въ ежегодномъ контингентѣ каждаго уѣзда въ зависимости отъ условій расквартированія и размѣщенія войскъ, а также условій караульной службы.

Какъ на зачатки разработки этихъ свѣдѣній, можно указать на изданіе медицинскаго департамента „Медико-топографическаго сборника“ и на „Врачебно-статистическій отчетъ о состояніи здоровья войскъ за 1872 годъ“, напечатанный по распоряженію и подъ руководствомъ главнаго военно-медицинскаго инспектора. Но труды эти преслѣдуютъ инныя цѣли, чѣмъ сборъ данныхъ для руководства въ рѣшеніи военно-организационныхъ работъ, а потому въ настоящемъ своемъ видѣ они не даютъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Даже изданіе главнаго военно-медицинскаго инспектора, официальное изданіе военнаго министерства, упускаетъ изъ вида указанныя цѣли, отвѣчая исключительно требованіямъ отчетности о военно-врачебной дѣятельности за указанный годъ, въ кругу военно-служащихъ, безъ всякаго соотношенія съ интересами населенія.

При обширности и разнообразіи климатическихъ условій въ Россіи, опредѣленіе способности акклиматизаціи различныхъ частей населенія въ мѣстностяхъ постояннаго расквартированія войскъ составляетъ весьма важный вопросъ военной статистики, такъ какъ при общеобязательной службѣ, росписаніямъ военнаго министерства узаконяется вынужденное переселеніе значительной массы населенія въ самомъ переходномъ возрастѣ, что не можетъ не вліять на явленія общаго движенія народонаселенія въ государствѣ.

Само собою разумѣется, что въ организационныхъ вопросахъ, касающихся столь серьезныхъ вещей, не можетъ быть допущено ни какихъ импровизацій, неминуемыхъ при отсутствіи указанныхъ выше свѣдѣній. Не менѣе серьезное значеніе для полной успѣшности военно-организационныхъ рѣшеній имѣетъ правильная постановка вопроса объ отношеніи числа лошадей въ кадрахъ мирнаго времени къ потребностямъ военнаго времени.

Надо помнить, что государство производитъ только то на что есть спросъ, и въ размѣрѣ, соответствующемъ потребности, а потому тѣ сорта лошадей, которые предназначаются исключительно для

арміи, находятся у населенія въ количествѣ, опредѣляемомъ спросомъ военнаго вѣдомства. Понятно, что полнота кадровъ мирнаго времени въ кавалеріи даетъ поводъ предполагать, что для дальнѣйшаго увеличенія числа кавалеріи въ военное время, въ массѣ коневыхъ силъ государства окажется недостатокъ спеціально верховыхъ лошадей и придется рассчитывать на выборъ таковыхъ изъ лошадей, предназначающихся для другихъ цѣлей. Для того, чтобы опредѣлить данныя, на основаніи которыхъ должно быть опредѣлено число лошадей въ кадрахъ мирнаго времени, необходимо имѣть въ виду положеніе коневодства и коннозаводства въ странѣ, для чего необходимы соотвѣтствующія статистическія свѣдѣнія. Кромѣ указанныхъ случаевъ необходимость статистическихъ свѣдѣній при организаціи кадровъ мирнаго времени обнаруживается въ каждомъ частномъ случаѣ.

VI.

Переходя къ изслѣдованію значенія, которое имѣютъ статистическія данныя при рѣшеніи вопроса наилучшей организаціи всѣхъ мобилизаціонныхъ операцій, необходимо имѣть въ виду: 1) значеніе мобилизаціонныхъ расчетовъ и соображеній въ общей системѣ военной организаціи; 2) условія наилучшаго рѣшенія мобилизаціонныхъ задачъ для исключительно военныхъ цѣлей, и 3) условія организаціи мобилизаціоннаго плана съ соблюденіемъ расчетливости въ пользованіи средствами государства, для того, чтобы выполнить правило *„наименьшихъ затратъ“*.

Мобилизаціонный планъ заключаетъ въ себѣ сводку дѣйствій по исполненію мѣръ, которыми полагается поставить вооруженныя силы въ положеніе, отвѣчающее условію государственной безопасности. Въ црѣмѣненіи къ дѣлу всѣхъ этихъ мѣръ состоитъ провѣрка организаціи вооруженныхъ силъ, такъ какъ при правильной постановкѣ вопроса, какъ наилучшимъ способомъ обезпечить оборону государства, обословленную политическими и стратегическими соображеніями и *наличными средствами страны*, усовершенствованіе мобилизаціоннаго плана можетъ быть исполнено только путемъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ военной организаціи.

Мобилизаціонный планъ, составляемый въ мирное время на случай войны, долженъ обнимать собою слѣдующія операціи:

1) Мобилизацію войскъ, ихъ управленій и вспомогательныхъ

учреждений, т. е. укомплектование и снабжение их всемъ необходимымъ для полной боевой готовности, въ мѣстахъ ихъ расположенія по дислокаціи мирнаго времени.

2) Сосредоточеніе уже мобилизованныхъ частей на вѣроятные театры войны и одновременное съ этимъ устройство тыла.

Объ операціи находятся между собою въ самой тѣсной зависимости, такъ какъ, напримѣръ, въ Россіи выполненіе первоначальной задачи войны — обезпеченіе государства отъ непріятельскаго вторженія, вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія вооруженныхъ силъ по государственной территоріи, не совпадающаго съ размѣщеніемъ источниковъ пополненія войскъ людьми и лошадьми, можетъ быть достигнуто только постепенно, и тѣмъ въ кратчайшій срокъ, чѣмъ лучше будутъ соображены расчеты по сосредоточенію войскъ съ временемъ ихъ укомплектованія и обратно.

Устройство тыла арміи должно входить въ мобилизаціонный планъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) завися отъ хода укомплектованія резервныхъ и запасныхъ войскъ и вспомогательныхъ учреждений, оно въ то же время обезпечиваетъ успѣхъ полного сосредоточенія арміи; 2) оно способствуетъ правильному доставленію къ войскамъ, двинутымъ на сосредоточеніе, ихъ хозяйственныхъ принадлежностей; 3) вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же даетъ правильное движеніе отъ источниковъ снабженія къ войскамъ и обратно.

Объ операціи, какъ укомплектованіе въ мѣстахъ расквартированія, такъ и сосредоточеніе войскъ, должны исполняться по нѣсколькимъ планамъ, въ зависимости отъ того, всѣ ли войска или только часть войскъ мобилизуется и на какой театръ войны должны быть сосредоточены мобилизованныя войска.

Исходя изъ того, что мобилизаціонный планъ долженъ служить основаніемъ стройному одновременному исполненію всѣхъ дѣйствій, необходимыхъ для скорѣйшаго осуществленія мѣръ, которыми обезпечивается оборона государства, въ него должны также войти соображенія о вооруженіи и снабженіи крѣпостей, прикрывающихъ операціонныя базы.

Если принять во вниманіе всю сложность мобилизаціонныхъ операцій, то соображенія, изъ которыхъ составляется мобилизаціонный планъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при общей и каждой частной мобилизаціи, могутъ быть изложены въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Мобилизація войскъ, ихъ управленій и вспомогательныхъ учреждений.

1) Мобилизація полевыхъ, резервныхъ и запасныхъ войскъ пѣ-

хоты, кавалеріи и артиллеріи съ соответствующими парками, саперныхъ баталіоновъ и полковыхъ штабовъ, относительно:

а) укомплектованія личнымъ составомъ нижними чинами и офицерами;

б) обмундированія и снаряженія;

в) вооруженія;

г) укомплектованія лошадьми;

д) приведенія на военное положеніе госпитальныхъ и санитарныхъ войсковыхъ средствъ (подвозныхъ дивизионныхъ лазаретовъ и ротъ санитаровъ).

2) Мобилизація общихъ средствъ арміи:

а) по артиллерійской части (артиллерійскіе всякаго рода парки, мастерскія, снабженіе крѣпостей артиллерійскими запасами);

б) по инженерной части (понтонные, полевые, осадные и телеграфные парки, вооруженіе и усиленіе крѣпостей);

в) по интендантской части (формированіе подвижныхъ и временныхъ госпиталей, организація интендантской части въ дивизіяхъ и корпусахъ, обезпеченіе продовольствія людей и лошадей, слѣдующихъ на укомплектованіе частей и подготовка перевозочныхъ средствъ);

г) по медицинской части: укомплектованіе войскъ и госпиталей личнымъ составомъ врачей, ветеринаровъ, фельдшерскими и аптекарскими учениками; снабженіе войскъ и госпиталей медикаментами и хирургическими инструментами;

д) по военно-судной части: назначеніе личнаго состава полевыхъ судовъ (преобразованіе состава военно-окружныхъ судовъ);

е) по желѣзно-дорожной части: сборъ и формированіе желѣзнодорожныхъ баталіоновъ (разсчеты и соображенія по перевозкѣ укомплектованія и снабженія къ мобилизирующимся частямъ войскъ и учрежденіямъ);

ж) по почтовой части: назначеніе почтовымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ личнаго состава для формированія полевой почты; снабженіе полевой почты обозомъ и лошадьми;

з) по телеграфной части: назначеніе телеграфнымъ вѣдомствомъ личнаго состава для усиленія нѣкоторыхъ изъ существующихъ линій и для линій, которыя могутъ быть вновь проведены съ военною цѣлью; проложеніе новыхъ вспомогательныхъ линій;

и) по открытію расходныхъ полевыхъ кассъ: составляется соображеніе о мѣстахъ расположенія кассъ и размѣрѣ наличныхъ въ нихъ суммъ; назначеніе министерствомъ финансовъ личнаго состава;

к) по контрольной части: назначение государственнымъ контролемъ личнаго состава полевого контроля.

II. Сосредоточение войскъ и устройство тыла.

1) Росписание войскъ по арміямъ и отрядамъ (*ordre de bataille*), опредѣленіе районовъ ихъ сосредоточенія.

2) Назначеніе командующихъ лицъ и сформированіе управленій и штабовъ, образуемыхъ лишь на военное время.

3) Движеніе войскъ для сосредоточенія:

а) распредѣленіе по поѣздамъ собственно войскъ и войскового обоза;

б) общій планъ передвиженія войскъ съ распредѣленіемъ ихъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ соотвѣтственно районамъ сосредоточенія;

в) мѣры для обезпеченія продовольствія сосредоточивающихся войскъ, какъ во время слѣдованія, такъ и въ первые дни по сосредоточеніи.

4) Устройство тыла:

а) опредѣленіе операціонной линіи;

б) назначеніе этапныхъ пунктовъ съ припискою на немъ опредѣленныхъ районовъ;

в) устройство этапныхъ госпиталей и участіе въ этомъ дѣлѣ „Общества для пособія раненымъ и больнымъ воинамъ“;

г) устройство по этапамъ магазиновъ;

д) сообщеніе этаповъ между собою и съ мѣстностями въ сторонѣ отъ операціонныхъ линій;

е) назначеніе этапныхъ начальниковъ и необходимаго личнаго состава для этапной службы;

ж) сформированіе перевозочныхъ средствъ.

5) Вооруженіе и снабженіе крѣпостей:

а) Заготовленіе продовольственныхъ запасовъ.

VII.

Условіе, что въ мирное время содержатся только кадры войскъ, обуславливаетъ необходимость имѣть на случай войны въ готовности все, чѣмъ обезпечивается боевая готовность вооруженныхъ силъ, т. е. все необходимое для укомплектованія кадровъ и снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ.

Лишь та армія можетъ считаться надежною защитой государства, которая живетъ средствами своей земли. Какая либо зависи-

мость отъ средствъ и силъ другихъ государствъ, вслѣдствіе случайныхъ политическихъ обстоятельствъ, легко можетъ нарушить установленный въ ней порядокъ, что естественно должно отразиться на стройности всей системы государственной обороны.

Связь между вооруженными силами страны и ея производительными силами тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ обширнѣе развитіе первыхъ: съ увеличеніемъ боевой численности арміи, соотвѣтственно должны увеличиться затраты на удовлетвореніе военныхъ нуждъ, причемъ средствъ военнаго вѣдомства, заключающихся въ бюджетѣ военнаго министерства, всегда будетъ недостаточно, вслѣдствіе чего естественно придется обращаться къ наличнымъ средствамъ страны.

Въ экономической жизни *спросъ и предложеніе* обуславливаютъ наличность нужныхъ цѣнностей. Если бы военное министерство во всемъ разсчитывало только на свои финансовыя средства, то оно должно бы было въ отношеніи всѣхъ потребностей военнаго времени уже въ мирное время нести денежныя затраты, чтобы постояннымъ *спросомъ* обезпечивать на случай войны соотвѣтствующее *предложеніе*. Такой порядокъ въ долгіе періоды мира привелъ бы государство къ раззоренію худшему, чѣмъ всѣ ужасы войны.

Избѣжать этого можно согласованіемъ потребностей войскъ съ экономическими потребностями населенія, причемъ, ограничивая запасы мирнаго времени такими предметами, какъ *вооруженіе* и *снаряженіе*, которыя всегда будутъ составлять спеціальную потребность только одного военнаго вѣдомства, во всемъ остальномъ въ такомъ чрезвычайномъ случаѣ, какъ война, обращаться къ средствамъ страны.

Само собою разумѣется, для того, чтобы послѣдній приемъ былъ возможенъ, необходимо: 1) *организовать войсковой бытъ, согласно съ условіями народнаго быта*; 2) *имѣть точныя свѣдѣнія о наличныхъ средствахъ страны и ихъ распредѣленіи*; 3) *быть близко знакомымъ съ экономическими условіями страны для того, чтобы знать какъ организовать пользованіе ими съ наименьшими затратами для населенія*.

Изъ сказаннаго ясно, что всѣ мобилизаціонные расчѣты должны быть строго соображены съ наличными средствами страны, а при пользованіи ими должны быть изысканы наудобнѣйшіе способы.

Отношеніе между наилучшею организаціею мобилизаціонныхъ дѣйствій съ наименьшими при этомъ расходами для государства состоитъ въ томъ, что всякая односторонность въ пользованіи наличными средствами поведетъ къ нарушенію государственнаго интереса. Если для удовлетворенія насущной военной надобности станутъ не-

разсчетливо пользоваться наличными средствами, то тѣмъ самымъ будетъ парализована возможность продолжительной борьбы за скорымъ истощеніемъ источниковъ; если же для сбереженія наличныхъ средствъ станутъ оставлять безъ вниманія насущныя военныя потребности, то вооруженныя силы государства не выполнятъ своего назначенія, вслѣдствіе чего всѣ предыдущія затраты на нихъ окажутся бесполезными, или же для того, чтобы позже исправить то, что оставлено безъ вниманія, придется затратить гораздо больше средствъ и силъ!

Въ мобилизаціонныхъ разсчетахъ благоразумная экономія силъ и средствъ можетъ быть достигнута только предварительнымъ изученіемъ тѣхъ и другихъ и предусмотрительностью въ опредѣленіи нуждъ войны.

VIII.

Въ свѣдѣніяхъ относительно средствъ и силъ государства, пользованіе которыми обуславливаетъ успѣхъ мобилизаціи и полную боевую способность вооруженныхъ силъ, должно заключать слѣдующее:

1) Общая численность и численность каждой категоріи людей запаса (пѣхота, кавалерія и артиллерія съ подраздѣленіями: пѣхота — на полевую и мѣстную, на стрѣлковую и линейную; артиллерія — на полевую и крѣпостную, пѣшую и конную и т. д.).

2) Распредѣленіе запаса по мѣстностямъ.

3) Условія, въ которыхъ находятся люди запаса въ каждой мѣстности относительно рода занятій и благосостоянія, что должно вліять какъ на процентъ людей негодныхъ для военной службы, такъ и на наличность числа людей въ данной мѣстности въ различное время года. Въ послѣднемъ отношеніи особенное значеніе имѣютъ отхожіе промыслы, въ которыхъ люди запаса, вслѣдствіе своего общественнаго и экономическаго положенія, принимаютъ большое участіе.

4) Численность и сортъ лошадей въ каждой мѣстности.

5) Условія, въ которыхъ находится коневодство въ различныхъ мѣстностяхъ государства, какъ относительно пользованія коневыми силами, такъ и хозяйственныхъ условій, опредѣляющихъ состояніе рабочей лошади въ различное время года.

6) Продовольственныя средства каждой мѣстности государства съ опредѣленіемъ избытка или недостатка каждаго продукта.

7) Промышленность различныхъ мѣстностей государства съ ука-

заніємъ производства тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ армія наиболѣе нуждается, какъ-то: суконъ, холста, кожь, спирта и т. под.

8) Торговля различныхъ мѣстностей съ указаніемъ въ какое время, въ какомъ количествѣ, черезъ посредство какихъ предпринимателей можно наибыгоднѣйшимъ образомъ получить предметы мѣстной торговли; при этомъ слѣдуетъ наименованіе всѣхъ торговыхъ складовъ, ярмарокъ и базаровъ, торговыхъ домовъ и фирмъ.

9) Подводныя средства каждой мѣстности съ опредѣленіемъ подъемной силы каждой подводы и условій возможности пользоваться ими въ различное время года.

10) Пути сообщенія (проселочныя, торговыя и почтовые) въ каждой мѣстности и ихъ состояніе въ различное время года при условіи расчетовъ передвиженія по нимъ при слѣдованіи въ войска людей, лошадей и различныхъ предметовъ довольствія войскъ.

11) Желѣзныя дороги—ихъ средства какъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, такъ и общихъ государственныхъ потребностей.

12) Почта и телеграфъ, какъ дальнѣйшее развѣтвленіе желѣзныхъ дорогъ. Должно быть обращено особенное вниманіе на условія, почтового и телеграфнаго сообщенія въ пограничныхъ областяхъ, въ раіонѣ мѣстностей, въ которыхъ предполагается устройство операціонныхъ базъ.

13) Силы мѣстной государственной и земской администраціи и условія, существующія по закону и земскимъ постановленіямъ въ данной мѣстности относительно круга дѣятельности и правъ различныхъ должностныхъ лицъ.

Раіономъ укомплектованія войскъ людьми, какъ основная единица при всѣхъ военно-организаціонныхъ расчетахъ, принимается въ военномъ министерствѣ территоріально-административная единица — уѣздъ; такъ же точно уѣздъ составляетъ въ земскомъ хозяйствѣ первую самостоятельную единицу, а потому всѣ статистическія данныя, необходимыя для составленія военно-организаціонныхъ расчетовъ, должны быть приурочены къ уѣзду.

Изъ сущности всего настоящаго очерка ясно видно, что правильность и основательность всѣхъ военно-организаціонныхъ расчетовъ тѣсно связана съ вѣрностью и полнотою статистическихъ свѣдѣній о всѣхъ сторонахъ государственной дѣятельности, прямо или косвенно соприкасающихся съ образованіемъ, существованіемъ и пользованіемъ вооруженною силою.

При отсутствіи статистическихъ данныхъ всё военно-организаціонныя работы всегда будутъ непрочно, подвержены частымъ колебаніямъ въ самыя противоположныя стороны. А такъ какъ устойчивость военной организаціи необходима не только для правильности отправленія военной дѣятельности во всѣхъ ея сферахъ, но и для политическихъ и экономическихъ интересовъ государства, то *сборъ и разработка военно-статистическихъ свѣдѣній составляетъ насущную потребность государственнаго управленія.*

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ РОССІИ.

А. А. ГОЛОВАЧОВА.

ИСТОРІЯ ПОСТРОЙКИ ДОРОГЪ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ ¹⁾.

Въ предыдущихъ нашихъ статьяхъ мы довели исторію сооруженія желѣзныхъ дорогъ до конца 1869 года. Но мы вовсе не говорили о передачѣ казенныхъ дорогъ въ руки частныхъ обществъ, между тѣмъ какъ возникновеніе этого вопроса относится ко времени образованія желѣзнодорожнаго фонда, т. е., къ 1867 году. На этомъ основаніи намъ нужно возвратиться назадъ и разсмотрѣть мотивы къ образованію этого фонда, средства, послужившія ему основаніемъ и порядокъ реализаціи этихъ средствъ ²⁾.

Не говоря уже о тѣхъ затратахъ правительства, которыя были сдѣланы на сооруженіе Николаевской желѣзной дороги и которыя по изслѣдованію г. Блюха ³⁾ доходили къ 1862-му году до 131.420.402 руб. вмѣстѣ съ процентами за время постройки и съ передержкой въ первые годы эксплуатаціи, — къ концу 1866 года

¹⁾ См. статью первую въ IV т. и статью вторую въ V т. Сборн. Гос. Зн.

²⁾ Источникомъ нижеслѣдующаго изложенія мы обязаны просвѣщенному вниманію г. Министра Финансовъ, который открылъ намъ доступъ къ подлиннымъ дѣламъ Министерства Финансовъ.

³⁾ Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи И. С. Блюха. Томъ I, стр. 3.

издержки правительства на желѣзнодорожное дѣло, т. е. на приплату по гарантіи, субсидіи и сооруженія дорогъ средствами казны въ теченіи шестидесятихъ годовъ только, составляли около 120.000.000 руб., въ томъ числѣ въ теченіи 1865 и 1866 годовъ затрачено на сооруженіе новыхъ линій до 40.000,000 руб. Кромѣ того по смѣтѣ на 1867 года было назначено на тотъ же предметъ до 30.000,000 рублей. На эти средства предпринято было сооруженіе Московско-Курской, Одесско-Балтской, Балто-Кіевской дорогъ и приобрѣтено три-четверти акцій Курско-Кіевской дороги. Къ началу 1867 года работы и поставки по этимъ дорогамъ были еще далеко не окончены и Министерству Финансовъ предстояло приготовить средства не только на окончаніе работъ, предположенныхъ по смѣтѣ, но и обезпечить дальнѣйшее продолженіе ихъ въ слѣдующихъ годахъ, такъ какъ къ исходу 1867 года предполагалось окончить только меньшую половину работъ. По расчету Министерства для окончанія только начатыхъ дорогъ требовалось ассигнованія по 30,000,000 руб. въ теченіи трехъ лѣтъ, помимо ассигнованныхъ на 1867 годъ.

Между тѣмъ положеніе государственныхъ финансовъ въ то время вовсе не соотвѣтствовало потребностямъ минуты. 1866 годъ принесъ значительный дефицитъ, размѣры котораго въ то время еще не могли быть съ точностію опредѣлены, и по прежнимъ примѣрамъ возможно было ожидать что исполненіе бюджета и на 1867 годъ также повлечетъ за собою дефицитъ, на покрытіе котораго потребуются особыя средства сверхъ ожидавшихся по англо-голландскому займу 1866 года, заключенному для обезпеченія заграничныхъ платежей: послѣдній взносъ по реализаціи этого займа былъ назначенъ на 15 августа 1867 года. При этомъ необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, что по условіямъ этого послѣдняго займа правительство обязалось не дѣлать новыхъ впредъ до его окончательной реализаціи.

Изъ этого краткаго очерка финансоваго положенія читатель конечно видитъ, что положеніе дѣлъ было весьма затруднительное: средствъ въ виду не имѣлось, а откладывать производство начатыхъ работъ было просто немыслимо, такъ какъ всякая отсрочка дѣлала непроизводительными прежнія издержки и процентами съ затраченнаго капитала увеличивалась стоимость сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Конечно 2-й съ выигрышами заемъ могъ бы удовлетворить требованіямъ минуты, тѣмъ болѣе, что назначеніе его было именно для желѣзныхъ дорогъ и реализація его шла весьма успѣшно; но, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, этотъ источникъ не принимался тогда

въ соображеніе. Въ такихъ обстоятельствахъ Министерство Финансовъ, 3 февраля 1867 года, предложило отчужденіе Николаевской желѣзной дороги въ частныя руки на 85 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы вырученныя суммы образовали собою особый желѣзнодорожный фондъ, съ спеціальнымъ назначеніемъ дальнѣйшаго и неуклоннаго распространенія желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ, Министерство Финансовъ предлагало новую систему, по которой правительственныя дороги не должны были оставаться постояннымъ консолидированнымъ государственнымъ имуществомъ, а напротивъ, переходя въ извѣстное время въ частныя руки, должны были доставлять собою новыя средства для сооруженія цѣлой сѣти и слѣдовательно одни и тѣже затраченные казенные капиталы могли быть нѣсколько разъ реализованы и затрачиваемы на другихъ линіяхъ. Хотя противъ подобной системы можно сказать очень многое, но мы сначала предположимъ, что въ принципѣ подобный взглядъ имѣлъ извѣстное основаніе и обратимся къ тѣмъ мотивамъ, которые заставили Министерство предложить отчужденіе Николаевской дороги и притомъ въ данное время. Признаемся, что въ этомъ отношеніи предложеніе Министерства было обставлено не вполне удачно.

Приведенныя Министерствомъ основанія сводятся къ слѣдующему:

Во первыхъ, движеніе по Николаевской дорогѣ производилось уже пятнадцать лѣтъ и достигло такого развитія, что поверстный валовой сборъ доходилъ уже до 20,000 руб. съ версты, что ставило эту дорогу на второе мѣсто въ ряду всѣхъ европейскихъ дорогъ, изъ которыхъ только на одной, изъ Парижа къ Средиземному морю, валовой сборъ превышалъ получаемый на Николаевской дорогѣ. Между тѣмъ другія правительственныя дороги не были еще окончены, да еслибъ и были окончены, то въ первые годы результаты движенія рѣдко бывають удовлетворительны, между тѣмъ капиталисты, приобрѣтая дорогу отъ правительства, могутъ основывать свои расчеты только на ея доходности. На этомъ основаніи только отчужденіе одной Николаевской желѣзной дороги можетъ доставить правительству суммы, способныя обезпечить дальнѣйшее развитіе сѣти.

Во вторыхъ, значительные заграничныя платежи, преимущественно на уплату процентовъ по внѣшнимъ займамъ, доходившіе въ то время до 40 милл. руб., составляли по мнѣнію Министерства одно изъ главныхъ финансовыхъ затрудненій; между тѣмъ продажа Николаевской дороги иностраннымъ капиталистамъ вмѣстѣ съ суммами послѣдняго англо-голландскаго займа могла бы обезпечить, по

крайней мѣрѣ, на три года всѣ заграничныя платежи, возложенныя на Государственное Казначейство, которое, ведя особый счетъ суммамъ, выручаемымъ за границу отъ продажи, стало бы отпускать эти суммы по курсу кредитными билетами, согласно ихъ назначенію, на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ затрудненія для производства заграничныхъ платежей устранялись бы на три — четыре года, по прошествіи которыхъ главнѣйшія наши линіи были бы окончены и, съ общимъ оживленіемъ промышленности и усиленіемъ отпуска нашихъ произведеній самыя платежи Правительства стали бы производиться съ меньшими усиліями.

Въ третьихъ, Николаевская желѣзная дорога представляетъ для европейскіхъ капиталовъ сильнѣйшую приманку, чѣмъ какое либо другое государственное имущество, а выгодныя условія эксплуатаціи этой дороги и быстро возрастающее движеніе изъ замосковнскихъ губерній весьма скоро приведутъ къ измѣненію составившагося невыгоднаго понятія въ Европѣ о доходности русскихъ желѣзныхъ дорогъ: при такихъ условіяхъ капиталы стануть искать вѣрнаго и доходнаго помѣщенія въ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

Въ четвертыхъ, отчужденіе Николаевской дороги по незначительности чистаго дохода, поступающаго въ Государственное Казначейство и въ финансовомъ отношеніи окажется болѣе выгоднымъ нежели всякій заграничный заемъ.

Вотъ главныя доводы, приведенныя въ первомъ докладѣ Министерства Финансовъ; всѣ остальные соображенія имѣютъ въ виду или подтвержденіе предыдущихъ, или же доказательства, что желѣзныя дороги, будутъ ли онѣ частныя или казенныя, одинаково отвѣчаютъ всѣмъ другимъ потребностямъ Государства и что въ этомъ отношеніи не можетъ существовать никакихъ опасеній.

Обращаясь къ разсмотрѣнію каждаго изъ этихъ доводовъ, нельзя не согласиться, что, при необходимости отчужденія какой либо изъ желѣзныхъ дорогъ не было другаго выхода, какъ продажа Николаевской дороги, такъ какъ недостроенныя дороги ни въ какомъ случаѣ не могли быть переданы въ частныя руки безъ значительнаго убытка. Но дѣло въ томъ, что эта неизбѣжность и своевременность въ первоначальномъ докладѣ Министерства вовсе не доказаны. Даже не возражая въ принципѣ противъ такого отчужденія, можно было сомнѣваться въ своевременности этой мѣры: мало этого, были вполне всѣскія доказательства въ пользу такой несвоевременности. Дѣло въ томъ, что первоначальное устройство дороги и количество имѣвшагося на ней подвижнаго состава далеко не соотвѣт-

ствовали условіямъ увеличившагося движенія, а это не могло не отзываться на уменьшеніи ея доходности; съ другой стороны, на линіи Москва — Козловъ движеніе едва только было открыто, а на линіи Москва — Курскъ еще и не было открыто. Въ самомъ ближайшемъ времени эти линіи должны были дать Николаевской дорогѣ огромное количество грузовъ и увеличить ея доходность въ значительной степени. Если эта доходность, какъ указано въ докладѣ Министерства Финансовъ, увеличилась съ 1863 по 1866 годъ съ 16,000 р. на версту до 20,000 руб. или на 25⁰/₀, то съ установленіемъ правильного движенія на этихъ двухъ линіяхъ соединяющихъ Тамбовскую и Курскую губерніи, — эти житницы Россіи, — съ Москвою и Петербургомъ, движеніе по Николаевской дорогѣ и ея доходность должны были возрастать гораздо быстрѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ. На этой именно почвѣ и возникли возраженія противъ подобнаго отчужденія со стороны Министерства Путей Сообщенія, которое въ представленномъ по сему предмету докладѣ указывало на положительную несвоевременность этой мѣры, такъ какъ при сравнительно небольшой затратѣ на развитіе путей, смѣту рельсовъ и увеличеніе подвижнаго состава, — затратѣ не превышавшей 14 милл. руб., — не далѣе какъ черезъ 4 года чистый доходъ дороги по мнѣнію Министерства Путей Сообщенія могъ быть доведенъ до 8 милл. рублей, что представляетъ только minimum доходности и должно считаться далеко не достигающимъ своей нормальной величины. Въ такихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію Министерства Путей Сообщенія, къ подобной крайней мѣрѣ можно было бы прибѣгнуть только тогда, когда вопросъ былъ бы поставленъ такъ, чтобъ оставался выборъ между продажей Николаевской дороги и прекращеніемъ всѣхъ работъ, начатыхъ средствами Правительства. Послѣдующій опытъ не только оправдалъ предположенія Министерства Путей Сообщенія, но далеко превзошелъ его ожиданія, такъ какъ въ 1877 году чистый доходъ дороги доходилъ уже до 13 милл. руб. Въ виду подобныхъ соображеній Министерство Путей Сообщенія ставило вопросъ: не представится ли возможности замѣнить подобную крайне несвоевременную мѣру займомъ подъ залогъ доходовъ Николаевской дороги или продажей дорогъ, строящихся на югѣ Россіи?

Тѣмъ не менѣе при окончательномъ разсмотрѣніи вопроса, 4-го марта 1867 года, министръ финансовъ представилъ особня соображенія въ пользу необходимости осуществить эту мѣру безотлагательно. Соображенія эти состояли въ томъ, что по условіямъ послѣдняго англо-голландскаго займа 1866 года, правительство обя-

залось не заключать никакихъ займовъ за границую до окончательнаго поступления всѣхъ слѣдующихъ въ счетъ этого займа суммъ; т. е. до 15 августа 1867 года, *что въ теченіи лѣтняго времени подобнаго рода операціи не могутъ быть совершаемы на европейскихкихъ биржахъ* ¹⁾, а потому заключеніе займа должно быть отложено до поздней осени, что положеніе главныхъ денежныхъ рынковъ въ западной Европѣ въ настоящее время безспорно благопріятно для значительныхъ кредитныхъ операцій, но трудно поручиться, чтобы такое положеніе могло продолжаться до осени текущаго года, что поэтому было бы не согласно съ правилами простой осторожности оставить нынѣ неразрѣшеннымъ вопросъ о прискаваніи денежныхъ средствъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, что безъ этихъ средствъ будутъ нарушены контракты и остановлены работы на строящихся линіяхъ и что наконецъ сдѣлается невозможнымъ сооруженіе новыхъ, необходимыхъ для государства желѣзныхъ дорогъ. Изъ всего этого, по мнѣнію г. министра финансовъ, нельзя не убѣдиться въ совершенной невозможности заключенія внѣшняго займа въ настоящее время и крайней опасности подчинить всѣмъ случайностямъ возможность заключенія его въ концѣ года.

Все это было бы вполнѣ вѣрно и убѣдительно, если бы продажа Николаевской дороги могла быть сдѣлана тою же весной, но дѣло въ томъ, что образованіе частнаго общества, которое было бы въ состояніи принять на себя такую крупную операцію даже изъ числа заграничныхъ капиталистовъ не могло совершиться моментально. Учредители подобнаго общества помимо соглашенія между собою, должны были подробно осмотрѣть всю линію, сдѣлать ей правильную оцѣнку, войти въ соглашеніе съ правительствомъ, получить утвержденіе своего устава и только тогда являлась возможность реализаціи тѣхъ капиталовъ, о необходимости которыхъ заявлялъ министръ финансовъ. Развѣ всѣ эти переговоры, осмотры и соглашенія могли окончиться ранѣе осени 1867 года, т. е. того времени, когда условія англо-голландскаго займа переставали быть препятствіемъ къ заключенію новаго займа, а за тѣмъ какъ министерство финансовъ, при заключеніи займа, такъ и общество при реализаціи капитала подвергались однимъ и тѣмъ же шансамъ успѣха операціи въ концѣ года. Намъ кажется, что процедура продажи дороги должна была занять гораздо болѣе времени, чѣмъ процедура займа и слѣдовательно шансовъ возникнове-

¹⁾ Мы просимъ читателя запомнить подчеркнутыя слова, такъ какъ намъ придется впоследствии сослаться на нихъ.

ніа затрудненій на денежномъ рынкѣ въ первомъ случаѣ было гораздо болѣе, чѣмъ во второмъ, и потому всѣ доводы, приведенные г. министромъ финансовъ, должны были служить скорѣе противъ, чѣмъ въ пользу его заключенія.

Съ другой стороны, предположеніе министра финансовъ, что замедленіе въ приобрѣтеніи средствъ могло повести къ нарушенію контрактовъ и остановить работы на строящихся дорогахъ также не выдерживаетъ критики. Извѣстно, что только въ концѣ 1866 года открыта была подписка на 2-й съ выиграшами заемъ, реализація котораго производилась очень успѣшно и съ перваго раза даже выше номинальной его стоимости, а изъ отчетовъ Государственнаго Контроля видно, что изъ суммъ, поступившихъ по этому займу, было употреблено на покрытіе дефицита 1866 года всего 15 мил. рублей, да въ 1867 году издержано на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ 25 мил. руб., такъ что болѣе 60 мил. руб. изъ этого займа оставалось свободными въ 1868 году. На этомъ основаніи до такого печальнаго положенія дѣлъ, какъ неисполненіе контрактовъ и остановка работъ на строящихся линіяхъ, дѣло ни въ какомъ случаѣ дойти не могло.

На этомъ основаніи мнѣніе министерства путей сообщенія о несвоевременности продажи Николаевской дороги было вполнѣ основательно.

Затѣмъ второй мотивъ продажи Николаевской дороги, состоявшій въ томъ, что операція эта обезпечитъ на три года заграничные платежи, а тѣмъ временемъ развитіе желѣзныхъ дорогъ и усиленіе нашего вывоза облегчитъ для правительства производство этихъ платежей не только противорѣчилъ всѣмъ правиламъ экономической науки, но и вполнѣ опровергнуто послѣдующимъ опытомъ. Несмотря на сильное возвышеніе нашего вывоза не только черезъ четыре, а даже черезъ 8 лѣтъ, т. е. въ послѣдніе годы передъ войною, затруднительность заграничныхъ платежей для нашего государственнаго казначейства нисколько не уменьшилась, а напротивъ увеличилась, такъ, что въ концѣ 1875 года курсъ нашъ до того понизился, что министерство финансовъ въ теченіи 9 мѣсяцевъ 1876 года старалось его поддержать искусственными мѣрами. Дѣло въ томъ, что затруднительность заграничныхъ платежей возникаетъ вовсе не вслѣдствіе *такъ называемой у насъ невыгоды торговаго баланса*, а просто вслѣдствіе кореннаго недостатка въ нашемъ денежномъ обращеніи, т. е. переполненія рынка бумажными деньгами и отсутствія на немъ звонкой монеты. Не принимать никакихъ мѣръ къ сокращенію количества бумажныхъ денегъ и ожидать, что затрудненія въ

заграничныхъ платежахъ исчезнуть въ какіе-нибудь три-четыре года подъ вліяніемъ усиленнаго вывоза нашихъ внутреннихъ произведеній — это значить строить воздушные замки и не признавать законовъ международнаго обмѣна. Безъ желѣзныхъ дорогъ, конечно, не было возможности усилить нашъ заграничный отпускъ, но слѣдовало принять въ соображеніе, что желѣзныя дороги составляютъ только одно изъ средствъ для достиженія этой цѣли и далеко не единственное, что для этого требуется наличность еще многихъ другихъ условій, которыя допускали бы такую возможность. Не перечисляя этихъ условій, что отвлекло бы насъ отъ нашего предмета укажемъ на одно изъ нихъ. Отпускъ есть только одна половина операціи, именуемой международнымъ обмѣномъ; обмѣнъ предполагаетъ взаимность; стало быть усиленіе вывоза необходимо предполагаетъ полученіе чего либо взамѣнъ вывозимаго. Не въ этомъ отношеніи русскій рынокъ былъ стѣсненъ положительно съ двухъ сторонъ. Тарифъ стѣснялъ его въ полученіи равноцѣнныхъ товаровъ, а бумажное денежное обращеніе стѣсняло его въ полученіи звонкой монеты, которая въ Россіи вовсе не требовалась и слѣдовательно оцѣнивалась ниже своей дѣйствительной стоимости. Слѣдствіе подобнаго порядка вещей необходимо должно было вызвать ограниченіе нашего вывоза и значительное въ немъ колебаніе, такъ что наша отпускная торговля получила характеръ спекуляціи и не имѣть въ себѣ ничего постояннаго и правительнаго. Тоже самое явленіе замѣчается и въ движеніи грузовъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ и въ доходности послѣднихъ. Опытъ показалъ на сколько эти замѣчанія справедливы и на сколько взгляды министерства финансовъ были ошибочны.

Что касается третьяго мотива продажи Николаевской дороги, а именно, что она представляетъ сильную приманку для европейскихъ капиталистовъ, которые, убѣдясь на практикѣ въ выгодности эксплуатаціи этой дороги, измѣняютъ составившееся неблагоприятное понятіе о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, то мотивъ этотъ можно привести развѣ только для характеристики тогдашнихъ взглядовъ на отношенія заграничныхъ капиталистовъ къ номѣщенію капиталовъ въ наши предпріятія. Опытъ показалъ, что это была совершенная иллюзія. Ни одинъ изъ солидныхъ заграничныхъ домовъ не сдѣлалъ никакого предложенія о покупкѣ дороги. Они предпочли сдѣлать ссуду правительству на извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ, имѣя въ виду, что оно всегда свято исполняло свои денежные обязательства и не желали брать дѣла на свой страхъ и рискъ. Вообще замѣчательно, что заграничные капиталы, несмотря на разницу существующую въ доход-

ности отъ промышленныхъ предпріятій у насъ и заграницею, не приливаютъ на нашъ рынокъ иначе, какъ подъ бумагу, гарантированныя правительствомъ. Обстоятельство это прямо указываетъ, что общее положеніе нашей промышленности не внушаетъ довѣрія заграничнымъ капиталистамъ, т. е. что система принятая для содѣйствія и развитія нашей промышленности далеко не отвѣчаетъ своей цѣли.

Наконецъ четвертый мотивъ продажи Николаевской дороги — выгода ея въ финансовомъ отношеніи въ сравненіи со всякимъ займомъ — тоже не выдерживаетъ критики, такъ какъ, во-первыхъ, сильное возвышеніе доходности этой дороги представляетъ совершенное опроверженіе этого мнѣнія, а во-вторыхъ, само министерство выпустивъ облигации Николаевской желѣзной дороги прямо предпочло сдѣлать заемъ.

Такимъ образомъ всѣ мотивы этой операціи въ частности оказываются несостоятельными. Но выше мы не возражали противъ самаго принципа постепенной переуступки построенныхъ правительствомъ дорогъ въ частныя руки, а потому считаемъ не лишнимъ возвратиться къ разсмотрѣнію этого вопроса.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что система передачи желѣзныхъ дорогъ въ пользованіе частныхъ обществъ едва-ли можетъ быть названа рациональною съ точки зрѣнія общихъ функцій государственной власти. Всякому извѣстно, то великое значеніе какое могутъ имѣть желѣзныя дороги въ дѣлѣ промышленнаго развитія страны, а между тѣмъ эти пути сообщенія требуютъ такихъ громадныхъ затратъ, что естественно являются учрежденіями монопольными. Вредъ же монопольнаго права въ рукахъ частныхъ лицъ не составляетъ вопроса какъ въ наукѣ государственнаго права, такъ и въ политической экономіи. Если удовлетвореніе какой-либо общественной потребности не можетъ быть достигнуто по мимо монополіи, то такое право можетъ быть допущено безъ вреда для общества, только въ томъ случаѣ, когда оно принадлежитъ государству. Последнее не имѣетъ надобности извлекать изъ этого права какія-либо особыя выгоды вопреки интересамъ общества, и даже въ случаѣ извлеченія такихъ выгодъ, онѣ обращаются не на частныя, а на общія потребности цѣлаго государства. Затѣмъ постепенная передача построенныхъ дорогъ въ частныя руки прямо убыточна для государственнаго казначейства. По всей вѣроятности государство, приступая къ устройству сѣти желѣзныхъ дорогъ, начинаетъ сооруженіе съ самонужнѣйшихъ линій, т. е. съ такихъ, по которымъ будетъ происходить наибольшее движеніе и слѣдовательно поступать наибольшій доходъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что доходность этихъ линій съ расши-

рениемъ и увеличеніемъ сѣти будетъ постоянно возрастать, но въ какой прогрессіи—этого предусмотрѣть ни какой умъ не въ состояніи. Поэтому, при передачѣ подобныхъ линій частнымъ обществамъ, послѣднія если и будутъ принимать въ соображеніе возвышеніе доходности должны останавливаться на возможномъ минимумѣ подобнаго возвышенія и гарантировать себя какими либо условіями отъ возможныхъ недovyручекъ. Въ такихъ обстоятельствахъ какой бы моментъ не былъ избранъ для передачи дороги, частное общество всегда будетъ основывать свои расчеты на существующей доходности и принимать въ соображеніе возростаніе доходности лишь въ слабой степени, оставляя такое возвышеніе на отвѣтственности правительства. Иначе этого и быть не можетъ, такъ какъ при громадности подобныхъ операцій, частное общество не можетъ взять на себя подобнаго риска. Такимъ образомъ всѣ шансы потерь остаются на сторонѣ правительства, тогда какъ всѣ возможные выгоды въ теченіи 80 лѣтъ попадутъ въ руки частныхъ обществъ. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что выгоды въ извѣстный, продолжительный періодъ времени, по крайней мѣрѣ на главныхъ линіяхъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію и могутъ доходить до того, что капиталъ предпріятія можетъ удесятериться въ своей цѣнности, но по неопредѣленности срока наступленія этихъ выгодъ, частныя общества, обязанныя выдавать дивидендъ своимъ акціонерамъ ежегодно, не могутъ принимать ихъ въ расчетъ при оцѣнкѣ предпріятія въ данную минуту. Такимъ образомъ положеніе договаривающихся сторонъ далеко не одинаково и правительство, входя въ подобную сдѣлку по необходимости должно отказываться отъ всѣхъ несомнѣнныхъ выгодъ въ будущемъ, единственно по невозможности точнаго ихъ опредѣленія, тогда какъ общество получаетъ несомнѣнную возможность не только удвоить и утроить, но даже удесятерить свой капиталъ только потому, что срокъ наступленія этого момента не извѣстенъ, хотя и не сомнѣненъ.

Позволяемъ себѣ остановить вниманіе читателя на этомъ обстоятельстве и предложить ему взглянуть на тѣ послѣдствія, которыя возникаютъ отсюда въ общемъ ходѣ народнаго хозяйства. Мы видѣли только возможность тѣхъ потерь, которыя возникаютъ въ этомъ случаѣ для фиска. Но этого мало. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при самомъ началѣ осуществленія тѣхъ выгодъ, о которыхъ мы говорили акціи общества начинаютъ возвышаться и, въ чаіи будущихъ выгодъ, возвышаются въ большей пропорціи, чѣмъ дивидендъ. Такимъ образомъ изъ оборотнаго капитала страны, при переходѣ акцій изъ однихъ рукъ въ другія, извлекаются значительныя суммы, которыя

ведутъ къ непроизводительнымъ тратамъ единовременнымъ и постояннымъ, что въ сущности составляетъ трату будущихъ доходовъ. Возьмемъ для примѣра акціи главнаго общества. Со времени передачи этому обществу Николаевской желѣзной дороги акціи ея, въ теченіи 10 лѣтъ возвысились со 112 до 250 руб., т. е. общая сумма ихъ цѣнности возрасла болѣе чѣмъ на 82 мил. рублей. Если предположить, что только половина этихъ акцій обращается на здѣшнемъ рынкѣ, то и тогда окажется, что 41 мил. рублей оборотнаго капитала Россіи перешло въ руки прежнихъ акціонеровъ главнаго общества. Теперь спрашивается какъ употреблены эти капиталы: производительно или нѣтъ? Безъ большой ошибки можно сказать, что если не вся, то большая часть этой суммы пошла на развитіе роскоши и безслѣдно потеряна для Россіи. Чтожъ касается другой половины этихъ акцій, то нѣтъ сомнѣнія, что и она со временемъ перейдетъ на русскій рынокъ и цѣнность ея будетъ потеряна для Россіи.

Но возвратимся къ нашему воцросу о невыгодности переуступки частнымъ обществамъ построенныхъ правительствомъ желѣзныхъ дорогъ. Мы сказали, что правительство при устройствѣ сѣти безъ сомнѣнія должно начинать съ наиболѣе доходныхъ линій. Такимъ образомъ, передавая наиболѣе доходныя линіи въ частныя руки и реализуя затраченныя на нихъ средства, казна должна употреблять эти средства на линіи второстепенныя, передача которыхъ въ частныя руки естественно будетъ затруднительнѣе и должна совершиться на условіяхъ менѣе выгодныхъ, а за тѣмъ при дальнѣйшей затратѣ вырученныхъ средствъ, послѣднія придется употребить на линіи бездоходныя и такимъ образомъ первоначально позаимствованный капиталъ, будучи помѣщенъ очень выгодно, подъ конецъ обратится въ бездоходное имущество, между тѣмъ какъ обязанность уплачивать проценты и погашеніе останется за правительствомъ. Подтвердимъ примѣромъ указанное обстоятельство. Капиталъ, вырученный за облигаціи Николаевской желѣзной дороги истраченъ на устройство до сихъ поръ бездоходныхъ линій и проценты съ него оплачиваются Главнымъ Обществомъ, но проценты и погашеніе на суммы позаимствованныя для сооруженія Николаевской дороги по необходимости должны падать на общія податныя средства Россіи. Намъ, конечно, могутъ возразить, что по условіямъ передачи Николаевской дороги, правительство имѣетъ значительную долю въ прибыляхъ общества, но при первоначальномъ предположеніи такого условія въ виду не имѣлось и во всякомъ случаѣ значительная часть доходно-

сти Николаевской дороги, созданная отнюдь не средствами акціонеровъ главнаго общества, все таки поступаетъ въ ихъ пользу, будетъ постоянно возрастать и на чемъ остановится, этого предусмотрѣть въ настоящее время рѣшительно не возможно.

Въ числѣ мотивовъ передачи казенныхъ дорогъ въ частныя руки, въ особенности въ то время, обыкновенно выставлялось не удовлетворительное положеніе казеннаго хозяйства вообще. Но спрашивается, почему казенное хозяйство невыгодно? Намъ кажется, что порядокъ управленія въ обширномъ желѣзнодорожномъ обществѣ мало чѣмъ разнится отъ казеннаго и эта разница сводится лишь къ слѣдующему. Лица, завѣдующія дѣломъ непосредственно избираются изъ людей болѣе свѣдующихъ и опытныхъ, независимо отъ чиновъ, которые они заслужили, и обезпечены отличнымъ содержаніемъ; они пользуются большимъ довѣріемъ общества и большею свободой дѣйствія, а за тѣмъ при неудовлетворительности ихъ распоряженій могутъ быть устранены безъ всякихъ затрудненій. Такое положеніе дѣлъ, хотя и не позволяетъ рассчитывать на дѣйствительно правильный ходъ дѣла, но оно во всякомъ случаѣ далеко лучше прежняго казеннаго управленія, при которомъ, лица управлявшія дѣломъ лишены были всякой инициативы, вслѣдствіе чего съ нихъ снималась и всякая отвѣтственность за неуспѣшность его. Кромѣ того въ казенномъ управленіи завѣдываніе дорогами предоставлялось только техникамъ, тогда какъ въ частныхъ обществахъ главное хозяйственное распоряженіе принадлежитъ не имъ. Теперь спрашивается, неужели трудно измѣнить эти порядки и для большей успѣшности принять и казнѣ, хотя бы отчасти, систему практикуемую въ частныхъ обществахъ? Мы убѣждены, что при подобныхъ условіяхъ дѣло пошло бы гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ какомъ либо акціонерномъ обществѣ, въ особенности если распорядители будутъ заинтересованы въ успѣхѣ дѣла.

И такъ мотивами для отчужденія Николаевской дороги въ частныя руки были представлены: 1) необходимость продолженія уже начатыхъ работъ и дальнѣйшаго устройства новыхъ дорогъ; 2) отсутствіе всякихъ средствъ для окончанія даже работъ предположенныхъ по смѣтѣ текущаго года; 3) благопріятное положеніе европейскихъ денежныхъ рынковъ въ началѣ 1867 года для заключенія кредитныхъ операцій; 4) невозможность заключенія внѣшняго займа ранѣе 15 августа 1867 года, въ силу условій англо-голландскаго займа 1866 года и наконецъ, 5) опасеніе, что благопріятное положеніе де-

нежныхъ рынковъ къ осени 1867 года можетъ измѣниться и свободныя средства будутъ поглощены другими операціями.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ какъ мы выше видѣли всѣ эти мотивы оказываются несостоятельными и исчезаютъ совершенно при одномъ вопросѣ: Возможно ли было въ промежуточное время отъ марта до августа, т. е. въ теченіи 5 мѣсяцевъ устроить операцію продажи Николаевской дороги? Еслибъ даже всѣ возникающіе при этомъ вопросы и могли быть разрѣшены въ такое короткое время (въ чемъ позволительно сомнѣваться), то во всякомъ случаѣ реализація бумагъ новаго общества могла быть сдѣлана только осенью 1867 года и успѣхъ предпріятія новаго общества все таки становился бы въ зависимость отъ осенняго, а не весенняго положенія денежныхъ рынковъ какъ и всякая другая кредитная операція Правительства.

Какъ бы то ни было, но такого вопроса въ то время сдѣлано не было и продажа Николаевской дороги на срокъ около 85 лѣтъ была рѣшена въ принципѣ; при этомъ половина лицъ, обсуждавшихъ вопросъ, согласилась съ означеннымъ рѣшеніемъ только въ виду заявленій, сдѣланныхъ Министромъ Финансовъ, т. е. оставила эту мѣру на его отвѣтственности. Затѣмъ Министру Финансовъ предоставлено войти въ предварительное соглашеніе съ предпринимателями.

Но самымъ лучшимъ аргументомъ противъ всѣхъ приведенныхъ мотивовъ были послѣдовавшія событія.

Вскорѣ послѣ рѣшенія этого вопроса переговоры о продажѣ Николаевской дороги были начаты съ совѣтомъ Главнаго Общества; предсѣдатель совѣта увѣдомилъ, что совѣтъ призналъ нужнымъ имѣть въ виду заключеніе главнѣйшихъ иностранныхъ банкировъ, состоящихъ въ числѣ учредителей общества и свои соображенія по сему предмету сообщилъ Берингу въ Лондонѣ и Голе въ Амстердамѣ.

Затѣмъ, въ первыхъ числахъ мая мѣсяца для устройства этого дѣла командированъ былъ въ Парижъ и Лондонъ членъ совѣта министра финансовъ А. А. Абаза, въ инструкціи которому между прочимъ сказано: „Николаевская желѣзная дорога можетъ быть уступлена на 85 лѣтъ, или Главному Обществу Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ или особой компаніи. Первое, по многимъ уваженіямъ желательно; но какъ Главное Общество, само по себѣ, не имѣетъ финансоваго значенія и какъ необходимый на уплату за дорогу капиталъ она, вѣроятно, пожелаетъ пріобрѣсти посредствомъ выпуска облигацій, то правительство могло бы уступить Николаевскую доро-

гу Главному Обществу только въ такомъ случаѣ, если бы послѣднее обезпечило себѣ поддержку значительныхъ финансовыхъ силъ, которыя приняли бы на себя размѣщеніе облигацій; при чемъ желательно, чтобъ эти лица приняли на себя нѣкоторую часть первоначальныхъ взносовъ. Облигаціямъ этимъ можетъ быть дарована прямая правительственная гарантія со дня выпуска“. Отсюда очень замѣтно, что Главное Общество, не смотря на свою несостоятельность и при томъ въ то время, когда вопросъ о финансовыхъ условіяхъ передачи даже не былъ и затронутъ, имѣло уже всѣ шансы получить въ свое распоряженіе Николаевскую дорогу; послѣдующія же распоряженія доказываютъ это еще болѣе.

Результатомъ переговоровъ г. Абазы въ Парижѣ и Лондонѣ является отнюдь не проектъ условія о продажѣ Николаевской дороги, а проектъ договора о новомъ государственномъ займѣ въ видѣ выпуска отъ имени русскаго правительства облигацій, Николаевской желѣзной дороги. Хотя правительство по этому договору и выговариваетъ себѣ право передачи дороги въ частныя руки, но во всякомъ случаѣ передъ владѣльцами облигацій оно остается единственнымъ отвѣтчикомъ въ вѣрности платежа процентовъ и погашенія. Такимъ образомъ заемъ этотъ ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ другихъ государственныхъ займовъ и, какъ мы видимъ, платежи по немъ вносятся ежегодно въ государственную роспись. Главныя условія предположеннаго займа состояли въ слѣдующемъ: номинальная его сумма опредѣлена въ 75 мил. руб. металлическихъ, приносящихъ 4⁰/₁₀₀ дохода. Подписная цѣна по 6 1¹/₂⁰/₁₀₀ за рубль, а за исключеніемъ банкирскихъ и другихъ расходовъ правительство получаетъ 58³/₄⁰/₁₀₀ чистыми деньгами и погашаетъ свой долгъ по номинальной цѣнѣ въ 84 ежегодныхъ тиража. На этомъ основаніи на полученный капиталъ правительство обязано платить 6,77⁰/₁₀₀ и сверхъ того при погашеніи уплачиваетъ премію въ 4 1¹/₄⁰/₁₀₀. Оплата облигацій начинается съ сентября 1867 года и оканчивается къ апрѣлю 1868 года; проценты же идутъ съ 19 апрѣля (1 мая) 1867 года. Условія, какъ мы видимъ, не легкія, даже и для того времени.

И вотъ не прошло еще и трехъ мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ какъ Министерство Финансовъ доказывало необходимость продажи Николаевской дороги невозможностью заключить заемъ, оно вновь представляетъ докладъ о необходимости займа разсроченнаго именно на то время, до котораго оно опасалось его отложить и мотивируетъ его именно тѣмъ, что продажа дороги не можетъ быть совершена безъ значительной потери времени. Замедленіе это вызывается слѣ-

дующими обстоятельствами: вопросъ какъ поступить съ контрактомъ Уайненса, взявшаго на себя по контракту 17 июля 1865 года ремонтъ подвижнаго состава Николаевской дороги, по мнѣнію Министерства представляетъ большія затрудненія; покушникъ также пожелаетъ въ точности удостовѣриться въ положеніи дороги; вопросы о тарифѣ, объ отношеніяхъ Николаевской дороги къ замосковиннымъ дорогамъ требуютъ зрѣлаго обсужденія и могутъ быть поводомъ къ продолжительнымъ переговорамъ, между тѣмъ какъ съ одной стороны необходимо обезпечить Государственное Казначейство средствами для продолженія уже строящихся желѣзныхъ дорогъ, а съ другой стороны нѣтъ ни одного финансоваго или политическаго вопроса, разстроивающаго денежныя рынки. Было бы ошибкою не воспользоваться подобнымъ положеніемъ; а потому Министерство Финансовъ представляетъ объ утвержденіи условій означеннаго займа. Само собою разумѣется, что представленіе это было одобрено и 18 июля 1867 послѣдовалъ Высочайшій указъ на имя Министра Финансовъ о выпускѣ означенныхъ облигацій.

Мы вполнѣ соглашаемся съ приведенными доводами Министерства Финансовъ и думаемъ, что иначе поступить было не возможно, но при этомъ позволимъ себѣ сдѣлать вопросъ: почему же эти доводы не были въ виду Министерства три мѣсяца прежде и почему въ то время заемъ казался невозможнымъ, а продажа дороги оказывалось дѣломъ до того легкимъ и непродолжительнымъ, что его можно было окончить прежде, нежели наступитъ срокъ по обязательству англо-голландскаго займа 1866 года и Правительство будетъ свободно дѣлать выборъ между займомъ и продажей? Такой вопросъ для насъ просто неразрѣшимъ, если не остановиться на томъ предположеніи, что необходимо было заручиться во что бы то ни стало безворотнымъ рѣшеніемъ вопроса о продажѣ Николаевской дороги. Лицамъ, приглашеннымъ къ обсужденію этого вопроса въ мартѣ мѣсяцѣ предложена была дилемма или принять на свою отвѣтственность неисполненіе Государственнымъ Казначействомъ своихъ обязательствъ по постройкѣ дорогъ, или же рѣшиться на продажу Николаевской дороги. Само собою разумѣется, что они избрали послѣднее и многіе изъ нихъ изъявили свое согласіе только въ виду соображеній, представленныхъ Министерствомъ Финансовъ, не считая себя компетентными въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ.

Какъ бы то ни было, но въ моментъ, до котораго мы дошли, разбираемый нами вопросъ вступаетъ въ совершенно новый фазисъ. Государственное Казначейство до извѣстной степени обезпечено (вто-

рой выпускъ облигацій Николаевской желѣзной дороги, отчасти подготовленный при настоящихъ переговорахъ, сдѣланъ только 25 марта 1869 года). Съ другой стороны, исполненіе обязательства по настоящему займу возлагалось исключительно на Государственное Казначейство, и правительство было совершенно свободно продать или не продавать Николаевскую дорогу. Такимъ образомъ всѣ мотивы, приведенные Министерствомъ Финансовъ въ первоначальномъ докладѣ о продажѣ, и притомъ о продажѣ немедленной, падали сами собою, въ особенности въ виду тѣхъ соображеній, которыя были представлены Министерствомъ Путей Сообщенія о быстро возрастающей доходности этой дороги. При этомъ само Министерство Финансовъ сильно разчитывало на значительное развитіе движенія грузовъ къ нашимъ портамъ съ окончаніемъ нѣкоторыхъ линій, а 1868-й годъ, съ открытіемъ движенія по Московско-Курской, Ряжско-Моршанской и Козлово-Воронежской дорогамъ долженъ былъ опредѣлить возможную степень возрастанія доходности и поэтому было необходимо позаботиться не о продажѣ Николаевской дороги, а лишь о быстромъ снабженіи ея такимъ количествомъ подвижнаго состава, при которомъ она могла бы удовлетворять возникающимъ требованіямъ. Во всякомъ случаѣ, необходимо было выждать результатовъ эксплуатаціи 1868 и 1869 годовъ, тѣмъ болѣе, что 2-й выпускъ облигацій Николаевской дороги былъ не только возможенъ, но отчасти и обезпеченъ, а 2-й выигранный заемъ еще далеко не израсходованъ.

Въ виду этихъ соображеній, невольно обращаетъ на себя вниманіе вопросъ: на какомъ основаніи было необходимо въ условія новаго займа вводить оговорку о правѣ правительства на продажу Николаевской дороги — оговорку о такомъ правѣ, которое не имѣло ни какого значенія для контрагентовъ? Судя по смыслу послѣдняго пункта Высочайшаго указа, даннаго Министру Финансовъ на выпускъ облигацій этого займа, право это *„не могло ни въ чемъ ослаблять обязанности государственнаго казначейства относительно уплаты интересовъ и погашенія“*; слѣдовательно съ одной стороны, контрагенты не имѣли никакого интереса включать эту оговорку въ условія и не могли на этомъ настаивать; съ другой, — Правительство, оставляя за собой только право, не имѣло никакой надобности усложнять свои обязательства излишнимъ условіемъ.

Хотя произведенный на такихъ основаніяхъ заемъ, а также возможность въ будущемъ заключенія новаго займа на тѣхъ же основаніяхъ, устраняли всякую необходимость немедленной пере-

уступки дороги Главному Обществу, тѣмъ не менѣ переговоры эти, начатыя весною, были возобновлены со стороны Министерства Финансовъ немедленно по заключеніи займа. 11 сентября 1867 года предсѣдателю совѣта Главнаго Общества, въ отвѣтъ на сдѣланное имъ весною того года предложеніе считать Главное Общество въ числѣ соискателей на приобрѣтеніе Николаевской дороги, были сообщены финансовыя условія, на основаніи которыхъ Министерство Финансовъ предполагало уступить ее Главному Обществу. Справедливость требуетъ замѣтить, что условія на передачу государственнаго имущества, состоящаго въ вѣдѣніи другаго вѣдомства, если они исходили не отъ одного изъ конкурентовъ, а отъ правительственныхъ органовъ, слѣдовало по меньшей мѣрѣ выработать по соглашенію съ тѣмъ вѣдомствомъ, въ вѣдѣніи котораго имущество состоитъ. Тѣмъ не менѣ этотъ законный порядокъ въ настоящемъ случаѣ соблюденъ не былъ и выработанныя въ Министерствѣ Финансовъ условія передачи Николаевской дороги были сообщены предсѣдателю совѣта Главнаго Общества безъ всякаго соглашенія съ Министерствомъ Путей Сообщенія. Казалось бы не только эти условія, но и вопросъ о возможности допустить Главное Общество въ число конкурентовъ на приобрѣтеніе Николаевской дороги, не могъ быть рѣшенъ безъ согласія Министерства Путей Сообщенія, такъ какъ двѣ дороги этого Общества состояли подъ непосредственнымъ надзоромъ этого вѣдомства и ему гораздо ближе, чѣмъ Министерству Финансовъ, могла быть извѣстна состоятельность Общества въ административномъ и техническомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣ этотъ послѣдній вопросъ былъ рѣшенъ также безъ всякаго участія Министерства Путей Сообщенія, несмотря на то, что само Министерство Финансовъ признавало полную несостоятельность Главнаго Общества въ финансовомъ отношеніи. Сообщая эти условія предсѣдателю совѣта, Министерство Финансовъ прямо заявляло, что *„Главное Общество, нуждаясь еще отъ правительственной гарантіи и, не имѣя запаснаго капитала, не представляетъ само по себѣ достаточно финансоваго значенія для столь обширной операціи“*, а потому полагало, что въ случаѣ осуществленія такой комбинаціи *„правительство должно бы принять на себя всю кредитную операцію“*.

Мы остановимся пока на этихъ мысляхъ и посмотримъ на сколько онѣ согласуются съ стремленіемъ Министерства передать дорогу непрежнѣ Главному Обществу. Если общество не имѣетъ запаснаго капитала и достаточно финансоваго значенія, то, конечно, оно не

имѣть и средствъ для приведенія дороги въ такое положеніе, чтобъ она могла соответствовать своему назначенію, а для этого требовалось около 14 мил. руб. серебромъ. Стало быть при передачѣ дороги Главному Обществу правительству было необходимо издержать эту сумму, останется ли дорога въ вѣдѣніи правительства или будетъ передана Главному обществу. За тѣмъ, если правительству необходимо было всю кредитную операцію для реализаціи капитала принять на себя, то спрашивается при чемъ же будетъ тутъ Главное Общество и для какой цѣли необходимо передавать въ его вѣдѣніе дорогу, доходность которой начинаетъ такъ быстро возрастать и въ самомъ близкомъ будущемъ обѣщаетъ такія значительныя выгоды? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ быть или желаніе измѣнить администрацію дороги и порядки, установившіеся въ ея управленіи, введя новыя, болѣе удовлетворительныя при посредствѣ Главнаго Общества или же желаніе предоставить ему тѣ выгоды, которыхъ можно было ожидать отъ возрастающей доходности Николаевской дороги, въ виду того обстоятельства, что это Общество находилось въ неоплатныхъ долгахъ Правительству и, какъ тогда казалось, не имѣло никакой надежды уплатить ихъ когда-либо.

Входя въ ближайшее разсмотрѣніе этихъ двухъ побудительныхъ причинъ оказывается, что порядки управленія Главнаго Общества отнюдь не имѣли въ себѣ ничего идеальнаго и, если имѣли преимущество передъ прежнимъ казеннымъ управленіемъ, то во всякомъ случаѣ не были секретомъ этого общества и могли быть введены во всякое время на Николаевской дорогѣ даже при казенномъ управленіи. Это было тѣмъ болѣе возможно, что въ совѣтъ Главнаго Общества находились четыре члена отъ Правительства, вполне знакомые съ этими порядками. Слѣдовательно необходимость установленія новыхъ порядковъ въ управленіи Николаевской дороги не могла быть причиной ея передачи Главному Обществу и остается заключить, что главная цѣль этой передачи было желаніе улучшить положеніе дѣлъ Главнаго Общества и вывести его изъ безвыходнаго положенія, которое требовало постоянныхъ пособій Правительства.

Подобное предположеніе вполне подтверждается и условіями, выработанными Министерствомъ Финансовъ. Они состояли въ слѣдующемъ:

1) Николаевская дорога уступается Главному Обществу на 84 года, т. е. по 1-е января 1952 года, когда истекаетъ срокъ концессіи на остальные дороги общества.

2) Общество принимаетъ на себя уплату процентовъ и погашенія

по вновь выпущеннымъ облигаціямъ Николаевской желѣзной дороги въ суммѣ 3.115,540 руб., ежегодно въ теченіи 84 лѣтъ.

3) Общество обязывается передать въ распоряженіе правительства новый выпускъ своихъ облигацій, коихъ форма, размѣры процентовъ и время выпуска будутъ зависѣть отъ усмотрѣнія Правительства. О размѣрѣ ежегодной суммы обязательныхъ для Общества платежей въ продолженіи 84 лѣтъ на металлическіе проценты и погашеніе этихъ новыхъ облигацій Министерство Финансовъ будетъ ожидать предложеній отъ совѣта *).

4) Правительство передаетъ обществу по мѣрѣ надобности опредѣленную соглашеніемъ сумму на капитальныя исправленія дороги, устройство станцій и усиленіе подвижнаго состава, причемъ должны быть представлены на утвержденіе правительства смѣты вышеозначенныхъ расходовъ съ отнесеніемъ ихъ на 1868 и 1869 годы по равнымъ частямъ.

5) Общество принимаетъ на себя всѣ права и обязанности правительства по контракту Уайненса. Въ случаѣ, если послѣдуетъ соглашеніе прекратить силу контракта до истеченія срока, съ уплатою контрагенту опредѣленной суммы, то подобная сдѣлка должна быть представлена на утвержденіе правительства и за симъ потребный на сей предметъ расходъ будетъ произведенъ казною въ видѣ извѣстной суммы вознагражденія за каждый годъ, остающійся по контракту. Вся сумма этого вознагражденія за остающіеся годы не должна превышать трехъ милліоновъ рублей.

6) Изъ чистаго дохода Николаевской желѣзной дороги прежде всего уплачиваются проценты и погашеніе по всѣмъ выпущеннымъ облигаціямъ на основаніи 2 и 3 пунктовъ. Когда же чистый доходъ превзойдетъ потребную на этотъ предметъ сумму, то остатокъ присоединяется къ чистому доходу Варшавской и Нижегородской линій. Когда чистый доходъ по всѣмъ тремъ линіямъ въ совокупности превзойдетъ сумму всѣхъ гарантированныхъ платежей по акціямъ и облигаціямъ, то излишекъ распределяется на основаніи § 51 Устава Главнаго Общества.

7) Дарованная Правительствомъ гарантія акціямъ и прежнимъ облигаціямъ Главнаго Общества на основаніи §§ 7 и 8 устава обще-

*) Въ Министерствѣ Финансовъ существовало предположеніе, что сумма эта должно состоять изъ 2.884,460 руб. такъ, чтобъ общая сумма обязательныхъ платежей вмѣстѣ съ упомянутой во 2-мъ пунктѣ составила 6 мил. металлическихъ руб.; но такое предположеніе, какъ оказывается, официально не было сообщено совѣту.

ства 1861 года остается въ полной силѣ; если бы чистаго годоваго дохода Николаевской дороги и не достало на удовлетвореніе процентовъ и погашенія по новымъ облигаціямъ, то недостающую сумму правительство дополняетъ отъ себя.

При этомъ Министерство Финансовъ какъ бы опасаясь, чтобы такія условія не показались обществу обременительными, въ видахъ опредѣленія размѣровъ платежей общества по 3 пункту указываетъ, что валовой сборъ Николаевской дороги въ теченіи текущаго 1867 года не можетъ быть менѣе 13 мил. рублей и что если Главное Общество въ теченіи 1866 года на Нижегородской линіи при меньшемъ поверстномъ валовомъ сборѣ имѣло только 42% расхода, а 58% чистаго дохода, то достиженіе подобнаго результата на Николаевской дорогѣ весьма возможно, въ особенности при уничтоженіи убыточнаго контракта съ Уайненсомъ. Такимъ образомъ, даже не принимая въ расчетъ постояннаго возвышенія доходности дороги, возвышенія, которое должно было сильно возрасти вслѣдствіе открытія движенія по замосковнымъ линіямъ и усиленія перевозочной способности, которое казна обязывалась сдѣлать на основаніи 4 пункта настоящихъ условій, — само Министерство Финансовъ признавало, что и въ теперешнемъ своемъ положеніи дорога эта можетъ приносить до 7.500,000 руб. чистаго дохода. Стало быть всякое возможное возвышеніе доходности предоставлялось обществу, тогда какъ рискъ недобора ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ упадать на доходы акціонеровъ и принять на счетъ казны на основаніи 7 пункта условій.

Мы говоримъ, что всякое возвышеніе доходности предоставлялось Обществу, въ виду 6 пункта условій, такъ какъ въ немъ предположено, что излишекъ дохода за покрытіемъ всѣхъ гарантированныхъ платежей по всѣмъ тремъ линіямъ будетъ распределяться на основаніи § 51 устава общества, а этотъ § устанавливаетъ слѣдующій порядокъ: за покрытіемъ всѣхъ гарантированныхъ платежей половина остатка распределяется въ дивидентъ акціонерамъ; другая же половина поступаетъ на уплату долга Правительству по ссудамъ и выдачамъ на уплату гарантіи. Такимъ образомъ одна половина излишка чистаго дохода съ Николаевской дороги должна была поступать прямо въ руки акціонеровъ общества, другая же должна была идти на уплату долговъ общества, которые оно было обязано уплачивать изъ доходовъ Варшавской и Нижегородской дорогъ и которые Министерство Финансовъ предоставляло ему отнести на доходы съ Николаевской дороги.

Всматриваясь ближе въ эти условія, посторонній наблюдатель не-

вольно будетъ пораженъ особенною заботливостью, чтобы общество не могло подвергнуться риску, такъ что изложенныя условія скорѣе можно было бы принять за предложенія одного изъ соискателей на приобретене Николаевской дороги. Забота о томъ, чтобы дорога поступила въ распоряженіе Главнаго Общества, повидимому, до того была сильна, что помимо означеннаго предложенія Главному Обществу, со стороны Министерства, не было сдѣлано никакихъ распоряженій, чтобъ привлечь къ этому дѣлу какихъ либо другихъ соискателей русскихъ или заграничныхъ и вызвать между ними конкуренцію. Если конкуренція и явилась, то только вслѣдствіе разнесшихся слуховъ о продажѣ Николаевской дороги, а отнюдь не вслѣдствіе приглашенія желающихъ. По крайнѣй мѣрѣ въ документахъ, служащихъ для насъ источникомъ настоящаго изложенія, нѣтъ никакого слѣда гласнаго приглашенія къ участию въ этомъ дѣлѣ.

Само собой разумѣется, что совѣтъ Главнаго Общества не замедлилъ отозваться на приглашеніе Министерства Финансовъ: 20 сентября 1867 года былъ полученъ отзывъ предсѣдателя совѣта, который соглашался почти на всѣ предложенія Министерства и увѣдомлялъ, что сумма обязательныхъ платежей для уплаты процентовъ и погашенія по облигаціямъ двухъ новыхъ выпусковъ не должна превышать 6 мил. руб. металлическихъ (именно та цифра которая была предположена Министерствомъ, но не была сообщена совѣту официально). Возраженіе встрѣчается только въ тѣхъ пунктахъ, которые представляли хотя бы малѣйшую тѣнь риска для общества, а именно: совѣтъ, заявляя о желаніи своемъ имѣть собственную администрацію по ремонту подвижнаго состава просить, чтобъ переговоры о расторженіи контракта съ Уайнсомъ были исполнены Правительствомъ и затѣмъ, чтобы въ случаѣ недостатка доходовъ Николаевской дороги на уплату процентовъ и погашенія по двумъ выпускамъ облигацій одному уже сдѣланному, а другому предстоящему, доплата изъ казны не была причисляема къ долгамъ числящимся за Главнымъ Обществомъ. Даже и этотъ самъ по себѣ ничтожный рискъ Главное Общество не пожелало на себя принять, до того оно было увѣрено, что дѣло останется въ его рукахъ.

Выше мы сказали, что кромѣ предложенія Главному Обществу со стороны Министерства послѣ заключенія новаго займа не было сдѣлано никакихъ попытокъ къ вызову желающихъ взяться за это дѣло и оно продолжало переговоры только съ совѣтомъ Главнаго Общества.

Между тѣмъ, съ одной стороны, дѣйствительная необходимость немедленной продажи этой дороги была устранена заключеннымъ зай-

момъ, съ другой—отсутствіе всякихъ предложеній со стороны другихъ капиталистовъ и совершенная несостоятельность въ финансовомъ отношеніи Главнаго Общества, — несостоятельность, сознаваемая самимъ Министерствомъ Финансовъ, — ставили этотъ вопросъ въ весьма неопредѣленное положеніе. Условія, выработанныя однимъ Министерствомъ Финансовъ, могли возбудить серьезныя возраженія со стороны Комитета Министровъ въ виду несвоевременности подобной мѣры, такъ какъ 1868 годъ долженъ былъ дать болѣе вѣрныя данныя о возможномъ увеличеніи доходности. Кромѣ того необходимо было имѣть въ виду предложенія и другихъ соискателей, безъ чего соглашеніе съ однимъ Главнымъ Обществомъ могло показаться слишкомъ произвольнымъ и вызвать существенныя нареканія. На этомъ основаніи окончательное рѣшеніе вопроса о передачѣ дороги весьма легко могло затянуться и благоразуміе даже требовало подобной отсрочки. Между тѣмъ положеніе Николаевской дороги было признано совершенно неудовлетворительнымъ и количество подвижнаго состава рѣшительно не соотвѣтствующимъ потребностямъ движенія, что вполнѣ подтверждается 4 пунктомъ условий, предложенныхъ Министерствомъ Финансовъ Главному Обществу.

Въ такихъ обстоятельствахъ, если Правительство рѣшалось снабдить Главное Общество средствами на приведеніе дороги въ лучшее положеніе и средства эти вслѣдствіе заключеннаго займа были въ распоряженіи Правительства, то первымъ дѣломъ слѣдовало бы озаботиться, чтобъ Николаевская дорога была снабжена немедленно такимъ количествомъ подвижнаго состава, который могъ бы удовлетворить возникающую вновь потребность передвиженія грузовъ. Подобная мѣра сразу могла бы повліять на увеличеніе доходности дороги и дать болѣе вѣрныя данныя для оцѣнки ея дѣйствительной стоимости. По всей вѣроятности въ виду этихъ соображеній Министерство Путей Сообщенія еще въ мартѣ 1867 года входило съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ о заказѣ гг. Уайненсъ новыхъ паровозовъ. Но Комитетъ Министровъ въ ожиданіи рѣшенія вопроса о продажѣ Николаевской дороги, 31 марта, предоставилъ Министру Путей Сообщенія озаботиться заказомъ только тѣхъ паровозовъ, которые могли бы поступить на линію въ томъ же году, вслѣдствіе чего и было заказано гг. Уайненсомъ только 10 паровозовъ.

Затѣмъ въ виду возможнаго замедленія продажи Николаевской дороги Министерство Путей Сообщенія, озабочиваясь снабженіемъ этой дороги достаточнымъ количествомъ паровозовъ, 15 сентября 1867 года, спрашивало Министерство Финансовъ не встрѣчается ли пре-

пятствія къ заказу гг. Уайненсомъ еще 20 паровозовъ для будущаго 1868 года.

Хотя подобная заботливость со стороны Министерства Путей Сообщенія весьма естественна, но мы не можемъ согласиться вполне съ его взглядомъ. Намъ непонятна даже та отсрочка, которую допустилъ въ этомъ дѣлѣ Комитетъ Министровъ 31 марта 1867 года. Если было желательно продать Николаевскую дорогу, то чѣмъ скорѣе развилось бы на ней движеніе и чѣмъ болѣе доходность ея въ теченіи 1867 года увеличилась, тѣмъ большую сумму можно было бы за нее выручить. Стало быть благоразумная экономія требовала не заказа паровозовъ и ожиданія ихъ поставки въ будущемъ, а немедленной покупки готовыхъ на заграничныхъ фабрикахъ въ размѣрѣ имѣющихся наличныхъ средствъ. Впрочемъ, рѣшеніе Комитета Министровъ въ данный моментъ можетъ быть объяснено не имѣніемъ средствъ для подобнаго расхода, хотя это объясненіе въ виду производившейся въ то время реализаціи 2 выигрышнаго займа, могло быть мало убѣдительно. Въ настоящую же минуту, т. е. послѣ выпуска облигацій Николаевской дороги средства были налицо и необходимость подобной затраты была внѣ всякаго сомнѣнія. На этомъ основаніи противъ предложенія Министерства Путей Сообщенія можно было возразить, что заказъ гг. Уайненсомъ былъ неудобенъ, потому что поставка паровозовъ слишкомъ бы замедлилась; кромѣ того самое качество паровозовъ, которые предстояло получить по заказу въ будущемъ не было извѣстно. Подобныя возраженія могли быть понятны; но въ дѣйствительности такихъ возраженій не послѣдовало, а напротивъ того Министерству Путей Сообщенія Министерство Финансовъ отъ 21 сентября отвѣчало, что вопросъ о продажѣ Николаевской дороги, какъ оно надѣется, получить разрѣшеніе въ самомъ непродолжительномъ времени, почему оно признаетъ болѣе удобнымъ приостановиться предположеннымъ заказомъ паровозовъ.

Подобнаго отвѣта мы понять не можемъ. Вѣдь это значило сказать, что, несмотря на признанный недостатокъ подвижнаго состава и вредное вліяніе его на доходность дороги и на развитіе нашей торговли, устраненіе этого недостатка во время казеннаго управленія не должно быть допускаемо и вся честь подобнаго распоряженія должна быть предоставлена тому обществу, къ которому должна перейти дорога. При такихъ обстоятельствахъ рассчитывать на разрѣшеніе вопроса о продажѣ дороги въ самомъ непродолжительномъ времени было, по меньшей мѣрѣ, трудно.

Послѣдствія показали, что окончательна передача дороги Глав-

ному Обществу могла произойти только через годъ и поэтому на цѣлый годъ было задержано усиленное движеніе грузовъ. Мы помнимъ тогдашнія жалобы на неисправность дороги, возникавшія въ средѣ торговаго люда, — жалобы, сылавшіяся на Министерство Путей Сообщенія, — и быть можетъ ускорившія передачу въ частныя руки этой въ цѣломъ мѣрѣ наиболѣе доходной линіи и притомъ въ моментъ самый невыгодный для правительства.

Говоря объ условіяхъ передачи Николаевской дороги, мы упоминали о контрактѣ съ г. Уайненсомъ и К^о заключенномъ Министерствомъ Путей Сообщенія въ 1865 году, по которому означенной фирмѣ переданъ былъ ремонтъ подвижнаго состава. Главное Общество какъ мы видѣли признавало это обязательство весьма невыгоднымъ и требовало его уничтоженія. На этомъ основаніи, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ основаніяхъ этого контракта и тѣмъ выяснить читателю причину подобнаго домогательства. Въ силу означеннаго контракта, г. Уайненсъ принималъ на себя ремонтъ, смазку и освѣщеніе подвижнаго состава, а въ вознагражденіе долженъ былъ получать плату съ cadaго пассажира и съ cadaго пуда груза провезенныхъ по дорогѣ. Эта плата опредѣлена по разцѣночной вѣдомости, приложенной къ контракту различно, смотря по классу пассажировъ и роду поѣзда въ десятичныхъ доляхъ копейки съ каждой версты пройденнаго пути. Не желая утруждать вниманіе читателей различными цифрами, мы замѣтимъ, что въ общей сложности эта плата превышала четвертую часть всѣхъ сборовъ. Въ 1867 году при сборѣ въ 14 мил. руб. ремонтъ, чистка и смазка подвижнаго состава, а также освѣщеніе и отопленіе вагоновъ обошлись Николаевской дорогѣ въ 3.630,163 руб. (Сборн. Свѣд. 1868 года. Отд. II, стр. 25). Такая сумма при движеніи на дорогѣ 181 паровоза и 2880 вагоновъ представляется громадною въ особенности, если принять въ соображеніе отопленіе паровозовъ дровами, хорошее качество воды на всемъ протяженіи дороги, а главное незначительность горизонтальныхъ уклоновъ, прямолинейность дороги и очень большой радіусъ кривыхъ, т. е. выгодность условій эксплуатаціи по отношенію къ ремонту подвижнаго состава. Можно смѣло утверждать, что эта цифра превышала дѣйствительную потребность въ нѣсколько разъ. Такъ по изслѣдованіямъ г. Вліоха ¹⁾ средняя цифра расхода на ремонтъ подвижнаго состава на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ Россіи за 1870,

¹⁾ Вліаніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи, томъ 1-й, стр. 131.

1871 и 1872 годы оказывается въ 1,113 рублей на версту, между тѣмъ какъ приведенная нами цифра платежа г. Уайненсу превышаетъ 6,000 руб. на версту, т. е. превышаетъ средній расходъ на всѣхъ русскихъ дорогахъ въ пять съ половиною разъ. Мы согласны съ тѣмъ, что расчетъ этихъ расходовъ на версту дороги не даетъ объ немъ яснаго понятія, такъ какъ величина его зависитъ отъ количества движенія; поэтому мы приведемъ и другія цифры для сравненія. Въ 1870 году, когда движеніе по Николаевской дорогѣ возрасло на 18⁰%, расходъ ремонтъ подвижнаго состава представляетъ цифру въ 1.659,000 руб., т. е. на 2.000,000 руб. ниже указанной. (Сборн. Свѣд. изд. 1875 годъ таб. IX).

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ частное общество не могло принять на себя эксплуатацію дороги и уничтоженіе подобнаго контракта для него было необходимою. Въ виду подобнаго обстоятельства конечно можно признать казенное хозяйство несостоятельнымъ, но мы замѣтимъ, что если здѣсь и является распоряженіе вредное для дѣла, то виновато въ этомъ не казенное хозяйство, а только порядки установившіяся въ немъ.

Изъ сказаннаго выше ясно видно все значеніе контракта г. Уайненса и тѣ матеріальныя пожертванія, которыя правительство должно было принять на себя для прекращенія дѣйствій подобнаго обязательства. Сознывая невыгодность означеннаго контракта, Министерство Финансовъ даже и въ 1867 году не отдавало себѣ полнаго отчета о его дѣйствительномъ значеніи. Въ этихъ условіяхъ Министерство предложило уплатить неустойки г. Уайненсу не болѣе 3 мил. руб., а между тѣмъ контрактъ былъ заключенъ на 8 лѣтъ, начиная съ 1 іюля 1866 года съ правомъ Правительства сократить срокъ только на два года и притомъ съ условіемъ платежа контрагенту 2⁰% со всей уплаченной ему въ теченіи 6 лѣтъ суммы. Въ концѣ 1867 года, еще оставались 4¹/₂ года дѣйствія контракта, и г. Уайнень могъ рассчитывать на полный барышъ отъ этихъ 4¹/₂ лѣтъ и сверхъ того на 2⁰% со всей суммы имъ полученной въ теченіи 6 лѣтъ. Предполагая же на основаніи вышеуказанныхъ цифръ, что барышъ г. Уайненса былъ только въ 2 мил. ежегодно, а платежи Правительства за ремонтъ въ 3¹/₂ мил. онъ могъ требовать или неустойки по меньшей мѣрѣ въ 9.420,000 руб. или продолженія дѣйствія контракта. При этомъ расчетѣ мы не принимаемъ въ соображеніе увеличеніе валоваго сбора въ послѣдующіе годы, а слѣдовательно, возможное увеличеніе его барышей. Само собою разумѣется, что г. Уайнень могъ согласиться на уступку въ

виду возможности получить совершенно даромъ громадную сумму денегъ, но конечно невозможно было предполагать, чтобы эта уступка могла доходить до двухъ третей того, на что онъ могъ смѣло рассчитывать въ теченіи какихъ-нибудь четырехъ или пяти лѣтъ. Отсюда ясно, что при соображеніяхъ о прекращеніи контракта съ Уайнсомъ не было въ виду дѣйствительнаго значенія этого договора. Мы обращаемъ вниманіе на это обстоятельство, потому что стоимость расторженія контракта Уайненса имѣла большее значеніе при обсужденіи условій на уступку Николаевской дороги. Эта стоимость постоянно предполагалась только въ 3 мил. руб., тогда какъ она обошлась гораздо выше этой суммы, а требованія г. Уайненса, были заявлены въ суммѣ 7.600,000 руб.; намъ бы казалось, что при такомъ значеніи этого договора соглашеніе съ Уайнсомъ о количествѣ неустойки слѣдовало опредѣлить прежде, нежели входить въ какіе-либо переговоры о продажѣ дороги, между тѣмъ у насъ было сдѣлано какъ разъ наоборотъ.

Мы видѣли условія одобренія Министерствомъ и совѣтомъ Главнаго Общества. Между тѣмъ 10 ноября 1867 года по совѣщаніи съ заграничными банкирами Берингомъ и Лабушеромъ совѣтъ дѣлаетъ новое предложеніе, выраженное въ письмѣ предсѣдателя совѣта отъ 10 ноября 1868 года. Въ дополненіе къ прежнимъ условіямъ совѣтъ между прочимъ предлагаетъ: „начиная съ извѣстнаго неотдаленнаго срока, который будетъ назначенъ по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ, Обществу будетъ дозволено отдѣлять изъ сборовъ эксплуатаціи (разумѣется Николаевской дороги) ежегодно 375 тыс. руб. металлическихъ для выдачи въ видѣ дивиденда акціонерамъ Главнаго Общества $\frac{1}{2}$ процента сверхъ гарантированныхъ имъ нынѣ 5%. Суммы, требуемыя отъ правительства для уплаты или пополненія этихъ 375 тыс. рублей будутъ причисляться къ долгу Главнаго Общества. Избытокъ чистаго дохода, могущій оказаться за покрытіемъ всѣхъ суммъ на ежегодные проценты и погашеніе акцій и облигацій Главнаго Общества, а равно на взносъ установленной платы за эксплуатацію Николаевской дороги, будетъ поступать сполна въ казну на погашеніе долга Общества до тѣхъ поръ, пока этотъ избытокъ не будетъ превышать одного процента на первоначальный капиталъ акцій общества. Лишь когда избытокъ этотъ составитъ болѣе одного процента на означенный капиталъ онъ будетъ дѣлиться по ровну между правительствомъ и обществомъ“.

Таковы были новыя предложенія совѣта Главнаго Общества. Мало было того, что прежнія условія гарантировали Общество отъ

всякаго риска въ этомъ дѣлѣ; мало было того, что обществу предоставлялось обращать половину несомнѣнно предстоящаго увеличенія доходовъ Николаевской дороги въ дивидентъ акціонеровъ, наконецъ мало было даже и того, что другая половина этого увеличения предоставлялась также Обществу съ спеціальнымъ назначеніемъ погашенія его долга, словомъ мало было того, что весь чистый доходъ Николаевской дороги — доходъ, какъ показали послѣдующій опытъ, возросшій въ какіе-нибудь 7 или 8 лѣтъ до 13 мил. руб. предоставлялся Обществу, совѣтъ по совѣщаніи съ заграничными банкирами рѣшился потребовать за то благодѣяніе, которое онъ оказывалъ правительству, принимая отъ послѣдняго въ даръ Николаевскую дорогу, немедленнаго возвышенія правительственной гарантіи на $\frac{1}{2}\%$ на весь акціонерный капиталъ общества, что значило увеличить цѣну акцій на 10% или на 7.500,000 руб. Другими словами въ этомъ требованіи, выразилось желаніе уменьшить погашеніе долга Общества правительству ежегодно на 375,000 руб., т. е. увеличить выгоду нынѣшнихъ акціонеровъ на счетъ будущихъ. Какъ видно заграничные совѣтники Общества не пренебрегли даже возможностью дисконтировать будущіе доходы, что указываетъ вполнѣ опытныхъ дѣльцовъ.

Теперь представляется вопросъ: какимъ образомъ отнеслось Министерство Финансовъ къ подобному предложенію? Въ отвѣтъ на это предложеніе отъ 13 ноября 1867 года мы находимъ слѣдующее: „Вновь заявленное ходатайство гг. членовъ совѣта о дозволеніи обществу отдѣлять изъ сборовъ Николаевской дороги ежегодно 375 тыс. рублей металлическихъ для выдачи акціонерамъ главнаго общества $\frac{1}{2}$ процента сверхъ гарантированныхъ имъ нынѣ 5% принято быть не можетъ. Подобное прямое возвышеніе гарантированнаго процента независимо отъ достигнутыхъ управленіемъ результатовъ, не только не представляетъ необходимаго условія для успѣха дѣла, а напротивъ значительно повредило бы оному при дальнѣйшемъ совокупномъ разсмотрѣніи различныхъ предложеній, представленныхъ Правительству“.

По видимому отвѣтъ ясный и положительный, какого и слѣдовало ожидать. Но это отказъ только по формѣ, а не по существу. Подчеркнутая нами фраза указываетъ что *косвенное возвышеніе* гарантированнаго акціонерамъ дохода ни сколько не противорѣчитъ видамъ Министерства; такъ какъ въ дальнѣйшемъ изложеніи сказано что „въ виду ближайшаго участія акціонеровъ при дальнѣйшемъ веденіи дѣла и хозяйственной эксплуатаціи, считается возмож-

нымъ отдѣлить въ пользу ихъ часть чистаго дохода отъ Николаевской дороги сверхъ 6 мил. руб. металлических“. На этомъ основаніи Министерство полагало изложить 6-й пунктъ финансовыхъ условий, предложенныхъ совѣтомъ въ первоначальномъ письмѣ председателя отъ 19 сентября въ слѣдующемъ видѣ: „изъ чистаго дохода Николаевской дороги прежде всего уплачиваются проценты и погашеніе по облигаціямъ въ размѣрѣ 6.000,000 руб. металлических. Когда же чистый доходъ превзойдетъ эту сумму, то излишекъ распределяется слѣдующимъ образомъ: три четверти онаго присоединяется къ чистому доходу Варшавской и Нижегородской линій, а одна четвертая часть отдѣляется въ пользу общества. Когда чистый доходъ по всемъ тремъ линіямъ въ совокупности превзойдетъ сумму всехъ гарантированныхъ платежей по акціямъ и облигаціямъ, то излишекъ распределяется на основаніи § 51 устава общества“ — (т. е. половина въ пользу общества, а другая на уплату его долговъ).

„Примѣчаніе. Если бы сумма, причитающаяся обществу по совокупному расчету всехъ трехъ линій на основаніи § 51 устава въ какомъ либо году оказалась менѣе суммы, причитающейся ему отъ четвертой части изъ чистаго дохода Николаевской дороги сверхъ 6 мил. металлических, то въ этомъ году общество сохраняетъ за собою право на эту четвертую часть въ замѣнъ расчета по тремъ линіямъ“.

Не правы ли мы были, сказавши, что отказъ Министерства былъ только по формѣ, а не по существу. По существу ходатайство удовлетворялось въ большей мѣрѣ, чѣмъ было заявлено. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ стоитъ только принять въ соображеніе, что никто не сомнѣвался въ возможности полученія даже въ 1868 году чистаго дохода, достаточнаго для оплаты процентовъ по облигаціямъ въ размѣрѣ 6.000,000 металлическихъ или 7.200,000 р. кредитныхъ. Между тѣмъ одно уничтоженіе контракта съ г. Уайненсомъ, какъ мы видѣли выше, могло возвысить чистый доходъ по меньшей мѣрѣ на 2 мил. рублей, а это давало возможность Главному Обществу отчислить изъ доходовъ Николаевской дороги въ пользу увеличенія дивиденда акціонеровъ не 375 тыс. руб. какъ просилъ совѣтъ, а 500,000 руб., независимо отъ увеличенія движенія и возвышенія валоваго сбора. Но этимъ не ограничиваются выгоды сдѣланнаго Министерствомъ предложенія, въ особенности выгоды главныхъ руководителей и распорядителей дѣла. Опытные дѣльцы вполне поняли, что если гарантія дохода остается въ прежнемъ видѣ, и представляется только возможность увеличенія доход-

ности, хотя бы эта возможность была вѣтъ всякаго сомнѣнія, цѣна акцій на рынкѣ все таки останется въ прежнемъ видѣ, по крайней мѣрѣ на первое время. Подобныя предположенія объ увеличеніи доходности не могутъ быстро проникать въ публику, вслѣдствіе чего дѣльцы имѣютъ полную возможность скупать акціи по дешевымъ цѣнамъ и выжидать ихъ возвышенія. Люди, заправлявшіе дѣлами Главнаго Общества, конечно, хорошо поняли выгоды предложенія Министерства Финансовъ и разумѣется не сдѣлали противъ него никакихъ возраженій.

Въ теченіи ноября и декабря 1867 года, въ Министерство поступили предложенія и отъ другихъ соискателей на пріобрѣтеніе дороги. Серьезными конкурентами оказались только трое: г. Уайненсъ и К^о, г. Поляковъ и К^о и товарищество московскихъ капиталистовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что серьезные переговоры ведены были Министерствомъ только съ Главнымъ Обществомъ, отъ всѣхъ же другихъ конкурентовъ получены только заявленія о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ они предполагали составить общество для эксплуатаціи Николаевской дороги и имъ вовсе не сообщалось, по крайней мѣрѣ официально предположеній Министерства по сему предмету. Миѣніе Министерства Финансовъ объ этихъ предположеніяхъ мы узнаемъ лишь изъ доклада, представленнаго въ Совѣтъ Министровъ для обсужденія вопроса объ уступкѣ Николаевской дороги частному обществу. На этомъ основаніи мы разсмотримъ подробно этотъ докладъ и такимъ образомъ изложимъ какъ сущность сдѣланныхъ другими соискателями предложеній, такъ и миѣніе о нихъ Министерства Финансовъ.

Изложивъ причины, побудившія къ выпуску облигацій Николаевской дороги 18 іюля 1867 года, о чемъ мы говорили уже выше, Министерство Финансовъ замѣчаетъ: „Совершеніе этой операціи не увеличило ни единымъ рублемъ капитальной суммы государственнаго долга; выпускъ облигацій былъ въ тѣсной неразрывной связи съ продажей дороги, почему не требовалось внесенія суммы оныхъ въ государственную долговую книгу“. Съ такимъ миѣніемъ едва ли можно согласиться, если принять въ соображеніе, во-первыхъ, условіе выпуска, о которомъ упомянуто даже въ высочайшемъ указѣ, данномъ Министру Финансовъ, а именно, что отвѣтственность въ платежѣ процентовъ и погашенія по сему займу остается всецѣло на Государственномъ Казначействѣ, и во-вторыхъ, что потребныя для этихъ платежей суммы ежегодно вносятся въ государственную роспись наравнѣ съ другими государственными долгами. Изъ этихъ условій

займа вовсе также не слѣдуетъ, чтобы выпускъ облигацій находился въ тѣсной неразрывной связи съ продажей дороги, такъ какъ Правительство предоставляло себѣ только право продажи дороги, а вовсе не принимало на себя обязанности продать дорогу. Это условіе для кредиторовъ казны было совершенно безразлично, такъ какъ они возлагали всю отвѣтственность въ вѣрности платежа на Государственное Казначейство. Что же касается до внесенія суммы въ государственную долговую книгу, то порядокъ этотъ есть обрядность внутренняго управленія и нисколько не измѣняетъ юридическаго значенія принятыхъ правительствомъ на себя обязательствъ. Можно удивляться почему Министерству Финансовъ было необходимо связывать выпускъ облигацій съ правомъ Правительства на передачу дороги въ частныя руки или не вносить этотъ заемъ въ долговую книгу, но отсюда еще нельзя заключать, что капитальная сумма государственнаго долга не увеличилась ни единымъ рублемъ, въ особенности въ виду того обстоятельства, что проценты и погашеніе по этому займу ежегодно вносятся въ смѣту государственныхъ расходовъ.

Затѣмъ, изложивъ уже извѣстныя намъ послѣднія условія передачи Николаевской дороги Главному Обществу съ опредѣленіемъ суммы, необходимой для капитальнаго исправленія дороги и снабженія ея необходимымъ подвижнымъ составомъ въ размѣръ 6.400,000 руб. металлическихъ и 5.200,000 кредитныхъ, Министерство переходитъ къ изложенію выгодъ подобной комбинаціи. Онѣ состоятъ по его мнѣнію въ слѣдующемъ:

„1) Главное Общество имѣя значительный акціонерный капиталъ, т. е. 75 мил. акцій и 37 мил. облигацій, можетъ независимо отъ перевода на себя долга по Николаевскимъ облигаціямъ, выпустить еще свои собственныя въ вышеопредѣленномъ размѣрѣ, не нарушая общепринятаго Правительствомъ соотношенія акцій къ облигаціямъ. Сверхъ того, новому выпуску облигацій Главнаго Общества будутъ служить обезпеченіемъ не одна Николаевская дорога, а всѣ три линіи въ совокупности на протяженіи болѣе 2,200 верстъ. Въ отношеніи кредита всей операціи это послѣднее условіе чрезвычайно важно, потому что вторичный гарантированный выпускъ отъ одной Николаевской дороги, могъ бы сильно поколебать на европейскихъ рынкахъ довѣріе къ системѣ нашихъ облигацій вообще“.

„2) Примѣнивъ условія выпуска 4% облигацій Николаевской дороги къ новому предполагаемому выпуску, на уплату процентовъ и погашенія котораго опредѣлено 2.884,460 руб., правительство, по мнѣнію Министерства Финансовъ, можетъ получить еще 41 мил.

руб. метал., что составить отъ обоихъ выпусковъ до 85 мил., а за отдѣленіемъ изъ нихъ на приведеніе дороги въ надлежащее положеніе и на расторгненіе контракта Уайненса до 14 мил. руб. металлическихъ, остается 71 мил. руб. металич., что представляетъ сумму вполне удовлетворительную. Но главная по мнѣнію Министерства Финансовъ выгода для правительства въ случаѣ уступки Николаевской дороги Главному Обществу заключается въ томъ, что большая часть чистаго дохода (75%) сверхъ 6 мил. руб. металлическихъ пойдетъ на уменьшеніе значительной суммы ежегодно платимой правительствомъ по гарантіи на Варшавскую дорогу. Когда же общій чистый доходъ со всѣхъ трехъ линій превзойдетъ потребныя суммы на срочные платежи какъ по прежнимъ процентнымъ бумагамъ Главнаго Общества, такъ и по выпущеннымъ на покупку Николаевской дороги, то и тогда половина этого излишка пойдетъ въ пользу Государственнаго Казначейства, въ возвратъ отъ общества капитальнаго долга съ процентами, по мнѣнію Министерства безнадежнаго, вслѣдствіе малой доходности Варшавской линіи.

За тѣмъ далѣе Министерство доказываетъ, что только при 18 мил. рублей валоваго сбора, т. е. 30 т. рублей на версту, чего не было до тѣхъ поръ ни на одной дорогѣ, общество получить возможность увеличить доходъ акціонеровъ на $\frac{1}{2}\%$ противъ гарантиованнаго. При этомъ Министерство представляетъ таблицу, въ которой расходы эксплуатаціи какъ при 14 мил. рублей валоваго сбора такъ и при 18 мил. показаны въ 50% валоваго сбора, какъ будто съ возрастаніемъ сборовъ должны возрастать всё вообще расходы эксплуатаціи, а не тѣ только, которые опредѣляются количествомъ движенія.

Не касаясь впрочемъ этихъ подробностей, мы посмотримъ на сколько такое мнѣніе Министерства выдерживаетъ критику. Прежде всего оно утверждаетъ, что переводъ долга по облигаціямъ Николаевской дороги и новый выпускъ облигацій не нарушаетъ принятаго отношенія между акціонернымъ и облигаціоннымъ капиталами. Но въ настоящемъ случаѣ никакого соотношенія и не требовалось, такъ какъ оба выпуска облигацій Николаевской дороги сдѣланы не отъ имени Главнаго Общества, а отъ имени Государственнаго Казначейства и гарантію этихъ займовъ служитъ государственная роспись, въ которую вносится ежегодно платежъ процентовъ и погашенія. Кроме того извѣстное соотношеніе между акціями и облигаціями допускается въ общемъ итогѣ капитала, употребленнаго на сооруженіе дороги; поэтому увеличеніе облигаціоннаго капитала до извѣстной суммы

возможно только въ томъ случаѣ, если капиталъ идетъ на увеличеніе капитальной стоимости дороги или для замѣны акціонернаго облигаціоннымъ капиталомъ; но такое увеличеніе облигаціоннаго капитала для другихъ оборотовъ и предпріятій, не связанныхъ съ увеличеніемъ перевозочной способности линій, принадлежащихъ Обществу не можетъ имѣть мѣста и едва ли способно поддержать его кредитъ. Министерство предполагало, что обезпеченіемъ новыхъ выпусковъ облигацій будутъ служить всѣ три линіи на протяженіи 2200 верстъ. Но на это мы замѣтимъ, что Нижегородская и Варшавская линіи въ количествѣ 1617 верстъ ни въ какомъ случаѣ не могли служить гарантіей облигацій новыхъ выпусковъ на томъ простомъ основаніи, что строительный капиталъ, употребленный на ихъ сооруженіе, доходилъ до 150 мил. металлическихъ руб. вмѣстѣ съ долгомъ правительству, т. е. болѣе 90 т. мет. руб. на версту; между тѣмъ какъ дѣйствительная стоимость сооруженія не могла быть выше 50 т. метал. руб. съ версты. На этомъ основаніи общая цѣнность имущества Главнаго Общества составляла 80.850,000 руб., а такъ какъ на этомъ имуществѣ состоялъ облигаціонный долгъ въ 37 мил., долгъ правительства по достройкѣ линіи въ 39.600,000 руб., не считая процентовъ и долгъ по уплатѣ гарантіи въ 32.400,000 руб., то оказывается, что Общество и тогда уже было неостоятельно. Дозказательствомъ этого послѣдняго положенія можетъ служить то обстоятельство, что новыя облигаціи какъ 1-го, такъ и 2-го выпуска выпущены вовсе не отъ имени главнаго общества, а отъ имени Русскаго Правительства и обезпечиваются отнюдь не Николаевской дорогой, а общимъ государственнымъ кредитомъ, котораго не поколебалъ не только 2-й выпускъ облигацій Николаевской дороги, но и пять послѣдующихъ выпусковъ консолидированныхъ облигацій.

Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ Министерства Финансовъ о выгодности условій Главнаго Общества. Министерство находитъ главную выгоду въ томъ, что большая часть чистаго дохода должна уменьшать приплату гарантіи по Варшавской дорогѣ. Мы вовсе не видимъ тутъ не только главной, но почти никакой выгоды, на томъ простомъ основаніи, что не можемъ поставить ни въ какое сравненіе уступки будущихъ доходовъ въ теченіи 84 лѣтъ съ расходомъ на какія нибудь пять, шесть или даже десять лѣтъ, и съ расходомъ постоянно уменьшающимся. Нижегородская дорога даже въ 1867 году уже вышла изъ гарантіи и излишкомъ своихъ доходовъ покрывала значительную часть гарантированнаго дохода Варшавской дороги, а чистый доходъ этой послѣдней дороги также постоянно возрасталъ

и очень можно было ожидать, что въ недалекомъ будущемъ не только не потребуется приплатъ правительства по гарантіи, но Общество получать возможность уплачивать правительству половину излишка своего дохода сверхъ гарантированнаго. Послѣдствія показали, что время это наступило черезъ пять лѣтъ послѣ передачи дороги, а именно въ 1874 году, съ котораго Главное Общество уже не получало приплатъ по гарантіи.

Отпускъ Главному Обществу 14 мил. руб. на капитальное исправленіе дороги и принятіе на себя правительствомъ неустойки за расторженіе контракта съ Уайнсомъ за что пришлось заплатить болѣе пяти мил. руб. также не могутъ считаться выгодными условіями, такъ какъ другіе конкуренты принимали эти расходы на себя и слѣдовательно предлагали почти на 20 мил. руб. болѣе нежели Главное Общество.

Но главная невыгода уступки Николаевской дороги Главному Обществу состоитъ въ томъ, что оно, не дѣлая никакихъ затратъ и не принося никакихъ пожертвованій, получало право одну половину излишка сверхъ гарантированнаго дохода по всѣмъ тремъ линіямъ, обращать въ дивидендъ акціонерамъ и другую на уплату своихъ долговъ правительству. Еслибъ Николаевская дорога поступила къ другимъ соискателямъ, то правительство, участвуя въ раздѣлѣ чистаго дохода, не теряло бы своего права на возвратъ долговъ Главнаго Общества, когда доходы его возвысятся. Теперь же эта часть дохода уменьшала долгъ общества. Министерство полагало, что этотъ долгъ безнадеженъ; но на это можно замѣтить, что въ теченіи 84 лѣтъ можетъ многое измѣниться и линіи бездоходныя могутъ сдѣлаться съ развитіемъ сѣти и промышленности весьма доходными. Въ этомъ случаѣ Министерство значительно ошиблось: Нижегородская и Варшавская дороги даютъ даже въ настоящее время излишекъ доходовъ сверхъ гарантированныхъ не говоря о будущемъ. Въ 1877 году не смотря на потерю въ курсѣ 2½ мил. руб. въ уплату долга правительству поступило 565,459 руб.

Чтобъ объяснить тѣ выгоды, которыя могло получать Главное Общество отъ Николаевской дороги, еслибъ эти условія осуществились, мы скажемъ, что чистый доходъ Николаевской дороги въ 1877 году дошелъ до 13 мил. руб., а за отчисленіемъ 7.200,000 руб. на платежъ процентовъ и погашенія по облигаціямъ остается 5.800,000 руб. А такъ какъ доходы Варшавской и Нижегородской дорогъ уже превышаютъ гарантированные, то одна половина этой

суммы могла бы идти въ дивидендъ, а другая на платежъ долговъ общества.

Такимъ образомъ весь долгъ Главнаго Общества правительству въ 122 мил. руб. по ссудамъ на постройку Варшавской и Нижегородской дорогъ, а также на уплату гарантій (отчетъ Главнаго Общества за 1877 годъ стр. 217) могъ быть покрытъ доходами одной Николаевской дороги въ нынѣшнемъ ихъ размѣрѣ (не говоря о будущемъ) въ 25 или 30 лѣтъ и тогда весь доходъ этой дороги могъ принадлежать Главному Обществу. За что же спрашивается Государственное Казначейство лишилось бы дохода, который будучи капитализированъ изъ 5% представляетъ сумму въ 116 миллионъ рублей. Хотя эти условія и измѣнились впоследствии, но для насъ важно то обстоятельство, что Министерство Финансовъ соглашалось на эти условія и находило ихъ выгодными. Впрочемъ послѣдствія показали, что условія передачи дороги не соблюдаются Главнымъ Обществомъ, такъ какъ оно суммы слѣдующія правительству затрачиваетъ вновь на свои нужды, что мы и увидимъ впоследствии.

Предложеніе, сдѣланное Уайненсомъ состояло въ слѣдующемъ: онъ обязывался составить общество съ капиталомъ въ 13¹/₂ мил. руб. метал., должнствующимъ идти на приведеніе дороги въ надлежащее устройство. Общество это обязывалось платить по выпущеннымъ облигаціямъ Николаевской дороги 3.115,540 руб. метал. процентовъ и погашенія и сверхъ того вносить процентовъ и погашенія на новый выпускъ облигацій 2,077,026 руб. металлическихъ, по которому гарантировало правительству 30.000,000 руб. металлическихъ капитальной суммы. Правительство съ своей стороны гарантировало обществу чистый доходъ съ Николаевской дороги въ 6 мил. руб. металлическихъ на уплату проц. по акціямъ и облигаціямъ обоихъ выпусковъ. Въ теченіи первыхъ пятнадцати лѣтъ весь избытокъ дохода противъ гарантированнаго идетъ въ пользу общества, и за тѣмъ половина этого избытка идетъ въ пользу правительства. Впоследствии г. Уайненсъ измѣнилъ это условіе и предложилъ 60% этого избытка правительству. вмѣстѣ съ тѣмъ г. Уайненсъ предлагалъ отказаться отъ неустойки по уничтоженію контракта на ремонтъ подвижнаго состава. Если, такимъ образомъ, правительство получало по облигаціямъ нѣсколько меньшую сумму, чѣмъ при передачѣ дороги Главному Обществу, за то оно не принимало на себя никакихъ издержекъ по приведенію дороги въ порядокъ: всего оно получало 44 мил. по первому выпуску и 30 мил. по второму, исправленіе же дороги и неустойка Уайненсу падали на новое общество. На этомъ основаніи эти усло-

вія были выгодою, чѣмъ условія, Главнаго Общества. За тѣмъ Главное Общество предоставляло правительству съ перваго года 75% избытка доходовъ, тогда какъ г. Уайненсъ въ теченіи 15 лѣтъ обращалъ эти избытки въ пользу общества и только по прошествіи 15 лѣтъ Правительство на основаніи условій Уайненса могло получать изъ этихъ избытковъ 60%. Эти послѣднія условія могли казаться менѣе выгодными, чѣмъ условія Главнаго Общества, въ дѣйствительности же было совершенно на оборотъ. Доля Правительства въ доходахъ Николаевской дороги по условіямъ Главнаго Общества должна была идти на погашеніе долга этого общества, а за погашеніемъ этого долга весь избытокъ доходовъ Николаевской дороги обращался въ пользу Главнаго Общества; тогда какъ участіе правительства въ доходахъ Общества предложеннаго г. Уайненсомъ, хотя и начиналось не ранѣе 15 лѣтъ, но за то продолжалось до конца концессіи и шло не на погашеніе долга Главнаго Общества, а въ непосредственное распоряженіе правительства. Нельзя отрицать, что общество, предложенное г. Уайненсомъ, получило бы громадныя барыши въ теченіи первыхъ пятнадцати лѣтъ, обращая въ свою пользу весь избытокъ доходовъ, но эти барыши все таки не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми, которые могло бы получить Главное Общество, уплачивая свои долги правительству доходами Николаевской дороги и за тѣмъ, когда долги эти будутъ уплачены, обращая эти доходы исключительно въ свою пользу. Доходность Николаевской дороги въ первые 15 лѣтъ, конечно, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ будущей доходностію ея по истеченіи этихъ 15 лѣтъ, и притомъ въ теченіи новыхъ 69 лѣтъ. Вся выгода условій Главнаго Общества состояла въ томъ только, что представлялась возможность получать въ первые 15 лѣтъ извѣстную сумму въ уплату долга этого общества, который считался безнадежнымъ, но за то правительство отказывалось отъ всякаго дохода съ Николаевской дороги на 84 года.

Невыгоды предложенія г. Уайненса, по мнѣнію Министерства Финансовъ, состоятъ въ томъ, что предлагается вторичный выпускъ облигацій отъ Николаевской дороги и ненормальное отношеніе акцій и облигацій; но мы видѣли уже, что эти облигаціи какъ 1-го такъ и 2-го выпуска выпущены не за счетъ какого либо общества, а за счетъ Государственнаго Казначейства и слѣдовательно подобное опасеніе не могло имѣть никакого значенія. Кромѣ того Министерство Финансовъ считало невыгоднымъ то обстоятельство, что г. Уайненсъ обязывался платить проценты на погашеніе по 2-му выпуску облигацій со дня ихъ выпуска, а такъ какъ облигаціи эти могли

быть выпущены только въ 1869 году, то за 1868 годъ правительство могло получить только проценты по облигаціямъ 1867 года, излишекъ же чистаго дохода противъ этой суммы оставался въ пользу общества, но послѣдствія показали, что передача Николаевской дороги могла совершиться только съ 1-го сентября 1868 года, слѣдовательно и это опасеніе не имѣло значенія. Наконецъ по мнѣнію Министерства Финансовъ „едва ли было бы осторожно подвергать Николаевскую дорогу на 84 года системѣ американской эксплуатаціи, послѣ столь продолжительнаго опыта и тяжкихъ для государства потерь“.

Послѣднее мнѣніе Министерства по всей вѣроятности подразумеваетъ невыгодную сторону заключенныхъ съ г. Уайнсомъ контрактовъ по ремонту подвижнаго состава. Но противъ этого справедливость требуетъ замѣтить, что врядъ ли основательно винить частное лицо за невыгодность для казны, заключенныхъ съ немъ договоровъ: само собою разумѣется, что частный человекъ заботится только о своихъ выгодахъ и ему нѣтъ никакого дѣла охранять интересы государства, съ которымъ онъ договаривается. Къ тому же осторожность Министерства врядъ ли устранила г. Уайнса отъ вліянія на эксплуатацію Николаевской дороги. Какъ скоро дорога эта была передана Главному Обществу, такъ г. Уайнсъ сталъ скупать акціи этого общества, а за тѣмъ по всей вѣроятности на тотъ же предметъ пошли и всѣ суммы, полученныя г. Уайнсомъ въ видѣ неустойки за расторженіе его контракта и онъ сдѣлался главнымъ акціонеромъ Главнаго Общества, которымъ въ настоящее время и распоряжается почти произвольно, по крайней мѣрѣ на всѣхъ общихъ собраніяхъ большинство голосовъ формируется имъ.

Строитель желѣзныхъ дорогъ Воронежскаго и Елецкаго земствъ купецъ Самуилъ Поляковъ, генераль-адъютантъ графъ Левашовъ и дѣйствительные статскіе совѣтники князь Левъ Гагаринъ, Сомовъ и Рябининъ представили слѣдующее предложеніе: они образуютъ общество съ акціонернымъ капиталомъ въ 32 мил. руб. съ гарантіей Правительства въ 5% дохода и $\frac{1}{10}$ % погашенія. Обществу этому передается дорога на 84 года, въ теченіи которыхъ оно уплачиваетъ Правительству: 1) 3.115,540 руб. мет. процентовъ и погашенія по Николаевскимъ облигаціямъ; 2) 5% и $\frac{1}{10}$ % погашенія на вторую серію облигацій по номинальной цѣнѣ на 48 мил. руб. металлическихъ, что составило бы 2.448,000 руб. метал.; 3) сумму гарантированнаго дохода по акціямъ или 1.632,000 руб. мет., всего 7.195,540 металлическихъ рублей. Сверхъ того изъ

суммъ акціонернаго капитала въ теченіи одного мѣсяца со дня выпуска акцій, общество обязывается уплатить Правительству наличными деньгами 5 мил. рублей и акціями общества 2 мил. рублей. Для покрытія всѣхъ причитающихся съ общества платежей оно обязывается вносить Правительству еженедѣльно 55⁰/₀ валоваго сбора впредь до расчета. За тѣмъ за покрытіемъ всѣхъ обязательныхъ платежей, общество предоставляет Правительству третью часть избытка доходовъ. Устройство дороги и сдѣлку по расторженію контракта съ г. Уайненсомъ общество принимает на себя.

Хотя условія, предложенныя г. Поляковымъ и компаніею въ виду меньшаго участія Правительства въ будущихъ доходахъ, а также въ виду возвышенія гарантированнаго дохода, т. е. въ виду увеличенія выпуска бумагъ представлялись менѣе выгодными чѣмъ условія г. Уайненса, но все таки они представляютъ гораздо болѣе выгоду, чѣмъ условія Главнаго Общества, которыми Правительство лишается всякаго дохода съ дороги. Кромѣ того при такой комбинаціи являлась возможность увеличенія единовременной выручки капитальной сумми: она давала возможность получить 43 мил. метал. руб. чистыми деньгами и на 2 мил. руб. акцій, которые въ очень недалекомъ будущемъ могли быть весьма доходными. Впрочемъ фирма Полякова и присоединившихся къ нему лицъ не могла внушать къ себѣ достаточнаго довѣрія, тѣмъ болѣе, что усиленный выпускъ бумагъ прямо указывалъ на возможность остатка акціонернаго капитала, который и составилъ бы барышъ учредителей, нисколько незаслуженный.

Предложеніе московскаго купечества, къ которому присоединились до 58 наиболѣе солидныхъ и извѣстныхъ фирмъ, представляло огромное финансовое значеніе, тѣмъ болѣе, что значительная часть грузовъ, перевозимыхъ Николаевской дорогой, доставлялось ей именно этими фирмами. Такимъ образомъ лица, подписавшіе это предложеніе, были заинтересованы въ дѣлѣ не только какъ учредители общества для выгоднаго предпріятія, но и какъ хозяева тѣхъ грузовъ, правильное движеніе которыхъ обуславливало успѣхъ ихъ личныхъ оборотовъ. На этомъ основаніи предложеніе это заслуживало особеннаго вниманія и намъ кажется, что еслибъ оно было даже менѣе выгодно для Правительства въ денежномъ отношеніи въ сравненіи съ другими соискателями, то и тогда его слѣдовало предпочесть въ виду того обстоятельства, что передача Николаевской дороги въ руки этой компаніи могла быть, при болѣе правильной системѣ хозяйства, новымъ средствомъ къ развитію промышленности и торговли. Между тѣмъ оказывается, что это предложеніе было гораздо болѣе

выгодно, чѣмъ всѣ другія. Оно состояло въ слѣдующемъ: товарищество обязывалось уплачивать ежегодно на проценты и погашеніе по облигаціямъ какъ прежде выпущеннымъ, такъ и имѣющихъ быть выпущенными, по приведеніи въ порядокъ дороги 7.500,000 руб. кредитными билетами. Въ число этой суммы товарищество обязывалось вносить 50% валоваго сбора, повѣряемаго правительственнымъ контролемъ, — и въ сроки, назначенные Правительствомъ. Если посредствомъ этихъ взносов, лежащіе на отвѣтственности товарищества платежи будутъ пополнены прежде окончанія года, тогда весь валовой сборъ поступаетъ въ пользу товарищества; если же окажется недостатокъ, то товарищество обязано его пополнить собственнымъ капиталомъ, для чего и должно представить залогъ въ указанномъ Министерствомъ Финансовъ размѣрѣ. По истеченіи 10 лѣтъ могущій оказаться излишекъ за покрытіемъ расходовъ эксплуатаціи и уплатою 7.500,000 руб. обязательныхъ платежей распределяется на три части: 40% отчисляется въ пользу Правительства, 40% процентовъ — въ пользу товарищества и 20% — въ запасный капиталъ. Всѣ необходимыя исправленія Николаевской дороги и увеличеніе ея подвижнаго состава по соглашенію съ Министерствомъ Путей Сообщенія, а также половину издержекъ, нужныхъ для расторженія контракта съ г. Уайнсомъ, товарищество принимало на себя и нужный для сего капиталъ въ 15.000,000 руб. обязывалось собрать безъ всякой гарантіи Правительства.

Если принять въ соображеніе, что запасный капиталъ можетъ расходоваться только на развитіе перевозочной силы дороги и на увеличеніе ея цѣнности различными капитальными приспособленіями, а также на расходы экстренные, не входящіе въ число расходовъ эксплуатаціи, т. е. на такіе расходы, которые, за неимѣніемъ запасныхъ капиталовъ, дѣлаются изъ дополнительныхъ облигаціонныхъ, то ясно, что отчисляемый запасный капиталъ принадлежитъ не обществу и его членамъ, которые не могутъ имъ воспользоваться, а дорогѣ, составляющей собственность государства и потому эти 20% чистаго дохода, отдѣляемые въ запасный капиталъ, могутъ быть разсматриваемы какъ принадлежащіе Правительству.

Такимъ образомъ московское товарищество не только не требовало никакой гарантіи дохода Николаевской дороги, но само гарантировало Правительству наименьшій доходъ въ 7.500.000 руб., что и обезпечивало особымъ залогомъ, размѣръ котораго предоставляло опредѣлить Правительству. Принимая же въ соображеніе, что обязательный взносъ Главнаго Общества опредѣлявшійся въ размѣрѣ

6.000,000 металлическихъ рублей окончательно утвержденъ въ 7.200,000 руб. кредитныхъ, оказывается, что платежъ московскаго товарищества превышалъ платежъ Главнаго Общества на 300,000 руб. въ годъ, что въ теченіи 10 лѣтъ составило бы 3 мил. руб. Присоединяя же къ тому недоплаченные Главнымъ Обществомъ въ первые десять лѣтъ пять мил. руб., и другіе 5 мил. отчисленные на составленіе оборотнаго капитала Николаевской дороги, чего не требовало товарищество московскихъ капиталистовъ (см. балансъ общества за 1877 годъ) оказывается, что при передачѣ дороги московскому товариществу Государственное Казначейство получило бы за это время 13 мил. рублей болѣе, и кромѣ того не выдало бы 13¹/₄ мил. руб. на приведеніе дороги въ порядокъ. А за тѣмъ въ настоящее время Правительство стало бы получать 60% избытка дохода, который не шелъ бы на уплату долга Главнаго Общества.

Тѣмъ не менѣе Министерство Финансовъ находило подобное предложеніе неудобнымъ и утверждало что „предложеніе московскихъ купцовъ, основанное на томъ ошибочномъ предположеніи, что Правительство можетъ выпустить еще на 75 мил. руб. облигацій отъ одной Николаевской дороги, представляетъ собою только расчетъ на возвышеніе чистаго дохода съ дороги; они предлагаютъ Правительству не что другое, какъ долгосрочную аренду“.

Подобное мнѣніе Министерства положительно не выдерживаетъ критики. Мы видѣли, что первый выпускъ облигацій на 75 мил. руб. сдѣланъ самимъ Правительствомъ; точно также и на тѣхъ же условіяхъ сдѣланъ и второй выпускъ 26 марта 1869 года въ размѣрѣ 69 мил. Платежи по обонимъ займамъ вносятся ежегодно въ государственную роспись вмѣстѣ съ прочими долгами Правительства; кредитъ Главнаго Общества, весьма сомнительнаго свойства, тутъ рѣшительно не причемъ. Мы рѣшаемся утверждать, что мнѣніе московскаго купечества о правѣ Правительства выпустить еще на 75 мил. руб. облигацій Николаевской дороги, было вовсе не ошибочно, такъ какъ этотъ выпускъ былъ дѣйствительно сдѣланъ Правительствомъ. Чтожъ касается до того обстоятельства, что московское купечество предполагало не болѣе какъ долгосрочную аренду, то мы позволимъ себѣ предложить вопросъ: развѣ условія Главнаго Общества въ этомъ случаѣ представляютъ какой-либо другой характеръ? Въ томъ и другомъ случаѣ предполагается реализація капитала правительственными займами и ежегодный взносъ со стороны общества известной суммы дохода; слѣдовательно въ обонихъ случаяхъ долгосрочная аренда.

Вслѣдствіе своей финансовой несостоятельности Главное Общество и не могло представить условій другого рода. Московское купечество, по крайней мѣрѣ было настолько состоятельно, что гарантировало Правительству особымъ залогомъ непрѣмный доходъ и средства на приведеніе дороги въ порядокъ, а Главное Общество не могло сдѣлать ни того, ни другого. Какъ бы то ни было, но несмотря на всю очевидную невыгодность условій Главнаго Общества, Министерство Финансовъ одобрило въ своемъ докладѣ только эти послѣднія.

Между тѣмъ условіе о раздѣлѣ избытка доходовъ Николаевской дороги на основаніи § 51 устава Главнаго Общества имѣло тотъ смыслъ, что по уплатѣ всѣхъ долговъ общества Правительству, доходы Николаевской дороги, за уплатою процентовъ по облигаціямъ этой дороги, поступаютъ полностью въ пользу общества. Поддерживать такое условіе въ какомъ-либо высшемъ коллегіальномъ учрежденіи въ то время, когда всѣ другіе соискатели предлагали большее или меньшее участіе Правительства въ раздѣлѣ будущихъ доходовъ дороги, было бы крайне неудобно. Вслѣдствіе этого 19 декабря 1867 года, только за день до разсмотрѣнія этого дѣла въ Совѣтѣ Министровъ, предсѣдатель совѣта Главнаго Общества обращается съ письмомъ на имя Министра Финансовъ, въ которомъ предлагаетъ поправку къ сдѣланнымъ имъ предложеніямъ. Изъ этого письма оказывается, что совѣтъ представленныя имъ условія всегда понималъ въ томъ смыслѣ, что половина доходовъ Николаевской дороги должна принадлежать Правительству въ теченіи всего срока концессіи, хотя бы долгъ общества Правительству былъ уплаченъ сполна. Но такъ какъ въ § 51 устава общества сказано, что по уплатѣ долговъ общества обращеніе въ казну половины излишка сверхъ гарантированнаго дохода должно прекратиться, то это можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію. Относя это условіе только къ Варшавской и Нижегородской дорогамъ, предсѣдатель по порученію совѣта просилъ въ этомъ смыслѣ дополнить 6 пунктъ финансовыхъ условій Главнаго Общества.

Такая поправка дѣйствительно измѣняла невыгодную сторону условій, но не устраняла ее вполне, такъ какъ до уплаты долговъ общества вся сумма чистаго дохода Николаевской дороги должна была идти въ пользу общества, частію въ дивидендъ акціонерамъ, а частію на погашеніе долга общества, тогда какъ по другимъ предложеніямъ чистый доходъ по истеченіи 10 или 15 лѣтъ долженъ поступать въ раздѣлъ между Правительствомъ и обществомъ.

21 декабря 1867 года докладъ по сему дѣлу внесенъ былъ на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ, въ которомъ Государь Императоръ по выслушаніи всестороннихъ сужденій гг. членовъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: „не предрѣшая въ настоящее время ни финансовыхъ условій передачи Николаевской желѣзной дороги въ частныя руки, ни вопроса о томъ, кому именно она должна быть уступлена, возложить на обязанность Министровъ Путей Сообщенія и Финансовъ составить по соглашенію въ чемъ слѣдуетъ съ Министромъ Военнымъ и Юстиціи подробныя условія передачи дороги, относительно тарифа, сдачи дороги и имущества, порядка управленія оной и вообще всѣхъ тѣхъ условій, которыя должны быть требуемы отъ частной компаніи при передачѣ оной Николаевской дороги; составленныя такимъ образомъ условія разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ изъ означенныхъ Министровъ подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта графа Строганова 1-го и поднести черезъ Комитетъ Министровъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

Вслѣдствіе этого означенный комитетъ по разсмотрѣніи предположеній Министровъ Путей Сообщенія и Финансовъ, составилъ общія условія на уступку Николаевской дороги частному обществу, которыя вмѣстѣ съ положеніемъ о порядкѣ сдачи и приѣма дороги, вѣдомостью работамъ, предполагаемымъ на ней и прочими свѣдѣніями сообщены были всѣмъ соискателямъ, по заявленіямъ которыхъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ общихъ условій сдѣланы были измѣненія. Кроме того московское товарищество, желая точнѣе опредѣлить свои обязательства къ Правительству, представило заявленіе, что предложеніе его о взносѣ 7.500,000 руб. можетъ относиться лишь къ тому времени, когда дорога будетъ приведена въ порядокъ; въ первые же 2½ года оно можетъ вносить лишь 3.750,000 руб.

Между тѣмъ 1 марта 1868 года по Всеподданнѣйшему докладу Министра Финансовъ о томъ, что отъ четырехъ соискателей на приобрѣтеніе Николаевской дороги поступили финансовыя условія на уступку оной, Государь Императоръ изволилъ признать полезнымъ разсмотрѣть эти условія въ означенномъ комитетѣ совмѣстно съ комитетомъ финансовъ.

Заявленія г. Уайненса были представлены въ видѣ проекта устава общества, въ которомъ онъ значительно видоизмѣнилъ свои предложенія. Такъ онъ соглашался допустить раздѣлъ между Правительствомъ и обществомъ чистаго дохода Николаевской дороги за уплатой обязательныхъ взносовъ въ 6 мил. руб. металлическихъ, и въ первые 15 лѣтъ въ слѣдующемъ видѣ: въ первые 15 лѣтъ, весь

избыток дохода, во-первыхъ, обращается на уплату Правительству долга общества могущаго возникнуть вслѣдствіе гарантіи доходовъ 6 мил. руб. металлическихъ съ 4⁰/₀ въ годъ. За уплатою же этого долга отчисляется 10⁰/₀ въ пользу правленія, служащихъ и учредителя; изъ остальной суммы 30⁰/₀ идетъ въ пользу казны, а 70⁰/₀ въ дивидендъ акціонерамъ. По прошествіи же 15 лѣтъ изъ означеннаго избытка Правительство получаетъ 70⁰/₀, а остальные 30⁰/₀ распределяются такъ: 10⁰/₀ въ пользу учредителя, правленія и служащихъ, а 90⁰/₀ въ дивидендъ акціонерамъ.

При разсмотрѣніи всѣхъ предложеній соединенное присутствіе особаго комитета и комитета финансовъ нашло необходимымъ прежде постановленія окончательнаго заключенія снестись съ московскимъ товариществомъ о томъ, не согласится ли оно на нѣкоторыя измѣненія въ сдѣланныхъ имъ предложеніяхъ, вслѣдствіе сего проектъ выработанныхъ измѣненій былъ сообщенъ 20 марта 1868 года уполномоченнымъ московскаго товарищества. Эти измѣненія состояли въ слѣдующемъ:

1) Кромѣ 15 мил. руб. собрать еще капиталъ въ 10 мил. руб. и внести оный Правительству втеченіи 2¹/₂ лѣтъ въ сроки, условленные съ Министерствомъ Финансовъ; сумма эта вмѣстѣ съ означенными выше 15 мил. руб. составитъ акціонерный капиталъ общества. Въ счетъ обязательныхъ платежей (т. е. въ первые 2¹/₂ года по 3,750 тыс. руб., а въ остальные годы 7,500 тыс. руб.), засчитывать при годовичныхъ отъ товарищества платежахъ по 7⁰/₀ съ той части 10 мил. руб., которая будетъ дѣйствительно внесена въ распоряженіе Правительства.

2) На эксплуатаціонные расходы опредѣлить 50⁰/₀ валоваго сбора, пока сборъ этотъ будетъ ниже 15 мил.; когда же онъ достигнетъ этой цифры, то съ каждымъ милліономъ увеличенія валоваго сбора, расходы эксплуатаціи уменьшаются на 1⁰/₀ пока валовой сборъ не достигнетъ 19 мил. руб., а расходы не уменьшатся до 45⁰/₀, которые остаются неизмѣнными и при возрастающемъ доходѣ.

3) По истеченіи первыхъ 10 лѣтъ могущій оказаться излишекъ чистаго дохода, за отчисленіемъ опредѣленныхъ выше процентовъ на эксплуатацію, 1¹/₂⁰/₀ въ запасный капиталъ и обязательнаго ежегоднаго взноса въ казну, дѣлится между Правительствомъ и обществомъ поровну.

Вмѣстѣ съ тѣми проектированными измѣненіями въ предложеніяхъ Московскаго товарищества сообщены и совѣту Главнаго Общества 20 марта. При этомъ мы не лишнимъ считаемъ замѣтить, что пред-

положенія о тѣхъ или другихъ измѣненіяхъ въ условіяхъ Главнаго Общества другимъ сонскателямъ официально заявляемы не были, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ, служащемъ намъ источникомъ, нѣтъ никакого слѣда.

На эти заявленія получены отзывы отъ уполномоченныхъ Московскаго товарищества 27 марта, а отъ Главнаго Общества 29 марта. Отзывъ московскаго товарищества замѣчательнъ по своей правдивости и вѣрному практическому взгляду на столь серьезное предпріятіе какъ эксплуатація дороги, съ которою по количеству движенія и доходности не можетъ сравниться ни одна дорога въ мірѣ. Чтобы читатель не могъ упрекнуть насъ въ голословности нашего мнѣнія объ этомъ отзывѣ, мы выписываемъ буквально его содержаніе. „Устройство Николаевской дороги, говорятъ уполномоченные, имѣетъ столь существенное вліяніе на ходъ промышленной и торговой дѣятельности большей части членовъ нашего товарищества, что они интересуются устройствомъ этой дороги не менѣе, чѣмъ выгодностію помѣщенія капитала въ это предпріятіе. Вслѣдствіе сего, мы не можемъ не желать удержатъ за собою эту дорогу и вполне готовы, по мѣрѣ силъ исполнить всѣ требованія Правительства; но тѣмъ не менѣе, считая недобросовѣстнымъ принять на себя обязательство, въ точномъ исполненіи котораго мы не были бы вполне увѣрены, мы не можемъ принять безусловно всѣхъ замѣчаній комитета и вынуждены представить слѣдующія обстоятельства и соображенія. При настоящемъ положеніи денежнаго рынка, сборъ значительнаго капитала, посредствомъ публичной подписки на акціи безъ гарантіи Правительства — вообще едва ли возможенъ; для предпріятія же, настоящая доходность котораго далеко не соответствуетъ условіямъ сдѣланнаго нами предложенія, онъ положительно немыслимъ. А потому до приведенія дороги въ полную исправность и до указанія опыта, что сдѣланныя нынѣ соображенія на счетъ стоимости устройства дороги вѣрны и что доходность ея должна быть не менѣе предполагаемой нами, мы по необходимости должны оставаться въ предѣлахъ тѣснаго кружка лицъ, составляющихъ наше товарищество. Лица эти были бы несправдливо, если бы рѣшились ручаться передъ Правительствомъ, въ томъ, что они собственными средствами и притомъ въ короткій срокъ могутъ увеличить складочный капиталъ товарищества до 25 милліоновъ. Вслѣдствіе сего, изъявляя готовность на увеличеніе нашего капитала противъ сдѣланнаго нами предложенія еще на 10 милліоновъ руб., на изложенныхъ въ постановленіи комитета основаніяхъ,

мы не можем стѣснить себя краткимъ срокомъ и вынуждены ходатайствовать о разрѣшеніи намъ внести Правительству требуемыя имъ 10 мил. руб. по равнымъ частямъ въ теченіи пяти лѣтъ, начиная съ третьяго года со времени передачи дороги. При семъ намъ должно быть предоставлено право преобразовать наше товарищество въ акціонерное общество, когда мы признаемъ это нужнымъ. За тѣмъ мы вполне подчиняемся постановленію комитета по другимъ двумъ пунктамъ“.

Принимая въ соображеніе личный составъ товарищей, нельзя не согласиться, что успешное передвиженіе грузовъ по Николаевской дорогѣ для частныхъ дѣлъ почти всѣхъ соучастниковъ имѣетъ огромное значеніе и трудно разрѣшить вопросъ что для нихъ важнѣе — хорошій ли дивидендъ на предположенный къ сбору капиталъ въ 25 милліоновъ рублей, или такое устройство и управленіе дороги, которыя отвѣчали бы всѣмъ потребностямъ движенія. На этомъ основаніи интересы московскаго товарищества вполне совпадали съ интересами цѣлой Россіи. Съ другой стороны, нельзя не отдать справедливости той осторожности, съ которой отнёслось товарищество къ предстоявшимъ ему обязанностямъ. Какъ ни важно было для товарищества принять дорогу въ свое вѣдѣніе въ виду ея значенія для дѣлъ почти каждаго изъ товарищей, а также въ виду тѣхъ выгодъ, которыя они могли получить въ будущемъ, тѣмъ не менѣе, вполне понимая положеніе рынка, они не рѣшились обнадёживать Правительство, что успѣютъ въ короткій срокъ собрать требуемый капиталъ, хотя по бывшимъ уже и тогда примѣрамъ, они могли рассчитывать на нѣкоторыя отсрочки и измѣненія условій *ex viду непредвидѣнныхъ событій*, отыскать которыя всегда возможно. Не смотря однако на это, московское товарищество было на столько добросовѣстно, что предъявило такія условія, въ возможности исполненія которыхъ оно было убѣждено. Если московское товарищество не предлагало Правительству большихъ выгодъ при раздѣлѣ избытка дохода по истеченіи 10 лѣтъ, то повидимому это произошло единственно потому что раздѣлъ по равной части былъ предложенъ самимъ Правительствомъ и конечно было бы странно, еслибъ товарищество по собственному почину предложило увеличить долю Правительства, которое вовсе того не требовало. Между тѣмъ, имѣя въ виду предложеніе г. Уайненса о предоставленіи въ пользу Правительства въ теченіи послѣднихъ 69 лѣтъ 70% избытка доходовъ противъ обязательныхъ платежей, Правительство имѣло полное основаніе предложить это условіе товариществу, которое, конечно, не от-

казалось бы принять его тѣмъ болѣе, что оно сомнѣвалось въ своихъ силахъ только при началѣ дѣла и вполне вѣрило въ успѣхъ его въ будущемъ.

Совѣтъ другое отношеніе къ дѣлу мы видимъ въ отзывѣ совѣта Главнаго Общества. Здѣсь главное вниманіе обращено на то, чтобъ не подвергнуть какому нибудь риску нынѣшняго положенія акціонеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получить въ свою пользу известную часть избытка доходовъ дороги. „Совѣтъ Главнаго Общества, какъ значится въ отзывѣ, пересмотрѣлъ финансовыя условія передачи Николаевской дороги съ цѣлію обсудить не представляется ли возможнымъ улучшить эти условія въ пользу правительства, совмѣстно съ достаточнымъ заинтересованіемъ акціонеровъ Главнаго Общества въ успѣхѣ дѣла. При этомъ совѣтъ исходилъ изъ той точки зрѣнія, что, сохраняя за собою неприкосновенною дарованную ему гарантію по Варшавской и Николаевской линіямъ и, слѣдовательно, не подвергая нынѣшняго своего положенія никакому риску, Главное Общество можетъ ожидать себѣ прибыли отъ передачи ему Николаевской дороги лишь тогда, если оно само приобрѣтетъ ее благоразумнымъ управленіемъ сего новаго, совершенно отдѣльнаго предпріятія“.

Въ переводѣ на общепонятный языкъ этого отзыва оказывается, что совѣтъ желалъ оставить на ответственности Правительства не только всю реализацію капитала, которую нужно было заплатить за дорогу, но и доставленіе ему средствъ какъ для приведенія дороги въ порядокъ, такъ и для уплаты обязательнаго взноса 6 мил. металлическихъ, если для полученія таковыхъ *благоразумнаго управленія* будетъ недостаточно. За таковыя обязательства, которыя представляются совершенно неопредѣленными и вовсе ни чѣмъ не обезпеченными, слѣдовательно фиктивными, совѣтъ выговариваетъ себѣ часть избытка доходовъ въ случаѣ ихъ возвышенія, которое въ сущности въ предпріятіяхъ подобнаго рода является слѣдствіемъ отнюдь не благоразумнаго управленія, а просто дальнѣйшаго развитія сѣти желѣзныхъ дорогъ. Что благоразумнаго управленія совѣтъ общества до сихъ поръ не выказалъ, то это мы видимъ изъ того, что даже въ прошедшемъ 1877 году, когда валовой сборъ по Николаевской дорогѣ превысилъ 26 мил. руб., расходы эксплуатаціи поглотили почти 51%, тогда какъ Московское товарищество еще въ 1868 году обязывалось при 19 мил. валоваго сбора тратить только 45% и по всей вѣроятности тратило бы гораздо менѣе, такъ какъ Нико-

лаевская дорога по своему сооруженію и мѣстности представляетъ наиболѣе выгодныя условія эксплуатаціи.

Этимъ отзывомъ совѣтъ Главнаго Общества нашелъ возможнымъ отказать только отъ одного наиболѣе страннаго финансоваго условія, по которому доля Правительства въ избыткѣ доходовъ Николаевской дороги должна была идти на покрытіе долговъ общества Правительству, возникшихъ по сооруженію и эксплуатаціи Варшавской и Николаевской линій. Такимъ образомъ погашеніе этихъ долговъ оставлено по прежнему на половинѣ избытка доходовъ отъ этихъ линій, что даетъ возможность сравненія условій Главнаго Общества съ другими предложеніями; при существованіи же первоначальнаго условія такого сравненія дѣлать было невозможно, такъ какъ Главное Общество при этомъ условіи могло предоставить Правительству весь доходъ Николаевской дороги и вмѣстѣ оставить его за собою.

Что особенно поражаетъ въ условіяхъ Главнаго Общества, такъ это отсутствіе всякихъ гарантій со стороны общества въ исполненіи имъ своихъ обязательствъ, даже нѣтъ того условія, какое представляли товарищества Полякова и Московскаго купечества, т. е. взносъ части сбора по мѣрѣ его поступления и обезпеченіе этого взноса извѣстнымъ залогомъ. Означенное условіе мы считаемъ особенно важнымъ, такъ какъ общество при отсутствіи этого условія можетъ безпрепятственно оставлять суммы, слѣдующія Правительству у себя въ кассѣ и тратить ихъ на свои нужды. Мы обращаемъ на это обстоятельство особенное вниманіе на томъ основаніи, что при дальнѣйшемъ обсужденіи передачи дороги, на этотъ вопросъ вовсе не было обращено вниманія, между тѣмъ какъ дѣла Главнаго Общества были вовсе не въ такомъ блестящемъ положеніи, чтобъ обязательства его не требовали матерьяльныхъ гарантій. Необходимость подобной осторожности вполне подтвердилось слѣдующимъ опытомъ. Стоитъ только взглянуть на балансъ общества къ 1-му января истекшаго года, чтобъ убѣдиться въ томъ, что Главное Общество не исполняло, не исполняетъ и не имѣетъ средствъ исполнить принятыхъ имъ на себя по финансовымъ условіямъ обязательствъ.

Не говоря уже о томъ, что Главное Общество по сооруженію Варшавской и Нижегородской линій и по выдачи гарантій состоитъ въ долгу у Правительства, который къ концу 1877 года доходилъ до 122.354,762 руб. и увеличился въ теченіи 1877 года на 2.602,099 руб.; не говоря уже о томъ, что изъ доходовъ Николаевской дороги отчислена сумма въ 5.302,703 руб. на образованіе обратнаго капитала дороги, отчисленіе котораго вовсе не вхо-

дѣло въ финансовыя условія Главнаго Общества; достаточно указать на статьи въ 5.513,825 руб. невыплаченныхъ обществомъ изъ числа причитавшихся Правительству доходовъ Николаевской дороги за прежнее время, чтобъ придти къ заключенію о нарушеніи Главнымъ Обществомъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Наконецъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что общество не имѣетъ возможности выполнить свое обязательство въ отношеніи Правительства за 1877 годъ. По балансу на 31 декабря 1877 года всѣхъ суммъ какъ наличныхъ такъ и по счетамъ всѣхъ дебиторовъ общества оно имѣетъ въ активѣ 10.487,922 руб., между тѣмъ по пассиву общества сумма всѣхъ обязательныхъ для общества платежей, а также капиталовъ съ спеціальнымъ назначеніемъ, которые должны быть всегда на лицо, доходить до 15.818,164 руб. Въ этой суммѣ мы не считаемъ вышеозначенной недоплаченной Правительству суммы изъ доходовъ Николаевской дороги въ 5.513,825 руб. На этомъ основаніи мы утверждаемъ, что у общества не имѣется средствъ выплатить Правительству его долю чистой прибыли за 1877 годъ, которая показана по отчету въ количествѣ болѣе 4 мил. руб. Если же принять въ соображеніе долгъ общества Правительству, возникшій вслѣдствіе удержанія обществомъ прибылей, приходящихся на долю Правительства по одной Николаевской дорогѣ, то окажется, что эта доля возрасла за время владѣнія дорогою Главнымъ Обществомъ до цифры 14.870,491 руб. Отсюда ясно что Главное Общество отнюдь не отличается *благоразумнымъ управленіемъ*, которое должно было принести ему выгоды. Слѣдовательно мы имѣли полное право сказать что Главное Общество не исполняло и не исполняетъ принятыхъ имъ по финансовымъ условіямъ обязательствъ, и затрачиваетъ суммы, слѣдующія Правительству на свои надобности.

Въ виду такого положенія дѣлъ, кажется очень страннымъ, что при передачѣ Николаевской дороги Главному Обществу не было и вопроса объ обезпеченіи исправнаго исполненія обязательствъ со стороны общества, тогда какъ при разсмотрѣніи условій московскаго товарищества вопросъ этотъ обращалъ на себя особенное вниманіе и товарищество предложило по собственному почину нѣсколько гарантій своей исправности. Такъ оно обезпечивало залогомъ въ 3.000,000 руб. образованіе своего складочнаго капитала, обязывалось вносить 50% валоваго сбора по мѣрѣ его поступленія въ сроки назначенные Правительствомъ и обезпечить этотъ взносъ залогомъ трехтысячнаго его количества. Тѣмъ не менѣе по разсмотрѣніи послѣдняго отзыва товарищества, которымъ оно соглашалось на всѣ

требованія Правительства и ходатайствовало только о разсрочкѣ взноса потребованныхъ Правительствомъ 10 мил. руб., на которые долженъ былъ увеличиться складочный капиталъ товарищества, Министерство Финансовъ, не внося вопроса на разсмотрѣніе соединеннаго присутствія, сочло нужнымъ потребовать отъ товарищества новаго обезпеченія его состоятельности, соглашаясь при этомъ на извѣстную разсрочку взноса означенныхъ 10 мил. рублей. Въ предложеніи Министерства на имя уполномоченныхъ товарищества отъ 3 апрѣля 1868 года, заявлены слѣдующія измѣненія въ условіяхъ товарищества:

1) Сроки взносовъ изъ 10 мил. складочнаго капитала опредѣлены въ слѣдующемъ видѣ:

въ 1868 году при сдачѣ дороги	1.000,000 руб.
” 1869 } по 250,000 руб. въ треть	1.500,000 ”
” 1870 }	
” 1871 }	
” 1872 } по 500,000 въ треть	7.500,000 ”
” 1873 }	
” 1874 }	
” 1875 }	
Итого	10.000,000 руб.

2) Въ обезпеченіе дѣйствительнаго исполненія обязательныхъ исправленій дороги товарищество обязывалось представить залогъ въ 2.000,000 руб. $\frac{1}{2}$ бумагами, изъ которыхъ половина освобождалась по мѣрѣ исполненія всѣхъ принятыхъ обществомъ обязательствъ по устройству дороги, а другая оставалась до полного взноса 10 мил. руб.

3) Общество обязывалось внести на текущій счетъ въ сроки, указанные товариществомъ, всю сумму, потребную на приведеніе дороги въ исправное положеніе; деньги эти должны были расходоваться подъ надзоромъ Правительства единственно на предметъ назначенія.

4) Въ случаѣ неисправности общества и отобранія отъ него дороги, министерство нашло нужнымъ общія условія передачи дороги въ которыхъ опредѣляется способъ вознагражденія общества за вычетомъ его долговъ дополнить слѣдующимъ образомъ: „къ долгу общества Правительству причисляется: а) въ случаѣ нарушенія договора прежде окончанія исправленія дороги весь собранный обществомъ чистый доходъ, за исключеніемъ внесенныхъ имъ въ казну суммъ какъ по ежегоднымъ платежамъ въ 3.750,000 такъ и на дополнительномъ условленномъ 10 мил. руб. и б) въ случаѣ нарушенія контракта послѣ окончанія помянутыхъ исправле-

ній, но до полного взноса условленныхъ 10 мил. руб. не внесенная еще правительству часть помянутыхъ 10 мил. руб. Изъ этого послѣдняго условія видно, что кромѣ обезпеченія своей исправности установленнымъ залогомъ, неисправность общества должна была вести за собою и потерю 10 мил. рублей изъ складочнаго капитала.

Ничего подобнаго мы не видимъ въ условіяхъ Главнаго Общества: никакихъ гарантій и обязательствъ съ него не требовалось, напротивъ съ него снималась всякая обязанность реализаціи какихъ бы то ни было суммъ; ему представлялись всѣ средства для веденія дѣла, для исправленія дороги и для расторгненія невыгоднаго контракта съ Уайненсомъ. Между тѣмъ отъ московскаго общества требовалось образованіе складочнаго капитала въ 25 мил.; обезпеченіе залогомъ въ 2.000,000 руб. своей исправности; взноса всей суммы на исправленіе дороги въ извѣстные сроки на текущій счетъ въ государственный банкъ; наконецъ потери не только залоговъ, но и суммы въ 10 мил. руб. въ случаѣ неисправности. Въ виду такихъ условій позволительно предложить вопросъ: неужели общество московскихъ капиталистовъ, къ которому принадлежали наиболѣе богатныя фирмы въ Москвѣ, — общество, обязавшееся составить складочный капиталъ въ 25 мил. руб. имѣло меньшее финансовое значеніе, нежели Главное Общество, которое было въ неоплатномъ долгу у Правительства, за который оно не только ни было въ состояніи уплачивать процентовъ, но постоянно пользовалось новыми субсидіями Правительства для платежа процентовъ по своему основному капиталу? По мнѣнію самого министерства финансовъ, на которое мы указывали вначалѣ нашей статьи, Главное Общество не имѣло никакого финансоваго значенія, почему же, спрашивается, теперь оно могло имѣть больше довѣрія, чѣмъ общество московскихъ капиталистовъ?

Но этого мало; здѣсь представляется много вопросовъ, отвѣчать на которые очень трудно; такъ напримѣръ: 1) почему министерству было необходимо требовать отъ московскаго товарищества увеличенія акціонернаго капитала и взноса 10 милліоновъ рублей разсроченныхъ на 8 лѣтъ, въ общей сложности по 1.260,000 руб. въ годъ и при томъ независимо отъ доходности дороги, а въ видѣ займа по 7% которые общество могло удерживать изъ суммы обязательныхъ платежей? 2) Зачѣмъ нуженъ былъ залогъ въ 2 мил. рублей, когда общество обязывалось внести сумму въ 10 мил. рублей, нужную для исправленія дороги на текущій счетъ въ государственный банкъ и обезпечивало это обязательство залогомъ въ

3 мил. рублей? 3) Неужели можно было серьезно думать, что передача Николаевской дороги обществу московскихъ капиталистовъ уничтожаетъ возможность новаго выпуска облигацій Николаевской дороги, которыя представляютъ собою обыкновенный государственный заемъ и ничего болѣе? Вглядываясь внимательно во всё эти вопросы, невольно приходишь въ недоумѣніе почему московскому обществу не были предложены тѣ же самыя условія, какъ и Главному Обществу и для чего нужна была такая разниа въ условіяхъ? Если при уступкѣ Главному Обществу реализація капитала могла быть принята на себя Правительствомъ, то почему же это было невозможно при уступкѣ московскому товариществу, которое было гораздо состоятельнѣе, чѣмъ Главное Общество и принимало на себя приведеніе линіи въ исправное состояніе, чѣмъ облегчало задачу Правительства. Кромѣ того оно принимало на себя половину расходовъ по прекращенію контракта съ Уайннсомъ.

Тѣмъ не менѣе московское товарищество подчинилось и этимъ требованіямъ и въ отзывѣ своихъ уполномоченныхъ отъ 7 апрѣля 1868 года просило только о томъ, чтобъ взносъ перваго милліона рублей въ число 10 мил. руб. позволено было ему внести не при самой сдачѣ дороги, а въ теченіи 1868 года, обуславливая эту просьбу тѣмъ, что первые взносы необходимы для выдачи задатковъ по подрядамъ и заказамъ, и за тѣмъ о возвратѣ всего залога по приведеніи линіи въ порядокъ, такъ какъ это исправленіе и сдѣланные уже Правительству къ тому времени взносы будутъ достаточно вѣрнымъ ручательствомъ за исправность общества. Эти послѣднія оговорки такъ незначительны, что ни въ какомъ случаѣ не могли служить препятствіемъ для принятія предложеній товарищества, которое соглашаясь на всё существенныя условія, предложенныя ему самимъ правительствомъ, повидимому имѣло право рассчитывать на успѣхъ.

Въ такомъ видѣ всё предложенія соискателей были внесены въ соединенное присутствіе особаго комитета совместно съ комитетомъ финансовъ. Предложеніе г. Полякова, какъ основанное на увеличеніи правительственной гарантіи и слѣдовательно на излишнемъ выпускѣ бумагъ, было отклонено единогласно. Точно также единогласно было отклонено и предложеніе г. Уайннса. Но въ этомъ отношеніи приведенные мотивы, какъ намъ кажется, не выдерживаютъ критики. Существеннымъ возраженіемъ противъ этого предложенія послужило, во-первыхъ то, что акціонерный капиталъ общества былъ опредѣленъ номинально въ 15.625,000 руб. металлическихъ, дѣйствительный же капиталъ общества за уступкою при

подпискѣ 17 руб. на акцію въ 125 руб. оказывался въ 13½ мил. руб. метал., между тѣмъ общество принимало на себя обязательство употребить на приведеніе дороги въ порядокъ всего 11.500,000 р. металлическихъ, слѣдовательно въ пользу общества могло оставаться значительное сбереженіе. Такое мнѣніе едва ли основательно, такъ какъ общество, чтобъ вести такое дѣло, какъ эксплуатація Николаевской дороги, необходимо должно было имѣть запасныя средства въ видѣ оборотнаго капитала, помимо того имущества и запасовъ, которые оно могло получить отъ Правительства вмѣстѣ съ передачей ему дороги, и сумма въ два милліона руб. метал. для этой цѣли вовсе не представляется преувеличенной, тѣмъ болѣе, что послѣдующій опытъ показалъ, что Главному Обществу для этой цѣли потребовалось болѣе пяти милліоновъ руб. кредитныхъ. Другимъ возраженіемъ противъ принятія этого предложенія послужило отношеніе акціонернаго капитала къ облигаціонному, такъ какъ сумма выпущенныхъ въ 1867 г. облигацій вмѣстѣ съ суммою новаго выпуска на платежъ по которымъ процентовъ и погашенія Уайненсъ предлагалъ ежегодный взносъ 2.047,026 руб. метал. превосходилъ бы въ 7 или 8 разъ сумму акціонернаго капитала, что совершенно несогласно съ принятымъ вообще правиломъ и по мнѣнію Министерства Финансовъ не могло быть допускаемо. Такъ какъ мы уже неоднократно говорили, что облигаціи Николаевской желѣзной дороги 1867 и 1869 годовъ вынуждены за счетъ Государственнаго Казначейства, и платежъ на нихъ процентовъ вносится въ государственную роспись наравнѣ съ другими государственными займами, то подобное возраженіе представляется совершенно фиктивнымъ. Сравнивая же финансовыя условія этого предложенія съ условіями Главнаго Общества нельзя не замѣтить, что предложенія г. Уайненса были гораздо выгоднѣе. Прежде всего оказывается, что Правительство при реализаціи новаго выпуска облигацій какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ получало одинаковую сумму. Хотя по предложенію Уайненса оно получило бы 30 мил. метал., а по предложенію Главнаго Общества 41 мил. (принимая условія займа 1867 года); но такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ Правительство обязывалось отпустить Главному Обществу на приведеніе дороги въ порядокъ 13.250,000 руб. кредитныхъ, что по тогдашнему курсу составляло тѣже 11 мил. метал., то въ этомъ отношеніи разницы между двумя предложеніями нѣтъ никакой и сумма испрашиваемой гарантіи чистаго дохода была также одинакова съ 6 мил. руб. металлическихъ. Но на сторонѣ г. Уайненса было то преимущество, что въ случаѣ приплаты Правительствомъ гарантированнаго

дохода сумма эта возвращается изъ первыхъ избытковъ чистаго дохода сверхъ 6 мил. руб. метал., тогда какъ по условіямъ Главнаго Общества эта приплата возврату Правительству не подлежитъ. Затѣмъ Уайненсъ предлагалъ въ первые 15 лѣтъ изъ избытка чистаго дохода сверхъ 6 мил. метал. въ пользу Правительства только 30%, а въ послѣдніе 69 лѣтъ 70%, тогда какъ Главное Общество предлагало изъ означеннаго избытка 75% до тѣхъ поръ, пока существуетъ приплата по гарантіи дохода Варшавской и Николаевской дорогъ, а затѣмъ половину. Если такимъ образомъ Главное Общество предлагало болѣе выгодныя условія на первое время, то эта невыгода въ предложеніи Уайненса выкупалась гораздо большими выгодами впослѣдствіи, такъ что, не принимая въ соображеніе дальнѣйшаго увеличенія доходности дороги на прошествіи первыхъ 15 лѣтъ, общая сумма платежей Уайненса въ теченіи всего срока концессіи была бы слишкомъ вдвое болѣе въ сравненіи съ суммою платежей Главнаго Общества. Но самая существенная выгода для даннаго момента состояла въ томъ, что г. Уайненсъ отказывался отъ всякаго вознагражденія за расторгненія его контракта по ремонту подвижнаго состава въ случаѣ принятія его предложеній. Чтобъ вполне оцѣнить значеніе этого обстоятельства мы должны сказать, что по условію о расторгненіи этого контракта съ 1 октября 1869 года, т. е. за два и 9 мѣсяцевъ до наступленія срока, въ который Правительство имѣло право нарушить контрактъ, заплачено г. Уайненсу неустойки 5.500,000 руб. и сверхъ того Главное Общество принуждено было принять отъ него запасныхъ частей и разнаго имущества, на сумму въ 1.500,000 руб., между тѣмъ какъ все это имущество, какъ показывалъ впослѣдствіи совѣтъ Главнаго Общества, состояло изъ вещей почти вовсе ему ненужныхъ. Если къ этому прибавить, что вслѣдствіе непринятія предложеній г. Уайненса, прекращеніе дѣйствія контракта его на ремонтъ подвижнаго состава замедлилось слишкомъ на годъ и что въ это время переплачено ему излишнихъ по крайней мѣрѣ 2 мил. рублей, то вся потеря отъ непринятія его предложенія можетъ считаться въ 9 мил. рублей.

На этомъ основаніи, намъ кажется, что главный мотивъ отклоненія предложеній г. Уайненса состоялъ не въ томъ, что эти предложенія были невыгодны, а въ томъ, что Правительство не желало входить съ г. Уайненсомъ въ новыя обязательства. Въ журналѣ соединеннаго присутствія есть на это указаніе: *«неудовлетворительное отношеніе, говорится въ немъ, чистаго дохода къ валовому на Николаевской дорогѣ въ прямой зависимости отъ подвижнаго*

состава, построеннаго Уайнсомъ на Александровскомъ заводѣ и тяжкихъ условій ремонта» затѣмъ далѣе сказано: «нельзя не обратить особеннаго вниманія на прежнія и настоящія отношенія Уайненса къ Николаевской дорогѣ: послѣ столь продолжительнаго опыта и тяжкихъ для Государства потерь, едва ли можно подвергнуть Николаевскую дорогу на 84 года американской системѣ эксплуатаціи».

Замѣтимъ мимоходомъ, что выраженіе „американская система эксплуатаціи“ едва ли удачно, такъ какъ оба контракта съ Уайнсомъ заключены у насъ въ Россіи и строго говоря не могутъ быть названы американской системой эксплуатаціи. Если они и представляютъ собою какую либо систему эксплуатаціи то чисто русскую, тѣмъ болѣе, что конечно ни въ западной Европѣ, ни въ Америкѣ такія условія были бы невозможны по многимъ причинамъ. Во всякомъ случаѣ, мы вполне понимаемъ нежеланіе членовъ соединеннаго присутствія вступать въ новые договоры съ г. Уайнсомъ, который такъ хорошо умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Но дѣло въ томъ, что при всемъ желаніи не имѣть съ г. Уайнсомъ дѣла, Правительство не достигло своей цѣли. Девять милліоновъ рублей, полученныхъ г. Уайнсомъ за расторженіе контракта и за ремонтъ подвижнаго состава въ 1869 году дали ему возможность сдѣлаться главнымъ акціонеромъ Главнаго Общества и прибрать къ своимъ рукамъ не только Николаевскую, но и остальные дороги Главнаго Общества. Отдѣлаться отъ г. Уайненса Правительство могло только въ томъ случаѣ, еслибъ передало дорогу московскому товариществу и всего вѣрнѣе не заставляя его увеличивать акціонерный капиталъ, взносъ котораго былъ распределенъ между товарищами. Вслѣдствіе этого для г. Уайненса было бы невозможно войти въ это товарищество или получить въ средѣ его какое либо значеніе. Совсѣмъ въ другомъ видѣ представлялось дѣло когда дорога переходила въ руки Главнаго Общества, акціи котораго на сумму въ 75 мил. руб. находились въ свободномъ обращеніи на всѣхъ европейскихъ биржахъ и стояли въ то время гораздо ниже своей номинальной цѣны. Скупить ихъ на 9 милліоновъ рублей въ однѣ руки, — это значило завладѣть вполне всѣми дѣлами Главнаго Общества. Помѣшать подобному предпріятію Правительство не могло и можно сказать съ увѣренностію, что оно его не предвидѣло, — хотя въ обществѣ въ то время, насколько мы можемъ припомнить, передавались слухи, что г. Уайненьсъ даже и не скрывалъ своихъ намѣреній и прямо говорилъ, что если

Николаевская дорога не будет ему сдана, то онъ будетъ владѣльцемъ всѣхъ дорогъ Главнаго Общества.

При дальнѣйшемъ сравненіи предложеній Главнаго Общества и московскаго товарищества голоса членовъ соединеннаго присутствія раздѣлились. Шесть членовъ высказались за передачу Николаевской дороги московскому товариществу, а восемь членовъ за передачу ея Главному Обществу. Первые находили, что московское товарищество при наличномъ капиталѣ въ 25 мил. руб. могло пользоваться гораздо большимъ кредитомъ, чѣмъ Главное Общество, обремененное значительнымъ долгомъ Правительству. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться. Все имущество Главнаго Общества состояло изъ двухъ линій въ 1617 верстѣ длиною, которыя, не получая еще въ то время гарантированной суммы дохода, представляли собою цѣнность только по стоимости сооруженія, что не могло превышать 50,000 руб. метал. за версту, или по тогдашнему курсу около 58,000 кредитныхъ всего 93.786,000 руб., вычитая изъ этой суммы облигаціонный капиталъ общества, составлявшій въ то время 37.359,625 руб. метал. или 43.315,507 рублей кредитныхъ оказывается, что принадлежащее акціонерамъ имущество представляло цѣнность не болѣе 50 мил. руб., между тѣмъ какъ видно изъ записки о положеніи дѣлъ общества представленной въ Министерство Финансовъ въ то время, долгъ общества Правительству доходилъ уже до 71.193,190 рублей, не считая процентовъ. Если же исключить долгъ по выдачѣ гарантіи дохода, и принять лишь долгъ на сооруженіе дорогъ, то онъ равнялся 39.598,586 руб. слѣдовательно акціонернаго капитала въ дѣйствительномъ имуществѣ общества состояло только съ небольшимъ 10 мил. руб. Отсюда ясно, что номинальная цифра акціонернаго капитала была чисто фиктивная: она была затрачена во время сооруженія дороги совершенно непроизводительнымъ образомъ.

Главные доводы меньшинства за передачу дороги московскому товариществу состояли въ томъ, что платежи его были для него обязательны и обезпечивались особыми залогами, а устройство дороги производилось на средства товарищества, тогда какъ Главное Общество, не затрачивая никакихъ средствъ, обязывалось платить условленную сумму лишь въ той мѣрѣ, насколько позволитъ это чистый доходъ отъ Николаевской дороги. Кромѣ того меньшинство полагало, что новый выпускъ облигацій въ размѣрѣ какой признанъ будетъ нужнымъ возможенъ при передачѣ дороги и московскому товарище-

ству, такъ какъ платежъ процентовъ по этимъ облигаціямъ вполнѣ обеспечивается доходомъ.

Что же касается мнѣнія большинства, то оно преимущественно основывалось на необходимости соразмѣрять цифру облигаціоннаго капитала съ акціонернымъ и, не обращая вниманія на фиктивность акціонернаго капитала Главнаго Общества, въ сущности составлявшаго не болѣе 10 мил. руб., совпадало съ мнѣніемъ Министерства Финансовъ состоявшаго въ томъ, что при предоставленіи Николаевской дороги Главному Обществу, возможенъ новый выпускъ облигацій, при уступкѣ же московскому товариществу такого выпуска допущено быть не можетъ. Затѣмъ большинство полагало, что подобная уступка улучшить доходность другихъ дорогъ общества и тѣмъ облегчить, а вполнѣ и вовсе прекратить доплаты по гарантіи дохода этихъ дорогъ. Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что доходность дорогъ главнымъ образомъ зависитъ отъ развитія сѣти и количества примыкающихъ путей, а соединеніе въ одномъ управленіи нѣсколькихъ дорогъ составляетъ очень незначительную экономію, которую принимать въ соображеніе при подобной операціи едва ли возможно. Въ числѣ доводовъ большинства приводилось и то обстоятельство, что какъ бы ни улучшилась отъ подобной передачи доходность другихъ дорогъ, но ожидать, чтобы означенныя дороги въ ближайшемъ будущемъ стали приносить доходъ выше гарантированнаго положительно невозможно, а вслѣдствіе этого и предположеніе о томъ, что въ близкомъ будущемъ Главное Общество будетъ получать половину избытка доходовъ невѣроятно. „Изъ объясненій представителей Главнаго Общества, сказано въ мнѣніи большинства, видно, что они сами въ этомъ такъ убѣждены, что не встрѣтять конечно препятствія обязателю передавать въ казну $\frac{3}{4}$ излишка чистаго дохода въ первые 10 лѣтъ, даже если бы приплаты по гарантіи, сверхъ всякаго ожиданія и прекратились ранѣе. „Въ этомъ предположеніи большинство не ошиблось, но только вполнѣ: представители Главнаго Общества дѣйствительно согласились вносить Правительству въ теченіи 10 лѣтъ $\frac{3}{4}$ избытка доходовъ, но приплата гарантіи продолжалась только до 1873 года. Отсюда прямо видно на сколько правильны были вообще заключенія большинства о будущемъ положеніи желѣзныхъ дорогъ. Никто не предусматривалъ ни указаннаго нами обстоятельства, ни возвышенія валоваго сбора Николаевской дороги до 26 мил. руб. Замѣчательно также мнѣніе большинства о тѣхъ гарантіяхъ, которыя предлагало московское общество для обезпеченія исправнаго исполненія принимаемыхъ имъ обязательствъ, „что ка-

сается до обязательнаго отношенія чистаго дохода къ валовому, говорится въ означенномъ мнѣнїи, то нельзя терять изъ виду, что если главное общество не достигнетъ въ эксплуатаціи тѣхъ результатовъ, которыхъ оно въ правѣ ожидать, то точно также могутъ не оправдаться и ожидаемыя выгоды московскими предлагателями отъ эксплуатаціи Николаевской дороги, а еслибъ тѣ или другіе не выручили бы изъ доходовъ суммъ, которыя они обязаны уплачивать Правительству, то Правительство не получитъ ихъ ни съ тѣхъ, ни съ другихъ, ибо ни у общества, ни у товарищества нѣтъ никакихъ средствъ кромѣ тѣхъ, которые они могутъ выручить съ дороги. Залоги же въ дѣлѣ столь огромномъ не имѣютъ значенія“.

На такія соображенія мы позволимъ себѣ замѣтить, что если держаться подобнаго взгляда, который до извѣстной степени имѣетъ свое основаніе, и проводить его послѣдовательно на практикѣ, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало передавать желѣзныхъ дорогъ частнымъ обществамъ, такъ какъ это значило бы предоставлять обществамъ все выгоды въ случаѣ успѣха и принимать на счетъ Правительства все убытки въ случаѣ противоположномъ. Затѣмъ, если это мнѣніе и имѣетъ основаніе въ томъ случаѣ, когда дорога дѣйствительно не можетъ приносить дохода, то рѣшительно не приложима къ Николаевской дорогѣ, которая по количеству валоваго дохода даже въ моментъ передачи была одною изъ первыхъ дорогъ въ мірѣ, а по удобствамъ эксплуатаціи не имѣла себѣ подобныхъ. На этомъ основаніи неполученіе ожидаемыхъ выгодъ могло произойти только отъ нерасчетливой траты доходовъ, что при условіи московскаго товарищества — вносить 50% всехъ сборовъ по мѣрѣ ихъ поступления, съ обезпеченіемъ этого поступления залогомъ за три мѣсяца впередъ, — ожидать было нельзя; точно также при этомъ условіи невозможно было предположить и другаго возможнаго, какъ показалъ опытъ, случая, что товарищество, получивъ достаточный для исполненія всехъ своихъ обязательствъ доходъ, удержало бы его въ своихъ кассахъ и употребило бы на свои нужды, такъ какъ весь избытокъ доходовъ находился бы въ распоряженіи Правительства. Товарищество могло только удержать доходы лишь за три мѣсяца, но Правительство могло получить ихъ изъ залоговъ и, въ виду нарушенія контракта, отобрать дорогу въ свое вѣдѣніе. Подобнаго случая предположить было невозможно, такъ какъ потери общества при этомъ были бы громадны, между тѣмъ какъ Правительство не теряло бы ничего.

Ко всему этому необходимо прибавить, что приведенный нами

взглядъ большинства соединеннаго присутствія на обязательства частныхъ обществъ въ отношеніи Правительства можетъ подрывать въ умахъ людей убѣжденіе о необходимости строгаго исполненія принятыхъ на себя передъ казною обязательствъ, можетъ дать поводъ думать, что Правительство всегда будетъ снисходительно къ своимъ контрагентамъ, а при такой снисходительности всегда можно найти достаточныя причины для оправданія неисполненія договоровъ. Вглядываясь ближе въ условія нашего казеннаго хозяйства вообще и желѣзнодорожнаго въ особенности, невольно приходишь къ заключенію, что такое убѣжденіе дѣйствительно существуетъ между нашими капиталистами.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу, которое изъ двухъ обществъ заслуживало наибольшаго кредита, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ меньшинства. При этомъ мы позволимъ себѣ напомнить читателю балансъ Главнаго Общества на 31-е декабря 1878 года, по которому оно состоитъ должнымъ Правительству около 15 мил. руб. изъ доходовъ Николаевской дороги. Такое положеніе дѣлъ, какъ намъ кажется есть прямое слѣдствіе того, что Главное Общество, принявъ Николаевскую дорогу, не могло представить никакого обезпеченія исправнаго исполненія своихъ обязательствъ, кромѣ своего фиктивного акціонернаго капитала. Смѣло можно сказать, что никогда не могло бы произойти такой задолженности, если бы дорога была передана московскому товариществу. Не имѣя никакихъ другихъ отношеній къ правительству и получая достаточный доходъ для точнаго исполненія своихъ обязательствъ, оно не могло имѣть никакихъ оснований, а по условіямъ взноса, и средствъ задерживать суммы, слѣдующія Правительству. Кромѣ того Правительству было гораздо удобнѣе требовать отъ товарищества буквальнаго исполненія договора, а въ случаѣ его нарушенія приступить къ отобранію дороги. Правительство при этомъ нисколько не теряло, а могло бы только выиграть, такъ какъ возрастающая доходность дороги могла возвысить арендную плату при передачѣ ея въ другія руки. Тутъ могло пострадать только товарищество, а потому оно никогда бы не рѣшилось нарушить договоръ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находилось Правительство по отношенію къ Главному Обществу. Здѣсь помимо договора на Николаевскую дорогу существовали извѣстныя отношенія по прежнимъ дорогамъ Главнаго Общества и огромный долгъ послѣдняго не только по гарантіи, но и по ссудамъ на окончаніе линій. Развивающееся движеніе по этимъ линіямъ требовало новыхъ затратъ на увеличеніе подвижнаго состава, на расширеніе станцій и

устройство запасныхъ путей, а Главное Общество не имѣло наличныхъ средствъ и ни какого кредита, ни внутренняго, ни внѣшняго. Такимъ образомъ доходы Николаевской дороги представляли для Главнаго Общества единственный источникъ, изъ котораго оно черпало средства для покрытія своихъ нуждъ и Правительство по необходимости должно было смотрѣть на подобныя заимствованія съвѣзъ пальцы, чтобъ не привести общество къ совершенной несостоятельности. Хотя подобнымъ отношеніемъ къ обществу врядъ ли можно привести дѣла его въ порядокъ и оно запутывается съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, но до сихъ поръ это вовсе не замѣчалось и, въ виду возрастающаго дивиденда по акціямъ, послѣднія возрастаютъ до цѣнъ невѣроятныхъ. Но, конечно, дѣло такъ продолжаться не можетъ. Когда нибудь нужно же будетъ потребовать отъ Главнаго Общества строгаго исполненія принятыхъ имъ обязательствъ и возвращенія суммъ, затраченныхъ изъ доходовъ Николаевской дороги.

При этомъ мы должны указать еще на одно обстоятельство: судя по послѣднему отчету Главнаго Общества, оно въ послѣдніе четыре года истратило изъ доходовъ эксплуатаціи на новыя работы и увеличеніе подвижнаго состава, т. е. на расходы вовсе не относящіяся къ расходамъ эксплуатаціи всего 7.377,272 р. 16 коп., изъ которыхъ необходимо отнести къ долгу общества Правительству по крайней мѣрѣ 75%, т. е. ту долю чистой выгоды, которая принадлежитъ Правительству по финансовымъ условіямъ передачи. Сумма эта будетъ составлять 5.532,954 руб. Такимъ образомъ, весь долгъ общества правительству по Николаевской дорогѣ составитъ болѣе 20 мил. рублей.

Намъ могутъ возразить, что увеличеніе движенія необходимо требовало подобныхъ расходовъ, а общество не имѣло никакихъ другихъ средствъ въ своемъ распоряженіи кромѣ доходовъ Николаевской дороги; Правительству же неубыточно пожертвовать частію своего дохода для возвышенія доходности дороги въ будущемъ. Но такое возраженіе не выдерживаетъ критики съ юридической точки зрѣнія, которая только и должна приниматься въ соображеніе при разрѣшеніи вопроса о договорѣ. По общимъ условіямъ передачи дороги, общество обязалось поддерживать на ней движеніе сообразно возникающимъ требованіямъ и не допуская остановки, а по финансовымъ условіямъ выговорило пособіе въ 13.250,000 руб. на приведеніе дороги въ порядокъ и на увеличеніе подвижнаго состава въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ. Никакихъ другихъ пособій ни прямо отъ казны, ни изъ доходовъ

дороги въ теченіи договорнаго срока общество себѣ не выговаривало, а потому всѣ новыя работы по расширенію станцій и увеличенію количества подвижнаго состава должно было дѣлать на свои средства безъ всякаго содѣйствія Правительства. Что же касается того обстоятельства, что Главное Общество не имѣло для этаго никакихъ средствъ, то это невѣрно. Когда акціи общества стоятъ гораздо выше номинальной ихъ цѣны, тогда не можетъ быть и рѣчи о недостаткѣ средствъ: общество можетъ сдѣлать новый выпускъ акцій и конечно охотники на приобрѣтеніе ихъ всегда найдутся. Конечно такой выпускъ понизилъ бы до извѣстной степени биржевую ихъ цѣну, но Правительству до этого, конечно, не можетъ быть никакого дѣла, такъ какъ оно не обязывалось поддерживать биржевую цѣну акцій. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, конечно, Правительство могло бы выдать обществу ссуду, но это уже другой вопросъ и можетъ быть разрѣшенъ утвердительно только въ томъ случаѣ, когда Правительство не нуждается въ средствахъ на другія болѣе настоятельныя потребности, чѣмъ поддержаніе биржевой цѣны акцій главнаго общества. Въ такомъ ли положеніи наше Государственное Казначейство, чтобъ оказывать содѣйствіе главному обществу въ исполненіи безусловно принятыхъ имъ на себя обязанностей — это мы предоставляемъ судить читателю. Въ этомъ отношеніи мы можемъ сдѣлать только одно замѣчаніе: когда по взысканію податныхъ недоимокъ употребляются строгія мѣропріятія и практикуется даже продажа крестьянскаго скота, то казалось бы вовсе не своевременнымъ отсрочивать Главному Обществу взносы срочныхъ платежей въ 15 или даже 20 мил. рублей.

Изъ всего вышесказаннаго не должно выводить заключеніе, что мы находимъ предложенія Московскаго товарищества выгодными. Принимая въ соображеніе, что эти предложенія дѣлались на 84 года, мы признаемъ ихъ также раззорительными для Государственнаго Казначейства какъ и предложенія Главнаго Общества; такъ какъ по истеченіи 10-лѣтняго срока условія обоихъ соискателей почти одинаковы. Если мы отдавали преимущество предложенію московскаго товарищества, то только потому что оно не требовало новыхъ пожертвованій отъ Правительства въ первое время и представляло извѣстныя гарантіи въ вѣрности исполненія своихъ обязательствъ, — гарантіи какъ матеріальныя, такъ и нравственныя: первыя состояли въ залогахъ и въ условіи взноса половины доходовъ по мѣрѣ ихъ поступленія, вторыя въ личномъ составѣ товарищей, которые большею частію

были сами заинтересованы въ правильной эксплуатаціи Николаевской дороги. Ничего подобнаго не представляло Главное Общество и по его финансовой несостоятельности не трудно было предполагать, что поступающіе доходы не будутъ слѣдовать своему назначенію, а для оправданія такой ихъ затраты всегда найдутся достаточныя причины. Практика подтверждаетъ наши слова какъ нельзя болѣе. Поэтому условія московскаго товарищества мы признаемъ болѣе выгодными только въ сравненіи съ условіями Главнаго Общества; но въ виду результатовъ движенія по Николаевской дорогѣ и возвышенія ея валоваго дохода до цифры 26 мил. руб., которая, какъ намъ кажется, все-таки не достигла своего высшаго предѣла, а съ другой стороны, въ виду возможности увеличенія чистаго дохода вслѣдствіе благоразумной экономіи, и удешевленія расходовъ эксплуатаціи, мы считаемъ эти условія весьма невыгодными на будущее время и въ особенности на столь продолжительный срокъ. По всей вѣроятности съ развитіемъ промышленности количество грузовъ, перевозимыхъ по высокому тарифу, будетъ постоянно увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастать и чистый доходъ дороги. Но опредѣлить заранѣе степень и время такого возрастанія, человѣческій умъ не въ состояніи, и мы думаемъ, что частное общество, принимая на себя эксплуатацію дороги, можетъ предложить только такія условія, которыя оправдываются существующимъ положеніемъ дѣлъ. На этомъ основаніи, обсуждая условія передачи эксплуатаціи дороги частному обществу можно говорить о выгоде или невыгодности ихъ только по отношенію къ ближайшему будущему; всякія же условія на отдаленный срокъ будутъ всегда невыгодны для Правительства. Другими словами мы стоимъ за контракты краткосрочные не болѣе какъ на 10 или 12 лѣтъ; но ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться, чтобы предоставленіе желѣзныхъ дорогъ частнымъ обществамъ на продолжительные сроки было выгодно; не считаемъ даже, чтобы нынѣшнее поколѣніе государственныхъ людей имѣло право стѣснять свободу будущихъ дѣятелей, такъ какъ нѣтъ возможности опредѣлить, въ какихъ обстоятельствахъ и при какомъ значеніи желѣзныхъ дорогъ придется дѣйствовать послѣднимъ.

Послѣ этого отступленія возвратимся въ изложенію нашего предмета. 17 мая 1868 года результаты совѣщаній особаго присутствія соединенныхъ комитетовъ были внесены на разсмотрѣніе Комитета Министровъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ то же время отъ совѣта Главнаго Общества и московскаго товарищества поступили

новым заявленіем, изъ которыхъ первый въ виду выраженнаго въ соединенномъ присутствіи мнѣній, что 6 мил. метал. руб. обязательныхъ для общества платежей по существовавшему курсу представляютъ сумму менѣе 7 мил. руб. кредитныхъ, обязывался вносить ежегодно сумму въ 7.200,000 руб. кредитныхъ и предоставлялъ Правительству сверхъ того $\frac{3}{4}$ чистой прибыли въ теченіи первыхъ 10 лѣтъ, хотя бы чистый доходъ другихъ дорогъ общества и покрывалъ дарованную имъ гарантію. Конечно, обязательство вносить 7.200,000 руб. кредитныхъ, вмѣсто 6 мил. руб. металлическихъ, для того времени было выгодно для Правительства, но принимая въ соображеніе то обстоятельство, что при исключительно бумажномъ денежномъ обращеніи никогда нельзя поручиться, что курсъ удержится въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится, принятіе такого предположенія едва ли можно назвать осторожнымъ. Съ своей стороны, московское товарищество при 25 мил. валоваго сбора, соглашалось принять низшею нормою расходовъ на эксплуатацію не 45, а 40% валоваго сбора, удерживать 7% съ суммы внесенной имъ въ уплату 10 мил. руб. не на все время уступки дороги, а только на первые 26 лѣтъ и наконецъ обязывалось внести на текущій счетъ въ Государственный Банкъ всю ту сумму, которая потребуется на устройство дороги въ размѣрахъ, указанныхъ Правительствомъ, хотя бы для этого нужна была сумма, превышающая ихъ складочный капиталъ.

По разсмотрѣніи всего дѣла въ Комитетѣ Министровъ 28 мая 1868 года были сдѣланы нѣкоторыя незначительныя поправки въ общихъ условіяхъ передачи дороги, а затѣмъ по вопросу о томъ, кому изъ двухъ соискателей должна быть предоставлена дорога, произошло разногласіе, причѣмъ семь членовъ находили условія Главнаго Общества болѣе выгодными, а предсѣдатель и тринадцать членовъ отдавали преимущество московскому товариществу. По Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 6-й день іюня 1868 года, дѣло это подвергнуто новому разсмотрѣнію въ засѣданіи совѣта министровъ. 8 іюня 1868 года, условія уступки Главному Обществу Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ были признаны болѣе соответствующими видамъ государственнаго хозяйства и предположенной цѣли образованія особаго денежнаго фонда, предназначеннаго исключительно на довершеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

Вслѣдствіе сего Николаевская дорога и поступила въ вѣдѣніе Главнаго Общества съ 1 сентября 1868 года.

Въ заключеніе всей исторіи передачи этой дороги въ вѣдѣніе

частнаго общества намъ остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ переговорахъ, которые происходили съ г. Уайннесомъ о расторженіи заключеннаго съ нимъ контракта на ремонтъ подвижнаго состава, о новомъ дополнительномъ выпускѣ облигацій и наконецъ о заключеніи формальнаго договора съ Главнымъ Обществомъ по эксплуатаціи Николаевской дороги на основаніи утвержденныхъ общихъ и частныхъ финансовыхъ условій, принятыхъ и предложенныхъ обществомъ.

Что касается до переговоровъ съ г. Уайннесомъ, то они замѣчательны въ томъ отношеніи, что продолжались болѣе года и были ведены со стороны правительственныхъ органовъ безъ энергіи. Получивъ извѣщеніе объ утвержденіи дороги за Главнымъ Обществомъ г. Уайннесъ отказался входить съ совѣтомъ его въ какія либо сношенія, отрицая всякое право Правительства на передачу правъ собственности на дорогу кому либо въ продолженіи заключеннаго съ нимъ контракта, безъ его на то согласія. Точно также онъ отрицалъ и право Правительства на расторженіе заключеннаго съ нимъ договора безъ его согласія, — расторженіе, выговоренное въ финансовыхъ условіяхъ Главнаго Общества.

Анализируя эти вопросы съ юридической точки зрѣнія необходимо замѣтить, что право собственности, вытекающее изъ договора, выражается въ томъ же свободномъ распоряженіи собственностію, какъ и всякое другое. Слѣдовательно одна изъ договаривающихся сторонъ можетъ всегда передать свое право другому лицу, возложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ на это лицо и свои обязанности, связанныя съ этимъ правомъ. Единственное право, которое принадлежитъ въ этомъ случаѣ другой договаривающейся сторонѣ, это требовать вознагражденія убытковъ, произшедшихъ отъ такой передачи. Всякое ограниченіе права передачи исполненія договора другому лицу для того, чтобы быть дѣйствительнымъ, должно быть оговорено въ самомъ договорѣ, право же на передачу присуще каждой сторонѣ, по самому свойству права свободного распоряженія имуществомъ, разумѣется подъ своей отвѣтственности за точное исполненіе договора новымъ контрагентомъ. Прилагая эти общія понятія къ данному случаю оказывается, что Правительство имѣло полное право возложить на Главное Общество исполненіе контракта съ г. Уайннесомъ, а послѣдній могъ сохранить за собою право иска съ Правительства въ случаѣ нарушенія договора Главнымъ Обществомъ; но онъ не имѣлъ никакого права утверждать, что для подобной сдѣлки нужно его согласіе, такъ какъ Правительство не выговорило себѣ этого права по контракту съ нимъ

заключенному. Переходя затѣмъ къ вопросу о правѣ Правительства на расторженіе контракта съ г. Уайнсомъ, необходимо принять въ соображеніе, что никакой договоръ не даетъ безусловнаго права требовать непрежѣннаго его исполненія; онъ даетъ только право въ случаѣ нарушенія его противной стороной требовать вознагражденія убытковъ, которые должны быть доказаны судебнымъ порядкомъ, — или же право взысканія неустойки, если таковая опредѣлена по договору. На этомъ основаніи Правительство, если оно находило, что договоръ съ г. Уайнсомъ не выгоденъ, имѣло полное право отказаться отъ его исполненія во всякое время, предоставляя г. Уайнсену право доказывать свои убытки судебнымъ порядкомъ. Еслибъ въ основаніе переговоровъ съ г. Уайнсомъ были положены вышеизложенныя соображенія, то нѣтъ сомнѣнія, что его требованія сократились бы значительно. Между тѣмъ, мы не видимъ, чтобы вопросъ о расторженіи съ нимъ контракта былъ поставленъ со стороны Правительства на почву чисто юридическую. Сдѣланныя ему заявленія имѣютъ видъ голословныхъ утвержденій о правѣ Правительства на передачу дороги и предложеній не найдеть ли онъ для себя выгоднымъ прекратить дѣйствіе контракта при уплатѣ ему извѣстнаго вознагражденія. Намъ кажется, что для органовъ правительственной власти болѣе энергической образъ дѣйствія былъ тѣмъ болѣе обязательенъ, что нравственное право было всецѣло на сторонѣ Правительства. Никто, конечно, не будетъ спорить противъ того, что условія г. Уайнсенса могли быть приняты только по неопытности и незнакомству съ дѣломъ со стороны лицъ, заключавшихъ договоръ, что г. Уайнсенъ, такъ сказать, обошелъ этихъ лицъ, отвелъ имъ глаза и воспользовался такимъ положеніемъ дѣла. Никто, конечно, не будетъ спорить и противъ того, что сдѣланныя имъ затраты, конечно, не превышали полутора милліона рублей, полученныхъ имъ за запасныя вещи и устроенныя машины и что ему не легко было бы доказать передъ судомъ существованіе убытковъ въ размѣрѣ даже четвертой части полученнаго имъ вознагражденія. Стало быть вознагражденіе, имъ полученное, было возмѣщеніе не убытковъ его, а недополученныхъ имъ барышей отъ договора, заключеннаго при обстоятельствахъ не благовидныхъ. Такимъ образомъ, при данныхъ условіяхъ, энергическій образъ дѣйствій и категорическая постановка вопроса для правительственныхъ органовъ власти были не только возможны, но и обязательны; между тѣмъ во всѣхъ переговорахъ, веденныхъ по этому предмету, замѣтна шаткость и нерѣшительность со стороны

правительственныхъ лицъ и изощреніе казуистики со стороны опытнаго антрепренера.

Слѣдствіемъ такихъ пріемовъ было продленіе дѣйствія контракта до 1-го Октября 1869-го года и уплата г. Уайненсу 5,500.000 руб. вознагражденія за расторженіе контракта и 1,500.000 руб. за запасныя части и постановленныя имъ машины. Уплата послѣдней суммы, какъ оказалось впоследствии по донесеніямъ совѣта Главнаго Общества, была операціей весьма невыгодной, такъ какъ огромное большинство этихъ запасныхъ частей вышли изъ употребленія и представляли собою не болѣе какъ вещи, годныя въ ломъ.

Такое соглашеніе потребовало и новыхъ условій съ Главнымъ Обществомъ для погашенія выданныхъ г. Уайненсу суммъ. Вслѣдствіе сего раздѣлъ чистаго дохода между Правительствомъ и обществомъ установился на слѣдующихъ условіяхъ. За уплатою процентовъ на облигаціи въ суммѣ 7,200.000 руб. кредитныхъ, предполагало отчислять 1,600.000 руб., изъ которыхъ 75% поступаютъ Правительству, а 25% въ дивидендъ общества. Затѣмъ весь избытокъ поступаетъ въ возмѣщеніе суммъ, выплаченныхъ Правительствомъ Уайненсу до полного ихъ погашенія; по уплатѣ же этихъ денегъ изъ чистой прибыли 75% слѣдуетъ Правительству, а 25% обществу. По истеченіи же первыхъ 10 лѣтъ чистая прибыль дѣлится между Правительствомъ и обществомъ пополамъ.

Выпускъ новыхъ облигацій Николаевской желѣзной дороги былъ произведенъ по Высочайшему указу на имя Министра Финансовъ отъ 25 Марта 1869 года на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и выпускъ 18 Юля 1867 года, въ суммѣ 69,437.500 руб. мет. и съ тою оговоркою, что если бы уплата интересовъ и погашенія возложена была на общество, приобрѣтшее Николаевскую дорогу, то это ни въ чемъ не должно ослаблять ответственности Государственнаго Казначейства относительно этой уплаты.

Наконецъ намъ остается сказать, что формальный договоръ съ Главнымъ Обществомъ до сихъ поръ еще не состоялся. Подобное замедленіе является чистой случайностію. Общія условія передачи были выработаны въ формѣ проекта устава новаго акціонернаго общества, въ который слѣдовало бы ввести финансовыя условія того изъ соискателей, за которыхъ дорога была бы утверждена. Съ передачею же дороги Главному Обществу, та часть этого проекта, которая относилась къ порядку управленія общества, въ виду существованія устава Главнаго Общества отка-

дала сама собою, вслѣдствіе чего оказалось необходимымъ уставъ замѣнить простымъ договоромъ. За тѣмъ дѣло остановилось за неокончаніемъ соглашения съ Уайнсомъ, которое должно было повліять на измѣненіе финансовыхъ условій передачи дороги. Далѣе стали являться вопросы о необходимости согласованія нѣкоторыхъ статей общихъ правилъ передачи съ уставомъ Главнаго Общества. Подобная переписка между совѣтомъ, Министерствомъ Путей Сообщенія и Министерствомъ Финансовъ продолжалась очень долго, а затѣмъ практика показала, что и безъ окончательнаго договора производить эксплуатацію дороги возможно, что необходимо повело за собой убѣжденіе, что торопиться съ утвержденіемъ окончательнаго договора нечего, тѣмъ болѣе, что такое отсутствіе договора давало большую свободу дѣйствій. Эта свобода дѣйствій въ виду новыхъ усложненныхъ обстоятельствъ и потребности усиливать перевозочную способность дороги была особенно дорога Главному Обществу, которое въ финансовомъ отношеніи было совершенно несостоятельно и только одни доходы Николаевской дороги давали ему средства удовлетворять потребностямъ движенія. Возможность пользоваться подобнымъ источникомъ истекала прямо изъ отсутствія формальнаго договора, который юридически обязывалъ бы Общество давать извѣстное договоромъ опредѣленное направленіе доходамъ Николаевской дороги и вицѣтъ съ тѣмъ давалъ бы Правительству полное законное основаніе требовать, чтобы расходы на усиленіе перевозочной способности дорогъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Главнаго Общества, производились на средства Общества, а не правительства.

Впрочемъ мы не видимъ въ этомъ большаго неудобства для Правительства. Если до сихъ поръ и замѣчалась невыгодная сторона такого положенія дѣла, то вслѣдствіи отсутствія юридическихъ обязательствъ Правительства въ отношеніи къ обществу можетъ быть для перваго только выгодно. Въ виду неисполненія обществомъ финансовыхъ условій передачи дороги, Правительство имѣетъ полное право передать дорогу другому контрагенту на условіяхъ гораздо болѣе выгодныхъ, нежели условія Главнаго Общества, а послѣднее не можетъ имѣть никакой, даже косвенной придирки отстаивать свое право владѣнія дорогой, такъ какъ между обществомъ и Правительствомъ не существуетъ никакого договора, а Высочайше утвержденныя условія передачи нарушены самимъ обществомъ. Громадныя выгоды, предстоящія Главному Обществу отъ эксплуатаціи Николаевской дороги въ будущемъ, теперь очевидны для каждаго и условія передачи этой дороги оставляютъ за собою въ тѣни даже до-

говоръ, заключенный съ Уайненсомъ на ремонтъ подвижнаго состава. Если потери Государственнаго Казначейства въ договорѣ съ Уайненсомъ можно было считать милліонами, и только въ теченіи 6 лѣтъ, то потери при передачѣ Николаевской дороги можно считать десятками милліоновъ и при томъ въ теченіи цѣлыхъ 74 лѣтъ. Государственное достояніе въ такомъ положеніи оставаться не можетъ и не должно. Ошибки прошедшаго времени подлежатъ непремѣнному исправленію и не должны давать возможности частнымъ лицамъ обогащаться на счетъ государственнаго и общенароднаго достоянія, въ особенности когда къ оправданію такого обогащенія не существуетъ даже юридическихъ основаній. Создавать же такія основанія въ настоящую минуту, т. е. заключить договоръ съ Главнымъ Обществомъ теперь, въ виду всего, что совершилось и въ виду того значенія, которое приобрѣла Николаевская дорога, было бы уже не ошибкой, а чѣмъ нибудь болѣе серьезнымъ. *)

Окончивъ изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, которыми сопровождалась передача Николаевской дороги Главному Обществу и прежде нежели перейдемъ къ обсужденію сѣти желѣзныхъ дорогъ, составленной на основаніи Высочайшаго повелѣнія 22 Января 1870 года, о которомъ мы говорили во второй нашей статьѣ, мы должны изложить исторію передачи въ частныя руки другихъ казенныхъ дорогъ. О предварительныхъ переговорахъ на передачу одесской желѣзной дороги, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, такъ какъ они не были официально опубликованы. Впрочемъ эти предварительные переговоры для насъ имѣютъ мало значенія, такъ какъ они были ведены безъ всякой конкуренціи съ однимъ Обществомъ пароходства и торговли, вслѣдствіе чего для оцѣнки условій передачи дороги сравнительной методъ, принятый нами въ нашемъ изслѣдованіи вовсе не приложимъ. На этомъ основаніи мы изложимъ эти условія передачи какъ они значатся въ концессіи, выданной Русскому Обществу пароходства и торговли 22 Іюня 1870 года.

Общество пароходства и торговли обязалось: а) приобрести отъ Правительства желѣзныя дороги отъ Одессы до Балты, съ вѣтвями къ Одесскому порту, Куяльницкимъ солянымъ промысламъ, Тирасполю на Днѣстрѣ, отъ Балты до Елизаветграда, отъ Бирзулы чрезъ Жме-

*) До сихъ поръ матеріаломъ для нашего изслѣдованія служило дѣло канцеляріи г. Министра Финансовъ, но въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи фактическая сторона дѣла будетъ заимствована нами изъ Сборника статистическихъ свѣдѣній Минист. Путей Сообщенія, концессій, техническихъ условій и другихъ официально опубликованныхъ документовъ.

ринку до Волочиска и отъ Тирасполя до Кишенева, всего $902\frac{3}{4}$ версты; б) устроить на свой счетъ новую желѣзную дорогу длиною около 103 верстъ отъ Кишинева до рѣки Прута по направленію къ Яссаѣ въ Румыніи, и в) произвести снабженіе упомянутыхъ дорогъ необходимымъ подвижнымъ составомъ и принадлежностями эксплоатациі въ дополненіе къ имѣющимся, а также произвести необходимыя работы, обзаведенія и устройство по приобретаемымъ отъ Правительства желѣзнымъ дорогамъ и распространеніе Одесской стациі. При этомъ самое общество наименовано: Русскимъ обществомъ пароходства, торговли и Одесской желѣзной дороги. Намъ кажется, что такое наименованіе общества вовсе не соответствовало сущности дѣла, такъ какъ на основаніи той же концессіи дѣло по желѣзной дорогѣ было отдѣльнымъ предпріятіемъ общества и счета по этому предпріятію не должны были смѣшиваться со счетами пароходства и торговли. Такимъ образомъ въ сущности это было разрѣшеніе выпуска акцій и облигацій по обществу пароходства и торговли; акціонерамъ же общества пароходства и торговли, — въ виду совершенной отдѣльности ихъ предпріятія и вслѣдствіе этого отсутствія для нихъ всякаго риска, — не было никакого дѣла до успѣха предпріятія по желѣзной дорогѣ; чтожъ касается акціонеровъ, подписавшихся на акціи Одесской желѣзной дороги, то они не имѣли ни малѣйшаго вліянія: администрація общества зависѣла отъ прежнихъ акціонеровъ и дѣйствовала совершенно безконтрольно, не собирая даже общихъ собраній, такъ какъ уставъ общества, на основаніи котораго въ общее собраніе могли быть приглашены новые акціонеры, утвержденъ только 29 апрѣля 1874 года. Кромѣ того и участіе ихъ въ общихъ собраніяхъ не давало имъ никакого вліянія на администрацію: голоса ихъ могли парализоваться голосами прежнихъ акціонеровъ общества пароходства и торговли. Результаты такого неестественнаго порядка вещей не замедлили оказаться въ полной несостоятельности общества, что мы и увидимъ ниже.

Стоимость всѣхъ правительственныхъ сооружений по этимъ линиямъ, какъ востроенныхъ, такъ и находившихся въ постройкѣ по подряднымъ контрактамъ съ г. Девриеръ и К^о отъ Барзули чрезъ Жмеринку до Волочиска и съ г. Унгернъ-Штернбергомъ отъ Тирасполя до Кишинева опредѣлена въ 48.445,000 металлическихъ и 14.869,500 руб. кредитныхъ, что по курсу 350 сантимовъ за кредитный рубль, составитъ 69.692,342 руб. Общество обязывалось уплатить Правительству первую сумму гарантированными облигаціями въ металлическихъ рубляхъ, а послѣднюю негарантированными акціями

въ кредитныхъ рубляхъ. Кромѣ того общество получило право выпустить негарантированныхъ акцій въ кредитныхъ рубляхъ на сумму 15.543 руб. и вырученный такимъ образомъ капиталъ употребить на дополнительные работы и увеличеніе подвижнаго состава 8.614,500 руб., а остальные 6.929,000 руб. на сооруженіе 5 участка дороги отъ Кишинева до Румынской границы на рѣкѣ Прутѣ, съ устройствомъ моста на этой рѣкѣ.

Постройку этого послѣдняго участка управленіе общества пароходства безъ всякаго постановленія общаго собранія акціонеровъ Одесской желѣзной дороги, сдало по оптовому контракту банкирамъ Ефруси и К^о, Рафаловичъ и К^о, І. Е. Гинпбургъ, Р. Розенталь и М. В. Вейверсгеймъ. Работы эти производились настолько медленно, что въ 1873 году августа 15 была открыта только часть этого участка, вопліѣ же онъ былъ открытъ только 20 марта 1877 года.

На основаніи концессіи общество обязывалось изъ чистаго дохода уплачивать Правительству по облигаціямъ 5% и $\frac{1}{10}$ % на погашеніе, затѣмъ весь избытокъ чистаго дохода поступалъ частнымъ акціонерамъ въ дивидендъ до тѣхъ поръ, пока этотъ дивидендъ не составитъ 5% на ихъ капиталъ. Излишекъ чистаго дохода за удовлетвореніемъ 5% акціонеровъ поступалъ въ дивидендъ по акціямъ Правительства также до тѣхъ поръ, пока онъ составитъ 5% и т. д. Во всякомъ случаѣ подобный порядокъ раздѣла чистой прибыли долженъ былъ производиться только до 1878 года, а съ этого года весь избытокъ чистаго дохода за уплатою процентовъ и погашенія по облигаціямъ долженъ былъ распредѣляться одинаково на акціи, находящіяся въ рукахъ частныхъ лицъ и въ рукахъ Правительства.

Новый уставъ общества былъ утвержденъ только 29 апрѣля 1874 года. Спрашивается, почему произошло такое промедленіе? Неужели въ виду подробной концессіи трудно было составить уставъ и тѣмъ дать возможность акціонерамъ слѣдить за употребленіемъ суммъ имъ принадлежащихъ? Съ другой стороны, мы рѣшительно недоумѣваемъ какимъ образомъ до утвержденія устава могли быть выпущены акціи и облигаціи общества? Другими словами: какимъ образомъ правленіе, избранное посторонними дѣлу лицами (мы говоримъ посторонними на томъ основаніи, что акціонеры общества пароходства и торговли вовсе не были отвѣтственны за дѣйствія своего правленія по дѣлу Одесской желѣзной дороги), могло выпустить акціи и облигаціи отъ имени такого общества, которое не могло выразить свою волю и уполномочить кого бы то ни было на исполненіе этой воли? Въ первый разъ, это общество собралось только

въ 1874 году, когда уставъ былъ утвержденъ и встрѣтилось съ такимъ положеніемъ дѣлъ, что не только весь капиталъ его былъ израсходованъ, но общество было въ долгу у Правительства на сумму 2.889,281 руб. метал. по неплатежу процентовъ съ облигаціоннаго капитала и на сумму 849,643 руб. на другія нужды общества. Кромя того акціи общества потеряли всякую цѣну. Тѣмъ не менѣе никакого протеста со стороны акціонеровъ не послѣдовало и никакого иска къ управленію общества пароходства и торговли предъявлено не было. Ну какъ не сказать послѣ этого: „чудныя дѣла творятся у насъ на Руси и велико долготерпѣніе русскаго человѣка! По всей вѣроятности деньги ему дешево достаются, если онъ такъ равнодушно переноситъ подобныя самовольныя распоряженія“.

Несмотря на значительный капиталъ, назначенный на сооруженіе пятого участка дороги въ 108 версты, а именно 6.929,000 руб. или 67,272 руб. на версту безъ подвижнаго состава, оказалось, что денегъ этихъ не достаточно и что первоначальныя изысканія были сдѣланы дурно, вслѣдствіе чего потребовались такія работы, удовлетворить которыя безъ дополнительнаго облигаціоннаго капитала было не возможно. Кромя того оказалось, что частныя акціонеры, несмотря на свое преимущественное право полученія дивиденда въ сравненіи съ Правительствомъ не могли получать никакого дохода, такъ какъ чистаго дохода не доставало даже на уплату процентовъ по облигаціямъ. Единственное исключеніе представилъ въ этомъ отношеніи только одинъ 1877 годъ, когда военныя событія вызвали движенія русской арміи на югъ, а закрытіе черноморскихъ портовъ обусловило движеніе хлѣбныхъ грузовъ на сѣверъ. Развившееся такимъ образомъ движеніе по Одесской желѣзной дорогѣ въ оба конца доставило возможность не только покрыть проценты съ облигаціоннаго капитала, но и выдать дивидендъ частнымъ акціонерамъ въ 5%. Впрочемъ и этотъ дивидендъ оказывается дутымъ, такъ какъ онъ является слѣдствіемъ преувеличенной цифры доходовъ. Дѣло въ томъ, что правленіе считало всѣ очередныя и шедшія по росписанію воинскіе поѣзды — экстренными, только потому что они шли съ увеличенною скоростію противъ товарныхъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ, составляетъ разницу въ исчисленіи доходовъ общества до полутора милліона рублей. Такого расчета военное министерство признать не можетъ и слѣдовательно придется доходъ 1877 года уменьшить, а съ уменьшеніемъ дохода изыскивать новый источникъ для покрытія уже

произведеннаго расхода на выдачу не существовавшего дивиденда. Может быть покажется удивительнымъ, какимъ образомъ могло произойти, что правленіе имѣло средства на выдачу дивиденда, когда въ дѣйствительности его не существовало. Дѣло это произошло очень просто: обществу приходилось платить Правительству проценты по облигаціямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получать суммы съ Правительства за перевозку войскъ. Увеличивъ послѣднія почти вдвое, оно обезпечило такимъ образомъ въ своемъ балансѣ уплату процентовъ по облигаціямъ и выдало имѣвшіяся у него наличныя средства въ дивидендъ акціонерамъ.

Мы рассказываемъ этотъ случай для того, чтобъ указать на тотъ пробѣлъ, который существуетъ въ правилахъ, регулирующихъ у насъ отношенія желѣзнодорожныхъ обществъ къ Правительству. Намъ кажется, что подобныя случаи при настоящихъ условіяхъ могутъ повторяться безнаказанно и что необходимо установить законодательнымъ путемъ, чтобъ остатокъ чистаго дохода не могъ быть употребляемъ ни на какія потребности общества, прежде уплаты процентовъ съ облигаціоннаго капитала.

Но возвратимся къ обществу Одесской желѣзной дороги. 1878 годъ былъ тѣмъ годомъ, когда привиллегія частныхъ акціонеровъ дороги въ сравненіи съ Правительствомъ теряла свое значеніе и всѣ акціи получали одинаковыя права на участіе въ прибыляхъ; между тѣмъ опытъ доказалъ, что при обыкновенномъ порядкѣ 5% дивидендъ получать нельзя. Тогда возникаетъ новый проектъ о сліяніи трехъ юго-западныхъ дорогъ и о присвоеніи имъ правительственной гарантіи. Сліяніе это совершилось 1 іюля 1878 года и акціямъ соединеннаго общества присвоена 5% гарантіи съ уменьшеніемъ нарицательной цифры акціонернаго капитала, находящагося въ частныхъ рукахъ на одну пятую долю. Какъ пойдутъ дѣла новаго общества въ будущемъ и не потребуютъ ли они новыхъ пожертвованій со стороны Правительства, сказать очень трудно.

Совершенно противоположный результатъ является послѣдствіемъ передачи Московско-Курской дороги въ частныя руки. Въ 1870 году возникло предположеніе объ этой передачѣ и на пріобрѣтеніе этой дороги явились три конкурента: 1) въ январѣ 1871 года общество Курско-Кіевской желѣзной дороги заявило желаніе пріобрѣсти дорогу безъ объясненія самыхъ условій пріобрѣтенія; ознакомившись однако съ условіями передачи, предположенными Министерствомъ Путей Сообщенія, общество это отказалось отъ всякой конкуренціи; 2) въ тоже время подали заявленіе пред-

ставители вновь составившейся в Москвѣ компаніи, учредителями которой являлись: надворный совѣтникъ Чижовъ, потомственные граждане Морозовъ, Горобовъ, Мамонтовы, Рукавишниковъ, Ламинъ, Бостанжогло и коллежскій совѣтникъ Бенардаки. Предложенная этою компаніею цѣна состояла въ уплатѣ Правительству гарантированными 5% облигациями общества на 41.704,000 метал. рублей и негарантированными акціями общества на 10.000,000 метал. руб. Кромѣ того общество получило право выпустить облигаций на 5.729,000 метал. руб. съ тѣмъ, что 1.729,000 руб. должны были идти на уплату по законтрактованнымъ и предположеннымъ къ производству въ 1871 году работамъ и поставкамъ, а 4.000,000 руб. должны были оставаться въ видѣ запаснаго капитала на дополнительныя работы впоследствии. Кромѣ того общество предложило, что если чистая прибыль за уплатою процентовъ и погашенія превыситъ 7% на акціонерный капиталъ, то излишекъ, за отчисленіемъ изъ него нѣкоторой доли на устройство центрального механическаго училища, дѣлится поровну между Правительствомъ и обществомъ; 3) въ концѣ апрѣля явился представитель компаніи другихъ капиталистовъ почетный гражданинъ Поповъ и, соглашаясь на предложенныя московскою компаніею условія, добавлялъ въ пользу правительства 1.500,000 мил. руб.

Первоначальная стоимость сооруженія Московско-Курской дороги обошлась правительству въ 34.820,428 руб.; съ присоединеніемъ къ этой цифрѣ 10.118,698 руб., употребленныхъ на проложеніе втораго пути до станціи Сергіевской на протяженіи 244 версты и увеличеніе подвижнаго состава и 3.533,648 руб. процентовъ на затраченный капиталъ по 1870 годъ и за вычетомъ чистаго дохода, полученнаго съ дороги, — дѣйствительная стоимость дороги опредѣлилась въ 48.472,274 руб. кредитныхъ, что составитъ 94,566 руб. на версту. Такая цифра стоимости сооруженія можетъ показаться очень высокою, но здѣсь необходимо принять въ соображеніе, что мѣстность, по которой проходитъ эта дорога до Орла, представляетъ значительныя затрудненія не только по количеству земляныхъ работъ, но и по плавучему грунту въ выемкахъ; затѣмъ эта дорога имѣла въ то время двойной путь почти на половинѣ своего протяженія и была снабжена почти двойнымъ въ сравненіи съ другими дорогами количествомъ подвижнаго состава, такъ какъ она имѣла 1 паровозъ на 2,9 версты и почти по 9 вагоновъ на версту; наконецъ въ общую сумму издержекъ включены и проценты на затраченный капиталъ за время соору-

женія и первые годы эксплуатаціи. Такимъ образомъ, если принять въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, то окажется, что опытъ сооружеія желѣзныхъ дорогъ казенными средствами обошелся выгоднѣе сооружеія ихъ при посредствѣ частныхъ компаній, такъ какъ первоначальная стоимость даже съ процентами на затраченный капиталъ, обходилась около 76 тыс. руб. кредитныхъ, не считая на невыгодность мѣстныхъ условій, тогда какъ при болѣе выгодныхъ условіяхъ сооружеія частныя дороги обходились гораздо дороже. Въ послѣдніе годы, сооружеія желѣзныхъ дорогъ хотя и понизилось въ цѣнѣ, но это зависело частію отъ облегченія техническихъ условій сооружеія и удешевленія желѣзнодорожныхъ принадлежностей, что могло быть также и при казенной постройкѣ, частію же потому что открытіе дорогъ разрѣшалось при неполномъ количествѣ запасныхъ путей и нѣкоторыхъ недоудѣлахъ, окончаніе которыхъ производилось впоследствии на счетъ ремонта пути, чего не могло быть при казенномъ сооружеіи дорогъ. Последнее удешевленіе стоимости сооружеія не могло быть выгоднымъ для правительства, такъ какъ оно приплачивало въ видѣ гарантіи то, что берегало на сооружеіи, а между тѣмъ дорога, плохо ремонтируемая въ началѣ, требовала впоследствии капитальнаго ремонта. Устранить подобныя злоупотребленія предпринимателей, когда они же завѣдуютъ эксплуатациею дорогъ въ первые годы сооружеія, положительно невозможно. Эти злоупотребленія устранимы только въ томъ случаѣ, когда эксплуатация дороги будетъ сдаваема другимъ компаніямъ, не имѣющимъ ничего общаго со строителями. Тогда интересъ общества, принимающаго на себя эксплуатацію, потребуетъ точнаго опредѣленія всѣхъ недоудѣлокъ и непремѣннаго производства этихъ работъ или уплаты за нихъ денегъ по дѣйствительной ихъ стоимости.

Сопоставляя съ вышеприведенною стоимостью Московско-Курской дороги заявленную цѣну компаніей московскихъ капиталистовъ, представителемъ которыхъ явился г. Чиловъ, оказывается, что правительство получало 51,704,000 руб. металлическими бумагами общества, т. е. не только всю сумму, затраченную имъ на сооружеіе дороги съ процентами, но и сумму, достаточную на реализацию этихъ бумагъ. Сверхъ того правительство получило право на половину чистой прибыли, сверхъ 7% на акціонерный капиталъ. Что же касается до капиталистовъ, которыхъ представителемъ явился г. Поповъ, то они заявили цѣну на 1,500,000 руб. выше. Тѣмъ не менѣе по сложенію Министерства Путей Сообщенія съ Министерствомъ Финансовъ предпочтеніе было отдано компаніи,

учредителемъ которой являлся г. Чижовъ. Мы не имѣемъ въ виду тѣхъ мотивовъ, по которымъ принято означенное рѣшеніе, такъ какъ Сборникъ свѣдѣній по желѣзнымъ дорогамъ не говоритъ объ нихъ, но полагаемъ, что одно имя г. Чижова, какъ лица зарекомендовавшаго себя по сооруженію и хорошей эксплуатаціи Ярославской дороги, были достаточнымъ для этого основаніемъ. Кромѣ этого необходимо имѣть въ виду и то обстоятельство, что всѣ главные учредители этой компаніи были представителями компаніи, конкурировавшей съ Главнымъ Обществомъ на приобрѣтеніе Николаевской дороги и такъ сильно возмущенной выгоды правительства противъ первоначальныхъ предположеній Министерства Финансовъ. Неуспѣхъ этой конкуренціи обусловливался особыми видами и соображеніями правительства и, конечно, не могъ обойтись безъ пожертвованій со стороны участниковъ, которые, во всякомъ случаѣ, должны были имѣть средства на готовѣ во все время переговоровъ, что не дѣлается безъ издержекъ. Такимъ образомъ заслуга этого товарищества была несомнѣнна и само собою разумѣется должна была имѣть вліяніе на рѣшеніе подобнаго же вопроса по другой дорогѣ.

Комитетъ Министровъ, разсмотрѣвъ предположеніе Министровъ Путей Сообщенія и Финансовъ одобрилъ ихъ и заключеніе его по сему дѣлу удостоилось Высочайшаго утвержденія 1-го мая 1871 года, а 21 мая того же года послѣдовало Высочайшее утвержденіе устава общества Московско-Курской желѣзной дороги, на основаніи котораго общество получило право владѣнія дорогой въ теченіи 81 года.

Результаты эксплуатаціи въ 1872 году, т. е. въ первомъ полномъ году завѣдыванія дорогой частнымъ обществомъ, выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: валовой доходъ 7,991,414; расходъ 4,216,429 руб., чистый же доходъ составилъ 3,774,985 руб.; такъ что общество, уплативъ правительству проценты съ облигаціоннаго капитала, въ суммѣ 2,514,877 руб. кредитныхъ, выдало дивидендъ въ 6,27% на акціонерный капиталъ, въ слѣдующій же затѣмъ 1873 годъ чистый доходъ простирался до 4,345,526 руб. Вычитая изъ этой суммы проценты по облигаціонному капиталу, оказывается, что чистая прибыль на акціонерный капиталъ будетъ 1,830,649 руб.; 7% на акціонерный капиталъ въ 15,729,000 руб. составитъ 1,101,030, затѣмъ остается излишекъ въ 729,619 руб., который долженъ былъ распредѣлиться между обществомъ и правительствомъ по равной части. Такимъ образомъ доля правительства изъ доходовъ Московско-Курской дороги, считая проценты по облигаціонному капиталу, дивидендъ на акціи и раздѣлъ

излишка прибыли составлялъ въ 1873 году 3,579,686 руб., что на затраченный капиталъ въ 48,472,274 руб. составитъ болѣе $7\frac{1}{2}\%$. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что означенное общество вноситъ исправно всѣ слѣдующія съ него суммы и не остается въ долгу у правительства, какъ то дѣлаетъ Главное Общество. Сравнивая результаты дѣятельности того и другого общества невольно остается пожалѣть, что такой богатый источникъ государственнаго дохода какъ Николаевская дорога, не поступилъ въ вѣдѣніе учредителей Московско-Курскаго общества.

Но какъ бы ни было исправно общество Московско-Курской дороги въ исполненіи своихъ обязанностей, мы все таки не можемъ не пожалѣть о передачѣ этой дороги въ частныя руки, такъ какъ доходъ этой дороги по ея центральному положенію долженъ возрасти значительно. Вслѣдствіе этого, громадный доходъ, который могъ бы поступать въ государственное казначейство, теперь будетъ обогащать частныхъ капиталистовъ.

Изложивъ условія передачи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ частныя руки, мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію новой сѣти желѣзныхъ дорогъ, составленной на основаніи Высочайшаго повелѣнія 2 января 1870 года. Изъ числа дорогъ, вошедшихъ въ сѣть, утвержденную 27 декабря 1868 года, къ 1870 году оставались неразрѣшенными къ постройкѣ еще пять линій, а именно: а) Лозово-Севастопольская, поставленная при учрежденіи сѣти на первую очередь и признанная тогда единогласно самонужнѣйшею, какъ въ стратегическомъ, такъ и торговомъ отношеніи; б) отъ Нѣжина по Курско-Кіевской дорогѣ черезъ Черниговъ до Могилева; в) отъ Могилева черезъ Минскъ до Бреста; г) отъ Самары до Бузулука, и е) отъ одного изъ пунктовъ Кіево-Балтской дороги до Бреста. Мы напомнимъ при этомъ, что изъ утвержденной тогда сѣти разрѣшена постройка только трехъ дорогъ: Либавской, Борисоглѣбско-Царицынской и Воронежско-Грушевой. Кромѣ того разрѣшено было сооруженіе еще четырехъ дорогъ, не входившихъ въ означенную сѣть, а именно Константиновской, Бресто-Граевской, Скопинской и Иваново-Винешемской, а 2-го января 1870 года вслѣдствіе представленія Намѣстника Кавказскаго состоялось Высочайшее повелѣніе о включеніи въ утвержденную сѣть Ростово-Владикавказской дороги. Мы не имѣемъ въ виду мотивовъ, по которымъ найдено возможнымъ такое отступленіе отъ первоначальныхъ предположеній; но полагаемъ, что въ теченіи года взглядъ на относительное значеніе желѣзныхъ дорогъ совершенно измѣнился и что предположенная сѣть была найдена не

соотвѣтствовавшей потребностямъ времени. На этомъ основаніи, вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ сѣти утвержденныхъ дорогъ новой Ростово-Владикавказской линіи, поручено было Министру Путей Сообщенія войти въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ съ представленіемъ проекта новой сѣти, въ которую должны были войти 2,800 верстъ не разрѣшенныхъ дорогъ изъ состава сѣти 1868 года съ присоединеніемъ къ нимъ отъ 3 — 4,000 верстъ новыхъ дорогъ, полезныхъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ.

Въ предположенія о новой сѣти вошли прежде всего пять дорогъ прежней сѣти, при чемъ направленіе трехъ изъ нихъ предположено было измѣнить. Такъ: а) линію отъ Бреста до Могилева черезъ Минскъ предположено было вести не на Могилевъ, а черезъ Оршу и Борисовъ до Смоленска. Измѣненіе это принято въ тѣхъ видахъ, чтобы не переходить рѣку Днѣпръ въ двухъ мѣстахъ; кромѣ того новое направленіе представляло большія удобства не только въ техническомъ отношеніи, но и въ экономическомъ, такъ какъ проходило по мѣстности болѣе населенной и болѣе производительной. Что касается послѣдняго соображенія, то намъ кажется, что оно неполно вѣрно, и мы думаемъ, что главное преимущество этого измѣненія состоитъ въ томъ, что въ утвержденной сѣти предположено было построить дорогу только между Могилевомъ и Брестомъ, которая такимъ образомъ оставалась бы оторванной отъ сѣти центральныхъ дорогъ Россіи, теперь же она доходила до Смоленска, соединялась здѣсь со всей сѣтью, и, проходя не на Могилевъ, а на Оршу и Борисовъ, придерживалась прямой линіи между Москвой и Брестомъ, чѣмъ сокращала этотъ магистральный путь. Впрочемъ мы еще и прежде замѣтили, что принимая направленіе отъ Бреста на Минскъ, линія эта отчасти теряла въ стратегическомъ отношеніи, такъ какъ она можетъ быть занята непріателемъ, нѣсколько южнѣе она прошла бы болотами полѣся, углубляясь въ которыя непріятелю было бы опасно. Впрочемъ разъ было рѣшено вести дорогу отъ Бреста на Минскъ, тогда продолженіе ея до Смоленска въ томъ направленіи какъ она выстроена не могло быть вопросомъ. б) Линію отъ Кіево-Балтской дороги до Бреста предположено было вести, не на Житомиръ и Новоградъ-Волинскъ, а отъ Бердичева кратчайшимъ путемъ до Ровна. Кромѣ того къ Кіево-Брестской дорогѣ присоединялась вѣтвь къ Радзивиллову, посредствомъ которой грузы изъ Галиціи могли направляться въ наши сѣверные порты. в) Линія, которую прежде предполагалось вести отъ одного изъ пунктовъ Курско-Кіевской дороги черезъ Черниговъ до Могилева, по новому проекту направлялась на Боб-

руйскъ, Минскъ и Ландварово (въ 20 верстахъ отъ Вильно по Варшавской дорогѣ), съ тою цѣлю, чтобъ дать возможность произведеніямъ Малороссіи идти къ Либавѣ; направленіе же ея черезъ Вобруйскъ удовлетворяло и стратегическимъ требованіямъ. Остальныя двѣ линіи оставались безъ перешѣвъ.

Къ этимъ пяти линіямъ присоединялись еще слѣдующія 18 линій:

1) Ростово-Владикавказская.

2) Отъ Кишинева до Скулянъ (близъ Яссы); эта линія должна была открыть путь Молдавскимъ и частію Австрійскимъ грузамъ въ наши черноморскіе порты (такая смѣлая надежда въ виду болѣе кратчайшаго пути до Дуная и удобнаго воднаго пути по этой рѣкѣ конечно осуществиться не могла).

3) Отъ того пункта Курско-Кіевской дороги, отъ котораго пойдетъ дорога до Ландварова, — до Харьковско-Кременчугской линіи.

4) Отъ одного изъ пунктовъ Елизаветградо-Кременчугской дороги до Николаева для удобнѣйшаго направленія грузовъ губерній Кіевской и Полтавской къ Черному морю.

5) Линія отъ станціи Фастова Кіево-Балтской дороги къ тому пункту вблизи Елизаветграда, отъ котораго пойдетъ дорога къ Николаеву.

6) Моршанско-Сызранская.

7) Сызранско-Самарская.

8) Бузулукско-Оренбургская.

Три послѣднія линіи, съ прежде утвержденною Самаро-Бузулукскою и Рязско-Моршанскою должны были составить магистральный путь, соединяющій центральную Россію съ Оренбургомъ, въ видахъ оживленія торговли съ Среднею Азіей.

9) Отъ Скопина до Тулы, и

10) Отъ Тулы чрезъ Калугу до Вязмы.

Обѣ послѣднія дороги при посредствѣ Рязско-Скопинской представляли западное продолженіе Оренбурго-Самаро-Моршанско-Рязской дороги.

11) Отъ Ельца къ сѣверу до одной изъ станцій Скопино-Тульской дороги; эта линія, проходящая черезъ вновь открытыя залежи каменнаго угля, должна была служить путемъ для слѣдованія Елецкихъ грузовъ къ Москвѣ. Линія эта, чтобъ быть производительной должна бы идти отъ Ельца черезъ Ефремовъ къ станціи Лазарево Московско-Курской дороги между Тулою и Орломъ, такъ какъ это былъ бы кратчайшій путь къ Москвѣ; удлинять же этотъ путь для проведенія его черезъ Богородицкѣ не было никакого основанія.

12) Отъ Ярославля до Вологды; эта линія необходима для соединенія Волжскаго бассейна съ бассейномъ сѣверной Двины, населеніе котораго нуждается въ средствахъ продовольствія и въ работѣ. Въ виду существовавшихъ издавна дѣятельныхъ сношеній между вологодскимъ краемъ и центральными губерніями доходность этой дороги считалась обеспеченною въ особенности въ виду отсутствія въ сѣверномъ краѣ улучшенныхъ путей сообщенія.

13) Уральская линія, необходимая для развитія горнозаводской промышленности. Направленіе ея въ точности не опредѣлялось.

14) Линія отъ Динабурга до Шавель, необходимая для того, чтобы часть грузовъ, пришедшая въ Динабургъ для отправки за границу, могла идти въ Либаву, особенно въ то время, когда Рижскій портъ покрывается льдомъ. Подобныя ожиданія представляются намъ весьма наивными и указываютъ только какъ мало были извѣстны въ нашихъ высшихъ сферахъ условія торговли и промышленности. Возможно ли было направленіе грузовъ изъ Динабурга въ Либаву, когда есть болѣе кратчайшій путь къ Ригѣ? Строить же желѣзную дорогу не для постоянной, а только временной перевозки въ теченіи какихъ нибудь четырехъ мѣсяцевъ, положительно не стоило.

15) Линія отъ Грушевки до Калача въ видахъ обеспеченія грушевскимъ антрацитомъ движенія по Волгѣ и Царицынской дорогѣ. Съ обратными же поѣздами по этой линіи долженъ былъ двигаться хлѣбъ, идущій и теперь въ значительномъ количествѣ по этому направленію, не смотря на неудобство сообщеній по Дону.

16) Отъ Елтонскаго озера до Волги для увеличенія и удешевленія привоза соли въ Европейскую Россію. По условіямъ мѣстности, дорогу эту предполагалось построить очень дешево.

17) Отъ Ливенъ до одного изъ пунктовъ Орловско-Грязской дороги.

18) Линія между Курско-Азовскою и Воронежско-Грушевскою желѣзными дорогами, проходившая по бассейну сѣвернаго Донца, изобилующаго богатыми желѣзными рудами и залежами каменнаго угля.

Мотивы сооруженія нѣкоторыхъ дорогъ, указаннныя въ предположеніяхъ, заставляютъ думать, что въ нашихъ высшихъ административныхъ сферахъ господствовалъ даже и въ это время оптимистическій взглядъ на значеніе желѣзныхъ дорогъ. Всѣмъ казалось, что стоитъ только проложить удобные пути сообщенія, чтобы движеніе грузовъ явилось въ такомъ количествѣ, которое въ состояніи окупить всѣ громадныя издержки и пожертвованія правительства. Никто

не задумывался надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что значительное движеніе есть результатъ значительной производительности и торговли, которыхъ у насъ не было и которыя не могутъ возникнуть по мановенію волшебнаго жезла, что для развитія ихъ нужны средства и при томъ не только матеріальныя въ видѣ капиталовъ, но и нравственныя, въ видѣ знанія и предприимчивости; никто, какъ намъ кажется, не сознавалъ той великой истины, что богатство народовъ есть слѣдствіе развитія образованности, а не простое накопленіе матеріальныхъ средствъ, которое можетъ быть заимствовано у другихъ народовъ. Многіе тогда думали, да повидимому и теперь продолжаютъ думать, что вещественные капиталы безъ особенной заботы о капиталахъ нравственныхъ, могутъ быть заимствованы въ тѣхъ странахъ, гдѣ ихъ много и употребляемы на развитіе производительныхъ силъ Россіи. Пустая и жалкая иллюзія, какъ нельзя болѣе опровергнутая въ наше время! Не только заимствованія на какихъ нибудь тяжелыхъ условіяхъ, но даже капиталы, взятые даромъ не только не обогатили Германіи, но скорѣе разорили ее. Стало быть главный вопросъ состоитъ не въ самыхъ средствахъ, а въ умѣньѣ ими пользоваться и употреблять ихъ производительно. Къ сожалѣнію, воспитанное на крѣпостныхъ началахъ наше поколѣніе, не обладаетъ ни знаніемъ, ни трудолюбіемъ: дайте намъ сотни и тысячи милліоновъ капитала мы съумѣемъ издержать ихъ очень скоро, а врядъ ли съумѣемъ дѣйствительно развить наши производительныя силы. Было время, когда опекунскіе совѣты открывали значительные кредиты нашимъ помѣщикамъ и повидимому давали средства на улучшенія ихъ хозяйствъ, но на эти средства ничего не было сдѣлано, а капиталы были прожиты. Было другое время, когда крѣпостное право уже исчезло, поземельные банки привлекли къ намъ громадныя капиталы и роздали ихъ въ ссуду подъ залогъ земель; но гдѣ же тѣ улучшенія въ земледѣльческой промышленности, которыхъ не только можно, но и должно было ожидать отъ развитія кредита? Этихъ улучшеній нѣтъ, а капиталы поглощены биржевой игрой и непоумѣрной роскошью тѣхъ, кому они достаются дешево. Нѣтъ, глупому сыну не въ помощь богатство, говоритъ русская пословица и говоритъ совершенно справедливо. Пока знаніе не будетъ у насъ пользоваться тѣмъ уваженіемъ, котораго оно заслуживаетъ, пока наука и люди, посвятившіе себя ея изученію, не будутъ поставлены высоко въ общественномъ мнѣніи, пока педагогическіе совѣты не будутъ изъяты отъ произвола канцелярій, словомъ, пока народное образованіе не будетъ орудіемъ для политическихъ и полицейскихъ цѣлей, до тѣхъ поръ напрасно

думать, что мы выучимся разумно употреблять наши средства. Откройте какой угодно широкой путь для заграничных капиталовъ на наши рынки, искрестите всю Россію частой сѣтью желѣзныхъ дорогъ; но если не измѣнится наше отношеніе къ наукѣ и знанію, то послѣдствіемъ явится только задолженность наша и эксплуатація нашего рынка заграничными капиталистами. Отъ подобной эксплуатаціи не спасутъ насъ жалкія теоріи протекціонистовъ. Напротивъ эти теоріи приведутъ насъ еще скорѣе къ подобнымъ результатамъ, такъ какъ мы для осуществленія этихъ теорій будемъ занимать капиталы у иностранцевъ, будемъ водворять у себя различныя производства по чужимъ образцамъ, и пока будемъ утѣшаться мыслію, что намъ удалось сдѣлать что нибудь для развитія нашей производительности, окрѣпшая отрасль промышленности за границую сдѣлаетъ новый шагъ впередъ и подорветъ наше начинающееся производство. Въ результатѣ получится потеря всего затраченнаго капитала и обязанность на долгое время платить проценты и погашеніе. Хотя подобный исходъ представляется весьма печальнымъ, но его было бы легче перенести, если бы позаймствованія дѣлались частными лицами или обществами. Но въ томъ то и бѣда, что наши протекціонисты не довольствуются таможенными тарифами, они требуютъ и получаютъ субсидіи въ видѣ казенныхъ заказовъ и премій, а также постановленій объ обязательномъ употребленіи русскихъ издѣлій, со стороны такихъ предпріятій, которыя ведутся на счетъ государственнаго кредита. Такимъ образомъ вмѣсто частнаго кредита, на развитіе новаго производства идетъ кредитъ государственный, а это не одно и то же. Частное банкротство не упало бы всецѣло на Россію: въ этомъ случаѣ теряли бы свои капиталы заграничные капиталисты. Между тѣмъ, когда капиталы занимаетъ правительство и на счетъ этихъ капиталовъ оказываетъ покровительство новому производству, то при банкротствѣ предпріятія, заграничные капиталисты ничего не теряютъ и всѣ потери падаютъ на бюджетъ государства. Результатомъ является то, что люди и капиталы отвлекаются отъ дѣйствительно производительнаго труда. Для примѣра укажемъ на водворенное у насъ производство стальныхъ рельсовъ. Въ то время какъ наши протекціонисты доказываютъ, что стоимость ихъ производства у насъ не можетъ быть менѣе 2 руб. 50 коп. за пудъ, англичане достигли возможности, изготовлять ихъ по 6 фунтовъ за тонну, съ доставкой въ Таганрогъ, что составитъ при существующемъ курсѣ около 1 рубля. Возможна ли при подобныхъ условіяхъ конкуренція? Обязательное же для желѣзныхъ дорогъ заготовленіе русскихъ рель-

совъ подрываетъ успѣхъ желѣзнодорожнаго дѣла и не допускаетъ удешевленія перевозки, что въ свою очередь подрываетъ все роды промышленности. Въ концѣ концовъ, послѣдствія оказываются прямо противоположны тѣмъ цѣлямъ, которыхъ желали достигнуть.

По Высочайше утвержденному журналу комитета желѣзныхъ дорогъ 1-го марта 1870 года предположенія Министра Путей Сообщенія были одобрены съ добавленіемъ слѣдующихъ условій: Лозово-Севастопольская желѣзная дорога должна быть соединена съ Днѣпромъ выше и ниже пороговъ, а крымская ея часть должна слѣдовать такому направленію, которое было бы удобно для проведенія вѣтвей къ Керчи и Феодосіи. Кромѣ того Ландваровская дорога не можетъ окончиться при соединеніи ея съ Курско-Кіевскою, а должна продолжиться далѣе въ Полтавскую губернію и пройти черезъ Ромны, а потому конечнымъ пунктомъ этой дороги долженъ быть избранъ этотъ послѣдній городъ.

Нужно остановить вниманіе на этомъ постановленіи комитета, такъ какъ послѣдующія событія вовсе не оправдали возлагавшихся на Лозово-Севастопольскую дорогу надежды. Не смотря на то, что Севастополь есть лучший портъ нашъ на Черномъ морѣ, доставка къ этому порту по желѣзной дорогѣ нашихъ хлѣбныхъ грузовъ обходится слишкомъ дорого, чтобъ вызвать усиленное ихъ движеніе; другихъ же предметовъ для вывоза нашъ югъ вслѣдствіе малой его населенности не имѣетъ; точно также дорога эта не имѣетъ и обратныхъ грузовъ, такъ какъ иностранные корабли, за отсутствіемъ въ нашемъ южномъ краѣ спроса на заграничные товары, приходятъ въ Севастополь только съ балластомъ. Если и случается нѣкоторымъ заграничнымъ кораблямъ получить грузъ для южной Россіи, то корабли эти направляются къ портамъ вдающимся въ глубь материка, чтобъ быть ближе къ центрамъ потребленія и тѣмъ избѣжать болѣе дальняго провоза по желѣзнымъ дорогамъ, и разумѣется получаютъ хлѣбные грузы въ этихъ портахъ. Такимъ образомъ ни соединеніе этой дороги съ Днѣпромъ выше и ниже пороговъ, ни превосходныя качества порта не дали Севастопольской дорогѣ значительныхъ грузовъ и дорога эта до сихъ не только не приноситъ дохода, но не покрываетъ даже расходовъ эксплуатаціи. Постройка этой дороги еще разъ доказала, что одни хорошіе пути сообщенія не могутъ вліять на развитіе промышленности и торговли и что для этого нужны еще многія другія условія, о которыхъ, къ сожалѣнію, мы кажется и не думали. Намъ казалось, что возможность сбыта нашихъ хлѣбныхъ грузовъ не имѣетъ предѣловъ лишь бы была

возможность доставить ихъ къ нашимъ портамъ; на практикѣ же оказалось, что предѣлы эти существуютъ и что они очень не широки, такъ какъ они ограничиваются количествомъ заграничнаго спроса, который въ свою очередь зависитъ отъ количества сбыта заграничныхъ товаровъ на нашихъ рынкахъ.

Точно также поражаетъ мнѣніе о томъ, что Ландваровская линія не должна окончиться при соединеніи ея съ Курско-Кіевской дорогой, а должна идти далѣе въ Полтавскую губернію и пройти черезъ Ромны, и потому этотъ городъ долженъ быть избранъ конечнымъ пунктомъ дороги. Намъ кажется напротивъ, что Ландваровская линія должна была или окончиться на Курско-Кіевской дорогѣ, или дойти до Харьковско-Кременчугской въ Полтавѣ, но ни въ какомъ случаѣ не могла остановиться въ Ромнахъ какъ въ конечномъ пунктѣ, ибо городъ этотъ, находясь въ степи, не имѣетъ особаго торговаго значенія. Ясно, что въ послѣдствіи дорога эта должна быть продолжена до соединенія ея съ другими линіями и тогда всѣ дороги сооруженія, возведенныя въ Ромнахъ какъ въ конечномъ пунктѣ дороги пропадутъ даромъ. Что же касается эксплуатаціи участка отъ Ромень до Бонотопа на Курско-Кіевской дорогѣ, то по всей вѣроятности онъ кромѣ убытка ничего не приноситъ, въ виду односторонняго, временнаго и слѣдовательно незначительнаго движенія.

Но какъ бы то ни было, первая часть новой сѣти составила изъ слѣдующихъ шести линій: 1) Смоленско-Брестской 620 вер.; 2) Бресто-Вердичевской 445 верстъ; 3) Лозово-Севастопольской 600 верстъ; 4) Самаро-Бузулукской 150 верстъ; 5) Ландварово-Роменской 725 верстъ; 6) Ростово-Владикавказской 700 верстъ; всего 3,240 верстъ.

Остальныя 18 линій обсуждались въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ 6, 13 и 20 марта 1870 года. Противъ проекта Министра Путей Сообщенія были представлены особыя письменныя мнѣнія со стороны генераль-адъютанта Зеленаго и инженеръ-генерала Мельникова.

Первый изъ нихъ указывалъ на отсутствіе въ новой сѣти желѣзной дороги въ Архангельскую губернію, тогда какъ эта дорога положительно необходима для обезпеченія продовольствія населенія названной губерніи. Генераль-адъютантъ Зеленыи ссылался на мнѣніе коммиссіи, учрежденной въ 1868 году для пособія пострадавшему отъ неурожая краю, которая находила необходимымъ сооруженіе Вятско-Двинской желѣзной дороги. Справедливость этого мнѣнія подтвердилась и въ 1869 году особымъ изслѣдованіемъ мѣръ къ

обеспеченію продовольствія сѣвернаго населенія. На этихъ основаніяхъ, генераль-адъютантъ Зеленый находилъ возможнымъ отложить постройку Фастовской, Скопино-Вяземской и Тульско-Елецкой дорогъ и включить въ сѣть Вятско-Двинскую и Сибирскую или какую другую.

Если нельзя согласиться въ этомъ случаѣ съ необходимостью сооруженія Сибирской дороги, то трудно было возражать противъ безусловной необходимости Вятско-Двинской, отсутствіе которой всегда можетъ повести къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ 1868 года. Вообще говоря, нашъ сѣверный край по отсутствію удобныхъ сообщеній смотритъ какимъ-то пасынкомъ нашего общаго отечества, не смотря на то, что онъ несетъ тѣ же повинности и податныя тягости какъ и другія мѣстности, находясь притомъ въ менѣе благоприятныхъ какъ климатическихъ, такъ и почвенныхъ условіяхъ. Намъ бы казалось, что слѣдовало давно подумать объ облегченіи положенія этого края сооруженіемъ большой магистральной линіи, которая проходила бы вблизи водораздѣла Вѣлаго и Каспійскаго морей и оконечностями своими опиралась на Петербургъ и Пермь. Безъ этого пути нашъ сѣверный край не въ состояніи выдержать конкуренцію съ другими мѣстностями Россіи и постепенное его раззореніе будетъ только вопросомъ времени. Что же касается до соединенія желѣзной дорогой рѣкъ Вятки и Двины, то оно является нравственной обязанностію государственныхъ дѣятелей въ видахъ предупрежденія событій недавняго прошлаго. Мысль объ отсрочкѣ сооруженія такихъ дорогъ какъ Ростовская, Вяземская и Тульско-Елецкая, мы также признаемъ вполне рациональною и можемъ только пожалѣть, что она не была принята. Опытъ вполне подтвердилъ основательность такого мнѣнія, такъ какъ дороги эти не только не даютъ дохода, но и не покрываютъ расходовъ эксплуатаціи.

Инженеръ генераль Мельниковъ, въ виду того обстоятельства, что разрѣшенные дороги уже примыкали въ 7 пунктахъ къ Волгѣ, къ 5 Балтійскимъ портамъ, къ четыремъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей и въ шести пунктахъ выходили на западную границу, указывалъ на необходимость соединенія съ общей желѣзнодорожной сѣтью Сибири и Архангельскаго порта. Сибирская линія отъ Тобола черезъ Пермь до Волги, по мнѣнію генерала Мельникова, имѣетъ государственное значеніе, такъ какъ она можетъ приблизить къ центру государства не одинъ зауральскій край, но — при посредствѣ обширной водной системы — и дальнѣйшія части Сибири. Кромѣ того, путь этотъ не только создастъ возможность обмѣна сырыхъ

сибирскихъ продуктовъ на произведеніи русскихъ фабрикъ и предметовъ заграничнаго привоза, не только обезпечить продовольствіе уральскаго горнозаводскаго населенія, но и дать возможность къ такому развитію горнаго и механическаго производства, которое *прекратитъ зависимость нашихъ желѣзныхъ дорогъ отъ иностранныхъ заводовъ, — зависимость сопряженную съ ущербомъ для денежнаго курса и могущую имѣть самыя гибельныя послѣдствія въ случаѣ домага политическаго разрыва.* Линію къ Архангельскому порту отъ Вятки или Котельнича до сліянія рѣкъ Вычегды и сѣверной Двины генераль Мельниковъ считалъ положительно необходимой, сходилса въ этомъ отношеніи съ мнѣніемъ генераль-адъютанта Зеленаго и полагалъ исключить изъ предложенной сѣти тѣже самыя линіи. Скопинско-Вяземская линія, по его мнѣнію, только спрямила бы путь отъ Рязска черезъ Москву до Вязмы и могла только отрывать грузы отъ другихъ гарантированныхъ правительствомъ дорогъ. Линія отъ Ельца до Туло-Скопинской дороги предположена между тремя желѣзными дорогами и среднее расстояние гужевой къ нимъ подвозки не превышаетъ 40 — 65 верстъ. Въ такихъ же условіяхъ находится и Фастовская дорога, такъ какъ мѣстность, по которой она проходитъ нуждается въ гужевомъ подвозѣ не болѣе какъ на разстояніи въ 35 верстъ. Соединеніе Воронежско-Грушевской и Азовской дорогъ не обѣщаетъ существенной пользы, такъ какъ развитіе каменно-угольнаго промысла можетъ быть достигнуто специальными небольшими вѣтвями. Генераль Мельниковъ полагалъ также отложить сооруженіе Моршанско-Сызранской линіи и сдѣлать подробное изслѣдованіе сравнительныхъ выгодъ этой линіи съ Самаро-Нижегородской, такъ какъ послѣдняя имѣетъ очень многое въ свою пользу. Будучи частью прямого сообщенія между Оренбургомъ, Москвою и Балтійскимъ моремъ Самаро-Нижегородская линія не длиннѣе Моршанской и не входитъ подобно Моршанской въ районъ Саратовской. Она даетъ направленіе оренбургскому хлѣбу въ нуждающіяся въ немъ мѣстности Нижегородской и Владимірской губерній и удовлетворяетъ интересамъ удѣльнаго вѣдомства, пересѣкая лѣсныя пространства, остающіяся непродуцительными за недостаткомъ сообщеній. Наконецъ Елтонскую линію онъ находилъ нужнымъ направить не къ Камышину, а къ Царицыну, такъ какъ при послѣднемъ направленіи соль можетъ быть отправляема въ теченіи всего года безъ водянаго пути, который прекращается въ зимнее время и при этомъ усилилось бы движеніе на Грязе-Царицынской дорогѣ, доходы которой гарантированы правительствомъ.

Мы нарочно выписали довольно подробно мнѣніе инженеръ генерала Мельникова, какъ бывшаго министра Путей Сообщенія, такъ какъ оно должно особенно интересоватъ читателей. Всмотриваясь ближе въ это мнѣніе нельзя не замѣтить, что, подходя довольно близко съ дѣйствительнымъ интересамъ Россіи и угадывая ихъ отчасти, онъ не вполне однако ясно опредѣлилъ ихъ. Вслѣдствіе этого вполне вѣрные взгляды перемѣшаны съ ошибочнымъ мнѣніемъ, что постройка желѣзныхъ дорогъ въ состояніи не только содѣйствовать развитію промышленности, но даже способна создать ее. Мы вполне соглашаемся съ необходимостью желѣзной дороги для нашего сѣвера, но никакъ не можемъ согласиться, что эта дорога должна идти отъ Перми къ Волгѣ. Въ этомъ направленіи мы имѣемъ очень удобный путь передвиженія, а потому нашъ сѣверный край нуждается въ другой магистральной линіи, которая сближала бы его съ ея портовыми городами Архангельскомъ и Петербургомъ. Что же касается сообщенія съ Москвою, то эта потребность — конечно, будетъ удовлетворена проведеніемъ вѣтви отъ главной магистральной линіи къ Нижнему-Новгороду. Слѣдовательно вопросъ о сибирской желѣзной дорогѣ не есть вопросъ только о соединеніи Сибири съ центромъ русской промышленности Москвою, а тѣсно связанъ съ поддержаніемъ жизни всего нашего сѣвернаго края. Дорога вблизи водораздѣла Вѣлаго и Балтійскаго бассейновъ прямо къ Петербургу укоротитъ разстояніе отъ Перми до Петербурга по меньшей мѣрѣ на 300 верстъ, чѣмъ путь черезъ Казань, Нижній и Москву, а слѣдовательно удешевитъ провозъ товаровъ по меньшей мѣрѣ на 15%, не считая дешевизны сооруженія этого пути и дешевизны его эксплуатаціи. Но даже еслибъ такого удешевленія и не послѣдовало, то и тогда этому направленію слѣдуетъ отдать преимущество передъ направленіемъ на Казань и Нижній-Новгородъ въ видахъ удовлетворенія разомъ нѣсколькимъ цѣлямъ, а именно: сближенію Архангельскаго порта съ Уральскимъ краемъ и хлѣбными рынками, сокращенію пути къ Петербургу и поддержанію жизни во всемъ сѣверномъ краѣ Россіи. При этомъ возможность соединенія Москвы съ Ураломъ не только не уменьшается, а напротивъ, значительно облегчается, тогда какъ линія отъ Екатеринбурга на Казань уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить всѣмъ поименованнымъ цѣлямъ. Кромѣ того направленіе всѣхъ сибирскихъ и уральскихъ грузовъ на Москву не только возвыситъ ихъ цѣнность въ Петербургѣ и слѣдовательно уменьшитъ заграничный на нихъ спросъ, но и затруднитъ перевозку ихъ по Николаевской дорогѣ, такъ какъ по количеству движенія она уже и

теперь затрудняется удовлетворять требованію, которое увеличивается съ каждымъ годомъ. Въ видахъ устраненія этихъ послѣднихъ неудобствъ для уральскихъ и сибирскихъ грузовъ, подлежащихъ вывозу, необходимо создать новый выходъ, не загромождая ими Николаевской дороги, которая представляетъ единственно возможный путь движенія грузовъ изъ центральныхъ губерній. Мы подчеркнули также въ мнѣніи генерала Мельникова, то мѣсто, въ которомъ выражена надежда, что Сибирская дорода можетъ послужить къ такому развитію у насъ горнаго и механическаго дѣла, которое поставитъ насъ внѣ зависимости отъ иностранныхъ заводовъ. Противъ этого можно сказать, даже не становясь на научную точку зрѣнія въ международномъ обмѣнѣ, что для подобнаго развитія нужны не одни желѣзные пути, а и другія, очень многія условія и прежде всего возможность усиленія народныхъ сбереженій и слѣдовательно уменьшеніе податныхъ тягостей. Безъ этого послѣдняго условія нельзя имѣть ни матерьяльныхъ, ни нравственныхъ капиталовъ, нужныхъ для развитія всей культуры страны. Заботы правительства должны выражаться лишь въ тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ содѣйствовать всѣмъ вообще видамъ промышленности, а не какой либо отдѣльной ея отрасли, такъ какъ содѣйствіе, напримѣръ, горному и механическому производству, никогда не двинетъ его впередъ, если развитіе общей культуры не подготовило для этого удобной почвы. Прежде всего необходимо приготовить плодородную почву, а за тѣмъ уже заботы ваши могутъ перейти на воздѣлываніе того или другаго растенія, смотря по условіямъ мѣста и времени. На этомъ основаніи мечтать о нашей независимости отъ иностранныхъ заводовъ, прежде чѣмъ народъ нашъ будетъ въ состояніи дѣлать сбереженія—все равно, что гоняться за своею тѣнью. Но еще болѣе странною показалась намъ мысль, что наша зависимость можетъ имѣть самыя губительныя послѣдствія въ случаѣ продолжительнаго политическаго разрыва. При настоящемъ положеніи военнаго дѣла и при тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, которыя вызываются въ экономическомъ отношеніи прекращеніемъ международнаго обмѣна вообще, политическій разрывъ и въ особенности продолжительный представляется такимъ народнымъ бѣдствіемъ, въ виду котораго не стоитъ и говорить о неудобствахъ, возникающихъ вслѣдствіе зависимости нѣкоторыхъ нашихъ потребностей отъ заграничныхъ фабрикъ и заводовъ. Политическій разрывъ и военныя дѣйствія, какъ прямыя его послѣдствія, представляютъ дѣйствительное бѣдствіе, временное же прекращеніе привоза какихъ бы то ни было предметовъ потребленія, есть только

неудобство, которое всегда может быть предотвращено известным количеством запасовъ, состоящихъ въ распоряженіи торговли, — запасовъ, которые обыкновенно возрастаютъ въ моменты, когда политическій горизонтъ чѣмъ нибудь омрачается. Англія, на примѣръ, въ этомъ отношеніи находится въ гораздо большей зависимости отъ Россіи, чѣмъ послѣдняя отъ Англіи, такъ какъ Россія снабжаетъ Англію средствами продовольствія, т. е. удовлетворяетъ наиболѣе существенную потребность Англіи. Тѣмъ не менѣ Англія не убоилась разрыва и, въ виду его возможности, торговля Англіи потребовала отъ Россіи въ 1877 году чуть не двойное количество хлѣбныхъ грузовъ въ запасъ на случай войны. При настоящихъ условіяхъ война не можетъ продолжаться болѣе года; она требуетъ такого напряженія народныхъ силъ, которое не легко выдержать и такое время, а потому запасы, состоящіе въ распоряженіи торговли, всегда въ состояніи удовлетворить данную потребность тѣмъ болѣе, что пополненіе этихъ запасовъ всегда можно сдѣлать при посредствѣ нейтральныхъ державъ. Если же такимъ образомъ извѣстные заграничные товары на время войны возвысятся въ цѣнѣ, то очевидно, что лучше перенести дороговизну временно, чѣмъ водворять ее постоянно. Кромѣ того, мы думаемъ, что экономическія условія народной жизни должны складываться въ видахъ нормальнаго порядка вещей, а вовсе не въ видахъ военнаго времени, которое не имѣетъ въ себѣ ничего нормальнаго. Было бы очень нерасчетливо, если бы мы на случай возможной войны, стали бы жертвовать продолжительными эпохами мирнаго времени и уродовать условія нормальнаго порядка вещей для того только, чтобъ избѣжать нѣкоторыхъ неудобствъ военнаго времени. Нѣтъ, лучше, тысячу разъ лучше выдержать самую страшную дороговизну въ теченіи одного какого нибудь года, чѣмъ терпѣть искусственное возвышеніе цѣнъ на 10 или 15% въ длинные періоды мирнаго времени. При послѣднемъ порядкѣ вещей, народныя средства тратятся понемногу, но постоянно, что препятствуетъ накопленію капиталовъ и тѣмъ сильнѣе подрываетъ экономическія силы страны, чѣмъ менѣ обращаетъ на себя вниманія.

Изъ всего сказаннаго, слѣдуетъ заключить, что желѣзныя дороги при обиліи капиталовъ въ странѣ, могутъ дать сильный толчекъ существующей промышленности, но было бы иллюзіей предположеніе о возможности этимъ средствомъ вызвать къ жизни новыя отрасли производства. Если же при этомъ податныя тягости народа увеличиваются и тѣмъ уменьшается возможность накопленія сбереженій, то

железные дороги не только не приносят пользы промышленности, но онѣ парализуютъ ея развитіе, отвлекая послѣдніе капиталы отъ ихъ прямого и естественнаго назначенія. Кромѣ того онѣ стягиваютъ свободные капиталы къ большимъ промышленнымъ и административнымъ центрамъ въ видахъ затраты ихъ въ крупныя предпріятія и вызываютъ биржевую игру: однимъ словомъ, онѣ представляютъ каналы, посредствомъ которыхъ крупныя центры высасываютъ жизненныя силы провинціи и тратятъ ихъ не производительно.

Комитетъ железныхъ дорогъ, приступивъ къ обсужденію всѣхъ поступившихъ въ него заявленій, прежде всего обратился къ тѣмъ дорогамъ, которыми пополнялась большая линія, долженствовавшая соединить Оренбургъ съ Балтійскими портами, а именно Оренбурго-Бузулукской, Самаро-Сызранско-Моршанской, Скопино-Тульско-Вяземской и Динабурго-Шавельской.

Противъ Оренбурго-Бузулукской линіи въ дополненіе къ Самаро-Бузулукской никто не возражалъ, но, по поводу продолженія этой дороги чрезъ Сызрань внутрь Россіи, мнѣнія комитета железныхъ дорогъ раздѣлились. Четыре члена, соглашаясь съ проектомъ Министра Двора, считали болѣе выгоднымъ направленіе пути отъ Сызрани на Нижній-Новгородъ, тогда какъ 10 членовъ находили необходимымъ вести дорогу черезъ Пензу къ Моршанску. Основаніемъ для такого разногласія послужилъ различный взглядъ членовъ на направленіе, которое можетъ принять наша средне-азиатская торговля, т. е. какъ лучше и прямѣе направить транзитную черезъ Россію торговлю средней Азіи съ Европой. Мы думаемъ, что всѣ подобныя соображенія о сношеніяхъ не только съ средней Азіей, но и съ Оренбургскимъ краемъ чрезвычайно проблематичны и разрѣшать подобныя вопросы въ настоящее время по меньшей мѣрѣ преждевременно, да и притомъ нѣтъ никакой надобности. Намъ кажется, что выдвигать изъ общей сѣти железную дорогу къ такому отдаленному пункту какъ Оренбургъ не было никакой надобности. Гораздо было бы выгоднѣе въ экономическомъ отношеніи вести развѣтвленіе уже существующихъ путей и такимъ образомъ раздвигать всю сѣть къ востоку, чѣмъ создавать новую магистральную линію, которая не будетъ окупаться до тѣхъ поръ, пока культура Оренбургскаго края не разовьется до извѣстной степени, чего намъ долго еще не дожидаться. Преждевременное разрѣшеніе вопроса о сооруженіи Самаро-Оренбургской дороги вызвало собою и вопросъ о продолженіи этой дороги внутрь Россіи, тогда какъ правильное развитіе сѣти должно было идти какъ разъ наоборотъ, т. е. отъ центра къ окружности. Мы не будемъ входить въ

подробное изложеніе мотивовъ разногласія гг. членовъ комитета, такъ какъ по нашему мнѣнію доводы обѣихъ сторонъ не выдерживаютъ критики и укажемъ только на тѣ, которые представляются дѣйствительно реальными. Такимъ реальнымъ мотивомъ въ мнѣніи четырехъ членовъ комитета является то обстоятельство, что Самаро-Нижегородская линія прошла бы по обширнымъ лѣснымъ дачамъ Удѣльнаго Вѣдомства, находящимся въ Симбирской и Нижегородской губерніяхъ, занимающихъ площадь въ 700,000 десятинъ и остающихся мертвымъ капиталомъ за недостаткомъ сбыта лѣсныхъ матеріаловъ. Хотя, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, подобное соображеніе и не выдерживаетъ критики, но во всякомъ случаѣ такой мотивъ имѣеть въ виду дѣйствительные, практическіе интересы, тогда какъ развитіе транзитной торговли между Европой и средней Азіей представляетъ собою какія-то воздушныя замки, не болѣе. Точно также, въ мнѣніи 10 членовъ, реальнымъ основаніемъ можно только считать то обстоятельство, что для соединенія Сызрани съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ кратчайшій путь идетъ черезъ Пензу къ Моршанску и что слѣдовательно такой путь требуетъ наименьшихъ затратъ. Дѣйствительно, если сооруженіе линіи отъ Оренбурга до Самары рѣшено, то, конечно, невозможно было на этомъ остановиться и необходимо было связать эту линію съ общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ въ Моршанскѣ черезъ Сызрань и Пензу, въ виду кратчайшаго разстоянія по этому направленію. Но при этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что соединеніе Оренбурга съ Самарою вовсе не было необходимостію, а слѣдовательно и сооруженіе Моршанско-Сызранской линіи, проходящей почти въ районѣ Саратовско-Тамбовской дороги, было чистѣйшей роскошью. Оренбургъ также удобно могъ быть соединенъ съ Саратовомъ какъ и съ Самарою и разстояніе отъ Оренбурга до Москвы не увеличилось бы нисколько. Въ настоящее время разстояніе отъ Оренбурга до Рязска составляетъ 1,135 верстъ; отъ Саратова же до Рязска 520 верстъ, а прямое направленіе между Саратовомъ и Оренбургомъ составляетъ не болѣе 530 верстъ. Такимъ образомъ, около 85 верстъ остается еще на кривизны и обходы неудобныхъ мѣстностей. Для государственнаго казначейства подобное направленіе было бы значительно выгоднѣе, такъ какъ вмѣсто 1,006 верстъ, составляющихъ разстояніе между Моршанскомъ и Оренбургомъ, нужно было бы построить только линію въ 550 верстъ между Оренбургомъ и Саратовомъ, слѣдовательно средства на сооруженіе болѣе 400 верстъ, затраченныя на Моршанско-Сызранскую дорогу, остались бы въ экономіи и могли

быть употреблены съ бѣльшею пользою на питательныя вѣтви къ другимъ дорогамъ, не имѣющимъ грузовъ. Но главная выгода подобнаго направленія состояла бы въ томъ, что Саратовская линія, приносящая нынѣ убытокъ и земству и правительству, обратилась бы въ весьма доходную линію въ особенности, если построить къ ней нѣсколько питательныхъ вѣтвей, такъ напримѣръ къ селенію Баладѣ, къ Туркамъ и Балашову и къ городу Сердобску. Всѣ эти мѣстности дали бы дорогѣ значительное количество грузовъ. Разъ подобное направленіе отъ Оренбурга къ Саратову было бы избрано, не было бы никакой надобности строить Скопино-Вяземской линіи, которая поглотила много милліоновъ и долго останется дорогою совершенно бездоходною. Стоило бы только провести вѣтвь отъ Тамбова къ Грязямъ, чтобы избѣжать передачи вагоновъ на Тамбово-Козловскую и Козлово-Воронежскую дорогу и тогда Тамбово-Саратовская дорога вошла бы въ прямую связь съ Орлово-Грязской и Орлово-Рижской линіей. Всѣ эти линіи гарантированы правительствомъ и на этомъ основаніи казалось бы, что вся забота его должна была обратиться на то, чтобы сосредоточить на этихъ линіяхъ возможно большее количество грузовъ, а отнюдь не строить параллельныхъ линій, если они имѣютъ только транзитное значеніе. Въ данномъ случаѣ доходность всѣхъ линій отъ Грязей до Смоленска возросло бы значительно, еслибъ дорога отъ Оренбурга была направлена на Саратовъ, а часть капиталовъ затраченныхъ на Моршанско-Сызранскую линію была бы употреблена на питательныя вѣтви.

Относительно Скопинско-Вяземской дороги комитетъ не соглашаясь съ мнѣніемъ генераловъ Мельникова и Зеленаго нашель, что линія эта открываетъ прямой и кратчайшій путь отъ средней Волги въ сѣверо-западную Окрайну и въ Балтійскіе порты. Но мы уже видѣли, что она при содѣйствіи Моршанско-Оренбургской линіи только отвлекаетъ грузы и уменьшаетъ доходность Саратово-Рижской линіи. Что же касается предположенія, что на этой дорогѣ разовьется каменно-угольная промышленность, то и эта надежда комитета вовсе не подтвердилась, такъ какъ уголь этотъ оказался весьма недоброкачественнымъ и вовсе негоднымъ для перевозки на значительное разстояніе.

Линію Динабургго-Шавельскую комитетъ призналъ также необходимою для кратчайшаго соединенія Либавы съ желѣзнодорожною сѣтью. Опытъ показалъ, что Либавскій портъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ соперничать съ Кенигсбергомъ и Ригой и что затраты на желѣзные пути къ Либавѣ были совершенно напрасны.

По отношенію къ сѣвернымъ дорогамъ комитетъ выразилъ желаніе, чтобы кромѣ Ярославско-Вологодской желѣзной дороги была выстроена Вятско-Двинская дорога въ видахъ обезпеченія продовольствія жителей Архангельской губерніи, а также въ видахъ возстановленія упавшей Бѣломорской торговли, такъ какъ, при сооруженіи этой дороги, весенніе Камскіе и Волжскіе грузы поспѣвали бы къ Архангельскому порту 2-мя и 4-мя мѣсяцами ранѣе, чѣмъ поспѣваютъ водою въ С.-Петербургъ. При этомъ выражено однако сомнѣніе въ значительномъ движеніи грузовъ по обѣимъ дорогамъ, а потому рѣшено примѣнить къ нимъ систему путей узкоколейныхъ, для удешевленія стоимости ихъ сооруженія.

Въ этомъ постановленіи комитета желѣзныхъ дорогъ весьма важно совершенно справедливое замѣчаніе о паденіи Бѣломорской торговли, что есть прямое слѣдствіе быстрого развитія нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ въ центральной Россіи. Обстоятельство это весьма наглядно подтверждаетъ неоднократно выраженную нами мысль, что по мѣрѣ улучшенія путей сообщенія внутри Россіи положеніе нашего сѣвернаго края, находящагося въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ необходимо должно ухудшаться, вслѣдствіе невозможности конкурировать съ другими мѣстностями Россіи. На этомъ основаніи устройство сѣверной магистральной линіи отъ Перми къ Петербургу съ вѣтвью къ сѣверной Двинѣ составляетъ нынѣ долгъ Россіи въ отношеніи къ забытой нами сѣверной окраинѣ. Что же касается системы узкоколейныхъ путей, въ видахъ удешевленія ихъ постройки, то если эта система примѣнена будетъ ко всѣмъ дорогамъ подлежащимъ проведенію къ сѣверу отъ Волги, то мы не находимъ въ томъ никакого неудобства, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшая практика, конечно, дастъ возможность улучшить способы передвиженія по такимъ путямъ, въ чемъ трудно сомнѣваться. Кромѣ того узкоколейная дорога даже въ два пути будетъ стоить дешевле, чѣмъ широко-колейная въ одинъ путь, и слѣдовательно будетъ въ состояніи перевозить количество грузовъ не менѣе широко-колейной въ одинъ путь.

По поводу Уральской желѣзной дороги комитетъ воздержался опредѣлять выгоднѣйшее ея направленіе, въ виду крайней противуположности показаній частныхъ лицъ, производившихъ изысканія; поэтому, признавъ необходимымъ сооруженіе линіи отъ Камы до Тобола (700 верстъ), опредѣлялъ командировать специальную комиссію изъ инженеровъ путей сообщенія и горнаго вѣдомства для мѣстныхъ изысканій, указавъ этой комиссіи, что главнымъ условіемъ Уральской дороги должно быть удовлетвореніе нуждамъ горнозавод-

ской промышленности въ связи съ обезпеченіемъ заводовъ хорошимъ и дешевымъ каменнымъ углемъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Уральская линія должна соответствовать всѣмъ потребностямъ сибирскаго транзита, подходить къ Камѣ въ удобномъ мѣстѣ для ея перехода (въ виду будущаго продолженія этой линіи) и удовлетворять условіямъ наиболѣе дешевой системѣ построенія.

Мы позволимъ себѣ замѣтить, что, давая подобную инструкцію комиссіи, комитетъ желѣзныхъ дорогъ возлагалъ на нее не разрѣшную задачу, такъ какъ удовлетворить такимъ противоположнымъ цѣлямъ одна дорога рѣшительно не можетъ. Потребности горнозаводской промышленности состоятъ въ возможности получать по дешевымъ цѣнамъ минеральное топливо и предметы продовольствія. Такимъ потребностямъ всего лучше можетъ удовлетворять дорога отъ Луневскихъ каменно-угольныхъ копій, проходящая чрезъ наиболѣе значительные заводы и Екатеринбургъ и доходящая если не до Троицка, то по крайней мѣрѣ до Челябинска, т. е. линія, идущая почти въ направленіи отъ сѣвера къ югу уклоняясь нѣсколько на востокъ. Такая дорога, доставляя съ сѣвера уголь въ обратныхъ поѣздахъ, подвозила бы къ заводамъ предметы продовольствія для горнозаводскаго населенія. Между тѣмъ для удовлетворенія потребностямъ сибирскаго транзита нуженъ кратчайшій путь отъ Перми чрезъ Екатеринбургъ до Тюмени, т. е. линія пересѣкающая первую почти подъ прямымъ угломъ. Выполнить подобную инструкцію можно было только, не удовлетворивъ вполнѣ ни той, ни другой цѣли, на чтѣ прямо указываетъ нынѣ устроенная желѣзная дорога, такъ какъ она уклоняясь слишкомъ къ сѣверу для того чтобъ захватить наиболѣе значительные заводы и удлинняя такимъ образомъ путь отъ Перми до Екатеринбурга и увеличивая стоимость перевозки не соответствуетъ потребностямъ сибирскаго транзита; останавливаясь же въ Екатеринбургѣ безъ продолженія на югъ, она не даетъ возможности горнозаводскому населенію пользоваться дешевымъ продовольствіемъ. Такимъ образомъ желаніе удовлетворить многоразличнымъ цѣлямъ сооруженіемъ одной линіи не доставило краю тѣхъ удобствъ, которыхъ можно было ожидать отъ такой значительной затраты государственныхъ средствъ.

Наконецъ относительно Елтонаской дороги комитетъ заключилъ не предрѣшать вопроса ни о направленіи дороги отъ Елтона, ни о признаніи именно озеро Елтона наиболѣе выгоднымъ изъ Нижневожскихъ соляныхъ мѣсторожденій и предоставить Министрамъ

Путей Сообщенія и Финансовъ разъяснить этотъ вопросъ и затѣмъ войти съ особымъ представленіемъ.

На основаніи этихъ соображеній въ дополненіе къ утвержденной 1-го марта 1870 года первой части сѣти желѣзныхъ дорогъ составилась вторая ея часть, которая и удостоилась Высочайшаго утвержденія 27 марта того же года. Въ нее вошли слѣдующія дороги:

1) Оренбурго-Бузулукская	240	верстъ
2) Самаро-Пензенско-Моршанская	580	"
3) Скопино-Тульская	}	385 "
4) Тульско-Калужско-Вяземская (Ряжско-Вяземская)		
5) Динабург-Шавельская	200	"
6) Отъ Орлово-Грязской до Скопино-Тульской дороги (Вѣтвь Ряжско-Вяземской къ Ельцу).	135	"
7) Отъ Ливень до Елецко-Орловской дороги	54	"
8) Кишиново-Прутская	103	"
9) Отъ Николаева до Elizаветградо-Кременчуг- ской дороги (Знаменско-Николаевская)	215	"
10) Отъ Elizаветградо-Кременчугской дороги до Кіево-Балтской (фастовская)	220	"
11) Отъ Роменъ до Харьков-Кременчугской дороги (продолженіе Ландварово-Роменской).	160	"
12) Отъ Азовской дороги чрезъ заводъ Юза до Маріуполя	185	"
13) Отъ Азовской до Воронежско-Ростовской до- роги	200	"
14) Отъ Грушевки до Калача	270	"
15) Уральская	}	1000 "
16) Вологодская		
17) Вятско-Двинская		
18) Соляная Нижневолжская		
Сверхъ того въ эту сѣть введены вѣтви Радзиви- ловская отъ Праги до Новогеоргиевска и отъ Лукова до Ивангорода, двѣ послѣднія по требованію военнаго Министра	180	"
Итого	4127	верстъ

Означенную сѣть постигла таже участь, какъ и всѣ прочія утвержденныя сѣти, т. е. нѣкоторыя изъ этихъ дорогъ не только не построены до настоящаго времени, но и неизвѣстно когда будутъ

строиться, тогда какъ другія, вовсе не входившія въ сѣть, давно уже выстроены и успѣли не только поглотить значительныя средства государственнаго казначейства, но и задолжать правительству вслѣдствіе займовъ на покрытіе дефицитовъ по эксплуатаціи. Къ числу не построенныхъ до сихъ поръ дорогъ, не смотря на существованію въ нихъ необходимость относятся: 1) Продолженіе Ландварово-Роменской дороги до ея пересѣченія съ Харьковско-Кременчугской дорогой; 2) Мариупольская, не смотря на то, что начало ея под именемъ Константиновской дороги построено и приноситъ постоянный убытокъ; 3) Вятско-Двинская, необходимая въ видахъ предупрежденія повторенія голодной катастрофы 1868 года, всегда возможной при настоящемъ положеніи путей сообщенія, и 4) Нижневожская, необходимая въ видахъ удешевленія соли. Въмѣсто этихъ совершенно необходимыхъ путей выстроены другіе далеко неимѣющіе такого значенія и приносящіе чистѣйшій убытокъ. Сюда относятся: Риго-Болдерааская, Путиловская, Гутуевская, участокъ отъ Митавы до Можейки, продолженіе Новоторжской дороги до Ржева и наконецъ Привислянская дорога, которая едва ли когда нибудь будетъ выгодна, конкурируя съ Юго-Западною. Мы не говоримъ уже о Новгородской узкоколейной и Боровицкой, такъ какъ дороги эти выстроены на частныя средства и быть можетъ не будутъ обременять собою средствъ государственнаго казначейства.

Изложивъ такимъ образомъ соображенія, на основаніи которыхъ утверждена послѣдняя сѣть желѣзныхъ дорогъ, мы изложимъ въ настоящей статьѣ исторію сооруженія тѣхъ изъ нихъ, которыя входили въ сѣть, утвержденную 27 декабря 1868 года.

Хотя Смоленско-Брестская линія вошла только въ послѣднюю сѣть желѣзныхъ дорогъ, но условія ея сооруженія мы изложили во второй нашей статьѣ, говоря о постройкѣ Московско-Смоленской дороги, такъ какъ всѣ пренія о направленіи первой трудно было отдѣлать отъ послѣдней, а отсрочка сооруженія смоленско-брестской дороги послѣдовала только по финансовымъ соображеніямъ, такъ что при обсужденіи послѣдней сѣти вовсе не возникало никакихъ сужденій по этому вопросу. На этомъ основаніи мы переходимъ къ изложенію исторіи сооруженія Бресто-Бердичевской линіи — исторіи замѣчательной во многихъ отношеніяхъ.

Бресто-Бердичевская линія входила въ составъ сѣти, утвержденной 27 декабря 1868 года, но концессіи на ея сооруженіе въ теченіи 1869 года выдано не было, и какъ видно изъ послѣдующихъ обстоятельствъ по этому направленію, не было сдѣлано никакихъ пра-

вительственныхъ изысканій. Повидимому послѣ всѣхъ произведенныхъ опытовъ въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, послѣ такого значительнаго колебанія стоимости ихъ сооруженія и въ виду колоссальныхъ состояній, пріобрѣтенныхъ многими строителями, необходимость подробныхъ изысканій на мѣстѣ и опредѣленія дѣйствительной стоимости сооруженія были очевидны и потому нельзя не удивляться, что по этой линіи ничего подобнаго сдѣлано не было. Обстоятельство это мы позволяемъ себѣ объяснить только тѣмъ, что дорога эта внесена была въ сѣть въ видахъ стратегическихъ, и Министерство Путей Сообщенія, не придавая ей экономическаго значенія, быть можетъ не предполагало приступить къ ея сооруженію въ 1879 году. Между тѣмъ въ Министерствѣ Финансовъ и въ Министерствѣ Путей Сообщенія уже существовали предположенія о передачѣ въ частныя руки всей юго-западной сѣти желѣзныхъ дорогъ. Весьма естественно что при подобномъ настроеніи въ Министерствѣ Путей Сообщенія возникла мысль о присоединеніи Бресто-Бердичевского участка къ линіи отъ Кіева до Жмеринки, а участка отъ Волочиска до Балты къ Одесской желѣзной дорогѣ, и объ образованіи двухъ обществъ Одесской и Кіево-Брестской желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ обѣ дороги, исходя изъ важныхъ торговыхъ центровъ могли имѣть кромѣ стратегическаго и экономическаго значеніе. Быть можетъ настояніе Военнаго Министерства о скорѣйшемъ сооруженіи новаго стратегическаго участка заставило ускорить разрѣшеніемъ этого вопроса и приступить къ сооруженію этой линіи безъ предварительныхъ изысканій и подробнаго проекта. Это, конечно, только одна наша догадка.

И такъ, признавая полезнымъ передать частной предпріимчивости устройство и эксплуатацію всѣхъ югозападныхъ желѣзныхъ дорогъ, Министерство Путей Сообщенія 27 февраля 1870 года внесло въ Комитетъ Министровъ проектъ нормальной концессіи на Кіево-Брестскую дорогу, составленный на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Кіево-Брестская дорога составляется изъ двухъ участковъ: а) участка отстроенной уже правительствомъ Кіево-Балтской дороги отъ Кіева до станціи Жмеринки съ вѣтвью отъ станціи Казатина до Бердичева 278 верстъ и б) участка, предположеннаго къ постройкѣ отъ Бердичева до Бреста съ вѣтвью къ Австрійской границѣ у Радзивилова 535 верстъ.

2) Предположенное къ учрежденію общество Кіево-Брестской желѣзной дороги обязывается пріобрѣсти отъ правительства первый участокъ (отъ Кіева до Жмеринки) съ подвижнымъ составомъ,

произвести на этомъ участкѣ дополнительныя обзаведенія, устройства и усиленіе подвижнаго состава и выстроить въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ, согласно указаннымъ техническимъ условіямъ, второй участокъ отъ Бердичева до Бреста и Радзивилова, снабдивъ также и этотъ послѣдній подвижнымъ составомъ и всѣми принадлежностями для эксплуатаціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ общество обязывалось войти въ соглашеніе съ компаніею Галиційской Лемберго-Бродской желѣзной дороги касательно соединенія этой послѣдней съ Радзивилловскою вѣтвью Кіево-Брестской дороги. Обществу предоставляется владѣніе дорогою въ теченіи 81 года.

3) Стоимость уступаемаго Правительствомъ участка опредѣлена въ 14.877,000 рублей металлическихъ согласно поверстной стоимости сооруженія по контракту съ Девріеромъ. Сумму эту правительство должно получить акціями общества на номинальную стоимость въ 5.292,000 руб. и облигаціями на 14.544,000, всего на 19.836,000 руб., т. е. считая по 75% дѣйствительной стоимости за каждый рубль нарицательнаго капитала. Стоимость дополнительныхъ работъ и поставокъ на первомъ участкѣ опредѣлена въ 1.485.000 руб. метал., для полученія этой суммы обществу разрѣшался выпускъ акцій на 1.980.000 руб. тоже по расчету 75% за сто.

4) Капиталь на постройку втораго участка образуется выпускомъ на одну треть негарантированныхъ акцій и на остальные двѣ трети облигацій съ правительственною гарантіей 5% дохода и $\frac{1}{10}$ % погашенія. Всѣ облигаціи правительство оставляло за собою, выплачивая за нихъ по мѣрѣ окончанія работъ наличными деньгами по 75 за сто. Самому же обществу предоставлялось реализовать лишь акціи по второму участку и на покрытіе расходовъ по дополнительнымъ работамъ и поставкамъ на первомъ участкѣ. Размѣръ капитала на сооруженіе 2-го участка долженъ былъ опредѣляться по конкуренціи между соискателями концессіи.

5) Количество подвижнаго состава опредѣлено для всей линіи 181 паровозъ и 3422 вагона вмѣстѣ съ платформами, т. е. на 813 верстъ протяженія одинъ паровозъ на $4\frac{1}{2}$ версты и по 4 вагона на версту.

6) 20% акціонернаго капитала слѣдовало внести въ Государственный Банкъ въ удостовѣреніе образованія общества, каковой капиталъ и долженъ былъ выдаваться обществу по мѣрѣ производства работъ въ процентномъ отношеніи этой суммы ко всему капиталу, назначенному на новыя работы и поставки.

7) Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня утвержденія концессіи об-

шество обязывалось представить на утверждение Министра Путей Сообщения общій проект устройства втораго участка дороги и дополнительныхъ работъ на первомъ участкѣ, а также разѣночную вѣдомость, обнимающую весь нарицательный капиталъ, назначенный на устройство дороги.

Этотъ проектъ нормальной концессіи на Кіево-Брестскую дорогу былъ утвержденъ постановленіемъ Комитета Министровъ 10 марта 1870 года и министру финансовъ предоставлено было вызвать совскаателей на образование акціонернаго общества. Вслѣдствіе поступившихъ отъ разныхъ лицъ предложеній по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ вызваны были къ конкуренціи слѣдующія лица: 1) дѣйствительный статскій совѣтникъ Вороининъ и статскій совѣтникъ Герсфельдъ; 2) коммерціи совѣтникъ Губонинъ съ варшавскимъ банкиромъ барономъ Френкелемъ; 3) подпоручикъ Каншинъ; 4) варшавскій банкиръ Кронбергъ; 5) статскій совѣтникъ фонъ-Мекъ; 6) коммерціи совѣтникъ Поляковъ; 7) дѣйствительный статскій совѣтникъ Рябининъ; 8) инженеръ полковникъ Струве, и 9) французскій подданный Фильель-Броги, если послѣдній будетъ имѣть достаточную финансовую поддержку.

Наименьшую цѣну постройки дороги заявилъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Рябининъ, за которымъ и было оставлено право образованія общества по положенію Комитета министровъ, Высочайше утвержденному 27 апрѣля 1870 года. Наричательный капиталъ втораго участка опредѣлился по конкуренціи въ 23.834,250 руб. мет. Такимъ образомъ весь нарицательный капиталъ общества Кіево-Брестской дороги составилъ изъ слѣдующихъ суммъ:

1) Акціонерный капиталъ 1-го участка	5.292,000 руб.
2) Акціонерный капиталъ на покрытие расхода по дополнительнымъ работамъ и поставкамъ	1.980,000 руб.
3) Акціонерный капиталъ 2-го участка	7.944,750 руб.
<hr/>	
Итого акцій на	15.216,750 руб. мет.
4) Облигаціонный капиталъ 1-го участка	14.544,000 руб. мет.
5) Облигаціонный капиталъ 2-го участка	15.889,500 " "
<hr/>	
Итого облигацій	30.433,500 " "

А весь строительный капиталъ составилъ сумму 45.650,250 руб. мет. Изъ этой цифры правительству принадлежалъ весь облигаціонный капиталъ и акціонерный 1-го участка въ суммѣ 5.292,000

руб.; общество же обязывалось реализовать лишь остальной акционерный капитал въ размѣрѣ 9.924,750 руб. Эта реализація и представляетъ собою характеристику тѣхъ махинацій, къ которымъ прибѣгаютъ желѣзнодорожные строители и банкиры для извлеченія своихъ барышей, уступая въ послѣдствіи акціонерамъ совершенно *общинанное дѣло*. Конечно опытные дѣльцы, прежде чѣмъ набивать себѣ карманы, стараются обставить и вести дѣло такимъ образомъ, чтобы дѣятельно начать постройку дороги, предоставляя себѣ въ послѣдствіи доказывать необходимость добавочныхъ средствъ. Но здѣсь повидному вышло на оборотъ и предприниматели, какъ кажется, прежде всего подумали о себѣ, поэтому дѣло не удалось съ самаго начала и повело къ такимъ разоблаченіямъ, которыя представляютъ много поучительнаго.

Само собою разумѣется, что для такого крупнаго предпріятія, какъ реализація капитала почти въ 10 мил. метал. руб. г. Рябининъ не имѣлъ ни средствъ, ни кредита, а потому онъ долженъ былъ заручиться содѣйствіемъ какого либо банкирскаго дома. На этомъ основаніи еще прежде составленія и утвержденія нормальной концессіи, предъявленной на конкуренцію, онъ вошелъ въ соглашеніе съ берлинскимъ банкирскимъ домою Влейхредеръ и ком. и заключилъ съ нимъ 27 января 1870 года контрактъ на реализацію всего капитала, нужнаго для сооруженія 2-го участка. По этому контракту одну треть акцій бралъ Влейхредеръ за себя съ уплатою за нихъ по 60% за рубль, на другую треть акцій онъ предоставлялъ себѣ право во все время сооруженія дороги удерживать за собою по 75% за рубль, наконецъ послѣднюю треть оставлялъ за собою г. Рябининъ. Реализація всего облигаціоннаго капитала, если правительство предоставитъ гарантію 5% дохода принималъ на себя Влейхредеръ по 75% за рубль и обязывался производить выдачи изъ этого капитала по мѣрѣ окончанія работъ. Кромѣ того Влейхредеръ соглашался выдать отъ 30—40% нарицательнаго капитала подъ обезпеченіе акцій, остающихся на рукахъ у г. Рябинина.

За тѣмъ 10 марта 1870 года, какъ мы видѣли выше, утвержденна была нормальная концессія, по которой правительство оставляло за собою всѣ облигаціи общества по 75% за рубль, вслѣдствіе чего реализація этихъ облигацій уже не могла быть предоставлена Влейхредеру. Повидному это обстоятельство не могло повредить предпріятію, такъ какъ правительство принимало на себя обязанность реализаціи облигацій на тѣхъ же условіяхъ на какихъ учредитель передавалъ эту обязанность банкиру Влейхредеру. Точно также для

г. Рябинина не возникало никакой ответственности передъ Блейхредеромъ въ силу заключеннаго съ нимъ договора, такъ какъ г. Блейхредеръ ничего не терялъ, а только не получалъ тѣхъ барышей, на которые жъ могъ рассчитывать и при томъ не по винѣ г. Рябинина, а вслѣдствіе особаго распоряженія, которое являлось такимъ образомъ обстоятельствомъ независящимъ отъ воли контрагента (force majeure) и слѣдовательно не давало никакихъ правъ другой сторонѣ, тѣмъ болѣе, что въ заключенномъ договорѣ подобное обстоятельство не было предусмотрено и право Блейхредера не было ограждено безусловной неустойкой. Но не такъ взглянули на это обстоятельство учредитель общества г. Рябининъ и банкиръ Блейхредеръ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что облигации правительство оставляетъ за собою, они заключаютъ дополнительное условіе, по которому Рябининъ обязывается въ томъ случаѣ, если не предоставитъ реализацію облигаций Блейхредеру, уплатить послѣднему въ видѣ неустойки половину разницы, между цѣною на берлинской биржѣ другихъ русскихъ гарантированныхъ желѣзнодорожныхъ облигаций и цѣною 75% за сто, по которой Блейхредеръ обязался реализовать облигации Кіево-Врестской желѣзной дороги. Такой договоръ состоялся 27 марта 1870 года, т. е. чрезъ 17 дней послѣ утвержденія нормальной концессіи. Намъ кажется, что такое условіе могло явиться на свѣтъ божій только потому, что по первоначальному условію вновь возникшее обстоятельство не давало Блейхредеру никакого права на подобное вознагражденіе и не освобождало его отъ исполненія другихъ принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Еслибъ это было иначе, еслибъ можно было предположить, что гг. Рябининъ и Блейхредеръ считали, что удержаніе правительствомъ облигаций за собою создаетъ какія либо новыя права для Блейхредера, то въ дополнительномъ условіи не было никакой надобности, въ особенности прежде, нежели была выдана концессія г. Рябинину. Защитники г. Рябинина могли бы намъ возразить, что еслибъ онъ не согласился подписать дополнительнаго условія, то Блейхредеръ, даже не имѣя на то права, могъ отказаться отъ исполненія первоначальнаго договора, и тогда Рябининъ, вмѣсто необходимыхъ ему денегъ, могъ имѣть только процессъ. Но, во первыхъ, банкирскій домъ едва ли бы рискнулъ на подобный процессъ въ Берлинѣ, а во вторыхъ, условія реализаціи акцій были на столько выгодны, что по этой цѣнѣ ихъ принялъ бы каждый банкъ, въ особенности въ видѣ обезпеченія ссуды: общая сумма, выданная Блейхредеромъ подъ всѣ акціи не превышала 40%. На этомъ основаніи мы

думаемъ, что заключеніе дополнительнаго договора было вызвано не только увѣренностію обоихъ контрагентовъ, что первоначальное условіе не даетъ никакого права на требованіе съ общества вознагражденія за неполное осуществленіе договора, но было вызвано и выгодною обѣихъ сторонъ. Въ виду означенныхъ обстоятельствъ нельзя иначе объяснить себѣ согласія г. Рябинина на сдѣлку, имѣющую въ виду усилить интересъ г. Влейхредера въ ущербъ интересовъ будущаго общества.

По утвержденіи концессіи Влейхредеръ получилъ третью часть своихъ акцій и внесъ за нихъ на основаніи условія 27 января по 60 за 100 всего 1.984,950 руб., которые на основаніи § 3 концессіи и были внесены въ государственный банкъ какъ составляющіе 20% съ акціонернаго капитала въ доказательство образованія общества. Означенная сумма подлежала выдачѣ правленію въ процентномъ отношеніи по мѣрѣ исполненія работъ, по квитанціямъ инспекціи.

Затѣмъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Рябининъ, пригласивъ 10 лицъ *изъявившихъ желаніе взять за себя остальные акціи* Кіево-Брестской дороги, составилъ изъ нихъ общее собраніе 16 мая 1870 года. Мы обращаемъ вниманіе на подчеркнутыя нами слова, такъ какъ впоследствии оказалось, что этихъ акцій никто изъ приглашенныхъ за себя не взялъ и ихъ не оплачивалъ: это ясно изъ того обстоятельства, что всѣ эти акціи вскорѣ послѣ того оказались въ залогѣ у Влейхредера по 30 коп. за рубль, что мы и увидимъ ниже. Точно также слѣдуетъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что въ этомъ такъ называемомъ общемъ собраніи не присутствовало представителя правительственныхъ акцій, хотя на основаніи концессіи присутствіе его необходимо для дѣйствительности постановленій собранія. Такимъ образомъ, несмотря на всю незаконность подобнаго собранія, оно избрало правленіе, предсѣдателемъ котораго сдѣлался учредитель общества г. Рябининъ. Собраніе это утвердило также всѣ финансовыя сдѣлки учредителя съ Влейхредеромъ и одобрило оптовый контрактъ со строителями: г. Рябининымъ и военными инженерами Фалькенгагеномъ и Ждановичемъ на сооруженіе желѣзной дороги и производство дополнительныхъ работъ и поставокъ съ предоставленіемъ имъ полученія всѣхъ суммъ которыя будутъ выручены по реализаціи бумагъ общества; при этомъ въ контрактѣ помѣщено было условіе, что если правительство измѣнитъ направленіе линіи, то это ни должно ни увеличивать, ни уменьшать условленной оптовой платы за работы и поставки. Такимъ

образомъ оказывается, что главнѣйшія сдѣлки, которыя имѣли рѣшительное вліяніе на все финансовое положеніе общества, были утверждены лицами вовсе не причастными къ дѣлу и безъ участія представителя правительства, дѣйствительно владѣвшаго акціями на сумму свыше пяти милліоновъ рублей.

Но всего удивительнѣе, что послѣдовавшее того же 16 мая о всемъ вышеизложенномъ донесеніе Министерству Финансовъ, не только не вызвало со стороны послѣдняго какого-либо возраженія, но во вновь избранное правленіе назначенъ былъ директоромъ отъ правительства дѣйствительный статскій совѣтникъ Рербергъ, который и принималъ участіе во всѣхъ послѣдующихъ распоряженіяхъ правленія.

Между тѣмъ правленіе общества, имѣя на рукахъ не реализованныя акціи и не имѣя никакихъ другихъ средствъ для начала работъ, рѣшилось обратиться за ссудою подъ обезпеченіе акцій къ тому же Блейхредеру, вслѣдствіе чего состоялась сдѣлка, по которой Блейхредеръ выдалъ за всѣ оставшіяся свободными акціи по 30%, что составило сумму также въ 1.984,950 руб., удержавъ изъ этой суммы слѣдующую ему по дополнительному условію съ г. Рябининымъ неустойку за непредоставленіе ему реализаціи облигацій и разныхъ комиссій всего 652,121 руб. 25 коп. Такимъ образомъ въ распоряженіе правленія поступило только 1.332,828 руб. 75 коп.

Но и эта сумма не помогла обществу дѣятельно приступить къ работамъ, такъ какъ она исчезла безслѣдно. Въ докладѣ правленія экстренному собранію общество 25 февраля 1871 года объ этой суммѣ сказано только, что она *выдана строителямъ* на какіе-то предварительные расходы, но на какіе именно, на то нѣтъ никакихъ указаній въ отчетахъ правленія. Изъ этого можно заключить, что эти расходы не входили въ разцѣпочную вѣдомость. Такое предположеніе подтверждается и тѣмъ, что при передачѣ оптоваго контракта другому строителю сумма эта была скинута послѣднимъ со всѣхъ статей разцѣпки въ пропорціональномъ количествѣ (См. разцѣпочную вѣдомость для расчетовъ правленія съ новымъ строителемъ Задлеромъ, приложенную къ вышеозначенному докладу общему собранію 25 февраля 1871 года).

Съ такимъ исчезновеніемъ суммы въ 1.332,828 руб. 75 коп., послѣднія средства правленія для начала работъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякая надежда на возможность продолженія дѣла исчезли окончательно, оптовые же подрядчики также не имѣли никакихъ средствъ, а между тѣмъ самое дѣло представляло уже значительный дефицитъ,

образовавшийся вследствие: а) дешевой реализации первой трети акций по 60 за 100; б) удержания Блейхредером неустойки по дополнительному съ Рябининимъ договору и наконецъ в) растраты строителями вырученныхъ по залогу акций 1.332,828 руб. 75 коп.

По расчетамъ правленія на всѣ работы и поставки на основаніи концессіи требовалась сумма въ 19.757,925 руб. Между тѣмъ средства общества состояли изъ слѣдующихъ суммъ:

По облигаціямъ общества слѣдовало получить отъ правительства за 15.889,500 р. по 75% .	11.917,125 р.
Въ государственномъ банкѣ находился 20% взносъ акціонернаго капитала	1.984,950 „
Затѣмъ находилось въ залогѣ у Блейхредера на 6.616,500 руб. акций общества. Предполагая реализацію ихъ по 75% за сто (чего было трудно ожидать) можно было выручить 4.962,375 руб. и за вычетомъ долга Блейхредеру въ суммѣ 1.984,950 руб. остается	2.977,425 „
Всего	16.879,500 р.

Сравнивая эту цифру съ необходимой суммой на окончаніе дѣла оказывался дефицитъ въ 2.887,425 р., образовавшийся прежде, чѣмъ было приступлено къ работамъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ строители рѣшились передать контрактъ по сооруженіи дороги С.-петербургскому купцу Задлеру, который изъ оптовой суммы по прежней разцѣночной вѣдомости согласился сдѣлать скидку въ 1.332,828 руб. 75 коп., т. е. въ ту самую сумму, которая была растрчена прежними строителями. Такая передача контракта состоялась 28 октября 1870 года, а 7 ноября того же года эта передача была утверждена правленіемъ общества съ тѣмъ, чтобы г. Задлеръ внесъ залогъ въ миллионъ рублей въ государственный банкъ, по исполненіи чего, правленіе протоколомъ 19-го ноября того же года признало г. Задлера строителемъ.

Но и за такой скидкой необходимыя средства для сооруженія дороги доходили до 18.425,096 руб. 25 коп. и слѣдовательно оставался дефицитъ въ 1.545,596 руб. 25 коп. Тѣмъ не менѣе, вслѣдъ за передачей контракта, правленіе, пользуясь предоставленнымъ концессіей правомъ получать авансъ изъ облигаціоннаго капитала, испросило у правительства таковой въ 500,000 руб. подъ залогъ бумагъ, представленныхъ Задлеромъ и передало ему эту сумму. Съ этими средствами новый строитель приступилъ къ работамъ и

вель ихъ на столько успѣшно, что до 1-го января имѣлъ возможность получить инспекторскихъ свидѣтельствъ на сумму близкую къ миллиону рублей.

Между тѣмъ 1-го января 1871 года былъ утвержденъ уставъ общества, а 25 февраля было собрано чрезвычайное общее собраніе акціонеровъ, въ которомъ избрано новое правленіе, предсѣдателемъ котораго сдѣлался строитель Задлеръ. Въ томъ же собраніи утверждены всѣ распоряженія правленія по осуществленію предпріятія и новая раздѣлочная вѣдомость для расчетовъ съ Задлеромъ на сумму 18.425,000 руб. Кромѣ того собраніе поручило вновь избранному правленію войти въ соглашеніе съ правительствомъ объ оказаніи содѣйствія обществу къ реализаціи остальныхъ акцій. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что и въ этомъ чрезвычайномъ общемъ собраніи представителя правительственныхъ акцій не было, хотя по уставу для законности собранія присутствіе его необходимо и онъ вотируетъ въ общихъ собраніяхъ опредѣленнымъ количествомъ голосовъ. Точно также непонятно какимъ образомъ было допущено, что строитель дороги, интересы котораго вовсе не солидарны съ интересами акціонеровъ, занялъ мѣсто предсѣдателя правленія. Обстоятельство это нисколько не обратило на себя тогда вниманія ни съ чьей стороны и потому нельзя не замѣтить, что всѣ эти общія собранія и правленія представляются не болѣе какъ фикціями и что правительственные лица считаютъ ихъ таковыми; что въ сущности все дѣло ведется однимъ лицомъ, т. е. предпринимателемъ; фиктивная же обстановка даетъ ему только возможность оставаться безответственнымъ и пріобрѣтать извѣстныя юридическія права чрезъ посредство находящихся въ полномъ его распоряженіи фиктивныхъ правленій и общихъ собраній. Обстоятельства, сопровождавшія сооруженіе Кіево-Врестской дороги, подтверждають высказанное нами мнѣніе самымъ нагляднымъ образомъ и по всей вѣроятности читатель уже замѣтилъ это на основаніи сказаннаго нами; но онъ убѣдится въ этомъ еще болѣе, если прослѣдитъ наше изложеніе до конца ¹⁾.

Но прежде нежели мы пойдемъ далѣе въ нашемъ изложеніи, необходимо указать на слѣдующее обстоятельство. Выше было сказано, что концессія на Кіево-Врестскую дорогу выдана была безъ предварительныхъ изысканій на всемъ участкѣ, на которомъ тре-

¹⁾ Источниками для изложенія исторіи сооруженія Кіево-Врестской дороги служатъ намъ не одинъ «Сборникъ свѣдѣній», а также доклады правленій общимъ собраніямъ, приложенные къ нимъ счета и документы, брошюры г. Задлера и объясненія на нихъ правленія.

бывалось сооружение новой дороги. Линия от Бердичева до Бреста была определена в общих выражениях и на ней был обозначенъ точно только одинъ промежуточный пунктъ, городъ Острогъ. Пользуясь такою неопределенностію концессіи строители разумѣется старались, чтобъ протяженіе линіи было по возможности сокращено. Такъ какъ вѣтвь этой линіи къ Радзивилову должна быть тѣмъ короче, чѣмъ ближе пойдетъ главный путь къ австрійской границѣ вообще и къ Радзивилову въ особенности, то они и проектировали линію такимъ образомъ, что главный путь приблизился къ австрійской границѣ и укоротилъ вѣтвь къ Радзивилову болѣе чѣмъ на 20 верстъ. При разсмотрѣніи этого проекта въ Комитетѣ Министровъ военный министръ не согласился утвердить его въ видахъ стратегическихъ и потребовалъ, чтобы дубенскія возвышенности оставались между дорогою и австрійской границей, тогда какъ по проекту онѣ оставались къ сѣверо-востоку отъ дороги. Такое измѣненіе не только удлиняло вѣтвь къ Радзивилову, но измѣняло направленіе линіи между станціями Рожище и Шепетовкою на протяженіи 140 верстъ и оставляло городъ Острогъ въ сторонѣ. Вслѣдствіе этого еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1870 года Министерствомъ Путей Сообщенія было сдѣлано распоряженіе о производствѣ на указанномъ участкѣ новыхъ изысканій, что и было поручено инспектору дороги. При этомъ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, поручая инспектору производство новыхъ изысканій, долженъ былъ одновременно извѣстить объ этомъ и правленіе, чего однакожь имъ не было сдѣлано до 9 декабря 1870 года. Впрочемъ такое упущеніе департамента имѣетъ одно лишь формальное значеніе, такъ какъ ни правленіе, ни новый строитель, имѣя постоянныя сношенія съ Министерствомъ, не могли не знать о предполагаемомъ измѣненіи въ первоначальномъ проектѣ дороги. Невозможно предположить, чтобы г. Задлеръ, вступая въ новое для него дѣло въ концѣ октября мѣсяца, не справился предварительно въ какомъ положеніи находится дѣло объ утвержденіи проекта устройства дороги. Безъ малѣйшаго сомнѣнія можно сказать, что неутвержденіе проекта и сдѣланное распоряженіе о производствѣ новыхъ изысканій были хорошо извѣстны и правленію и строителю Задлеру и по всей вѣроятности только эта несомнѣнная извѣстность и послужила поводомъ къ тому, что департаментъ не считалъ нужнымъ послать официальное извѣщеніе.

Вслѣдствіе означеннаго распоряженія инспекторомъ дороги г. Фуфаевскимъ были произведены новыя изысканія на неутвержденномъ участкѣ линіи и по разсмотрѣніи ихъ въ комитетѣ министровъ, они

были утверждены. Общее протяженіе дороги вмѣстѣ съ Радзивилловскою вѣтвью опредѣлилось такимъ образомъ въ 521 версту, т. е. на 14 верстѣ менѣе чѣмъ значилось по концессіи. Это послѣднее обстоятельство мы просимъ замѣтить, такъ какъ оно имѣетъ значеніе при оцѣнкѣ возникшихъ впоследствии претензій 3 марта Министерство Путей Сообщенія, увѣдомляя о томъ правленіе, предложило ему строить дорогу къ сѣверо-востоку отъ Дубенскихъ горъ согласно утвержденному Министерствомъ плану и профилю.

Это обстоятельство подало поводъ къ домогательству со стороны строителя Задлера о вознагражденіи его за убытки вслѣдствіе измѣненія направленія линіи; убытки эти правленіе, а слѣдовательно и строитель Задлеръ, какъ предсѣдатель онаго, первоначально исчислили въ 2.341,650 руб. 23 коп., а затѣмъ впоследствии цифра эта измѣнилась и возросла, какъ увидимъ, до 3.160,981 руб. 89 коп. Мы констатируемъ теперь только фактъ подобнаго домогательства, не разбирая его сущности, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ послѣдовательнаго разсказа о реализаціи акцій общества и пополненіи перваго его дефицита.

Во исполненіе постановленія общаго собранія 25 февраля 1871 года, а также въ виду оказавшагося уже дефицита общества въ 1.545,596 руб. 25 коп., правленіе общества обратилось къ министру финансовъ съ представленіемъ, въ которомъ объяснило происхожденіе означеннаго дефицита и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность реализаціи двухъ третей акцій, остающихся въ залогѣ у Блейхредера, вслѣдствіе чего просило, чтобы правительство покрыло означенный дефицитъ, увеличивъ строительный капиталъ втораго участка на 2.060,795 руб. облигаціоннаго капитала, уменьшивъ на такую же сумму стоимость перваго участка и затѣмъ, въ видахъ облегченія реализаціи акцій, приняло бы ихъ въ уплату за первый участокъ по 75 за сто съ переводомъ равной суммы облигацій въ счетъ строительнаго капитала втораго участка. При этомъ общая сумма нарицательнаго капитала общества, какъ въ акціяхъ, такъ и облигаціяхъ, осталась бы безъ измѣненія. Другими словами: при такой комбинаціи стоимость выстроеннаго правительствомъ участка дороги, должна была уменьшиться на сумму 2.060,795 руб., а стоимость сооруженій и поставокъ за счетъ общества должна была на такую же сумму увеличиться и вмѣстѣ съ тѣмъ правительство приобрѣтало на 6.616,500 руб. болѣе акцій, взаменъ предоставленныхъ обществу облигацій, за которыя правительство обязывалось выдать обществу наличными деньгами.

Въ сущности при такой едѣлкѣ правительство теряло только сумму въ 2.060,795 руб., которая покрывала растроченныя обществомъ суммы и на которую уменьшилась стоимость переданнаго обществу имущества. Что же касается замѣны облигацій акціями, то намъ кажется, что это обстоятельство безразлично для правительства, такъ какъ прибыли и убытки его зависятъ отъ доходности дороги и если дорога не приноситъ чистаго дохода, то правительство не будетъ получать своихъ процентовъ и по облигаціонному капиталу. Конечно, нельзя не принять въ расчетъ, что правительство затрачивало на устройство дороги около пяти милліоновъ своихъ средствъ болѣе, чѣмъ предположено было по концессіи, но за то и выгоды его въ случаѣ доходности дороги дѣлались значительнѣе.

Когда означенное ходатайство было сообщено въ Министерство Путей Сообщенія, то здѣсь было замѣчено, что общество въ свои расчеты основываетъ на предположеніи, что протяженіе 2-го участка не будетъ превышать 500 верстъ, тогда какъ длина линіи по концессіи опредѣлена въ 535 верстъ, а по вновь утвержденному направленію въ 521 версту. Вслѣдствіе этого 4 марта 1870 года, министерство путей сообщенія потребовало отъ правленія положительнаго отзыва о томъ, что испрашиваемое имъ пособіе для образованія капитала въ 18.425,096 руб. 25 коп. будетъ достаточно для устройства дороги по направленію утвержденному правительствомъ и что затѣмъ не будетъ испрашиваемо никакихъ новыхъ пособій.

На это требованіе правленіе общества (того же числа) заявило министерству, что, заключивъ оптовый контрактъ съ строителемъ и передавъ ему утвержденную министерствомъ расцѣпочную вѣдомость, составленную по избранному обществомъ направленію, правленіе вынуждено ходатайствовать о вознагражденіи за возникающія отъ перемѣны направленія линіи потери и убытки, исчисленные по имѣющимся даннымъ въ 2.341,650 руб. 23 коп. Вслѣдствіе новаго ходатайства отъ 8 марта 1870 года на основаніи § 47 устава, по которому распоряженія Министра путей сообщенія могутъ быть обжалованы въ Комитетъ Министровъ заявленіе это внесено въ означенный Комитетъ. Такое домогательство постановленіемъ Комитета Министровъ Высочайше утвержденнымъ 27 апрѣля 1871 года было отклонено и поручено Министру путей сообщенія вѣнзнить въ обязанность обществу строить дорогу по новому направленію, одобренному правительствомъ. Когда же о такомъ постановленіи Комитета Министровъ сообщено было правленію общества, то послѣднее вновь

повторило свое ходатайство о пособіи къ реализаціи строительнаго капитала.

Это новое указаніе правленія на существующій дефицитъ и на причины его породившія, а также на необходимость реализаціи двухъ третей акцій, конечно, давали полную возможность видѣть, что въ сущности тутъ никакого общества не было и что постройка кіево-брестской дороги попала въ руки аферистовъ Блейхредера и Рябинина съ присканными имъ строителями, которые злоупотребили оказаннымъ имъ со стороны Правительства довѣріемъ и успѣли растратить значительную часть акціонернаго капитала; что вновь вступившій въ дѣло с.-петербургскій купецъ Задлеръ былъ такой же аферистъ и насколько не заслуживалъ большого довѣрія, какъ и первые предприниматели въ виду его домогательства о вознагражденіи такихъ убытковъ, которыхъ онъ не имѣлъ и имѣть не могъ. Эти убытки, если и могли быть, то только развѣ для первоначальныхъ строителей которые могли сдѣлать нѣкоторые расходы и заключить подряды во время составленія проекта и плановъ дороги, но которые съ избыткомъ вознаградили себя полученіемъ 1.332,828 руб., взятыхъ ими на какіе-то предварительные расходы. Что жъ касается до г. Задлера, но мы положительно утверждаемъ, что онъ не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ убытковъ отъ перемѣны направленія линіи, такъ какъ онъ вступалъ въ дѣло въ концѣ Октября мѣсяца, когда положительно было извѣстно, что прежнее направленіе, не будетъ утверждено и на мѣстѣ уже производились изысканія для проведенія линіи въ новомъ направленіи. Возможно ли предположить чтобы человекъ, не лишенный разсудка, сталъ производить работы и поставки, по извѣстному направленію, когда онъ не увѣренъ, что дорога пойдетъ по этому направленію, тѣмъ болѣе, что работы могли производиться въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ изъ предполагаемой линіи оставалось еще 360 верстъ, на которыхъ не предполагалось никакихъ измѣненій. Сверхъ того, принимая къ исполненію контрактъ отъ первоначальныхъ строителей, г. Задлеръ долженъ былъ видѣть, что дорога должна быть построена во всемъ согласно плану и профилю, утвержденнымъ правительствомъ и слѣдовательно до утвержденія ихъ онъ могъ приступить только къ такимъ работамъ и поставкамъ, необходимость которыхъ была внѣ всякаго сомнѣнія. Еслибъ, не смотря на всѣ эти соображенія, подрядчикъ и приступилъ бы къ работамъ на линіи, подлежащей измѣненію, то, конечно, былъ бы остановленъ инспекціею, которая ни въ какомъ случаѣ не могла допустить произ-

водства бесполезныхъ работъ на сумму слишкомъ въ три милліона рублей. Наконецъ онъ не имѣлъ никакого права требовать вознагражденія и на томъ основаніи, что по принятому имъ контракту оптовая плата не измѣнялась въ случаѣ измѣненія правительствомъ направленія линіи.

Задлеръ утверждаетъ, что онъ принялъ контрактъ вмѣстѣ съ утвержденной Министерствомъ Путей Сообщенія разцѣночной вѣдомостью, которая такимъ образомъ и была основаніемъ всѣхъ его коммерческихъ расчетовъ. Но такое утвержденіе не можетъ имѣть ровно никакого значенія, такъ какъ всякому понятно, что разцѣночная вѣдомость не можетъ замѣнять собою ни плана дороги ни профиля ея и при оптовой цѣнѣ за сооруженіе линіи составляется только для того, чтобъ заранѣе опредѣлить количество платежей за каждую отдѣльную работу и поставку по мѣрѣ ихъ исполненія.

Изъ всего изложеннаго ясно, что всѣ доводы г. Задлера въ подтвержденіе его домогательства не имѣли ни малѣйшаго основанія и что у него не было никакого ни юридическаго, ни нравственнаго права требовать какого бы то ни было вознагражденія за измѣненіе направленія линіи.

На этомъ основаніи скорѣе можно было допустить, что онъ, вступая въ дѣло, имѣлъ уже заранѣе въ виду измѣненіе направленія линіи и желалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ въ свою пользу въ расчетѣ на ту снисходительность къ частнымъ интересамъ, которая такъ обычна въ нашихъ правительственныхъ сферахъ, въ особенности когда это касается желѣзнодорожнаго дѣла. Кромѣ того, катастрофа, разразившаяся надъ г. Рябининимъ, была ему, конечно, извѣстна, точно также не могло оставаться для него тайной и желаніе правительственныхъ сферъ, чтобы г. Рябининъ уступилъ свое мѣсто человѣку болѣе опытному въ дѣлѣ, а найти такого человѣка было довольно трудно, такъ какъ дѣло было испорчено. Такимъ образомъ, вступая въ дѣло Задлеръ могъ рассчитывать, что онъ дѣлаетъ одолженіе очень многимъ лицамъ не безъ вліянія и что поэтому для него достаточно и формальнаго предлога для оправданія своихъ требованій. Конечно, это одни наши предположенія, но его настойчивость и самоувѣренность, съ которыми онъ дѣйствовалъ и въ которыхъ мы будемъ имѣть случай наглядно убѣдиться, заставляютъ предполагать, что у него могъ быть подобный планъ.

Это послѣднее предположеніе, которое, повидимому, напрашивалось само собою, прямо указывало что и на г. Задлера была плохая надежда и что поправить дѣло могло только правительство, взявши

его въ свои руки. Къ сожалѣнiю, убѣжденiе, что желѣзнодорожное дѣло можетъ быть ведено только при посредствѣ частныхъ, хотя бы и фиктивныхъ обществъ, господствовало тогда во всей силѣ и его не поколебали ни продѣлки гг. Рабининныхъ и Блейхредеровъ, ни беззащитность гг. Задлеровъ.

Вслѣдствiе такихъ взглядовъ Министерства Финансовъ и Путей Сообщенiя пришли къ заключенiю о необходимости оказать пособiе обществу и удовлетворить его ходатайство въ томъ видѣ, какъ оно было сформулировано выше. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ огражденiя интересовъ правительства, оба Министерства нашли нужнымъ постановить слѣдующiя условiя:

1) Чтобы правленiе дало правительству удостовѣренiе *за подписью встать своихъ членовъ, въ томъ числѣ и строителя Задлера*, что на увеличиваемыя такимъ образомъ средства, оно устроить по указанному правительствомъ направленiю второй участокъ Кiево-Брестской дороги и окончить дополнительныя работы по первому участку во всемъ согласно Уставу общества и не будетъ испрашивать никакихъ новыхъ пособiй.

2) Чтобы остающаяся въ Государственномъ банкѣ часть залога, представленнаго въ него по силѣ § 6 Устава общества, была возвращена обществу лишь по совершенномъ окончанiи работъ и поставокъ по обоимъ участкамъ Кiево-Брестской дороги.

3) Чтобы уплаты по ссудѣ, выданной Блейхредеромъ подъ залогъ акцiй Кiево-Брестской дороги были произведены непосредственно правительствомъ изъ суммъ, подлежащихъ къ выдачѣ обществу съ тѣмъ, чтобы Блейхредеръ возвратилъ находящiяся у него акцiи съ правомъ покупки до открытiя движенiя по всей дорогѣ половины ихъ по цѣнѣ 75 за 100.

4) Чтобы правленiе сообщало правительству контракты по заграничнымъ заказамъ для уплаты слѣдующихъ по нимъ денегъ чрезъ правительственныхъ банкировъ въ дѣйствительно потребной мѣрѣ непосредственно самимъ заводчикамъ.

и 5) Чтобы суммы, причитающiяся по раздѣлочной вѣдомости на изысканiя, предварительные расходы и залогомъ, были выданы обществу Кiево-Брестской дороги не прежде, какъ когда работы и поставки по обоимъ участкамъ на столько подвинулись, что по соглашенiю Министерствъ Путей Сообщенiя и Финансовъ окончанiе сихъ участковъ признано будетъ вполне обезпеченнымъ.

Эти условiя ясно доказываютъ, что сомнѣнiе въ финансовой благонадежности г. Задлера и тогда было не чуждо обоимъ Министерствамъ,

а при такомъ сомнѣніи едва ли было осторожно оставлять дѣло въ его рукахъ, тѣмъ болѣе, что фиктивность общества, въ виду залога двухъ третей акцій у Влейхредера, не подлежала никакому сомнѣнію. Последующія обстоятельства подтвердили какъ нельзя болѣе, что осторожность съ г. Задлеромъ была далеко не лишнее дѣло и что мѣры огражденія, принятыя правительствомъ, были далеко недостаточны.

Въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе могло имѣть для г. Задлера удостовѣреніе за его подписью въ томъ, что дальнѣйшихъ пособій общество испрашивать не будетъ? Въ крайнемъ случаѣ, онъ рисковалъ лишь тѣмъ, что при недостаточности средствъ, онъ уйдетъ изъ дѣла, а другое лицо, которое заступитъ его мѣсто, будетъ свободно отъ всякихъ обязательствъ, въ особенности, когда дѣйствительнымъ имущественнымъ отвѣтчикомъ является анонимное и при томъ фиктивное общество. Справедливость подобной мысли подтвердилось очень скоро.

Какъ только условія правительства были сообщены правленію и строителю, послѣдній не замедлилъ подать въ правленіе заявленіе слѣдующаго содержанія: „такъ какъ при удовлетвореніи правительствомъ послѣдняго ходатайства, оказывается обществу значительное пособіе къ превращенію его бумагъ въ наличныя средства и пополняются его убытки, образовавшіеся при реализаціи капитала, то ему, какъ строителю, представляются только два исхода для огражденія своихъ правъ по контракту или не исполнять требованія о перенесеніи направленія дороги и начать процессъ о расторженіи контракта и о вознагражденіи по убыткамъ, или же уступить и тѣмъ дать возможность обществу воспользоваться значительными льготами, даруемыми ему для реализаціи его капитала. Находя за тѣмъ, что, на полученныя обществомъ этимъ путемъ денежныя средства, возможно окончить всю постройку дороги, хотя съ убыткомъ, но такимъ, который можетъ быть опредѣленъ и временно перенесенъ, онъ соглашается предложить Обществу свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Окончить работы по обоимъ участкамъ за сумму 18.425,096 руб. 25 коп. металлическихъ, 2) составить новую разпѣлочную ведомость и отказаться отъ требованія какихъ либо новыхъ пособій до окончанія всей постройки, исключая однако всевозможныхъ облегченій и пособій Общества *какъ въ денежномъ, такъ и строительномъ* отношеніи, 3) права его по оптовому контракту остаются неизмѣнными со всеми послѣдствіями, такъ, что, отказываясь отъ нихъ только временно для соглашенія обоюдныхъ интересовъ

его строителя и общества, онъ оставляетъ за собою право взыскать съ Общества убытки, возникшіе отъ измѣненія направленія линіи. Въ заключеніе Задлеръ выразилъ надежду, что Общество, выйдя разъ изъ своего затруднительнаго положенія, найдетъ способъ и средства вознаградить его по справедливости, не прибѣгая къ новому пособію правительства и не обременяя себя чрезвычайными мѣрами.

Вслѣдствіе такого заявленія, правленіе 24 мая 1871 года постановило выдать правительству требуемую подписку; вопросъ же о вознагражденіи строителя оставить открытымъ. Въ представленной же затѣмъ подпискѣ, которая подписана и г. Задлеромъ, правленіе обязывается окончить всѣ работы, не испрашивая дальнѣйшихъ со стороны правительства пособій, но ни слова не говоритъ о сдѣланномъ г. Задлеромъ заявленіи, что онъ отказывается лишь временно отъ требованія убытковъ за измѣненіе направленія линіи, и оставляетъ за собою право искать ихъ съ Общества впослѣдствіи.

Такимъ образомъ обстоятельство это прямо указываетъ къ какому рода махинаціямъ могутъ подавать поводъ фиктивныя анонимныя общества и какого рода юридическія ловушки такія общества могутъ создавать правительству. Въ настоящемъ случаѣ, г. Задлеръ, будучи единственнымъ распорядителемъ дѣлъ общества, отдѣляетъ свои личные интересы, какъ строителя, отъ интересовъ правленія и общества и заставляетъ правленіе признать въ принципѣ свои права какъ строителя, чѣмъ создаетъ себѣ до извѣстной степени призракъ юридическаго права, а между тѣмъ, какъ предсѣдатель правленія обязывается передъ правительствомъ выстроить дорогу на существующія средства безъ всякихъ дальнѣйшихъ отъ правительства пособій. Само собою разумѣется, что это послѣднее обязательство не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій, если общество не будетъ имѣть средства на окончаніе сооруженія линіи; право же строителя, признанное правленіемъ, какъ законнымъ органомъ общества, можетъ имѣть дѣйствительное юридическое значеніе. На какомъ основаніи съ такимъ опредѣленіемъ согласился директоръ отъ правительства, это положительно непонятно. Къ этому надо прибавить, что правительство, принимая отъ общества на 6.616,500 руб. акцій, кромѣ прежде оставленныхъ за нимъ 5.292,000 руб., становилось такимъ образомъ отвѣтчикомъ за дѣйствія правленія почти въ $\frac{4}{5}$ всего складочнаго капитала, такъ какъ въ рукахъ частныхъ акціонеровъ оставалось акцій только на 3.308,250 руб. Такимъ образомъ Задлеръ въ качествѣ предсѣдателя правленія давалъ обя-

зательство правительству, что наличныхъ средствъ будетъ достаточно на окончаніе линіи, а въ качествѣ строителя дороги бралъ съ того же самаго правительства, — органомъ котораго какъ главнаго акціонера, являлось въ настоящемъ случаѣ правленіе, — обязательство вознаградить его за убытки по окончаніи постройки дороги. Само собою разумѣется, что обязанность вознагражденія падала прямо на правительство и потому, что оно было главнымъ акціонеромъ и потому, что никакихъ другихъ средствъ у общества, кромѣ пособія отъ правительства, быть не могло въ особенности въ первые годы эксплуатаціи дороги. Въ настоящемъ случаѣ, въ виду фиктивности общества было совершенно безразлично, кто былъ предсѣдателемъ правленія самъ ли Задлеръ или кто другой, такъ какъ выборъ тѣхъ или другихъ лицъ въ правленіе зависѣлъ совершенно отъ него и въ послѣдствіи, когда Задлеръ сложилъ съ себя это званіе, а предсѣдателемъ правленія сдѣлался г. Ахшарумовъ, образъ дѣйствія правленія клонился еще болѣе въ пользу интересовъ строителя, — что мы и докажемъ ниже.

По полученію вышеозначенной подписки правленія, что за означеннымъ пособіемъ правительства наличныхъ средствъ общества будетъ достаточно на окончаніе постройки дороги и не имѣя въ виду, какъ того обстоятельства, что строитель Задлеръ отказывался отъ права требовать вознагражденія за перемѣну направленія линіи только временно, такъ и того, что правленіе признало въ принципѣ основательность такой претензіи, Министерства Путей Сообщенія и Финансовъ испросили Высочайшее разрѣшеніе на пособіе обществу, согласно представленному имъ ходатайству. Вслѣдствіе такого увеличенія средствъ общества, работы по устройству линіи пошли весьма успѣшно.

Созванное за тѣмъ общее собраніе 12 ноября 1871 года поручило избранной въ этомъ собраніи ревизіонной комиссіи, независимо отъ повѣрки отчетовъ правленія по эксплуатаціи 1-го участка дороги, выяснить совмѣстно съ правленіемъ и представить слѣдующему общему собранію подробныя соображенія: 1) объ отношеніяхъ общества къ строителю, вытекающихъ изъ заключеннаго съ нимъ оптоваго контракта *и изъ обязательства правленія строить дорогу по избранному правительствомъ направленію*, и 2) объ изысканіи средствъ для покрытія тѣхъ добавочныхъ расходовъ, которыя обусловлены сооруженіемъ дороги по этому направленію, причѣмъ опредѣлить и размѣръ этихъ расходовъ.

Такое распоряженіе общаго собранія, которымъ заправлялъ, ко-

нечно, тотъ же г. Задлеръ, представляетъ новое доказательство, что послѣдній, вопреки заявленію, поданному имъ правленію 24 мая 1871 года, не желая откладывать утвержденія своей претензіи до окончанія сооруженія дороги, хотѣлъ заручиться признаніемъ своего права со стороны общаго собранія. Сверхъ того, подчеркнутыя нами слова въ постановленіи общаго собранія помѣщены не безъ умысла, такъ какъ они свидѣтельствуютъ, что правленіе приняло обязательство строить дорогу по новому направленію помимо согласія строителя, который подписалъ данную подписку правительству не въ качествѣ строителя, а въ качествѣ предсѣдателя правленія; между тѣмъ въ требованіи правительства, во исполненіе котораго представлена была подписка именно сказано, что она требуется отъ Задлера, какъ строителя дороги.

Такое постановленіе общаго собранія, если смотрѣть на него, какъ на собраніе дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ акціонеровъ, представляло бы весьма странное явленіе. Какимъ образомъ можно предположить, что на основаніи такихъ сомнительныхъ данныхъ, какія могъ представить г. Задлеръ, дѣйствительные собственники дѣла могли признать въ принципѣ свою повинность платить подрядчику его убытки въ нѣсколько милліоновъ, далеко имъ недоказанные и явившіеся слѣдствіемъ не ихъ вины, а распоряженія правительства, — убытки, наличность которыхъ была отвергнута и Министерствомъ Путей Сообщенія и комитетомъ министровъ? Ясно, что такое постановленіе могло быть сдѣлано только подставными лицами, а вовсе не дѣйствительными акціонерами.

Приступивъ къ исполненію порученія общаго собранія, правленіе и ревизіонная коммиссія просили Задлера сообщить тѣ основанія, которыми онъ руководствуется при требованіи вознагражденія за измѣненіе направленія дороги и при опредѣленіи размѣра этого вознагражденія. Не желая утомлять читателя изложеніемъ всѣхъ словоизверженій г. Задлера, мы замѣтимъ, что новаго въ нихъ только то, что убытки свои онъ исчислилъ въ 3.360,584 р. 38 коп., при чемъ представилъ и подробный расчетъ этихъ убытковъ. Заявляя такимъ образомъ свою претензію къ обществу, Задлеръ вышелъ изъ состава правленія 4 февраля 1872 года, и на мѣсто его предсѣдателемъ правленія избранъ былъ директоръ Ахшарумовъ.

Не смотря на очевидную неосновательность доводовъ строителя, правленіе и ревизіонная коммиссія признали изложенныя соображенія строителя вполнѣ уважительными, относительно же размѣра самой претензіи нашли, что убытки и потери по финансовой части пред-

пріятія нѣсколько преувеличены, а потому положили общую сумму вознагражденія опредѣлить въ 3.160,981 руб. 89 коп. Находя за тѣмъ, что для Общества было бы крайне невыгодно предоставить строителю отыскивать свою претензію судебнымъ порядкомъ, ревизіонная коммисія и правленіе считали вполне сообразнымъ съ интересами общества покончить это дѣло миролюбиво. А такъ какъ общество не имѣло въ своемъ распоряженіи свободныхъ денежныхъ суммъ для удовлетворенія строителя съ причитающимися процентами съ 1-го Января 1872 года по день уплаты, то коммисія полагала необходимымъ ходатайствовать передъ правительствомъ о содѣйствіи обществу для пріобрѣтенія означенныхъ средствъ. Но въ виду того, что переговоры съ правительствомъ относительно реализаціи этой суммы требуютъ много времени, въ теченіи котораго убытки общества возросли бы отъ начисленія процентовъ, коммисія и правленіе находили болѣе согласнымъ съ интересами общества немедленно удовлетворить хотя часть заявленной строителемъ претензіи, а потому признавали необходимымъ обратиться къ правительству съ просьбою объ отсрочкѣ платежа 2.075,897 руб. 60 коп. причитающихся ему за сданный обществу подвижной составъ для обращенія этой суммы сполна и немедленно на удовлетвореніе претензіи строителя.

Мы нарочно выписали подробной докладъ ревизіонной коммисіи и правленія общему собранію 12 Марта 1872 года, чтобъ показать возможно ли относиться съ большею заботливостію къ интересамъ подрядчика и такъ мало принимать въ соображеніе интересы того общества, представителями котораго были правленіе и ревизіонная коммисія? Всякому, кажется, не трудно понять, что получить такую громадную цифру вознагражденія за мнимые убытки гораздо выгоднѣе, чѣмъ заплатить ихъ, а между тѣмъ въ разсужденіяхъ коммисіи и правленія оказывается, что для Общества будетъ тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ скорѣе оно заплатитъ эту громадную сумму, такъ какъ не нужно будетъ платить процентовъ, которыхъ г. Задлеръ даже и не просилъ и уплату которыхъ коммисія и правленіе такъ любезно ему навязываютъ. Изъ этого доклада оказывается, что память совершенно изиѣняется членамъ и коммисіи и правленія. Повидимому не прошло еще и года послѣ того, какъ 24 мая 1871 года г. Задлеръ въ поданномъ заявленіи обязался не затруднять Общество требованіемъ вознагражденія до окончанія постройки дороги. Эта постройка еще далеко не была окончена 12 марта 1872 года и слѣдовательно срокъ къ предъявленію претензіи, опредѣленной самимъ кредиторомъ еще не наступилъ. О какомъ же начисленіи процентовъ и притомъ съ

1-го января 1872 года говорят гг. члены комисіи и правленія, — когда самое право на полученіе этого платежа не только не было утверждено, но и представлялось совершенно фиктивнымъ? Не правы ли мы были, сказавъ выше, что образъ дѣйствій правленія подъ предсѣдательствомъ г. Ахшарумова имѣлъ въ виду гораздо болѣе интересы строителя, чѣмъ интересы Общества. Такъ дѣйствовать могли только агенты Задлера, но никакъ не представители общества. Докладъ этихъ господъ общему собранію 12 марта 1872 года составленъ до такой степени беззащѣнно и такъ плохо скрываетъ живныя нитки, которыми сшита вся интрига, что невольно становишься въ тупикъ, почему тотчасъ же всѣ эти господа не были остановлены въ своей дѣятельности и почему все это дѣло сейчасъ же не перешло въ руки прокурорскаго надзора за явное посягательство на средства Государственнаго Казначейства. Мы говоримъ это въ виду того обстоятельства, что изъ 45 мил. руб., составляющихъ сумму основнаго капитала общества, только 3,308 т. рублей принадлежали частнымъ акціонерамъ, остальная же сумма Правительству, и при томъ эти 3.308,000 были реализованы по 60% за сто.

Но придется еще болѣе удивляться, когда мы увидимъ, что это посягательство не осталось только намѣреніемъ, но осуществилось на дѣлѣ, оставивъ за собою очень явный и несомнѣнный слѣдъ. Впрочемъ будемъ продолжать наше изложеніе въ порядкѣ.

Общее собраніе 12 марта 1872 года составилось изъ 36 акціонеровъ, имѣвшихъ только 11,235 акцій съ правомъ на 95 голосовъ. Въ этомъ собраніи вопросъ о правѣ строителя на вознагражденіе былъ утвержденъ 93 голосами противъ 2, а вопросъ о признаніи этого вознагражденія въ размѣрѣ предположенномъ Ревизіонной Комисіей утвержденъ 72 голосами противъ 2, остальные 21 голосъ въ баллотировкѣ не участвовали. Такимъ образомъ владѣльцы акцій на сумму 1.404,375 рублей номинальной цѣны признали за обществомъ долгъ безъ всякаго основанія и при томъ въ размѣрѣ 3.160,981 руб. Впрочемъ г. Задлеръ не удовольствовался такимъ признаніемъ долга общества со стороны своихъ агентовъ: онъ желалъ имѣть въ рукахъ безспорное право на взисканіе этихъ денегъ, а потому предложилъ правленію обратиться къ одному изъ С.-Петербургскихъ мировыхъ судей для разбора и рѣшенія этого дѣла по совѣсти. По признаніи правленіемъ общества протоколомъ 29 мая 1872 года такого требованія справедливымъ, обѣ стороны обратились къ мировому судѣ, который призналъ претензію Задлера, подлежа-

щей удовлетворенію, выдалъ ему 7 іюня 1872 года исполнительный листъ на Общество въ суммѣ 3.160,981 руб. 89 коп.

Неужели г. мировой судья не зналъ, что желѣзныя дороги строятся на казенныя средства, а дѣла такого рода не подлежатъ подсудности мировыхъ судей на основаніи 2 пункта 31 ст. Гражданскаго Судопроизводства? Къ тому же, неужели г. мировому судѣе не пришло въ голову, что добровольное признаніе со стороны правленія общества иска въ 3.160,981 руб. 89 коп. обусловливается по всей вѣроятности поводомъ не совсѣмъ похвальнаго свойства и что содѣйствовать такимъ подвигамъ едва ли позволительно. Казалось бы нетрудно догадаться, что если правленіе соглашается на уплату строителю такой суммы безъ возраженій, то здѣсь должны страдать интересы третьихъ лицъ и всего скорѣе интересы правительства, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ интересы желѣзнодорожныхъ обществъ тѣсно связаны съ интересами Государственнаго Казначейства.

Обставивъ дѣло такимъ образомъ, Задлеръ начинаетъ дѣйствовать снѣльѣе и правленіе помогаетъ ему всѣми силами. 10 іюня 1872 года правленіе въ счетъ признаннаго общимъ собраніемъ долга общества строителю выдаетъ за него поручительство частному коммерческому банку въ суммѣ 800,000 руб. Этимъ поручительствомъ правленіе принимаетъ на себя обязанность уплатить Банку означенную сумму изъ первыхъ средствъ, которыя поступятъ въ распоряженіе правленія на уплату долга общества строителю. Сверхъ того еще въ 1871 году Правленіе Общества открыло Задлеру кредитъ въ Международномъ Банкѣ въ 350,000 руб. съ возвратомъ изъ суммъ, слѣдующихъ за работы, и этимъ послѣднимъ кредитомъ Задлеръ пользовался постоянно въ полномъ размѣрѣ. Такимъ образомъ общая сумма поручительствъ теперь достигаетъ 1.150,000 руб. Между тѣмъ по условіямъ оптоваго контракта строитель долженъ получать плату за произведенныя работы и поставки по квитанціямъ инспектора дороги и правленіе слѣдовательно не имѣло никакого права выдавать подрядчику впередъ суммы, на которыя имъ не представлено квитанцій и давать въ этомъ свое поручительство Банкамъ. Кромя того, на основаніи §§ 37 и 39-го устава общества, правленіе не имѣло никакого права кредитоваться въ банкахъ безъ особаго разрѣшенія общаго собранія, постановленнаго большинствомъ двухъ третей голосовъ и притомъ, если въ собраніи было не менѣе половины акцій частныхъ акціонеровъ, не считая правительственныхъ. Такого постановленія общаго собранія никогда не было, а потому, всякая кредитная сдѣлка правленія должна была считаться противу-

законною и за нее могли отвѣчать только члены правленія лично, но ни въ какомъ случаѣ не общество, такъ какъ въ этомъ случаѣ обязательство выдано лицомъ не правоспособнымъ.

За тѣмъ работы по дорогѣ, не смотря на такое пособіе строителю, стали производиться весьма медленно и къ назначенному по уставу сроку открытія дороги, т. е. къ 27 октября 1872 года движеніе не могло быть открыто ни на какомъ протяженіи 2-го участка, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали поступать жалобы правительству отъ поставщиковъ и рабочихъ строителя о неплатежѣ причитающихся имъ денегъ и наконецъ въ декабрѣ 1872 года работы вовсе прекратились.

На всѣ требованія правленія, строитель отзывался неимѣніемъ средствъ и, не принимая въ расчетъ своего обязательства 24 мая 1871 года окончить дорогу за наличныя средства Общества, и не смотря на оказанное уже ему при посредствѣ банковъ пособіе въ 1.150,000 рублей, требовалъ уплаты, признаннаго общимъ собраніемъ ему долга въ 3.160,981 р. 89 коп. Въ такихъ обстоятельствахъ правленіе вошло въ переговоры со строителемъ объ окончаніи съ нимъ расчетовъ и расторженіи контракта, послѣдствіемъ которыхъ и было заключеніе условія 27 января 1873 года на слѣдующихъ основаніяхъ: взаимъ признаннаго общимъ собраніемъ вознагражденія убытковъ строитель Задлеръ соглашается получить 2.400,000 рублей металлическихъ, отказываясь отъ всякихъ дальнѣйшихъ претензій съ тѣмъ, чтобы правленіе выдало ему поручительство для открытія кредита въ банкахъ въ суммѣ 1.300,000 руб. и приняло дорогу въ томъ видѣ, какъ она есть, удержавъ изъ строительнаго капитала и изъ суммъ, ассигнованныхъ на удовлетвореніе его денежной претензіи всѣ тѣ суммы, которыя нужны будутъ для расчета по контрактамъ съ подрядчиками и рабочими, для покрытія сдѣланныхъ ему авансовъ, а также для окончанія постройки дороги и притомъ не требуя отъ строителя убытковъ за неокончаніе линіи въ срокъ, опредѣленный по оптовому контракту. Если за тѣмъ окажутся какіе либо остатки, то таковыя передаются строителю.

Не имѣя для исполненія этого условія свободныхъ средствъ, правленіе обратилось 2 и 9 февраля съ ходатайствомъ въ Министерство Путей Сообщенія объ оказаніи ему пособія въ означенномъ размѣрѣ для расчета съ строителемъ, при чемъ представило подлинное условіе, заключенное съ Задлеромъ.

Въ виду такого ходатайства и въ виду отсутствія у общества всякихъ средствъ къ удовлетворенію требованій строителя, правленіе общества не имѣло никакого права дѣлать какія-либо распоряженія

для приведенія въ исполненіе этого условія, по крайней мѣрѣ до разрѣшенія правительствомъ его ходатайства и, даже въ случаѣ его удовлетворенія было обязано предварительно привести въ извѣстность точную цифру необходимыхъ суммъ, подлежащихъ къ удержанію съ строителя и затѣмъ только выдать ему ту сумму, которая будетъ оставаться. Между тѣмъ правленіе дѣйствуетъ какъ разъ на оборотъ: не принимая въ соображеніе ни суммъ, выданныхъ строителю авансомъ подъ залоги и имъ не отработанныхъ, ни своихъ поручительствъ международному и коммерческому банкамъ въ размѣрѣ 1.150,000 рублей, ни количества остающихся на линіи недодѣлокъ и ихъ стоимости, ни суммъ, слѣдующихъ къ уплатѣ по заказамъ строителя за подвижной составъ и даже не имѣя въ виду, окажется ли правительству пособіе обществу, въ какомъ размѣрѣ и на какихъ условіяхъ, правленіе начинаетъ съ того, что принимаетъ отъ строителя обязательство уплаты его долговъ на линіи подрядчикамъ, рабочимъ и служащимъ по вѣдомости на 1.100,000 рублей и въ счетъ этой вѣдомости переводитъ на линію 200,000 руб. изъ международного банка въ распоряженіе агентовъ строителя, которые употребляютъ эти деньги на покрытіе другихъ долговъ строителя, вовсе не поменованныхъ въ принятой къ уплатѣ вѣдомости. Затѣмъ выдаетъ поручительства за строителя: а) отъ 6-го февраля 1873 года международному банку въ суммѣ 425,522 руб. 62 коп.; б) отъ того же числа московскому учетному банку въ суммѣ 300,000 руб., и в) отъ 13-го февраля того же года московскому коммерческому и ссудному банку въ суммѣ 262,000 руб. Такимъ образомъ прежде, чѣмъ опредѣлилось, какая цифра будетъ слѣдовать строителю и какая цифра подлежала къ удержанію съ него, правленіе приняло къ платежу его долговъ на 1.100,000 руб., выдало наличными деньгами его агентамъ 200,000 руб. и поручилось уплатить за него банкамъ вмѣстѣ съ прежними сумму 2.137,522 руб. 62 коп., т. е. кредитовало строителя на сумму въ 3.437,522 руб. 62 коп., значительно превесходившую то пособіе, о которомъ ходатайствовало передъ правительствомъ: 2.400,000 руб. металлическихъ по тогдашнему курсу 84 за 100 кредитныхъ составляли всего 2.857,142 руб. 85 коп., меньше на 580,379 руб. 77 коп., не говоря объ авансахъ, взятыхъ подъ залоги изъ суммъ строительнаго капитала.

Впрочемъ, такое положеніе дѣлъ оставалось правительству все неизвѣстнымъ, хотя въ правленіи участвовалъ директоръ отъ правительства. Эта вторичная несостоятельность общества, затѣмъ домогательство строителя о вознагражденіи совершенно вы-

мысленныхъ убытковъ и въ особенности полная готовность со стороны правленія и общаго собранія признать эти убытки безъ всякихъ возраженій и даже безъ истребованія отъ строителя какихъ-либо доказательствъ, конечно, должны были прямо указать на неправильность дѣйствій правленія и строителя. При малѣйшемъ вниманіи къ дѣлу нельзя было не замѣтить въ этихъ дѣйствіяхъ обоюднаго соглашенія отстоять выгоды строителя въ ущербъ интересамъ правительства и поэтому съ людьми подобнаго сорта отнюдь не слѣдовало входить въ какое-либо новое соглашеніе и оказывать имъ какую бы то ни было поддержку. Настоящій моментъ былъ еще болѣе удобнымъ случаемъ для правительства взять все дѣло въ свои руки, тѣмъ болѣе, что фиктивность общества не подлежала уже никакому сомнѣнію, а количество акцій, находившееся въ частныхъ рукахъ было очень незначительно и владѣлецъ ихъ, берлинскій банкиръ Блейхредеръ, въ виду печальнаго положенія дѣлъ, конечно, вошелъ бы въ выгодную для правительства сдѣлку. Относиться же снисходительно какъ къ этому господину, въ виду его продѣлокъ съ Рябининымъ, такъ и къ Задлеру въ виду его ухищреній обезпечить за собою право на вознагражденіе за небывалые убытки, по нашему мнѣнію не было никакихъ основаній.

Тѣмъ не менѣе, въ административныхъ сферахъ все еще закрывали глаза на явные факты и продолжали увѣрять себя, что имѣютъ дѣло не съ группою аферистовъ, а съ дѣйствительнымъ обществомъ, которое заинтересовано въ томъ, чтобы добросовѣстно исполнить принятыя имъ на себя обязательства. На этомъ основаніи, въ виду крайне затруднительнаго положенія дѣлъ общества, ходатайство правленія о ссудѣ обществу 2.400,000 руб. металлическихъ для расчета съ строителемъ найдено было заслуживающимъ уваженія и, по соглашенію Министерствъ Путей Сообщенія и Финансовъ, признано было возможнымъ оказать обществу вторичное пособіе на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Изъ суммы 2.400,000 рублей прежде всего отдѣляются должныя обществомъ правительству суммы за сданный обществу казенный подвижной составъ, а равно слѣдующія въ казну таможенныя пошлины за привезенный изъ-за границы, всего 593,446 руб. 34 коп. металлическихъ.

2) Затѣмъ изъ суммы пособія отдѣляются 500,000 металлическихъ, которыя по удостовѣренію инспектора необходимы на линіи для удовлетворенія самыхъ вопіющихъ претензій подрядчиковъ, поставщиковъ, служащихъ и въ особенности рабочихъ.

3) Сумма, какая затѣмъ окажется свободною, остается въ распоряженіи правительства для производства чрезъ правленіе общества всѣхъ тѣхъ работъ, которыя окажутся нужными для приведенія дороги въ порядокъ согласно уставу съ тѣмъ, что, по окончаніи этихъ работъ, могуцій оказаться остатокъ выдается правленію.

4) Вся сумма пособія считается принадлежащей обществу, а отнюдь не Задлеру, доколѣ по окончательномъ съ нимъ расчетѣ не опредѣлится, что какая-либо часть означенной суммы слѣдуетъ ему къ выдачѣ. Пособіе это оказывается не иначе какъ: а) по отобраніи подписки отъ правленія въ томъ, что за таковымъ пособіемъ общество окончить дорогу безъ всякихъ дальнѣйшихъ домогательствъ и требованій новыхъ пособій и принимаетъ на себя полную отвѣтственность какъ въ этомъ, такъ и въ удовлетвореніи подрядчиковъ, поставщиковъ и рабочихъ по признаннымъ справедливыми претензіямъ, и б) по представленіи подписки Задлера, что онъ прекращаетъ всякія домогательства и претензіи къ обществу по сооруженію дороги.

5) Кроме того Министръ Путей Сообщенія потребовалъ, чтобы на счетъ этого пособія были отнесены нѣкоторые дополнительные, не вошедшія въ раздѣльную вѣдомость работы, всего на сумму 673,518 руб. металлическихъ.

Изъ этихъ условій замѣтно уже, что правительство недовѣряло какъ правленію, такъ и Задлеру, а между тѣмъ не рѣшалось принять энергическія мѣры для преслѣдованія злоупотребленій. Всего удивительнѣе, что отъ правленія и строителя требовались новыя подписки и обязательства, которымъ придавалось значеніе серьезныхъ гарантій, тогда какъ опытъ долженъ былъ доказать, что объ исполненіи ихъ никто и не думалъ.

Затребованныя Министерствомъ Путей Сообщенія подписки о подчиненіи условіямъ, постановленнымъ для назначенія новаго пособія *такъ называемому обществу Кіево-Брестской дороги*, доставлены были правленіемъ 16-го февраля 1873 года, а строителемъ Задлеромъ 28-го февраля того же года. Въ этихъ подпискахъ правленіе обязалось окончить дорогу безъ дальнѣйшихъ требованій новыхъ пособій, а Задлеръ согласился на то, что сумма, назначаемая ему въ вознагражденіе его претензіи къ обществу не выдается ему на руки, а вся сполна включается въ его общій расчетъ съ обществомъ по постройкѣ Кіево-Брестской дороги и что онъ подчиняется всѣмъ условіямъ, истекающимъ изъ требованія правительства.

Такимъ образомъ въ то время, когда означенныя подписки выдавались правительству, правленіе уже выдало Задлеру и приняло

платежи за него на сумму гораздо большую противъ назначеннаго пособия, а между тѣмъ завѣряло правительство, что сумма пособия не будетъ выдана Задлеру, а войдетъ въ общій расчетъ по постройкѣ дороги. Поэтому, скрывая отъ правительства фактъ выдачи поручительствъ за Задлера и завѣряя въ своей подпискѣ о достаточности средствъ на сооруженіе линіи, правленіе намѣренно вводило въ заблужденіе правительство. Конечно, можно замѣтить, что правительство соглашалось на выдачу пособия безъ достаточной провѣрки дѣйствительнаго положенія дѣлъ; но въ этомъ случаѣ оно могло полагаться на участіе правительственнаго директора въ правленіи, который, имѣя въ виду §§ 37 и 39 устава общества не долженъ былъ дозволить обществу входить въ кредитныя сдѣлки, а при заключеніи таковыхъ долженъ былъ довести о томъ до свѣдѣнія своего начальства. На этомъ основаніи Министерство Финансовъ и Путей Сообщенія не могли предполагать существованіе особыхъ долговыхъ обязательствъ общества передъ банками.

По полученіи указанныхъ подписокъ со стороны Министерствъ Путей Сообщенія и Финансовъ 1-го марта 1873 года было испрошено Высочайшее разрѣшеніе на отпускъ обществу суммы въ 2.400,000 рублей металлическихъ, причемъ было опредѣлено изъ означенной суммы, сверхъ тѣхъ расходовъ, которые были вмѣнены въ обязанность общества, употребить 882,079 руб. 84 коп. на пополненіе остающагося за обществомъ неотработаннаго аванса съ освобожденіемъ принятыхъ въ обезпеченіе этого аванса залоговъ. А такъ какъ по сведеніи счетовъ не отработанныхъ авансовыхъ выдать оказалось всего на 867,472 руб. 16 коп., то на этотъ предметъ и была употреблена эта послѣдняя цифра. Сумма же такимъ образомъ освобожденныхъ запасовъ составляла 1.032,181 р. 50 к. кредитныхъ, которые и были выданы правленію.

Получивъ такимъ образомъ возможность средствами Задлера (такъ какъ залоговъ принадлежали ему) пополнить, хотя бы часть тѣхъ долговъ строителя, въ платежѣ которыхъ правленіе за него поручилось, послѣднее и въ этомъ случаѣ не думало оберегать интересы общества, представителемъ котораго оно было. Вмѣсто того, чтобъ употребить всю эту сумму на уплату его долговъ, оно уплатило банкамъ только 829,125 руб., а остальные 203,462 руб. 50 коп. выдало Задлеру на руки. За вычетомъ означенныхъ 829,125 руб. изъ 3.437,622 руб. 62 коп. долговыхъ суммъ Задлера, принятыхъ правленіемъ къ платежу, оставалось за строителемъ 2.608,397 р. 62 к., тогда какъ изъ суммъ ассигнованнаго пособия

за вычетомъ 867,472 руб. 16 коп., употребленныхъ на пополненіе авансовъ, 673,518 р., назначенныхъ на новыя работы и 593,446 руб. 34 коп. за переданный обществу подвижной составъ правительственнаго заказа и таможенныхъ пошлинъ, оставалось всего 265,563 руб. 84 коп. мет. или кредитныхъ 331,954 р. 80 к. Поэтому правленіе въ моментъ выкупа залоговъ и вопреки данной подпискѣ правительству находилось уже въ дефицитъ на сумму 2.276,442 руб. 82 коп. кредитныхъ, не считая суммъ, нужныхъ на окончаніе недоделокъ по дорожѣ и на уплату за недостающій подвижной составъ.

Изъ послѣдующихъ обстоятельствъ видно, что данное правленію пособіе не повело ни къ чему: правленіе не могло продолжать работы по достройкѣ линіи за неизбѣжимъ средствъ, а Задлеръ заключивъ означенную выше сдѣлку съ правленіемъ и получивъ его ручательство, не замедлилъ имъ воспользоваться и захвативъ часть своихъ залоговъ, объявилъ себя несостоятельнымъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ правительство все таки не рѣшилось взять дорогу въ свое вѣдѣніе: оно продало шесть тысячъ акцій варшавскому банкиру и строителю Либавской дороги г. Блюху, который совершенно измѣнилъ составъ общаго собранія, состоявшагося 13-го іюня 1873 года. Собраніе это избрало г. Блюха председателемъ правленія и ходатайствовало о назначеніи правительственной ревизіи дѣлъ общества съ самаго его основанія.

Новое правленіе приняло энергическія мѣры къ открытію движенія по линіи и оно состоялось 15-го августа 1873 года, хотя оставалось еще много недоделокъ.

Назначенная по ходатайству новаго правленія правительственная ревизія выяснила и послѣдній, третій, дефицитъ общества, вызванный поручительствомъ правленія за Задлера и, какъ оказывается изъ отчета правленія за первое полугодіе 1878 года, этотъ дефицитъ былъ исчисленъ ею на 1-е января 1874 года въ 2.761,414 руб. кред. Означенный дефицитъ покрытъ былъ:

1) Вновь разрѣшеннымъ 25 апрѣля 1875 г. выпускомъ облигацій общества на сумму 1.364,897 р. 4 в. метал.

2) Половиною излишка отъ болѣе выгодной реализаціи облигацій общества, что составляетъ на долю общества 389,670 „ 23 „ „

3) Уплаченными на основаніи Высочайшаго повелѣнія 17-го декабря

1876 г. СПбургскому частному коммерческому банку по обязательству
 правленія за счетъ строителя дороги 354,769 „ 87 „ „

Всего . . . 2.109,337 р. 14 к. метал.

Такъ окончились всё перипетіи по сооруженію Кіево-Брестской дороги. Конечно, правительство имѣло бы полное право съ самаго начала, въ виду исчезновенія 1.332,828 р. 75 к., полученныхъ правленіемъ отъ Блейхредера объявить общество несостоявшимся и начать сооруженіе дороги за свой счетъ, или сдать постройку новому обществу, неимѣвшему ничего общаго съ гг. Рябининими и Блейхредерами; оно имѣло также право не признать долговъ правленія банкамъ — долговъ, заключенныхъ безъ разрѣшенія общихъ собраній и притомъ преднамѣренно во вредъ правительства. Но ни въ первый, ни во второй разъ правительство не пожелало воспользоваться своими правами, не смотря на то, что дѣйствія правленій подъ предсѣдательствомъ гг. Рябинина и Ахшарумова имѣли чисто уголовный характеръ. По всей вѣроятности правительство не желало возбуждать уголовного процесса именно потому, что въ такомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ виновными могли пострадать и люди, попавшіе тутъ случайно, по излишней довѣрчивости и непониманію дѣла. Къ тому же въ послѣднемъ случаѣ очень много пострадали бы и банки, а потери подобныхъ учрежденій, съ извѣстной точки зрѣнія, считаются вовсе нежелательными и будто бы опасными для государственнаго кредита.

Что до насъ касается, то мы этого взгляда вовсе не раздѣляемъ, и напротивъ думаемъ, что чѣмъ строже было бы правительство къ эксплуататорамъ народнаго достоянія, тѣмъ тверже бы держался и кредитъ государственный и тѣмъ менѣе было бы повадно другимъ господамъ повторять эти продѣлки.

Въ статьѣ 2-й нашего труда помѣщенной въ 5 № Сборника, говоря о сѣти желѣзныхъ дорогъ, утвержденной 27 декабря 1868 года и объ исторіи сооруженія Харьковско-Кременчугской дороги, мы уже указывали на возникшее разногласіе въ томъ, которой дорогѣ отдать предпочтеніе Харьковско-Кременчугской или Лозово-Севастопольской. Мы видѣли также, что Комитетъ Министровъ пришелъ къ заключенію, что нѣтъ никакой надобности дѣлать выборъ между

этих дорогами и призналъ необходимость строить и ту и другую, что и было Высочайше утверждено.

Въ томъ же 1868 году было разрѣшено братьямъ Панаевымъ, генераль-адъютанту Тотлебену и барону Унгернъ-Штернбергу произвести изысканія по направленію отъ станціи Лозовой (на Азовской дорогѣ) до Севастополя съ вѣтвями къ Днѣпру и Феодосіи.

Между тѣмъ на сооруженіе Севастопольской дороги было сдѣлано нѣсколько предложеній. Прежде всѣхъ поступило предложеніе принца Ольденбургскаго и генераль-адъютанта Тотлебена съ товарищами — дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Дурасовымъ и инженеромъ Струве, но безъ объясненія условій концессіи.

Князь Италійскій, графъ-Суворовъ Римникскій вмѣстѣ съ инженеромъ Эргардомъ ходатайствовали о выдачѣ имъ концессіи съ правительственною гарантіею 5% на весь основной капиталъ въ 35.000,000 руб. Они полагали вести дорогу отъ Крюкова до Севастополя на протяженіи 500 верстъ, слѣдовательно, просили по 70,000 руб. съ версты.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Воронинъ съ банкирскимъ домомъ Розенталя просили о дозволеніи образовать акціонерное общество съ капиталомъ въ 43.800,000 руб. метал., который долженъ образоваться выпускомъ $\frac{1}{4}$ части негарантированныхъ акцій и $\frac{3}{4}$ гарантированныхъ облигацій. Въ ихъ проектѣ дорога должна была идти отъ Лозовой до Севастополя съ вѣтвью къ Днѣпру у Екатеринослава. Длина линіи опредѣлена въ 600 верстъ, что составляетъ 73,000 руб. метал. съ версты.

Инженеръ Струве съ купцомъ Лессингомъ также просили о концессіи и рассчитывали стоимость сооруженія въ 51.887,500 р. метал., испрашивая гарантію правительства на весь необходимый капиталъ. По этому проекту желѣзная дорога должна была состоять изъ слѣдующихъ частей: главной линіи въ 559 верстъ, вѣтви къ Днѣпру у Екатеринослава 42 версты, вѣтви къ Днѣпру у Александровска 4 версты и вѣтви къ Феодосіи 104 версты, всего 709 верстъ, слѣдовательно, поверстная стоимость опредѣлялась въ 73,184 руб.

Независимо отъ сего, правленіе Курско-Харьковско-Азовской дороги заявляло о данномъ ему общимъ собраніемъ акціонеровъ полномочіи просить о выдачѣ концессіи на сооруженіе этой дороги.

Въ началѣ 1869 года былъ возбужденъ вопросъ о самомъ способѣ сооруженія Севастопольской дороги и былъ предметомъ пе-

реписки между Министрами Финансовъ и Путей Сообщенія. Первый находилъ, что Севастопольская дорога на $\frac{9}{10}$ своего протяженія проходила по степной мѣстности и только на $\frac{1}{10}$ — по горной. Судя по указаніямъ опыта степныя дороги могутъ быть оканчиваемы въ $1\frac{1}{2}$ или 2 года и требуютъ для своего устройства расходовъ не многимъ болѣе 50,000 рублей нарицательнаго капитала на версту; тогда какъ горныя дороги стѣять гораздо дороже и требуютъ времени не менѣе 4-хъ лѣтъ. На этомъ основаніи дарованіе концессіи на обѣ части дороги имѣло особое неудобство. По отсутствію данныхъ относительно стоимости сооруженія горныхъ дорогъ, концессіонеры или будутъ требовать слишкомъ высокую цѣну, или, увлекаясь конкуренціею, понизятъ ее на столько, что не въ состояніи будутъ выполнить работу. Если же выдавать концессіи на каждый участокъ отдѣльно, то для сооруженія горнаго участка нельзя будетъ образовать акціонернаго капитала. За тѣмъ, при началіи работъ одновременно на всемъ протяженіи дороги, самая большая часть этого пути будетъ окончена 2 годами ранѣе, чѣмъ послѣдній участокъ и все это время будетъ оставаться безъ пользы для края и въ явный убытокъ для акціонернаго капитала. На этомъ основаніи Министръ Финансовъ признавалъ нужнымъ соорудить горный участокъ Севастопольской дороги средствами казны и, когда работы на немъ подвинутся на столько, что можно будетъ опредѣлить время ихъ окончанія, вызвать частную дѣятельность для сооруженія степной части дороги, объявивъ при томъ частному обществу, что горный участокъ уступается ему не по той цѣнѣ, во что онъ обойдется правительству, а по поверстной цѣнѣ степной части дороги; разница же между обѣими цѣнами составитъ капитальную жертву правительства для достиженія вмѣстѣ съ торговою и политической цѣли.

При первомъ взглядѣ на эти соображенія оказывается, что Министерство Финансовъ, признало, что участокъ дороги около Севастополя долженъ имѣть характеръ горной дороги и основало свои экономическіе взгляды на чисто техническихъ трудностяхъ сооруженія горныхъ дорогъ, о чемъ, повидимому, Министерство Путей Сообщенія могло бы судить гораздо вѣрнѣе.

Послѣднее, напротивъ того, полагало, что устройство участка дороги около Севастополя не представляетъ большихъ затрудненій, такъ какъ мѣстность, по которой онъ долженъ проходить скорѣе можетъ быть названа волнистою, чѣмъ гористою. Только въ 10 верстахъ отъ Севастополя является необходимость прорыть въ горы тон-

нель въ 1500 саж. длиною и то въ благопріятныхъ условіяхъ грунта и что это вовсе не есть дѣло новое на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Предполагая даже, что постройка подобнаго тоннеля потребуетъ времени не менѣе 4 лѣтъ и что вслѣдствіе этого движеніе на послѣднемъ участкѣ не можетъ быть открыто, эксплуатація остальныхъ участковъ Севастопольской линіи все-таки будетъ имѣть значеніе. Дорога доведенная до Александровска уже свяжетъ между собою двѣ мѣстности, разбѣденныя дѣйровскими порогами; по доведеніи ея до Сиваша, она получитъ прибавку грузовъ крымской соли; по открытіи движенія до Симферополя дорога войдетъ въ связь съ сообщеніями южнаго берега Крыма. Вслѣдствіе сего Министерство Путей Сообщенія требовало немедленной выдачи концессіи на Севастопольскую дорогу.

Мы приводимъ это разногласіе двухъ министерствъ какъ фактъ, характеризующій отношенія нашей администраціи къ практическому вопросу. Министерство Финансовъ основывало свои экономическія воззрѣнія, какъ мы видѣли, на соображеніяхъ чисто техническаго свойства и Министерству Путей Сообщенія, конечно, не трудно было доказать неосновательность мотивировки подобныхъ воззрѣній; но за тѣмъ Министерство Путей Сообщенія прибѣгаетъ къ весьма шаткимъ экономическимъ доводамъ, чтобъ доказать необходимость немедленнаго сооруженія дороги. Опытъ наглядно доказалъ, что не только отдѣльные участки этой дороги не могутъ имѣть большаго экономическаго значенія, но его не имѣетъ и вся линія доведенная до Севастополя, не смотря на то, что этотъ пунктъ представляетъ собою нашъ лучший портъ на Черномъ морѣ. Между тѣмъ, предусмотрѣть подобныя послѣдствія было очень не трудно при первомъ взглядѣ на карту. Нельзя не замѣтить, что Севастополь есть портъ, выдающийся въ море по крайней мѣрѣ верстъ на 300 далѣе, чѣмъ другіе наши портовые города и что вслѣдствіе болѣе дальняго провоза по желѣзной дорогѣ, онъ никогда не будетъ въ состояніи конкурировать съ ними въ дешевизнѣ нашихъ отпускныхъ товаровъ; съ другой стороны, заграничные товары, приходящіе къ нашимъ южнымъ портамъ по той же самой причинѣ гораздо выгоднѣе выгружать въ портахъ Азовскихъ и въ Одессѣ, чѣмъ въ Севастополѣ, тѣмъ болѣе, что Крымъ не представляетъ ни одного торговаго центра и весьма мало населенъ; наконецъ, Николаевъ и Ростовъ на Дону обладаютъ водными путями, которые значительно удешевляютъ цѣну отпускныхъ товаровъ. Если бы вмѣсто постройки Севастопольской дороги средства эти были употреблены на проведеніе дорогъ къ Маріуполю

и Бердянску и на устройство портовъ въ этихъ городахъ и въ особенности въ Таганрогѣ, то русская отпускная торговля выиграла бы значительно и правительство давно бы перестало приплачивать гарантію по Курско-Азовской дорогѣ.

Точно также не выдерживаетъ критики мнѣніе Министерства Путей Сообщенія и въ томъ отношеніи, что отдѣльные участки Лозово-Севастопольской дороги до Александровска и Сиваша могли имѣть какое нибудь торговое значеніе. Новороссійскій край такъ мало населенъ и такъ мало развитъ въ промышленномъ отношеніи, что одна внутренняя торговля не можетъ дать желѣзной дорогѣ достаточную работу для покрытія расходовъ эксплуатаціи. Сомнѣваться въ этомъ невозможно было даже въ 1870 году.

Между тѣмъ въ теченіи 1870 и въ началѣ 1871 года поступило еще нѣсколько новыхъ предложеній на сооруженіе этой дороги. Графъ Михаилъ Ланской вмѣстѣ съ г. Байковымъ заявляли желаніе образовать акціонерное общество съ капиталомъ въ 42.000,000 рублей съ гарантіею правительства; графъ Апавсинъ предлагалъ устроить дорогу отъ Кременчуга къ Севастополю; кромѣ того, о допущеніи къ конкуренціи безъ подробнаго объясненія условій просили: статскій совѣтникъ Муромцевъ съ штабсъ-ротмистромъ Горяиновымъ, майоръ Новиковъ и графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Нормальная концессія была утверждена 9 мая 1871 года, а 29 іюля того же года и уставъ акціонернаго общества, образованіе котораго предоставлено комерціи совѣтнику Губонину. Основной капиталъ опредѣленъ въ 32.670,000 руб. метал. и составлялся выпускомъ на $\frac{1}{4}$ часть акцій на $\frac{3}{4}$ облигацій; тѣмъ и другимъ предоставлена гарантія чистаго дохода въ 5⁰/₀; правительство оставило за собою всѣ облигаціи по цѣнѣ 75⁰/₀ за сто. Дорога предоставлялась обществу на 81 годъ. Длина линіи опредѣлена въ 613 $\frac{1}{2}$ верстъ.

Изъ этихъ условій оказывается, что поверстная стоимость дороги опредѣлена въ 53,295 руб. метал. не смотря на значительный тоннель вблизи Севастополя. Но эта дешевизна достигнута значительнымъ уменьшеніемъ количества подвижнаго состава, который опредѣленъ въ 91 паровозъ и 1636 вагоновъ и платформъ (послѣднихъ большинство 838) т. е. 6,7 версты на каждый паровозъ и по 2,6 вагона на версту. Такого ничтожнаго количества подвижнаго состава до сихъ поръ мы не встрѣчали ни на одной изъ разрѣшенныхъ дорогъ и обстоятельство это вовсе не соотвѣтствуетъ тому значенію, которое придавало этой дорогѣ Министерство Путей Со-

общенія. Если дорога эта такъ важна, что каждый ея отдѣльный участокъ могъ имѣть свое самостоятельное значеніе, то она съ перваго раза должна была имѣть гораздо болѣе подвижнаго состава; если же по разлѣчной вѣдомости его назначалось менѣе, чѣмъ на другихъ дорогахъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что или это назначеніе дѣлалось зря, безъ всякихъ основаній, или само Министерство не вѣрило въ то, что оно утверждало.

Дорога эта открывалась по частямъ и послѣдній участокъ отъ Симферополя до Севастополя открытъ 5 января 1875 года

Послѣднею дорогою изъ сѣти, утвержденной 27 декабря 1868 года и нѣсколько измѣненной журналомъ комитета желѣзныхъ дорогъ 1 марта 1870 года, была Ландварово-Роменская. Читатель, слѣдившій за нашими статьями, могъ замѣтить что учредители обществъ для постройки и эксплуатаціи дорогъ, вслѣдствіе принятой у насъ системы, вовсе не обращали вниманія на будущность дороги, на условія ея эксплуатаціи и были заинтересованы только постройкою и тѣми барышами, которые могутъ при этомъ попасть имъ въ руки. Справедливость подобнаго мнѣнія весьма наглядно подтверждается сооруженіемъ Ландварово-Роменской дороги или лучше сказать сооруженіемъ участка ея отъ Ромень до пересѣченія ея съ Курско-Кіевской дорогой. Если бы частные капиталы дѣйствительно употреблялись на сооруженіе этой дороги, то, въ виду отсутствія гарантіи по акціямъ, предприниматели, конечно, не согласились бы строить этотъ участокъ дороги безъ продолженія его до Харьковско-Кременчугской линіи: подобная затрата была по меньшей мѣрѣ преждевременною и вызывала много непроизводительныхъ расходовъ. Но дѣло въ томъ, что во всемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ частныхъ капиталовъ или вовсе нѣтъ, или очень мало и постройка ведется почти исключительно на средства Правительства. Поэтому куда бы и какъ бы ни направлялась дорога, объ этомъ наши строители не заботятся: они знаютъ, сколько каждая верста должна принести имъ барыша и этого для нихъ довольно. Не затрачивая нисколько акціонернаго капитала на сооруженіе дороги, они совершенно равнодушны къ результатамъ эксплуатаціи, будучи убѣждены вполне, что всякій дефицитъ будетъ покрытъ Правительствомъ. Это послѣднее обстоятельство даетъ имъ возможность не только наживать барыши при дешевой оцѣнкѣ дороги, но даже покрывать свои убытки, если облигаціонный капиталъ оказывается недостаточнымъ. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы открыть движеніе по дорогѣ ранѣе совершеннаго ея окончанія и производить работы по недодѣлкамъ во время эксплоа-

таці дороги. Такой маневръ даёт возможность относить цѣлую массу недоѣлокъ къ расходамъ эксплуатаціи, не затрачивая ни одной копѣйки на управленіе дѣломъ окончательной достройки дороги. Услѣдить съ точностію за правильнымъ отнесеніемъ расходовъ на тотъ или другой источникъ, когда производство и тѣхъ и другихъ расходовъ находится въ однихъ рукахъ, положительно невозможно; а если при этомъ въ подобномъ наблюденіи никто не заинтересованъ, то весьма естественно что большая часть запасныхъ путей и другихъ недоѣлокъ покрываются изъ расходовъ эксплуатаціи. Только такимъ образомъ мы можемъ объяснить погоню за концессіями, не смотря на пониженіе строительныхъ цѣнъ.

Изысканія по Ландварово-Роменской желѣзной дорогѣ были произведены въ 1870 году. Мы не имѣемъ въ виду правительственной оцѣнки, составленной по этимъ изысканіямъ, но знаемъ, что проектъ нормальной концессіи утвержденъ 9 мая 1871 года, по которой капиталъ Общества долженъ былъ состоять изъ $\frac{1}{4}$ негарантированныхъ акцій и $\frac{3}{4}$ облигацій. Послѣднія удерживались Правительствомъ за собою по $76\frac{1}{2}$ за 100 и имъ присвоена гарантія 5% дохода и $\frac{1}{10}$ погашенія; длина дороги опредѣлялась въ 718 верстъ, а количество подвижнаго состава — въ 108 паровозовъ и 1848 вагоновъ и платформъ, т. е. почти такое же количество какъ и на Ловово-Севастопольской дорогѣ. Здѣсь приходится 1 паровозъ на 6,6 версты и по $2\frac{1}{2}$ вагона на версту.

Сверхъ условія, по которому дорога останавливалась въ стени, также и городъ Ромны не имѣетъ никакого экономическаго значенія; не смотря на все это, желающихъ взять на себя сооруженіе дороги явилось много, а именно: инженеръ-капитанъ Яфимовичъ съ вѣвскимъ банкиромъ Векерстеймомъ, статскій совѣтникъ Герстфельдъ, полковникъ Жерардъ-де-Сукантонъ, купецъ Варгунинъ съ почетнымъ гражданиномъ Гинцбургомъ, торговый домъ Гладина, инженеръ полковникъ Фалькенгагенъ, представитель Гамбургскаго сѣвернаго банка, статскій совѣтникъ фонъ Меккъ и комерціи совѣтникъ Варшавскій.

По видимому конкуренціи между этими лицами не было; покрайней мѣрѣ Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ не говоритъ ни слова объ этой конкуренціи: въ немъ сказано только, что по соглашенію Министерствъ Путей Сообщенія и Финансовъ учредителемъ акціонернаго общества избранъ статскій совѣтникъ фонъ Меккъ, на имя котораго по Высочайше утвержденному 21 іюля 1871 года положенію Комитета Министровъ и была выдана концессія.

Основной капитал Общества определенъ въ 28.466,812 руб. металлическихъ. Если мы откинемъ сумму акціонернаго капитала и возьмемъ реализаціонную цѣну облигацій, то оказывается что дорога эта обошлась Правительству въ 24,712 руб. металлическихъ за версту, что по тогдашнему курсу выходитъ 28,242 рубля кредитныхъ. Если при этомъ принять въ соображеніе отсутствіе всякихъ техническихъ по этому направленію затрудненій, дешевизну лѣсныхъ матеріаловъ болѣе, чѣмъ на трехъ четвертяхъ ея протяженія, ничтожное количество подвижнаго состава и наконецъ земляное полотно въ одинъ путь при одной восьмой запасныхъ путей вмѣсто одной пятой, какъ это требовалось на другихъ дорогахъ, то окажется что облигаціоннаго капитала было вполне достаточно на сооруженіе дороги, акціонерный же капиталъ остался вовсе безъ употребленія. Кроме того, слѣдуетъ обратить вниманіе, что эксплуатація дороги открывалась отдѣльными участками и что такимъ образомъ являлась возможность смѣшивать расходы строительные съ расходами эксплуатаціи, и тогда будетъ понятно какъ можно строить дороги за дешевую цѣну.

На этомъ мы оканчиваемъ нынѣшнюю статью, потому что Ростово-Владикавказская дорога внесена въ сѣть 1868 года уже въ 1870 году, и можетъ быть скорѣе отнесена къ сѣти утвержденной по журналу комитета желѣзныхъ дорогъ 1871 года марта 27 дня. Мы не рѣшаемся говорить объ исполненіи этой послѣдней сѣти на томъ основаніи, что это значительно увеличило бы объемъ нашей статьи, и безъ того утомительной для вниманія читателей. Откладывая такимъ образомъ до слѣдующей книги Сборника окончаніе нашей исторіи сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, мы надѣемся познакомить читателя не только съ условіями сооруженія дорогъ, вошедшихъ въ эту сѣть, но и съ тѣми попытками измѣнить существующую систему ихъ сооруженія, которыя выразились въ правилахъ 30 марта 1873 года и указать тѣ причины, по которымъ эти попытки потерпѣли неудачу.

БУМАЖНО-ДЕНЕЖНЫЕ ПРОЕКТЫ

И

ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ ФИНАНСЫ.

И. И. КАУФМАНА,

ДОКТОРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОБЗОРЪ ПРОЕКТОВЪ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ 1861 — 78 ГОДАХЪ.

I.

ПРОЕКТЪ Е. И. ЛАМАНСКАГО.

На проектѣ этомъ находится печатная пометка: „писано въ ноябрѣ 1861 года“. Онъ, поэтому, прежде другихъ подлежитъ здѣсь разсмотрѣнію, какъ первое выраженіе рациональныхъ требованій реформы кредитнаго денежнаго обращенія въ Россіи послѣ первой восточной войны.

Проектъ Е. И. Ламанскаго постигла очень печальная и совершенно незаслуженная участь. То, что въ немъ заключалось разумнаго, вполне практическаго и научнаго, забыто. И, напротивъ, все помнятъ связь, яко-бы соединяющую этотъ проектъ съ мѣропріятіями 186²/₃ гг. по возобновленію разиѣна. Между тѣмъ на дѣлѣ эта связь исключительно внѣшняя и почти случайная.

Вполнѣ сознавая, что „частныя мѣры или полумѣры въ этомъ дѣлѣ недостаточны“, что „нужно ясное и гласное сознаніе оши-

бокъ и мѣры энергическія, не позволяющія вернуться къ прошлому“, что наконецъ „нужны смѣлость и система дѣйствій, къ которымъ приводятъ глубокое убѣжденіе и увѣренность знанія“, — Е. И. Ламанскій своимъ проектомъ 1861 года приобрѣлъ себѣ еще особня заслуги тѣмъ, что въ немъ онъ —

первый рационально опредѣлилъ *предѣлы* задачи преобразования кредитной денежной системы въ Россіи;

первый правильно сформулировалъ *основныя начала* этого преобразования.

Въ томъ и другомъ отношеніяхъ позднѣйшимъ проектамъ приходилось въ сущности лишь повторять высказанное Е. И. Ламанскимъ.

Въ отношеніи предѣловъ задачи преобразования кредитной денежной системы проектъ исходитъ изъ того, что реформа должна охватить не только кредитные билеты, но также и серіи, вкладныя свидѣтельства государственныхъ кредитныхъ установленій и 4⁰/₀ металл. билеты, то-есть: всѣ тѣ бумаги, которыя, представляя неотвержденный государственный долгъ (*la dette flottante*), вмѣстѣ съ тѣмъ по закону должны приниматься въ платежи казначействомъ и, такимъ образомъ, имѣютъ денежныя качества. Все то, чему законодатель сообщилъ денежныя качества, должно войти въ кругъ его заботъ, когда ставится вопросъ о созданіи для этихъ качествъ здоровой почвы.

Такимъ образомъ Е. И. Ламанскій первый выразилъ мысль, что безъ регулированія *всего* нашего неотвержденнаго государственнаго долга немислимо правильное разрѣшеніе вопроса о кредитныхъ билетахъ.

Въ отношеніе же коренныхъ началъ, которыя должны лечь въ основаніи реформы, Е. И. Ламанскій полагалъ, что во главѣ ихъ должна стоять непрерывная разиѣнность на звонкую монету *всякой* бумаги, которой правительство даетъ денежныя качества.

Въ проектѣ говорится:

„Ни одинъ изъ этихъ трехъ видовъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ (кредитныхъ билетовъ, серій и вкладныхъ свидѣтельствъ) не можетъ быть признанъ наукою рациональнымъ, ибо всѣ они какъ по способу выпуска первыхъ, такъ и по свойству обращенія, передаточности и платежности двухъ послѣднихъ, составляютъ одно и тоже видозмѣненіе денегъ, *которыя они должны быть представителями по отношенію къ размѣну. Металлическій фондъ отвѣчаетъ за всѣ бумаги одинаково*“.....

„Въ потребности размѣна на рынкѣ или въ правѣ на металлъ участвуютъ *все* денежные знаки“.

Слѣдующее затѣмъ коренное начало выражаетъ способъ, **бонитъ** размѣнность устанавливается на вполне прочной почвѣ.

Проектъ говорить:

„Бумажные представители денегъ или кредитные знаки, замѣняющіе деньги, должны имѣть безусловное качество свободного размѣна для правильного обращенія. Такой результатъ достигается *только въ томъ случаѣ*, когда выпускъ бумажныхъ представителей денегъ предоставленъ оборотнымъ банкамъ (banques d'émission), которые по существу своихъ операций, могутъ выпускать, или вѣрнѣе сказать, обмѣнивать бумажные кредитные знаки *только въ двухъ случаяхъ*: или въ обмѣнъ за приносимое золото и серебро, или въ обмѣнъ краткосрочныхъ торговыхъ бумагъ и векселей, принимая ихъ въ учетъ на три и на шесть мѣсяцевъ. Исслѣдованія торговыхъ потребностей въ монетѣ и кредитнаго денежнаго обращенія доказываютъ, что *при такихъ условіяхъ выпуска размѣнъ билетовъ на металлъ обезпеченъ вполне*....
„Примѣры прочнаго денежнаго кредитнаго обращенія существуютъ *исключительно* при банковомъ устройствѣ“.

Въ противоположность этому, проектъ указываетъ на то, что въ Россіи денежное кредитное обращеніе, напротивъ того, всегда составляло, и составляетъ понынѣ, финансовый способъ правительства, которое выпускаетъ свои билеты, не какъ банкъ, взаимнѣ краткосрочныхъ торговыхъ обязательствъ и векселей, а какъ деньги для своихъ государственныхъ надобностей“.

Приведенныя выписки наглядно показываютъ, какъ ясно авторъ сознавалъ, что единственною прочною почвою, потребною для кредитнаго денежнаго обращенія въ Россіи, можетъ и должна быть лишь та-же самая почва, которая освящена наукою и вѣковнымъ опытомъ Англій, Франціи, Германіи, да и всѣхъ странъ и народовъ, когда либо имѣвшихъ здоровое бумажное денежное обращеніе.

Обращаемся къ содержащимся въ проектѣ соображеніямъ непосредственно-практическаго свойства.

Авторъ исходитъ изъ того, что „въ 1862 году денежное кредитное обращеніе состоитъ: изъ кредитныхъ билетовъ на 700 милл., серій на 108 милл. и старыхъ владовъ на 150 милл., всего 986 милл.“. Для преобразования ихъ предлагаются нижеслѣдующія мѣры.

Государственный Банкъ изымается изъ вѣдомства министер-

ства финансовъ и подчиняется „исключительному и непосредственному“ вѣдѣнію одного лишь Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій съ увеличеніемъ въ составѣ послѣдняго числа представителей со стороны правительства, дворянства и купечества.

Изъ чисто государственнаго установленія Банкъ преобразуется „съ 1865 года, если окажется неудобнымъ исполнить сіе ранѣе“, въ учрежденіе смѣшанное, государственно-акціонерное; для этого составляется акціонерная компанія, которая вноситъ капиталъ въ 20 милл. р., присоединяемый къ казенному капиталу Банка. Управляющій, его товарищъ и 6 директоровъ назначаются правительствомъ изъ акціонеровъ; другіе 6 директоровъ избираются самими акціонерами; сверхъ того въ составъ правленія Банка входятъ по два члена отъ правительства, дворянства и купечества, тоже въ должности директоровъ.

Правительство отказывается „навсегда“ отъ выпуска „начала кредитныхъ билетовъ и затѣмъ всякихъ другихъ денежныхъ знаковъ, съ свойствомъ обязательнаго приѣма въ платежи, какъ процентныхъ, такъ и безпроцентныхъ“. Право выпуска денежныхъ знаковъ переходитъ къ преобразованному Банку.

Банку предоставляется выпустить новые безпроцентные билеты „на всю сумму, какая имъ будетъ извлечена изъ обращенія въ кредитныхъ билетахъ, во вкладныхъ свидѣтельствахъ „и въ 4⁰/₀ металл. билетахъ и безъ ограниченія суммы за внесенные слитки золота и серебра“. Въ случаѣ надобности Банка „на оживленіе торговыхъ оборотовъ впредь до окончательнаго утвержденія устава въ 1865 году, предоставляется Банку, съ открытіемъ разнѣна своихъ билетовъ, черезъ полгода послѣ „начала, увеличить сумму выпуска своихъ билетовъ до 20 милл. „рублей подъ залогъ краткосрочныхъ торговыхъ бумагъ“.

Для обезпеченія средствъ къ разнѣну новыхъ денежныхъ знаковъ, выпускаемыхъ вмѣсто кредитныхъ билетовъ и иныхъ денежныхъ бумагъ, правительство передаетъ Банку:

- а) разнѣнный фондъ въ 100 мил. р.;
- б) на 200 милл. руб. 5⁰/₀ ренты, облигаціи которой Банку предоставляется продавать способами и въ разнѣрахъ, какіе онъ признаетъ наиболѣе удобными;
- в) на 200 милл. рублей 1⁰/₀-ное обязательство казначейства, неотчуждаемое, но подлежащее погашенію въ теченіи 100 лѣтъ;

г) на 200 милл. р. государственныхъ имуществъ: лѣсами, оброчными статьями, горными заводами, фабриками и желѣзными дорогами. Доходы съ этихъ имуществъ продолжаетъ получать правительство впредь до ихъ продажи Банкомъ; Банку предоставляется производить продажу по соглашенію съ министромъ финансовъ.

Съ сими обезпеченіями вѣняется Банку „въ обязанность“ приступить *немедленно* въ открытію размѣна: въ теченіи 1862 года по 5 р. 70 к. за полуимперіаль, въ первую половину 1863 года по 5 р. 50 к., во вторую его половину по 5 р. 35 к.; въ теченіи всего 1864 года по 5 р. 25 к., а съ 1-го января 1865 года по 5 р. 15 к.

Въ заключеніе прибавимъ еще, что преобразованный Банкъ прекращаетъ пріемъ процентныхъ вкладовъ до востребованія.

Ближе всматриваясь въ только-что изложенную совокупность мѣропріятій, нетрудно замѣтить, что они не вполне соответствуютъ широкимъ руководящимъ идеямъ автора. Они касаются *только* кредитныхъ билетовъ, которыми поглощаются всѣ обезпеченія на 700 милл. руб., рекомендуемыя проектомъ. Для регулированія же остальныхъ денежныхъ знаковъ, на сумму 286 милл. р., совсѣмъ не указано обезпеченій и они оставлены въ прежнемъ ихъ неопредѣленномъ положеніи.

Что же касается кредитныхъ билетовъ, то очевидно мысль проекта заключается въ изытіи изъ обращенія суммы ихъ (или замѣняющихъ ихъ новыхъ билетовъ преобразованнаго Банка) на 400 милл. (именно: 200 милл. путемъ консолидаціи въ 5%-ной рентѣ и 200 милл. путемъ продажи государственныхъ имуществъ). Остальные же 300 милл. оставляются въ обращеніи: 100 милл. соответственно размѣнному фонду и 200 милл. за счетъ казначейства, съ постепеннымъ погашеніемъ ихъ по 2 милл. въ годъ.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что еслибъ дѣйствительно было изыято изъ обращенія на 400 милл. кредитныхъ билетовъ (56% всей тогдашней ихъ суммы), — еслибъ проектъ былъ еще дополненъ нѣкоторыми мѣрами для дальнѣйшей консолидаціи вкладовъ и для лишенія серій и 4%-ныхъ металлическихъ билетовъ ихъ денежныхъ качествъ (то-есть, для ихъ изытія изъ обращенія, а слѣдовательно и тѣхъ новыхъ билетовъ преобразованнаго Банка, которые были-бы выпущены для уплатъ по вкладамъ, серіямъ и 4%-нымъ билетамъ), — то обращеніе осталь-

ныхъ денежныхъ знаковъ всего на сумму 300 милл. руб. было-бы обеспечено.

Предъ первую восточную войною обращалось свыше 350 милл. руб. кредитныхъ билетовъ и это не мѣшало ихъ размѣнности.

Оставленіе въ обращеніи за счетъ казначейства суммы денежныхъ знаковъ, не превышающей 200 милл. р., не могло внушать опасеній. Эта сумма была нѣсколько больше, чѣмъ нужно для производства платежей, приходящихъ въ казначейство и исходящихъ изъ него; но излишекъ сбылъ не настолько великъ, чтобъ не найти себѣ спокойной (если не прочной) почвы въ потребности страны въ достаточномъ количествѣ орудій обращенія.

Странѣ, во всякомъ случаѣ, для всѣхъ потребностей нужна была гораздо большая сумма орудій обращенія, чѣмъ тѣ 300 милл., на которые оставлялось кредитныхъ знаковъ. Поэтому, весьма вѣроятно, звонкая монета очень скоро опять вступила-бы въ свои права.

Врядъ-ли возможно представить серьезное возраженіе и противъ того, что размѣнъ по проекту долженъ былъ открыться немедленно-же. Одновременно съ нимъ, параллельно, должно было идти скорое извлеченіе излишнихъ денежныхъ знаковъ, путемъ консолидаціи и продажи государственныхъ имуществъ. Это какъ-бы окружало размѣнъ сдавливающимъ кольцомъ. И онъ становился еще болѣе безопаснымъ, благодаря размѣнной цѣнѣ полуимперіала, сначала довольно высокой и лишь постепенно понижавшейся. Изъятіе изъ обращенія излишнихъ кредитныхъ знаковъ, конечно, возвышало-бы ихъ цѣну и умѣряло-бы слишкомъ поспѣшныя требованія размѣна.

Мысли преобразовать Государственный Банкъ въ учрежденіе государственно-акціонерное, мы здѣсь не будемъ касаться, такъ какъ ниже мы къ ней должны будемъ вернуться.

Не будемъ мы также здѣсь вдаваться въ разборъ вопроса, насколько удобоисполнимо изъятіе излишнихъ денежныхъ знаковъ изъ обращенія путемъ продажи государственныхъ имуществъ. Замѣтимъ только, что при установившихся въ настоящее время взглядахъ на предпочтительность медленнаго и осторожнаго образа дѣйствій при операціяхъ восстановленія металлическаго обращенія—трехлѣтній срокъ, въ который по разобранному проекту все должно быть окончено, врядъ-ли не повелъ-бы къ чрезвычайной поспѣшности.

Какъ-бы то ни было, безпристрастно относясь къ проекту,

составленному въ концѣ 1861 года Е. И. Ламанскій, нѣтъ никакой справедливой возможности винить его за неудачу мѣръ, принятыхъ финансовымъ управленіемъ въ 1862 и 1863 годахъ. Размѣвъ, правда, былъ открытъ по тарифу, какъ онъ его рекомендовалъ, опираясь на труды двухъ парламентскихъ комиссій Англіи 1819 года. Но при этомъ совершенно были обойдены всѣ остальные, *наиболѣе существенныя* его предложенія.

Къ изложенному остается прибавить, что со своими рациональными взглядами Е. И. Ламанскій стоялъ, въ административной сферѣ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ довольно одиноко. Позволительно даже сомнѣваться, многіе-ли его въ то время понимали. Но въ литературѣ онъ все-таки былъ несовсѣмъ одинокъ. Въ 1862 году появился ученый трудъ В. П. Везобразова „о нѣкоторыхъ явленіяхъ нашего бумажнаго денежнаго обращенія“; въ этомъ изслѣдованіи впервые систематически излагалось ученіе о *банковомъ обезпеченіи* кредитной циркуляціи. И авторъ этого труда уже тогда не считалъ возможнымъ возобновленіе размѣва безъ соотвѣтствующаго сокращенія безпроцентнаго долга Государственнаго Казначейства за кредитные билеты.

II.

ПРОЕКТЪ Г. ГОЛЬДМАНА.

Проектъ г. Гольдмана вышелъ въ іюні 1866 года, во время тяжкаго кризиса, постигшаго кредитные билеты и понизившаго, правда, на короткое время, ихъ цѣнность до 66% ихъ нарицательнаго достоинства.

Этимъ-то обстоятельствомъ г. Гольдманъ предлагалъ русскому правительству *поскорѣ* воспользоваться для девальваціи (т. е., пониженія металлической цѣнности билетовъ при ихъ размѣвѣ сравнительно съ ихъ первоначальной нарицательною цѣною) кредитныхъ билетовъ на 33%.

Проектъ г. Гольдмана преслѣдуетъ, конечно, самую лучшую цѣль: „отмѣнить вырожденіе кредитныхъ билетовъ возстановленіемъ ихъ размѣнности“ и затѣмъ „совершенно устранить государственныя бумажныя деньги“.

Девальваціи г. Гольдманъ отдавалъ предпочтеніе, исходя изъ общихъ соображеній о справедливости и государственномъ благоустройствѣ; но главнымъ образомъ онъ обращалъ вниманіе правительства на ея финансовыя выгоды. „Такъ“, писалъ онъ:

„еслибъ наши кредитные билеты, составляющіе по нарицательной цѣнѣ 650 милл. руб., были выкуплены по существующему курсу, то есть около $66\frac{2}{3}$ коп. сер. за рубль, то ихъ выкупъ потребовалъ бы 433 милл. руб. сер., то-есть на 217 мил. руб. сер. меньше, нежели выкупъ по полной цѣнѣ...“

„Одинъ этотъ излишекъ далъ бы возможность устранить самую большую и опасную часть текущаго процентнаго долга государства, а именно всю сумму билетовъ Государственного Казначейства“.

Вполнѣ сознавая, что устраненіе нарицательнаго достоинства кредитныхъ билетовъ требуетъ законодательнаго опредѣленія о томъ, какъ должны быть покончены счеты между частными лицами по договорамъ и сдѣлкамъ, заключеннымъ въ разное время до этой иѣры, г. Гольдманъ предлагалъ

„установить скалу съ назначеніемъ помѣсячно или въ болѣе значительныхъ промежуткахъ времени степени пониженія бумажной валюты, сообразно съ которой и слѣдовало бы вычислить существующія денежныя обязательства по времени ихъ заключенія“.

Авторъ, впрочемъ, не скрывалъ отъ себя, что съ этимъ способомъ связаны многія затрудненія и несправедливости.

Частности финансовой стороны проекта заключаются въ слѣдующемъ:

Для изъятія изъ обращенія 650 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, говоритъ г. Гольдманъ, „потребовалась бы сумма около 430 милл. руб. *въ звонкой монетѣ*, которую понадобилось бы собрать *немедленно или по крайней мѣрѣ въ короткое время*“. Но „такая значительная сумма, которая должна состоять исключительно изъ золота и серебра“, по мнѣнію автора, „не могла бы быть добыта *въ короткій срокъ*“. Поэтому онъ предлагалъ всю сумму въ 430 милл. раздѣлить на двѣ части, съ тѣмъ, чтобъ лишь на половину ея, на 215 милл. руб., кредитные билеты были выкуплены за звонкую монету. А такъ какъ весной 1866 года монеты имѣлось въ разнѣнномъ фондѣ на 60 милл. руб., то „потребовалось бы еще добыть только около 155 милл. руб.“ Относительно этой же суммы авторъ полагалъ, что правительство ее добудетъ, „выждавъ болѣе благоприятную минуту“, и если оно „не пожалѣетъ никакихъ жертвъ“.

Остальные 230 милл. р. кредитныхъ билетовъ г. Гольдманъ совѣтовалъ изъять изъ обращенія „нѣкотораго рода“ внутреннѣйшіе принудительныя займы.

Считая, что металлическій заемъ обойдется правительству въ 8⁰/₀, а по внутреннему достаточно платить 4⁰/₀ интереса и 1⁰/₀ погашенія, г. Гольдманъ оцѣнивалъ стоимость предлагаемой имъ реформы въ новый ежегодный расходъ казначейства на сумму 24.700.000 рублей.

Такъ какъ исчезновеніе кредитныхъ билетовъ должно было поставить въ затруднительное положеніе страну, то проектъ предлагалъ учредить „оборотный банкъ“ на началахъ организаціи эмиссіонныхъ банковъ за границею. Г. Гольдманъ полагалъ, что если не сейчасъ, то „по крайней мѣрѣ въ очень скоромъ времени“ банкъ этотъ въ состояніи будетъ выпустить своихъ денежныхъ знаковъ на 300 миллион^{овъ} рублей, чѣмъ „публикѣ открылась бы возможность немедленно возмѣстить убыль въ деньгахъ, происшедшую отъ изъятія кредитныхъ билетовъ обмѣномъ на процентныя бумаги“. Въ то-же самое время появилось-бы въ обращеніи звонкой монеты на 215 милл. руб. изъ правительственныхъ источниковъ и, вѣроятно, еще немалое количество, такъ какъ „далеко большая часть обращающейся у насъ прежде монеты скрыта въ рукахъ частныхъ лицъ“. Эту монету видѣть съ тою, „которая должна *тотчасъ-же* вернуться изъ-за границы“, авторъ исчислялъ въ 300 милл. р. Такимъ образомъ „все количество курсирующихъ у насъ звонкихъ денегъ должно было бы дойти до 515 милл. рублей“.

Таковъ проектъ. Г. Гольдманъ не напрасно побуждалъ правительство спѣшить не только его принятіемъ, но и исполненіемъ: очень скоро послѣ его появленія, его осуществленіе сдѣлалось невозможнымъ. Кредитный рубль стоилъ уже не 66 сер. коп., а 85 сер. коп., и на такой цѣнѣ онъ установился для продолжительнаго періода, который исторія нашихъ финансовъ должна будетъ причислить къ очень счастливымъ... Выгода въ 217 милл., которую г. Гольдманъ ожидалъ отъ девальваціи, испарилась въ облакахъ нашего финансоваго благополучія.

О девальваціи вообще, какъ объ способѣ преобразованія кредитной денежной системы, ниже будетъ сказано нѣсколько словъ. Что-же касается остальныхъ частей проекта, то полагаемъ, онѣ

слишкомъ уже просты, чтобъ нужно было долго останавливаться на ихъ критическомъ разборѣ.

Въ совѣтъ „выбрать болѣе благопріятную минуту“ для внѣшняго займа, правительство врядъ-ли нуждалось. Совѣтовать-же „не пожалѣть никакихъ жертвъ“ для займа значило напередъ уступить всю честь успѣха дѣла тѣмъ, которымъ придется выносить „жертвы“, но уступить имъ эту честь за непомерно дорогую цѣну.

Честь успѣха принудительнаго займа тоже принадлежала-бы власти правительства, а не автору идеи.

Что-же касается вычисленій автора, на сколько сотенъ милліоновъ рублей появилось-бы въ обращеніи звонкой монеты, „скрытой и возвращающейся изъ-за границы“, а равно на сколько сотенъ милліоновъ рублей новый „оборотный банкъ“ успѣлъ-бы выпустить кредитныхъ знаковъ, то эти вычисленія, къ сожалѣнію, совершенно произвольны.

Прибавимъ, что о томъ, быть-ли новому „оборотному банку“ учрежденіемъ государственнымъ или частнымъ - акціонернымъ, проектъ г. Гольдмана умалчиваетъ. Во всякомъ случаѣ онъ прибылей этого банка въ расчетъ не беретъ, также точно, какъ проектъ Е. И. Ламанскаго.

III.

ПРОЕКТЪ ПРОФ. АД. ВАГНЕРА.

Проектъ проф. Вагнера появился въ 1867 и 1868 годахъ, какъ одна изъ главъ его замѣчательнаго сочиненія о русскихъ бумажныхъ деньгахъ.

Въ 1868 году проф. Вагнеръ высказывался *противъ* девальваціи, „по крайней мѣрѣ, при теперешнемъ (тогдашнемъ) „умѣренномъ“ пониженіи цѣны бумажныхъ денегъ и вообще пока „въ Россіи еще возможны другіе пути. Не слѣдуетъ прибѣгать „къ девальваціи, то есть понижать нарицательную цѣну бумажныхъ денегъ до курсовой, *высваченной по произволу*“. Также рѣшительно проф. Вагнеръ высказался *противъ* „всѣхъ предложеній, относительно возстановленія денежной единицы, *основанныхъ на началѣ девальваціи*“. По его мнѣнію, „они *могутъ*

быть допущены“, но только „какъ крайняя мѣра, когда ничего другого не остается дѣлать“. Къ предложеніямъ, выражающимъ девальвацію не прямо, а косвенно, („основаннымъ на началѣ“ ея, или какъ авторъ еще говоритъ, „которыя въ сущности не содержатъ ничего, кромѣ девальваціи“) проф. Вагнеръ относитъ „введеніе принудительной *курсовой*, вмѣсто нарицательной цѣны „для упавшихъ бумажныхъ денегъ, и вообще отиѣну долготое время существовавшего принудительнаго курса“. „Истинная девальвація“, говоритъ далѣе авторъ, „имѣла-бы даже преимушества предъ этими предложеніями, потому что при ней цѣнность бумажныхъ денегъ была-бы понижена до *опредѣленной курсовой цѣны*“ (была-бы фиксирована); „при означенныхъ же предложеніяхъ (скрытой девальваціи) бумажныя деньги продолжатъ колебаться и впредь, и даже сильнѣе, чѣмъ прежде“.

Такимъ образомъ проф. Вагнеръ полагаетъ, что „правильный методъ возстановленія денежной единицы состоитъ въ доведеніи утратившихъ часть своей цѣны бумажныхъ денегъ до нарицательной цѣнности или до равноцѣнности съ монетою и въ удержаніи курса пари бумажныхъ денегъ“. Далѣе авторъ поясняетъ: „при настоящемъ (въ маѣ 1868 года) курсѣ бумажныхъ денегъ возстановленіе денежной единицы по началу девальваціи потребовало-бы немного меньшихъ средствъ, чѣмъ по началу поднятія цѣнности“.

Авторъ высказывается противъ „устраненія государственной банковской системы и превращенія всѣхъ бумажныхъ денегъ въ настоящіе билеты, выпускаемые *независимыми* банками“. По его мнѣнію такая замѣна Государственнаго Банка акціонернымъ „независимымъ“—имѣла бы основаніе лишь „при совершенномъ государственномъ банкротствѣ“, при совершенной утратѣ кредитными билетами всякой цѣны“, хотя и это основаніе было-бы „вовсе не безусловное“,

„потому что новѣйшій опытъ Сѣверной Америки доказалъ *совершенно ненужную несостоятельность* прежняго довода противъ государственныхъ банковъ, именно что они легко ведутъ при затрудненіяхъ правительства къ приостановленію размѣна. *Въ Америкѣ отъ этой опасности не предохранила даже децентрализація и множественность частныхъ выпускныхъ банковъ.*“

„Впрочемъ, прибавляетъ авторъ, мы охотно сознаемъ, что многіе практическіе доводы говорятъ въ пользу основанія одного или многихъ оборотныхъ банковъ“. Но „въ настоящемъ поло-

женіи Россіи *тѣх* финансовыя соображенія говорятъ въ пользу временнаго, по наименьшей мѣрѣ, сохраненія Государственнаго Банка“. Подъ „финансовыми соображеніями“ авторъ разумѣетъ гораздо большіе расходы и гораздо большія операціи, съ которыми безъ Государственнаго Банка связывается реформа кредитной денежной системы. „Учрежденіе акціонернаго банка немедленно увеличитъ расходъ по возстановленію денежной единицы“.

Подобно Е. И. Ламанскому, проф. Вагнеръ убѣжденъ, что неотвержденные государственные долги Россіи страдаютъ органическимъ недугомъ, состоя изъ бумагъ, обладающихъ, въ противность своей природѣ, денежными качествами. Отсюда — знакомый уже намъ выводъ: реформа кредитнаго денежнаго обращенія, чтобъ быть рациональной, должна преобразовать, прежде всего, неотвержденные долги, *отнять у нихъ денежные качества*.

Сходствуя въ этомъ отношеніи съ проектомъ Е. И. Ламанскаго, проектъ проф. Вагнера именно въ этомъ-же отношеніи и отличается очень выгодною особенностью. Онъ не только выражаетъ теоретическое требованіе разъ навсегда покончить съ нераціональнымъ устройствомъ нашихъ неотвержденныхъ государственныхъ долговъ, но обстоятельно занять мѣрами практическаго его удовлетворенія.

Для приведенія въ порядокъ неотвержденныхъ государственныхъ долговъ Россіи, исчисляемыхъ проф. Вагнеромъ (не совсемъ правильно) въ 1.179 милл. р., предлагаются имъ слѣдующія мѣры.

Изъ всей суммы серій (216 милл. р.) часть въ 116 милл. р. должна быть консолидирована; остальные-же 100 милл. можно превратить въ краткосрочныя обязательства казначейства (6-мѣсячныя, годовыя и 3-годовыя съ различными процентами).

Исходя изъ того, что сумма вкладовъ Государственнаго Банка, получившихъ у него неправильное и опасное помѣщеніе, простирается до 153 милл. р., проектъ считаетъ необходимымъ ее сократить по крайней мѣрѣ на 97 милл. руб. Освобожденные этимъ путемъ средства отчасти (на 42 милл.) могутъ быть обратно уплачены вкладчикамъ, отчасти должны быть затрачены: на правильное доходное помѣщеніе ихъ (35 милл. р.) и на усиленіе кассы (20 милл. р.).

Что-же касается кредитныхъ билетовъ, то изъ суммы ихъ, тогда обращавшейся, (685 милл.), часть, въ 200 милл. р., мо-

жетъ быть оставлена въ обращеніи за счетъ казначейства его безпроцентнымъ долгомъ; другая часть въ 185 милл. (въ томъ числѣ на 50 милл. р. мелкими, рублевыми и 3-рублевыми билетами) путемъ внутренняго займа должна быть изъята изъ обращенія и уничтожена; изъ остающихся-же 300 милл. 100 милл. будутъ соответствовать равному запасу звонкой монеты, тогда имѣвшемуся въ разнѣнномъ фондѣ, а для обезпеченія послѣднихъ 200 милл. правительство имѣетъ заключить *внѣшній заемъ*. Полученныя отъ этого займа суммы правительство, при невозможности найти имъ доходное помѣщеніе въ Россіи, держать или на процентномъ текущемъ счетѣ за границею или въ легко-реализуемыхъ процентныхъ бумагахъ. Съ помощью этихъ суммъ правительство могло-бы произвести дальнѣйшее сокращеніе кредитнаго обращенія, еслибъ оно попадобилось для уравненія цѣнности бумажнаго рубля съ металлическимъ. Впрочемъ, проф. Вагнеръ полагалъ, что этого не будетъ нужно, что сокращенія на 185 милл. будетъ достаточно и что бумажное обращеніе въ 500 милл. р. въ состояніи будетъ удержатъ свою равноцѣнность со звонкою монетою. Поэтому онъ рассчитывалъ, что упомянутые 200 милл. будетъ вполне возможно доходно помѣстить, равно какъ и часть вкладовъ, высвобожденныхъ изъ неправильной затраты (35 милл.). Проценты-же, отъ сего вырученныя, представлялись, по проекту, источникомъ для сокращенія расходовъ, которыми реформа должна обременить казначейство.

Собственно для кредитныхъ билетовъ (по ихъ преобразованіи) проф. Вагнеръ считалъ достаточнымъ разнѣнный фондъ въ 100 милл. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако онъ указывалъ на то, что по вкладамъ и по краткосрочнымъ билетамъ казначейства правительство тоже должно будетъ послѣ реформы рассчитываться звонкою монетою. Поэтому онъ полагалъ, что то и другое обстоятельство должно быть принято во вниманіе при исчисленіи потребнаго запаса звонкой монеты. Приготовленіе 20 милл. по расчету суммы вкладовъ и дальнѣйшихъ 5 милл. по расчету суммы краткосрочныхъ обязательствъ, по мнѣнію проф. Вагнера, могло-бы удовлетворить всѣмъ требованіямъ предусмотрительности. Всего, поэтому, проектъ считалъ необходимымъ запасъ звонкой монеты въ 125 милл. рублей. Такъ какъ у правительства тогда имѣлось въ разнѣнномъ фондѣ на 113 милл. звонкой монеты, то ея пришлось-бы приобрѣсти еще лишь на 12 милл. рублей.

Итого для выполненія изложенныхъ операцій (въ пятилѣтній

срокъ) правительству предстояло заключить новыхъ консолидированныхъ займовъ на 590 милл. р. Изъ нихъ, по расчету проекта, 343 милл. (на изъятіе изъ обращенія 185 милл. р. кредитныхъ билетовъ и 116 милл. руб. серій, а равно на обратную уплату по вкладамъ 42 милл. р.) представляли только конверсію (превращеніе) одного вида государственнаго долга въ другой, не требуя никакихъ затратъ реального капитала; на остальные-же 247 милл. (200 милл. для обезпеченія кредитныхъ билетовъ, 35 милл. для обезпеченія вкладовъ и 12 милл. для увеличенія запаса звонкой монеты) предстояло путемъ займовъ добыть реальныя капиталы, чтобъ изъ нихъ создать прочную почву для преобразованной кредитной денежной системы.

По разсказу проф. Вагнера, его проектъ болѣе всего вызвалъ недоумѣній колоссальностью займовъ, почти въ 600 милл. р., коихъ необходимость для реформы онъ доказывалъ. На это у проф. Вагнера имѣлся лишь одинъ, но тѣмъ не менѣе совершенно правильный, отвѣтъ: для великой цѣли нужны, если не великія, то хоть большія средства.

Финансовая наука — не алхимія. Если трудящемуся надъ планомъ преобразованія русской кредитной денежной системы приходится имѣть дѣло съ крупными цифрами, то винить нужно прежде всего тѣхъ лицъ и тѣ обстоятельства, благодаря которымъ въ колоссальныхъ размѣрахъ производились выпуски — кредитныхъ билетовъ, серій и свидѣтельствъ неправильно-помѣщенныхъ вкладовъ.

Е. И. Ламанскій, въ своемъ проектѣ 1861 года, правда, не рекомендовалъ большихъ займовъ, ограничиваясь лишь однимъ займомъ въ 200 милл. Но, во-первыхъ, къ этому онъ присоединилъ колоссальную продажу государственныхъ имуществъ еще на 200 милл. Во-вторыхъ, теоретически признавая, что реформа кредитной денежной системы немыслима безъ преобразованія серій и дальнѣйшей консолидаціи вкладовъ, онъ практическихъ мѣръ для этихъ цѣлей не предлагалъ, конечно, лишь временно. А разъ онъ предложилъ-бы таковыя, онъ расширили-бы его расчеты потребныхъ операцій настолько-же, на сколько расширили расчеты проф. Вагнера.

Замѣтимъ, что по весьма обстоятельному расчету проекта, вся реформа, по его начертанію исполненная, должна была обременить казначейство новымъ ежегоднымъ расходомъ лишь въ 25 — 28 милл. рублей. Расходъ этотъ исчисленъ при весьма не-

благоприятномъ предположеніи, что правительство должно будетъ платить по новымъ займамъ $6\frac{1}{2}\%$ одного интереса, а съ погашеніемъ 7% .

IV.

МОЙ ПРОЕКТЪ.

Проектъ, о которомъ теперь приходится говорить, составленъ былъ въ ноябрѣ 1874 года.

До сихъ поръ я намѣренно не вдавался въ подробный критическій разборъ вышеупомянутыхъ проектовъ и даже старался, по возможности, становиться на точку зрѣнія ихъ авторовъ, для ихъ защиты. Имѣя въ виду, что мнѣ придется посвятить отдѣльную главу своему собственному проекту, я долженъ былъ прибѣречь къ этой главѣ важнѣйшія свои критическія замѣчанія, какъ мотивы, которые меня побудили присоединить къ существовавшимъ проектамъ еще одинъ, новый.

Такъ какъ основанія проекта Е. И. Ламанскаго можно до известной степени связать съ основаніями проекта проф. Вагнера, то я скажу сначала еще нѣсколько словъ о проектѣ г. Гольдмана.

Мнѣ кажется, что девальвація составляетъ то, что англичане называютъ a matter of fact, вопросъ о фактѣ; она не есть a matter of opinion, вопросъ о мнѣніи. Можно быть вынужденнымъ не платить по государственному обязательству, всю его сумму или часть его; но изъ видовъ *финансовой цѣлесообразности*, никогда еще къ девальваціи не прибѣгали и никогда къ ней не прибѣгнетъ никакое правительство. Къ ней обращаются не изъ видовъ государственной пользы, а изъ видовъ государственной необходимости ¹⁾.

Поэтому въ примѣненіи къ девальваціи не можетъ быть рѣчи о рациональныхъ доводахъ, ни за, ни противъ нея. Рѣчь можетъ быть лишь о томъ, дѣйствительно-ли положеніе государ-

¹⁾ Вопросъ о девальваціи спорный. Но нельзя безусловно согласиться съ авторомъ, что тутъ нѣтъ никакого вопроса о правѣ и пользѣ. Кредиторы, отдавшіе свои капиталы въ обезцѣвленной валютѣ, несправедливо получаютъ огромные барыши отъ возстановленія ея первоначальной нарицательной цѣнности.
Red.

ственныхъ фязансовъ въ данное время такое, что единственный исходъ изъ него заключается въ девальваціи.

Не стоитъ распространяться о томъ, что въ такомъ безъисходномъ положеніи русскіе финансы въ 1866 году *не были*. Этотъ годъ, дѣйствительно, былъ весьма плачевный, но по временнымъ причинамъ.

Мы видѣли, что по исчисленіямъ проф. Вагнера въ 1868 году, реформа денежнаго обращенія и безъ девальваціи должна была обойтись, по наибольшему расчету, въ 35 милл. р. ежегоднаго расхода. Черезъ 5 лѣтъ, въ 1872 году, одинъ только питейный доходъ давалъ на 39 милл. рублей больше, чѣмъ въ 1868 году. Слѣдовательно, реформу можно было произвести, и безъ девальваціи, на одни только приращенія отъ незначительныхъ поправокъ въ питейномъ налогѣ. Всѣ-же ординарные доходы возросли въ пятилѣтіе 1868—72 гг. на сумму свыше 100 милл., то-есть: съ ихъ помощью можно было-бы произвести *три* денежныхъ реформы. А была нужна только одна.

Такъ какъ я писалъ свой проектъ осенью 1874 года, то-есть—во время апогея казавшагося блестящимъ состоянія нашихъ финансовъ, то понятно, что наибольшее разстояніе меня отдѣляло отъ идеи девальваціи, все равно въ прямомъ или косвенномъ ея примѣненіи.

Перехожу къ объясненію того, что меня не удовлетворяло въ проектахъ Е. И. Ламанскаго и проф. Вагнера.

Въ проектѣ Е. И. Ламанскаго я, прежде всего, не сочувствовалъ идеѣ превращенія Государственнаго Банка въ акціонерный банкъ. Во первыхъ, такое превращеніе *безполезно*. Ограничивать власть правительства, хотя-бы даже лишь въ дѣлѣ бумажно-денежныхъ выпусковъ, не можетъ быть задачей *акціонерной компаніи*. Монопольной-же компаніи совсѣмъ не безвыгодно, при первомъ удобномъ случаѣ, согласиться на желаніе правительства сдѣлать выпускъ неразвѣстныхъ бумажныхъ денегъ: лишь бы и ей предоставлена была доля барыша отъ этого выпуска. По этому предмету имѣется весьма убѣдительный опытъ и Англійскаго Банка, и Австрійскаго Національнаго Банка. Во время и послѣ франко-германской войны Французскій Банкъ находился въ лучшемъ положеніи, главнымъ образомъ благодаря

тому, что само правительство желало поскорѣе покончить свои счеты съ нимъ ¹⁾).

Во-вторыхъ, превращеніе Государственнаго Банка въ акціонерный нераціонально въ хозяйственно-политическомъ отношеніи. Нѣтъ никакой надобности отказываться отъ преимущества, которыми въ этомъ случаѣ мы обладаемъ предъ западною Европою, имѣя во главѣ банковъ не наисильнѣйшаго ихъ конкурента, не коммерческое учрежденіе, существующее для однихъ только выгодъ (и отъ котораго иного и нельзя требовать), а государственное установленіе, могущее и долженствующее уравновѣшивать соображенія выгоды съ соображеніями государственнаго благоустройства.

Наконецъ, въ-третьихъ, „вѣское соображеніе“ я, вслѣдъ за проф. Вагнеромъ, усматривалъ въ томъ, что превращеніе Государственнаго Банка въ акціонерный *крайне невыгодно для Казначейства*. „Учрежденіе акціонернаго банка немедленно увеличитъ расходы по возстановленію денежной единицы“. Невыгодность превращенія Госуд. Банка въ акціонерный я доказывалъ въ своемъ проектѣ весьма обстоятельными расчетами.

Если въ этомъ отношеніи я вполне соглашался съ проф. Вагнеромъ; если его проектъ для меня представлялъ еще и то преимущество предъ проектомъ Е. И. Ламанскаго, что онъ не только предъявлялъ теоретическія требованія о приведеніи въ порядокъ всей системы неотверженныхъ долговъ Россіи, но и практически показывалъ, какими мѣрами эти требованія удовлетворяются, — то у меня еще оставалось два основанія считать необходимою разработку новаго проекта.

Первое основаніе заключалось въ томъ, что мнѣ казалось, Е. И. Ламанскій своимъ *умолчаніемъ* о серіяхъ и вкладахъ, получившихъ неправильное назначеніе, а проф. Вагнеръ своею, такъ сказать, *слишкомъ громкою рѣчью* о нихъ — до известной

¹⁾ Различіе между положеніемъ Французскаго Банка въ послѣднее время и положеніемъ Англійскаго и Австрійскаго Банковъ въ предыдущія эпохи въ значительной степени объясняется тѣмъ, что французское правительство ограничило известною суммою неразмѣнные выпуски и забрало себѣ главнѣйшую ихъ долю, связавъ Банкъ въ возможности ими пользоваться для своихъ барышей, — тогда какъ въ Англійи и въ Австріи этого не сдѣлали. Благодаря подобному положенію, французское правительство послѣ войны могло, рассчитавшись съ Банкомъ, не встрѣтить въ немъ препятствія къ сокращенію выпусковъ и возобновленію размѣна. Въ Англійи же и Австріи привилегированные банки всякими способами противились сокращенію выпусковъ, ссылаясь, конечно, не на то, что ихъ барыши оттого пострадаютъ, а на «интересы торговли и промышленности».

степени навели страхъ на правительство и общество въ отношеніи къ этой части задачи. Страхъ-же въ данномъ случаѣ *совершенно лишенъ основанія*. Задача совсѣмъ не такъ трудна, чтобъ его оправдать. Для своего разрѣшенія она требуетъ отъ казначейства *почти ничтожныхъ жертвъ*.

Въ 1874 году $5\frac{1}{2}\%$ -ная рента стояла далеко выше пари. Поэтому мнѣ казалось, что въ $5\frac{1}{2}$ -ную ренту всего удобнѣе будетъ превратить и отвердить (конвертировать и консолидировать) излишнія серіи и неправильно-затраченные вклады.

Для полученія цифры первыхъ, я изъ всей суммы серій (216 милл.) вычитывалъ ту ихъ часть (57 милл.), которая обращалась до первой восточной войны *и не мѣшала размыту*. Сумма неправильно-помѣщенныхъ вкладовъ простиралась въ 1874 году до 100 милл.; такъ какъ проф. Вагнеръ не зналъ о денежныхъ качествахъ 4% металлическихъ билетовъ (которые Госуд. Банкъ *обязанъ* принимать въ платежи наравнѣ съ наличными деньгами), то его расчеты нужно было исправить, внесеніемъ и ихъ суммы (50 милл.). Слѣдовательно всего консолидаціи подлежала масса краткосрочныхъ обязательствъ Казначейства и Банка въ 309 милл. рублей. Но въ этомъ фактѣ пугающій видъ имѣетъ только цифра, а не дѣло. Въ своемъ ненормальномъ состояніи означенные 309 милл. обходятся Казначейству и Банку ежегодно въ 13 милл. р. по уплатѣ процентовъ; приведенные-же въ порядокъ, они будутъ стоить 17 милл. То-есть ежегодные расходы придется увеличить всего лишь на 4 милл., изъ коихъ $1\frac{1}{2}$ милл. придется на Банкъ, или вѣрнѣе, на богатую прибыль ликвидацию старыхъ кредитныхъ учрежденій. Собственно-же Казначейство придется обременить новымъ расходомъ лишь въ $2\frac{1}{2}$ милл. р., чтобъ освободить его отъ ненормальной и тяжелой отвѣтственности по суммѣ краткосрочныхъ обязательствъ въ 309 милл., къ тому-же стѣсняющихъ свободу движенія при реформѣ денежнаго обращенія.

Второе основаніе имѣетъ болѣе принципиальное значеніе.

Въ промежуткахъ между 1868 и 1874 годами, въ Россіи родилась и разрослась обширная банковая сѣть изъ 887 учрежденій, съ собственнымъ капиталомъ въ $223\frac{1}{2}$ милл. р., съ массой вкладовъ въ 736,087,000 р., съ портфелемъ легко-реализуемыхъ цѣнностей, въ коихъ находилось: учтенныхъ векселей на 486,680,000 р., краткосрочныхъ и безсрочныхъ (до востребованія) ссудъ на 216,345,000 р., цѣнныхъ бумагъ на

26,909,000 р. и иностранныхъ векселей на 6,090,000 руб.; всего въ коммерческомъ портфель былъ помещенъ капиталъ въ 736,024,000 р.; сверхъ того была значительная масса выпущенныхъ банками въ обращеніе, въ Россіи и за границею, вкладныхъ листовъ, съ равною ею массою ссудъ, розданныхъ подъ городскую и сельскую недвижимость и т. д.

Этого факта было достаточно для убѣжденія, что еслибъ проф. Вагнеру пришлось писать свой проектъ не въ 1868, а въ 1874 году, то не пришлось-бы его упрекать въ недостаточномъ вниманіи къ идеѣ кредитнаго денежнаго обращенія, основаннаго на банковыхъ началахъ.

Почва, которую проф. Вагнеръ тщетно разыскивалъ въ 1868 году, имѣлась на лицо; въ 1874 году и въ Россіи она сама, уже однимъ своимъ существованіемъ, такъ сказать, вызвала на разработку ея и для цѣлей денежной реформы.

Тотъ-же самый портфель, который питается неразрѣнными бумажными деньгами, совсѣмъ не перестаетъ быть портфельчъ и не умираетъ отъ истощенія, когда консолидація кредитныхъ билетовъ его лишаетъ *этой* пищи. Совершенно напротивъ. Самъ по себѣ онъ представляетъ естественную почву той „хорошей системы кредитныхъ орудій обращенія“, которую проф. Бунге противопоставляетъ системѣ „бумажныхъ денегъ, размѣнныхъ или неразрѣнныхъ“. Коммерческій портфель одинъ представляетъ основаніе, на которомъ „обращеніе можетъ расширяться и сокращаться путемъ развитія или ограниченія кредита (то-есть: этого самого портфеля), обладая упругостью, дѣлающею размѣнный фондъ излишнимъ“.

Вопросъ, слѣдовательно, только въ томъ: какимъ образомъ портфель, который въ Россіи питается неразрѣнными бумажными деньгами, сдѣлать основаніемъ новой кредитной денежной системы? Или иначе: какимъ образомъ подвести подъ бумажные знаки, обращающіеся на нездоровой почвѣ непоимѣннаго государственнаго долга и оттого неразрѣнные, почву портфеля, сообщающую имъ свои здоровые соки и дѣлающую ихъ размѣнными?

Для отвѣта на этотъ вопросъ я написалъ свой проектъ.

Мнѣ казалось, что вопросъ разрѣшается очень просто.

Для того, чтобъ бумажные знаки не обращались на почвѣ непоимѣннаго государственнаго долга, необходимо, чтобъ непоимѣннаго бумажно-денежнаго долга не было. Слѣдовательно, его нужно сократить путемъ превращенія въ отвержденный (консолидиро-

важный процентный) долгъ. Для этого, конечно, нужно будетъ на равную сумму сдѣлать заемъ, а потому на сію сумму кредитные билеты поступать въ Государственное Казначейство, а обладатели кредитныхъ билетовъ станутъ обладателями выпущенныхъ для займа новыхъ облигацій.

Этою частью дѣла почва для реформы будетъ расчищена. Не будетъ непомернаго безпроцентнаго долга и не будетъ въ обращеніи соответствующихъ ему кредитныхъ билетовъ.

Тогда казначейство можетъ передать изъятые изъ обращенія кредитные билеты Госуд. Банку. Правительство предоставитъ банку выпускать эти билеты на тѣхъ-же основаніяхъ, на которыхъ выпускаютъ свои билеты Англійскій, Французскій, Германскій Банки или тотъ привилегированный акціонерный банкъ, въ который желаютъ превратить Госуд. Банкъ: то-есть — выпускать „или въ обмѣнъ на золото, или въ обмѣнъ на краткосрочные торговые векселя“, „путемъ развитія или ограниченія кредита“.

Чтобы реформа дѣйствительно заслуживала свое названіе, она должна низвести безпроцентный долгъ казначейства за кредитные билеты до такого наинишшаго уровня, на которомъ онъ становился бы совершенно бессильнымъ оказывать дурныя вліянія. Е. И. Ламанскій и проф. Вагнеръ въ своихъ проектахъ предлагали оставить безпроцентный долгъ на уровнѣ 200 милл. руб. Эта сумма мнѣ казалась *слишкомъ большою*. Проф. Вагнеръ тоже не находилъ ее умѣренной и безопасною, но онъ съ нею примирился *по необходимости*: иначе реформа стоила бы, по его расчету, еще больше 35 милл. въ годъ. По моимъ расчетамъ можно было обставить реформу такъ, чтобъ она стоила почти *вдвое дешевле*, и тѣмъ не менѣе не примиряться съ необходимостью безпроцентнаго долга въ 200 милл. Расчеты будутъ приведены ниже; здѣсь-же скажу лишь, что я остановился на суммѣ 130 милл. р., какъ выражающей тотъ наинишшій уровень, на которомъ безпроцентный долгъ совершенно безсиленъ и потому безопасенъ *).

Сказать въ 1874 году: безпроцентный долгъ не можетъ

*) Эту цифру я мотивировалъ тѣмъ, что она лишь немного менѣе средней суммы ординарныхъ доходовъ, поступающихъ въ казначейство въ *трехмѣсячный* срокъ, то есть въ тотъ *наикратчайшій* срокъ, на который выдаются торговля обязательства, признаваемые достаточнымъ обезпеченіемъ здоровыхъ кредитныхъ знаковъ.

быть больше 130 милл. р.—значило сказать: онъ долженъ быть сокращенъ на 436 милл. рублей.

Всѣ-ли эти 436 милл. р. представляютъ *излишние* кредитные билеты, или не всѣ: подобнаго вопроса разрѣшать я не брался. Но я полагалъ, что если эти 436 милл., изъятые изъ обращенія путемъ консолидаціи безпроцентнаго долга, будутъ переданы Госуд. Банку, то получится возможность разрѣшить означенный вопросъ *самымъ точнымъ образомъ*; ибо, насколько *реальныя богатства* страны породятъ *солидную* потребность въ кредитѣ и соответственный спросъ на него, этотъ спросъ будетъ предъявленъ Госуд. Банку. Солидный спросъ создастъ безупречный портфель, подъ который Банкъ и выпуститъ такую часть упомянутыхъ 436 милл. р., какою въ портфель можно будетъ безопасно и производительно помѣстить.

Такъ какъ указателемъ выпуска сдѣлаются реальныя богатства страны, то понятно, что часть консолидированныхъ кредитныхъ билетовъ, которая состояла изъ излишнихъ орудій, въ обращеніе *не будетъ выпущена*, а будетъ *уничтожена*. Насколько же кредитные билеты служили дѣйствительнымъ нуждамъ страны, имъ и впредь не будутъ мѣшать служить тѣмъ-же нуждамъ. Они обратно будутъ выпущены, но съ тѣмъ уже, чтобъ появиться въ обращеніи, опираясь не на почву неисполнимаго обязательства казначейства, а на почву массы частныхъ обязательствъ, представляющихъ реальныя капиталы и производительныя силы, которыхъ внутреннія качества обезпечиваютъ своевременное исполненіе обязательствъ въ условленный срокъ.

Такимъ образомъ достигнуты будутъ двѣ цѣли: излишекъ въ обращеніи будутъ устранины по наилучшимъ указаніямъ дѣйствительныхъ нуждъ реального богатства и странѣ будетъ дана помощь какъ-разъ во время реформы.

Не желая подвергнуться упреку въ слишкомъ сангвиническихъ ожиданіяхъ, я исходилъ изъ того, что реформа обнаружитъ *очень значительную* сумму *излишнихъ* кредитныхъ билетовъ. Объ этой суммѣ Е. И. Ламанскій въ своемъ проектѣ совсѣмъ умалчивалъ. Проф. Вагнеръ, какъ мы видѣли, исходилъ изъ суммы излишнихъ кредитныхъ билетовъ въ 185 милліоновъ.

Эту сумму, съ своей стороны, я принималъ въ *триста* милліоновъ рублей.

Это значитъ: я предполагалъ, что изъ 436 милл., на которые безпроцентный долгъ безусловно долженъ быть сокращенъ, 300

милл. будутъ представлять такіе кредитные билеты, которые не только должно будетъ изъять изъ обращенія, но и уничтожить.

Остальные-же 136 милл. для меня представляли тотъ новый портфель, ту новую потребность въ кредитѣ, которые будутъ опираться на требованія реальныхъ капиталовъ и производительныхъ силъ страны. Конечно, эта цифра до-сихъшняго мала. Но для меня всего важнѣе было избѣгнуть упрека въ преувеличеніи именно этой цифры. Еслибъ опытъ обнаружилъ, что въ Россіи найдется достаточно матерьяла для портфеля и солиднаго спроса на сумму большую, нежели 136 милл., — тѣмъ лучше было бы для моего проекта.

Въ 1874 году акціонерные банки получали на свой учетно-ссудный портфель 7,81%; Госуд. Банкъ получалъ на 1½% дешевле, около 6⅓%. Слѣдовательно, на портфель въ 136 милл. Госуд. Банкъ получалъ-бы отъ своихъ кліентовъ 8½ милл. руб. А между тѣмъ консолидація безпроцентнаго долга на эти 136 милл. (считая изъ 5½% ренты) стоила бы лишь 7½ милл. Такимъ образомъ часть консолидаціи безпроцентнаго долга, соответствующая выпуску новыхъ билетовъ, *совсѣмъ не* обременяла-бы казначейство *никакими новыми* расходами.

Но на казначейство неминуемо долженъ упасть расходъ консолидаціи той части безпроцентнаго долга, которая заключается въ *излишнихъ* кредитныхъ билетахъ, подлежащихъ уничтоженію. *Еслибъ* ихъ сумма оказалась въ 300 милл., то превращеніе ихъ въ 5½%-ную ренту должно было обременить казначейство новымъ ежегоднымъ расходомъ въ 16½ милл. рублей.

Присоединяя къ нимъ 2½ милл. новаго расхода казначейства отъ приведенія въ порядокъ остальныхъ видовъ неотвержденнаго государственнаго долга, вся реформа кредитной денежной системы должна была, по моему проекту, обременить казначейство новымъ ежегоднымъ расходомъ въ 19 милл. рублей (на 9—16 милл. рублей меньше, чѣмъ по проекту проф. Вагнера).

Конечно, еслибъ сумма излишнихъ кредитныхъ билетовъ оказалась не 300, а 185 милл., то расходъ еще болѣе сокращался и составлялъ-бы лишь 12.675.000 рублей (вдвое или даже втрое дешевле, чѣмъ по проекту проф. Вагнера).

Само собою разумѣется, что мой проектъ не предлагалъ совершить всю реформу въ одинъ пріемъ и скоро. Напротивъ, желательно было провести ее постепенно въ 5—6 лѣтъ: консолидируя безпроцентный долгъ за кредитные билеты суммами въ

50—75 милл. руб. въ каждый пріемъ и постепенно-осторожно отъискивая для части этихъ 50—75 милл. помѣщеніе въ развѣтѣ коммерческаго портфеля Государственнаго Банка.

VI.

ПРОЕКТЪ Н. Х. БУНГЕ.

Всѣ разсмотрѣнные до сихъ поръ проекты въ одноѣ отношеніи принадлежать „давнопрошедшему“ времени. Всѣ они рассчитаны на безпрцентный долгъ казначейства за кредитные билеты, незначительно колебавшійся въ 1862—74 гг. около цифры 570 милл. рублей. Эти 570 милл., какъ извѣстно, состояли: изъ 170 милл. руб., въ которые были превращены 595³/₄ милл. руб. ассигнацій, девальвированныхъ въ 1839 году на 71¹/₂% своей цѣны, и изъ 400 милл. руб. кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ для нуждъ первой восточной войны.

Послѣдняя турецкая война къ означеннымъ 570 милл. прибавила еще около 450 милл. Такъ какъ сверхъ того еще 180 милл. руб. выпущены подъ разнѣнный фондъ, то считается теперь приходится съ колоссальною массою неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ 1 200 милл. рублей.

И эта-то значительная масса потеряла всего-на-всего *около одной трети* своей цѣны. Чтобъ ассигнаціи потеряли *два трети* своей цѣны, ихъ достаточно было выпустить во Франціи на 700 милл. руб., въ Россіи на 577 милл. руб., въ Австріи даже лишь на 500 милл. руб.

Спрашивается: сохранили-ли какое-нибудь значеніе въ настоящее время, при современныхъ колоссальныхъ цифрахъ нашего бумажно-денежнаго обращенія, идеи о способахъ его преобразованія, содержащіяся въ выше-изложенныхъ проектахъ?

Проф. Бунге на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ *положительный*. Въ новомъ проектѣ, имъ выпущенномъ въ іюль 1878 года, онъ занялъ мысль о преобразованіи кредитной денежной системы *въ ея современномъ состояніи* и въ его запискѣ нашло себѣ мѣсто многое, что первоначально имъ было рассчитано на денежное обращеніе въ его прежнемъ состояніи.

Способы, которымъ проф. Бунге отдаетъ предпочтеніе, двойскаго рода: хозяйственно-политическаго и финансоваго.

Перваго рода способн прямо и непосредственно служить „для возвращенія народному хозяйству постоянной денежной единицы“. Проф. Бунге при этомъ пользуется идеею, которую онъ проводилъ много лѣтъ, какъ средство преобразованія денежной кредитной системы въ ея прежнихъ размѣрахъ. Ему кажется, что та-же идея и въ настоящее время можетъ сослужить хорошую службу.

Она заключается въ томъ, что нужно „условія для реформы подготовить снизу“. „Прежде всего необходимо дать возможность монетѣ появиться во внутреннемъ обращеніи. Для этого слѣдуетъ возвратиться къ началамъ, провозглашеннымъ манифестомъ 9 апрѣля 1812 года“.

„Манифестомъ 1812 года правительство объявило, что оно будетъ принимать и выдавать ассигнаціи по нарицательному курсу, но предоставило частнымъ лицамъ право употреблять монету; именно въ ст. 13 манифеста сказано: „контракты, закладныя, купчія крѣпости, векселя, заемныя письма и всякаго рода обязательства и сдѣлки между частными лицами предоставляется на волю ихъ заключать или писать на ассигнаціи или серебро, по добровольному согласію, но платежъ по онымъ не можетъ быть отринутъ ассигнаціями по промѣну на серебро въ день платежа“. Безъ предоставленія такого права гражданства монетѣ на внутреннемъ рынкѣ, усилія правительства для возстановленія металлическаго обращенія потребуютъ громадныхъ средствъ, колоссальныхъ и раззорительныхъ займовъ. Заслуга нашей денежной политики въ 1812—39 годахъ состояла въ томъ, что она создала у насъ металлическій рынокъ.

„Съ свойственною ему проницательностью Сперанскій подалъ сразу необходимость признанія постоянной денежной единицы, прекращенія выпуска ассигнацій, ихъ изытія, наконецъ употребленія въ обращеніи счетной кредитной единицы и признанія *лажа*. Рядъ манифестовъ и указовъ съ 1810 до первой половины 1812 года представляетъ осуществленіе начертаннаго плана“.

Итакъ, въ настоящее время, кредитнымъ билетамъ „присвоится хожденіе по всей Имперіи наравнѣ со звонкою монетою“, то-есть *лажъ* на звонкую монету закономъ не признается. П. Х. Бунге совѣтуетъ, чтобъ отъ этой политики отказались: *лажъ* нужно сдѣлать законнымъ (легализованнымъ) явленіемъ. Отъ этого авторъ ожидаетъ тройкую выгоду: 1) въ странѣ опять, какъ послѣ мѣръ Сперанскаго, будетъ созданъ металлическій рынокъ; 2) странѣ опять будетъ дана возможность пользоваться неизмѣнною денежною единицею, и 3) усилія правительства для

возстановленія металлическаго денежнаго обращенія уже *не будутъ требовать* „громадныхъ средствъ, колоссальныхъ и раззорительныхъ займовъ“.

Эти соображенія и ожиданія врядъ-ли могутъ выдержать строгую критику.

Во первыхъ, нельзя утверждать, будто предлагаемое средство — то самое, къ которому считалъ необходимымъ прибѣгнуть Сперанскій. Изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній совѣмъ не усматривается, что Сперанскій имѣлъ хотя-бы отдаленное представленіе о „созданіи металлическаго рынка“ *посредствомъ легализаціи лажа*. Немедленно по учрежденіи Государственнаго Совѣта, дѣйствительно, Сперанскій и предѣдатель департамента государственной экономіи, гр. Мордвиновъ, сошлись на проектъ возстановленія металлическаго денежнаго обращенія. Проектъ этотъ входилъ въ общій финансовый планъ Сперанскаго, былъ принятъ, въ 1810-же году, Государственнымъ Совѣтомъ и осуществился въ рядѣ законовъ, тогда изданныхъ. Но онъ *ничего общаго* не имѣлъ съ идеею легализаціи лажа.

Проектъ Сперанскаго 1810 года для ассигнацій былъ прототипомъ того, который впоследствии, въ 1861 году, Е. И. Ламанскій выработалъ для кредитныхъ билетовъ, — прибавивъ лишь „скалу разнѣна“ изъ Пилевскаго закона 1819 года. Онъ заключался въ томъ, чтобъ изъ 577 милл. руб. ассигнацій, тогда обращавшихся, 200 милл. были оставлены (такъ какъ „ежегодный оборотъ государственныхъ доходовъ требовалъ“ такой суммы), затѣмъ остальные 377 милл. подлежали изъятію изъ обращенія: 100 милл. внутреннимъ займомъ и 177 милл. продажей государственныхъ имуществъ. ¹⁾

Согласно съ идеею такой реформы объявлено было, что новыхъ выпусковъ ассигнацій уже не будетъ, и приняты мѣры для приведенія въ порядокъ монетной системы, для заключенія займа и продажи государственныхъ имуществъ. ²⁾

Легализація лажа тѣмъ болѣе была далека отъ тогдашнихъ дѣятелей, что они были преисполнены ревностнѣйшаго усердія къ мысли о необходимости „*истреблять ассигнаціи*“ (какъ тогда

¹⁾ Корфъ, Сперанскій I, 204—206.

²⁾ Манифесты и указы 1810 года: 2 февраля, 27 мая, 20 іюня, 6 іюля, 28 августа и 10 сентября (Полн. Собр. Зак. №№ 24.116, 24.244, 24.264, 24.287, 24.333 и 24.340).

выражались о сокращеніи). „Мое предложеніе“, писалъ гр. Мордвиновъ, „и заключаетъ ту мысль, что правительство *возведе- ніемъ ассигнаціоннаго рубля въ достоинство серебра* въ состояніи будетъ получить превосходнѣйшій доходъ противъ на- стоящаго.... Тогда 150 милл. руб. сдѣлаютъ государственное казначейство богатѣйшимъ, нежели оно теперь при 300 милл. рублей получаемаго дохода“¹⁾).

Не нужно забывать, что о „возведеніи ассигнаціоннаго рубля въ достоинство серебра“, то есть, говоря современнымъ языкомъ, о *поднятїи цѣнности ассигнацій* — гр. Мордвиновъ писалъ тогда, когда онѣ уже потеряли *три четверти* своей цѣны. Такъ далеки были Сперанскій и его сотрудники отъ мысли о девальваціи. Опираясь на свои предложенія возвысить налоги и поднять цѣнность ассигнацій, Сперанскій скоро послѣ того могъ писать Императору Александру I: „смѣло могу утвердить, что переимѣнивъ систему финансовъ, Ваше Величество спасли государство отъ банкротства“²⁾).

И въ Австріи долгое время мысль о девальваціи тоже еще не находила себѣ прочной почвы, даже когда „банкоцеттелей“ обращалось на 700 милл. гульденовъ и курсъ ихъ доходилъ до 400 бумажныхъ за 100 металлическихъ³⁾. Только въ 1810 году, когда курсъ дошелъ до 960 и 1200 бум. за 100 метал., а цифра „банкоцеттелей“ перешла за миллиардъ, въ Австріи уже примирились съ девальваціею. А у насъ гр. Гурьевъ еще долго послѣ 1816 года продолжалъ „истреблять ассигнаціи“.

Проф. Бунге очевидно былъ введенъ въ заблужденіе, главнымъ образомъ, манифестомъ 9 апрѣля 1812 года.

Дѣло въ томъ, что планъ Сперанскаго 1810 г. не удался: отъ подписки на первую часть 100 миллионнаго займа получено было лишь на 6 милл. ассигнаціями, остальные же 13 милл. были внесены „банковыми и ломбардными билетами“. Государственныхъ-же имуществъ удалось къ 1811 г. продать не на 4.429.000 руб. металомъ и 5.148.000 руб. ассигн., какъ ожидалось, а лишь на 292.458 руб. металомъ, 1.367.000 р. асс. и 159.000 р. облигаціями.⁴⁾

¹⁾ *Иконниковъ*, Мордвиновъ, стр. 143—144.

²⁾ *Корфъ*, Сперанскій I, 244.

³⁾ *Вест*, Die Finanzen Oesterreich im XIX Jahrhundert. Prag. 1877. Erstes Capitel.

⁴⁾ *Корфъ*, Сперанскій, I, 206.

Нужно было придумать другое средство *обезпечить хотя оставшуюся часть цѣнности ассигнацій*, т. е., 25 в. с., которая онѣ еще сохранили. Для этого рѣшились прибѣгнуть къ *новой* въ то время мѣрѣ — дать ассигнаціямъ принудительный курсъ.

Еще манифестъ 2 февраля 1810 года выставлялъ особеннымъ достоинствомъ ассигнацій, что онѣ „сохранили свободный и обширный ихъ ходъ“, то-есть: не имѣли принудительнаго курса. Онѣ обязательны къ приему были для одного лишь казначейства. Не имѣли въ началѣ принудительнаго курса и австрійскіе „банкоцеттели“, прусскіе „трезоршейны“ и англійскіе неразмѣнные банковые билеты. Само собою разумѣется, что это сильно вредило ассигнаціямъ въ Россіи и однороднымъ имъ бумагамъ за границею. При всей громадности ихъ выпуска, законъ обезпечивалъ имъ лишь самое узенькое поле дѣйствій въ платежныхъ взаимоотношеніяхъ между казначействомъ и публикою. Поэтому, всего проще казалось — сдѣлать что-либо полезное для неразмѣнныхъ денежныхъ бумагъ, обезпечивъ за ними по закону весь кругъ, все поле дѣйствія денегъ. Для этого, и только для этого, прибѣгли къ принудительному курсу ¹⁾.

Вотъ почему во вступленіи къ манифесту 9 апрѣля 1812 года выражена *только одна* забота: „вести повсемѣстно единообразное обращеніе государственныхъ банковыхъ ассигнацій“. И *совершенно чужда* этому манифесту забота о введеніи въ обращеніе звонкой монеты. Онъ *прямо отменяетъ* тѣ постановленія о введеніи въ обращеніе звонкой монеты, которыя въ 1810 году были изданы, вслѣдствіе имѣвшагося тогда въ виду плана для поднятія цѣнности ассигнацій. Поэтому манифестъ 9 апрѣля 1812 года опредѣляетъ, что „во всемъ пространствѣ Имперіи „счета и платежи съ изданія сего закона *основываютъ на государственныхъ ассигнаціяхъ*“. Въ 1810 г. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта предписано было

¹⁾ Относительно Пруссіи въ этомъ отношеніи сохранились самыя ясныя свѣдѣнія. Вотъ какъ мотивировали принудительный курсъ ея государственные дѣятели, наиболѣе авторитетные въ финансовомъ дѣлѣ: мотивъ *Ilmeina* (bei der grossen Entblössung der Cassen müsste diesem Umlaufmittel die *möglichste Brauchbarkeit im Verkehr ertheilt werden*, was sich dadurch erreichen lasse, dass Niemand die Annahme nach dem Course verweigern dürfe); мотивъ *Нубура* (man müsse die *Brauchbarkeit der Tresorscheine erhöhen, indem man ihnen einen ausgedehnteren Umlauf gebe*; er erkläre sich also dafür, die Tresorscheine nach dem Course als gesetzliches Zahlungsmittel anzuerkennen). См. *Pertz, Stein*, т. II, стр. 44, 45.

„всѣ подряды и казенныя поставки заключать на серебро“¹⁾. Манифестъ 9 апрѣля 1812 г. узаконяетъ: „всѣ условія, договоры и контракты между казною и частными лицами по подрядамъ и поставкамъ впредь производить и заключать *не иначе, какъ на государственныя банковыя ассигнаціи*“²⁾. Далѣе: „всѣ счета экономическіе и коммерческіе, исчисления доходовъ и всякіе денежныя публичныя обороты производиться должны *не иначе, какъ на государственныя банковыя ассигнаціи*. Цѣны въ прейскурантахъ, справочныя цѣны и вексельный курсъ опредѣляются *повсемѣстно* на государственныя ассигнаціи“³⁾.

Врядъ-ли выраженія манифеста были-бы *такъ рѣзко-категоричны*, врядъ-ли они относились-бы *такъ исключительно* къ ассигнаціямъ, еслибъ Сперанскій имѣлъ въ виду своимъ новымъ твореніемъ рядомъ съ ассигнаціями открыть просторъ или дать „право гражданства“ и звонкой монетѣ. Сперанскаго нельзя винить въ неумѣніи ясно выражаться, и если его больше занимала мысль предоставить „право гражданства“—ассигнаціямъ, то *эту* мысль онъ выразилъ отчетливо и категорически.

Однако проф. Бунге преимущественно остановилъ свое вниманіе на ст. 13 манифеста. Въ ней не сказано, что частныя лица всѣ договоры между собою *обязаны* заключать на ассигнаціи. Но *также самая* мысль выражена мягче: частнымъ лицамъ предоставляется заключать договоры на серебро *или* ассигнаціи, но *во всякомъ случаѣ* платежъ по договорамъ „не можетъ быть отринутъ ассигнаціями“.

За симиъ остается сказать еще о послѣднихъ семи словахъ ст. 13 манифеста, на которыхъ проф. Бунге построилъ все свое толкованіе.

Сдѣлавъ ассигнаціи обязательными къ приему „на всемъ пространствѣ Имперіи“, Сперанскій долженъ былъ опредѣлить, *по какой цѣнѣ* ихъ должно принимать. И это опредѣленіе онъ долженъ былъ дать въ 1812 году, когда рубль ассигнаціонный стоилъ 26²/₅ коп. металич.

Могъ-ли Сперанскій *въ это время*, опредѣляя *первыя* цѣну ассигнацій для обязательнаго ихъ приема частными лицами, по-

¹⁾ Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 29 августа 1810 г., ст. VI. П. С. З. № 24.334.

²⁾ Манифестъ 9 апр. 1812 г. ст. 10. П. С. З. № 25.080.

³⁾ Тамъ-же ст. 11 и 12.

требовать, чтобъ ихъ принимали *въ равной цѣнѣ* со звонкою монетою? Очевидно, что въ этомъ пунктѣ онъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ и *никакой свободы выбора не имѣлъ*. Какъ-бы ему ни была чужда мысль о девальваци, но онъ не могъ приказать людямъ, заснувшимъ съ ассигнаціями въ 25 сер. коп., проснуться съ ассигнаціями въ 100 коп. сер. *Волею-неволею* онъ долженъ былъ примириться съ рыночнымъ курсомъ и его узаконить, какъ волею неволею съ тѣми-же должны были примириться прусскіе и австрійскіе государственные дѣятели. *Безъ этого не было возможности узаконить сохранившуюся часть цѣнности бумажныхъ денегъ*. И манифестъ опредѣлилъ: „платежъ (по договорамъ) не можетъ быть отринутъ ассигнаціями *по промѣну оныхъ на серебро въ день платежа*“. Другаго выхода не было.

На основаніи изложеннаго позволяемъ себѣ заключить, что также точно, какъ никакой изслѣдователь исторіи финансовъ Пруссіи и Австріи не считаетъ себя вправѣ выводить изъ послѣдовавшаго въ этихъ странахъ узаконенія рыночнаго курса бумажныхъ денегъ, будто въ нихъ этимъ имѣлось въ виду „создать металлическій рынокъ“, — такъ точно подобнаго вывода никто не вправѣ сдѣлать изъ русскаго узаконенія принудительнаго курса ассигнацій ¹⁾.

Отъ историческаго недоразумѣнія переходимъ къ недоразумѣніямъ эвономическимъ.

Что, дѣйствительно, „создало металлическій рынокъ“ въ Россіи послѣ наполеоновскихъ войнъ? Почему звонкая монета появилась въ обращеніи, не смотря на 596 милл. руб. ассигнацій?

Отвѣтъ очень простъ. Эти 596 милліоновъ — *фиктивная цифра*.

Отношеніе бумажныхъ денегъ къ звонкой монетѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія было одинаковое въ Россіи и Австріи.

Въ Австріи патентомъ 20 февраля 1811 года „банкоцеттели“ были девальвированы на 80% и масса ихъ въ 1043 милл. гульд. была превращена въ 208 милл. гульд. новыхъ бумажныхъ денегъ, „ейнлѣзунгшейновъ“ (einlösungscheine). Къ послѣднимъ скоро присоединились еще свыше 400 милл. гульд. третьяго вида бу-

¹⁾ Не бесполезно оговорить, что хотя проф. Бунге утверждаетъ: манифестомъ 1812 года правительство объявило, что оно будетъ принимать и выдавать ассигнаціи *по нарицательному курсу*, но такого объявленія на дѣлѣ въ манифестѣ не содержится.

важных денег „анципаціоншейнов“. Къ 1816 году опять неравнѣнныхъ бумажныхъ денегъ обращалось на сумму свыше 600 милл. гульд.; четырьмя патентами 1 іюня 1816 года, между прочимъ, опять произведена девальвация на 58%, незначительная часть бумажныхъ денегъ изъята изъ обращенія консолидациею, учрежденъ Національный Банкъ и чрезъ него масса бумажныхъ денегъ въ 450 милл. гульд. обмѣнена на 186 милл. гульд. въ новыхъ (равнѣнныхъ) банковыхъ билетахъ Австрійскаго Національнаго Банка. Тогда звонкая монета появилась въ обращеніи и былъ „созданъ металлическій рынокъ“ въ Австріи. Чѣмъ же былъ онъ созданъ? *Сжатіемъ, сокращеніемъ (редукціею)* бумажно-денежнаго обращенія, „освобожденіемъ рынка отъ излишнихъ бумажныхъ знаковъ“ (говоря словами Е. И. Ламанскаго). Эта-то редукція и это-то сжатіе очистили *достаточно* мѣста для звонкой монеты, открыли ей свободный просторъ. Тогда она и вступила въ свои права.

Хотя въ Россіи ничего подобнаго никто не имѣлъ сознательнаго намѣренія сдѣлать, но *то-же самое вышло само собою*. Одинаковое положеніе дѣлъ, одинаковая причина, произвели и одинаковое послѣдствіе.

Въ 1812 году крайность положенія заставила Сперанскаго принять мѣру для спасенія послѣднихъ 26 копѣекъ, еще оставшихся въ рублѣ, и для этого ему послужилъ манифестъ 9 апрѣля. Но въ одномъ отношеніи этотъ манифестъ имѣлъ самое злополучное значеніе для цѣнности ассигнацій и стоялъ въ рѣзкомъ противурѣчій съ стараніями Сперанскаго, Мордвинова и Гурьева возвысить означенную цѣнность. Спасая послѣднія 26 копѣекъ ассигнаціоннаго рубля, манифестъ 9 апрѣля *осуждалъ этотъ рубль на неспособность когда-нибудь сколько-нибудь сносно поправиться*.

Дѣло въ томъ, что когда законъ беретъ основою принудительнаго курса нарицательную цѣну, то симъ подается публикѣ надежда, что *раньше или позже позаботятся объ этой нарицательной цѣнѣ*. Когда-же принудительнымъ дѣлается биржевой курсъ, то у публики эта надежда *отнимается* или она *совсѣмъ не подается*. Наричательная цѣна, вслѣдствіе того, становится *фикціею*: суммою, значащеюся на бумагѣ, но лишенною всякаго реальнаго значенія. На ней никто никакихъ расчетовъ не основываетъ.

Вотъ почему всѣ старанія гр. Гурьева объ „истребленіи“

ассигнацій и всѣ его займы для консолидаціи ни къ чему не привели. Въ концѣ концовъ уже гр. Гурьевъ, еще до гр. Канкринна, долженъ былъ оставить свои попытки и старанія и сложить руки.

Ассигнаціи поправились до 27—28 копѣекъ и дальше этого пойти оказались лишенными всякой способности. Ихъ нарицательная цѣна была совершенно лишена значенія манифестомъ 9 апрѣля 1812 года.

Другими словами это значитъ слѣдующее. Хотя ни въ 1812, ни въ 1816, ни въ какой-бы то ни было иной изъ послѣдующихъ годовъ до 1843 г., правительство не производило никакой перемѣны въ нарицательномъ достоинствѣ ассигнацій; хотя только въ 1843 г. *официально* произведено было превращеніе 596 милл. руб. ассигнацій по 28 коп. въ каждомъ рублѣ въ 170 милл. рублей въ 100 коп. въ каждомъ рублѣ, — но неформально, *фактически*, въ Россіи *уже послѣ 1816 года* произошло то-же самое *перечисленіе номинальной цифры въ дѣйствительную*, которое въ Австріи произошло тогда-же, а официально въ Россіи было сдѣлано лишь въ 1843 году. Со времени манифеста 1812 года обращалось уже *не просто* на столько-то *милліоновъ рублей* ассигнацій, а на столько-то *милл. такихъ рублей*, изъ коихъ въ каждомъ было лишь 25 — 28 коп. сер.

Слѣдовательно, 170 милл. р. вмѣсто 596 милл. начали у насъ обращаться *не съ 1843 года только, а уже съ 1820 года.*

Манифестъ 1812 года, такимъ образомъ, оказался *косвеннымъ, но могущественнымъ средствомъ редукиціи* (сжатія) ассигнаціоннаго обращенія. И *эта-то редукиція* „создала металлическій рынокъ“ въ Россіи послѣ наполеоновскихъ войнъ.

Если-бъ манифестъ 1812 года засталъ ассигнаціи на обезцѣненіи не въ 75%, а лишь въ 25%, то редукицію онъ произвелъ-бы менѣе сильную. Онъ узаконилъ бы въ 1820 году циркуляцію въ 596 милл., дѣйствующую съ силою 450 милл. *металлическихъ* рублей и тогда, вѣроятно, „созданія металлическаго рынка“ не послѣдовало бы; ибо ассигнацій на 450 метал. руб. для обращенія, вѣроятно, все еще было-бы *слишкомъ много.*

Ста-же семидесяти милліоновъ рублей для Россіи *не было слишкомъ много. Поэтому* ассигнаціи непомѣшали звонкой монетѣ войти въ обращеніе, мирно съ нею ужились и дозволили ей прочно водвориться.

Чудесъ въ области народнаго хозяйства не бываетъ и „металлическіе рынки“ не создаются манифестами.

Представимъ себѣ, что теперь послѣдовало бы новое изданіе манифеста 1812 года, при обращеніи кредитныхъ билетовъ на 1.200 милл., обезцѣненныхъ лишь на одну треть, то есть съ 66 сер. коп. въ рубль. Манифестъ опять произвелъ-бы косвенную редукацію, узаконилъ-бы, что обращается не 1200 милл. *обезцѣненныхъ* рублей, а 800 милл. *полноцѣнныхъ* рублей, по 100 сер. коп. въ каждомъ. Спрашивается: *достаточна* была-бы *такая* редукація (для привлеченія звонкой монеты на рынокъ)? Очевидно нѣтъ. Пока въ обращеніи остается на 800 милл. металлическихъ рублей неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, звонкая монета не въ силахъ выдержать напора этой массы и должна ей уступить мѣсто. Она въ обращеніи появиться не можетъ: и безъ нея въ странѣ *слишкомъ много* денегъ.

Подведемъ итогъ сказанному. Проф. Бунге вѣрить въ привлеченіе звонкой монеты послѣ наполеоновскихъ войнъ манифестомъ 1812 года только потому, что онъ упустилъ изъ виду, какое значеніе при этомъ имѣло *очень сильное, уже прежде совершившееся*, обезцѣненіе ассигнацій. И онъ вѣрить въ возможность привлеченія звонкой монеты на рынокъ, въ настоящее время, такимъ-же манифестомъ только потому, что онъ упустилъ изъ виду *недостаточно сильное* нынѣшнее обезцѣненіе кредитныхъ билетовъ.

Вслѣдствіе другаго эконоическаго недоразумѣнія, проф. Бунге ожидаетъ отъ узаконенія биржевой цѣны кредитныхъ билетовъ, вмѣсто нарицательной, *установленія твердой денежной единицы*. Авторъ видимо полагаетъ, что шаткость денежной единицы происходитъ отъ узаконенія нарицательной цѣны бумажныхъ денегъ; на дѣлѣ-же она происходитъ отъ установленія закономъ обязательнаго приѣма бумажныхъ денегъ между частными лицами въ ихъ взаимныхъ платежахъ ¹⁾. Пока въ странѣ продолжаютъ обращаться обезцѣненные бумажные деньги, какъ законное платежное средство, онѣ дѣлаютъ *всякую* денежную единицу непостоянною для данной страны. Звонкая монета представляетъ прочную и неизмѣнную денежную единицу только тогда, когда она обращается или одна, или вмѣстѣ съ размѣнною бумагою.

¹⁾ Или выражаясь терминологіею австрійскаго патента 1 іюня 1816 года, не отъ Zwangwerth, а отъ Zwangsumlauf.

Больше скоро она обращается въ странѣ вмѣстѣ съ неразмѣнною обязательною въ платежахъ бумагою, то въ *этой* странѣ, внутри ея предѣловъ, она совсѣмъ не отличается прочностью. Изъ года въ годъ (а то и отъ мѣсяца къ мѣсяцу) 1000 рублей монетою представляютъ для пользованія ими въ Россіи (внутри ея, а не за границею) такую же измѣняющуюся денежную сумму, какъ и 1000 рублей кредитными билетами. Хотя бы законъ и допускалъ монету, какъ валюту договоровъ, она не перестаетъ быть товаромъ, съ цѣною шаткою вслѣдствіе неразмѣнности. Вслѣдствіе того, если я проживаю свои доходы въ Россіи, то полученіе ихъ звонкою монетою не обезпечиваетъ имъ никакого постоянства: ибо 100 руб. монетою въ одинъ мѣсяцъ имѣютъ одну цѣну, въ другой — другую; цѣна монеты *заграницею* постоянная, но *для меня* она колеблется при всякой перемѣнѣ въ лажѣ. Звонкая монета, приходя въ соприкосновеніе съ неразмѣнною бумагою, теряетъ устойчивость своей цѣны, и только возобновленіе разнѣна можетъ ей возвратитъ эту устойчивость. Нельзя вообразить, чтобъ этого же можно было достигнуть и другимъ путемъ, особенно путемъ простаго предписанія закона.

На основаніи всего вышеизложеннаго позволительно заключить, что всего правильнѣе было-бы, еслибы законы о принудительномъ курсѣ не были измѣнены, а по вопросу о допущеніи договоровъ на металлическую валюту правительство тоже не измѣнило взглядовъ, которыхъ оно до сихъ поръ придерживалось. Это значитъ двоякое:

1) Правительство не должно лишать нарицательную цѣну кредитныхъ билетовъ всякаго значенія. Оно не должно лишать владѣльцевъ кредитныхъ билетовъ всякой надежды и всякаго расчета на возможность возвышенія цѣны кредитныхъ билетовъ до ихъ нарицательнаго достоинства (все равно: мѣрами-ли правительственными, или посредствомъ естественныхъ экономическихъ успѣховъ страны). Если же бы оказалась необходимомъ девальвация, то этой необходимости нужно во всякомъ случаѣ смотрѣть прямо въ глаза.

2) Правительство должно сохранить *за собою* право во всякомъ отдѣльномъ случаѣ особо опредѣлять, какіе договоры на металлическую валюту могутъ быть допущены и какіе должны быть воспрещены. Желѣзнымъ дорогамъ и ипотечнымъ обществамъ правительство до сихъ поръ не воспрещало выпускать облигаціи и аціи на звонкую монету для помѣщенія ихъ на

заграничныхъ биржахъ. Слѣдовательно, есть основаніе полагать, что и впредь подобныя выпуски будутъ возможны. Если въ этомъ отношеніи наше законодательство представляетъ пробѣлъ, не допуская *векселей* на металлическую валюту, между тѣмъ какъ подобныя векселя были-бы полезны для заграничныхъ капиталистовъ, ищущихъ въ Россіи краткосрочнаго помѣщенія своимъ средствамъ, то и этотъ пробѣлъ можетъ быть восполненъ, но *частною мѣрою*. Если какой-либо изъ нашихъ акціонерныхъ банковъ желаетъ переучесть свой вексельный портфель у заграничнаго капиталиста или вообще оперировать заграничными капиталами, которые ему удалось-бы добыть, то ему не слѣдуетъ препятствовать. Отъ такого препятствія страна не выигрываетъ, а теряетъ. Конечно, такой банкъ будетъ находиться при сильномъ паденіи вексельнаго курса въ столь-же печальномъ положеніи, въ какомъ недавно находились и продолжаютъ находиться—Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, Центральный Банкъ Поземельнаго Кредита и желѣзно-дорожныя общества въ отношеніи къ ихъ заграничнымъ платежамъ. Но правительство — не банковая нянька: кто любитъ кататься, долженъ любить и санки возить. Въ крайнемъ случаѣ правительство можетъ, допуская заграничныя векселя на металлическую валюту, обставить ихъ нѣкоторыми особыми формальностями (аналогично англійскимъ *foreign bills*, которые законъ отличаетъ отъ *inland bills*). Могла-бы быть для нихъ установлена особая бумага, съ достаточно высокою наименьшею суммою всякаго отдѣльнаго векселя и т. д.

Но предоставляя себѣ допускать одни договоры на металлическую валюту, правительство безусловно должно сохранить за собою право другіе договоры на металлическую валюту воспрепятствовать. Примѣръ недавно представился въ ходатайствѣ желѣзныхъ дорогъ объ опредѣленіи тарифовъ на звонкую монету. Правительство, общественное мнѣніе и печать одинаково неблагоприятно отнеслись къ этому желанію желѣзныхъ дорогъ. Что же было-бы, еслибъ правительство лишило себя права отклонять подобныя ходатайства?

Другой примѣръ представился-бы, еслибъ землевладѣльцы пожелали заключать свои арендные договоры съ крестьянами на звонкую монету. Крестьяне были-бы поставлены въ самое безвыходное положеніе. Если въ Англіи въ 1811 году, несмотря на то, что поземельная аристократія тогда нераздѣльно господствовала въ государствѣ и обществѣ, а торійское правительство

могло провести чрезъ парламентъ какіе-угодно законы, все-таки сочли невозможнымъ допустить арендные договоры на металлическую валюту, — то врядъ-ли современная Россія представить для нихъ болѣе благопріятную почву. На всякій же случай, правительство не должно лишиться права разрѣшать каждый отдѣльный вопросъ, по своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ, *общаго* постановленія о допущеніи договоровъ на звонкую монету правительству издавать *не слѣдовало-бы*.

Что касается, наконецъ, финансовыхъ недоразумѣній, на которыхъ основана первая часть проекта проф. Бунге, то на нихъ всего менѣе долго придется намъ останавливаться. Утверждая, что *безъ узаконенія* даже „усилія правительства для возстановленія металлическаго обращенія потребуютъ громадныхъ средствъ, колоссальныхъ и раззорительныхъ займовъ“, Н. Х. Бунге какъ-бы наводитъ на мысль, что узаконеніе даже *двѣнадцати* „громадныхъ средствъ, колоссальныхъ и раззорительныхъ займовъ“. Это, конечно, можетъ быть только недоразумѣніе. Мы сейчасъ увидимъ, что и по собственному проекту проф. Бунге задача возстановленія металлическаго денежнаго обращенія требуетъ громадныхъ средствъ, колоссальныхъ и раззорительныхъ займовъ. И это совершенно естественно. Сколько ни появилось-бы монеты во внутреннемъ обращеніи, *эта монета казначейству* не облегчаетъ рѣшенія задачи, пока она находится въ карманахъ частныхъ лицъ и не направляется къ подпискѣ на правительственные займы. Долгъ остается долгомъ. Онъ не уменьшается и его уплата не облегчается тѣмъ, что у *кредитора* звонкой монеты оказывается больше, чѣмъ прежде. Надобно, чтобъ она появилась у *должника*.

Обращаемся къ техническо-финансовой сторонѣ проекта проф. Бунге.

Скелетъ проекта заключается въ слѣдующемъ. Исходя изъ цифры кредитныхъ билетовъ въ 1074 милл. руб., Н. Х. Бунге предлагаетъ 700 (*семь сотъ*) милл. р. изъять изъ обращенія консолидаціею ихъ посредствомъ *внутреннихъ* займовъ; тогда изъ остальной суммы (374 милл.) 180 милл. руб. будутъ соотвѣтствовать размѣнному фонду, а 194 милл. будутъ представлять оставляемую (наименьшую и безопасную) часть безпроцентнаго долга казначейства за кредитные билеты.

Такъ какъ цифра 1074 милл. руб. имѣетъ лишь случайный

характеръ, представляя то количество, которое находилось въ обращеніи въ моментъ, когда г. Бунге писалъ, то должно думать, что еслибъ въ обращеніи обазалось кредитныхъ билетовъ на 1200 или 1300 милл., то онъ считалъ бы необходимымъ консолидацію изъять изъ обращенія не 700, а 826 или 926 милл. рублей.

Итакъ, исходя изъ цифры размѣннаго фонда и принимая для безопасности безпроцентнаго долга цифру, близкую къ той, за которую стояли Е. И. Даманскій и проф. Вагнеръ (200 милл.), проф. Бунге предлагаетъ *всѣ остальные* кредитные билеты консолидировать и изъять изъ обращенія, *сколько бы ихъ ни было.*

Отъ скелета обратимся къ подробностямъ. Проф. Бунге, конечно, не удовлетворяется однимъ только выраженіемъ своего мнѣнія, что по 700 милл. (а можетъ быть и по 800—900 милл.) бумажно-денежнаго долга правительство должно расчитаться со своими кредиторами. Онъ объясняетъ и то, *какъ* это должно сдѣлать, съ девальваціею-ли, или безъ девальваціи, и посредствомъ какихъ финансовыхъ операцій?

Прямо ставя вопросъ о девальваціи, проф. Бунге рѣшаетъ его самымъ категорическимъ образомъ въ *отрицательномъ* смыслѣ. Въ проектѣ говорится:

„Итакъ очевидно, что цѣль финансовой политики должна состоять *не въ девальваціи*, а въ *возстановленіи нарицательной цѣны* кредитнаго рубля“.

Не смотря на столь категорически выраженное мнѣніе, проектъ проф. Бунге, однако, совсѣмъ не предполагаетъ такого дѣйствія, *чтобъ каждый владѣлецъ кредитнаго рубля получилъ полностью всю его „нарицательную цѣну“.* Напротивъ очень *многіе „кредитные рубли“ (именно всѣ тѣ, которые подлежатъ изъятію изъ обращенія консолидаціею, всего на 700 милл., а можетъ быть и 800—900 милл. р.) будутъ, по проекту, оплачены не по нарицательной цѣнѣ, а по биржевому курсу.* „Возстановленіе нарицательной цѣны кредитнаго рубля“ — подарокъ, который проектъ проф. Бунге дѣлаетъ однимъ только тѣмъ 374 милл. руб., которые не подлежатъ консолидаціи.

А именно, онъ совѣтуетъ приступить къ изъятію изъ обращенія и консолидаціи кредитныхъ билетовъ, приобѣгая для этого къ внутреннимъ государственнымъ займамъ *металлическимъ.* На биржѣ цѣны этихъ займовъ *выше* цѣнъ кредитно-рублевыхъ займовъ *на столько, на сколько кредитный рубль*

понижился сравнительно съ металлическимъ. Поэтому, подписка на металлическіе займы даетъ правительству полную возможность принимать кредитный рубль не по его нарицательной цѣнѣ, а по текущему его биржевому курсу. И вотъ въ этому-то способу „возстановленія нарицательной цѣны кредитнаго рубля“ совѣтуетъ прибѣгнуть проектъ Н. Х. Бунге.

Онъ, конечно, предусматривалъ, что это предложеніе подвергнетъ его упреку во внутреннемъ противорѣчii, что ему скажутъ: цѣль у васъ очень хорошая, но къ средствамъ вы прибѣгаете къ такимъ, которыя не только съ вашею цѣлью не согласны, но ее даже исключаютъ. Поэтому въ свое оправданіе авторъ ссылается на то, что „кредитный рубль стоитъ не 400 сантимовъ, а гораздо менѣе, то *было-бы безуміемъ* принимать кредитные билеты наравнѣ съ монетою *при металлическихъ займахъ*“. Это оправданіе, однако, врядъ-ли достигаетъ цѣли.

Совершенно правильно, что „при металлическихъ займахъ“ принимать *обезцѣненные* кредитные билеты, какъ полноцѣнные, „было-бы безуміемъ“. Но для чего, въ такомъ случаѣ, отстаивать металлическіе займы? Авторъ *сначала* допустилъ металлическіе займы и *потомъ* оправдывается, что *если* онъ ихъ допустилъ, то онъ не можетъ не принимать кредитныхъ билетовъ по курсу. Но ему совсѣмъ и не нужно было-бы этого оправданія, еслибъ, *прежде чѣмъ допускать металлические займы*, онъ себя спросилъ: *можетъ-ли онъ*, отстаивая „возстановленіе нарицательной цѣны кредитнаго рубля“, допускать означенные займы, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою? Еслибъ онъ въ надлежащее время поставилъ себѣ этотъ вопросъ, то онъ долженъ былъ-бы для послѣдовательности рѣшить его отрицательно; ибо идея внутреннихъ металлическихъ займовъ ¹⁾ на одномъ только томъ и можетъ быть основана, что они даютъ правительству возможность принимать кредитные билеты не по ихъ нарицательной цѣнѣ, а по ихъ биржевому курсу. Внѣ этой „выгоды“ они теряютъ всякое самостоятельное значеніе.

Девальвація можетъ быть производима очень различнымъ образомъ. Въ Австріи въ 1811 и 1816 гг., въ Россіи въ 1839 г., въ проектѣ г. Гольдмана 1866 года — она главнымъ образомъ отличалась слѣдующими качествами: 1) она од-

¹⁾ Если ихъ цѣль — консолидація кредитныхъ билетовъ, а не привлеченіе въ страну заграничныхъ капиталовъ.

новременно распространялась на всю массу бумажныхъ денегъ и каждый рубль, каждый гульдентъ ею уменьшался на известную, одинаковую часть своей нарицательной цѣны; 2) эта часть односторонне опредѣлялась однимъ только правительствомъ по его выбору и произволу, и 3) она была принудительною мѣрою.

За такую девальвацію проф. Бунге дѣйствительно не стоитъ. Напротивъ, такую девальвацію онъ дѣйствительно отвергаетъ.

Глубже вникнувъ въ дѣло, чтобъ уловить мысль, которую онъ желалъ выразить, не трудно замѣтить, что она заключается въ противопоставленіи указанному виду девальваціи другого ея вида. Три наиболѣе основные признака этого другого вида прямо противоположны только-что перечисленнымъ тремъ особенностямъ исторической девальваціи.

Именно металлическіе займы наводятъ на мысль, что девальвація возможна: 1) хотя бы она распространялась не сразу на всю массу бумажныхъ денегъ, а только на нѣкоторую ихъ часть; 2) хотя бы ея мѣра опредѣлялась не однимъ только правительствомъ, а совокупно правительствомъ и владѣльцами означенной части бумажныхъ денегъ, и 3) хотя бы она основалась не на принужденіи, а на свободномъ обоюдномъ соглашеніи.

Вотъ эта-то добровольная, договорная и частная девальвація (въ противоположность принудительной, произвольной и всеобщей) по необходимости истекаетъ изъ проекта Н. Х. Бунге.

Итакъ, дѣло заключается въ томъ, что правительство обращается не ко всѣмъ владѣльцамъ кредитныхъ билетовъ на всю сумму 1100, 1200 или 1300 милл. (сколько ихъ оказывается) и не съ тѣмъ, чтобъ принудительнымъ путемъ у всѣхъ отнять равную часть рубля, „произвольно выхваченную“. Правительство выбираетъ изъ массы кредитныхъ билетовъ одну часть, или послѣдовательно нѣсколько частей одну за другою. И оно обращается только къ владѣльцамъ этихъ билетовъ съ предложеніемъ войти въ добровольную сдѣлку, условиться по взаимному соглашенію, сколько имъ получить серебряныхъ копѣекъ за кредитный рубль ¹⁾.

Это правительство можетъ сдѣлать, обратившись къ системѣ

¹⁾ Не подлежитъ сомнѣнію, что такая добровольная девальвація категорически отлична и въ юридическомъ и въ экономическомъ отношеніи отъ девальваціи принудительной. *Ред.*

внутреннихъ металлическихъ займовъ для консолидаціи кредитныхъ билетовъ.

Такъ какъ предложеніе обратиться къ металлическимъ займамъ для консолидаціи кредитныхъ билетовъ — главное въ проектѣ проф. Бунге, то объяснивъ его сущность, мы отложимъ на нѣсколько страницъ разсмотрѣніе его результатовъ. Предварительно-же изложимъ и разберемъ второстепенныя предложенія проекта, которыми обставлено главное предложеніе и которыя должны его сдѣлать болѣе практичнымъ и удобоисполнимымъ.

Къ предложенію металлическихъ займовъ для консолидаціи кредитныхъ билетовъ, проектъ проф. Бунге присоединяетъ идею другаго ряда металлическихъ займовъ для превращенія въ нихъ государственныхъ домовъ, заключенныхъ на кредитные рубли.

Конечно, и эта мысль не нашла бы себѣ защитника въ проф. Бунге, еслибъ онъ дѣйствительно былъ строгимъ отрицателемъ всякой девальваціи. Владѣльцы облигацій по займамъ, заключеннымъ на кредитные рубли, надѣются, что когда-нибудь правительство поправитъ рубль и что рубли, получаемые ими по купонамъ, современемъ станутъ металлическими. Но разъ ставъ на почву добровольной девальваціи, проф. Бунге, дѣйствительно, не могъ не предложить войти въ соглашеніе съ означенными владѣльцами, чтобъ и они за нѣкоторое вознагражденіе добровольно отказались отъ своихъ надеждъ на будущее, онъ предлагаетъ ихъ удовлетворить металлическимъ процентомъ, болѣе высокимъ, нежели получаемый ими теперь кредитный; но за то за каждые 100 рублей въ металлическихъ облигаціяхъ они должны будутъ дать кредитными облигаціями столько рублей, сколько придется по курсу, на которомъ состоится обоюдное соглашеніе. То-есть: проектъ предлагаетъ склонить владѣльцевъ бумажно-рублевыхъ облигацій къ убѣжденію, что за временное увеличеніе ихъ доходовъ, пока звонкая монета еще пользуется лажемъ, для нихъ можетъ быть выгодно добровольно согласиться навсегда на сокращеніе ихъ доходовъ съ момента восстановленія цѣнности кредитнаго рубля.

Это предложеніе непосредственно не относится къ реформѣ кредитной денежной системы; но мы все-таки о немъ должны сказать нѣсколько словъ, такъ какъ проф. Бунге отъ него ждетъ „экономій“, на которыя онъ рассчитываетъ для облегченія реформы.

Намъ кажется, что онъ напрасно усложнилъ свой проектъ

предложеніемъ объ обмѣнѣ бумажныхъ облигацій на металлическія; ибо на этотъ обмѣнъ не согласится ни одинъ владѣлецъ бумажныхъ облигацій, именно потому, что операція обмѣна будетъ предпринята, какъ приготовленіе къ реформѣ. Владѣлецъ кредитно-рублевой облигаціи еще имѣлъ-бы нѣкоторый расчетъ добровольно пойти на сдѣлку, еслибъ ему было обезпечено, что реформа затянется на 25—50 лѣтъ и что въ теченіи этого времени цѣна кредитнаго рубля мало и медленно будетъ поправляться. Но понятно, что предпринимать реформу и давать подобныя обѣщанія — двѣ вещи, одна другую исключаящія. А между тѣмъ, чѣмъ энергичнѣе Правительство будетъ стремиться къ реформѣ и чѣмъ лучше и скорѣе она будетъ отражаться на цѣнности кредитнаго рубля, тѣмъ „безумнѣе“ (говоря словомъ проф. Бунге) будетъ — согласиться на добровольный обмѣнъ кредитно-рублевыхъ облигацій на металлическія.

Вотъ почему мы въ нижеслѣдующемъ совершенно оставимъ въ сторонѣ часть проекта, предлагающую „добровольный обмѣнъ“. Наше изложеніе отъ этого не пострадаетъ, такъ какъ экономія, которую „обмѣнъ“ даетъ, по собственному расчету проф. г. Бунге, можетъ простираться не больше, нежели 1,680,000 руб., даже если охотниковъ на „обмѣнъ“ явится на невѣроятную сумму въ 850 милл. рублей.

Остальныя второстепенныя предложенія проекта касаются: одно — идеи бумажнаго денежнаго обращенія, основаннаго на банковыхъ началахъ, другое — новаго вида займовъ, рекомендуемыхъ проф. Бунге.

Онъ объявляетъ себя приверженцемъ идеи превращенія Государственнаго Банка въ „привилегированный акціонерный“, для котораго будто-бы „существуютъ все необходимыя условія“. Въ чемъ эти условія заключаются, не объяснено. Отъ новаго учрежденія ожидается, что оно будетъ „чувствовать себя болѣе связаннымъ постановленіями своего устава“, будетъ „менѣе податливо на льготы и на изыятія“ и наконецъ будетъ „отстаивать свои права и потому составлять преграду неосторожному пользованію кредитомъ“. Все это благія надежды на возможное будущее ¹⁾. Но тѣмъ не менѣе изъ-за нихъ, а глав-

¹⁾ Авторъ (И. П. Кауфманъ) и въ этомъ случаѣ, и раньше (см. выше) слишкомъ мало придаетъ значенія различію частнаго банка и казеннаго, по отношенію какъ къ самостоятельности, такъ въ особенности къ *ответственности* по бумажно-денежнымъ операціямъ. Не отвергая, что въ теоріи и по

ное — въ надеждѣ, что новый акціонерный монополичный банкъ внесетъ болѣе предусмотрительности въ нашу бумажную денежную систему и стѣснивъ произволъ въ выпускѣ бумажныхъ денегъ, — проф. Бунге уступаетъ Государственный Банкъ акціонерной компаніи *совершенно даромъ*, даже не требуя тѣхъ 80 милл. руб., которые въ 1874 г. были предположены въ одной статьѣ въ Journal de St.-Petersbourg. Понятно, что при такомъ отношеніи къ вопросу, проф. Бунге могъ легко обойти молчаніемъ, какъ взглядъ проф. Вагнера на финансовую сторону дѣла, такъ и мои расчеты 1874 года.

Собственно идеи объ организаціи кредитнаго обращенія на банковныхъ началахъ играютъ самую послѣднюю роль въ его проектѣ. Мы не думаемъ, однако, чтобы это выражало отреченіе отъ взглядовъ, которыхъ авторъ держался въ своей критикѣ проекта проф. Вагнера. Хотя и невѣроятно, чтобы проф. Бунге желалъ предоставить дѣло организаціи кредитнаго обращенія на новыхъ началахъ *и всю прибыль отъ него* одному только будущему акціонерному банку, — но питающіе это желаніе въ умолчаніи его проекта могли найти поводъ сильно обрадоваться.

До учрежденія же новаго привилегированнаго акціонернаго банка идея банковской организаціи кредитнаго обращенія предлагается проектомъ въ томъ ея видѣ, возможность котораго навлекъ на мой проектъ 1874 года упрекъ г. Горна. Чего г. Горнъ *опасался*, то проф. Бунге *прямо рекомендуетъ*. Именно: для облегченія подписокъ на металлическіе займы Правительству предлагается дѣлать выпуски новыхъ кредитныхъ билетовъ для ссудъ подъ нововыпускаемыя облигаціи.

Наконецъ послѣднее предложеніе касается новаго вида 6% металлическихъ займовъ, предлагаемыхъ для изытія кредитныхъ билетовъ: главнымъ образомъ оно заключается въ правѣ правительства не погашать облигацій ранѣе 5 лѣтъ по ихъ выпускѣ, *но съ обязательствомъ погасить ихъ въ слѣдующіе 15 лѣтъ*. Въ Америкѣ, Англій и Германіи къ такимъ займамъ при-

принципу было бы выгоднѣе для государства произвести реформу бумажно-денежной системы черезъ посредство государственнаго, а не частно-акціонернаго учрежденія и что послѣднее можетъ попасть въ положеніе подобное первому, мы видимъ однако на практикѣ, что частные банки (англійскій, французскій и австрійскій), при всѣхъ своихъ грѣхахъ, все таки противопоставили выпускамъ бумажныхъ денегъ такія границы, какихъ не знали казенные ихъ выпуски. Впрочемъ мы признаемъ преимущества для этого государственнаго дѣла государственнаго учрежденія, хотя нельзя не опасаться что эти преимущества останутся навсегда *pium desiderium*.
Ped.

бѣжали во время войны и, напротивъ, *послѣ* войны отъ нихъ отказывались. *Послѣ* войны нетрудно замѣтить, что предлагаемая форма займовъ совершенно не соответствуетъ нашимъ потребностямъ и условіямъ. Соединенные Штаты, Англія и Пруссія ведутъ войны очень рѣдко и они поэтому могутъ упускать изъ виду всякаго рода предусмотрѣніе на случай возможной новой войны. Мы-же относительно этого находимся въ иномъ положеніи. Заключать на крупныя суммы займы, подлежащія погашенію въ короткій срокъ, значить въ финансовомъ отношеніи обречь страну на вѣчный страхъ, какъ-бы не случилась новая война; ибо тогда невозможно будетъ путемъ новыхъ займовъ добыть средства для уплаты старыхъ займовъ. Это значить — вѣчно быть подъ страхомъ возможнаго банкротства. Во время всякой войны, которую другія страны между собою захотятъ предпринять. О собственномъ-же участіи въ какой-либо войнѣ совсѣмъ придется бросить всякія помысленія.

Главную выгоду новыхъ займовъ проф. Бунге усматриваетъ въ томъ, что правительство, платя по нимъ высокой % и обѣщая скорую уплату долга, можетъ ихъ реализовать по 100 за 100, сохраняя за собою возможность превратить ихъ въ болѣе дешовые займы, когда въ тому представятся благопріятныя обстоятельства.

Что-же, однако, будетъ, если благопріятныя обстоятельства совсѣмъ не представятся, или представятся слишкомъ поздно, или представятся тогда, когда по политическимъ или инымъ соображеніямъ ими нельзя будетъ воспользоваться, или нужно будетъ воспользоваться для займовъ, вызванныхъ новыми цѣлями правительства?

Проф. Бунге удовлетворяется слѣдующимъ соображеніемъ:

„Единственное серьезное возраженіе противъ этой формы займовъ состоитъ въ величинѣ суммы, которую предстоитъ уплатить сразу не ранѣе 5 и не позже 20 лѣтъ, но эта перспектива срочной уплаты страшна только для непредусмотрительнаго правительства. Въ теченіи 15 лѣтъ всегда бываетъ удобная минута для погашенія существующаго займа новымъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ“.

Мнѣ кажется, напротивъ, что „перспектива срочной уплаты“ громадной суммы государственныхъ долговъ должна быть „страшна“ именно для предусмотрительнаго правительства. Несомнѣнно, конечно, что въ теченіи 15 лѣтъ „всегда бываетъ удобная

минута*. Но одно дѣло — съ легкимъ сердцемъ идти на встрѣчу времени, съ его удобными и неудобными минутами, и совершенно иное дѣло — выжидать грядущую „удобную минуту“ съ тяжкимъ бременемъ большого долга, подлежащаго уплатѣ въ срокъ такой минуты. Одно дѣло — имѣть возможность свободно относиться къ „удобной минутѣ“ и совершенно иное дѣло — выжидать ее съ тоскою, страшиться, какъ-бы она не наступила несвоевременно, быть *вынужденнымъ* ею пользоваться лишь для одной предопредѣленной цѣли.

А между тѣмъ условія нашего кредита совсѣмъ не такъ плохи, чтобъ нельзя было обойтись безъ предлагаемаго нововведенія. Чтобъ получить 6% на свой капиталъ, подпичникъ на 5%-ную облигацію долженъ ее получить по курсу 83. Но *во время обезпеченнаго мира* этотъ курсъ врядъ-ли есть основаніе считать невѣроятнымъ.

Изложивъ и объяснивъ существо всѣхъ предложеній проф. Бунге и разобравъ второстепенныя между ними, мы подробнѣе остановимся теперь на разборѣ главной идеи проекта.

Начнемъ съ цифръ, которыя, по его расчетамъ выражаютъ: выгоды, доставляемыя добровольною девальвациею, и жертвы или расходы, въ которые обойдется консолидація кредитныхъ билетовъ путемъ металлическихъ займовъ.

Для консолидаціи кредитныхъ билетовъ на 700 милл. р., по проекту, придется выпустить 6% облигацій *à pari* на сумму 500 милл. мет. рублей при курсѣ въ 140 руб. кред. за 100 металл. (при кредитномъ рублѣ въ 71½ мет. коп.) или 560 милл. мет. р. при курсѣ 125 кред. р. за 100 металл. руб. (кред. рубль 80 сер. коп.). Въ первомъ случаѣ до расчету проекта отъ девальвации выигрывается 200 милл. р., во второмъ 140 милл. рублей. Ежегодные расходы, въ которые обойдется операція, составятъ отъ 30 до 33⅓ милл. металл. руб. Безъ девальвации-же эти расходы (при равенствѣ прочихъ условій) должны составить 42 милл. рублей.

Изъ приведенныхъ двухъ расчетовъ проекта первый (по курсу 140 кред. руб. за 100 металл. рублей) совершенно неправиленъ; потому что онъ основанъ на недопустимомъ предположеніи: что сколько-бы ни извлекали кредитныхъ билетовъ изъ обращенія (100 милл., 200 м., 300 м., 500 м., 600 милл.) и сколько-бы ихъ ни оставалось въ обращеніи (974 м., 674 м., 474 милл.), все-таки *цѣнность кредитныхъ билетовъ не изменится* и курсъ

кредитнаго рубля одинаково будет оставаться въ $71\frac{1}{2}$ мет. ком. за 1 р. кр. или 100 р. мет. за 140 р. кр. Между тѣмъ предъ войною мы долгое время видѣли, что при обращеніи кредитныхъ билетовъ, доходившемъ до 800 милл. р., цѣнность кредитнаго рубля составляла 85 и даже 88 к. сер. за рубль кредитный, то-есть 118—114 р. кр. за 100 металл. руб.

Второй расчетъ (по 125 р. кр. за 100 р. мет.) болѣе приближается къ истинѣ, но все-таки слишкомъ благоприятенъ для проекта. Чтобы стать на болѣе прочную почву (и кстати выяснитъ пункты, которые проектъ обходитъ молчаніемъ), будемъ исходить изъ цифры кредитныхъ билетовъ въ 1120 милл. р. (болѣе соответствующей современной дѣйствительности, нежели цифра 1074 милл., изъ которой исходилъ проф. Бунге). За вычетомъ изъ 1120 милл. цифры резервнаго фонда (180 мил.) и цифры оставляемой (безопасной) части безпроцентнаго долга (200 мил.), изытію изъ обращенія подлежитъ сумма кредитныхъ билетовъ въ 740 милл. рублей. Предположимъ, что вся консолидація совершается въ пять приемовъ, въ 5—6 лѣтъ (проектъ объ этомъ ничего не говоритъ). Заключается пять займовъ одинъ послѣ другаго, и ими извлекается кредитныхъ билетовъ изъ обращенія: 1-мъ 200 милл., 2-мъ и 3-мъ по 150 милл., 4-мъ 140 милл. и 5-мъ 100 милл. Въ такомъ случаѣ останется въ обращеніи, если исходить изъ цифры въ 1120 милл.: послѣ перваго займа — 920 милл., послѣ 2-го 770 милл., послѣ 3-го 620, послѣ 4-го 480; послѣ 5-го достигнута будетъ цифра 380 милл., завершающая реформу.

Понятно, что чѣмъ меньше кредитныхъ билетовъ будетъ оставаться въ обращеніи, тѣмъ выше будетъ подниматься ихъ цѣнность. Если первый заемъ можно будетъ заключить по 140 р. кр. за 100 р. мет., то второй уже придется заключить по 130 руб. кр. за 100 мет., третій по 115 кр. руб. за 100 м. р., четвертый по 110 кр. р. за 100 мет. р., а послѣдній уже по 100 кр. р. за 100 р. мет. При выборѣ этихъ курсовъ, я исхожу изъ нашего-же опыта, каковъ былъ до войны курсъ кредитнаго рубля при разныхъ цифрахъ обращенія кредитныхъ билетовъ. Понятно, что займы, специально производимые для возвышенія цѣнности кредитныхъ билетовъ, на дѣлѣ будутъ поднимать эту цѣнность даже независимо отъ своей цифры, уже однимъ вліяніемъ на настроеніе публики, русской и заграничной.

Исходя изъ принятыхъ нами курсовъ, предположимъ, что

займы будут обыкновенные 5%-ные и что курсъ реализаціи ихъ будетъ даже 90 за 100. Въ такомъ случаѣ для достиженія цѣли проекта придется выпустить металлическихъ облигацій: въ 1-ый пріемъ на 150,872,000 р., во второй на 128,204,000 р., въ третій на 144,927,000 р., въ четвертый на 141,414,000 и въ пятый на 111,111,000 р.; всего на 676,528,000 р. Это даетъ средній курсъ изъятія не въ 125 р. кр. за 100 металл., а лишь въ 109½ кр. за 100 мет. р. Кредитныхъ облигацій, для изъятія 740 милл. р. кредитныхъ билетовъ, пришлось-бы, при курсѣ реализаціи 90 за 100, выпустить на 822,220,000 руб. Выигрышъ отъ девальваціи при этомъ составляетъ капиталъ въ 145²/₃ милл. руб.

Этотъ выигрышъ однако уменьшается отъ потерь на лажѣ, который Правительство должно будетъ платить до возстановленія цѣнности кредитнаго рубля: или прямо предъявителямъ купоновъ по новымъ займамъ, или покупая для нихъ полумперіалы. Исчисляя эту потерю по курсамъ, среднимъ между тѣми, которые выше приняты основаніемъ расчета, потеря отъ лажа составитъ, при ежегодныхъ займахъ: послѣ перваго займа 3,168,000 р., послѣ втораго 3,684,000 р., послѣ третьяго 3,029,000 и послѣ четвертаго 1,696,000 р.; всего 11,577,000 р. Выигрышъ отъ девальваціи вслѣдствіе того сокращается до 134,115,000 р.

Сравнивая суммы ежегодныхъ процентовъ, въ которые обойдется изъятіе изъ обращенія 740 милл. р. билетовъ металлическихими и кредитно-рублевыми займами, то-есть — съ девальваціею и безъ девальваціи, мы получаемъ слѣдующіе результаты. Процентозъ придется платить:

	при девальваціи		безъ девальваціи		экономія отъ девальваціи.
	въ металл.	въ кред. руб.	въ кред. руб.	отъ девальваціи.	
Послѣ 1-го пріема	9,052,000	12,220,000	13,333,000	1,113,000	
» 2-го »	18,744,000	20,428,000	23,232,000	2,804,000	
» 3-го »	25,440,000	28,559,000	33,332,000	4,773,000	
» 4-го »	33,925,000	35,621,000	42,667,000	7,046,000	
» 5-го »	40,591,000	40,591,000	49,333,000	8,742,000 *)	

И такъ, въ началѣ операціи девальваціи для казначейства совершенно бесполезна, впоследствіи-же она даетъ экономію ежегоднаго расхода, не доходящую и до 9 милл. рублей.

Понятно, что чѣмъ болѣе операціи по возстановленію металлическаго денежнаго обращенія будутъ затягиваться, чѣмъ мед-

*) Эти 8,742,000 составляютъ 6% на вышеупомянутый капиталъ въ 145,692,000 руб., представляющій выигрышъ отъ девальваціи.

леннѣе будетъ идти возвышеніе цѣнности кредитнаго рубля, — тѣмъ болѣе выгоды отъ девальваціи будутъ поглощаться потерями на лажѣ при оплатѣ металлическихъ купоновъ, тѣмъ безположеннѣе будетъ она для ближайшихъ къ намъ годовъ и тѣмъ въ болѣе долгій ящикъ будутъ откладываться экономіи отъ нея. Въ концѣ-же концовъ эти экономіи оказываются столь незначительными, что изъ за нихъ совершенно не стоитъ прибѣгать къ добровольной девальваціи.

Чтобъ надлежащимъ образомъ оцѣнить изложенные результаты, необходимо вспомнить, что если девальвація — мѣра исключительная, то это другими словами значитъ: съ нею примиряются лишь ради ея *наибольшихъ* результатовъ. Чѣмъ послѣдніе меньше, тѣмъ возможнѣе ихъ достигнуть болѣе правильнымъ путемъ, тѣмъ менѣе необходима девальвація. *Невозможно* ее избѣжать, только если безусловно нужны ея наибольшіе результаты, если только она одна ихъ можетъ дать. Но свои наибольшіе результаты девальвація даетъ только тогда, когда она принудительная, а не добровольная.

Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что проф. Бунге, совѣтуя прибѣгнуть къ добровольной девальваціи въ $28\frac{1}{2}$ к. (140 кр. за 100 мет.), ждетъ отъ нея экономіи въ 200 милл. Принудительная же девальвація въ $28\frac{1}{2}\%$ (при цифрѣ кредитныхъ билетовъ въ 1074 милл.) дала-бы экономіи на половину больше, именно 300 милл. рублей. Другой расчетъ девальваціи на 20% (125 кр. за 100 мет.) даетъ экономіи: при добровольности ея 140 милл., при принудительности-же 216 милл. Подвергнувъ принудительной девальваціи въ $20-28\frac{1}{2}\%$ цифру кредитныхъ билетовъ въ 1120 милл. руб., правительство отъ нея имѣло-бы экономію капитала въ 224—320 милл. или ежегоднаго дохода въ $13,_{44} - 19,_{20}$ милл. Добровольная-же девальвація, какъ мы видѣли, при наилучшихъ ея условіяхъ и точномъ расчетѣ, даетъ лишь экономію капитала въ 134 милл. или дохода въ $8\frac{3}{4}$ милл.

Резюмируемъ, въ заключеніе, кратко, выводы, къ которымъ насъ привело подробное и внимательное разсмотрѣніе проекта проф. Бунге.

I. Предлагаемое проектомъ узаконеніе лажа — *безцѣльно*. Оно не въ силахъ при *теперешней* высотѣ лажа произвести такое *фактическое* сокращеніе бумажнаго обращенія (въ противоположность *законодательному* сокращенію), послѣ котораго звонкой монетѣ было-бы очищено мѣсто. Не смотря на узаконеніе лажа,

звонкая монета *въ настоящее время* не наполнить „всѣхъ на-
логовъ обращенія“.

II. Предлагаемый проектомъ общее узаконеніе *всѣхъ и всякихъ*
договоровъ на металлическую валюту *вредно*. Общаго постанов-
ленія по этому предмету не должно быть издано, развитіе же
его должно вести путемъ частныхъ мѣръ.

III. Предлагаемый проектомъ новый видъ займовъ, погашае-
мыхъ въ 20-ти лѣтній срокъ, въ политическомъ отношеніи *опа-
сенъ*, а въ финансовомъ отношеніи *несвоевремененъ и неудобенъ*,
не оправдываясь современнымъ состояніемъ государственнаго кре-
дита Россіи внутри страны и за границей.

IV. Предлагаемый проектомъ способъ изыятія кредитныхъ
билетовъ посредствомъ металлических займовъ, заставляя пра-
вительство мириться съ девальвациею, есть вмѣстѣ съ тѣмъ сред-
ство получить отъ девальвации *наименьшіе* финансовыя резуль-
таты. Поэтому, по крайней мѣрѣ съ финансовой точки зрѣнія,
онъ подлежитъ осужденію.

Само собою разумѣется, въ числу существенныхъ недостат-
ковъ проекта принадлежитъ и то, что онъ 1) совершенно умал-
чиваетъ о мѣрахъ для устраненія препятствій, которыми при
денежной реформѣ являются серіи, 4% металлические билеты
и неправильно-помѣщенные вклады Госуд. Банка, и 2) построенъ
на идеѣ превращенія Госуд. Банка въ акціонерный-монопольный,
вслѣдствіе чего правительство при денежной реформѣ теряетъ
всѣ финансовыя и экономическія выгоды, которыя оно могло бы
получить и доставить странѣ превращеніемъ части кредитныхъ
билетовъ, основанныхъ на государственномъ безпроцентномъ долгѣ,
въ кредитные билеты, основанные на коммерческомъ портфелѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НОВѢЙШІЕ ТОЛКИ О БУМАЖНО-ДЕНЕЖНОМЪ ВОПРОСѢ И ЭКСТРА- ОРДИНАРНЫЕ ФИНАНСЫ.

Мое первоначальное намѣреніе было — послѣ разсмотрѣнія
проектовъ возстановленія металлическаго денежнаго обращенія въ
Россіи — перейти къ разсмотрѣнію этой задачи въ связи съ об-

щимъ вопросомъ объ экстраординарныхъ финансахъ. Но направленіе, которое съ осени 1878 г. приняли у насъ толки о бумажныхъ деньгахъ, убѣждаетъ меня, что сужденія мои покажутся слишкомъ теоретическими, если я ихъ буду излагать въ предѣлахъ задуманнаго плана. Я рѣшился, поэтому вести дальнѣйшее изложеніе, исходя изъ новѣйшихъ толковъ о нашемъ бумажно-денежномъ вопросѣ.

Какъ это ни странно, но эти толки отличаются главнымъ образомъ страхомъ, какъ-бы правительство не вздумало серьезно и энергично заняться разрѣшеніемъ бумажно-денежнаго вопроса.

Во время войны всѣ чувствовали, что наше политическое положеніе зависитъ совсѣмъ не отъ успѣховъ оружія, а отъ нашихъ финансовъ. Стыдно только было высказать слово, но тайнѣ всѣ сознавали, что не судьба сраженій, а колебанія вексельнаго курса опредѣляютъ ходъ событій. Въ окончательномъ успѣхѣ нашего оружія никто не сомнѣвался. Для войны мы располагали, какъ основными финансовыми ресурсами, бумажно-денежными выпусками, а цѣлоспособность этого ресурса зависѣла отъ колебаній вексельнаго курса. И всѣ чувствовали, что по окончаніи войны *невозможно* будетъ не приступить энергично къ этому фатальному вопросу, вынуждающемуся даже и въ такіа событія, гдѣ ему совсѣмъ не мѣсто.

Кончилась война и — пока — кромѣ боязни предъ вопросомъ еще ничего не обнаружилось. Боязнь впрочемъ удачно прикрывается полемикою, имѣющею двойную цѣль: во-первыхъ, подъ ея шумокъ, провести политическую тенденцію, заключающуюся въ отрицаніи того значенія, которое для нашей политики имѣетъ наше финансовое положеніе вообще и въ частности наше денежное обращеніе; во-вторыхъ — поставить на ноги лагерь протекціонистовъ, дразня его оживленіемъ промышленности, которое будто-бы неизбежно связано съ новѣйшими бумажно-денежными выпусками.

Въ нижеслѣдующемъ мы подробно разсмотримъ „политическіе интересы“, и „оживленіе промышленности“, чтобы убѣдиться, насколько ими дѣйствительно можно оправдывать пассивное отношеніе общества къ бумажно-денежному вопросу. Это дастъ возможность разобрать и вопросъ о нашихъ экстраординарныхъ военнo-финансовыхъ средствахъ.

I.

ИНТЕРЕСЫ ПОЛИТИЧЕСКІЕ.

Начать приходится нѣсколькими словами о той почвѣ, на которой до сихъ нерь основывалось наше положеніе.

Почва эта—доктрина политической экономіи, выработанная на основаніи опыта всѣхъ странъ, переживавшихъ несчастный опытъ съ неразмѣнными бумажными деньгами. Въ ряду другихъ, эта доктрина даже выдается ролью, которую при ея построеніи игралъ нашъ отечественный опытъ. Не говоря объ русскихъ изслѣдователяхъ, достаточно назвать имена Шторха, Якоба и Вагнера, чтобъ напомнить, что означенная роль была одною изъ самыхъ авторитетныхъ.

Не менѣе важнымъ представляется и то обстоятельство, что тщательная и всесторонняя разработка опыта странъ, страдавшихъ отъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, доставила научнымъ понятіямъ объ этомъ предметѣ такое всеобщее признаніе и уваженіе, какими пользуются, къ сожалѣнію, далеко не воѣ ученія экономической науки. *Всѣ сколько-нибудь замѣчательные государственные дѣятели XIX ст.* сдѣлали означенныя понятія основой своихъ убѣжденій и практическихъ мѣръ, въ которыхъ они прибѣгали по части бумажныхъ денегъ.

Вотъ почему и я могъ быть увѣреннымъ, что изъ моей критики вышеизложенныхъ проектовъ не сдѣлаютъ заключенія, будто она коренится въ спорности ея научныхъ основаній. Напротивъ, я могъ быть увѣреннымъ, что споръ будетъ отнесенъ къ тому, къ чему онъ дѣйствительно только и относится: къ вопросу о *примѣненіи* означенныхъ основаній, къ выбору тѣхъ или другихъ практическихъ мѣръ исполненія.

Сами-же эти основанія мнѣ казались тѣмъ менѣе требующими какихъ-либо особыхъ поясненій ихъ безспорности, что *они составляютъ коренное убѣжденіе каждою изъ составителей вышеизложенныхъ проектовъ.*

Къ сожалѣнію, теперь явился поводъ говорить и о томъ, о чемъ, казалось-бы, говорить нечего. Одинъ изъ наиболѣе разпространенныхъ органовъ нашей печати, именно Московскія Вѣдомости, взялъ на себя неблагоприятную роль — подать этотъ поводъ.

Въ рядѣ статей иѣющихъ, въ сущности, чисто-политическую тенденцію, способомъ для проведенія этой тенденціи, между прочимъ, служить увѣреніе, будто въ политической экономіи нѣтъ ничего болѣе спорнаго, чѣмъ ходячая доктрина о бумажныхъ деньгахъ. Доктрина-де эта, будто-бы, выработана безъ вниманія къ нашей отечественной жизни, безъ вниманія къ ея „своеобразнымъ особенностямъ“.

Основаніемъ такого увѣренія взяты, изъ предисловія проф. Вагнера къ его труду о русскихъ бумажныхъ деньгахъ, нѣсколько словъ; въ которыхъ знаменитый германскій ученый объясняетъ, что его побудило заново переработать нѣкоторыя части теоріи бумажныхъ денегъ. Эти-то слова, обращенныя къ кругу специалистовъ, Моск. Вѣд. теперь перетолковываютъ въ смыслъ признанія, всенародно сдѣланнаго, что ученія науки не заслуживаютъ довѣрія. Мысль проф. Вагнера, что задача науки — слѣдить за всеми новыми проявленіями жизненнаго опыта, Моск. Вѣд. извращаютъ, толкуя ее такъ, что-де до настоящаго времени означенный опытъ не былъ въ виду.

Книга проф. Вагнера напечатана и какъ нѣтъ надобности доказывать, что ея авторъ вполне уважаетъ науку, которой онъ служитъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ представителей. Мы привели мотивъ Моск. Вѣд. лишь съ цѣлью показать, что для своихъ тенденціозныхъ намѣреній онъ не побрезгалъ даже и готовностью пожертвовать тѣмъ уваженіемъ къ наукѣ, которое когда-то значилось на ихъ знамени.

Само собою разумѣется, что болѣе существенныхъ указаній, въ чемъ заключаются недостатки научной доктрины, Моск. Вѣд. не представляютъ. Совершенно голословны и ихъ увѣренія, будто наукою упущены изъ виду какія-то своеобразія нашей жизни. Онѣ и сами не знаютъ, въ чемъ заключаются эти упущенія „своеобразія“. Правда, глубокомысленно указывается, что въ нашей экономической жизни еще происходятъ иногда „чудеса“; но въ этомъ и читатели Моск. Вѣд. врядъ-ли усмотрятъ что-либо иное, кромѣ конюнкта, прикрытаго фельетоннымъ юстицизмомъ.

Въ виду маневровъ Моск. Вѣд. особенно необходимо настаивать не только на вышеприведенномъ фактѣ, что „ходячая доктрина“ о бумажныхъ деньгахъ составляетъ общее достоиніе не только науки, но и практической жизни всего нашего столѣтія. Столь-же важно напомнить, что ни въ наукѣ, ни даже въ прак-

тикѣ двухъ доктринъ о бумажныхъ деньгахъ *не существуетъ*. Въ предѣлахъ всего нашего столѣтія, ни въ кругу ученыхъ, ни въ кругу государственныхъ дѣятелей, нельзя найти *ни одного* имени, сколько-нибудь пользующагося уваженіемъ, которое, въ бумажно-денежномъ вопросѣ, не раздѣляло-бы взглядовъ „ходячей доктрины“.

Конечно, никому не можетъ приходиться на мысль считать научные взгляды на бумажныя деньги чѣмъ-то законченными и несмысленными. Но отъ нихъ этого и не требуется. Во первыхъ, если между означенными взглядами нѣкоторые и вызываютъ споры между учеными, то пока Моск. Вѣд. еще не показали даже, извѣстно-ли имъ въ точности, о чемъ собственно *въ науку* идетъ споръ? Оттого-то онѣ и должны представлять дѣло въ невѣрномъ свѣтѣ и утверждать небывлицу: будто спорять обо всемъ. Во-вторыхъ, сколько извѣстно, ученый споръ въ кругу образованныхъ людей не только не вызываетъ злораднаго чувства, а напротивъ живо ихъ интересуетъ и привлекаетъ къ себѣ самыя лучшія человѣческія симпатіи. И наконецъ, въ-третьихъ, сколько ни было-бы спорныхъ вопросовъ, къ нимъ во всякомъ случаѣ не принадлежитъ ни одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ Моск. Вѣд. объявили войну наукѣ.

Тѣмъ не менѣе *эта* война не представляетъ ничего новаго ни въ печати, ни въ практической жизни. Ее всегда встрѣчали на своемъ пути, какъ ученые такъ и государственные люди, занимавшіеся рѣшеніемъ бумажно-денежнаго вопроса. Взгляды науки всегда встрѣчали злобное настроеніе въ тѣхъ кругахъ, которые свои эгоистическіе интересы ставятъ выше интересовъ страны. Къ нимъ принадлежатъ: нѣкоторая, наименѣе благоразумная и солидная, доля изъ партіи протекціонистовъ и вся совокупность „спекулянтовъ“, которыхъ многіе рады весьма ирраци.

Какія-бы ни были дѣли, преслѣдуемая Моск. Вѣд., простое самозуваженіе должно было-бы внушить имъ хоть столько сдержанности, сколько требуется для спокойныхъ отношеній къ наукѣ. Газетными статьями вѣдъ всего менѣе опровергаются ея доктрины. Нападки на науку обличаютъ лишь полемическую неукѣлость, которою объясняется и неразборчивость въ выборѣ союзниковъ. Говоримъ *это*, чтобъ выгородить политическую тенденцію Моск. Вѣдомостей, какъ неповинную, можетъ быть, въ ихъ враждѣ къ наукѣ.

Обратимся теперь къ самой этой тенденціи.

Моск. Вѣд. недовольны тѣмъ, что въ послѣднюю войну существовали люди, которые ее находили рановременною, исходя изъ нашихъ финансовыхъ условій. Противъ нихъ-то Моск. Вѣд. и направляютъ теперь новый аргументъ: смотрите-де, наши финансы были плохи и воевать мы могли только на бумажныя деньги, но изъ этого *не вышло ничего дурнаго*; даже напротивъ, бумажныя деньги намъ *теперь* очень полезны.

Умно-ли разсуждать такъ? Во-первыхъ: только ужъ очень легковѣрные люди согласятся съ тѣмъ, что изъ бумажно-денежныхъ выпусковъ ничего дурнаго не вышло. Судя по выпускамъ всякаго рода бумагъ, правительство ради войны себя обременило массою обязательствъ въ 1200 милл. кр. руб. Расходы на эту сумму производились главнымъ образомъ за границею, потому ихъ нужно переоцѣнить на металлическіе рубли. По такой переоцѣнкѣ война обошлась въ 800 милл. мет. рублей ¹⁾. Слѣдовательно, правительство вынуждено было для послѣдней войны обременить себя *излишней* массою обязательствъ въ 400 милл. рублей и на эту сумму ввести страну въ убытокъ по одному только тому, что воевать приходилось на обесцѣненныхъ бумажныя деньги.

Это-ли не зло?

Во-вторыхъ: ожидающія насъ послѣдствія новыхъ бумажныхъ денегъ, въ самомъ лучшемъ для Моск. Вѣд. случаѣ, могутъ быть предметомъ спора. Основательно-ли тогда въ спорѣ, въ которомъ наука многократно принимала участіе и изъ котораго она *всегда* выходила стороною торжествующею, объявлять себя на сторонѣ противниковъ науки? Не значить-ли это самымъ поверхностнымъ образомъ дискредитировать свои политическія тенденціи?

И, наконецъ, въ-третьихъ: Москов. Вѣд. не замѣтили, что своимъ отношеніемъ къ финансовой сторонѣ дѣла, онѣ наносятъ защищаемой ими политической тенденціи такой ударъ, на какой ихъ противники совсѣмъ не могли-бы рѣшиться уже изъ простаго уваженія къ той-же тенденціи. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ которые полагали, что послѣдняя война была рановременна или несвоевременна, этимъ лишь выражали убѣжденіе, что наши усло-

¹⁾ Сумма эта совпадаетъ съ цифрою стоимости первой восточной войны по преувеличенной оцѣнкѣ заграничныхъ писателей (3183 милл. франковъ или 796 милл. рублей). Срв. *Leroy-Beaulieu, Les guerres contemporaines, Paris 1869, p. 118.* Попытка болѣе точнаго исчисленія привели меня къ заключенію, что эта война *не могла* стоить больше 600—625 милл. рублей.

вѣ допускали надежду на возможность той-же войны при болѣе благоприятныхъ финансовыхъ средствахъ. По отношенію-же къ этой мысли аргументація Моск. Вѣдомостей сводится къ совершенному отрицанію, чтобъ когда-бы то ни было, даже въ будущемъ, мы досрости-бы до способности вести войну при сколько нибудь сносныхъ финансовыхъ условіяхъ; ибо иного смысла не можетъ имѣть утѣшеніе, предлагаемое Московскими Вѣдомостями: что-де все равно, и обезцѣненные бумажныя деньги тоже отличное средство.

Между тѣмъ именно въ послѣднюю войну наши финансовыя силы весьма наглядно показали, что онѣ вполне заслуживали лучшаго мнѣнія о нихъ, чѣмъ какой лежитъ въ основѣ умствованій Моск. Вѣдомостей. Наглядное доказательство это—фактъ, что несмотря на бумажно-денежное обращеніе въ 1200 милл. кредитные билеты во время войны не потеряли болѣе одной трети своей цѣны, тогда какъ въ былое время въ половину меньшее обращеніе давало уже бумажный рубль, терявшій три четверти своей цѣны. Это доказываетъ, что въ странѣ выросла сила, которою бумажный рубль и поддерживался. Для объясненія этой силы, нѣтъ надобности прибѣгать къ чудесамъ: 19 февраля 1861 года дастъ достаточное объясненіе. О существованіи означенной силы всякій знаетъ по другому финансовому послѣдствію 19 февраля, которое, какъ и приведенное, можно назвать въ полномъ смыслѣ слова—*величественнымъ*: по увеличенію податной силы въ освобожденной Россіи, сравнительно съ крѣпостною эпохою ¹⁾. При *такихъ* свидѣтель-

1)

Годы.	Государ. доходы въ милліонахъ.			Госуд. расходы въ милліонахъ.		Годы.	Государ. доходы въ милліонахъ.			Госуд. расходы въ милліонахъ.	
	Кред. р.	Мет. р.	Металл. монеты въ кредит. руб.	Кред. р.	Мет. р.		Кред. р.	Мет. р.	Металл. монеты въ кредит. руб.	Кред. р.	Мет. р.
1851	224.9	220.3	97.9	280.8	275.1	1867	419.8	355.4	84.6	424.9	359.6
1852	248.3	245.0	98.8	280.3	276.6	1868	421.8	358.3	84.9	441.3	374.4
1853	261.9	261.5	99.8	313.1	312.4	1869	457.5	362.3	79.1	468.8	371.0
1854	260.5	245.9	94.2	383.8	361.7	1870	480.5	368.6	76.8	485.8	372.5
1855	261.1	245.8	93.0	526.0	489.3	1871	508.3	420.6	82.8	499.7	414.0
1856	353.6	348.3	98.4	619.4	609.1	1872	528.1	443.0	81.7	522.4	442.1
1857	309.4	297.6	96.3	347.9	335.1	1873	537.9	451.9	84.9	539.1	452.8
1858	358.4	333.3	93.1	363.4	338.0	1874	557.7	480.4	86.1	543.8	467.8
1859	344.7	312.2	90.6	350.5	317.7	1875	576.5	489.3	84.8	543.8	460.5
1860	386.9	358.0	92.5	438.2	405.1	1876	559.3	446.5	79.9	564.8	451.4
Итого.	3,012.7	2,867.5	—	3,903.9	3,720.0	Итого.	5,042.1	4,176.4	—	5,038.0	4,165.7

ствяхъ о финансовой почвѣ правительства, не только благоразумиѣ, но и патристичѣ, даже для Московскихъ Вѣдомостей, признать, что ивѣщуюся, еще юную силу должно беречь, что ей нужно дать окрѣпнуть и лишь потомъ ей предъявлять требованія, ей доступныя. Само собою разумѣется, что ми во всемъ этомъ нисколько не касаемся вопроса: въ какой степени послѣдняя война была въ политическомъ отношеніи *неизбѣжна*. Это совсѣмъ другой вопросъ, не ивѣщій ничего общаго съ экономической выгодностью войны.

При той-же точкѣ зрѣнія, на которой теперь стоятъ Московскія Вѣдомости, оказывается совершенно безразличнѣ, много-ли или мало производительныя силы страны могли одѣлать для поддержанія бумажнаго рубля. Фактъ, что этотъ рубль былъ поддержанъ, Моск. Вед. относить на счетъ совершившагося „чуда“. Такимъ образомъ всякій поводъ для земныхъ заботъ о его втореніи, всякій поводъ говорить о земномъ его основаніи совершенно устраняется. Или, выражаясь ближе къ мысли Московскихъ Вѣдомостей: ивѣсто того, чтобы полагаться на сдѣйствіе науки для выясненія нашей финансовой обстановки, гораздо лучше положиться на „авось да небось“? Къ этому только, дѣйствительно, и сводятся разсужденія Мос. Вѣд.

Какъ-же однако быть съ ризкомъ, съ которымъ неизбѣжно связано „авось“? Нельзя-же совсѣмъ обходить его молчаніемъ.

Во время послѣдней войны производительныя силы страны оказали наимѣнь экстраординарнымъ финансамъ громадную услугу, поддерживавъ и отстоявъ двѣ трети цѣны бумажнаго рубля. Совершенно неожиданнаго въ этомъ дѣлѣ было мало для того, кто изучалъ ходъ и обстановку нашей экономической жизни съ 1861 года. Услуга, оказанная *экстраординарнымъ* финансамъ въ послѣднюю войну, была лишь *продолженіемъ* той сильной поддержки, которую силы страны оказывали предъ войною, особенно въ 1867—75 годахъ, *ординарнымъ* финансамъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе крѣпостной эпохи государственные расходы составляли 3720 милл. мет. руб., но доходы тогда составляли лишь 2867¹/₂ милл. мет. руб., то-есть давали дефицитъ въ 852¹/₂ милл. мет. руб. (въ этотъ дефицитъ входят и расходы на восточную войну). Напротивъ, въ 1867—76 годахъ расходы могли еще увеличиться на 445³/₄ милл. мет. руб. и простирались до 4165³/₄ милл. руб. и тѣмъ не менѣе возрастаніе государственныхъ доходовъ было еще болѣе сильное, простираясь до 4176³/₈ милл. мет. рублей. Или иначе: въ ближайшее десятилѣтіе послѣ 19 февраля 1861, сравнительно съ предидущимъ десятилѣтіемъ, податные доходы возрасли на 1309 милл. мет. р. или на 45%, почти на половину.

Говорю здѣсь не о податяхъ, а все о томъ-же бумажномъ рублѣ. Многие-ли у насъ задумывались надъ вопросомъ: имѣла-ли крѣпостная реформа какое-нибудь вліяніе на цѣнность кредитныхъ билетовъ? Его отчасти коснулася проф. Вагнеръ въ своей книгѣ о русскихъ бумажныхъ деньгахъ. Но этотъ ученый имѣлъ для своихъ сужденій одни лишь факты тяжелаго переходнаго періода 1862—66 годовъ, и его заключеніе вышло грустиннѣе. Совершенно иная пора настала съ 1867 года. Факты этой поры показываютъ, что если до 1867 года накопилось достаточно условій для губительнаго вліянія на цѣнность бумажнаго рубля, то поворотъ, тогда совершившійся въ экономическомъ развитіи страны, почти совсѣмъ парализовалъ означенныя губительныя вліянія. При всѣхъ натяжкахъ нѣтъ возможности считать обезцѣненіе бумажнаго рубля въ десятилѣтіе, предшествовавшее послѣдней войнѣ, превышающимъ 15%. Восемьдесятъ пять процентовъ, или около пяти шестыхъ цѣны бумажнаго рубля были сохранены, какъ ни трудна была такая задача уже только потому, что кредитныхъ билетовъ обращалось на 700—800 милл. рублей, — какъ ни губельны для народной предприимчивости оказывались болотные огни этихъ милліоновъ. Много-ли случаевъ въ экономической исторіи народовъ, въ которыхъ борьба производительныхъ стараній страны съ злыми вліяніями бумажныхъ денегъ давали-бы такіе блестящіе результаты? Сознаемся: при самыхъ внимательныхъ розыскахъ, мы совсѣмъ не могли найти такихъ случаевъ, которые сколько-нибудь приближались-бы къ нашему опыту, уже вслѣдствіе того, что мирной эпохи съ циркуляціею неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ 700—800 милл. рублей (даже лишь номинально) нельзя найти ни въ какой исторіи, кромѣ русской. Таковой задачи, какъ поддержаніе цѣнности неразмѣннаго бумажнаго обращенія въ 700—800 милл. рублей никогда еще не было поставлено ни въ какой странѣ, кромѣ нашей ¹⁾.

И такихъ-то услугъ мы даже и сознавать не пожелаемъ-бы?

¹⁾ Главнымъ образомъ на основаніи нашего опыта 1867 и слѣд. былъ написанъ весь (61) § о *борьбѣ между природою бумажныхъ денегъ и народно-хозяйственною производительностью изъ за цѣны бумажныхъ денегъ* въ моемъ сочиненіи: «Кредитъ, банки и денежное обращеніе». Спб. 1873, стр. 615—674. Само собою разумѣется, однако, что «своеобразія» нашей жизни не дали мнѣ никакого повода уклониться, въ чемъ-бы то ни было существенномъ, отъ началъ «ходячей доктрины».

Такия услуги мы стали-бы подвергать всѣмъ случайностямъ слѣдующаго риска?

Если-бы даже мы этого и пожелали, — то теперь исчезла или сильно уменьшилась уже одна простая *физическая возможность* для подобнаго безумія. „Счастливыя случайности“ уже сильно исчерпаны. Если то, что произошло до послѣдней войны и во время ея, произошло „неожиданно“, то все то, чего теперь можно ожидать, если мы опять сложимъ руки будемъ относиться къ бумажнымъ деньгамъ, нѣтъ въ шансахъ на дурной исходъ.

Потерей безъ проигрышей не существуетъ. Поэтому всякое испытываніе судьбы, даже у игроковъ, если они благоразумны, нѣтъ свои предѣлы. Поэтому-же, даже если-бы послѣдняя война не вызвала-бы увеличенія бумажно-денежнаго обращенія, то пора было-бы облегчить страну отъ бремени вѣчнаго страха за цѣнность (то-есть жизнь) ея единственнаго орудія обращенія. Но эта задача въ настоящее время стала еще тяжелѣе прежняго: первые выпуски для нужды послѣдней войны требуютъ отъ страны не только прежнихъ жертвъ, но еще на половину болѣе. Намъ приходится бить въ положеніи игрока, который послѣ ряда громадныхъ выигрышей не только не приостанавливаетъ игры, но ожидаетъ отъ насъ новыхъ выигрышей, въ то время всегда ему угрожаетъ потеря даже прежнихъ выигрышей.

Останется, однако, на почвѣ политической тенденціи: *Моск. Вѣдомостей*. Опасное положеніе, въ которое насъ поставили новѣйшіе выпуски, въ настоящее время важно не только своею экономическою, но еще болѣе своею политической стороною.

Въ послѣднюю войну мы изъ за бумажныхъ денегъ не расходовали безпечно только 400 милл. рублей. Говорю: только, ибо насъ выручило счастливое обстоятельство, что предъ войною даже долгое время составлялъ лишь 15%, поэтому его возвышеніе до 50 и 60%, будучи очень сильнымъ, было достаточно, чтобъ отразить все вліяніе войны. Въ какомъ-же положеніи мы находимся теперь? Развѣ мы застрахованы теперь отъ всякаго такого случая, въ которомъ финансовая почва должна быть принята во вниманіе для активной вѣднней политики? Вѣдь такой случай въ какомъ-бы ни было „далекомъ будущемъ“ все-таки еще можетъ возникнуть? А на такой „случай“ весьма не лишне сообразить напередъ, что начать военные расходы послѣ періода съ лажемъ въ 15% и послѣ періода съ лажемъ въ 60% — далеко не одно и то же. Чѣмъ

выше лажъ, тѣмъ онъ легче еще дадѣе возвышается. Недавно мы видѣли, до какой степени онъ въ Россіи сдѣлался чувствительнымъ: онъ сталъ указателемъ извѣстій о чумѣ. Еслибъ оказалась надобность въ новомъ такомъ-же выпускѣ, какой сдѣланъ въ 1877—78 годахъ, то кредитные билеты ожидаетъ участь ассигнацій: ихъ выпускъ должны вести къ обремененію казначейства массою обязательствъ, которыя, съ одной стороны, будутъ представлять однѣ только чистыя потери для страны, а съ другой — неминуемо должны вести къ *безусловной невозможности ихъ исполненія*.

Именно съ политической точки зрѣнія всего необходимѣе помнить, что послѣдняя война испортила и опустошила, сдѣлала безплоднымъ — даже тотъ нашъ ресурсъ, который заключался въ бумажно-денежныхъ выпускахъ. И это она сдѣлала еще прежде, чѣмъ означенный ресурсъ былъ сколько-нибудь рационально приготовленъ для служенія нуждамъ государственной необходимости.

Въ этомъ смыслѣ наше положеніе предъ первою восточною войною было благоприятнѣе, чѣмъ предъ послѣднею войною. И тогда, какъ теперь (хотя и по различнымъ причинамъ) для экстраординарныхъ нуждъ расчетъ могъ быть только на услуги бумажныхъ денегъ. Но въ первую восточную войну насъ *спасла* (въ буквальномъ смыслѣ слова) какриновская реформа ассигнацій; ибо, не трудно себѣ представить, какое тогда было-бы наше положеніе, еслибъ реформа, которая ждала своей очереди съ 1816 года по 1839 г., то есть 23 года, имѣла-бы терпѣніе (такового у насъ въ ту пору было вообще болѣе, нежели достаточно) ждать еще 15 лѣтъ, до 1854 года. Крымская война насъ въ такомъ случаѣ застала-бы съ бумажнымъ обращеніемъ въ 590 милл. и съ бумажнымъ рублемъ въ 25 металл. копѣекъ. Могло-ли бы въ такомъ случаѣ правительство выпускомъ въ 400 милл. добыть на 400-же милліоновъ *металлическихъ* рублей? Очевидно нѣтъ. Крѣпостная Россія и 590 милл. выносила, обезцѣнивая ихъ на 75%. Для своихъ нуждъ, поэтому, правительство вынуждено было-бы выпустить на 1000 или болѣе милліоновъ новыхъ ассигнацій; а о цѣнѣ этихъ ассигнацій трудно теперь составить даже и приблизительное представленіе, до чего она должна была-бы дойти. И вслѣдствіе того первую восточную войну намъ пришлось-бы кончить съ такимъ колоссальнымъ финансовымъ банкротствомъ, предъ которымъ обычныя водуханія, припоминанья о томъ времени, навны.

Отъ этого банкротства насъ спасло одно лишь: то, что предъ

первою восточною войною кредитный рубль былъ равенъ металлическому рублю. Благодаря этому правительство могло выпускомъ въ 400 милл. добыть реальныхъ капиталовъ на такую-же сумму и никакихъ бесплодныхъ обязательствъ и потерь, съ какими связана была послѣдняя война, въ ту эпоху не было.

Теперь-же мы находимся какъ разъ въ томъ положеніи, въ какомъ предъ первою восточною войною *находились-бы, еслибъ* канкринская реформа ей не предшествовала. Новой войны приходится опасаться единственно лишь отъ того, что неизбежно связаннае съ нею новые выпуски бумажныхъ денегъ обременять казначейство такою массою обязательствъ, которой выполнение вѣдъ всякой человѣческой возможности.

Московскія Вѣдомости облегчаютъ себѣ сужденіе объ этомъ предметѣ, возобновляя карамзинскія сомнѣнія въ томъ, представляютъ-ли бумажныя деньги государственный долгъ? Съ точки зрѣнія историческаго и дѣйствующаго законодательства, однако, такого *вопроса* въ нашемъ финансовомъ правѣ *совсѣмъ нѣтъ*. Въ Полное Собраніе Законовъ вошли манифесты, признавшіе бумажныя деньги государственнымъ долгомъ и сохранившіе всю свою силу. Кредитные-же билеты дѣйствующимъ нашимъ законодательствомъ рассматриваются еще строже, нежели до нихъ смотрѣли на ассигнаціи. На cadaго предъявителя кредитныхъ билетовъ законъ смотритъ, какъ на довѣрившаго государственному казначейству *вкладъ золотую или серебрянною монетою*, вкладъ *для храненія*, подлежащей возврату немедленно по востребованію. Такимъ образомъ кредитные билеты поставлены на одну доску съ *сохранною роспискою*. Очевидно, что послѣ этого разсуждать о томъ, лежатъ-ли на казначействѣ обязательства по кредитнымъ билетамъ, все равно, что воду толочь.

Допустимъ однако на минуту, что въ этомъ пунктѣ наше законодательство могло-бы быть и менѣе категорическимъ. Въ такомъ случаѣ нежеланіе Моск. Вѣд. признать бумажныя деньги государственнымъ долгомъ приходилось-бы понимать въ смыслѣ косвеннаго сознанія, что ихъ политическія тенденціи для нихъ самихъ немислимы безъ государственнаго банкротства.

Пора-же, наконецъ, особенно воинствующимъ органамъ нашей печати, серьезно и внимательно остановиться на выраженіи, которое въ послѣдніе два года часто употреблялось, но въ которомъ яснаго отчета никто себѣ не отдастъ. Въ это время много и часто говорили, что „война насъ застала неготовыми“

къ ней и въ финансовомъ отношеніи“. Но — что значитъ быть въ финансовомъ отношеніи готовымъ къ войнѣ?

Нужно сильно сожалѣть, что этого вопроса наша печать никогда не разбирала. Разсмотрѣніе его дало-бы весьма любопытный результатъ. Оно показало-бы, что даже при полной готовности стать на точку зрѣнія воинствующихъ, при всемъ желаніи найти оправданіе для каждаго ихъ тезиса, даже когда удается найти возраженіе на каждое соображеніе, представляемое противъ нихъ, — словомъ даже когда защита ихъ ведется не такъ легкомысленно и поверхностно, какъ это дѣлаютъ Моск. Вѣдомости, а съ полною возможностью привлечь на помощь весь аппаратъ жизненнаго опыта и литературныхъ указаній, — все таки выводъ получается такой, относительно котораго совершенно невозможно сказать, серьезень-ли онъ, или онъ представляетъ самую злую иронию?

Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ „быть въ финансовомъ отношеніи готовыми къ войнѣ“? Можно-ли быть „готовымъ“ къ чахоткѣ, къ болѣзни рака, къ перелому ноги или руки? Всякими гигиеническими и санитарными мѣрами можно воспрепятствовать болѣзни проникнуть въ извѣстную среду. Такъ точно можно мирною политикою воспрепятствовать войнѣ возгорѣться. Но если кто чахоткою уже заболѣлъ, если война возгорѣлась, — то медику и дипломату остается одинаковая задача: постараться, чтобъ зло возможно меньше длилось, чтобъ оно скорѣе кончилось, надѣлавъ меньше вреда. Несомнѣнно, что тогда оказываются весьма существенными факты, въ которыхъ выражается, заболѣлъ-ли субъектъ крѣпкій или слабый, воюетъ-ли страна съ хорошими или плохими экстраординарными финансами: успѣхи медика и дипломата главнымъ образомъ зависятъ отъ этихъ фактовъ. Только въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ, слѣдовательно, имѣетъ смыслъ и вопросъ о финансовой подготовленности къ войнѣ.

Въ чемъ-же заключаются хорошіе и плохіе экстраординарные финансы? Для сужденія объ этомъ существуетъ лишь одинъ признакъ: возможность во время войны избѣгнуть бумажно-денежныхъ выпусковъ или необходимость къ нимъ прибѣгнуть. Если правительство чрезвычайными налогами или нормальными займами, долгосрочными или краткосрочными, въ состояніи добыть всѣ средства, потребныя для военныхъ расходовъ, то его экстраординарные финансы хороши. Если-же чрезвычайные налоги и нор-

мальные займы оказываются невозможными и приходится обращаться къ выпуску неразвѣнныхъ бумажныхъ денегъ, то экстраординарные финансы—плохи.

Вросимъ же бѣглий взглядъ на современное состояніе экстраординарныхъ финансовъ въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ.

Что касается чрезвычайныхъ налоговъ, то извѣстно, что до сихъ поръ, какъ ресурсы для войны, они оказывались возможными въ одной лишь Англии. Страна эта и въ XVIII ст. уже въ состояніи была нѣкоторую часть военныхъ расходовъ покрывать средствами отъ налоговъ, даже въ продолжительную войну 1793—1815 гг., стоившую Англии по официальному исчисленію 831 $\frac{1}{2}$ милл. ф. ст. (5 $\frac{1}{5}$ миллиарда метал. рубл.), налогами покрыта была часть этихъ расходовъ въ 391 милл. ф. ст. (2460 милл. мет. р.). Изъ расходовъ восточной войны, составлявшихъ для Англии 69 $\frac{1}{3}$ милл. ф. ст. (435 милл. мет. руб.) налогами покрыта часть въ 29 $\frac{1}{2}$ милл. ф. ст. (185 $\frac{1}{2}$ милл. руб.). Въ настоящее время способность страны вынести чрезвычайные налоги еще болѣе возросла противъ прежняго времени, благодаря многочисленнымъ податнымъ преобразованіямъ. Со времени восточной войны упразднено всякаго рода налоговъ: таможенныхъ пошлинъ, дававшихъ 16 $\frac{3}{4}$ милл. ф. ст. (105 $\frac{2}{3}$ милл. мет. р.), акцизныхъ сборовъ на 2 милл. ф. ст. (12 $\frac{1}{2}$ милл. руб.), подоходнаго налога на 7 $\frac{1}{2}$ милл. ф. (47 $\frac{1}{4}$ милл.), иныхъ прямыхъ налоговъ на 1 $\frac{3}{4}$ милл. ф. (10 $\frac{2}{3}$ милл. р.). Попятно, что эти *отмены* для военныхъ финансовъ имѣютъ не отрицательное, а *положительное* значеніе: онѣ *создаютъ* для чрезвычайныхъ надобностей *податные запасы*. Такъ, таможенные пошлины на сахаръ давали въ 1863 году 6.428,000 ф. (40 $\frac{1}{2}$ милл. р.); упраздненіемъ ихъ созданъ податной запасъ, которымъ правительство легко и скоро можетъ воспользоваться, какъ только въ томъ представится надобность. Или: въ 1857, 1863 и 1865 годахъ упразднено сборовъ чая всего на 4.911,000 ф. (31 милл. р.). Это другой весьма удобный и обильный запасъ. Еще болѣе важное значеніе въ указываемомъ отношеніи въ Англии имѣетъ подоходный налогъ. Въ 1856 году онъ для войны далъ 16.915,000 ф. (106 милл. руб.) при окладѣ въ 16 пенсовъ съ фунта стерл. (6 $\frac{2}{3}$ коп. съ рубля) и при суммѣ объявленныхъ доходовъ въ 313 милл. ф. ст. (1968 милл. руб.). Въ 1876 году окладъ составлялъ 3 пенса

(1 ¹/₄ коп. съ рубля) при суммѣ объявленныхъ доходовъ въ 579 ¹/₂ милл. ф. ст. (около 3800 милл. р.) и налогъ давалъ лишь 4.109,000 ф. (25.852,000 руб.). Слѣдовательно, восстановление оклада 1856 года нынѣ доставило-бы свыше 31 милл. ф. (195 милл. мет. р.). Что-же касается втораго экстраординарнаго ресурса, займовъ, то извѣстно, что въ отношеніи ихъ Англія обставлена наиболѣе благспріятно. Всего важнѣе въ этомъ отношеніи преимущество, котораго успѣла добиться только она одна: ея территория вотъ уже скоро двѣсти лѣтъ какъ унадобилась „священной территоріи“, на которой *войны не бываетъ*. Это — самый цѣнный изъ экстраординарныхъ финансовыхъ ресурсовъ. Только благодаря ему, блага денежнаго рынка Англіи никогда не изсякаютъ для ея правительства. А между тѣмъ эти блага сами достигли колоссальныхъ размѣровъ. По исчисленіямъ двухъ извѣстнѣйшихъ современныхъ статистиковъ Англіи, гг. Ньюмарча и Джифена, съ 1864 года въ Англіи образовывалось новыхъ капиталовъ ежегодно на 240 милл. ф. ст. (1 ¹/₂ миллиарда р.). „Налоги“, говоритъ г. Джифенъ, „въ громадныхъ размѣрахъ (to an immense amount) могли бы быть теперь увеличены, и все-таки доля, взятая правительствомъ отъ доходовъ съ капитала, оставила-бы нетронутымъ богатство, которое страна накопила до 1865 года.... Въ 1815 году война была окончена при государственномъ долгѣ въ 900 милл. ф. (5 ²/₃ миллиарда руб.) и при суммѣ капиталовъ страны въ 2200 милл. ф. (13 ⁴/₅ миллиард. руб.); проценты по долгу равнялись *одной трети* доходовъ страны отъ всѣхъ ея капиталовъ. Нынѣ же масса капиталовъ нашихъ возросла до 8 ¹/₂ миллиардовъ фунтовъ (53 ¹/₂ миллиарда руб.) при государственномъ долгѣ въ 778 милл. ф. (около 5 миллиардовъ руб.) ¹⁾; проценты по долгу равняются едва *одной двадцать-второй* долѣ доходовъ страны отъ ея капиталовъ. Чтобы теперь государственный долгъ находился въ такой-же пропорціи къ капиталамъ страны, какъ въ 1816 году, ему нужно было-бы составлять не 778 милл. ф., а 3000 милл. фунтовъ (18 ⁴/₅ миллиард. руб.), проценты-же по нему должны были-бы составлять не 21 милл., а 100 милл. фунт. стерлинг. (629 милл. рублей)“.

Какъ-бы ни были велики военные инстинкты Европы, они

¹⁾ Отъ 31-го марта 1858 г. къ 31-му марта 1878 г. государственный долгъ Англіи уменьшился на 51 ¹/₅ милл. ф. ст. (326 милл. руб.).

едва-ли могутъ возжечь столько войнъ, сколько необходимо для того, чтобъ проценты по государственному долгу Англіи могли возрасти на 80 милл. ф. (503 милл. р.)¹⁾. —

И нѣсколько подробнѣе остановился на цифрахъ, относящихся къ Англіи и особенно къ ея чрезвычайнымъ податнымъ средствамъ, потому что, во-первыхъ, приведенныя данныя дають наглядное представленіе о томъ, когда экстраординарные ресурсы можно назвать хорошими. Во-вторыхъ, Англія — *единственная* европейская страна, для которой чрезвычайные временные налоги составляютъ экстраординарный ресурсъ. Остальныя-же европейскія государства этого ресурса лишены. Единственный ресурсъ, которымъ они могутъ покрывать военные расходы, заключается только въ государственныхъ долгахъ. Въ отношеніе налоговъ преимущества болѣе богатыхъ странъ состоятъ лишь въ томъ, что онѣ могутъ болѣе или менѣе скоро установить всѣ тѣ налоги, которыми уплачиваются проценты по долгамъ, заключеннымъ для покрытія военныхъ расходовъ. Конечно, эти налоги уже не временные, а должны существовать, пока не уплачены долги, ихъ вызвавшіе.

Континентально-европейскія государства въ дѣлѣ экстраординарныхъ ресурсовъ, располагаются въ томъ порядкѣ, въ которомъ различныя условія болѣе или менѣе имъ благопріятствуютъ, когда они становятся въ зависимости отъ денежнаго рынка. На первомъ планѣ и выше остальныхъ стоитъ Франція. Благодаря собственному, богатому денежному рынку, она въ состояніи была въ первую восточную войну представить чуть-ли не первый примѣръ финансовой самостоятельности современнаго континентально-европейскаго государства. Весь расходъ на эту войну (415 милл. мет. р.) былъ покрытъ займами, сопровождавшимися блестящими подписками и дѣйствительно свидѣтельствовавшими о большой финансовой силѣ страны. Ренты было созданы на 71.711,000 франк. (17.978,000 руб.) на нарицательный капиталъ въ 2.201.446,800 франк. (550 милл. руб.), съ реализованною суммою въ 1.538.942,900 фр. (384³/₄ милл. р.). То-есть: трехпроцентная бумага была реализована по 69,87 (въ Англіи въ тоже время

¹⁾ Данныя объ Англіи взяты изъ большаго парламентскаго отчета 1869 года о государственныхъ доходахъ и расходахъ Англіи съ 1868 по 1868 гг. и изъ Stat. abstract. Статьи гг. Джиффена и Ньюмарча напечатаны въ Журналѣ Лондонскаго Статист. Общества за 1878 годъ. Перечисленія англійскихъ денегъ слѣданы на русскіе металлическіе рубли, принимая ф. ст. въ 6 р. 28³/₄ коп.

на 26% выгоды). Дѣйствительный процентъ, въ который займы обошлись, составлялъ тогда во Франціи $4\frac{2}{3}\%$ (въ Англіи лишь 3.43%). Напротивъ, новыхъ налоговъ по поводу войны было установлено: косвенныхъ на 75 милл. фр., на цѣнные бумаги 14 милл. и на провозъ по желѣзнымъ дорогамъ $12\frac{1}{2}$ милл., всего—на $101\frac{1}{2}$ милл. фр. или $25\frac{1}{3}$ милл. рубли (на $58\frac{4}{5}$ милл. мет. р. или $3\frac{1}{3}$ раза менѣе, чѣмъ въ то же время новыхъ налоговъ было установлено для войны въ Англіи ¹⁾). Въ началѣ войны 1870 года значительный успѣхъ большого займа, заключеннаго въ августѣ, показали, что и для новой войны Франція продолжаетъ располагать обильнымъ источникомъ. Но скоро обнаружилось, что благоприятное положеніе экстраординарныхъ ресурсовъ Франціи *очень условно*. Именно, оно зависитъ отъ того, *гдѣ* происходитъ война: внѣ-ли страны или въ ней самой. Какъ только Пруссаки перенесли театръ войны на французскую территорію и одержали свои первыя побѣды, весь видъ экстраординарныхъ финансовъ Франціи перетерпѣлъ самую коренную перемену: оказалось что не только ресурсъ внутреннихъ займовъ испарился и долженъ былъ уступить мѣсто заграничному (моргановскому) займу, заключенному на тяжелыхъ условіяхъ, но случилось гораздо худшее: пришлось прибѣгнуть къ выпуску неразмѣнныхъ кредитныхъ знаковъ.

Переходя къ Германіи, то-есть — главнымъ образомъ къ Пруссіи, мы въ ней не найдемъ обилія экстраординарныхъ финансовыхъ ресурсовъ. Налоги здѣсь даже въ обыкновенномъ бюджетѣ еще не играютъ той господствующей роли, которую они получили въ Англіи и Франціи: это происходитъ главнымъ образомъ благодаря хорошо сохраннымъ сельско-хозяйственнымъ, лѣснымъ и горно-заводскимъ государственнымъ имуществамъ и казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, образцово эксплуатируемымъ. Если даже во время мира налоги представляютъ еще недостаточно развитой финансовый ресурсъ, то о нихъ совсѣмъ не можетъ быть рѣчи, какъ объ экстраординарномъ, военно-финансовомъ источникѣ. Въ отношеніи же кредита, имѣется опытъ, что Прусское правительство въ эпохи войнъ всегда должно было мириться съ болѣе или менѣе сильною неудачею займовъ, къ которымъ

¹⁾ P. Leroy-Beaulieu, Les guerres contemporaines pp. 112—114; Block. Stat. de la France, ed. 1875, I, 403—404; Annuaire d'ec. pol. 1871—72 pp. 770—771; сравненія съ Англіею мною сдѣланы на основаніи вышеуказанныхъ англійскихъ официальныхъ источниковъ.

оно прибѣгало. Уже въ началѣ войны 1870 года особенно бросалось въ глаза менѣе благопріятное положеніе Германіи въ отношеніи кредита, сравнительно съ Франціею. Почти одновременно въ Парижѣ и Берлинѣ были объявлены займы: въ первомъ 3%-ный, рентою, на 200 милл. мет. руб., во второмъ краткосрочный, всего на три года, 5%-ный и лишь на 92²/₃ милл. мет. руб. Тѣмъ не менѣе французскій заемъ былъ въ два дня покрытъ съ блестящимъ успѣхомъ и съ дѣйствительнымъ процентомъ по займу въ 4,95; напротивъ, прусскій заемъ потерялъ фiasco, былъ покрытъ лишь частью въ 63 милл. руб., да и то лишь по 88, то-есть съ дѣйствительнымъ процентомъ въ 5,62. Еслибъ Пруссія не имѣла запаснаго капитала казначейства (Staats-Schatz), то она уже для покрытія расходовъ мобилизаціи должна была-бы прибѣгнуть къ бумажно-денежнымъ выпускамъ ¹⁾. Послѣдующіе займы тоже не свидѣтельствовали о большихъ военно-финансовыхъ силахъ. Прусское правительство главнымъ образомъ должно было разсчитывать на заграничный (англійскій) денежный рынокъ и примираться съ условіями, которыя далеко не соответствовали успѣхамъ германскаго оружія. Неудивительно въ такомъ случаѣ, что въ вѣроятной необходимости бумажныхъ денегъ въ Пруссіи не сомнѣвались уже при самомъ началѣ войны. *Одновременно* съ вышеупомянутымъ займомъ, въ тотъ-же день 21-го іюля 1870 года были установлены бумажныя деньги, въ видѣ „ссудныхъ свидѣтельствъ“, которыхъ очень скоро и было выпущено на 90 милл. марокъ. Это, конечно, немного; но только благодаря тому, что Вертъ недолго заставилъ себя ждать. Съ перенесеніемъ театра войны на французскую территорію, богатства послѣдней стали обильнымъ финансовымъ ресурсомъ, изъ котораго Германія могла черпать то, что иначе пришлось-бы черпать изъ бумажно-денежныхъ выпусковъ. По исчисленію-же кантональных комиссій нѣмцы получили на французской территоріи отъ налоговъ, реквизицій, частныхъ-мѣстныхъ контрибуцій (безъ парижской) и отъ иныхъ насильствъ 680.741,000 фр. или 170.185,000 руб. ²⁾. Если принять въ соображеніе экономность нѣмцевъ и ихъ умѣние

¹⁾ Это признаетъ даже А. Вагнеръ (Reichsfinanzwesen въ Holtzendorff's Jahrbuch III, 67—70). «Ohne den Staatsschatz wären wir in die grösste Verlegenheit gekommen, die vielleicht nur durch Papiergeldausgabe hätte beseitigt werden können».

²⁾ Официальный документъ объ этомъ перепечатанъ въ Ann. d'ec. pol. 1871—72, pp. 171—179.

обходиться меньшими суммами въ случаяхъ, когда даже французы и англичане швыряютъ очень большими суммами (доказательствъ очень много представила именно война 1870—1871 года)—или другими словами: если сообразить, что даже при необходимости сильнѣе пользоваться бумажно-денежнымъ ресурсомъ, Германіи врядъ-ли было-бы нужно по самымъ условіямъ войны прибѣгнуть къ суммѣ бѣдшей нежели 200 милл. рублей (вся совокупность военныхъ расходовъ Германіи въ 1870—71 гг. составляла лишь 517 милл. талер.), то положительно можно утвердить, что лишь случайность спасла Германію въ 1870—71 гг. отъ выпуска, *относительно* (для Германіи) весьма опаснаго, неуклоняющагося, напр., отъ обычныхъ размѣровъ австрійскихъ бумажно-денежныхъ выпусковъ.

Вышесказанное о Германіи внушило-бы, однако, читателю одностороннее представленіе о дѣлѣ безъ слѣдующей оговорки. Экстраординарные финансы Пруссіи и Германіи несомнѣнно хуже французскихъ; но они все-таки, какъ во Франціи, условно хороши. Условіе, отъ котораго зависитъ ихъ хорошее состояніе, прежде всего, тоже самое, отъ котораго оно зависитъ во Франціи: чтобы театръ войны былъ перенесенъ на непріятельскую землю. Другое условіе—специфическое прусское: нужно, чтобы непріятельская земля не была нищая, чтобы ею можно было попользоваться. Наконецъ третье условіе—тоже специфическое прусское, но уже очень похвальное: порядокъ и благоустройство, благодаря которымъ финансовыя потребности нѣмцевъ (ординарныя и экстраординарныя) сравнительно невелики. Всѣ остальные континентально-европейскія государства никогда не щадили своихъ финансовыхъ силъ. Международная политика для нихъ была игрою, въ которой считали возможнымъ часто дѣлать очень большія ставки, часто рисковать, не придавая большаго значенія проигрышу финансовому. Напротивъ Пруссія играла лишь очень рѣдко, рисковала еще менѣе и своими финансовыми силами какъ-нельзя болѣе дорожила. Поэтому ея финансовая исторія не представляетъ тѣхъ массъ безплодно выброшенныхъ денегъ, которыми изобилуютъ страницы финансовой исторіи другихъ государствъ. Ея расходы на вооруженныя силы были подготовленіемъ и собираніемъ ихъ на великое дѣло, которое правительство считало своимъ призваніемъ и которое систематически преслѣдовалось въ теченіи 200 лѣтъ. Поэтому о Пруссіи можно сказать, что въ 1862, 1866 и 1870 годахъ она расходовала не только чрезвычайныя воен-

ные кредиты бюджетовъ однихъ только этихъ годовъ, а *если* кредиты *если* бюджетовъ своихъ отъ 1845 года. Такъ какъ она до-нельзя экономиче и производительнѣе дѣлаетъ свои ординарные расходы на вооруженныя силы, то она и не нуждается въ колоссальныхъ экстраординарныхъ средствахъ при наступленіи войны. Только поэтому Пруссія такъ выгодно можетъ пользоваться своими побѣдами и въ финансовомъ отношеніи.

Объ остальныхъ континентально-европейскихъ государствахъ нѣтъ повода много распространяться. Россія и Австрія въ военственную вторую половину нашего вѣка не оказывались способными воевать, не прибѣгая всякій разъ къ бумажно-денежнымъ выпускамъ. Причина этого явленія формулируется кратко и ясно: у нихъ нѣтъ богатства Франціи и финансоваго благоустройства Пруссіи.

Отъ указаній фактическихъ обратимся теперь къ нѣкоторымъ общимъ соображеніямъ.

Наши экстраординарные финансы — слабы. Мы не въ состояніи воевать безъ содѣйствія бумажно-денежныхъ выпусковъ¹⁾. Но чѣмъ затруднительнѣе положеніе, изъ котораго приходится искать выхода, тѣмъ важнѣе смотрѣть ему прямо въ глаза, тѣмъ опаснѣе всякаго рода успокоительныя утѣшенія, ведущія лишь къ безплодной растратѣ послѣднихъ силъ и средствъ, еще остающихся въ распоряженіи. Въ дѣлѣ бумажноденежныхъ выпусковъ же всего опаснѣе, когда къ легкомыслію присоединяется еще лицемеріе, какъ это случилось съ Моск. Вѣдомостями. Когда Моск. Вѣдомости, желая насъ утѣшить и чѣмъ-нибудь уравновѣсить зло бумажно-денежныхъ выпусковъ, увѣряютъ, будто эти выпуски — ничто иное, какъ особый видъ налога *на капиталъ*, то онѣ только самымъ грубымъ образомъ лицемерятъ. Извѣстно, что изъ всѣхъ цѣнъ самая неподвижная — тѣ, которыя касаются разнообразныхъ видовъ труда, а напротивъ болѣе подвижны — цѣны различныхъ видовъ капитала (орудій, машинъ, сырья, издѣлій, звонкой монеты). Поэтому обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, насколько оно имѣетъ наружное сходство съ налогомъ, является прежде всего налогомъ на трудъ, а не на капиталъ, ибо цѣны на трудъ менѣе всякихъ другихъ цѣнъ способны быстро возвы-

¹⁾ Едва ли можно считать безспорнымъ, что выпуски бумажныхъ денегъ на послѣднюю войну были неизбежны и не могли быть замѣнены процентными займами. Реформа же податной системы (новыя прямыя подати) должны освободить насъ на всегда отъ этого *опаснѣйшаго* экстраординарнаго ресурса. *Ред.*

наться пропорціонально обезцѣненію бумажныхъ денегъ, а цѣны на разные товары, потребляемые рабочими гораздо болѣе склонны къ такому возвышенію. А такъ какъ въ нашей финансовой системѣ налоги на трудъ достигли уже самаго крайняго предѣла, то намъ всегда менѣе прилично примиряться съ обезцѣненіемъ бумажныхъ денегъ, ссылаясь на его вліянія, аналогическія податнымъ вліяніямъ.

Оставимъ однако въ сторонѣ Московскія Вѣдомости и попытаемся въ ихъ-же интересахъ болѣе основательно смотрѣть на дѣло. Предъ нами вопросъ: если наши экстраординарные финансы слабы, то слѣдуетъ-ли изъ этого, что для насъ забота — приготовиться къ войнѣ въ финансовомъ отношеніи — совершенно невозможна?

Да, *совершенно невозможна*, если необходимость пріобрѣтать къ бумажнымъ деньгамъ неизбѣжно связана съ другою необходимостью — допустить ихъ обезцѣненіе. И наоборотъ: означенная забота и для насъ *вполнѣ возможна*, если, допустивъ бумажныя деньги, мы въ состояніи успѣшно противодействовать ихъ обезцѣненію.

Бумажно-денежные выпуски, конечно, очень большое зло; но для современныхъ государствъ уклоняться отъ войны бываетъ иногда еще болѣе великимъ зломъ. Конечно, въ такомъ случаѣ недостаточно утѣшенія, что *волею-неволею* приходится мириться съ меньшимъ зломъ. Напротивъ, необходима увѣренность, что съ нимъ мирятся, *немедленно-же вступая съ нимъ въ борьбу и принимая противъ него всѣ необходимыя мѣры, всѣ противуположныя*.

Еслибъ наши приверженцы воинственности вѣли такую рѣчь, то она свидѣтельствовала-бы о большой осторожности и ей нетрудно было-бы найти себѣ и серьезную литературную опору. Напримѣръ, можно было бы привести слѣдующія слова г. Поля Леруа-Болье: „необходимо снять съ язвѣ (которымъ до недавняго было принято говорить о бумажно-денежныхъ выпускахъ), необходимо допустить, что при практическихъ способностяхъ, осторожности и благопріятныхъ условіяхъ ими можно пользоваться, если не безъ опасностей, то безъ серьезнаго вреда“ ¹⁾.

¹⁾ *Leroy-Beaulieu*, *Traité des finances*, II, 502. Въ научной литературѣ вопросъ объ экстраординарныхъ финансахъ и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніи далеко не всесторонне разработанъ. Къ числу писателей, внимательно на немъ остановившихся, принадлежатъ гг. *Ад. Ваинеръ* и *П. Леруа-Болье*. Однако оба они, не останавливаясь на указанныхъ мною въ текстѣ различіяхъ между отдѣльными государствами, высказываются слишкомъ безусловно

При такомъ взглядѣ, однако, само собою очевидно, что вопросъ, готова-ли страна, находящаяся въ положеніи Россіи и Австріи, къ войнѣ, въ финансовомъ отношеніи, является прежде всего въ слѣдующемъ видѣ: допускаетъ-ли финансовое положеніе страны *передъ* войною *безопасное* пользованіе бумажно-денежными выпусками? Въ этомъ вся суть.

Очевидно, что рѣшеніе только-что поставленнаго вопроса главнымъ образомъ зависитъ отъ того, въ какомъ состояніи въ странѣ находится *передъ* войною *денежное обращеніе*? Если оно разстроенное, то есть: состоящее изъ бумажныхъ денегъ, уже обезцѣненныхъ, то значить, страна къ войнѣ въ финансовомъ отношеніи *неготова*, даже въ самомъ крайнемъ смыслѣ, въ какомъ еще возможно говорить объ этомъ предметѣ.

Въ этомъ смыслѣ, наприѣръ, Австрія во время первой восточной войны *должна* была остаться въ тогдашнемъ, только „угрожающемъ“ положеніи. Такъ какъ ея денежное обращеніе было разстроено, то по чисто финансовой причинѣ ея руки были связаны ¹⁾. Напротивъ, только благодаря стараніямъ Брука въ 1857 и 1858 годахъ, а потомъ Пленера въ 1862 и слѣдующихъ годахъ, она имѣла, хоть какія-ни-есть, ресурсы для 1859 и 1866 годовъ. Въ настоящее-же время Австрія опять лишена главнаго ресурса для крупнаго военнаго расхода, потому что она еще не разсчиталась съ послѣдствіями 1866 года. Она поэтому должна удовлетворяться второстепенною ролью исполнительницы наклеерскихъ порученій.

Въ указанномъ-же смыслѣ мы къ первой восточной войнѣ были въ финансовомъ отношеніи *готовы*. Эту услугу намъ оказала Канкриневская реформа 1839—1843 годовъ. Напротивъ къ послѣдней войнѣ мы были *неготовы*, потому что не позаботились для нея предварительно покончить со счетами первой восточной войны.

Защитники воинственной политики, далѣе, могли-бы не безъ основанія сослаться на то, что послѣдняя война наглядно показала, какую силою располагаетъ современная Россія, прибѣгая къ бу-

въ пользу необходимости бумажно-денежныхъ выпусковъ, особенно для всѣхъ континентально-европейскихъ государствъ. Срв. *Ad. Wagner*, Die Ordnung des öster. Staatshaushalts, Wien 1863, стр. 25—28, особ. p. 28: «es wird sich die Nothwendigkeit der vorübergehenden Ausgabe von Papiergeld kaum vermeiden lassen». *Paul Leroy-Beaulieu*, Traité des finances, T. II, pp. 500—510, особ. p. 509: «chez les peuples modernes, dès qu'une grande guerre éclate, il est bien probable que l'on sera conduit à établir le cours forcé».

¹⁾ *Beer*, Die Finanzen Oesterreichs im XIX Jahrhundert, Prag 1877, стр. 254 (на основ. офф. докум.).

можно-денежному выпуску въ 400 милліоновъ. Предъ войною никому и не снилось, чтобъ въ неполные три года были у насъ возможны три внутрѣнніе займа на 600 милл. рублей. И дѣйствительно *эту* возможность создали выпуски, создавъ искусственное обиліе на денежномъ рынкѣ, обиліе, котораго правительство благоразумно воспользовалось. Слѣдовательно, 400 милліоновъ дали 1000 милліоновъ, то-есть сумму, достаточную для весьма большаго военнаго расхода. Однако защитники воинственной политики при этомъ должны были-бы вспомнить, что добытый для послѣдней войны внутри страны миллиардъ состоялъ изъ обезцѣненныхъ рублей. А если-бы мы къ войнѣ были готовы, то-есть: если-бы наше денежное обращеніе находилось въ порядкѣ, то этотъ миллиардъ состоялъ-бы изъ полноценныхъ рублей.

Продолжаю еще далѣе разсуждать, оставаясь на почвѣ, на которой фанатики воинственной политики могутъ быть несовсѣмъ неправыми: дѣйствительно-ли выпускъ въ 400 милліоновъ представляетъ такое непобѣдимое зло? Трудно-ли съ нимъ справиться? Опять и на этотъ счетъ мы имѣемъ опытъ первой восточной войны. Многимъ еще памятно, какъ выпущенные тогда 400 милліоновъ немедленно послѣ войны скучились въ тогдашнихъ банкахъ, сохранныхъ казнахъ и приказахъ, какъ они, что называется, сами навязывались правительству, запрашивались на консолидацію. Но ихъ предпочли *во второй разъ выпустить*. Самое простое, элементарное правило благоразумія, долженствующее руководить выпусками, тогда было оставлено безъ вниманія.

Громко, возможно громче—защитники воинственной политики должны были-бы провозгласить слѣдующій тезисъ: для того, чтобы безопасность выпуска была обезпечена, *безусловно необходимо* для каждой сотни милліоновъ рублей ново-выпускаемыхъ кредитныхъ билетовъ *немедленно-же или въ скорѣйшемъ времени* создать почву въ налогахъ, достаточныхъ для уплаты интересовъ и погашенія по займамъ, въ которыхъ означенная сотня подлежитъ консолидаціи *немедленно послѣ войны*.

Къ несчастью, новыхъ налоговъ послѣ первой восточной войны боялись. Въ рѣчахъ тогдашняго министра финансовъ, въ совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій, сдѣлано ясное признаніе, что у правительства *не хватало средствъ* на платежъ процентовъ по вкладамъ, сильно выросшимъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ отъ выпусковъ. *Поэтому* проценты были понижены и правительство выпустило изъ своихъ рукъ вклада-

ды, а съ ними оно *вторично* выпустило въ обращеніе кредитныя билеты. Вотъ такъ-то, правдиво, должны были-бы излагать дѣло и Московскія Вѣдомости, а не конеркать факты, не вадить съ больной головы на здоровую, не винить „экономическую доктрину“, по внушеніямъ которой будто-бы понижены были тогда проценты ¹⁾. И Моск. Вѣд. должны были-бы далѣе продолжать: въ этомъ-то *вторичномъ* выпускѣ корень дурнаго состоянія нашего денежнаго обращенія со времени первой восточной войны. И онъ-же *всегда* представляет опасность и вредъ бумажно-денежныхъ выпусковъ. Выпуски опасны и вредны не во время самой войны. Напротивъ въ это время „они могутъ оказать большія услуги“ ²⁾. Ихъ безвредность тогда обезпечена: торгово-промышленнымъ застоемъ, водворяющемся со всякою войною, нормальными внутренними займами, въ родѣ тѣхъ, къ которымъ у насъ прибѣгло правительство въ 1876 — 78 годахъ, наконецъ тѣмъ общеповторяющимся фактомъ, что звонкая монета исчезаетъ изъ обращенія не во время войны и даже не внезапно послѣ нея, а постепенно въ теченіи довольно продолжительнаго времени. Иное дѣло—значеніе тѣхъ-же выпусковъ *послѣ войны*. Нашъ опытъ съ накопленіемъ владовъ послѣ первой восточной войны—не одинокій случай. Онъ, напротивъ, всегда повторялся и повторяется повсюду, гдѣ къ бумажнымъ деньгамъ прибѣгали для военныхъ расходовъ. Повсюду и всегда ново-выпущенныя бумажныя деньги напрашиваются на консолидацію, главнымъ образомъ потому, что монета лишь постепенно и медленно уступаетъ свое мѣсто бумажнымъ деньгамъ, которымъ приходится блуждать на рынкѣ, вызывая на немъ искусственное обиліе. И если правительство страдательно относится къ *этому* факту, то лишь тогда оно топчетъ въ грязь не только всякія указанія экономической науки, но и всякія соображенія политическаго благоразумія. Потому что тогда вторично, въ мирное время, когда совсѣмъ не приходится выбирать между большимъ и меньшимъ зломъ, когда выборъ существуетъ только между добромъ и зломъ, между разсудительностью и безрасудностью, кредитныя билеты снова выпускаются въ обращеніе уже совер-

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что это пониженіе процентовъ по банковымъ вкладамъ было произведено въ то время, когда въ нашей финансовой администраціи (при Министрѣ Финансовъ Брокѣ) не было и помину ни о какой «финансовой доктринѣ» и всякая доктрина презиралась. См. объ этомъ въ Русскомъ Вѣстникѣ первыхъ лѣтъ. Ред.

²⁾ *Leroy-Beaulieu, Traité II.*

шенно слѣпо, какъ-бы только для того чтобъ принудить страну отбазаться отъ звонкой монеты.

Защитники воинственной политики, не переставая разсуждать основательно, могли-бы энергически утверждать, что не только недавній опытъ Франціи, блестяще показавшей, какъ можно безъ вреда воспользоваться экстраординарнымъ ресурсомъ неразвѣнныхъ кредитныхъ знаковъ, — но опытъ *всѣхъ* странъ, прибѣгавшихъ къ этому ресурсу, *переполненъ* фактами, доказывающими, что безвредное пользованіе неразвѣнными кредитными билетами *вполнѣ возможно*. Ни одной страны не было, въ которой послѣ выпусковъ правительство не располагало-бы срокомъ достаточнымъ, по крайней мѣрѣ, для приступа къ средствамъ восстановленія порядка въ денежномъ обращеніи. Но этимъ срокомъ не желали пользоваться. Восстановленіе бесплодно затягивали изъ-за одной только заботы, или изъ побужденія эгоистическимъ интересамъ, но вездѣ безъ всякой основательной причины. Историческій-же опытъ даетъ полное право, не боясь сколько-нибудь сильныхъ возраженій, выставить, какъ безспорное, слѣдующее положеніе: неразвѣнные бумажныя деньги были вредны не потому, что ихъ выпускали во время войны, а потому что ихъ не извлекали во время мира, — не потому что къ нимъ прибѣгали въ пору государственной необходимости для цѣли войны, а потому что ихъ не избѣгали въ пору ихъ ненадобности для цѣлей мира.

У насъ нерѣдко до войны, а нѣкоторыми и послѣ нея — выражалась мысль: *стоитъ-ли* восстанавливать металлическое денежное обращеніе, когда отъ случайности вѣвней политики зависить, не окажется-ли очень скоро необходимость снова выпустить бумажныя деньги?

Очевидно, что этотъ вопросъ не лишень основанія только до тѣхъ поръ, пока мы разсматриваемъ дѣло съ одной только экономической точки зрѣнія. Напротивъ, онъ теряетъ всякую основательность при политической точкѣ зрѣнія на дѣло. Разъ существуетъ хотя бы одна вѣроятность, что для войны можетъ представиться надобность въ бумажно-денежномъ ресурсѣ, это необходимо на готовѣ держать свободнымъ для всякой войны. Развѣ не послѣ всякой войны приходится восстанавливать ряды войска, его вооруженіе и всякія иныя приспособленія къ могущей открыться новой кампаніи? Совершенно такое-же значеніе должно имѣть восстановленіе металлическаго денежнаго обращенія. Всякій понимаетъ, что изувѣченные солдаты, попорченныя

нунки и ружья, истрепавшіяся палатки и ослабѣвшіе кони, хороше послужившіе въ одну войну, въ другую войну способны оказывать лишь плохія услуги. Но тоже вполне примѣняется и къ денежному обращенію. Доказательство представляла намъ послѣдняя война. Въ финансовомъ отношеніи мы ее вели изувѣченными ветеранами-бумажками крымской кампаніи. Неудивительно, что всякая легкая царапина для нихъ уже была тяжелою раной и что на полѣ битвы одно казначейство оставило погибшими 400 милл., а сколько страна при этомъ потеряла, и сосчитать невозможно.

Но, могутъ спросить защитники воинственной политики, что же при такомъ взглядѣ станется съ государственнымъ кредитомъ, съ интересами торговли и промышленности, со всѣми экономическими интересами страны, столь близко связанными съ прочнымъ порядкомъ въ денежномъ обращеніи?

Въ свою очередь однако и защитники воинственной политики могутъ спросить: много-ли годовъ „прочнаго порядка“ видѣли въ XIX столѣтіи такія страны, какъ Австрія и Россія? Этихъ годовъ было: въ Австріи изъ 78 только 30, а въ Россіи изъ 78 только около 20. Слѣдовательно около 50 — 60 лѣтъ прошли безъ вниманія къ „интересамъ торговли и промышленности“ и „ко всѣмъ экономическимъ интересамъ“. По какой причинѣ? По причинѣ важнаго значенія, который сохранилъ интересъ возможной и дѣйствительной войны. Стало быть, суть въ фактѣ, что въ XIX вѣкѣ войну еще очень и очень необходимо принимать въ соображеніе. Она составляетъ центръ тяжести всего финансоваго дѣла. Какъ извѣстно, одна треть государственныхъ расходовъ повсюду относится къ оплатѣ текущихъ военныхъ нуждъ, а другая треть, въ видѣ процентовъ по государственнымъ долгамъ, оплачиваетъ прошлыя войны. Развѣ всѣ эти войны мѣшали государственному кредиту? Онъ для нихъ родился, ими питается и на нихъ рассчитанъ. Отчего-же въ такомъ случаѣ въ основѣ нашихъ сужденій о финансовыхъ вопросахъ не положить взгляда, прямо признающаго ихъ непосредственное отношеніе къ войнѣ? Фактъ вѣдь не измѣняется отъ того, что мы вооружаемся взглядомъ, влетающимъ въ области абстрактныхъ протестовъ противъ войны. Можно вполне признавать законность, справедливость и основательность этихъ протестовъ, и все это не освобождаетъ насъ отъ обязанности и въ финансовыхъ разсужденіяхъ считаться съ фактомъ, какъ онъ есть.

Продолжая свои разсужденія въ томъ-же духѣ, защитники воинственной политики могутъ сослаться на то, что отношенія неразличныхъ бумажныхъ денегъ къ государственному кредиту различны. смотря по тому, касаются-ли они внутренняго или внѣшняго государственнаго кредита. Внутреннiи займать-бумажно-денежныя выпуски прямо *благоприятствуютъ*. Они создаютъ искусственное обиліе на денежномъ рынкѣ какъ разъ въ то время, когда торгово-промышленный спросъ на немъ всего слабѣе. Что-же касается внѣшняго кредита, то относительно его наблюдается слѣдующее, весьма характерное для нашего вѣка, явленіе. Пока длится война и выпуски бумажныхъ денегъ *беззредны*, внѣшній кредитъ страны, прибѣгающей къ выпускамъ, бываетъ обыкновенно болѣе или менѣе плохой. Напротивъ, когда война кончается и бумажныя деньги становятся *вредными*, кредитъ поправляется совершенно независимо отъ того, извлекаются-ли изъ обращенія кредитные знаки, или оставляются въ обращеніи. *Во время мира* разстроенность денежнаго обращенія *никогда* еще не препятствовала процвѣтанію государственнаго кредита. Опять и здѣсь можно привести наглядный примѣръ изъ нашего опыта. Съ 1859 года, то-есть со времени обзвѣженія кредитныхъ билетовъ, одно только правительство могло за границу выпустить своихъ облигацій ¹⁾ на 688.108.000 металл. рублей и по нимъ получить 582.981.000 рублей. По расчету на 5% облигацію оказывается, что правительство могло, въ общей сложности всѣхъ займовъ по 80.86 за сто, то-есть: плата дѣйствительныхъ интересовъ лишь 5.63%, получить около 600 мил. металлическихъ рублей. Въ послѣднее-же время даже 4½%-ныя облигаціи реализовались уже по 90. При такихъ фактахъ, очевидно, остается только пожелать, чтобъ впредь было не хуже. Полученный за границею капиталъ наше правительство лишь самую незначительную долю затратило на неудачныя попытки помочь денежному обращенію; главнымъ-же образомъ капиталы израсходованы на покрытіе дефицитовъ и желѣзно-дорожныя сооруженія. Само собою разумѣется однако, что за границею никто не былъ-бы на насъ въ претензіи, еслибъ мы воспользовались заграничными капиталами для возстановленія металлическаго денежнаго обращенія. Напротивъ, такая затрата

¹⁾ По 3%-ному, седьмому 5%-ному, двумъ англо-голландскимъ и пяти желѣзнодорожнымъ займамъ.

нашему виѣшнему государственному кредиту принесла-бы одну лишь чистую и даже очень значительную пользу. Это не требуетъ и доказательствъ ¹⁾.

Къ чему-же въ такомъ случаѣ сводится вышензложенный взглядъ на безвредное пользованіе бумажно-денежными выпусками? Къ тому, чтобъ къ нимъ относились, какъ къ одному только способу облегченія внутреннихъ и антиципаціи виѣшнихъ займовъ. Во время войны намъ за границею денегъ не дадутъ, потому что тамъ не сочувствуютъ цѣлямъ нашихъ войнъ. Такой идеализмъ однако водворяется на денежныхъ рынкахъ всегда лишь временно: пока длится война и цѣны бумагъ сильно колеблются, пока настроеніе людей взволнованное и податливо ко всякимъ минутнымъ вліяніямъ. Съ миромъ однако все таки возвращается ясный расчетъ, что давать намъ деньги и капиталъ—выгодно, очень выгодно. Стало быть не велика бѣда, что намъ ихъ не дадутъ во время войны; послѣ войны дадутъ тѣмъ охотнѣе. Но тогда уже наша вина будетъ, если мы ими не воспользуемся металлическаго денежнаго обращенія.

Подведемъ теперь итогъ всему вышензложенному и мы получимъ возможность ясно опредѣлить, при какихъ условіяхъ о Россіи можно говорить, что она готова къ войнѣ въ финансовомъ отношеніи.

Война (говору, конечно, объ европейской) въ настоящее время тождественна съ чрезвычайнымъ расходомъ въ 700—1000 милл. рублей (полноцѣнныхъ). Ресурсомъ для полученія такой суммы можетъ быть только государственный кредитъ. Поэтому первый способъ финансоваго приготовленія къ войнѣ заключается для него въ такой *податной политикѣ*, которая бережетъ во время мира податныя силы страны, не обременяетъ ихъ непосильными требованіями и тѣмъ создаетъ *податной запасъ*: возможность для чрезвычайныхъ нуждъ новаго военнаго предпріятія страны потребовать отъ нея *новыхъ налоговъ*. Этотъ податной запасъ долженъ доходить до 45—60 милліоновъ рублей.

Второй способъ финансоваго приготовленія заключается въ *заботѣ*, чтобъ денежное обращеніе страны находилось въ должномъ порядкѣ, чтобъ его металлическая почва была незы-

¹⁾ Не слѣдуетъ однако забывать, что даже и въ этихъ границахъ и при этихъ условіяхъ выпуски принудительныхъ бумажныхъ денегъ составляютъ великое экономическое зло, которое можетъ быть оправдано только самою крайнею государственною необходимостью. *Ред.*

блема, чтобъ въ моментъ, когда отъ страны требуется великая жертва, у нея было чѣмъ жертвовать.

Не говорю ничего о заботахъ правительства, нѣбольшая цѣлью упроченіе самого государственнаго кредита. Эти заботы могутъ опираться только на содѣйствіи развитію производительныхъ силъ страны, которое во всякомъ случаѣ необходимо: оно вѣдь имѣетъ и свое самостоятельное значеніе; независимо отъ интересовъ войны.

Такимъ образомъ, еслибъ Московскія Вѣдомости дѣйствительно дорожили отстаиваемымъ имъ политическимъ интересомъ, т. е., готовностью Россіи къ войнѣ, то именно ради него отъ энергичнѣе другихъ органовъ печати должны были-бы требовать возможно скорѣйшаго возстановленія металлическаго денежнаго обращенія.

II.

ОЖИВЛЕНІЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Защищая неразвѣнныя и обезцѣненныя бумажныя деньги, какъ способъ оживленія промышленности, „Моск. Вѣд.“ взяли на себя неблагодарную роль—еще одинъ разъ возобновить заблужденія, которыя сопровождаютъ бумажныя деньги съ такою-же необходимостью, съ какою бредъ сопровождаетъ горячку. Объ этихъ заблужденіяхъ неоднократно и у насъ уже писали и поэтому сморить съ „Московскими Вѣдомостями“ и легко, и трудно. Легко, насколько опровергать приходится давно опровергнутое. Трудно, насколько приходится имѣть въ виду тарлѣніе читателя, котораго нужно избавить отъ повтореній давно извѣстнаго, и насколько вообще трудно *доказывать* то, что *очевидно*.

Представьте себѣ воина, тяжело раненаго въ сраженіи и осужденнаго хирургомъ на потерю ноги. Послѣ мучъ болѣзни и операціи, здоровая натура пациента, наконецъ, торжествуетъ. Хотя и на деревянной ногѣ, нашъ пациентъ оживаетъ, приобретаетъ нѣкоторую свободу движеній и снова принимается за полезное дѣло.

Какъ должны были-бы мы отнестись къ шутнику, еслибъ такой нашелся и сталъ увѣрять, будто нашъ воинъ только оттого снова получилъ способность быть полезнымъ, что онъ потерялъ

свою живую ногу и вмѣсто нея приобрѣлъ деревянную? А такую-то именно роль берутъ на себя защитники бумажныхъ денегъ, какъ способа оживленія промышленности.

Давнымъ давно уже русское народное богатство лишено естественнаго органа движеній и должно пользоваться услугами деревяшекъ въ видѣ обездѣвленныхъ орудій обращенія. Со времени первой восточной войны, независимо отъ массы иныхъ задачъ, которая страна должна была рѣшить, она обречена была на печальную участь — подвигаться за другими народами на искусственныхъ ногахъ, тогда какъ западъ Европы, и безъ того болѣе насъ крѣпней въ экономическомъ отношеніи, предъ нами имѣлъ еще одно преимущество, располагая живыми ногами. И „Моск. Вѣд.“ до послѣдняго времени отлично понимали, что масса усилій, которая страна бесплодно должна дѣлать, чтобы не терять равновѣсія на деревяшкахъ, она могла-бы болѣе полезно затратить на приобретеніе себѣ здоровыхъ орудій обращенія. Но развѣ послѣ недавней войны произошло что-либо такое, что подорвало-бы основательность такого взгляда?

Не произошло ничего новаго. Передъ нами лишь повторяется то-же самое, что происходило послѣ первой восточной войны, что происходило послѣ всѣхъ войнъ, особенно-же если онѣ сопровождались обиліемъ денегъ, все равно звонкихъ или бумажныхъ: одинаково и у насъ, и гдѣ-бы или когда-бы то ни было.

Всякая война прерываетъ естественное теченіе жизни вообще, а въ частности и жизни торгово-промышленной. Во время послѣдней войны этотъ перерывъ былъ у насъ менѣе замѣтенъ только потому, что за годъ-два до войны валютъ водворилась въ нашѣмъ торгово-промышленномъ мѣрѣ отъ причинъ чисто экономическихъ. Съ 1871 по 1874 или 1875 годъ мы слишкомъ ужъ бойко дѣйствовали и въ фабричномъ дѣлѣ, и во внѣшней и внутренней торговлѣ, и въ дѣлѣ кредита, и по части желѣзно-дорожныхъ сооруженій и даже въ области финансовой. Мы въ этомъ отношеніи лишь не отставали отъ запада, котораго оживленное настроеніе играло не послѣднюю роль въ нашей собственной бойкости. Съ 1873 однако постепенно одна за другою различныя страны запада начинаютъ чувствовать, что спекуляція завела ихъ слишкомъ далеко. Въ 1875 году дошла очередь и до насъ: крахъ съ Московскимъ Коммерческимъ Ссуднымъ Банкомъ былъ первымъ явнымъ свидѣтельствомъ того, что и наше оживленіе зашло за предѣлы произво-

дательной дѣятельности, что пора приостановиться и сдѣлать нѣкоторый роздыхъ. Среди этого-то роздыха насъ и застала война. Въ сущности, какъ это сейчасъ будетъ показано, она сдѣлала свое обычное дѣло, усугубивъ дѣйствіе торговаго кризиса. Но ея дѣйствіе уже было вторичное и оттого менѣе замѣтное.

Количество векселей, учтенныхъ акціонерными коммерческими банками и находившихся въ ихъ портфеляхъ, даютъ наглядное представление, какъ силы дѣйствія кризиса, предшествовавшаго войнѣ, таеъ и дѣйствія самой войны.

Въ послѣднія пять лѣтъ ежемѣсячное состояніе портфеля учтенныхъ векселей у акціонерныхъ коммерческихъ банковъ было слѣдующее въ милліонахъ рублей:

	1874.	1875.	1876.	1877.	1878.
1-го января . .	208.9	242.1	240.6	195.8	157.5
1-го февраля . .	217.9	244.9	237.3	186.1	158.0
1-го марта . . .	217.8	249.1	229.1	179.1	155.3
1-го апрѣля . .	217.1	251.3	227.3	176.2	153.2
1-го мая	217.3	252.5	231.0	175.2	153.2
1-го іюня	223.7	252.6	231.2	170.8	154.4
1-го іюля	223.7	255.8	225.8	171.6	152.2
1-го августа . .	228.9	258.9	217.5	164.6	147.3
1-го сентября .	228.4	258.8	211.8	156.5	146.3
1-го октября . .	228.3	251.0	208.4	156.9	143.2
1-го ноября . .	230.9	247.3	199.9	158.9	140.1
1-го декабря . .	232.7	240.0	200.4	156.9	138.2

Быстро и почти безостановочно развиваясь, вексельный портфель банковъ достигъ осенью 1875 года своего наивысшаго состоянія въ цифрѣ почти 259 милл. рублей. Подъ вліяніемъ первыхъ ударовъ кризиса онъ къ концу 1875 года сократился лишь на 19 милл., но къ половинѣ 1876 года уменьшился еще на 15 милл.; оба уменьшенія вмѣстѣ составляютъ 34 милл. и эту-то цифру можно принять за выраженіе дѣйствія, произведеннаго торговымъ кризисомъ. Съ половины 1876 года начинаютъ вліять политическія событія и въ пять мѣсяцевъ они къ концу 1876 года вызываютъ новое сокращеніе портфеля на 30 милл. рублей. Въ теченіи 1877 года сокращеніе становится хроническимъ и въ результатѣ даетъ уменьшеніе за весь годъ еще на 38 милліоновъ. Наконецъ и въ 1878 году даже прекращеніе войны не оказываетъ дѣйствія: хроническая слабость про-

должается. Въ первую половину 1878 года какъ-бы замѣтна нѣкоторая надежда на то, что послѣ войны положеніе поправится: портфель между 1-мъ январемъ и 1-мъ іюля сокращается лишь на 5 милл.; но съ 1-го іюля надежды оказываются не очень основательными. Къ 1-му декабря портфель претерпѣваетъ новое сокращеніе на 14 милл. рублей.

Такимъ образомъ кризисъ и война вызвали сжатіе торгово-промышленнаго кредита на $120\frac{2}{3}$ милл. рублей. То-есть почти половина (46%) капиталовъ, которые чрезъ посредство акціонерныхъ коммерческихъ банковъ до кризиса и войны имѣли торгово-промышленное занятіе, лишились его и сдѣлались праздными или должны были искать себѣ доходное помѣщеніе гдѣ-нибудь иначе.

Оговоримъ кстати здѣсь еще одно обстоятельство. Дѣйствіе кризиса было-бы болѣе сильное, чѣмъ оно оказалось, если-бы акціонерные банки были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ. Чтобы удовлетворять востребованія по вкладамъ и текущимъ счетамъ, они должны были-бы сократить свою учетную операцію въ гораздо болѣе сильной мѣрѣ, чѣмъ они это сдѣлали. Но ихъ выручила помощь Государственнаго Банка. Въ томъ-же 1876 году, когда акціонерные банки подъ учетъ могли роздать лишь 529.6 милл. вмѣсто 575.6 милл., розданныхъ въ 1875 году, они путемъ переучета могли получить 165.2 милл. вмѣсто 121.4 милл., полученныхъ въ 1875 году. Въ томъ-же 1876 году, когда операціи акціонерныхъ банковъ сокращались, операціи Государственнаго Банка были расширены. Но въ 1877 году уже не было кризиса. Дѣйствіе оказывала одна лишь война. Недовѣрчивыхъ вкладчиковъ уже не было; напротивъ со всѣхъ сторонъ праздные капиталы, потерявшіе производительное занятіе, предлагали свои услуги. Вклады акціонерныхъ банковъ, въ началѣ 1877 года простиравшіеся лишь до 230 милл., къ концу года поднялись до 279 милл. Долги по переучету могли быть почти сполна уплачены. И тогда уже Государственный Банкъ сталъ свидѣтельствовать о застоѣ, вызванномъ войною: его учетная операція въ 1877 году сократилась на 57 милл. рублей.

Среди этого-то застоя насъ застали война и вызванные ею новыя бумажно-денежныя выпуски, одно время превзошедшіе своими грандіозными размѣрами даже выпуски для первой восточной войны.

Никакой застой, однако, вѣчнымъ не бываетъ, и исторія не знаетъ ни одной войны, за которою не слѣдовало-бы инстинктивного стремленія поправить вредъ, ею причиненный, положить конецъ застою, ею вызванному. И Франція, и Германія, напримеръ, послѣ войны 1870—71 гг. одинаково ревностно приступили къ возстановленію своихъ силъ. Но тогда какъ во Франціи переходъ отъ застоя къ оживленію совершился разсудительно (несмотря на большой бумажно-денежный выпускъ для правительства, и именно благодаря мѣрамъ, принятымъ для противодѣйствія вреду этого выпуска), — въ Германіи переходъ сопровождался бѣшеною спекулятивною вакханаліею, окончившеюся тяжкимъ кризисомъ. Общеизвѣстна причина этого бѣшеннаго перехода: пяти-миллиардная контрибуція, вызвавъ искусственное обиліе на денежномъ рынкѣ, превратила его въ болото, котораго огоньки завели предприимчивость въ топкихъ мѣстахъ, гдѣ она нашла свою гибель. Германія приняла *денежное* обиліе за обиліе *капиталовъ* и на первомъ построило то, что можетъ быть построено лишь на второмъ. Но такъ какъ капиталовъ, то-есть — производительныхъ силъ, никакая контрибуція давать не можетъ, то значительная масса построенныхъ на денежномъ обиліи предприятий оказалась построенною на пескѣ. Кризисъ 1873 года вывелъ наружу результаты горячки и каждое лопнувшее предприятие было выраженіемъ какой-либо доли контрибуціи, оказавшейся мыльнымъ пузыремъ ¹⁾.

Если, такимъ образомъ, денежное обиліе, совпадающее съ моментомъ перехода отъ войны къ миру, очень опасно, даже когда оно — обиліе звонкихъ денегъ, то еще опаснѣе оно, когда оно — бумажно-денежное обиліе, и наконецъ опаснѣе, если это обиліе бумажекъ, еще сильно обезцѣненныхъ до своего выпуска.

Звонкія деньги обладаютъ высокою собственною внутреннею цѣнностью, дающею имъ силу противодѣйствовать всякого рода вліяніямъ, которыя на нихъ могли-бы оказывать слишкомъ ужъ произвольныя мѣстныя перемѣны въ настроеніяхъ товарныхъ рынковъ. Напротивъ, бумажныя деньги лишены внутренней цѣнности. Онѣ замкнуты въ предѣлахъ государства, для котораго выпущены. Оттого для всякаго рода махинацій, рассчитанныхъ на

¹⁾ Само собою разумѣется, что я беру только ту сторону спекулятивнаго движенія въ Германіи 1871—73 гг., которая мнѣ нужна въ текстѣ для иллюстраціи, нисколько не думая, чтобъ сказаннымъ исчерпывалась вся сущность означеннаго движенія.

нескокойный ходъ дѣлъ, онѣ самое подходящее, самое слѣпое и послужное орудіе. А когда онѣ еще обезцѣнены, то-есть, когда ихъ цѣнность становится случайною и гадательною, тогда онѣ являются неистощимымъ рудникомъ для всѣхъ тѣхъ, которые строятъ свое благополучіе на чужомъ раззореніи.

Этихъ „доктринъ“ даже и Моск. Вѣд. не оспариваютъ. Но почтенная газета ссылается на то, что когда въ странѣ существуетъ достаточно солидныхъ производительныхъ силъ, чтобы дать занятіе всему денежному обилію, то логически мыслима возможность, чтобы это обиліе ни къ чему дурному не повело. Положимъ даже, что логически это и мыслимо, но исторія, дѣйствительная жизнь такихъ возможностей *еще не видѣли*. Ссылаемся опять на тотъ-же опытъ Франціи, въ которой военный бумажно-денежный выпускъ представилъ первый примѣръ безвредности, только благодаря мѣрамъ, успѣшно принятымъ для противудѣйствія вредному вліянію выпусковъ.

Не нужно терять изъ виду существеннаго различія между выпусками послѣдней и первой восточной войны. Выпуски первой восточной войны тоже оказали дурное вліяніе на вексельный курсъ, но незначительное и скоро-преходящее. Послѣ войны вексельный курсъ поправился и кредитные билеты, прежде чѣмъ упрочиться въ обращеніи, необходимо должны были сначала вытѣснить изъ обращенія звонкую монету. На это ушло два-три года и лишь послѣ нихъ настало царство обезцѣненныхъ бумажекъ. Иными теперь являются условія новѣйшихъ выпусковъ. Какъ Минерва изъ головы Юпитера, они явились во всеоружіи. Они родились обезцѣненными. Но этого мало. Вытѣснять изъ обращенія имъ — нечего; они должны мириться со старыми бумажками и уживаться рядомъ съ ними. Такъ какъ и старухъ было болѣе, чѣмъ нужно (доказательства — ниже), то новыя могутъ найти себѣ занятіе лишь подъ условіемъ, чтобы старыя съ ними подѣлились своими занятіями. Другими словами это значитъ: новыя бумажки могутъ найти себѣ занятіе лишь подъ условіемъ, чтобы процессъ обезцѣненія совершился *какъ можно скорѣе*. Обстоятельства-же этому въ настоящее время какъ нельзя болѣе благопріятствуютъ, ибо противудѣйствіе, которое старыя бумажки въ силахъ оказывать обезцѣняющему вліянію новыхъ выпусковъ, равно нулю. И конечно совсѣмъ не можетъ быть мысли о сравненіи этого противудѣйствія съ тѣмъ, которое послѣ первой восточной войны звонкая мо-

нета могла оказывать кредитнымъ билетамъ. Въ 1856—59 годахъ именно отливъ за границу звонкой монеты, вытѣсненной изъ обращенія бумажками, былъ равносильнъ тому, какъ еслибъ у насъ нашелся новый товаръ для увеличенія нашего отпуски за границу. Поэтому, самый отливъ авонкой монеты поддерживалъ цѣну кредитныхъ билетовъ и противудѣйствовалъ ихъ обезцѣненію. Теперь-же уходитъ за границу — нечему. Бумажкамъ отъ насъ ухода нѣтъ. Имъ остается поэтому лишь безирепатственно обезцѣниваться.

Такимъ образомъ къ факту, что въ обращеніи у насъ находятся однѣ лишь обезцѣненные бумажки, присоединяется еще другой фактъ, что бумажки эти обращаются въ такомъ обиліи, которое граничитъ съ баснословностью, а къ этому другому факту еще присоединяется третій, что бумажки появляются не для замѣны звонкихъ денегъ, а для увеличенія значительной массы бумажекъ-же, до нихъ обращавшихся. Нетрудно понять, какого рода „оживленіе“ отъ совокупности подобныхъ фактовъ можетъ быть.

Вотъ *этому* возможному оживленію, зачатки котораго Моск. Вѣд., можетъ быть, и правильно констатировали, они очень неправильно обрадовались и желаютъ обрадовать имъ общество. На карту этимъ однако ставятся слишкомъ важные интересы страны, чтобъ дѣло не стоило разсудительнаго обслѣдованія.

Несомнѣнно, конечно, что оживленіе производительныхъ силъ послѣ войны нужно и желательно. Но какое, какими средствами вызванное, на какой почвѣ происходящее? Вотъ въ чемъ вопросъ.

Нужно-ли то пьяное „оживленіе“, которое коренится въ одномъ только денежномъ обиліи и которое ведетъ къ кризисамъ? Очевидно — нѣтъ, какъ бы оно ни было выгодно въ интересахъ тѣхъ, которые удятъ въ мутной водѣ. Такого оживленія, напр., какое въ Германіи произошло послѣ войны, намъ очевидно *не нужно* и оно *не желательно*.

Нужно-ли теперь такое оживленіе, какое вызвано было выпусками первой восточной войны, поведшими къ кризису 1860 года? Объ этомъ кризисѣ сами Моск. Вѣд. говорятъ, что онъ „поглотилъ массы капиталовъ, пустилъ множество людей по міру и создалъ общую дороговизну при одновременномъ такъ называемомъ безденежьѣ, то-есть, произвелъ не мнимое только, а дѣйствительное ослабленіе покушной силы денежной единицы“. Очевидно само собою, что повтореніе подобнаго кри-

зиса нежелательно. Какъ-же однако Моск. Вѣд. умудряются обезопасить насъ отъ него? Рассказывая басню о его причинахъ. Кризисъ-де вызванъ былъ не выпусками бумажныхъ денегъ, а тѣмъ, что по ложному внушенію „экономической доктрины“ проценты по вкладамъ старыхъ кредитныхъ установленийъ были понижены и эти вклады, наифрѣнно выпущенные на волю, разожгли спекуляцію. Отчасти уже выше замѣчено, что это сужденіе извращаетъ историческіе факты. Но дѣло не въ томъ, а въ наивности, съ которою Моск. Вѣд. не замѣчаютъ, что онѣ сами себя выдаютъ головою. Развѣ существуетъ даже тѣнь какого-бы ни было различія между объясненіемъ кризиса 1860 г. выпусками кредитныхъ билетовъ и объясненіемъ того-же кризиса выпускомъ на волю вкладовъ? Никакого. Это — только два способа выраженія, гласящія одно и то же. Обиліе вкладовъ, скучившихся послѣ войны въ старыхъ кредитныхъ установленіяхъ, было ничто иное, какъ обиліе кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ для войны. Какъ выше уже замѣчено, безразсудность нашей денежной политики въ томъ главнѣйшимъ образомъ и заключалась, что *послѣ* войны кредитные билеты *второй* разъ были выпущены въ обращеніе чрезъ посредство выпуска на волю вкладовъ. И если Моск. Вѣд. признаютъ, что этотъ выпускъ *вкладовъ* на волю повелъ къ страшному кризису, то эти же онѣ признаютъ, что оживленіе промышленности вызванное военными крымскими выпусками, было для страны *гибельное*.

Наконецъ, нужно-ли намъ то „оживленіе промышленности“, которое вызвано было недавними выпусками для усиленія развѣтнаго фонда? Вѣдь и это оживленіе окончилось кризисомъ и застоємъ, среди боихъ насъ и застала послѣдняя война. Очевидно, что и такого оживленія намъ тоже не нужно.

Слѣдовательно, если не сходить съ прочной почвы опыта, еще вполне свѣжаго, и отечественнаго и заграничнаго, намъ всего менѣе приходится желать оживленія, исходящаго отъ искусственнаго обилія на денежномъ рынкѣ.

Моск. Вѣдомостямъ не безызвѣстно, что это искусственное обиліе въ торгово-промышленной исторіи пользуется самою скверною репутаціею. Имъ остается поэтому на разные лады повторять, что такого обилія у насъ не было до послѣдней войны и его нечего теперь опасаться. У насъ-де имѣются „очень большія потребности въ денежныхъ знакахъ“.

Но этого нельзя утверждать. До послѣдней войны и безъ

новѣйшихъ выпусковъ, мы уже имѣли въ обращеніи неразмѣнныхъ и обезцѣненныхъ бумажекъ на сумму до 800 милл. р., то есть: на сумму, которая до насъ не была страшна лишь Франціи время террора и конвента. Какое было дѣйствіе этой суммы? Дѣйствіе, приведшее къ Струсбергскому процессу. Слѣдовательно, и при 800 милліонахъ обиліе уже было того свойства, которое даетъ не удовлетвореніе потребности, не сытость, а которое, напротивъ, убиваетъ всякое чувство сытости, всякое чувство шѣры, которое порождаетъ одну только безсовѣстную жадность. Оргія, имъ вызванная, дала свои обычные плоды: кризисъ 1875 года и болѣзненное разстройство торгово-промышленной жизни страны, засвидѣтельствованное выше-приведенными цифрами коммерческихъ векселей. И когда не успѣлъ еще пройти этотъ чуть-не вчерашній хмѣль, мы теперь стали-бы уже кричать: нѣтъ, 800 милл. намъ мало, подавай 1200 милліоновъ! Да вѣдь это не было-бы даже и на шутку похоже. Во всякомъ-же случаѣ даже и шутка такая врядъ-ли свидѣтельствовала-бы о трезвости.

Если мы не въ силахъ были разсудительно обойтись даже съ бумажно-денежнымъ обращеніемъ въ 700—800 милл. р., обезцѣненнымъ лишь на 15%, то это значить, что нѣтъ у насъ той массы производительныхъ силъ, которая могла-бы доставить полезное и достаточное занятіе этимъ 700—800 милліонамъ. Если-бы у насъ было столько богатствъ, что для приведенія ихъ въ движеніе нуженъ бумажный механизмъ силою въ 700—800 милл. руб., то не блуждали бы эти милліоны въ поискахъ за Струсбергами.

Имѣются-ли у насъ эти богатые торгово-промышленныя силы, для оживленія которыхъ нужны бумажки на милліарды рублей, объ этомъ можно судить еще по другому признаку. Много-ли означенныя богатые силы берутъ на себѣ податной тягости, которою правительство вынуждено обременять страну? Извѣстно, что это вопросъ, на который цифры даютъ очень грустный отвѣтъ. Его оправдываютъ обыкновенно жалобами на тему: какія-де наши торгово-промышленныя силы, самыя пустя, не имъ чего имъ большіе налоги платить, сами-де еле-еле концы съ концами сводятъ. Такія онѣ, когда нужно давать. Ну, а когда нужно брать, онѣ вырастаютъ: милліардами vorочаютъ?..

Но вѣдь эти бумажные милліарды не остаются безъ послѣдствій для остальныхъ плательщиковъ податей. Изъ за нихъ,

напримѣръ, тѣ-же 55 милл. металлическихъ рублей, которые ежегодно уплачиваются по внѣшнимъ долгамъ государственнымъ и которые въ 1875 г. изъ бюджета для себя требовали лишь 64 милл. кредитныхъ рублей, теперь будутъ ужъ требовать, чтобъ имъ удѣляли изъ налоговъ сумму въ 90 милл. кредитныхъ рублей. Это — прибавка въ 26 милл. руб., вызванная одними только новыми выпусками, нужными для оживленія. Но что сказали-бы представители оживленія, еслибъ имъ предложили изъ плодовъ оживляемыхъ ими силъ удѣлить и бюджету означенные 26 милл.? Въмѣсто оживленія они тогда заговорили-бы вѣроятно объ иномъ. Между тѣмъ на 26 милл. увеличивается отъ новѣйшихъ выпусковъ лишь одна изъ очень многихъ статей бюджета. А какими прибавками тѣ-же выпуски угрожаютъ остальнымъ статьямъ бюджета?

Какъ-бы мы не поворачивали мотивъ оживленія промышленности, имъ нельзя *bona fide* оправдывать и отстаивать нашъ бумажно-денежный *status quo*. Другое дѣло, если прямо на то и бьютъ: дали-бы только намъ веселое времячко и руки погрѣть, а тамъ — *après nous le déluge*. Это рѣчь иная. Для пьяного торгово-промышленнаго веселья дѣйствительно не существуетъ лучшаго хмѣля, чѣмъ бумажныя деньги, въ томъ разиѣрѣ и томъ состояніи, какъ мы ими теперь обладаемъ.

Серьезное-же и солидное возстановленіе производительныхъ силъ страны не только не противурѣчитъ бумажно-денежной реформѣ, а напротивъ ее требуетъ. Честная и солидная часть торгово-промышленнаго мира не нуждается въ томъ, чтобъ трудъ и капиталы, которыми она заправляетъ, приводились въ обращеніе непременно разстроеннымъ денежнымъ механизмомъ. Солидная часть торгово-промышленнаго міра не ищетъ барышей въ томъ, что государственная необходимость могла принудить, въ извѣстный историческій моментъ жизни страны, пожертвовать временно порядкомъ въ обращеніи народнаго богатства. Я говорю о солидной и честной части торгово-промышленнаго міра и не разумѣю подъ этимъ ничего неяснаго: говорю о тѣхъ, у которыхъ дѣйствительно есть что-нибудь за душою, которые имѣютъ трудъ и капиталъ, у которыхъ есть что потерять. *Такие люди ничего не выгадываютъ отъ разстроеннаго денежнаго обращенія, а только теряютъ отъ него; потому что разстроенное денежное обращеніе дѣлаетъ трудъ и капиталъ изъ вѣрныхъ основъ благосостоянія невѣрными, превращаетъ ихъ въ карты и кости, наполняетъ ихъ*

рискомъ и неизвѣстностью, замѣняетъ ясный расчетъ игрою случайностей. Кто дѣйствительно обладаетъ производительными силами: трудомъ, землею или капиталомъ, въ нихъ имѣетъ источникъ наилучшихъ денегъ, золотыхъ - серебряныхъ, или бумажныхъ - разнѣнныхъ. Когда его заставляютъ принимать бумажныя-неразмѣнные и обезцѣненные деньги, тогда его источникъ богатства портятъ, ставятъ въ худшее положеніе, чѣмъ въ какомъ находятся однородные источники въ странахъ, гдѣ ничто не мѣшаетъ производительнымъ силамъ давать наилучшіе, а не наихудшіе результаты. Оттого-то солидная часть торгово-промышленнаго міра не только не нуждается въ томъ, чтобъ ея силы оживлялись неразмѣнными бумажками, а нуждается въ противоположномъ, чтобъ бумажки не мѣшали имъ жить полною жизнью.

Плохи тѣ жизненныя силы, которыя держатся только наркотическими снадобьями. Плохи тѣ силы, которыя производительны только отъ бумажно-денежнаго хмѣля. Клевещутъ на производительныя силы своей страны тѣ, которые не признаютъ за ними способности внутри себя, изъ себя самихъ, а не внѣ себя обладать источниками своей живучести. А еще эта клевета на наши производительныя силы прикрывается „патріотизмомъ“. Хорошъ этотъ патріотизмъ: для него надо искать вдохновеній въ поддонкахъ торгово-промышленнаго міра; въ кругу тѣхъ его представителей, у которыхъ *своего* ничего за душою нѣтъ, которые не могутъ и не хотятъ имѣть ничего дѣйствительно своего, собственнымъ правильнымъ трудомъ нажитаго, у которыхъ глаза вѣчно широко раскрыты лишь на чужое¹⁾. И вотъ такимъ-то поддонкамъ предлагаютъ протянуть руку помощи — изъ патріотическихкихъ видовъ! Въ угоду имъ желаютъ увѣрить правительство, что не только не будетъ никакого вреда для финансоваго положенія страны, но напротивъ будетъ очень похвально, если для мирныхъ цѣлей будетъ оставлено средство, которое и во время войны оправдывается одною лишь крайнею государственною необходимостью?!

¹⁾ Вотъ какъ одинъ изъ ораторовъ палаты общинъ въ засѣданіи 2-го февраля 1819 г. характеризовалъ тогдашнихъ англійскихъ противниковъ бумажно-денежной реформы: «Это—игроки, спекулянты процентными бумагами, плутующіе акціями и вообще наравляющіе прожить на счетъ кого-либо, кто честно трудится». Это—дѣльцы, которые заторговались и безъ всякихъ собственныхъ средствъ пускаются во всевозможныя предпріятія, чтобъ выудить деньги отовсюду, гдѣ онѣ плохо положены. Эти господа готовы на всякую продѣлку (job) и всякую штуку (artifice). Ихъ-то главный интересъ заключается въ томъ, чтобъ бумажно-денежное обращеніе было всегда обильное. И ихъ-то часъ пробьетъ съ реформою». Parl. debates vol. XXXIX, pp. 216—217 (срав. мою Исторію банк. дѣла въ Великобрит. стр. 547).

Я позволилъ себѣ сказать два слова о „поддонкахъ“, вполнѣ сознавая, что одинаковыхъ съ ними взглядовъ могутъ, случайно, придерживатся и кое-какіе солидные представители нашего торгово-промышленнаго міра. И въ Англии только-что цитированный мною (въ примѣчаніи) парламентскій дѣятель долженъ былъ упомянуть, что одинаковыхъ взглядовъ съ охарактеризованными героями плутовства придерживается нѣсколько людей, богатѣйшихъ состояній, безукоризненно честныхъ, которыхъ имена съ одного конца Европы до другого произносятся съ большимъ уваженіемъ. „Но“, прибавлялъ ораторъ: „еще сомнительно, выпадаетъ-ли на ихъ долю руководящая роль въ партіи, къ которой они принадлежатъ“. Такое-же сомнѣніе и я позволю себѣ здѣсь высказать на всякій случай.

Такъ какъ я цитирую парламентскіе дебаты Англии 1819 года по поводу тогдашней бумажно-денежной реформы, то кстати будетъ привести еще одно указаніе: оно непосредственно касается отношенія бумажно-денежныхъ выпусковъ къ торгово-промышленному оживленію при переходѣ отъ войны къ миру.

Не всѣмъ извѣстно, что сэръ Робертъ Пиль въ дѣлѣ бумажныхъ денегъ пережилъ такой-же переворотъ въ убѣжденіяхъ, какой о немъ общезвѣстенъ въ дѣлѣ „хлѣбныхъ законовъ“. Въ 1810 году (во время войны) онъ стоялъ между защитниками „пользы“ выпусковъ; онъ участвовалъ и въ знаменитомъ скандалѣ, учиненномъ этими защитниками въ засѣданіи 15 мая 1810 года, когда парламентъ значительнымъ большинствомъ голосовъ принялъ абсурдную резолюцію, что банковые билеты „не обезцѣнились“, хотя на открытомъ рынкѣ лажъ на золото доходилъ въ это время до 30%. Для Р. Пила, однако, парламентская шалость 1810 г. осталась безъ послѣдствій. Кончилась война и настала знаменитая эпоха „перехода отъ войны къ миру“. Дѣятелямъ 1810 года удалось провести черезъ парламентъ отсрочку закона, предписывавшаго возобновленіе разнѣна чрезъ полгода по окончаніи войны. Въ директорахъ Англійскаго Банка они имѣли самыхъ вѣрныхъ своихъ союзниковъ. И воспользовались-же они предоставленною имъ отсрочкою! Но это-то именно отклонило отъ нихъ такого союзника, какъ сэръ Р. Пиль. Изъ защитника неразвѣнныхъ выпусковъ онъ сдѣлался авторомъ бумажно-денежной реформы 1819 года. И внося въ палату свой билль о реформѣ, онъ объяснилъ, что „главнымъ образомъ его переубѣдили факты изъ періода *послѣ 1816 года*. Его всего

сильнѣе поразило болѣзненное вліяніе бумажныхъ денегъ на духъ предпріимчивости. *Излишняя спекуляція, которая повела ко злу, вызвана была излишними выпусками. Это фактъ безспорный*.¹⁾

Черезъ три года въ палатѣ общинъ снова возникли пренія о бумажно-денежной реформѣ и одинъ изъ ея противниковъ снова запѣлъ старую пѣсню объ „оживленіи промышленности“. Творецъ новѣйшаго торгова-промышленнаго законодательства Англіи, *Гэскиссонъ*, отвѣчалъ на это, между прочимъ, слѣдующее: „это не новая теорія, а лишь попытка опять освѣжить планъ Джона Ло, но въ болѣе искалѣченномъ его видѣ. Разъ принятая какою-либо страной, она должна окончиться такъ, какъ кончился планъ Ло. Вы можете замедлить ея развитіе и достиженіе ея зрѣлости, но заблужденіе не можетъ быть вѣчнымъ. Или вы вернетесь назадъ, или мыльный пузырь наконецъ лопнетъ“.²⁾

¹⁾ Parl. Debates, vol. XL, p. 623 (моя Исторія банковъ въ Великобританіи, стр. 588).

²⁾ Засѣданіе 11 іюня 1822 года. Parl. Debates, new series, vol. VII, pp. 900—901.

О ЗНАЧЕНИИ НАУКИ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ УПРАВЛЕНІИ ¹⁾.

В. П. БЕЗОВА

дѣйствительнаго члена Императорской Академіи Наукъ.

Можетъ показаться весьма страннымъ, чтобъ въ послѣдней четверти XIX вѣка, — въ концѣ столѣтія столь гордаго и самоувѣреннаго въ своихъ успѣхахъ на путяхъ всемірной цивилизаціи, — нужно было доказывать такую пошлую истину, какъ пользу наукъ и научнаго образованія. Однако намъ суждено, и въ Россіи и во всей Европѣ, жить посреди такихъ потрясающихъ внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ событій, посреди такой взволнованной исторической эпохи, что самыя простыя и несомнѣнныя истины подвергаются сомнѣнію и вопросу. Смута понятій, надвинувшаяся съ разныхъ сторонъ на европейское человѣчество, передъ зарею XX вѣка, какъ будто

¹⁾ Настоящая статья была прочтена въ формѣ рѣчи на актѣ Императорскаго Александровскаго (бывшаго Царскосельскаго) лицея, происходившемъ 21 декабря 1878 г., по случаю выпуска воспитанниковъ 36 курса на дѣйствительную государственную службу. Авторъ былъ профессоромъ въ Лицеѣ въ теченіи 10 лѣтъ до 1 января 1879 г. и самъ воспитывался въ немъ. Форма рѣчи осталась въ статьѣ почти безъ всякой перемены.

угрожаетъ омраченіемъ сознанія даже такихъ общечеловѣческихъ истинъ, на счетъ которыхъ не было тѣни недоумѣній уже въ юношеской средѣ учениковъ первыхъ государственныхъ ученыхъ, Платона и Аристотеля, — почти два съ половиною тысячелѣтія тому назадъ.

Двѣ истребительныя стихіи политическаго міра, — революція и война, — разыгрались съ чрезвычайно, никогда неслыханною прежде яростью къ концу нашего вѣка, къ посрамленію его просвѣщенія. Обѣ стихіи проявляются нынѣ совѣмъ въ новой, свойственной только нашему вѣку формѣ своего дѣйствія, — въ формѣ такъ сказать скрытаго дѣйствія, — съ одной стороны въ видѣ всемірной потаенной или подпольной революціонной организаціи, съ другой стороны, въ видѣ общеевропейской организаціи военныхъ силъ, именуемой вооруженнымъ миромъ.

Могущественное противудѣйствіе и давленіе другихъ элементовъ политической жизни, — охранительныхъ элементовъ государственнаго порядка и междунагоднаго міра, — какъ бы вынуждаютъ разрушительныя революціонныя и завоевательныя страсти нашего вѣка уходить между своими взрывами въ эти новыя формы своего *скрытаго состоянія* (*état latent*). Тѣмъ не менѣе это скрытое и потому сгущенное состояніе обѣихъ стихій нисколько не уменьшаетъ, а скорѣе только усиливаетъ истребительность ихъ дѣйствія. Какъ бы ни были продолжительны эти періоды внутренняго и вѣшняго затишья, эти мирныя антрѣакты, — весь образованный европейскій міръ живетъ какъ бы со дня на день въ ожиданіи то злодѣйскихъ покушеній, извергаемыхъ на свѣтъ Божій изъ темныхъ подпольй, въ которыхъ живутъ враги всякаго общественнаго порядка, то въ ожиданіи новыхъ междунагодныхъ столеновеній. Лучшія государственныя и народныя силы, накопленныя вѣками исторіи, непродуцительно истрачиваются на борьбу съ этими разрушительными стихіями революціи и войны, на поддержаніе этого *внутренняго и вѣшняго вооруженнаго міра*. Вся многовѣковая работа правительствъ и народовъ къ улучшенію вещественнаго и нравственнаго благосостоянія людей должна остановиться посреди этой колоссальной траты силъ на содержаніе всей этой внутренней и междунагодной полиціи государствъ.

Обѣ эти стихіи, исходя изъ совершенно различныхъ, даже противоположныхъ, историческихъ источниковъ и нравственныхъ мотивовъ, сходятся однако въ одножъ общемъ результатѣ своего дѣйствія на почвѣ нашихъ наукъ — въ *отрицаніи* основныхъ нравствен-

ныхъ началъ, на которыхъ зиждутся всѣ важнѣйшія отрасли государственныя знаній. Систематически, преднамѣренно или нѣтъ, но это отрицаніе необходимо для обѣихъ этихъ стихій. Оно необходимо въ особенности въ практическомъ вліяніи революціи и войны на умы и чувства всего современнаго общества, — въ особенности на подрастающее поколѣніе.

И революціонныя и завоевательныя страсти, — желающія достигнуть своихъ цѣлей, разрѣшать внутренніе и внѣшніе государственныя вопросы посредствомъ *вещнаго насилія*, посредствомъ *механическаго разрушенія*, — отрицаютъ въ самомъ своемъ существѣ основныя начала права и справедливости; отрицаютъ всѣ *органическіе* законы человѣческой жизни въ обществѣ и государствѣ и постепеннаго историческаго развитія, — начала и законы, положенныя въ фундаментъ всѣхъ нынѣшнихъ государственныхъ наукъ. Понятіе о непрерывности, постепенности *историческаго прогресса*, т. е., всѣхъ успѣховъ человѣческаго развитія, о невозможности внезапно и насильственно создать эти успѣхи, ни даже ихъ ускорить, ни въ государствѣ, ни въ обществѣ, ни въ государственномъ устройствѣ и управленіи, ни въ международныхъ государственныхъ отношеніяхъ, ни въ общественномъ благосостояніи, посредствомъ разрушенія, *ломки историческихъ формъ государственнаго и общественнаго быта*, — это понятіе есть теперь основной догматъ, общій всѣмъ отраслямъ государственныхъ знаній, главное руководящее начало, которое всѣ они одинаково преподаютъ для примѣненія своихъ теорій къ государственной практикѣ.

Вотъ посреди какихъ чрезвычайныхъ историческихъ обстоятельствъ, посреди какихъ непріязненныхъ наукѣ движеній времени приходится теперь новымъ поколѣніямъ выступать изъ школы на поприще гражданской жизни, государственной и общественной дѣятельности! Можно ли не напомнить имъ о значеніи науки, въ критическія минуты ихъ перехода изъ школы къ жизни, отъ науки къ дѣлу, — въ особенности не напомнить объ этомъ гѣмъ, которые преимущественно предназначены къ государственному дѣлу, къ государственной службѣ; можно ли не сказать имъ еще разъ въ такія минуты ихъ разлуки съ школой, передъ ожидающими ихъ соблазнами и искушеніями бурной исторической эпохи, что гдѣ бы и когда бы они ни находились у пракческаго дѣла, они нигдѣ и никогда не могутъ *безнаказанно* для себя и для общества разлучиться съ наукой, не могутъ *безнаказанно* отвернуться въ своемъ умѣ и сердцѣ отъ святыни школы!

Какъ бы ни было сокрушительно для друзей просвѣщенія раз-

внѣ стхій революціи и войны, однако изъ самыхъ фактовъ этого развитія, выходя ближе въ ихъ внутренній смыслъ, имъ всего легче можно узнать значеніе нашихъ наукъ и невозможность безаказаннаго погнанія ихъ вѣчныхъ истинъ.

Революціонныя страсти нашего времени дошли до послѣдней своей крайности, можно думать, до своей послѣдней исторической стадіи, дальше которой некуда идти и откуди возможность только обратный ходъ. Отказавшись отъ всѣхъ началъ религіи и даже общечеловѣческой нравственности, онѣ *открыто отказываются даже отъ всякой науки*. Въ одномъ революціонномъ катехизисѣ, заключающемъ квинтэссенцію самыхъ прогрессивныхъ, самыхъ „передовыхъ“ (?) современныхъ революціонныхъ ученій, прямо и буквально заявлено, что „истинный революціонеръ долженъ отнестись отъ всякой науки иныишнате міра, предоставивъ ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ долженъ знать только одну науку разрушенія. Для этого онъ долженъ только не много познакомиться съ механикой, физикой, химіей и можетъ быть немного съ медициной“, ¹⁾ т. е. усвоить себѣ нѣкоторыя техническія свѣдѣнія о разныхъ истребительныхъ способахъ и веществахъ. Конечно, трудно себѣ представить болѣе глубокое безсмысліе. Конечно, нельзя себѣ вообразить, чтобы какая бы то ни была человѣческая мысль могла дойти до болѣе крайняго предѣла *самоотрицанія*. Какія-же это отдѣльныя, прикладныя научныя свѣдѣнія, хотя бы даже только для изобрѣтенія истребительныхъ техническихъ приспособленій, если отвергается первый источникъ этихъ свѣдѣній — наука? Но какъ бы ни былъ ужасенъ этотъ умственный хаосъ въ понятіяхъ, нельзя однако не радоваться, когда зло въ человѣческихъ обществахъ достигаетъ подобной послѣдней ступени логическаго абсурда, когда оно доходитъ до подобнаго самоотрицанія или внутреннего противурѣчія. Эту необходимую логическую и историческую послѣдовательность революціонныхъ движеній, разлучившихся съ успѣхами нашихъ наукъ въ нынѣшнемъ столѣтіи и дошедшихъ нынѣ до отрицанія науки въ самомъ ея существѣ, — можно только приветствовать какъ добрый признакъ времени, какъ предвѣстіе можетъ быть близкаго кризиса въ недугахъ нашего времени. Тѣмъ лучше для науки, когда разрывается всякая связь между нею и разрушительными, болѣзненными, идеями вѣка, когда наконецъ должны исчезнуть всякія недоразумѣнія по-

¹⁾ См. революціонный катехизисъ русскаго эмигранта М. Базарова, начатый въ „*Emancipationskampf des vierten Standes*, von K. Meyer. Berlin. 1875. II B.

вѣжественной толпы относительно возможности такой противоположной связи. Но въ то же время, тѣмъ важнѣе для насъ убѣдиться при этомъ, что по собственному признанію враговъ государственнаго и общественаго порядка, наука представляется имъ самымъ страшнымъ противъ нихъ оружіемъ, и тѣмъ святѣе обязанности всѣхъ слугъ этого порядка вооружиться этимъ орудіемъ.

Другая стихія политическаго міра, также враждебная успѣхамъ просвѣщенія, — *завоевательная*, военная стихія, заразившая теперь даже самую промышленную и политически зрѣлую націю новой исторіи, — великобританскую, далеко еще не дошла до такого откритата и совмѣтельнаго отрицанія науки. Но вооруженный миръ вынуждаетъ европейскія государства сосредоточивать всю свою дѣятельность также на пользованіи наукою только для развитія *истребительныхъ техническихъ приспособленій*, механическихъ и химическихъ всякаго рода, заниматься только тѣми внутренними государственными иѣрами, которыя вызываются поспѣшнымъ собираніемъ финансовыхъ средствъ, нужныхъ на громадныя расходы этихъ истребительныхъ приспособленій, и покидать своимъ вниманіемъ воѣ тѣ органическія государственныя преобразованія, для которыхъ необходимъ зрѣлый свѣдѣніи по всѣмъ отраслямъ нашихъ наукъ. Такое положеніе можетъ навести глубокое уныніе на учителей и учениковъ этихъ наукъ. И однако, что же мы видимъ? Блистательнѣйшія военныя побѣды одерживаются не вслѣдствіе однихъ только матеріальныхъ усовершенствованій въ вооруженіи сухопутныхъ войскъ и флота, а преимущественно вслѣдствіе внутренняго государственнаго могущества и гражданскаго благоустройства, созданныхъ государственными людьми, которые были прежде всего вооружены всѣми мирными научными знаніями нашего вѣка. Конечно не однимъ игольчатымъ ружьемъ и пушкой Круппа обязана была мирная когда-то Пруссія своимъ торжествомъ надъ воинственнѣйшею державою Европы прежняго времени. Пруссія обязана была этимъ торжествомъ прежде всего и болѣе всего великимъ государственнымъ реформамъ, возродившимъ ее въ началѣ этого столѣтія, и болѣе всего своимъ школамъ и университетамъ, воспитавшимъ въ теченіи полустолѣтія эту массу труженниковъ на всѣхъ поприщахъ государственной службѣ, и гражданской и военной, эту массу должностныхъ лицъ, и талантливыхъ и неталантливыхъ, не всегда зрѣло, научно образованныхъ, которыми до сихъ поръ гордится Пруссія, и можетъ гордиться несравненно болѣе, чѣмъ всѣми своими артиллерійскими открытіями. Наравнѣ съ нею, эти открытія покупаются на деньги всѣми дру-

гими государствами Европы, даже Турціей; но не так легко могутъ быть заимствованы служители государства, воспитанные продолжительною школою и наукой.

Точно также и наше отечество обязано своими недавними славными побѣдами надъ Оттоманскою Имперіей не одному только совершенству своихъ вооруженій, которыми была снабжена также и Турція, даже не одному только доблестному духу своихъ войскъ, который недоставаель азіятскимъ войскамъ, но оно обязано также этими побѣдами великимъ государственнымъ преобразованіемъ нынѣшняго царствованія, обновившимъ весь нашъ государственный строй и высоко поднявшимъ духъ и нашей армии, и всего нашего народа. На совершеніе всѣхъ этихъ преобразованій, которыя навсегда увѣковѣчатъ имя Императора Александра II не только въ русской, но и во всемірной исторіи, пошло не мало научныхъ знаній, накопленныхъ въ теченіи предъидущаго мирнаго періода, въ средѣ дѣйствовавшаго и нынѣ сходящаго съ нашей государственной сцены поколѣнія русскихъ людей.

Но послѣ всего этого, весьма естественно возникаетъ вопросъ: какими-же силами обладаетъ юное поколѣніе, хотя бы и вооруженное наукою, только что выступающее на поприще государственной и общественной жизни, на высшихъ ступеняхъ государственной службы, чтобы бороться противъ такихъ могущественныхъ золъ, въ такую встревоженную историческую эпоху? Даже въ обыкновенное время, слышится, большею частью, такое первое впечатлѣніе и такое первое разочарованіе молодыхъ людей, переходящихъ изъ школы на государственную службу: они не находятъ въ своихъ занятіяхъ никакого примѣненія преподаваемыхъ имъ наукъ, въ особенности, никакого приложенія къ дѣлу тѣхъ теорій, которыми они восторгались въ школѣ. Все то, чему они учились, оказывается совсѣмъ непригоднымъ для служебной и жизненной практики. Многие первые горькіе опыты гражданской жизни, ея суровыя требованія личной ответственности, послѣ мягкой любви и снисхожденій школьной жизни могутъ быть естественны и неизбежны, но въ упомянутомъ выше вопросѣ и впечатлѣніи коренится нѣчто болѣе существенное, одно глубокое заблужденіе относительно значенія науки, теорій, въ административной практикѣ, о которомъ нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Какъ бы много ни сдѣлали успѣховъ государственныя и общественныя науки, онѣ не содержатъ въ себѣ никакихъ такихъ ученій, которыя могли бы быть прямо, дѣликомъ перенесены въ законодательство и администрацію; онѣ не даютъ никакихъ инструкцій

и рецентов для изданія законовъ и административныхъ распоряженій. Вовсе не въ этомъ заключается первая и самая практическая задача школы и науки въ законодательствѣ и администраціи, во всякой дѣйствительной жизни. Наши науки устанавливаютъ только общіе начала, принципы для пракческаго дѣйствія, т. е., указываютъ на идеальные или правильные пути, воспринимая *идеальныя стремленія* въ подрастающемъ поколѣніи. ¹⁾ Безъ этихъ стремленій, безъ этихъ идеаловъ науки нельзя обойтись ни на какихъ ступеняхъ государственной дѣятельности, ни на самыхъ высшихъ, ни на самыхъ низшихъ, а если и можно обойтись, то приходится весьма плохо и для самихъ дѣятелей, и для общества.

Неужели въ самомъ дѣлѣ необходимость идеаловъ науки для государственнаго и административнаго дѣла есть только благозвучная фраза, только приличное украшеніе слога? Неужели въ этихъ звукахъ нѣтъ никакой жизненной, практической, насущной правды?

Говорить о необходимости идеальныхъ задачъ, т. е., далекихъ, конечныхъ, хотя бы и никогда вполне недостижимыхъ цѣлей, *для сыновнихъ государственныхъ дѣятелей*, кажется совершенно излишнимъ. Безъ этихъ задачъ и цѣлей невозможно нигдѣ для самыхъ гениальныхъ людей не только никакое государственное творчество, но даже просто невозможно распознаться и проложить себѣ ясный, опредѣленный путь посреди сложныхъ и запутанныхъ, внутреннихъ и вѣншихъ политическихъ обстоятельствъ времени; невозможно овладѣть этими обстоятельствами и господствовать надъ ними, какъ это требуется отъ высшей правительственной мысли. Забѣгаемое часто безсиліе этой мысли въ борьбѣ съ государственнымъ зломъ происходитъ болѣе всего отъ слабости ея научнаго вооруженія; безъ науки, не только нѣтъ ясныхъ и точныхъ, *сознательно принятыхъ* путей для этой борьбы, но нѣтъ даже свѣдѣній о томъ пространствѣ, по которому эти пути должны быть проложены и о препятствіяхъ, которыя на нихъ встрѣчаются. Нивкакимъ государственнымъ талантомъ, никакимъ инстинктомъ нельзя предугадать этихъ путей и этихъ препятствій. Талантъ и инстинктъ, столь ниско дѣйственные въ государственномъ дѣлѣ, увеличиваютъ только силы государственныхъ людей, уже вооруженныхъ силами науки.

Хотя по словамъ Наполеона I каждый солдатъ долженъ нести

¹⁾ См. Mohl, Politik, Tübingen, 1869. II B., «Die Bildung der berufsmässigen Verwaltungsbeamten» p. 405. Кроме этого труда см. еще слѣдующія сочиненія относящіяся къ затронутымъ нами вопросамъ L. v Stein, Innere Verwaltung. Stuttgart, 1868 (5 часть «Verwaltungslehre») и его же Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaften. Stuttgart 1876.

въ своемъ рангѣ маршальскій жезлъ, однако главный нашъ интересъ сосредоточенъ здѣсь на образованіи не фельдмаршаловъ, а только офицеровъ и даже только солдатъ гражданскаго войска. Только воспитаніе этихъ послѣднихъ составляетъ прямую задачу войсковой государственной школы. Первые — не болѣе какъ счастливая случайность въ ея историческихъ судьбахъ.

Идеалы науки необходимы на самыхъ лучшихъ и подчиненныхъ ступеняхъ государственной и общественной службы, для самаго простаго и ничтожнаго административнаго дѣла. Только эти идеалы придаютъ смыслъ этому дѣлу, возбуждая въ его исполнителя сознаніе того общаго, живаго, цѣлаго, которое объемлетъ всю іерархію государственныхъ инстанцій и агентовъ отъ высшихъ до низшихъ и отъ самыхъ общихъ и великихъ государственныхъ вопросовъ до самыхъ частныхъ и мелкихъ. Безъ науки, безъ ея идеальныхъ задачъ въ государственномъ устройствѣ и управленіи, — задачъ, соединяющихъ въ единый организмъ государства всѣхъ представителей его власти и всѣхъ его исполнителей, — безъ этого, нѣтъ даже понятія объ этомъ цѣломъ, нѣтъ умственного интереса ни къ какому служебному дѣлу, ни къ великому, ни къ малому. Отсюда самые практическіе результаты, и для дѣла, и для его исполнителей.

Творчество, самостоятельныя отношенія къ своему материалу возможны на самой нижней служебной должности, въ самомъ маломъ дѣлѣ: даже въ порядкѣ и системѣ составленія ежедневныхъ отчетовъ. Можно на самой подчиненной ступени служебной іерархіи быть хозяиномъ своего дѣла, можно его улучшить, усовершенствовать, также точно какъ можно всякое дѣло, и малое и крупное, держать въ застояхъ, ухудшить и испортить. Только наука, только сознаніе идеальныхъ задачъ общаго цѣлаго въ государственномъ строѣ возбуждаютъ къ этому творчеству, къ этому усовершенствованію въ исполненіи всякой служебной обязанности. Только наука объясняетъ связь самой малой пружины государственной машины со всѣми самыми верховными функциями государства. Пониманіе этой связи немислимо безъ высшихъ государственныхъ идеаловъ, *безъ идеи, связующей* всѣ инстанціи и всѣ должности въ одно цѣлое; это пониманіе и возбуждаетъ къ усовершенствованію, къ развитію всякой самой малой служебной работы. Только наука и просвѣщенные ею должностныя лица изгоняютъ изъ государственныхъ учрежденій мертвящую бюрократическую рутину, которая столько-же вредна для дѣла, какъ и для характера его исполнителей.

Не менѣе важны для самихъ исполнителей, для ихъ личныхъ

интересовъ, для ихъ характера и духа такіа самостоятельны, сознательны, научныя отношенія къ своему дѣлу. При этихъ отношеніяхъ каждое самое незначительное должностное лице чувствуетъ себя частицею великаго цѣлаго, великаго отечества; гордится честью своего самаго малаго дѣла, быть его самостоятельнымъ хозяиномъ; оно удовлетворяется интересомъ этой самодѣтельности и этого творчества на самомъ скромномъ поприщѣ государственной службы. Отсюда неслучайными и плодотворными послѣдствіями въ практической, дѣйствительной жизни каждого должностнаго лица; мы можемъ указать только на крупнѣйшія изъ этихъ послѣдствій. Чувство самостоятельнаго распоряженія своимъ дѣломъ придаетъ его исполнителю ту нравственную внутреннюю независимость характера, которая можетъ быть сохранена на самой низкой ступени служебной іерархіи и которая наилучшимъ образомъ соединяется съ самою строгою служебною дисциплиною. Эта нравственная независимость всякаго служебнаго положенія, это сознание своего долга передъ государствомъ и умноженный интересъ къ его исполненію вознаграждаютъ за всякія случайныя невзгоды такъ называемой карьеры, оберегаютъ отъ безтрусныхъ передвиженій по служебной лѣстницѣ, отъ негодни за мѣстами, которая также гибельна для государственной службы, какъ и для нравственнаго характера служащихъ.

Наконецъ школьная наука, какъ бы она ни была недостаточна, побуждаетъ *продолжать учиться*. Въ этомъ едва ли не первая ея заслуга. Наука безконечна и каждый, самый гениальный человѣкъ учится до послѣдняго дня своей жизни. Если школь, подготовляющая людей къ служебнымъ обязанностямъ, удалось внушить хотя бы только это одно побужденіе — продолжать учиться, и всегда учиться — то она уже сдѣлала очень много. Замѣчательнѣйшіе государственные люди, на высшихъ государственныхъ должностяхъ, никогда не перестаютъ изучать окружающія ихъ условія государственной жизни, не перестаютъ учиться. Поэтому только они и обладаютъ этимъ могуществомъ учить и изучать другихъ. Первую иерарху къ этой любознательности, къ просвѣщенію себя и другихъ, бросаетъ къ ихъ думѣ школьная наука, школьный учитель.

Всѣ высказанныя нами мысли о значеніи науки для образованія государственныхъ лицъ были безъ сомнѣнія присущи Великословенному Основателю Имп. Александровскаго (Царскосельскаго) Лицея. Въ Выс. утвержд. постановленіи объ учрежденіи Лицея 12 августа 1810 г. было сказано, что онъ долженъ „готовить молодыхъ людей къ важнымъ частямъ государственнаго управле-

ніа". 1) Не намъ судить, въ какой степени намъ Лицей исполнилъ эту высокую задачу своего учрежденія, указанную царственнымъ почитателемъ государственныхъ наукъ, просвѣщеннѣйшимъ Монархомъ не только Россіи, но и всей Европы того времени.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи трехъ царствованій, многіе и многіе воспитанники Лицея стояли и дѣйствовали на всѣхъ поприщахъ государственной и общественной службы, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ ея ступеней. Многіе изъ нихъ были усердными исполнителями великихъ государственныхъ реформъ нынѣшняго царствованія. Каждое поколѣніе, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, исполняя свой вѣрноподданичскій долгъ, оставаясь вѣрнымъ возвышеннымъ предначертаніямъ Основателя Лицея, его благороднымъ и просвѣщеннымъ преданіямъ, должно было въ своей службѣ отечеству преодолевать затрудненія, замѣчательства своего времени; каждое должно было бороться „со злобою своихъ дней“.

И нынѣшнее поколѣніе, выступающее на государственное поприще, имѣетъ передъ собою такую-же злобу, надъ которою оно призвано будетъ трудиться.

Объ этой злобѣ, объ этихъ исключительныхъ „историческихъ обстоятельствахъ нашего времени“, мы упомянули въ самомъ началѣ. Они между прочимъ указаны и Августѣйшимъ Почитателемъ Имп. Александровскаго Лицея. Эти замѣчательныя указанія мы позволимъ себѣ здѣсь привести.

Объясняя въ своей запискѣ (меморандумѣ), сообщенной арсеналу дипломатовъ и знаменитѣйшихъ государственныхъ людей Европы, собиравшихся въ прошедшемъ году въ Берлинѣ, чувствительнѣйшіе политическіе недуги нашего времени, опустошенія, производимыя истребительными стихіями революціи и войны, Е. И. В. Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій сказалъ между прочимъ слѣдующія незабвенныя слова: „..... не одними штыками должно бороться противъ идей (революціонныхъ). Если мечъ правосудія можетъ вратить преступниковъ, то онъ не можетъ искоренить зародившейся преступныхъ идей“. И въ другомъ мѣстѣ: „.... вооруженный миръ есть бѣдствіе для всѣхъ правительствъ, потому что онъ лишаетъ ихъ средствъ облегчать положеніе народа и заботиться обо всѣхъ необходимыхъ улучшеніяхъ во внутренней администраціи“.

¹⁾ См. записку нашу, поданную нѣсколько лѣтъ тому назадъ о преобразованіи Лицея въ высшую государственную школу, или въ факультетъ государственныхъ наукъ, согласно со всеми требованіями ихъ современной системы.

КРИТИКА
И
БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЦЕРКОВЬ.

Критическій анализъ главнѣйшихъ ученій объ отношеніи между церковію и государствомъ, *П. Спрингскаго*. Москва. 1878. Вып. 1, стр. 113.

Авторъ брошюры не задается мыслию — разрѣшить сложный и трудный вопросъ объ отношеніи между церковію и государствомъ. Онъ предполагаетъ въ своемъ изслѣдованіи — „показать образование и развитие началъ“, на которыхъ разнообразно разрѣшенъ означенный вопросъ въ исторіи христіанскаго міра, но съ критическою ихъ оцѣнкою.

Въ настоящемъ выпускѣ авторъ изображаетъ происхожденіе, историческое развитіе и отличительныя черты двухъ первоначальныхъ въ христіанскомъ мірѣ системъ отношеній между государствомъ и церковью. Одна система названа авторомъ системою „господства государства надъ церковію“ или „цезаре-папизмомъ“; другая — системою господства церкви надъ государствомъ или римскимъ папизмомъ. Подъ первую систему авторъ разумѣетъ византійскую, сложившуюся въ теченіи первыхъ девяти вѣковъ христіанства. Онъ изображаетъ ее (на стр. 9—68) въ историческомъ развитіи коротко, ясно, безпристрастно, отчетливо. Результатомъ историческаго изображенія и критическаго разбора ея является у автора положеніе: отношенія между церковью и государствомъ *могли-бы быть правильными* и благоприятны и для церкви и для государства и не вели бы къ различнымъ запутанностямъ, *если-бы не отличались непоследовательною и внутренними противорѣчіями*, уничтожившими ихъ добрые плоды, которыхъ можно было бы ожидать отъ нихъ при совершенно иныхъ условіяхъ“. Въ изображеніи (стр. 68—113) системы „господства церкви надъ государствомъ“ или „римскаго папизма“ авторъ брошюры разъясняетъ связь и образование ея съ историческимъ положеніемъ папы въ первые вѣка христіанства; показываетъ характеристическія особенности ея сравнительно съ византійскимъ цезарепапизмомъ; затѣмъ выясняетъ сущность средневѣковой идеи императорской власти и вліяніе ея на развитіе римскаго папизма. — Брошюра не имѣетъ претензій внести вкладъ

въ науку; но, при недостаткѣ русской литературы объ этомъ предметѣ и при чрезвычайно богатой, разнообразной и — можно сказать — запутанной въ этомъ дѣлѣ литературы Западной Европы, брошюра г. Срѣтенскаго весьма полезна для лицъ, желающихъ ознакомиться съ существомъ той части предмета, которая представлена авторомъ. Историческія и юридическія свѣдѣнія брошюры довольно полны; автору представляются они ясно и изложены удобно для читателя. Въ критическомъ анализѣ системъ отношеній между церковью и государствомъ г. Срѣтенскій стоитъ на основаніи того воззрѣнія, по которому признается, что церковь, какъ своеобразное общество, можетъ и должна быть самостоятельною въ государствѣ въ предѣлахъ своихъ цѣлей. — Желательно, чтобы авторъ продолжалъ свой трудъ.

Очерки внутренней исторіи Византійско-восточной церкви въ IX—XI вѣкахъ, Экстраорд. проф. Московской дух. Академіи А. Лебедева. М. 1878. Стр. VI+264.

Книга г. Лебедева въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть названа продолженіемъ вышерассмотрѣнной брошюры г. Срѣтенскаго и можетъ служить пособіемъ для знакомства съ положеніемъ отношеній между церковью и государствомъ въ періодъ времени, послѣдующій за тѣми временами, которое изображено въ книгѣ г. Срѣтенскаго. Въ „Очеркахъ“ г. Лебедева, состоящихъ изъ 4-хъ отдѣловъ, первый изъ нихъ (1—93) имѣетъ заглавіе „Церковь, государство и общество“ и изображаетъ „теоретически высокое, практически униженное положеніе церкви въ государствѣ“, въ рассматриваемый авторомъ періодъ, — когда „церковь была на службѣ государству“ и въ тоже время испытывала неумѣстное „вмѣшательство императоровъ въ ея дѣла“. Къ разъясненію отношеній между государствомъ и церковью въ рассматриваемый г. Лебедевымъ періодъ можетъ служить и второй отдѣлъ его книги, въ которомъ изображаются „смуты въ іерархіи“ и, между прочимъ, „ученье о пен-тархін патріаршей“, попеченіе церкви о дисциплинѣ клира, ея борьба съ ересями и условія развитія церковнаго законодательства. Въ остальныхъ двухъ отдѣлахъ книги авторъ обрисовываетъ состояніе образованности, науки и религіозно-умственной жизни византійцевъ въ теченіе означенныхъ трехъ вѣковъ. Книга г. Лебедева полезна не только для знакомства съ историческимъ состояніемъ константинопольской церкви въ рассмотрѣнный имъ періодъ, но и для подготовки къ рассмотрѣнію того вліянія, какое могла византійская церковь оказать на народности, среди которыхъ распространялись и утверждались въ этомъ періодѣ, подъ зависимостію константинопольской церковной власти, христіанская вѣра и церковь. Поэтому, книга г. Лебедева имѣетъ немаловажное значеніе при изученіи первоначальной исторіи русской церкви. Очерки г. Лебедева написаны живо, бойко и съ достаточнымъ указаніемъ источниковъ и литературы.

Споры безпоповцевъ о бракѣ, *К. Надеждина* Изд. 2-е. Владиміръ, 1877. Стр. 148.

Эта небольшая брошюра составлена на основаніи раскольническихъ рукописей и журнала „Истина“, который сначала (1863—1868 г.) былъ органомъ одного изъ толковъ Ѳедосѣевцевъ, а затѣмъ единовѣрія. Въ брошюрѣ излагаются разногласія о значеніи и существѣ брака, существующія между двумя толками Ѳедосѣевцевъ. Приверженцы „Преображенскаго кладбища“ держатся такихъ понятій о бракѣ, которые могутъ быть поставлены въ слѣдующихъ положеніяхъ: „бракъ долженъ быть таинствомъ; но таинства съ низведеніемъ благодати на приѣмлющихъ ихъ могутъ совершаться лишь при существованіи истиннаго священства; а истиннаго священства теперь нѣтъ въ церкви; стало быть не можетъ быть теперь ни таинствъ вообще, ни брака въ частности; и поэтому всѣ истинные христіане (т. е. Ѳедосѣевцы) должны быть безбрачны“.

Противники Ѳедосѣевцевъ, прихожане Покровской въ Москвѣ часовни, также безпоповцы, сохраняютъ, защищаютъ и распространяютъ воззрѣнія на возможность и необходимость брака въ слѣдующемъ видѣ: „бракъ не есть только таинство, совершаемое чрезъ вѣнчаніе, но и сочетаніе; онъ можетъ установиться и помимо священства, хотя и не сдѣлается безъ вѣнчанія таинствомъ; слѣдовательно установленіе брака законнаго, по гражданству, возможно. Мало того; бракъ — необходимъ; потому что онъ установленъ Богомъ въ природѣ человѣческой для размноженія рода человѣческаго и царства Божія и для избѣжанія безпутной жизни, которою такъ отличаются приверженцы Ѳедосѣевского кладбища“. Борьба указанныхъ двухъ воззрѣній на бракъ и представлена въ брошюрѣ г. Надеждина. Такимъ образомъ, содержаніе ея даетъ матеріалъ для знакомства съ существующими въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества воззрѣніями на существо, значеніе и формы заключенія брака. Эти воззрѣнія представлены въ брошюрѣ въ видѣ извлеченій изъ сочиненій раскольническихъ писателей. Лица, занимающіяся изслѣдованіемъ или изученіемъ русскаго брачнаго права и существующихъ въ народѣ понятій о различныхъ сторонахъ брака, не должны игнорировать брошюры г. Надеждина, хотя она не отличается ни богатствомъ содержанія, ни обширностію и полнотою изложенія.

Церковный судъ въ первые вѣка Христіанства. Историко-каноническое изслѣдованіе *Н. Заозерскаго*. Кострома. 1878. Стр. III + 349.

Сочиненіе г. Заозерскаго заслуживаетъ особеннаго вниманія тѣхъ лицъ, которые интересовались движеніемъ въ послѣдніе годы въ нашемъ обществѣ, въ печати и законодательствѣ вопроса о такъ называемой „духовно-судебной реформѣ“. Извѣстно, что этотъ вопросъ занималъ русское общество, печать и „вѣдомство православнаго исповѣданія“ болѣе десяти лѣтъ сряду и до сихъ поръ остается неразрѣ-

шеннымъ и нисколько неизмѣненнымъ противъ того положенія, въ какомъ онъ явился въ наслѣдіе нашему времени отъ временъ дореформенныхъ. Много было толковъ о духовно-судебной реформѣ въ нашей публицистической литературѣ; не мало времени, энергии и труда посвятили на подготовку реформы „свѣтскіе“ и „духовные юристы“, приглашенные къ законодательнымъ работамъ по „вѣдомству православнаго исповѣданія“, и сами высокопоставленные лица этого вѣдомства. Но, къ сожалѣнію, слѣдуетъ сознаться, что шумъ и толи, съ которыми разрѣшался „вопросъ“, обнаруживали, что значеніе церковно-судебнаго права недостаточно ясно и вѣрно сознается въ той средѣ нашего общества, которая силится имѣть и оказываетъ свое преобладающее вліяніе на законодательныя реформы нашей церкви. Недостаточность яснаго сознанія и пониманія значенія православнаго церковно-судебнаго права происходитъ между прочимъ отъ того, что въ означенной сферѣ не оказывается вниманія къ научной разработкѣ вопросовъ церковнаго права; отъ этого и самая разработка ихъ посредствомъ научныхъ приемовъ идетъ медленно, встрѣчаетъ множество препятствій. При такомъ положеніи науки и литературы „церковнаго права“ въ православной Россіи появленіе всякаго, какого бы то ни было новаго, „историко-каноническаго изслѣдованія“ — весьма рѣдко и внимательно привѣтствуется всѣми, кто желаетъ успѣховъ этой наукѣ и развитію правосознанія въ русской церкви. Ученое же изслѣдованіе о такомъ предметѣ церковнаго права, который возбуждаетъ споры въ нашей публицистической печати и передъ законодательнымъ разрѣшеніемъ вопроса о немъ, есть своего рода подвигъ со стороны автора. Такой подвигъ и совершилъ г. Заозерскій.

„По поводу вопроса о церковнослужебной реформѣ, говоритъ авторъ въ предисловіи своего изслѣдованія, *не мало* было удѣлено *трудоѡ* на отысканіе и истолкованіе тѣхъ данныхъ практики и законодательства церкви, которыми такъ или иначе представители нашей *канонической литературы* думали обосновать свои сужденія и проекты преобразования современнаго намъ церковнаго суда, который бы вполнѣ удовлетворялъ, съ одной стороны, современному положенію церкви и ея потребностямъ, съ другой — въ тоже время согласовался бы и съ основными началами суда древней вселенской церкви. Такимъ образомъ затронуть былъ вопросъ о судѣ древней церкви, и *наша литература представила нѣсколько изслѣдованій о немъ*... Но „представленіе о церковномъ судѣ первыхъ вѣковъ христіанства, какое дала намъ литература наша по этой части“, по справедливому замѣчанію автора, „не полно“, едва ли вѣрно и во всякомъ случаѣ не свободно отъ оспорованія; „ибо спорившіе между собою изслѣдователи разошлись съ противоположными воззрѣніями на этотъ предметъ: одни нашли древній судъ церкви нисколько не противорѣчающимъ съ выработаннымъ проектомъ реформы нашего суда, другіе, напротивъ, нашли ихъ несогласующимися между собою“. Въ виду этого „авторъ и поставилъ себѣ задачей издать такое „изслѣдованіе, которое, отрѣшившись отъ всякихъ практическихъ задачъ, представило бы по возможности *полное и точное изображеніе церковнаго суда первыхъ пяти вѣковъ христіанства*“.

Задача, которую старался выполнить авторъ въ своемъ изслѣдованіи, почтенная; наша литература, церковная жизнь и законодательныя работы по „духовно-судебной реформѣ“ нуждаются въ „полномъ и точномъ изображеніи церковнаго суда первыхъ вѣковъ христіанства“. Такое изслѣдованіе крайне важно и необходимо въ каждой помѣстной церкви, въ каждомъ вѣроисповѣданіи — и независимо отъ требованій какаго бы-то нибыло времени. — Какъ же выполнена авторомъ предположенная имъ задача? Это можно видѣть изъ обзора содержанія его изслѣдованія и критической его проверки.

Послѣ небольшого введенія (стр. 1—6), въ которомъ показываются отличительныя черты внутренняго (*internum*) церковнаго суда отъ внѣшняго (*externum*), открытаго, церковно-общественнаго суда, составляющаго предметъ его изслѣдованія, авторъ дѣлитъ самое изслѣдованіе на двѣ неравныя части. Въ первой части (стр. 7 — 53) авторъ говоритъ „о церковномъ судѣ по ученію Спасителя и апостоловъ, изложенному въ свящ. писаніи новаго завѣта, и по апостольскимъ правиламъ.“ Во второй части (стр. 54 — 349) излагаетъ, по тремъ отдѣленіямъ и въ многочисленныхъ главахъ, историческое развитіе церковнаго суда въ теченіи II, III, IV и V вѣковъ христіанства.

Въ той и другой части авторъ слѣдитъ за развитіемъ трехъ главныхъ сторонъ церковнаго суда: онъ старается показать 1) объемъ вѣдомства церковнаго суда за рассматриваемое имъ время, 2) главные основанія и черты церковнаго судоустройства и 3) формы и порядки церковнаго судопроизводства. Въ первой части, всѣ эти предметы излагаются авторомъ безъ всякаго раздѣленія на отдѣленія и главы; во второй части сочиненія, по количеству главныхъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ авторомъ, дѣлится на три отдѣленія, а каждое отдѣленіе на нѣсколько главъ.

Объемъ вѣдомства церковнаго суда въ первомъ вѣкѣ опредѣляется въ изслѣдованіи подробнымъ исчисленіемъ преступленій, подлежащихъ суду церкви по „апостольскимъ правиламъ“ (стр. 36—40); преступленія исчисляются авторомъ по категоріямъ, но безъ анализа ихъ состава, безъ опредѣленія каждаго преступленія и безъ всякаго указанія на степень ихъ наказуемости. Въ изслѣдованіи вѣдомства церковнаго суда за время II — V вв. авторъ старается (въ двухъ главахъ) опредѣлить объемъ его на основаніи апостольскихъ постановленій, правилъ св. отцевъ этого времени, церковно-судебной практики и законодательныхъ памятниковъ церкви, и указываетъ (въ третьей главѣ втораго отдѣленія) предѣлы и отношенія между церковною и государственною подсудностію по законодательнымъ памятникамъ римскихъ императоровъ отъ Константина до Юстиніана.

Изслѣдованіе автора о церковномъ судоустройствѣ состоитъ — въ первой части его труда — изъ разрѣшенія, на основаніи словъ Мк. 18, 15 — 18 и I Тим. 5, 19 — 20, вопроса — кто имѣетъ власть производить судъ въ церкви. Во второй же части сочиненія посвящены разъясненію церковнаго судоустройства въ періодъ времени II — V вв. четыре главы. Въ первой главѣ этой части онъ говоритъ объ епархіальномъ судѣ, его составѣ и предѣлахъ власти; во второй — о вспомога-

тельныхъ епископу органахъ *того же* епархіального суда; въ третьей — о составѣ и предѣлахъ власти соборнаго суда; въ четвертой — о судебной власти патріаршихъ и вселенскихъ соборовъ.

О церковномъ процессѣ авторъ въ первой части изслѣдованія говоритъ два раза: при объясненіи (на стр. 8—16) извѣстныхъ словъ Спасителя (Мф. XVШ, 15—18: „Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой и пр.“) и при сводѣ результатовъ своихъ изслѣдованій первой части (на стр. 52—53). Во второй части авторъ изображаетъ церковный процессъ, за время II—V вв., весьма подробно, — въ шести главахъ. Здѣсь онъ указываетъ и на общія положенія о церковномъ судоустройствѣ; трактуетъ и о формахъ и порядкѣ церковнаго процесса въ первой инстанціи; излагаетъ правила епархіального и соборнаго судопроизводства; говоритъ и объ апелляціонномъ процессѣ, и о вліяніи римскаго обвинительнаго процесса на церковный процессъ IV и V вв.; приводитъ и образцы церковно-судебныхъ процессовъ V вѣка.

Изслѣдованіе автора заканчивается заключеніемъ (347 — 349), въ которомъ онъ вкратцѣ излагаетъ очеркъ своихъ изслѣдованій о предметѣ, составляющемъ содержаніе книги.

Очеркъ содержанія изслѣдованія г. Заозерскаго убѣждаетъ читателя, что авторъ, дѣйствительно, старался выяснить предположенную имъ задачу — „представить по возможности *полное* изображеніе церковнаго суда первыхъ пяти вѣковъ христіанства“. Имъ собрано много матеріала по предмету его работы, — матеріала хотя извѣстнаго и безъ его книги, но разбросаннаго по разнымъ памятникамъ церковной письменности, имъ подобранаго въ одну книгу и расположеннаго по частямъ, отдѣленіямъ и главамъ. Книга г. Заозерскаго содержитъ въ себѣ, дѣйствительно, столь *полное* собраніе матеріала по его предмету, какого мы не встрѣчаемъ ни въ нѣмецкой, ни во французской, ни даже въ латинской (средне-вѣковой) литературѣ. Отдѣлъ о предметахъ вѣдомства церковнаго суда за первые пять вѣковъ христіанства представляетъ первый опытъ исчисленія преступленій, подсудныхъ церковному суду, на основаніи апостольскихъ правилъ и другихъ памятниковъ, — исчисленія столь подробнаго, какое сдѣлано Бингамомъ въ его „Древностяхъ“ и И. Вѣтринскимъ въ его Памятникахъ церковныхъ древностей, но по иной системѣ. Но, не смотря на старанія г. Заозерскаго о *полнотѣ* изображенія церковнаго суда за первые пять вѣковъ христіанства, нельзя сказать, чтобы онъ изобразилъ въ своей книгѣ *всѣ* стороны церковнаго суда. Онъ вовсе не говоритъ въ своемъ изслѣдованіи, наприм., о церковныхъ наказаніяхъ, объ условіяхъ наказуемости виновныхъ, о при- мѣненіи церковныхъ наказаній и т. п. Между тѣмъ, при стараніи о *полнотѣ* изслѣдованія, не слѣдовало бы, кажется, *импорировать* и оставлять безъ вниманія указанныя другія стороны церковнаго суда. Правда, авторъ ограничиваетъ полноту изображенія церковнаго суда за разсматриваемое имъ время *возможностию* (въ предисловіи стр. 3); и эту возможность на стр. 343-й онъ ставитъ въ зависимость отъ данныхъ исторіи и церковнаго законодательства. Но этою оговоркою едва ли устраняется возможность упрека автору за неполноту; даже тѣхъ матеріаловъ, которые собраны въ книгѣ автора, было бы достаточно для

того, чтобы опущенныя имъ стороны церковнаго суда могли быть представлены въ полнотѣ, соответственной разсмотрѣннымъ въ его книгѣ сторонамъ.

Дѣйствительное объясненіе того, почему г. Заозерскій занялъ изображеніемъ разсмотрѣнныхъ имъ сторонъ церковнаго суда съ опущеніемъ другихъ, заключается въ весьма замѣтномъ при чтеніи большей части его книги стараніи — въ виду споровъ о церковномъ судѣ, бывшихъ по поводу проекта духовно-судебной реформы, „окончательно“ и „полно“ представить въ смыслѣ одной изъ спорящихъ сторонъ тѣ стороны древняго церковнаго суда, которыя составляли предметъ споровъ.

Это стараніе авторъ усиливается замаскировать въ книгѣ, но, по нашему мнѣнію, неудачно. Если бы авторъ не только упомянулъ о той нашей „литературѣ касательно суда древней церкви, которая старалась установить правильное отношеніе къ нему предполагаемыхъ церковно-служебныхъ реформъ“, но перечислилъ ея произведенія, показалъ бы ихъ содержаніе и направленіе и отнесся бы къ нимъ съ критическимъ разборомъ; то читатель книги г. Заозерскаго безъ всякаго труда могъ бы замѣтить, что его книга по своему направленію примыкаетъ къ тѣмъ произведеніямъ литературы, которыя явились со стороны іерократическаго направленія въ разрѣшеніи вопросовъ о церковномъ судѣ, и что она какъ бы и написана для поддержанія этого направленія. Мы весьма далеки отъ мысли — упрекать автора за направленіе. Но его сочиненіе нѣмало бы болѣе ученыхъ достоинствъ, если бы онъ, „отрѣшившись отъ всякихъ практическихъ задачъ“, разсматривалъ и разрѣшалъ вопросы, его занимавшіе, по степени своего пониманія, съ своей точки зрѣнія, но въ связи съ различными рѣшеніями ихъ въ литературѣ. Его рѣшенія и разъясненія спорныхъ предметовъ вышли бы тогда болѣе основательны и оставлены были бы съ болѣею ясностію, *точностію* и убѣдительностію, чѣмъ теперь. Авторъ, по видимому, „отрѣшился“ отъ указанія и разсмотрѣнія русской литературы по изслѣдуемому имъ предмету и отъ споровъ съ „невѣрнымъ представленіемъ объ изслѣдованныхъ въ ней сторонахъ древняго церковнаго суда“ для того, чтобы явиться независимымъ отъ всякой полемики и безпристрастнымъ изслѣдователемъ предмета по первымъ источникамъ. Но желаніе его быть безпристрастнымъ отъ вліянія литературы не устранило его отъ ссылокъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ подтвержденіе своихъ воззрѣній, на сочиненія такихъ иностранныхъ писателей, съ которыми онъ сближается въ разрѣшеніи спорныхъ у насъ предметовъ болѣе, чѣмъ съ другими писателями, русскими и иностранными, незаслужившими подозрѣній относительно ученаго безпристрастія. За отсутствіемъ въ книгѣ г. Заозерскаго обзора ученой литературы предмета его изслѣдованія, ссылки его лишь на нѣкоторыя иностранныя сочиненія, относящіяся къ разряду одного направленія, представляются свидѣтельствомъ и признакомъ того, что авторъ недостаточно знакомъ съ ученою литературою по своему предмету.

Недостаточно внимательныя отношенія автора о „церковномъ судѣ“ къ литературѣ своего предмета объясняютъ отчасти и то, почему авторъ, поставившій для себя задачей представить въ своемъ изслѣдованіи „*точное* изображеніе церковнаго суда первыхъ вѣковъ христіанства“, оказался въ

нѣкоторыхъ случаяхъ не очень-то точныиъ. Неточность автора обличает-ся самою книгою его, благодаря приемамъ автора въ изслѣдованіи и его склонности направить, быть можетъ подѣ влияніемъ со стороны, свои мысли въ пользу одной изъ упомянутыхъ выше спорящихъ сторонъ.

Приемы автора въ изслѣдованіи многихъ отдѣльныхъ частей предмета состоятъ въ слѣдующемъ: онъ цѣликомъ приводитъ такіа мѣста изъ письменныхъ памятниковъ, которые заключаютъ въ себѣ мысли о предметѣ, имъ изслѣдуемомъ; за тѣмъ онъ анализируетъ эти мѣста, объясняетъ имъ и въ своихъ объясненіяхъ или въ результатѣ своихъ объясненій приводитъ положенія, изображающія ту сторону церковнаго суда, которую авторъ занимается въ данномъ мѣстѣ своей книги.—Приемы автора, сами по себѣ, имѣютъ въ отношеніи изображенія изслѣдуемаго предмета свои достоинства и недостатки. Въ избраніи тѣхъ или другихъ приемовъ изслѣдованія всякій авторъ, конечно, совершенно воленъ. Но приемъ, избранный г. Заозерскимъ, если не всегда удобенъ для ясной, цѣльной, юридической конструкции разсматриваемыхъ имъ предметовъ, то открываетъ удобства для провѣрки *точности* положеній и объясненій автора и для сличенія ихъ съ подлинными мыслями текста памятниковъ, на которыхъ онъ утверждается въ своихъ положеніяхъ.—Позволяемъ себѣ сдѣлать провѣрку нѣкоторыхъ положеній г. Заозерскаго текстомъ тѣхъ мѣстъ изъ приводимыхъ имъ источниковъ, изъ которыхъ онъ выводитъ свои положенія.

Для изображенія ученія Спасителя о церковномъ судѣ, авторъ приводитъ извѣстное Его изреченіе: Если братъ твой согрѣшилъ противъ тебя, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ. Если послушаетъ тебя; то приобрѣлъ ты брата своего. Если же не послушаетъ; возьми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушаетъ ихъ; скажи церкви. А если и церкви не послушаетъ; то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и митарь (Матѣ. XVIII, 15—18).

Въ приведенныхъ словахъ Спасителя „ясно различаются, говорятъ г. Заозерскій, собственно *три* суда: судъ наединѣ, судъ при посредствѣ свидѣтелей и, наконецъ, судъ предъ церковью?“ Значитъ, авторъ находитъ указаніе здѣсь на *три* инстанціи. Но сейчасъ же авторъ продолжаетъ: „но, очевидно, первые два вида суда по внутреннему своему характеру совершенно одинаковы и разнятся лишь по внѣшнему, количественному составу лицъ, производящихъ судъ“, и затѣмъ старается доказать, что второй судъ ничѣмъ не отличается отъ перваго суда и что въ словахъ Спасителя говорится лишь о *двухъ* судахъ. Итакъ нельзя понять изъ объясненій г. Заозерскаго: о двухъ или трехъ судахъ говорится въ приведенныхъ имъ словахъ Спасителя, которыхъ смыслъ ясенъ до очевидности.—Еще приибѣръ. Продолжая анализъ тѣхъ же словъ Спасителя, г. Заозерскій выраженіе „скажи *церкви*“ старается объяснить такъ, чтобы читатель церковь понималъ здѣсь не какъ *общество*, а разумѣлъ бы только „предстоятелей ея“ (13 — 14). Спустя двѣ — три страницы (на 16-й), авторъ, забывъ о братскомъ судѣ, выводитъ изъ объясненій словъ Спасителя положеніе, что въ церкви есть особенныя лица, уполномоченныя *исключительнымъ* правомъ и властью производить церковный судъ; впоследствии же онъ приписываетъ это *исключительное* право, на основаніи нѣкоторыхъ

слова Спасителя, одним *епископамъ*; а на стр. 31-й замѣчаетъ: „въ ученіи Спасителя мы видѣли только два основныхъ элемента, составляющіе судъ: церковь, то есть *всѣхъ вѣрующихъ*, и апостоловъ“. Итакъ г. Заозерскій въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія заставляетъ понимать подъ церковью однихъ предстоятелей, а въ другомъ — всѣхъ вѣрующихъ. Которому же толкованію его долженъ слѣдовать читатель? — Въ приведенныхъ примѣрахъ „неточность“ автора доходитъ до противорѣчій. — Не менѣе характеризуетъ „неточность“ автора еще примѣръ, который мы встрѣчаемъ въ его книгѣ. Авторъ во многихъ мѣстахъ своей книги (стр. 31, 51 и др.) съ чрезвычайнымъ усердіемъ и рвеніемъ усиливается доказать, что въ первые вѣка христианства „судъ епископа есть первая постоянно существующая инстанція, обладающая исключительно ей одной принадлежащею юрисдикціею“. Но самъ же авторъ (стр. 145) приводитъ изъ „Апостольскихъ постановленій“ мѣста, въ которыхъ говорится: „на судилищѣ пусть присутствуютъ съ нами (епископамъ) и *диаконы* и *пресвитеры*, судя, какъ люди божіи, съ справедливостію и нелицепріятно“ и такъ далѣе. Приведа это и другія, подобныя ему, мѣста, авторъ на стр. 147-й выводитъ изъ нихъ слѣдующее положеніе: „Не трудно видѣть по постановленіямъ апостольскимъ, кто производитъ судъ? Епископъ церкви, — *одинъ только* епископъ: другаго здѣсь не представляется“. — Приведенные примѣры приемовъ изслѣдованія г. Заозерскаго показываютъ, что слова изъ памятниковъ онъ приводитъ „точно“, — а въ объясненіи ихъ и въ выводахъ изъ своихъ объясненій отступаетъ отъ „точности изображенія“ тѣхъ предметовъ, которые онъ изображаетъ. Такимъ образомъ онъ нереѣдко въ своей книгѣ противорѣчитъ самъ себя. — Приведенныя противорѣчія автора происходятъ отъ того, что онъ въ своемъ „точномъ и полномъ по возможности изображеніи древняго церковнаго судоустройства“ старается отыскать, во что бы то ни стало, доказательства и свидѣтельства въ подтвержденіе спорнаго, но авторомъ признаваемого за единственно вѣрное, мнѣнія, по которому предполагается, что въ древней церкви епископъ былъ такимъ же единственнымъ и исключительнымъ судьей въ своей области, какимъ является онъ въ *нѣкоторыхъ* (напримѣръ въ нашей русской) церквахъ и теперь. Такую *тендеціозность* отличается весь отдѣлъ книги г. Заозерскаго о судоустройствѣ.

Въ своихъ стараніяхъ возвысить или усилить исключительное значеніе судебной власти епископа въ епархіи въ ущербъ каноническаго соучастія съ нимъ пресвитеровъ и церковнаго общества, г. Заозерскій не шадитъ ни логики, ни собственнаго плана своего сочиненія, ни очевидности историческихъ свидѣтельствъ. Это видно изъ обзора втораго отдѣла второй части его изслѣдованія. Посвятить въ этомъ отдѣлѣ первую главу изображенію „епархіальнаго суда, его *состава*“ и прочее (стр. 144 — 181), онъ нашелъ нужнымъ отдѣлить отъ нея въ *особую* главу „о вспомогательныхъ органахъ *старшіаго* суда“ (стр. 182 — 201). Это выдѣленіе сдѣлано авторомъ съ нарушеніемъ не только исторической „точности“, но и требованій логики. Въ отдѣленіи о церковномъ устройствѣ суда во II — V вѣкахъ (стр. 144 — 244) авторъ разсматриваетъ это устройство по инстанціямъ. Въ устройствѣ древнецерковнаго суда онъ находитъ существованіе трехъ инстанцій. Разсмотрѣнію устройства каждой инстанціи онъ посвятилъ осо-

бую главу. Такимъ образомъ логика требовала отъ г. Заозерскаго, чтобы въ отдѣленіи его книги объ устройствѣ церковнаго суда во II—V вв. состояло *три* главы; но онъ помѣстилъ въ немъ *четыре* и особую главу (вторую) посвятилъ исключительно разсмотрѣнію „вспомогательныхъ епископу органовъ *епархіального* суда“, о составѣ котораго онъ говоритъ въ *первой* главѣ. Такое обособленіе „вспомогательныхъ органовъ“ епархіального суда отъ „состава“ того же суда, сдѣланное авторомъ вопреки требованіямъ логики и исторической точности, объясняется исключительно стремленіями автора — принизить значеніе пресвитеровъ въ отношеніяхъ ихъ къ епископу. Авторъ былъ бы болѣе „точенъ“ въ историческомъ изображеніи древняго церковнаго судоустройства и избѣжалъ бы противорѣчій самъ съ собою, если бы онъ, „отрѣшившись“ отъ предвзятой мысли — поддерживать своимъ изслѣдованіемъ одну изъ спорящихъ относительно „извѣстнаго проекта“ духовносудебной реформы сторонъ, представилъ бы по литературнымъ изслѣдованіямъ „спорящихъ сторонъ“ различныя объясненія приведенныхъ имъ въ его сочиненіи мѣстъ изъ памятниковъ древней письменности, сопоставилъ бы ихъ, сравнилъ бы степень согласія разнорѣчивыхъ мнѣній съ свидѣтельствами памятника и въ итогъ сравненій и сопоставленій подвелъ бы результаты своихъ наблюденій. Такой приѣмъ въ изслѣдованіи соответствовалъ бы и личнымъ наклонностямъ автора, на сколько мы можемъ понимать ихъ по его изслѣдованію, и придалъ бы этому изслѣдованію строгій научный характеръ, чуждый тенденциозности.

Намѣренное стараніе г. Заозерскаго игнорировать различныя мнѣнія о разныхъ сторонахъ древняго церковнаго суда, излагаемыя въ ученыхъ объ этомъ предметѣ изслѣдованіяхъ писателей разныхъ вѣроисповѣданій, особенно невыгодно отразилось на той части его изслѣдованія, которая посвящена разъясненіямъ церковнаго судопроизводства. Въ нашей литературѣ объ этомъ предметѣ весьма мало было говорено. Авторъ собралъ и свелъ въ одно мѣсто очень много матерьяловъ относительно предмета; избразилъ, на основаніи ихъ, нѣкоторыя частныя стороны и отдѣльные моменты процесса весьма подробно; высказалъ нѣсколько своихъ оригинальныхъ мыслей. Все это — заслуги автора въ изслѣдованіи его церковнаго процесса первыхъ пяти вѣковъ христіанства. Но все изслѣдованіе автора о процессѣ не имѣетъ цѣльности, основной мысли, юридической конструкціи, связности въ частяхъ и логичности въ изложеніи. Такіе недостатки изслѣдованія произошли отъ того, что авторъ незнакомъ съ теоріею судопроизводства, съ литературными изслѣдованіями церковнаго процесса и съ его исторіею. Авторъ удовольствовался въ изслѣдованіи процесса собраніемъ матерьяловъ и успѣлъ представить лишь внѣшнюю его сторону; но *существо* видовъ каноническаго процесса въ первые вѣка христіанства отъ него ускользнуло. Этого никакъ не могло бы произойти, если бы онъ познакомился съ изслѣдованіями о церковномъ процессѣ нѣмецкихъ (Бенера, Маркса, Гильдебранта, Мюнхена и др.) и французскихъ (Бун и Андре) изслѣдователей. При пособіи и посредствомъ наблюденій этихъ авторовъ о первыхъ началахъ развитія церковнаго процесса, г. Заозерскій въ тѣхъ самыхъ матерьялахъ, которыми онъ располагаетъ въ своей книгѣ, замѣтилъ бы безъ труда, что церковный процессъ съ самыхъ первыхъ временъ христіанской церкви сталъ различаться не только по внѣшнимъ фор-

мамъ (полной и сокращенной) и отдѣльнымъ моментамъ (процессъ въ первой инстанціи, — апелляціонное судопроизводство), которые замѣнены и г. Заозерскимъ, но по *существу* и по *предметамъ*. По *существу* каноническій процессъ, въ первыхъ вѣкахъ христіанства, является въ нѣсколькихъ видахъ, которые называются процессами обличительнымъ (deputatio *ἐλεγεῖς*), обвинительнымъ (κατηγορία, accusatio) и изслѣдовательнымъ (ἐξέαξις, inquisitio). По предметамъ, къ которымъ церковный процессъ былъ прилагаетъ, онъ различается на *дисциплинарный*, который имѣлъ примѣненіе въ отношеніи къ проступкамъ и преступленіямъ членовъ церкви, и *состязательный*, употреблявшійся въ спорахъ и пререканіяхъ между членами церкви. Авторъ изслѣдованія „о церковномъ судѣ“, не имѣя въ виду указанного разнообразія церковнаго процесса въ первые вѣка христіанства, смѣшиваетъ въ своемъ сочиненіи различные его виды и поэтому не могъ съ научною ясностью и отчетливостью представить „точного“ изображенія церковнаго процесса въ первые пять вѣковъ христіанства.

Мы откровенно указали на нѣкоторые главные недостатки труда г. Заозерскаго и оставляемъ безъ указаній мелкіе недосмотры и промахи, а также и ошибки, которыя въ значительной части являются слѣдствіемъ крупныхъ или главныхъ недостатковъ его изслѣдованія. Наши указанія могутъ показаться строгими. Но эта откровенная строгость оправдывается тѣмъ, что въ первомъ трудѣ г. Заозерскаго по каноническому праву, представленномъ, какъ видно изъ цензурной пометки на книгѣ, на ученую степень въ совѣтъ московской духовной академіи, работавшаго, слѣдовательно, подъ руководствомъ бывшаго профессора А. Θ. Лаврова (нынѣ преосвященнаго), мы находимъ *надежные задатки* для предположенія, что въ лицѣ г. Заозерскаго можетъ выработаться ученый русскій канонистъ, который съ пріобрѣтеніемъ самостоятельности въ своихъ работахъ и съ расширеніемъ своихъ свѣдѣній будетъ въ состояніи освободиться въ своихъ ученыхъ трудахъ отъ недостатковъ, присущихъ первой его ученой работѣ, и обогатитъ весьма небогатую каноническую литературу „полными“ и „точными“ изображеніями разныхъ предметовъ церковнаго права. Къ выраженію такой надежды позволяемъ себѣ присоединить желаніе, чтобы г. Заозерскій встрѣтилъ на первыхъ порахъ своей ученой жизни и дѣятельности поддержку и ободреніе отъ кого слѣдуетъ и пріобрѣлъ бы положеніе, нужное для продолженія своихъ ученыхъ занятій по церковному праву.

Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Слб. 1876, стр. 396.

Авторъ „Опыта“ поставилъ для себя спеціальною задачею — „показать степень и размѣръ богатства монастырей“ (стр. 381) православной русской церкви или привести, по возможности, въ извѣстность ихъ имущества и доходы (стр. 1—3). Задача — почтенная и заслуживающая серьезнаго вниманія русскаго общества и власти — церковной и государственной. Для выполненія предположенной задачи, авторъ съ величайшимъ усердіемъ и съ благородною настойчивостію старался собрать

свѣдѣнія о количествѣ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ въ настоящее время русскимъ православнымъ монастырямъ, о цѣнности этихъ имуществъ и объ ежегодныхъ окладныхъ и неокладныхъ доходахъ монастырей. Много усилій употребилъ авторъ „Опыта“ для собранія этихъ свѣдѣній. Онъ обращался въ монастыри и консисторіи, и къ официальнымъ и частнымъ лицамъ, отъ которыхъ онъ могъ получить нужныя ему свѣдѣнія: ему удалось пересмотрѣть много документовъ, въ которыхъ заключаются официальные свѣдѣнія о доходахъ и богатствахъ монастырей; получить, кромѣ того устные сообщенія отъ знающихъ лицъ и собрать нѣсколько матерьяловъ для своего труда по личнымъ наблюденіямъ. Собранныя такимъ образомъ свѣдѣнія авторъ „Опыта“ старался дополнить просмотромъ печатныхъ описаній многочисленныхъ монастырей, извлеченіемъ изъ отчетовъ оберъ-прокурора Св. Синода и газетными извѣстіями и замѣтками. Несмотря на усиленные и настойчивые труды автора собрать всё, требуемая имъ, свѣдѣнія, онъ не могъ достигнуть вполне своей цѣли. Ему пришлось встрѣтиться съ многочисленными затрудненіями и препятствіями въ собраніи свѣдѣній. Оказывается, что духовныя власти и монастыри намеренно скрываютъ и считаютъ тайною для стороннихъ лицъ доходы монастырей и архіерейскихъ домовъ (стр. 7). Въ этомъ „скрыватьствѣ“ и заключается главная суть всѣхъ затрудненій автора въ его собраніяхъ, затрудненій, изъ которыхъ нѣкоторыя оказались для него непреодолимыми, выше его силъ. Тѣмъ не менѣе автору посчастливилось скопить въ своемъ распоряженіи такое богатство свѣдѣній о количествѣ имуществъ и доходовъ русскихъ монастырей, каковымъ не обладаетъ въ настоящее время никто. По отчетамъ оберъ-прокурора Св. Синода, въ Россіи числится нынѣ, за исключеніемъ грузинскаго экзархата, православныхъ монастырей: мужскихъ 340, женскихъ 145, архіерейскихъ домовъ 57, всего 542. Авторъ „Опыта“, послѣ многолѣтнихъ усиленныхъ трудовъ собранія свѣдѣній о количествѣ ихъ имуществъ и доходовъ, получилъ *„болѣе или менѣе подробныя, хотя и не полныя, свѣдѣнія слишкомъ о двухъ стахъ (200) и довольно удовлетворительныя — съ небольшимъ о 90 монастыряхъ“* (стр. 9). „Частному, особенно же не вліятельному, лицу невозможно, по словамъ автора, предотвратить всё встрѣчающіяся въ знакомствѣ съ экономическимъ составомъ монастырей затрудненія“ (стр. 9). „Конечно, совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ „Опыта“, лучше было бы, еслибъ мы ознакомились съ экономическимъ состояніемъ, если не всѣхъ, то хотя бы половиною нашихъ монастырей и архіерейскихъ домовъ, но что же дѣлать“.

Итакъ задача, избранная авторомъ, была чисто *статистическая*. Если бы авторъ выполнилъ ее успѣшно, онъ оказалъ бы великую услугу русской церкви, государству, обществу и самимъ монастырямъ. Но онъ, какъ самъ сознаетъ, не могъ ее выполнить. Онъ не собралъ даже *полными* тѣхъ свѣдѣній, которыя отыскивалъ. Къ тому же, отъ лица, занимающагося статистикою, требуется, чтобы онъ представилъ *научное статистическое изслѣдованіе* того предмета, о которомъ онъ собралъ „статистическія данныя“. Первые и основныя качества научно-

статистическаго изслѣдованія — точность, опредѣленность, полнота и наглядность изображенія собранныхъ изслѣдователемъ свѣдѣній. Но въ „Опытѣ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей“ нѣтъ и слѣда указанныхъ качествъ *научно-статистическаго* „изслѣдованія“. Авторъ, впрочемъ, и не думалъ ограничиться только *статистическимъ* „изслѣдованіемъ“ имущества и доходовъ монастырей.

Статистическія свѣдѣнія автора „Опыта“, собранныя и вовсе не обработанныя по научнымъ приемамъ статистики, послужили въ его „Опытѣ изслѣдованія“ матеріаломъ для разъясненія одной стороны *финансовою* состоянія нашихъ монастырей, а именно разъясненія — источниковъ и видовъ монастырскихъ доходовъ. *Финансовая* точка зрѣнія и есть преобладающая, хотя и не исключительная, въ „Опытѣ изслѣдованій“ *финансовыя* соображенія, разсужденія и сопоставленія составляютъ *главное* содержаніе „Опыта“. Если называть рассматриваемое сочиненіе „опытомъ *изслѣдованія*“, то это изслѣдованіе слѣдуетъ отнести по преимуществу къ тому, что можно назвать *церковно-финансовымъ* правомъ. Изъ XVIII-ти главъ, изъ которыхъ состоитъ „Опытъ“, 14 составляютъ, по преимуществу, финансовыя соображенія и наблюденія автора книги. Вотъ въ какомъ видѣ представляется содержаніе „Опыта“.

Показавъ въ предисловіи (стр. 1—10) задачу своего труда и изложивъ любопытныя затрудненія, съ которыми приходилось бороться автору „Опыта“ при собираніи статистическихъ свѣдѣній о предметѣ, онъ въ *первой* главѣ крайне неполно и односторонне излагаетъ способы происхожденія монастырскихъ имущества (стр. 11—23), коротко, а также односторонне изображаетъ (во *второй* главѣ, стр. 24—51) финансовое и нравственное состояніе нашихъ монастырей и представляетъ (глава III-я, стр. 51—68) нѣсколько извѣстныхъ уже въ печати свѣдѣній объ отобраніи монастырскихъ имѣній въ казну при Екатеринѣ II-й. Предисловіе и четыре первыя главы „Опыта“ составляютъ какъ бы введеніе автора въ „изслѣдованіе“ о доходахъ русскихъ монастырей. Въ главахъ IV—XII авторъ рассматриваетъ источники доходовъ, которые получаютъ русскіе монастыри. Классификація его не отличается послѣдовательностію и точностію. Онъ говоритъ, что наши монастыри получаютъ доходы: 1) отъ „такъ называемыхъ угодій“ (т. е. отъ недвижимыхъ имущества — земель, лѣсовъ, рыбныхъ ловель, мельницъ), при чемъ авторъ сообщаетъ нѣсколько весьма любопытныхъ свѣдѣній о количествахъ земельныхъ владѣній многихъ монастырей (стр. 69—87), 2) отъ пособій изъ государственнаго казначейства (стр. 88—102), 3) отъ богомольцевъ (стр. 103—141), 4) отъ часовенъ, сборныхъ книжекъ и молебновъ внѣ монастырей (142—173), 5) отъ кладбищъ (174—195), 6) гостинницъ, постоялыхъ дворовъ и другихъ промысловыхъ заведеній (стр. 208—231) и 7) отъ капиталовъ (стр. 232—249). Въ XII и XVI главахъ, „изслѣдователь“ подводитъ итоги ежегоднымъ доходамъ монастырей (250—280), а въ XIV главѣ сравниваетъ доходы монастырей съ доходами соборныхъ и приходскихъ церквей (281—301). Для вышшаго и полнаго изображенія *богатства* нашихъ монастырей авторъ опыта посвящаетъ цѣлую главу (XV-ю, стр. 306—346) описанію „обширшихъ зданій“, богатства „престоловъ и жертвенниковъ“, священ-

ныхъ сосудовъ, евангелій, напрестольныхъ крестовъ, священныхъ одеждъ, иконъ, царскихъ вратъ, гробницъ или ракъ для мощей св. угодниковъ, лампадь, кадиль, подсвѣчниковъ и другихъ принадлежностей св. храмовъ. И все это авторъ представляетъ для своихъ *финансовыхъ* соображеній, „изумляется многоцѣнности всего этого“ и находитъ, что „самый громадный, неисчислимый капиталъ положенъ въ священныхъ и церковныхъ предметахъ“ (стр. 343). При „ислѣдованіи“ каждаго источника монастырскихъ доходовъ, авторъ „Опыта“ старается, прежде всего, объяснить существо доходнаго источника, большею частію излагаетъ историческое происхожденіе источника, потомъ описываетъ способы полученія доходовъ, показываетъ степень доходности источника въ различныхъ монастыряхъ, нерѣдко опредѣляетъ количество получаемыхъ отъ него доходовъ, и весьма часто обрисовываетъ отношеніе доходнаго источника къ нравственному и религіозному состоянію монашествующихъ, большею частію въ анекдотической, иногда „ликантной“ формѣ. Надобно отдать автору справедливость: онъ старается *правдиво* изобразить „заботливость“ монашествующихъ объ умноженіи своихъ личныхъ и монастырскихъ доходовъ. Нѣтъ въ нашей литературѣ ни одной книги, въ которой бы съ такою подробностію, откровенностію и критикою съ религіозной и нравственной стороны описывались способы, практикуемые современными намъ русскими монашествующими — приумножать доходы свои (братіи) и монастырскіе. При изображеніи способовъ добыванія доходовъ, авторъ становится не столько изслѣдователемъ финансовъ монастырей, сколько простымъ правоописателемъ. Изъ его описаній оказывается, что русскими монашествующими допускаются средства добыванія денегъ *незаконныя* (стр. 152), *неодобрительныя* (стр. 72, 206 и др.), *неприличныя* (стр. 176), съ *нарушеніемъ обѣтовъ монашества* (стр. 159), *благопристойности* (стр. 157, 176), *справедливости* и *выгодъ приходскихъ церквей* (стр. 157 и слѣд.), *чородовъ и казны* (стр. 190, 208, 229); въ нѣкоторыхъ же случаяхъ и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи пускаются въ спекуляціи, неприличныя для монаховъ (стр. 172), производится неправильная торговля съ безчистствомъ (стр. 135) и изъ за денежныхъ доходовъ неправомерно эксплуатируется религіозное чувство православныхъ богомольцевъ. Справедливость заставляетъ насъ сказать, что авторъ „Опыта“ начерталъ довольно отчетливую и, къ прискорбію, вѣрную во многихъ чертахъ картину „заботливости“ монашествующихъ о приумноженіи монастырскихъ доходовъ. Тяжело читать тѣ страницы книги, на которыхъ изображается мрачными, но правдивыми чертами картина неприличнаго и неодобрительнаго добыванія доходовъ русскими монахами; но чувство справедливости и благоговѣнія предъ вѣрою внушаетъ сказать: „нужно же наконецъ сознать и видѣть язвы, наносимыя русской церкви, русскому обществу, лицами, подъ прикрытіемъ монашеской рясы и благочестія, ищущими только доходовъ и важны для себя“. Читатель, просматривая эти страницы, думаетъ, что авторъ „Опыта“, изображая упоминаемую мрачную картину, конечно, имѣлъ цѣлю разяснить необходимость — предпринять мѣры къ исклѣненію язвъ, наносимыхъ монашествующими русской церкви вслѣдствіе ихъ заботливости о преумноженіи доходовъ дозво-

ленными, недозволенными, неблагопристойными, неприличными, незаконными и т. п. средствами. Читатель тѣмъ съ болѣею надеждою ожидаетъ видѣть эту цѣль автора, что изысканіе и приложеніе мѣръ къ устраненію описанныхъ имъ средствъ вовсе не затруднительно ни для церковной, ни для государственной власти. Законъ и правила закрыли и учреждениямъ и частнымъ лицамъ эти средства добыванія денегъ. Но читатель, дойдя до послѣднихъ главъ „Опыта“, совершенно разубѣждается въ намѣреніяхъ автора „Опыта“. Оказывается, что авторъ „изслѣдованія“ собралъ свѣдѣнія о доходахъ монастырей для разрѣшенія общегосударственнаго финансоваго вопроса. Онъ озабоченъ изысканіемъ средствъ для *народнаго образованія*. Въ доходахъ монаховъ и монастырей онъ и видитъ источникъ матеріальныхъ средствъ для учрежденія и содержанія народныхъ училищъ. Вся книга „Опытъ изслѣдованій“, въ существѣ своего содержанія, представляетъ ходъ слѣдующихъ соображеній ея автора. Монашествующіе и монастыри пользуются такими доходами и богатствами, которые далеко превышаютъ ихъ потребности и несомѣстны съ монашескимъ обѣтомъ нестяжательности. Въ священныхъ и церковныхъ предметахъ, принадлежащихъ монастырямъ, положенъ „неисчислимый капиталъ“; въ совокупности русскіе, мужскіе и женскіе, монастыри (542), въ которыхъ числятся теперь около 25,000 монашествующихъ и послушниковъ, по примѣрному исчисленію автора, получаютъ ежегодно болѣе 9 милліоновъ р. сер. За монастырями состоятъ нынѣ около милліона десятинъ земли. Цѣнность всѣхъ монастырскихъ зданій (оградъ, церквей, домовъ, желій и т. д.) превышаетъ возможность опредѣлить ее. Однихъ денежныхъ капиталовъ, положенныхъ монастырями въ процентные запасы, простирается, по соображеніямъ и исчисленіямъ автора, до 23 милліоновъ рублей. „Всѣ монастырскія богатства, доходы и капиталы, и прежде составлялись, и нынѣ составляются, по его мнѣнію, главнымъ образомъ, изъ тѣхъ приношеній, которыя жертвуются православными христіанами въ монастыри“ (стр. 11). Скопленіе и увеличеніе такихъ богатствъ въ монастыряхъ — не только бесполезно, но и положительно вредно для нихъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ (стр. 381). Для русскаго народа необходимо нынѣ образованіе; но для учрежденія народныхъ училищъ средствъ не имѣетъ ни государственное казначейство, ни земство. Монастыри обязаны теперь отблагодарить русскій народъ за его щедрія, въ теченіе вѣковъ продолжавшіяся, пожертвованія удѣленіемъ части своихъ доходовъ и богатствъ на устройство и содержаніе народныхъ училищъ. Правительство должно образовывать изъ богатствъ монастырскихъ общее церковное казначейство и распорядиться ими по своимъ соображеніямъ.

Итакъ авторъ предлагаетъ, чтобы доходы монастырскіе, собираемые средствами, по собственнымъ его выраженіямъ, часто незаконными, неприличными, не нравственными и такъ дал., послужили бы источникомъ для народнаго образованія. Едва ли такое предложеніе автора можетъ быть принято, по его внутреннимъ достоинствамъ. Авторъ, совершенно справедливо порицающій практикуемыя монахами средства добыванія доходовъ, не только не предлагаетъ запретить и искоренить

такое хозяйство монаховъ, но своимъ предложеніемъ думаетъ навсегда связать эти средства съ источниками содержанія учреждений для народнаго образованія. Болѣе странное предложеніе трудно придумать. Не лучше этого предложенія желаніе автора, чтобы „монастырскія цѣнности“, состоящія, между прочимъ, въ священныя сосудахъ, иконахъ и тому под. предметахъ, обращены были въ такой капиталъ, который бы служилъ фондомъ для различныхъ оборотовъ въ пользу народнаго образованія: такое обращеніе соединилось бы непременно не только съ нарушеніемъ принциповъ нравственности и права, но и съ оскорбленіемъ религіозныхъ чувствъ народа; оскорбленіе же религіозныхъ чувствъ народа изъ за нѣкоторыхъ незаконныхъ поступковъ монаховъ, полагаемъ, крайне несправедливо. Основаніе, приводимое авторомъ для доказательства возможности обращенія „цѣнностей“ монастырей на образованіе народа, крайне шатко. Это основаніе состоитъ въ томъ, что „цѣнности“ монастырей составились главнымъ образомъ изъ приношеній народа. Но народъ дѣлалъ приношенія монастырямъ не для тѣхъ цѣлей, на которыя предлагаетъ авторъ обратить приношенія; измѣненіе воли приносителей относительно цѣли приношеній (или дареній), безъ согласія ихъ, юридически несправедливо; при томъ „цѣнности“ монастырскія приобретались и не только отъ приношеній, но и другими средствами, въ числѣ которыхъ нельзя игнорировать и личнаго труда монашествующихъ.

Мысль автора объ образованіи общаго церковнаго хозяйства или общаго религіознаго фонда вовсе не нова. Она не разъ приводилась въ исполненіе какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ странахъ. Но, случалось, что цѣнности церковныхъ установленій секуляризовались для образованія фонда, а фондъ или вовсе не являлся, или онъ образовывался вовсе не для тѣхъ цѣлей, для которыхъ происходило отчужденіе отъ церковныхъ установленій цѣнностей. Примѣры секуляризаціи, предлагаемые авторомъ, были уже и у насъ при Петрѣ I, Екатеринѣ II и Александрѣ I. Но при Петрѣ I и Екатеринѣ II вовсе не явилось церковнаго фонда. При Александрѣ I образовался этотъ фондъ изъ суммъ приходскихъ церквей подъ именемъ церковностроительнаго капитала; но этотъ капиталъ впоследствии исчезъ, такъ что теперь названія отъ него не осталось. Исторія же представляетъ примѣры и того, что управленіе и употребленіе обще-церковнаго фонда чиновниками государства отнюдь не лучше хозяйственнаго управленія тѣхъ церковныхъ установленій, отъ которыхъ перешли къ нимъ капиталы.

Приводя къ итогу результаты „Опыта изслѣдованій“ автора, мы должны сказать, что факты, имъ собранные, драгоценны, а его соображенія и предложенія лишены всякой цѣнности.

М. Горчаковъ.

(ПРОФЕССОРЪ ИМП. С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

А. Чупровъ. Желѣзнодорожное хозяйство. Т. II. Условія, опредѣляющія движенія и сборы на желѣзныхъ дорогахъ. Вып. I. Москва. 1878.

Настоящее изслѣдованіе московскаго профессора А. И. Чупрова представляетъ продолженіе труда, первый томъ котораго появился въ 1875 году. Въ первомъ томѣ г. Чупровъ стремится установить общіе законы желѣзнодорожнаго хозяйства, на сколько они вытекаютъ изъ сущности и своеобразныхъ особенностей этой формы транспорта. Анализъ условій сооружеія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ служатъ автору основаніемъ для уясненія вліянія ихъ на народное хозяйство, для формулированія законовъ, управляющихъ издержками провоза и прибылью въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и для рѣшенія вопроса о лучшемъ, съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, способѣ постройки и эксплуатаціи рельсовыхъ путей. Черезъ весь трудъ красной нитью проведены двѣ руководящія идеи: во 1-хъ, желѣзнодорожныя предпріятія представляются по самому своему существу предпріятіями монопольными; во 2-хъ, успѣшность или неуспѣшность желѣзнодорожной дѣятельности, какъ съ точки зрѣнія доходности желѣзныхъ дорогъ, такъ и со стороны дешевизны провоза, почти исключительно зависятъ отъ вѣшнихъ условій. Оба эти положенія находятся въ тѣсной связи между собою и подкрѣпляютъ другъ друга. Изъ перваго положенія авторъ выводитъ заключеніе о бесплодности всѣхъ попытокъ, стремящихся регулировать дѣятельность желѣзныхъ дорогъ, въ интересахъ народнаго хозяйства, путемъ конкуренціи; второе положеніе доказываетъ ничтожное значеніе экономіи и искусства строителей и управителей желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ издержки сооружеія и эксплуатаціи зависятъ почти исключительно отъ техническихъ свойствъ желѣзнодорожнаго дѣла и отъ естественныхъ и экономическихъ условій, среди которыхъ приходится дѣйствовать желѣзнымъ дорогамъ. Но если невозможно парализовать вредныя послѣдствія монополіи рельсовыхъ путей; если въ тоже время выгоды и преимущества, присущія частной предпріимчивости и заключающіяся въ искусствѣ и экономности веденія дѣла, не имѣютъ здѣсь почти никакого значенія, то, очевидно, что остается только передать желѣзно-дорожное дѣло въ руки правительственной власти. Къ такому заключенію и приходитъ авторъ, рѣшительно высказывающійся за государственную постройку и эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ.

Мы считали умѣстнымъ напомнить основныя положенія перваго тома „Желѣзно-дорожнаго хозяйства“, потому что вышедшая вторая часть труда г. Чупрова составляетъ лишь продолженіе его работы, связанное съ первою частью не только вѣшнимъ образомъ, но и общностью основныхъ идей и способа изслѣдованія. Второй томъ (вып. I), на которомъ мы желаемъ остановить вниманіе читателей, посвященъ анализу валоваго дохода и товарнаго движенія. Содержаніе его въ общихъ чертахъ слѣдующее.

Въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, говоритъ авторъ, вслѣдствіе ихъ

технических и экономических особенностей, издержки производства находятся в непосредственной зависимости от условий спроса на услуги железных дорог, потому исследование этих условий или иначе причин, определяющих движение и сборы на железных дорогах, составляет основной вопрос железнодорожной экономии. Движение на железных дорогах складывается из транспорта пассажиров и товарных грузов, причем тот и другой элемент находят свое выражение в валовом доходе. Исследованием валового дохода нужно поэтому заняться прежде всего, а затѣм уже можно приступить къ анализу товарнаго и пассажирскаго движенія, каждаго въ отдѣльности. Придерживаясь такого плана, г. Чуровъ посвящаетъ двѣ первыя главы вышедшаго II тома изученію валового дохода вообще, его факторовъ и существующей между этими факторами зависимости, а въ остальныхъ шести главахъ (гл. III — VIII) изслѣдуетъ товарное движеніе.

Существующая въ извѣстномъ районѣ потребность въ передвиженіи людей и товаровъ, говоритъ авторъ, въ каждую данную эпоху, при данныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, имѣетъ опредѣленный размѣръ. Величина этой потребности зависитъ отъ множества условій, между которыми весьма видное мѣсто занимаетъ самый способъ транспорта. Очевидно, что появленіе такого могущественнаго фактора, какъ желѣзныя дороги, должно было оказать на размѣры транспорта значительное вліяніе. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство при постройкѣ первыхъ желѣзныхъ дорогъ не было принято во вниманіе, и строители при своихъ вычисленіяхъ будущаго движенія и дохода на предположенныхъ линіяхъ основывались на данныхъ относительно товарнаго и пассажирскаго движенія на существовавшихъ въ то время путяхъ. Благодаря такой ошибкѣ, произошло то, что дѣйствительное движеніе превзошло самыя смѣлыя расчеты и ожиданія. Повсемѣстный опытъ убѣдилъ въ наклонности железнодорожныхъ сборовъ къ постоянному возрастанію, но такъ какъ характеръ этого возрастанія также не былъ опредѣленъ точно, то это повело къ новому заблужденію. Дѣло въ томъ, что въ первые годы движеніе и доходъ желѣзныхъ дорогъ растутъ съ необыкновенной быстротой, такъ какъ рельсовый путь открываетъ возможность удовлетворенія такихъ потребностей, которыя прежде вовсе не находили себѣ выраженія и оставались неудовлетворенными. Но спустя нѣсколько лѣтъ движеніе входитъ въ нормальную колею и развивается уже параллельно общему развитію народнаго хозяйства, т. е. весьма медленно. Присматриваясь ближе къ прогрессіи возрастанія доходовъ на желѣзныхъ дорогахъ, можно замѣтить, что кульминаціонный пунктъ, съ котораго начинается замедленіе этой прогрессіи, наступаетъ для разныхъ линій по прошествіи не одинаковаго періода времени. Въ этомъ отношеніи замѣчается разница между дорогами, въ первый разъ проникающими въ мѣстность, и тѣми, которыя присоединены къ нимъ впоследствии. На первыхъ кульминаціонный пунктъ въ развитіи движенія наступаетъ медленнѣе, нежели на вторыхъ. Это явленіе авторъ объясняетъ общими условіями развитія общественной потребности передвиженія. Первая желѣзная дорога, проникающая въ данную мѣстность, должна бороться со старыми привычками народа, передѣлывать установленныя ранѣе пути и способы торговли.

Съ другой стороны, такой дорогѣ приходится будить спящія силы, толкать впередъ предпринчивость и вызывать къ жизни то скрытое движеніе, которое, какъ мы упоминали раньше, составляетъ главную причину роста доходовъ. Но разъ это перевоспитаніе взглядовъ и привычекъ народа совершилось, разъ промышленныя и житейскія отношенія приспособились къ измѣнившимся условіямъ перевозки, то слѣдующія линіи встрѣчаютъ уже подготовленную почву. Оттого на эти линіи въ первый же годъ поступаетъ все возможное движеніе, и затѣмъ возрастаніе перевозки и дохода подчиняется естественному прогрессу въ хозяйственномъ развитіи прилегающихъ мѣстностей.

При дальнѣйшемъ изученіи доходовъ на разныхъ линіяхъ за разные періоды ихъ существованія, замѣчается еще другое интересное явленіе. Въ первое время развитія сѣти, когда существуютъ только отрывочныя, не связанныя между собою линіи, доходы этихъ кусковъ весьма неравномѣрны. Но проходить нѣсколько лѣтъ, сѣть дополняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ выравнивается разница въ доходности между отдѣльными линіями, такъ какъ движеніе, которое притягивалось къ дальнѣйшимъ дорогамъ, за отсутствіемъ ближайшихъ, переходитъ на свои естественные пути.

Таковъ общій характеръ развитія валоваго дохода. Но онъ состоитъ изъ двухъ составныхъ частей: изъ доходовъ отъ пассажирскаго и товарнаго движенія. Каково отношеніе этихъ двухъ факторовъ между собою въ разные періоды существованія дорогъ? Извѣстно, что первая англійскія дороги назначались исключительно для товарнаго транспорта (перевозки каменнаго угля); но въ скоромъ времени, когда была доказана опытами быстрота движенія по рельсовымъ путямъ, этотъ взглядъ радикально измѣнился. Повсюду стало общераспространеннымъ то мнѣніе, что спеціальная роль новыхъ путей состоитъ въ перевозкѣ пассажировъ и цѣнныхъ товаровъ, и что такимъ образомъ они служатъ лишь полезнымъ дополненіемъ къ воднымъ путямъ. Дальнѣйшій опытъ доказалъ ошибочность этого воззрѣнія, точно также какъ и предшествующаго. Въ настоящее время на основаніи обширныхъ статистическихъ данныхъ можно утверждать, что въ первые годы существованія желѣзныхъ дорогъ значительнѣйшую долю дохода составляетъ пассажирскій сборъ; но затѣмъ онъ быстро достигаетъ своего предѣльнаго пункта, послѣ чего остается почти неподвижнымъ. Товарный же доходъ, медленно поднимающійся въ началѣ, постепенно ускоряетъ прогрессію своего роста, такъ что, наконецъ, начинаетъ составлять преобладающій источникъ доходовъ. Эти явленія г. Чупровъ объясняетъ тѣмъ, что масса товарныхъ перевозокъ въ странѣ всегда больше, нежели масса передвиженія людей (?) и что вначалѣ пассажирское движеніе легче приспособляется къ новымъ условіямъ и скорѣе переходитъ на новые пути.

Разсмотрѣвъ колебанія валоваго дохода и отношеніе между главными его источниками въ различные періоды существованія желѣзныхъ дорогъ, авторъ переходитъ къ изслѣдованію причинъ, опредѣляющихъ высоту валоваго дохода. Доходы желѣзныхъ дорогъ, говоритъ онъ, зависятъ отъ четырехъ факторовъ: количества грузовъ, длины ихъ пробѣга, рода грузовъ и высоты тарифа. Между этими факторами можно указать извѣстную зависимость. Такъ, во 1-хъ, существуетъ извѣстное отношеніе между

родомъ и количествомъ ихъ. На желѣзныхъ дорогахъ, какъ и на другихъ путяхъ сообщенія, нисшіе менѣе дѣнные грузы составляютъ главную долю движенія и даютъ наибольшую сумму дохода. Въ пассажирскомъ движеніи этотъ фактъ выражается въ громадномъ преобладаніи пассажировъ, ѣдущихъ въ нисшихъ классахъ (III и IV); въ товарномъ движеніи въ численномъ перевѣсѣ грузовъ, перевозимыхъ по нисшимъ тарифамъ, надъ прочими. Во 2-хъ, статистическія данныя обнаруживаютъ повсюду зависимость длины пробѣга отъ родовъ перевозимыхъ грузовъ. Грузы высшихъ категорій передвигаются желѣзными дорогами на болѣе длинныя разстоянія, нежели грузы нисшихъ разрядовъ. Это явленіе наблюдается какъ въ пассажирскомъ, такъ и въ товарномъ движеніи. Въ 3-хъ, существуетъ извѣстное взаимодѣйствіе между количествомъ грузовъ и длиною ихъ пробѣга, которое можетъ быть выражено слѣдующей формулой: количество грузовъ находится въ обратномъ отношеніи къ длинѣ ихъ пробѣга. Разсмотрѣвъ въ двухъ первыхъ главахъ, содержаніе которыхъ мы передали, валовой доходъ и его факторы, авторъ переходитъ къ изученію товарнаго движенія. Въ гл. III, озаглавленной „главные токи товарнаго движенія“, говорится прежде всего о зависимости товарнаго движенія отъ естественныхъ условій и раздѣленія труда въ странѣ, затѣмъ разлагается движеніе на прямое и обратное (сильнѣйшій и слабѣйшій токъ). На основаніи данныхъ русской сѣти за 1870 и 1874 г., авторъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы. Во 1-хъ, движеніе прямыхъ и обратныхъ грузовъ на русской желѣзно-дорожной сѣти отличается значительной неравномѣрностью (первыхъ $\frac{2}{3}$, вторыхъ $\frac{1}{3}$). Во 2-хъ, масса товарнаго движенія зависитъ преимущественно отъ прямыхъ грузовъ. Въ 3-хъ, количество прямыхъ грузовъ находится въ извѣстномъ соотношеніи съ массою обратныхъ. Линіи, стоящія на первыхъ мѣстахъ по количеству прямыхъ грузовъ, имѣютъ и значительнѣйшія цифры обратныхъ.

Указавъ особенности прямыхъ и обратныхъ грузовъ г. Чупровъ устанавливаетъ распредѣленіе ихъ по районамъ, которыхъ онъ насчитываетъ три: районъ балтійскихъ портовъ, западной сухопутной границы и черноморскихъ портовъ. Въ этихъ районахъ изъ центра страны къ окраинамъ направляется движеніе прямыхъ грузовъ, а отъ окраинъ къ центру движеніе обратныхъ. Первое мѣсто по количеству движенія занимаетъ районъ балтійскихъ портовъ, къ которому тяготеетъ наибольшая масса какъ прямыхъ, такъ и обратныхъ грузовъ. Что касается отношенія между этими двумя товарными токами въ каждомъ районѣ, то наибольшую равномѣрность отличается черноморскій районъ, наименьшею — балтійскій. При изученіи товарнаго движенія на отдѣльныхъ линіяхъ, можно замѣтить, что на пограничныхъ линіяхъ товарное движеніе значительнѣе и распредѣляется болѣе равномѣрно между прямыми и обратными грузами, нежели на внутреннихъ. Разсмотрѣвъ главные токи товарнаго движенія въ Россіи, авторъ классифицируетъ затѣмъ грузы по мѣсту ихъ полученія и отправки. Съ этой точки зрѣнія онъ раздѣляетъ ихъ на три большія категоріи: *грузы внутреннего сообщенія*, т. е. отправляемые станціями одной данной линіи; *грузы прямого сообщенія* отправляемые станціями одной линіи, а получаемые станціями другой или наоборотъ; *транзитные грузы*, поступающіе на линію съ другихъ дорогъ и затѣмъ снова передаваемые другимъ дорогамъ.

Изъ этихъ трехъ категорій авторъ прежде всего изучаетъ транзитные грузы. Относительно транзитныхъ грузовъ существовало два мѣнія. До 50-хъ годовъ имъ придавалось чрезвычайное значеніе; съ этого времени, напротивъ, они отошли на второй планъ сравнительно съ внутренними грузами. Дѣйствительно почти на всей европейской сѣти, за немногими исключениями, транзитные грузы весьма не велики, сравнительно съ внутренними. На русской желѣзнодорожной сѣти въ ея цѣломъ транзитные грузы составляютъ около 20⁰/₀, но на многихъ отдѣльныхъ линіяхъ они играютъ громадную роль, доходя на нѣкоторыхъ дорогахъ до 70—85⁰/₀ всего движенія. Само самое разумѣется, что развитіе транзитнаго движенія должно быть особенно значительно на срединныхъ линіяхъ и слабѣе на конечныхъ. Долѣе, статистическія данныя доказываютъ особенно большое развитіе этихъ грузовъ на сѣверныхъ дорогахъ, что отчасти зависитъ отъ меньшаго ихъ протяженія сравнительно съ южными линіями.

При сопоставленіи данныхъ о количествѣ транзитныхъ грузовъ за нѣсколько лѣтъ, оказывается, что транзитъ представляетъ самый подвижной элементъ товарной перевозки. Тогда какъ мѣстное движеніе развивается изъ года въ годъ лишь постепенно и медленно, транзитные грузы могутъ въ самое короткое время значительно возрасти и значительно уменьшиться. Эта колеблемость транзитнаго движенія зависитъ отъ многихъ причинъ, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ конкуренція. Мѣстные грузы составляютъ по большей части неотъемлемое достояніе желѣзныхъ дорогъ; напротивъ того, за транзитные грузы дорогамъ приходится нѣрѣдко вести борьбу, и притомъ тѣмъ болѣе упорную, чѣмъ отдаленнѣе мѣстности, служащія источникомъ этихъ грузовъ. Въ подтвержденіе этого положенія авторъ приводитъ нѣсколько случаевъ соперничества желѣзнодорожныхъ линій, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи.

Пятая глава труда г. Чупрова посвящена изученію внутреннихъ грузовъ. На основаніи статистическихъ данныхъ, авторъ утверждаетъ, что въ предѣлахъ Россіи равномернаго и притомъ значительнаго развитія какъ отправокъ, такъ и получеій можно ожидать лишь на немногихъ внутреннихъ линіяхъ, соприкасающихся съ крупными центрами населенія. Остальныя внутреннія дороги, не примыкающія къ такимъ центрамъ, должны быть рассчитаны на отправку собственныхъ грузовъ, а пограничныя линіи — на грузы, получаемые съ другихъ дорогъ.

Въ слѣдующей VI главѣ разсматривается вопросъ о значенія портовъ и пограничныхъ пунктовъ въ товарной перевозкѣ. Такъ какъ до появленія желѣзныхъ дорогъ международный обмѣнъ совершался преимущественно при помощи моря, такъ какъ порты издавна служили средоточіями торговли, то естественно, что къ нимъ начали прокладывать и рельсовые пути, замѣнившіе прежнія дороги. Опытъ подтвердилъ расчетъ на порты и пограничныя мѣста, такъ какъ дѣйствительно они доставляютъ значительное количество грузовъ. Въ Россіи при обзорѣннй товарныхъ перевозокъ, вызываемыхъ портами, поражаетъ неравномерное распредѣленіе ихъ по районамъ. На дорогахъ прибалтійскихъ грузовъ приходится 2 раза больше, нежели на линіяхъ черноморскихъ и въ 2¹/₂ раза болѣе, нежели на дорогахъ, примыкающихъ къ западной границѣ. Такое преобладаніе

сѣвернаго таготѣнія зависитъ: во 1) отъ болѣе близкаго разстоянія сѣверныхъ портовъ отъ странъ, съ которыми Россія ведетъ самую обширную торговлю; во 2) отъ болѣе низкихъ фрахтовъ, и въ 3) отъ удачной тарифной политики сѣверныхъ дорогъ, имѣющихъ вообще болѣе низкіе тарифы, сравнительно съ южными. Благодаря значенію портовъ, желѣзныя дороги, примыкающія къ разнымъ портамъ одного моря или даже разныхъ морей, ведутъ между собою дѣятельную борьбу, рельефные примѣры которой можно указать въ германской и русской сѣтяхъ.

Разсмотрѣвъ вліаніе на товарное движеніе портовъ, авторъ естественно переходитъ къ изученію роли прирѣчныхъ пунктовъ (гл. VII). Торговое значеніе рѣкъ, озеръ и каналовъ вызвало образованіе на берегахъ ихъ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ, которые естественно должны были играть значительную роль въ желѣзнодорожной сѣти. Дѣйствительно, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Россіи мы замѣчаемъ то явленіе, что къ главнѣйшимъ воднымъ путямъ примыкаетъ множество желѣзнодорожныхъ линій и сверхъ того рѣчные долины прорѣзаны продольными параллельными путями. Благодаря такому расположенію желѣзныхъ дорогъ, вѣкъ между линіями ихъ съ одной стороны, такъ между желѣзными дорогами и водными путями — съ другой, начинается дѣятельная конкуренція. Результаты ея не всегда одинаковы: иногда желѣзныя дороги побѣждаютъ и оттягиваютъ грузы у рѣкъ и каналовъ, иногда это имъ не удается. Въ Россіи исходъ перваго рода представляетъ Ока, судоходство на которой почти уничтожено соперничествомъ московско-рязанской и московско-курской линій; обратное явленіе мы видимъ на Волгѣ, не уступающей своихъ грузовъ желѣзнымъ дорогамъ.

Последняя глава посвящена изученію грузовъ мѣстныхъ районовъ. Часть грузовъ, остающаяся за вычетомъ транзитныхъ, пограничныхъ, портовыхъ и прирѣчныхъ грузовъ, представляетъ собою производительные избытки или потребительные запасы собственнаго района дороги каждой данной линіи. Они въ общей массѣ составляютъ обыкновенно самую значительную часть желѣзнодорожныхъ грузовъ и притомъ часть неотъемлемую, не подлежащую почти никакой конкуренціи. На нихъ наверстывается значительная часть и тѣхъ скидокъ, которыя дѣлаютъ желѣзныя дороги подъ вліаніемъ конкуренціи для грузовъ примаго сообщенія и транзитныхъ. Количество мѣстныхъ грузовъ зависитъ отъ двухъ главныхъ условій: отъ величины района дороги и отъ свойствъ этого района. Подъ райономъ дороги разумѣется географически ограниченное пространство, съ котораго дорога притягиваетъ къ себѣ грузы. Мнѣнія о величинѣ этого пространства различны: одни принимаютъ его равнымъ 50, другіе 60, третьи 75 верстамъ по обѣимъ сторонамъ пути. Въ дѣйствительности случается, что грузы подвозятся и съ болѣе далекаго пространства, напр. за 150—200 верстъ. Вообще однообразной нормы въ этомъ отношеніи не существуетъ, и можно только указать на главнѣйшія условія, отъ которыхъ она зависитъ. Въ каждомъ данномъ случаѣ величина района, съ котораго дорога можетъ привлекать грузы, опредѣляется отношеніемъ четырехъ факторовъ: стоимости желѣзнодорожной перевозки, стоимости нагрузки и выгрузки, стоимости

гужеваго извоза и, наконецъ, разности между цѣнами товаровъ на мѣстахъ ихъ производства и потребления. Товаръ можетъ быть съ выгодой отправленъ по желѣзной дорогѣ изъ даннаго пункта лишь въ томъ случаѣ, если издержки лишней нагрузки и выгрузки окупятся экономіей на самомъ провозѣ. Очевидно, что размѣры такого сбереженія на провозѣ зависятъ отъ длины пробѣга, и существуетъ извѣстный нисшій предѣлъ, ниже котораго сдавать товаръ на рельсовый путь оказывается невыгоднымъ. Коль скоро этотъ предѣлъ перейдетъ, то величина района будетъ тѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе разница въ цѣнахъ товаровъ на мѣстахъ производства и сбыта и чѣмъ дешевле стоятъ гужевой извозъ, посредствомъ котораго подвозятся товары къ желѣзной дорогѣ.

При данной величинѣ района желѣзной дороги, количество грузовъ зависитъ отъ свойствъ его, между которыми особенно важны два обстоятельства: густота населенія и существованіе крупныхъ городовъ. Вліаніе этихъ двухъ условій на количество мѣстныхъ грузовъ авторъ выясняетъ рядомъ статистическихъ данныхъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе новаго труда г. Чупрова. Мы, конечно, представили только остовъ его, такъ какъ выбросили весь числовой матеріалъ, служащій автору основаніемъ для его интереснѣхъ выводовъ, и множество разсужденій, которыми онъ поддѣрпываетъ свои положенія. Постараемся теперь вкратцѣ указать достоинства и нѣкоторыя слабыя стороны этого изслѣдованія.

А. И. Чупровъ, безспорно, обладаетъ завиднымъ даромъ справляться съ самыми сложными вопросами избранной имъ темы, развязывать наиболѣе запутанные узлы. Мы приписываемъ это не только личному таланту автора, но въ значительной мѣрѣ правильному методу изслѣдованія, усвоенному имъ. Въ этомъ отношеніи трудъ г. Чупрова заслуживаетъ внимательнаго изученія и подражанія. Какъ въ общей системѣ „Желѣзнодорожнаго хозяйства“, такъ и въ подробностяхъ мы видимъ чрезвычайно удачное сочетаніе анализа и синтеза, дающее блестящіе результаты. Авторъ мастерски разлагаетъ сложныя явленія на ихъ составныя части и изучаетъ каждую порознь, причемъ изъ рода конкретныхъ фактовъ добываетъ законъ, управляющій ими. Произведя эту работу, онъ пользуется результатомъ ея, какъ логической посылкой, изъ которой извлекаетъ возможные выводы. Эти выводы разъясняютъ индуктивно установленное положеніе и служатъ руководящей нитью для дальнѣйшаго изслѣдованія. Наконецъ, должно замѣтить, что авторъ рѣдко ограничивается одной установкой того или иного статистическаго положенія, какъ простаго факта. Почти всегда онъ старается объяснить причины даннаго явленія, доказать необходимость его существованія и такимъ образомъ обратить фактъ въ общій законъ, если такъ можно выразиться. Для этой цѣли авторъ пользуется какъ общепризнанными положеніями экономической науки, такъ и своими собственными выводами, доказанными раньше.

Рядъ широкихъ обобщеній законовъ желѣзнодорожнаго хозяйства, опирающихся на статистическія данныя и связанныхъ съ основными принципами экономической науки, придаетъ высокой интересъ

изслѣдованію труда г. Чупрова. Если присоединить къ этому стройность системы, ясность и изящную простоту изложенія, то становится совершенно понятенъ тотъ вполне заслуженный успѣхъ, который выпалъ на долю магистерской диссертациі автора и которымъ будетъ, вѣроятно, пользоваться также и второй томъ „Желѣзнодорожнаго хозяйства“.

Но при этихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, нельзя не указать на нѣкоторыя болѣе или менѣе существенныя погрѣшности, которыми страдаетъ изслѣдованіе г. Чупрова.

Мы только что замѣтили, что авторъ „Желѣзнодорожнаго хозяйства“ слѣдуетъ прекрасному методу изслѣдованія, который по своей основной идѣе можетъ быть признанъ образцовымъ. Къ сожалѣнію онъ не всегда выдерживаетъ его. Хотя г. Чупровъ называетъ употребляемый имъ пріемъ „методомъ сравнительнаго анализа“, но намъ кажется, что анализъ нерѣдко играетъ у него подчиненную роль. Авторъ иногда слишкомъ смѣло идетъ по скользкому пути отвлеченной дедукціи, основанія которой шатки, а повѣрка не достаточно внимательна и осторожна.

Причиной этого служить, какъ намъ кажется, увлеченіе автора нѣкоторыми излюбленными имъ, но до извѣстной степени предвзятыми идеями, увлеченіе, заставляющее его забывать ту осторожность въ выводахъ, которая должна быть присуща солидному научному труду. Подтвердимъ нашу мысль пріятнымъ. Одно изъ основныхъ положеній г. Чупрова — подавляющее вліяніе желѣзнодорожной монополіи. Конечно, невозможно отрицать ни монопольнаго характера рельсовыхъ путей, ни вредныхъ послѣдствій этого обстоятельства; но намъ кажется, что какъ выборъ фактовъ, указанныхъ авторомъ въ подтвержденіе его воззрѣній по этому вопросу, такъ и оцѣнка ихъ нерѣдко страдаютъ односторонностью, которая доводитъ г. Чупрова до противорѣчій съ самимъ собою. Такъ въ первомъ томѣ „Желѣзнодорожнаго хозяйства“ г. Чупровъ категорически доказываетъ безсиліе водныхъ внутреннихъ путей сообщеній въ борьбѣ съ желѣзными дорогами и даже раздѣляетъ, кажется, опасеніе одной изъ англійскихъ комиссій объ опасности, угрожающей со стороны рельсовыхъ путей морскому береговому транспорту. Въ подтвержденіе этого положенія онъ приводитъ множество фактовъ изъ исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Англии и на континентѣ, но при этомъ вовсе упускаетъ изъ виду, что въ Англии каналы находятся въ частномъ владѣніи, и не дѣлаетъ различія между величиной и значеніемъ судоходныхъ рѣкъ, вступающихъ въ конкуренцію съ желѣзными дорогами. Между тѣмъ, очевидно, что оба эти обстоятельства имѣютъ весьма важное значеніе. Если каналы составляютъ государственную собственность, то всякое соглашеніе оказывается невозможнымъ, и убить судоходство можно только такимъ низкимъ тарифомъ, который едва ли въ состояніи вынести желѣзныя дороги. Не подлежитъ также сомнѣнію, что большой рѣкъ гораздо легче бороться съ желѣзной дорогой, нежели малой и неудобной для торговаго движенія. Какъ бы то ни было, но картина полнаго господства желѣзныхъ дорогъ надъ всеми остальными путями сообщеній нарисована въ первомъ томѣ труда г. Чупрова чрезвычайно яркими красками.

Во второмъ томѣ авторъ высказываетъ по этому поводу иное мнѣніе, хотя не отрицающее вполне его прежняго взгляда, но значительно ограничивающее его. „Вообще можно сказать, замѣчаетъ онъ здѣсь, что желѣзныя дороги не въ состояніи были уменьшить судоходства на обширныхъ, многолюдныхъ и благопріятно расположенныхъ рѣкахъ; напротивъ, на большинствѣ рѣкъ средняго и малаго размѣра, въ особенности представляющихъ какія либо препятствія для плаванія, онѣ или вовсе уничтожили или сократили прежнее торговое движеніе“. Очевидно, что отсутствіе этой оговорки въ первомъ томѣ дало совершенно неправильную постановку вопросу, а умолчаніе о случаяхъ успѣшной конкуренціи водныхъ путей съ рельсовыми привело къ ложному освѣщенію всѣхъ фактовъ, приведенныхъ авторомъ.

Читатель тѣмъ легче можетъ быть введенъ въ заблужденіе, что и самые факты приводятся авторомъ безъ должной разборчивости и въ подтвержденіе того, чего они вовсе не доказываютъ. Рельефнымъ образомъ такого злоупотребленія фактами можетъ служить слѣдующій примѣръ. Нарисовавъ яркую картину побѣды желѣзныхъ дорогъ надъ водными путями въ Англіи, авторъ, на стр. 272 перваго тома, говоритъ: „Примѣръ Англіи, обладающей высоко развитой системой водныхъ сообщеній, показываетъ все безсиліе соперничества водныхъ путей съ желѣзными дорогами. Тоже явленіе наблюдается повсюду. Во Франціи съ проведеніемъ дорогъ внутреннее судоходство постепенно падаетъ, между тѣмъ какъ желѣзнодорожная перевозка все прибываетъ“... „Даже рѣчная перевозка во Франціи подавляется иногда рельсовыми путями. Такъ Рона уже въ 60-хъ годахъ едва выдержала соперничество съ дорогой отъ Ліона къ Средиземному морю. Прежняя перевозка по Рейну на разстояніи отъ Базеля до Страсбурга перешла на желѣзную дорогу“.

Изъ приведенной цитаты каждый читатель, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ заключеніе, что судоходство по Рейну потерпѣло отъ конкуренціи съ рельсовыми путями; между тѣмъ во второмъ томѣ самъ г. Чупровъ сообщаетъ, что желѣзныя дороги не подорвали судоходства по Рейну и Дунаю, точно также какъ по Темзѣ, Соверну, Бирмингемскому каналу и по каналу „Aige and Calder“, по нашей Волгѣ и проч. Но и относительно уменьшенія движенія на второстепенныхъ судоходныхъ рѣкахъ г. Чупровъ часто выражается далеко неточно. „Московско-Рязанская и Московско-Курская дороги“, говоритъ онъ, „почти уничтожили судоходство по Окѣ съ притоками“. Въ дѣйствительности оказывается, что по Окѣ съ притоками было перевезено въ 1871 г. — 19,1 мил. пуд., въ 1872 г. — 21,6 мил. пуд., въ 1873 г. — 20,6 м. п., въ 1874 г. — 22,3 м. п. ¹⁾ До уничтоженія во всякомъ случаѣ еще очень далеко.

Такая же односторонность въ изложеніи замѣтна и при разсмотрѣніи вопроса о конкуренціи желѣзнодорожныхъ линій между собою. Авторъ признаетъ возможность конкуренціи между желѣзными дорогами изъ за такъ называемыхъ транзитныхъ грузовъ и отчасти изъ за грузовъ праматаго сообщенія, но онъ въ первомъ томѣ своего труда отри-

¹⁾ Статист. Сб. Мин. Пут. Сообщ. 1877 г.

цаетъ серьезное значеніе этой конкуренціи, какъ въ силу ничтожнаго количества подобныхъ грузовъ, такъ и по причинѣ соглашеній между желѣзными дорогами. Но факты, приведенные въ IV гл. 2-го тома желѣзнодорожнаго хозяйства, весьма сильно говорятъ противъ такого рѣзкаго заключенія автора. Оказывается: во 1) что на многихъ линіяхъ западно-европейской желѣзнодорожной сѣти, точно также какъ и на русскихъ дорогахъ, двѣ вышеупомянутыя категории грузовъ занимаютъ весьма видное мѣсто, превышая иногда количество грузовъ мѣстныхъ; во 2) что конкуренція ведется нерѣдко между отдаленными линіями, принадлежащими различнымъ государствамъ и соглашеніе между которыми едва ли возможно; въ 3) что въ окончательномъ результатѣ такой борьбы является значительное пониженіе тарифовъ. Преувеличеніе значенія монополіи въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ привело автора къ выводу о безусловныхъ преимуществахъ правительственной постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Намъ кажется, этотъ вопросъ еще долго будетъ въ наукѣ вопросомъ открытымъ. Признавая всѣ темныя стороны желѣзнодорожной монополіи, указанныя авторомъ; допуская даже, что искусство и экономія строителей и управителей желѣзныхъ дорогъ имѣютъ при постройкѣ и эксплуатаціи рельсовыхъ путей ничтожное значеніе (что, впрочемъ, нисколько не доказано), приходится все-таки серьезно задуматься надъ тѣмъ, не отразится ли устраненіе частной инициативы самымъ пагубнымъ образомъ на развитіи желѣзнодорожной техники? Не трудно понять какую громадную важность имѣетъ подобный вопросъ для такой отрасли хозяйства, которая едва вышла изъ дѣтскаго возраста. Во всякомъ случаѣ, для насъ сомнительно, можно ли привести важные интересы будущаго въ пользу экономіи настоящаго, притомъ экономіи не вполнѣ доказанной. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что вопросъ о правительственной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ далеко не исчерпывается одной экономической точкой зрѣнія. Это вопросъ политической первостепенной важности, какъ на него и смотрятъ въ настоящее время во Франціи и Германіи. Конечно, экономистъ можетъ игнорировать политику, но тогда едва ли умѣстны будутъ съ его стороны и категорическія рѣшенія.

Указывая на спорность основныхъ положеній, защищаемыхъ авторомъ „Желѣзнодорожнаго хозяйства“, мы не имѣемъ однако права ставить ему это обстоятельство въ особенную вину. Односторонность столь свойственна человеческой природѣ, что отъ нея едва-ли кто либо свободенъ. Она обращается въ крупный недостатокъ лишь тогда, когда является результатомъ легкомысленнаго отношенія къ дѣлу. Этого никакъ нельзя сказать относительно автора, который чрезвычайно добросовѣстно отнесся къ предмету своего изслѣдованія, воспользовавшись какъ трудами своихъ предшественниковъ, такъ и обильнымъ сырымъ матеріаломъ, потребовавшимъ не мало утомительной черновой работы. Но отдавая полную дань уваженія труду г. Чупрова, мы не можемъ не замѣтить, что вторая часть его во многихъ отношеніяхъ гораздо слабѣ первой. Изслѣдованіе товарнаго движенія на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ опирается на довольно шаткій фундаментъ, заключающійся въ статистическихъ данныхъ за два года (1870 и 1874 г.),

ниогда даже за одинъ годъ. Очевидно, что при такомъ ограниченномъ матеріалѣ, на работу г. Чупрова можно смотрѣть только, какъ на талантливо составленную программу для дальнѣйшихъ изслѣдованій, а большинство его выводовъ оказывается лишь болѣе или менѣе остроумными гипотезами, требующими болѣе солидныхъ доказательствъ.

Такъ какъ при бѣдности фактическаго матеріала авторъ „Желѣзнодорожнаго хозяйства“ не всегда осторожно пользуется имъ и даетъ длинный рядъ весьма широкихъ обобщеній, то отсюда происходитъ слабость многихъ изъ нихъ. Въ этихъ случаяхъ плохую услугу оказываютъ автору и общія теоретическія разсужденія, которыми онъ старается подчеркнуть свои статистическіе выводы, неправильная или неточная постановка фактической стороны того или иного положенія приводитъ къ неудачнымъ объясненіямъ, нисколько неубѣдительнымъ и доказывающимъ только, что г. Чупровъ легко поддается вліянію предвзятыхъ идей.

Чтобы наше мнѣніе не показалось голословнымъ, укажемъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ 2-го т. „Желѣзнодорожнаго хозяйства“.

На стр. 42—48 авторъ утверждаетъ, что малоцѣнные грузы, перевозимые по высшимъ тарифамъ, составляютъ подавляющее большинство, какъ въ пассажирскомъ, такъ и въ товарномъ движеніи. Относительно товарнаго движенія это положеніе г. Чупровымъ нисколько не доказано. По приведенному имъ вычисленію г. Дервиза товары, перевозимые по пониженному тарифу, составляли въ 1874 г. 54⁰/₁₀₀ всѣхъ грузовъ, а по собственному исчисленію автора выручка за товары высшихъ категорій доставила въ 1869 г. 48,8⁰/₁₀₀, а въ 1870 г.—51⁰/₁₀₀ всего дохода. Можно ли говорить на основаніи этихъ цифръ, что малоцѣнные грузы значительно преобладаютъ въ товарномъ движеніи? А между тѣмъ г. Чупровъ находитъ даже излишкомъ доказывать болѣе обстоятельно это положеніе, считая вполне достаточнымъ слѣдующее разсужденіе: „Извѣстно, говоритъ онъ, что въ большинствѣ массъ народнаго произведенія значительнѣйшая доля принадлежитъ повсюду громоздкимъ и малоцѣннымъ предметамъ, такъ какъ по устройству природы человѣка и по законамъ внѣшняго міра важнѣйшія человѣческія нужды, именно потребности питанія, жилища и отопленія, удовлетворяются главнымъ образомъ при помощи такого рода предметовъ“. Но на подобное объясненіе съ полнымъ основаніемъ можно замѣтить, что, по тѣмъ же законамъ внѣшняго міра, предметы, служащіе для удовлетворенія важнѣйшихъ человѣческихъ потребностей, разсыяны повсюду, добываются преимущественно на мѣстахъ потребленія, причѣмъ только небольшая часть ихъ передвигается по рельсовымъ путямъ. Авторъ самъ нисколько ниже признаетъ фактъ меншей обращаемости громоздкихъ малоцѣнныхъ товаровъ. Очевидно, что, если изслѣдователю пришлось встрѣтиться съ двумя противоположными вліяніями, какими въ данномъ случаѣ являются количество и степень обращаемости малоцѣнныхъ грузовъ, то вопросъ не можетъ быть рѣшенъ иначе, какъ только при помощи точнаго изученія дѣйствительно существующихъ фактовъ. Г. Чупровъ призналъ бы, вѣроятно, крупной ошибкой, еслибы кто-либо вздумалъ вычислить распредѣленіе пассажировъ по сословіямъ на основаніи количественнаго отношенія сословій въ

странѣ. Очевидно, что лица торговаго класса и крестьянинъ являются въ этомъ случаѣ единицами качественно различными.

Между тѣмъ авторъ „Железнодорожнаго Хозяйства“ допускаетъ почти такую же ошибку въ своемъ разсужденіи. Мало того, на основаніи этого неудачнаго объясненія онъ считаетъ возможнымъ сдѣлать рѣшительный приговоръ, что „лишь желѣзныя дороги, обладающія въ ихъ районахъ значительной массой малоцѣнныхъ грузовъ, могутъ считываться на крупное движеніе и доходъ“. Не съ одинаковымъ ли правомъ можно сказать тоже самое относительно болѣе цѣнныхъ грузовъ; вѣдь они тоже даютъ половину дохода. Г. Бородинъ ¹⁾ совершенно справедливо замѣчалъ по этому поводу, что здѣсь нельзя установить никакого общаго правила. Дорога, проходящая по лѣсной мѣстности и имѣющая массу дешевыхъ лѣсныхъ грузовъ, но слабое пассажирское движеніе, будетъ выручать гораздо меньше, нежели дорога, находящаяся въ густо населенной фабричной полосѣ съ преобладающимъ пассажирскимъ движеніемъ и перевозкою товаровъ высшихъ категорій.

Съ такими произвольными выводами мы встрѣчаемся не разъ и дальше въ сочиненіи г. Чупрова. На стр. 67 авторъ увѣряетъ, напримѣръ, что прямыя грузы находятся въ известномъ соотношеніи съ обратными. „Линіи, стоящія на первыхъ мѣстахъ по количеству прямыхъ грузовъ“, говоритъ онъ, „имѣютъ и значительнѣйшія цифры обратныхъ“. Это положеніе болѣе нежели сомнительно. Отношеніе между количествами грузовъ этихъ двухъ категорій отличается вообще чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Правило г. Чупрова вполнѣ примѣнимо лишь къ тѣмъ бездоходнымъ линіямъ, которыя или оказались вообще неудачно проведенными или по кратковременности существованія не успѣли еще развить своей дѣятельности. а потому имѣютъ слабое движеніе какъ прямыхъ, такъ и обратныхъ грузовъ. Насколько разбираемое положеніе автора „Железнодорожнаго хозяйства“ согласно съ статистическими данными, изъ которыхъ оно будто бы выведено, можно судить изъ нижеслѣдующаго. Мы взяли изъ таблицы, приведенной на стр. 60—63 2-го тома сочиненія г. Чупрова, 15 дорогъ подъ-рядъ и расположили ихъ въ убывающемъ порядкѣ по количеству прямыхъ и обратныхъ грузовъ.

Получился слѣдующій результатъ.

Мѣсто, занимаемое дорогами:	
По количеству прямыхъ грузовъ.	По количеству обратныхъ грузовъ.
1	1
2	10
3	6
4	2
5	8
6	3
7	14

¹⁾ «Докторскій диспутъ въ Московскомъ университетѣ».

Мѣсто, занимаемое дорогами:	
По количеству прямых грузовъ.	По количеству обратныхъ грузовъ.
8	4
9	11
10	7
11	12
12	5
13	9
14	13
15	15

Само собою разумеется, что при удлинении этого ряда колебания были бы еще значительнѣе.

Но чего не дадутъ цифры, то г. Чупровъ легко замѣняетъ ссылкой на „основной законъ обмѣна“. „Связь между количествами прямыхъ и обратныхъ грузовъ“, говоритъ онъ, „вытекаетъ изъ основнаго закона обмѣна. Каждый изъ двухъ товарныхъ токовъ, прямой и обратный, представляетъ собою одну изъ сторонъ громаднаго мѣноваго акта, совершающагося между различными частями страны и слагающагося изъ безчисленнаго множества мѣновыхъ сдѣлокъ. Но въ мѣновомъ актѣ каждая изъ сторонъ получаетъ отъ другой равноцѣнное количество товаровъ. Отсюда, если одна изъ сторонъ предлагаетъ меньшее количество товаровъ, то при предположеніи неизмѣняющейся цѣнности, и другая сторона, въ свою очередь, въ состояніи будетъ предложить первой лишь меньшую массу собственныхъ грузовъ“. Не трудно убѣдиться, что въ этомъ разсужденіи авторъ до крайности неудачно пользуется извѣстной экономической аксіомой объ обмѣнѣ равноцѣнностей. Его объясненіе построено на томъ предположеніи, что обмѣнъ всегда ведется только между двумя мѣстностями, причемъ каждая изъ нихъ расплачивается за получаемые товары непосредственно своими товарами; но совершенно игнорируется тотъ весьма частый случай, когда мѣстность А получаетъ товары изъ В, а отправляетъ свои произведенія въ пункты С, D, E и т. д. или наоборотъ. Такъ, напр., Кіевъ можетъ отправлять свои главнѣйшія произведенія — сахаръ и хлѣбъ въ Москву и Николаевъ, а получать товары изъ Варшавы и Одессы; Москва можетъ отправлять свои продукты въ Курскъ, а получать изъ Ярославля и т. д. Очевидно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ не будетъ существовать никакой зависимости между движеніемъ прямыхъ и обратныхъ грузовъ, ибо вознагражденіе за отправленные или полученные товары выдается здѣсь не въ формѣ товара, а въ формѣ денегъ. Причемъ же тогда оказывается основной законъ обмѣна, указанный авторомъ? Указанныя нами до сихъ поръ погрѣшности въ трудѣ г. Чупрова сравнительно маловажны, такъ какъ онѣ касаются отдѣльныхъ положеній автора, не имѣющихъ особаго значенія. Но къ сожалѣнію, наравнѣ съ ними, онъ сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ, гораздо болѣе существенныхъ. Намъ кажется, что авторъ совершенно неудачно рѣшилъ одинъ изъ самыхъ важныхъ основныхъ вопросовъ своего изслѣдованія. Онъ желалъ нарисовать картину товарнаго движенія на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, для

чего требовалось указать главные токи товарнаго движенія и ихъ особенноти. Но ни предложенное г. Чупровымъ распредѣленіе товарныхъ грузовъ по районамъ, ни характеристика каждого района въ отдѣльности не могутъ быть признаны правильными. Г. Чупровъ утверждаетъ, что главные токи прямыхъ грузовъ направляются изъ внутренности страны къ окраинамъ и сообразно тремъ границамъ устанавливаетъ три района: балтійскихъ портовъ, южныхъ портовъ и западной границы. Отсюда прямой логическій выводъ тотъ, что товарное движеніе, имѣющее цѣлью международный обмѣнъ, рѣшительно господствуетъ въ нашей желѣзнодорожной сѣти надъ внутреннимъ. Этотъ выводъ поражаетъ своею неожиданностію. Подобное явленіе было бы понятно въ Англіи или въ какой либо другой странѣ съ сильно развитой внѣшней торговлей; но его рѣшительно невозможно объяснить въ Россіи. Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ въ этомъ случаѣ никакихъ объясненій, ссылаясь только на цифры. Мы обратились къ этимъ цифрамъ и пришли къ убѣжденію, что характеристика товарныхъ токовъ, сдѣланная авторомъ, весьма сильно расходится съ дѣйствительностію и составляетъ лишь результатъ игнорирования г. Чупровымъ товарнаго движенія между внутренними торговыми центрами страны. Извѣстно, что однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ нашей фабричной промышленности и внутренней торговли, а вѣстѣ съ тѣмъ узломъ большой желѣзнодорожной сѣти является Москва. Неужели товарное движеніе, направляющееся въ Москву и окружающій ея фабричный районъ и выходящее отсюда, на столько слабо, что оно теряется среди другихъ болѣе сильныхъ токовъ? Такъ думаетъ г. Чупровъ, но факты доказываютъ нѣчто совершенно иное. Оказывается, что Москва въ 1874 г. получила 158,8 мил. пудовъ груза, а отправила 39,8 мил., всего 198,6 мил. пуд. Эти цифры превышаютъ движеніе товаровъ, какъ въ районѣ западной границы (176,8 мил. пуд.), такъ и въ районѣ черноморскихъ портовъ (167,9 мил. пуд.). И такъ, одна станція отправляетъ и получаетъ грузовъ болѣе, нежели цѣлые районы. Если сравнить Москву съ портами въ каждомъ районѣ и со станціями на западной границѣ, то перевѣсъ ея окажется еще значительнѣе.

	Получили.	Отправили.	Итого ¹⁾ .
	Въ тысячахъ пудовъ.		
Москва	158,814	39,816	198,630
С.-Петербургъ	54,180	16,051	70,181

¹⁾ Эти данныя взяты нами изъ таблицы г. Чупрова (стр. 132—133). Въ ней двѣ небольшія ошибки въ частичныхъ итогахъ, которыя нами исправлены. На стр. 138 мы встрѣчаемъ другія цифры, а именно:

	Получили.	Отправили.
Балтійскіе порты	104,685	38,747
Черноморскіе	86,897	20,538
Западные пограничные пункты	57,756	15,111
Итого	249,338	74,396

Эту разницу нельзя приписать корректурнымъ погрѣшностямъ, потому, во 1-хъ, что изъ шести чиселъ только два остались неизмѣненными, и во 2-хъ, что въ обѣихъ таблицахъ получаются одни и тѣже окончательные итоги, хотя они составлены изъ разныхъ слагаемыхъ. Мы не беремся объяснить эту загадку.

	Получили.	Отправили.	Итого.
	Въ тысячахъ пудовъ.		
Всѣ балтійскіе порты со включеніемъ С.-Петербурга	104,685	68,747	143,432
Черноморскіе порты	83,508	19,888	103,396
Пункты на западной сухопутной границѣ	61,165	15,761	76,926

Въ виду этихъ цифръ становится рѣшительно непонятнымъ, на какомъ основаніи авторъ усмотрѣлъ главные токи только по направленію къ границамъ и приписалъ Москву къ Петербургу, если такъ можно выразиться, не смотря на то, что Москва по размѣрамъ товарнаго движенія стоитъ гораздо выше не только Петербурга, но всѣхъ балтійскихъ портовъ въ совокупности, не говоря уже объ южныхъ портахъ и таможнякъ на западной границѣ. Впрочемъ, мы должны упомянуть, что авторъ, кажется, самъ сознавалъ неудобства своей классификаціи и потому выдѣлилъ группу дорогъ, не вошедшихъ въ три вышеупомянутые районы; но въ этой группѣ соединены дороги, неимѣющія между собою ничего общаго, и данныя объ нихъ совершенно неразработаны.

И такъ, мы приходимъ къ заключенію, что распредѣленіе товарнаго движенія по районамъ не только неполно изложено авторомъ, но оно совершенно искажаетъ дѣйствительность. Въ этомъ отношеніи одна таблица, которую можно найти въ послѣднемъ изслѣдованіи г. Блѣха, не смотря на то, что она составлена довольно несовершеннымъ способомъ, гораздо яснѣе освѣщаетъ вопросъ, нежели всѣ разсужденія автора „Желѣзно-дорожнаго хозяйства“¹⁾.

Изучая далѣе особенности каждаго района въ отдѣльности, г. Чупровъ указываетъ на рѣшительный перевѣсъ Балтійскаго района надъ всѣми прочими. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ слѣдующую таблицу:

	Прямые грузы.	Обратные грузы.
	Въ милліонахъ пудовъ.	
Районъ балтійскихъ портовъ	524	186,5
Районъ западной и сухопутной границы	126,9	49,8
Районъ Черноморскихъ портовъ	111,2	56,7
Дороги, не вошедшія въ показанные районы	119,3	63,1

Эта таблица дѣйствительно свидѣтельствуетъ о громадномъ преобладаніи балтійскаго тяготѣнія, но въ виду того, что она не подтверждается другими данными²⁾, является вопросъ: выражаютъ ли приведенныя ав-

¹⁾ Вліяніе жел. дор. на экон. состояніе Россіи. Т. I, стр. 107, таб. XXII. Въ ней показано движеніе грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ по губерніямъ.

²⁾ Какъ приведенныя раньше данныя о количествѣ грузовъ полученныхъ и отправленныхъ по рельсовымъ путямъ портами и пунктами на западной границѣ (см. выше), такъ и свѣдѣнія о движеніи вѣншей торговли (см. обзоръ

торомъ цифры то, что онъ хочетъ ими сказать, то есть, доказываютъ ли онъ усиленное движеніе товаровъ къ балтійскимъ портамъ и обратно. Къ сожалѣнію эти статистическія данныя не имѣютъ и не могутъ имѣть того значенія, которое приписалъ имъ г. Чупровъ. Не говоря уже о томъ, что въ балтійскій районъ попали грузы тяготящіе къ Москвѣ, здѣсь есть еще другая крупная ошибка. Многие пороги, приписанные авторомъ къ балтійскому району, гораздо короче южныхъ, вслѣдствіе чего грузамъ, направляющимся на сѣверъ, приходится проходить по большому числу линій. Такъ какъ каждая линія записываетъ проходящій товаръ особо, то въ общей отчетности по всему району одинъ и тотъ же грузъ оказывается повтореннымъ нѣсколько разъ. Это, конечно, должно значительно увеличить цифру грузовъ въ районѣ, обладающемъ болѣе короткими линіями, если общій итогъ ихъ полученъ простымъ сложениемъ цифръ, показанныхъ отдѣльными дорогами. А такой именно приемъ употребленъ г. Чупровымъ, при чемъ онъ, безъ всякихъ оговорокъ, считаетъ возможнымъ дѣлать рѣшительные выводы изъ подобныхъ цифръ. Этого промахъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что, допустивъ его, авторъ нѣсколько ниже весьма убѣдительно доказываетъ неправильность своего вычисленія (стр. 82, примѣчаніе). Не болѣе убѣдительными оказываются и нѣкоторые другіе выводы г. Чупрова относительно особенностей товарнаго движенія на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Такъ на стр. 76—77 онъ говоритъ: „Если на отдѣльныхъ линіяхъ, входящихъ въ каждый районъ, мы сравним между собою отправку какъ прямыхъ, такъ и обратныхъ грузовъ, то увидимъ, что масса тѣхъ и другихъ всего значительно на пограничныхъ линіяхъ, уменьшалась по мѣрѣ приближенія къ внутренности страны“. Въ подтвержденіе этого положенія авторъ привелъ десять дорогъ, а въ опроверженіе его можно привести почти столько же. Варшавско-Тераспольская, Бресто-Граевская, Либавская, Лозово-Севастопольская, Риго-Вольдераасская—вотъ пограничныя дороги съ весьма ничтожнымъ товарнымъ движеніемъ. Не лишено интереса также то обстоятельство, что г. Чупровъ для доказательства усиленнаго движенія на пограничныхъ дорогахъ приводитъ валовыя цифры грузовъ по цѣлымъ линіямъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на длину ихъ. Дороги въ 600 и 100 верстъ сравниваются какъ единицы совершенно однородныя.

Но какъ бы ни были произвольно выбраны цифры, на которыхъ авторъ основываетъ тотъ или иной выводъ, у него всегда найдется объясненіе для нихъ. Такъ и въ данномъ случаѣ онъ говоритъ, что причина усиленнаго движенія грузовъ на пограничныхъ линіяхъ заключается въ томъ, что „дороги, проходящія по внутренности страны, отправляютъ къ окраинамъ одни собственные грузы, тогда какъ дороги,

виш. торговли за 1876 г.) указываютъ на сравнительно незначительный перевѣсъ балтійскихъ портовъ надъ южными и западными таможенями. Нужно замѣтить, что первыя свѣдѣнія не вполне совпадаютъ со вторыми, но разница объясняется участіемъ водныхъ сообщеній (рѣкъ и каналовъ), которыя перевозятъ часть грузовъ въ порты и обратно. Это особенно замѣтно въ портахъ Балтійскаго моря.

приближающіяся къ границѣ, принимаютъ множество грузовъ отъ другихъ линій. Напротивъ, обратные грузы въ наибольшихъ массахъ скопляются на окраинахъ и затѣмъ, оставаясь постепенно на каждой станціи по пути слѣдованія, поступаютъ на дороги, идущія внутрь страны, уже слабыми токами“. Въ этомъ объясненіи нельзя не видѣть иліянія той же предвзятой мысли, которая заставила автора причислить Москву къ балтійскому району. Г. Чупровъ рѣшительно игнорируетъ мѣстное движеніе, совершенно забывая, что если дорога проходить по густо населенной мѣстности, между значительными внутренними центрами, то она можетъ имѣть и больше боковыхъ вѣтвей, и больше грузовъ, нежели пограничныя линія. Это явленіе мы и замѣтимъ на множествѣ русскихъ линій. Чтобы убѣдиться въ его существованіи, стоитъ только взглянуть на таблицу г. Чупрова, въ которой дороги расположены по убывающему количеству грузовъ (стр. 60, 63) или, что еще лучше, просмотрѣть графическія таблички г. Блюха.

Оставляя безъ разсмотрѣнія нѣсколько мелкихъ положеній автора „Желѣзнодорожнаго хозяйства“, мы въ заключеніе упомянемъ, что послѣдняя глава его труда, посвященная разсмотрѣнію движенія мѣстныхъ грузовъ представляетъ чрезвычайно блѣдный эскизъ, нисколько не соответствующій тому значенію, которое имѣютъ эти грузы въ действительности и которое признаетъ за ними самъ г. Чупровъ. Здѣсь разсматривается нѣсколько общихъ вопросовъ, но почти нѣтъ вовсе анализа особенностей мѣстнаго товарнаго движенія на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, тѣмъ болѣе, что относящіяся сюда вопросы (напр. характеристика мѣстнаго товарнаго движенія по районамъ, по временамъ года, по родамъ товаровъ и такъ далѣе) на столько же интересны, на сколько они сложны и трудны. Но будемъ благодарны автору и за то многое, что онъ далъ.

Д. Пижно.

Доцентъ университета Св. Владимира.

ИСТОРИЯ.

Славянство Болгаръ передъ критикой слависта.

(Статья Проф. Макушева объ „Исторіи Болгаръ“ К. Иречка въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1878 г., Апрель.)

Исторія человечества не знаетъ другой формы гражданственности помимо государственнаго быта. Она не знаетъ ни одной національности, которая выработалась бы внѣ этого быта. Все жившее и живущее внѣ его осталось на первыхъ ступеняхъ развитія, въ состояніи такъ называемыхъ дикарей. Вотъ почему жизнь какого либо народа только

тогда и становится достояніем исторіи, когда онъ начинаетъ выходить изъ племеннаго прозябанія и слагаться въ государство. Переходъ этотъ бываетъ болѣе или менѣе постепененъ и длится иногда очень долгое время. Условіе, которое болѣе всего вліяетъ на ускореніе этого процесса, есть взаимная борьба родовъ, племенъ и дѣльных народовъ за землю, за господство, за независимость; въ концѣ концовъ ее можно назвать вообще борьбою за существованіе. Эта борьба, это взаимное треніе и служитъ главнымъ побужденіемъ для сосредоточенія народныхъ силъ. А что такое и есть государство, какъ не сосредоточеніе (централизація) народныхъ силъ въ рукахъ правительственныхъ? Мы не знаемъ ни одного государства, которое бы сложилось безъ борьбы родственныхъ или чуждыхъ другъ другу племенъ, безъ ихъ взаимодѣйствія. Иногда элементы и вліянія, изъ которыхъ возникло государство, бываютъ очень сложны и разнообразны. Раскрытіе этихъ элементовъ и вліяній составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ исторической науки. Они важны не для одной только первоначальной эпохи; они сильно дѣйствуютъ и на послѣдующее развитіе. Происхожденіе государства кладетъ неизгладимую печать на всю его исторію. Основанія его отражаются на характерѣ власти, на учрежденіяхъ, на дѣломъ общественномъ складѣ, на типѣ всей національности. Отсюда естественно мы придаемъ большую важность тому, чтобы историческая наука возможно точнѣе и тщательнѣе разъясняла происхожденіе того или другаго государства, т. е. той или другой національности, по крайней мѣрѣ, чтобы вопросъ этотъ былъ поставленъ возможно правильнѣе для дальнѣйшей разработки.

Обыкновенно возникновеніе и развитіе государственнаго быта значительно ускоряется, когда полудикія племена входятъ въ близкое соприкосновеніе или въ прямое столкновеніе съ народами, стоящими уже на высокой степени гражданственности, т. е. съ государствами цивилизованными. Ясный примѣръ тому мы видимъ въ западной Европѣ, гдѣ возникаютъ германскія государства на предѣлахъ Римской имперіи и въ самыхъ областяхъ этой имперіи. Подобное же явленіе находимъ и въ Восточной Европѣ, гдѣ возникаютъ славянскія государства на другихъ предѣлахъ или въ другихъ областяхъ той же Римской имперіи, преимущественно въ византійской половинѣ. Таковы именно государства Сербское, Болгарское и Русское.

Никто не усомнился доселѣ въ славянскомъ происхожденіи государства и народности сербской. Но русскіе и болгаре оказались менѣе счастливы въ этомъ отношеніи. Отрицаніе славянства Руси по крайней мѣрѣ опирается на сплетеніе лѣтописныхъ домысловъ и искаженіе первоначальнаго текста нашей лѣтописи. Объ этомъ мы достаточно говорили прежде; не отказываемся говорить и впредь. Но любознательно, что отрицаніе славянства болгаръ не опирается ни на какія историческія свидѣтельства. Оно явилось просто плодомъ догадокъ и умствованій со стороны нѣмецкихъ писателей позднѣйшаго времени, именно съ конца прошлаго столѣтія. А съ голоса нѣмцевъ начали тоже повторять и славянскіе ученые, съ знаменитымъ Шафарикомъ во главѣ, безъ тщательнаго разсмотрѣнія этого вопроса. Нѣкоторые изслѣдователи, напримѣръ

Венелинъ и Савельевъ-Ростиславичъ, пытались опровергнуть столь легко установившееся мнѣніе, но безуспѣшно; виною тому было отчасти ихъ собственное увлеченіе и несомнѣнны удачныя приемы, отчасти и недостаточная еще зрѣлость этнологическаго отдѣла исторической науки. Въ своихъ изысканіяхъ о происхожденіи Руси я встрѣтился съ Болгарами, частію вошедшими въ ея составъ, и счелъ необходимымъ подвергнуть разностороннему пересмотру господствующую теорію о принадлежности ихъ къ Угро-Финской семьѣ. Результатомъ этого пересмотра оказалось, съ моей стороны, полное убѣжденіе въ несостоятельности данной теоріи (См. мою книгу „Разысканія о началѣ Руси“). Естественно, всякая хотя бы и невѣрная, но распространенная теорія не легко уступаетъ свое мѣсто въ наукѣ; обыкновенно она выставляетъ цѣлый рядъ защитниковъ; возникаетъ полемика. Мы всегда рады научной полемикѣ, ибо она способствуетъ болѣе тщательной обработкѣ предмета и яснѣе обнаруживаетъ состоятельность или несостоятельность какой-либо теоріи. Разумѣется *conditio sine qua* поп научной полемикѣ составляютъ достаточное знакомство съ предметомъ и добросовѣстное отношеніе къ мнѣніямъ и доказательствамъ противника.

Со времени моего изслѣдованія „О словянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ“ (впервые напечатаннаго въ Русскомъ Архивѣ за 1874 г.) прошло уже нѣсколько лѣтъ; доселѣ я встрѣчалъ тамъ-сямъ выраженное несогласіе съ нимъ со стороны теорій Угро-Финской или Тюрко-Татарской, — но несогласіе голословное, ничѣмъ не подкрѣпленное, а слѣдовательно не дающее никакого матеріала для научной полемики. Первое сколько нибудь систематическое возраженіе я нахожу въ статьѣ варшавскаго профессора Макушева, посвященной разбору известной „Исторіи Болгаръ“ молодого чешскаго ученаго К. Иречка (Жур. Мин. Нар. Пр. 1878. Апрель). Пользуюсь этимъ возраженіемъ для дальнейшей борьбы съ помянутыми теоріями.

Въ своей статьѣ, дошедши до вопроса о происхожденіи Болгаръ, г. Макушевъ касается моего изслѣдованія (котораго Иречекъ не имѣлъ подъ руками) и „считаетъ долгомъ“ разобрать мои доводы. Посмотримъ теперь, какъ онъ исполняетъ этотъ добровольно принятый на себя долгъ.

Г. Макушевъ приводитъ первый пунктъ моего изслѣдованія: „главное основаніе, на которомъ построена финская теорія происхожденія Болгаръ, есть наименованіе ихъ Гуннами у средневѣковыхъ лѣтописцевъ“. И тотчасъ прибавляетъ: *это положительно невярно*. Послѣ такого категорическаго заявленія можно было ожидать отъ г. Макушева соответствующихъ цитатъ, несомнѣнно опровергающихъ мое положеніе. Онъ дѣйствительно и приводитъ одно мѣсто изъ Шафарика: „Всѣ византійскіе лѣтописцы, а въ числѣ ихъ Теофанъ и Никифоръ, выдають Болгаръ, пришедшихъ съ Волги и Дона, за родичей Гунновъ и Кутургуровъ, а не Славянъ. И самъ нашъ почтенный Несторъ, слѣдуя общему народному преданію, помѣщаетъ Болгаръ въ ряду не Славянскихъ народовъ, а напротивъ ихъ главныхъ непріятелей, то есть Аваровъ, Угровъ и Хозаровъ“ и т. д. Можно ли такъ превратно рассуждать о научномъ вопросѣ, который для профессора-слависта долженъ быть

однимъ изъ важнѣйшихъ? Заявить, что мое основаніе „положительно невѣрно“ и тутъ же подтвердить его цитатою. Ибо о чемъ же въ ней говорить Шафарикъ, какъ не о томъ, что византійскіе писатели Болгарь причисляютъ къ Гуннамъ. Эти писатели не только называютъ ихъ соплеменниками Гунновъ, но и прямо именуютъ Гуннами, Гунногундурами и Гуннобундубулгарами. „Шафарикъ говоритъ не объ имени, а о родствѣ Болгарь съ Гуннами, Аварами и пр.“, замѣчаетъ г. Макушевъ, очевидно не подозрѣвая связи этихъ двухъ понятій.

Для всякаго даже поверхностнаго знакомства съ даннымъ предметомъ ясна тѣсная связь вопроса о народности Болгарь съ вопросомъ о народности Гунновъ. Какъ только Гунновъ объявили не арійскимъ народомъ, Болгаре, которыхъ нѣкоторые источники причисляютъ къ гунскимъ племенамъ, естественно являются по мнѣнію однихъ Татарами, по мнѣнію другихъ Финнами. Пользуюсь также настоящимъ случаемъ, чтобы прибавить слѣдующую замѣтку къ моему изслѣдованію. Начальную исторію Болгарь я рассматривалъ независимо отъ вопроса о тѣхъ Гуннахъ, которые выступили на историческую сцену въ IV вѣкѣ и основали извѣстную державу Атилы. Послѣднихъ я оставилъ пока въ сторонѣ, и, не возражая противъ господствующаго мнѣнія объ ихъ Угро-Финской народности, ограничился оговоркою, что считаю этотъ вопросъ нерѣшеннымъ, открытымъ (Розыск. о нач. Руси. 410). Исторія собственныхъ Болгарь сама по себѣ даетъ такіе несомнѣнные признаки ихъ славянскаго происхожденія и представляетъ такое самостоятельное цѣлое, что я счелъ возможнымъ разсуждать о нихъ, не разбирая господствующей теоріи о самомъ царствѣ Атилы. На той же точкѣ зрѣнія остаюсь и теперь. Но считаю нужнымъ присовокупить, что чѣмъ болѣе всматриваюсь въ основанія Угро-Финской теоріи Гунновъ, тѣмъ болѣе выступаетъ передо мною ея научная несостоятельность. Можетъ быть когда нибудь, если найду время для тщательнаго обслѣдованія этого вопроса, представлю его результаты на судъ ученой публики. А пока ограничиваюсь разсмотрѣніемъ источниковъ и мнѣній, относящихся непосредственно къ Гунно-Болгарамъ.

• Надѣюсь, въ моемъ изслѣдованіи достаточно указана историческая послѣдовательность болгарскихъ переселеній на Балканскій полуостровъ въ теченіе V, VI и VII вѣковъ подъ именами Гунновъ, Кутургуровъ и просто Болгарь. Я указалъ на важную ошибку славистовъ-историковъ, которые легендарное извѣстіе о Кувратѣ и его пяти сыновьяхъ принимали за историческій фактъ и безъ всякой критики повторяли рассказъ о одновременномъ переселеніи Болгарь за Дунай въ VII вѣкѣ, упуская изъ виду ихъ предыдущія движенія. Г. Макушевъ проходитъ молчаніемъ вопросъ объ этой легендѣ, и, вообще не коснувшись исторической стороны предмета, приходитъ прямо къ этнографической части моего изслѣдованія.

Я счелъ нужнымъ разсмотрѣть критически всѣ три стороны Угро-Финской теоріи, историческую, этнографическую и филологическую. А между тѣмъ, строго говоря, эта полнота для меня не была обязательною въ данномъ случаѣ. Всѣмъ толкамъ и умствованіямъ о неславянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгарь историкъ можетъ противу-

поставить свое veto единственно на томъ основаніи, что быстрое и радикальное превращеніе народности завоевателей и основателей государства въ народность ею покоренную и очевидно ея слабѣйшую, такое превращеніе возможно только въ сказкѣ, а не въ исторіи; въ послѣдней примѣровъ ему нѣтъ и быть не можетъ. Только при недостаточномъ сознаніи этого неизмѣннаго историческаго закона, то есть, при недостаточной зрѣлости нѣкоторыхъ отдѣловъ исторической науки, и могла явиться помянутая теорія. Правда, это неестественное превращеніе уже бросалось въ глаза и указывалось прежде; но противники славянства Болгарь какъ-то легко обходили его или прибѣгали къ разнымъ искусственнымъ и произвольнымъ домысламъ въ родѣ предполагаемой восприимчивости и благодушія дикихъ Угро-Финновъ. А если имъ указывали на сосѣднюю Венгрію, представляющую совершенно противоположный примѣръ, то сочиняли невѣроятную малочисленность завоевателей или измышляли огромное вліяніе различныхъ географическихъ условій и т. п. Если и приводились какія аналогиі въ подтвержденіе этой теоріи, то обыкновенно самыя неподходящія. Напримѣръ, можно ли ссылаться на обрусѣніе нашихъ финскихъ инородцевъ, которые болѣе всего и показываютъ какъ туго, медленно, постепенно въ теченіе многихъ столѣтій претворяются они въ господствующую народность, и замѣйте въ господствующую, а не въ подчиненную, какъ это выходитъ въ данномъ случаѣ. Финское племя (равно и Татарское), безспорно, есть одно изъ самыхъ неподатливыхъ на превращенія; а если оно получило въ свои руки правительственную, политическую силу, то для нашего поколѣнія ученыхъ наввно было бы и говорить о подобномъ превращеніи. Далѣе, существуетъ ли хотя какая нибудь аналогія между Болгарами Дунайскими и германскими завоевателями на Романской почвѣ? Франки завоевали Галлію и слились съ покореннымъ населеніемъ. Считайте однако, сколько вѣковъ происходило это постепенное сліяніе. Хлодвигъ былъ германецъ; но и Карлъ Великій, царствовавшій три вѣка спустя, тоже былъ германецъ. Франки мало по малу уступали только силѣ высоко развитой римской гражданственности, и при своемъ сліяніи все-таки не перешли ни въ Галловъ, ни въ Римлянъ, а образовали съ ними новую романскую національность и внесли въ лексиконъ языка свою значительную стихію. Считайте также, сколько вѣковъ Лангобарды сливались съ туземнымъ населеніемъ Италіи, и точно также не просто обратились въ этихъ туземцевъ, а образовали съ ними новую романскую народность и выработали особый романскій языкъ. Не забудьте также при этомъ могущественное объединительное вліяніе латинской іерархіи. Подобныя примѣры не допускаютъ и мысли о быстромъ и совершенномъ превращеніи финской орды завоевателей въ покоренную ею славянскую народность. Исторія не только не представляетъ намъ примѣровъ подобнаго превращенія, а наоборотъ постоянно являетъ примѣры противоположнаго свойства, т. е. живучести роднаго языка и племенныхъ особенностей при тѣсномъ сожителствѣ различныхъ расъ.

Въ своемъ изслѣдованіи я настойчиво указывалъ на физическую невозможность помянутаго превращенія. Всякій принимающій на себя долгъ разсмотрѣть мои доводы не можетъ обойти такое крупное и основ-

ное мое доказательство. Чтобы поколебать его, нужно противопоставить ему ряд исторических аналогій, т. е. действительно исторических и вполне сюда подходящих, а не какуюнибудь пустую ссылку на мнимое превращеніе небывалых Варяго-Руссовъ въ Славянъ. какъ это обыкновенно дѣлалось. Но какъ же поступаетъ г. Макушевъ? Онъ проходитъ мимо этого основнаго столпа. „Мы не будемъ останавливаться на соображеніяхъ, въ силу которыхъ признается невозможнымъ перерожденіе Болгарской орды Аспаруха въ Славянъ-Болгаръ. Это увлекло бы насъ слишкомъ далеко и принудило бы провѣрить другую славянскую теорію г. Иловайскаго о происхожденіи Руси“. И прибавляетъ, будто аналогичные примѣры уже приведены Шафарикомъ и Иречкомъ; тогда какъ никакихъ аналогичныхъ примѣровъ мы тамъ не находимъ. Вотъ какъ ученые слависты обращаются у насъ съ научными вопросами! Относительно Руси замѣчу слѣдующее: сдѣлайте милость, провѣряйте мою славянскую теорію ея происхожденія, но только не такъ, какъ это дѣлаете съ славянскимъ происхожденіемъ Болгаръ. Въ настоящее время имѣю передъ глазами уже не одинъ примѣръ такого рода: какой либо ученый противникъ мой по данному вопросу дѣлаетъ рѣзкіе отзывы о новой его постановкѣ или въ печати, или передъ своей аудиторіей; пока эти отзывы голословны, они, конечно, неуловимы; совсѣмъ другое происходитъ, когда подобный противникъ вступаетъ въ научную полемику.

Обойдя такимъ образомъ главное мое основаніе, г. Макушевъ (изъ четырехъ страницъ, употребленныхъ имъ на весь вопросъ о происхожденіи Болгаръ) слѣдую страницу посвящаетъ брошенному мной мимоходомъ примѣчанію объ одной болгарской колоніи въ Италіи, гдѣ можетъ быть въ источникахъ когданибудь откроются ея слѣды. Противникъ мой заранѣе предрѣшаетъ, что никакого слѣда отъ нея нѣтъ. Положимъ такъ; но это обстоятельство не особенно для насъ важно, а безъ того слишкомъ много доказательствъ, что Дунайскіе Болгары всегда были Славянами. Затѣмъ онъ посвящаетъ одну страницу моимъ опроверженіямъ этнографическихъ основаній Угро-Финской теоріи. И на этой одной страницѣ сколько промаховъ! Напримѣръ, онъ говоритъ, что арабскіе писатели изображаютъ Камскихъ Болгаръ народомъ не славянскимъ и строго отличаютъ Болгаръ отъ Славянъ и Руси. Прежде нежели высказывать подобное мнѣніе, г. Макушевъ долженъ прочесть мое примѣчаніе на стр. 408. Главный арабскій источникъ для знакомства съ Камскими Болгарами, лично посѣтившій ихъ страну, Ибнъ-Фадланъ прямо называетъ ихъ князя „даремъ Славянъ“, ихъ край „страною Славянъ“. Димешки говоритъ, что сами Болгары считали себя народомъ „смѣшаннымъ изъ Турокъ и Славянъ“. Масуди также говоритъ о славянствѣ Болгаръ. Къ чему тутъ ссылки на толкованія Френа и другихъ? Какъ бы они ни толковали, но текстъ источниковъ остается, и возможно ли ученому сказать такую фразу, что арабскіе писатели *строго отличали* Болгаръ отъ Славянъ. Обычай ссылаться при этомъ на Нестора, какъ то дѣлаетъ Шафарикъ въ выше приведенной цитатѣ, пора оставить; ибо начальныи русскій лѣтописецъ не былъ въ камской Болгаріи и писалъ двѣсти лѣтъ спустя послѣ Фадлана, то есть когда многія славянскія

черты сравнительно немногочисленной болгарской колонии на Камѣ могли уже утратиться посреди финско-турецкаго населенія, особенно съ утврѣденіемъ ислама и арабской письменности, и когда монахи-книжники христіанской Руси дѣйствительно могли причислять къ чуждымъ и враждебнымъ племенамъ мусульманскую смѣшанную народность камскихъ Болгаръ. И вообще русскій лѣтописецъ (Несторъ или, точнѣе Сильвестръ) отнюдь не можетъ служить крѣпкою опорой при рѣшеніи этнографическихъ вопросовъ, относящихся къ V—VII вѣкамъ, когда Болгаре совершали свои переселенія на Балканскій полуостровъ.

Говоря о бытовыхъ чертахъ, г. Макушевъ повторяетъ голословное мнѣніе, что у славянъ не могли существовать: священное омовеніе ногъ въ морѣ; жены, падающія ницъ на землю при видѣ князя; употребленіе конскаго хвоста вмѣсто знамени; сидѣніе задомъ на пятахъ; покрытіе головы тюрбаномъ; закрываніе лица женщинами; разсѣченіе собакъ на части для скрѣпленія клятвы, и пр. Повторять подобныя доводы значитъ дѣлать возраженія слишкомъ несерьезныя. Г. Макушевъ замѣчаетъ, будто „такія черты противорѣчатъ положительнымъ нашимъ свѣдѣніямъ о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ не только славянъ, но и родственныхъ народовъ“. Сколько извѣстно, онъ изучалъ преимущественно западную часть южнаго славянства, т. е. хорватовъ и сербовъ, и, если онъ не нашелъ у нихъ нѣкоторыхъ болгарскихъ обычаевъ, это обстоятельство весьма естественно. Болгаре были крайне восточное племя между славянами, пришедшее на Дунай изъ черноморскихъ и кубанскихъ степей (какъ это ясно показываютъ источники, а не съ Урала, на который источники совсѣмъ не указываютъ, вопреки мнѣнію Шафарика), съ явными признаками еще кочеваго быта и близкаго соудства съ иноплеменными восточными народами. Что же мудренаго, что въ ихъ обычаяхъ были нѣкоторыя черты несходныя съ болѣе западными и давно осѣдыми соплеменниками. Найдете ли вы и теперь такіе двѣ славянскія народности, которыя, живя при различныхъ политическихъ и географическихъ условіяхъ, не имѣли бы большаго различія въ нравахъ и привычкахъ? Черты вышеприведенныя болѣею частью внѣшнія и совсѣмъ несущественны. На подобныхъ основаніяхъ и такихъ родныхъ братьевъ какъ малороса и великороса (хохла и кацапа) можно назвать людьми совсѣмъ неродственными другъ другу? Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, въ высшей степени самонадѣянно приписывать себѣ полное многостороннее знаніе древняго быта всѣхъ славянскихъ народовъ и увѣрять, что такихъ чертъ ни у кого изъ нихъ не было. Шафарикъ былъ великій ученый и оказалъ незабвенныя услуги изученію славянскаго міра; но отстаивать всякое высказанное имъ мнѣніе о славянахъ значило бы отрицать дальнѣйшее движеніе науки. Его этнографическія доказательства именно указываютъ, до чего въ этомъ отношеніи были еще слабы критическіе приемы и какъ былъ еще узокъ сравнительный методъ. Въ числѣ этихъ доказательствъ неарійскаго происхожденія болгаръ у него приведены и многоженство, столь обычное явленіе у азыгскихъ народовъ, и употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чашъ, хотя оно встрѣчается у самыхъ разнообразныхъ народовъ, въ томъ числѣ и у германцевъ. Онъ приводитъ также клятву на

обнаженномъ мечѣ и разсѣченіе при этомъ собаки на части. Послѣ этого изслѣдованія г. Макушевъ нѣсколько сократилъ число неарійскихъ признаковъ. Такъ онъ опускаетъ многоженство (въ источникѣ впрочемъ говорится только о двухъ женахъ), человѣческіе черепа, судебную пытку воровъ, клятву на обнаженномъ мечѣ и нѣкоторыя другія. Но собака оставилъ, вопреки свидѣтельству Фадлана о язмычской Руси. Повторяетъ онъ и Шафариковыхъ тюрбановъ. Въ одномъ этомъ случаѣ является двойная ошибка: неточность по отношенію къ тексту и невѣрность историческая. Въ источникѣ сказано *ligatura lintei*, что значитъ полотняная повязка. Говорится о ней по тому поводѣ, что новообращенные болгаре не снимали ее съ головы входя въ церковь. Слѣдуетъ еще путемъ археологическимъ объяснить, что это былъ за головной уборъ, какую онъ имѣлъ форму; не означаетъ ли это просто повязываніе головы убрисомъ или пошеніе на головѣ чего либо въ родѣ древнерусскаго клобука? А поборники финнизма уже рѣшили, что это былъ тюрбанъ или чалма. При этомъ они забыли, что чалма въ тѣ времена не была отличительнымъ уборомъ ни финновъ, ни татаръ; она распространялась отъ арабовъ только съ принятіемъ мусульманства. Если и имѣется гдѣ аналогія съ данною чертою нравовъ, то именно въ русской исторіи. Изъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ мы узнаемъ, что князь Святославъ Ярославичъ слушалъ въ храмѣ литургію съ клобукомъ на головѣ, а онъ очевидно въ этомъ случаѣ не былъ какииъ либо исключеніемъ. Если возьмемъ въ расчетъ другое свидѣтельство о древнихъ болгаряхъ, именно, что они ходили съ остриженными главами, то намъ будетъ понятно, что они имѣли привычку всегда покрывать или повязывать свои обстриженные головы. Извѣстно, что руссы также обстригали голову, и это обстоятельство не мѣшало имъ быть славянами. Поборники финнизма, упустившіе изъ виду приведенную сейчасъ аналогію относительно стоянія въ церкви съ покрытою головою, надѣюсь, сознаются, какъ еще далеки отъ полноты ихъ свѣдѣнія о древнемъ бытѣ славянскихъ народовъ. Вслѣдствіе недостаточности этихъ свѣдѣній (особенно скудныхъ по отношенію къ религиознымъ вѣрованіямъ древнихъ болгаръ), а также неправильнаго сравнительнаго метода и являются несерьезныя разсужденія о томъ, что священное омовеніе ногъ въ морѣ или въ текучей водѣ, что сидѣніе съ поджатыми ногами, конскій хвостъ на боевомъ знамени и т. п. суть важныя признаки неславянскаго происхожденія ¹⁾. Въ наше время наввно было бы и повторять мнѣнія, клявющіяся къ тому, что славяне никогда не были въ кочевомъ бытѣ или никогда не принадлежали къ числу варвар-

¹⁾ Шафарикъ (а гнѣмъ менѣе г. Макушевъ), приводя рядъ якобы неарійскихъ обычаевъ, къ сожалѣнію не вездѣ указывалъ источники; такъ онъ говоритъ о сидѣніи задомъ на пятахъ *по обычаю персовъ* (народа какъ извѣстно арійскаго). Не припомню, откуда онъ взялъ это извѣстіе; слѣдовало бы его провѣрить. А что касается до конскаго хвоста, то можетъ быть онъ когда-то употреблялся и на русскихъ стягахъ; на эту мысль наводятъ меня нѣкоторыя изображенія (шир. въ рукописи о Борисѣ и Глѣбѣ), а также извѣстный оборотъ пѣвца о полку Игоревѣ: стяги у него *хоботы* (т. е. хвостами) *маиутъ*.

ских народов. Последователи Тюрко-финской теории иногда принимались увѣрять, что и физиономія-то у болгаръ якобы татарская. Побывавъ лично за Дунаемъ, смѣю возразить, что это чистѣйшая ложь. Болгарскій наружный типъ есть одинъ изъ лучшихъ представителей славянской расы.

Въ концѣ разбора г. Макушевъ посвящаетъ нѣсколько строфъ своимъ филологическимъ доказательствамъ. Онъ говоритъ: „Едва-ли кто согласится съ нимъ (т. е. Иловайскимъ), что Кувратъ тоже, что Коловратъ, что Батбай происходитъ отъ славянскаго бая, батюшка, что Котрагъ указываетъ на старочешское Кутра“ и т. д. И заключаетъ слѣдующимъ категорическимъ приговоромъ: „Такимъ образомъ опроверженіе, представленное г. Иловайскимъ, Тюрко-финской теории оказывается неудачнымъ, а его доказательства въ пользу славянскаго происхожденія болгаръ слѣдуетъ признать несостоятельными и произвольными.“

И въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ о филологіи все тоже замѣчательно неточное и поверхностное отношеніе къ вопросу. Между прочимъ изъ словъ г. Макушева можно заключить, что я положительно отождествляю Куврата съ Коловратомъ. На самомъ дѣлѣ я провожу равнообразныя формы этого имени по разнымъ источникамъ, каковы его сокращенія *Куратъ* и даже *Коуртъ*, и дѣлаю предположеніе, что *можетъ быть* самое Кувратъ сокращено изъ Колувратъ или Коловратъ. Не выставляя никакого положительнаго вывода на этотъ счетъ, я однако вправѣ имѣть въ виду нѣкоторыя аналогіи. Напримѣръ, имя болгарскаго царя Бориса одно изъ употребительныхъ славянскихъ именъ. Въ такой формѣ его славянское значеніе намъ непонятно; но если возьмемъ болѣе полную форму, также встрѣчающуюся въ источникахъ, *Богюрисъ*, тогда окажутся составныя его части. Однако вторая половина слова все-таки остается для насъ необъясненной, хотя въ славянствѣ первой не можетъ быть сомнѣнія. Или возьмемъ Васку Буслаева нашихъ пѣсенъ. Отецъ его, коренной новгородецъ, повидимому назывался Буслай. Съ перваго взгляда это имя всякому покажется чѣмъ-то неславянскимъ. Однако нѣкоторые варианты той же пѣсни, найденные покойнымъ Гильфердингомъ, называютъ Василія по отчеству *Богуславичемъ*; слѣдовательно Буслай есть только сокращеніе изъ Богуславъ. А что такое имя дѣйствительно существовало, на то имѣемъ извѣстіе Новгородской лѣтописи подъ 1229 г.

Мои филологическія объясненія болгарскихъ именъ большею частію предложены примѣрно, только какъ возможность розыскивать въ нихъ славянскіе корни, и никто этой возможности не опровергнетъ. Напримѣръ, почему Кормезій или по славянскому источнику *Кормисоизъ* нельзя по корню сблизать съ словами кормчій, кормило, кормить и т. п. Г. Макушевъ можетъ со мной не соглашаться въ этомъ случаѣ, но только голословно; никакихъ филологическихъ опроверженій онъ представить не можетъ. Въ своей книгѣ я не разъ повторилъ, что мои примѣрныя объясненія могутъ быть неудачны; отъ того постановка вопроса нисколько не измѣняется. Я постоянно указываю на безсиліе современной филологіи дать намъ безспорныя этимологическія разъясненія собственныхъ именъ, часто дошедшихъ до насъ въ такой формѣ, что

невозможно раскрыть их корень или первоначальный смыслъ. Я ратую противъ привычки славистовъ отвергать принадлежность славянству какого либо имени или названія на томъ единственномъ и шаткомъ основаніи, что оно кажется имъ чѣмъ-то не славянскимъ. Въ результатъ мы остаемся только при Святославахъ, Владимірахъ и тому подобныхъ именахъ, славянство которыхъ бросается въ глаза всякому, даже и неимѣющему понятія о филологіи; а въ огромномъ большинствѣ случаевъ имѣемъ только поле для догадокъ и самыхъ разнообразныхъ предположеній. Что касается до искаженной передачи древнихъ болгарскихъ именъ, то слависты-финноманы, въ томъ числѣ г. Макушевъ, какъ бы поддерживаютъ эти еще болѣе затемняющія ихъ искаженія. Такъ онъ продолжаетъ читать, по византійской передачѣ, *Аспарухъ*, хотя одинъ славянскій источникъ (Роспись болг. царей) указалъ, что слѣдуетъ произносить Аспарахъ (какъ мы произносимъ скины, а не скуны). Въ формѣ Аспарихъ или *Аспарихъ* это лицо является намъ ничуть не менѣе славяниномъ, чѣмъ самъ *Шафарихъ*. Послѣдній, хотя и великій филологъ, въ именамъ болгарскимъ отнесся такъ легко, что, напримѣръ, отрицаетъ славянство такихъ какъ Телець, Баянъ, Борисъ; въ число же этихъ именъ помѣстилъ Ахмеда и Талиба, встрѣчающіяся не у Дунайскихъ, а у Камскихъ болгаръ, т. е. арабскія имена, перешедшія къ нимъ вмѣстѣ съ исламомъ. Любопытно также, что ни онъ, никто либо изъ его послѣдователей и не пытался филологически доказать принадлежность болгарскихъ именъ финскому языку.

Мы находимъ нѣсколько странными и самыя попытки тюрко- и финно-мановъ рѣшать вопросъ о народности на основаніи этихъ отрывочныхъ неразъясненныхъ именъ. Подумаешь, дѣло идетъ о какомънибудь давно исчезнувшемъ изъ исторіи народѣ, въ родѣ Этрусковъ. Г. Макушевъ, очевидно не читавшій внимательно моей книги, не забылъ упомянуть важнѣйшихъ филологическихъ основаній, каковы: масса чисто славянскихъ названій городовъ, рѣкъ и другихъ географическихъ именъ, которыя появились въ Мизіи, Фракіи и Македоніи только послѣ пришествія болгаръ, усиленіе *славянизации* на Балканскомъ полуостровѣ послѣ этого пришествія (засвидѣтельствованное Константиномъ Б.); отсутствіе финскаго элемента въ славяно-болгарскомъ языкѣ; а главное, самое существованіе этого языка, рядомъ съ сербскимъ.

На Балканскомъ полуостровѣ мы находимъ два славянскія нарѣчія: болгарское и сербское. Если болгаре были не славяне, то откуда же пришелъ болгарскій языкъ? Гдѣ же родина тѣхъ славянъ, которые говорили этимъ языкомъ? Балканскій полуостровъ оказался заселеннымъ именно двумя славянскими племенами, сербскимъ и болгарскимъ; заселеніе это происходило на глазахъ исторіи и притомъ довольно постепенно, въ нѣсколько приемовъ: сербы пришли изъ земель лежащихъ къ западу отъ Карпатъ, а болгаре—къ востоку. Сами послѣдователи финской теоріи (Дриновъ) доказываютъ, что славянское населеніе въ Мизіи и Фракіи не было аборигенами, и дѣйствительно, если оно тамъ и существовало прежде, то было слишкомъ слабо и незначительно, чтобы привить свой языкъ повдѣе пришедшей большой массѣ славянъ. Слѣдовательно эта пришлая масса, хотя и приходила въ разное время и

является потому подъ разными мѣстными и родовыми наименованіями въ различныхъ источникахъ, однако несомнѣнно она принадлежала къ одной и той же вѣтви, такъ что составила компактное цѣлое съ единымъ языкомъ, особымъ отъ другихъ извѣстныхъ намъ славянскихъ нарѣчій. Это ни сербо-хорватское, ни чехо-моравское, ни русское, ни ляшское нарѣчіе, никакая либо смѣсь изъ нихъ, а нарѣчіе самостоятельное. Если бы славянская масса, постепенно наводнившая Нижнюю Мизию и Фракію, была не болгаре, а какая-то неизвѣстная намъ по имени славянская вѣтвь, то откуда же она взялась? Итакъ, если болгаре не славяне, то откуда же взялось столь распространенное, богатое и самостоятельное славяно-болгарское нарѣчіе, которому большая часть славянскаго міра обязана своими богослужебными книгами?

Сторонникамъ тюрко-финской теоріи не пришелъ въ голову столь простой и естественный историко-филологическій вопросъ. Пусть хотя объ одномъ этомъ вопросѣ почтенный славистъ поразмыслитъ самостоятельно, умомъ, не прикрываясь именами Шафарика и Гильфердинга.

Д. Иловайскій.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Руководство къ особенной части Русскаго уголовного права. Магистра правъ *Н. А. Неклюдова*. Томъ первый. Преступленія и проступки противъ личности. 1876 г. Томъ второй. Преступленія и проступки противу собственности. 1876 г. Томъ третій. Преступленія: 1) противъ брака и правъ семейственныхъ; 2) противу законовъ о состояніяхъ; 3) общеопасныя преступленія (подлогъ и т. п.). 1878 г.

Судебная реформа есть важная эпоха сколько въ исторіи развитія нашего правосудія, какъ отрасли общественности, столько и въ исторіи отечественной науки правовѣдѣнія, какъ отрасли общественнаго самопознанія.

До судебной реформы связь науки правовѣдѣнія съ юридическою практикою была крайне слаба. Большая часть ученыхъ силъ и ученаго труда затрачивалась на историко-юридическія изысканія. Преподаваніе догмы права состояло, за небольшими исключениями, въ неосвященной свѣточемъ науки передачѣ статей свода законовъ. Если были указанія на иностранныя законодательства, то они не шли дальше механическихъ заимствованій, безъ установленія связи и отношенія къ отечественному праву.

Дореформенное судоустройство было основано на такихъ началахъ, которыя скорѣе могли противодѣйствовать, чѣмъ содѣйствовать примѣненію науки къ практикѣ. Не было такого специалиста по всякой другой

отрасли, кромѣ судовѣдѣнія и правовѣдѣнія, который-бы не считался способнымъ занимать судейское кресло, и при томъ не только въ низшихъ, но и въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ. Въ магистратахъ засѣдали въ качествѣ судей купцы-специалисты по торговлѣ. Въ уѣздныхъ судахъ мелкіе землевладѣльцы и крестьяне. Въ палатахъ гражданскихъ и уголовныхъ на судебныхъ креслахъ засѣдали болѣе крупныя землевладѣльцы, прошедшіе военную или административную карьеру, и купцы. Сенатъ былъ наполненъ генералами, закончившими свою карьеру по всевозможнымъ отраслямъ военной службы, престарѣлыми администраторами всѣхъ возможныхъ отраслей администраціи, которыхъ назначали въ это высшее судебное учрежденіе какъ бы на покой, иногда положительно по несостоятельности ихъ къ дальнѣйшему продолженію прежней службы.

До судебной реформы все, кажется, было такъ устроено, чтобы сдѣлать ненужнымъ юридическое образованіе для кандидата въ судьи и для судьи. Нерѣдко этого почетнаго званія достигали въ тотъ періодъ жизни, когда человекъ оказывается неспособнымъ начинать новую карьеру, посредствомъ изученія чуждой ему до тѣхъ поръ специальности.

Судебная реформа осуществила то, безъ чего дальнѣйшее развитіе практическаго правосудія въ нашемъ отечествѣ было-бы невозможно: она положила прочныя и неизбѣжныя камни для созданія специальной карьеры судьи. Она признала, что нельзя быть хорошимъ судьей безъ specialнаго юридическаго образованія, какъ нельзя быть хорошимъ инженеромъ, артиллеристомъ, медикомъ, педагогомъ, не получивъ соответственнаго specialнаго образованія.

И должно сказать, что вся судебная реформа была бы мыльнымъ пузыремъ, хорошимъ закономъ только на бумагѣ, своего рода вторымъ Наказомъ императрицы Екатерины Второй, если-бы законъ выѣстъ съ тѣмъ категорически не признавалъ, что осуществить ввось созданныя начала судоустройства и судопроизводства въ состояніи только люди, получившіе высшее юридическое образованіе.

И если до сихъ поръ замѣчается очень часто слабость дѣйствительнаго осуществленія этихъ началъ, то люди компетентныя не напрасно приписываютъ это явленіе во-первыхъ неограниченному временемъ исключенію, допущенному въ судебныхъ уставахъ въ пользу людей, не получившихъ юридическаго образованія, и во-вторыхъ, несчастному практическому приему, посредствомъ котораго въ послѣдніе десять лѣтъ старались дать слишкомъ широкое примѣненіе, исключенію, можетъ быть, въ свое время и въ нѣкоторомъ отношеніи необходимому.

Достаточно было закону сказать, что должности судей въ общихъ судебныхъ установленіяхъ замѣщаются *не иначе, какъ изъ числа лицъ, имѣющихъ аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса юридическихъ наукъ, или о выдержаніи экзамена изъ сихъ наукъ*, — чтобы дать иную постановку наукѣ правовѣдѣнія по отношенію къ практическому правосудію. Specialное образованіе признано необходимымъ для судейской карьеры. Наука правовѣдѣнія съ этихъ поръ явилась не наукою для науки, а наукою для общественной жизни и содѣйствія ея преуспѣванію. Самымъ закономъ заявлена крупная связь между наукою и практикою. Создана необходимость

взаимнаго общаго продуктовъ и результатовъ, добытыхъ каждою изъ нихъ. Со времени судебной реформы наукъ больше не грозитъ опасность уйти въ пустую метафизику, въ построение фантастическихъ теорій, ничего не разрѣшающихъ и никому не нужныхъ, а для практики мало по малу исчезаетъ опасность погрязнуть въ тинѣ безмысленнаго, казуистическаго, лабиринтнаго эмпиризма и крючкотворства.

Въ соотвѣтствіе съ этою теоретическою задачею, въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, явились на поприщѣ юридической литературы дѣятели науки, которые внесли новую жизнь въ нашу науку правовѣдѣнія, поставили себѣ задачею способствовать своими трудами перенесенію результатовъ науки въ практику, одухотворенію послѣдней духомъ первой и прилитію соковъ второй въ лабораторію первой.

Изъ такимъ дѣятелямъ принадлежитъ Н. А. Неклюдовъ; о вышеуказанномъ, послѣднемъ по времени, трехъ-томномъ его сочиненіи мы намѣрены дать здѣсь краткій отзывъ, въ предѣлахъ и согласно задачъ Сборника.

Н. А. Неклюдовъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ успѣлъ своими неустанными, полезными и достойными особеннаго вниманія трудами занять, какъ криминалистъ, одно изъ первостепенныхъ мѣстъ въ ряду ученыхъ юристовъ новой школы, созданной идеями судебной реформы.

Если не считать его перевода устава французскаго судопроизводства 1860 года, то первымъ его самостоятельнымъ трудомъ слѣдуетъ признать: *Уголовно-статистическіе этюды, — статистическій опытъ изслѣдованія фізіологическаго значенія различныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію. (1864 годъ)*. Въ этомъ сочиненіи авторъ, являясь послѣдователемъ метода Кетле, развилъ спеціально тѣ общія начала, которыя добыты были знаменитымъ бельгійскимъ ученымъ по вопросу о значеніи возраста въ проявленіи чловѣкомъ преступности. Сочиненіе это, въ свое время, по достоинству было оцѣнено юридическою литературою, какъ опытъ дальнѣйшей разработки результатовъ европейской науки.

Въ 1865—66 г. авторъ издалъ переводъ *Учебника уголовного права берлинскаго профессора Бернера, съ примѣчаніями, приложеніями и добавленіями по исторіи русскаго права и положительному законодательству*. Собственныя примѣчанія, приложенія и дополненія автора составляютъ обширную часть этой работы въ первомъ ея томѣ, т. е. въ общей части уголовного права. И если примѣчанія, приложенія и дополненія составлены вообще говоря на скорую руку и не гармонируютъ иногда съ чрезвычайно сжатымъ и строго обдуманымъ текстомъ сочиненія берлинскаго профессора, если они иногда составляютъ простую выписку изъ уложенія о наказаніяхъ и другихъ томовъ свода законовъ, то съ другой стороны, въ этихъ прибавленіяхъ есть отдѣльные трактаты высокаго достоинства, принадлежащіе перу автора. Мы говоримъ *объ очеркѣ теорій, отрицающихъ право наказывать* (стр. 49—92). Это вполне самостоятельная, цѣльная, не столь обширная по внѣшнему виду, сколько объемистая по внутреннему содержанию ученая работа, которая могла бы занять почетное мѣсто въ любой европейской литературѣ.

Скоро послѣ изданія указаннаго перевода, почтенный криминалистъ издалъ въ 1867—68 г. *Руководство для мировыхъ судей*—т. 1, уставъ

уголовнаго судопроизводства, т. II, уставъ о наказаніяхъ. Это первый въ нашей юридической литературѣ опытъ комментарія къ уставу уголовнаго судопроизводства и къ уставу о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями. Авторъ, самъ нѣсколько лѣтъ занимавшій важную должность председателя Петербургскаго съѣзда мировыхъ судей и усѣвшій на практикѣ изучить упомянутые уставы, далъ своему руководству характеръ комментарія, необходимаго для толковаго и научнаго примѣненія уставовъ на практикѣ. Въ руководствѣ для мировыхъ судей авторъ окончательно высказалъ всѣ особенности, всѣ качества, всю манеру, если можно такъ выразиться, ему свойственныя какъ писателю-криминалисту и процессуалисту, словомъ, этимъ сочиненіемъ онъ себя опредѣлялъ среди русскихъ юристовъ-теоретиковъ. Послѣдующія его сочиненія, за исключеніемъ его общей части уголовнаго права, или *конспекта*, какъ справедливо авторъ его называетъ, составляютъ только продолженіе работъ въ родѣ его руководства для мировыхъ судей. Къ такого рода продолженію принадлежитъ и *Руководство къ особенной части русскаго уголовного права*, которое подало поводъ къ настоящему отчету о трудахъ почтеннаго криминалиста. Что руководство для мировыхъ судей и руководство къ особенной части суть труды вполне одно-характерныя, составленныя по одному методу, доказательствомъ тому служитъ заимствованіе авторомъ цѣлыхъ трактатовъ изъ перваго и перенесеніе ихъ во второе.

Составляя и издавая руководство для мировыхъ судей, авторъ отгадалъ, въ какомъ именно руководствѣ нуждаются мировые судьи. Словомъ, своимъ руководствомъ онъ удовлетворилъ насущнымъ потребностямъ нашей практики. Этимъ объясняется то, что уже въ 1872—1874 г. потребовалось второе изданіе этого сочиненія. Первая часть руководства во второмъ изданіи есть вновь переработанная часть сочиненія; поэтому авторъ имѣлъ право сказать: „самое поверхностное сравненіе настоящаго изданія съ первымъ покажетъ, что отъ перваго изданія осталась въ настоящемъ только одна обертка.“

Авторъ, въ предисловіи къ руководству къ особенной части русскаго уголовного права, говоритъ, что *наше уложеніе—сырой непочатый боръ, въ которомъ легко заблудиться даже и опытному лѣсническому*, и что его трудъ будетъ первою попыткою руководства къ особенной части отечественнаго уголовного права. Это все, что мы находимъ у автора касательно общей характеристики уложенія.

Можно надѣяться, что авторъ при второмъ изданіи, о которомъ онъ говоритъ въ видѣ надежды въ томъ-же предисловіи, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ преступленій, предположить общую характеристику нашего уложенія и изложить основанія плана своего сочиненія. Тѣ отдѣльныя критики, которыя авторъ помѣщаетъ послѣ разсмотрѣнія каждой группы преступленій, не могутъ замѣнить общаго обзора и оцѣнки уложенія. Безъ этого послѣдняго само сочиненіе, многотомное, обильное матеріаломъ, выписками и выдержками изъ рѣшеній, страдаетъ недостаткомъ освѣщенія. Думаемъ, что эту задачу легко выполнить такому знатоку положеній нашего уголовного законодательства, каковъ авторъ. Въ нашей юридической литературѣ при томъ мы имѣемъ хорошія

работы для общей характеристики и общей оцѣнки уложенія; такова работа профес. Таганцева, не говоря о другихъ.

Исторія уголовныхъ законодательствъ не представляетъ другаго сборника уголовныхъ законовъ, подобнаго нашему уложенію. По объему оно непомерно и не въ примѣръ велико: безъ устава о наказаніяхъ, содержащаго въ себѣ 181 статью, оно состоитъ въ изданіи 1866 года, сокращенномъ противъ предшествующаго на 593 статьи, изъ 1711 статей. Уложеніе наше носитъ на себѣ печать работы, въ которой видны только самыя слабыя признаки обобщенія. Однородныя преступленія раздѣлены по разнымъ раздѣламъ. Одно и то же преступленіе разбито на два, на три, вопреки природѣ самого преступленія, и только на основаніи ходячаго словоупотребленія. Оттого нерѣдко границы, отдѣляющія одно преступленіе отъ другаго, бываютъ неуловимы.

Редакторы этого усовершенствованнаго свода, какъ онъ названъ официально въ объяснительной запискѣ, стремились дробленіемъ видовъ преступленій охватить разнообразныя случаи дѣйствительной жизни. На дѣлѣ же вышло, что этимъ внесено только много путаницы въ практику, но главная цѣль охватить разнообразіе явленій жизни—не достигнута. Даже, напротивъ, вслѣдствіе казуистичности постановленій уложенія, нѣкоторые подвиды одного и того же преступленія не могутъ улесть въ дробныя опредѣленія другихъ подвидовъ и не подходятъ ни подъ одно изъ опредѣленій уложенія. Таковъ на примѣръ одинъ изъ видовъ вынужденія, окрещеннаго у насъ французскимъ словомъ *шантажа*.

Вслѣдствіе этого наше уложеніе есть одинъ изъ самыхъ трудныхъ законовъ для изученія, одинъ изъ самыхъ неподдающихся классификаціи матеріаловъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно правильно и разумно истолковать тотъ законъ, который плохо редактированъ, въ которомъ содержится какая нибудь логическая или грамматическая несообразность? Какъ написать хорошій, толковый комментарий на тѣ отношенія кодекса, которыя сами по себѣ дурны и неразумны? Комментарій осѣщаетъ законъ свѣточемъ науки, — это правда; но правда также и то, что буква и смыслъ положительнаго закона для него также обязательны и должны служить основаніемъ для его объясненій и выводовъ. Въ какомъ же положеніи бываетъ поставленъ комментаторъ такого закона, который плохо, неразумно составленъ? Онъ или долженъ подчиниться всѣмъ несовершенствамъ этого закона и, побившись какъ рыба объ ледъ, пропитать свой комментарий всѣми недостатками самаго закона. Или же онъ долженъ пойти въ разрѣзъ съ закономъ, истолковавъ его по своему съ великими натяжками, или же написать на него критику, которая, будучи хороша сама по себѣ, а также для ученаго и законодателя, непригодна для того, кто долженъ ограничиваться точнымъ примѣненіемъ закона въ практикѣ.

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы указать на крайне затруднительное положеніе, въ которомъ находится каждый ученый комментаторъ русскаго уголовного уложенія, чтобы — скажемъ болѣе — высказать мысль, что русская наука никогда не дожидется комментаріевъ на уложеніе такого высокаго достоинства, какіе представляетъ французская юридическая ли-

тература, не дождется пока не будетъ вновь въ цѣломъ своемъ составѣ переработана и редактирована система уложенія о наказаніяхъ.

Изъ сказаннаго также очевидно справедливость словъ автора: „Наше уложеніе сырой, непечатый боръ, въ которомъ легко заблудиться даже и опытному дѣсническому“.

Выпуская въ 1876 году въ свѣтъ первый томъ, авторъ въ предисловіи писалъ, что второй томъ также сданъ въ типографію, что все сочиненіе въ объемѣ 5—6 томовъ онъ предполагаетъ окончить печатаніемъ въ началѣ 1877 года.

Предполагаемая быстрота работы оказалась на дѣлѣ неосуществленною даже при свойственной автору энергіи и быстротѣ въ работѣ: до сихъ поръ вышло въ свѣтъ три объемистыхъ тома. И эта быстрота изданія объясняется въ значительной степени тѣмъ, что многіе трактаты перенесены, какъ выше сказано, въ это сочиненіе изъ втораго тома руководства для мировыхъ судей. Очевидно, авторъ назначилъ слишкомъ короткое время для выполненія такого обширнаго труда, который долженъ быть тѣмъ зрѣлѣе, чѣмъ болѣе можетъ быть употреблено времени для научной переработки такой массы матерьяла.

Уже первые три тома въ совокупности содержатъ въ себѣ болѣе 1800 страницъ.

Первый томъ (1 — 539) обнимаетъ преступленія противъ личности. Въ частности, онъ трактуетъ: а) объ оскорбленіяхъ чести, б) о преступленіяхъ противъ свободы, в) о посягательствахъ на тѣлесную неприкосновенность, г) о преступленіяхъ противу жизни, д) о произвольномъ оставленіи челоуѣка въ опасности и о неоказаніи помощи погибающему, е) о любодѣяннн, ж) о проступкахъ противъ личной безопасности и народнаго здравія.

Второй томъ (1 — 747) посвященъ преступленіямъ противъ собственности; въ частности въ немъ разсмотрѣны: 1) небрежное храненіе ввѣреннаго имущества, 2) завладѣніе чужою движимою собственностію, 3) самовольное пользованіе, 4) поврежденіе и истребленіе чужой собственности, 5) кража, 6) мошенничество, 7) присвоеніе чужой собственности. 8) злоупотребленіе довѣріемъ, 9) несостоятельность, 10) похищеніе и поврежденіе чужаго лѣса, 11) святотатство, 12) насильственное похищеніе чужой собственности, 13) купля—продажа и захватъ похищеннаго, 14) различныя корыстные проступки.

Въ третьемъ томѣ изложены: 1) преступленія противъ правъ семейственныхъ въ частности: а) о вступленіи въ бракъ съ нарушеніемъ требуемыхъ условій, б) о многобрачнн, в) преступленіе совершающихъ актъ бракосочетанія священнослужителей, г) преступленія противъ союза супружескаго, д) злоупотребленія родительской власти, е) преступленія родителей противъ дѣтей, ж) преступленія опекуновъ и попечителей; 2) преступленія противъ законовъ о состояніяхъ, — въ частности: а) сокрытіе, или лишеніе правъ состоянія другихъ лицъ, б) присвоеніе правъ состоянія, в) нарушеніе правилъ о сословныхъ собраніяхъ, г) нарушеніе постановленій о народной переписи; 3) преступленія общеопасныя— въ частности: а) шайки, б) подлоги, в) взрывы, д) цотопленіе, поврежденіе шлязовъ, плотинъ в тому под., е) уничтоженіе морешавательныхъ и другихъ предо-

стерегательныхъ знаковъ, ж) разрушеніе и засыпка рудниковъ, з) умышленное сообщеніе заразы чужому скоту и отравленіе чужихъ животныхъ, в) отравленіе источниковъ воды и складовъ продовольствія, к) стачка торговцевъ или промышленниковъ съ цѣлью непремѣннаго возвышенія цѣнъ на товары, л) поврежденіе желѣзныхъ дорогъ, м) поврежденіе телеграфовъ, н) нарушеніе устава пожарнаго.

Изъ обзорѣнія приведеннаго содержанія трехъ томовъ легко убѣдиться, что авторъ въ своемъ изложеніи не держится классификаціи и системы уложенія.

Но по какимъ основаніямъ авторъ отвергнулъ классификацію уложенія о наказаніяхъ, какими соображеніями онъ руководствовался при усвоеніи принятой имъ классификаціи разсмотрѣнныхъ преступленій, — этого онъ не объяснилъ, хотя это и было бы совершенно необходимо.

Классификація преступленій имѣетъ важное значеніе. Она очень часто замѣняетъ часть преступленія, она бросаетъ правильный или ложный свѣтъ на сущность преступленія, смотря по тому, правильна-ли она или ложна. Въ виду такого важнаго значенія классификаціи, въ виду того, что классификація уложенія принадлежитъ къ самымъ запутаннымъ, въ виду того, что авторъ не держится классификаціи уложенія, а предлагаетъ свою — было бы очень умѣстно изложеніе тѣхъ руководящихъ началъ, которыя авторомъ приняты въ основаніе классификаціи преступленій. Классификація преступленій даже въ комментаріи есть не столько то или другое распредѣленіе матеріала, сколько опредѣленіе правильнаго мѣста, занимаемаго тѣмъ или другимъ преступленіемъ въ теоретической и законодательной системѣ права.

Въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ церковная кража и церковный разбой помѣщены подъ именемъ святотатства во 2-мъ раздѣлѣ, содержащемъ въ себѣ опредѣленія преступленій противъ вѣры. Такое названіе и такое помѣщеніе церковной кражи въ ряду преступленій противъ вѣры ясно указываютъ на то, что составители уложенія руководствовались тѣмъ мировоззрѣніемъ, которое было господствующимъ въ уголовномъ правѣ въ XVI и XVII стол., которое ослабло и подверглось критикѣ въ XVIII стол., а въ XIX стол. оно не нашло себѣ мѣста ни въ одномъ европейскомъ кодексѣ, ни въ одной научной системѣ.

Нашъ авторъ съ полнымъ основаніемъ не послѣдовалъ классификаціи, усвоенной уложеніемъ по отношенію къ этому преступленію. Но онъ во первыхъ помѣстилъ церковную кражу и церковный разбой въ раздѣлѣ преступленій противъ правъ отдѣльныхъ лицъ, во-вторыхъ, далъ имъ мѣсто не въ группѣ кражъ и видовъ разбоя, а образовалъ изъ святотатства отдѣльное преступленіе, помѣстивъ его послѣ кражи, мошенничества, присвоенія чужой собственности, злоупотребленія довѣріемъ, несостоятельности, похищенія и поврежденія чужаго дѣла. Причисленіе святотатства къ преступленіямъ противъ правъ отдѣльныхъ лицъ произошло отъ того, что авторъ держится старинной классификаціи, на основаніи которой преступленія противъ собственности окрещивались именемъ преступленій противу правъ отдѣльныхъ лицъ. Теперь эта общая рубрикація опустается въ кодексахъ. Она должна быть забыта и наукою, такъ какъ преступленія противъ собственности могутъ быть сколько же преступленіями противъ правъ

отдѣльных лицъ, сколько противъ цѣлыхъ учрежденій и даже правъ государственной казны. Не приходится, конечно, много распространяться о томъ, что святотатство въ видѣ кражи и разбоя не имѣетъ никакихъ иныхъ составныхъ частей преступности, кромѣ состава или кражи, или разбоя, что со времени секуляризаціи уголовного права, святость мѣста и предмета составляетъ только обстоятельство, квалифицирующее эти виды кражи и разбоя, но не измѣняющее природы этого преступленія.

Въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ вымогательство, которое въ нѣмецкомъ правѣ называется характернымъ словомъ *Ergressung*, помѣщено подъ рубрикою *угрозъ* въ X раздѣлѣ, содержащемъ въ себѣ постановленія о преступленіяхъ противъ жизни, здоровья, свободы и чести частныхъ лицъ. Хотя названіе *угрозы*, данное сему преступленію уложеніемъ, должно быть признано неудачнымъ, хотя постановленія уложенія объ угрозахъ съ вымогательствомъ страдаютъ общимъ недостаткомъ, свойственнымъ всему уложенію — отсутствіемъ принципиальныхъ обобщеній, крайнею непродуктивною, рѣзкими противорѣчіями; но тѣмъ не менѣе нельзя не признать многихъ и многихъ основаній къ отнесенію угрозы съ вымогательствомъ къ преступленіямъ противъ личности, а не противъ собственности. Во многихъ европейскихъ кодексахъ вымогательство также отнесено къ преступленіямъ противъ личности, въ частности къ нарушеніямъ личной свободы.

Въ руководствѣ къ особенной части русскаго уголовного права это преступленіе помѣщено въ отдѣлѣ о преступленіяхъ противъ собственности. Такое помѣщеніе должно было поставить автора въ противорѣчіе какъ съ теоріей, такъ и съ уложеніемъ о наказаніяхъ. Такъ, авторъ долженъ былъ допустить, согласно буквѣ уложенія, что угроза съ вымогательствомъ почитается оконченнымъ посягательствомъ, коль скоро угроза дошла по назначенію, *хотя-бы она и не произвела желаннаго дѣйствія*. Очевидно, что это положеніе, вѣрное съ точки зрѣнія уложенія и другихъ кодексовъ, причисляющихъ это правонарушеніе къ преступленіямъ противъ личности, оказывается невѣрнымъ съ точки зрѣнія руководства, причислившаго его къ преступленіямъ противъ собственности, для совершенія которыхъ теорія требуетъ по крайней мѣрѣ овладѣнія, а безъ него можетъ быть только покушеніе. Бернеръ, классификацію котораго принялъ нашъ криминалистъ, причисляетъ *Ergressung* къ преступленіямъ противъ собственности, но за то онъ моментъ совершенія осматриваетъ весьма основательно съ принятой имъ точки зрѣнія, въ достиженіи цѣли вымогательства. Далѣе, причисливъ угрозу съ вымогательствомъ къ преступленіямъ противъ собственности, авторъ долженъ былъ или выбросить за бортъ всѣ другіе виды вымогательства, неизбѣжные въ виду полученія имущественной цѣнности, или отнести ихъ къ простымъ угрозамъ, указаннымъ въ ст. 139—141 устава о наказаніяхъ валагаемыхъ мировыми судьями. Въ слѣдствіе этого, онъ отрицаетъ правильность мнѣнія Сената, который съ полнымъ основаніемъ призналъ мѣщанина Николаева, грозившаго купца Рабушинымъ поджечь ихъ фабрику, въ случаѣ ежли или не будутъ уволены нѣкоторые изъ служащихъ на той фабриктѣ, — виновнымъ въ вымогательствѣ по ст. 1545. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно причислить по дѣйствующему законодательству угрозы съ вымогательствомъ къ преступ-

лениямъ противъ собственности, когда въ ст. 1545 и 1546 говорится объ угрозахъ, съ цѣлю вынудить *отказъ отъ какого либо права*. Не ясно-ли, что этимъ выраженіямъ дано въ уложеніи болѣе широкое опредѣленіе угрозамъ съ вымогательствомъ, чѣмъ авторъ хочетъ видѣть. Не ясно-ли, что подъ статьи 1545 и 1546 уложенія, по самымъ положительнымъ и строгимъ правиламъ толкованія, могутъ, какъ поступилъ Сѣнать въ выше-приведенномъ дѣлѣ мѣщанина Николаева, и должны быть подведены угрозы съ вымогательствомъ не только съ цѣлю заставить, *выдать или положить въ назначенное мѣсто сумму денегъ, или вещь, или письменный актъ или что иное, или же принять на себя какія либо невыгодныя обязательства*, то есть вымогательство для достиженія корыстныхъ цѣлей, но и для достиженія другихъ цѣлей, не строго корыстныхъ.

Кажется, настала пора разъ навсегда отказаться отъ старинныхъ образцовъ общихъ родовыхъ классификацій, напр. раздѣленія преступленій противъ личности, противъ собственности, противъ нравственности, и т. п. и ограничиться классификаціею и раздѣленіемъ на отдѣльные виды. Это необходимо въ томъ соображеніи, что есть многіе виды преступленій сложнаго характера, содержащіе въ себѣ нарушеніе различныхъ правъ. Возьмемъ наприимѣръ вымогательство или разбой. Можно-ли ихъ причислять къ преступленіямъ противъ собственности, когда въ нихъ въ сильнѣйшей степени преобладаетъ элементъ насилія надъ личностію. Но опять ихъ нельзя признать и чистыми преступленіями противъ личности, такъ какъ въ нихъ могутъ также и элементъ нарушенія собственности. Возьмемъ на выдержку изнасилованіе. Оно у автора стоитъ въ группѣ преступленій называемыхъ *любодѣльніями*. Но можетъ-ли это слово сколько-нибудь охарактеризовать это преступленіе, въ которомъ элементъ тяжкаго насилія надъ личностію поглощаетъ всѣ другіе элементы. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ европейскихъ кодексахъ это преступленіе причислено къ видамъ насилія, нарушающимъ личную свободу. Въ нашемъ уложеніи изнасилованіе отнесено къ преступленіямъ противъ чести и цѣломудрія женщины и должно сказать, что эта характеристика и эта классификація, если не подлежатъ усвоенію; то во всякомъ случаѣ, болѣе удачны, чѣмъ названіе ихъ „любодѣльніемъ“.

Въ какомъ странностиамъ ведетъ усвоеніе старой классификаціи, приимѣромъ этому можетъ служить помѣщеніе въ руководствѣ скотоложства въ числѣ преступленій противъ личности. Классификація этого преступленія въ уложеніи болѣе удачна и болѣе правильна. Оно помѣщено въ раздѣлѣ VIII, трактующемъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія, въ частности въ главѣ о преступленіяхъ противъ общественной нравственности (ст. 997 улож.).

Присматриваясь ближе къ классификаціи руководства, нельзя не замѣтить отраженія на ней вліянія руководства Бернера.

Въ предисловіи къ руководству авторъ говоритъ, что онъ руководствовался, кромѣ источниковъ отечественнаго законодательства и практики, и основными положеніями науки уголовного права практикою иностранныхъ судовъ. „Общая начала науки уголовного права, сказано въ руководствѣ, приимѣняются нами въ двухъ главныхъ случаяхъ: во-первыхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда уложеніе не опредѣляетъ вовсе состава дан-

наго преступленія; такое молчаніе закона мы толкуемъ всегда въ томъ смыслѣ, что онъ отсылаетъ къ общепринятому понятію даннаго преступленія, и во-вторыхъ, въ случаѣ неясности или сомнѣнія по тому или другому вопросу, не могущему быть разрѣшеннымъ ни на основаніи буквального смысла закона, ни на основаніи сопоставленія различныхъ его статей».

Вышеприведенными словами авторъ опредѣлилъ, въ какихъ случаяхъ и въ какомъ объемѣ онъ прибѣгаетъ къ непосредственнымъ указаніямъ науки Уголовнаго права.

Было-бы однакожъ невѣрно думать, что научный элементъ въ руководствѣ на столько допущенъ, на сколько авторъ непосредственно обращается къ положеніямъ науки. Все руководство свидѣтельствуетъ о томъ, что оно написано авторомъ, воспитавшимся на основныхъ положеніяхъ науки уголовного права.

Съ другой стороны, руководство къ особенной части отличалось-бы еще большими достоинствами, если-бы авторъ чаще непосредственно обращался къ результатамъ науки Уголовнаго права.

Авторъ очень рѣдко и то вскользь цитируетъ положенія науки и дѣло ея рукъ — европейскіе кодексы. Исключеніе составляетъ его обстоятельный трактатъ объ одномъ видѣ вымогательства, окрещеннаго у насъ французскими словомъ *шантажа*.

Наше уложеніе составлено не безъ заимствованій изъ европейской науки, а съ другой стороны оно слишкомъ рѣзко выдѣляется своимъ типомъ изъ семьи другихъ европейскихъ кодексовъ.

Освѣщеніе его посредствомъ сопоставленія съ иностранными кодексами было-бы наставительно, даже для практическаго примѣненія, не говоря уже о значеніи его для законодательнаго пересмотра, который долженъ неизбежно когда нибудь да послѣдовать.

Въ руководствѣ мы находимъ въ концѣ каждой группы преступленій главу подъ заглавіемъ: критика нашихъ узаконеній о такомъ-то преступленіи. Именно въ этомъ мѣстѣ умѣстнѣе всего было-бы помѣстить этотъ матеріалъ. Тогда-бы эта критика имѣла существенное значеніе, чего онѣ въ настоящемъ своемъ видѣ не представляетъ.

„При изложеніи состава преступленій, мы, говоритъ авторъ, руководствовались рѣшеніями кассационнаго департамента, подвергая критикѣ тѣ изъ нихъ толкованій, которыя, по нашему мнѣнію, или неправильны вообще, или же прямо не согласны съ закономъ“.

Рѣшенія уголовного кассационнаго департамента составляютъ въ руководствѣ обильнѣйшій матеріалъ, который обработанъ авторомъ. Онъ подвергаетъ кассационныя рѣшенія самой строгой и неумолимой критикѣ, которая столько же составляетъ достойное одобреніе явленіе въ нашей общественной жизни, сколько дѣлаетъ честь мужественному характеру и стойкости убѣжденій автора, не усумнивагося подвергнуть критикѣ рѣшенія высшаго учрежденія того вѣдомства, въ которомъ проходитъ его служебная дѣятельность.

Мы-бы, однакожъ, позволили себѣ оговориться, что иногда критика автора, желательная и справедливая сама въ себѣ, переходитъ въ такой тонъ, который не гармонируетъ съ характеромъ и важностію его руко-

водства. Таковы напримѣръ страницы, на которыхъ авторъ доказываетъ несостоятельность толкованія, въ силу котораго Сенатъ *шантажъ* призналъ однимъ изъ видовъ мошенничества (т. II, стр. 258—262). На страницахъ этихъ авторъ слишкомъ горячится и употребляетъ слишкомъ рѣзкія выраженія по поводу сенатской классификаціи шантажа.

Трудно было-бы отрицать то, что въ рѣшеніяхъ кассационнаго сената иногда проявляется и слабость юридическаго мышленія, и отсутствіе послѣдовательности, и малое знакомство съ теоріею, и наконецъ малая степень проявленія общаго взгляда, который-бы охватывалъ всю систему положительнаго законодательства.

Но изъ всѣхъ этихъ недостатковъ добрую долю должно отчислить въ разрядъ общей слабости нашей юридической культуры.

Далѣе, иногда несостоятельность рѣшеній кассационнаго сената условливается несостоятельностью положеній нашего уложенія. Нѣкоторыя изъ сихъ положеній таковы, что каждый юристъ, будь онъ теоретикъ-профессоръ, будь онъ практикъ-сенаторъ кассационнаго департамента, поставленный въ тиски между требованіемъ не измѣнять буквѣ и смыслу закона и требованіемъ не топтать положенія справедливости и теоретической истины, иногда теряется и выдаетъ въ заблужденія и ошибки.

Все, что авторъ по существу говоритъ о несостоятельности сенатскаго причисленія шантажа къ видамъ мошенничества, вѣрно. Но съ частностями положеній автора едва-ли можно согласиться. Шантажъ есть одинъ изъ тишескихъ видовъ вымогательства. Съ такимъ характеромъ онъ занесенъ былъ въ первый по времени кодексъ нынѣшняго столѣтія, — знаменитый Баварскій, составленный подъ значительнымъ вліяніемъ Фейрбаха и его идей. Въ ст. 242 этого кодекса сказано: «кто страхомъ будущихъ насилій, или угрозою оклеветанія, обжалованія или доноса, дачи или недачи свидѣтельскаго показанія, или иною подобною запугивающею похвалюбою старается вынудить для себя противозаконную выгоду, тотъ долженъ потерять не только прибрѣтенную выгоду, но еще, смотря по величинѣ обнаруженной злостности, тяжести угрозы и важности предположенной выгоды, подвергается отъ одного до четырехъ лѣтъ заключенію въ рабочемъ домѣ. Но кто словесно или письменно грозитъ убійствомъ или поджогомъ, съ цѣлію этимъ вынудить какую нибудь выгоду, тотъ наказывается какъ разбойникъ». Это опредѣленіе съ тѣхъ поръ служило моделью для всѣхъ германскихъ кодексовъ, включая сюда и общегерманскій. Французское законодательство только въ 1863 году придало положительный характеръ этому виду преступленія. На основаніи вышеприведенныхъ фактовъ изъ исторіи законодательства, не могутъ быть признаны вѣрными соображенія автора руководства о ходѣ развитія понятій объ этомъ преступленіи, изложенныя имъ на страницѣ 262, т. II; въ частности положеніе автора: *шантажъ родился въ прошломъ десятилѣтіи* (стр. 265, т. II) положительно опровергается приведеннымъ текстомъ Баварскаго закона.

Доказавъ несостоятельность причисленія Сенатомъ этого вида вымогательства къ мошенничеству, авторъ руководства говоритъ далѣе: *не слѣдуетъ думать, что виновный въ шантажѣ изымтъ въ нашею отечествомъ отъ всякой отвѣтственности*. И затѣмъ онъ, во-первыхъ, доказываетъ, что нѣкоторые виды шантажа можно наказывать *за недобесеніе, или за*

укривательство совершившаго преступленіи, другіе—какъ за оскорбленіе, клевету, диффамацию, или какъ за сообщеніе дѣйствій узванныхъ въ тайнѣ или узванныхъ противозаконнымъ образомъ; во-вторыхъ, авторъ готовъ утвердить, что не предстоитъ никакой надобности въ измѣненіи настоящаго положенія нашего законодательства относительно вымогательства, окрещеннаго шантажемъ (стр. 266, т. II). Въ третьихъ, онъ даже приходитъ къ такому положенію: *считать ихъ* (т. е. страханія оглашеніемъ не должныхъ, а дѣйствительныхъ позорныхъ фактовъ и тайнъ) *принужденіемъ—это извращать самое понятіе человеческого произвола* (стр. 266—267 того-же тома).

Не станемъ писать трактатъ въ доказательство того, что классификація и опредѣленіе шантажа, предлагаемая авторомъ руководства, и его общія соображенія по этому поводу столь-же несостоятельны и натянуты, какъ и таковыя кассационнаго сената.

Сказанное клонится къ подтвержденію высказаннаго нами положенія: нельзя сваливать *всегда* вину неудачныхъ толкованій кассационнаго сената на составъ самаго сената; слѣдуетъ, кажется, допустить, что въ нашемъ уложеніи есть много такихъ пунктовъ, на которыхъ долженъ оказаться бессильнымъ каждый юристъ, даже посвященный во всѣ тайны юриспруденціи, даже знакомый со всѣми кодексами Европы и трудами европейскихъ и за-атлантическихъ юристовъ.

Главнымъ матеріаломъ, который обработанъ авторомъ, служили ему уложеніе о наказаніяхъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Методъ обработки состоитъ въ томъ, что авторъ приводитъ самый текстъ закона и затѣмъ приступаетъ къ его анализу; нерѣдко тексту онъ предпосылаетъ обстоятельное изложеніе общихъ соображеній, заимствованныхъ изъ положеній отечественнаго законодательства.

Самый анализъ состоитъ изъ разсмотрѣнія охарактеризованнаго въ законѣ преступленія со стороны субъекта, объекта, умысла и вѣшняго дѣйствія. Эта манера указываетъ на то, что авторъ носпитался на нѣмецкой наукѣ.

Кромѣ текста закона, авторъ заимствуетъ матеріалъ изъ кассационныхъ рѣшеній, какъ выше было указано, изъ проекта уложенія, изъ мнѣній государственнаго совѣта. Все это въ совокупности составляетъ обильнѣйшій матеріалъ и обстоятельную обработку его.

Авторъ неоспоримо превосходный аналитикъ. Каждое преступленіе разсмотрѣно имъ со всѣхъ его сторонъ, на основаніи закона и кассационныхъ рѣшеній. Кто захочетъ пользоваться руководствомъ, тотъ найдетъ въ немъ наставленіе и руководство по вопросамъ теоретическимъ и практическимъ, касающимся разсмотрѣнныхъ преступленій.

Несравненно слабѣе проглядываетъ въ этомъ сочиненіи синтезъ, въ чемъ легко можно убѣдиться изъ вышеразсмотрѣнныхъ отдѣльныхъ сторонъ этого сочиненія. Обобщеній и освѣщенія недостаточно. Вслѣдствіе этого, руководство есть одно изъ такихъ сочиненій, которое требуетъ усиленнаго предолѣнія трудностей манеры и изложенія автора.

Авторъ говоритъ: *„думаю, что она (его работа) не пройдетъ безъ пользы для судебной практики, что составляетъ мою единственную*

задачу". Съ своей стороны, мы изъ внимательнаго чтенія этого сочиненія вынесли убѣжденіе, что поставленная авторомъ себѣ задача добросовѣстно имъ выполнена. Остается пожелать, чтобы люди, стоящіе у судебной практики, надлежащимъ образомъ воспользовались этимъ полезнымъ руководствомъ для преуспѣянія нашего практическаго правосудія.

Съ карандашемъ въ рукахъ мы проштудировали разсматриваемое руководство, страницу за страницю, дѣлая изъ него выдержки, а по поводу ихъ замѣчанія, сопоставленія, справки.

Въ изложенной здѣсь оцѣнкѣ, мы ограничились только малою долею того, что, можетъ быть, слѣдовало-бы сказать объ этомъ почтенномъ трудѣ и что нами выписано и замѣчено. Мы старались, согласно задачѣ изданія, коснуться только общихъ сторонъ сочиненія, ограничиться только общюю оцѣнкою, оставляя въ запасѣ болѣе специальное, могущее явиться на страницахъ спеціальнаго юридическаго органа.

Оканчивая нашу рецензію, мы не можемъ не указать на нѣкоторую особенность авторской дѣятельности Н. А. Неклюдова. Нашъ криминалистъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ у насъ писателей-юристовъ; не смотря на служебныя обязанности по министерству юстиціи, онъ съ замѣчательными трудолюбіемъ, энергіею и постоянствомъ занимается научными работами. Нашему автору принадлежитъ пальма первенства, по количеству изданныхъ трудовъ, по постоянству работъ и ихъ достоинству.

А. О. Кистяковскій,

ПРОФЕССОРЪ ИМП. УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

**Курсъ Русскаго уголовного права, Профессора Таганцева. Выпускъ 1.
1874 г.**

Уже нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ означеннаго выше сочиненія, издающагося къ сожалѣнію довольно медленно. Судя по началу его и по другимъ общезвѣстнымъ сочиненіямъ почтеннаго автора оно общаетъ несомнѣнно трудъ, который долженъ будетъ имѣть особенно важное значеніе для науки русскаго уголовного права въ отношеніи догмы и исторіи. Съ окончаніемъ труда сдѣлается возможнымъ и полное обсужденіе его. Но первый выпускъ содержитъ одну часть курса, представляющую особое, почти вполне законченное цѣлое и потому подлежащее отдѣльной оцѣнкѣ. Это изложеніе высшихъ коренныхъ началъ уголовного права, полагаемыхъ въ основу и отечественнаго права. Въ нашей юридической литературѣ эта часть труда является первымъ опытомъ рѣзкаго поворота въ опредѣленіи исходной точки теоріи. Здѣсь покидается прежняя опора, на которой до сихъ поръ держались нравственность и право, именно свобода человѣческихъ дѣйствій; вмѣсто нея ищется другая. Такая перемѣна стороны зрѣнія, обнимающей все широкое поле человѣческой дѣятельности, по ея огромному значенію, по сопряженности съ самими важ-

ными задачами жизни заслуживает того, чтобы остановить на себѣ все вниманіе. Насколько тверда другая выбранная почва — долженъ показать дальнѣйшій разборъ.

Въ сочиненіи прежде всего подвергаются критическому разсмотрѣнію теоріи новѣйшихъ нѣмецкихъ криминалистовъ Кестлина и Бернера, которыя заключаютъ въ себѣ подробное ученіе о волѣ и стараются вывести ея понятіе изъ процесса логическаго мышленія. Исслѣдованіе это приводитъ къ признанію неудовлетворительности такого вывода, къ сомнѣнію въ самой исходной точкѣ ученія, — прирожденности человѣческому уму идеи добра, проявляющейся въ волѣ, и къ отрицанію нравственнаго основанія права, — столкновенія нравственныхъ обязанностей съ требованіями положительнаго права, хотя такая коллизія и предусматривана тамъ. Отъ теорій діалектическихъ дѣлается переходъ къ ученію, болѣе распространенному между криминалистами, которое обосновываетъ свободу фактами человѣческаго сознанія. Но и этотъ источникъ убѣжденія признается незаслуживающимъ большаго довѣрія. Кому неизвѣстно, что сознаніе, принимаемое за критеріумъ истины, часто вводитъ въ обманъ, которому поддаются не только отдѣльныя лица, но и масса людей и который можетъ продолжаться вѣка, пока не будетъ разоблаченъ наукою. Такъ напримѣръ, сознаніе стоитъ на томъ, что солнце обращается около земли, а между тѣмъ мы этому не вѣримъ. Существованіе сознанія доказываетъ только то, что явленіе существуетъ въ нашемъ духѣ или представляется ему. Мы встрѣчаемся потому съ такими фактами, которые укрѣпляютъ сомнѣніе. Намъ извѣстно по опыту, что зная человѣка, его характеръ, степень развитія, можно довольно безошибочно опредѣлить его будущія дѣйствія, и сознаніе не будетъ противъ того. Каждый поступокъ человѣка есть результатъ опредѣленныхъ данныхъ и всякое предположеніе о безпричинности его дѣйствій лишено основанія. Весь анализъ господствующихъ философскихъ ученій ведетъ къ тому, чтобы поколебать ихъ, указать на бесплодность ихъ стремленія убѣдить въ свободѣ и установить болѣе рациональную теорію, которая не видитъ въ человѣкѣ изыатія изъ общаго порядка природы и подчиняетъ его дѣйствія наравнѣ со всѣмъ существующимъ общему закону причинности. Къ раскрытію этого закона сводится весь процессъ нашего знанія, и благодаря ему теперь человѣкъ, прежде гордо возносившійся, сталъ простымъ звеномъ въ общей цѣпи земныхъ существъ, хотя и замыкающимъ ее, но тѣмъ не менѣе тѣсно и неразрывно связаннымъ съ предшествующими и подлежащимъ по видимому тѣмъ же законамъ. И не одна только аналогія съ другими явленіями конечнаго міра заставляетъ такъ думать. Мы можемъ даже наблюдать законообразность, управляющую произвольными повидному человѣческими дѣйствіями. Если ее нельзя подмѣтить въ дѣйствіяхъ индивидуальныхъ, по невозможности въ большей части случаевъ прослѣдить длинный рядъ предшествующихъ причинъ, за то ее можно открыть при разсмотрѣніи дѣйствій коллективныхъ. Въ томъ и состоитъ важная заслуга статистики, что она занялась этимъ предметомъ и успѣла несомнѣнно доказать, что дѣйствія человѣка, въ томъ числѣ и преступленія, не-

свободны, и зависят отъ заправляющихъ ими законовъ. ¹⁾ Въ лицѣ своего основателя—Кетле она провозгласила, что на человѣкѣ лежитъ своего рода налогъ преступленіемъ, вычислимый заранѣе и уплачиваемый даже съ болѣею точностію сравнительно съ тѣмъ, который взимается съ него природою или государствомъ.

Но признавая такимъ образомъ, что дѣйствія человѣка подходятъ подъ общее родовое понятіе міровыхъ явленій, нельзя однако же признать въ нихъ явными абсолютной необходимости, отождествить ихъ безусловно съ явленіями физическаго міра. Такое отождествленіе, равно какъ и признаніе произвольности дѣйствій одинаково несовмѣстны съ рациональною теоріею. Таково основное положеніе новой теоріи, отличающейся, по мнѣнію автора отъ ученій, стоящихъ за необходимость человѣческихъ дѣйствій. Изъ круга ихъ выдѣляются выводы школы статистиковъ по той причинѣ, что никто изъ ея главныхъ представителей не высказался за начало необходимости, т. е. абсолютной. Къ послѣдователямъ этой школы принадлежитъ и Джонъ Стюартъ Милль, котораго ученіе и послужило основою для теоріи. Подробности ея сводятся къ слѣдующему. Всѣ міровыя явленія подчинены закону причинности. Въ нихъ можно отличить два вида. Къ первому принадлежатъ предметы и явленія чувственнаго міра, управляемыя силами физическими и органическими. Какъ неизмѣнны эти силы сами въ себѣ, такъ неизмѣнны и неотвратимы по большей части ихъ дѣйствія. Все здѣсь совершается необходимо. Другой видъ составляютъ явленія міра духовнаго, продукты силъ психическихъ, именно дѣйствія, которыя мы считаемъ актами воли, истекающими повидимому отъ ея самоизволенія. Въ дѣйствительности и человѣческая воля не изъята изъ общаго міроваго порядка и подлежитъ тому же закону причинности, будучи привязана къ извѣстнымъ условіямъ, дающимъ ей то или другое направленіе. Всякое исходящее отъ воли дѣйствіе является прямымъ послѣдствіемъ впечатлѣнія, пробуждающаго въ ней какое нибудь желаніе или же осуществленіемъ соображеній и побужденій, отличныхъ, даже противоположныхъ впечатлѣнію. Что касается до самаго выбора между побужденіями. тѣми или другими мотивами, то онъ въ свою очередь опредѣляется различными причинами: степенью силы побужденія, болѣею или меньшею впечатлительностію дѣйствующаго по свойствамъ его нервной организаціи, потомъ болѣею или меньшею развитіемъ способности сдерживать первое побужденіе и подвергать его всестороннему разсмотрѣнію, наконецъ объемомъ и качествомъ тѣхъ идей и свѣдѣній, которыя могутъ быть употреблены имъ при обсужденіи. Главное рѣшаетъ все впечатлѣніе; его сила при чувственныхъ побужденіяхъ можетъ подавлять всѣ противодѣйствующіе, нравственныя мотивы, а его относительная слабость дать имъ побѣду. Но болѣею или меньшею кругъ понятій, необходимыхъ для оцѣнки возникающихъ стремленій, а также и харак-

¹⁾ Едва ли справедливо, что вся статистика и статистическая литература въ общей своей совокупности и по своему существу опущаютъ свободу человѣческихъ дѣйствій, впрочемъ въ дальнѣйшемъ своемъ разсужденіи авторъ самъ этого не признаетъ.

терь человѣка, устанавлиющій извѣстныя правила для своего поведенія имѣетъ съ необходимымъ для того самообладаніемъ, зависить опять отъ образованія и развитія, которое совершается или силами отдѣльнаго человѣка или общества, равно путемъ жизни и опыта. Въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія человѣка большое значеніе имѣетъ и та среда, въ которой онъ живетъ. При данной суммѣ внѣшнихъ причинъ и условій человѣческія дѣйствія возникаютъ изъ нихъ съ безусловною неизбѣжностію. Если извѣстны присущіе человѣку мотивы, также извѣстны его характеръ и настроеніе, то эти дѣйствія можно даже предсказать съ такою же достовѣрностію, съ какою предугадываются явленія физическія. При всемъ томъ было бы ошибочно уравнивать ихъ вполне съ явленіями физической природы и предполагать, что они столь же неотвратимы, какъ и послѣднія. Это потому, что факторы или силы, вызывающія явленія и въ частности преступленіе, подлежатъ измѣненію, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняются и послѣдствія. На этомъ-то и основывается возможность противодѣйствовать преступленію въ интересахъ общества. Когда совершается преступленіе, оно служитъ доказательствомъ того, что у человѣка нѣтъ такихъ элементовъ, которые бы произвели достаточный противовѣсъ преступнымъ побужденіямъ или же напротивъ указаніемъ на существованіе у него такихъ понятій, которыя содѣйствуютъ укрѣпленію тѣхъ побужденій. Причиной преобладанія порочныхъ пожеланій можетъ быть или недостатокъ способности сдерживать свои пожеланія или же отсутствіе должнаго пониманія обязанностей по отношенію къ обществу и закону. Но въ обоихъ случаяхъ возможна борьба со стороны общества съ этими ближайшими причинами. На сколько преступленіе порождается условіями, лежащими въ самомъ социальномъ организмѣ, общество можетъ бороться съ нимъ, измѣняя тѣ условія; на сколько же преступленіе зависитъ отъ индивидуальной воли, оно можетъ противодѣйствовать ему наказаніемъ. Наказаніе предполагаетъ тоже вмѣняемость, но въ иномъ смыслѣ. Для нея необходимо во первыхъ сознаніе совершеннаго и его результатовъ, или при извѣстныхъ исключительныхъ условіяхъ, возможность такого сознанія, а затѣмъ оцѣнка сознаннаго и выборъ какого нибудь опредѣленія по закону достаточной причины, выборъ, предполагающій въ дѣйствующемъ субъектѣ, съ одной стороны, извѣстный запасъ идей, а съ другой, способность пользоваться имъ. Вмѣняемость не состоитъ такимъ образомъ въ способности къ самоопредѣленію, и ей чуждо понятіе вѣны. Хотя наказаніе и обусловливается неспособностію человѣка сдерживать свои побужденія или наличностію у него мотивовъ, вредныхъ для общества, но и то и другое привязано къ закону причинности. Все это придаетъ наказанію, какъ борьбѣ, своеобразный оттѣнокъ, который и будетъ раскрытъ подробно въ дальнѣйшихъ частяхъ курса. Въ концѣ концовъ человекъ неволенъ въ преступленіяхъ, какъ и въ другихъ мнимо свободныхъ дѣйствіяхъ. Если въ нихъ и нѣтъ такой неотвратимости, каковая существуетъ въ явленіяхъ внѣшней природы, тѣмъ не менѣе они являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ данныхъ условій или причинъ, т. е. бываютъ все-таки необходимы по силѣ закона причинности.

Выводы изъ данныхъ моральной статистики, представляющіе неопро-

вержимое будто-бы доказательство несвободы, служить точкою отправленія солидарной съ ними теоріи, а потому къ нимъ и слѣдуетъ возвратиться. Кетле приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность въ наукѣ тѣмъ, что указалъ, или лучше, пользуясь болѣе богатымъ запасомъ статистическаго матеріала, несомнѣнно подтвердилъ задолго до него сдѣланное при помощи такъ называемаго закона большихъ чиселъ указаніе на то, что въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, не представляющихъ повидимому никакого порядка, существуетъ извѣстная законосообразность или извѣстное постоянство въ томъ смыслѣ, что число ихъ въ опредѣленномъ періодѣ времени, за малыми отклоненіями, остается равнымъ. Такое постоянство можно при томъ прослѣдить и во всѣхъ группахъ, по которымъ распредѣляются лица, а также во всѣхъ родахъ дѣйствій. Правильность впрочемъ можно замѣтить только при многочисленномъ народонаселеніи и однородности его касательно извѣстныхъ естественныхъ и общественныхъ условій жизни. Она доказана при бракахъ и преступленіяхъ. По статистическимъ исчисленіямъ въ большей части государствъ общее число заключаемыхъ браковъ приблизительно одинаково и не подлежатъ такимъ сильнымъ колебаніямъ, которыя замѣчаются въ числѣ смертныхъ случаевъ. Общій порядокъ вступленія въ бракъ можетъ даже изумлять законосообразностію въ тѣхъ многообразныхъ сочетаніяхъ, которыя представляются по гражданскому состоянію, возрасту брачующихся и по временамъ года. Столь же однообразно возвращаются и преступленія. Изъ сравненія, въ девятнадцатилѣтній періодъ времени, таблицъ преступленій во Франціи, Кетле вывелъ, что на каждый годъ приходилось одно среднее число обвиняемыхъ и осужденныхъ, и принявъ въ расчетъ среднее населеніе Франціи во все это время, вычислилъ сколько тѣхъ и другихъ причиталось на миллионъ жителей. Изъ этого вывода слѣдовалъ другой о степени вѣроятности для средняго человѣка населенія быть обвиненнымъ и осужденнымъ, другими словами, о степени склонности къ преступленію, хотя вѣроятность совершить преступленіе и измѣняется много по возрастамъ и полу. Результаты послѣднихъ исчисленій привели Кетле къ тому предположенію, что общество полно зачатковъ преступленій, которые растутъ и созрѣваютъ тамъ подъ дѣйствіемъ глетворныхъ элементовъ. Само общество поэтому рождаетъ преступленія и виновный служитъ только какъ бы органомъ его. Между отдѣльными родами противузаконныхъ дѣйствій онъ прослѣдилъ преступленія противъ собственности и лица и тоже нашелъ постоянное численное отношеніе, существующее между обоими родами, а равно и отношеніе между числомъ преступленій того и другаго рода по возрастамъ и полу. Особенный интересъ возбуждаютъ изслѣдованія, касающіяся самоубійствъ, потому что и они доказываютъ правильность, съ которою совершаются. Объ этомъ говоритъ общая одинакая цифра ежегодныхъ самоубійствъ и одинакое число ихъ по поламъ, хотя оно и измѣняется въ различныхъ возрастахъ, составляющихъ свой опредѣленный контингентъ. Правильность доходитъ даже до того, что число самоубійствъ и по способу совершенія ихъ остается приблизительно равнымъ. Проверенная новыми вычисленіями законосообразность человѣческихъ дѣйствій привела наконецъ Кетле къ тому взгляду, что эти

дѣйствія зависятъ отъ внѣшнихъ причинъ и законовъ, повелительно требующихъ подчиненія и дѣйствующихъ, какъ выражаются его послѣдователи, подобно распорядительной силѣ природы (*Haushalt der Natur*). Но какіе эго законы и что за заправляющая, распорядительная сила — неизвѣстно. Ихъ не пытаются раскрыть и авторы, довольствующіеся мыслію, что относительно фактовъ соціальной жизни возможны только предположенія. Мы, по его словамъ, имѣемъ пока несомнѣнные доказательства ихъ законосообразности; иногда мы можемъ свести эти правильно повторяющіяся явленія къ опредѣленному закону, т. е. указать на зависимость ихъ отъ какого-либо опредѣленнаго начала, но мы далеки еще отъ дѣйствительнаго знанія силъ, выражающихся въ этихъ законахъ и не можемъ говорить о существѣ и условіяхъ этой зависимости. Что касается до индивидуальной воли, то воззрѣнія на нее у Кетле представляются колеблющимися. Хотя въ своей соціальной физикѣ онъ и даетъ ей извѣстный просторъ, допуская ея вліяніе на улучшение общественнаго организма, но въ другомъ, болѣе позднемъ сочиненіи о соціальной системѣ и управляющихъ въ ней законахъ повсюду видна мысль, что человѣческія дѣйствія въ томъ огромномъ механизмѣ, въ которомъ движется и человѣкъ, текутъ одни за другими по естественно необходимымъ законамъ, при чемъ, по словамъ Эттингена, если и не отвергается свобода, то по крайней мѣрѣ становится вопросомъ.

Въ свое время, ученіе Кетле пользовалось громаднымъ авторитетомъ, дававшимъ себя чувствовать далеко за предѣлами той науки, къ которой оно ближайшимъ образомъ относилось, считалось торжествомъ естествознанія по распространенію опытныхъ и точныхъ наукъ и на дѣйствія человѣка, который тоже долженъ быть слѣпымъ орудіемъ неизвѣстныхъ законовъ. Провозвѣстникомъ новыхъ идей въ Англіи былъ Бокль, который далъ имъ приложеніе въ своемъ общезвѣстномъ историческомъ трудѣ и даже высказался въ пользу индуктивнаго метода, которому слѣдовалъ Кетле и для наукъ философскихъ, какова этика. Моральная статистика по его взгляду въ немногія десятилѣтія подвинула насъ далѣе, нежели умозрительныя науки въ теченіи столькихъ же по числу столѣтій. Она показала, что свобода воли есть порожденіе упорства, съ какою отворачиваются отъ той истины, что вездѣ въ мірѣ господствуетъ неумолима причинная связь. Воля отдѣльныхъ лицъ имѣетъ развѣ еще какую-нибудь важность для нихъ самихъ, въ болѣе же цѣломъ она не значитъ ничего. Законосообразность, открытая статистикою, доказываетъ, что въ дѣйствіяхъ общества осуществляются всеобщіе законы, въ сравненіи съ которыми единичная воля является незначительною пертурбаціею, недействительною притомъ по нейтрализаціи другою. Въ Германіи идею, вышедшія изъ французской школы, нашли себѣ защитника въ лицѣ А. Вагнера, который изобразилъ законосообразность даже въ преувеличенномъ видѣ, такъ, какъ будто бы дѣйствія, называемыя обыкновенно произвольными, рассчитаны заранѣе до подробности, и въ каждомъ государствѣ назначается ежегодно по жребію опредѣленное число лицъ того и другаго гражданскаго состоянія, напр. холостыхъ и вдовцевъ, которые должны вступить въ бракъ въ томъ и другомъ возрастѣ, число лицъ, которые должны развестись, да-

тѣе число имѣющихъ совершить того или иного рода преступленіе или отнять у себя такъ или иначе жизнь. Но затѣмъ въ Германіи явилась реакція противъ выводовъ Кетле, изъ которой возникла новая статистическая школа съ Дробишемъ во главѣ и съ болѣе трезвымъ взглядомъ на дѣло. Дробишъ и другіе представители школы далеко не согласны со всѣми положеніями Кетле. Что касается до преступленія, Дробишъ указалъ на то, что степень противузаконности, вычисленная для населенія Франціи въ указанномъ выше промежуткѣ времени или вѣроятность для каждаго совершить преступленіе, такъ мала, что въ обыкновенной жизни ее считаютъ прямо невѣроятностію. Поэтому какъ бы ни могло казаться страшнымъ для общества преступленіе, опасность отъ него даже при равной доступности къ нему всѣхъ, доступности, представляющей однако большія неравенства по поламъ и возрастамъ, очень мала по слабости жизненной силы въ тѣхъ зачаткахъ преступленія, которые таятся въ нѣдрахъ общественнаго организма. Затѣмъ средній человѣкъ, который играетъ у Кетле такую важную роль и составляетъ центръ тяжести всего, есть математическая абстракція, существо, не имѣющее дѣйствительнаго бытія, и было бы совершенно неумѣстно все, что ни высказывается объ этомъ человѣкѣ, относить ко всѣмъ недѣльнымъ населенія или ко всѣмъ лицамъ извѣстнаго пола и возраста и смотрѣть на нихъ, какъ на вкладчиковъ преступленія. Всѣ лица, которыя не были ни осужденны, ни даже обвиняемы въ преступленіи, не имѣютъ никакого реальнаго участія въ томъ, что приписывается среднему человѣку. Къ такому смѣшенію фиктивнаго съ дѣйствительнымъ ведетъ теорія Кетле и его послѣдователей тѣмъ, что степень противузаконности обозначается словомъ „наклонности къ преступленію“ вслѣдствіе врожденнаго всѣмъ побужденія къ нему. Но эта наклонность не есть непосредственно ясный и достовѣрный фактъ. Поэтому степень противузаконности могла бы указывать только на степень проявленія той склонности, которая у огромнаго большинства лицъ, не бывшихъ ни обвиняемыми, ни осужденными, должна задерживаться противоположными психическими побужденіями, будетъ ли то страхъ наказанія, уваженіе къ нравственному закону, привычка къ порядочной жизни, утвержденная воспитаніемъ или что нибудь другое. И статистическія числа относятся не къ этому большинству народонаселенія, а только къ небольшой дроби его, которая совершаетъ преступленія или по крайней мѣрѣ подозрѣвается въ нихъ, и къ распредѣленію тѣхъ дѣйствій между лицами, составляющими ту дробь по возрасту, полу и талъ дагѣе. У этого рода лицъ такимъ образомъ должно быть или сильнѣе побужденіе къ преступленію, или же слабѣе внутреннее противоудѣйствіе. Надобно однако же сказать и то, что хотя всѣ люди доступны преступленію и у одного болѣе естественнаго предрасположенія къ нему, которое можетъ развиваться еще довольно рано при неблагоприятныхъ условіяхъ, у другаго менѣе, но существованіе общаго, природнаго каждому человѣку побужденія ко злу или преступленію и живущей въ немъ отъ природы потребности къ удовлетворенію того побужденія доказать невозможно. Поэтому и степень противузаконности, опредѣляемой статистическими числами, лучше было бы назвать степенью совратимости къ преступленію, которая не привязывается къ мысли о

присущемъ человѣку положительномъ стремленіи къ преступленію. Но съ Кетле сближается Этингенъ (*Die moralstatistik in ihren Bedeutung für christliche sociaethik* 1874) въ томъ отношеніи, что и по его взгляду не только слѣдуетъ предполагать извѣстное постоянное расположеніе къ преступленію въ каждомъ социальномъ тѣлѣ, но дѣйствительную и продолжительную склонность къ противузаконнымъ дѣяніямъ, которую нельзя ограничивать только дробью населенія и которой болѣе или менѣе содѣйствуютъ всѣ. Это потому, что сила эгонизма во всѣхъ его оттѣнкахъ гнѣздится въ сердцѣ cadaго и постоянная наклонность испорченной отъ юности части общества указываетъ на постоянство нравственной причины въ воспитаніи и происхожденіи, наконецъ отъ того, что у людей, оказавшихся дѣйствительно виновными въ преступленіи, внѣшнія неблагопріятныя и вводящія въ искушеніе обстоятельства довели до полнаго развитія зародышъ зла, таящійся во всѣхъ членахъ нравственнаго организма. Впрочемъ все это не имѣетъ первостепеннаго значенія. Существенно же новая статистическая школа расходится съ ученіемъ Кетле въ окончательныхъ выводахъ. Несомнѣнно, что дѣйствія человѣческія повторяются съ извѣстными численными постоянствомъ. Но это постоянство само по себѣ даетъ только знать, что должны существовать какія нибудь причины тому, все равно внутреннія или внѣшнія. Кетле и его школа принимаютъ для объясненія его причины внѣшнія, видятъ въ человѣкѣ существо, которое тоже подлежитъ принужденію какихъ либо внѣшнихъ законовъ и въ тоже время замѣчательнымъ образомъ сознаетъ, что происходитъ въ немъ и по неразумію считаетъ себя отвѣтственнымъ за то. Новая школа напротивъ отвергаетъ возможность такого закона, потому что допущеніе его требовало бы большаго насилія надъ мыслию. Хотя въ преступныхъ дѣяніяхъ и проявлялась извѣстная правильность, но она не приводится съ такою точностью, какая замѣчается при дѣйствіи естественныхъ законовъ, наиримѣръ астрономическихъ. За тѣмъ она въ каждой отдѣльной группѣ явленій другая. Еслии вмѣсто того, чтобы говорить о преступленіи вообще, вести рѣчь объ отдѣльныхъ преступленіяхъ, убійствѣ, зажигательствѣ, воровствѣ и такъ далѣе, то окажется, что преступныя дѣянія той или другой группы повторяются въ опредѣленномъ промежуткѣ времени не съ одинакою правильностію. При такой разности у заправляющаго преступленіями закона недоставало бы того свойства, всеобщности, которое напечатлѣно на естественныхъ законахъ. Въ такомъ случаѣ для cadaго рода преступленій слѣдовало бы принимать особый законъ, а въ цѣлости такую запутанную совокупность законовъ, которая теряла бы всякій характеръ простоты. Кроме того эта совокупность законовъ, по словамъ Ваппеусса, представляли бы странное сходство съ тѣмъ, что мы видимъ, предпологая человѣка дѣйствующимъ по внутреннимъ мотивамъ, именно бросающуюся въ глаза предустановленную гармонию, по которой внѣшніе законы влекутъ человѣка во время холода къ порубкѣ чужаго лѣса и кражѣ хлѣба при дороговизнѣ. Все это заставляетъ новую школу искать объясненія постоянства въ явленіяхъ во внутренней опредѣлимости, смотрѣть на человѣка, какъ на существо, котораго рѣшимость возникаетъ не темнымъ путемъ внѣшняго

принужденія, но путемъ внутренней мотивировки. Неоспоримо, что преступленіе находится въ зависимости отъ многоразличныхъ условій. Сюда принадлежатъ во первыхъ условія физическія. Давно сдѣланныя Герри для Франціи вычисленія доказали, что климатъ въ соединеніи съ географическимъ положеніемъ, смотря по тому, какъ относится природа къ нуждамъ человѣка, обезпечиваетъ ли она его существованіе съ избыткомъ или нѣтъ, оказываетъ въ отдѣльныхъ соціальныхъ группахъ вліяніе на преступленіе въ количественномъ и качественномъ отношеніи. Тоже должно сказать и о временахъ года. По наблюденію того же статистика, не говоря о томъ, что преступленія противъ нравственности по весьма понятному усиленію полового побужденія въ жаркое время доходятъ до высшей цифры лѣтомъ, поразительное по временамъ года возвращеніе преступленій въ томъ или другомъ постоянномъ числѣ, замѣчается въ посягательствахъ противъ собственности и лица, не только въ противоположномъ относительно другъ друга движеніи такъ, что когда возрастаетъ численность одного рода преступленія, то уменьшается численность другого. Такое повтореніе по временамъ года преступленій противъ собственности и лица можетъ дѣйствительно возбудить удивленіе и повести къ разнаго рода предположеніямъ относительно планетарнаго вліянія на число преступленій. Здѣсь надобно однако поставить на видѣ, что при всѣхъ грубыхъ предумышленныхъ преступленіяхъ, какъ убійствѣхъ, зажигательствѣхъ, клятвoprеступленіи, отравленіи и другихъ, незамѣтно того постоянства, съ какимъ они должны были бы возвращаться. Замѣчательно и то, что тогда какъ воровство вообще въ своемъ движеніи существенно условливается временами года, такъ называемое домашнее воровство совершенно свободно отъ этой зависимости по той простой причинѣ, что ночная темнота и преобладающая зимою гнетущая нужда не имѣютъ вліянія на рѣшимость домашнихъ воровъ, которые выжидаютъ болѣе удобнаго случая и пользуются имъ, чѣмъ побуждаются къ воровству дѣйствительною бѣдностію. Далѣе число преступленій находится въ зависимости отъ условій мѣстныхъ, какъ-то національности, исповѣданія, рода занятій, условій соціальныхъ, нравовъ, законодательства, состоянія культуры, отношеній экономическихъ, хотя до настоящаго времени и не всѣ они вполне изслѣдованы. Но эти условія не всегда одинаковы во всѣхъ частяхъ извѣстной земли. Очень часто они принимаютъ чисто мѣстный характеръ и сообщаютъ преступности своеобразный отпечатокъ. Въ этомъ отношеніи представляютъ большой интересъ составленные Герри криминально-топографическія карты Франціи. Борсика покрыта на нихъ черною краскою по отношенію къ преступленіямъ противъ личности, за то, по выраженію Эттингена, она блеститъ бѣлизною на картѣ, изображающей топографію воровства. И тогда какъ небольшой Сенскій департаментъ кругомъ Парижа съ своими посягательствами противъ собственности, какъ и Лондонъ, подобно Чимборазо, превосходятъ все, что совершается въ остальной странѣ, они-же по отношенію къ зажигательству и насильственнымъ посягательствамъ противъ нравственности, кажутся Эльдорадо сравнительно съ неотличающимся въ другихъ отношеніяхъ преступностію департаментомъ Воклюзскимъ, гдѣ такіа преступленія какъ бы въ порядкѣ вещей.

Карты эти поучаютъ тому, что всякая страна имѣетъ какъ бы свой первородный грѣхъ. Отъ вѣшнихъ условій зависятъ и самоубійство, на которомъ любятъ останавливаться сторонники необходимости, думая показать на немъ еще нагляднѣе господство пресловутаго распорядка природы. Кромѣ постоянства въ общемъ числѣ самоубійствъ, такой распорядокъ, по ихъ мнѣнію, даетъ себя видѣть и въ числѣ самоубійствъ по временамъ года. Въ самомъ дѣлѣ изъ многочисленныхъ статистическихъ наблюденій выходитъ, что число самоубійствъ въ отдѣльныхъ мѣсяцахъ увеличивается и уменьшается съ вызвышеніемъ и пониженіемъ солнца. Чаще всего они случаются въ іюнѣ и іюлѣ, рѣже въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что самоубійство происходитъ единственно отъ планетарнаго вліянія и физическихъ условій нашего бытія, подобно наприимѣръ эпидемическимъ болѣзнямъ? Такое заключеніе могло бы быть умѣстно, если бы мы оставили въ сторонѣ всѣ другіе содѣйствующіе факторы. Если естественныя условія и оказываютъ извѣстную долю вліянія тѣмъ, что жаркое время года у людей, имѣющихъ наклонность къ самоубійству, способствуетъ ему, а холодное менѣе располагаетъ къ нему, то другіе важные моменты рѣшимости указываютъ на то, что здѣсь гораздо болѣе имѣютъ вліянія различныя общественныя условія. Статистики старались обозначить и дни недѣли, и часы дня, въ которые болѣе или менѣе совершаются самоубійства, хотя въ этомъ отношеніи наблюденія еще недостаточны. Замѣчательно однако, что по изслѣдованію Гухри въ субботу всего менѣе производится самоубійствъ, и именно мужчинами, а въ понедѣльникъ и вторникъ ихъ бываетъ особенно много. Конечно, это происходитъ не отъ какихъ нибудь таинственныхъ причинъ, а вѣроятно отъ того, что суббота день недѣльнаго расчета съ рабочими, за которымъ слѣдуетъ праздникъ, а въ слѣдующіе затѣмъ дни отрезвленіе и горе выступаютъ въ качествѣ причинъ на первый планъ. Женщины чаще всего отнимаютъ у себя жизнь напротивъ въ воскресенье и можетъ быть потому, что преданный разгуду мужъ оставляетъ ее тогда при нуждѣ и заботахъ. Что касается до выбора средствъ для самоубійства, которыя находятся тоже въ постоянныхъ числовыхъ отношеніяхъ между собою, то изслѣдованія объ этомъ предметѣ достоверно показали, что это повидимому чисто произвольное дѣйствіе не зависитъ отъ одного случая, а состоитъ въ связи съ различными обстоятельствами и мотивами, которые въ определенной соціальной группѣ оказываютъ рѣшительное вліяніе. Посагая на самоубійство, человекъ безсознательно слѣдуетъ разнымъ импульсамъ, которые извнутри и извнѣ по психическимъ и физическимъ поводамъ заставляютъ проявляться стремленіе къ самоубійству въ своеобразной формѣ. Каждый городъ, каждая страна имѣетъ не только свою специфическую цифру самоубійствъ, но также свою цифру повѣсившихся, утопившихся и т. д. Таковы условія, въ зависимости отъ которыхъ находятся безнравственныя дѣянія. Но какъ далеко простирается эта зависимость, поглощаетъ ли она вовсе свободу человека или же оставляетъ его существомъ самостоятельнымъ, способнымъ дѣлать свободный выборъ между добромъ и зломъ? Статистика не проходитъ молчаніемъ и этого

вопроса. Исторія права и въ особенности уголовного учитъ тому, что законодательства всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ не видятъ въ преступленіи продукта естественной необходимости, какого нибудь принужденія, но считаютъ его дѣломъ совершителя, не навязаннымъ ему ничѣмъ и подвергаютъ его наказанію въ предположеніи вины. Такое убѣжденіе является слѣдовательно общечеловѣческимъ и не только не опровергается статистическими данными, а напротивъ подтверждается ими. Поэтому понесшаго наказаніе преступника нельзя считать жертвою необходимости, страдающею безвинно. Правда, на него въ извѣстномъ смыслѣ можно смотрѣть какъ на жертву поколѣнія, среди котораго онъ живетъ, какъ на органъ общества, служащій выраженіемъ безнравственности послѣдняго, но этимъ не уничтожается вина. Если на немъ и оказались дѣйствительными вредныя вліянія и возбужденія извнѣ, то онъ остается тѣмъ не менѣе отвѣтственнымъ за преступленіе, такъ какъ его никто не принуждалъ къ нему. Если онъ и поддался тѣмъ внѣшнимъ искушеніямъ, то потому, что они гармонировали съ выработанными въ немъ преступнымъ настроеніемъ, потому что увлеченъ былъ главнѣйше собственнымъ чувствомъ эгоизма. Короче сказать, мотивы дѣянія принадлежали самому преступнику и возникли изъ его обычной склонности. Противудоказательствомъ вины не можетъ быть и наблюденіе за тою патологическою законосообразностію, съ которою совершается непрерывный ходъ развитія преступленія въ различныхъ степеняхъ возраста. Въ ней заключается напротивъ подтвержденіе мысли, что созрѣвшее преступленіе вырастаетъ изъ порочнаго направленія воли не мгновенно, а постепенно и можетъ доходить потомъ до колоссальныхъ размѣровъ. Съ такой же точки зрѣнія, т. е. исходя отъ свободной рѣшимости, новая статистическая школа смотритъ и на другія свободныя дѣянія, и между ними на бракъ. Вступленіе въ бракъ, не смотря на то, что въ основаніе его лежитъ одно изъ самыхъ сильныхъ естественныхъ побужденій, по важности акта и соединяющихся съ нимъ обязанностей требуетъ отъ человѣка извѣстной степени сдержанности: онъ встрѣчаетъ рядъ внѣшнихъ вліяній, болѣе или менѣе затрудняющихъ преднамѣренный шагъ, и тѣмъ вынуждается на внимательное размышленіе, которое по обстоятельствамъ можетъ заставить его такъ или иначе измѣнить намѣреніе. На первомъ планѣ стоятъ условія физическія, отъ которыхъ зависитъ извѣстный достатокъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія въ извѣстномъ размѣрѣ потребностей будущей семьи. Статистическія таблицы, относящіяся къ числу браковъ, указываютъ повсюду на самое сильное отрицательное отклоненіе отъ средняго числа въ 1847 году вслѣдствіе общаго неурожая въ предшествовавшемъ году. Отъ этого уменьшенія числа браковъ Кетле и его послѣдователи дѣлали заключеніе къ прямому вліянію физическихъ причинъ на браки въ томъ смыслѣ, что такимъ физическимъ давленіемъ уничтожается свободная воля и что разнаго рода личные соображенія лишены тутъ всякаго значенія. Напротивъ это явленіе и служитъ доказательствомъ тому, что люди имѣющіе въ виду вступленіе въ бракъ, думаютъ о томъ много и вслѣдствіе своихъ разумныхъ соображеній откладываютъ въ тяжелое время бракъ или вовсе оставляютъ мысль о

немъ. Къ этому присоединяется и то, что при другихъ общихъ бѣдствіяхъ, наприм. войнѣ, число браковъ еще болѣе уменьшается, тоже вслѣдствіе связанныхъ съ нею соображеній. Не безъ вліянія на бракъ остаются климатъ и времена года, кладущія отчасти извѣстный отпечатокъ на душевную жизнь человѣка. Такъ въ Бельгій болѣе всего заключается браковъ весною сравнительно съ зимою, тогда какъ въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы замѣтно равновѣсіе. Это можетъ быть объяснено трудностію обзаведенія хозяйствомъ зимою, особеннымъ, располагающимъ къ браку настроеніемъ съ появленіемъ весны, также работами, которыми болѣе бывають озабочены люди въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы. Иначе бываетъ въ Англіи, гдѣ по соціально правительственнымъ условіямъ всего чаще заключаются браки осенью; зимою напротивъ ихъ всего меньше. Это вѣроятно бываетъ слѣдствіемъ того, что болѣе расчетливые англичане откладываютъ женитьбу, пока не узнають дохода отъ урожая. Къ условіямъ физическимъ присоединяются сложныя соціальныя вліянія, придающія вмѣстѣ съ племенными различіями свою фізіономію каждому соціальному тѣлу. Отъ нихъ зависитъ также разность въ числѣ браковъ не только въ отдѣльныхъ государствахъ, но и между особыми соціальными группами, составляющими части одного цѣлаго. Кромѣ численности браковъ, постоянныя числа, въ которыхъ выражаются движенія общественной жизни, касаются и другихъ сторонъ брака, объясняющихся только вліяніями соціальными и свидѣтельствующихъ прямо противъ естественнаго распорядка вещей. Казалось бы дѣломъ понятнымъ и нормальнымъ, если бы мужчина, который достигаетъ зрѣлости позже, чѣмъ женщина, отцвѣтающая еще ранѣе, и кромѣ того еще позднѣе пріобрѣтаетъ гражданскую самостоятельность, старался по правилу выбирать себѣ болѣе молодую подругу. Но статистическія данныя показываютъ противное: средняя разность въ лѣтахъ супруговъ оказывается гораздо меньшею, нежели какъ можно было бы думать судя по естественнымъ отношеніямъ половъ. Равнымъ образомъ и средней возрастъ вступленія въ бракъ женщинъ не соответствуетъ ожиданію: онъ выше того, который слѣдовало бы предполагать. Изъ этого видно, что въ государствахъ цивилизованныхъ въ дѣлѣ брака рѣшаютъ преимущественно не естественныя отношенія между обонми полами, подходящія къ обществамъ, стоящимъ на нисшей степени культуры, а что мужчины при выборѣ жевъ руководствуются другими соображеніями, нежели молодостию. Соціальный порядокъ ставитъ такимъ образомъ для отдѣльныхъ лицъ извѣстныя границы, но въ его вліяніи нѣтъ ничего принудительнаго и неодолимаго; эти стѣсненія только побуждаютъ людей быть осмотрительными въ своихъ поступкахъ, и вслѣдствіе того не всѣ вообще вступаютъ въ бракъ и не всѣ въ томъ возрастѣ, въ которомъ достигаютъ возмужалости. Правда, при подобномъ вліяніи человѣкъ и испытываетъ ограниченіе, но у него остается однако же возможность дѣйствовать независимо, и если онъ подчиняется ограниченію, то потому, что по внушенію своего благоразумія находитъ лучшимъ принаровляться къ обстоятельствамъ. Но отъ чего происходитъ та правильность, съ которою повторяются въ жизни извѣстныя человѣческія дѣянія и которая способна навести на мысль о какой-то роковой необходимости ихъ? Въ

этомъ постоянствѣ, строго говоря, нѣтъ ничего поразительнаго. Оно бываетъ слѣдствіемъ того, что въ одинаково продолжительныхъ, но не слишкомъ далеко отстоящихъ другъ отъ друга періодахъ времени, обстоятельства и отношенія, которыя окружаютъ человѣка и изъ которыхъ болѣею частію возникаютъ мотивы, остаются довольно неизмѣнными. Выстъ съ тѣмъ остаются сходными другъ съ другомъ и люди по отношенію къ движущимъ ихъ мотивамъ, не увеличивается и не уменьшается приблизительно число тѣхъ, которые или не имѣютъ вообще никакого основанія сдерживать свои побужденія, какъ при бражѣ, или у которыхъ какъ то бываетъ при преступленіи и другихъ безнравственныхъ дѣланіяхъ, оказывается особымъ внутреннее, нравственное противодѣйствіе. Постоянство въ произвольныхъ дѣйствіяхъ поэтому происходитъ не отъ какого нибудь предшествующаго имъ внѣшняго закона, который повелительно требуетъ своего исполненія, а есть продуктъ относительно постоянныхъ и потому неизмѣнныхъ совсѣмъ отношеній и обстоятельствъ.

Таковы взгляды новой статистической школы, опирающіеся на болѣе прочное и реальное основаніе, чѣмъ статистическія числа, приведшія Бетле и его послѣдователей къ произвольнымъ предположеніямъ. Этимъ основаніемъ служитъ общечеловѣческое сознаніе, которое представлено нашимъ авторомъ не въ надлежащемъ свѣтѣ. Онъ считаетъ сознаніе не вполне вѣрнымъ источникомъ истины потому будто бы, что оно даетъ показанія, не соответствующія иногда дѣйствительности. Оно наприм. говоритъ, что солнце обращается около земли, а мы этому не вѣримъ. Въ этомъ сомнѣніи скрывается какое-то непонятное недоразумѣніе. Въ сознаніи отражается вся внутренняя жизнь человѣка и между прочимъ всѣ его представленія и убѣжденія, вѣрныя или ложныя, смотря потому, дается ли уму истина скоро, или же не вдругъ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ. Такъ сознаніе стояло за обращеніе солнца вокругъ земли, когда такое убѣжденіе было господствующимъ у всѣхъ; оно и теперь стоитъ на томъ же у людей невѣжественныхъ. Но оно измѣнилось съ успѣхами науки и говоритъ объ обращеніи земли около солнца не смотря на кажущееся движеніе послѣдняго. Такимъ образомъ сознаніе не можетъ находиться въ противорѣчій съ воззрѣніями, когда тѣ не ошибочны. Но сознаніе служитъ часто и единственнымъ источникомъ для нашего познанія. О многомъ, именно о томъ, что непосредственно дано въ душѣ, мы можемъ знать только посредствомъ сознанія. Оно даетъ знать о высшихъ неизмѣнныхъ понятіяхъ или идеяхъ, присущихъ первоначально человѣческому духу, о существованіи высшаго нравственнаго порядка, основаннаго на различіи между добромъ и зломъ. Къ непосредственнымъ фактамъ его принадлежатъ и свобода, которая дѣлаетъ возможнымъ внутреннее законодательство и на которой утверждаются понятія заслуги и вины. Сознаніе нравственной идеи и свободы воли живетъ постоянно въ человѣческомъ родѣ и выражается въ правахъ народовъ и законодательствахъ, въ особенности уголовныхъ, которыя противодѣйствуютъ наказаніемъ преступленію, какъ свободному, виною обусловленному дѣйствію. Свобода, если смотрѣть на нее съ практической нравственной стороны, состоитъ въ способности воли опредѣляться тѣмъ, что должно составлять ея истинное содержаніе, что по

силѣ внутреннего закона признается нравственно необходимымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность оставаться независимою отъ другихъ, постороннихъ мотивовъ. Въ этомъ подчиненіи воли и состоитъ самоопредѣленіе человѣка. Но свобода или воля, подобно другимъ силамъ духовнымъ, имѣетъ нужду въ развитіи и упражненіи, которыя требуютъ напряженныхъ усилій. Для свободы существенно необходима выработка нравственного характера, который возводитъ разумныя понятія въ высшее руководящее начало для пожеланій и дѣйствій. Твердость этого характера зависитъ отъ энергии, съ которою человѣкъ хочетъ преобладанія тѣхъ принциповъ. Характеръ имѣетъ рѣшительное вліаніе на жизнь человѣка: по нему разгадываются будущія судьбы. Зная нравственное настроеніе человѣка можно заранее предсказать его поступки. Такое гаданіе однако можетъ быть лишь приблизительно вѣрнымъ. Это потому, что принятое однажды волею направленіе можетъ испытывать отклоненія. Хотя и при твердомъ нравственномъ характерѣ разъ принятыя принципы поведенія и имѣютъ рѣшительный перевѣсъ надъ безнравственными побужденіями, но они только обуздываютъ, а не уничтожаютъ ихъ. Отъ времени до времени эти побужденія возвращаются съ новою силою, и воля не всегда въ состояніи устоять противъ искушеній. Только послѣ долговременной и упорной борьбы человѣкъ можетъ остаться побѣдителемъ, да и тогда долженъ быть постоянно на сторожѣ. За каждымъ уклоненіемъ отъ нравственной идеи слѣдуетъ сознаніе вины, которая служитъ основаніемъ вѣнчаемости и отвѣтственности человѣка предъ государствомъ за преступленіе. Хотя нравственная идея, о которой свидѣтельствуетъ совѣсть и имѣетъ нужду въ развитіи и до извѣстной мѣры воздѣйствія съ вѣшной стороны, но она не приходитъ извнѣ, поколику человѣкъ воспринимаетъ и усваиваетъ себѣ только то, что согласуется съ лежащимъ въ немъ самымъ критеріемъ, съ прирожденнымъ ему понятіемъ нравственного добра.

Конечный результатъ всего изложеннаго выше тотъ, что несвобода воли у нашего автора не доказана и его ученіе лишено поэтому прочной опоры.

А. Палюмбецкій,

ПРОФЕССОРЪ ИМ. ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Понятіе добровольнаго представительства въ гражданскомъ правѣ, соч. *Нерсесова*. М. 1878, стран. V и 183.

Сочиненіе г. Нерсесова принадлежитъ къ числу тѣхъ, еще весьма немногочисленныхъ русскихъ монографій по гражданскому праву, которыя заслуживаютъ вполне внимательнаго изученія и серьезнаго разбора. Солидность свѣдѣній, обнаруженныхъ авторомъ, даетъ его работѣ

безспорно ученый характеръ; способъ же выполненія ея и присущая ей живость мысли дѣлаютъ ее и научною, и интересною.

По роду своему это — произведеніе догматическое. Главная задача автора, на выполненіе которой онъ удѣляетъ почти двѣ трети своей книги (стр. 1—116), состоитъ въ томъ, чтобы найти такую формулу для выраженія понятія добровольнаго представительства, которая совмѣстила бы въ себѣ характеристическіе признаки этого института. Давъ внѣшнее описаніе представительства („подъ представительствомъ въ частномъ правѣ разумѣется совершеніе однимъ лицомъ — представителемъ, отъ имени другаго — принципала, юридической сдѣлки, изъ которой возникаютъ непосредственно права и обязанности только для этого послѣдняго“) и ограничивъ область своего изслѣдованія только добровольнымъ или договорнымъ представительствомъ, авторъ употребляетъ для достиженія сказанной цѣли послѣдовательно два приѣма. Въ первой главѣ онъ сличаетъ представительство съ другими, сходными съ нимъ отношеніями и такимъ путемъ констатируетъ характеристическія свойства представительства. Будучи исполнѣнъ цѣлесообразенъ, этотъ приѣмъ имѣетъ еще ту выгоду, что даетъ автору возможность говорить помимо представительства о многихъ предметахъ, мало разработанныхъ въ нашей юридической литературѣ. Какъ напримѣръ, укажемъ на § 6, гдѣ излагается отличіе представительства отъ договоровъ въ пользу третьихъ лицъ. Важное явленіе — договора въ пользу третьихъ лицъ составляетъ у насъ почти совсѣмъ незатронутый предметъ какъ въ судебной практикѣ, такъ и въ литературѣ; а потому все сказанное о немъ, хотя бы въ формѣ отступленія въ сочиненіи, прямо сюда не относящемся, должно быть поставлено въ несомнѣнную заслугу автора. Достаточно самаго бѣлаго обзора нашей судебной практики для того, чтобы убѣдиться, какъ низко стоитъ уровень юридическихъ понятій, которыя руководятъ ею, — какъ они еще немногочисленны и неустойчивы въ сравненіи съ понятіями, вошедшими въ плоть и кровь западнаго юриста-практика. Потому, чѣмъ менѣе авторы серьезныхъ юридическихъ сочиненій будутъ скупиться на сообщеніе своимъ читателямъ такихъ понятій, чѣмъ болѣе они будутъ помнить, что въ такихъ случаяхъ русскому читателю приходится говорить то, что нѣмцу или французу извѣстно уже со школьной скамьи, тѣмъ благотворнѣе окажутся труды ихъ. — Результатъ сличенія, которое предпринято г. Пересовымъ, выражается въ опредѣленіи семи отличительныхъ свойствъ представительства (стр. 74—76). Важнѣйшее изъ нихъ — присутствіе полномочія, отличающее представительство отъ представительной *negotiorum gestio*, разсматривается отдѣльно. За сими, покончивъ съ аналитическимъ изслѣдованіемъ, авторъ старается объединить полученные имъ выводы путемъ опредѣленія сути представительства. Онъ называетъ этотъ процессъ юридическимъ обоснованіемъ представительства, — какъ мы думаемъ, не совсѣмъ правильно. Болѣе отвлеченное выраженіе какого либо понятія, выраженнаго передъ тѣмъ конкретно, есть не основаніе этого послѣдняго, а лишь переработка его, объединеніе признаковъ, перечисленныхъ конкретно. Это — то же самое понятіе, но въ усовершенствованномъ видѣ; основаніе же заключается всегда въ чемъ-либо другомъ. Въ своей тер-

минологіи авторъ, можетъ быть, противъ собственной воли, грѣшитъ грѣхомъ формально-логической догмы, которая отождествляла обыкновенно логическое развитіе юридическихъ понятій съ ихъ реальнымъ развитіемъ.— Отвергая опредѣленія представительства чрезъ фикцію,—этотъ устарѣлый приѣмъ той же догмы, въ сущности ничего не объясняющій и не опредѣляющій, а лишь прикрывающій пустоту въ логическомъ ходѣ мыслей, авторъ высказывается за опредѣленіе, которое гласитъ, что суть добровольнаго представительства состоитъ въ распредѣленіи свойствъ контрагента и юридическаго субъекта по одной и той же сдѣлкѣ между двумя различными лицами (представителемъ и представляемымъ). Это опредѣленіе провѣряется на удобопримѣнимости его въ разрѣшенію нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ (стр. 87—106).— Остальная часть книги посвящена главнымъ образомъ разсмотрѣнію существеннѣйшихъ постановленій положительнаго права о представительствѣ.

Не входя въ оцѣнку взглядовъ автора по ихъ содержанию, я намѣренъ остановить вниманіе читателя настоящаго отчета на способахъ разработки, которые примѣнены г. Нерсесовымъ, — на методологической сторонѣ его сочиненія. При современномъ, переходномъ состояніи догмы гражданскаго права вопросъ о методѣ догматическаго изслѣдованія представляется наиважнѣйшимъ.

Прежніе нѣмецкіе догматики, по сіе время не оставшіеся безъ послѣдователей и подражателей, исходили изъ того либо высказаннаго, либо скрытаго предположенія, что права опредѣленія, которыя они разрабатываютъ, имѣютъ для нихъ непосредственную обязательную силу. Такъ они работали сначала надъ римскимъ правомъ, потомъ надъ своими мѣстными правоположеніями. Главная задача догмы заключалась въ систематизаціи положительныхъ правоопредѣленій съ цѣлью вѣрнаго истолкованія и передачи ихъ. Догматики должны точно и безстрастно передать то, что заключается уже въ положительномъ правѣ. Различіе постановленія этого послѣдняго и постановленій, которыя редицировали догматиками, заключалось только въ томъ, что послѣдніе передавали въ абстрактной и болѣе короткой формѣ содержаніе, которое было выражено въ положительныхъ опредѣленіяхъ въ формѣ конкретной и распространенной. Что законъ говорилъ въ десяти предложеніяхъ и сотнѣ словъ, то догматики въ своихъ „пандектахъ“, „системахъ“ и монографіяхъ старался выразить чрезъ посредство одного предложенія и десяти словъ. Дѣло догмы сводилось на формально-логическую разработку юридическихъ понятій. Рядъ конкретно-выраженныхъ опредѣленій объединялся въ одной отвлеченной формулѣ; и, наоборотъ, разбивая логически эту формулу, разлагали ее на массу частныхъ опредѣленій. Критика же и видоизмѣненіе положительныхъ правоопредѣленій были исключены изъ догмы. Такимъ образомъ, по принципу, догматики отказались отъ всякой активной дѣятельности по отношенію къ закону. Но если онъ отклонялся отъ такой роли сознательно, то изъ этого не слѣдовало еще, что онъ могъ избѣжать ея совершенно. Незамѣтно для самого себя приходилось измѣнять принятое имъ положеніе. Благодаря практическому назначенію формально-логической догмы, она приходила къ результатамъ, частью непредвидѣннымъ и во всякомъ случаѣ

несогласнымъ съ predeterminedенною заранѣе задачею. Во-первыхъ, логическое развитіе общихъ формулъ, приводя къ частнымъ результатамъ, не высказаннымъ въ положительномъ правѣ, пополняло его новыми положеніями. Во-вторыхъ, — и здѣсь мы касаемся самой характеристической черты формально-логической догмы, — сама свойства ея основанаго приема, въ связи съ нѣкоторыми практическими соображеніями, вели къ измѣненію догмою разработаннаго ею положительнаго матеріала. Стремясь къ логическому единству и недопуская внутренняго несогласія въ законѣ, догматикъ долженъ былъ уничтожить, по возможности, всѣ противорѣчія, которыя пронесли въ законъ по какой либо причинѣ. Вслѣдствіе этого догматическая разработка стала измѣнять законъ не только по формѣ, но и въ содержаніи. Догма предлагала въ своемъ изложеніи не тотъ же самый законъ, который ваялась переработать, но законъ, исправленный въ извѣстномъ отношеніи. Исправленіе это было формальное. Законъ сглаживался, подравнивался въ интересахъ достиженія наибольшей легкости его систематизаціи.

Рано или поздно должна была обнаружиться несостоятельность такой разработки права. Она заслуживаетъ осужденія какъ съ точки зрѣнія научной, такъ и практической. Она не имѣетъ научной цѣны, потому что не даетъ вѣрнаго изображенія права, дѣйствительно существующаго. Такъ, пройдя чрезъ нее римское право представилось въ видѣ, далеко не схожемъ съ дѣйствительнымъ римскимъ правомъ. Противорѣчія, которыя находятся въ источникахъ (*corpus juris*) и объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что эти источники были смѣшаннымъ сводомъ твореній весьма многихъ законодателей и юристовъ, жившихъ въ различное время, были игнорированы; историческіе остатки прошлаго, занесенные въ юстиніанову кодификацію, развивались наравнѣ съ элементами вполне живыми; случайныя и неосторожныя обобщенія возведены на степень безспорныхъ истинъ; частныя исключенія распространены въ общія правила, и т. д. *) — Подобная разработка не могла имѣть, далѣе, и большой практической цѣны, потому что чуждалась такого самостоятельнаго отношенія къ разрабатываемому закону, которое одно могло имѣть существенное практическое значеніе. Чужое право, хотя бы въ высшей степени развитое, не могло быть перенято безъ болѣе или менѣе крупныхъ измѣненій и передѣлокъ, совершенныхъ подъ вліяніемъ соображеній цѣлесообразности. Не можетъ избѣжать этихъ передѣлокъ и свое право, въ особенности столь заброшенное, каковымъ было еще вначалѣ этого столѣтія національное германское право. Измѣненія закона, которыя дѣлаются догматиками въ интересахъ широкаго примѣненія формально-логическаго приема, ведутъ къ расширенію или ограниченію законодательныхъ опредѣленій; но не всегда эти расширенія и ограниченія отвѣчаютъ потребностямъ гражданскаго оборота. Гражданская жизнь нуждается въ такой критикѣ положительнаго права, которая имѣла бы своимъ критеріумомъ ея потребности. Она нуждается

*) См. объ этомъ ближе мои очерки *общей теории гражданскаго права*, I, 1877, въ первой главѣ 1-го отдѣла.

также въ самостоятельномъ творествѣ jurisprudenціи. Право должно пополняться безъ стѣсненія этого процесса рамками уже готовыхъ общихъ положеній, — не только путемъ логическаго развитія ихъ, но и путемъ измѣненія старыхъ и самостоятельнаго формулированія новыхъ общихъ правоположеній. По мѣрѣ практической необходимости дѣйствіе существующихъ правоопредѣленій расширяется или ограничивается; видѣются новыя понятія для пополненія, стѣсненія, или соспѣшествованія вѣщему развитію ихъ. — Это новое направленіе въ догмѣ высказывается въ очень разнообразныхъ проявленіяхъ. Я отмѣчу тѣ изъ нихъ, которыя находятся въ книгѣ г. Нерсесова. Существенное достоинство ея состоитъ именно въ томъ, что авторъ ея пользуется отчасти вышеуказанными новыми приемами догмы. Тѣмъ же обстоятельствомъ, что призмѣненіе этихъ приемовъ въ книгѣ г. Нерсесова проведено не вполне и уступаетъ безъ нужды мѣсто старымъ способамъ догматическаго изслѣдованія, образуется главный недостатокъ ея.

Умѣнье отрѣшиться отъ работѣннаго поклоненія глаголамъ и формамъ римскаго права отвѣчаетъ самому элементарному требованію, которое предъявляется въ наше время ученому цивилисту. Отъ многихъ грубыхъ проявленій помянутаго поклоненія, каково, напримѣръ, подведеніе феодальныхъ отношеній подъ римскіе типы, или приравненіе крѣпостныхъ къ рабамъ, успѣла отказаться уже старая догма. Но помню рѣзкихъ диссонансовъ, замѣтныхъ и безъ помощи особаго критическаго отношенія къ дѣлу, существуетъ рядъ другихъ, болѣе тонкихъ, рожденных однако тѣмъ же источникомъ; и для сознанія ихъ требуется не рѣдко немалая доля критической способности. Дѣло въ томъ, что многія опредѣленія римскаго права еще теперь могутъ найти бытовую почву, имъ родственную. Однако въ виду интересовъ современной гражданской жизни представляется болѣе удобнымъ отказаться отъ римскихъ формъ и, не стѣсняясь ими, путемъ самостоятельнаго развитія выработать другія, новыя формы. Въ этомъ духѣ поступаетъ г. Нерсесовъ, когда въ различныхъ мѣстахъ своей книги высказывается противъ перенесенія римскихъ взглядовъ въ догму современнаго права. Такъ, на стр. 25—33 онъ вполне основательно отказывается отъ римской характеристики различія мандата и личнаго найма. Различія гонорара и платы, свободной и несвободной профессіи, столь важныя въ древнемъ мѣрѣ, потеряли теперь всякое значеніе. На стр. 65 и слѣд. авторъ показываетъ непригодность римскаго понятія *negotiorum gestio* для современнаго права. Въ римскомъ правѣ помянутый договоръ имѣлъ большое сходство съ мандатомъ, отличающійся отъ него только отсутствіемъ предварительнаго порученія. Въ настоящее время, съ признаніемъ прямого представительства отношенія изъ *negotiorum gestio* нѣсколько видоизмѣнились. Параллельно двумъ формамъ: *mandatum* и представительство, *neg. gestio* получаетъ также двѣ формы: *gestor* выступаетъ въ гражданскомъ оборотѣ или въ качествѣ мандатарія *dominus'a*, или же его представителя. Не оспаривая этого послѣдняго положенія, замѣчу, что авторъ не объяснилъ вполне отчетливо, въ чемъ именно состоитъ юридическій интересъ различенія двухъ формъ веденія дѣлъ за другаго. Между сказаннымъ объ этомъ предметѣ въ концѣ 66-й и на 67-й стр. и мѣ-

ніемъ французскихъ юристовъ, не сопровождаемымъ никакимъ поясненіемъ либо разборомъ, существуетъ на видъ нѣкоторое противорѣчіе.— На стран. 110—116 авторъ разбираетъ воззрѣнія на представительство, которыя принадлежатъ Пухтѣ и Кунтце, и совершенно справедливо усматриваетъ въ этихъ воззрѣніяхъ неправоильное развитіе римскаго взгляда въ общую догму. Принципіальная невозможность представительства, которая, по мнѣнію названныхъ писателей, вытекаетъ будто бы изъ самаго существа обязательствъ, есть національно-римскій взглядъ, который звучитъ анахронизмомъ въ системѣ современнаго права. Вообще, что касается до разумнаго отношенія къ авторитету римскаго права, то, какъ кажется, г. Нерсесову удалось удержаться всюду на вѣрномъ пути.

Труднѣе бываетъ избѣгать вліянія дурныхъ сторонъ формально-логическаго приѣма изслѣдованія. Самъ по себѣ этотъ приѣмъ весьма простъ и заманчивъ; школа и школьная литература гражданскаго права до сихъ поръ почти исключительно руководятся имъ; въ тому же онъ не составляетъ чего либо абсолютно негоднаго, но въ извѣстныхъ предѣлахъ является, напротивъ, необходимымъ. Однако автору посчастливилось и съ этой стороны. Отказываясь рѣшительно отъ объясненія представительства посредствомъ фикціи, онъ выступаетъ, безспорно, врагомъ бесполезныхъ ухищреній прежней догмы. Другой приѣмъ г. Нерсесова заслуживаетъ также полнаго вниманія. Каждый разъ, когда ему приходится объяснять какое либо юридическое различіе, настаивая на его важности, или предлагать какое либо понятіе или опредѣленіе, онъ сопровождаетъ свои разсужденія указаніемъ на практическую важность защищаемаго имъ различія, понятія, опредѣленія. На самомъ дѣлѣ практическая цѣлесообразность (понимаемая съ достаточною широтою) есть единственный критерій правоопредѣленій. Каждое правоопредѣленіе есть средство удовлетворенія какой либо жизненной цѣли. Потому самостоятельныя понятія и различія должны допускаться лишь на столько, на сколько они нужны для жизни. Но, придерживаясь этого взгляда, и прихильная его въ своемъ трудѣ, г. Нерсесовъ не выдерживаетъ въ этомъ отношеніи полной послѣдовательности и безъ нужды уклоняется иногда на сторону стараго, отживающаго пути. Именно такое уклоненіе мы замѣчаемъ на стран. 50 и слѣд. Авторъ говоритъ здѣсь о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ. Какъ извѣстно, подъ этимъ именемъ разумѣются такія соглашенія двухъ или болѣе лицъ, которыя доставляютъ юридическую выгоду третьему лицу, въ договорѣ не участвующему, но приобретающему изъ него право иска. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ договоры этого рода допускались уже въ римскомъ правѣ. Начиная съ прошлаго столѣтія, современныя законодательства тоже высказываются въ ихъ пользу. Но всюду въ этихъ послѣднихъ законодательствахъ дѣйствительность помянутыхъ соглашеній ставится въ зависимость отъ одобренія ихъ лицомъ, въ пользу котораго договоръ совершенъ. Третье лицо получаетъ искъ изъ договора только съ того момента, когда, узнавъ о немъ, оно даетъ на него свое согласіе. До тѣхъ поръ договоръ не входитъ въ силу и, между прочимъ, можетъ быть измѣненъ и отмѣненъ по волѣ контрагентовъ. Примичая къ группѣ

писателей, во главѣ которой стоитъ извѣстный австрійскій цивилистъ Унгеръ, авторъ высказывается противъ этого порядка; но приводятъ въ доказательство исключительно одни теоретическія соображенія. Склоняясь въ этомъ случаѣ на сторону мнѣнія автора, надо однако сказать, что несостоятельность порядка, принятаго новыми законодательскими относительно договоровъ въ пользу третьихъ лицъ, можетъ быть обнаружена только при помощи доводовъ, которые имѣютъ практическое значеніе. Если бы, напротивъ, практическіе интересы оказались на сторонѣ законнаго порядка, то никакіе доводы, почерпнутые изъ логическаго развитія договора, какъ таковаго и т. п., не могли бы разрушить его. На самомъ дѣлѣ поставленіе юридической дѣйствительности договора въ зависимость отъ асно выраженаго одобренія лица, въ пользу коего онъ совершенъ, несостоятельно потому, что вредитъ практическому осуществленію цѣли такихъ договоровъ. Они назначены именно на тотъ случай, когда третье лицо почему либо не можетъ или не желаетъ само выступать въ роли контрагента. Такъ, оно можетъ быть въ отсутствіи; договоръ, совершенный въ его пользу, можетъ заключать какое либо одолженіе для него (наприм., страхованіе его жизни и т. п.). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ требованіе открытаго одобренія ставить третье лицо въ затруднительное, либо неловкое положеніе. Кромѣ того интересамъ контрагентовъ можетъ соотвѣтствовать, чтобы это лицо не знало до поры до времени о существованіи договора (наприм., отецъ страхуетъ выдачу извѣстной суммы въ будущемъ своему сыну). Всѣ эти и другія, подобныя имъ особенности принимаются во вниманіе возрѣніемъ, отрицающимъ дѣйствующія законодательныя постановленія. Рациональнѣе представляется такой порядокъ вещей, при которомъ третье лицо пріобрѣтаетъ искъ въ самый моментъ совершенія договора независимо отъ того, знаетъ ли оно о немъ, или не знаетъ. Пріобрѣтая всѣ выгоды, оно не можетъ пострадать при этомъ порядкѣ. Договоръ не можетъ наложить на него какія либо обязательства; а если предоставленную имъ выгоду оно находитъ почему либо несоотвѣтствующею своимъ интересамъ, то всегда можетъ отказаться отъ своего иска.

Какъ на слѣдующую привлекательную черту работы г. Нерсесова, слѣдуетъ указать на то, что ей вообще чуждъ приемъ, извѣстный подъ техническимъ именемъ *interpretatio in fraudem legis*. Практической юриспруденціи бываеетъ свойственно стремленіе, оставляя неприкосновенною букву закона, впадать въ нее смыслъ, предусмотрѣнный законодателемъ. Въ ранній періодъ юридическаго развитія это стремленіе обусловлено консерватизмомъ юридическаго мышленія и протестающимъ оттуда консерватизмомъ его. Позднѣе оно порождается, хотя и значительно въ смягченной формѣ, безотчетнымъ желаніемъ юристовъ экономизировать свой трудъ. Игнорируя всякое самостоятельное творчество и свободную критику закона, прежняя догма по неволѣ должна была прибѣгать къ помощи названнаго приема. Чѣмъ работнѣе относились къ даннымъ формуламъ, тѣмъ болѣе нужды чувствовалось въ измѣненіи ихъ смысла путемъ искусственнаго толкованія ради примѣненія ихъ къ разрѣшенію живыхъ, но не предусмотрѣнныхъ закономъ столкновеній и удовлетво-

ренія новыхъ потребностей. Такимъ образомъ интерпретація in fraudem legis сдѣлалась скрытымъ элементомъ формально-логической догмы. Но присутствіе его вообще не соответствуетъ научному значенію догмы. Какъ отдѣлъ гражданскаго правосудія, она есть не иное что, какъ теоретическое судебное искусство. Путемъ теоретической переработки, формальной и матеріальной, она должна приготовить гражданскія правоопредѣленія къ примѣненію ихъ въ судѣ. Стоя не подъ положительнымъ правомъ, а надъ нимъ, догма не должна опасаться раскрывать его пробѣлы и другіе недостатки. Ей не зачѣмъ прикрывать ихъ. Одно открытое отношеніе догмы къ закону соответствуетъ ея научному значенію. Потому ей подобаеъ смѣлое констатированіе всѣхъ несовершенствъ закона и не менѣе смѣлое исправленіе и удаленіе ихъ путемъ самостоятельнаго формулированія новыхъ правоопредѣленій. Слѣдуетъ предоставить судебной практикѣ идти извилистымъ путемъ толкованія in fraudem legis, буде она не чувствуетъ себя способною къ путямъ болѣе прямымъ. — Такъ и поступаетъ г. Нерсесовъ въ своей книгѣ. Напримѣръ, на стр. 51 и слѣд., сочувствуя вполне институту договоровъ въ пользу третьихъ лицъ, онъ однако не дѣлаетъ никакой попытки навязать ихъ нашему дѣйствующему законодательству посредствомъ искусственнаго толкованія, но открыто заявляетъ, что „что касается до отечественнаго законодательства, то въ немъ не находится никакихъ овредѣленій о договорахъ въ пользу третьихъ“. Вслѣдъ за симъ рѣшенія судовъ, склонявшіяся на сторону подобныхъ договоровъ, разсматриваются г. Нерсесовымъ какъ выраженія самостоятельной попытки акклиматизировать у насъ этотъ институтъ. При общепризнанной крайней неполнотѣ нашего гражданскаго свода русскому юристу, даже юристу-практику, меньше, чѣмъ гдѣ либо, слѣдуетъ опасаться переступить предѣлы очарованной искусственной интерпретаціи. Самостоятельная и самодѣятельная судебная практика лишь одна еще служитъ залогомъ спасенія отъ золъ бѣднаго и спутаннаго закона. — Но не вездѣ г. Нерсесовъ остается вѣрнѣе самому себѣ. Развивая свое основное понятіе о представительствѣ, сущность котораго была приведена нами выше (раздѣленіе личностей контрагента и субъекта между двумя различными лицами), онъ находитъ, что для того, чтобы быть представителемъ, надо обладать условіями общей дѣеспособности къ совершенію гражданскихъ актовъ. „Отсюда само собой вытекаетъ, что представителемъ можетъ быть и несовершеннолѣтній, потому что лица, не достигшія полнаго гражданскаго совершеннолѣтія, тѣмъ не менѣе считаются способными къ гражданской дѣятельности вообще и ограничены только въ принятіи на себя обязательствъ безъ согласія попечителя“ (стр. 87--89). Авторъ полагаетъ, что этотъ взглядъ раздѣляется между прочимъ и русскимъ закономъ, подобно тому какъ онъ находится въ римскомъ, французскомъ и др. правахъ. Но такое предположеніе навязываетъ нашему закону искусственнымъ образомъ несвойственное ему воззрѣніе. Въ 220 ст., I ч., X т., которую авторъ думаетъ истолковать въ свою пользу, прямо запрещено несовершеннолѣтнему совершать безъ согласія попечителя акты и сдѣлки „какого либо рода“. Если судебная практика

ограничиваетъ смыслъ приведеннаго постановленія, то это ограниченіе принадлежитъ ей, а не закону.

На стран. III и слѣд. предисловія къ разбираемой здѣсь книгѣ находится выраженіе наиболѣ замѣчательной мысли всего сочиненія. Рядомъ съ элементомъ индивидуальныхъ интересовъ въ представительствѣ, по словамъ автора, проявляется и другая не менѣ важная сторона: предпочтеніе интересовъ общества интересамъ частныхъ лицъ. Въ виду интересовъ третьихъ лицъ, которыя чрезъ посредство этого института вступаютъ въ прамыя юридическія отношенія съ представляемымъ, правовыя послѣдствія, возникающія изъ сдѣлки, заключенной на основаніи представительнаго полномочія, не зависятъ отъ юридическихъ отношеній представляемаго и представителя, т. е. представительное полномочіе не зависимо отъ своей сауса. Мотивъ выдачи полномочія и даже способъ перехода его въ руки представителя (хотя бы помимо воли представляемаго) не вліяетъ на дѣйствительность сдѣлки. Третьи лица обязаны дѣйствовать только на основаніи содержанія представительнаго полномочія, — внѣшней, а не внутренней, скрытой отъ нихъ стороны представительства. „Если приходится дѣлать выборъ между интересами частнаго лица и дѣлаго общества, хотя бы въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ его, то не можетъ быть колебанія относительно того, кому изъ нихъ дать предпочтеніе“. Къ сожалѣнію авторъ не даетъ никакого дальнѣйшаго развитія этой важной мысли по отношенію ея къ представительству, и нельзя не попрекнуть г. Нерсесова за эту излишнюю сдержанность. Правильное развитіе идеи, едва затронутой имъ, возвысило бы значительно интересъ, представляемый его книгою, и подняло бы еще научное достоинство ея. На двухъ цитованныхъ выше страницахъ своей книги г. Нерсесовъ коснулся одного изъ самыхъ интересныхъ общихъ вопросовъ современной догмы. Анализъ идей, или, что то же, — особенностей, которыя руководили образованіемъ гражданскихъ институтовъ, составляетъ основную задачу юриспруденціи. Выполненіе этой задачи поведетъ къ новой, внутренней классификаціи системы гражданского права. Эта классификація вытѣснитъ собою сухую классификацію институтовъ по ихъ внѣшнему виду и вложитъ въ систему дѣйствительную жизнь. Принципъ формальной легитимациа, затронутый авторомъ, займетъ при новомъ порядкѣ, конечно, почетное мѣсто. Можетъ быть много непонятыхъ еще явленій соберутся въ одну группу, освѣщаемыя названнымъ принципомъ, и для многихъ спорныхъ вопросовъ современнаго права юристы-догматики и практики найдутъ въ немъ твердую точку опоры. Формальная легитимациа есть творящая идея настоящаго и будущаго. Потому было бы особенно интересно встрѣтиться съ общою или частною разработкою ея, — въ русской литературѣ полезною тѣмъ болѣе, что наша судебная практика весьма мало знакома съ нею. — Надо замѣтить только, что г. Нерсесовъ не совсѣмъ правильно передаетъ соціальное значеніе упомянутой идеи. Не слѣдуетъ отождествлять интересы третьихъ лицъ, о коихъ у него идетъ рѣчь, съ интересами общества. Правильнѣе придерживаться терминологіи, достаточно уже распространенной, которая говоритъ въ этомъ случаѣ объ интересахъ гражданского оборота. Дѣйствительно, только односторонніе интересы этого

последняго, — интересъ наибольшаго развитія быстрой общаго родятъ формальную легитимацию и др. подобныя принципы. Общественные интересы, взятые въ ихъ цѣломъ, могутъ и не гармонировать съ такими односторонними стремленіями, которыя легко затрогиваютъ и справедливость и нравственность и другія высшія принципы, состоящія подъ охраной общества.

На этомъ слѣдуетъ остановиться, ограничившись въ заключеніе нѣсколькими указаніями на частныя промахи, замѣченные нами въ книгѣ. На стран. 42 авторъ, упуская изъ виду мѣсто юстиніанова кодекса (Cod. 4, 27 l. 2), передаетъ неточно постановленіе римскаго права на случай, когда конкурировали права нѣсколькихъ господъ по сдѣлкѣ, совершенной ихъ общими работъ. На стран. 44 и 45 обнаруживаются небрежности при изложеніи ученія Теринга о рефлексивномъ дѣйствіи правъ. Именно, въ двухъ мѣстахъ содержаніе этого дѣйствія характеризовано узко, какъ проявленіе нѣкоторыхъ „юридическихъ“ послѣдствій (стр. 44), или приобрѣтеніе „правъ“ (стр. 45); въ примѣрахъ же, которые приведены тамъ же, указываются и фактическія послѣдствія. На ст. 47 и 48 къ тремъ случаямъ договоровъ въ пользу третьихъ лицъ (въ римскомъ правѣ) надо было бы прибавить еще четвертый случай: именно, договоръ въ пользу наследника одного изъ контрагентовъ. На стр. 79 вмѣсто выраженія „неправоспособнымъ къ совершенію тѣхъ дѣйствій, на которыя его уполномочиваютъ“, было бы желательно видѣть выраженіе „недѣеспособнымъ“. Въ русской литературѣ принято замѣнять этотъ послѣдній терминъ терминомъ, который употребленъ авторомъ. Но было бы рациональнѣе сохранить строго различіе, соответствующее нѣмецкому различію Rechts- и Handlungsfähigkeit. Наконецъ, на стр. 165 и слѣд., говоря объ исторіи добровольнаго представительства, авторъ ссылается на такіе случаи исторіи русскаго права, которые принадлежатъ къ необходимому представительству.

.Сергій Муромцевъ,

ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЦЕРКОВЬ.

Греческіе номоканоны, Цахаріэ фонъ-Лингенталъ. (Die Griechischen Nomokanones. Von E. Zachariä von Lingenthal. St.-Petersburg. 1877. S. 18. 4°).

Это — отдѣльный оттискъ весьма любопытной и важной для исторіи источниковъ права греческой и русской церкви статьи, принадлежащей извѣстному ученому юристу-византологу и помѣщенной въ мемуарахъ нашей академіи наукъ. (Т. XXIII, № 7). Существенная цѣнность новой ученой работы маститаго члена-корреспондента нашей академіи наукъ состоитъ въ томъ, что ею окончательно разрѣшается вопросъ о происхожденіи и существованіи въ церкви, до раздѣленія ея на восточную и западную, такъ называемаго номоканона изъ XIV титуловъ въ до-Фотіевской редакціи, и о составѣ этой редакціи. Благодаря ученымъ изслѣдованіямъ Винера, Геймбаха, Мортрейля, Петри, Гергенрэттера и Павлова, несомнѣнно доказано, что составленіе такъ называемаго Фотіева номоканона не принадлежитъ вполнѣ знаменитому патриарху, что номоканонъ XIV титуловъ существовалъ прежде патриарха Фотія и что Фотій могъ лишь дополнить трудъ неизвѣстнаго составителя прибавленіемъ къ нему правилъ и законовъ, изданныхъ въ Грекоримской имперіи послѣ VI-го вѣка. По изслѣдованіямъ проф. Павлова, номоканонъ XIV титуловъ въ до-Фотіевой редакціи перешелъ въ Россію въ самые первые вѣка русской церкви и былъ долгое время въ употребленіи. Но всѣ изслѣдованія упомянутыхъ ученыхъ опирались по преимуществу на указанія на внутреннее содержаніе предисловія и состава номоканона фотіевской редакціи. Между тѣмъ профессоръ Цахаріэ отыскалъ въ лондонской бодлеяновской библіотекѣ греческую рукопись, содержащую въ себѣ номоканонъ XIV титуловъ въ до-фотіевской редакціи; благодаря этой находкѣ, составилъ разсматриваемую статью о греческихъ номоканонахъ и такимъ образомъ окончательно рѣшилъ вопросъ о времени происхожденія номоканона XIV титуловъ въ VI вѣкѣ и о дополненіяхъ, произведенныхъ въ немъ въ послѣдующія времена. Въ статьѣ своей Цахаріэ излагаетъ кратко исторію греческихъ номоканоновъ, начиная съ номоканона изъ XIX титуловъ (VI вѣка) и кончая номоканономъ Мануила Малавсы (въ XVI вѣкѣ). Содержаніе

статья Цахарія есть результатъ всѣхъ предшествующихъ ученыхъ изслѣдованій предмета и служитъ сжатимъ выраженіемъ современнаго положенія его въ наукѣ.

Ипатріархъ и царь, В. Пальмера. (The Patriarch and the Tsar. By William Palmer. Vol. I—VI, London, 1871—1876. Vol. I, 1871 p. XXXIX + 673; vol. II, 1873, LXXVIII + 554; vol. III, 1873, p. LXVI + 557; vol. IV—VI, 1876, p. LXXVII + 1656 + 326).

Этотъ трудъ Пальмера, посвященный исключительно изслѣдованію историческаго значенія русскаго патріарха Никона, изумляетъ русскаго читателя своею внѣшнею обширностію и многотомностію, необычайною преданностію автора излюбленному имъ предмету, громаднымъ богатствомъ собранныхъ въ немъ матеріаловъ и по истинѣ британскою эксцентричністію направленія.

Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ было извѣстно въ нѣкоторыхъ кружкахъ русскаго общества, что англичанинъ Пальмеръ питаетъ благоговѣйное уваженіе къ русскому патріарху Никону и съ чрезвычайнымъ усердіемъ собираетъ матеріалы, относящіяся до его жизни и времени патріаршества. И нельзя не отдать справедливой дани глубокаго уваженія необычайной настойчивости, съ которою авторъ въ теченіи сорока лѣтъ посвящалъ избранному имъ предмету свои изслѣдованія, время и всѣ труды. Авторъ, кажется, ничего не щадилъ для собранія матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ его изслѣдованію. Онъ предпринималъ для этого далекія путешествія въ Россію, въ Константинополь, Римъ, Каиръ; проживалъ нѣсколько разъ долгое время въ Москвѣ, С.-Петербургѣ и Каирѣ если не исключительно, то главнымъ образомъ для ученыхъ занятій по избранному имъ предмету; входилъ въ сношенія и сложную переписку съ многочисленными лицами различныхъ національностей, живущими въ разныхъ частяхъ свѣта—въ Европѣ, Азій и Африкѣ; старался добыть себѣ все, что только гдѣ либо сохранилось печатнаго и письменнаго на какомъ бы то нибыло языкѣ относительно патріарха Никона; пользовался сочиненіями и рукописями на разныхъ языкахъ; боролся съ многочисленными затрудненіями въ своей работѣ съ завидною выдержкою, достойною истаго британца. *Шесть* объемистыхъ томовъ Пальмера о Никонѣ составляютъ результатъ сорокалѣтнихъ его трудовъ!

По богатству собранныхъ матеріаловъ относительно патріарха Никона, трудъ г. Пальмера капитальный и ничѣмъ незамѣнимый. Въ шести томахъ такъ много соединено матеріаловъ, что все сочиненіе представляется скорѣе сборникомъ ихъ, чѣмъ учено-литературнымъ историческимъ изслѣдованіемъ. Матеріалы подавляютъ вниманіе читателя, который желалъ бы не опускать изъ виду возрѣній автора: для одного прочтенія матеріала требуется усидчивость и терпѣливость кабинетныхъ людей въ теченіи многихъ и многихъ мѣсяцевъ. Ни одинъ изслѣдователь исторіи Россіи за вторую половину XVII вѣка и первую XVIII

вѣка не можетъ и не долженъ обходить труда Пальмера безъ внимательнаго отношенія къ собранннмъ въ немъ свѣдѣннямъ. Имъ въ первый разъ издаются многія такія сочиненія, которыя оказались доступными въ рукописяхъ только Пальмеру и которыя теперь стали достояніемъ всякаго, умѣющаго читать по англійски.

Что касается плана, по которому расположено содержаніе труда Пальмера, то все шеститомное сочиненіе раздѣляется на два главные отдѣла. Въ *первомъ* трехъ томахъ, составляющихъ первый отдѣлъ труда, помѣщены почти исключительно источники и матерьялы, которыми авторъ пользовался при своемъ изслѣдованіи; только въ предисловіи, помѣщенномъ при первомъ и второмъ томахъ, излагаются общія воззрѣнія автора на значеніе патріарха Никона въ исторіи русской церкви и сообщаются любопытныя свѣдѣнія о томъ—какъ, когда, гдѣ и черезъ кого авторъ досталъ издаваемые имъ матерьялы. Во *второмъ* отдѣлѣ, состоящемъ изъ остальныхъ трехъ томовъ, главнымъ образомъ изображаются „заслуги патріарха Никона церкви и государству своей страны и ихъ вознагражденіе образованіемъ исключительно національной или государственной церкви въ Россіи, съ присовокупленіемъ изложенія тѣхъ наказаній, частныхъ и публичныхъ, которыя были предсказаны Никономъ и которыя дѣйствительно послѣдовали“; но и въ этомъ отдѣлѣ, какъ въ приложеніяхъ, такъ и въ текстѣ, помѣщено весьма много сыраго матерьяла.

Въ частности, содержаніе отдѣльныхъ томовъ слѣдующее:

Весь *первый* томъ, за исключеніемъ небольшого предисловія и приложеній, состоящихъ изъ выписокъ изъ печатной кормчей книги, переведенныхъ на англійскій языкъ, занятъ „Возраженіями патріарха Никона на вопросы боярина Семена Стрешнева, написанныя къ газскому митрополиту Пансію Лихаридису, и на отвѣты Пансія“. „Возраженія“ п. Никона въ цѣлости еще не напечатаны на русскомъ языкѣ и до сихъ поръ могутъ быть доступны въ рукописи развѣ только такимъ иностранцамъ, какъ Пальмеръ, или очень авторитетнымъ немногимъ русскимъ ученымъ. Честь и слава настойчивому англичанину: онъ не только отыскалъ „Возраженія“ въ русскомъ архивѣ, для русскихъ ученыхъ не доступномъ, но списалъ ихъ цѣликомъ, перевелъ ихъ на англійскій языкъ и отпечаталъ вполне. Свѣрить вѣрность и качества перевода г. Пальмера мы не можемъ; потому что на русскомъ языкѣ до сихъ поръ отпечатана лишь незначительная часть „Возраженій“ во II мѣ томѣ „Записокъ отдѣленія русской и славянской археологіи Русскаго Археологическаго Общества“. Спб., 1861, стр. 401 -- 658. Русскій изслѣдователь этихъ „Возраженій“ съ меньшимъ затрудненіемъ можетъ ознакомиться съ ними въ англійскомъ переводѣ, чѣмъ въ подлинникѣ. Во *второмъ* томѣ, помѣщены „свидѣтельства, касающіяся патріарха Никона, царя Алексѣя Михайловича и бояръ, извлеченныя изъ сочиненія о путешествіи антиохійскаго патріарха Макарія (въ Россію), — написаннаго на арабскомъ языкѣ съмыомъ его, алепскимъ архидакономъ Павломъ“, и отпечатаннаго въ переводѣ на англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ въ 1836 году; къ этому тому приложены въ переводѣ многочисленныя извлеченія изъ Оларія и русскихъ сочиненій С. М. Соловьева, преосв. Макарія и др. — о разныхъ сторонахъ церковной и государственной жизни

Россіи во второй половинѣ XVII вѣка. Въ *третьемъ* томѣ въ англійскомъ переводѣ напечатаны: 1) „Исторія осужденія патріарха Никона“, написанная гавскимъ митрополитомъ Палсіемъ и переведенная г. Пальмеромъ, и 2) разные акты и документы, содержащіе въ себѣ изложеніе фактовъ по дѣлу Никона.

Самое изслѣдованіе Пальмера, помѣщенное въ IV—VI томахъ, раздѣляется на три части. Въ первой части (т. IV стр. 1—116) изображаются „заслуги патріарха Никона церкви и государству своей страны“. Въ этомъ изображеніи Пальмеръ пользуется почти исключительно сочиненіемъ о Никонѣ священника С. Михайловскаго (Сибурзь, 1863 г.), котораго онъ неврѣно называетъ іеромонахомъ Александроневской лавры. Во *второй* части (т. IV, стр. 117—752), озаглавленной „вознагражденіе патріарху Никону за его услуги со стороны государства и церкви“ весьма подробно изложена исторія отношеній къ патріарху государя, бояръ, церковныхъ соборовъ, іерарховъ и исторія его осужденія на соборѣ и ссылки. Въ *третьей* части, помѣщенной въ V и VI томахъ стр. 753—1665 подъ заглавіемъ „Замѣчанія о наказаніяхъ, частныхъ и общественныхъ“, постигшихъ отдѣльныхъ лицъ — враговъ Никона, царя и его семейство, русское государство и церковь за патріарха Никона. Эта часть — курьезная во многихъ отношеніяхъ. Происхожденіе всѣхъ почти явленій государственной и церковной жизни русской въ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка Пальмеръ объясняетъ наказаніемъ Божиимъ, постигшимъ Россію за патріарха Никона.

По направленію и характеру воззрѣній, трудъ Пальмера — эксцентричный. Въ исторіи Никона онъ видитъ борьбу между церковью и государствомъ. Въ своихъ наблюденіяхъ за исторією этой борьбы Пальмеръ стоитъ на точкѣ зрѣнія римско-католическаго ультрамонтанина, которому представляется, что Никонъ будто бы стремился сдѣлаться главою русской церкви въ смыслѣ чисто католическомъ и затѣмъ ввести русскую церковь въ зависимость отъ „главы всей церкви“, т. е. папы. Эксцентричность воззрѣній Пальмера на дѣло Никона, проведенныхъ имъ въ его изслѣдованіи, наглядно и характерно выражена самимъ авторомъ сочиненія „Патріархъ и царь“. Въ началѣ каждаго изъ шести томовъ своего изданія, на особомъ листѣ, въ видѣ эпитафіи къ своему труду, Пальмеръ крупнымъ шрифтомъ напечаталъ: „патріархъ противъ царя, церковь противъ государства, Смирна и Филадельфія противъ Пергама и Лаодикии, терпѣніе и любовь противъ насилія и нечестія, Воскресенскъ и Новый Іерусалимъ противъ Вавилона и Антихриста“.

Авторъ разсматриваемаго труда почтилъ одну изъ нашихъ работъ („Монастырскій Приказъ“), 1868 г. весьма внимательнымъ изученіемъ, многочисленными выдержками въ пользу своихъ изслѣдованій (напр. т. IV стр. 380—499) и обширнымъ обзоромъ ея содержанія (т. V, Прилож. стр. 128—143). Но, при всей нашей признательности къ г. Пальмеру за такое вниманіе къ нашей работѣ, мы должны сознаться, что ни общихъ воззрѣній автора на „кризисъ“, происшедшій въ дѣлѣ патріарха Никона съ русскою церковію и государствомъ, ни частныхъ его объясненій различныхъ фактовъ исторіи русскаго государства и

русской церкви въ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка, мы не можемъ признать основательными, вѣрными и правильными въ научномъ отношеніи. Полагаемъ, что и всякій изъ русскихъ православныхъ читателей найдетъ возрѣнія Пальмера, по меньшей мѣрѣ, эксцентричными. Но оспаривать его возрѣнія, когда онъ трудился надъ своимъ предметомъ около 40 лѣтъ, мы находимъ въ настоящей библиографической замѣткѣ совершенно неумѣстнымъ. Съ другой стороны, — игнорировать въ русской печати трудъ иностранца, стоявшій 40-лѣтнихъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію важнаго эпизода русской исторіи, и заключающій въ себѣ чрезвычайное богатство историческаго матеріала, было бы совѣстно для русскаго общества. Мы съ глубокимъ уваженіемъ относимся къ трудолюбію и настойчивости Пальмера, обнаруженнымъ имъ въ дѣлѣ изслѣдованія судьбы п. Никона, — но возрѣнія автора не могутъ возбуждать ни малѣйшаго сочувствія въ русскомъ обществѣ.

Современное состояніе Римско-католической церкви во Франціи.

Очеркъ аббата *Мишо*, переработанный *Готманомъ* въ виду особенныхъ отношеній Германіи. (Der gegenwärtige Zustand der Römisch-katholischen Kirche in Frankreich. Geschildert von Abbé Dr. E. *Michaud*. Unter Berücksichtigung der einschlägigen Verhältnisse Deutschlands bearbeitet von Fr. *Hoffmann*. Bonn. 1876, S. VI + 437).

Со времени Ватиканскаго собора римско-католическая церковь поставила себя во враждебныя отношенія къ современной европейской цивилизаціи, противъ которой объявила рѣшительную и упорную борьбу во имя всемірнаго владычества римскаго епископа, провозглашеннаго ею „непогрѣшимымъ“ главою всего христіанскаго міра. Такое положеніе папы долгое время подготовлялось и создано въ наше время іезуитско-ультрамонтанскою партіею, получившею въ теченіи нынѣшняго столѣтія преобладаніе въ римско-католической церкви. Къ удивленію всего міра, эта партія имѣетъ въ наше время особенное значеніе во Франціи, — въ странѣ, въ которой въ прежнія времена, въ теченіи многихъ столѣтій, съ мужествомъ и отличнымъ успѣхомъ отстаивались противъ папы знаменитыя „вольности Галликанской церкви“ (*Libertés de l'église Gallicane*).

Въ нынѣшнемъ столѣтіи не осталось во французской церкви ни малѣйшаго слѣда отъ этихъ вольностей. Галликанизмъ совершенно подавленъ и почти бесслѣдно истребленъ въ предѣлахъ Франціи іезуитско-ультрамонтанскою партіею. Эта партія не только приобрѣла здѣсь преобладающій вѣсъ, значеніе и господство въ религіозной и церковной жизни римско-католическаго общества, но превратилась въ сильную политическую партію, извѣстную подъ именемъ клерикальной, и пользуется опаснымъ для республики значеніемъ въ народной жизни и въ общественномъ строѣ страны. Положеніе французской клерикальной партіи въ странѣ имѣетъ вліяніе не только на всѣ стороны внутренней политики французскаго правительства, но и на международныя отношенія

французскаго народа, въ особенности къ Германской Имперіи и Италіи, а также и къ тѣмъ государствамъ, въ предѣлахъ которыхъ римско-католическая церковь сознаетъ въ себѣ силы—принимать участіе въ политической дѣятельности. Въ виду такого современнаго значенія іезуитско-ультрамонтантской партіи во Франціи, — а эта партія имѣетъ преобладаніе во всей римско-католической церкви, — въ высшей степени любопытно и во многихъ отношеніяхъ важно и полезно точное и подробное разъясненіе исторіи, существа, организаціи, способовъ дѣятельности, стремленій и отношеній римско-католической церкви во Франціи для всѣхъ, наблюдающихъ за современнымъ состояніемъ Европы, лицъ всѣхъ странъ вообще, не исключая и Россіи. Озаглавленная книга представляетъ весьма обстоятельное и многостороннее изображеніе современнаго состоянія іезуитской партіи во Франціи, отчасти въ Германіи и Англіи. Книга эта совершенно необходима для всякаго, кто по какимъ либо причинамъ интересуется знанъ современное состояніе римско-католической церкви во Франціи. Первоначальный авторъ книги — аббатъ Мишо, извѣстный французскій писатель и публицистъ; по религіознымъ воззрѣніямъ, онъ — даровитѣйшій представитель современныхъ галликановъ, число которыхъ въ настоящее время во Франціи крайне незначительно и которые не имѣютъ ни самостоятельной организаціи, ни особеннаго вѣса въ отечествѣ. Мишо нѣсколько десятковъ лѣтъ изучаетъ отечественную церковь; весьма подробно, всесторонне, исторически, теоретически и практически знакомъ съ ея состояніемъ и скорбитъ объ ея положеніи, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ приверженцемъ національныхъ принциповъ галликанства. Нѣмецъ Гофманъ переработалъ книгу г. Мишо: удержавъ ея характеръ и большую часть содержанія, онъ дополнилъ ее указаніями на такія явленія въ римско-католической церкви въ предѣлахъ Германіи, которыя совершенно сходны и однородны съ явленіями во Франціи и которыми вполне подтверждаются выводы, наблюденія и замѣчанія аббата Мишо о стремленіяхъ ультрамонтанско-іезуитской партіи.

Въ переработкѣ г. Гофмана сочиненіе Мишо, кромѣ введенія, состоитъ изъ 20-ти главъ. Во введеніи излагается вкратцѣ исторія паденія галликанства и усиленія іезуитской партіи во Франціи въ текущемъ столѣтіи. Въ книгѣ разъясняется организація этой партіи какъ въ церкви, такъ и въ обществѣ; наглядно показывается, что римско-католическая церковь во Франціи въ настоящее время, по своему существу и устройству, есть ничто иное, какъ организованная политическая партія, справедливо называемая іезуитскою или клерикальною; доказываются фактами и положеніями, что эта партія — крайне вредна для внутренняго развитія и порядка государства и опасна для мирныхъ международныхъ отношеній. Затѣмъ авторъ характеризуетъ эту партію „антинациональною“, враждебною, по своему космополитизму, патристическимъ чувствамъ и стремленіямъ народовъ, свободѣ мысли, слова, гражданской и народной жизни. Въ нѣсколькихъ главахъ книги изображается положеніе этой партіи по законодательствѣ и на практикѣ и разъясняется, какъ эта партія находитъ и поддерживаетъ своихъ приверженцевъ между лицами, состоящими на службѣ государственной, въ

войскѣ, въ населеніи деревенскомъ и городскомъ, среди рабочихъ и образованныхъ людей, и какъ она дѣйствуетъ чрезъ женщинъ. Средствами для достиженія партіею ея цѣлей служатъ религія, церковь, литература періодическая, учебная и назначенная для чтенія престога народа, школы, религиозныя процессіи, открытіе чудесъ, благотворительныя учрежденія, образование вспомогательныхъ кассъ, основаніе различныхъ союзовъ и т. п. Въ примѣненіи этихъ средствъ къ жизни она крайне хитро эксплуатируетъ либеральныя наклонности и національныя особенности французскаго народа. Дѣйствуя въ достиженіи своихъ цѣлей положительно, іезуитская партія умѣетъ бороться съ своими врагами настойчиво, неустанно и ловко. Въ заключительной главѣ книги указываются слабыя и крѣпкія стороны партіи.

Книга написана бойко и читается съ интересомъ и весьма легко. Она отличается, по преимуществу, публицистическимъ характеромъ; но можетъ служить облегчительнымъ и занимательнымъ пособіемъ и для ученаго изслѣдованія предмета, въ ней описаннаго.

О нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ церковнаго права и политики. Д-ра *Цорна*. (Ueber einige Grundfragen des Kirchenrechts und der Kirchenpolitik. Von Dr. Ph. Zorn. Bern, 1876, S. 97).

Важнѣйшія новыя церковно-государственныя узаконенія Германской Имперіи, Австріи, Швейцаріи и Италіи, собранныя и введеніемъ снабженныя д-ромъ *Цорномъ*. (Die wichtigsten neueren kirchenstaatsrechtlichen Gesetze Deutschlands, Oesterreichs, der Schweiz und Italiens, gesammelt und mit Einleitung versehen von Dr. Ph. Zorn. Nördlingen. 1876. S. 190).

Государство и церковь въ Швейцаріи. Докт. *Гарейса* и докт. *Цорна*. (Staat und Kirche in der Schweiz. Von Dr. K. Gareis und Dr. Ph. Zorn. Zürich, I B. 1 Abth., 1877, S. VII+256; 2 Abth., 1878, S. 257—673; II B. 1878, S. 260+XCVII).

Сочиненія, заглавія которыхъ здѣсь обозначены, составляютъ одинъ цѣльный капитальный трудъ, изображающій швейцарское церковное право въ его исторіи, въ современномъ состояніи и въ сравненіи съ новѣйшими законодательствами Германіи и Италіи. Этотъ трудъ составленъ сколько для научныхъ, столько же и для практическихъ цѣлей. При его составленіи и изданіи, профессоръ Бернскаго университета пользовался содѣйствіемъ союзнаго швейцарскаго правительства, матеріальнымъ и нравственнымъ. Въ этомъ трудѣ выразилось современное состояніе въ Швейцаріи церковнаго права, какъ въ смыслѣ науки, такъ въ его существѣ и въ осуществленіи въ законодательствѣ и жизни. Поэтому этотъ трудъ является ничѣмъ незамѣнимымъ пособіемъ и руководствомъ для знакомства съ историческимъ и современнымъ состояніемъ церковнаго права въ Швейцаріи.

Поведомъ къ составленію означенныхъ сочиненій послужила ревизія законодательства объ юридическомъ положеніи церкви въ Швейцаріи, произведенная союзнымъ правительствомъ въ 1874 году и окончившаяся коренною реформою государственнаго законодательства по этому предмету во всѣхъ кантонахъ союзаго государства.

Необходимость ревизіи юридическаго положенія различныхъ вѣроисповѣданій въ Швейцаріи сознавалась въ обществѣ и правительствѣ съ давнихъ поръ. Результаты ватиканскаго собора дали рѣшительный толчокъ правительству — приступить къ этой ревизіи.

До 1874 года Швейцарія представляла въ высшей степени любопытное явленіе со стороны чрезвычайнаго разнообразія системъ отношеній между церковью и государствомъ на небольшомъ географическомъ пространствѣ. Въ этихъ отношеніяхъ каждый кантонъ держался до 1874 года своей, независимой отъ союзаго правительства, системы. Одни кантоны были своего рода „теократическими государствами“, въ которыхъ недопускалось никакого другаго вѣроисповѣданія, кромѣ католическаго, и которыя находились во всѣхъ управленіяхъ государственной жизни подъ сильнымъ гнетомъ римской куріи и мѣстныхъ іерарховъ, ея назначаемыхъ; въ другихъ кантонахъ господствовала система равноправности (Paritäts-Systeme) двухъ церквей—католической и протестантской, изъ которыхъ каждая считалась государственною церковью (Staats-Kirche); въ иныхъ кантонахъ пробуждалось и въ различныхъ степеняхъ достигало успѣховъ чрезъ государственное законодательство стремленіе къ образованію свободной церкви въ государствѣ (Freikirchentum). Въ каждой изъ трехъ группъ, къ которымъ можно было подводить всѣ кантоны Швейцаріи съ точки зрѣнія вопроса объ отношеніи между церковью и государствомъ, были разнообразныя частныя видоизмѣненія упомянутыхъ системъ. Союзное правительство, при производствѣ въ 1874 году ревизіи церковнаго права въ вопросѣ объ отношеніи между церковью и государствомъ, приняло въ основу церковной реформы слѣдующіе принципы: 1) узаконить свободу совѣсти, вѣроисповѣданій и религиозныхъ обществъ во всѣхъ кантонахъ Швейцаріи; 2) установить независимость отъ принадлежности къ религіи гражданскихъ и политическихъ правъ всѣхъ гражданъ союза; 3) предоставить союзному правительству верховныя и неотчуждаемыя права въ церковномъ законодательствѣ и устранить вліяніе на это законодательство иностранной власти т. е. римской куріи, и 4), ввести общее законодательство о церкви во всѣхъ кантонахъ республики, взамѣняъ частныхъ, существовавшихъ съ давнихъ временъ въ каждомъ изъ нихъ. Всѣ эти принципы проведены въ новомъ законодательствѣ о свободѣ вѣроисповѣданія, совѣсти и религиозныхъ союзовъ, о брачномъ правѣ и объ отношеніи государства къ религиознымъ обществамъ.

Реформа въ законодательствѣ объ означенныхъ предметахъ была подготовлена научною разработкою матеріаловъ, относящихся до исторіи и дѣйствующаго права въ Швейцаріи, совершена была при освѣщеніи ея новѣйшими юридическими воззрѣніями и со вниманіемъ къ опытамъ въ другихъ государствахъ, и въ изложенныхъ сочиненіяхъ г. Цорна оправдывается, разъясняется и возводится къ научному сознанію читателей.

Такимъ образомъ сочиненія Цорна имѣютъ значеніе и научное, и для Швейцаріи — политическое.

Въ первомъ изъ означенныхъ сочиненій разъясняется и сопоставляется ученіе римско-католической церкви о государствѣ и объ отношеніяхъ ея къ другимъ вѣроисповѣданіямъ съ современнымъ наиболѣе распространеннымъ ученіемъ политическихъ и юридическихъ наукъ объ отношеніи государства къ религиознымъ обществамъ. Брошюра написана въ оправданіе перемѣны, произведенной въ 49 и 66 ст. основныхъ законовъ Швейцарской республики закономъ 29 мая 1874 года и имѣвшей послѣдствіемъ реформу отношеній государства къ римско-католической церкви. Во второмъ трудѣ г. Цорна предложены законы разныхъ странъ, въ которыхъ выразились опыты реформъ въ отношеніяхъ государства къ церкви, подлежавшихъ законодательной реформѣ Швейцарской республики въ 1874-мъ году. Третій трудъ Цорна, составленный имъ при соучастіи профессора Гарейса, — самый главный и обширный изъ указанныхъ, представляетъ подробное „изложеніе союзнаго и кантональнаго церковно-государственнаго права съ обращеніемъ особеннаго вниманія на развитіе его въ новѣйшее время и на столкновенія, происходившія въ послѣдніе годы между государствомъ и римско-католическою церковью.“ Въ этомъ сочиненіи изложена цѣлая система церковнаго права Швейцаріи съ точки зрѣнія права государственнаго. Сочиненіе состоитъ изъ введенія и пяти отдѣловъ. Введеніе (стр. 1—34) изъясняетъ задачу труда, излагаетъ общія теоретическія понятія объ отношеніяхъ между церковью и государствомъ и перечисляетъ источники швейцарскаго церковнаго права. Въ первомъ отдѣлѣ (стр. 35—155) изложено общее право союзнаго государства касательно отношеній между государствомъ и церковью, установленное въ 1874 году; во второмъ (стр. 156—673) — право отдѣльныхъ кантоновъ о томъ же предметѣ; въ третьемъ (т. II, стр. 1—224) представлено юридическое положеніе католическихъ епископовъ, которые по росписанію римской курии обладаютъ юрисдикціею въ предѣлахъ Швейцаріи и изъ которыхъ одни признаются со стороны государства, другіе — остаются непризнаваемыми; въ четвертомъ (стр. 225—227) отдѣлѣ указаны общія отношенія между государствомъ и евангелическою церковью по законодательству Швейцаріи; въ пятомъ и послѣднемъ (стр. 228—260) разъяснено юридическое положеніе „свободныхъ церквей“ въ предѣлахъ республики. Въ каждомъ отдѣлѣ предметъ излагается въ историческомъ его развитіи и въ современномъ состояніи по началамъ законодательства 1874 года, съ указаніемъ перемѣнъ, произведенныхъ новѣйшею реформою въ правѣ, дѣйствовавшемъ до 1874 года, и съ сравненіемъ права другихъ странъ, въ которыхъ приняты тѣже начала въ отношеніяхъ между церковью и государствомъ. Въ книгѣ г. Цорна приведены въ текстѣ, подъ строками и въ приложеніяхъ многочисленныя документы, содержащіе въ себѣ матеріалы, объясняющіе исторію и дѣйствующее церковное право въ предѣлахъ республики. Такимъ образомъ сочиненіе г. Цорна и само по себѣ представляетъ весьма цѣнное приобрѣтеніе въ наукѣ, и даетъ много матеріаловъ для дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій о швейцарскомъ церковномъ правѣ.

Радикальный нѣмецкій социализмъ и христіанское общество. Опытъ изложенія социальнаго содержанія христіанства и социальныхъ задачъ христіанскаго общества на основаніи Новаго Завѣта, соч. *Тодта*. (Der radicale deutsche Socialismus und die christliche Gesellschaft. Von R. Todt. Wittenberg, 1877, S. XII + 479. Versuch einer Darstellung des socialen Gehaltes des Christenthums und der socialen Aufgaben der christlichen Gesellschaft auf Grund einer Untersuchung des Neuen Testaments).

Сочиненіе это составлено до покушеній противъ жизни германскаго императора и свободно отъ того тревоженія, которымъ проникнуты сочиненія о социализмѣ, вышедшія послѣ покушеній. Авторъ сочиненія, предлагаетъ критику общихъ началъ и частныхъ воззрѣній нѣмецкой социаль-демократической партіи на различные общественные вопросы. Основаніями для критики автора служатъ нравственные принципы Евангелія. „Кто желаетъ выразумѣть вопросъ о социалистахъ и содѣйствовать его разрѣшенію, — говоритъ г. Тодтъ, тотъ долженъ взять въ одну руку политическую экономію, въ другую литературу социалистовъ, и держать предъ глазами Новый Завѣтъ“. Съ этимъ убѣжденіемъ авторъ излагаетъ и сопоставляетъ принципы и воззрѣнія представителей социалистической партіи съ соответственными имъ по содержанію началами современной политической экономіи и съ христіанскимъ ученіемъ о законахъ нравственной жизни и обществъ.

Поводомъ къ этому сочиненію послужило для автора выраженное въ 1873 году одною богословскою газетою, издаваемою въ Берлинѣ, сознание необходимости имѣть въ литературѣ „изложеніе социальныхъ воззрѣній Новаго Завѣта“; это сознание чувствовалъ въ себѣ авторъ ранѣе заявленія берлинской газеты и изъ заявленія ея лишь убѣдился, что такое сознание есть выраженіе потребности христіанскаго общества въ Германіи. По вѣшнему построенію, сочиненіе г. Тодта состоитъ изъ введенія и четырехъ отдѣловъ.

Введеніе сочиненія, объяснивъ поводъ и побужденія, заставившія автора приступить къ составленію издаваемаго имъ труда, доказываетъ, что, по его убѣжденію, „лишь христіанская вѣра, христіанское государство и христіанское общество, могутъ съ успѣхомъ и побѣдоносно бороться съ социаль-демократіею“, и что въ борьбѣ съ нею безсильны и современный *либерализмъ*, низводящій религіозныя потребности человѣка до уровня или даже ниже экономическаго его благосостоянія, и опасяющійся потерять свое значеніе и власть въ обществѣ, — и *юдаизмъ* какъ талмудическій, такъ и рационалистическій, лишаящій приверженцевъ своихъ съ одной стороны — справедливаго пониманія любви къ ближнимъ, съ другой — патриотическаго расположенія къ родинѣ, и въ то же время стремящійся къ интернаціональнымъ экономическимъ ассоціаціямъ, и непригодный для Европы *исламъ*. Но авторъ оговаривается, что подъ христіанствомъ онъ разумѣетъ не только церковь съ ея отправленіями въ ученіи, богослуженіи, управленіи, религіознонравственномъ попеченіи объ отдѣльныхъ лицахъ (*Seelensorge*) и въ организаціи благотворительной дѣятельности по закону любви, но проведеніе христіанскихъ нравственныхъ началъ во всѣхъ

разнообразныхъ областяхъ и отправленіяхъ жизни общественной и государственной, возбужденіе и полное, цѣлостное и систематическое, развитіе жизненныхъ силъ христіанскаго общества во всѣхъ видахъ человѣческой дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, по справедливому замѣчанію автора, церковь не должна быть „государственною церковью“, въ томъ видѣ, какъ старается держать ее либерализмъ, — „связанною по рукамъ и по ногамъ, съ замкнутыми устами, съ обязанностию быть угодною всемогущему владыкѣ — государству въ византійской формѣ“ (стр. 9), но она должна быть, согласно ея существу, свободнымъ организованнымъ воплощеніемъ живаго общества людей съ практическими христіанскими стремленіями въ жизни и дѣятельности, частной и общественной. Лишь въ истинно-христіанскомъ обществѣ, лишь въ христіанскомъ мировоззрѣніи на жизнь людей, по мнѣнію Тодта, возможно „справедливое“ разрѣшеніе тѣхъ социальныхъ вопросовъ, которые волнуютъ нынѣ всѣ страны Европы.

Въ первомъ отдѣлѣ своей книги (стр. 38—99) г. Тодтъ старается разъяснить существо социализма вообще и радикальнаго нѣмецкаго — въ частности и сопоставляетъ съ его возрѣніями нравственное ученіе Новаго Завета о тѣхъ отношеніяхъ жизни, въ которыхъ находитъ свое содержаніе радикальный социализмъ. При разъясненіи существа социализма, авторъ, изложивъ различныя опредѣленія, которыми характеризуютъ социализмъ во Франціи и Германіи, приходитъ къ положенію, что существо социализма въ его современномъ проявленіи состоитъ „въ стремленіи, посредствомъ новаго устройства общества и народнаго хозяйства, разрѣшать живо сознаваемое противорѣчіе между современнымъ экономическимъ состояніемъ общества и между опредѣленными идеалами, которые создались въ сознаніи нѣкоторыхъ классовъ современнаго народовасаленія“. Въ попыткахъ разрѣшенія указаннаго противорѣчія состоитъ содержаніе „соціального вопроса“, который заключаетъ въ себѣ совокупность нѣсколькихъ частныхъ экономическихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ современнымъ положеніемъ класса рабочихъ людей (вапр. о рабочей платѣ, о рабочихъ часахъ дѣтей, женщинъ и т. п.). Понимая въ указанномъ смыслѣ существо социализма и содержаніе соціального вопроса, г. Тодтъ говоритъ, что существованіе, во всѣхъ странахъ Европы социализма и соціального вопроса есть бесспорный фактъ. Но социалистическія стремленія и разрѣшеніе вопросовъ социальныхъ — въ разныхъ странахъ не одинаковы и отличаются тѣми или другими особенностями. Особенности нѣмецкой соціально-демократической партіи, по наблюденіямъ г. Тодта, состоятъ въ томъ, что она отличается наклоностію въ государственномъ строѣ къ республикѣ, въ общественно-экономическомъ — къ коммунизму, въ религіозномъ отношеніи — къ атеизму. Республика, по идеаламъ нѣмецкихъ соціально-демократовъ, имѣетъ состоятъ изъ совокупности многочисленныхъ промышленныхъ ассоціацій (коммунъ, союзовъ) и, по содержанію своихъ отправленій, должна быть исключительно „индустриальною“, промышленною. Коммунизмъ нѣмецкихъ соціально-демократовъ относится лишь до имущества и выгоды, получаемыхъ отъ производства ассоціацій, во не враждебенъ браку и семьѣ. Атеизмъ не требуется безусловно партією нѣмецкихъ соціально-демократовъ и, по своему характеру, совершенно такой же, какимъ отличаются и нѣмецкіе „либералы“. Въ религіозномъ отношеніи, по замѣчанію г. Тодта,

нѣтъ различія въ понятіяхъ либераловъ и социаль-демократовъ: они одинаково враждуютъ противъ религіи и принижаютъ христіанскія начала и стремленія и на этомъ поприщѣ сходятся между собою. — Воззрѣнія социалистовъ Тодтъ излагаетъ въ видѣ выдержекъ изъ сочиненій и періодическихъ изданій социаль-демократической партіи, съ цѣлью — избѣжать упрековъ въ неправильномъ пониманіи ихъ идей и съ намѣреніемъ показать, что приверженцы либеральной нѣмецкой партіи въ спорахъ съ социаль-демократами извращаютъ воззрѣнія своихъ противниковъ. — Разяснивъ существо социаль-демократическихъ стремленій, авторъ книги находитъ возможнымъ сопоставить эти стремленія и воззрѣнія съ началами христіанской вѣры. При этомъ сопоставленіи онъ находитъ, что христіанину, какъ и социалистахъ, не чуждо стремленіе къ лучшей судьбѣ, къ усовершенствованію своихъ отношеній среди людей и къ устраненію бѣдности и несчастій въ людяхъ; но цѣль и жизнь, по христіанскимъ воззрѣніямъ, не ограничиваются устройствомъ одного внѣшняго, экономического благосостоянія, которымъ исключительно заняты социаль-демократы, но понимаются несравненно шире и глубже и не уничтожаются смертію человѣка. Во взаимныхъ отношеніяхъ людей, по понятіямъ христіанскимъ, долженъ осуществляться законъ любви къ ближнимъ, а по понятіямъ социалистовъ — „солидарность экономическихъ интересовъ“, не освобождающая отдѣльныхъ лицъ отъ эгоизма. Критикуя социалистическія воззрѣнія, съ точки зрѣнія христіанскихъ началъ, авторъ старается показать, что социалисты вѣрише могли бы достигнуть улучшенія своего благосостоянія на основѣ любви къ ближнимъ и скорѣе могли бы устранить противорѣчія между нынѣшнимъ экономическимъ положеніемъ и идеаломъ будущаго, посредствомъ усвоенія и проведенія въ жизнь начала любви христіанской, чѣмъ не достижимой солидарностію личныхъ экономическихъ интересовъ всѣхъ и каждаго.

Во второмъ отдѣлѣ книги, самомъ обширномъ (стр. 100—368) и любопытномъ, авторъ ее подробно излагаетъ общіе „принципы радикальнаго социализма, главные выводы изъ нихъ и спеціальныя требованія социаль-демократической партіи отъ современнаго общества“. Въ социаль-демократическомъ ученіи—два главныхъ принципа: 1) общее равенство, свобода и братство въ экономическомъ, политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ, и 2) обращеніе частной собственности, состоящей въ недвижимостяхъ, и вообще въ рабочихъ средствахъ, въ общую собственность. Изъ двухъ принциповъ, въ ихъ проведеніи въ жизни, по мнѣнію социаль-демократовъ, должны происходить три главныя слѣдствія: 1) учрежденіе и развитіе промышленныхъ ассоціацій и общинной промышленности, 2) отиѣна рабочей платы (по найму) и замѣна ея полнымъ вознагражденіемъ за трудъ и 3) общее устраненіе бѣдности и возстановленіе общаго благополучія. — Авторъ книги излагаетъ ученіе социалистовъ объ исчисленныхъ предметахъ словами „вождей“ социализма — Лассала, Макса-Мюллера, Газенклевера, литературныхъ органовъ партіи, резолюцій и положеній, выставленныхъ и принятыхъ на извѣстнѣйшихъ и многочисленныхъ сходкахъ рабочихъ. Послѣ изложенія ученія социалистовъ о каждомъ изъ указанныхъ предметовъ въ отдѣльности, г. Тодтъ критикуетъ ихъ воззрѣнія съ точки зрѣнія политической экономіи и на основаніи наблюденій надъ явленіями дѣйствительной жизни;

въ своей критикѣ онъ отмѣчаетъ—что въ ученіи партіи составляетъ ошибку, неясность, недостатокъ и что заслуживаетъ вниманія на основаніи справедливости, и въ результатѣ сопоставляетъ принципы и положенія социалистическаго ученія съ началами христіанскаго ученія, показывая превъсходство и наибольшую въ отношеніи къ цѣлямъ социалистовъ справедливость, пригодность и практичность христіанскихъ началъ сравнительно съ социалистическими. Въ критическихъ своихъ приемахъ авторъ старается избѣгать тѣхъ недостатковъ, которыми отличается критика социалистическихъ воззрѣній со стороны приверженцевъ нѣмецкой либеральной партіи. Въ критическихъ приемахъ либераловъ (Ласкера и др.) Тодтъ видитъ лишь одну злость, досаду, брань, нахѣренное извращеніе и непониманіе социалистическихъ стремленій: такую критику онъ называетъ бесполезною и бесплодною въ результатахъ. Послѣ разъясненія и оцѣнки общихъ социалистическихъ принциповъ и выводовъ изъ нихъ, съ подробностію и ясностію Тодтъ излагаетъ „спеціальныя требованія радикальнаго нѣмецкаго социализма отъ современнаго общества“, а именно: относительно введенія прогрессивнаго подоходнаго налога, объ обезпеченіи безграничнаго права коалицій, опредѣленія нормальнаго рабочаго дня, о зауреченіи работъ въ праздники, объ устраниеніи дѣтей и женщинъ отъ фабричныхъ работъ, вредныхъ для ихъ здоровья и нравственности, объ изданіи охранительныхъ въ пользу рабочихъ законовъ, обезпечивающихъ имъ санитарныя и гигиеническія условія на фабрикахъ, заводахъ и т. д. Всѣ эти требованія изложены въ книгѣ Тодтъ въ формѣ резолюцій, принятыхъ на сходкахъ рабочихъ, и извлеченій изъ періодическихъ изданій социалистической партіи. При критикѣ этихъ требованій съ точки нравственности христіанскою, авторъ книги находитъ въ нихъ, съ одной стороны, много справедливаго и бесспорно подлежащаго удовлетворенію, съ другой — много притязательности, односторонности и несогласій съ здравымъ смысломъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ сочиненія (стр. 369—450) излагаются въ связи и послѣдовательности пункты „соціального ученія“ Новаго Завѣта и указывается—какія задачи въ реформахъ современнаго общества подлежатъ, по указанію изложеннаго ученія, государству, богатымъ классамъ населенія и немущимъ людямъ. Въ разъясненіи этихъ задачъ заключается существо и названіе всей книги. Съ реформами, предлагаемыми авторомъ въ его книгѣ на началахъ ученія Новаго Завѣта, сравниваются программы разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ, выставляемыя партіями либеральною, консервативною, христіанско-социалистическою и соціально-консервативною, и при этомъ авторъ находитъ, что всѣ эти программы во многихъ отношеніяхъ несостоятельны. Въ заключеніе отдѣла авторъ книги выражаетъ надежду, что справедливое разрѣшеніе всѣхъ соціальныхъ вопросовъ воспослѣдуетъ лишь при условіи возстановленія въ наше время такого общественнаго организма, который утверждался бы на нравственно-номъ ученіи Новаго Завѣта, то есть, — истинно христіанской общины или церкви.

Въ четвертомъ и послѣднемъ отдѣлѣ (стр. 451—479) книги авторъ разсматриваетъ отношенія между евангелическою церковію и нѣмецкимъ радикальнымъ социализмомъ и находитъ, что первая относится къ социалисти-

чекимъ движеніямъ то совершенно враждебно, то индифферентно; такія отношенія авторъ книги энергически порицаетъ, выходя изъ убѣжденія, что въ началахъ ученія христіанскаго, содержимаго евангелической церковью, заключается единственный и самый надежный руководительный указатель для установленія вѣрныхъ жизненныхъ отношеній въ современномъ мірѣ, въ которомъ и теперь накопилось много бѣдъ, опасностей и затрудненій и которому неотвратимо грозятъ въ близкомъ будущемъ еще большія бѣдствія и несчастія. Сличая отношенія евангелической церкви къ социалистическимъ движеніямъ съ отношеніями къ нимъ римско-католической церкви, г. Тодтъ разъясняетъ, что послѣдняя дѣйствуетъ несравненно съ большею энергіею въ установленіи и развитіи своего вліянія среди массъ, чѣмъ первая. Римско-католическая церковь учредила въ Германіи множество различныхъ союзовъ (*Vereine*) и установленій, для проведенія своего вліянія въ социалистическихъ кружкахъ, а именно: католическіе товарищескіе союзы, союзы мастеровъ, подмастерьевъ, молодыхъ рабочихъ, крестьянскіе союзы, христіанско-соціальныя попечительства о рабочихъ, различныя кассы и т. п. Но эта церковь, по началамъ своего устройства, несравненно менѣе способна содѣйствовать учрежденію, поддержанію и развитію всѣхъ подобныиъ установленій, чѣмъ евангелическо-лютеранская. Лютеранская церковь, по началамъ своего вѣроученія, по преимуществу церковь *общинная*. Всякой приходъ этой церкви — община; общины эти могутъ быть въ тѣсномъ взаимномъ общеніи; изъ совокупности ихъ могутъ и должны группироваться союзы общинъ, изъ которыхъ, въ свою очередь, слагается дѣльное церковное общество на опредѣленной территоріи. Соответственно такой организаціи лютеранской церкви, весьма удобно могутъ организоваться общества или союзы для практическаго разрѣшенія социальныиъ вопросовъ, подъ вліяніемъ евангелическаго ученія, въ которомъ замѣчаются справедливыя основанія начала для ихъ разъясненія и которое, поэтому, должно разъясняться въ виду современныхъ нуждъ жизни людей обществъ.

Съ книгою г. Тодтъ обратившею на себя большое вниманіе въ Германіи, полезно ознакомиться и русской публикѣ.

Исторія нѣмецкаго церковнаго права, д-ра Ленинга (*Geschichte des Deutschen Kirchenrechts von Dr. Löning, Prof. des Staats- und Völkerrechts an der Universität Dorpat. Strassburg. 1878, B. I, S. XIX + 579; B. II, S. 758*).

Сочиненіе дерптскаго профессора г. Ленинга, состоящее изъ двухъ объемистыхъ томовъ, представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ въ нѣмецкой литературѣ церковнаго права въ истекшемъ году. Въ первомъ томѣ изображено церковное право *ex Galia* въ періодъ отъ Константина великаго до франкскаго короля Хлодвига (306—496 гг.); во второмъ — въ періодъ Мервингской династіи (496—756 гг.). Разработка содержания, изложеннаго въ обомъ томахъ, вполне соответствуетъ всѣмъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ современной науки: ученость автора по излагаемому предмету, близкое знакомство его съ первыми источниками

и обширною литературою, юридическая точность и определенность въ конструкции предмета, глубина и полнота въ изслѣдованіи и ясность языка — не могутъ подлежать ни малѣйшему упреку. Но намъ представляется страннымъ то, что ученый авторъ церковное право въ Римской имперіи и въ Галліи отнесъ къ исторіи *нѣмецкаго* права: право вселенской церкви, сложившееся въ IV и V вв. въ предѣлахъ Римской имперіи, а равно и церковное право въ предѣлахъ Галліи съ V до половины VIII вѣка, также невѣрно называть нѣмецкимъ правомъ, какъ было бы невѣрно называть римское право французскимъ и французское — нѣмецкимъ. Самъ г. Ленингъ во введеніи въ свой трудъ признаетъ, что древневселенское „церковное право отличается не національнымъ только, но и международнымъ характеромъ“ и что „нѣмецкій народъ и нѣмецкое государство лишь въ незначительной степени содѣйствовали развитію нѣмецкаго права католической церкви“, и то не въ тѣ времена, которыя изслѣдуются авторомъ. Правда авторъ говоритъ, что издаваемые имъ два тома — вводный трудъ его въ исторію нѣмецкаго церковнаго права; по эти два тома и по своему содержанію, и по своему объему, представляются такимъ полнымъ и цѣльнымъ сочиненіемъ, которое, не заключая въ себѣ *нѣмецкаго* права, могло бы съ большою вѣрностію имѣть иное заглавіе, наиболее соответствующее своему предмету. Вообще заглавіе книги г. Ленинга не точно указываетъ на ея содержаніе. По своему содержанію, первый томъ ея есть весьма солидное пособие къ изученію *общаго* (а не гальскаго только) церковнаго права въ IV и V вѣкахъ христіанства, а второй — подробно излагаетъ право гальскаго церкви Франкскаго государства въ V—VIII вв., до Карла великаго.

М. Горчаковъ

ПРОФЕССОРЪ ИМП. С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Женевская Конвенція. Историко-критическій разборъ. Соч. профессора *Людера*. (Die Genfer Convention, historisch und kritisch-dogmatisch mit Vorschlägen zu ihrer Verbesserung unter Darlegung und Prüfung der mit ihr gemachten Erfahrungen und unter Benutzung der amtlichen, theilweise ungedruckten Quellen bearbeitet von *Lüder*, ord. Prof. in Erlangen.—Erlangen, 1876; XII+444+LI стр.). Французскій переводъ напечатанъ въ Парижѣ, въ 1877 году.

Нашъ вѣкъ сталъ смотрѣть на войну, какъ на величайшее зло. Зло это однако иногда неизбежно, слѣдуетъ, даже, предполагать, что пока люди будутъ людьми, отъ этого средства насильственнаго принужденія они не откажутся. Можно только надѣяться, что понятіе о войнѣ, какъ о правовомъ средствѣ, процессуальномъ пути, что это понятіе,

развивающееся въ нашъ вѣкъ, все болѣе и болѣе, со временемъ окончательно и вечно окрѣпнетъ.

Изъ самого же начала приѣненія физической силы для правовыхъ цѣлей вытекаетъ и принципъ, критерій, опредѣляющій размѣры приѣненія этого средства; дозволяется именно лишь крайне необходимое пользование принудительной силой, согласно данной мѣрѣ необходимости. Въ государственно-юридическомъ порядкѣ нашего времени начало это достигло почти высшаго совершенства; оно основной принципъ современныхъ судебныхъ порядковъ. Но новѣйшая исторія международного общенія показываетъ стремленіе государствъ пользоваться физической силой, для принужденія другаго государства исполнить свои обязанности, ограничить данною необходимостью такого дѣйствія. Идея эти выразились, какъ нельзя лучше, въ Женевской Конвенціи 1864 г., въ петербургской деклараціи 1868 г. и на Брюссельской конференціи 1874 г. Всѣ онѣ имѣли благородную цѣль смягчить до возможнаго minimum неизбѣжное зло и бѣдствіе войны. Но эти идеи не безъ противниковъ, и къ числу ихъ принадлежатъ даже личности, челоѣколюбіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію; при этомъ знаніе практики даетъ имъ противудѣйствію этому дѣлу нѣкоторую авторитетность. Отрицательное отношеніе къ Женевской Конвенціи и къ проекту Брюссельской деклараціи со стороны нѣкоторыхъ основательныхъ возражателей имѣетъ причину въ нѣкоторыхъ недостаткахъ этихъ международныхъ актовъ, выяснитъ всестороннимъ образомъ значеніе и неудобства женевской конвенціи и указать на дополненія и измѣненія, необходимыя для прочности основныхъ ея началъ — поставилъ себѣ задачей нашъ авторъ; названный его трудъ съ замѣчательною основательностью и подробностью разсматриваетъ этотъ вопросъ.

До появленія въ свѣтъ этого прекраснаго труда, Женевская Конвенція уже нѣсколько разъ была предметомъ научныхъ публицистическихъ брошюръ, изъ которыхъ наиболѣе выдающаяся, монографія президента международного комитета Краснаго Креста Муанье'а: „Etude sur la Convention de Genève“, трудъ, блестяще написанный. Съ большимъ практическимъ пониманіемъ началъ Женевской Конвенціи относились къ ней Блячли, Корвалъ и Ролень-Жакменъ. Зародыши этихъ началъ въ XVIII столѣтіи были изслѣдованы берлинскимъ медикомъ и профессоромъ Гурльтомъ въ его сочиненіи: „Zur Geschichte der internationalen und freiwilligen Krankenpflege im Kriege“ (1873); трудъ этотъ, обнимающій болѣе 40 печатныхъ листовъ, поражаетъ богатствомъ собраннаго въ немъ съ величайшимъ трудомъ матеріала (изъ картелей о разнѣхъ военнахъ, договоровъ о капитуляціяхъ и перемиріяхъ, а также изъ законодательства Германіи, Франціи и др. странъ). Медикъ по своему призванію, г. Гурльтъ оказалъ большую услугу не только спеціально по этому вопросу: этотъ трудъ единственный, содержащій въ себѣ полный списокъ всѣхъ картелей о разнѣхъ военнопленныхъ. По отношенію къ вопросу объ отпускѣ выздоровѣвшихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ, Гурльтъ стоитъ довольно идеально, требуя приѣненія къ нимъ началъ картельныхъ конвенцій 1743, 1757 и 1759 годовъ, началъ, дающихъ реконвалесцентамъ еще гораздо большія права,

нежели Art. adit. 1868 г. Мы думаемъ, что авторъ едва ли бы увлекся этими понятіями, если-бы онъ замѣтилъ, что между тѣми же контрагентами заключенныхъ капитуляціонныхъ договорахъ, примвляется принципъ картелей къ реконвалесцентамъ, верѣдко прямо отрицается; значитъ, ихъ практичность была сомнительна и въ тѣ, по мнѣнію Гурьта, для больныхъ и раненыхъ военноплѣнныхъ, столь счастливыя времена.

Отъ юридическаго сужденія, относительно изучаемаго имъ историческимъ путемъ вопроса, авторъ въ введении отказывается, потому и не будемъ его упрекать за это несбыточное требованіе. Главную задачу своего труда онъ исполнилъ превосходно, съ удивительною полнотою, матерьялъ приводится цѣлкомъ и наполняетъ большую часть сочиненія, по каждой группѣ фактовъ, выражающихъ извѣстное общее начало, авторъ предпослалъ введенія, прекрасно ориентирующія въ историческомъ ходѣ идеи Женевской Конвенціи. Лидеръ, въ своемъ сочиненіи, изъ этихъ введеній часто выписываетъ цѣлыми страницами.

Остановимся теперь исключительно на сочиненіи Лидера о Женевской Конвенціи. Исторію ея на конференціяхъ въ Женевѣ, Берлинѣ, Парижѣ и Брюсселѣ (р. 41—261) авторъ рассказываетъ со всѣми подробностями. Для многихъ такая полнота будетъ, конечно, весьма пріятна; неинтересующіеся же всѣми этими деталями, безъ ущерба для пониманія критической части, могутъ не читать ихъ. — Къ Брюссельской конференціи авторъ вообще относится съ большимъ уваженіемъ. О преніяхъ на ней по вопросу о раненыхъ и больныхъ воинахъ онъ того мнѣнія, что сравнивая ихъ съ Женевской и Парижской конференціями, не отказывая послѣднимъ въ заслуженной признательности, Брюссельской конференціи слѣдуетъ дать предпочтеніе, уже вслѣдствіе личнаго состава конференціи, въ которой проявился болѣе практическій смыслъ, чѣмъ въ Женевѣ и Парижѣ. Авторъ справедливо указываетъ, что пренія на ней велись совершенно безпристрастно, безъ всякихъ отношеній и смысловъ на событія послѣдней франко-германской войны.

Въ самомъ фактѣ Брюссельской конференціи и ея проектѣ деклараціи, авторъ видитъ большой успѣхъ. Авторъ говоритъ: „что надежда на такое общее соглашеніе, осуществленіе котораго конференція назвала „un progrès réel pour l'humanité“, дѣйствительно сбыточна, и что русское правительство вѣроятно будетъ заботиться о приведеніи къ конечной цѣли начатыхъ разъ стремленій“. Мы вполнѣ раздѣляемъ эти взгляды и питаемъ подобныя же надежды и желанія. Починъ Брюссельской конференціи принадлежитъ нашему правительству; это послѣдовательное продолженіе тѣхъ гуманныхъ началъ, которыхъ мы всегда держались въ нашей международно-правовой жизни. Мы не можемъ не стремиться къ довершенію того „progrès réel pour l'humanité“ дѣйствительнаго прогресса, осуществленіе котораго конференція признала желательнымъ, въ интересахъ человѣчности и человѣчества.

Главное значеніе труда Лидера заключается во второй части (стр. 261—444), — въ критическомъ разборѣ началъ Женевской Конвенціи и ея добавочныхъ статей (articles additionels). Методъ автора слѣдующій: въ началѣ cadaго отдѣльнаго вопроса, онъ нѣсколькими словами

объясняет философія начала, необходимость даннаго института. При критикѣ годности отдѣльныхъ началъ исходною точкою для автора служатъ принципы: что необходимость военныхъ операцій юридически непоколебима; государства, воюющія другъ съ другомъ имѣютъ на эту необходимость полное, неоспариваемое право, которое слѣдуетъ уважить, признавъ разъ законность войны. Требованія же гуманности лишь на столько удовлетворимы, на сколько это не противурѣчитъ указанной необходимости, которую опредѣляется степень уважаемой гуманности. Понятіе о томъ, что лежитъ внѣ этой необходимости, а потому не подвергается послѣдствіямъ военныхъ дѣйствій, мало-по-малу сдѣлалось общимъ достояніемъ современной культуры, и уваженіе этихъ ограниченій на практикѣ требуется какъ юридическая обязанность.

Но авторъ столь же справедливо указываетъ на то, что эти ограниченія не должны, въ ущербъ достиженія законныхъ цѣлей войны, предписывать правила, на практикѣ неосуществимыя, потому что не только они соблюдаться не будутъ, но что они и послужатъ причиною несоблюденія началъ практическихъ, съ которыми они образуютъ одно цѣлое. Женевская Конвенція въ своихъ добавочныхъ статьяхъ уже испытала подобныя послѣдствія. Потому и авторъ, доказывая практическій базисъ Женевской Конвенціи 1864 г., требуетъ лишь возможнаго соглашенія началъ гуманности съ необходимостью войны. Критеріемъ для опредѣленія этого соглашенія ему служатъ опыты, сдѣланные Женевской Конвенціей въ послѣднія войны. Опасенія, которыя можно было пытаться за прочность началъ этой конвенціи, вслѣдствіе нѣкоторыхъ несбыточныхъ ея предисавій, теперь, послѣ Брюссельской конференціи 1874 г., по мнѣнію автора, лишены смысла. Высказанные государствами здѣсь взгляды о необходимости подобныхъ началъ, дѣйствительно, сильная гарантія.

Общимъ началомъ попеченія о больныхъ и раненыхъ непріятеля авторъ признаетъ содержаніе ихъ на одинаковомъ положеніи со своими подданными; всѣ и все, кто и что въ пользу этого попеченія служатъ, пользуются покровительствомъ со стороны воюющихъ, безъ различенія ихъ подданническаго характера.

Не имѣя возможности сдѣлать подробный рефератъ о всѣхъ частностяхъ прекраснаго труда Лидера, мы должны ограничиться лишь упоминаніемъ предлагаемыхъ авторомъ измѣненій и дополненій.

Нельзя не признать, что, несмотря на нѣкоторые не совсѣмъ точно редижированные параграфы, проектъ, предлагаемый авторомъ въ замѣну текста Женевской Конвенціи, отличается отъ нея гораздо лучшей редакціей, а по содержанію и примѣнимости онъ можетъ служить превосходнымъ и весьма полезнымъ базисомъ для реформы, необходимость которой наглядно доказываетъ авторъ. Можно пожелать, чтобы этотъ трудъ былъ удостоенъ вниманія и со стороны правительства.

Несправедливо, по мнѣнію автора, постановленіе 5-й статьи Женевской деклараціи 1868 г., обязующее воюющее государство отпустить на родину *каждо* вытѣнчившагося отъ ранъ или болѣзни военнопленнаго, имѣя только право обязать его, въ продолженіи данной войны, не служить противъ освободившаго его государства. Мнѣніе это совер-

шенно основательно. Нельзя также не согласиться съ требованіями автора о дополненіи Женевской Конвенціи слѣдующей статьей. Воюющая сторона, получавшая верхъ надъ частью или надъ всѣмъ полемъ сраженія, должна, въ этихъ территоріальныхъ предѣлахъ, нечья о подлежащемъ караулѣ и защитѣ оставшихся на этомъ полѣ или въ этихъ мѣстахъ раненыхъ и мертвыхъ съ непріятельской стороны, противъ обиды и грабежа; развѣдать личности мертвыхъ; устроить имъ надлежащій осмотръ и похоронить ихъ, согласно требованіямъ гигиены. Каждая же воюющая сторона обязана объявить непріятелю, по возможности скоро, подробные списки подпавшихъ ея власти мертвыхъ, раненыхъ, больныхъ и плѣнныхъ, съ обозначеніемъ ихъ мѣста пребыванія. Чтобы исполненіе такой обязанности было всегда и безъ затрудненія возможно, авторъ предлагаетъ снабженіе каждой принадлежащей арміи личности свидѣтельствомъ, въ которомъ обозначалось бы ея имя и фамилія. О формѣ подобнаго свидѣтельства и мѣстѣ нахождения его, воюющія стороны должны извѣстить другъ друга въ началѣ войны. Ст. 2 и 3 Жен. Конв. авторъ замѣняетъ одною, 33 статью, редакція которой, по моему мнѣнію, могла бы еще значительно быть сокращена; тѣмъ не менѣе нельзя умолчать о преимуществахъ этой статьи проекта автора, проводящей основное начало Жен. Конв. гораздо послѣдовательнѣе, чѣмъ сама конвенція; этимъ преимуществомъ отличается и ст. 4 предлагаемаго проекта, замѣняющая ст. 1 Жен. Конв. Важенъ именно послѣдній отдѣлъ этой статьи; въ немъ требуется, чтобы: „матерьялъ неподвижныхъ санитарныхъ заведеній, за исключеніемъ лишь частнаго имущества санитарныхъ служителей, поступалъ въ распоряженіе оккупанта, который однако относительно его пріобрѣтаетъ лишь одно право пользованія; право же добычи на этотъ матерьялъ не распространяется. Матерьялъ подвижныхъ лазаретовъ, съ лошадьми и экипажами, оккупанціи не подлежитъ“. 8 ст. проекта есть примѣненіе Жен. Конв. къ морской войнѣ. Высказанныя здѣсь авторомъ начала совершенно справедливы; но болѣе сокращенная редакція желательна однако и здѣсь. Здѣсь еще укажемъ на одинъ пробѣлъ въ проектѣ Лидера; именно, авторъ совсѣмъ позабылъ о правѣ государства налагать извѣстныя обязанности „на отпускаемаго военноплѣннаго, оказавшагося по выздоровленіи къ продолженію военной службы негоднымъ“. Опредѣленіе этого отношенія между тѣмъ очень важно и по смыслу всего направленія автора.

Гарантіи извѣстнаго правоотношенія, понятно, составляютъ вопросъ неминуемый въ международномъ правѣ. Объ учрежденіи международныхъ трибуналовъ для рѣшенія споровъ между государствами много писали и говорили; именно нашъ вѣкъ живо интересуется введеніемъ въ международную жизнь государствъ возможно опредѣленнаго объективнаго процессуальнаго порядка, для рѣшенія споровъ. Сбыточность такихъ требованій серьезная наука пока не привнавала; только относительно нѣкоторыхъ отношеній признаетъ она возможность осуществленія правильнаго судебного порядка и въ международной жизни. Такъ напр. по поводу гарантій Жен. Конв. были высказаны весьма практическія требованія объ учрежденіи специальныхъ международныхъ комиссій для рѣшенія возникающихъ по поводу Жен. Конв. между воюющими госу-

дарствами споровъ. Лидеръ на отръвъ отвергаетъ возможность и практичность такихъ судилищъ; и вообще онъ гарантін Жен. Конв. до того исключительно предоставляетъ благоусмотрѣнію и доброй совѣсти каждой воюющей стороны, что отрицаетъ не только практичность, но и самую возможность международныхъ сдѣлокъ о наказаніяхъ за преступленія противъ Жен. Конв. Учрежденіе международной комиссіи въ видѣ судебного трибунала, Лидеръ, по непонятнымъ для насъ причинамъ, считаетъ „унизительнымъ“ для достоинства воюющихъ государствъ. Взгляда этого держится не одинъ Лидеръ, и въ немъ, быть можетъ, заключается противудѣйствіе столь частымъ нынѣ предложеніямъ объ учрежденіи третейскихъ международныхъ судилищъ. Но взглядъ этотъ все-таки не выдерживаетъ критики. Отвергаемая авторомъ гарантін далеко не лишена практической примѣнимости. Въ добровольномъ признаніи государствами надъ собою извѣстной международной власти нѣтъ никакого униженія.

Авторъ ставитъ совершенно основательный вопросъ, спрашивая: какія же гарантін предоставляетъ подобная комиссія, относительно приведенія въ исполненіе ея приговоровъ? Мы думаемъ, что нельзя опустить изъ виду нравственный авторитетъ такихъ трибуналовъ; уже одно ихъ существованіе гарантируетъ договорному постановленію большее уваженіе; главное же ихъ значеніе заключается въ принужденіи низшихъ властей, въ виду такой международной апелляціонной инстанціи, строго исполнять свои обязанности. Авторитетъ приговоровъ такихъ трибуналовъ обезпеченъ не только возможностью привести ихъ въ исполненіе, но и *международностью* ихъ источника.

Воюющія и нейтральныя державы. Соч. *Гесснера*. (Kriegführende und neutrale Mächte. Ein Beitrag zur Reform des internationalen Rechts in Kriegszeiten. Von Dr. Ludwig Gessner, kaiserlichen Legationsrathe. Berlin. 1877. V+107 pp.).

Л. Гесснеръ, извѣстный въ литературѣ международного права своимъ обширнымъ прекраснымъ трудомъ о правахъ нейтральныхъ на морѣ, основательный знатокъ этого вопроса; потому поучительно выслушать его выводы относительно указанныхъ въ заглавіи разсматриваемой брошюры вопросовъ. Авторъ принадлежитъ къ исторической школѣ юриспруденціи и чуждъ неосуществимыхъ требованій. Тѣмъ болѣе вѣски его предложенія реформы.

При помощи исторіи, авторъ кратко, но убѣдительно доказываетъ настоятельность отиѣны привилегированнаго разбоя относительно частной собственности непріятельскихъ подданныхъ во время войны на морѣ, и несостоятельность практики и теоріи англичанъ, желающихъ, во что бы то ни стало, отстоять, сохранить старую, несправедливую практику, которую нельзя называть правомъ, а скорѣе грубымъ, недостойнымъ злоупотребленіемъ физической силой.

Весьма наглядно изложено авторомъ движеніе общественнаго мнѣнія въ Англіи противъ Парижской деклараціи; но не смотря на незначи-

тельное тамъ расположеніе какъ общественнаго мнѣнія и теорій, такъ и правительства, авторъ все-таки думаетъ, что по общему закону развитію общественнаго мнѣнія въ Англии, относительно права частной собственности во время войны на морѣ и вообще военнаго морскаго международнаго права, слѣдуетъ ожидать сильнаго поворота въ пользу континентальныхъ взглядовъ, какъ скоро общественное мнѣніе начнетъ понимать выгоды реформы. Этого поворота онъ ожидаетъ въ скоромъ времени. Дай Богъ, чтобы эти предположенія оказались вѣрными; но въ настоящее время признаки такого поворота едва-ли замѣтны.

Правда, русскому читателю рассматриваемые авторомъ вопросы извѣстны изъ гораздо болѣе полнаго ихъ изложенія въ почтенномъ трудѣ профессора Мартенса: „О правѣ частной собственности во время войны“, высказывающаго тѣ же начала; но интересно въ брошюрѣ Геснера, главнымъ образомъ, прекрасное, живое публицистическое изложеніе, въ виду современныхъ событій иногда весьма любопытное.

О. Эйхельманъ,

доцентъ демидовскаго лицея.

СТАТИСТИКА.

Теоретическое и практическое руководство къ статистикѣ, *Мориса Блока*. (Traité théorique et pratique de statistique, par Maurice Block. Paris. 1873).

Имя Мориса Блока, какъ плодовитаго писателя и необыкновенно трудолюбиваго издателя хорошо извѣстно каждому экономисту и статистикѣ. Въ прошедшемъ году авторъ завершилъ свою преимущественно практическую дѣятельность по статистикѣ изданіемъ руководства, заглавіе котораго приведено выше. „Traité théorique et pratique de statistique“ представляетъ большой томъ въ 550 стр., раздѣленный авторомъ на четыре части: историческую, теоретическую, практическую и прикладную или демографію. Въ исторической части, кромѣ краткаго очерка административной статистики и характеристики направленій научной статистики (гл. I), читатель найдетъ довольно полныя свѣдѣнія объ учрежденіи статистическихъ бюро въ различныхъ государствахъ (Гл. II), и исторію статистическихъ международныхъ конгрессовъ (Гл. III). Особенно интересна послѣдняя глава, въ которой, параллельно съ формальной исторіей конгрессовъ, М. Блокъ обстоятельно излагаетъ ихъ дѣятельность и перечисляетъ всѣ затронутые конгрессами вопросы. Не менѣе интересенъ собственный отзывъ автора объ результатахъ, достигнутыхъ до настоящаго времени международными съѣздами статистиковъ. Признавая неоцѣнимыя услуги, оказанныя статистикѣ конгрессами, М. Блокъ думаетъ въ тоже время, что можно было бы сдѣлать гораздо

больше, если бы „on ne s'est pas haté lentement“ (если бы не спѣшили медленно) какъ онъ выражается. Въ Брюсселѣ была сдѣлана, по его мнѣнію, ошибка, которая повторялась, иногда въ усиленной степени, на всѣхъ послѣдующихъ конгрессахъ. Стоитъ пробѣжать перечень вопросовъ, обсуждавшихся на каждомъ конгрессѣ, чтобы убѣдиться, какое громадное число задачъ, притомъ часто въ высшей степени трудныхъ, предлагалось разомъ для рѣшенія. „Когда Кеттле созывалъ насъ, говоритъ М. Блокъ,“ онъ думалъ, что дѣло пойдетъ само собою, такъ какъ соглашеніе было столь необходимо, и всѣ стремились достигнуть однообразія въ статистическихъ работахъ. Такимъ образомъ въ Брюсселѣ думали охватить всю область статистики, но считали нужнымъ промчатся по ней въ карьеръ. Вскорѣ поняли, что наиболѣе существенныя затрудненія не были предвидѣны. Эти трудности сравнительной статистики обуславливаются различіемъ законовъ, обычаевъ, интересовъ, часто климата и другихъ обстоятельствъ. Такія различія не препятствуютъ абсолютно осуществленію однообразія въ статистикѣ, но среда создаетъ умственные привычки, которыя можно побѣдить въ себѣ и другихъ, только настойчивостью и глубиною изслѣдованія вопроса, для чего требуется много времени и терпѣнія. Между тѣмъ на конгрессахъ господствовала магія программъ и проектовъ, авторы которыхъ нисколько не обращали вниманія на ихъ практическую пригодность. Этихъ программъ было такое изобиліе, что для обсужденія ихъ каждый конгрессъ долженъ былъ бы располагать большимъ количествомъ дней, нежели сколько онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи часовъ. Къ этому присоединялось еще то, что официальные делегаты нисколько не обязаны были, а часто и не могли подчиняться рѣшеніямъ конгресса. Нерѣдко случалось даже что въ качествѣ такихъ делегатовъ посылались лица высоко образованныя, съ виднымъ положеніемъ, но совершенно чуждыя статистикѣ и не имѣющія вліянія на нее въ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ предлагали много работы и требовали немедленныхъ рѣшеній, а между тѣмъ приходилось имѣть дѣло съ лицами, которыя отступали передъ всякимъ формальнымъ обязательствомъ.

Неудобства международныхъ конгрессовъ думали устранить учрежденіемъ постоянной Комиссіи, но она не выполнила, да и не могла выполнить возложенной на нее миссіи, представляя собою лишь конгрессъ въ миниатюрѣ и будучи лишена его значенія. Наконецъ, къ недостаткамъ современной организаціи международныхъ конгрессовъ должно отнести значительные расходы, съ которыми они связаны. Дороговизна конгрессовъ представляетъ, по выраженію М. Блока, тотъ подводный камень, о который можетъ разбиться это великое и полезное учрежденіе. При каждомъ новомъ сѣздѣ роскошь приѣма возрастала все болѣе и болѣе, достигнувъ своего апогея въ Петербургѣ. Если для Венгріи стояло немалыхъ усилій, чтобы сравняться съ Россіей, то для многихъ другихъ странъ это окажется рѣшительно невозможнымъ. Остается, говоритъ М. Блокъ, снова вернуться къ простотѣ и скромности, присущей наукѣ. Быть можетъ, Швейцарія, покажетъ въ этомъ случаѣ примѣръ.

Теоретическая часть труда М. Блока посвящена разсмотрѣнію общихъ

вопросов о задачах и пределах статистики, как особой науки, о статистическом методѣ, о существѣ статистическихъ законовъ о свободѣ воли, объ отношеніи статистики къ географіи, политической экономіи и другимъ наукамъ и проч. Последняя глава этой части трактуетъ о таблицахъ смертности и средней жизни. М. Блокъ по преимуществу электикъ, но электизмъ его отличается трезвостью, благодаря, быть можетъ, влиянію предыдущей практической дѣятельности въ области статистики. Принимая для статистики, какъ особой науки терминъ „демографіи“ и считая задачей ея, изображеніе политическаго, экономическаго и социальнаго положенія народа или вообще группъ населенія“, М. Блокъ старается соединить численное и описательное на правленіе въ одно цѣлое: въ программу статистическихъ изслѣдованій должно входить не только констатированіе социальныхъ фактовъ, но и изученіе порождающихъ ихъ причинъ и взаимодействія между различными явленіями общественной жизни. Самыя границы науки авторъ считаетъ подвижными и поддающимися опредѣленію только въ общихъ чертахъ. Но говоря о задачахъ статистики, какъ науки, М. Блокъ допускаетъ одно существенное и весьма важное ограниченіе, съ которымъ никакъ нельзя согласиться. Статистика, говоритъ онъ, не создаетъ руководящихъ идей, а только является орудіемъ для доказательства различныхъ гипотезъ, возникающихъ изъ дедуктивнаго или индуктивнаго процесса мысли; она лишь пробный камень, посредствомъ котораго можно узнать драгоценный металлъ и измѣрить долю примѣси, заключающуюся въ немъ (р. 156 — 157). Несомнѣнно, что такова дѣйствительно служебная роль статистики въ очень многихъ случаяхъ, но это не единственная ея задача. Въ своей самостоятельной области статистика настолько же даетъ идеи и руководящія гипотезы для дальнѣйшихъ изслѣдованій, какъ и всякая другая наука. Такимъ характеромъ по преимуществу отличается наиболѣе разработанная часть статистики, а именно населенія.

Одно изъ главныхъ достоинствъ этой части труда М. Блока состоитъ въ мастерскомъ изложеніи и критической оцѣнкѣ существующихъ въ литературѣ мнѣній по каждому изъ основныхъ вопросовъ, затрогиваемыхъ авторомъ. Это не сухой перечень множества сочиненій, изъ котораго читатель узнаетъ почти одни заглавія, но живое и интересное изложеніе наиболѣе выдающихся воззрѣній въ наукѣ. Такое изложеніе дѣйствительно способствуетъ освѣщенію каждаго вопроса и даетъ возможность читателю самостоятельно отнестись къ предлагаемому ему матеріалу. Къ недостаткамъ этого отдѣла труда М. Блока должно отнести нѣкоторую бессистемность. Такъ, напр. теоретическая часть заканчивается особой главой о таблицахъ смертности и средней жизни. Сама по себѣ эта глава очень интересна, но очевидно, она поставлена не на своемъ мѣстѣ.

Третья книга „практическая часть“, самая обширная и наиболѣе важная, состоитъ изъ шести главъ. Въ первой изъ нихъ (гл. VIII) излагается современная организація статистическихъ учреждений въ различныхъ странахъ (организація общихъ статистическихъ бюро, статистическихъ комиссій, городскихъ бюро, статистическихъ обществъ). Излагая

устройство официальной статистики, авторъ между прочимъ касается вопроса о томъ, желательно ли сконцентрировать всѣхъ статистическихъ учреждений въ одномъ министерствѣ и замѣна специальныхъ бюро однимъ общимъ. Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, приводя весьма серьезные мотивы въ подтвержденіе своего мнѣнія. Статистика въ специальныхъ бюро, существующихъ при различныхъ центральныхъ учрежденияхъ, говоритъ авторъ, ведется до известной степени автоматически, непосредственно вытекая изъ дѣятельности этихъ учреждений и составляя, съ одной стороны, продуктъ этой дѣятельности, а съ другой — необходимый матеріалъ для административныхъ работъ. Сверхъ того, она ведется специалистами, близко знакомыми съ дѣломъ, что нельзя не признать громаднымъ преимуществомъ. Недостатокъ ее состоитъ въ односторонности, въ пригодности только для специальныхъ цѣлей, вслѣдствіе чего приходится для другихъ цѣлей собирать вновь тѣ же данныя, по нѣскольکو измѣненной программѣ. Но эти недостатки можно устранить учрежденіемъ центральной комисіи изъ всѣхъ представителей специальныхъ бюро. Такая комисія составляетъ программы и вноситъ желательную полноту и однообразіе въ работу, не лишая механизмъ специальныхъ бюро свойственныхъ ему преимуществъ.

Въ особомъ параграфѣ, посвященномъ персоналу статистическихъ бюро, авторъ говоритъ о статистическихъ семинаріяхъ и излагаетъ организацию берлинской семинаріи Энгеля и занятія ея воспитанниковъ. Вообще, авторъ съ большимъ недоумѣніемъ относится къ тѣмъ директорамъ бюро, которые требуютъ отъ своихъ сотрудниковъ только хорошаго почерка и знанія четырехъ правилъ ариѳметики. Специальную подготовку для статистиковъ онъ считаетъ безусловно необходимой.

Въ слѣдующей IX гл. разсматриваются вопросы, касающіеся собиранія и обработки статистическихъ матеріаловъ. Въ первомъ параграфѣ этой главы, авторъ указываетъ на важнѣйшія затрудненія, встрѣчающіяся при собираніи данныхъ по статистикѣ населенія, земледѣлія и промышленности, дѣлаетъ общую оцѣнку вѣроятной достовѣрности этихъ матеріаловъ и вообще объясняетъ условія, которыя желательно соблюдать при собираніи указанныхъ данныхъ. Въ слѣдующихъ параграфахъ говорится о приемахъ, употребляемыхъ при обработкѣ собраннаго матеріала, причемъ подробно изложены соображенія о преимуществахъ централизаціи и децентрализаціи, о сравнительныхъ удобствахъ личныхъ и семейныхъ бюллетеней и проч. Дополненіемъ къ IX главѣ являются глава X, въ которой говорится о постановкѣ вопросовъ и объемѣ требуемыхъ свѣдѣній при статистическихъ изслѣдованіяхъ, и гл. XIII о графическомъ методѣ. Въ первой изъ этихъ главъ собранъ цѣлый рядъ практическихъ указаній, которыя, не смотря на кажущуюся элементарность ихъ, въ высшей степени полезны и необходимы. Какъ часто нарушаются самыя элементарныя правила при постановкѣ вопросовъ статистиками, видно между прочимъ изъ характернаго примѣра приводимаго авторомъ. На конгрессѣ въ Будапештѣ была предложена таблица для собиранія свѣдѣній о городскихъ финансахъ, въ которой пропущена рубрика „прочіе доходы и расходы“ и рубрика „итого“. М. Блокъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что свѣдѣнія, собранныя на основаніи подобной таблицы, во 1-хъ,

неизбѣжно вышли бы неполными; во 2-хъ, изслѣдователь былъ бы лишенъ всякой возможности проконтролировать доставленный ему матеріалъ, хотя бы даже въ немъ были грубыя ошибки составителей или переписчиковъ.

О графическомъ методѣ М. Блокъ сообщаетъ не много подробныхъ указаній, но у него есть интересная замѣтка объ изобрѣтателѣ этого метода. Творцемъ его былъ вѣкто William Playfair, трудъ котораго былъ переведенъ на французскій языкъ Донаномъ въ 1802 г. подъ заглавіемъ: „*Éléments de statistique, où l'on démontre, d'après un principe entièrement neuf, les ressources de chaque royaume etc. etc..., orné de cartes coloriées, représentant, d'un coup d'ocil, les forces physiques de toutes les nations européennes*“.

Изъ остальныхъ двухъ главъ третьей книги, въ гл. XI говорится о публикаціи статистическихъ матеріаловъ и о финансовыхъ издержкахъ на статистику, а гл. XII специально посвящена переписямъ. Изъ приводимыхъ авторомъ данныхъ между прочимъ видно, что расходы, принимаемыя переписями, колеблются въ различныхъ странахъ отъ 30 до 3 сантимовъ на жителя, въ зависимости отъ того, на сколько въ этихъ издержкахъ принимаютъ участіе мѣстныя общины и на сколько принято пользоваться безвозмезднымъ трудомъ добровольныхъ регистраторовъ. Наиболѣе экономно произведены послѣднія прусскія переписи. Но нельзя утверждать въ видѣ общаго правила, чтобы послѣднія переписи вообще обходились дешевле; напротивъ, чаще замѣчается вздорожаніе этой операціи, что совершенно понятно, хотя напримѣръ въ Бельгій перепись 1846 г. обошлась въ 14 сант., а перепись 1866 г. только въ 11 сант. на человѣка.

Гл. XII, посвященная, какъ сказано выше, специально переписямъ, по полнотѣ данныхъ не оставляетъ почти ничего желать. Въ ней подробно изложена процедура новѣйшихъ переписей, указаны формы и содержаніе переписныхъ листовъ и проч. Съ особеннымъ вниманіемъ авторъ останавливается на французской переписи 1876 г., но выѣтъ съ тѣмъ онъ удѣляетъ много мѣста англійской переписи 1871 г., и двумъ Германскимъ переписямъ (1871 г. и 1875 г.).

Четвертая прикладная часть курса М. Блокъ представляетъ мало интереса. Это краткій конспектъ, составленный по обширной программѣ, въ родѣ конспекта Haushofer'a. Какою краткостью отличается эта часть труда М. Блокъ, видно изъ того, что на 120 страницахъ изложена статистика населенія, нравственная, статистика религій и народнаго образованія, статистика экономическая, социальная и политическая. Два послѣдніе отдѣла, какъ можно было и ожидать, являются въ сущности почти безсодержательными рубриками. Такъ напримѣръ, въ своей „соціальной статистикѣ“ авторъ не нашелъ ничего болѣе сказать, какъ упомянуть о двухъ, трехъ сочиненіяхъ, посвященныхъ изслѣдованію рабочаго вопроса, и сдѣлать нѣсколько замѣчаній о постепенномъ повышеніи рабочей платы въ западной Европѣ.

Д. Пижно,

доцентъ имп. университета св. Владиміра.

Die Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben. Statistische Studien v. Dr. Georg Mayr. München. 1877. (Die Naturkräfte. Eine naturwissenschaftliche Volksbibliothek. XXIII (Закономѣрность явленій общественной жизни, соч. г. Маира).

Это изслѣдованіе проф. Маира, судя по способу его изданія, имѣть цѣлью популяризацию статистическихъ свѣдѣній въ массѣ публики. Прекрасное, легкое изложеніе и обиліе интересныхъ фактовъ дѣйствительно могутъ сдѣлать эту книгу доступной болѣе или менѣе обширному кругу читателей; но кромѣ того она представляетъ живой интересъ и для спеціалиста. Сочиненіе Маира состоитъ изъ введенія и трехъ главъ. Авторъ посвящаетъ введеніе общимъ понятіямъ объ обществѣ, общественныхъ наукахъ и методѣ этихъ наукъ; въ первой главѣ говорится о существѣ, цѣляхъ и задачахъ статистики, о методѣ статистическихъ изслѣдованій и способахъ внѣшняго выраженія результатовъ этихъ изслѣдованій (*Darstellungsmittel der Statistik*); вторая глава заключаетъ въ себѣ статистику населенія, а третья—нравственную статистику. Въ послѣднихъ двухъ главахъ читатель найдетъ въ сжатой формѣ главнѣйшіе выводы науки, относящіеся къ этимъ отдѣламъ статистики, и нѣсколько новыхъ наблюденій, сдѣланныхъ самимъ авторомъ въ качествѣ изслѣдователя баварской статистики и директора баварскаго статистическаго бюро. Пр. Маиръ приводитъ сравнительно немного числовыхъ матерьяловъ, но выборъ и расположеніе ихъ сдѣланы рукой опытнаго мастера. Всѣ свои доводы авторъ направилъ на одну точку, а именно: на доказательство существованія законмѣрности въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ общественной жизни. Хотя, вслѣдствіе краткости изложенія, разсмотрѣніе множества затрогиваемыхъ имъ вопросовъ оказывается неполнымъ, но руководящая идея книги проведена весьма рельефно и въ общемъ получается то именно впечатлѣніе, которое желалъ произвести авторъ на своихъ читателей.

Но наибольшій интересъ представляетъ первая глава труда Маира. Въ ней авторъ, вслѣдъ за опредѣленіемъ статистики и ея задачъ, подробно развиваетъ свою теорію „географическаго метода“, причѣмъ упрекаетъ Кетле и его послѣдователей въ односторонности, за ихъ исключительную заботу объ отвѣченности „среднемъ человѣкѣ“. Но совершенно вѣрному замѣчанію Маира большое среднее число, игнорирующее время и пространство, имѣетъ свою цѣнность въ смыслѣ кратчайшаго и наиболѣе общаго выраженія той компенсаціи, которой подвергаются временныя и мѣстные различія при сведеніи миллионовъ наблюденій въ одну единицу. Но при подобной абстракціи, при подобномъ, такъ сказать, телескопическомъ способѣ наблюденія, составляющемъ идеаль школы Кетле, исчезаетъ множество различій въ явленіяхъ, имѣющихъ самое существенное значеніе. Анализъ этихъ различій составляетъ дальнѣйшую чрезвычайно важную задачу статистики. Разложеніе большихъ статистическихъ чиселъ на меньшія по періодамъ времени не встрѣчаетъ особыхъ затрудненій, благодаря тому, что единицы времени почти повсемѣстно однообразны, такъ какъ онѣ отчасти даны самой природой (годъ, день), отчасти установлены общерапространенными обычаями (недѣля, часъ). Совсѣмъ иное должно сказать относительно пространственныхъ единицъ. Сравнительная статистика обыкновенно

новенно можетъ расчитывать лишь на большія среднія числа, выведенныя для цѣлыхъ странъ или, въ самомъ лучшемъ случаѣ, для большихъ составныхъ частей ихъ, опредѣляемыхъ главными административными дѣленіями. Но такое сравненіе не удовлетворяетъ основнымъ научнымъ требованіямъ, потому что эти единицы весьма различны по своей величинѣ и характеру. Такъ какъ въ этихъ большихъ числахъ поглощаются разнородныя отношенія меньшихъ территоріальныхъ единицъ, то получается среднее число, только повидимому вѣрное. Устраненіе возникающихъ отсюда неудобствъ достигается употребленіемъ географическаго метода, который требуетъ, чтобы наблюденіе и разработка статистическихъ данныхъ нисходили до самыхъ малыхъ пространственныхъ единицъ, ниспсія границы которыхъ опредѣляются только необходимостью имѣть достаточное число наблюденій для вывода среднихъ. На основаніи сходства этихъ среднихъ чиселъ, полученныхъ изъ малыхъ пространственныхъ единицъ, устанавливаются большіе естественные районы, для того или иного явленія, существенно отличные отъ принятыхъ географическихъ дѣленій.

Эта теорія географическаго метода была изложена Маиромъ еще въ 1872 г. въ докладѣ, представленномъ на обсужденіе междунаrodnаго статистическаго конгресса въ Петербургѣ (см. труды VIII сессіи конгресса, Programme: „Zur Verständigung über die Anwendung der geographischen Methode in der Statistik v. Georg Maier“ и докладъ г. Семенова) Хотя приемы, рекомендуемые авторомъ, употреблялись и раньше, однако ему принадлежитъ немаловажная заслуга теоретической разработки и систематизаціи ихъ.

Вообще должно замѣтить, что до послѣдняго времени въ общихъ курсахъ довольно мало обращалось вниманія на технику статистики. Результаты, добытые въ этомъ отношеніи междунаrodnыми конгрессами, не были сведены въ одно цѣлое и оставались мало доступными не только массѣ публики, но даже специалистамъ. Послѣдніе труды Маира и Мориса Блока (*Traité théorique et pratique de statistique*, 1877) стремятся восполнить этотъ пробѣлъ. Такъ, Маиръ довольно обстоятельно излагаетъ технику собиранія и обработки статистическихъ данныхъ и весьма подробно говорить о графическомъ методѣ. Не входя въ изложеніе подробностей, которыя читатель найдетъ въ книгѣ Маира, мы замѣтимъ только, что едва ли въ какомъ другомъ сочиненіи можно встрѣтить такое систематическое и всестороннее разсмотрѣніе вопросовъ, касающихся методики статистики, какъ въ разбираемомъ трудѣ. Намъ кажется, что въ виду указанныхъ особенностей труда Маира, весьма желательно видѣть его въ русскомъ переводѣ. Наши земскіе статистики, секретари статистическихъ комитетовъ и вообще всѣ, кому приходится заниматься статистическими изслѣдованіями, найдутъ въ немъ немало полезныхъ указаній.

Д. И. ПИЖНО,

ДОЦЕНТЪ ИМП. УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Свободная торговля и покровительственная система, Г. Фоссетта.
(*Henry Fawcett: Free-Trade and Protection. An Inquiry into the Causes which have retarded the General Adoption of Free-Trade since it's Introduction into England. London. 1878.*)

Послѣ смерти Д. С. Милля и Кернса, Генри Фосеттъ остался въ Англіи безспорно самымъ крупнымъ представителемъ науки народнаго хозяйства. Изъ современниковъ рядомъ съ нимъ (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, впрочемъ и выше) можно поставить только одного Клиффа Десли, профессора Лондонскаго университета, который, къ сожалѣнію, мало нишеть. Съ блестящимъ даромъ изложенія, съ замѣчательной ясностью и простотой языка, напоминающей его живую парламентскую рѣчь, Генри Фосеттъ соединяетъ въ своихъ трудахъ добросовѣстность изслѣдованія, большую ловкость аргументаціи, значительную свободу мысли и отсутствие національныхъ предрасудковъ, столь свойственныхъ большей части англійскихъ изслѣдователей въ области политическихъ и общественныхъ наукъ. Но вѣсть съ этими неоспоримыми достоинствами, общими съ Д. С. Миллемъ, Фосеттъ обладаетъ также, нельзя не сознаться, и нѣкоторыми крупными недостатками. Первый и важнѣйшій изъ нихъ (неуждѣй большинству англійскихъ экономистовъ) состоитъ въ склонности къ слишкомъ поспѣшнымъ обобщеніямъ: весьма нерѣдко достаточно двухъ, трехъ случайныхъ и даже только по вѣншности сходныхъ фактовъ изъ экономической исторіи Англіи, дабы Фосеттъ тотчасъ построилъ общій выводъ, имѣющій широкое приложеніе какъ къ Англіи, такъ и къ любой странѣ Европы. Второй недостатокъ, замѣчаемый въ его трудахъ, заключается въ нерѣдкахъ противорѣчіяхъ самихъ выводовъ изъ однородныхъ фактовъ, это — благодаря столкновенію его альтруистическихъ стремленій съ требованіями строгой науки, которой онъ служитъ представителемъ. Еще третій упрекъ, который можно сдѣлать Фосетту, заключается въ игнорированіи иностранной научной литературы по разбираемымъ вопросамъ и далеко не полномъ знаніи своей собственной — англійской, что особенно поражаетъ при сравненіи, впрочемъ, большей части англійскихъ изслѣдованій съ соответственными нѣмецкими ¹⁾.

Одинаковыя достоинства и недостатки можно найти и въ новомъ сочиненіи Фосетта „О свободной торговлѣ и покровительственной системѣ“ (перевѣданный и дополненный курсъ его лекцій, читанныхъ въ Кембриджскомъ университетѣ прошлой зимой). Цѣль этого сочиненія двоякая. Какъ извѣстно, вотъ уже нѣсколько лѣтъ Великобританія

¹⁾ Послѣдній недостатокъ почти извиняется чисто субъективною причиною: какъ извѣстно, Фосеттъ слѣлъ уже много лѣтъ и читаетъ и вообще слѣдитъ за наукой только съ помощью секретаря и своей замѣчательной жены Mrs Milligent Garrett's Fawcett—довольно извѣстной въ публицистикѣ и наукѣ своими популярными учебниками политической экономіи.

страдаетъ подъ тягостью промышленнаго и торговаго кризиса: сбытъ ея мануфактурныхъ продуктовъ на многихъ рынкахъ ограниченъ и вывозъ сравнительно съ ввозомъ уменьшился. Между тѣмъ, многія отрасли производства не уменьшали своей дѣятельности сообразно съ упадкомъ спроса; а послѣдствіемъ этого явилось переполненіе внутренняго рынка продуктами (особенно въ важнѣйшихъ производствахъ, какъ каменноугольное, хлопчатобумажное и желѣзное) и упадокъ цѣнъ; многія промышленныя учрежденія были вынуждены, или прекратить свою дѣятельность, или по меньшей мѣрѣ ограничить ея размѣры. Отсюда возникли обыкновенныя неблагоприятныя условія для матеріальнаго существованія массы народа: уменьшеніе во многихъ отрасляхъ мануфактуры, также и въ земледѣліи, заработной платы, стачки рабочихъ и забастовки хозяевъ (lockout); въ хлопчатобумажныхъ округахъ, какъ извѣстно, дѣло дошло даже до волненій и серьезныхъ беспорядковъ. Вообще, въ народѣ развилось большое недовольство настоящимъ экономическимъ положеніемъ и отовсюду слышатся жалобы на существующую экономическую политику страны. Но мало того. Уже давно въ Англіи прекратились всякіе споры и разсужденія о протекціонизмѣ, какъ средствѣ для поднятія внутренней промышленности; вопросъ, казалось, былъ рѣшенъ безповоротно теоріей и практикой въ пользу свободной торговли; всякое заявленіе въ противномъ смыслѣ со стороны какой-либо спеціальной мануфактуры, тѣснимой иностранной конкуренціей, казалось диссонансомъ въ общемъ хорѣ. Но вотъ, подъ давленіемъ кризиса и недовольства народа опять выдвинулась на свѣтъ старая покровительственная теорія, требующая возстановленія протективныхъ таможенныхъ пошлинъ на многіе ввозные продукты, или подъ прямымъ предлогомъ поощренія собственной промышленности, или же какъ возмездіе (реторсія) иностранцамъ за сохраненіе ими покровительственной системы въ противность англійскимъ интересамъ. Въ этомъ смыслѣ уже появилось за послѣднія десять лѣтъ немало брошюръ со стороны торговыхъ камеръ различныхъ городовъ Великобританіи ¹⁾.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и была

¹⁾ Считаю безповеднымъ сдѣлать указаніе важнѣйшихъ образцовъ этой литературы, тѣмъ болѣе что самъ Фосеттъ не дѣлаетъ этого:

1) *Sophisms of Free-Trade and Popular Political Economy examined by a Barrister* (суля Байльсъ, Byles-chief Justice of Common Pleas). Manchester 1872. Девятое изданіе; первое въ 1852 г. Самый старшій представитель новыхъ англійскихъ протекціонистовъ. Довольно остроуменъ и свѣдущъ.

2) *Protection to Native Industry* by Sir *Edward Sullivan*. London. 1870. Сочиненіе направлено главнымъ образомъ противъ англо-французскаго трактата.

3) *John Wood: Free-Trade: a Labour Question for Working Men*. 1877. Популярно изложенная и довольно остроумная критика начала свободной торговли съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ классовъ.

4) *The Skeleton at the Plough, or the Poor Farm-Labourer of the West*. by *George Mitchell and Stephen Price*. London, Bee-Hive Office. Обзоръ всей англійской внутренней политики и свободной торговли съ точки зрѣнія интересовъ спеціально сельскихъ рабочихъ.

5) *James Roberts: Free-Trade — a Gigantic Mistake*. 1877. Кромѣ того его же: *Panics and their Causes*. 1868 и пр. Изданія Манчестерскаго Общества Reciprocity Association. Критика свободной торговли и требованіе началъ взаимности въ иностранной торговлѣ.

написана книга Фосетта съ двойкою цѣлю: во-первыхъ — усноконтъ общественное мнѣніе Великобританіи, встревоженное этимъ продолжительнымъ промышленнымъ кризисомъ страны и невыгоднымъ, повидимому, торговымъ балансомъ въ связи съ принятой политикою свободной торговли. Явились пессимисты, которые доказываютъ скорый и полный коммерческій упадокъ Англій, утверждая, что она достигла высшей кульминаціонной точки своего развитія въ этомъ отношеніи и нынѣ склоняется быстро къ разрушенію¹⁾. Другая цѣль его труда заключается въ оппозиціи тѣмъ изъ нихъ, которые стремятся къ реторсіямъ съ помощью таможеннаго тарифа и желаютъ вернуть Англію къ покровительственной системѣ. Фосеттъ весьма убѣдительно доказываетъ всю опасность и рискованность такого возвращенія къ развѣ брошенной системѣ для настоящихъ интересовъ страны.

Такимъ образомъ, новое сочиненіе Генри Фосетта имѣетъ болѣе публицистическое, нежели научное значеніе; онъ не ищетъ своимъ изслѣдованіемъ безпристрастнаго разрѣшенія какого-либо спорнаго вопроса, но наоборотъ, развѣ предрѣшивши его, старается только подобрать наилучшій запасъ аргументовъ для наибольшаго убѣжденія публики въ этихъ предвзятыхъ положеніяхъ, излагая свои доказательства въ возможно изящной, легкой и общедоступной формѣ. Нельзя при этомъ сказать, чтобы Фосеттъ обѣ поставленнымъ имъ цѣли разрѣшалъ одинаково удовлетворительно: такъ, довольно слабо и по моему мнѣнію, ненаучно онъ выполнилъ первую указанную задачу — опроверженіе пессимизма относительно современнаго промышленно-торговаго упадка Англій въ связи съ припатою ею политикою свободной торговли. Какъ извѣстно, эта политика Великобританіи до сихъ поръ является односторонней, такъ какъ другія государства отвѣчаютъ ей въ большей или меньшей мѣрѣ покровительственными тарифами и довольно медленно измѣняютъ въ этомъ случаѣ свою политику. Это явленіе Фосеттъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Англія, рассуждаетъ онъ, опередила въ принятіи началъ свободной торговли всѣ прочія государства Европы по той простой причинѣ, что въ ней главная тягость покровительственной системы была направлена на земледѣліе, т. е. увеличивала цѣну хлѣба и вообще пищи народа; между тѣмъ, въ другихъ странахъ протекціонизмъ касается почти исключительно мануфактурныхъ продуктовъ, почему его тягость чувствуется народомъ далеко не въ такой степени сильно. Другими словами — голодь, самый сильный въ мѣрѣ стимулъ, далъ въ Англій побѣду принципамъ свободной торговли и привелъ къ уничтоженію покровительственной системы; въ остальной-же Европѣ, при земледѣльческомъ характерѣ государствъ и отсутствіи ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ, этотъ стимулъ не существуетъ. Кромѣ того есть еще и другое обстоятельство, которое задерживаетъ въ Европѣ и Америкѣ прогрессъ свободной торговли: уничтоженіе покровительственной системы приноситъ большія потери и лишенія рабочимъ, имѣющимъ занатіе въ тѣхъ отрасляхъ мануфактуры, которыя возникли подъ влияніемъ покровительства. Въ этомъ случаѣ, по словамъ Фосетта, уничтоженіе покровительственнаго тарифа,

¹⁾ Образцомъ можетъ служить сочиненіе, появившееся только прошедшимъ лѣтомъ: *J. Wilson: The Resources of Modern Countries. London, 1878. 2 vol.*

по своимъ послѣдствіямъ, крайне аналогично съ введеніемъ машинъ въ такое производство, которое прежде велось ручнымъ трудомъ. Масса рабочихъ, благодаря этому, терпитъ временно нужду, лишаясь работы и прежняго заработка: это соображеніе задерживаетъ вездѣ реформы тарифа. Но кромѣ того, для британскихъ колоній, изъ которыхъ многія, какъ извѣстно, приняли въ послѣднее время покровительственную систему, существуютъ также свои спеціальныя причины. Во-первыхъ «колоніальныя иртекционисты», говоритъ Фосеттъ получили значительное поощреніе въ мнѣніи одного знаменитаго экономиста (Д. С. Милля), по которому покровительственныя пошлины съ цѣлью пробужденія новой отрасли промышленности оправдываются какъ временный экспериментъ. Сверхъ того, въ Австраліи много англійскихъ эмигрантовъ изъ рабочаго класса, привлеченныхъ золотыми россыпями; не найдя на нихъ желаннаго богатства, они естественно побуждаютъ страну къ установленію покровительственной системы ради созданія тамъ такихъ мануфактуръ, къ работѣ на которыхъ они привыкли и приспособились у себя на родинѣ — въ Англіи. Что касается до упадка, будто-бы, англійской промышленности и торговли и притомъ частію подъ вліяніемъ политики свободной торговли, то неосновательность такого предположенія доказывается слѣдующими соображеніями и фактами. Какъ остатокъ старой меркантильной системы, по словамъ Фосетта, у многихъ является страхъ при видѣ возрастающаго ежегодно перевѣса британскаго ввоза надъ вывозомъ (въ 1877 году первый превышалъ второй 1:0 мил. ф. с.); но это обстоятельство, напротивъ, должно говорить за процвѣтаніе Англіи: масса англійскихъ капиталовъ находится за границей во всевозможныхъ предпріятіяхъ и ежегодно увеличиваетъ ея богатство, не говоря уже о покрытіи съ избыткомъ всего излишка привезенныхъ товаровъ. Вообще, по его мнѣнію, „перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ въ какой-бы ни было странѣ даетъ указаніе на размѣры капитала, кредиторомъ котораго она состоитъ относительно чужихъ странъ“. Слѣдовательно чѣмъ выше этотъ перевѣсъ, тѣмъ страна богаче. Но кромѣ громадныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ иностранныя предпріятія, Англія имѣетъ еще обширный источникъ богатства въ своемъ торговомъ флотѣ, служащемъ какъ для собственныхъ, такъ и для чужихъ потребностей и на сумму всего фрахта увеличивающемъ богатство страны. Наконецъ, этотъ перевѣсъ ввоза частію обязанъ и тому обстоятельству, что статистическія таблицы англійской торговли указываютъ цифры ввоза включительно съ фрахтомъ и прибылью кунца, ввозящаго товаръ; напротивъ, вывозъ исчисляется безъ этихъ двухъ важныхъ прибавокъ и слѣдовательно ниже дѣйствительности. Фосеттъ не можетъ, конечно, отрицать существованіе продолжительнаго промышленно-торговаго кризиса, но онъ находитъ его преувеличеннымъ и старается ослабить его значеніе, доказывая, что кризисъ еще сильнѣе въ Америкѣ, кибющей покровительственный тарифъ. Въ пользу Англіи онъ приводитъ такіа данныя: желѣзныя дороги за 1876 годъ дали прежній доходъ и слѣдовательно не уменьшили своего движенія; потребленіе чая не только не уменьшилось, но даже увеличилось, что указываетъ на благосостояніе рабочихъ классовъ; на то-же указываетъ и уменьшеніе официальной цифры пауперизма. Наконецъ упадокъ цѣны на уголь, хлопчатобумажныя издѣлія и другіе продукты

способствовалъ этому благосостоянію всѣхъ лицъ живущихъ опредѣленнымъ доходомъ (рентьеры, чиновники и т. п.) и тѣмъ самымъ, слѣдовательно, умѣрялъ вредное вліяніе кризиса. Послѣ всего этого слѣдуетъ только сдѣлать сравненіе кризиса, говоритъ онъ, фривредерской Англій съ такимъ-же протективной Франціи, Германіи, Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, чтобы убѣдиться, что тамошнее экономическое положеніе гораздо хуже и слѣдовательно политика свободной торговли не только не создала и не увеличила кризисъ Англій, но значительно, наоборотъ, уменьшила и ослабила его тягость.

Этого скатаго, возможно точнаго конспекта, содержанія половины книги проф. Фосетта, совершенно достаточно, по моему мнѣнію, чтобы ознакомить съ его приемами и аргументаціей и убѣдиться въ существованіи въ ней тѣхъ-же недостатковъ, которые замѣчаются въ его другихъ трудахъ и указаны въ началѣ настоящей рецензіи. Разберемъ главнѣйшія его положенія въ отдѣльности.

Главной причиной быстрой побѣды началъ свободной торговли въ Англій Фосеттъ считаетъ хлѣбные законы и ихъ вліяніе на цѣну пищи, — мотивъ, въ другихъ странахъ не существующій. Для этого онъ тщательно подбираетъ въ своей книгѣ (преимущественно во 2-ой главѣ) факты дороговизны хлѣба, голода и вообще разнообразнаго вреда, причинявшаго налогомъ на хлѣбъ и, ссылки на этотъ мотивъ парламентскихъ ораторовъ и дѣателей знаменитой лиги хлѣбныхъ законовъ. Такое объясненіе, однако, имѣетъ за себя только внѣшнюю доказательность: достаточно даже небольшого знакомства съ англійской исторіей сороковыхъ годовъ, при отсутствіи предубѣжденія, чтобы увѣриться въ исторической неточности и вообще неудовлетворительности этой аргументаціи. Дѣйствительно, лозунгомъ знаменитой борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ всегда выставлялся „дешевый хлѣбъ“ для народа и улучшение его бѣдственнаго положенія какъ главная внутренняя цѣль всей борьбы. Фосеттъ беретъ на вѣру этотъ лозунгъ, безчисленное число разъ повторавшійся въ рѣчахъ ораторовъ и всѣхъ изданіяхъ известной лиги, и его важностью полагаетъ возможнымъ объяснить крупный фактъ англійской исторіи. Онъ не пытается исторически провѣрить справедливость этого лозунга, не старается глубже изслѣдовать поводы и самыя условія борьбы, а просто беретъ на вѣру, безъ всякой критики, ходячее мнѣніе. Еслибы истинная причина и поводъ борьбы противъ протекціонизма заключались въ стремленія къ удешевленію народнаго продовольствія и слѣдовательно улучшенію его матеріальнаго положенія, то, конечно, весь народъ энергично сталъ-бы за дѣло лиги противъ хлѣбныхъ законовъ и дѣательно поддерживалъ-бы начала свободной торговли. Между тѣмъ, факты изъ исторіи сороковыхъ годовъ говорятъ противное: масса англійскаго народа — рабочій классъ выказывалъ все время очень мало симпатіи къ этой знаменитой борьбѣ. Въ то время какъ средній классъ, сплоченный рѣдкимъ единодушіемъ, съ поразительной энергіей и жертвами боролся на митингахъ, въ прессѣ и парламентѣ съ протекціонизмомъ, рабочій классъ въ огромномъ большинствѣ оставался чуждъ всему движенію и относился къ нему индифферентно, или даже прямо враждебно. Именно поэтому, частію, многіе изъ видныхъ представителей партіи свободной торговли

высказывались противъ расширенія правъ народнаго представительства. Известный экономистъ Сениоръ, напр., выражалъ прямо опасеніе, что это расширеніе увеличило-бы власть народа надъ политикою, причеъ „торговля не въ состояніи была-бы долго удерживать и ту даже долю свободы, которою она теперь пользуется“. Въ томъ-же духѣ высказывался Чаммерсъ, опасаясь одинаково для дѣла свободной торговли „допущенія низшихъ классовъ въ парламентъ“. „Воззрѣнія по этому поводу народа и философовъ“, говоритъ онъ, „весьма не гармонируютъ другъ съ другомъ“. Тоже самое сообщалъ въ 1845 г. Эбенезеръ Элиотъ, поэтъ борьбы за свободную торговлю: „Она велась, по его словамъ, среднимъ классомъ не только безъ помощи рабочихъ классовъ, но даже несмотря на ихъ оппозицію“. Это равнодушіе и даже противодѣйствіе повидимому общему благу невозможно приписать только невѣжеству или политической неразвитости народа: какъ извѣстно, почти въ одно время съ этой борьбой относится такъ наз. чартистское движеніе экономическаго и политическаго характера, охватившее собою всю страну и считавшее своихъ сторонниковъ миллионами. Напротивъ, масса англійскаго народа еще никогда не относилась такъ чутко къ политической жизни, дѣятельнаго участія въ которой она требовала; а между тѣмъ вожаки чартизма, напр. Фергусъ О'Конноръ и другіе, прямо стали въ оппозицію агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ, заявляя повсюду, что „ихъ уничтоженіе было-бы полезно только мануфактуристамъ, давши возможность нанимать трудъ за пониженную плату“. То-же самое откровенно заявляли и нѣкоторые лица изъ самихъ мануфактуристовъ на митингахъ лиги, жалуюсь на застой въ дѣлахъ¹⁾. Очень вѣроятно, что такой эгоистическій мотивъ не имѣлъ мѣста для многихъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ борцовъ лиги, проникнутыхъ наоборотъ гуманностью и любовью къ народу, но въ такой обширной борьбѣ, затрогивавшей ближайшіе интересы сотенъ тысячъ людей, нельзя не допустить и стимуловъ личнаго эгоистическаго свойства. Народъ мало довѣрялъ означенному лозунгу лиги, видя во главѣ ея тѣхъ самыхъ лицъ, которые энергично боролись въ парламентѣ противъ его требованій въ фабричномъ законодательствѣ: какъ извѣстно, многіе изъ вожаковъ лиги, напр. Джонъ Брайтъ, Кобденъ, Джо-зефъ Юмъ, рѣзко высказывались противъ такъ называемаго десятичасоваго билля, ограниченія женскаго и дѣтскаго труда и вообще противъ государственнаго регулированія фабричнаго труда, желательнаго рабочимъ. Такъ первый (Брайтъ) въ 1847 году во время парламентскихъ преній по поводу извѣстнаго билля Фильдена прямо заявилъ, что, благодаря этой государственной протекціи рабочимъ классамъ, заработная плата въ Англии и безъ того уже давно стоитъ выше той, которая бы должна быть въ дѣйствительности на свободномъ рынкѣ. Вообще борьба за свободную торговлю въ Англии носитъ на себѣ весьма рѣзкій классный отпечатокъ. Въ то время какъ промышленность страны созрѣла до такой степени, что вызывала необходимость уничтоженія всякаго внутренняго виѣшательства въ производство съ фискальной цѣлью (почему многочисленные акцизы и

1) Это подтверждается многими современниками изъ торговаго и промышленнаго класса: см. напр. *Our Free-Frade Policy etc. by a Liverpool Merchant* 1846 стр. 6 и далѣе.

начала уничтожаться раньше всего), иностранная конкуренція стала почти безвредной (почему еще въ 1844 г. уничтожено запрещеніе вывоза машинъ). Напротивъ таможенныя преграды иностранныхъ государствъ мѣшали англійскому сбыту и расширенію рынка. Съ уничтоженіемъ собственной покровительственной политики ожидалась немедленная взаимность и иностранцевъ: всѣ почти сочиненія того времени проникнуты въ этомъ отношеніи довольно сильной надеждой на успѣхъ свободной торговли напр. въ Россіи, Соединенныхъ Штатахъ и другихъ государствахъ съ покровительственнымъ тарифомъ ¹⁾. Такова первая и главнѣйшая причина принятія Англійей политики свободной торговли и быстроу успѣха ея законодательства въ этомъ направленіи; но затѣмъ, важнѣйшій ея фактъ — борьба противъ хлѣбныхъ законовъ, — не нужно забывать, имѣть столько-же характеръ политическій, сколько и экономическій. Это — борьба выросшаго средняго класса противъ несправедливой монополіи и могущества помѣстной аристократіи, которая продолжается, только въ болѣе незамѣтной и скромной формѣ, и до настоящаго времени подъ видомъ требованія free-trade in land, то есть свободной продажи земельной собственности. „Сдѣлаться когда-нибудь собственникомъ куска земли“, за мѣчаетъ справедливо Луп-Бланъ въ своихъ письмахъ объ Англійи, „составляетъ золотую, завѣтную грѣзу каждого англійскаго кунца и мануфактуриста“. Борьба противъ хлѣбныхъ законовъ была первымъ шагомъ къ этой вдвойнѣ желанной свободѣ какъ торговли, такъ и земли, а договоризна хлѣба и забота объ улучшеніи рабочихъ классовъ является вопросомъ второстепеннымъ, несущественнымъ, — *предлогомъ агитации, а вовсе не истинной причиной* всей борьбы и условіемъ ея успѣха, какъ думаетъ Фосеттъ. Почтенный ученый этотъ предлогъ ошибочно принимаетъ за самую причину и, не изслѣдовавши ближе вопросъ, приписываетъ ему быстрые успѣхи въ Англійи дѣла свободной торговли. Очевидно, что онъ забываетъ, что тотъ-же самый предлогъ въ томъ или другомъ видѣ служить различнымъ политическимъ партіямъ и для разнородныхъ цѣлей, не имѣющихъ часто ничего общаго съ народнымъ благомъ, и что если свободная торговля въ другихъ странахъ движется медленно, то это нужно отнести не къ недостатку предлоговъ, а къ отсутствію всей совокупности аналогичныхъ условій ²⁾.

¹⁾ «Надежда получить болѣе широкую вывозную торговлю съ Англійей... (если послѣдняя уничтожитъ хлѣбные законы) принудить Россію понизить ея тарифъ въ пользу нашихъ мануфактурныхъ продуктовъ». То-же и относительно Америки. См. R. Torrens: Three Letters to the Marquise of Chandos on the Effects of the Corn Laws. London. MDCCCXXXIX, стр. 33.

См. также многія рѣчи Кобдена и Брайта того времени.

²⁾ По Керду (Caird) средняя цѣна пшеницы до 1848 г. (уничтоженія хлѣбныхъ законовъ) составляла 57 шил. 4 пенса за кварталъ, а 20 лѣтъ послѣ — 53 шил. 3 п., то есть разница въ 5 шил. на кварталъ пшеницы, или считая кварталъ въ 326 фунтовъ, а съ припекомъ въ 35) ф., на каждомъ фунтѣ печенаго хлѣба англійчанинъ переплачивалъ до 1848 г. менше $\frac{2}{3}$ одного фардинга въ день, или семья рабочаго (изъ 4 челов., изъ коихъ двое дѣтей), при незначительномъ сравнительно въ Англійи потребленіи хлѣба (5 — 6 ф. на семью), переплачивали около одного пенни (3 коп.) въ день или 7 пенсовъ въ недѣлю, что, при мелочной покупкѣ хлѣба и высокой средней заработной платѣ, едва-ли составляло слишкомъ чувствительную и замѣтную тягость для массъ народа.

Нельзя согласиться также и съ теми доводами, которые приводитъ Фосеттъ чтобы объяснить обращеніе англійскихъ колоній къ покровительственной системѣ. Первый изъ нихъ — вліяніе будто-бы авторитета Д. С. Милля, сдѣлавшаго одну уступку протекціонизму въ своей политической экономіи, — доводъ по меньшей мѣрѣ странный и неисторическій: нигдѣ, никогда и никакая книга не двигала политикой цѣлой страны безъ существованія цѣлаго ряда важныхъ условій внутренней государственной жизни; книги обыкновенно только санкціонируютъ готовые жизненные отношенія и уясняютъ ихъ дальнѣйшій ходъ; самый успѣхъ книги всегда зависитъ отъ того, насколько она совпадаетъ съ этимъ запросомъ жизни и времени. Принципы самого Адама Смита нѣ имѣли въ Англии почти 50 лѣтъ практическаго примѣненія, пока не созрѣли для того необходимыя реальныя условія. Къ тому-же, какъ всѣмъ извѣстно, Милль въ цѣломъ былъ фритредеръ и вся его уступка протекціонизму заключаетъ ровно тридцать строчекъ исключенія изъ принятой системы: онъ допускаетъ, и то съ значительными оговорками, протекціонизмъ для націй юныхъ и развивающихся, вѣроятно дѣлая это подъ вліяніемъ альтруизма (См. Principles of Political Economy by J. S. Mill. Fifth edition, vol. II, стр. 525). Эту выдержку изъ Милля Фосеттъ называетъ „харгетіа“ современныхъ протекціонистовъ. Такой неловкій доводъ, кромѣ его научной несостоятельности, можетъ служить даже обоюдоострымъ оружіемъ, которое возможно направить противъ самого автора: не менѣе Милля по однороднымъ мотивамъ Фосеттъ является непослѣдовательнымъ, дѣлая подобныя же отступленія отъ принятой системы свободной торговли. Въ концѣ послѣдней (VI-ой) главы разбираемой нами книги напр. онъ трактуетъ вопросъ о покровительственномъ сборѣ въ 5% для хлопчатобумажныхъ издѣлій, существующемъ въ Индіи: благодаря этой пошлинѣ, сообщаетъ онъ, возникли въ Бомбей хлопчатобумажныя фабрики, которыя, конкурируя съ англійской мануфактурой, доставляютъ ей ущербъ и вызываютъ требованія со стороны англійскихъ производителей уничтожить эту протекцію ради ихъ интересовъ и во имя соблюденія принциповъ свободной торговли. Какъ-же рѣшаетъ этотъ вопросъ проф. Фосеттъ? Онъ заявляетъ, что его нельзя разсматривать *исключительно съ экономической точки зрѣнія*, что нельзя не обращать вниманія на чувства народа, что не слѣдуетъ забывать о бѣдственномъ положеніи индѣйцевъ и критическомъ — самихъ финансовъ Индіи, что нельзя все мѣрять одной жѣркой и что *самая справедливая система налоговъ для одного народа совсѣмъ не подходитъ къ другому* и такъ далѣе. Вообще онъ повторяетъ аргументы протекціонистовъ и въ заключеніе высказывается, очевидно по той-же причинѣ, какъ и упрекаемый Милль, за сохраненіе въ Индіи помянутой покровительственной пошлины.

Второй аргументъ, который приводитъ авторъ для объясненія протекціонизма англійскихъ колоній, едва-ли также можно признать серьезнымъ. Вліяніе въ этомъ отношеніи англійскихъ эмигрантовъ — золотонискателей составляетъ догадку, еще требующую подтвержденія, хотя бы и дѣйствительно эти лица вездѣ стояли за протекціонизмъ: золотыя розсыпи существуютъ одинаково какъ въ Викторіи, такъ и въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ; между тѣмъ первая колонія, какъ извѣстно, держится покровитель-

ственнаго тарифа вторая — свободной торговли. Впрочем, существуют некоторые данные и в пользу этой догадки, но представляющія дѣло въ совершенно иномъ свѣтѣ. По мнѣнію Фосетта, эти золотоискатели преслѣдуютъ покровительственную политику изъ-за своихъ эгоистичныхъ цѣлей; между тѣмъ, по свидѣтельству вполне добросовѣстныхъ очевидцевъ, приводятся другіе мотивы, и эти лица заботятся, оказывается, вовсе не о себѣ. Объ этомъ Фосеттъ, не бывавшій никогда въ Австраліи, могъ сираться у своего товарища по парламенту — Чарльза Дилка, котораго отнюдь нельзя назвать протекціонистомъ. „Австралійскіе рудокопы и западные земледѣльцы Америки“, говоритъ послѣдній въ извѣстномъ описаніи своего путешествія, „представляютъ міру великій образецъ самопожертванія для народнои дѣли: сотни и тысячи этихъ простыхъ необразованныхъ (rough) людей живутъ съ меньшимъ комфортомъ благодаря тарифу, нежели бы могли жить, только для того, чтобы масса ихъ соотечественниковъ могла жить лучше чѣмъ ихъ братья-труженики въ Старой Англии“¹⁾. Во всякомъ случаѣ, конечно, одинъ этотъ частный случай не можетъ объяснить всей торговой политики англійскихъ колоній, какъ это хочетъ сдѣлать Фосеттъ.

Не менѣе спорны многіе доводы, съ помощью которыхъ авторъ старается успокоить англійское общественное мнѣніе силой своего авторитета. Фосеттъ совершенно правильно ставитъ вопросъ торговаго баланса Англии: принадлежащія Англии за границей капиталы и вообще задолженность ей другихъ странъ такъ велики, что перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ въ этой странѣ покрывается съ избыткомъ и самъ по себѣ не можетъ составлять серьезнаго предмета заботы. Напротивъ это обстоятельство даже указываетъ, насколько Англія состоитъ кредиторомъ всѣхъ другихъ странъ; но отсюда, во первыхъ, нельзя дѣлать общаго вывода, чтобы то-же заключеніе могло быть приложимо къ какой-бы то ни было странѣ; чтобы вездѣ такой перевѣсъ обозначалъ тотъ-же самый характеръ экономическихъ отношеній. Фосеттъ упрекаетъ другихъ фритредеровъ въ склонности слишкомъ поспѣшно дѣлать обобщенія, но въ данномъ случаѣ самъ дѣлаетъ ту-же ошибку. Случайный перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ напр. въ Россіи или Соединенныхъ Штатахъ отнюдь, разумѣется, не означаетъ, чтобы эти страны въ данный годъ разбогатѣли и держали въ долгу иностранцевъ. Кромѣ того, главную причину общественной тревоги составляетъ вовсе не торговый балансъ, — хотя и онъ не остался безъ вліянія на перемѣненіе металла и возвышеніе дисконтнаго процента, если вѣрнѣе „Экономисту“ (The Economist, 1877, № отъ 24 ноября), — а тяжелое для массы народа вліяніе, которое оказываетъ уменьшеніе вывоза. Давно уже въ Англии существуетъ означенный перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ, и одно это обстоятельство отнюдь не внушало бы такихъ опасеній; но дѣло въ томъ, что до 1872 года вывозъ увеличивался *постепенно* вслѣдъ за ввозомъ, съ тѣхъ-же поръ ввозъ продолжаетъ быстро расти (354 мил. ф. с. въ 1872 г. и 375 мил. въ 1876 г.), а вывозъ соответственно падаетъ (256 мил. въ 1872 г. и только 200 м. въ 1876 г.). Такимъ образомъ, разнища между ними весьма быстро увеличивается и, самое главное, англійская мануфак-

¹⁾ Greater Britain by Charles Wentworth Dilke. 1868. Vol. II, стр. 63.

тура, не находя вывоза, уменьшается и падает, слѣдовательно всѣ промышленные классы должны переносить большія лишенія, годъ отъ году возрастающія. Изъ этой обширной категоріи населенія наибольшая доля страданія падаетъ, разумѣется, на рабочій классъ: мануфактуристъ, при ограниченномъ спросѣ, уменьшаетъ производство или сумму своего профи-та, а въ крайнемъ только случаѣ закрываетъ предприятие и живетъ, затрачивая часть капитала, въ ожиданіи лучшихъ временъ; рабочему-же, оставшемуся безъ труда, представляется одинъ исходъ — прожить маленькія сбереженія, если они есть, и затѣмъ, только спустивши все движимое имущество, обратиться къ приходу и идти въ рабочій домъ. Вотъ тѣмъ, по словамъ людей, близко знающихъ бытъ рабочихъ, и можно доказать несостоятельность аргумента Фосетта, что официальная цифра пауперизма въ Англіи не только не увеличилась за время кризиса, но даже нѣсколько уменьшилась ¹⁾. Впрочемъ, несостоятельность этого аргумента уничтожилъ самъ авторъ сознаниемъ, что за послѣдніе годы строгость администраціи для пособія бѣднымъ усилена; конечно, при такомъ условіи это официальное уменьшеніе говоритъ не за благополучіе бѣдныхъ классовъ, а только за исполнительность администраціей этихъ новыхъ правилъ. „Только самая ужасная крайность заставляетъ идти въ рабочій домъ людей, привыкшихъ къ независимости; но когда всѣ сбереженія бывшихъ лѣтъ будутъ рабочими уничтожены, то, конечно, цифра официальныхъ бѣдныхъ быстро пойдетъ въ гору“.

Другіе доводы Фосетта, предназначенные разсѣять современный пессимизмъ, большею частію не менѣе слабы: удовлетворительные сборы и движеніе на желѣзныхъ дорогахъ отнюдь не доказываютъ еще небольшіе размѣры кризиса: если вывозъ мануфактурныхъ произведеній Англіи упалъ, то привозъ иностраннаго громаднаго сырья не переставалъ возрастать и слѣдовательно могъ съ избыткомъ доставлять работу желѣзнымъ дорогамъ; кромѣ того, по наблюденію только-что цитованнаго Бриттэна, въ дурные годы замѣчено много пассажировъ, такъ какъ народъ ищетъ работы и чаще передвигается. Прочіе доводы, которыми авторъ старается смягчить общее недовольство современнымъ положеніемъ, одинаково мало доказательны. Возрастаніе потребленія чая и нѣкоторое увеличеніе вкладовъ сберегательныхъ кассъ вполне объяснимы и возможны во времена самаго жестокаго кризиса: чай составляетъ общераспространенный и самый дешевый капиталъ въ Англіи, почему его потребленіе и должно было усилиться въ настоящее время на счетъ другихъ болѣе дорогихъ питей (привозъ рома напр. значительно уменьшился); вклады же сберегательныхъ кассъ могли, при общемъ застоѣ, возрасти вслѣдствіе освобожденія мелкихъ капиталовъ, прежде вложенныхъ въ различную мелочную торговлю, которая постоянно падаетъ при обѣдненіи рабочихъ классовъ ея главныхъ покупателей: это замѣчается напр. въ періоды стачекъ. Послѣдній приемъ Фосетта для той же цѣли заключается въ сравненіи между отечественнымъ кризисомъ и такимъ же Соединенныхъ Штатовъ и другихъ странъ

¹⁾ British Trade and Foreign Competition by *Frederick Brittain*. London, 1878, стр. 8.

сь покровительственными тарифами. Онъ старается доказать, что кризисъ въ этихъ государствахъ еще сильнѣе и бѣдственнѣе, приписывая это вліянію тарифа. Такой аргументъ, однако, не опровергаетъ главное положеніе противниковъ Фосетта, которые часть настоящаго бѣдствія относить къ односторонней политикѣ свободной торговли: аргументъ доказываетъ только, что промышленно-торговые кризисы возможны при всякомъ родѣ внутренней политики. При этомъ Фосеттъ упускаетъ изъ виду существенное отличіе всѣхъ этихъ странъ отъ Великобританіи: въ первыхъ — мануфактура и вывозная торговля имѣютъ второстепенное значеніе въ общей народной экономіи, во второй же — главное и первостепенное; а слѣдовательно одинаковый и даже меньшій кризисъ долженъ чувствоваться въ Англіи сильнѣе. Единственное ииоднѣ бесспорное положеніе, высказанное Фосеттомъ въ пользу доказываемаго, заключается по моему мнѣнію въ томъ, что покровительственный тарифъ возвышаетъ цѣны продуктовъ, этимъ самымъ увеличиваетъ тяжесть кризиса для массы народа, если конечно существуютъ привозныя и покровительствуемыя произведенія первой потребности. Это соображеніе даетъ важный доводъ въ пользу свободной торговли. Впрочемъ на практикѣ любая экономическая тенденція подъ вліяніемъ разнородныхъ, часто случайныхъ условій, такъ измѣняетъ свой ходъ, что нерѣдко трудно опредѣлить, что именно въ данномъ случаѣ выгодноѣ или полезноѣ. Главнѣйшій спорный пунктъ и преимущество свободной торговли напр. состоитъ въ томъ, что при ней не платится, какъ это существуетъ при покровительственной системѣ, излишняя цѣна за продукты вслѣдствіе тарифа, создающаго до извѣстной степени монополію внутренняго производства; но вотъ оригинальный случай практики изъ послѣдней русско-турецкой войны, который передавалъ Лёнисъ (Loehnis) и притомъ безъ всякой предвзятой цѣли, желая только показать, что невозможно иногда даже и предвидѣть тѣхъ обширныхъ скрытыхъ и взаимныхъ вліаній, которыя могутъ измѣнить самое дѣйствіе данной экономической тенденціи. Извѣстно, что прекрасное вооруженіе турецкой пѣхоты (преимущественно американскаго издѣлія) увеличило боевую силу турокъ и косвенно задержало можетъ быть въ началѣ быстрые успѣхи русскаго войска. Черезъ это, по словамъ Лёниса, восточные штаты Союза, фабрики которыхъ, обязанныя своимъ существованіемъ высокому тарифу, поставили оружіе туркамъ (прошлый годъ слишкомъ на 5 мил. дол.), оказали огромную услугу западнымъ штатамъ, такъ какъ затянувшаяся война и блокада Чернаго моря сократили подвозъ въ Англію русскаго хлѣба и доставили американцамъ вѣрный сбытъ и высокія цѣны хлѣба. Излишекъ народнаго дохода вслѣдствіе этого, по его расчету, былъ такъ великъ, что навѣрное Соединенные Штаты съ избыткомъ покрыли за цѣлѣй рядъ прошлыхъ лѣтъ ту разницу въ цѣнѣ продуктовъ, которую переплачивали благодаря тарифу ¹⁾. Этотъ примѣръ показываетъ, какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ самому вѣрному теоретическому положенію въ прижизненіи его къ практикѣ, а въ этомъ именно отношеніи Фосеттъ нерѣдко и грѣшитъ.

¹⁾ Der Marasmus in Handel u. Industrie 1877, von H. Loehnis, London, 1878, стр. 211 и 212.

Можно было бы указать еще на многие, чисто фактические недосмотры и даже прямо ошибки в новой книге Фосетта: так напр. его предположения о причинах упадка американского флота опровергаются рѣшительно всѣми известными по этому предмету данными. Авторъ забылъ о влияніи междоусобной войны 1863 года, когда множество судовъ, принадлежавшихъ сѣверянамъ, спасаясь отъ Алабамы и другихъ крейсеровъ, подняли англійскій и канадскій флаги: ему достаточно было бы для этого справиться о значительной цифрѣ прироста въ этомъ году англійскаго флота заграничнаго плаванія въ столь часто имъ цитируемомъ „Ежегодникѣ Фредерика Мартина“, неговоря о болѣе специальныхъ трудахъ ¹⁾. Не меньшія поправки можно было бы сдѣлать въ сообщаемыхъ Фосеттомъ свѣдѣніяхъ объ англо-американской эмиграціи (такъ какъ ради желаемого вывода онъ ограничивается однимъ 1877 годомъ вмѣсто четырехлѣтняго періода кризиса), въ его разсужденіяхъ о причинахъ и развитіяхъ французской преміи на вывозной сахаръ и т. д., не считая противорѣчій въ его IV-ой главѣ, которой мы совсѣмъ не касались. Но ограничимся указанными недостатками разбираемаго сочиненія и постараемся вкратцѣ опредѣлить то мѣсто, которое оно должно занимать въ необъятной литературѣ вопроса о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ.

Если сравнить книгу Фосетта съ другими англійскими трудами по тому же вопросу за послѣдніе тридцать лѣтъ, то несмотря на всѣ показанные недостатки нельзя ей все таки не отдать первенство: она заключаетъ въ себѣ довольно многія достоинства. Фосеттъ является уже гораздо искреннѣе и безпристрастнѣе прочихъ англійскихъ фритредеровъ. Вѣрняя, казовая сторона англійскаго богатства — огромная сравнительно цифра ея возрастающаго торговаго оборота — далеко уже не увлекаетъ его какъ другихъ фритредеровъ: онъ считаетъ ее неловкимъ аргументомъ, котораго слѣдуетъ избѣгать (стр. 13), онъ находитъ даже, что „въ Англии слишкомъ склонны преувеличивать результаты свободной торговли“ (стр. 11). Мало того, онъ оспариваетъ исключительное значеніе политики свободной торговли въ развитіи колоссальнаго богатства страны: онъ указываетъ на желѣзныя дороги и фискальную реформу какъ на два другихъ важныхъ фактора въ этомъ отношеніи; между тѣмъ довольно известный фритредеръ Джонъ Нобль всего восемь лѣтъ назадъ чуть не совершенно, на примѣръ, отрицалъ влияніе желѣзныхъ дорогъ на созданіе англійскаго богатства, приписывая его цѣликомъ успѣхамъ свободной торговли. Кромѣ того существуетъ еще одна сторона, относительно которой Фосеттъ опять является нѣсколько выше большинства англійскихъ писателей по вопросу свободной торговли. У всѣхъ экономистовъ этой школы, какъ вѣрно замѣтилъ Рощеръ, есть одна общая черта, составляющая немаловажный недостатокъ для правильнаго рѣшенія большинства научныхъ вопросовъ: они слишкомъ абстрактны, т. е. абстрактныя положенія науки при обсужденіи практическихъ вопросовъ нѣрѣдко прилагаютъ цѣликомъ къ жизни, забывая какъ бы о тѣхъ разнообразныхъ и сложныхъ условіяхъ, которыми

¹⁾ The Statesman's Yearbook for the Year 1878 by *Fr. Martin*, стр. 262. См. также *John Glover*, Tonnage Statistics of the Decade 1860—1870 in *Journal of the Statistical Society of London* 1873, XXXV.

могутъ во многомъ измѣнить приложеніе закона къ практикѣ. Они упустили также изъ виду, что экономическая политика имѣетъ дѣло съ живыми людьми, интересами которыхъ нельзя жертвовать ради какого угодно абстрактнаго положенія науки. Хотя Фосеттъ и самъ нѣрѣдко дѣлаетъ тотъ же промахъ, но тѣмъ не менѣе въ двухъ уже упомянутыхъ случаяхъ (вопросъ объ Индіи и трудность перехода отъ протективной системы къ свободной торговлѣ) дѣлаетъ отступление и допускаетъ для экономической политики и другія соображенія кромѣ чисто экономическихъ (большаго производства), хотя черезъ это впадаетъ во внутреннія противорѣчія.

Но при рѣшеніи всякаго экономическаго вопроса въ настоящее время еще болѣе чѣмъ разработка подробностей и частныхъ сторонъ имѣетъ значеніе общая историческая постановка вопроса: отъ правильности ея зависитъ какъ научная, такъ и практическая пригодность и примѣнимость къ жизни посредствомъ законодательства самихъ выводовъ изслѣдованія. Я уже упоминалъ на несогласіе нѣкоторыхъ частныхъ выводовъ Фосетта съ данными англійской исторіи; то-же нужно сказать и объ общей постановкѣ вопроса: онъ не даетъ ничего новаго, что-бы вело къ уясненію существующихъ экономическихъ отношеній въ вопросѣ о свободной торговлѣ. Со времени Адама Смита, весь экономическій строй Англіи подвергся огромной перемѣнѣ: изъ страны вывозившей хлѣбъ Англія обратилась въ воззвѣщающую его слишкомъ на пятьдесятъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ съ ничтожнымъ сравнительно земледѣльческимъ населеніемъ, годъ отъ году уменьшающимся; изъ страны съ обширной кустарной промышленностью, съ множествомъ мелкихъ хозяйственныхъ единицъ, съ значительными еще кусками общинной земли она превратилась въ громадную фабрику съ необеспеченнымъ рабочимъ населеніемъ, участь котораго часто всецѣло определяется иностранной войной или иностраннымъ тарифомъ, съ огромными земельными ниществами, нѣрѣдко закупаемыми или превращаемыми въ парки ради охоты (какъ въ извѣстномъ примѣрѣ герцога Соусеренда) и только съ частію нѣкъ обрабатываемой интенсивно на фабричный манеръ. При Смитѣ женскій и дѣтскій фабричный трудъ былъ совершенно уничтоженъ, нынѣ-же составляетъ чуть-ли не половину всего производства, уменьшая заработную плату и заставляя эмигрировать взрослое мужское населеніе страны. Въ великой экономической и политической борьбѣ интересовъ въ прошломъ вѣкѣ дѣйствовали на сценѣ два фактора — *landlords* и *industrial classes*. Въ послѣднемъ принадлежали средній и рабочій классы, слитые вмѣстѣ нераздѣльными интересами. Но уже въ сороковыхъ годахъ настоящаго вѣка, какъ извѣстно, кромѣ теоретической (установленной Рикардо), между ними обнаружилась значительная политическая рознь: представители промышленно-торговаго капитала требуютъ свободы отъ государственнаго вмѣшательства, напротивъ представители труда — усиленія его во многихъ отношеніяхъ. Отсюда, подъ этииъ двоякимъ давленіемъ различныхъ интересовъ, и двоякое теченіе англійскаго законодательства: въ торговлѣ въ широкомъ смыслѣ (*trade*) — освобожденіе, въ трудѣ — стѣсненія (фабрично-полицейскія регуляціи), причѣмъ рабочіе находятъ иногда союзниковъ своимъ стремленіямъ въ консервативной земельной аристократіи. При этомъ, очевидно, законодательство представляетъ полнѣ

интересъ того класса, который сдѣлался сильнѣе въ политическомъ отношеніи.

Измѣнившіяся историческія условія предполагаютъ, разумѣется, и необходимость новой постановки экономическихъ изслѣдованій, коль-свора она касается Англій, но этого-то именно мы и не видимъ ни у Фосетта, ни у его многочисленныхъ предшественниковъ. Отсюда проистекаетъ и спорный характеръ вопроса о свободной торговлѣ: старая постановка, при существованіи новыхъ интересовъ и условій, даетъ разнообразныя, другъ другу противорѣчащія рѣшенія. Industrial classes по прежнему для Фосетта представляютъ нѣчто цѣлое, и онъ даже не думаетъ задаться вопросомъ, насколько напиримѣрь удовлетворены интересы спеціально англійскихъ рабочихъ классовъ великой реформой свободной торговли. Эти интересы для него тождественны съ современнымъ господствомъ англійской промышленности и торговли, хотя многое, можетъ быть, и говорить противъ такого обобщенія.

Позволю себѣ заключить настоящую, слишкомъ разросшуюся рецензію словами одного мало извѣстнаго, а нынѣ и совсѣмъ забытаго, хотя весьма недюжиннаго изслѣдователя-экономиста. «Нельзя не замѣтить», говоритъ онъ еще двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, что наша политическая экономія въ послѣднее время получила новый элементъ — собственность труда и искусства — рабочій интересъ. Протекція или свободная торговля должны разсматриваться, а законодательство дѣйствовать на иныхъ принципахъ и точкахъ, нежели тѣ, которыя устанавливались единственно поземельными и мануфактурными интересами. Вся наша система политической экономіи и самые запутанные вопросы покровительственной системы и свободной торговли стоятъ открытыми вслѣдствіе присутствія новаго элемента — рабочаго интереса, который протекціонисты, какъ и фритредеры, землевладѣльцы, какъ и капиталисты, просмотрѣли въ своей политикѣ. Рабочій интересъ держитъ балансъ между ними обоими. Онъ имѣетъ не только физическую силу численности, но и моральную — тѣхъ-же самыхъ принциповъ, по которымъ признаются всѣ другіе роды собственности, и это все даетъ ему право, какъ самой заинтересованной и важной общественной партіи, на участіе во всѣхъ спорахъ и законодательныхъ мѣрахъ, касающихся покровительственной системы и свободной торговли»¹⁾.

Иванъ Янжулъ,

ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

¹⁾ *Samuel Laing: Observations on the Social and Political State of Denmark in 1851. London, 1852, стр. 313.*

ОБОЗРѢНІЕ
ДВИЖЕНІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ.

ЗА 1878 ГОДЪ.

Вступленіе. Общій взглядъ на событія 1878 г. — Кодефикаціонныя работы. — Центральныя учрежденія. — Военная организація и войско. — Финансы; общее финансовое положеніе по окончаніи войны и расходы на нее; финансовое законодательство и текущія распоряженія. — Государственное хозяйство. — Полиція. — Судебная часть. — Уголовное право. — Народное образованіе. — Художественная часть. — Мѣстное управленіе.

Минувшій годъ останется безъ сомнѣнія навсегда памятнымъ въ русской исторіи, какъ одинъ изъ томительнѣйшихъ годовъ, какіе приходилось когда либо переживать русскому народу. И въ международной, и во внутренней его жизни соединилось разомъ въ 1878 г. множество разнородныхъ обстоятельствъ, которыя наложили на этотъ годъ колоритъ болѣе мрачный, чѣмъ даже кровопролитія и жертвоприношенія военныхъ событій 1877 г. Правда, въ 1878 г. героическими подвигами русскихъ войскъ были окончательно сломлены на обоихъ театрахъ войны силы Османской имперіи, сдѣлались окончательно несомнѣнными наши побѣды, прибавилась къ славѣ великихъ государственныхъ преобразованій нынѣшняго царствованія еще новая неувыдаемая слава оружія, и былъ заключенъ международный миръ, столь желанный для продолженія нашихъ успѣховъ на почвѣ внутренней гражданской жизни. Но послѣ приостановленія военныхъ дѣйствій и заключенія Санъ-Стефанскаго договора (19 февраля 1878 г.) съ турками, вся первая половина года была наполнена мучительными ожиданіями окончательнаго мира, о которомъ пришлось, несмотря на ратификацію Санъ-Стефанскаго договора, переговаривать еще въ Берлинѣ, подъ давленіемъ на насъ почти всей Европы, соединившейся къ разрушенію нашего дѣла въ Турціи. Этимъ давленіемъ, парализовавшимъ уже прежде весь ходъ нашихъ военныхъ операцій, объясняется необычайный въ дѣтонисяхъ международнаго права «предварительный» (предварительный) характеръ *ратификаціи* къ обѣимъ сторонамъ Санъ-Стефанскаго договора. Всѣ эти факты не могли не волновать патриотическихъ чувствъ нашего общества. Берлинскій трактатъ (1 іюля 1878 г.) хотя и устранилъ къ счастью и Европы, и Россіи, бѣдствія новой войны,

но какъ неизбежный компромиссъ съ многочисленными врагами Россіи и освобождаемыхъ ею христіанскихъ народонаселеній Турціи, этотъ трактатъ не могъ удовлетворить всего того общественнаго воодушевленія, которое сопровождало у насъ въ 1876 и 1877 гг. событія на Балканскомъ полуостровѣ и всѣхъ тѣхъ великихъ, и можетъ быть отчасти преувеличенныхъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ кружкахъ, ожиданій, которыя связывались сперва съ сербскою и потомъ съ нашею войною. Затѣмъ замѣшательства по приведенію въ исполненіе берлинскаго трактата, по заключенію третьяго *самаго окончательнаго* мира (27 января 1878) съ Турками и по устройству Болгаріи, — всѣ эти замѣшательства, почти не прекратившіяся даже и до сихъ поръ, наполняютъ вторую половину 1878 г. Страннымъ сплывеніемъ политическихъ обстоятельствъ, Россія, послѣ своихъ побѣдъ, была поставлена, по отношенію къ берлинскому трактату, въ совершенно исключительное, политическое положеніе: на ней, и на ней одной, осталась тяжелая отвѣтственность передъ всею Европою за точное исполненіе этого международнаго акта, между тѣмъ какъ самою-же Россіей была признаваема несостоятельность его постановленій для прочнаго государственнаго устройства Балканскаго полуострова и этотъ международный актъ составленъ другими державами въ духъ вражды и недовѣрія къ Россіи. Такое политическое положеніе въ международной жизни, пренебреженное вслѣдствіе противурѣчій, едва ли когда нибудь встрѣчалось. Отсюда цѣлый рядъ международныхъ недоразумѣній, которыя, несмотря на троекратный миръ, не позволили Россіи, послѣ непрерывныхъ трехлѣтнихъ тревогъ за своими предѣлами, войти въ совершенно нормальную мирную колею и предаться всецѣло трудамъ своего внутренняго гражданскаго преуспѣянія.

Между тѣмъ эти-то труды оназались въ 1878 г. болѣе, чѣмъ когда либо нужными. Ненормальное международное положеніе было тѣмъ болѣе тяжело, что къ нему присоединилось не мало печальныхъ явленій во внутренней нашей жизни, которыми служатъ признаками, если и не глубокаго, и не кореннаго недуга въ народномъ организмѣ, то немаловажныхъ нравственныхъ болѣзней, заразившихъ нѣкоторые общественные слои и требующихъ серьезныхъ мѣръ для своего излѣченія. Здѣсь не мѣсто описывать всѣ эти болѣзненные явленія, возбудившія крайнее негодованіе всего мыслящаго и честнаго русскаго общества въ 1878 г., — расхищенія денежныхъ кассъ, корыстную промышленную эксплуатацію публичныхъ должностей, обязанностей и общественныхъ положеній,

наконецъ злодѣйскія политическія насилія и покушенія противъ законнаго государственнаго порядка и его официальныхъ представителей. Но здѣсь нельзя было не упомянуть обо всѣхъ этихъ явленіяхъ, отчасти застарѣлыхъ, отчасти новыхъ въ русской жизни, такъ какъ всѣ они вопіютъ для своего исцѣленія, для возстановленія законности и правомѣстности въ государствѣ, поруганныхъ всѣми этими преступленіями, насиліями и покушеніями, вопіютъ къ энергическимъ мѣрамъ помощи, къ новой усиленной государственной и общественной дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что эта помощь и явится, какъ только настоящія, внутреннія болѣзнетворныя причины всѣхъ этихъ наружныхъ симптомовъ неправильныхъ отправленій общественной жизни будутъ ближе изслѣдованы и болѣе ясны для общественнаго сознанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и будутъ ясны дѣйствительныя, не одиѣ только палліативныя, средства къ ихъ устраненію. Даже и самыя поверхностныя раны на общественномъ организмѣ, также точно какъ и на физическомъ, не могутъ, безъ существеннаго вреда для его здоровья, оставаться долго открытыми, пренебреженными и подверженными всякимъ внѣшнимъ раздраженіямъ.

Нельзя не надѣяться, что теперь, съ водвореніемъ окончательнаго внѣшняго мира, возродится у насъ та усиленная государственная и общественная дѣятельность къ искорененію всѣхъ плевелъ, засорившихъ нашу землю, о которой мы упомянули выше. Какъ уже было говорено нами при началѣ замѣшательствъ, приведшихъ къ войнѣ ¹⁾, передъ нею замѣчались «роздыхъ», замедленіе въ нашихъ законодательныхъ и административныхъ работахъ, почти застой въ общественной и промышленной жизни послѣ чрезвычайно оживленнаго періода реформъ 60-хъ годовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выражали надежду, что и эта новая международная буря будетъ имѣть тѣ же послѣдствія, какъ и многія другія въ нашей отечественной исторіи; «годиниы внѣшнихъ политическихъ затрудненій и горькихъ испытаній всегда насаждали обильные плоды на русской землѣ». Здѣсь мѣсто припомнить незабвенныя слова, сказанныя Государемъ Императоромъ 20 ноября въ московскомъ кремлѣ передъ представителями мѣстныхъ сословій, по поводу окончанія войны и «грустныхъ (внутреннихъ) событій» прошедшаго года: «...Да даруетъ Намъ Богъ утѣшеніе видѣть дорогое Наше отече-

¹⁾ См. «Обозрѣніе» стр. 85, въ III т. Сб. Гос. Зн.

ство постепенно развивающимся мирным и законным путем. Только этим путем может быть обезвечено будущее могущество России, столь же дорогое вамъ, какъ и Мнѣ».

Новая эпоха продолженія мирнаго, законнаго и постепеннаго развитія государственнаго строя ¹⁾, продолженія и упроченія всѣхъ великихъ реформъ нынѣшняго царствованія, не можетъ же настать съ мимованіемъ внѣшнихъ тревогъ и съ окончаніемъ взятаго Россіей на свою отвѣтственность государственнаго устройства Болгаріи. Всѣ политическіе и военные опыты, вынесенные нами изъ военноподипломатической драмы, разыгрывавшейся, въ минувшіе три года, на Балканскомъ полуостровѣ и во всей Европѣ на нашъ счетъ, не могутъ не доставить намъ плодотворныхъ навиданій какъ для внутренней, такъ и для международной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и тяжки были минуты унынія и разочарованія, пережиты неоднократно въ этой драмѣ, но мы не можемъ не вынести изъ нея духа новой бодрости и силы для нашей государственной и общественной жизни.

Когда водворится пора спокойнаго размышленія надъ результатами войны и трезвой оцѣнки бывшихъ у насъ наличныхъ средствъ для осуществленія нѣкоторыхъ преувеличенныхъ ожиданій, связывавшихся съ войною, тогда здравое общественное мнѣніе не можетъ не удовлетвориться всѣмъ тѣмъ, что уже окончательно и безповоротно достигнуто нами этою войною. Укажемъ только на самые крупныя историческіе результаты: на Балканскомъ полуостровѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ европейскомъ государственномъ мірѣ заложены основанія новой славянской государственной единицы, — болгарской, — о государственной самостоятельности которой совсѣмъ позабыла новѣйшая исторія; окончательно признана и навсегда оторвана отъ Оттоманской имперіи политическая самостоятельность трехъ другихъ христіанскихъ и двухъ чистославянскихъ государствъ, — Румыніи, Сербіи и Черногоріи, съ улучшеніемъ и усиленіемъ ихъ территорій; сверхъ того, въ интересахъ не только чисто русскихъ, но также и въ интересахъ болѣе могущественной нашей охраны христіанскихъ народонаселеній европейской и азіатской Турціи, расширены и стратегически усилены наши

¹⁾ Въ виду этихъ мыслей, въ нынѣ наступающую эпоху, будутъ весьма полезны общіе взгляды на историческое развитіе русскаго государства и права, изложенные въ статьѣ В. И. Сергѣевича, помѣщенной въ настоящемъ томѣ Сб. Г. Зн.

граждани съ нею и въ Европѣ и въ Азіи; наконецъ возвращеніемъ бессарабской полосы земли, отнятой у насъ царскимиъ трактатомъ 1756 г.; уничтоженіемъ послѣдней черной тѣни этого международнаго акта, послѣднее горькое воспоминаніе унаслѣдованное нынѣшнимъ царствованіемъ, и отмщена мученическая кровь савстопольскихъ героевъ...

Предносившаяся многимъ благороднымъ и возвышеннымъ думамъ въ нашемъ отечествѣ многовѣковая историческая задача разрушенія азіатскаго царства въ Европѣ и полнаго государственнаго возрожденія всего славянскаго міра не могла быть и на этотъ разъ разрѣшена силами одной Россіи. Но для этого разрѣшенія и въ особенности для могущественнаго нравственнаго и умственнаго воздѣйствія русскаго народа на славянской міръ раскрылись новыя, широкіе пути. Это могущественное воздѣйствіе, при вѣковъ закрѣпленныхъ связяхъ нашихъ съ племенами Болгаріи, Сербіи и Черногоріи, не замедлится, какъ только усилится съ наступающей мирною эпохою успѣхи нашего собственнаго гражданскаго устройства и просвѣщенія. Для продолженія этихъ успѣховъ, какъ мы сказали, мы можемъ найти новый воодушевляющій заветъ въ событіяхъ послѣдней войны, какъ въ доказанныхъ ею плодахъ государственныхъ преобразованій нынѣшняго царствованія, заимчившихъ себя на усовершенствованной военной организаціи, на освобожденномъ отъ рабства солдатѣ, на образованныхъ наукою генералахъ, тамъ и съ другой стороны, найти тотъ-же заветъ къ продолженію или лучше къ упроченію преобразованій во всѣхъ несовершенствахъ, недостаткахъ и пробѣлахъ гражданскаго и военнаго дѣла, выказавшихся во время войны ¹⁾.

Само собою разумѣется, что всѣ вышеупомянутыя обстоятельства 1878 г. не могли не лечь тяжкимъ гнетомъ на движеніи законодательства и государственнаго управленія, къ обзорнію ко-

¹⁾ Для изслѣдованія одного круга явленій въ нашей хозяйственной жизни, обратившаю на себя особенное вниманіе во время послѣдней войны и выдвинутого къ учрежденію особой высшей правительственной комиссіи, — не устройство на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, — будетъ весьма полезенъ обширный трудъ *А. Н. Голосюкова*, кончивающій въ нашемъ изданіи. Относительно свѣдѣній, необходимыхъ для развитія нашей военной организаціи и почерпнутыхъ изъ опыта послѣдней войны, высказано нѣсколько мыслей въ статьѣ *Я. А. Гребенщикова* въ частномъ томѣ С. Г. З.

того за этотъ годъ мы теперь и приступимъ. Все новыя законодательныя распоряженія, какъ это будетъ видно изъ предшлѣдующаго ихъ перечня, были вынуждены только крайнею необходимостью и имѣютъ временной характеръ или прямо заявленный въ буквѣ издаваемыхъ постановлений, или въ нихъ предложенный, по мысли законодателя¹⁾.

Во главѣ всего нашего обзорѣнія слѣдовало бы поставить «*кодефикаціонныя работы*, совершавшіяся во II Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи» и результатомъ которыхъ, согласно официальному извѣстію (см. Правит. Вѣстн. 19 февраля 1878 г.) были новыя изданія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей Свода Законовъ и продолженіе къ прочимъ частямъ (по изд. 1857 г.) по 1 января 1876 г. Нельзя отрицать практической пользы этихъ изданій, которыя нѣсколько облегчили справки въ дѣйствующемъ законодательствѣ, сдѣлавшіяся до того затруднительными въ послѣдніе годы, что дѣловыя и даже официальныя лица стали прибѣгать для нихъ преимущественно къ частнымъ изданіямъ и сборникамъ законовъ, а не къ Своду Законовъ. Однако кодефикаціонными работами въ настоящемъ смыслѣ слова нельзя назвать упомянутыя новыя изданія II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Даже и самъ Сводъ Законовъ, созданный Сперанскимъ, не былъ, по убѣжденію, имъ самимъ высказанному, кодефикаціей дѣйствующаго законодательства, а только подготовительною для нея работою. Къ сожалѣнію эта работа не только не была продолжаема, за исключеніемъ одной весьма впрочемъ неуспѣшной попытки кодефикаціи въ Уложеніи о наказаніяхъ, но и система, положенная въ основаніе Свода, — система если и не строго научная, то послѣдовательная и весьма удобная въ практической отношеніи, съ теченіемъ времени, совершенно разстроилась. Обширныя и систематическія законодательныя труды, сопровождавшіе великія государственныя реформы нынѣшняго царствованія, являлись въ видѣ отдѣльныхъ приложений къ статьямъ Свода; онъ мало по малу превращался въ хронологическое собраніе законовъ. Доказательствомъ отсутствія всякой вну-

¹⁾ Въ шестислѣбующемъ Обзорѣніи законодательныхъ распоряженій, опубликованныхъ въ теченіи 1878 г., въ Правительственномъ Вѣстникѣ, сохранены тогъ же порядкомъ хронологическій и по разнымъ рубрикамъ государственныхъ частей, каковой былъ принятъ во всѣхъ предыдущихъ томахъ нашего изданія.

тренней системы въ нынѣшнемъ Сводѣ служить разнесеніе по разнымъ его томамъ такого цѣльнаго и систематическаго законоположенія, какъ Судебные Уставы 1864 г.; въ этомъ направленіи Сводъ Законовъ не только не можетъ служить подготовительною почвою для кодификаціи, а напротивъ того раздробляетъ и разстроиваетъ систему даже тѣхъ законодательныхъ работъ, которыя получили характеръ довольно стройной кодификаціи. Вопросъ о кодификаціи или вообще о той или другой системѣ въ формахъ нашего законодательства сдѣлался нынѣ однимъ изъ настоятельнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ; обстоятельному разсмотрѣнію этого предмета будетъ посвященъ особый трудъ одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ юристовъ, въ ближайшемъ томѣ нашего Сборника.

По устройству центральныхъ учрежденій государственнаго управленія послѣдовало продолженіе дѣйствія временнаго Положенія и Наказа по управленію морскимъ вѣдомствомъ 26 мая 1869 г. впредь до того времени, «когда признано будетъ возможнымъ дать вновь выработаннымъ проектамъ (положенія и штатовъ морскаго вѣдомства) дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядкѣ». (Выс. Пов. 30 января 1878 г.). Разсмотрѣніе этихъ проектовъ, требовавшихъ новыхъ расходовъ, было отложено вслѣдствіе войны съ Турціей.

Къ организаціи военныхъ силъ относятся слѣдующія законодательныя постановленія, въ числѣ которыхъ мы не упоминаемъ о распоряженіяхъ, имѣвшихъ временной характеръ, по случаю войны. Правила 25 іюня 1877 г. о призрѣніи семействъ чиновъ запаса и ратниковъ государственнаго ополченія распространены на семейства нижнихъ чиновъ, выстунившихъ въ походъ, когда семейства эти проживаютъ въ мѣстѣ служенія нижнихъ чиновъ или получаютъ отъ нихъ средства къ жизни (Выс. утв. 12 ноября 1877 г. М. Г. С.). Для мѣстнаго управленія военными силами и учреждениями Ферганской области учреждены должность командующаго войсками и военнаго губернатора этой области, и управленія комендантскія и воинскихъ начальниковъ въ ея городахъ (Выс. утв. 4 февр. 1878 г. П. В. С.). — Въ измѣненіе 214 ст. устава о воинской повинности постановлено, что лица, подлежащія, во вынутаго нумера жеребья, поступленію въ постоянныя войска, въ случаѣ неавки къ освидѣтельствуванію, безъ уважительныхъ причинъ, подвергаются: признанныя способными къ службѣ — дисциплинарному взысканію, а признанныя неспособными — къ

аресту не выше трех недель (Выс. утв. 31 янв. 1878 г. М. Г. С.). Впредь до издания новаго закона о мѣрахъ обезпеченія семействъ военныхъ чиновъ, убитыхъ или безъ вѣсти пропавшихъ на войнѣ или-же умершихъ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ, установлены временныя правила относительно такихъ семействъ, пострадавшихъ въ послѣднюю войну (Имен. Выс. указъ 26 февр. 1878 г.). Усилены оклады жалованья нижнихъ чиновъ гвардіи (Выс. утв. 8 апрѣля 1878 г. Пол. Воен. С.). Назначены квартирные оклады для корпусныхъ интендантскихъ управленій и для управленій начальниковъ интендантскихъ транспортовъ (Выс. утв. 14 марта 1878 г. М. Г. С.). — Нижнимъ чинамъ флота предоставлены за сверхсрочную службу нѣкоторыя преимущества, между прочимъ права на пенсіи, единовременныя пособія и на занятіе въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ должностей, замѣщаемыхъ по найму (Выс. утв. 4 апр. 1878 г. М. Г. С.). — Изданы штаты дружины и конной сотни государственнаго ополченія и управленія начальника губернскаго ополченія (Выс. пов. 4 апр. 1878 г.). — Вслѣдствіе противозаконныхъ дѣйствій евреевъ къ уклоненію отъ воинской повинности, постановлено, чтобы, въ случаѣ недостатка лицъ еврейскаго исповѣданія, годныхъ къ службѣ, были привлекаемы къ ней лица, пользующіеся между ними льготою перваго разряда по семейному положенію (Выс. утв. 9 мая М. Г. С.). — Издано Выс. утв. 30 мая 1878 г. Положеніе о добровольномъ морскомъ ополченіи, предназначенномъ къ усиленію дѣйствующаго военнаго флота на время военныхъ дѣйствій. — Издано Выс. утв. 6 мая 1878 г. Положеніе о дисциплинарныхъ батальонахъ и ротахъ. — Издано Выс. утв. 15 августа 1878 г. Положеніе о резервныхъ пѣхотныхъ войскахъ. — Ближе опредѣлены обязанности военно-ученаго Комитета и разграниченъ кругъ его дѣятельности съ занятіями Комитета по устройству и образованію войскъ (Выс. утв. 5 августа 1878 г. Пол. В. С.).

Положеніе нашихъ *государственныхъ финансовъ* продолжало сосредоточивать на себѣ въ истекшемъ году вниманіе правительства и публики, хотя послѣ крайняго пессимизма, выказавшагося во время войны, насталъ періодъ болѣе спокойныхъ сужденій. Нѣкоторые органы печати и нѣкоторые общественные кружки начали даже заявлять такіе крайне оптимистическіе взгляды на наше финансовое положеніе, что оно, по ихъ мнѣнію, не только будто бы блистательно и не заставляетъ желать ничего лучшаго, но что

даже оно будто бы улучшилось вслѣдствіе войны. Такіе взгляды основываются на происшедшемъ будто бы подъ вліяніемъ войны и чрезвычайныхъ вынужденій кредитныхъ билетовъ оживленіи народнаго кованія, которое находилось въ застоѣ передъ войною и въ которомъ заключаются источники финансовыхъ силъ всякаго государства. Удачное и неожиданное вслѣдъ за войною водвореніе полнаго равновѣсія въ государственномъ бюджетѣ на 1879 г. явилось какъ бы подтвержденіемъ этихъ ровныхъ воззрѣній на наше обще-экономическое и государственно-финансовое положеніе.

Вопросъ объ оживленіи нашихъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ и о предполагаемыхъ благотѣльныхъ послѣдствіяхъ бумажно-денежныхъ вынужденій подробно разобрать въ статьѣ *И. И. Кауфмана*, помѣщенной въ нынѣшнемъ томѣ нашего изданія, и мы не будемъ возвращаться здѣсь къ этому вопросу. Къ сожалѣнію, въ области финансовъ, требующей ото всѣхъ отраслей государственнаго управленія наиболѣе специальныхъ свѣдѣній для пониманія происходящихъ въ этой области явленій, большинство публики, чуждое этимъ свѣдѣніямъ, наиболѣе склонно вращаться между необдуманнѣмъ пессимизмомъ и такимъ-же оптимизмомъ; и тотъ и другой обусловлены большею частію наружными, наиболѣе омутительными для публики симптомами финансовыхъ явленій, несмысленными никакимъ анализомъ ихъ внутреннихъ причинъ и послѣдствій. Такимъ напр. симптомомъ служатъ у насъ колебанія иностранныхъ вѣсельныхъ курсовъ, законы движенія которыхъ извѣстны весьма не многимъ и подвергаются самымъ страннымъ толкованіямъ. Сверхъ того, съ областію государственныхъ финансовъ соприснается безчисленное множество одностороннихъ политическихъ, личныхъ и своекорыстныхъ интересовъ, выигрывающихъ отъ финансоваго оптимизма и пессимизма въ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ. Такимъ образомъ напр. величайшее экономическое зло въ государствѣ, на счетъ котораго не можетъ быть двухъ мнѣній между знающими людьми, какихъ бы экономическихъ теорій и школъ они ни придерживались — шаткость узаконенной бумажной денежной единицы, — даже и это величайшее бѣдствіе можетъ быть эксплуатируемо какъ величайшее благо людьми спекулирующими на колебанія цѣны бумажныхъ денегъ, а масса этихъ людей быстро возрастаетъ съ разстройствомъ бумажной денежной системы. Также точно крайнее обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, выразившееся въ паденіи иностраннаго вѣсельнаго курса (т. е., въ возвышеніи цѣны иностранныхъ металличе-

свихъ денегъ сравнительно съ нашими бумажными) и неминуемо приводящее къ вздорожанію иностранныхъ товаровъ, можетъ внезапно озолотить отечественныхъ производителей тѣхъ же товаровъ, и потому не можетъ быть ими оплакиваемо какъ зло, хотя оно и раззорительно для массы публики, — для потребителей этихъ товаровъ.

Уже въ «Обозрѣніи движенія законодательства за вторую половину 1877 г.» въ V т. Сборника Г. Зн. (стр. 11—23), излагая положеніе нашихъ финансовъ до войны и во время войны, мы предостерегали противъ всякихъ преувеличенныхъ, съ противоположныхъ сторонъ воздвигнутыхъ тогда представлений и о вожделенномъ финансовомъ здравіи, позволяющемъ будто бы рассчитывать на неистощимость нашихъ финансовыхъ ресурсовъ, при всякомъ напряженіи народныхъ силъ, и также представлений о критическомъ состояніи финансовъ, вынуждающимъ будто бы, по сказаніямъ нашихъ вѣдшихъ враговъ, поступиться достоинствомъ Россіи, въ борьбѣ за правое историческое дѣло. Съ тѣхъ поръ враги наши должны были убѣдиться (и въ этомъ смыслѣ уже высказались многіе полномочные органы иностранной печати, въ томъ числѣ англійскіе), что война далеко не подорвала нашихъ производительныхъ силъ, какъ они того ожидали; но вмѣстѣ съ тѣмъ и фанатическіе, псевдопатріотическіе, ревнители воинственной политики во что бы то ни стало должны будутъ убѣдиться, при дальнѣйшемъ развитіи послѣдствій экстраординарныхъ операцій (выпусковъ кредитныхъ билетовъ), вынужденныхъ войною и въ случаѣ не принятія мѣръ противъ этихъ послѣдствій, что наши финансовыя силы не неисчислимы и требуютъ весьма бережнаго съ ними обращенія.

Укажемъ на главные факты, выражающіе собою положенія нашихъ финансовыхъ дѣлъ, обнаруженные въ 1878 году. Согласно отчету государственнаго контролера общій результатъ исполненія росписи 1877 г. заключается въ недочетѣ доходовъ (поступившихъ въ общемъ итогѣ 548.830,830 р. менѣе противъ бюджетныхъ ожиданій на 9.374,392 р.) противъ расходовъ (произведенныхъ въ общемъ итогѣ на 578.834.041 р., заключающихъ въ себѣ сверхсметныхъ кредитовъ 39.741,611 р., *безъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ*) на 30.003,210 р. Этотъ дефицитъ покрытъ сбереженіями отъ исполненія росписей предыдущихъ лѣтъ, отъ которыхъ еще оставался къ 1 января 1878 г. свободный остатокъ 1.855,571 р. Результатъ дѣйствительнаго исполненія росписи 1878 еще не из-

вѣстень, но по ней предвидѣлся дефицитъ (безъ чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ) въ 27.495,708 р. отнесенный на экстраординарные ресурсы изъ 5% вѣшняго займа 1877 г. Затѣмъ бюджетъ на 1879 г. составленъ въ полномъ равновѣсїи обыкновенныхъ доходовъ (595.471,724) и расходовъ (595.079,773), — съ нѣкоторымъ даже превышеніемъ доходовъ (на 381,951 р. и сверхъ того положено въ расходахъ на недоборъ въ доходахъ 2 мил.).

Дѣйствительное исполненіе росписи 1879 г. можетъ быть, при тѣхъ или другихъ непредвидимыхъ случайностяхъ, нѣсколько ниже ея ожиданій; тѣмъ не менѣе *возможность* такихъ ожиданій, такого состоятельнаго финансоваго положенія, вслѣдъ за чрезвычайнымъ напряженіемъ народныхъ и финансовыхъ силъ на войну, при значительно возросшемъ бремени займовъ, для нея заключенныхъ и посреди экономическихъ и политическихъ обстоятельствъ, еще далеко не установившихся и не исполнѣ нормальныхъ, составляетъ замѣчательный фактъ въ финансовой исторїи. Это общее нынѣшнее положеніе нашего государственнаго бюджета основано на прочныхъ вычисленіяхъ; оно можетъ быть нарушено въ сколько нибудь значительной и опасной для нашихъ финансовъ степени только чрезвычайными, независящими отъ человѣческаго предвидѣнія, событиями или же слишкомъ неосторожнымъ и небережливымъ дальнѣйшемъ пользованіемъ финансовыми силами государства.

Бюджетное равновѣсіе на 1879 г. достигнуто, съ одной стороны, посредствомъ ожидаемаго увеличенія доходовъ и съ другой стороны, посредствомъ недопущенія увеличенія расходовъ, сверхъ крайне необходимыхъ.

Увеличеніе доходовъ (въ общемъ итогѣ противъ росписи 1878 г. на 56 мил.) ожидается по нѣкоторымъ прежнимъ источникамъ (преимущественно: по питейнымъ сборамъ, до 19¹/₂ мил., по таможеннымъ до 20 мил., по табачному акцизу, телеграфному и почтовому доходамъ и проч.) и сверхъ того отъ установленныхъ вновь съ 1879 г. налоговъ, всего до 18 мил. (отъ акциза съ водочныхъ издѣлій до 3¹/₂ мил., отъ возвышенія размѣровъ гербовыхъ пошлинъ и введенія общей вексельной бумаги въ Царствѣ Польскомъ, до 3 мил., отъ возвышенія пошлинъ съ страхованія имущества отъ огня, до 2¹/₄ мил., отъ сбора съ пассажировъ и грузовъ большой скорости на желѣзныхъ дорогахъ до 6¹/₂ мил. ¹⁾)

¹⁾ Предполагавшійся также сборъ съ пассажировъ на пароходахъ былъ отмененъ въ мартѣ 1879 г., вслѣдствіе астраханской эпидемїи. Онъ долженъ

и отъ таможеннаго налога на иностранный хлопокъ сырецъ (до 2 мил.). Увеличеніе расходовъ (въ общемъ итогѣ противъ 1878 г. на 29 мил.) главнѣйше обусловлено платежами по новымъ займамъ, на 18 мил., разными заграничными и металлическими платежами (между прочимъ по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ), возвысившимися отъ паденія цѣны кредитныхъ билетовъ (или иностраннаго вексальнаго курса) и нѣкоторыми новыми издержками (по морскому министерству, по усиленію городской и уѣздной полиціи, по распространенію судебной реформы и проч.).

Установленіе бюджетнаго равновѣсія, которымъ Россія рѣдко пользовалась даже и въ нормальныя періоды своей государственной жизни, не только возвышаетъ нашъ государственный кредитъ, но и полагаетъ прочную основу для всѣхъ дальнѣйшихъ *органическихъ* финансовыхъ реформъ, необходимыхъ для усовершенствованія нашей финансовой системы, такъ много отставшей отъ коренныхъ преобразованій по многимъ другимъ частямъ государственнаго устройства и управленія. Для возможности этихъ реформъ бюджетное равновѣсіе 1879 г. должно служить важнымъ условіемъ, такъ какъ оно устраняетъ опасеніе водворенія хроническаго дефицита, которымъ угрожала нашъ послѣдняя война, а при такомъ дефицитѣ было бы трудно рассчитывать на серьезныя финансовыя реформы и можно было бы страшиться всякихъ необдуманыхъ финансовыхъ распоряженій. За эту энергическую мѣру возстановленія бюджетнаго равновѣсія нельзя не быть благодарнымъ новому министру финансовъ, вступившему въ управленіе въ теченіи 1878 г. Онъ достигъ этого равновѣсія какъ посредствомъ новыхъ налоговъ, такъ и посредствомъ обдуманнаго пользованія нѣкоторыми исключительно благопріятными финансовыми обстоятельствами настоящаго времени.

Эти обстоятельства заключаются вообще въ томъ, что вслѣдствіе чрезвычайныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ произошло временное промышленное оживленіе, которое не можетъ не отразиться на возрастаніи всѣхъ неовладныхъ государственныхъ доходовъ (косвенныхъ налоговъ на потребленіе, обилія и разныхъ промышленныхъ казенныхъ операцій), а вслѣдствіе *невозвышенія пока* всѣхъ цѣнъ на товары и трудъ пропорціонально обезцѣвленію бу-

быть данъ до 1 мил.; на эту цифру уменьшится ожидавшаяся отъ новыхъ налоговъ общія бюджетная сумма.

важныхъ денегъ на звонкую монету, всѣ внутренніе государственные расходы, производимые на кредитные билеты, пока еще не увеличились. Однако эти исключительно благоприятныя финансовыя условія,—которыя можно назвать въ коммерческомъ смыслѣ выгодною для государственнаго казначейства *конъюнктурою* (необыкновенно счастливымъ совпаденіемъ цѣнъ или коммерческихъ шансовъ операціи въ данную минуту),—не могутъ всегда продолжаться. Поэтому нельзя не быть благодарнымъ г. министру финансовъ, что въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1879 г., онъ неоднократно указываетъ на временной характеръ сложившихся для казны благоприятныхъ обстоятельствъ, между прочимъ на «временное *искусственное возбужденіе* торговыхъ оборотовъ подъ вліяніемъ» изобилія бумажныхъ денежныхъ знаковъ, на невозможность успокоиться на нынѣ достигнутомъ бюджетномъ равновѣсіи и на необходимости дальнѣйшихъ мѣръ къ его упроченію.

Въ числѣ этихъ мѣръ, кромѣ установленныхъ съ 1879 г. новыхъ налоговъ, г. министръ финансовъ упоминаетъ главнѣйше о сокращеніи расходовъ и также объ «обязанности, лежащей на государственномъ казначействѣ изыскать средства, если не для временной, то по крайней мѣрѣ для *постепенной уплаты*» позаймствованій, сдѣланныхъ казначействомъ изъ государственнаго банка до 476 мил. руб. на покрытіе военныхъ расходовъ. Для сокращенія государственныхъ расходовъ Высочайше учреждена особая высшая коммиссія, вступившая въ дѣйствіе съ 1879 г. Позаймствованія казначейства изъ государственнаго банка сдѣланы главнѣйше на счетъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, которыхъ находилось въ обращеніи къ 1 января 1879 г. до 445 мил. (сверхъ 720 мил., остававшихся въ обращеніи отъ прежнихъ выпусковъ). Поэтому уплата этого долга банку должна повести за собою изытіе изъ обращенія выпущенныхъ для него кредитныхъ билетовъ. Эта первостепенная финансовая задача, связанная съ общимъ устройствомъ нашей бумажной денежной системы, благоразумно поставлена г. министромъ финансовъ на первый планъ подлежащихъ правительству финансовыхъ заботъ. Нельзя сомнѣваться, что дальнѣйшее развитіе болѣзненныхъ экономическихъ явленій, обусловленныхъ «искусственнымъ возбужденіемъ» промышленности и торговли, вслѣдствіе послѣднихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, напомнитъ рано или поздно о настоятельности бумажно-денежной

реформы, если эти болѣзненные явленія разстроенной денежной системы еще не для всѣхъ ощутительны.

Ближайшее рассмотрение всѣхъ указанныхъ выше финансовыхъ мѣропріятій, въ томъ числѣ и новыхъ налоговъ, вступившихъ въ силу лишь съ 1879 г., будетъ относиться къ будущему нашему «обозрѣнію» за этотъ годъ. Относительно пяти новыхъ налоговъ здѣсь должно ограничиться лишь однимъ краткимъ замѣчаніемъ. Всѣ они подвергнулись со стороны публики и печати строгой критикѣ. Хотя всякій новый налогъ, какъ бы онъ ни былъ правиленъ, неизбежно возбуждаетъ собою неудовольствіе въ средѣ затронутыхъ имъ личныхъ интересовъ, однако нельзя не признать нерациональности, въ особенности съ строго научной точки зрѣнія, во многихъ основаніяхъ новыхъ нашихъ налоговъ (преимущественно пошлины съ застрахованія и налога на желѣзно-дорожныхъ пассажировъ 3 класса). Но многія практическія качества всѣхъ этихъ налоговъ, — главнѣйше обложеніе ими сравнительно зажиточныхъ общественныхъ классовъ, ничтожность расходовъ ихъ взиманія, легкость контроля, удобства и быстрота ихъ установленія, — всѣ эти качества вполне соответствуютъ ихъ цѣли и безотлагательной финансовой нуждѣ, ихъ вызвавшей. Всѣ эти налоги не могутъ не имѣть временнаго значенія, впродъ до кореннаго пересмотра всей нашей податной системы, а именно введенія болѣе правильныхъ прямыхъ податей на мѣсто нынѣшнихъ подушныхъ и вообще налоговъ на высшіе классы и нынѣшнія «неподатныя» сословія. Всѣ вновь установленные налоги нисколько не коснулись и не нарушили вѣковыхъ историческихъ основаній нашей податной системы, не произвели въ ней ни какой необдуманной ломки даже посредствомъ быстрого удовлетворенія временной нужды, облегчили путь къ обдуманной, неоспѣшной ея реформѣ; въ этомъ едва-ли не главное достоинство всѣхъ этихъ налоговъ.

Коренная податная реформа не можетъ заставить себя долго ждать; для нея уже Высочайше учреждена 23 марта 1879 г. особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Министра Финансовъ. Эта реформа должна прочнымъ образомъ обезпечить правительству постоянные способы для покрытія значительнаго новаго расхода, которымъ займы, заключенные для послѣдней войны, обременили нашъ бюджетъ, и также создать налоги, возвышеніе которыхъ

въ чрезвычайныхъ политическихъ случаяхъ могло бы доставлять быстрыя воспособленія государственному казначейству, болѣе безвредныя для народнаго хозяйства, чѣмъ экстренные выпуски бумажныхъ денегъ.

Новая тяжесть, возложенная на бюджетъ займами на войну, такъ велика, что уравниваніе ея невозможно черезъ одно сокращеніе нынѣшнихъ государственныхъ расходовъ; хотя оно можетъ быть весьма существенно, при энергическихъ мѣропріятіяхъ къ водворенію бережливости въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжны, съ развитіемъ новыхъ потребностей государственной жизни, и новые расходы въ близкомъ будущемъ.

Общая сумма ежегодныхъ платежей по четыремъ займамъ на войну (четвертому выпуску 5% банковыхъ билетовъ 6 ноября 1876 г. на 100 мил., первому «восточному» займу 29 апрѣля 1877 г. на 200 мил., 5% вѣнскому 26 мая 1877 г. на 15 мил. фунт. стерл. и «второму восточному» 11 августа 1878 г. на 300 мил.) составляетъ болѣе 34 мил. Но нельзя терять изъ виду, что къ этой суммѣ придется рано или поздно присоединить процентныя платежи по займамъ, посредствомъ которыхъ будетъ погашенъ безпроцентный долгъ, заключающійся во вновь выпущенныхъ на войну кредитныхъ билетахъ (приблизительно на сумму 475 мил. этихъ билетовъ 5% интереса и 1% погашенія составятъ около 28 мил.). Такимъ образомъ можно приблизительно вывести изъ упомянутыхъ выше цифръ общій итогъ денежныхъ расходовъ казны на послѣднюю войну; этотъ итогъ, при соединеніи процентныхъ займовъ (700 мил.) съ безпроцентнымъ (475 мил.), составитъ около 1,200 мил. (если включить еще неуплаченные и продолжающіеся расходы). Ежегодное обремененіе бюджета расходомъ платежа процентовъ и погашенія по всѣмъ долгамъ, оставленнымъ войною, составитъ около 62 мил. Разумѣется, чтобы исчислить всѣ матерьяльныя жертвы государства и народа на вторую восточную войну, нужно было бы присовокупить ко всѣмъ вышеприведеннымъ цифрамъ всѣ вещественныя (не денежные) траты казны, требующія возобновленія многихъ запасовъ (въ особенности по вооруженію арміи и флота), расходы всѣхъ учреждений мѣстнаго и сословнаго самоуправленія, разныя добровольныя пожертвованія и наконецъ несчастныя издержки, происшедшія отъ войны въ каждомъ частномъ хозяйствѣ.

Послѣ сдѣланнаго очерка общаго финансоваго положенія, остается

указать на движеніе финансоваго законодательства и на распоряженія по текущей финансовой части въ 1878 г. Важнѣйшимъ нововведеніемъ было установленіе новой формы для заключенія текущихъ государственныхъ займовъ, подъ наименованіемъ «краткосрочныхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства». (Имен. Выс. указъ 10 февраля 1878 г.). Эта форма текущаго долга представляетъ много удобствъ, въ особенности въ случаѣ необходимости быстрыхъ кредитныхъ воспособленій и при затруднительности долгосрочныхъ займовъ. Она не имѣетъ многихъ недостатковъ прежнихъ формъ нашихъ текущихъ долговъ, въ особенности билетовъ государственнаго казначейства (серій) и кредитныхъ билетовъ. Краткосрочныя свидѣтельства выдаются на крупныя суммы (не менѣе 1000 р.), не принимаются въ казенныя платежи (подобно серіямъ) и выпускаются на срокъ не болѣе года; поэтому эти свидѣтельства не могутъ играть роли денегъ и обременить собою денежное обращеніе. Сверхъ того, размѣръ процентовъ, платимыхъ по этимъ свидѣтельствамъ, не постоянный, а опредѣляется при каждомъ выпускѣ, и также могутъ быть различны всѣ прочія условія каждаго выпуска; поэтому они могутъ быть легко приспособляемы къ обстоятельствамъ денежнаго рынка въ данное время. Затѣмъ по кредитной-же части взамѣнъ 17 разрядовъ (серій) билетовъ государственнаго казначейства, срокъ которыхъ истекъ, выпущены новые 17 разрядовъ такихъ-же билетовъ (Имен. Выс. указъ 16 окт. 1878 г.). Сдѣлано распоряженіе о новомъ (десятомъ) выпускѣ серебряной размѣнной монеты, на 6 мил. руб. (Выс. утв. 30 октября 1878 г. М. Г. С.). По *податному* законодательству послѣдовали нѣкоторыя незначительныя поремѣны. Недвижимыя имущества, находящіяся въ завѣдываніи Кабинета Е. И. В., изъяты, подобно дворцовымъ государевымъ имуществамъ, отъ земскихъ повинностей и городскихъ и казенныхъ надоговъ (Имен. Выс. указъ 15 апрѣля 1878 г.). Постановлено, чтобы лица податныхъ состояній, поступающія на службу по вѣдомствамъ телеграфному и путей сообщеній, были исключаемы изъ податныхъ окладовъ. Такое же исключеніе постановлено относительно мѣщанъ, приписанныхъ къ городскимъ обществамъ безъ ихъ согласія и выбывающихъ изъ нихъ по разнымъ случаямъ (Выс. утв. 4 апрѣля 1878 г. М. Г. С.). Назначены новые сроки для взноса крестьянами выкупныхъ платежей и всѣхъ окладныхъ земскихъ и казенныхъ сборовъ: за первую половину года съ 1 января по 30 іюня, а за вторую — съ 1 іюля по 31 декабря. Въ предѣлахъ этихъ сроковъ дозволено гу-

берискимъ по крестьянскимъ дѣламъ приустройствамъ назначать частные сроки, для уплаты разныхъ частей окладовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнены льготные сроки (Выс. утв. 23 мая 1878 г. М. Г. С.). Постановлено право требовать возврата изъ казны неправильно или излишне поступившіе поземельныхъ сборовъ въ теченіи 10 лѣтъ со дня врученія плательщику окладнаго листа (Выс. утв. 13 ноября 1878 г. М. Г. С.). — Отмѣнено установленное въ ст. 468 Т. VII Св. Зак. Уст. о соли ежегодное росписание продажныхъ цѣнъ соли, акциза, подушной платы и таможенныхъ сборовъ съ соли и существовавшихъ въ 1878 г. размѣры упомянутыхъ цѣнъ и сборовъ оставлены впредь до времени безъ измѣненія. — Для выдачи пенсій по Главному Казначейству назначены новые сроки: годовыя пенсіи въ 45 р. и ниже выдаются по третямъ года впередъ; пенсіи выше 46 р. — ежемѣсячно (Выс. утв. 9 мая 1878 г. М. Г. С.).

По государственному хозяйству состоялись слѣдующія распоряженія. Упразднена межевая комиссія въ войскѣ Донскомъ и учреждены областная чертежная и временное межевое отдѣленіе при областномъ управленіи Войска Донскаго (Выс. утв. 14 дек. 1877 г. М. Г. С.). — Въ сѣверо-западномъ краѣ устранены препятствія, возникавшія изъ отсутствія владѣльцевъ имѣній, къ окончательному поземельному устройству крестьянъ, на основаніи правилъ 1869 г. объ отграниченіи выкупленнаго ими надѣла. Отсутствующіе владѣльцы имѣній вызываются повѣстками и газетными публикаціями и въ случаѣ неявки ихъ или неприсылки повѣренныхъ въ опредѣленные сроки, упомянутое отграниченіе производится и безъ бытности владѣльца, въ присутствіи понятыхъ изъ крестьянъ и сосѣднихъ владѣльцевъ (Выс. утв. положеніе Главн. Ком. по устр. сельск. сост. 28 ноября 1877 г.). — Согласно Высочайше утвержденному 28 мая 1877 г. порядку учрежденія постоянныхъ именныхъ стипендій при учебныхъ заведеніяхъ постановлено, что такія стипендіи при благотворительныхъ и общепользныхъ заведеніяхъ должны быть обезпечены взносомъ соотвѣтствующей капитальной суммы (Выс. утв. 14 дек. 1877 г. П. К. М.). — Управленіе имуществомъ евангелическо-лютеранскихъ церквей въ селеніяхъ поселянъ-собственниковъ (бывшихъ иностранныхъ колонистовъ) вѣрено учрежденнымъ церковнымъ совѣтамъ, на общихъ основаніяхъ церковныхъ совѣтовъ въ городахъ (Выс. утв. 27 дек. 1877 г. М. Г. С.). — Опредѣленъ порядокъ для каменно-угольной

промышленности на остр. Сахалинѣ и материкѣ Приморской области и учреждено горное управление, съ особымъ штатомъ по надзору за этою промышленностью, право заниматься которою предоставлено исключительно русскимъ подданнымъ (Выс. утв. 31 янв. 1878 г. М. Г. С.). Хотя изданное по этому предмету законоположеніе весьма обширно, но объ немъ достаточно здѣсь только упомянуть, такъ какъ еще неизвѣстны результаты развитія упомянутой промышленности. Здѣсь не мѣшаетъ только замѣтить общую, издавна вкоренившуюся наклонность нашего законодательства подробно регламентировать и подвергать бюрократическому надзору всякую промышленную отрасль прежде, чѣмъ она развилась и часто прежде даже, чѣмъ она возникла. Тутъ между прочимъ одна изъ причинъ слабости нашей частной промышленной предпримчивости, въ сравненіи съ такими странами, какъ напр. С.-Американскими Штатами, о которыхъ приходится здѣсь вспомнить по поводу нашего побережья на Тихомъ Океанѣ. — На Войско Донское распространены общія правила Имперіи (Св. Зак. Т. XII, ст. 843 и 845), о взиманіи сборовъ на пловучихъ мостахъ и переправахъ (Выс. утв. 21 февр. 1878 г. М. Г. С.). При Староманычскомъ озерѣ въ области Войска Донскаго образовано горное поселеніе подъ наименованіемъ «Николаевскаго», съ отводомъ ему земли, на основаніи правилъ 1873 г. о Манычскомъ поселеніи (Выс. утв. 28 февраля 1878 г. М. Г. С.). — Въ дополненіе мѣстныхъ положеній 19 февраля 1861 г., постановлено, что разверстаніе общихъ помѣщика и крестьянъ выгоновъ можетъ быть требуемо каждою стороною (крестьянами, также какъ и помѣщикомъ) и рѣшается, въ опредѣленномъ порядкѣ, уѣзднымъ Присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ (Выс. утв. 14 марта 1878 г. М. Г. С.). — Отмѣнены лежавшія на казенныхъ и частныхъ горныхъ заводахъ обязанности по обезпеченію продовольствія мастеровыхъ, и взаимѣвъ того распространены на этихъ мастеровыхъ общія постановленія объ обезпеченіи народнаго продовольствія, по составленію мѣстныхъ продовольственныхъ капиталовъ (Выс. утв. 21 марта 1878 г. М. Г. С.). — Постановлено, чтобы земельные надѣлы, выкупленные крестьянами-домохозяевами въ свою личную собственность, отдѣльно отъ сельскаго общества, были освобождаемы отъ запрещеній, наложенныхъ на нихъ по выкупной операціи всего общества (Выс. утв. 21 марта 1878 г. М. Г. С.). — При безуспѣшности взысканія выкупныхъ платежей и оброчныхъ сборовъ (съ государственныхъ крестьянъ) съ сельскихъ обществъ, владѣющихъ землею на общин-

номъ правѣ, предоставлено. Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, по ихъ взаимному соглашенію, дѣлать распоряженія о сдачѣ въ аренду еъ публичныхъ торговъ земли, находящейся во владѣніи такихъ обществъ и необрабатываемой самими крестьянами (Выс. утв. 30 марта 1878 г. журналъ Главн. Ком. объ устр. сельск. сос.). — Для уничтоженія крайнихъ злоупотребленій, сопровождавшихъ продажу общественныхъ башкирскихъ земель (на основаніи закона 10 февраля 1869 г.), состоялись законодательныя распоряженія, измѣняющія существеннымъ образомъ порядокъ этой продажи (Выс. утв. 9 мая 1878 г. М. Г. С.). Оренбургскому генералъ-губернатору предоставлено возбудить въ подлежащихъ судебныхныхъ мѣстахъ дѣла объ уничтоженіи крѣпостныхъ актовъ, совершенныхъ на упомянутую продажу въ явное нарушеніе закона 10 февраля 1869 г. и о возвращеніи проданныхъ земель первоначальнымъ собственникамъ. Нельзя не пожалѣть о злоупотребленіяхъ, которыя вынудили такую исключительную правительственную мѣру, сдѣлавшуюся впрочемъ совершенно необходимою. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ замѣнъ закона 10 февраля 1869 г., установленъ на пять лѣтъ новый порядокъ для продажи общественныхъ башкирскихъ земель въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ. — Уставъ о каспійскихъ рыбныхъ и тюленыхъ промыслахъ (ст. 6 и 42) измѣненъ и дополненъ новыми правилами о сборѣ съ ловцевъ на расходы по общественному надзору за рыболовствомъ и объ особой бакевной стражѣ при рыбной полиціи (Выс. утв. 16 мая 1878 г. М. Г. С.). Надо полагать, что вновь обнаружившіяся въ 1879 г., по случаю астраханской эпидеміи, неурядиства въ каспійскихъ рыбныхъ промыслахъ приведутъ къ новымъ законодательнымъ и административнымъ мѣрамъ по этому предмету. — Изъ причисленнаго къ составу земель оренбургскаго казачьяго войска новолинейнаго района отдѣлено отъ 800.000 до 1 мил. десятинъ въ пользованіе кочующихъ киргизъ (Выс. утв. 23 мая 1878 г. М. Г. С.). — Помѣстнымъ лицамъ (помѣщикамъ) и станичнымъ обществамъ Войска Донскаго предоставлено, на опредѣленныхъ условіяхъ, право приобрѣтать въ собственность излишнія земли, оставшіяся за крестьянскими надѣлами въ станичныхъ юртахъ (Выс. утв. 23 мая 1878 г. М. Г. С.).

Области полиціи принадлежитъ важнѣйшее законодательно и административное нововведеніе истекшаго года, а именно учрежденіе *поміцейскихъ урядниковъ*, въ 46 губерніяхъ, по общему учрежденію управляемыхъ (Выс. утв. 9 Іюня Пол. Ком. М.). Цѣль учреж-

денія полицейскихъ урядниковъ обозначена въ ст. 1 изданнаго объ нихъ Положенія (временнаго): «они учреждаются для усиленія средствъ уѣздной полиціи и въ помощь становымъ приставамъ для исполненія полицейскихъ обязанностей, а также для надзора за дѣйствіями сотскихъ и десятскихъ на мѣстахъ и для ихъ *руководства*». Потребность въ усиленіи личныхъ полицейскихъ средствъ въ уѣздахъ и въ особенности въ устройствѣ полицейской стражи давно у насъ чувствовалась. Эта потребность, постоянно возрастающая съ развитіемъ и усложненіемъ публичной жизни, удовлетворена въ нѣкоторой степени учрежденіемъ полицейскихъ урядниковъ, хотя приходящее на каждую губернію среднее ихъ число восемь (изъ общаго числа 5000 на 46 губерній, въ которыхъ они распределяются по усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ) далеко недостаточно для удовлетворенія упомянутой потребности. Но новая полицейская должность имѣетъ и другое назначеніе, сверхъ полицейской стражи въ собственномъ смыслѣ или чисто *исполнительныхъ полицейскихъ обязанностей* и охраны общественной безопасности лишь въ силу этихъ обязанностей. Полицейскимъ урядникамъ предоставлены сверхъ того и нѣкоторыя права *власти* и самостоятельнаго пользованія ими, какъ это явствуетъ изъ вышеприведенной 1-й статьи Положенія объ нихъ и въ особенности изъ инструкціи, изданной Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и опредѣляющей ихъ обязанности. Съ этой стороны, полицейскіе урядники являются новою нисшею полицейскою инстанціею въ общей нынѣ существующей іерархіи, полицейскихъ властей. Новая полицейская власть, по самому своему назначенію, еще глубже чѣмъ всѣ прежнія высшія власти, вторгается въ строй мѣстной сельской жизни и еще ближе встрѣчается съ органами сельскаго самоуправления. Должности и власти сельскаго самоуправления (волостные старшины и сельскіе старосты) основаны на другихъ началахъ, хотя и несутъ на себѣ въ значительной степени тѣ же полицейскія обязанности; поэтому дѣлаются болѣе, чѣмъ прежде, возможными коллизіи двухъ порядковъ власти или же безусловное подчиненіе одного другому. Ни то, ни другое не желательно, такъ какъ и то и другое ведетъ къ ослабленію полицейской власти, необходимость усиленія которой чувствуется всѣми благомыслящими людьми въ Россіи, посреди печальныхъ обстоятельствъ пережитыхъ вами въ послѣднее время. Насколько все общество взываетъ къ болѣе энергической полицейской дѣятельности и въ нашихъ селахъ и городахъ, настолько чувствуется у насъ настоятельность

полицейской реформы, без которой невозможна никакая энергия полицейской власти ¹⁾. Она парализована главнѣйше потому, что утратила подъ собою законную почву послѣ всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія, — преимущественно послѣ устройства новыхъ судебныхъ установленій и мѣстнаго самоуправленія, съ которыми полиція и отправление полицейскихъ обязанностей нисколько не были согласованы. Въ правительственномъ распоряженіи объ учрежденіи полицейскихъ урядниковъ указывается на ожидаемый и составляемый въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ «общій проектъ объ устройствѣ полиціи», и положеніе объ урядникахъ названо «временнымъ». Изъ этого видно, что настоятельность общей полицейской реформы признается правительствомъ. Мы надѣемся въ будущемъ томѣ нашего сборника посвятить этому важному предмету нашего государственнаго управленія особую статью. — Впредь до пересмотра устава о заграничныхъ паспортахъ, распространено на всѣхъ вообще купцовъ Имперіи разрѣшеніе (ст. 443 Т. XIV Св. Зак. Уст. о пасп.) выдавать купцамъ западныхъ губерній годовые паспорта на неоднократные переѣзды границы (Выс. Пов. 30 Іюня 1878 г.).

По *судебной части* состоялось опредѣленіе Правительствующаго Сената (по 1 Департаменту), разъяснившее право уѣздныхъ комиссій, составляющихъ очередные списки присяжныхъ засѣдателей, исключать изъ этихъ списковъ лицъ, не имѣющихъ средствъ содержать себя во время сессій. Разъясненіе это, основанное на точномъ смыслѣ ст. 81—88 и 99 Судебн. Уст., имѣетъ немаловажное значеніе для усиленнаго дѣйствія нашихъ новыхъ судебныхъ уставовъ, такъ какъ у насъ уже слышалось много жалобъ на стѣснительное положеніе такихъ присяжныхъ засѣдателей, которые на время судебныхъ сессій лишались своихъ заработковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своего дневнаго пропитанія. Такое положеніе этихъ засѣдателей, ставившее ихъ въ зависимость отъ случайныхъ, и почти не возможныхъ, заработковъ въ мѣстахъ судебныхъ сессій, или отъ благотворенія, было несовмѣстимо съ характеромъ этой государственной обязанности въ новомъ нашемъ судеустройствѣ и съ правильнымъ отправленіемъ правосудія. Усилено (на 114,370 р.) еже-

¹⁾ По одному изъ существенныхъ вопросовъ нашей полицейской реформы «о полицейскомъ арестѣ» помѣщена статья г. *Тарасова*, въ настоящемъ томѣ С. Г. Зн.

годное содержаніе должностныхъ лицъ тюремнаго управленія (Выс. утв. 10 дек. 1877 г. М. Г. С.). Мѣра эта была вызвана представленіемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ Государственный Совѣтъ «о необходимости скорѣйшаго, по возможности, устраненія неблагопріятныхъ для тюремнаго дѣла послѣдствій, порождаемыхъ необеспеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи положеніемъ лицъ тюремнаго управленія». Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ и даже 1878 г., уже послѣ вступленія въ дѣйствіе упомянутой мѣры, огласилось не мало беспорядковъ въ нашихъ тюрьмахъ; эти беспорядки были тѣмъ болѣе печальны, что они находились въ связи съ политическими преступленіями и злоумышленіями. Обеспеченное матеріальное положеніе тюремныхъ должностныхъ лицъ есть, конечно, одно изъ существенныхъ условій ихъ благонадежности, однако *только одно изъ этихъ многихъ условій*; крайнее неустройство нашей тюремной части во всѣхъ отношеніяхъ уже давно обращало на себя вниманіе и правительства и общества; теперь надо ожидать, что коренная реформа въ тюремномъ управленіи, имѣющая въ скоромъ времени вступить въ силу, внесетъ новую жизнь въ эту область. Эта надежда тѣмъ болѣе можетъ быть основательна, что представители Россіи принимали особенно видное участіе въ международномъ тюремномъ конгрессѣ 1878 г. въ Стокгольмѣ и что при содѣйствіи ихъ выработывалась наша тюремная реформа. Надо думать, что въ нее будетъ внесенъ свѣтъ современной науки и также всемірнаго практическаго опыта, блистательно представленныхъ на Стокгольмскомъ конгрессѣ. — Въ правилахъ гражданскаго судопроизводства (ст. 724, 725, 728, 738, 794, 797 (п. 2), 805 и 814 Уст. Гражд. Суд.) о заочныхъ рѣшеніяхъ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и дополненія (Выс. утв. 17 янв. 1878 г. М. Г. С.). — Для квартирнаго довольствія мировыхъ судебныхъ установленій Варшавскаго округа назначенъ отпускъ на счетъ городовъ денегъ, какъ въ видѣ добавочнаго содержанія личнаго состава этихъ установленій, такъ и на наемъ помѣщеній для мировыхъ сѣздовъ и камеръ мировыхъ судей (Выс. утв. 23 марта 1878 г. М. Г. С.). — Разъяснено, что дѣла о личныхъ обидахъ (безчестіи) подсудны станичнымъ судамъ въ казачьихъ войскахъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они возникаютъ въ порядкѣ уголовномъ и обиженный ищетъ не денежнаго вознагражденія, а наказанія виновнаго по закону (Выс. утв. 4 апр. 1878 г. Журн. Чл. Ком.). — Въ губер. Уфимской, Оренбургской и Астраханской (за исключеніемъ мѣстности кочующихъ калмыковъ) введены мировыя судебныя установ-

ленія отдѣльно отъ общихъ и изданы временныя для этого правила впредь до устройства въ этихъ губерніяхъ земскихъ учреждений (Имен. Выс. указъ 2 мая 1878 г.). — Важнѣйшимъ законодательнымъ распоряженіемъ по судебной части было измѣненіе порядка производства дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ. Выс. утв. 9 мая 1878 г. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта эти дѣла переданы въ вѣдѣніе Судебныхъ Палатъ, съ тѣмъ, что если за преступленіе опредѣлено въ законѣ наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, то составъ Судебныхъ Палатъ усиливается сословными представителями, или-же когда послѣдуетъ объ этомъ Высочайшее повелѣніе, такія дѣла рѣшаются особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената, съ участіемъ сословныхъ представителей. Сверхъ того, при этомъ постановлено, что дѣла о политическихъ преступленіяхъ могутъ быть рѣшаемы верховнымъ уголовнымъ судомъ, когда послѣдуетъ на это Высочайшій указъ, при обнаруженіи въ разныхъ краяхъ государства общаго заговора противъ Верховной Власти или противъ установленнаго образа правленія и порядка наслѣдія Престола. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кругъ упомянутыхъ выше преступленій, подсудныхъ Судебнымъ Палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей, введены (другимъ Выс. утв. 9 мая Мнѣніемъ Гос. Сов.) временно преступленія, предусмотрѣнныя въ гл. 1, 2 и 5 Разд. IV Улож. о наказ. (изд. 1866 г.) и убійства или покушенія на убійства должностныхъ лицъ, нанесенія имъ ранъ и увѣчій и другія насильственныя противъ нихъ дѣйствія и угрозы, при исполненіи или вслѣдствіе исполненія ими служебныхъ обязанностей, Послѣ изложенныхъ законоположеній состоялся 9 августа 1878 г. Именной Высочайшій указъ, которымъ нѣкоторыя важнѣйшія политическія преступленія, — вооруженное сопротивленіе установленнымъ властямъ, нападеніе на чиновъ войска и полиціи и вообще на должностныхъ лицъ, при исполненіи или вслѣдствіе исполненія ими служебныхъ обязанностей, — подчинены временно военному суду и законамъ военнаго времени (ст. 279 Воинск. уст. о наказ. 1875 г.), когда всѣ эти преступленія сопровождаются убійствомъ или покушеніемъ на него, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ. Всѣ указанныя измѣненія въ порядкѣ судопроизводства по политическимъ преступленіямъ имѣютъ характеръ временной, какъ это и выражено въ изданныхъ узаконеніяхъ. Этотъ порядокъ уже неоднократно измѣняли со времени изданія новыхъ судебныхъ уставовъ, и сего нельзя считать окончательно разрабо-

тавшимися. — Коммерческій Судъ въ области Войска Донскаго упраздненъ, и подсудныя ему дѣла подчинены мировымъ и общимъ судебнымъ установленіямъ (Выс. утв. 9 мая 1878 г. М. Г. С.). — Устюжскій и Бѣлозерскій окружные суды въ Новгородской губерніи упразднены и учрежденъ окружной судъ въ г. Череповцѣ той-же губерніи (Выс. утв. 30 мая 1878 г. М. Г. С.). — Впредь до разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ общаго вопроса о правахъ чиншевниковъ въ девяти западныхъ губерніяхъ, постановлено, что всѣ возникающіе между ними и частными землевладѣльцами споры и иски производятся по общеустановленному порядку тяжбаго судопроизводства, съ соблюденіемъ особыхъ, изданныхъ на этотъ предметъ временныхъ правилъ (Выс. утв. 28 юля 1878 г. Пол. К. М.). — Впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ правилъ объ исполненіи судебныхъ приговоровъ, Высочайше повелѣно (15 сент. 1878 г.) преступниковъ, присужденныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ, высылать на поселеніе или въ каторжныя работы безъ исполненія надъ ними обряда публичной казни. — Установлены новыя правила объ осмотрѣ и вземкѣ корреспонденціи почтовой и телеграфной лицъ, противъ которыхъ возбуждено уголовное преслѣдованіе (Выс. утв. 30 окт. 1878 г. М. Г. С.).

Въ сферѣ *уголовнаго права* пополненъ давно замѣтный пробѣлъ изданіемъ правилъ о наказаніяхъ за нарушеніе безопасности желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній и о вознагражденіи потерпѣвшихъ ущербъ вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья. причиненныхъ при эксплуатаціи сихъ предпріятій (Выс. утв. 25 января 1878 г. М. Г. С.). Этими правилами установлены различныя, въ различной постепенности, наказанія за неумышленныя, неосторожныя и случайныя поврежденія желѣзныхъ дорогъ, доведенныя и недоведенныя лицами, причинившими этотъ вредъ, до свѣдѣнія лицъ, наблюдающими за безопасностью дорогъ; степень наказаній поставлена также въ зависимость отъ тѣхъ или другихъ дѣйствительныхъ послѣдствій упомянутыхъ поврежденій. Подвергаются также разнымъ наказаніямъ, смотря по послѣдствіямъ, лица, принадлежащіе къ управленіямъ желѣзныхъ дорогъ, виновныя въ завѣдомо неправильныхъ дѣйствіяхъ и также въ умышленномъ неисполненіи своихъ обязанностей. Определены наказанія за неподчиненіе законнымъ требованіямъ желѣзно-дорожныхъ сторожей и другихъ желѣзно-дорожныхъ агентовъ и также за оскорбленія ихъ. Всѣ дѣла по означеннымъ предметамъ начинаются независимо

отъ исковъ потерпѣвшихъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлена обязанность владѣльцевъ желѣзно-дорожныхъ и пароходныхъ предприятий (казны, обществъ и частныхъ лицъ) вознаграждать лицъ, потерпѣвшихъ (вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья) при эксплуатациіи этихъ предприятий; вознагражденіе можетъ быть въ видѣ единовременныхъ или постоянно уплачиваемыхъ денежныхъ пособій.

Въ сферѣ *народнаго образованія* нужно прежде всего упомянуть о вновь открытыхъ и преобразованныхъ учебныхъ заведеніяхъ Первое мѣсто принадлежитъ учрежденію въ г. Томскѣ Сибирскаго университета въ полномъ составѣ четырехъ факультетовъ (Выс. утв. 16 мая 1878 г. М. Г. С.). Кутаисская гимназія преобразована въ полную классическую съ двумя древними языками (Выс. утв. 16 мая 1878 г. М. Г. С.). На основаніи устава реальныхъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія 1872 г. открыто шестиклассное училище въ г. Елабугѣ Вятской губ., съ отдѣленіями основнымъ и коммерческимъ, на совокупныя средства Госуд. Казначейства, городского общества и частныхъ пожертвованныхъ капиталовъ (Выс. утв. 22 декабря 1877 г. М. Г. С.). Такія-же училища открыты въ г. Тюмени и Моршанскѣ на средства Госуд. Казначейства и пожертвованія мѣстныхъ обществъ (Выс. утв. 25 апрѣля и 16 октября 1878 г. М. Г. С.). Въ видахъ лучшаго устройства сельской врачебной части въ Западной Сибири учреждены центральная фельдшерская школа въ г. Омскѣ и ветеринарно-фельдшерскія и повивальныя школы въ Тобольскѣ и Томскѣ, съ временными штатами (Выс. утв. 30 мая 1878 г. М. Г. С.).

Предоставлено министрамъ и главноуправляющимъ включать въ проекты законовъ о новыхъ учебныхъ заведеніяхъ одни лишь основныя правила (цѣль и средства училища, объемъ учебнаго курса, права заведеній, учащихся и учащихъ и штата), а по утвержденіи въ законодательномъ порядкѣ этихъ проектовъ, издавать въ дополненіе къ нимъ уставы заведеній, утвержденныхъ въ административномъ порядкѣ (Выс. утв. 20 декабря 1878 г. М. Г. С.) Въ дополненіе ст. 11 Городоваго Положенія 1870 г. разъяснено, что постановленія земскихъ, городскихъ, общественныхъ и сословныхъ учрежденій о пособияхъ на содержаніе казенныхъ учебныхъ заведеній признаются постоянно обязательными для жертвующихъ учрежденій, если въ постановленіяхъ не обозначено сроковъ и условности пожертвованій (Выс. утв. 23 октября М. Г. С.);

— Во всѣхъ женскихъ институтахъ вѣдомства Императрицы Маріи, въ которыхъ нѣтъ специальныхъ педагогическихъ курсовъ, устроены учебные курсы для пепиньерокъ (Выс. Пов. 4 марта 1878 г.). Вышневолоцкая маринская женская гимназія преобразована въ трехъ классной въ семиклассную (Выс. Пов. 8 апрѣля 1878 г.). — Издано новое положеніе и штаты земледѣльческихъ училищъ, подвѣдомыхъ Министерству Государственныхъ Имуществъ, и усилена съ 130,723 р. до 182,950 р. ежегодная сумма денежныхъ средствъ отпускаемая Государственнымъ Казначействомъ на содержаніе этихъ учебныхъ заведеній (Выс. утв. 23 мая 1878 г. М. Г. С.). — Военно-юридическое училище упразднено и вмѣстѣ съ тѣмъ временно преобразована на новыхъ началахъ Военно-юридическая Академія, для которой издано новое положеніе. При этомъ поставлено въ обязанность военнаго вѣдомства «по пересмотру законоположеній, относящихся до всѣхъ военныхъ академій вообще», войти въ Военный Совѣтъ съ особымъ представленіемъ о *нормальномъ* положеніи Военно-юридической Академіи (Выс. утв. 17 іюня 1878 г. Пол. В. С.). Изъ всего этого распоряженія видно, что оно имѣетъ временной характеръ и что установленіе «нормальныхъ» условий дѣятельности Военно-Юридической Академіи и вмѣстѣ съ тѣмъ нормальныхъ условий научнаго образованія должностныхъ лицъ военно-судебныхъ установленій еще впереди. Едва ли эти послѣднія условия нормальной научной подготовки этихъ лицъ не должны заключаться въ образованіи ихъ въ юридическихъ факультетахъ университетовъ, наравнѣ съ должностными лицами гражданскихъ судовъ, такъ какъ начала юридической науки едины и для гражданского, и для военнаго правосудія.

Въ сферѣ правительственныхъ мѣръ по *художественной* части, должно упомянуть объ установленіи однообразнаго по всей Россіи нормальнаго музыкальнаго діапазона или камертона. Устройство и храненіе этого нормальнаго камертона и повѣрка камертоновъ возложены на Главную Физическую Обсерваторію при Имп. Академіи Наукъ (Выс. утв. 23 мая 1878 г. М. Г. С.).

Въ *мѣстномъ управленіи* и мѣстныхъ административныхъ учрежденіяхъ произошли слѣдующія перемѣны. Въ Бессарабской губерніи упразднены должности мировыхъ посредниковъ и введено новое устройство крестьянскихъ учреждений, согласно Положенію 1874 г. (Выс. утв. 14 марта 1878 г. М. Г. С.). Установлены слу-

жебныя права непрѣмѣнныхъ членовъ губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и назначены вмѣ пенсіи изъ земскихъ сборовъ (Выс. утв. 14 марта 1878 г. М. Г. С.). Въ губерніяхъ Минской, Витебской и Могилевской упразднены должности мировыхъ посредниковъ и введено новое устройство крестьянскихъ учреждений 1874 г., съ нѣкоторыми отступленіями (Выс. утв. 4 апрѣля 1878 г. М. Г. С.). — Въ дополненіе къ Положенію 13 мая 1870 г. объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ, постановлено, чтобъ областныя или губернскія правленія имѣли, согласно указаннымъ основаніямъ, надзоръ за порядкомъ исполненія станичными обществами и ихъ должностными лицами возложенныхъ на нихъ по закону обязанностей (Выс. утв. 23 мая 1878 г. М. Г. С.). Издано Выс. утв. 23 мая Положеніе объ управленіи общинами войсковыми капиталами Кубанскаго и Терскаго казачьихъ войскъ, и также измѣнены нѣкоторыя правила положеній объ общинахъ войсковыхъ капиталахъ донскаго, астраханскаго, забайкальскаго и сибирскаго казачьихъ войскъ (Выс. утв. 27 мая Пол. В. С.). — Утверждены новые штаты Казенныхъ Палатъ и Казначействъ, приводимые въ дѣйствіе постепенно, по усмотрѣнію Министра Финансовъ (Выс. утв. 30 мая М. Г. С.). — Должности уѣзднаго предводителя дворянства присвоены V классъ и прослужившіе въ этомъ званіи три трехлѣтія утверждаются въ этомъ чинѣ (Выс. утв. 28 ноября 1878 г. М. Г. С.).

СОДЕРЖАНІЕ

ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ

СБОРНИКА

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

подъ редакціей В. П. Везобразова,

дѣйствительнаго члена императорской академіи наукъ,

при ближайшемъ содѣйствіи

ПРОФЕССОРОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: И. Е. АНДРЕВСКАГО (по полицейской наукѣ), М. И. ГОРЧАКОВА (по церковному законодѣнію), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ф. Ф. МАРТЕНСА (по международному праву) и Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА Г. А. ЛЕВРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ф. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

ТОМЪ I. — СОДЕРЖАНІЕ: Законъ и административное распоряженіе по русскому праву, *А. Д. Градовскаго*. — Эмиграція, кн. *А. И. Васильчикова*. — Банковыя законы и банковая политика, *Н. Х. Бунге*. — Русская карательная система, *И. И. Фойницкаго*. — Устройство правильной переписи населенія въ Россіи, статья первая, *Ю. Э. Янсона*. — Записка о сокращенныхъ срокахъ воинской повинности и обязательномъ обученіи, *Г. С. Сидоренки*. — Брюссельская международная конференція 1874 г., *Ф. Ф. Мартенса*. — Русская политика въ отношеніи къ Средней-Азій. Историческій очеркъ *В. В. Григорьева*. — Новѣйшія попытки къ лучшему устройству приврѣнія бѣдныхъ, *И. Е. Андреевскаго*. — Привилегіи на изобрѣтенія, *В. И. Весинякова*. **Критика и библиографія.** Русская литература. Церковь. Православная церковь въ Буковинѣ, соч. Влад. Мордвинова. — *М. Н. Горчакова*. Государственное право (теорія). Исторія политическихъ ученій, соч. В. Четверина. — *Г.* — Государственное управленіе. Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII-го вѣка, соч. М. Владимірскаго-Будагова. Ч. I-я. — *И. Андреевскій*. — Международное право. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами, соч. Ф. Мартенса, т. I-й. — *М.* — Военныя науки. Всеобщая военная исторія, князя Н. С. Голицына. — *Г. Леера*. Франко-нѣмецкая война 1870 — 1871 г.; перев. съ нѣмецк. А. Риттера и И. Маслова. — *Г. Леера*. Исторія. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Сергѣя Соловьева, т. XXIII. — *К. Вестужевъ-Рюминъ*. — Статистика. Памятныя книжки. — 1. — Историко-статистическое описаніе Черниговской губерніи, книги 5 и 6. — 2. — Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи, составленъ полковникомъ Ильинимъ. — 3. — Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ по 1-е января 1874 г., изд. 3-е, гр. А. В. Соллогуба. — 4. — Западный районъ экспедиціи по изученію хлѣбной торговли и производительности Россіи, соч. М. Раевского, ч. 1-я. — 5. — Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Вып. III. — 6. — Гражданское право. Обязательности железнодорожныхъ предпринимателей и ихъ агентовъ за причиненіе эксплуатаціей вреда лицамъ и имуществу, соч. П. Деларова — *И. Кауфмана*. — Государственное и народное хозяйство. Реформа нашей кредитной системы, соч. А. Шипова. — *И. Кауфмана*. Иностран-

ная литература. Церковь. Материалы для исторіи и статистики церкви и школы въ евангелическо-лютеранскихъ общинахъ Финляндіи, К. Г. фонъ-Буша. — *М. И. Горчакова*. — Избраніе Пана и Имперіи, соч. Лоренца. — *М. И. Горчакова*. — Международное право. Примѣчанія о трактатахъ Соединенныхъ Штатовъ съ другими державами. — Бумаги, относящіяся къ Вашингтонскому трактату. Женевскій арбитражъ. — Женевская конвенція во время франко-германской войны, соч. Муанье. — Отчеты интернациональнаго комитета о раненыхъ. Первые десять лѣтъ краснаго креста, соч. Муанье. — Государственное управление. Исторія городского устройства въ Германіи, Маурера. — Происхождение германскаго городского устройства А. Гейслера. — Лекціи административнаго права Кабанту, изданіе пересмотрѣнное и пополненное, Ж. Діежонъ. — Учебникъ нѣмецкаго административнаго права, соч. Рёсслера. 1 томъ, 2 отдѣлъ. — Право экспроприации, Грюнгута. — Колонизація у современныхъ народовъ, г. Деруа-Болье. — Государственное и народное хозяйство. Современная германская пресса рабочихъ, профессора А. Гельда — Гражданское право. Прусскіе гипотечные законы 5 мая 1872 г. со введеніемъ и примѣчаніями Вервера. — Артельное законодательство въ Германіи, Д. Германа Зихерера. — Политика гражданскихъ законовъ или наука сравнительнаго законодательства, бар. Ф. де-Портала. Обзорніе днѣшней законодательства и государственнаго управления (за первую половину 1874 г.). Уставъ о воинской повинности. Прочія постановленія по военной части. — Международныя конвенціи. — Высшія государственныя учрежденія. — Государственная служба. — Сословныя права. — Управление: общая организація. — Финансы, бюджетъ на 1874 г., гербовый уставъ. — Государственныя имущества. — Государственное хозяйство; желѣзныя дороги. — Акціонерныя компаніи. — Благотворительность и призрѣніе. — Полиція. — Судебная часть; новыя правила о повѣренныхъ. — Народное образованіе, начальныя училища. Цѣна 3 руб.

ТОМЪ II. — СОДЕРЖАНІЕ: Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ, *В. И. Сергеевича*. — Акціонерныя общества, *Ө. Г. Тернера*. — Устройство правильной переписи населенія въ Россіи, *Ю. Э. Янсона*. — Земскія повинности и мѣстные налоги, *В. А. Лебедева*. — Земледѣльческіе отхожіе промыслы, въ связи съ переселеніемъ крестьянъ (съ картою), *В. И. Чаславскаго*. — Международное вмѣшательство, *М. Н. Капустина*. — Научная постановка церковно-суднаго права, *М. И. Горчакова*. — Значеніе подготовки къ войнѣ вообще и подготовительныхъ стратегическихъ операцій въ особенности, *Г. А. Леера*. — Моменты исторіи законодательства печати, *И. Я. Фойницкаго*. — Замѣтка по поводу акціонернаго законодательства, *Д. П. Скуртатова*. **Ирритивація и смѣлографія.** Русская литература. Церковь. Мнѣнія духовныхъ консисторій относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. — *М. И. Горчакова*. — Мнѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. — *М. И. Горчакова*. — Исторія русской церкви, соч. архіепископа Макарія. — *М. И. Горчакова*. — Общіе способы призрѣнія священно-церковно-служителей и ихъ семействъ, протоіерея Чижевскаго. — *М. И. Горчакова*. — О церковномъ хозяйствѣ, протоіерея Чижевскаго. — *М. И. Горчакова*. — Судьбы уни въ русской Холмской епархіи, соч. Нила Попова. — *М. И. Горчакова*. Государственное право (исторія). Древніе города Россіи, соч. Д. Я. Самохвостова. — *Ө. И. Леонтовича*. Государственное управление. Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву, соч. Н. Тарасова. — *И. Е. Андреевскаго*. — Очеркъ основъ санитарной дѣятельности, соч. А. Доброславина. — *Г. И. Архангельскаго*. Международное право. Начало невмѣшательства. — *Гр. Л. Комаровскаго*. — Начало невмѣшательства, соч. гр. Л. Комаровскаго. — *Ф. Ф. Мартенса*. — Характеристика международныхъ отношеній и международного права въ историческомъ развитіи, соч. Ивайнова. — *Ф. Мартенса*. — Международное право, соч. М. Н. Капустина. — *Ф. Мартенса*. Исторія. Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, соч. Д. П. Голохвостова и архимандрита Леонидова. — *Е. Е. Замысловскаго*. — Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи: Записки фельдмаршала графа Миниха, С. Н. Шубинскаго. — *А. Брикнера*.

Древности права балтійскихъ славянъ, соч. А. Котляревскаго, т. I. — В. С. Исканникова. — Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова, вып. 1. — Я. К. Грота. — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева, т. XXIV. — К. Н. Бестужева-Рюмина. Статистика. Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, изд. Мин. Юст. — 2. — Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи, сост. Д. Ливрономъ. — 3. — Холерныя эпидеміи въ Европейской Россіи въ 50-лѣтній періодъ 1823 — 1872 г., соч. Архангельскаго. — 4. Курсъ статистики, соч. Н. Карасевича. — 5. Финансы. Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ: Акцизъ. Соч. И. Янжуля. — Л. Иностранная литература. Церковь. Письмо къ проф. Трейтшке по поводу нѣкоторыхъ его сужденій о русской православной церкви, соч. Н. Н. М. И. Горчакова. — Государственное управленіе. Ученіе о военномъ дѣлѣ, какъ часть государствовѣдѣнія. Лоренца Штейна. — Г. С. Исторія. Орденъ іезуитовъ, его организація, ученія, дѣятельность и исторія, соч. Губера. Іезуиты, соч. Губера, переводъ А. Маршанда. — В. Бауера. Статистика. Столица Берлинъ; результаты исчисленія и описанія его народонаселенія; соч. д-ра Швабе. — 2. Государственное и народное хозяйство. Исторія политической экономіи въ Германіи, Вильгельма Рошера. — К. Финансы. Руководство къ финансовой наукѣ, Лоренца Штейна. — К. Обзоръніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за вторую половину 1874 г.). Брюссельская международная конференція для установленія правилъ и обычаевъ войны. — Текущее международное право. — Войско и военная организація. — Государственная служба вообще. — Финансы. — Государственное хозяйство. — Польша. — Судебная часть. — Народное образованіе. — Мѣстное управленіе; преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. — Гражданское право; раскольничьи браки.

ТОМЪ III. — СОДЕРЖАНІЕ: Свобода совѣсти и отношенія Государства къ Церкви, *Ф. Г. Тернера*. — Постычательное движеніе Россіи въ средней Азій, *М. И. Венюкова*. — Респуб. монархія установится во Франціи? *В. И. Герье*. — Ансильонъ и Кругъ, *А. Черерина*. — Национальный вопросъ, *А. Д. Градовскаго*. — Критика и библиографія. Русская Литература. Государственное право (теорія). Русское государственное право, Т. I. — И. Андреевскаго. — Пособіе къ изученію русскаго государственнаго права. — А. Романовича-Славятинскаго. — Начала государственнаго права. Т. I. — А. Градовскаго. — *Н. М. Коркунова*. — Государственное право (исторія). Древніе города Россіи. — *Д. Я. Самокасова*. — Возраженіе г. Самокасову. *Ф. И. Леонтовича*. — Исторія права. Исторія кодификаціи гражданскаго права. — С. В. Пахмана. — *Н. В. Калачова*. — Сочиненіе Н. Д. Иваншова. — *И. Е. Андреевскаго*. — Обычное право, выпускъ первый. — *Е. Якушкина*. — *П. А. Матвѣва*. — Значеніе общенароднаго гражданскаго права. — *Вогольнова*. — *П. Л. Карасевича*. — Исторія. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXV. — С. Соловьева. — *К. Н. Бестужева-Рюмина*. — Гражданское право. Законы о ипотекахъ, дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ. — *К. Юзевонича*. — *Ф. И. Шмидельскаго*. — Государственное и народное хозяйство. Обзоръ развитія главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли въ Россіи. — *Д. А. Тимирязева*. — *А. Я. Шмидта*. — Иностранная Литература. Международное право. Институты практическаго международнаго права въ мирное время. — *А. Гартмана*. — *Ф. Эйхельмана*. — Практика, теорія и кодификація международнаго права. — *Вульмеринга*. — *Ф. Эйхельмана*. — Ежегодникъ Института Международнаго Права. — *Гр. Л. Комаровскаго*. — Исторія. Территориальное расширеніе Россіи. — *Д. Макаевича-Уолласа*. — *М. Капустина*. — Исторія Россіи и европейской политики 1814 до 1831 г. — *Вергарди*. — *А. Г. Брикнера*. — Изслѣдованія политическихъ явленій древней и новой исторіи и вліяніе состоянія войны и мира. — *Дево*. — *П. Л. Карасевича*. — Исторія государственныхъ учрежденій древней Франціи, часть первая. — *Фюстель-де-Куланжа*. — *П. Л. Карасевича*. — Статистика. 1) Свѣдѣнія о числѣ родившихся и умершихъ въ Лифляндской губерніи 1863 — 1872 г.; 2) Матеріалы для статистики Лифляндской губерніи. — *В. Андерса*. — *А. Я. Шмидта*. — Народное хозяйство. Матеріалы къ Славянство. — *Д-ра Осива Сернеца*. — *И. А. Бодуена-де-Куртена*. — Фж-

философія права. Очеркъ курса естественнаго права, или историческое и философское введеііе въ изученіе права вообще. — Тиссо. — *П. Л. Карасевича*. Обзорніе движеній законодательства и государственнаго управленія (за 1875 г.). Вступленіе. — Церковь; воссоединеніе греко-уніатовъ. — Международное право; всеобщій почтовый союзъ. — Войско и военная организація развитіе устава 1874 г. о воинской повинности; преобразованія въ центральной и мѣстной военной администраціи; развитіе способовъ къ мобилизаціи; боевыхъ силъ. — Государственное управленіе; организація центральныхъ органовъ и государственная служба вообще. — Финансы; упраздненіе государственнаго земскаго сбора; податная реформа; исполненіе бюджета. — Государственное хозяйство; сѣвядъ представителей банковъ. — Полиція. — Судебная часть; судебная реформа въ привислянскомъ краѣ. — Народное образованіе; лицей, сельскія школы, среднія учебныя заведенія. — Ученая часть; административная статистика. — Мѣстное управленіе. — Гражданское право. — Заложеніе.

ТОМЪ IV. — СОДЕРЖАНІЕ: Начала русской земли, *С. М. Соловьева*. — Современныя условія военнаго судостроенія, *Э. Е. Гуллева*. — О подоходныхъ налогахъ, *И. Ю. Патаевскаго*. — Нуждается ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ кромѣ опредѣляемыхъ по суду? *Я. Ф. Кистяковскаго*. — Условія театра войны на Балканскомъ полуостровѣ для русской арміи, *Г. А. Леера*. — Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство, *Н. В. Ключова*. — Железныя дороги въ Россіи, *А. А. Головачева*. — Исторія построенія дорогъ, Статья первая. **Критика и библиографія. Русская Литература.** Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, *М. В. Будагова*. — Исторія. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *С. Соловьева*. Т. XXVI. *К. Бестужева-Рюмина*. — Архивъ юго-западной Россіи. Ч. II, т. II. *В. Иконникова*. — Государственное и народное хозяйство. Англійская свободная торговля, вып. 1-й. *И. Янжуля*. — *А. И. Чупрова*. Общинное земледѣліе, вып. 1-й. *А. Посникова*. *Г. И. Чупрова*. Иностранная Литература. Государство и законъ о народномъ образованіи, *Н. Х. Бунте*. — Свѣдѣнія о современной Сербіи. *Н. Срезневскаго*. — Статистика. Сравнительная статистика Царства Польскаго. *В. Заденскаго*. *Григорія Симоненко*. Обзорніе движеній законодательства и государственнаго управленія (за 1876 г.). Лондонскій протоколъ, какъ результатъ дипломатическихъ переговоровъ въ 1876 г. и его послѣдствія. — Центральныя государственныя учрежденія. — Текущее международное право. — Войско и военная организація. — Государственное управленіе и государственная служба вообще; празднованіе юбилеевъ. — Государственные финансы. — Государственное хозяйство; премія за успѣхи по мѣсному хозяйству; Казенные горные заводы. — Судебная часть. — Народное образованіе; Имп. Медико-Хирургическая Академія; гимназіи; реальныя и народныя училища; разныя спеціальныя учебныя заведенія. — Ученая часть. — Мѣстное управленіе; обязательныя постановленія мѣстныхъ административныхъ властей. — Гражданское право.

ТОМЪ V. — СОДЕРЖАНІЕ: Нѣмецкіе социалысты: *Г. Лассаль*. *В. Н. Тичерина*. — Системы мѣстнаго управленія въ западѣ Европы и въ Россіи. *А. Д. Градовскаго*. — Реформа исполнительной полиціи въ Россіи. *И. Е. Андреевскаго*. — Очеркъ политической этнографіи страны, лежащихъ между Россіею и Ивліею. *М. И. Венюкова*. — Железныя дороги въ Россіи. *А. А. Головачева*. Исторія постройки дорогъ. Статья вторая. — **Критика и библиографія.** Русская литература. Церковь. Правила святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и святыхъ отецъ съ толкованіями, вып. 1. *М. И. Горчакова*. — Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи, вып. 1. — *В. Елю-же*. — Руководство къ русской церковной исторіи. Сост. *П. Знаменскій*. *Елю-же*. — Статистическія свѣдѣнія по общественному призрѣнію С.-Петербурга. *П. П. Семенова* и *И. Е. Андреева*. *Ч. I*. Приходскія благотворительныя общества, *Елю-же*. — Историческій очеркъ управленія духовенствомъ военнаго вѣдомства въ Россіи. *Н. Невзорова*. *Елю-же*. — Исторія старой Казанской духовной академіи (1797 — 1818 гг.). *А. Благовѣщенскаго*. *Елю-же*. — Исторія Владимирской духовной семинаріи (1750 — 1840 гг.). Соч. *К. Надеждина*. *Елю-же*. — Исторія русской церкви.

Т VIII. Архіеп. Макарія. *Ею-же* — Історія церкви въ предѣлахъ нынѣшней калужской губерніи. Іером. Леонидъ *Ею-же*. — Отношеніе римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности до Константина великаго включительно. П. Ложкарева. *Ею-же*. — Философія права. Спиноза и его ученіе о правѣ. — К. Н. Яроша. *Л. Е. Владимірова*. — Історія права. О Мазоветскомъ правѣ. Ч. I. Карла Дунина. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*. — Военныя науки. Прикладная тактика. Сост. ген.-майоръ Лееръ. *Н. А. Грбемщикова*. — Історія. Історія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Соч. И. Забѣлина. *Е. А. Бьолола*. — Описаніе дѣлъ архива Морскаго Министерства за время съ половины VII до начала XIX столѣтія. Томъ I. *С. В. Ведрова*. — Уголовное право. Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Общая часть. А. Θ. Кистяковскаго. *А. И. Палюбежскаго*. — Иностранная литература. Церковь. Лѣтопись евангеліическихъ приходовъ въ Москвѣ. Соч. Фехнера. *А. Г. Врикнера*. — Государственное право. Философское государственное право. Гумилевича. *П. Л. Карасевича*. — Политика. Политика какъ наука. Блунчли. *Гр. Л. А. Комаровскаго*. — Международное право. Руководство къ международному праву. Функъ-Врентано и Сореля. *Ф. Ф. Мартенса*. — Политика и обычай войны. Рюстова. *Ею-же*. — Право добычи на войнѣ и морское право добычи въ особенности. Блунчли. *Ею-же*. — Комплектованіе военнаго и коммерческаго флота; права воюющихъ и нейтральныхъ въ случаѣ войны. Ляндсея. *Ею-же*. — Історія международного права въ XIX вѣкѣ. Пьератони. *Ею-же*. — Право войны, основанное на правственности. Никазіо Ди Ландя. *Ею-же*. — Дипломатическій ежегодникъ Россійской Имперіи за 1877 г. *Ею-же*. — Конспектъ дѣйствующаго европейскаго международного права. Неймана. *О. О. Эйхельмана*. Новое собраніе трактатовъ и дипломатическихъ актовъ, продолженіе собранія. Мартенса. *Ею-же*. — Управленіе Эльзаса. Соч. Ленинга. *Ею-же*. — Государственное и народное хозяйство. Общинное землевладеніе. Собственность и ея первобытныя формы. Лавеле. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Соколовскаго. *К. К. Гаттенбергера*. — Деньги и денежное обращеніе. Леванса. *Ею-же*. — **Обзорнѣе движенія законодательства и государственнаго управленія** за первую половину 1877 г. Война и ея послѣдствія въ государствѣ и обществѣ. — Международное право. — Войско и военная организація. — Государственные финансы; финансовое положеніе до войны и чрезвычайныя финансовыя ресурсы для покрытія военныхъ расходовъ; бумажныя деньги; текущее финансовое законодательство; таможенный тарифъ. — Государственное хозяйство; всемірная выставка въ Парижѣ; пути и способы сообщеній; коммиссія для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла; передача шоссеиныхъ дорогъ въ распоряженіе земствъ; разныя другія мѣры по государственному хозяйству. — Полиція. — Судебная часть; тюремная коммиссія. — Народное образованіе; вновь открытыя и преобразованныя учебныя заведенія. — Ученая часть. — Мѣстное управленіе. — Гражданское право.

ТОМЪ VI. СОДЕРЖАНІЕ: Нѣмецкіе социалисты. П. Карлъ Марксъ. *В. Н. Тичерина*. — Очеркъ военныхъ дѣйствій въ Турціи. Статья первая. *Г. А. Леера*. — Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европы и въ Россіи. Статья вторая. *А. Д. Градовскаго*. — Акціонерныя компаніи. *И. Т. Тарасова*. — Неразвитыя банковыя билеты во Франціи съ 1870 по 1878 г. *Н. Х. Бима*. — Финансовыя реформы въ Пруссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія. *Ю. Θ. Самарина*. — **Критика и библиографія.** Русская литература. Народное и государственное хозяйство. Теорія биржевыхъ кризисовъ. *К. К. Гаттенбергера*. Вѣнскій кризисъ 1873 года. *И. И. Кауфмана*. — Очерки экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. *Д. Г. Анучина*. *Г. Θ. Симоненки*. — Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства (1850 — 1875). *Н. Ситовскаго*. — Краткій очеркъ дѣятельности Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства за первое двадцатипятилѣтіе его существованія 1850 — 1875. *В. И. Вешнякова*. — Сельскохозяйственное дѣло Европы и Америки на вѣской всемірной выставкѣ 1873 года и въ эпоху ея. *А. Ермолова*. *Ею-же*. — Государственные финансы. Русскій промышленный налогъ. *А. Субботина*. *В. А. Лебедева*. — Ежегодникъ русскихъ финансовъ, шестой годъ. *А.*

Веселовскаго. *А. Я. Шмидта*. — Военныя науки. Записки стратегіи, выш. I. Сост. генералъ-майоръ Лееръ. *В. Б.* — Исторія. Архивъ Правительствующаго Сената. *П. Барацова. В. С. Яковникова*. — Уставныя грамоты XIV — XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, выш. 1 и 2. *Н. Загоскина. Д. Мейчика*. — Писцовыя книги, часть 1-я, отд. 2-е. *В. И. Вешнякова*. — Систематическій каталогъ Департамента Внѣшней Торговли. *А. Я. Шмидта*. — Гражданское право. Обычное гражданское право въ Россіи, томъ I. *С. В. Пахмана. П. А. Матюева*. — Общая публицистика. Статьи политическія и польскій вопросъ (1856 — 1867). *М. П. Погодина. К. Н. Бестужева-Рюмина*. — Иностранная литература. Государственное право. Ученіе о современной государствѣ. Соч. *Блунчи. О. Эйхельмана*. — Государственныя финансы. Наука о государственныхъ финансахъ. *П. Леруа-Болье. В. А. Лебедева*. — Общинныя налоги и ихъ преобразование, соч. *Билинскаго. Ею же*. — Государственное и народное хозяйство. Новыя законы и сочиненія въ Германіи объ привилегіяхъ на изобрѣтенія. *В. И. Вешнякова*. — Исторія права. Исслѣдованія саллическаго права франковъ. *Клемента. С. В. Ведрова*. — **Обзорніе движенія законодательства и государственнаго управленія** (за вторую половину 1877 г.). Международное право. — Военная организація. — Государственная служба вообще. — Государственное хозяйство. — Полиція. — Судебная часть. — Народное образованіе. — Мѣстное управленіе.

СБОРНИКЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. П. БЕЗОВА

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ СОДѢЙСТВІИ

ПРОФЕССОРОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: **И. Е. АНДРЕЕВСКАГО** (по полицейской наукѣ), **М. И. ГОРЧАКОВА** (по церковному законо-
вѣдѣнію), **А. Д. ГРАДОВСКАГО** (по государственному праву), **Ф. Ф. МАРТЕНСА**
(по международному праву), **В. И. СЕРГѢЕВИЧА** (по исторіи русскаго права)
и **Ю. Э. ЯНСОНА** (по статистикѣ), ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА
Г. А. ЛЕВРА (по военнымъ наукамъ), **Н. В. КАЛАЧОВА** (по исторіи русскаго
права) и **Ф. Г. ТЕРНЕРА** (по государственному и народному хозяйству).

Томъ VIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1880.

JUL 18 1922

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОВА И КОМПАНИ.
(Вас. Остр., 8 л., д. № 45.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Задачи стратегіи какъ искусства и какъ науки, <i>Г. А. Леера</i>	1
Железныя дороги въ Россіи, <i>А. А. Головачева</i> . Исторія постройки дорогъ. Статья четвертая и послѣдняя	36
Замѣтка о настоящемъ положеніи нашей денежной системы и средствахъ къ ея улучшенію, <i>Н. Х. Буте</i>	86
О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи, <i>Н. В. Калачова</i> . Статья первая	128
Управленіе ссылки, <i>И. Я. Фойницкаго</i>	149

Критика и библіографія.

Русская литература.

Полицейское право. Н. Бунге, Полицейское право, т. 1. — И. Андреевскаго, Полицейское право, два тома. — М. Шпилев- скаго, Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль право- вѣдѣнія. <i>И. Т. Тарасова</i>	3
По поводу статьи г. Тарасова, «Полицейское право». <i>И. Е. Андреевскаго</i>	44
Исторія политическихъ ученій. Алексѣева, Макиавелли, какъ политич. скій мыслитель, <i>Гр. Л. А. Комаровскаго</i>	45
Исторія русскаго права и управленія. Устройство и управленіе городовъ Россіи, <i>И. Дитятина</i> , томы I и II. <i>О. О. Эйхельмана</i>	59
Международное право. Европейское международное право, соч. Гейфтера, перев. К. Таубе. <i>Ею-же</i>	65
Восточная война и Брюссельская конференція 1874—1878, <i>Ф. Мартенса</i> . <i>Ею-же</i>	68
Русская исторія. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историче- скаго Общества, томъ I—XXVI. <i>А. Г. Бригнера</i>	87
Уголовное право. Н. С. Таганцева, Курсъ русскаго уголовного права, часть общая, книга I, вып. III. — Дм. Тальберга, На- сильственное похищеніе имущества по русскому праву. — Н. Д. Сергѣевскаго, О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ, <i>И. Я. Фойницкаго</i>	93
Гражданское право. Кр. Мамшова, Курсъ общаго граждан- скаго права Россіи. Особое приложеніе. Гражданскіе законы и обычное право Россіи, томъ I. <i>И. Я. Фойницкаго</i>	103

	Стр.
Исторія русскаго государственнаго права. Н. П. Загоскина. Исторія права Московскаго Государства, т. II, вып. I, Дума боярская.—Ключевскаго, Боярская Дума древней Руси, М. Ф. Владимірскаго-Буданова.	104

Иностранная литература.

Исторія. Л. Де-Вальроже, Кельты и кельтическая Галлія. В. В. Сокольскаго	125
Международное право. Руководство по международному праву для офицеровъ сухопутныхъ войскъ, О. О. Эйхельмана.	144

Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за 1879 г.).

Общій взглядъ на движеніе нашей государственной и общественной жизни въ 1879 г.—Политическія преступленія и чрезвычайныя государственныя мѣры.—Характеристика нашей общественной смуты. Доктрины въ ней предъявленныя. Ея связь съ предыдущею государственною эпохою.—Система чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣропріятій въ 1879 г.—Поворотъ къ новому направленію въ нашей внутренней политикѣ 3

ЗАДАЧИ СТРАТЕГИИ

КАКЪ ИСКУССТВА И КАКЪ НАУКИ.

Г. А. ЛЕБЕРА,

ПРОФЕССОРЪ НИКОЛАЕВСКОЙ АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Законность стратегіи рядомъ съ тактикой.

Двѣ главныя задачи военнаго искусства сводятся: 1) къ *подготовкѣ* средствъ для веденія войны, и 2) къ *раціональному ихъ употребленію*.

Послѣдній вопросъ изслѣдуется въ *тактикѣ*, но онъ ею не исчерпывается, такъ какъ тактика имѣетъ въ виду лишь интересы *боевые*, интересы *поля сраженія*, только интересы *частныя*. Для полнаго же рѣшенія вопроса о раціональномъ употребленіи средствъ для веденія войны, необходимо принять во вниманіе, сверхъ боевыхъ интересовъ, еще много другихъ: интересы *экономическіе* (административные), *политическіе*, *географическіе*, короче интересы всего *театра войны*, интересы *общіе*. Въ этомъ смыслѣ вопросъ разрѣшается уже *стратегіею*.

И такъ тактика и стратегія въ сущности заняты рѣшеніемъ одного и того же вопроса (о наиболѣе раціональномъ употреб-

леніи войскъ и прочихъ средствъ на войнѣ), но тактика рѣшаетъ его съ точки частныхъ интересовъ (поля сраженія), а стратегія съ точки общихъ интересовъ (театра военныхъ дѣйствій).

Каждая армія выходитъ изъ извѣстнаго пункта или ряда пунктовъ, откуда она получаетъ всѣ средства къ существованію, къ веденію боа и къ пополненію всякаго рода убыли. Пунктъ этотъ или рядъ пунктовъ составляютъ то, что называется *базою* (основаніемъ дѣйствій). Важность этой линіи (вѣрнѣе полосы) очевидна.

Она настолько велика, что сохраненіе *постоянной*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вполне *безопасной*, связи арміи съ базой, съ источникомъ ея существованія, составляетъ самую настоятельную потребность. Отсюда возникаетъ снова чрезвычайно важная линія *коммуникаціонная* (операционная линія въ смыслѣ пути подвозовъ, питательная артерія арміи).

Забота о безопасности этихъ двухъ чрезвычайно важныхъ линій заставляетъ изыскивать выгодныя *географическія* условія — прикрытія ихъ естественными преградами — и въ особенности благоприятныя *политическія* условія, обезпеченіе ихъ путемъ союза или нейтралитета государствъ, прилегающихъ къ флангамъ и тылу арміи.

Вотъ какимъ путемъ, благодаря 2-мъ вышеприведеннымъ линіямъ, *поле сраженія* обращается въ *театръ военныхъ дѣйствій*.

Разъ какъ поле сраженія обращается въ театръ военныхъ дѣйствій, то рѣшеніе вопроса объ употребленіи войскъ въ тоу или другомъ случаѣ, прежде всего *усложняется*: приходится сверхъ чисто *босвыхъ* условій, которыми исключительно руководствуется тактика, принять въ расчетъ еще условія *административныя*, *политическія*, да и мѣстный элементъ изъ *топографическаго*, какимъ онъ является по отношенію къ полю сраженія, обращается въ *географическій*, короче возникаетъ нѣсколько новыхъ сторонъ, къ которымъ необходимо приурочить рѣшеніе даннаго вопроса.

Мало того, что съ обращеніемъ поля сраженія въ театръ военныхъ дѣйствій рѣшеніе каждаго вопроса, касающагося употребленія войскъ усложняется, оно, съ измѣненіемъ условій *времени* и *пространства*, измѣняется не только въ *формальномъ* отношеніи, но иногда и *принципiallyно*. Такимъ обра-

зомъ: 1) при оборонѣ и атакѣ рѣкъ и горныхъ хребтовъ, разъ какъ дѣло касается обороны и атаки ихъ въ *одномъ пунктѣ* (на полѣ сраженія), притягивающемъ къ себѣ вниманіе и силы обороняющагося, въ тактикѣ, оборона имѣетъ рѣшительный перевѣсъ надъ атакою. Если же дѣло касается обороны и атаки ихъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, на протяженіе *цѣлой линіи* (на театрѣ военныхъ дѣйствій), развлекающей вниманіе и силы обороняющагося, въ стратегіи, наоборотъ, атака получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ обороною; 2) *принципъ командованія* имѣетъ громадное значеніе въ тактикѣ, по тѣмъ выгодамъ, которыя занятіе господствующихъ пунктовъ и линій на полѣ сраженія обнаруживаетъ на самое веденіе боя. Въ стратегіи же она ровно никакого значенія не имѣетъ. Такимъ образомъ владѣть рѣкою (Рейномъ напр.) не тотъ, кто владѣетъ его истокомъ (С. Готардомъ), а тотъ, кто владѣетъ нѣсколькими переправами черезъ нея, обезпеченными мостовыми прикрытіями, т. е. обими берегами ея на извѣстномъ протяженіи ея теченія; 2) положеніе „*между двухъ огней*“ въ тактическомъ смыслѣ, *тактическое окруженіе* (на полѣ сраженія) соотвѣтствуетъ положенію гибельному, допускающему только два выхода: честный пробиться и позорный положить оружіе. По отношенію же къ театру военныхъ дѣйствій, *стратегическое окруженіе* соотвѣтствуетъ положенію благоприятному, позволяющему, пользуясь кратчайшими разстояніями, бросаться то противъ одной части непріятельскихъ силъ, то противъ другой и бить ихъ по частямъ...

Все это показываетъ законность стратегіи въ видѣ особаго отдѣла, особой военной науки, рядомъ съ тактикою, хотя оба они, въ сущности, изслѣдуютъ одинъ и тотъ же вопросъ, но подъ разными углами зрѣнія.

I.

Задачи стратегіи какъ искусства.

Рѣшеніе каждаго тактическаго вопроса (вопроса, касающагося употребленія войскъ) только тогда будетъ правильно, когда, рядомъ съ *частными* интересами *поля сраженія*, въ немъ будутъ приняты во вниманіе и *общіе* интересы *театра воен-*

нихъ дѣйствій и при томъ настолько, что послѣднiе должны *премировать* первыя. Такимъ образомъ: 1) при *выборѣ позицiи для боя* мало того, чтобы она была выгодна по отношенiю веденiя боя, т. е. удовлетворяла бы извѣстнымъ требованiямъ тактики, необходимо, и при томъ прежде всего, чтобы она была *важна* по отношенiю ко всему театру военныхъ дѣйствiй, чтобы она была бы поставлена въ выгоднѣйшiя къ нему отношенiя, чтобы она была бы *умѣстна* по отношенiю къ общему положенiю дѣла на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствiй, чтобы она *прежде всего* удовлетворяла требованiямъ стратегiи, иначе какими бы выгодами она не обладала въ тактическомъ отношенiи, значенiе ея будетъ ничтожно. Для уясненiя этого стоитъ только сопоставить двѣ *фланговыя позицiи*, выбранныя нами въ 1812 г.: *Дрисскую* и *Тарутинскую*; изъ которыхъ первая представляетъ колоссальную ошибку, а вторая образцовое рѣшенiе вопроса, и это прежде всего потому, что, въ то время, какъ послѣдняя вполне отвѣчала общему положенiю дѣла на театрѣ военныхъ дѣйствiй, первая ему не отвѣчала, короче первая была *неумѣстна* и *несвоевременна*, т. е. *нецѣлесообразна*, — вторая была и *умѣстна* и *своевременна* ¹⁾; 2) Тоже самое относится и до *выбора пункта для переправы*. Окончательно выбирается не тотъ пунктъ, который представляетъ наиболѣе удобствъ по отношенiю къ исполненiю переправы и къ веденiю боя на переправѣ, если до него дѣло дойдетъ, т. е. не тотъ пунктъ, который наиболѣе удовлетворяетъ требованiямъ тактики, а тотъ, который ближе къ цѣли нашихъ дѣйствiй по ту сторону рѣки, который ближе къ нашей операционной линiи, который поставленъ въ наиболѣе выгодныя отношенiя, наиболѣе *умѣстенъ* по отношенiю ко всему театру военныхъ дѣйствiй; нако-

¹⁾ Какъ извѣстно *фланговыя* позицiи предпочитаютъ *фронтальнымъ*, когда обороняющiйся имѣетъ въ виду главнымъ образомъ дѣйствовать на флангъ и на сообщенiя непрiятеля, — а это будетъ *умѣстно* лишь при опасной операционной линiи противника. Мѣрою же этой опасности служатъ *значительная длина операционной линiи* и *слабое обезпеченiе ея войсками*. Въ периодъ занятiя нами Дрисской позицiи операционная линiя Наполеона хотя и была длинна, но разниця въ силахъ обѣихъ сторонъ была слишкомъ велика, онъ располагалъ слишкомъ большимъ превосходствомъ въ силахъ сравнительно съ нами, благодаря чему, несмотря на значительную длину его операционной линiи, она должна считаться безопасною. Вотъ почему и дѣйствiя противъ нее, въ этотъ периодъ кампанiи 1812 г. должны считаться *неумѣстными* и *несвоевременными*, т. е. не *цѣлесообразными*. Къ периоду же занятiя нами Тарутинской позицiи операционная линiя Наполеона еще болѣе удлинилась, а разниця въ силахъ почти сгладилась.

нецъ 3) самый *побѣдоносный бой* (въноцъ тактики ¹⁾) тогда только принесетъ пользу, когда онъ будетъ *цѣлесообразенъ* (*умѣстенъ* и *своевремененъ*), иначе онъ обращается въ преступное явленіе; а сдѣлать его цѣлесообразнымъ можетъ только стратегія, а не тактика.

И такъ 1-я задача стратегіи сводится къ тому, чтобы *всѣмъ тактическимъ дѣйствіямъ придать характеръ цѣлесообразности* (умѣстности и своевременности). Въ этомъ смыслѣ и должно понимать выраженіе „тактика ведетъ войну, а стратегія ею управляетъ“ (*La Tactique fait la guerre, la Stratégie la gouverne*).

2. Разъ какъ дѣло стратегіи сводится къ управленію (направленію) военными дѣйствіями, то одна изъ главныхъ задачъ ея, даже самая существенная сводится къ *правильной постановкѣ цѣли* (II-я задача),— безъ чего, выраженъ словами извѣстнаго Ллойда „десять удачныхъ кампаній ни къ чему не приведутъ“,— и къ выбору *удобнѣйшаго направленія для ея достиженія* (III-я задача), при чемъ выраженіе „удобнѣйшее“ должно быть понимаемо отнюдь не въ тѣсномъ смыслѣ (направленіе удобнѣйшее *само по себѣ*), а въ самомъ широкомъ смыслѣ (удобнѣйшее *по отношенію ко всей обстановкѣ*). Операционное направленіе, выбранное Аннибаломъ черезъ Клузіумское болото, при движеніи его къ Риму, а равно и операционное направленіе Наполеона, въ февралѣ 1814 г., черезъ С. Гондскія болота (Ножанъ-Сезаннъ-Шампоберъ) на флангъ разбросанной арміи Влюхера, во время 1-го наступательнаго движенія къ Парижу послѣдняго,—являются высокими образцами въ рѣшеніи разбираемаго вопроса. Вудучи крайне неудобными отдѣльно взятая *сами по себѣ*, онѣ являются удобнѣйшими по отношенію *ко всей обстановкѣ*.

3. Слѣдующая задача стратегіи та же, что и въ тактики, но только по отношенію къ театру военныхъ дѣйствій, именно: *установка строгаго соответствія, гармоніи между разъ поставленною цѣлью и средствами для ея достиженія* (IV задача), при чемъ если только трудно сохранить строгую мѣру,

¹⁾ Конечная цѣль тактики только драться. *Гдѣ и для чего?* Это для нея безразлично. Артистически разыгранный бой съ побѣдою въ результатѣ—такова окончательная цѣль всѣхъ стремленій тактиковъ. А какъ эта побѣда отразится на общемъ положеніи дѣла, на театрѣ военныхъ дѣйствій, *поправитъ* ли она его или *испортитъ* объ этомъ тактика не думаетъ, и, какъ тактика, она совершенно права.

то уже лучше назначить болѣе чѣмъ нужно, чѣмъ вѣсть въ обратную крайность.

Установка строгого соответствія между поставленною цѣлью и средствами для ея достиженія является, въ концѣ концовъ, лишь однимъ изъ средствъ къ рѣшенію болѣе важной задачи, обнимающей вопросъ о *безопасности всей операціи* (V) (или какъ выражаются технически безопасности операціонной линіи). „Никогда не слѣдуетъ обнажать своей операціонной линіи — это азбука военнаго дѣла (Наполеонъ). По важности своей, вопросъ о безопасности операціонной линіи (операціи) становится рядомъ съ вопросомъ о выборѣ операціонной линіи. Что заставило Александра Великаго цѣлые три года (съ 331 — 334) употребить на покореніе Малоазійскаго побережья (устройство прочнаго базиса), какъ не стремленіе къ доставленію возможно полной безопасности его операціонной линіи (операціи)? Что заставило Густава-Адольфа въ 1630 году брать одну крѣпость за другою въ Помераніи и потратить нѣсколько мѣсяцевъ на прочное базированіе, какъ не та же причина. То же видимъ мы и въ дѣйствіяхъ Людерса въ Трансильваніи въ 1849 г. То же, наконецъ, и въ дѣйствіяхъ генерала Бонапарте въ 1800 въ Италіи (его движеніе отъ Иври къ Милану далеко въ сторону отъ направленія на Геную ¹⁾)..., короче одна изъ главныхъ заботъ всѣхъ выдающихся стратеговъ всегда была и на всегда останется въ стремленіи къ возможно полной *безопасности* операціи, чтобы, во время всей кампаніи не было бы ни одной минуты, когда бы операціонная линія была на воздухѣ.

Не лишнимъ будетъ указать здѣсь на необыкновенно строгое примѣненіе къ дѣлу этого принципа пруссаками въ ихъ двѣ послѣднія войны: въ 1866 г. все брошено на главный театръ военныхъ дѣйствій въ Богемію, а въ Германіи оставлена лишь наскоро сложенная, импровизированная и при томъ крайне малочисленная армія (Фогеля - фонъ - Фалькенштейна). Въ 1870 г. мы видимъ съ ихъ стороны то же крайнее напряженіе силъ, и при томъ сразу, съ самаго начала войны, для достиженія развѣ поставленной цѣли. Все направляется къ западной границѣ, кромѣ трехъ корпусовъ, оставленныхъ въ Пруссіи, до разъясненія политической обстановки, а затѣмъ и они двигаются туда

¹⁾ См. Записки стратегіи, выпускъ I, стр. 23—38.

же, а въ Германіи остается изъ дѣйствующей арміи только одна дивизія (IX корпуса) для обороны длинной линіи побережья.

Въ *постановкѣ цѣли и выборѣ направленія* заключается выработка основной идеи, *плана операціи*,—въ *установкѣ гармонической связи между поставленною цѣлью и средствами* для ея достиженія заключается первый шагъ въ ея исполненіи. Слѣдующій шагъ на этомъ пути составляетъ *маршъ-маневръ*, имѣющій задачей привести къ выбранному *предмету дѣйствій* (рѣшительному пункту театра военныхъ дѣйствій) превосходныя сравнительно съ непріателемъ силы и поставить ихъ передъ *боемъ* [который долженъ *рѣшить* окончательную судьбу всей операціи и который относится уже прямо въ область тактики] по возможности въ болѣе выгодное положеніе по отношенію къ противнику, чтобы, одержавъ побѣду, извлечь изъ нея возможно полныя результаты, а, проигравъ сраженіе, извести вредныя послѣдствія пораженія до возможнаго *минимума*.

Такимъ образомъ если, съ одной стороны Стратегія направляетъ, регулируетъ Тактику, то, съ другой, она принимаетъ на себя и подготовку рѣшенія всей операціи, предоставляя окончательное ея рѣшеніе, бой, Тактикѣ. Въ бой же, какъ извѣстно, вторгается наибольшая доля случайностей (близкое соприкосновеніе съ непріателемъ; капризное проявленіе моральнаго элемента; трудность сподить счеты съ волею противника, являющагося далеко не въ видѣ данной положительной, а лишь болѣе или менѣе гадательной), — на полѣ сраженія, по природѣ своей, веденіе военныхъ дѣйствій въ несравненно большихъ размѣрахъ принимаетъ характеръ *игры*, чѣмъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, допускающаго гораздо большую долю *разсчета*. Вотъ почему, *разсчитывающая* въ извѣстномъ смыслѣ Стратегія должна прійти по неволѣ *играющей* (опять тоже въ извѣстномъ приведенномъ смыслѣ) Тактикѣ на помощь и путемъ возможно тщательной подготовки рѣшенія операціи (постоянно имѣя передъ собою худшее, — *вѣрнѣйшій* путь къ тому, чтобы избѣжать его), боя, снять съ него характеръ игры насколько то окажется возможнымъ, поставить судьбу операціи въ возможно меньшую зависимость отъ крайне капризнаго исхода боя.

И такъ съ одной стороны Стратегія *направляетъ* Тактику, а съ другой она *подготавливаетъ* ей дѣло. (Въ этой формулѣ выражается связь и зависимость Стратегіи и Тактики другъ отъ друга). На сколько важно дѣло Стратегіи въ этомъ отношеніи

ближе всего видно изъ сопоставленія *Полтавскаго сраженія съ Марено*. По отношенію къ первому Стратегія со стороны Карла ничего не сдѣлала ¹⁾ и пораженіе его арміи обратилось въ полное ея крушеніе, а равно и всей операціи. — По отношенію ко второму Стратегія образцово работала и этимъ на столько облегчила работу Тактики, что, если бы даже сраженіе и было проиграно, то французская армія не только не погибла бы, но и Сѣверная Италия была бы завоевана *одними только маршами и маневрами* ²⁾.

Надъ этой силой, содержащейся въ стратегической сторонѣ дѣла (въ значительной степени снимать съ военныхъ дѣйствій, неизбежно имъ въ извѣстной мѣрѣ присущій характеръ игры), не мѣшаетъ подумать, такъ какъ въ концѣ-концовъ на войнѣ слѣдуетъ стремиться *разсчитывать, а не шрать* и чѣмъ больше въ извѣстномъ военномъ дѣйствіи мы видимъ разсчета и чѣмъ меньше игры, тѣмъ оно становится выше по внутреннему достоинству.

4. По отношенію къ театру военныхъ дѣйствій, *операція* является тѣмъ же, чѣмъ *бой*, по отношенію къ полю сраженія. Операція представляется въ видѣ явленія весьма сложнаго, слагающагося изъ цѣлаго ряда частныхъ дѣйствій, маневровъ и частныхъ боевъ.

Если внутреннее достоинство операціи измѣряется, съ одной стороны, *преобладаніемъ разсчета надъ случайностями*, то, съ другой, мѣриломъ ея содержанія служитъ *внутреннее единство* ея, *цѣлость, планообразность*, т. е. чтобы всѣ частныя явленія, на которыя операція распадается, были бы въ тѣснѣйшей, внутренней логическо-последовательной связи между собою, по отношенію къ *мѣсту* и ко *времени* (въ отношеніи *существованія и последовательности*).

Единство въ операціи (VI задача) достигается многими средствами ³⁾, но оно обеспечивается главнымъ образомъ *строгимъ соответствіемъ всѣхъ частныхъ цѣлей* (частныхъ боевъ и маневровъ) *съ общою цѣлью операціи*. Изъ нея всѣ частныя цѣли должны вытекать и къ ней снова возвращаться.

Установка единства въ операціи, достигаемая главнымъ образомъ гармонією между общою ея цѣлю и частными цѣлями, составляютъ шестую задачу Стратегіи.

¹⁾ Операционная линия на воздухѣ, — нѣтъ моста на Дибрѣ, т. е. нѣтъ пути отступленія.

²⁾ См. Записки Стратегіи, стр. 58 — 76 и Приложение I.

³⁾ Указываемыми Стратегією.

5. Наконецъ послѣднюю (VII) задачу Стратегіи составляетъ *эксплоатация победы* по отношенію къ театру военныхъ дѣйствій, *энергическое преслѣдованіе* разбитаго непріятеля до уничтоженія его арміи (Лена 1806 г.). Безъ него самое сильное средство на войнѣ, *побѣдоносный бой* является безцѣльнымъ. Одерживать побѣды и не преслѣдовать значить ни болѣе, ни менѣе какъ одерживать побѣды въ пустую.

Такимъ образомъ задачи Стратегіи, какъ *искусства*, ясны и опредѣленны.

Тамъ, гдѣ всѣ эти задачи получили правильное рѣшеніе: гдѣ мы видимъ правильную постановку цѣли; строгое соответствіе ея съ имѣющимися средствами для ея достиженія, вообще полную безопасность операціи; направленіе всѣхъ средствъ къ разъ поставленной цѣли кратчайшимъ (удобнѣйшимъ) путемъ; единство (планность, планосообразность) въ операціи (строгое соответствіе по мѣсту и времени всѣхъ частныхъ цѣлей, съ главною общею цѣлью) и цѣлесообразность всѣхъ частныхъ задачъ, на которыя операція расчленяется, — тамъ мы видимъ *истинную* (методическую) Стратегію (какъ въ большей части дѣйствій великихъ полководцевъ), мы имѣемъ дѣло съ высокимъ образцомъ стратегическаго искусства.

Чѣмъ въ разбираемой операціи встрѣчается болѣе уклоненій отъ только что набросаннаго идеала стратегической операціи, тѣмъ ниже она становится по внутреннему своему содержанію.

II.

Задачи Стратегіи какъ науки.

«Теорія не должна быть положительною наукою¹⁾, а лишь только *исслѣдованіемъ*» (Die Theorie soll keine Positive Lehre sein, aber eine *Betrachtung*). Задача ея *объяснить* сущность (свойства) военныхъ предметовъ (элементовъ) и явленій».

Клаузевицъ.

Стратегія, какъ *искусство*, существуетъ давно, съ тѣхъ поръ какъ войну начали вести искусно (методически), со вре-

¹⁾ Само собою разумѣется въ томъ смыслѣ какъ *Биологъ* понималъ положительную науку. (См. ниже).

мени Александра Великаго. Стратегія, какъ *наука*, начала разрабатываться лишь съ конца прошедшаго столѣтія (*Ллойдъ*) ¹⁾.

Ллойдъ далъ обстоятельную программу для научной разработки Стратегіи въ самомъ широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ обобщенія всего военнаго дѣла, такъ сказать философіи войны (*Mémoires politiques et militaires*).

На столько же широко понимали ее: *Жюмини* (*Précis de l'art de la guerre*) и *Клаузевицъ* (*Vom Kriege*).

Въ этомъ смыслѣ Стратегія лишь намѣчена. — Дальнѣйшая разработка ея въ этомъ направленіи — это задача будущаго.

Если даже съузить рамки изслѣдованія и взглянуть на нее не какъ на полный синтезисъ всего военнаго дѣла, а лишь какъ на *Высшую Тактику*, т. е. на Тактику *Театра военныхъ дѣйствій* (въ отличіе отъ *Тактики поля сраженія*), какъ на трактатъ о военныхъ операціяхъ съ тактической стороны въ связи съ административной и лишь отчасти съ политической, — задача конечно облегчается, но и тутъ рѣшеніе ея, какъ и во всякой лишь только устанавливающейся наукѣ, представляетъ не мало затрудненій.

Тутъ на дѣлѣ и въ литературѣ замѣчается, прежде всего, нѣсколько противоположныхъ теченій, начиная съ полнаго отрицанія какой бы то ни было Теоріи, съ предоставленіемъ всего дѣла лишь только одному вдохновенію, творчеству, ни чѣмъ не регулированнымъ, до обратной крайности, до стремленія къ созданію положительной науки à la *Бюлова*, стремящейся убить всякое творчество и подвести все дѣло подъ шаблоны и рецепты для побѣдъ. По собственному сознанію *Бюлова*, онъ имѣлъ въ виду написать *положительную* Теорію Военнаго Дѣла, съ тѣмъ, чтобы перевести его изъ области искусства, требующаго творчества и доступнаго въ высшемъ примѣненіи только *нѣкоторымъ* избранныкамъ, въ область положительной науки, которая могла бы быть выучена *каждымъ*.

Таковы двѣ крайности. Или заниматься нечего, такъ какъ извѣстно, что крайности бѣгутъ всегда мимо цѣли, мимо истины. — Одинаково недостойны вниманія, какъ грубое невѣжество, отрицающее вовсе Теорію Стратегіи, такъ и умственно-

¹⁾ Были и въ древнія времена къ тому попытки (*Киропедія* Ксенофонта; *Исторія Полибія* — историческій романъ и исторія), но онѣ остались безъ послѣдствій, не имѣли продолжателей.

поврежденный педантизмъ, считающій возможнымъ *все* подвести подъ шаблоны и панацеи. — Истина должна быть между этими двумя крайними теченіями, т. е. въ стратегическомъ искусствѣ *кое-что* подчиняется Теоріи и притомъ весьма положительной Теоріи, остальное же отъ нея ускользаетъ и составляетъ исключительное достоиніе Творчества, вдохновенія.

Это *кое-что*, въ которомъ заключается ни болѣе, ни менѣе какъ самая *существенная* часть дѣла, сводится:

- 1) къ изслѣдованію сущности, *свойствъ* элементовъ искусства.
- 2) къ изслѣдованію вліянія, обнаруживаемаго ими другъ на друга (напр. вліяніе административнаго элемента, въ той или другой изъ его формъ: магазиновъ, реквизицій... на тактическую сторону военныхъ операцій).

Эти два отдѣла подчиняются вполнѣ положительной Теоріи, такъ какъ свойства элементовъ и основныя черты вліянія ихъ другъ на друга неизмѣнны.

Что же касается до 3) *комбинацій элементовъ* между собою, уходящихъ въ безконечность, то этотъ отдѣлъ подчиняется уже главнымъ образомъ творчеству, но опять-таки не творчеству, ничѣмъ необузданному, а творчеству, здраво направленному, регулированному. — И такимъ регуляторомъ здѣсь снова является та же Теорія, но само собою разумѣется Теорія не претендующая на универсальныя рецепты для побѣдъ и на шаблоны для операцій, а устанавливающая лишь извѣстные *основныя принципы*, обнимающіе *неизмѣнную сущность* той или другой операціи.

Да существуютъ ли еще такіе принципы? нерѣдко задаютъ себѣ вопросъ.

Нельзя ихъ отрицать, разъ какъ существованіе ихъ подтверждается 20-ти-лѣтнимъ опытомъ, всею Военною Исторіею.

Изучая Военную Исторію, мы видимъ, что и въ дѣлѣ комбинаціи элементовъ замѣчается извѣстная закономерность, тождественность по отношенію къ *сущности* и къ послѣдовательности стратегическихъ операцій, извѣстное единообразіе, правильность въ развитіи военныхъ явленій, а гдѣ правильность, тамъ и законъ ¹⁾.

¹⁾ Я не вхожу здѣсь въ дальнѣйшій разборъ этого капитальной важности вопроса, такъ какъ онъ обстоятельно изслѣдованъ въ составленныхъ мною курсахъ: Стратегіи (Записки Стратегіи. Выпускъ I, стр. 96—107) и Прикладной Тактики (Введеніе). Здѣсь же, сомнѣвающимся въ существованіи неизбѣжныхъ основъ въ Теоріи Стратегіи, укажемъ хоть только на то, что не все же измѣняется въ мірѣ. Есть кое-что

Такимъ образомъ и этотъ отдѣлъ, какъ казалось бы часто практической, въ известномъ смыслѣ доступенъ Теоріи. Она здѣсь даетъ *регулятора* (не болѣе, да и этого довольно) для каждой операціи, обнимающаго ея сущность и направляющаго рѣшающаго вопросъ на путь правильного его рѣшенія. Не претендуя *замѣнить* собою творчества (что ставилъ цѣлью Теоріи Бюловъ), она стремится лишь *помочь* ему въ только что приведенномъ смыслѣ, а затѣмъ предоставляетъ ему полный просторъ въ примѣненіи ея же (принципа) къ своеобразнымъ требованіямъ той или другой обстановки, мало того, въ дѣлѣ пересозданія самой обстановки, увеличенія благоприятныхъ условий для его примѣненія и возможнаго ослабленія неблагоприятныхъ. Теорія въ лучшемъ значеніи этого слова обуздываетъ прирожденное творчество, которое, будучи управляемо лишь только однимъ *воображеніемъ*¹⁾, ничѣмъ необузданною фантазією, легко могло бы зарваться до абсурда, до авантюристической Стратегіи, до Стратегіи приключеній.

Это не *панacea* для побѣдъ и не *предвзятая система* веденія войны, а лишь нѣсколько, и притомъ весьма небольшое число, *самыхъ широкихъ обобщеній*, не рѣшающихъ ни одного частнаго случая, но обнимающихъ лишь *сущность* всевозможныхъ рѣшеній одного и того же вопроса.

Устанавливая путемъ тщательнаго анализа эти законы (принципы), теорія не говоритъ „поступайте, такъ или иначе“, но настоятельно требуетъ изученія законовъ тѣхъ стратегическихъ явленій, которыми мы готовимся управлять впоследствии и затѣмъ дѣйствій, строго сообразенныхъ съ этими *законами* и съ тѣми *обстоятельствами* (*обстановкою*), при которыхъ придется ихъ примѣнять.

Полезная сторона принциповъ ограничивается не только тѣмъ, что они направляютъ рѣшающаго известнаго вопроса на путь правильного его рѣшенія, *регулируютъ* творчество. Они же даютъ единственный *критерій* къ правильной, воплоти объективной оцѣнкѣ военныхъ явленій (фактовъ военной исторіи). Мало того *обяс-*

вѣчно неизмѣнное — это *природа человека, природа вещей и природа явленій*. Настолько же должны быть вѣчны и неизмѣнны обнимающія эту неизмѣнную сущность вещей и явленій научные принципы.

¹⁾ Немного *воображенія* (безъ него можетъ обойтись даже только ремесленникъ, но не художникъ), много *знанія* и еще *болѣе характера* — таковъ идеалъ военнаго человѣка.

няя военныя явленія прошедшаго, они же даютъ возможность и *предвидѣть* военныя явленія будущаго, какъ то, такъ и другое, само собою разумѣется, лишь *приблизительно*, на сколько это допускается необыкновенною сложностью военныхъ явленій, — точное объясненіе и точное предвидѣніе возможны лишь въ точныхъ наукахъ.

И такъ, задачи теоріи стратегіи, стратегіи какъ науки, сводятся къ изслѣдованію:

- 1) свойствъ элементовъ;
- 2) вліянія ихъ другъ къ другу,

и 3) къ установкѣ, въ дѣлѣ комбинаціи элементовъ, основныхъ регулирующихъ принциповъ.

III.

Стратегіи (въ смыслѣ искусства) столько же сколько и стратеговъ. Три основныхъ типа стратегическаго искусства.

Въ противоположность къ *объективной* наукѣ, каждое искусство есть дѣло въ высшей степени *субъективное*. Въ рѣшеніи каждаго практическаго вопроса, помимо удовлетворенія требованій науки (*принципа*) и *обстановки*, каждый дѣятель неизбежно вноситъ и свое личное *Я*, слагающееся изъ склада ума и характера исполнителя, его привычекъ, убѣжденій, предразсудковъ и всѣхъ присущихъ ему страстей. Все это вмѣстѣ взятое составляетъ такъ называемое *личное уравненіе* (*équation personnelle*), не принимаемое вовсе въ расчетъ въ области примѣненія точныхъ наукъ, — неизбежно принимаемое въ расчетъ въ дѣлѣ примѣненія менѣе точныхъ наукъ и играющее громадную роль въ примѣненіи наименѣе точныхъ наукъ государственныхъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и военныя.

Отъ того-то и въ примѣненіи къ дѣлу послѣднихъ замѣчаются, при одной и той же *цѣли*, однихъ и тѣхъ же *средствахъ* и одной и той же *обстановкѣ*, необыкновенное разнообразіе въ рѣшеніяхъ одного и того же вопроса, въ зависимости отъ личныхъ свойствъ рѣшающаго его. Относясь къ дѣлу чисто теоретически, т. е. устраняя личное уравненіе, не трудно классифицировать эти разнообразныя рѣшенія по внутреннему ихъ достоинству, но на практикѣ (принимая въ расчетъ озна-

ченное уравненіе) классификація ихъ по внутреннему достоинству не имѣетъ смысла, а лучшимъ рѣшеніемъ должно быть признано, въ каждомъ данномъ случаѣ, рѣшеніе для каждаго *свое*.

Кому неизвѣстенъ споръ между генералами Бонапарте и Моро по поводу открытія *кампаніи 1800 г.* (переправы черезъ Рейнъ). На счетъ *цѣли* переправы черезъ Рейнъ у Шафгаузена и постановки 100 т. арміи Моро въ угрожающее положеніе относительно сообщеній австрійской арміи Края — оба генерала были совершенно согласны, но они расходились въ *способахъ ея достиженія*. Въ то время, какъ Бонапарте предпочиталъ *безопасный фланговый маршъ* арміи по лѣвому берегу Рейна къ Шафгаузену, завершенный переправою 100 т. арміи въ одномъ этомъ пунктѣ, — Моро, наоборотъ, болѣе всего опасался послѣдняго и предпочиталъ нѣсколько опасный фланговый маршъ по правому берегу Рейна къ Шафгаузену; утвержденіе предварительно на правомъ берегу у Шафгаузена большей части арміи, подъ прикрытіемъ которой переправа 20 т. корпуса Декурба обращалась бы уже въ ничтожную операцію, — короче Моро стремился прежде всего къ доставленію возможно большей безопасности переправѣ, хотя бы даже путемъ опаснаго фланговаго марша. *Теоретически* разбирая вопросъ (устраняя *личное уравненіе*) конечно планъ Бонапарте былъ лучше, хотя бы уже потому, что онъ былъ проще, но *практически* (принимая въ расчетъ всю обстановку *вѣстѣ съ личнымъ уравненіемъ*), плану Моро, какъ исполнителю его, должно быть отдано полное предпочтеніе ¹⁾, что, послѣ долгихъ споровъ, наконецъ, и было сдѣлано.

Во вниманіе къ этому *личному уравненію*, неизбѣжно входящему въ каждый практическій вопросъ, мы и считаемъ приведенное нами выше положеніе (*стратегій*, въ смыслѣ *искусства*, *столько же, сколько и стратеговъ*) вполне оправданнымъ.

Но смотря однако на это, все это безконечное разнообразіе въ проявленіи стратегіи на практикѣ, въ теоріи, можетъ быть подведено подъ слѣдующіе три *основныхъ типа*, заключающіе въ себѣ главныя черты всевозможныхъ проявленій стратегіи въ практикѣ, именно: *стратегія методическая*; *стратегія метафизическая* и *стратегія авантюристическая*.

¹⁾ Способы достиженія цѣли, предложенныя Моро, конечно мельче способовъ достиженія генерала Бонапарте, но и ужъ Моро былъ тоже мельче ума Бонапарте. Отсюда и большее соответствіе первыхъ послѣднему (см. Записки Стратегіи, выпускъ I, стр. 184—187 и Приложение II).

1. Стратегія методическая.

Характеристическія черты стратегіи методической сводятся къ:

1) глубокому уваженію *руководящихъ принциповъ*, съ одной стороны, и *обстановки*, съ другой, къ возможно полному, гармоническому примиренію, въ каждомъ частномъ случаѣ, сплошь и рядомъ другъ другу противорѣчащихъ ихъ требованій;

и 2) вполне *правильному, логически послѣдовательному развитію каждой операціи*, т. е. къ правильному рѣшенію всѣхъ вышеприведенныхъ вопросовъ, обнимающихъ существеннѣйшія задачи стратегіи относительно: постановки цѣли, выбора направленія, цѣлесообразности всѣхъ частныхъ эпизодовъ, на которые разчленяется операція и планосообразности ее (внутренняго единства) и наконецъ относительно строгаго соответствія между поставленною цѣлью и средствами къ ихъ достиженію.

Приведемъ одинъ изъ образцовъ этой стратегіи и сдѣлаемъ самый бѣглый обзоръ *1-го періода похода 1809 г.*, операціи, извѣстной подъ названіемъ *5-ти дневнаго боя*; съ минуты прибытія Наполеона къ арміи (17 апрѣля).

Извѣстно, на сколько неумѣло Австрія воспользовалась выгодами своего положенія, имѣя 200 т. въ сборѣ противъ 60 т. разбросанныхъ французскихъ войскъ въ Германіи, — при открытіи похода 1809 г. Кампанія была открыта крайне поздно. Время съ 20 марта по 10 апрѣля. потеряно на пустыя дебаши (по какому берегу Дуная наступать). Движеніе отъ р. Инна къ р. Изеру исполнено крайне медленно и вдобавокъ завершено вѣрообразнымъ наступленіемъ отъ Ландсгута съ одной стороны къ Регенсбургу (правый флангъ австрійской арміи), а съ другой къ Майнбургу и Зигенбургу на р. Абенсъ (лѣвый флангъ). Это вѣрообразное наступленіе австрійцевъ разбросало главную часть австрійской арміи (120 т.), на правомъ берегу Дуная, на 60 верстъ. Вотъ въ какомъ положеніи она развернулась на театрѣ войны къ минутѣ открытія военныхъ дѣйствій (17 апрѣля).

Не смотря на всѣ промахи австрійцевъ, исходное положеніе ихъ для начала главныхъ операцій должно быть признано все таки весьма выгоднымъ по отношенію къ положенію французовъ, въ эту минуту еще несравненно болѣе разбросанныхъ.

Французская армія къ 17 апрѣля была гораздо болѣе разбросана, чѣмъ австрійская. 60 т. Даву находились у Регенсбурга, 50 т. Массена и Удино у Аугсбурга (въ 140 верстахъ отъ Регенсбурга), 26 т. баварцевъ (Лефевръ) на р. Абенсъ и 12 т. виртембергцевъ у Ингольштадта.

И такъ, въ то время, какъ австрійская армія была разбросана на 60 верстъ, французская была раскинута на 140 верстъ, слѣдовательно выгоды *большаго сосредоточенія силъ* находились все таки на сторонѣ австрійцевъ.

17 апрѣля прибылъ (въ Донаувертѣ) къ арміи Наполеонъ. Онъ ставитъ себѣ задачей *сосредоточить ее 18 числа къ центру* за р. Абенсъ, подъ прикрытіемъ баварцевъ. По разбросанности каждой изъ 2-хъ главныхъ массъ французской арміи, это сосредоточеніе могло быть исполнено не ранѣе 19 апрѣля вечеромъ и, мало того, привело къ частному столкновенію между частью войскъ Даву и частью праваго фланга австрійской арміи, наступавшей къ Регенсбургу, къ столкновенію при *Тамъ* или *Темна* (1-й день *пятидневнаго боя*). Какъ бы то ни было, но къ вечеру 19 апрѣля 85 т. французскихъ войскъ были сосредоточены на пространствѣ 20 верстъ противъ хотя и 120 т. австрійцевъ, но разбросанныхъ на 60 верстъ. На второй день послѣ прибытія Наполеона роли такимъ образомъ мѣняются. Выгоды *большаго сосредоточенія силъ*, а съ ними *вѣстѣ* и выгоды *иниціативы* переходятъ на сторону французовъ.

Пользуясь этими выгодами, Наполеонъ ставитъ себѣ задачей на 20 апрѣля прорвать центръ растянутого расположенія австрійцевъ, что и достигается къ вечеру 20 числа, къ концу Абенсбергскаго боя, результатомъ котораго было разобщеніе праваго австрійскаго фланга (корпусовъ Гогенцолерна и Розенберга), отъ лѣваго (корпусовъ Гиллера и эрцъ-герцога Людвигъ) (*правильная постановка цѣли и правильный выборъ направленія* на центръ растянутого расположенія).

Такимъ образомъ уже 20 апрѣля вечеромъ *основная идея* операціи (прорывъ центра непріятельскаго расположенія) была выполнена, необходимо было только дать исполненію ея еще большее развитіе. Цѣль эта достигается 21 числа боемъ при Ландсгутѣ (*третій день пятидневнаго боя*), приведшемъ еще къ большому разобщенію обонхъ австрійскихъ фланговъ и къ захвату Наполеономъ операціонной линіи эрцъ-герцога Карла.

Нельзя даже еще здѣсь не отмѣтить *необыкновенно пра-*

силнаго развитія операціи. Она на дѣлѣ развивается столь же правильно и логически послѣдовательно, какъ и идея, лежащая въ основѣ ея. 1-мъ этапомъ на пути къ осуществленію ея является Абенсбергскій бой, 2-мъ этапомъ Ландгутскій. *Цѣлесообразность* этихъ двухъ боевъ, т. е. ихъ *умѣстность и своевременность* очевидны сами по себѣ. Наконецъ они же находятся въ тѣснѣйшей внутренней связи между собою, во *времени* (въ отношеніи *послѣдовательности*), чѣмъ подтверждается вполне *планообразность* (въ духѣ внутреннего единства, цѣльности) веденія операціи, по крайней мѣрѣ до этой минуты.

Въ теченіи 20 и 21 апрѣля операціонная линія Наполеона (Абенсбергъ—Ретенбургъ—Ландгутъ) удлинилась на 2 перехода и противъ лѣваго ея фланга находилась главная масса австрійскихъ войскъ (70 т. эрцъ-герцога Карла, успѣвшаго *случайно* овладѣть Регенсбургомъ, — обезпеченною переправою на Дунаѣ и это въ минуту потери имъ его операціонной линіи на Ландгутъ, по правому берегу Дуная). Опасность, угрожавшая съ этой стороны Наполеону, во время его наступленія на Ландгутъ, была немаловажна. Что было имъ сдѣлано для ея парирования, вообще какія имъ были приняты мѣры въ видахъ *безопасности* его операціи (его операціонной линіи)? Или же быть можетъ, увлекшись успѣхомъ, онъ вопреки неоднократно выражаемому имъ же въ своихъ мемуарахъ, совѣту („Il ne faut jamais abandonner de coeur léger sa ligne d'opération“), пренебрегъ этою стороною дѣла?

Изъ 85 т. собранныхъ имъ 19 апрѣля вечеромъ, онъ для готовившейся операціи оставилъ въ своемъ личномъ распоряженіи 60 т., а 25 т. оставилъ у Тенгена подъ начальствомъ Даву, для обезпеченія своей операціонной линіи слѣва. Одержавъ побѣду при Абенсбергѣ и предполагая, что онъ гонитъ передъ собою сильнѣйшую часть австрійской арміи, а Даву имѣетъ противъ себя слабѣйшую (на дѣлѣ же было на оборотъ), онъ приказываетъ Даву рѣшительно наступать 21-го числа, направивъ на усиленіе его, на всякій случай, изъ бывшихъ въ его распоряженіи войскъ 10 т., такъ что группировка французскихъ силъ (21 апрѣля) представляется въ слѣдующемъ видѣ: 50 т. подъ Ландгутомъ и 35 т. у Даву. Не смотря на слабость своихъ силъ, Даву исполняетъ поставленную ему задачу, благодаря искусству и энергіи, весьма удачно, въ предѣлахъ возможнаго. Онъ подается впередъ на цѣлый переходъ почти къ самому Экмюлю, занимаетъ деревни Ширлингъ и Перингъ. Что же касается до „balayer

Реннемі*, какъ то предписывалъ Наполеонъ Даву, то, имѣя 35 т. противъ 70 т., онъ этого, конечно, исполнить не могъ. Какъ бы то ни было, но Даву своими дѣйствіями 21 апрѣля доставилъ на этотъ день полную безопасность для операціонной линіи Наполеона, не смотря на свою малочисленность.

Если принять въ расчетъ, что независимо отъ высылки влѣво сперва 25 т. и затѣмъ 35 т., боковыхъ авангардовъ Даву, Наполеонъ, во время наступленія на Ландсгутъ базировался на прочно устроенную базу по Дунаю (Регенсбургъ—Кельхеймъ—Нейштадтъ), то нельзя не признать полной безопасности его операціонной линіи, по крайней мѣрѣ, до этой минуты.

21 апрѣля вечеромъ, съ одной стороны, Наполеону вполнѣ разъясняется обстановка (передъ нимъ меньшая часть австрійской арміи, передъ Даву большая) и рождаются опасенія за Даву, который можетъ быть подавленъ превосходными силами. Съ другой—является потребность дать еще большее развитіе основной идеѣ операціи, еще болѣе разобщить оба фланга австрійцевъ.

Эта двойная задача разрѣшается блистательно 22 апрѣля *Экмиольскимъ боемъ (четвертый день пятидневнаго боя)*.

Прежде всего необходимо было подумать о подкрѣпленіи Даву. Еще въ ночь, Наполеонъ посылаетъ ему 12 т., за которыми 2-мя шалонами слѣдуетъ онъ самъ, съ 25 т. Всѣ эти войска должны были къ 12 часамъ утра подойти къ Экмиюлю и усидить Даву до 73 т., т. е., уравновѣсить его силы съ силами эрцъ-герцога Карла. Занятіе же Ландсгута поручалось другимъ войскамъ (изъ корпуса уже подошедшаго туда Массены).

Потерявъ операціонную линію на Ландсгутъ, эрцъ-герцогъ Карлъ предполагалъ 22 апрѣля отплатить тѣмъ же Наполеону и базируюсь на Регенсбургъ, захватить съ 30 т. у Абаха его операціонную линію, а 40 т. должны были держаться у Экмиюля для обезпеченія операціонной линіи эрцъ-герцога Карла. Планъ былъ хорошъ, но время было пропущено до 12 часовъ, въ ожиданіи пока съ лѣваго берега Дуная не перейдетъ у Регенсбурга на правый корпусъ Беллегарда: да и группировка силъ, какъ видно изъ приведеннаго, была не совсѣмъ правильна (на наступательную часть назначалось 30 т., а на оборонительную 40 т.).

Какъ бы то ни было, но 22 апрѣля къ 12 часамъ 40,000 австрійцевъ у Экмиюля атаковали 73,000 французовъ съ нѣсколькихъ сторонъ, и послѣ упорнаго боя вынуждены отойти къ Регенсбургу на равнину Эглофсгеймскую, гдѣ большое каван-

лерійское дѣло завершало въ пользу французовъ и этотъ четвертый день боя.

Съ отступленіемъ эрцъ-герцога Карла къ Регенсбургу, промежутокъ между обоими разобщенными флангами австрійской арміи еще болѣе увеличивается. Въ этомъ смыслѣ Экмюльскій бой является 3-мъ этапомъ въ развитіи основной идеи операціи.

Чтобы дать ей еще болѣе полное, окончательное развитіе — необходимо было еще болѣе увеличить этотъ промежутокъ и поставить между обоими разобщенными непріятельскими флангами такую преграду, какъ Дунай. Цѣль эта достигнута была 23 апрѣля штурмомъ Регенсбурга (*пятый день 5-ти дневнаго боя, 4-й этапъ* въ развитіи основной идеи операціи).

Цѣлесообразность, т. е. умѣстность и своевременность всѣхъ поименованныхъ боевъ, равно какъ и внутреннее единство, *планосообразность* всей операціи на лицо; но спрашивается: чѣмъ была обезпечена операціонная линія Наполеона Ландсгутъ-Экмюль 22 и 23 апрѣля, когда онъ двигался на встрѣчу своей операціонной базѣ по Дунаю, одинъ изъ пунктовъ которой Регенбургъ былъ уже въ рукахъ непріятеля?

Съ перваго взгляда, казалось бы, что операціонная линія была на воздухѣ, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что она была *вполнѣ безопасна* даже въ худшемъ случаѣ, въ случаѣ проигрыша Наполеономъ Экмюльскаго сраженія, такъ какъ, проигравъ его, хотя бы онъ и лишенъ былъ возможности отступить къ Дунаю, ничто не мѣшало ему вполнѣ безпріятельственно отступить по правому берегу Дуная къ р. Лехъ, гдѣ имъ была заготовлена другая база (главный складочный пунктъ Аугсбургъ: на двѣ недѣли запасовъ и двѣ дивизіи въ качествѣ стратегическаго резерва), т. е. онъ могъ бы, благодаря заранѣе заготовленной базѣ, *перемѣнить операціонную линію*. Вотъ какимъ путемъ обезпечивалась его операціонная линія 22 и 23 апрѣля. Въ предшествовавшіе же дни она обезпечивалась вполнѣ, какъ въ своемъ мѣстѣ было приведено, базою на Дунаѣ и высылкою влѣво боковыхъ авангардовъ (Даву).

И такъ относительно постановки цѣли, выбора направленія, цѣлесообразности всѣхъ тактическихъ эпизодовъ, на которые расчленяется операція, планосообразности и безопасности ея, бѣгло охарактеризованная мною операція находится внѣ всякаго упрека. Остается провѣрить ее съ точки *гармоніи между цѣлью и средствами къ ея достиженію*. Не рисковалъ ли Наполе-

онъ, имѣя 85,000 противъ 120,000, не валило ли ему по просту счастье, какъ то могло бы показаться на первый взглядъ? Да *абсолютно* онъ былъ значительно слабѣе противника, но *относительно* (а такія вещи и должны быть понимаемы лишь въ *относительномъ* смыслѣ), онъ былъ значительно сильнѣе его. Онъ мастерски умѣлъ увеличить свои слабыя силы путемъ *большаго ихъ сосредоточенія* на меньшемъ пространствѣ (на 20 верстахъ, когда непріятель былъ раскинутъ на 60); путемъ *развитія въ высокой степени подвижности*, сдѣлавъ въ ночь и утро (съ 21 на 22) съ 39,000 болѣе 40 верстъ („сила армій, подобно тому, какъ въ механикѣ, измѣняется не только массою, но и подвижностью“. *Наполеонъ* „*Se multiplier par la vitesse*“ его же) и наконецъ путемъ чрезвычайно искусной группировки на рѣшительныхъ пунктахъ театра военныхъ дѣйствій въ рѣшительныя минуты развитія операціи ¹⁾. Такими были:

<i>Абенсбергъ</i> у Наполеона	. . .	65,000	противъ	51,000
<i>Ландсгутъ</i> „ „	. . .	50,000	„	50,000
			(непріятель уже разбитъ, да и вдобавокъ подходятъ войска Массены)	
<i>Экмюль</i> у Наполеона	. . .	73,000	противъ	40,000

Послѣ сказаннаго, смѣемъ надѣяться, что и требованіямъ строгаго соответствія средствъ разъ поставленной цѣли было, въ разсмотрѣнной операціи, вполне удовлетворено.

Съ какой бы стороны мы ни разбирали операціи пятидневнаго боя, мы должны признать въ ней высокій образецъ, по глубокому уваженію къ принципамъ, къ обстановкѣ, по преобладанію разчета надъ азартомъ и наконецъ по необыкновенно правильному ея развитію. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи замѣчается лишь *одна неправоильность*, именно 1-й день боя (Танъ — Тенгенъ), боя цавшаго на періодъ подготовительныхъ операцій, до окончанія развертыванія силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Какъ извѣстно, подготовительныя операціи, при правильномъ теченіи дѣла, должны окончиться безъ столкновеній съ непріятелемъ. Мы видѣли въ какомъ разбросанномъ положе-

¹⁾ Тотъ обыкновенно бьетъ противника, кто на рѣшительномъ пунктѣ, въ рѣшительную минуту, будетъ сильнѣе его: — одинъ изъ *основныхъ принциповъ* военнаго искусства.

ніи застала Наполеонъ армію, благодаря ошибкамъ Бертье, въ день прибытія къ ней. Сосредоточеніе силъ, исполняемое обыкновенно вдали, а слѣдовательно и въ безопасности отъ непріятеля, пришлось, на этотъ разъ, благодаря упомянутымъ ошибкамъ, исполнить въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ непріятелемъ и при томъ при весьма опасныхъ условіяхъ, въ особенности для Даву, вынужденнаго, для того, исполнить крайне опасный фланговый маршъ отъ Регенсбурга къ Абенсбергу, что и привело къ частному столкновенію у Тана (Тенгена).

Такимъ образомъ *внутреннее значеніе* 1-го дня боя это то, что онъ является *искупительною жертвою* ошибокъ Бертье. Результатъ его—уничтоженіе критическаго положенія французской арміи, замѣна разброски силъ ихъ сосредоточеніемъ. Онъ заканчиваетъ собою подготовительный періодъ операціи. Затѣмъ уже начинается періодъ главныхъ операцій съ боями: Абенсбергскимъ, Ландсгутскимъ, Экмюльскимъ и штурмомъ Регенсбурга, въ которыхъ основная идея всей операціи, прорывъ непріятельскаго центра, получаетъ начало осуществленія, дальнѣйшее развитіе и наконецъ полное развитіе. Таково ихъ внутреннее значеніе. Вотъ почему намъ казалось бы правильнѣе рассмотреть эту операцію назвать скорѣе 4-хъ дневнымъ боемъ (название прежде всего должно выражать внутреннее значеніе известнаго дѣла (вещи), а не 5-ти дневнымъ, справедливымъ только по отношенію къ внѣшней, формальной сторонѣ дѣла.

2. Стратегія метафизическая.

(По шаблону).

Рядомъ съ стратегією *методическою*, основанною на одинаковомъ уваженіи къ принципамъ и къ обстановкѣ, существуетъ еще стратегія *метафизическая*, пренебрегающая, какъ тѣни, такъ и другою и руководствующаяся лишь измышленіями, рецептами и системами—шаблонами.

Эта стратегія порождена была доктриною *Бюлова*, стремившагося, какъ выше было приведено, къ умерщвленію творчества и къ подведенію *всего* на войнѣ подъ рецепты, твердые правила. Слѣдующими его послѣдователями были *Вейроттеръ* (австрійскій генераль) и *Фуль* (прусскій генераль, перешедшій затѣмъ

въ нашу службу). Образцами этой печальной памяти стратегіи служатъ: 1) *наши первоначальныя дѣйствія въ 1812 г. до прибытія къ арміи Кутузова*, и 2) *Аустерлицкая операція (дѣйствія союзниковъ)*.

Разсмотримъ первую изъ операцій, но предварительно приведемъ въ выдержкахъ, главные рецепты Бюловской теоріи (являющейся собственно злоупотребленіемъ теоріи).

Основное его исходное положеніе, — „новѣйшія арміи могутъ существовать *только* при содѣйствіи магазиновъ, которыми и обуславливаются ихъ движенія“, — ложно, потому что новѣйшія арміи могутъ снабжаться запасами и другими способами, ставящими сообщенія ихъ въ гораздо менѣе опасное положеніе и доставляющими арміямъ несравненно большую свободу въ дѣйствіяхъ.

Разъ какъ основное положеніе невѣрно, то и всѣ выводы изъ него должны оказаться ложными. И дѣйствительно всѣ выводы Бюлова, вполнѣ справедливыя какъ *частные* выводы, по отношенію къ тому *частному случаю*, когда армія продовольствуется исключительно изъ магазиновъ, оказываются окончательно ложными какъ *общіе* выводы, для всѣхъ случаевъ *вообще*, за каковыя ихъ и выдаетъ Бюловъ.

Для возможно лучшаго обезпеченія весьма чувствительныхъ сообщеній (что въ особенности справедливо по отношенію къ магазинному снабженію), онъ требуетъ *длиннаго обхватывающаго базиса* и *концентрическаго наступленія* отъ базиса къ разъ избранному предмету дѣйствій. Далѣе требуется исключительно угрожать сообщеніямъ противника, *дѣйствовать маневрами* и *избѣгать сраженій*, которыя по мнѣнію Бюлова ничего не рѣшаютъ (? а по общепринятому взгляду являются самымъ рѣшительнымъ средствомъ въ рукахъ стратега). Вотъ почему обороняющемуся онъ рекомендуетъ *всегда* становиться *сбоку* (занимать фланговныя позиціи), для дѣйствія на сообщенія наступающаго, или еще лучше раздѣлить свои войска, оставляя лишь часть съ фронта, для развлеченія его вниманія, а главную массу расположить сбоку, — короче оборонительную войну вести двумя арміями, изъ которыхъ одна будетъ удерживать непріятеля съ фронта, а другая дѣйствовать на его сообщенія. — Далѣе отступать слѣдуетъ *всегда* эксцентрически для перехода къ концентрическому наступленію....

Приведенныхъ рецептовъ достаточно, чтобы приступить къ бѣглому стратегическому разбору намѣченнаго выше факта.

I-й періодъ

(периодъ *вытѣсно* раздѣленія силъ).

При открытіи похода 1812 г., намъ пришлось съ 200,000 войскъ оборонять противъ 500,000 на значительное протяженіе нашу открытую западную пограничную полосу, вдобавокъ еще раздѣленную Полѣсьемъ на два отдѣльныхъ театра. Последнее обстоятельство вынуждало насъ раздѣлить наши и безъ того слабыя силы на двѣ арміи и расположить одну по сѣверную сторону Полѣсья, а другую по южную (по неизвѣстности какое направленіе будетъ принято непріателемъ). Если бы такъ поступили въ группировкѣ нашихъ силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, то такое рѣшеніе, какъ бы оно для насъ ни было неблагоприятно, было бы вполне правильно, такъ какъ въ немъ было бы удовлетворено требованіямъ принципа сосредоточенія силъ въ предѣлахъ условій данной обстановки, — короче оно удовлетворяло бы и *принципу* и *обстановкѣ*; но Фуль раздѣлилъ наши силы не на *два* арміи, а на *три* (силы, предназначавшіяся для дѣйствій по сѣверную сторону Полѣсья, имъ были раздѣлены на I армию Барклая (120,000) и на II Ваграціона (40,000 ¹⁾), т. е. раздѣленіе силъ имъ было допущено свыше требованій обстановки, въ чемъ выражается одинаковое неуваженіе, какъ къ *принципу*, такъ и къ *обстановкѣ* (оно было *неумѣстно* и *нецѣлесообразно*), — но за то выражается слѣпое поклоненіе одному изъ приведенныхъ выше рецептовъ Бюлова, именно: „оборонительную войну лучше всего вести двумя арміями, изъ которыхъ одна будетъ удерживать непріателя съ фронта, а другая дѣйствовать на его сообщенія“. Такъ и имѣлось въ виду по первоначальному плану (въ случаѣ наступленія Наполеона противъ I арміи она, не принимая боя, отступаетъ, а 2-я дѣйствуетъ на флангъ и сообщенія непріателя; — и обратно, въ случаѣ если бы непріатель обратился противъ II-й).

Такимъ образомъ мы *добровольно* устроили тотъ прорывъ ²⁾,

¹⁾ Первоначально она предполагалась въ 80,000, но потомъ, вслѣдствіе неготовности резервныхъ войскъ, изъ которыхъ должна была состоять (III) армія Томарова, 40,000 изъ нихъ были отданы въ составъ послѣдней.

²⁾ *Играть въ руку противнику* — это одна изъ характеристическихъ особенностей метафизической стратегіи.

который Наполеону стоилъ не малаго труда въ выполненіи операціи (пятидневнаго боя ¹⁾) и въ ошибочномъ развертываніи нашихъ силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій создали крайне невыгодное исходное положеніе для главныхъ операцій, исправленіе котораго стоило много времени и громадныхъ жертвъ.

Если бы нашей главной квартирѣ, вдохновляемой Фулемъ, было присуще уваженіе къ принципамъ и къ обстановкѣ, то, разъ какъ обнаружилось рѣшительное превосходство въ силахъ непріятеля, слѣдовало бы какъ можно скорѣе *сосредоточить* силы, соединить ихъ путемъ концентрическаго отступательнаго движенія обѣихъ армій (I-я остается на главномъ операциональномъ направленіи на Москву; II-я подтягивается къ ней), *объединивъ* (въ видахъ внутренняго единства въ операціяхъ) власть надъ ними въ рукахъ одного главнокомандующаго. Вотъ, что требовалось принципами и обстановкою.

Взаимъ этого мы видимъ: экцентрическое отступленіе I-й арміи къ Дриссѣ съ полнымъ обнаженіемъ главнаго операциональнаго направленія на Москву, благодаря чему наши силы еще болѣе разбрасываются ²⁾. Въ концѣ концовъ наши операціи, и въ эту минуту, регулируются не требованіями здравыхъ принциповъ и обстановки, а единственно измѣненіями Бюлова, другимъ его рецептомъ (относительно экцентрическаго отступленія).

Не менѣе ошибочнымъ является и слѣдующее рѣшеніе: держаться у Дриссы. Дрисская позиція, какъ выше было приведено, является *нецѣлесообразною*, хотя операціонная линія Наполеона и была длинна, но, вслѣдствіе значительнаго его превосходства въ силахъ, она все-таки не могла считаться опасною. Рѣшеніе держаться у Дриссы могло создаться опять не иначе, какъ подъ вліяніемъ Бюловскаго рецепта (всегда становится сбоку прикрываемаго объекта).

Съ оставленіемъ Дрисскаго лагеря въ нашихъ операціяхъ происходитъ *переломъ*, отрѣшаются окончательно отъ Бюлова и его адепта Фуля, возвращаются къ здравымъ принципамъ и начинается періодъ *искупленія только что надѣланныхъ ошибокъ*.

¹⁾ Промежутокъ отъ Лиды до Волковиска. I-я армія расположена была отъ Росиенъ до Лиды. II-я у Волковиска.

²⁾ Въ началѣ кампаніи промежутокъ между I и II арміею (Лиды — Волковискъ) былъ около 90 верстъ (считая по воздуху), а къ 26 іюля (Дрисса-Несвижъ) онъ увеличился втрое (260 верстъ).

Это искушение сводится, какъ то обыкновенно и бываетъ на войнѣ, къ цѣлому ряду *форсировокъ* и *кризисовъ*, которые не имѣли бы вовсе мѣста при правильномъ теченіи дѣла, къ цѣлому ряду *напрасныхъ жертвъ*:

1) *Форсированный маршъ* I-й арміи сперва къ Полоцку и далѣе къ Витебску для предупрежденія Наполеона на пути къ Москвѣ. Маршъ этотъ начинается 4-го іюля и оканчивается 12-го, слѣдовательно форсировка продолжается 8 дней сряду, а извѣстно изъ опыта на сколько разрушительно дѣйствуютъ на значительныя массы форсированныя марши, когда ихъ приходится исполнять послѣдовательно нѣсколько дней подрядъ.

2) *Критическое положеніе* I-й арміи подъ Витебскомъ. Предупрежденіемъ Наполеона сперва у Полоцка, а затѣмъ у Витебска введена была уже весьма чувствительная поправка въ ходъ нашихъ операцій, стратегическое наше положеніе *вообще* значительно улучшилось, — I-я армія захватила временно оставленную самую важную стратегическую линію на театрѣ военныхъ дѣйствій, нашъ прямой путь отступленія на Москву, — но стратегическое положеніе I-й арміи, *въ частности*, оставалось по прежнему критическимъ. Далѣе отступать къ Смоленску, какъ того требовала бы личная безопасность I-й арміи, по неизвѣстности, гдѣ находилась II армія, вообще что съ нею случилось. Барклай не считаетъ себя вправѣ. Вступать же въ генеральное сраженіе съ Наполеономъ съ одними ослабленными силами I арміи, въ виду громаднаго численнаго превосходства непріятели, было бы нелѣпо, тѣмъ болѣе, что къ этому времени наши резервы еще не были готовы, такъ что, проигравъ сраженіе, мы лишены были бы возможности продолжать войну. Вотъ то критическое положеніе, въ которое подъ Витебскомъ поставленъ былъ Барклай и изъ котораго онъ сумѣлъ выйти съ честью. Онъ ставитъ себѣ задачею оставаться подъ Витебскомъ до крайней возможности, до полученія извѣстія объ арміи Багратиона, избѣгая при этомъ вступленія въ генеральное сраженіе и старааясь лишь *выиграть время*. Съ этою цѣлью онъ выдвигаетъ, на переходъ, къ Островнѣ корпусъ Остермана Толстаго и такимъ образомъ выигрываетъ одинъ день (13 іюля). На слѣдующій день онъ выдвигаетъ Дохтурова на польсерехода, къ Какувлячину и выигрываетъ снова день. Сминаятъ его арріергардомъ Палена и выигрываетъ еще 1 день (15-го іюля). Силы непріятели уже были настолько сосредоточены, что на 16 число нужно было или отступать или принять

генеральное сраженіе. Къ счастью 15-го вечеромъ Барклай получилъ отъ Баграціона извѣстіе о неудачной попыткѣ послѣдняго пройти на Могилевъ (11-го іюля бой у Салтановки) и о намѣреніи его двинуться чрезъ Мстиславль въ Смоленску. Бризишь для Барклая кончается, онъ пріобрѣтаетъ право отойти къ Смоленску, — но кризисъ кончается не вполне. Какъ отступить, избѣгая боя, въ виду сосредоточеннаго чуть ли не на дистанцію только пушечнаго выстрѣла непріятеля. И изъ этого положенія выходитъ Барклай съ честью путемъ искуснаго *скрытія* начала отступленія.

и 3) *Рядъ форсированныхъ кружныхъ маршей и попытокъ II-й арміи прорваться на Московскую дорогу: у Николаева, Минска и Салтановки* ¹⁾.

Наконецъ 22-го іюля обѣ арміи соединяются подъ Смоленскомъ, наши *силы сосредоточиваются*. Первоначальная ошибка исправлена путемъ цѣлаго ряда форсированныхъ маршей въ теченіе 38 дней (I-я армія прошла 500 верстъ, а II-я 750), но вредныя послѣдствія первоначальной ошибки (неумѣстнаго раздѣленія силъ) продолжаютъ дѣйствовать и въ слѣдующемъ періодѣ, въ видѣ *2-хъ независимыхъ другъ отъ друга главнокомандующихъ*, благодаря чему нѣтъ *внутренняго единства въ дѣйствіяхъ* (планности, планосообразности). Если главную отличительную черту только что охарактеризованнаго I періода, періода *внѣшняго раздѣленія нашихъ силъ*, составляетъ отсутствіе *цѣлесообразности (умѣстности и своевременности)* въ нашихъ дѣйствіяхъ, то главную отличительную черту слѣдующаго II періода, періода *внутренняго раздѣленія нашихъ силъ* (между двумя независимыми главнокомандующими), составляетъ отсутствіе *планосообразности* въ операціяхъ.

II-й періодъ.

(Періодъ внутренняго раздѣленія нашихъ силъ).

Нарушеніе принципа *единоначалія* отразилось въ отсутствіи *внутренней связи, единства* во всѣхъ нашихъ операціяхъ, на-

¹⁾ Наполеонъ, обратясь изъ Вильно съ главными силами противъ I-й арміи, отступавшей къ Дриссъ, двинулъ 40,000 подъ начальствомъ Даву въ сѣв.-вост. направленіи, поручивъ ему захватить всѣ пути, которые вели на соединеніе II-й арміи съ I-ю.

чиная отъ Смоленска до Вородина (до прибытія къ арміи Кутузова, общаго главнокомандующаго надъ всѣми нашими арміями).

Такимъ образомъ: 1) когда 22 іюля обѣ наши арміи соединились и *сосредоточились*, Наполеонъ нашелся вынужденнымъ приостановить свое наступленіе и, въ самое благоприятное время для военныхъ дѣйствій, расположить свою армію на квартирахъ, т. е. *разбросать свои силы*. Минута была благоприятна для нашего перехода въ наступленіе. Вслѣдствіе *разногласія* между двумя главнокомандующими на счетъ *направленія* наступленія, минута эта упускается; наступленіе къ Руднѣ начинается лишь 26 іюля (*4 дня теряются*); 2) едва началось наступленіе, какъ, вслѣдствіе воображаемой опасности за нашъ правый флангъ (послѣ дѣла при Молевоѣ Вологѣ), армія переходитъ съ Рудненской на Порѣченскую дорогу и, не найдя здѣсь непріятеля, снова возвращается на Рудненскую дорогу въ 1 августа (*5-ть дней снова теряются*); 3) *кризисъ*; Наполеонъ путемъ обхода нашихъ армій *слѣва* (по лѣвому берегу Днѣпра на Красный) *угрожаетъ отрѣзать ихъ отъ Смоленска и Москвы*. Послѣ дѣла при Молевоѣ Вологѣ, Наполеонъ, разгадавъ обстановку (намѣреніе наше перейти въ наступленіе), *не теряя ни минуты времени*, сосредоточиваетъ 190 т. у Рассасны и Хамина, и подходит 2 августа къ Красному (удаленному лишь на 1 переходъ отъ Смоленска), защищаему дивизією Невѣровскаго. 3-го августа Ней и Мюрать подходятъ къ Смоленску, занимаемому лишь корпусомъ Раевскаго и дивизією Невѣровскаго. 1-я армія находится въ 40 верстахъ, а II-я въ 30 отъ Смоленска. Вой 4 августа (1-й день сраженія подъ Смоленскимъ), веденный Раевскимъ и Невѣровскимъ противъ передовыхъ корпусовъ сосредоточивавшейся французской арміи даетъ возможность нашимъ арміямъ пережить и этотъ кризисъ. Обѣ арміи подходятъ къ Смоленску. О принятіи генеральнаго сраженія (по свойствамъ позиціи, а главное по неготовности нашихъ резервовъ) нечего было и думать. Рѣшено отступать къ Соловьевой переправѣ, причѣмъ II-я армія должна была первою начать отступленіе подъ прикрытіемъ войскъ I-й арміи, защищающихъ Смоленскъ. Далѣе II-я армія приняла на себя обязанность оставить за р. Колоднею сильный арріергардъ, подъ прикрытіемъ котораго должна была отступить въ свою очередь I-я армія; 4) *кризисъ, пережитый I-ю армією въ ночь съ 6 на 7 августа, во время ея отступленія отъ Смоленска*, разногласіе между обоими главнокомандующими, къ

этому времени, обострилось на столько, что перешло въ явныя интриги. Багратионъ не исполнилъ принятаго имъ на себя обязательства и, вмѣсто того, чтобы оставить за р. Колоднею сильный аррьергардъ, оставилъ лишь подобіе аррьергарда, слабый казачій отрядъ, благодаря чему I-я армія, во время ея отступательнаго фланговаго ночнаго марша по проселочнымъ дорогамъ, близка была къ окончательной гибели, еслибы она не была спасена отчасти ошибками самихъ французовъ, а главное упорнымъ удержаніемъ позиціи у Валутиной горы (Дубинскій бой 7 августа), пока I-я армія вся не успѣла бы выйти на Московскую дорогу и, наконецъ, 5) *разногласіе между обоими главнокомандующими по поводу выбора позиціи для принятія сраженія*. Барклай выбираетъ позицію за р. Ужю; — Багратионъ находитъ ее неудобною и указываетъ на лучшую у Дорогобужа. Последняя оказывается невозможною (разрѣзана Дибромъ и вдоль фронта ея рядъ командующихъ высотъ на разстояніи картечнаго выстрѣла)...

Кризисъ кончается лишь 17 августа, со дня прибытія Кутузова къ арміи, когда *сосредоточенныя* подъ Смоленскомъ арміи были подчинены *одному* общему главнокомандующему, т. е. съ той минуты, когда было удовлетворено двумъ основнымъ принципамъ: и принципу *сосредоточенія силы* и принципу *единоначалія*. Съ этой минуты дальнѣйшія операціи начали развиваться правильно, хотя, конечно, были и неизбѣжны вездѣ ошибки.

Охарактеризованный нами періодъ кампаніи 1812 г. (съ 10 іюня по 17 августа) наводитъ на нѣсколько существенной важности размысленій:

1) онъ показываетъ, съ какимъ трудомъ исправляются ошибки, сдѣланныя въ началѣ кампаніи (болѣе 2-хъ мѣсяцевъ въ данномъ случаѣ); сколько времени на это требуется и какихъ жертвъ онѣ стоятъ;

2) она наглядно показываетъ разницу между пагубнымъ *рецептомъ* — *шаблономъ*, продуктомъ предвзятыхъ теорій, являющимся ни болѣе ни менѣе какъ неопозволительнымъ *злоупотребленіемъ* теоріи — и спасительнымъ *принципомъ*, продуктомъ истинной, здравой теоріи. Позволительно ли смѣшивать эти двѣ вещи, другъ другу столь противоположныя какъ *свѣтъ* и *тьма* — а между тѣмъ это сидишь и рядомъ дѣлается, какъ это между прочимъ видно изъ слѣдующей выдержки изъ одной статьи

„Воен. Сборн.“ декабрь 1879 г.— „У насъ еще нѣтъ такихъ фанатическихъ приверженцевъ положительной науки, которые утверждали бы, будто бы прикладную тактику можно установить на неизмѣнныхъ положительныхъ законахъ и дать соответствующіе рецепты для дѣйствій войскъ“. Смѣшиваніе закона съ рецептомъ здѣсь на лицо. Если оно искренно, то это не болѣе какъ *грубое невѣжество*; если оно преднамѣренно, то это не менѣе какъ *непозволительная передержка*.

и 3) Бюловъ былъ, конечно, человекъ талантливый, не смотря на все его измышленія, парадоксы и софизмы, хотя бы уже по одному тому вліянію, которое онъ имѣлъ на массу. Чтобы вліять на массу, произвести на нее сенсацію, надо быть талантомъ. Бюловъ служить нагляднымъ доказательствомъ того вреда, который талантливый человекъ, разъ какъ онъ идетъ въ ложномъ направленіи, приноситъ дѣлу. Въ этомъ отношеніи можно утвердительно сказать, что *чѣмъ талантливѣе человекъ, тѣмъ онъ вреднѣе*, тѣмъ легче онъ можетъ мало разсуждающей массѣ выдать свои парадоксы и софизмы за святую истину.

3. Стратегія авантюристическая.

(Стратегія приключеній; la Stratégie de casse cou).

Подобно предыдущему типу стратегіи и этотъ типъ стратегіи пренебрегаетъ какъ принципомъ такъ и обстановкою, но у нея мотивъ другой, обратный предыдущему. Тамъ творчество скованное и окончательно подавленное шаблонами — рецептами и системами. *Здѣсь* другая крайность, творчество разнузданное и управляемое лишь однимъ воображеніемъ, распущеннымъ до безпредѣльнаго фантазирования. *Первая* есть продуктъ — ложно принятой теоріи, злоупотребленія теоріи, — *торая* есть результатъ скорѣе отрицанія всякой теоріи, результатъ невѣжества. Стремленіе къ *грандіозному, романтическому* въ области предначертаній и къ *азарту* въ ихъ исполненіи, таковы главныя характеристическія черты этой головоломной, ставящей все на карту, стратегіи.

Припомнимъ здѣсь, что истинная стратегія стремится прежде всего къ *цѣлесообразному* (замѣняющему въ ней стремленіе къ грандіозному, столь похвальное въ изящныхъ искусствахъ) въ предначертаніяхъ и къ *планообразному* въ ихъ исполненіи.

Въ „*Стратегіи приключеній*“ все основано главнымъ образомъ на выигрышѣ сраженій (образцомъ этого типа является большая часть стратегическихъ операцій Карла XII), акта, хотя и самаго рѣшительнаго, но въ который именно наиболѣе всего и вторгаются случайности, въ особенности когда сраженіе не подготовлено надлежащимъ образомъ въ стратегическомъ смыслѣ, путемъ надежнаго обезпеченія операціонной линіи во всѣхъ смыслахъ, короче, когда, или все предоставляется азарту, или когда, по крайней мѣрѣ, азартъ значительно преобладаетъ надъ расчетомъ¹⁾. Азартъ усиливаетъ — результаты успѣха, сильно дѣйствуетъ на воображеніе, увеличиваетъ славу, — но это палка о двухъ концахъ. Въ случаѣ неудачи, онъ уже усиливаетъ и послѣдствія неудачи и ведетъ къ полнѣйшему разгрому (*Полтава*). Истинная же стратегія (методическая), постоянно имѣя въ виду капризную участь битвъ (самаго рѣшительнаго акта), какъ въ своемъ мѣстѣ было приведено, стремится подготовить успѣхъ сраженій такъ, чтобы, при удачѣ, можно было бы изъ побѣды извлечь наиболѣе полные результаты и низвести, въ случаѣ неудачи, вредныя послѣдствія пораженія до возможнаго minimum'a (*Марето*, 1800).

Какъ образецъ стратегіи этого типа, представимъ бѣглую характеристику *походовъ Карла XII (1708—1709)*, предисловіе ей предварительно характеристику самаго Карла XII, какъ стратега, какъ полководца.

Карль основывалъ весь образъ веденія войны на дѣйствіяхъ въ высшей степени рѣшительныхъ, на выигрышѣ сраженій, на отважности и на внезапности своихъ предпріятій. Главнымъ средствомъ его былъ бой. Не спрашивая о числѣ противниковъ (какъ, напримѣръ, подъ Нарвою 1700), онъ спрашивалъ только „гдѣ онъ?“ Лучшимъ способомъ подготовки успѣха, какъ то дѣйствительно и есть, онъ полагалъ внезапность; но, обладая, такъ сказать, инстинктомъ внезапности, онъ принималъ это начало слабо, и притомъ большею частью однообразно, выжидая для открытія военныхъ дѣйствій наступленія зимы, чтобы замерзли рѣки и болота и чтобы потомъ по кратчайшему, но только

¹⁾ Это допускается иногда и истинною стратегіею, но въ исключительныхъ только положеніяхъ, какъ исключеніе (см. Записки Стратегіи. Выпускъ I, стр. 36 и 37), а отсюда не какъ общее правило, какимъ оно является въ авантюристической стратегіи.

въ геометрическомъ смыслѣ кратчайшему, направленію (мало: кратчайшему, должно быть кратчайшее и удобнѣйшее въ одно и то же время), двинуться противъ непріятеля; черезъ что онъ не только не выигрывалъ времени, а, напротивъ того, иногда терялъ его напрасно и, въ добавокъ, утомлялъ войска. Вѣрная оцѣнка, столь важнаго элемента на войнѣ, времени, преимущественно отличающая великихъ полководцевъ, не была его дѣломъ. То онъ безъ всякой цѣли стоитъ на мѣстѣ (1705 г. остановка у Варшавы для того, чтобы присутствовать при коронаціи Станислава Лещинскаго), то вдругъ бросается впередъ, въ суровое зимнее время, и хотя является черезъ это болѣе или менѣе неожиданно передъ непріятелемъ, но не можетъ извлечь никакой выгоды отъ своего внезапнаго появленія, а по суровости времени долженъ остановиться на квартирахъ (начало похода 1708 г.). Онъ не обладалъ глазомѣромъ, этимъ первостепеннымъ качествомъ на войнѣ, по крайней мѣрѣ въ такой мѣрѣ, какъ имъ обладали великіе мастера въ нашемъ искусствѣ, тѣмъ глазомѣромъ, который сразу заставляетъ угадать больное мѣсто, самый чувствительный пунктъ въ расположеніи непріятеля. (Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ его успѣхи противъ Августа ни къ чему не повели, и все это потому, что удары направлены были не въ самое больное мѣсто непріятеля — Саксонію). Прочное занятіе края, устройство базы и сообщеній, обезпеченіе послѣднихъ не входило въ его расчетъ; а разъ какъ не входило, то и расчета собственно не было: *являлась игра, въ которой все, или почти все, предоставлено было случаю*. Карлъ, по весьма мѣткому выраженію Клаузевица, проходилъ по странѣ „какъ корабль по морю, не оставляя за собою слѣда“. Единственнымъ обезпеченіемъ успѣха его въ высшей степени дерзкихъ предпріятій были отчаянная храбрость самого Карла, любовь къ нему арміи, ея высокія моральныя качества и, наконецъ, превосходство тактическаго образованія, завѣщанное шведской арміи другимъ ея боролемъ-полководцемъ, Густавомъ-Адольфомъ. Понятно, что подобнаго рода окончательное пренебреженіе элементомъ осторожности, въ свою очередь весьма важнымъ на войнѣ, не могло оказать вредныхъ послѣдствій, пока успѣхъ сопутствовалъ Карлу, напротивъ: при этомъ условіи, чѣмъ дѣйствія рѣшительнѣе, тѣмъ успѣхъ полнѣе; но за то малѣйшая неудача должна была привести къ уничтоженію результатовъ всѣхъ предшествующихъ успѣховъ, къ потерѣ всего, какъ это ближе всего и подтверждается

полтавскимъ пораженіемъ. Вообще стратегія не была его дѣломъ. Даже и рѣчи не можетъ быть о сранненіи Карла XII, въ этомъ отношеніи, съ его великимъ противникомъ: Весьма вѣрно охарактеризована, если не ошибаемся, Вольтеромъ личность Карла, какъ полководца, въ слѣдующихъ нѣсколькихъ словахъ: „онъ не былъ Александромъ, но смѣло могъ бы быть первымъ солдатомъ въ его арміи,“ т. е. храбрый, отчаянно-храбрый, солдатъ но не болѣе.

Нижеслѣдующій бѣглый очеркъ фактовъ не замедлитъ подтвердить справедливости этой характеристики.

Походъ 1708 и 1709 г. Выждавъ наступленія суроваго зимняго времени, замерзанія рѣкъ и болотъ, Карлъ XII, руководимый вѣрнымъ инстинктомъ *внезапности* (имѣющей въ стратегіи еще несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ въ тактикѣ) 21 декабря 1707 г. переходитъ черезъ р. Вислу у Бржеца, и двигается по снѣгамъ, безъ дорогъ, кратчайшимъ путемъ (узкое пониманіе одного изъ основныхъ условій для операціонныхъ линій), черезъ Мазовецкіе лѣса, къ Гродно, рассчитывая застать нашу армію въ располхъ разбросанною на квартирахъ. Последняя искусно ускользаетъ отъ него, сосредоточиваясь во время отступленія. Карлъ бросается за нею къ Лидѣ и Сморгонямъ, нашей арміи не настигаетъ, а по случаю крайняго утомленія своихъ войскъ самъ располагается на квартирахъ. Армія наша тоже становится на квартирахъ за р. Уллюю. Къ чему же служить внезапность, когда нельзя воспользоваться выгодами внезапнаго появленія передъ непріателемъ? Это образчикъ злоупотребленія въ принципѣ столь хорошею вещью, образчикъ хорошаго инстинкта, но, въ тоже время дурно управляемаго.

Этимъ и обанчивается *зимній походъ 1708 г.*, представляющій собою какое-то *грандіозное наступленіе* (черезъ р. Вислу, снѣга, дикіе Мазовецкіе лѣса; какъ все это говоритъ воображенію?) *въ пустую*. Такимъ онъ является, какъ по внѣшней формѣ, такъ и по внутреннему содержанію.

Лѣтній походъ 1708 г. начинается сборомъ шведскихъ войскъ 7 іюня у Минска, снабженіемъ ихъ 3-хъ мѣсячнымъ запасомъ продовольствія. Не заботясь объ устройствѣ прочной базы, Карлъ, конечно, долженъ былъ имѣть *базу при себѣ*, какъ то и было въ настоящемъ случаѣ. Сверхъ того имъ послано было приказаніе Левенгаупту съ запасами (главнымъ образомъ съ боевыми запасами) двинуться изъ Риги къ Могилеву.

Шведская армія успѣла переправиться черезъ р. Березину, разбить нашу армію у Головчина (3-го іюля) и затѣмъ занялъ Могилевъ. Здѣсь Карлъ простоялъ около 4-хъ недѣль, выжидая Левенгаупта. Остановка эта, съ точки *безопасности* операціи, является вполне законною, такъ какъ боевыми запасами шведская армія могла быть снабжена только изъ Швеціи, т. е. Левенгауптомъ. Цѣль этой остановки среди наступленія была вполне законна, но для нетерпѣливаго Карла эта продолжительная остановка была слишкомъ тяжка. *Не выжидая* все таки прибытія Левенгаупта (слѣдовательно въ концѣ концовъ остановка оказывается *безцѣльною*), онъ двинулся, въ началѣ августа, къ Чирикову и затѣмъ къ Мстиславию, повидимому въ Украину. Далѣе, ни съ того, ни съ другаго, онъ снова поворачиваетъ на сѣверъ, доходитъ до нашей границы у Старишъ (10 сентября), стоитъ здѣсь 4 дня и затѣмъ окончательно поворачиваетъ на Югъ, черезъ Кричевъ въ Украину. Армія наша двигается параллельно съ Шведскою, окружаетъ послѣднюю мелкими отрядами, безпрестанно ее тревожащими, портящими переправы и уничтожающими запасы. Достигнувъ Украины, изнуренная и нуждающаяся во всемъ (въ особенности въ боевыхъ запасахъ) ¹⁾, шведская армія становится въ окрестностяхъ — Гадяча, Роменъ, Лохвиць и Прилукъ, на квартирахъ, гдѣ ее снова окружаютъ наши мелкіе отряды и не даютъ ей ни минуты отдыха.

Походъ 1709 г. Къ веснѣ 1709 г. романтическая затѣя Карла становится ясною для него самого (развѣ можно было разсчитывать въ Украинѣ сломить силы Русскаго Царя?). Трудность, фальшь его положенія видны ближе всего изъ того, что онъ не знаетъ что *предпринять*, какую *цѣль себѣ поставить* и для выхода изъ добровольно имъ же на себя надѣтой петли не видитъ другаго средства, какъ приступить къ осадѣ Полтавы, разсчитывая, что для выручки ея русская армія вступитъ съ нимъ въ бой, который, въ случаѣ благопріятнаго исхода, развяжетъ ему руки. И такъ только *одна побѣда* могла вывести его изъ фальшиваго положенія, въ которое бросило его склонное къ фантазированію воображеніе.

¹⁾ Какъ извѣстно Петръ въ сентябрѣ разбилъ Левенгаупта при Лѣсной и захватилъ весь его транспортъ (7 т. повозокъ).—ни болѣе, ни менѣе, какъ *базу*, которую везъ Левенгауптъ къ Карлу, что было болѣе чѣмъ важно, когда послѣдній имѣлъ дурную привычку дѣйствовать безъ *базы* (Отсюда уже начинается Петръ образцовую подготовку Полтавской побѣды).

Что же имъ было сдѣлано для обезпеченія полтавскаго сраженія, въ особенности для обезпеченія его операціонной линіи, на случай неудачи? Ровно ничего. Его операціонная линія была окончательно на воздухѣ. Онъ не имѣлъ даже обезпеченной переправы на Днѣпрѣ (благодаря чему остатки его арміи 14 т. подъ начальствомъ Левенгаупта и вынуждены были 2 дня послѣ сраженія положить оружіе у Переволочны). 4 — поста (по 500 копей), эшелонированные вдоль по р. Ворсклѣ, имѣли бы еще смыслъ, при существованіи означеннаго моста. Въ противномъ же случаѣ, это не была мѣра къ обезпеченію пути отступленія, а мѣра лишь къ напрасному ослабленію себя на полѣ сраженія (гдѣ онъ уже и безъ того былъ почти вдвое слабѣ Петра).

Никогда еще стратегіею не пренебрегали въ такой мѣрѣ и никогда еще азарту ни отводилось такого простора предъ сраженіемъ, какъ то сдѣлано было Карломъ предъ Полтавою. За то и поражение бывало рѣдко такъ полно, какъ подъ Полтавою, послѣ которой Шведская армія не существовала болѣе ¹⁾. Карлъ игралъ *va banque*. А этому истинная (методическая) стратегія не учитъ.

Если бы Карлъ дѣйствовалъ въ духѣ *методической* стратегіи, то онъ направилъ бы свою операціонную линію изъ Швеціи за р. Вислу или р. Одеръ на Краковъ и отсюда черезъ владѣнія Польши къ Днѣпру, на которомъ позаботился бы устроить не одну, а нѣсколько переправъ, обезпеченныхъ мостовыми укрѣпленіями. Тогда потерявъ сраженіе, онъ не потерялъ бы вѣстѣ съ тѣмъ и арміи.

Мы здѣсь имѣемъ въ виду лишь методическую подготовку въ стратегическомъ отношеніи Полтавскаго сраженія. Если же

¹⁾ По собственному выраженію Петра: шведовъ «... подъ Полтавою столь жестоко низринуло, что всю ихъ максимумъ низомъ къ верху обратило». Это выдержка изъ разсужденія Петра о значеніи Нарвскаго погрома по отношенію къ Россіи. Оно настолько замѣчательно, во многихъ отношеніяхъ, что позволяемъ себѣ привести его здѣсь *in extenso*. Вотъ оно: «Правда, сія побѣда въ то время являлась печальна была «и за великій гнѣвъ Божій почитаема. Но когда о томъ подумать, то во истину «не гнѣвъ Божій, но милость Божію должны мы исповѣдать. Ежели бы намъ тогда «наздъ шведами вѣкторія досталась, бывшихъ въ такомъ неискusstвѣ во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бѣду послѣ оное счастье насъ низринуть могло, также какъ шведовъ, уже давно во всемъ обученныхъ «и славныхъ въ Европѣ (которыхъ французы бичемъ нѣмецкимъ называли) подъ «Полтавою столь жестоко низринуло, что всю ихъ максимумъ низомъ къ верху обратило. Но когда мы сіе несчастіе (или лучше сказать великое счастье) подъ Нарвомъ «получили, то неволя лѣньность отогнала и къ трудолюбію и искуству день и ночь «привлечь принудила и войну вести уже съ опасеніемъ и искуствомъ велѣла» (*Журналъ Петра Великаго*, ч. I).

бы Карлъ всю кампанію велъ въ духѣ методической стратегіи, то онъ прежде всего не увлекался бы побочными, второстепенными цѣлями (Полтава), а пошолъ бы на Москву и притомъ, въ видахъ большей *безопасности* операціи, не выбралъ бы направленія на Смоленскъ, а сѣверное на Псковъ, Новгородъ, Тверь и Москву, хотя и болѣе кружное (съ осадю 2-хъ крѣпостей вдобавокъ), но за то и болѣе безопасное. Тогда бы онъ могъ свои 35 тысячъ, съ которыми открылъ походъ, усилить 15 т. Левенгаупта (изъ Риги) и 15 Любеккера (изъ Финляндіи) и, мало того, сохранить постоянное сообщеніе съ Швеціею, — короче тогда бы у него была не только правильно поставлена *цѣль*, но и были бы *прочная база и безопасная операціонная линія*.

Таковы три типическія формы стратегическаго искусства. Какую бы изъ стратегическихъ операцій ни приходилось разбирать, не смотря на безконечное разнообразіе въ ихъ формѣ, каждая изъ нихъ неизбѣжно будетъ принадлежать, въ главныхъ характеристичныхъ чертахъ, къ одному изъ вышеприведенныхъ трехъ типовъ.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ РОССІИ.

А. А. ГОЛОВАЧЕВА.

ИСТОРІЯ ПОСТРОЙКИ ДОРОГЪ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ ¹⁾.

Въ предыдущей статьѣ (Сб. Гос. Зн. томъ VII) мы остановились на утвержденной 27 марта 1870 года новой сѣти желѣзныхъ дорогъ. При этомъ мы напомнили читателю, что къ этой же сѣти слѣдуетъ отнести и Ростово-Владикавказскую дорогу, хотя о внесеніи этой дороги въ сѣть состоялось Высочайшее повелѣніе нѣсколько ранѣе, а именно 2 января 1870 года. Это тѣмъ болѣе будетъ правильно, что къ постройкѣ этой дороги приступлено было позднѣе нѣкоторыхъ дорогъ, вошедшихъ только въ сѣть 27 марта 1870 года.

Въ предыдущей статьѣ, мы видѣли, что въ означенную сѣть вошли 18 дорогъ или лучше сказать 16, такъ какъ три изъ нихъ отъ Рязска до Вязьмы съ вѣтвью къ Ельцу образовали одну линію.

Въ эту же сѣть вошла линія Моршанско-Сызранская. Соображенія, по которымъ она введена въ сѣть были нами под-

¹⁾ См. статью 1 въ IV Т., статью 2 въ V Т. и статью 3 въ VII Т. Сборн. Госуд. Знаній.

робно рассмотрѣны въ предыдущей статьѣ, а потому здѣсь мы ограничимся только условіями ея сооруженія. Но прежде изложенія этихъ условій, мы должны сказать, что система конкуренціи, по которой до тѣхъ поръ отдавалось сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, признана была неудовлетворительною, и 26 января 1870 года были утверждены новыя правила, по которымъ по утвержденіи нормальной концессіи и устава общества было предоставлено Министру Путей Сообщенія вести личные переговоры съ предпринимателями и представлять Комитету Министровъ избранное въ учредители общества лицо, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ.

Проекты нормальной концессіи и устава на Моршанско-Сызранскую дорогу были внесены въ Комитетъ Министровъ 16 февраля и удостоились Высочайшаго утвержденія 10 марта 1872 года. Затѣмъ на основаніи правилъ 26 января 1870 года Министръ Путей Сообщенія вызвалъ желающихъ взять на себя образованіе желѣзнодорожнаго общества и изъ числа представленныхъ предложеній наиболѣе выгодными были признаны предложенія статскаго совѣтника Башмакова, съ чѣмъ согласился и Министръ Финансовъ.

Вслѣдствіе сего концессія на имя г. Башмакова и уставъ общества Московско-Сызранской желѣзной дороги, по рассмотрѣніи ихъ въ Комитетъ Министровъ, были Высочайше утверждены 28 апрѣля 1872 года на слѣдующихъ условіяхъ:

Основной капиталъ общества опредѣлялся въ 22.459,200 руб. мет., — т. е. по 45,035½ руб. за версту, со включеніемъ расходовъ на проценты за время постройки и реализацію капитала. Эта сумма образуется выпускомъ акцій на 5.614,800 рублей и облигацій на 16.844,400 руб. Облигаціямъ присвоена абсолютная гарантія 5% дохода и 1/10% погашенія, а акціямъ предоставлена лишь временная гарантія на 15 лѣтъ. Общество получило право увеличить облигаціонный капиталъ впослѣдствіи на 2.000,000 руб. для производства новыхъ капитальныхъ работъ и усиленія подвижнаго состава. Реализаціонная цѣна акцій опредѣлена по 80 за сто, а облигацій, которыя удержала за собой правительство, по 84 за сто. Не менѣе третьей части рельсовъ и половины прочихъ принадлежностей дороги должно быть приобретено въ Россіи изъ числа правительственныхъ заказовъ или отъ частныхъ заводчиковъ, которые согласятся на цѣны не дороже правительственныхъ. Остальное количество можетъ быть до-

ставлено изъ заграницы и при томъ рельсы безъ оплаты таможенныхъ пошлинъ. По техническимъ условіямъ длина дороги опредѣлена въ $498\frac{1}{4}$ версты, и никакъ не болѣе 500 верстъ; полотно дороги въ одинъ путь въ 2,6 саж. ширины, радиусы кривыхъ не менѣе 300 саж., а продольные уклоны въ 0,010 саж. Количество подвижнаго состава назначено въ 71 паровозъ и 1620 вагоновъ, что составитъ по 1 паровозу на каждыя 7 версты и по $3\frac{1}{4}$ вагона на версту. За исключеніемъ же изъ основнаго капитала отнесенныхъ по раздѣлочной вѣдомости 3.808,660 р. на реализацію капитала и 1.684,440 рублей процентовъ за время постройки, собственно строительный капиталъ составитъ на версту 34,000 руб. Такая цифра по мнѣнію гг. Министровъ Путей Сообщенія и Финансовъ признана была умѣренной.

Вникая въ сущность означенныхъ условій, согласиться съ такимъ мнѣніемъ положительно невозможно, такъ какъ полотно дороги выстроено въ одинъ путь и она снабжена самымъ незначительнымъ количествомъ подвижнаго состава, а реализація капитала, не только облигацій, но и акцій, въ виду присвоенной имъ гарантіи, была выше, чѣмъ на другихъ дорогахъ. Такъ напр. на Ландварово-роменской дорогѣ реализація облигацій опредѣлена въ $76\frac{1}{2}\%$, а акціонерный капиталъ вовсе не гарантированъ и стало быть не могъ быть реализованъ выше этого процента; но если даже принять реализацію всего основнаго капитала по этому курсу, то и тогда сумма строительнаго капитала съ процентами за время постройки будетъ 21.777,111 руб., что составитъ не болѣе 30,330 руб., на версту дороги, тогда какъ Моршанско-Сызранская линія оценена въ 34,000 руб. (при исключеніи процентовъ за время ея сооруженія). Въ стоимости сооруженія не могло быть разницы, такъ какъ и та и другая выстроены въ одинъ путь, проходятъ по совершенно ровной мѣстности и на моршанской линіи допущены сотенные уклоны на всей линіи, тогда какъ на Ландваровской, только на участіи отъ Ландварово до Миска. Если же на послѣдней назначено меньшее количество вагоновъ, то число паровозовъ на ней болѣе, чѣмъ на Моршанской. Разсмотрѣніе раздѣлочной вѣдомости приводитъ къ тѣмъ же выводамъ, такъ какъ количество земляныхъ работъ болѣе чѣмъ по три тысячи кубиковъ на версту при полотнѣ дороги въ одинъ путь и ровной мѣстности на большемъ ея протяженіи, а равно и цѣна зем-

ляныхъ работъ и шпаль представляются значительно преувеличенною. Рабочая плата въ Пензенской и Симбирской губерніи очень не высока; 1 р. 87 коп. метал. за кубическую сажень земляныхъ работъ и 50 коп. за шпалу въ лѣсной мѣстности Пензенской и Саратовской губерній, по которой проводится дорога, положительно не вѣроятны. Принимая же въ соображеніе, что первоначальное изчисленіе ея длины оказалось невѣрно и что въ дѣйствительности протяженіе ея вышло въ 484³/₄ версты, т. е. на 14 версть короче, нельзя не придти къ заключенію, что изчисленный капиталъ преувеличенъ покрайней мѣрѣ на 2.000,000 руб.

Рязско-Вяземская желѣзная дорога была также внесена въ сѣть, утвержденную 27 Марта 1870 года, какъ продолженіе Моршанско-Сызранской линіи. Въ свое время, разбирая эту сѣть, мы указывали на неосновательность сооруженія этихъ линій, а потому и здѣсь ограничились только разсмотрѣніемъ условій ихъ сооруженія. Еще прежде разрѣшенія сооруженія всей Рязско-Вяземской линіи по ходатайству мѣстныхъ каменно-угольныхъ промышленниковъ было разрѣшено построить участокъ этой дороги отъ Скопина до Повелецъ съ вѣтвью къ каменноугольнымъ косямъ Рыкова и Бернара. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 8 Юля 1871 года 14 Августа того-же года былъ заключенъ съ комерціей совѣтникомъ Варшавскимъ контрактъ на сооруженіе Скопино-Повелецкаго участка длиною въ 26 версть за 516,750 руб.; впоследствии къ этой суммѣ добавлено еще 13,810 руб. за устройство вѣтви отъ Повелецъ до каменно-угольныхъ копей. Весь участокъ оказался въ 29 версть и былъ открытъ для правильнаго движенія 23 Октября 1872 года. Эксплуатація этого участка сдана была еще 20 Января 1872 года по временное распоряженіе общества Скопинско-Рязской желѣзной дороги, которое обязалось производить на немъ движеніе своимъ подвижнымъ составомъ съ уплатою правительству половины чистаго дохода.

Между тѣмъ 10 Марта 1872 года, по журналу Комитета Министровъ, были утверждены проекты нормальной концессіи, устава общества и техническихъ условій для сооруженія Скопино-Вяземской дороги съ тѣмъ, что на новое общество возлагалась обязанность пріобрѣсти отъ правительства Повелецкій участокъ за сумму равную понесеннымъ издержкамъ съ пачетомъ 2¹/₂% на капиталъ за время постройки. Длина всей ли-

ніи отъ Скопина черезъ Тулу и Алексинъ до Вязьмы съ вѣтвью на Елецъ опредѣлена въ 598¹/₂ верстѣ. Условія заготовки желѣзнодорожныхъ принадлежностей были одинаковыя съ Моршанско-Сызранской линіей. Вслѣдъ за тѣмъ, 19 марта 1872 года, поступаетъ ходатайство Правленія общества Рязско-Скопинской желѣзной дороги о предоставленіи этому обществу постройки Скопинско-Вяземской дороги на слѣдующихъ условіяхъ: за Повелецкій участокъ дороги общество выплачиваетъ правительству какъ указано въ нормальной концессіи, со включеніемъ процентовъ за время постройки, 543,250 руб. кредитн., или что все равно 467,850 р. металлическихъ, что составляетъ 31,500 руб. на версту дороги. — Министръ путей сообщенія призналъ предложеніе Общества Скопинской дороги заслуживающимъ предпочтенія передъ таковыми же другихъ лицъ, не смотря на то, что другія лица испрашивали меньшую строительную цѣну, такъ какъ они не представлялись людьми опытными или извѣстными въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ своевременное и прочное устройство дорогъ наиболѣе обусловливаются опытностію строителей.

Мы не можемъ не остановиться на этомъ заключеніи министра путей сообщенія, такъ какъ не можемъ признать его правильности. Прежде всего мы замѣтимъ, что опытность въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ предпринимателя никогда еще не гарантировала ни своевременности, ни прочности работъ. Личный интересъ всегда дороже для предпринимателя, чѣмъ интересы правительства или будущаго общества и мы не разъ видѣли какъ послѣдніе приносились въ жертву первымъ. Если работы производились быстро и прочно, то конечно не вслѣдствіе опытности строителей, а потому, что быстрая постройка приносила значительныя сбереженія въ процентахъ на капиталъ за время сооруженія и въ расходахъ на администрацію. Что-же касается прочности работъ, то она являлась или слѣдствіемъ тѣхъ громадныхъ цѣнъ, въ которыя оцѣнивались работы въ особенности въ первое время, такъ, что и при лишнихъ затратахъ оставались большіе барыши, или обусловливалась бдительностію надзора или же наконецъ вызывалась простымъ расчетомъ на полученіе концессій въ будущемъ, при удовлетворительномъ исполненіи работъ. Всѣмъ извѣстны желѣзнодорожные аферы у насъ передъ глазами; развѣ мы не знаемъ въ какомъ видѣ они сдавали построенныя ими дороги такъ называемымъ

обществамъ и достраивали ихъ на счетъ ремонтныхъ суммъ. Опытность строителя даетъ только ему умѣнье представить дѣло правительственнымъ лицамъ въ томъ видѣ, какъ онъ этого желаетъ и ничего болѣе. Съ другой стороны, отдавать преимущество непременно опытнымъ строителямъ, значитъ суживать кругъ соискателей и водворять монополію въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, ставить себя въ зависимость отъ нѣсколькихъ ловкихъ дѣльцовъ и давать имъ поводъ думать, что безъ нихъ Россія обойтись не можетъ. Такимъ людямъ не долго стаянуться между собою и, при подобныхъ взглядахъ, поставить правительство въ безвыходное положеніе. Намъ кажется, что администрація въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ прежде всего должна рассчитывать на свои собственные силы и средства и потому искать не предпринимателя, на котораго она могла бы положиться, а того агента, на котораго она рассчитываетъ возложить надзоръ за производствомъ работъ. Что же касается предпринимателя, то его нравственная благонадежность плохая гарантія: единственная гарантія его благонадежности нужной для правительства—это его денежный залогъ и наблюденіе за тѣмъ, чтобъ онъ не могъ оставить недоделанными дешево оцѣненные работы, — т. е. правильно составленная раздѣлочная вѣдомость и условіе не полной уплаты по ней до окончательнаго выполненія. Ко всему этому, слѣдуетъ прибавить, что вышеозначенное заключеніе министра путей сообщенія указывало какъ бы на признаніе полной несостоятельности правительственнаго надзора, а такое признаніе, въ виду столькихъ фактовъ, о которыхъ мы упоминали, и которые подтверждены недавно опубликованными результатами ревизіи комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ барона Шернвалья, имѣло полное основаніе. Министръ путей сообщенія дѣйствительно поставленъ былъ въ печальную необходимость относиться къ дѣлу подобнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что онъ не вправѣ преслѣдовать виновныхъ какія бы злоупотребленія не сдѣлались ему извѣстными. Такое преслѣдованіе принято было у насъ называть колебаніемъ нашего кредита и въ виду финансовыхъ соображеній положительно недопускалось. Но возвратимся къ нашему вопросу.

Послѣ переговоровъ съ представителями общества Скопинской дороги установлены были слѣдующія условія: акціонерный капиталъ общества Скопинской дороги въ 1.584,100 руб. кре-

дитныхъ присоединяется къ капиталу предположенной Скопинско-Вяземской желѣзной дороги, четвертая часть общей суммы соединенныхъ капиталовъ представляется акціями въ число которыхъ засчитываются акціи Скопинской дороги, а остальные три четверти облигаціями. Вся строительная стоимость дороги отъ Скопина до Вязьмы съ вѣтвью на Елецъ опредѣлена въ 20.639,635 руб., не считая процентовъ за время постройки и реализаціи капитала.

При переговорахъ своихъ съ министрами финансовъ учредитель общества Скопинской дороги представилъ, что негарантированные акціи не находятъ покупателей и подъ залогъ ихъ нельзя даже имѣть и 35%; стало быть, оцѣнивать ихъ въ 50% за рубль можно только съ рискомъ. Столь низкая цѣна повлечетъ за собою необходимость увеличенія основнаго капитала, который при такихъ условіяхъ долженъ быть доведенъ до 32.082,890 руб. мет. Въ виду такого заявленія для устраненія необходимости увеличенія основнаго капитала и достиженія возможности реализовать акціи по 80 за 100, министр финансовъ призналъ возможнымъ даровать акціямъ гарантію 5% дохода въ теченіи первыхъ 15 лѣтъ, распространивъ ее и на акціи Рязско-Скопинской дороги.

На этихъ основаніяхъ, министръ путей сообщенія внесъ, 15 апрѣля 1872 года, въ Комитетъ Министровъ проектъ устава общества Рязско-Вяземской дороги, основнаго капиталъ котораго опредѣляется въ слѣдующихъ размѣрахъ: а) капиталъ прежней Рязско-Скопинской дороги, состоящій изъ негарантированныхъ акцій на сумму 1.584,000 руб. кредитн. или 1.364,200 руб. метал.; б) 557,000 руб. мет., подлежащихъ уплатѣ правительству за Повелецкій участокъ и 26.663,500 руб. на построеніе дороги отъ Повелецъ до Вязьмы—всего 28.584,700 руб., изъ которыхъ, за исключеніемъ суммы на выкупъ Повелецкаго участка (которая присоединялась къ облигаціонному капиталу), четвертая часть или 7.006,900 составляла акціонерный капиталъ, а остальная сумма представлялась капиталомъ облигаціоннымъ, который удерживаетъ за собою правительство по 84 за сто.

Такимъ образомъ, учредитель общества Скопинской дороги производилъ очень выгодную для себя аферу даже и въ томъ случаѣ, еслибъ не рассчитывалъ ни на какой барышъ отъ по-

стройки Повелецко-Вяземской дороги съ вѣтвью на Елецъ. Онъ получилъ гарантированныя бумаги на полную стоимость дороги, которая не могла приносить ему никакого дохода, и притомъ, причисливъ сумму акціонернаго капитала Скопинской дороги къ общей суммѣ основнаго капитала общества, получалъ такимъ образомъ три четверти этой суммы металлическими облигаціями; на этомъ основаніи за имущество, ничего не стоящее, онъ приобрѣталъ 1.364,200 руб. гарантированныхъ металлическихъ цѣнностей.

Но и кромѣ того, оцѣнка сооруженія Повелецко-Вяземскаго участка была сдѣлана не дешево. Достаточно указать на то, что по раздѣлочной вѣдомости земляныя работы были оцѣнены по 2 р. 50 коп. металлическихъ за кубическую сажень и это въ то время, когда на другой дорогѣ, утвержденной въ тотъ же день, а именно Моршанско-Сызранской, они были оцѣнены 1 р. 90 коп. Къ этому надо прибавить, что къ суммѣ предназначенной на рельсы и скрѣпленія 13 апрѣля 1873 года прибавлено 654,975 руб. для замѣны желѣзныхъ рельсовъ стальными и такимъ образомъ цѣна рельсовъ положена въ 2 руб. мет., между тѣмъ какъ извѣстно, что именно весной 1873 года цѣна стальныхъ рельсовъ понизилась значительно, такъ что ихъ можно было приобретать по 9 фунтовъ за тонну съ доставкой въ балтійскіе порты, т. е. ниже металлическаго рубля за пудъ. На этомъ основаніи условія постройки Рязско-Вяземской дороги мы не можемъ считать выгодными.

Мысль о сооруженіи Ростово-Владикавказской желѣзной дороги возникла еще въ началѣ 1869 года, вслѣдствіе представленныхъ Государю Императору Великимъ Княземъ Намѣстникомъ соображеній. Вслѣдствіе этого разрѣшено было нѣкоторымъ частнымъ лицамъ произвести изысканія, а затѣмъ, какъ мы видѣли выше 2 января 1870 года, состоялось Высочайшее повелѣніе о внесеніи ее въ сѣть главнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ и обезпечить исполненіе ихъ преимущественно передъ другими. На этомъ основаніи, весной 1871 года, былъ командированъ инженеръ путей сообщенія для всесторонняго изученія представленныхъ въ министерство заявленій о наиблагодѣйшемъ направленіи Владикавказской линіи; а 24 февраля 1872 года на обсужденіе комитета желѣзныхъ дорогъ министромъ путей сообщенія были представлены 4 направленія, изъ которыхъ и было избрано согласно заключенію министра путей сообщенія

настоящее направлѣніе и по журналу комитета 7 марта 1872 года было Высочайше утверждено. Строителемъ дороги и учредителемъ общества избранъ былъ инженеръ баронъ Штенгель, который стоимость сооруженія опредѣлялъ въ 20.552,500 руб. или 31,570 р. кред. на версту. По уставу общества нарицательный капиталъ опредѣленъ въ 6.805,400 метал. рублей акціями и 20.416,200 руб. металич. облигаціями, т. е. по 41,815 руб. метал. за версту. На акціи дорована была 15 лѣтняя гарантія, облигаціямъ же присвоена полная гарантія на все время въ обыкновенномъ размѣрѣ. Послѣднія удерживало за собой правительство по 84 за сто. Реализаціонная же цѣна акцій опредѣлена по 80 за сто. Техническими условіями опредѣлено строить дорогу въ одинъ путь на протяженіи 651 версты, ширина полотна 2,6 сажени, продольные склоны въ 0,01; радіусъ кривыхъ не менѣе 300 сажень. Количество подвижнаго состава назначено 74 паровоза и 1,490 вагоновъ, что составитъ одинъ паровозъ по 8,8 верстѣ и по 2,3 вагона на версту. При такомъ ничтожномъ количествѣ подвижнаго состава, котораго мы не замѣчали ни на одной дорогѣ и при той ровной мѣстности, которой отличаются Донскія степи и сѣверный склонъ Кавказа, по которымъ проходитъ дорога, такая цѣна должна быть названа чрезмѣрною.

Тѣмъ не менѣе, въ засѣданіяхъ Комитета Министровъ 9 и 16 мая и 28 іюня 1872 года было постановлено выдать концессию на означенныхъ условіяхъ Барону Штенгелю, что и было Высочайше утверждено 2-го іюля того же года.

Въ нашихъ административныхъ сферахъ дорога эта считалась исключительно дорогой стратегической и вѣроятно по этой причинѣ постройка ея назначена въ одинъ путь при ничтожномъ количествѣ подвижнаго состава. Но видно уже намъ такъ на роду написано въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ постоянно встрѣчать сюрпризы, т. е. придавать очень большое экономическое значеніе такимъ путямъ, которые его не имѣютъ, и за тѣмъ наоборотъ строить дороги стратегическія и только впоследствии убѣждаться въ ошибочномъ взглядѣ на дѣло и въ экономическомъ значеніи линіи. Не прошло и двухъ лѣтъ со времени сооруженія Владикавказской желѣзной дороги, какъ на нее посыпались жалобы, что она не удовлетворяетъ потребностямъ движенія и съ сѣвернаго Кавказа потянулись къ Ростову десятки милліоновъ пудовъ груза. Но такъ какъ дорога

по своимъ техническимъ условіямъ не можетъ отправлять болѣе 4 товарныхъ поѣздовъ въ день, то само собою разумѣется, что она не въ состояніи удовлетворять потребности въ передвиженіи и вызываетъ рядомъ съ желѣзной дорогой цѣлую вереницу обозовъ, которые съ успѣхомъ конкурируютъ съ желѣзной дорогой на той ея половинѣ, которая ближе къ Ростову.

Въ виду такого явленія, читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы подѣлимся съ нимъ сравненіемъ того, что видѣли мы при проѣздѣ по этой линіи въ 1875 и 1879 году. Въ первый годъ открытія дороги на всемъ протяженіи до станціи минеральныхъ водъ — на протяженіи которое намъ пришлось тогда видѣть, — видѣлись только луговые степи охватывавшія насъ какъ зеленое море. Только изрѣдка видѣлись небольшіе участки, засѣянные кукурузой. Совсѣмъ другое впечатлѣніе испытываешь теперь, такъ какъ вмѣсто степей повсюду видѣются посѣвы пшеницы и льняного семени. Такая перемѣна не болѣе какъ въ три года поразительна и обстоятельство это получаетъ особенное значеніе въ виду недостатка рабочихъ рукъ въ этой мѣстности. Въ виду подобныхъ внезапныхъ перемѣнъ невольно спрашиваешь себя, что представлялъ бы этотъ край, еслибъ на него было обращено вниманіе, еслибъ организовано было правильное заселеніе этихъ богатыхъ мѣстностей людьми нуждающимися въ землѣ, отыскивающими только возможности приложенія своего труда и нишѣ поставленными въ необходимость ежегодно перекочевывать изъ внутреннихъ губерній съ потерей и времени и денегъ, а главное съ огромнымъ рискомъ въ случаяхъ неурожаевъ и наплыва излишнихъ рукъ? Не можемъ воздержаться отъ замѣчанія, что Владикавказская дорога должна быть приведена немедленно въ такое положеніе, которое могло бы удовлетворять потребностямъ значительнаго передвиженія грузовъ, т. е. число станцій должно быть здѣсь по меньшей мѣрѣ удвоено, а количество подвижнаго состава увеличено еще въ большой мѣрѣ. Безъ этихъ мѣропріятій, мы рискуемъ остановить дальнѣйшее развитіе края и нанести сильный вредъ всѣмъ интересамъ, которые здѣсь сосредоточились. Объ этомъ необходимо серьезно подумать.

Мы довели исторію сооруженія желѣзныхъ дорогъ до 1873 года, въ которомъ была сдѣлана попытка создать новую систему ихъ сооруженія, при посредствѣ дѣйствительныхъ акціонерныхъ обществъ, а не тѣхъ фиктивныхъ, которыя составляютъ концессионерами, существуютъ только на бумагѣ и служатъ лишь для того,

чтобы складывать всякую личную ответственность съ дѣйствительныхъ строителей на какой-то призракъ въ видѣ анонимнаго общества съ неизвѣстными акціонерами. Мы говоримъ о правилахъ 30 марта 1873 года. Дѣйствительно существовавшей до тѣхъ поръ порядокъ не могъ не возмущать совѣсть правительственныхныхъ лицъ, на которыхъ лежала обязанность надзора за правильностію дѣйствій г.г. концессионеровъ. Въ виду всѣхъ бывшихъ примѣровъ, хорошо извѣстныхъ министерству путей сообщенія, правильность дѣйствій строителей и точность исполненія принятыхъ ими обязательствъ гарантировались только въ томъ случаѣ, когда непопѣрныя цѣны доставляли возможность огромныхъ барышей. Въ этихъ случаяхъ конечно не предстояло никакой надобности предпринимателямъ прибѣгать къ какимъ либо злоупотребленіямъ или уловкамъ для огражденія своихъ выгодъ, хотя бывали примѣры, что и при такихъ условіяхъ интересы правительства не были обезпечены. Но какъ скоро конкуренція понизила цѣны на сооруженіе дорогъ, тогда явились на сцену всевозможные извороты, передъ которыми администрація оказывалась безсильною для огражденія интересовъ правительства и обезпеченія точнаго исполненія заключенныхъ договоровъ, въ особенности когда въ финансовомъ управленіи установилось опасеніе, что привлеченіе виновныхъ къ судебной ответственности можетъ, будто бы, колебать нашъ кредитъ на заграничныхъ рынкахъ. Мы называемъ такое опасеніе предразсудкомъ, потому что основаніемъ для подобной недопѣрчивости заграничныхъ капиталистовъ могло служить только недоброе отношеніе администраціи къ желѣзнодорожному дѣлу, а такъ какъ этого предполагать нельзя было, то поэтому, подобныя опасенія не имѣли серьезныхъ основаній. Что-же касается тѣхъ ошибочныхъ дѣйствій, на которыя мы не разъ указывали, въ нашемъ трудѣ, то они никогда и ни гдѣ не колебали государственнаго кредита, если только общій государственный строй и ресурсы государственнаго казначейства допускали его возможность. Напротивъ того, намъ кажется, что, еслибъ финансовое управленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ уклоненіе отъ принятыхъ на себя концессионерами обязательствъ, было несомнѣнно, не шло бы виновныхъ концессионеровъ и лицъ допустившихъ эти уклоненія и представило бы дѣло разсмотрѣнію и рѣшенію судебной власти, то отъ подобныхъ распоряженій государственныи кредитъ могъ бы только установиться на болѣе прочныхъ

основаніяхъ. Но, къ сожалѣнію, у насъ господствовалъ совершенно противоположный взглядъ на дѣло и не смотря на всю несостоятельность системы выдачи концессій, частная инициатива подъ прикрытіемъ фактивныхъ обществъ считалась наилучшею. Недовѣріе правительства къ своимъ собственнымъ агентамъ было такъ сильно, что оно не рѣшилось допустить систему казенной постройки, хотя бы параллельно съ системой концессій.

Между тѣмъ ложное положеніе министерства путей сообщенія, — при которомъ оно, не смотря на весьма ясныя доказательства, очевидныя для всѣхъ, должно было закрывать глаза и не видѣть вовсе, что оно имѣетъ дѣло отнюдь не съ обществами, а съ отдѣльными личностями, которыя только прикрываются фирмою анонимнаго общества во избѣжаніи всякой личной отвѣтственности, — было положительно невыносимо и не совмѣстно съ достоинствомъ правительственной власти. Въ такомъ положеніи весьма естественно, что министерство путей сообщенія изыскивало средства, чтобъ выйти по крайней мѣрѣ изъ этого ложнаго положенія и имѣть дѣло не съ воображаемыми, а дѣйствительными обществами. Съ этой цѣлю г. министръ путей сообщенія графъ А. П. Бобринскій и внесъ въ Комитетъ Министровъ новыя правила образованія желѣзнодорожныхъ обществъ, которыя и были утверждены 30 марта 1873 года.

На основаніи этихъ правилъ, правительство предполагало устранить участіе въ дѣлѣ концессионеровъ, принявъ на себя обязанность образованія не фиктивнаго, а дѣйствительнаго акціонернаго общества, которому, уже по образованіи его, передавать сооруженіе дороги на капиталъ изчисленный на основаніи произведенныхъ изысканій по опредѣленной реализаціонной цѣнѣ бумагъ и по предварительно составленной раздѣлочной вѣдомости.

Образованіе общества возлагалось на особую комиссію изъ трехъ членовъ отъ министерствъ: путей сообщенія, финансовъ и государственнаго контроля, которая должна была распорядиться производствомъ публичной подписки на акціи общества и открытіемъ перваго общаго собранія для выбора правленія, которому комиссія обязывалась передать дальнѣйшее управленіе дѣломъ.

Такимъ образомъ предполагалось возможнымъ образовывать дѣйствительныя акціонерныя общества, контроль которыхъ, если не устранилъ бы совершенно, то значительно уменьшилъ бы воз-

возможность злоупотреблений со стороны учредителей железнодорожных обществ. Эти злоупотребления состояли в томъ, что учредители удерживали въ своихъ рукахъ всѣ или большее количество акцій, распоряжались отъ имени общихъ собраний, передавали сооруженіе дороги учредителямъ по оптовымъ контрактамъ за всю сумму, которая можетъ быть выручена по реализаціи бумагъ и слѣдовательно затрачивали весь разрѣшенный къ образованію капиталъ безъ остатка; при несостоятельности же строителей или при злоупотребленіяхъ съ ихъ стороны, общества оставались безпомощными, а правительство, затративъ громадныя суммы въ счетъ облигаціоннаго капитала, становилось въ необходимость поддерживать общество и выдавать имъ субсидіи на окончательную достройку линій. При этомъ значительное количество, неоконченныхъ работъ, не мѣшающихъ открытію движенія на линіи, строители передавали для окончанія обществамъ, по цѣнамъ, далеко не доходившимъ до ихъ дѣйствительной стоимости. Эти работы въ большинствѣ случаевъ производились на счетъ расходовъ эксплуатаціи, часто въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а открыть такое злоупотребленіе при единствѣ распоряженій по строительнымъ и ремонтнымъ работамъ для инспекціи было почти невозможно. Такимъ образомъ, суммы строительнаго капитала, назначенныя на эти работы, оставались въ рукахъ строителей; точно также въ ихъ рукахъ оставались и всѣ суммы, опредѣленныя на администрацію и проценты на капиталъ за время производства работъ, если движеніе на линіи открыто ранѣе опредѣленнаго по концессіи срока, не говоря уже о той экономіи, которая могла быть слѣдствіемъ или уменьшенія работъ или болѣе выгоднаго ихъ производства въ сравненіи съ раздѣлочной вѣдомостью.

Весьма естественно, что министерство путей сообщенія, проектируя правила для образованія дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ акціонерныхъ обществъ, предполагало возможнымъ устранить систему оптовыхъ контрактовъ на сооруженіе линій, очевидно невыгодныхъ дѣйствительнымъ акціонерамъ и такимъ образомъ оставить въ рукахъ общества запасныя средства, которыя могли бы служить или на поддержаніе общества въ первое время его существованія, или на улучшеніе пути и увеличеніе подвижнаго состава, еслибъ обстоятельства того потребовали. Вместе съ тѣмъ при гласной отчетности обществъ могли

выясниться многіе хозяйственные вопросы по сооруженію дорогъ и дѣйствительная ихъ стоимость при извѣстныхъ техническихъ условіяхъ.

Конечно, мы не можемъ отвергать, что система эта представляла собой не болѣе какъ полумѣру, и что даже при точномъ исполненіи этихъ правилъ спекулянты могли захватить въ свои руки дѣло сооруженія желѣзныхъ дорогъ, а за тѣмъ вести его прежнимъ порядкомъ. Но само собою разумѣется, что подобный исходъ былъ бы тѣмъ болѣе затрудненъ, чѣмъ добросовѣстнѣе исполнила бы свои обязанности учредительная коммисія и чѣмъ условія подписки давали бы менѣе возможности захватить акціи въ однѣ руки. Ниже при изложеніи того порядка, который былъ принятъ у насъ при подпискѣ, мы изложимъ подробно наше мнѣніе по этому поводу, а теперь замѣтимъ только, что, считая участіе частныхъ обществъ въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ положительно вреднымъ, мы все таки думаемъ, что правила 30 Марта были шагомъ впередъ и при невозможности введенія казенной системы постройки давали возможность министерству путей сообщенія перейти отъ совершенно безконтрольнаго сооруженія къ возможности какого либо учета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобождали министерство отъ того зожнаго положенія, при которомъ правительственная власть поставлена была въ необходимость сознательно допускать такой порядокъ вещей, который былъ внѣ всякаго закона.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что правила 30 Марта не ограничивались однимъ изложеннымъ способомъ исполненія желѣзнодорожныхъ предпріятій: онѣ допускали также и другіе, а именно казенную постройку и сооруженіе второстепенныхъ линій и питательныхъ вѣтвей при посредствѣ прежнихъ обществъ, къ линіямъ которыхъ эти дороги примыкали. На основаніи этихъ правилъ передъ началомъ года, когда Комитетъ Министерствъ утвердить соображенія о дорогахъ, постройка которыхъ можетъ быть начата въ наступающемъ году, министръ путей сообщенія обязанъ былъ внести свои соображенія о способахъ исполненія, т. е. о той системѣ сооруженія, которая избирается для каждой отдѣльной линіи. Такимъ образомъ правила 30 Марта 1873 года давали возможность перехода отъ системы нанесенной столько вреда государству къ новому порядку сооруженія за счетъ правительства и предоставляли возможность конкурен-

ци двухъ системъ, — конкуренціи, доставившей столько выгодъ при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи.

Къ сожалѣнію въ нашихъ вліятельныхъ сферахъ господствовало совершенно иное воззрѣніе и постройка при посредствѣ гг. концессионеровъ считалась наиболѣе удобною, хотя ни одинъ изъ правительственныхъ агентовъ не могъ бы себѣ присвоить и сотой доли того произвола и тѣхъ выгодъ, которыя доставались на долю частныхъ предпринимателей, не говоря уже о качествахъ, взводимыхъ ими сооруженийъ и убыточности эксплуатаціи путей, выстроенныхъ при подобной системѣ. Въ виду подобнаго настроенія у насъ не было даже сдѣлано и попытки приступить къ сооруженію какой либо дороги на счетъ правительства, не смотря на то, что правилами 30 марта возможность таковой въ принципѣ допускалась. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что правила 30 марта существовали только на бумагѣ и никогда не были приложены на практикѣ въ томъ видѣ, какъ они были задуманы и Высочайше утверждены, такъ какъ образованіе въ 1874 году четырехъ желѣзнодорожныхъ обществъ по подпискѣ произошло совершенно на иныхъ началахъ, давшихъ полную возможность крупнымъ желѣзнодорожнымъ предпринимателямъ повернуть дѣло на прежнюю торную дорогу.

Вслѣдъ за утвержденіемъ означенныхъ правилъ министръ путей сообщения, 21 мая 1873 года, внесъ въ Комитетъ Министровъ соображенія о сооруженіи 14 новыхъ дорогъ, а именно:

1) Оренбургской, отъ праваго берега рѣки Волги близъ Сызрани до Оренбурга, съ вѣтвью къ Самарской пристани въ 512 верстѣ.

2) Донецкой каменноугольной, отъ станціи Никитовки на Азовской дорогѣ до волго-донской дороги съ вѣтвью черезъ луганскій заводъ къ рѣкѣ сѣверному Донцу въ 555 верстѣ.

3) Уральской горнозаводской, отъ Перми до Екатеринбурга съ вѣтвью къ Луньевскимъ каменноугольнымъ копань и къ Виллимбаевскому заводу въ 616¹/₂ верстѣ.

4) Привислянской, отъ ст. Ковеля на Кіево-Брестской дорогѣ черезъ Варшаву до Млавн на Прусской границѣ съ вѣтвью къ Лукову въ 475 верстѣ.

5) Сумской, отъ станціи Ворожбы на Курско-Кіевской дорогѣ черезъ Сумы до станціи Мерефы на азовской дорогѣ въ 223 версты.

6) Фастовской, отъ станціи Фастово на Кіево-Брестской дорогѣ черезъ мѣстечко Смѣлу до станціи Знаменки на Харьковско-Николаевской дорогѣ съ вѣтвями къ г. Черкасамъ и къ м. Шполю въ 327 верстѣ.

7) Маякской, отъ Одессы до Маякъ — 52 версты.

8) Новгородско-Старорусской, узкоколейной 90 $\frac{1}{2}$ верстѣ.

9) Баскупчатской, Солевозкой, 51 верста.

10) Дерптской, отъ Дерпта до ст. Талсъ на Балтійской желѣзной дорогѣ 107 верстѣ.

11) Голубовской, каменноугольной — узкоколейной, 55 верстѣ.

12) Мелитопольской, отъ ст. Еленовки на константиновской дорогѣ до Мелитополя съ вѣтвями къ Марьюполю и Бердянску 360 верстѣ.

13) Петровской вѣтви, отъ станціи Ясиноватой на Константиновской дорогѣ до донецкой каменноугольной дороги 45 вер.

14) Равенбургской вѣтви разанско-козловской дороги 30 верстѣ.

Всего 3.499 верстѣ.

Комитетъ Министровъ при разсмотрѣніи этихъ предположеній 5 іюня 1873 года пришелъ къ заключенію о необходимости всѣхъ указанныхъ линій и, утвердивъ строительныя цѣны 10 желѣзныхъ дорогъ, опредѣлялъ приступить къ постройкѣ ихъ по возможности въ теченіи года и предоставить министру путей сообщенія внести свои соображенія о строительныхъ цѣнахъ остальныхъ четырехъ дорогъ. Такое опредѣленіе Комитета въ значительной своей части осталось до сихъ поръ не исполненнымъ, не смотря на то, что въ то время средства на эти сооружеія всѣ были на лицо, какъ это именно выражено въ означенномъ постановленіи Комитета.

Мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по поводу этой сѣти. Относительно Оренбургской дороги можно сказать, что выдвигать изъ общей сѣти путей сообщенія линію въ 500 верстѣ, при отсутствіи въ край развитой промышленности едва ли представлялась необходимостью, тѣмъ болѣе, что здѣсь переходъ черезъ Волгу долженъ былъ потребовать значительныхъ издержекъ, которыя долго не окупятся правительству. Подобный путь представляется намъ чистѣйшей роскошью, возможной только при обиліи и дешевизнѣ капиталовъ, слѣдовательно не позволительной для нашего отечества. Тоже можно сказать и о горнозаводской уральской линіи, тѣмъ болѣе, что эта линія оторвана отъ общей сѣти дорогъ огромнымъ разстояніемъ

и, какъ мы видѣли въ предыдущей статьѣ, въ виду стремленія достигнуть одной линіей двухъ цѣлей — облегчить сибирскій транзитъ и удовлетворить потребностямъ горнозаводскаго дѣла, — не можетъ достигать ни той, ни другой. Кромѣ того, допущенныя на ней продольные склоны дѣлаютъ для нея невозможною дешевую доставку минеральнаго топлива къ горнымъ заводамъ, тогда какъ одною изъ цѣлей ея сооруженія было поставлено именно возможное удешевленіе этой доставки. Практика вполне подтверждаетъ наше мнѣніе, что обѣ дороги эти не могутъ имѣть никакого экономическаго значенія. На всѣхъ новыхъ дорогахъ даже не имѣющихъ большаго экономическаго значенія въ первые годы движеніе постоянно возрастаетъ, между тѣмъ какъ на этихъ двухъ дорогахъ, не смотря на недавнее ихъ открытіе валовой сборъ въ теченіи нынѣшняго года уже значительно сокращается въ сравненіи съ прошлымъ годомъ: ясно, что начавшееся было движеніе грузовъ оказалось невыгоднымъ. Привислянская дорога по сознанию самого Комитета Министровъ, требовалась только въ видахъ государственной обороны и слѣдовательно не имѣла никакого экономическаго значенія. Признаемся, что намъ трудно понять подобныя стратегическія соображенія. Намъ кажется, что линія эта можетъ быть полезна только въ случаѣ оборонительной войны противъ Австріи и Германіи взятыхъ вмѣстѣ и при томъ, если признано будетъ возможнымъ удерживать оборонительное положеніе на западъ отъ этой линіи. Но не надо быть стратегомъ, чтобъ понимать весь вредъ такой оборонительной линіи, которая можетъ подвергнуться нападенію съ обоихъ фланговъ. Ясно, что удерживать за собою линію рѣки Вислы въ этомъ случаѣ мы не можемъ, а должны отступать внутрь страны и тогда привислянская желѣзная дорога, хотя бы и разрушенная, можетъ быть восстановлена и послужить не въ пользу, а во вредъ Россіи. Кромѣ того намъ кажется, что Россія ни въ какомъ случаѣ не можетъ долго еще принять вызовъ Австро-Германскаго союза и слѣдовательно издержки, въ видахъ столь отдаленной будущности, могутъ считаться совершенно излишними. Что же касается односторонней обороны противъ Австріи или Германіи, то театромъ военныхъ дѣйствій едва ли можетъ быть Царство Польское, а навѣрное, была мѣстность въ первомъ случаѣ къ югу, а въ последнемъ къ сѣверу, такъ что привислянская дорога также не будетъ имѣть тутъ значенія. Что касается сумской и фастовской дорогъ, то ихъ сооруженіе признано необходимымъ въ видахъ

содѣйствія свеклосахарной производительности и едва ли имѣетъ какое нибудь значеніе. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что сахаръ очень цѣнный продуктъ, для котораго гужевая перевозка до ближайшихъ магистральныхъ линій не могла считаться обременительной, а производство сахара не столько у насъ развито, что перевозка его можетъ окупить издержки на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Что же касается доставки топлива на заводы, то цѣль эта едва ли можетъ быть достигнута однимъ сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ. Пока не сведворится у насъ торговля минеральнымъ топливомъ въ обширныхъ размѣрахъ, до тѣхъ поръ заводы не въ состояніи будутъ перейти къ этому отопленію. Продолженіе Константиновской дороги къ Марьюполю дѣйствительно полезно, но продолженіе той же дороги до Мелитополя на Севастопольской линіи не можетъ обѣщать никакихъ выгодъ. Вся мѣстность, по которой проходитъ эта линія отстоитъ отъ портовыхъ городовъ Марьюполя и Бердянска въ 50 или 60 верстахъ, а на такое разстояніе всегда будетъ выгоднѣе возить гужемъ, чѣмъ грузить на желѣзныя дороги — это явленіе повторяется на всѣхъ нашихъ желѣзныхъ дорогахъ и мы не считаемъ нужнымъ его доказывать. Что касается до мелкихъ питательныхъ вѣтвей, то о ничтожномъ ихъ значеніи говорить не стоитъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ четырнадцати проектированныхъ вновь дорогъ, мы придаемъ наибольшее значеніе донецкой каменноугольной дорогѣ, но не въ томъ видѣ какъ она проектирована тогда, отъ азовской до волгодонской дороги, а еще менѣе въ томъ видѣ какъ она нынѣ построена. Дорога эта, какъ мы думаемъ, лишь тогда получитъ значеніе, когда соединитъ Волгу съ Днѣпромъ, дойдетъ до Знаменско-Николаевской дороги и будетъ имѣть вѣтвь къ Марьюполю. Въ этомъ видѣ она доставитъ выходъ минеральному топливу не только на эти двѣ рѣки и къ Азовскому морю, но и на всѣ южныя желѣзныя дороги. На этомъ основаніи, намъ бы казалось, что, вмѣсто 14 предполагаемыхъ дорогъ, гораздо было полезнѣе проложить одну на всемъ означенномъ протяженіи. Мы можемъ сказать при этомъ, что таково было мнѣніе покойнаго Чевкина, но не знаемъ причинъ, по которымъ не признано было возможнымъ привести его въ исполненіе.

26 августа 1873 года, г. министръ путей сообщенія по согласенію съ министромъ финансовъ внесъ въ Комитетъ Министровъ проекты уставовъ акціонерныхъ обществъ восьми дорогъ, а именно:

Оренбургской, Уральской, Донецкой, Сумской, Дерптской, Старорусской, Фаставской и Привислянской, вмѣстѣ съ техническими условіями ихъ сооруженія. По этимъ уставамъ предполагалось дать правительственную гарантію акціямъ на 15 лѣтъ, облигаціямъ же впредь до ихъ погашенія и оставить ихъ за правительствомъ по 84 за сто.

Это представленіе министра путей сообщенія разсматривалось въ Комитетѣ Министровъ 23 и 30 октября 1 и 6 ноября того же года. Въ виду представленныхъ министромъ финансовъ соображеній, что при гарантіи акціонернаго капитала лишь на 15 лѣтъ трудно было бы ожидать успѣшной подписки на акціи Комитетомъ признано было необходимымъ допустить гарантію правительства на все время существованія обществъ. За тѣмъ сооруженіе новыхъ дорогъ положено было ограничить четырьмя: Оренбургскою, Фастовскою, Уральскою и Привислянскою; опубликовать проектированные для нихъ уставы безъ означенія номинальной цѣны основныхъ капиталовъ, предоставивъ опредѣленіе времени открытія и срока подписки по каждой дорогѣ соглашенію министровъ финансовъ и путей сообщенія съ тѣмъ, чтобы о реализаціонной цѣнѣ акцій означенные министры входили со всеподданнѣйшими докладами передъ самымъ объявленіемъ каждой подписки. При окончательной редакціи въ силу этого постановленія § 34 Устава опредѣляющаго гарантію правительства слова проекта: *„временно на 15 лѣтъ“* были замѣнены словами *„абсолютно на все время существованія общества.“*

Въ такомъ видѣ уставы получили Высочайшее утвержденіе 18 ноября 1873 года и вслѣдъ за тѣмъ были опубликованы.

Мы живо помнимъ это время: всѣ предприниматели съ нетерпѣніемъ ждали новыхъ порядковъ и потому каждое распоряженіе правительства подвергалось всестороннему обсужденію; слухи о назначеніи сроковъ подписки ловились съ жадностію. Но проходитъ декабрь и январь, а объявленій о назначеніи дня подписки не появляется. Новое правленіе Кіево-Врестской желѣзной дороги изъ опасенія встрѣтить конкурента, если образуется особое общество для сооруженія и эксплуатаціи Привислянской желѣзной дороги, созываетъ общее собраніе акціонеровъ, которое уполномочиваетъ свое правленіе ходатайствовать о предоставленіи этому обществу сооруженія Привислянской желѣзной дороги съ пониженіемъ стоимости сооруженія на два милліона рублей. Такое предложеніе, какъ извѣстно, было отклонено, по причинами,

для насъ совершенно непонятнымъ. Вообще спекуляція не дремала: интересы ея были сильно затронуты и различные слухи, сбивавшіе съ толку публику, относительно продолжительности дѣйствія новыхъ правилъ, — слухи одинъ невѣроятіе другаго, — передавались изъ устъ въ уста. На сколько во всѣхъ этихъ слухахъ было правды и лжи, конечно опредѣлить невозможно, — но нельзя сомнѣваться, что былъ какой-то недостатокъ единства въ административныхъ дѣйствіяхъ, потому что въ теченіи болѣе чѣмъ двухъ мѣсяцевъ со времени опубликованія уставовъ, срокъ подписки не назначался, точно также не назначалась и учредительная коммисія, не смотря на то, что лучшее время года для осуществленія крупныхъ предпріятій проходило напрасно и капиталисты держали въ готовности значительныя суммы. Все это поддерживало различные невѣроятные слухи и даже въ газетахъ заговорили, что министръ путей сообщенія оставляетъ свой постъ. Наконецъ въ первыхъ числахъ февраля было опубликовано постановленіе Комитета Финансовъ Высочайше утвержденное 1-го февраля 1874 года. На основаніи этого постановленія, акціямъ новыхъ обществъ присвоивалась абсолютная гарантія въ 5% дохода и $\frac{1}{10}$ % погашенія съ тѣмъ, что слѣдующія въ уплату, по акціямъ суммы выдаются полностью держателямъ акцій и никакія требованія кредиторовъ общества не могутъ быть относимы на предназначаемыя къ уплатѣ по акціямъ суммы. Точное же опредѣленіе финансовыхъ условій какъ то: нарицательной стоимости акціонернаго капитала и каждой отдѣльной акціи, сроковъ и размѣра взносовъ по послѣднимъ, порядка разверстки, равно какъ назначенія времени и мѣстъ подписки и самое наблюденіе за производствомъ послѣдней предоставлялись одному министру финансовъ.

Такое постановленіе Комитета Финансовъ не только уничтожало совершенно правила 30 марта 1873 года, но и измѣняло въ существенныхъ чертахъ уставы обществъ, одобренные комитетомъ министровъ въ засѣданіяхъ 23 и 30 октября 1 и 6-го ноября 1873 года и получившіе Высочайшее утвержденіе 18 ноября того же года, и слѣдовательно служило отчасти подтвержденіемъ слуховъ, ходившихъ въ обществѣ о разногласіи между лицами, отъ которыхъ зависѣлъ ходъ дѣла и давало поводъ предполагать такіе мотивы подобнаго разногласія, которыхъ въ дѣйствительности не существовало. Изъ этого обстоятельства можно вывести положительное заключеніе, что шаткость принциповъ въ

административныхъ предпріятіяхъ вообще вредна, а по вопросамъ денежнымъ, въ которыхъ заинтересовано общество она вредна сугубо и что внимательно разсмотрѣнный и установленный порядокъ вещей долженъ быть измѣняемъ только въ томъ случаѣ, когда практика указала его неудобства, въ противномъ случаѣ всякое измѣненіе безъ основательныхъ мотивовъ вредитъ авторитету лицъ его вызвавшихъ. Въ настоящемъ случаѣ, мы видимъ, что не прошло еще и году какъ установленъ новый порядокъ образованія желѣзнодорожныхъ обществъ и первая попытка примѣнить этотъ порядокъ вызываетъ уже существенныя измѣненія въ немъ и при томъ не въ общемъ порядкѣ разсмотрѣнія подобныхъ вопросовъ въ Комитетѣ Министровъ, а въ порядкѣ исключительномъ, по разсмотрѣніи дѣла въ финансовомъ комитетѣ.

Какъ бы то ни было, но результатъ былъ тотъ, что уставы новыхъ обществъ, утвержденные Комитетомъ Министровъ, были измѣнены въ существенныхъ своихъ частяхъ по опредѣленію финансового комитета и акціонеры получили абсолютную гарантію, состоящую въ томъ, что правительство отвѣчаетъ за слѣдующія имъ платежи прямо и непосредственно при всякомъ положеніи общества, т. е. освобождаетъ ихъ отъ всякой необходимости заботиться объ улучшеніи дѣла и отъ всякой отвѣтственности за дѣйствія избираемыхъ ими правленій, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока дороги будутъ приносить чистый доходъ выше гарантированнаго. Въ прежнихъ обществахъ суммы слѣдующія по гарантіи, составляли собственность общества, кредиторы котораго, въ случаѣ несостоятельности общества, имѣли право на эти суммы и всякій дефицитъ по эксплуатаціи могъ быть вычитаемъ изъ нихъ. Акціонеры не имѣли никакого юридическаго права требовать отъ правительства дальнѣйшихъ пособій, и оно могло оказать его только въ томъ случаѣ, если по обстоятельствамъ дѣла находило это нужнымъ и возможнымъ. Въ новыхъ же обществахъ гарантія по акціямъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ покрывать дефицитовъ по эксплуатаціи и слѣдовательно правленія обществъ при безотвѣтственности своихъ акціонеровъ для покрытія своихъ дефицитовъ не имѣютъ другаго источника кромѣ средствъ правительства, скажемъ болѣе они имѣютъ полное юридическое право требовать этого покрытія, такъ какъ безотвѣтственность акціонеровъ установлена самимъ правительствомъ. Такое право правленій нельзя отрицать даже въ томъ случаѣ, еслибы причиной дефицитовъ явилась самая безумная расточи-

тельность правленій, полное непониманіе дѣла съ ихъ стороны и даже злоупотребленія. Мы утверждаемъ это на томъ основаніи, что частныя имущества членовъ правленія, по своей незначительности въ сравненіи съ расходами желѣзнодорожныхъ обществъ, не могутъ гарантировать правильность ихъ распоряженій, а дѣйствительные хозяева дѣла—акціонеры общества ни за что не отвѣчаютъ въ силу устава. Словомъ сказать, мы не можемъ себя представить ничего ненормальнѣе того порядка вещей, при которомъ хозяева дѣла освобождены отъ всякой за него отвѣтственности. Мы понимаемъ ограниченную отвѣтственность, даже доходящую до *minimum'a* при гарантіи извѣстнаго опредѣленнаго дохода, но рѣшительно не понимаемъ такого положенія дѣлъ, гдѣ эта гарантія изъята отъ всякой отвѣтственности за положеніе дѣлъ, гдѣ частное общество распоряжается всѣмъ дѣломъ, между тѣмъ какъ весь рискъ предпріятія и все убытки отъ него лежать всецѣло на правительствѣ, а возможные впоследствии выгоды принадлежать ему не будутъ. Спрашивается для чего же здѣсь нужна эта фикція въ видѣ правленія избираемаго акціонерами, поглощающаго значительную часть доходовъ общества? Развѣ не могло бы правительство поручить управленіе дорогой тому же управляющему, котораго оно и нынѣ утверждаетъ, безъ всякаго посредничества правленій? Правительственный же контроль за дѣйствіями управляющаго стоилъ бы далеко не тѣхъ суммъ, въ какія обходится содержаніе правленій.

Въ виду всѣхъ подобныхъ соображеній, въ виду уничтоженія послѣдней тѣни отвѣтственности обществъ, мы спрашиваемъ для чего считается необходимымъ участіе частныхъ обществъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ? Считать такое участіе необходимымъ не значитъ ли указывать прямо на несостоятельность самой администраціи? Само собою разумѣется, что на этотъ послѣдній вопросъ нельзя дать никакого кромѣ утвердительнаго отвѣта, а въ такомъ случаѣ не будетъ ли такой отвѣтъ очень опаснымъ прецедентомъ для другихъ аналогическихъ вопросовъ. Если правительственная власть находитъ для себя невозможнымъ управленіе желѣзнодорожнымъ дѣломъ, то это очень легко можетъ повредить ея авторитету въ дѣлѣ государственнаго управленія, въ которомъ требуется гораздо болѣе и знаній, и умѣнья, и осторожности. Безъ всякаго сомнѣнія, техника желѣзнодорожнаго дѣла, не смотря на свою новизну, выработана гораздо лучше, чѣмъ техника государственнаго управленія именно вслѣдствіе слож-

ности и разнообразія вопросовъ относящихся къ послѣдному. На этомъ основаніи мы удивляемся тѣмъ изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей, которые рѣшаются утверждать, что сооруженіе и эксплуатация желѣзныхъ дорогъ за счетъ правительства невозможны.

Уставы новыхъ обществъ, измѣненные согласно постановленію финансоваго комитета 1 февраля 1874 года получили окончательное утвержденіе 22 февраля того же года, а подписка на акціи по распоряженію Министра Финансовъ производилась по Оренбургской и Фастовской дорогамъ 14, 15 и 16 марта, а по Уральской и Привислянской дорогамъ 12 и 13 апрѣля.

Условія подписки окончательно парализовали всякое значеніе правилъ 30 марта. Дѣло въ томъ, что главною цѣлю этихъ правилъ было устранить по возможности прежнихъ концессионеровъ и банкировъ и привлечь къ дѣлу массу публики, т. е. имѣть дѣло не съ фиктивнымъ, а дѣйствительнымъ акціонернымъ обществомъ. Мы не будемъ разбирать, на сколько образованіе такого общества могло улучшить дѣло и на сколько правила 30 марта могли достигать этой цѣли, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что принятый порядокъ подписки шелъ прямо въ разрѣзъ съ этой цѣлю и создавалъ полную возможность крупнымъ дѣльцамъ захватить въ свои руки если не всѣ, но наибольшее количество акцій. Для того, чтобъ дать возможность публикѣ съ успѣхомъ конкурировать съ крупными дѣльцами, было необходимо открыть подписку во всѣхъ значительныхъ городахъ и притомъ не въ однихъ учрежденіяхъ Государственнаго банка, но и въ частныхъ; скажемъ болѣе, — всего лучше бы открыть эту подписку въ особнхъ комиссіяхъ помимо кредитныхъ учрежденій, въ видахъ уничтоженія возможности спекуляціи на подобной подпискѣ; способъ же разверстки установить только тогда, когда будетъ въ виду результатъ подписки; выдачу же безъименныхъ акцій отсрочить до окончательнаго сооруженія линій. При такихъ условіяхъ спекуляція, не будучи увѣрена въ возможности захватить большинство акцій, едва ли бы рѣшилась на такіе грандіозные взносы, какіе мы видѣли. Конечно, можетъ быть, что и при такихъ условіяхъ крупные капиталисты нашли бы возможность захватить въ свои руки большинство акцій, но, по крайней мѣрѣ, тогда можно было бы съ достовѣрностію утверждать, что правила 30 марта были безсильны установить новый порядокъ вещей въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ; теперь же этого ска-

зять нельзя, такъ какъ условія подписки были совершенно другія и создавали полную возможность раздуть подписку до громадныхъ цифръ, при которыхъ конкуренція публики не могла имѣть никакого значенія.

Подписка производилась исключительно Государственнымъ банкомъ и только въ Петербургѣ и Москвѣ, и при подпискѣ требовалось 10% подписной цѣны наличными деньгами. Ни какія процентныя бумаги не принимались въ обезпеченіе этого задатка. Еслибъ, однакожъ, правило это соблюдалось, то и тогда мы бы не могли видѣть той вакханалии, которая происходила при подпискѣ. Передъ самой подпиской Государственный Банкъ сталъ открывать кредиты по специальному текущему счету подъ всѣ возможные бумаги, имѣвшія какую-либо цѣнность на биржѣ, съ условіемъ, что по этимъ кредитамъ могутъ быть отпущаемы суммы только на подписку, такъ, что подписка могла производиться чеками по курсу текущихъ счетовъ Государственнаго банка. Понятно, что при такомъ условіи въ наличныхъ деньгахъ, которыя были поставлены официально безусловною необходимостію, никакой надобности не было, а достаточно было имѣть процентныя бумаги. Само собою разумѣется, что этимъ удобствомъ могли воспользоваться только лица, имѣвшія спеціальныя текущіе счета въ Государственномъ Банкѣ и въ особенности дѣльцы и крупные банковые и желѣзно-дорожныя дѣятели. Всѣ процентныя бумаги, которыя могли быть собраны не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но даже и въ другихъ городахъ, лежащихъ на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, были свезены въ Государственный Банкъ для усиленія средствъ подписки. За процентныя бумаги банки и банкиры платили отъ 4 до 5% только на время подписки впродъ до разверстки. На это время, всѣ дѣла, всѣ расчеты, всѣ платежи пріостановились и все вниманіе сосредоточилось только на одной подпискѣ. Кредиты нѣкоторымъ лицамъ были открыты до 60 и болѣе милліоновъ рублей, между тѣмъ какъ вся наличность Государственнаго банка не превышала 10 мил. рублей.

Въ окончательномъ результатѣ оказалось только то, что нѣсколько лицъ, захватившіе большинство акцій раздѣляли между собою сооруженіе четырехъ дорогъ и отнесли свои издержки по подпискѣ на счетъ строительныхъ капиталовъ новыхъ обществъ. Этотъ примѣръ можетъ служить только доказательствомъ, какъ правильно изчислялись у насъ по раздѣлочнымъ вѣдомостямъ необходимыя суммы для сооруженія. Мы имѣемъ основаніе ду-

мать, что подписка обошлась не въ одинъ миллионъ по каждой желѣзной дорогѣ и, если подобныя суммы жертвовались только на одну подписку, то какія же суммы оставались въ видѣ барышей строителямъ, между которыми шла такая страшная конкуренція для захвата дѣла въ свои руки. Наиболее оживленная борьба шла при подпискѣ на Привислянскую дорогу и значительная часть акцій не попала въ руки г. Кронеберга и потому здѣсь безконтрольное распоряженіе основнымъ капиталомъ было невозможно. Вслѣдствіе этого даже въ раздѣлочной вѣдомости, составленной правленіемъ, мы видимъ предполагаемое сбереженіе въ размѣрѣ 1.775,165 рублей, которое оказывается конечно за покрытіемъ всѣхъ издержекъ.

Такимъ образомъ были парализованы правила 20 марта въ ихъ исполненіи и какъ будто доказана невозможность образованія дѣйствительныхъ акціонерныхъ обществъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ: обойдена была даже необходимость наличныхъ денегъ для взноса при подпискѣ и послѣдняя была раздута до крайнихъ предѣловъ, при которыхъ конкуренція публики разубѣется оказалась ничтожною.

Весьма печально, что люди, стоящіе довольно близко къ правительственнымъ сферамъ обвиняли во всей этой желѣзнодорожной неурядицѣ Министерство Путей Сообщенія, не подозревая, что подобная азартная игра есть послѣдствіе тѣхъ условій, при которыхъ происходила подписка.

Упрекъ, который можетъ и долженъ быть сдѣланъ Министерству Путей Сообщенія по поводу этихъ четырехъ дорогъ состоитъ въ слишкомъ высокой поперстной ихъ цѣнѣ при условіи земляного полотна въ одинъ путь, чрезвычайно выгодной реализаціи капитала и незначительномъ количествѣ подвижнаго состава. Поперстная стоимость этихъ дорогъ опредѣлена на металлическую валюту по Фастовской 37,211 руб., по Оренбургской 50,680 руб., а за вычетомъ стоимости сооруженія моста черезъ Волгу 45,946 руб.; по Привислянской 41,919 руб. и по Уральской 52,870 руб. При устройствѣ земляного полотна въ одинъ путь и при стоимости реализаціи капитала въ 9% такія цѣны представляются громадными, тѣмъ болѣе что и количество подвижнаго состава, опредѣлено незначительное и на Уральской дорогѣ самое ничтожное. Только на Фастовской дорогѣ количество вагоновъ назначено по $3\frac{1}{2}$ вагона на версту, на Привислянской же и Оренбургской по $2\frac{1}{3}$ вагона, а на

Уральской всего по 1^{1/2} вагона. Мы рѣшительно не понимаемъ, чѣмъ можно объяснить эту высокую оцѣнку, въ особенности въ виду уже бывшихъ примѣровъ, гораздо болѣе дешевой постройки, если не допустить предположенія, что этой оцѣнкой было желательно привлечь новыя силы для участія въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ. Если это дѣйствительно было такъ, то мы можемъ сказать, что это было ошибкой, которая во многомъ содѣйствовала какъ разъ противоположнымъ послѣдствіямъ: высокая оцѣнка дала возможность крупнымъ капиталистамъ безъ особаго риска сдѣлать значительныя затраты съ цѣлю раздуть подпису до громадныхъ размѣровъ. Но само собою разумѣется, что безъ содѣйствія Государственнаго Банка такой результатъ былъ бы немислимъ ни при какой высокой оцѣнкѣ.

Такъ окончилась первая попытка направить желѣзнодорожное дѣло на другой путь и вызвать къ жизни не фиктивные, а дѣйствительныя желѣзнодорожныя общества. Неудача была полная, но не потому, что правила 30 марта были несостоятельны, а потому что способъ ихъ исполненія былъ употребленъ такой, при которомъ предположенная цѣль не могла быть достигнута: новыя общества попали въ руки прежнихъ концессионеровъ и дѣло пошло по старой торной дорожкѣ.

Въ теченіи 1873 года были разрѣшены къ постройкѣ еще нѣсколько незначительныхъ дорогъ на прежнихъ основаніяхъ и безъ всякой поддержки со стороны правительства. Такихъ дорогъ четыре: Боровичская, Сестрорѣцкая, Риго-Тувумская и Муромская. Такъ какъ всѣ эти дороги составляютъ предпріятія частныхъ лицъ, то мы объ нихъ и говорить не будемъ. Замѣтимъ только, что послѣдняя дорога составляетъ начало дороги на Пензу, имѣющей очень важное экономическое значеніе, такъ какъ она соединила-бы хлѣбородную и лѣсную мѣстность съ промышленными уѣздами Владимірской губерніи и съ Иваново-Кинешемскою дорогой. По всей вѣроятности дорога эта вскорѣ будетъ внесена въ сѣть государственныхъ путей.

1873-мъ годомъ мы оканчиваемъ нашу исторію желѣзнодорожнаго дѣла, во первыхъ, потому что съ того времени разрѣшалась постройка дорогъ и вѣтвей, имѣвшихъ только мѣстное значеніе. Исключеніе составляетъ только одна Донецкая дорога. Но и эта послѣдняя въ томъ видѣ какъ она выстроена не можетъ имѣть самостоятельнаго значенія. Составляя часть южнаго магистральнаго пути отъ Волги къ Днѣпру она можетъ

имѣть интересъ въ нашихъ глазахъ только тогда, когда достигнеть не только этихъ крайнихъ пунктовъ, но и волучить выходъ къ Азовскому морю у Марьуполя; въ настоящемъ же видѣ она не можетъ имѣть большого экономическаго значенія. Во вторыхъ, мы думаемъ, что съ постройкою всѣхъ разрѣшенныхъ линій мы вступили въ новую эру желѣзнодорожнаго дѣла, вслѣдствіе чего намъ необходимо осмѣрѣться и строго взвѣснить: чего намъ въ этомъ отношеніи недостаетъ? При разрѣшеніи же этого вопроса въ виду неудачныхъ рѣшеній предыдущихъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла намъ необходима особенная осторожность.

Въ заключеніе нашихъ статей по исторіи желѣзнодорожнаго дѣла мы считаемъ нужнымъ изложить нѣкоторые общіе выводы, вытекающіе изъ тѣхъ фактовъ, съ которыми мы познакомили читателей. Но для окончательной иллюстраціи нашего желѣзнодорожнаго дѣла, необходимо представить, какъ результатъ, къ которому привела господствовавшая система, нѣкоторыя свѣдѣнія о нынѣшнемъ финансовомъ положеніи желѣзнодорожныхъ обществъ. Съ этою цѣлю составлена нижеслѣдующая таблица, въ которой указаны основные капиталы желѣзнодорожныхъ обществъ и участіе въ нихъ правительства, а также долги обществъ правительству по выдачѣ гарантіи, по недоимкамъ въ платежѣ процентовъ по облигаціямъ и по различнымъ ссудамъ на первое января 1879 года. Таблица эта составлена нами по даннымъ Сборника свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ съ тѣми поправками, которыя вызваны состоявшимися измѣненіями по вышеозначенное число, а долги обществъ показаны по отчету Государственнаго Контроля за 1878 годъ. Цифры показаны для единообразія въ кредитныхъ рубляхъ, при чемъ металлическій рубль принять въ 1 руб. 50 коп. кредитныхъ.

Акціонерный капиталъ.		Облигаціонный капиталъ.		Д о л г и о б щ е с т в а .					
				По гарантіи.		Недоимки по платежу % съ облигаціоннаго капитала.		По ссудамъ на разные предметы в оставшіеся долги за матеріалъ.	
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.		
605,851,695	25	1,374,084,073	74	187,434,299	89	90,604,011	53	200,704,635	13
въ томъ числѣ принадлежитъ правительству				въ томъ числѣ принадлежитъ правительству					
79,834,294		994,390,940							
частнымъ лицамъ									
536,017,401		25							
				Всего . . . 478,742,946 руб. 55 коп.					

Что касается цифръ недоимокъ по платежу процентовъ съ облигаціоннаго капитала, то она представляется далеко ниже дѣй-

ствительной. Мы основываемъ это мнѣніе на томъ обстоятельстве, что способъ изчисленія этихъ суммъ, принятый Государственнымъ Контролемъ не выдерживаетъ критики. Начать съ того, что Государственный Контроль не принимаетъ въ расчетъ различія металлической и кредитной валюты и считаетъ всѣ суммы въ кредитныхъ рубляхъ, тогда какъ только нѣкоторая часть облигацій обществъ выпущена въ кредитной валютѣ и въ числѣ принадлежащихъ правительству имѣлось таковыхъ на сумму 3.746,857 р. 75 к. и кромѣ того въ теченіи 1878 г. къ этой суммѣ присоединилась еще сумма въ 4.800,000 руб. кредитныхъ, на которую увеличенъ облигаціонный капиталъ Грязе-Царицынской дороги для выкупа акцій Волго-Донской при соединеніи этихъ двухъ обществъ. За тѣмъ Государственный Контроль къ суммѣ оставшихся недоимокъ прежнихъ лѣтъ присоединяетъ не цифру слѣдовавшихъ отъ обществъ платежей по количеству облигаціоннаго капитала выданнаго обществамъ, а какую-то другую, — взятую неизвѣстно откуда. Такъ, на 1-е января 1878 года по приложенію къ отчету за 1877 годъ показанъ общій итогъ слѣдовавшихъ правительству отъ обществъ облигацій, (стр. 59 приложения) 3.000,000 фунтовъ стерлинговъ, 491,025,657 р. 16 коп. металлическихъ и 3.746,857 руб. 75 к. кредитныхъ. Такимъ образомъ 5% и $\frac{1}{10}$ % погашенія, слѣдовавшіе къ уплатѣ правительству съ вышеозначенной суммѣ за 1878 годъ составляютъ 25.998,558 р. 50 к. металлическихъ и 191,089 р. 48 к. кредитныхъ, а по переложеніи на кредитные рубли по 1 р. 50 к. за металлическій рубль 39.189,927 руб. 48 коп. Между тѣмъ по приложенію къ отчету за 1878 годъ (стр. 109) къ оставшейся отъ 1877 года недоимкѣ въ 74.013,261 руб. 68 коп. вновь причислено въ теченіи 1878 года не вышеозначенная сумма слѣдовавшихъ платежей, а только 19.140,287 р. 5 коп. кредитныхъ, что составитъ разницу болѣе чѣмъ въ 20.000,000 рублей. Наконецъ Государственный Контроль за вычетомъ изъ показанныхъ суммъ поступившихъ въ уплату 2.549,537 р. 20 коп. кредитныхъ выводитъ цифру недоимокъ оставшихся къ 1879 году въ суммѣ 90.604,011 р. 53 коп. кредитныхъ. Сумма поступившихъ платежей оказывается также не вѣрной, такъ какъ въ самомъ отчетѣ за 1878-й годъ по суммѣ доходовъ особенной канцеляріи по кредитной части по § 3 ст. 2-й этихъ доходовъ показано 10.624,181 р. 55 к., а не 2.549,537 руб. какъ значится въ вѣдомости. Мы гово-

римъ, что сумма, показанная государственными контролемъ въ вѣдомости недоимокъ значится въ кредитныхъ рубляхъ на томъ основаніи, что цифры эти означены не курсивомъ, какъ это дѣлается въ другихъ вѣдомостяхъ для цифръ металлическихъ. — Подобный способъ изчисленія недоимокъ повторяется во всѣхъ предыдущихъ отчетахъ государственнаго контроля, и потому вся вѣдомость о недоимкахъ по принятымъ правительствомъ облигаціямъ желѣзнодорожныхъ обществъ невѣрна и, намъ бы казалось, что она подлежитъ повѣркѣ со счетами кредитной канцеляріи и желѣзнодорожныхъ обществъ. Если ошибка за одинъ годъ составляетъ 20 мил. руб., то мы имѣли полное право замѣтить выше, что цифра этихъ недоимокъ, показанная въ отчетѣ, далеко ниже дѣйствительной. Замѣтимъ при этомъ, что отчетъ государственнаго контроля по той внимательности, съ которой онъ составляется, пріучилъ уже и правительственныя учрежденія и публику относиться къ этому документу съ полнымъ довѣріемъ, а потому указанная нами ошибка требуетъ немедленнаго устраненія, тѣмъ болѣе, что цифра этихъ недоимокъ при предстоящемъ разрѣшеніи вопроса о нашемъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ должна имѣть очень важное значеніе.

Конечно мы не имѣемъ возможности представить какія либо точныя данныя для исправленія этой ошибки, но можемъ сдѣлать попытку приблизиться отъ части къ дѣйствительной цифрѣ этихъ недоимокъ, принявши сумму оставшихся отъ 1877 года недоимокъ не въ кредитивахъ, а въ металлическихъ рубляхъ и присоединивши къ ней сумму слѣдовавшихъ платежей за 1878-й годъ. Такимъ образомъ мы получимъ по переложеніи въ кредитные рубли:

74.013.261 р. 68 к. метал. =	111.019.892 р. 52 к. кред.
процентовъ и погашенія за 1878 г.	39.189.927 „ 48 „ „

Итого . . . 150.209.820 руб. кредит.

А за вычетомъ изъ нихъ поступившихъ въ теченіи 1878 года.	10.624.181 руб. 55 коп.
---	-------------------------

Въ недоимкахъ къ 1879 году
останется 139.585.638 руб. 45 коп.

Цифра эта, хотя и превышаетъ приведенную нами въ вѣдомости на 48.981.626 р. 92 к., будетъ во всякомъ случаѣ ниже дѣйствительной, такъ какъ ошибки исчисленія за прежніе

годы не могли быть нами вполне исправлены по недостатку данныхъ. Прибавляя этотъ излишекъ къ общей суммѣ долговъ желѣзнодорожныхъ обществъ получимъ цифру 527.724.573 руб. 47 коп., т. е. сумму превышающую на 1.707.172 р. 22 коп. номинальную цифру акціонернаго капитала принадлежащаго частнымъ акціонерамъ.

Но это еще далеко не все. Мы не имѣемъ прежде всего цифры, на которую увеличивались долги обществъ въ теченіи 1879 года и кромѣ того должны принять въ соображеніе, что существуютъ общества вовсе не состоящія въ долгу у правительства, а также такія, по которымъ доходность дорогъ вполне обеспечиваетъ ихъ незначительный долгъ. Къ первымъ относятся Царскосельская, Варшаво-Вѣнская, Сестрорѣцкая, Рыбинско-Бологовская, Путиловская, Риго-Туккумская, Муромская, Курско-Кіевская и Боровицкая, акціонерный капиталъ которыхъ принадлежащій частнымъ лицамъ составляетъ по переложеніи въ кредитные рубли сумму 44.163.195 р. 50 коп.; ко вторымъ же относятся Московско-Рязанская и Московско-Курская, акціонерный капиталъ которыхъ составляетъ 28.264.000 руб. кредитныхъ, долги же правительству — 4.856.686 руб. 64 коп. Вычитая эти цифры какъ изъ суммъ акціонернаго капитала, такъ и изъ суммъ долга правительству, получимъ цифру акціонернаго капитала принадлежащаго частнымъ лицамъ 453.590.205 руб. 75 коп.; долги же правительству составятъ сумму въ 522.867.886 р. 83 коп. т. е. послѣдняя цифра превышаетъ первую на 69.277.681 р. 8 коп. Но такъ какъ реализація акцій производилась далеко не по номинальной ихъ стоимости, а лишь за 70—80% то изъ акціонернаго капитала придется скинуть еще добрые 100 мил. руб. и тогда окажется, что у гг. акціонеровъ не имѣется обезпеченія и на $\frac{2}{3}$ рубля правительственнаго долга, не говоря уже о суммѣ облигаціоннаго капитала.

Въ виду подобныхъ обстоятельствъ нельзя отрицать, что существующая у насъ система желѣзнодорожнаго хозяйства оказалась вполне неспособною и что наступило время для совершеннаго ея измѣненія, тѣмъ болѣе, что не смотря на сильное возрастаніе валоваго сбора на желѣзныхъ дорогахъ, чистый ихъ доходъ не увеличивается, такъ какъ расходы обществъ возрастаютъ, если не въ болѣе то никакъ не въ меньшемъ размѣрѣ. Такимъ образомъ, приплаты правительства не умень-

шаются, а долги железнодорожных обществ должны возрастать постоянно. Сохранять подобный порядок вещей, — это значит затруднять все болѣе и болѣе переходъ къ новой, болѣе рациональной системѣ железнодорожнаго хозяйства.

Обращаясь затѣмъ къ окончательнымъ выводамъ, мы позволимъ себѣ замѣтить, что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и ихъ эксплуатація суть удовлетвореніе одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей государственной жизни и по количеству необходимыхъ затратъ должны сохранить за собою монополичный характеръ. Если же для удовлетворенія какой-либо общественной потребности нельзя вызвать свободнаго соперничества, которое бы могло гарантировать интересы частныхъ лицъ и правительства, то ясно, что удовлетвореніе подобной потребности не можетъ быть предоставлено частной предпримчивости, а напротивъ должно составлять необходимую функцію правительства.

Но не смотря на это соображеніе, у насъ обыкновенно выражаютъ мнѣніе, что железнодорожное дѣло въ рукахъ правительственныхъ агентовъ приняло бы еще болѣе невыгодный оборотъ. Мы однакожь этого не думаемъ. Разсматривая исторію постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ, мы постоянно встрѣчались съ вопіющими фактами, и хотя не можемъ не согласиться, что всѣ эти факты возможны были только потому, что ихъ допускали различные агенты администраціи вслѣдствіе своей безответственности, но трудно себѣ представить, чтобы лица подлежащія контролю и дѣйствительной служебной ответственности могли позволять себѣ такой образъ дѣйствій, который возможенъ только со стороны лицъ, заслоняющихъ себя анонимными и притомъ фиктивными обществами. Мы думаемъ, что неудобства казеннаго хозяйства возникаютъ потому, что у насъ лица дѣйствительно завѣдующія дѣломъ пользуются слишкомъ малымъ довѣріемъ и во всѣхъ важныхъ случаяхъ должны руководиться разрѣшеніями начальства, которое не находясь на мѣстѣ не имѣетъ возможности ни оцѣнить по достоинству всѣхъ обстоятельствъ даннаго мѣропріятія, ни принять своевременныхъ мѣръ въ случаяхъ экстренныхъ и непредвидѣнныхъ, а между тѣмъ у людей управляющихъ дѣломъ связаны руки не только излишней регламентаціей вообще, но и необходимостію имѣть въ данномъ случаѣ спеціальныя указанія начальства. Само собою

разумѣется, что при такомъ порядкѣ вещей лицо управляющее дѣломъ не можетъ нести на себѣ никакой ответственности, такъ какъ оно всегда имѣетъ возможность заслонить себя ссылкой на распоряженіе начальства, обвинять которое, въ виду сложности нашего дѣлопроизводства и канцелярскаго отношенія къ дѣлу едва ли возможно и согласно съ справедливостію. На дѣлѣ, выходитъ, что при несомнѣнныхъ беспорядкахъ и даже злоупотребленіяхъ, виновныхъ вовсе не оказывается, въ особенности при той снисходительности, которая такъ обычна въ нашей практикѣ. Кроме того въ нашихъ порядкахъ казеннаго хозяйства есть еще одно неудобство, а именно: у насъ для заведыванія сколько нибудь значительнымъ дѣломъ требуется известное положеніе въ служебной іерархіи, т. е. известный чинъ, а на способности и умѣніе взяться за хозяйственное дѣло обращается мало вниманія. Ко всему этому надо прибавить, что считается положительно необходимымъ ставить технику въ главѣ дѣла, тогда какъ техническое образованіе, по самой своей специальности, значительно суживаетъ взглядъ человѣка и заставляетъ его сосредоточивать все свое вниманіе на вопросахъ техническихъ и очень мало заботиться объ административной и экономической сторонѣ дѣла. Если частная предприимчивость имѣла нѣсколько большій успѣхъ въ нашемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, чѣмъ казенное хозяйство, то это именно потому что, при концессионномъ способѣ постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, во главѣ дѣла стояли не техники, а люди знакомые съ условіями практическаго хозяйства. Намъ кажется, что для успѣха дѣла необходимо помнить, что техника должна быть только орудіемъ въ рукахъ администраціи и не можетъ стать на ея мѣсто безъ значительнаго вреда дѣлу не только въ экономическомъ отношеніи, но даже и въ техническомъ. Въ этомъ легко убѣдиться, если принять въ соображеніе, что техника еще на долго останется искусствомъ я, если заслуженные техники будутъ оставаться во главѣ дѣла, то успѣхъ его очень сомнителенъ. Въ глазахъ этихъ людей, даже при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, ихъ личное мнѣніе будетъ всегда имѣть перевѣсъ и усилія молодыхъ талантовъ будутъ оставаться безъ всякихъ послѣдствій. Все это подтверждается практикой нашего казеннаго хозяйства, какъ желѣзнодорожнаго, такъ и горнаго.

Разсматривая такимъ образомъ условія казеннаго хозяйства, мы должны замѣтить, что всѣ эти порядки могутъ быть очень

легко измѣнены отъ А — Z, не имѣютъ въ себѣ ничего безусловно необходимаго и даже не требуютъ никакихъ особыхъ реформъ въ нашей администраціи. Стоитъ только во главѣ дѣла ставить не техниковъ, а просто людей образованныхъ и знакомыхъ съ хозяйственною практикою, не связывая ихъ особой регламентаціей, предоставить имъ полную свободу дѣйствій, какъ по управленію дѣломъ, такъ и по выбору техниковъ и прочихъ служащихъ, а главное заинтересовать ихъ въ дѣлѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ слѣдуетъ подчинить строгому и гласному, не только административному, но и общественному контролю, съ полною отвѣтственностію за безпорядки, злоупотребленія и даже за неумѣлость и нехозяйственность. Само собою разумѣется, что отвѣтственность въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть ограничена только удаленіемъ отъ дѣла. Если таковы будутъ основанія казеннаго хозяйства, то можно смѣло ожидать полного успѣха и прекращенія эксплуатаціи интересовъ государственнаго казначейства желѣзнодорожными обществами. Изчезновеніе громадныхъ окладовъ, которыми пользуются гг. желѣзнодорожные дѣятели и синекуры, раздаваемые разнымъ лицамъ за мнимое участіе ихъ въ управленіи, невозможно при настоящемъ порядкѣ вещей. Частныя общества, конкурирующія въ привлеченіи знающихъ людей, не могутъ этого сдѣлать и должны платить громадныя оклады изъ опасенія потерять дѣльныхъ и опытныхъ людей, но разъ всѣ дороги будутъ въ вѣдѣніи правительства, тогда вопросъ будетъ стоять совершенно иначе и не будетъ никакой надобности выплачивать министерскіе оклады управляющимъ, хотя дорога, состоящая въ ихъ вѣдѣніи не приноситъ никакого дохода. Главное, можно было бы упразднить всѣ или почти всѣ расходы на содержаніе правленій съ ихъ канцеляріями, которыя обходятся чуть не въ 10 милліоновъ рублей.

Намъ могутъ возразить, что такая мѣра немыслима въ виду долгосрочныхъ договоровъ заключенныхъ съ обществами желѣзныхъ дорогъ. Но такое возраженіе можетъ быть только слѣдствіемъ незнакомства съ дѣломъ. Мы видѣли выше какъ велика задолженность обществъ правительству и это происходитъ потому, что громадное большинство желѣзныхъ дорогъ не въ состояніи выполнять своихъ обязательствъ передъ правительствомъ безъ его содѣйствія. Стоитъ только потребовать отъ обществъ буквальнаго исполненія ихъ обязательствъ и отказать въ дальнѣйшемъ содѣйствіи и они по необходимости должны будутъ

согласиться на уступку ихъ линій правительству на тѣхъ условіяхъ, которыя послѣднее предложитъ.

Мы видѣли наприжѣръ (въ третьей статьѣ) въ какомъ положеніи находится Главное Общество по сдѣланнымъ имъ затратамъ доходовъ николаевской дороги, вслѣдствіе чего отобраніе этой дороги отъ Главнаго Общества представляется неизбѣжнымъ. Въ виду необходимости уплатить правительству въ настоящее время по меньшей мѣрѣ 25 мил. рублей наличными деньгами, ликвидація дѣла Главнаго Общества не представитъ ни малѣйшихъ затрудненій; стоитъ только замѣнить акціи этого общества облигаціями. Выкупу Рязанской желѣзной дороги наступилъ уже срокъ; нѣкоторые другія дороги срокъ этотъ наступаетъ очень скоро. Большинство же обществъ предпочитаютъ воспользоваться всякимъ предложеніемъ правительства, если только руководители ихъ будутъ убѣждены, что не получатъ невыговореннаго въ уставахъ содѣйствія правительства къ выполненію принятыхъ ими на себя обязательствъ. Еслибы даже двѣ или три дороги нашли возможность обойтись безъ помощи правительства, то конечно это не повредило бы нисколько дѣлу, а напротивъ заставило бы эти общества вести дѣло въ полномъ порядкѣ и конкуренція немногихъ частныхъ линій съ правительственными дорогами можетъ быть только выгодна для казны.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, а также и того обстоятельства, что неурядица нашего желѣзнодорожнаго дѣла признана не только обществомъ, но и правительствомъ — вслѣдствіе чего учреждена особая коммисія для изслѣдованія этого дѣла, мы думаемъ, что передача нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе правительства представляется единственнымъ средствомъ къ раціональному ихъ устройству и что операція эта можетъ совершиться очень легко. Если вопросъ этотъ возникаетъ въ Германіи, Италіи и даже въ Англіи, въ которыхъ частныя капиталы, затраченные въ это дѣло представляютъ громадныя цифры, то у насъ подобная операція можетъ совершиться очень легко, въ виду ничтожной цифры средствъ подлежащихъ возмѣщенію частнымъ лицамъ.

Но есть и другія соображенія, приводящія къ тому же выводу о необходимости выкупа желѣзныхъ дорогъ. Прежде всего наводятъ насъ на эти соображенія, постоянно возрастающія цифры валоваго сбора, при чемъ однакожь приплаты по гарантіи и недоимки процентовъ по облигаціонному капиталу не уменьша-

ются и задолженность обществъ правительству, какъ мы видѣли, сильно возрастаетъ. Вотъ цифры валоваго сбора на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ за шестилѣтіе съ 1873 по 1878 годъ включительно:

1873 годъ	123.865,139 руб.	1876 годъ	147.680,041 руб.
1874 „	141.832,015 „	1877 „	193.543,161 „
1875 „	142.407,859 „	1878 „	218.280,050 „

Сравнивая послѣднюю цифру валоваго дохода съ первой, мы видимъ, что валовой сборъ цѣлой сѣти за пять лѣтъ возвысился на 76%, а между тѣмъ это нисколько не уменьшило ежегодныхъ пожертвованій государственнаго казначейства. Такое явленіе не есть только слѣдствіе расширенія сѣти, такъ какъ и по расчету на версту пути доходность желѣзныхъ дорогъ возросла значительно; такъ, въ 1873 году всего валоваго сбора на версту дороги приходилось 8.810 р., а въ 1878 году 11.053 руб., слѣдовательно и при такомъ расчетѣ оказывается возвышеніе доходности дорогъ на 25% безъ всякаго облегченія для правительства.

Въ виду этихъ обстоятельствъ невольно напрашивается вопросъ: возможно ли улучшеніе финансоваго положенія обществъ въ будущемъ? Цифра 1879 года уже наводитъ на насъ нѣкоторое сомнѣніе, такъ какъ она за 11 мѣсяцевъ даетъ пониженіе валоваго сбора на 7,4 милліоновъ руб., слѣдовательно дальнѣйшее возвышеніе доходности остановилось. Но кромѣ того есть многія весьма вѣскія соображенія, которыя заставляютъ отвѣчать отрицательно на поставленный вопросъ. Возрастаніе доходности 1878 года объясняется не только громаднымъ отпускомъ нашего хлѣба, но и движеніемъ воинскихъ поѣздовъ при возвращеніи арміи съ балканскаго полуострова и не смотря на такой же громадный отпускъ хлѣбныхъ грузовъ за границу въ 1879 году валовой доходъ этого года уменьшился въ сравненіи съ 1878 годомъ, такъ что этотъ годъ не можетъ считаться нормальнымъ и слѣдовательно нельзя ожидать увеличенія доходности желѣзныхъ дорогъ въ близкомъ будущемъ, тѣмъ болѣе, что заграничное требованіе нашего хлѣба въ эти два года является послѣдствіемъ упадка вексельнаго курса и сбытъ нашихъ произведеній по расчету на звонкую монету представляется въ очень невыгодномъ свѣтѣ. Онъ былъ возможенъ въ такихъ размѣрахъ только до тѣхъ поръ, пока цѣнность кредитнаго рубля

не понизилась на нашем внутреннем рынке и цены на наши произведения не повысились соразмерно падению нашей валюты. Но разь этот круговороть совершится, движенье хлѣбныхъ грузовъ, а слѣдовательно и доходность нашихъ дорогъ должны понизиться, такъ какъ всѣмъ извѣстно и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнью, что доходность дорогъ зависитъ исключительно отъ перевозки хлѣбныхъ грузовъ. Ожидать увеличенія другихъ грузовъ на желѣзныхъ дорогахъ въ ближайшемъ будущемъ также нельзя, такъ какъ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, чтобы у насъ создавались и развивались другіе роды и виды производства, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы это могло значительно повліять на увеличеніе доходности желѣзныхъ дорогъ. Отсюда уже прямой выводъ, что ожидать значительнаго увеличенія доходности желѣзныхъ дорогъ, а слѣдовательно и улучшенія ихъ финансоваго положенія рѣшительно невозможно, напротивъ того паденіе нашей валюты и вздорожаніе всѣхъ жизненныхъ потребностей должны возвысить цифру расходовъ желѣзнодорожныхъ обществъ и поставить ихъ еще въ худшее положеніе.

Но это еще не все. Мы позволимъ себѣ поставить этотъ вопросъ еще въ другомъ видѣ: при настоящемъ положеніи нашей земледѣльческой промышленности желательно ли дальнѣйшее увеличеніе отпуска нашихъ хлѣбныхъ грузовъ за границу и слѣдовательно связанное съ нимъ увеличеніе доходности нашихъ желѣзныхъ дорогъ? При внимательномъ разсмотрѣніи этого вопроса, мы не должны терять изъ вида двухъ обстоятельствъ: во первыхъ, что не вся Россія продасть хлѣбъ и добрая ея половина покупаетъ его и что всякое возвышеніе ценъ, порождающее усиленіе заграничнаго отпуска, если приноситъ выгоду людямъ производящимъ хлѣбъ для сбыта, то разоряетъ тѣхъ, которые его покупаютъ для своего потребленія. *Обстоятельство это имплетъ громадное значеніе для всей сѣверной полосы Россіи, тѣмъ болѣе, что эта полоса Россіи находится въ менѣе благоприятныхъ климатическихъ условіяхъ.* Мы обращаемъ на это обстоятельство серьезное вниманіе людей мыслящихъ и убѣждены въ томъ, что польза усиленнаго отпуска нашего хлѣба — очень сомнительна. А во вторыхъ, наше отечество весьма обширно и чрезвычайно разнообразно по своимъ атмосферическимъ и климатическимъ условіямъ; мѣстности, производящія у насъ хлѣбъ для сбыта, подвергаются періодическимъ неурожаямъ то тамъ, то здѣсь и наше хозяйство ведется самымъ

первобытнымъ способомъ безъ всякаго содѣйствія культурныхъ приемовъ и зависитъ всецѣло отъ атмосферическихъ вліаній. При такихъ условіяхъ и при данномъ направленіи желѣзныхъ дорогъ весьма естественно устанавливаются приемы и обычай торговли, при которыхъ всѣ избытки данной мѣстности быстро скупаются и отправляются къ портовымъ городамъ, даже прежде, чѣмъ опредѣлится потребность въ продовольствіи населенія тѣхъ мѣстностей, которыя илц постоянно въ немъ нуждаются или застигнуты неурожаемъ. На этомъ основаніи, принявъ послѣдствіемъ таковыхъ условій будетъ удовлетвореніе заграничнаго спроса, между тѣмъ какъ продовольствіе нѣкоторыхъ мѣстностей останется не обеспеченнымъ и потребуетъ значительныхъ жертвъ со стороны государства. Къ тому же бѣдность нашего сельскаго населенія не допускаетъ возможности имѣть значительные запасы и высокія цѣны, обусловленныя значительнымъ вывозомъ хлѣбныхъ продуктовъ, могутъ вызвать громадныя затрудненія, а иногда и чистое бѣдствіе. Нѣчто подобное явилось вслѣдствіе мѣстныхъ неурожаевъ въ 1879 года. Въ нижнемъ Поволжьи и въ Ставропольской губерніи встрѣчается большое затрудненіе въ продовольствіи мѣстнаго населенія, тогда какъ въ октябрѣ и ноябрѣ изъ Ростова и Таганрога вывозился хлѣбъ за границу огромными партиями. И это не смотря на то, что оба эти города соединены рельсовымъ путемъ съ Ставропольской губерніей. Подобныя послѣдствія оказались въ слѣдъ за усиленнымъ отпускомъ хлѣба въ теченіи 1878 и 1879 годовъ. Чего же можно ожидать, если подобный порядокъ вещей продолжится и нашъ отпускъ за границу будетъ усиливаться? Если отпускъ 40.000.000 четвертой уже вызываетъ нѣкоторыя затрудненія въ продовольствіи самыхъ хлѣбородныхъ мѣстностей, то сколько нибудь значительное усиленіе нашего отпуска, о которомъ у насъ такъ много заботятся, будетъ отзываться постоянными голодовками то въ одной, то въ другой мѣстности, между тѣмъ какъ средства для быстраго подвоза предметовъ продовольствія не существуютъ: наши желѣзныя дороги имѣли въ виду болѣе всего содѣйствовать сбыту нашихъ произведеній на заграничные рынки, потребности же внутренней торговли были совершенно на второмъ планѣ и удовлетвореніе этой потребности становилось только естественнымъ послѣдствіемъ проведенія желѣзныхъ дорогъ, а вовсе не было цѣлю ихъ сооруженія и въ этомъ состоитъ ихъ существенный недостатокъ.

Намъ могутъ сдѣлать возраженіе указавъ на С. Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ, отчасти, существовали тѣ же тенденціи при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, но дѣло въ томъ, что сравнивать Америку съ нашимъ отечествомъ, не принимая въ соображеніе громадной разницы существующей между двумя странами, было бы очень ошибочно. Начать съ того, что естественныя условія производительности въ Америкѣ гораздо выгоднѣе нашихъ, какъ по богатству почвы, такъ и по климатическимъ и географическимъ условіямъ; за тѣмъ С. Американскіе штаты не несутъ тѣхъ непродуцительныхъ расходовъ, на которые обречена Россія, вслѣдствіе ея принадлежности къ семейству европейскихъ великихъ державъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы; наконецъ Америка богата капиталами, которыхъ у нея достаетъ не только для сооруженія такихъ линій, которыми вызывается сбытъ внутреннихъ произведеній на заграничныя рынки, но и для развѣтвленія всей сѣти желѣзныхъ дорогъ съ цѣлю удовлетворенія потребностей внутреннего передвиженія грузовъ; мало этого, постоянное накопленіе капиталовъ въ Америкѣ, такъ велико, что не смотря на усиленную постройку желѣзныхъ дорогъ, ихъ доставало на параллельное развитіе всѣхъ отраслей производства, которыя въ свою очередь давали все новую и новую работу желѣзнымъ дорогамъ. Потребность въ этихъ путяхъ въ Америкѣ и средства къ удовлетворенію этой потребности здѣсь такъ велики, что въ настоящемъ году предположено соорудить громадное ихъ количество, если не ошибаемся, то чуть ли не 15.000 верстъ. Всѣ англійскіе заводы завалены заказами для вновь проектированныхъ тамъ линій, такъ, что цѣна на рельсы въ Англій въ нѣсколько мѣсяцевъ поднялась съ 6 на 14 фунт. стерлинговъ за тонну и американцы такъ спѣшатъ этимъ сооруженіемъ, что ихъ нисколько не пугаютъ подобныя цѣны. Ничего сколько нибудь похожаго на подобныя явленія въ экономической сферѣ, мы и представить себѣ не можемъ въ нашемъ отечествѣ, которое должно искать капиталовъ на заграничныхъ рынкахъ, на всякое сколько нибудь значительное предпріятіе. На этомъ основаніи всякая параллель проводимая между Америкой и нашимъ отечествомъ можетъ возбудить только улыбку и не можетъ быть признана какимъ либо серьезнымъ возраженіемъ противъ высказанныхъ нами мыслей.

Другой существенный недостатокъ системы сооруженія нашихъ желѣзныхъ дорогъ состоялъ въ той поспѣшности, съ ко-

торую шло ихъ сооруженіе безъ существенной въ нихъ надобности, безъ серьезно обдуманнаго плана и безъ правильной оцѣнки дѣйствительныхъ нуждъ промышленности. Пути сообщенія представляютъ только средства и при томъ далеко не главныя для развитія промышленности и какъ таковыя не должны были заслонять собой развитія самой промышленности, самихъ первыхъ и главныхъ условий ея возникновенія. У насъ дѣло шло какъ разъ на оборотъ: все наше вниманіе было обращено только на сооруженіе желѣзныхъ путей и на развитіе служебныхъ для нихъ производствъ, какъ будто только этого и не доставало нашей промышленности. Мы думали что богатство нашей почвы и ея производительность громадны, что создать искусственные пути сообщенія значитъ обогатить Россію. Печальная иллюзія! И вотъ мы выстроили дороги, а возить имъ нечего и опѣ, за очень ничтожнымъ исключеніемъ, пришли въ совершенную несостоятельность.

Дѣло въ томъ, что главнымъ и первымъ условіемъ возникновенія промышленности есть возникновеніе спроса на произведенія чужаго труда въ массѣ населенія, а не въ той незначительной части его, которую составляли достаточные классы русскаго общества, спросъ которыхъ былъ слишкомъ ограниченъ для того чтобы служить основаніемъ для возникновенія и развитія самостоятельнаго производства, тѣмъ болѣе, что спросъ нашихъ достаточныхъ классовъ обращался на такіе предметы, производство которыхъ было развито въ другихъ европейскихъ государствахъ. Соперничество же съ ними по дороговизнѣ капиталовъ на нашемъ рынкѣ и по отсутствію знаний и умѣнья было для насъ просто немислимо. Мы убѣждены въ томъ, что никакое прочее возникновеніе промышленности въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, невозможно въ народѣ, девять десятыхъ котораго поставлено въ необходимость всѣ, или почти всѣ свои потребности удовлетворять своимъ собственнымъ трудомъ и не имѣть возможности оплачивать произведенія чужаго труда. Слѣдовательно извѣстная степень благосостоянія народныхъ массъ есть первое и главное условіе будущаго развитія промышленности.

Конечно крестьянская реформа была первымъ и главнымъ двигателемъ для достиженія этой цѣли, но необходимо было принять во вниманіе, что мы едва выходили изъ крѣпостной зависимости и что нужно было время, чтобы послѣдствія упраздненія крѣпостнаго права отразились на развитіи народнаго благосо-

стоянія. Въ этихъ видахъ слѣдовало бы по возможности не только не увеличивать податныя тягости народа, а уменьшить ихъ болѣе правильнымъ распредѣленіемъ налоговъ. Тогда всякая копейка, оставшаяся въ рукахъ рабочаго человѣка, была бы обращена на поощреніе и развитіе тѣхъ видовъ производства, въ которыхъ нуждалась бы масса населенія и тогда создавалась бы возможность возникновенія тѣхъ видовъ промышленности, на продукты которыхъ существовалъ бы внутренній спросъ и развитіе которыхъ не испугалось бы заграничной конкуренціи. Къ сожалѣнію ничего этого не случилось, а напротивъ податныя тягости съ первыхъ же дней освобожденія крестьянъ стали возрастать и въ значительной степени поглотили результаты упраздненія крѣпостнаго права, а за тѣмъ усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, увеличившая бюджетныя траты возвышала податныя тягости и хотя постройка эта давала народу достаточный заработокъ, но этимъ она только доставляла временную возможность оплачивать все болѣе и болѣе возрастающій бюджетъ. Что же касается такихъ видовъ производства, которые создавали бы народу постоянный заработокъ, то они возникали въ очень ограниченныхъ размѣрахъ и не могли возвышать заработанную плату въ той мѣрѣ, какъ возвышался бюджетъ.

Другимъ существеннымъ факторомъ развитія производства служить капиталъ какъ въ формѣ знанія и умѣнья, такъ и въ матеріальныхъ средствахъ и орудіяхъ производства: ни того ни другаго у насъ не существовало, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ размѣрахъ, которые требовались для развитія нашихъ производительныхъ силъ. На этомъ основаніи прежде, нежели приступить къ усиленному устройству дорого стоящихъ путей сообщенія для перевозки будущихъ продуктовъ нашего производства, слѣдовало бы по возможности облегчить доступъ капиталовъ на наши рынки. Что касается приобрѣтенія знаній и умѣнья, то конечно для этого нужно время и въ этомъ отношеніи у насъ сдѣлано кое что, но для того, чтобъ привлечь капиталы матеріальныя не для спекуляціи только, а для прочнаго помѣщенія въ странѣ, то для этого не сдѣлано ровно ничего. Извѣстно, что капиталъ имѣетъ характеръ чисто космополитическій и стремится туда, гдѣ онъ приноситъ высшій процентъ. Нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ только Европейской Турціи, капиталъ не приноситъ такого высокаго процента, какъ въ нашемъ отечествѣ, а между тѣмъ заграничныя капиталы какъ то плохо идутъ въ

наше отечество и не иначе, какъ подъ гарантію правительства. Если и бывали примѣры помѣщенія нашихъ бумагъ безъ гарантіи, то это на условіяхъ весьма невыгодныхъ. Такое положеніе дѣль обусловливается исключительно малымъ довѣріемъ иностранныхъ капиталистовъ къ прочности нашего положенія дѣль. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что положеніе нашей промышленности, вслѣдствіе неустойчивости правилъ ея регулирующихъ, дѣлается чрезвычайно шаткимъ, одно отсутствіе прочной денежной валюты можетъ повлечь за собой значительныя потери, расчитать которыя положительно невозможно. Со времени крымской войны, разстроившей наше денежное обращеніе, прошло болѣе 20 лѣтъ, но мы за этотъ періодъ времени не только не могли возстановить цѣнности нашего кредитнаго рубля, не смотря на всѣ весьма благопріятныя условія, но нашъ кредитный рубль съ новой войной понизился еще на 30%, а всякое пониженіе ведетъ къ массѣ потерь, которыхъ въ настоящее время и предусмотрѣть невозможно. Мудрено ли, что заграничный капиталистъ, довольствуясь 3% въ англійской рентѣ, не желаетъ помѣщать свои капиталы на нашемъ рынкѣ съ перспективой получить даже 10%? Цѣлость капитала для солиднаго капиталиста важнѣе, чѣмъ значительный доходъ. Привлеченіе на нашъ рынокъ заграничныхъ капиталовъ посредствомъ займовъ и выпускомъ гарантированныхъ бумагъ нисколько не оживляютъ нашего производства, такъ какъ эти капиталы, гарантированные правительствомъ, затрачены на желѣзныя дороги неприносящія дохода. Такой порядокъ вещей, вызванный преимущественно усиленной постройкой желѣзныхъ дорогъ, создалъ у насъ биржевой рынокъ и биржевую игру, которая въ свою очередь отвлекла значительную массу капиталовъ отъ производительнаго употребленія и сосредоточила ихъ исключительно на торговлѣ бумагами; производительная же промышленность по прежнему остается безъ капиталовъ. Если и создаются какіе либо производства, то только совершенно искусственнымъ способомъ подъ покровительствомъ почти запретительнаго таможеннаго тарифа и съ выдачею субсидій и премій на счетъ государственнаго бюджета, т. е. въ чистый убытокъ для народнаго хозяйства. Вмѣсто того, чтобы удовлетворять какой либо народной потребности наиболѣе дешевымъ способомъ, приобретаая предметы этихъ потребностей за границею, мы затрачиваемъ во первыхъ дорого стоящіе капиталы на устройство заводовъ, а за тѣмъ употребляемъ на производство

этихъ предметовъ гораздо большія суммы, чѣмъ нужно, и тѣмъ препятствуемъ накопленію сбереженій, которыя могли бы служить съ пользою для развитія промышленности, т. е. мѣшаемъ кореннымъ условіямъ развитія нашей производительности.

При такихъ условіяхъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на сооружеініи цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ съ исключительной цѣлію вывоза за границу нашихъ внутреннихъ произведеній, которыхъ однакожь не оказалось въ достаточномъ количествѣ налицо, мы не имѣли уже возможности параллельно съ этимъ развивать и наше производство настолько, чтобы доставить работу желѣзнымъ дорогамъ, которыя поэтому сдѣлались у насъ не средствомъ развитія промышленности, а тормазомъ для нея, поглощая оборотныя капиталы страны и обращая ихъ въ основныя.

Частныя банки, какъ коммерческіе, такъ и поземельныя, не только не пополняли этого поглощенія, но въ свою очередь извлекали оборотныя средства страны, такъ какъ капиталы пріобрѣтенныя ими черпались въ значительной степени на внутреннемъ рынкѣ и направлялись исключительно на биржевую игру или на постройку зданій въ столицахъ и другихъ промышленныхъ центрахъ. Даже ссуды нашихъ поземельныхъ банковъ не коснулись тѣхъ имѣній, подъ залогъ которыхъ они взяты и наше сельское хозяйство по прежнему ведется допотопнымъ способомъ, хотя цифры этихъ ссудъ указываютъ, что недостатка въ средствахъ къ улучшенію не было. Къ сожалѣнію, между нашими землевладѣльцами существуетъ мнѣніе, что затрачивать капиталы на рациональное хозяйство не выгодно и это мнѣніе, въ виду возбужденнаго и поддерживаемаго всѣми банками азіотажа, имѣетъ основаніе: игра бумагами даетъ большія выгоды, хотя и влечетъ за собой не рѣдко полное раззореніе.

Но, оставляя всѣ подобныя соображенія въ сторонѣ и разсматривая нынѣ существующую сѣть желѣзныхъ дорогъ въ тѣхъ видахъ, въ которыхъ она сооружалась, мы позволимъ себѣ предложить вопросъ, соотвѣтствуетъ ли она экономическимъ интересамъ страны?

Здѣсь прежде всего выступаетъ вопросъ о выгодности денежныхъ условій сооружеінія. Но, изучая исторію сооружеінія, мы не разъ видѣли, что дороги намъ обошлись крайне дорого и что акціонерный капиталъ общества, составлявшій $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ основнаго капитала составлялъ чистый барышъ строителей и что удешевленіе поверстной стоимости въ послѣднее время

зависѣло преимущественно не отъ удешевленія раздѣлки работъ и поставокъ, и отъ ухудшенія техническихъ условій сооруженія и различныхъ послабленій строителямъ. Такъ, на нѣкоторыхъ линияхъ устройство землянаго полотна и мостовъ допущено въ одинъ путь, хотя извѣстно, что послѣдующая присыпка полотна никогда не будетъ имѣть правильнаго сдѣвленія съ прежней насыпью; разрѣшались продольные уклоны въ 0,010 и даже 0,012; радиусъ кривыхъ допускался менѣе 300 сажень; линія прокладывались преимущественно по водораздѣламъ, вслѣдствіе чего уменьшалось количество земляныхъ работъ, но удлинялось протяженіе дорогъ и затруднялась возможность водоснабженія при увеличеніи движенія. Кромѣ того, уменьшалось количество станціонныхъ сооружений, развѣздныхъ путей и подвижнаго состава, что вызвало послѣдующее увеличеніе облигаціоннаго капитала; за тѣмъ дозволялось быстрое и слѣдовательно непрочное сооруженіе дорогъ и открытіе движенія при значительныхъ недодѣлкахъ, вслѣдствіе чего окончаніе ихъ производилось не на счетъ строительнаго капитала, а на счетъ эксплуатаціи. На этомъ основаніи и въ виду благоприятныхъ условій устройства желѣзныхъ дорогъ въ нашемъ отечествѣ на совершенно ровной и плоской мѣстности, мы положительно утверждаемъ, что *наши желѣзныя дороги обошлись намъ крайне дорого.*

Намъ могутъ возразить, что стоимость сооруженія у насъ обуславливалась дороговизной реализаціи капиталовъ; но на это мы можемъ замѣтить только то, что при такомъ положеніи прежде всего слѣдовало-бы принять мѣры къ упроченію нашего кредита и тѣмъ понизить стоимость реализаціи капитала, чѣмъ спѣшить сооруженіемъ дорого стоящихъ желѣзныхъ дорогъ, во многихъ случаяхъ оказавшихся вовсе ненужными.

Въ ряду другихъ экономическихъ условій, которымъ призваны удовлетворить желѣзныя дороги, мы разумѣется должны намѣтить наиболѣе общія, которыя отвѣчаютъ интересамъ всѣхъ мѣстностей Россіи. Такіе общіе признаки мы должны искать прежде всего въ географическомъ положеніи нашего отечества и въ характерѣ нашего настоящаго производства, не задаваясь конечно нисколько различными предположеніями: чѣмъ это производство должно быть впоследствии? Дѣйствительной потребностію страны можетъ быть названа только та, которая существуетъ въ настоящее время, а всякія гадательныя предположенія на счетъ будущности нашего производства должны быть

оставлены въ сторонѣ, какъ могущія оказаться совершенными иллюзіями. Разсматривая съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія положеніе нашего отечества, мы видимъ, что оно занимаетъ огромныя пространства при относительно рѣдкомъ населеніи и за тѣмъ, что огромное большинство этого населенія занимается земледѣльемъ, т. е. производствомъ преимущественно сырыхъ продуктовъ, неудобныхъ для перевозки, какъ по своей громозкости, такъ и по дешевизнѣ. При такихъ условіяхъ, въ чемъ же могутъ состоять общія экономическія потребности страны, которыя призваны удовлетворить желѣзныя дороги? Очевидно, что первое требованіе это возможно большее сближеніе плодородныхъ мѣстностей съ промышленными центрами и преимущественно съ тѣми мѣстностями, которыя не производятъ достаточнаго количества хлѣба для своего продовольствія, а за тѣмъ съ портовыми городами и окраинами имперіи, т. е. *проведеніе главныхъ магистральныхъ линій между избранными крайними пунктами по самымъ кратчайшимъ направленіямъ, не принимая вовсе въ соображеніе интересовъ, промежуточныхъ пунктовъ, такъ какъ эти мѣстные потребности не должны нарушать общаго интереса и должны быть удовлетворяемы развитіемъ главныхъ путей, что увеличитъ районъ вліянія главныхъ линій и поставитъ ихъ въ бѣлье выгодныя финансовыя условія.* Съ другой стороны, въ силу не высокой цѣнности продуктовъ нашего производства, они не могутъ выдерживать высокаго тарифа и поэтому *дороги должны быть устроены такъ, чтобъ расходы эксплуатаціи могли быть доведены до минимума, а тарифъ по возможности пониженъ.* Для достиженія этихъ двухъ цѣлей необходимо: 1) сохранить прямолинейность дороги какъ въ общемъ такъ и детально въ ея направленіи при наибольшемъ радиусѣ кривыхъ, вслѣдствіе чего достигается возможное сближеніе конечныхъ пунктовъ избранной магистральной линіи и уменьшается поверстная плата за провозъ и 2) вести сооруженіе дорогъ при наименьшихъ вертикальныхъ уклонахъ, такъ какъ при этомъ является возможность увеличить провозную способность дороги при той же движущей силѣ. Кроме того при меньшихъ уклонахъ и кривизнахъ не только дѣлается сбереженіе на топливѣ, но и уменьшаются издержки ремонта пути и подвижнаго состава.

Теперь посмотримъ отвѣчаетъ ли наша сѣть этимъ глав-

ныхъ условіямъ? Смыло отвѣчаемъ отрицательно на этотъ вопросъ. При первомъ взглядѣ на карту намъ бросается въ глаза далеко неравномѣрное распредѣленіе желѣзныхъ дорогъ по территоріи: положительное отсутствіе ихъ на Сѣверъ отъ Волги и густота сѣти въ южной и средней частяхъ Россіи. Въ виду почти совершенно одинаковаго распредѣленія податныхъ тягостей и при далеко менѣе благоприятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ отсутствіе путей сообщенія на Сѣверѣ создаетъ для этихъ мѣстностей болѣе тяжелое положеніе и невозможность конкуренціи на общемъ рынкѣ русской народной жизни. Хотя значеніе желѣзныхъ дорогъ въ нашемъ обществѣ и преувеличено, но нельзя отвергать, что онѣ создаютъ значительныя удобства и представляютъ средства для развитія производительныхъ силъ, а потому если извѣстныя мѣстности снабжаются ими, а другія остаются безъ нихъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что и матеріальныя капиталы и нравственныя силы перетягиваются изъ послѣднихъ въ первыя. Кромѣ того, мы видимъ, что и въ мѣстностяхъ охваченныхъ сѣтью многіе промышленныя центры не соединены съ хлѣбородными губерніями и для полученія своего продовольствія и сбыта своихъ произведеній должны пользоваться обходными путями, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ существуютъ паралельныя линіи, безъ которыхъ можно было бы очень легко обойтись. Какъ на примѣры перваго положенія укажемъ на отсутствіе линіи идущей отъ Владиміра или Кнорова въ южномъ направленіи до Пензы и Саратова, вслѣдствіе которой одна изъ наиболѣе промышленныхъ губерній получала бы прямое сообщеніе съ хлѣбородными мѣстностями, не имѣющими никакого фабричнаго производства, что могло бы служить къ обоюдной выгодѣ; сюда же относится отсутствіе южной магистральной линіи соединяющей Волгу съ Днѣпромъ или даже съ Харьковско-Николаевскою дорогою, которая, прорѣзывая Донецкій Бассейнъ, могла служить для внутренняго обмѣна и для снабженія минеральнымъ топливомъ какъ Волги такъ и Днѣпра по кратчайшему разстоянію, а не такъ какъ это дѣлается теперь. Что же касается излишнихъ путей, то укажемъ прежде всего на два пути отъ Москвы къ Азовскому морю, которые могли бы замѣниться однимъ проходящимъ по среднему направленію съ развѣтвленіемъ во всѣмъ близъ лежащимъ губернскимъ городамъ и примыкающимъ къ нимъ дорогамъ. Тогда бы все движеніе, происходящее на этихъ двухъ линіяхъ, сосредоточилось

бы на одной и вмѣсто двухъ бездоходныхъ линій получила бы одна чрезвычайно выгодная. Тоже можно сказать и о трехъ конкурирующихъ между собою линіяхъ, къ низовьямъ Волги, а также о Ряжско-Вяземской дорогѣ, которая долго еще не будетъ имѣть никакого значенія. Но помимо этого общаго недостатка нашей сѣти при постройкѣ каждой отдѣльной линіи являлось желаніе удовлетворить не только общимъ интересамъ, но и мѣстнымъ, а потому допускалось значительное отклоненіе отъ прямого направленія между крайними пунктами, вслѣдствіе чего линіи удлиннялись и провозная плата совершенно напрасно обременяетъ и будетъ еще долго обременять торговлю. Этотъ недостатокъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ усиливался корыстными побужденіями оптовыхъ строителей, которые, въ видахъ сокращенія земляныхъ работъ, уклоняли путь отъ прямолинейнаго направленія, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые получали поверстную плату за сооруженіе линіи увеличивали этимъ способомъ общую сумму стоимости дороги.

Но и это еще не все. Допущенные крутые уклоны въ 0,010 и кривые радіусомъ менѣе 300 сажень уменьшали провозную способность дороги, которая, вмѣсто 45 вагоновъ въ поѣздѣ, могла отправлять только 25; вслѣдствіе этого увеличиваются издержки эксплуатаціи какъ на топливо, такъ и на ремонтъ пути и подвижнаго состава, а пониженный тарифъ приноситъ дорогамъ не барышъ, а чистый убытокъ, падающій всею своею тяжестью на интересы государственнаго казначейства, въ виду приплатъ по гарантіи и недоимокъ въ процентахъ за облигаціонный капиталъ. Возвышеніе тарифа въ виду дешевизны грузовъ могло бы сократить движеніе и отозваться также невыгодно на положеніи дорогъ. Замѣчаніе это въ особенности имѣетъ значеніе по отношенію къ тѣмъ дорогамъ, главный предметъ перевозки которыхъ составляетъ минеральное топливо. Такъ Воронежско-Ростовская линія, при самомъ началѣ предназначалась для снабженія минеральнымъ топливомъ безлѣсныхъ мѣстностей и не смотря на это на ней допущены во многихъ мѣстахъ десятитысячные уклоны, при которыхъ восьмиколесный паровозъ не можетъ вести болѣе 25 вагоновъ, вслѣдствіе чего перевозка угля по цѣнѣ $\frac{1}{65}$ съ пуда и версты даетъ частный убытокъ обществу. — Тоже можно сказать о Донецкой дорогѣ, которая построена почти исключительно для перевозки минеральнаго топлива и въ особенности о Саратовской, на которой допущены

уклоны въ 0,012, вслѣдствіе чего перевозка по ней каменнаго угля просто немислима, за исключеніемъ развѣ такого количества, которое необходимо для потребностей самой дороги.—Мы указываемъ на нѣкоторыя дороги только въ видахъ иллюстраціи нашей мысли, но наши замѣчанія относятся въ томъ или другомъ отношеніи ко всей сѣти желѣзныхъ дорогъ, устроенныхъ частными обществами, и вслѣдствіе этого мы можемъ сказать, что *она положительно не соответствуетъ всѣмъ указаннымъ нами выше общимъ экономическимъ потребностямъ нашего отечества и что недостатки эти, если и могутъ быть отчасти устранены, то не иначе какъ при условіи сосредоточенія всѣхъ дорогъ въ вѣдѣніи правительства.*

Къ этимъ выводамъ мы считаемъ необходимымъ прибавить еще одно замѣчаніе, на которое мы отчасти указывали прежде и которое наглядно подтверждаетъ нашу мысль о необходимости выкупа желѣзныхъ дорогъ. Хотя положеніе большинства нашихъ дорогъ весьма печально, но не всѣ общества находятся въ такомъ положеніи и нѣкоторыя изъ нихъ выдаютъ своимъ акціонерамъ значительный дивидендъ, а акціи этихъ обществъ сильно возвышаются въ цѣнѣ. При дальнѣйшемъ развитіи движенія на этихъ линіяхъ, доходность акцій, а слѣдовательно и цѣна ихъ будетъ возрастать постоянно: и трудно предвидѣть на чемъ это возрастаніе можетъ остановиться.—Такія выгоды акціонеровъ являются безъ всякихъ жертвованій или стараній съ ихъ стороны, а только въ силу или новыхъ затратъ правительства на дальнѣйшее развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ или естественнаго хода усиленія производства и увеличенія населенія. Не говоря уже о томъ, что такая возможность наживаться безъ труда и какихъ бы то ни было усилій возмущаетъ чувство справедливости каждаго честнаго человѣка, она вызываетъ весьма неблагоприятныя для общества послѣдствія.

Прежде всего такой порядокъ вещей вызываетъ въ общемъ ходѣ желѣзнодорожнаго дѣла ненормальное явленіе, такъ какъ избытокъ выгодъ, приносимыхъ нѣкоторыми линіями, обращается въ пользу нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, а убытокъ отъ линій бездоходныхъ падаетъ на правительство т. е. на государственный бюджетъ, или другими словами на массу плательщиковъ податей.—Такимъ образомъ подобный порядокъ вещей обуславливаетъ собою налогъ на бѣдныхъ въ пользу достаточныхъ классовъ,—явленіе совершенно неестественное и ни чѣмъ не оправдан-

ваемое. Между тѣмъ, еслибъ желѣзныя дороги принадлежали правительству, то всякій избытокъ дохода отъ однихъ линій шелъ бы на покрытiе убытка другихъ менѣе выгодныхъ. Выше мы видѣли, — что общая сумма валоваго сбора доходитъ до 11 т. рублей съ версты, а при такомъ сборѣ и единствѣ управленiя могли бы оплатиться не только расходы эксплуатацiи, но и % съ затраченнаго капитала. Если бы и потребовались пожертвованiя правительства, то уже никакъ не въ цифрѣ 40 мил. рублей, какъ этого требуетъ настоящiй порядокъ вещей.

За тѣмъ возвышенiе цѣны акцiй вызывается ожиданiемъ увеличенiя дохода въ будущемъ, — дохода еще не полученнаго, но имѣющаго поступить и это возвышенiе при переходѣ акцiй изъ однихъ рукъ въ другiя оплачивается изъ наличнаго оборотнаго капитала страны. Но человекъ, выигравшiй при продажѣ оплаченныя имъ акцiй, очень легко можетъ позволить себѣ непродуманныя траты какъ одновременно, такъ и постоянно, смотря по размѣру полученныхъ выгодъ. Такимъ образомъ, этотъ порядокъ вещей не только ведетъ къ прожданiю будущихъ доходовъ, но и къ непродуманной растратѣ оборотнаго капитала страны и слѣдовательно къ пониженiю средняго уровня заработной платы. Намъ могутъ замѣтить, что тоже самое явленiе происходитъ при возвышенiи цѣны всякаго недвижимаго имущества, вслѣдствiе устройства новыхъ путей сообщенiя и увеличенiя населенiя. Мы конечно не будемъ спорить противъ этого и готовы признать однородность этихъ явленiй, но это нисколько не уменьшаетъ въ нашихъ глазахъ тѣхъ послѣдствiй, которыя вызываются сильнымъ возвышенiемъ желѣзнодорожныхъ акцiй, тѣмъ болѣе, что эти акцiи, представляя собою раздробленную, мобилизованную и быстро реализуемую недвижимую собственность, которая приноситъ доходъ безъ всякихъ съ нашей стороны усилiй и которую очень легко скрыть отъ всѣхъ возможныхъ взысканiй, способны возвышаться въ цѣнѣ гораздо быстрѣе, чѣмъ прямая недвижимая собственность.

На этомъ основанiи чѣмъ ранѣе произойдетъ выкупъ желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ выгоднѣе будетъ для правительства, такъ какъ въ будущемъ можно ожидать не пониженiя, а только повышенiя цѣны акцiй и слѣдовательно все большихъ и большихъ затрудненiй для подобной операцiи. Наконецъ мы должны обратить вниманiе читателя еще на одно обстоятельство. Мы думаемъ, что стремленiе покрыть Россiю въ короткiй промежутокъ вре-

мени цѣлой сѣтью желѣзныхъ дорогъ шло совершенно въ разрѣзъ съ охранительной торговой политикой. Мы говоримъ это не въ видахъ защиты охранительной торговой политики, а только въ видахъ указанія на непослѣдовательность различныхъ мѣропріятій для развитія производительныхъ силъ Россіи. У насъ повидимому очень мало обращали вниманія, что желѣзныя дороги, служа средствомъ сбыта нашихъ внутреннихъ произведеній на заграничныя рынки, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ проводниками заграничныхъ произведеній во всѣ уголки нашего обширнаго отечества и, облегчая способы сношеній даютъ возможность заводить склады этихъ произведеній въ самыхъ центральныхъ мѣстностяхъ Россіи, парализуя отчасти значеніе охранительныхъ пошлинъ. Кроме того, удешевляя доставку нашихъ хлѣбныхъ грузовъ къ портовымъ городамъ и поощряя такимъ образомъ вывозъ этихъ грузовъ на заграничныя рынки, наши желѣзныя дороги тѣмъ самымъ увеличивали ввозъ къ намъ заграничныхъ произведеній. Охранительныя пошлины въ этомъ случаѣ не могутъ затруднить это движеніе, такъ какъ цѣна нашихъ произведеній зависитъ всегда отъ заграничнаго спроса, размѣръ котораго обуславливается количествомъ ввозимыхъ къ намъ товаровъ. Если пудъ рельсовъ при свободномъ обмѣнѣ равенъ по цѣнѣ пуду пшеницы, то англійскій торговецъ только тогда купитъ пудъ пшеницы, когда отъ него возьмутъ пудъ рельсовъ, какая бы ни была положена пошлина на рельсы и цѣна на пшеницу упадетъ на столько, что рельсы при обмѣнѣ ихъ на пшеницу окажутся не дороже чѣмъ прежде т. е. русская пшеница оплатитъ пошлину на рельсы и охранительная пошлина не возвыситъ ни сколько стоимости рельсовъ на русскомъ рынкѣ. Иначе не можетъ произойти обмѣна и русскій хлѣбъ не пойдетъ за границу. Настоящее возвышеніе цѣнъ на наши хлѣбные грузы есть слѣдствіе другой причины: оно происходитъ отъ паденія курса нашего кредитнаго рубля, на металлическую же валюту хлѣбъ нашъ понизился, а не повысился въ цѣнѣ и этимъ только и объясняется возможность громаднаго въ теченіи 1879 года ввоза заграничныхъ товаровъ на нашъ рынокъ и значительнаго поступленія въ томъ году таможенныхъ пошлинъ. Ихъ увеличеніе представляетъ разницу между стоимостью нашей пшеницы на металлическую валюту теперь и въ прежнее время, т. е. до паденія курса. Обстоятельство это и отсутствіе всякаго движенія къ лучшему въ нашемъ фабричномъ дѣлѣ, не смотря на

возвышеніе ввозныхъ пошлинъ, мы рекомендуемъ вниманію нашихъ протекціонистовъ и утверждаемъ, что нельзя покровительствовать вывозу товаровъ не поощряя тѣмъ самымъ и ввоза ихъ и что такимъ образомъ наши желѣзныя дороги не мало подрывали значеніе охранительныхъ пошлинъ.

Если по положенію спроса и предложенія можетъ оказаться разница въ цифрахъ ввоза и вывоза, то сальдо этихъ счетовъ представляютъ всегда такіе предметы, которые не попадаютъ въ таможенные таблицы т. е. контрабанда и процентныя бумаги. Такимъ образомъ, если нашъ вывозъ превысилъ ввозъ, то это значитъ, что вмѣсто нашихъ оборотныхъ капиталовъ, которые обращались на нашемъ рынкѣ, мы получили назадъ наши процентныя бумаги и заплатили курсовую разницу этихъ бумагъ между ихъ выпускной цѣной и настоящей. Этому повидимому радоваться нечего.

Вся наша исторія желѣзнодорожнаго дѣла прямо указываетъ какъ мало у насъ понимаются политико-экономическія истины не только въ обществѣ, но и въ административныхъ сферахъ.

ЗАМѢТКА

О НАСТОЯЩЕМЪ ПОЛОЖЕНІИ

НАШЕЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

И

СРЕДСТВАХЪ КЪ ЕЯ УЛУЧШЕНІЮ.

Н. Х. ВУНГЕ.

I. Недостатки нашей бумажно-денежной системы. Разногласіе относительно этихъ недостатковъ, причины, которыми они вызваны и средства къ ихъ устраненію.

Наша денежная система, въ настоящемъ ея положеніи, представляетъ существенные недостатки. Одни изъ этихъ недостатковъ тѣсно связаны съ нашими законами о денежномъ обращеніи; другіе — составляютъ вообще принадлежность неразбѣнныхъ бумажныхъ денегъ, утратившихъ значеніе достаточно точнаго мѣрила для опредѣленія цѣны и вѣрнаго залога для пріобрѣтенія цѣнностей въ будущемъ.

Недостатки первого рода заключаются въ слѣдующемъ.

По дѣйствующему законодательству, главною непремѣняемою законною мѣрою (монетною единицею) считается у насъ серебряный рубль надлежащаго достоинства (ст. 66 и 163 монетнаго устава); ¹⁾ на дѣль и также по закону денежною

¹⁾ Т. VII, Св. Законовъ, изд. 1857 г.

единицею, средствомъ для оцѣнки товаровъ и личныхъ услугъ, для заключенія всякаго рода сдѣловъ и для производства платежей, служить у насъ кредитный рубль, такъ какъ „кредитнымъ билетамъ присвоивается хожденіе во всей Имперіи наравнѣ съ серебряною монетою“ (манифестъ 1843 г.). Поэтому, хотя „всѣ счеты, условія и вообще всякаго рода сдѣлки, какъ въ дѣлахъ казны съ частными лицами и обратно частныхъ лицъ съ казною, такъ и во всѣхъ дѣлахъ частныхъ лицъ между собою производятся и совершаются единственно на серебряную монету“ (ст. 164), но пріемъ кредитныхъ билетовъ въ платежахъ обязателенъ, а надбавка на серебро какого-либо лажа строжайше воспрещается (ст. 166) ²⁾.

Вслѣдствіе этого, обращеніе монеты оказывается безусловно невозможнымъ: всѣ сдѣлки обязательно заключаются на серебряные рубли, а платежи производятся кредитными билетами, какъ равноцѣнными имъ деньгами. Въ уплату всѣхъ податей, кромѣ таможенныхъ сборовъ, казначейство принимаетъ серебряный рубль, стоющій 1 руб. 30 коп., за рубль кредитный, а полуимперіаль, стоющій 7 руб. 80 к. за 5 руб. 15 коп. Государственный Банкъ, въ видѣ изъятія, даетъ за серебряный рубль 1 руб. 4 коп., а за полуимперіаль 6 руб. 10 коп., но по этой цѣнѣ уже давно никто не сбываетъ ему монеты.

Такимъ образомъ монета не можетъ имѣть обращенія ни между частными лицами, ни въ сношеніяхъ послѣднихъ съ казначействомъ она пригодна только для заграничныхъ расплатъ и для взноса золотой пошлины. Для этихъ цѣлей монета пріобрѣтается съ лажемъ, несмотря на категорическое запрещеніе закона, который впрочемъ имѣлъ въ виду серебряную монету ³⁾.

Недостатки втораго рода происходятъ отъ утраты неразрѣн-

²⁾ Исключеніе изъ общаго правила составляютъ закладные листы общества взаимнаго поземельнаго кредита и нѣкоторыхъ земельныхъ банковъ, а также процентныя бумаги, выпущенныя правительствомъ на металлическую валюту и золотой таможенный сборъ. Въ послѣднемъ случаѣ употребленіе золота въ платежахъ безусловно обязательно. По бумагамъ частнымъ и правительственнымъ, выпущеннымъ на металлическую валюту, уплата процентовъ и погашенія производится иногда и кредитными билетами по установленному курсу. Платежи отъ земщиковъ по металлическимъ ссудамъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній по общему правилу производятся кредитными билетами. Пріобрѣтателямъ металлическихъ закладныхъ листовъ и правительственныхъ бумагъ разрѣшалось также вносить вмѣсто монеты кредитные билеты, по установленному курсу.

³⁾ Устанавливая лажъ на золото относительно серебра, и опредѣляя цѣну полуимперіала въ 5 руб. 15 коп. на серебро, законъ, конечно, запрещалъ тѣмъ самымъ всякій другой лажъ на золото, хотя это ясно не высказано.

ными бумажными деньгами ихъ покупной силы. Въ настоящее время кредитный рубль стóитъ не 100, а около 66 коп. на монету. Въ 1875—1879 годахъ цѣна его колебалась между $88\frac{1}{4}$ и $58\frac{1}{4}$ коп.; въ послѣдніе четыре года онъ потерялъ около 25%. Эта потеря отразилась въ большей или меньшей степени на цѣнахъ почти всѣхъ товаровъ, покупаемыхъ и продаваемыхъ внутри Россіи; и если года два, три тому назадъ, при нѣкоторой беззащитности, можно было утверждать, что возвышеніе лажа на монету не лишило кредитнаго рубля его цѣнности, то этого нельзя сказать теперь.

Отсюда возникаетъ рядъ серьезныхъ замѣшательствъ, какъ въ финансовомъ, такъ и въ народномъ хозяйствѣ. Правительство, получая государственные доходы (за исключеніемъ таможенныхъ сборовъ) въ кредитныхъ рубляхъ, переплачиваетъ, противъ прежняго, по всѣмъ вещественнымъ заготовленіямъ, постройкамъ, по уплатѣ займовъ заключенныхъ на металлическую валюту, и пр. Бюджетныя исчисленія становятся менѣ точными, средства для покрытія расходовъ недостаточными, является необходимость въ новыхъ ресурсахъ, въ увеличеніи старыхъ налоговъ и въ установленіи новыхъ. Въ народномъ хозяйствѣ неразбѣжны бумажныя деньги, утратившія часть своей цѣнности, влекутъ за собою для однихъ тяжелыя лишенія и потери, для другихъ ничѣмъ неоправдываемыя выгоды. Теряютъ всѣ лица, доходы которыхъ состоятъ изъ опредѣленной суммы кредитныхъ рублей, теряютъ владѣльцы имущества, состоящаго въ процентныхъ бумагахъ или обязательствахъ съ кредитною валютою. Выигрываютъ производители товаровъ, возвышающихся въ цѣнѣ; выигрываютъ владѣльцы недвижимой собственности, нѣкоторые изъ должниковъ и плательщики налоговъ, обязанные взносомъ прежней суммы кредитныхъ рублей.

Какъ ни очевидны перечисленные недостатки, но и относительно ихъ существуетъ разногласіе, которое усиливается при изслѣдованіи причинъ, которыми они вызваны, и средствъ для ихъ устраненія.

Недостатки нашего законодательства, обязывающаго только формально, а не дѣйствительно заключать всѣ сдѣлки на монету и изгоняющаго послѣднюю изъ обращенія запрещеніемъ принимать ее съ лажемъ, по общему правилу, обращаютъ на себя очень мало вниманія. И это понятно: недостатки эти касаются не столько интересовъ отдѣльныхъ лицъ, сколько положенія денеж-

наго рынка; они не усиливаютъ прямо и непосредственно существующаго зла, они составляютъ только препятствіе для возвращенія къ нормальному порядку вещей, препятствіе, конечно, очень серьезное, которое рано или поздно придется устранить.

Несравненно труднѣе отрицать недостатки нашей денежной системы, происходящіе отъ утраты кредитными билетами доли ихъ покупной силы; но и неоспоримымъ фактамъ можно дать то или другое освѣщеніе; можно выставить лицевую сторону и припрятать изнанку. Кто не читалъ въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ, что существенное зло заключается не въ пониженіи курса кредитныхъ билетовъ, а въ его колебаніи. Если не договаривали, что для насъ безразлично стоитъ ли кредитный рубль четыре франка, или одинъ франкъ, то конечно не изъ страха насмѣяться надъ здравымъ смысломъ, а потому что считали дѣломъ ловкимъ не распространяться о пониженіи цѣны бумажной денежной единицы и предпочитали потолковать о ея колебаніяхъ. Такимъ образомъ можно было, принимая личину нѣкотораго безпристрастія и глубокомыслія, говорить съ большею свободою о благотворномъ вліяніи бумажныхъ денегъ на отпускъную торговлю, на процвѣтаніе фабричной промышленности и даже на возрастаніе государственныхъ доходовъ. Съ такимъ же точно правомъ можно было бы указать на размноженіе банкирскихъ и мѣняльныхъ конторъ, выгодно торгующихъ золотомъ, какъ на очевидный признакъ развитія кредита.

Несравненно сильнѣе разладъ въ мнѣніяхъ, относительно причинъ, вызвавшихъ эти недостатки и средствъ для ихъ устраненія. Между тѣмъ какъ одни видятъ причину и пониженія, и колебаній курса кредитнаго рубля въ чрезмѣрныхъ выпускахъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, другіе утверждаютъ, что у насъ нѣтъ избытка денегъ вообще и бумажныхъ въ частности, и что пониженіе цѣны послѣднихъ происходитъ отъ невыгоднаго торговаго баланса, отъ нашей задолженности иностранцамъ, или вообще отъ невыгоднаго платежнаго баланса. Первые требуютъ сокращенія кредитнаго обращенія, и въ этихъ видахъ полагаютъ, что не слѣдуетъ останавливаться передъ заключеніемъ огромныхъ займовъ, хотя бы эти займы налагали на государство тяжелыя финансовыя жертвы; вторые настаиваютъ на сохраненіи всей суммы выпущенныхъ бумажныхъ денегъ, встаютъ противъ ихъ консолидаціи, стоящей дорого и стѣсняющей денежный рынокъ, и затѣмъ полагаютъ, что достаточно возвысить таможен-

ный тарифъ, да приостановится съ заключеніемъ займовъ, въ особенности внѣшнихъ, для пріобрѣтенія запаса монеты, обезпечивающаго наши заграничныя платежи, при чемъ кредитный рубль или достигнетъ цѣнности металлическаго, или по крайней мѣрѣ получитъ надлежащую устойчивость.

Въ рядахъ представителей обонхъ возрвнй могутъ быть и сторонники возстановленія нарицательной цѣны бумажнаго рубля, и сторонники девальвации, т. е. превращенія существующихъ бумажныхъ денегъ въ новыя со скидкою 25, 30 или 40% (подъ условіемъ свободнаго размѣна послѣднихъ на монету по нарицательной цѣнѣ. Девальвация, повидимому, должна удовлетворить желаніямъ обѣихъ сторонъ — она ведетъ и къ сокращенію денежнаго обращенія, и не требуетъ финансовыхъ жертвъ для извлеченія бумажныхъ денегъ посредствомъ заключенія процентныхъ займовъ; но съ одной стороны она представляется нарушеніемъ даннаго обѣщанія, а съ другой — идетъ въ разрѣзъ съ доктриною о поддержаніи промышленности и торговли выпусками бумажныхъ денегъ. Равнымъ образомъ сторонники обонхъ взглядовъ могли бы повидимому сойтись въ желаніи упроченія (фиксаци) курса бумажныхъ денегъ; но одни смотрятъ на это упроченіе, какъ на выходъ единственно возможный, при безнадежности возстановленія цѣны кредитнаго рубля; другіе какъ на идеальный порядокъ: имъ хотѣлось бы, чтобы недостатка въ кредитныхъ билетахъ не было, чтобы выпуски послѣднихъ всегда удовлетворяли потребностямъ промышленности и торговли, и чтобы курсъ билетовъ не измѣнялся. Затѣмъ и средства для фиксаціи состоятъ также или въ извлеченіи бумажныхъ денегъ займами, или въ пріобрѣтеніи выгоднаго платежнаго баланса.

Противуположность ученій о причинахъ разстройства и о способахъ улучшенія денежной системы составляетъ послѣдствіе не только теоретическаго разногласія, но и сталкивающихся между собою интересовъ. Для однихъ выгодно, чтобы кредитный рубль пріобрѣлъ цѣнность металлическаго, чтобы возстановленъ былъ нормальный порядокъ въ денежномъ обращеніи; для другихъ достиженіе этой цѣли представляется убыточнымъ, и опасность обезцѣненія кредитнаго рубля забывается въ виду той прибыли, которая можетъ быть извлечена въ періодъ его паденія.

На сторонѣ сокращенія бумажноденежнаго обращенія и воз-

становленія нарицательной цѣны кредитнаго рубля находятя всѣ живущіе жалованьемъ, начиная отъ занимающихъ должности на государственной службѣ, далѣе всѣ капиталисты, которые накопили имущество въ кредитной валютѣ и живутъ доходомъ съ своего капитала, затѣмъ кредиторы, которымъ слѣдуетъ получать платежи, наконецъ финансовыя дѣятели, которые полагаютъ возможнымъ усилить средства казначейства, взимающаго большую часть налоговъ кредитными рублями тѣмъ, что эти рубли приобрѣтутъ бѣольшую покупательную силу.

На оборотъ, на сторонѣ сохраненія существующаго бумажнаго денежнаго обращенія и даже разрѣшенія; въ случаѣ надобности, новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ находятя всѣ лица, которымъ предстоятъ платежи по долговымъ обязательствамъ или по взимаемымъ кредитными рублями налогамъ, всѣ ищущіе дешеваго кредита, значительное число купцовъ, фабрикантовъ и владѣльцевъ недвижной собственности. Негодуя на дороговизну, промышленные классы мирятся съ нею тогда, когда она позволяетъ имъ продавать свои произведенія гораздо выше издержекъ производства, когда цѣны растутъ непропорціонально сдѣланнымъ затратамъ, и когда деньги предлагаются въ изобиліи. Немногіе въ состояніи усвоить себѣ болѣе правильную и безпристрастную точку зрѣнія; большинство бываетъ подкуплено благами отчасти дѣйствительными, отчасти мнимыми, которыя расточаются бумажными деньгами — оно желало бы только пользоваться высокими цѣнами, и получать эти цѣны золотомъ.

Спрашивается: есть ли выходъ, примиряющій интересы обѣихъ сторонъ? Его нѣтъ и не можетъ быть потому, что при возстановленіи нарицательной цѣны кредитнаго рубля (какимъ бы способомъ эта цѣль ни была достигнута) тѣ классы населенія, которые теряли въ эпоху пониженія цѣны бумажныхъ денегъ, выиграютъ, а тѣ, которые выигрывали, — потеряютъ; но выиграютъ не тѣ лица, которыя въ прежнее время бѣднѣли и потеряютъ не тѣ, которыя обогатились. При томъ самыя выигрыши и потери неравномѣрны и случайны. Если бы даже не было извлечено ни одного кредитнаго билета, и если бы совершилось чудо, о которомъ мечтаютъ поклонники бумажныхъ денегъ, т. е. рубль бумажный, благодаря выгодному платежному балансу, приобрѣлъ цѣну серебрянаго, то съ увеличеніемъ покупательной силы всей массы кредитныхъ билетовъ произошелъ-бы огромный переворотъ и въ имуществѣ, и въ доходахъ частныхъ лицъ,

и въ тяжести уплачиваемыхъ налоговъ. Въ настоящее время для уплаты 66 рублей таможенныхъ пошлинъ надо имѣть 100 рублей кредитныхъ; при восстановленіи нарицательной цѣны кредитнаго рубля надо будетъ имѣть только 66 кредитныхъ рублей — и наоборотъ, для уплаты 100 рублей питейнаго акциза, теперь надо имѣть 66, а тогда надо будетъ имѣть 100 рублей монетою. Конечно, можно сказать, что сто рублей акциза будутъ уплачены и въ томъ, и въ другомъ случаѣ кредитными рублями, но кредитные рубли въ обоихъ случаяхъ не будутъ имѣть одинаковой цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, при восстановленіи нарицательнаго курса бумажныхъ денегъ, нельзя будетъ утверждать, что цѣнность кредитнаго рубля осталась постоянною, а измѣнилась цѣнность одной монеты.

Причина невозможности найти способъ для возвращенія бумажнымъ деньгамъ ихъ нарицательной цѣны, безъ ущерба для кого бы то ни было, заключается между прочимъ въ томъ, что они составляютъ долгъ, и остаются долгомъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ уплачены, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока уплата по нимъ не будетъ поставлена въ зависимость отъ воли самихъ кредиторовъ, т. е. лицъ, въ рукахъ которыхъ находятся бумажныя деньги. Уплата же долга, или созданіе условій, при которыхъ она становится зависимою отъ воли кредитора (свободный размѣнъ) всегда требуетъ жертвъ. Поэтому практическая задача состоитъ только въ томъ, чтобы тягости, налагаемыя этою жертвою были распределены по возможности равномерно, падали на тѣхъ, которые выигрываютъ отъ восстановления денежной системы и падали тѣхъ, которые теряютъ, а наконецъ, чтобы и самая жертва не оставалась безплодною.

Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію способовъ для разрѣшенія этой задачи, необходимо ознакомиться съ средствами, которыя были предложены для водворенія у насъ прочной денежной системы и для возобновленія размѣна кредитныхъ билетовъ на монету.

II. Средства, предложенныя къ устраненію недостатковъ нашей бумажноденежной системы.

Всѣ предложенныя средства сводятся главнымъ образомъ къ нижеслѣдующимъ:

1. къ восстановленію нарицательной цѣны кредитныхъ билетовъ, при существующемъ ихъ выпускѣ, посредствомъ выгоднаго торговаго и вѣстѣ съ тѣмъ платежнаго баланса;

2. къ регулированію цѣнности бумажныхъ денегъ посредствомъ покупки и продажи золота и серебра Государственнымъ Банкомъ;

3. къ извлеченію кредитныхъ билетовъ,

а) употребляя для этой цѣли бюджетные остатки,

б) обращая числящійся по бумажнымъ деньгамъ безпроцентный долгъ въ долгъ процентный, консолидированный.

Консолидація можетъ имѣть въ виду:

аа) простое извлеченіе известной суммы кредитныхъ билетовъ изъ обращенія.

бб) фундированіе извлекаемыхъ билетовъ, выпущенныхъ для финансовыхъ цѣлей, солиднымъ банковымъ портфелемъ.

1. *Возстановленіе нормальной денежной системы посредствомъ выгоднаго торговаго баланса.*

Средство это кажется самымъ вѣрнымъ, самымъ простымъ и самымъ выгоднымъ. Повидимому стоитъ только воздержаться отъ выпуска процентныхъ бумагъ вообще, а въ особенности отъ заключенія заграничныхъ займовъ, и установить строго-охранительный тарифъ для того, что бы достигнуть этимъ путемъ благопріятнаго платежнаго баланса и довести курсъ бумажнаго рубля до его нарицательной цѣны. Съ перваго взгляда кажется, что если намъ не прійдется уплачивать иностранцамъ большихъ суммъ ни по займамъ, ни по торговымъ оборотамъ, а напротивъ если иностранцы будутъ нашими должниками, то къ намъ повезутъ со всѣхъ концовъ свѣта золото и серебро и наши кредитные билеты получатъ возможность свободно размѣниваться на монету. И такъ, для достиженія этого результата, надо прежде всего возвысить таможенный налогъ на товары, привозимые къ намъ изъ заграницы, въ особенности же на такіе, которые мы можемъ производить дома, надо поднять этимъ способомъ цѣны заграничныхъ товаровъ до той степени, когда привозъ ихъ изъ заграницы перестанетъ быть выгоднымъ, и тогда мы изъ должниковъ обратимся въ кредиторовъ иностранцевъ, и сдѣлаемъ послѣднихъ нашими данниками за хлѣбъ и другія произведенія, безъ которыхъ они не могутъ обойтись.—Такимъ образомъ наша денежная система будетъ упрочена; возвышеніе таможенныхъ сборовъ увеличитъ

государственные доходы, поправить наши финансы и оживить внутреннее производство.

Само собою разумеется, что достиженіе выгоднаго платежнаго баланса предполагаетъ крайнюю бережливость, прекращеніе займовъ, въ особенности внѣшнихъ, и господство ничѣмъ невозмущаемаго европейскаго мира. — Истина обязываетъ однако замѣтить, что эти послѣднія условія нерѣдко забываются тѣми, которые совѣтуютъ смѣлую, воинственную иностранную политику. Обратимся къ разсмотрѣнію этого способа.

Какъ ни естественна кажется связь между торговымъ балансомъ съ одной стороны, вексельнымъ курсомъ и лажемъ съ другой; но нельзя сказать, чтобы хорошій вексельный курсъ составлялъ необходимое послѣдствіе того, что обыкновенно называютъ выгоднымъ торговымъ балансомъ.

Въ Австріи, въ 1856—1858 годахъ, торговый балансъ былъ неблагопріятенъ, а лажъ достигалъ всего отъ 4 до $5\frac{1}{2}\%$. — При выгодномъ торговомъ балансѣ, въ 1861—1862 годахъ, средній годовой лажъ поднялся до 28 и до $41,2\%$; наконецъ, при самомъ неблагопріятномъ положеніи заграничной торговли въ 1871—1874 годахъ, когда привозъ превысилъ отпускъ на 571 мил. гульденовъ, средній годовой лажъ понизился съ 20 на 5% .

Въ Италіи повторилось подобное явленіе. Въ теченіи 13 лѣтъ съ 1862 г. только однажды, въ 1871 г., отпускъ превысилъ привозъ на 121 мил. лиръ; во всѣ остальные годы привозъ бралъ верхъ надъ отпускомъ, и разность между тѣмъ и другимъ составила въ 12 лѣтъ 2600 милл. лиръ. Между тѣмъ самый низкій лажъ былъ въ 1869—1870 годахъ — 3,9 и $4,4\%$, а въ 1871 году лажъ равнялся $5,3\%$.

Въ Соединенныхъ Штатахъ (на которые протекціонисты обыкновенно ссылаются, находя въ этой странѣ образцы рациональной торговой политики, и доказательство возстановленія нарицательной цѣны бумажныхъ денегъ посредствомъ выгоднаго баланса) можно указать на такіе годы, когда балансъ былъ невыгоденъ, а лажъ падалъ, и на оборотъ. — Такъ, въ 1866—1867, въ 1869, 1870, 1872 и 1873 гг. балансъ былъ невыгоденъ, въ 1868 г. почти въ равновѣсіи; кромѣ того съ 1866 по 1873 г. вывезено драгоцѣнныхъ металловъ на 400 милл. дол. среднимъ числомъ по 50 милл. въ годъ; между тѣмъ лажъ съ $63\frac{3}{4}\%$ въ 1866 году упалъ до $10-19\frac{1}{2}\%$ въ 1873 году.

Притомъ возвышеніе даже до $19\frac{1}{2}\%$ въ 1873 г. вызвано было финансовыми операціями при уплатѣ Франціею Германіи пятимилліардной контрибуціи.

Изъ предъидущаго нисколько не слѣдуетъ, чтобы торговый балансъ вовсе не имѣлъ значенія; но приведенные факты представляютъ неопровержимое доказательство, что по суммамъ привоза и отпуска товаровъ еще нельзя судить о предстоящемъ платежномъ балансѣ. — Самый неблагоприятный торговый балансъ, въ дѣйствительности, можетъ быть очень выгоденъ. Англія, въ теченіи многихъ лѣтъ, ввозитъ товаровъ на сумму, далеко превышающую цифру ея отпуска ¹⁾; между тѣмъ она не только не уплачиваетъ разности монетою, но напротивъ увеличиваетъ свой запасъ драгоцѣнныхъ металловъ и пользуется выгоднымъ вексельнымъ курсомъ. Страна, которая ведетъ торговлю активную, подобно Англіи, за товаръ, вывезенный на милліонъ рублей и проданный за границею, покупаетъ и ввозитъ обратно иностранныхъ произведеній на 1.200.000, (полагая, что прибыль при каждой торговой сдѣлкѣ = 10%). Разность въ 200.000 составляетъ не международный долгъ, а барышъ, который присоединяется къ фрахтамъ, заработаннымъ торговымъ флотомъ Англіи и къ процентамъ по займамъ, заключеннымъ на ея денежномъ рынкѣ.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по международнымъ торговымъ оборотамъ приходится произвести уплату, и тогда платежнымъ средствомъ служатъ очень часто не деньги, а процентныя бумаги. Мы покрываемъ разность по платежному балансу нашими фондами, — а еслибы иностранцы задолжали намъ, то наши фонды перешли-бы къ намъ обратно; за недостаткомъ русскихъ бумагъ мы приняли бы заграничныя, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что монета не можетъ поступить у насъ во внутреннее обращеніе. Впрочемъ и при свободномъ обращеніи металлическихъ денегъ приливъ ихъ возвысилъ бы цѣны, т. е. затруднилъ отпускъ и поощрилъ привозъ товаровъ. — За годами благоприятными для ввоза монеты послѣдовали бы снова годы неблагоприятные.

Наконецъ въ современныхъ европейскихъ государствахъ международные кредитные обороты съ каждымъ десятилѣтіемъ получаютъ болѣе и болѣе выдающееся значеніе. Платежный балансъ не только сальдируется кредитными обязательствами, но

¹⁾ Ср. British Almanac for 1873. p. 217.

и является какъ результатъ ихъ перемѣщенія изъ одной страны въ другую. Между тѣмъ какъ разность по международному торговому балансу уплачивается въ большей или меньшей степени фондами, разность по международнымъ кредитнымъ оборотамъ сальдируется отчасти товарами и отчасти деньгами.

Такимъ образомъ ближайшее знакомство съ фактами и правильное ихъ пониманіе убѣждаютъ въ томъ, что торговый балансъ не составляетъ вѣрнаго средства для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля.—Эту истину подтверждаютъ и старый опытъ, сдѣланный съ покровительственнымъ тарифомъ въ Россіи графомъ Канкринимъ, и новый опытъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Ссылаясь на Соединенные Штаты у насъ забываютъ или не знаютъ, что, тамъ было отчасти консолидировано, отчасти погашено кредитныхъ орудій обращенія (въ особенности же билетовъ государственнаго казначейства) на сумму свыше миллиарда долларовъ; забываютъ, что несмотря на выгодный торговый балансъ, Сѣверная Америка продолжала вывозить драгоценные металлы....

Въ заключеніе, нельзя не замѣтить, что обезцѣненіе бумажныхъ денегъ зависитъ не отъ одного недостатка монеты для граничныхъ платежей, но и отъ величины той суммы, которую по нимъ задолжало государство. Конечно, никто не рѣшится утверждать, что, при благопріятномъ торговомъ балансѣ, миллиардъ кредитныхъ рублей также легко можетъ сохранить свою цѣнность, какъ и сто милліоновъ; но это не мѣшаетъ однако думать, что можно безнаказанно выпускать бумажныя деньги, пока на нихъ существуетъ спросъ для поддержанія промышленности и торговли, или, какъ говорятъ, пока потребность въ орудіяхъ обращенія не удовлетворена. Для опредѣленія этой потребности исчисляють уплачиваемые въ теченіи года налоги и сборы, количество денегъ, необходимое для частныхъ сдѣлокъ, суммы, хранящіяся въ кассахъ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ, или числящіяся за почтовымъ вѣдомствомъ въ промежутокъ времени между принятіемъ и выдачею пересылаемыхъ денегъ. Подобные расчеты не приводятъ однако ни къ какому результату, потому что въ настоящее время обороты кредитныя далеко превышаютъ денежныя, и Государственный банкъ въ 1877 году, при оборотѣ въ 24 миллиарда, только одну четвертую часть поступленій и выдачъ провелъ по счету кассы. Развитіе кредита позволяетъ обходиться съ меньшей суммою денегъ; на-

оборотъ упадокъ кредита требуетъ большаго количества орудій обращенія. Сила потребности не всегда вызываетъ однако возвышеніе курса бумажныхъ денегъ, а удовлетвореніе ей новыми выпусками послѣднихъ не устраняетъ безденежья. Ощущеніе нужды въ деньгахъ, въ то время когда ихъ выпускаютъ на крупныя суммы, съ перваго взгляда представляется чѣмъ-то загадочнымъ; но явленіе это объясняется очень просто: стоитъ только обратиться къ признаку, по которому можно опредѣлять много ли или мало какого либо товара на рынкѣ, сравнительно съ существующимъ на него спросомъ, именно къ его цѣнѣ, опредѣляемой монетою, или къ его цѣнности, опредѣляемой количествомъ другихъ товаровъ, которые могутъ быть на него обмѣнены. Можно утверждать съ полнымъ правомъ, что бумажныхъ малоцѣнныхъ денегъ слишкомъ много, пока монета ходитъ съ лажемъ, пока за бумажные рубли нельзя купить того количества товаровъ, которое можно приобрести за металлическіе; но съ такимъ же точно правомъ можно сказать, что полноцѣнныхъ денегъ у насъ слишкомъ мало. Этимъ объясняется странное и повидимому неразрѣшимое противорѣчіе — одновременный и недостатокъ, и избытокъ орудій обращенія. Этимъ объясняется почему нельзя выпускомъ бумажныхъ денегъ отвратить ихъ недостатокъ въ ту пору, когда усиливается недоувѣріе къ кредиту, опирающемуся на бумажную валюту.

2. Регулированіе цѣнности бумажныхъ денегъ покупкою и продажей металловъ.

Второе средство — регулированіе цѣнности бумажныхъ денегъ покупкою и продажей монеты за счетъ разнѣннаго фонда Государственнаго Банка можетъ быть примѣнено на практикѣ въ двоякой формѣ: или одновременно, т. е. покупая и продавая монету въ одно и то же время, или періодически, т. е. покупая монету, когда цѣна на нее низка, и продавая, когда цѣна на нее высока. Въ первомъ случаѣ, торгуя золотомъ и серебромъ, Банкъ не имѣетъ въ виду ни усиленія металлическаго фонда, ни сокращенія кредитнаго обращенія, его цѣль ограничивается поддержаніемъ вексельнаго курса, предупрежденіемъ случайныхъ и крайнихъ его колебаній. Во второмъ, — покупка монеты предполагаетъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, которые могутъ или остаться въ обращеніи, или же подлежать консолидаціи; наоборотъ продажа монеты ведетъ къ извлеченію кредитныхъ биле-

товъ, которые могутъ быть также или уничтожены, или вновь выпущены по коммерческимъ операціямъ.

Въ какой бы формѣ, съ какою бы цѣлю ни была предпринята покупка и продажа драгоценныхъ металловъ, успешное веденіе этой операціи требуетъ такого запаса золота и серебра, который позволилъ бы и установить свободный размѣръ бумажныхъ денегъ по существующему курсу, и удовлетворить всѣмъ требованіямъ на монету, какъ внутреннимъ, такъ и иностраннымъ. Нетрудно понять, что при рыночной цѣнѣ кредитнаго рубля равной 66 металлическимъ копѣйкамъ, регулированіе курса 1,106 мил. кредитныхъ рублей, стоящихъ на монету около 730 мил. руб., при помощи 153 мил. метал. рублей, находящихся въ разнѣнномъ фондѣ, совершенно невозможно. Это одна изъ иллюзій крупнаго капиталиста, который полагаетъ, что онъ можетъ господствовать на рынкѣ потому только, что вліяніе его обнаруживается съ значительной силою въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Иллюзія эта разсѣивается самими простыми соображеніями. Если Банкъ ведетъ одновременно и покупку, и продажу драгоценныхъ металловъ, то дѣятельность его въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличается отъ занятій мѣняльныхъ конторъ. Онъ можетъ удовольствоваться меньшею прибылью, нежели частныя предпріятія, можетъ устранить ихъ своею конкуренціею; но этимъ онъ не улучшитъ положенія промышленности и торговли, и не принесетъ ни малѣйшей пользы денежной системѣ. Напротивъ, если Банкъ сдѣлаетъ невозможными продажу и покупку монеты мѣняльными конторами или частными банками и явится монополистомъ, то вексельный курсъ окажется въ большей зависимости отъ иностраннаго денежнаго рынка. Монополія составляетъ силу, когда она доставляетъ господство; но когда монополисту приходится вести неравную борьбу съ соперникомъ болѣе могущественнымъ, то одиночество составляетъ признакъ слабости. Спросъ на монету, какъ внутренній, такъ и иностранный не зависитъ отъ Государственнаго Банка, а предложеніе нисколько не усилится отъ того, что Банкъ явится единственнымъ продавцомъ. Поэтому, при банковской монополюющей торговлѣ металлами, слѣдуетъ ожидать болѣе сильныхъ колебаній вексельнаго курса и лажа, чѣмъ при совокупномъ дѣйствіи мѣняльныхъ конторъ и частныхъ кредитныхъ учрежденій. Если же конкуренція Государственнаго Банка не упразднитъ частной торговли драгоценными металлами, если Банкъ не будетъ поль-

зоваться своимъ положеніемъ первенствующаго кредитнаго учрежденія, то ему прійдется не устанавливать цѣны на монету, а сообразоваться съ цѣнами, существующими на денежномъ рынкѣ. При такой пассивной роли, очевидно не можетъ быть рѣчи о регулированіи цѣнности бумажныхъ денегъ.

Вторая форма торговли металлами, не одновременная, а послѣдовательная, имѣющая цѣлю или усиленіе металлическаго фонда, или извлеченіе кредитныхъ билетовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ регулированіе вексельнаго курса съ одной стороны образованіемъ въ Банкѣ запасовъ драгоцѣнныхъ металловъ, при обильномъ ихъ предложеніи, съ другой стороны удовлетвореніемъ заграничному спросу на монету усиленнымъ ея предложеніемъ изъ этого запаса, не только не выдерживаетъ критики, но осуждена опытомъ. Покупка золота и серебра Банкомъ, при выгодномъ платежномъ балансѣ, оправдывается отчасти тѣмъ, что монета не можетъ поступить у насъ въ обращеніе, отчасти тѣмъ, что накопленіе металлическаго фонда обуславливаетъ открытіе разрыва въ будущемъ; но операція эта имѣетъ и свои темныя стороны. Соединенная съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, она вызываетъ спекулятивную дѣятельность, предприимчивость, возвышаетъ цѣны и влечетъ за собою ухудшеніе денежной системы въ будущемъ. Консолидація кредитныхъ билетовъ, вынужденныхъ для покупки монеты, устраняетъ эти вредныя послѣдствія, но сопряжена съ расходами, которые не окупятся, если пріобрѣтенные запасы монеты останутся на долго въ размѣнномъ фондѣ мертвымъ капиталомъ. Притомъ покупка золота и серебра идетъ успѣшно до тѣхъ поръ, пока предлагаемая за нихъ цѣна не ниже рыночной, а потому Банкъ рискуетъ иногда платить нѣсколько дороже, чѣмъ слѣдуетъ, хотя никакъ нельзя сказать, чтобы онъ непременно и всегда платилъ дороже. Продажа золота и серебра, соединенная съ сокращеніемъ денежнаго обращенія, ведетъ къ стѣсненію денежнаго рынка. Если извлеченные продажей кредитные билеты будутъ обращены на развитіе учета и ссудъ, то масса бумажныхъ денегъ останется прежняя, а уменьшится только металлическій фондъ. Суммы же, взятыя изъ фонда, направятся за границу и поощрятъ привозъ какъ товаровъ, такъ и биржевыхъ цѣнностей.

Повидимому можно надѣяться, что пріобрѣтая запасы монеты и обращая ихъ въ продажу, Банкъ облегчитъ расчеты по платежному балансу, но опытъ истекшихъ 10 лѣтъ съ 1867 по

1877 годъ показываетъ, что Банкъ, при неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ, не въ состояніи составлять такіе запасы монеты, которые были бы достаточны для удовлетворенія продолжительному на нея спросу, и что нельзя рассчитывать на восполненіе отпуска монеты привозомъ въ ближайшіе годы, даже въ случаѣ выгоднаго торговаго баланса. Такъ, въ 1876 г., отпущено было монеты за границу на 100 мил. руб., и несмотря на то, что въ 1877 г. перевѣсъ цѣны отпуска надъ цѣною привоза товаровъ составлялъ около 206 мил. руб., вывозъ монеты продолжался и превысилъ привозъ на 8 мил. рублей.

Попытка регулировать курсъ кредитнаго рубля посредствомъ торговли металлами разбивается поэтому прежде всего о препятствіе, заключающееся въ громадномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ. Если бы весь металлическій фондъ Государственнаго банка былъ проданъ, то это могло бы уменьшить сумму кредитныхъ билетовъ на $\frac{1}{5}$ долю; въ обращеніи осталось бы еще бумажныхъ денегъ на 900 мил. рублей, на которые нельзя было бы дѣйствовать прежнимъ способомъ.

3. *Консолидація кредитныхъ билетовъ безусловная и съ обратнымъ ихъ выпускомъ подъ обезпеченіе банковаго портфеля.*

Третье средство — извлеченіе кредитныхъ билетовъ — предполагаетъ: опредѣленіе размѣра операціи, указаніе источниковъ, на которые она можетъ быть отнесена, и избраніе пріемовъ, обѣщающихъ благопріятный результатъ, при возможно меньшемъ потрясеніи народнаго и финансоваго хозяйства. Относительно размѣра операціи всѣ, рекомендующіе эту мѣру, согласны съ тѣмъ, что извлеченіе бумажныхъ денегъ должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока размѣнъ ихъ на монету не будетъ восстановленъ; но одни полагаютъ достаточнымъ изъять изъ обращенія только ту сумму, которая была выпущена для финансовыхъ цѣлей, а другіе считаютъ нужнымъ извлечь и часть кредитныхъ билетовъ (за исключеніемъ суммы которая можетъ остаться безпроцентнымъ долгомъ казначейства), и часть серій (билетовъ казначейства), и часть вкладовъ, внесенныхъ до востребованія въ Государственный банкъ, и даже 4% металлические билеты. Очевидно, что размѣръ извлеченія кредитныхъ билетовъ, а также консолидаціи вкладовъ и текущаго долга не можетъ быть опредѣленъ à priori и совершенно зависитъ отъ обстоятельствъ. Исчисленія могутъ быть сдѣланы только для даннаго

момента и имѣютъ главнымъ образомъ значеніе въ планѣ, составленномъ для возстановленія размѣна кредитныхъ билетовъ на монету. Такъ какъ начертаніе плана не имѣется въ виду въ настоящей статьѣ, то вопросъ о размѣрѣ операций по извлеченію бумажныхъ денегъ долженъ остаться въ ней незатронутымъ.

Что касается источниковъ для извлеченія кредитныхъ билетовъ, то къ нимъ слѣдуетъ отнести или бюджетные остатки, или займы. На бюджетные остатки не всегда можно разсчитывать. Если во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ пользовались ими, то у насъ они составляютъ ресурсъ очень невѣрный и источникомъ могутъ служить только займы.

Наконецъ пріемъ, при извлеченіи кредитныхъ билетовъ, можетъ состоять или въ безусловномъ сокращеніи бумажно-денежнаго обращенія, т. е. въ уничтоженіи кредитныхъ билетовъ, изъятыхъ посредствомъ цѣлаго ряда займовъ или же въ сокращеніи условномъ. Въ послѣднемъ случаѣ извлеченные займами или консолидаціею бумажныя деньги вновь поступаютъ въ обращеніе, но не иначе, какъ по коммерческимъ операціямъ Банка съ обезпеченіемъ, состоящемъ въ солидномъ портфельѣ.

Успѣхъ перваго пріема обуславливается достаточнымъ запасомъ монеты на внутреннемъ рынкѣ и свободнымъ ея обращеніемъ. Если бы въ Россіи находился значительный запасъ металлическихъ денегъ и если бы обращеніе ихъ съ лажемъ было уже допущено, то извлеченіе кредитныхъ билетовъ могло бы вызвать быстрое появленіе монеты. Перспектива пониженія лажа заставила бы каждаго обмѣнивать монету на кредитные билеты, для того, чтобы воспользоваться существующимъ на нее выгоднымъ курсомъ и такъ какъ между колебаніями лажа и колебаніями рыночныхъ цѣнъ на товары никогда не бываетъ строгаго соответствія (цѣны съ большей или меньшей быстротою только слѣдуютъ за лажемъ), то размѣнивая металлическія деньги на бумажныя, можно было бы выиграть на покупной силѣ послѣднихъ. При указанныхъ обстоятельствахъ, сокращеніе кредитнаго обращенія должно восполниться монетою, и страна, быть можетъ, не ощутитъ особенно сильнаго недостатка въ свободныхъ капиталахъ, питающихъ народную предпримчивость. Конечно, возвышеніе учетнаго процента возможно и даже неизбежно, при самомъ благопріятномъ ходѣ дѣла; но кризисъ денежный окончится въ теченіи непродолжительнаго времени; останутся неизбежныя фи-

наисовныя и зародно-экономическія затрудненія, вызванныя возстановленіемъ нарицательной цѣнности кредитной денежной единицы. Налоги сдѣлаются тяжеле, расходы по консолидаціи потребуютъ болѣе или менѣе значительныхъ жертвъ, наконецъ имущественному положенію частныхъ лицъ придется испытать значительное потрясеніе. Но если въ странѣ нѣтъ запаса металлическихъ денегъ и монета не можетъ войти въ оборотъ до приобрѣтенія бумажными деньгами нарицательной цѣны, то всякое извлеченіе послѣднихъ изъ обращенія произойдетъ безъ соотвѣтствующаго прилива монеты и повлечетъ за собою уменьшеніе свободныхъ денежныхъ капиталовъ. Наступитъ кризисъ денежный, который обратится впоследствии въ кризисъ промышленный, торговый и финансовый. Если бы правительство въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, собравъ запасъ монеты открыло размѣнъ по курсу *at par*, то недоверіе къ бумажнымъ деньгамъ не исчезло бы до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалось бы очевиднымъ, что сумма монеты, предназначенная для размѣна, вполне достаточна для удовлетворенія потребностямъ внутренняго рынка и международныхъ торговыхъ и кредитныхъ оборотовъ, наконецъ спросу со стороны спекуляціи, рассчитывающей на прекращеніе размѣна и на появленіе жажа ¹⁾.

Конечно, и при спекулятивномъ спросѣ на монету возстановленіе размѣна не составляетъ дѣла абсолютно невозможнаго; но потребуетъ консолидаціи въ большихъ размѣрахъ, и сжатія обращенія, угрожающаго болѣе сильнымъ кризисомъ промышленнымъ и финансовымъ.

Въ виду этихъ крайнихъ затрудненій и возможныхъ роковыхъ послѣдствій представляется совершенно естественнымъ вести такъ сказать параллельно двѣ операціи: съ одной стороны — консолидацію бумажныхъ денегъ, вкладовъ и текущаго государственнаго долга, (заключающагося въ серіяхъ и въ металлическихъ билетахъ) посредствомъ займовъ, а съ другой — выпускъ Государственнымъ Банкомъ бумажныхъ денегъ, въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ потребностію кредита и промышленности, подъ учетъ векселей и подъ залогъ благонадежныхъ процентныхъ бу-

¹⁾ Упомянутыя требованія могутъ быть предъявлены на счетъ суммъ, полученныхъ или подъ учетъ векселей и подъ залогъ процентныхъ бумагъ, или по востребованнымъ банковымъ вкладамъ. Противодѣйствовать спекуляціи не легко, потому что возвышеніе учетнаго и ссуднаго процента стѣснитъ промышленность; востребованія же по вкладамъ и по текущимъ счетамъ могутъ продолжаться своимъ чередомъ.

магъ. Съ перваго взгляда, такой образъ дѣйствій кажется безошибочнымъ. Во первыхъ, онъ долженъ устранить стѣсненіе денежнаго рынка; потребность въ орудіяхъ обращенія будетъ удовлетворена въ предѣлахъ дѣйствительной ощущаемой въ нихъ нужды. Во вторыхъ размѣнъ бумажныхъ денегъ и цѣнность ихъ должны получить прочное обезпеченіе потому что Банкъ, выпуская ихъ вновь только по коммерческимъ операціямъ, дастъ этимъ деньгамъ въ вексельномъ и ссудномъ портфель вполнѣ солидное и равноцѣнное обезпеченіе, а возвышая учетный и ссудный процентъ, получить возможность сокращать кредитное обращеніе и привлекать монету извнѣ.

Соображенія эти относительно нормальной денежной системы совершенно правильны. При свободномъ размѣнѣ, банковые билеты обезпечиваются не одною металлическою наличностію, находящеюся въ кассѣ, но и банковымъ портфелемъ. Источается металлическая наличность, — Банкъ поднимаетъ учетно-ссудный процентъ, и этого часто совершенно достаточно для сокращенія учета и ссудъ, для привлеченія монеты извнѣ, и для обезпеченія свободнаго размѣна билетовъ на монету. Но если монета еще пользуется лажемъ, если еще только предполагается возстановить размѣнъ, то можно ли разсчитывать на то, что бумажныя деньги сдѣлаются размѣнными или равноцѣнными съ металлическими потому, что они будутъ выпущены не для финансовыхъ цѣлей, а для содѣйствія торговлѣ и промышленности? Затѣмъ, можно-ли полагать, что въ странѣ съ бумажно-денежною системою, или даже во всякой другой всегда находится наготовѣ запасъ солидныхъ векселей и другихъ обезпеченій, составляющихъ столь-же вѣрное обезпеченіе для громадной массы кредитныхъ орудій обращенія, какъ и металлическій фондъ? Не послѣдуетъ-ли при возвышеніи учетно-ссуднаго процента, все-таки сжатіе обращенія со всѣми его невыгодными послѣдствіями, безъ соотвѣтствующаго прилива монеты извнѣ? Не наступитъ-ли дороговизна денежныхъ капиталовъ, которой полагали избѣгать, сопровождаемая дороговизною производства и ограниченіемъ сбыта? Привезутъ-ли монету изъ заграницы, если рыночная цѣна кредитныхъ орудій, пользующихся привилегіею платежнаго средства, не достигнетъ нарицательной цѣны?

Наконецъ, не говоря уже о томъ, что вся сумма бумажныхъ денегъ, извлеченная займами, едва ли можетъ быть затрачена въ коммерческія операціи, Банку, приняшему на себя роль пре-

образователя денежной системы, будетъ еще предстоять консолидація вѣладовъ и текущаго государственнаго долга. Положимъ, что Банкъ для облегченія консолидаціи вѣладовъ понизитъ проценты по текущимъ счетамъ до 0, по вѣладамъ до востребованія до 1 — 2 процентовъ; положимъ, что Банкъ для сокращенія бумажно-денежнаго обращенія возвыситъ учетный процентъ. Не направитъ ли онъ этими мѣрами свободныя суммы въ частныя банкі и не создастъ ли изъ послѣднихъ, сильныхъ для себя конкурентовъ по учету и по ссудамъ? Повліяетъ ли онъ тогда на денежный рынокъ возвышеніемъ учетнаго и ссуднаго процентовъ? Если бы пониженіе процентовъ по вѣладамъ подѣйствовало только на курсъ процентныхъ бумагъ и возвысило послѣдній, то не будетъ ли вздорожаніе фондовъ противодействовать возобновленію разнѣна бумажныхъ денегъ, не начнутъ ли фонды притекать изъ заграницы и искать для себя выгоднаго помѣщенія въ странѣ, гдѣ цѣна ихъ значительно поднялась, и гдѣ, при пониженіи лажа, можно извлекать большіе барыши, продавая процентныя бумаги и вывозя полученную за нихъ монету?

Предъидущее позволяетъ утверждать, что хотя солидный банковый портфель служитъ хорошимъ обезпеченіемъ для правильно выпущенныхъ кредитныхъ орудій обращенія, но что расчетъ на фундированіе банковымъ портфелемъ неразвѣнныхъ бумажныхъ денегъ, въ видахъ возстановленія ихъ нарицательной цѣны и притомъ съ устраненіемъ денежнаго кризиса, принадлежитъ къ числу непровѣренныхъ опытовъ ипотезъ, противъ которыхъ можно сказать многое.

4. Заключение относительно свойства мѣръ, которыя должны быть приняты для улучшенія денежной системы.

Слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго, что предложенныя средства для возстановленія правильной денежной системы не годны, что вѣрная панацея не открыта, и что ее слѣдуетъ искать? Подобное заключеніе было бы ошибочно, потому что экономическая наука универсальныхъ средствъ не знаетъ вовсе, а специфическихъ знаетъ очень мало.

Одна и таже мѣра давала иногда положительныя, а иногда отрицательныя результаты. Такъ, девальвація во Франціи въ 1796 г. и въ Австріи въ 1811 г. была совершенно безплодна, а въ Россіи въ 1839 — 43 годахъ облегчила возобновленіе разнѣна; такъ, продажа казначействомъ золота въ Соединенныхъ

Штатахъ способствовала пониженію лажа, а у насъ только ослабѣла металлическій фондъ Государственнаго Банка. Такъ, консолидація бумажныхъ денегъ въ Австріи съ 1816 года представляетъ рядъ поштытокъ и неудачъ, между тѣмъ какъ въ Англіи — во время борьбы съ Наполеономъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ теченіе войны между Сѣверомъ и Югомъ, во Франціи — въ 1872 — 1873 годахъ, она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Явленія эти становятся понятными, если принять во вниманіе условія, при которыхъ они происходили. Девальвація въ Австріи и Франціи была предпринята въ то время, когда лажъ не имѣлъ никакой устойчивости и когда выпуски бумажныхъ денегъ продолжались; между тѣмъ какъ въ Россіи девальвація была проведена въ ту пору, когда лажъ отлачался постоянствомъ, выпуски ассигнацій давно прекратились и монета вошла уже въ обращеніе въ довольно значительномъ количествѣ. Продажа золота въ Соединенныхъ Штатахъ представляла операцію выгодную для казначейства, которое сбывало избытокъ монеты, неизмѣвшею опредѣлѣннаго назначенія, и при этомъ перазсчитывало на поддержаніе вексельнаго курса; у насъ, напротивъ, избытка монеты не было, и Государственный Банкъ продажей металловъ разсчитывалъ повліять на вексельные курсы. Консолидація въ Австріи предпринималась послѣ громаднago, уже состоявшагося выпуска бумажныхъ денегъ, безъ твердой вѣры въ успѣхъ, и правительство останавливалось каждый разъ, когда операція принимала болѣе значительные размѣры. На оборотъ консолидація въ Англіи, происходила одновременно съ выпусками банковыхъ билетовъ и билетовъ казначейства, и не позволяла имъ выйти изъ тѣсныхъ границъ. Консолидація въ Соединенныхъ Штатахъ продолжалась во все время войны, и простиралась на 1 миллиардъ долларовъ, а консолидація во Франціи непосредственно слѣдовала за войною, и дала средства для уплаты 1600 мил. франковъ, позанмствованныхъ казначействомъ въ Банкъ Франціи. Очевидно, что результаты зависѣли не отъ свойства принятыхъ мѣръ, а отъ условій и способовъ ихъ примѣненія. При томъ не слѣдуетъ забывать, что денежная система составляетъ и нѣчто самостоятельное въ народномъ хозяйствѣ, и въ извѣстной степени результатъ послѣдняго. Мы были принуждены обратиться къ финансовому ресурсу, заключавшемуся въ бумажныхъ деньгахъ, потому, что мы не имѣли другаго лучшаго источника, для приобрѣтенія чрезвычайныхъ средствъ; бумажныя деньги состав-

ляли для насъ роковую необходимость, которая можетъ исчезнуть лишь съ измѣненіемъ народно-экономическихъ условий. Вотъ почему, для того чтобы улучшить нашу денежную систему, недостаточно дѣйствовать на нее непосредственно; надо дѣйствовать на всю совокупность нашего финансоваго и народнаго хозяйства. Но для этого необходимо прежде всего ознакомиться съ наиболѣе выдающимися особенностями современнаго положенія нашей денежной системы и съ тѣмъ, чѣмъ оно отличается отъ положенія 1855 — 1857 годовъ.

III. Современное положеніе нашей денежной системы и отличіе его отъ положенія въ 1855 — 1860 годахъ.

Восточная войны, первая и вторая, потребовали громадныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, — первая на сумму около 400 мил. руб., вторая безъ малаго на полмиллиарда; но какъ самыя финансовыя операціи, такъ и условія, при которыхъ происходили онѣ, а равно и послѣдствія, которыми онѣ сопровождались, представляютъ много особенностей.

Существенное различіе между финансовыми операціями 1854 — 1857 гг., съ одной стороны, и 1876 — 1879 гг. съ другой, заключается въ слѣдующемъ.

Въ первомъ періодѣ сдѣланы были только два внѣшніе займа, въ 50 мил. руб. каждый: 8 Іюня 1854 по 89,76 за 100, и 26 Ноября 1855 по 91,36 за 100. Внутреннихъ займовъ заключено не было, и безъ сомнѣнія потому именно, что, при прежней банковской системѣ, ресурсомъ для нихъ могли служить только свободныя суммы въ кредитныхъ установленіяхъ, средства которыхъ зависѣли отъ накопленія вкладовъ, не находившихъ для себя помѣщенія въ ссудахъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Займы Казначейства изъ кредитныхъ установленій составляли въ 1855 г. уже около 462 мил. руб., и новыя позаймствованія, покрайней мѣрѣ въ теченіе войны, до прилива бумажныхъ денегъ въ банковыя кассы, были невозможны.

Во второмъ періодѣ, въ 1876 — 1879 г., заключено было займовъ на миллиардъ рублей. Въ концѣ 1876 года выпущено на 100 мил. руб. 5% банковыхъ билетовъ 4-го выпуска, по курсу 92 за 100; въ Маѣ слѣдующаго года правительство обратилось и къ заграничнымъ, и къ русскимъ капиталистамъ.

17 Мая 1877 г. былъ разрѣшенъ первый Восточный 5% заемъ въ 200 мил. руб., для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, возлагаемыхъ на Государственное Казначейство по случаю войны, по курсу 90 за 100, а 26 Мая того же года былъ заключенъ 5% внѣшній заемъ въ 15 мил. фунтовъ стерлинговъ по курсу 74 за 100 для подкрѣпленія Государственнаго Казначейства. За первымъ Восточнымъ займомъ слѣдовали второй, въ Августѣ 1878 г. на 300 мил. руб., и третій, въ Маѣ 1879 г. тоже на 300 мил. руб. Одновременно съ займами начинаются выпуски кредитныхъ билетовъ. Съ Октября 1876 г., въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, выпуски эти служили и для покрытія расходовъ Государственнаго Казначейства, и для подкрѣпленія банковыхъ кассъ вообще. Съ Января по Май 1877 г., Казначейство почти ничего не было должно Банку, къ 1-му Маю всего 4,4 мил. руб.; но за то сумма выпусковъ для подкрѣпленія банковыхъ кассъ достигла уже 77,6 милл. (со включеніемъ означенныхъ 4,4 мил. руб.).— Послѣ Апрѣля 1877 г. выпуски кредитныхъ билетовъ продолжались почти непрерывно (исключеніе составляетъ Апрѣль 1878 г.) и къ 1-му Октября 1878 г. достигли высшей цифры 491,8 мил. руб., при чемъ почти вся эта сумма (482,5 мил. руб.) составляла долгъ Казначейства Государственному Банку. Съ Октября 1878 по 1 Мая 1880 г. новые выпуски сократились до 390 мил. руб., при долгѣ Казначейства въ 329 мил. руб. Наконецъ, съ 1 Марта 1878 г. къ выпускамъ кредитныхъ билетовъ присоединились еще выпуски полугодовыхъ обязательствъ Государственнаго Казначейства, сначала 4½%-хъ, потомъ 4%, суммами на 50 мил. руб. каждый выпускъ, достоинствомъ въ 1000 и 5000 рублей. Въ одно и тоже время итогъ ихъ не превышалъ 100 мил. руб. Въ 1879 г. всѣ обязательства Государственнаго Казначейства были изъяты изъ обращенія. Такимъ образомъ войны 1855 — 1856 г. и 1876 — 1877 г. увеличили безпроцентный долгъ по кредитнымъ билетамъ почти на одну и ту же сумму, на 400 мил. рублей каждая ¹⁾; но за то первая война увеличила процентные долги на 100 мил. руб. внѣшнихъ займовъ, а вторая на миллиардъ рублей, въ этомъ числѣ на 94½ мил. мет. руб.

¹⁾ Последняя Восточная война, если не принять въ расчетъ извлеченія кредитныхъ билетовъ на 62 мил. руб. въ 1876 г., увеличила выпускъ послѣднихъ до 1.214 мил. въ Октября 1878 г., или на 417 мил. руб.; цифры эти понизились къ 1 Мая 1880 г. на 108 мил. руб.

(на 15 мил. фунт. стерлинг.) внѣшнихъ и на 900 мил. руб. внутреннихъ займовъ.

Приведенные факты удостовѣряютъ, что условія, при которыхъ произошли выпуски бумажныхъ денегъ въ оба періода времени представляютъ существенное различіе: въ первомъ періодѣ кредитные билеты, служившіе главнымъ финансовымъ ресурсомъ, не находили для себя помѣщенія въ государственныхъ займахъ; во второмъ періодѣ это помѣщеніе было для нихъ открыто, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ.

Предъидущимъ далеко неисчерпываются особенности современнаго положенія нашего денежнаго обращенія.

Въ 1855—1856 годахъ мы были совершенно незнакомы съ колоссальными акціонерными предриятіями — желѣзнодорожными, банковыми и другими. Предриимчивость наша находилась въ состояніи усыпленія, длившемся многіе годы. Правительство, до 1857 г., не разрѣшало основанія акціонерныхъ обществъ съ большими капиталами и дѣйствовало совершенно послѣдовательно, потому что, при старой банковской системѣ, всякій крупный спросъ на капиталы угрожалъ востребованіемъ банковыхъ вкладовъ, которое могло поставить государственныхъ кредитныхъ учрежденія въ затрудненіе. Но въ 1857 году, когда выпущенные кредитные билеты, которые служили въ некоторое время для усиленія производства военныхъ запасовъ и заготовленій, сдѣлались свободными и притекли въ кассы кредитныхъ установленій, — страхъ востребованія банковыхъ вкладовъ исчезъ, и проценты по вкладамъ 20-го Іюля 1857 года были понижены съ 4 на 3, въ видахъ оживленія промышленности и освобожденія банковыхъ кассъ отъ средствъ, составлявшихъ финансовое бремя. Въмѣсто того, чтобы консолидировать выпущенные кредитные билеты, финансовое управленіе вытолкнуло ихъ снова въ обращеніе; они обратились на покупку фондовъ, на постройку домовъ, на основаніе акціонерныхъ обществъ. Въ промышленности наступила лихорадочная дѣятельность, которая закончилась истощеніемъ банковыхъ кассъ. Поэтому, вслѣдъ за извлеченіемъ изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на 90 мил. руб. въ 1858 г., пришлось въ 1859 и 1860 годахъ сдѣлать новыя выпуски бумажныхъ денегъ, для удовлетворенія вкладчиковъ. Въмѣсто консолидаціи бумажныхъ денегъ, ограничились консолидаціею вкладовъ и преобразованиемъ кредитныхъ установленій, стараясь избавить послѣднія отъ непрерывно угрожавшей имъ опасности со стороны возврата вкладовъ, принятыхъ

до востребованія и помѣщенныхъ на долгіе сроки. Однако, несмотря на то, что сумма кредитныхъ билетовъ доведена была къ 1861 г. снова до 712 мил. рублей, наступило безденежье, которое было послѣдствіемъ упадка цѣны бумажныхъ денегъ и истощенія свободныхъ денежныхъ капиталовъ спекуляціею.

Въ 1876 г. положеніе дѣлъ было иное. Восточная война застигла насъ въ такое время, когда рядъ катастрофъ поколебалъ довѣріе къ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, когда наконецъ извлеченіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія на 63 мил. руб., при выдачѣ золота Государственнымъ Банкомъ, привело къ уменьшенію свободныхъ денежныхъ капиталовъ на внутреннемъ рынкѣ. Новые выпуски бумажныхъ денегъ способствовали оживленію предпримчивости; но такъ какъ они слѣдовали непосредственно за тяжелымъ разразившимся надъ нами кризисомъ, то промышленное возбужденіе удержалось въ надлежащихъ границахъ. Недавнія катастрофы были еще въ памяти у всѣхъ, довѣріе не успѣло еще возстановиться; при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ не охотно брали векселя и требовали наличныхъ денегъ. Свободные бумажно-денежные капиталы, появившіеся на внутреннемъ рынкѣ, способствовали не созданію новыхъ предпріятій, а поддержанію и развитію существующихъ. Если, съ одной стороны, благопріятному настроенію внутренняго рынка способствовали урожаи, и значительный отпускъ хлѣба за границу, то съ другой, спекуляція сдерживалась не только осторожностію послѣ недавно пережитаго кризиса, но и рядомъ внутреннихъ займовъ, которые открыли для свободныхъ капиталовъ прибыльное и вѣрное помѣщеніе. Самый успѣхъ 2-го и 3-го восточныхъ займовъ, указываетъ на ихъ своевременность, на то, что они именно объявлены были въ то время, когда изобиліе денегъ могло вызвать чрезмерную предпримчивость. Такимъ образомъ, одно изъ послѣдствій большаго выпуска кредитныхъ орудій обращенія было отвращено; будетъ ли избѣгнуто другое, — именно наступленіе безденежья, — это еще вопросъ. Пониженіе цѣны бумажнаго рубля заставляеть огромное большинство и производителей, и потребителей расходовать болѣе, чѣмъ прежде; все общество нуждается въ большемъ количествѣ орудій мѣны, чѣмъ прежде, а слабый урожай 1879 г. долженъ ограничить сбытъ мануфактурныхъ товаровъ въ 1880 году. Потому для наступленія безденежья достаточно, чтобы нѣкоторыя промышленныя предпріятія пошатнулись, кредитъ поколебался и потребовалось болѣе денегъ для

наличныхъ платежей. Новые выпуски кредитныхъ билетовъ могутъ на время ослабить этотъ кризисъ; но это средство подѣиствуетъ лишь какъ возбуждающее лекарство, которое вызываетъ кратковременное искусственное оживленіе, сопровождаемое обыкновенно еще бѣльшимъ упадкомъ силъ. Какъ ни трудно предсказывать хозяйственныя явленія, но безденежье въ будущемъ — явленіе очень возможное и даже вѣроятное.

Къ числу особенностей, рѣзко отличающихъ современное положеніе нашего денежнаго рынка слѣдуетъ отнести ничтожное количество монеты внутри страны. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда мы только вступали въ періодъ бумажно-денежнаго обращенія, металлическихъ денегъ было у насъ довольно много; но съ появленіемъ лажа на монету — послѣдняя тотчасъ же исчезла изъ обращенія. Неразмѣнные кредитные билеты сдѣлались единственнымъ платежнымъ средствомъ, не потому что у насъ другихъ денегъ не было, но потому что обращеніе монеты съ лажемъ было запрещено, а пріемъ бумажныхъ денегъ, какъ равноцѣнныхъ металлическимъ, былъ обязателенъ. Монета спряталась и могла быть употреблена только для заграничныхъ платежей. Вслѣдствіе этого начался вывозъ ея изъ Россіи. Два обстоятельства сильно способствовали *дренированію* металлическихъ нашихъ запасовъ: возвышеніе цѣнъ на наши процентныя бумаги, послѣ громадныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ и западно-европейскій кризисъ 1857 года. Иностранцамъ было выгодно продавать облигаціи государственныхъ займовъ въ Петербургѣ по тѣмъ высокимъ цѣнамъ, которыхъ онѣ достигли у насъ, благодаря обилію свободныхъ капиталовъ и, обмѣнивая вырученныя суммы на монету, вывозить послѣднюю за границу. Независимо отъ этого денежный кризисъ въ Европѣ требовалъ усиленія металлическихъ запасовъ и естественно было получать ихъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ они не находили употребленія. Вотъ причины, объясняющія отчасти почему, при благоприятномъ торговомъ балансѣ въ 1857 — 1859 годахъ, при перевѣсѣ отпуска нашихъ товаровъ надъ привозомъ на сумму въ 26 мил. руб., перевѣсъ вывоза монеты надъ ввозомъ, въ эти три года, составилъ по „Видамъ“ виѣшной торговли сумму въ 65 мил. руб. По всей вѣроятности цифра эта была гораздо больше.

Въ 1876 году у насъ запасовъ монеты въ частныхъ рукахъ уже не было. Вывозъ золота за границу не слѣдовалъ за новыми выпусками бумажныхъ денегъ, а предшествовалъ имъ, и,

какъ замѣчено было выше, онъ былъ вызванъ попыткою Банка, сокращая бумажно-денежное обращеніе, облегчить для торговли заграничные платежи и тѣмъ самымъ поддержать вексельные курсы. Операція эта уменьшила размѣнный фондъ Государственнаго Банка, но курсовъ не возвысила. За тѣмъ, когда она была прекращена, и когда въ октябрѣ 1878 г. было выпущено на 491 мил. руб. ¹⁾ кредитныхъ билетовъ, существующая въ странѣ незначительная сумма монеты не имѣла никакого вліянія на бумажную валюту. Цѣнность послѣдней могла зависѣть лишь отъ покупательной силы, которую обезпечивали за нею, — большее или меньшее довѣріе къ ресурсамъ страны и ея правительства.

Наконецъ въ 1855 — 1857 годахъ мы не имѣли сѣти желѣзныхъ дорогъ. Соединеніе Петербурга съ Москвою и Варшавы съ Австрійскою границею имѣло очень слабое вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю торговлю; цѣны многихъ товаровъ регулировались мѣстнымъ спросомъ и предложеніемъ, даже самый лажъ на монету въ провинціальной глуши, при отсутствіи мѣняльныхъ и банкирскихъ конторъ, производящихъ операціи по покупкѣ процентныхъ бумагъ, золота, серебра и проч. устанавливался и при томъ совершенно случайно, независимо отъ главныхъ центровъ нашихъ биржевыхъ и денежныхъ оборотовъ.

Въ 1877—1879 годахъ 20,000 верстная сѣть желѣзныхъ дорогъ покрывала уже Россію. Сѣверъ былъ соединенъ съ Югомъ, отдаленные торговые центры хлѣбной торговли на Востокѣ могли сбывать свой товаръ въ западную Европу; телеграфная проволока передавала немедленно всѣ извѣстія о колебаніяхъ цѣнъ и вексельныхъ курсовъ. Множество мѣняльныхъ конторъ (возникшихъ вслѣдствіе появленія массы процентныхъ бумагъ, представляющихъ матерьялъ для торговли кредитными цѣнностями и возможность вести болѣе правильную торговлю монетою) слѣдили за курсами биржевыхъ бумагъ, за движеніемъ лажа и соотношались съ цѣнами, стоящими на столичныхъ биржахъ. Такимъ образомъ цѣны и товаровъ, и процентныхъ бумагъ, и лажъ на монету сдѣлались несравненно болѣе чувствительными и однообразными. Процессъ, который совершался двадцать два года тому назадъ въ теченіи мѣсяцевъ, и даже цѣлыхъ годовъ, происходилъ теперь въ нѣсколько дней ²⁾.

¹⁾ Для подкрѣпленія кассъ во время послѣдней войны.

²⁾ Въ высшей степени интересны факты и наблюденія, относящіеся и къ нашему денежному обращенію въ періодъ времени съ 1855 по 1863 г., помѣщены въ соч.

Излагая финансовыя операціи въ теченіи первой и послѣдней Восточныхъ войнъ, а также условія, при которыхъ эти операціи производились, нельзя было не упомянуть о нѣкоторыхъ послѣдствіяхъ выпуска бумажныхъ денегъ въ оба періода, именно о приливѣ свободныхъ денежныхъ капиталовъ, и направленіи, которое они получали, а затѣмъ о вліяніи неразмѣрныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ на истощеніе запасовъ монеты въ странѣ.

Теперь предстоитъ рассмотретьъ самое существенное послѣдствіе, которое ощущается всеѣмъ народнымъ и государственнымъ хозяйствомъ — появленіе лажа на монету и упадокъ вексельнаго курса.

Пониженіе курса кредитнаго рубля въ 1855—1857 г. совершилось не сразу, и не слѣдовало тотчасъ за выпусками бумажныхъ денегъ. Въ первый годъ войны, въ 1855 г., вексельный курсъ колебался между 361 и 384 сантимами за рубль. Въ 1856 г. въ Маѣ, курсъ достигъ пари; потомъ поднялся даже до 415 сантимовъ, и до Марта 1857 г. держался около пари, не обнаруживая признаковъ паденія цѣны кредитнаго рубля; но въ Ноябрь 1857 г. вексельный курсъ понизился уже до 360 сантимовъ. Хотя затѣмъ курсъ поправлялся, но онъ потерялъ устойчивость, и колебанія его сдѣлались очень рѣзки. Если оставить въ сторонѣ время, съ Мая 1862 г. по Ноябрь 1863 г., когда курсъ регулировался подъ вліяніемъ операціи разнѣна, то въ 1857—1864 г. высшіе курсы доходили въ 1860 и 1861 г.г. до $385\frac{1}{2}$ и до $374\frac{1}{2}$ сантимовъ, а низшіе до 325 въ Маѣ 1859 г. (итальянская война) и до 312 въ Сентябрѣ (польское возстаніе). Съ 1865 по 1876 г. вексельный курсъ только однажды въ 1871 г. въ Октябрѣ достигалъ до 360 сантимовъ и падалъ до 266, въ Іюнь 1866 г. (война между Пруссією и Австрією) и до 299 сантимовъ въ Іюль 1870 г. (франко-германская война). — Какъ легко заключить изъ предъидущаго, политическія событія занимали первое мѣсто въ ряду причинъ, вызывавшихъ наиболѣе сильныя колебанія курсовъ; но, независимо отъ этого, пониженіе послѣднихъ шло своимъ чередомъ.

Передъ войною, въ 1877 г., въ январѣ и февралѣ, средній вексельный курсъ составлялъ около 311 сантимовъ; затѣмъ въ теченіи войны и послѣ нея вексельный курсъ не падалъ ниже 233 и не поднимался выше 278 сантимовъ. Замѣчательно, что ни С. Стефанскій предварительный мирный договоръ, ни Берлинскій трактатъ, не подѣйствовали на возвышеніе вексельнаго курса до той нормы, на которой онъ находился передъ войною. Въ 1878 г. не только не повторилось явленіе 1856—1857 года, когда вексельный курсъ вдругъ достигъ прежней высоты (передъ войною), но даже средній курсъ, вычисленный для годовичныхъ періодовъ, постепенно понижался. Онъ составлялъ:

для 1877 года . . .	272	сантима.
„ 1878 „ . . .	257,3	„
„ 1879 „ . . .	253,7	„

Колебанія въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ не превышали $12\frac{1}{2}\%$, т. е. низшій курсъ уклонялся отъ высшаго на $12\frac{1}{2}\%$.

Причина этихъ явленій заключается отчасти въ томъ, что въ 1856—1857 гг. запасы монеты, существовавшіе внутри Россіи, облегчали заграничныя платежи, а въ 1877—1879 гг. этихъ запасовъ уже не было.

Возвышеніе цѣнъ на всѣ произведенія, въ 1878—1879 гг., произошло гораздо быстрѣе, чѣмъ въ 1857—1859 гг., вслѣдствіе болѣе быстрыхъ внутреннихъ сообщеній, значительнаго развитія внѣшней торговли и наконецъ неурожаевъ въ Европѣ, которые подняли цѣны на хлѣбъ, вывозимый за границу, а при болѣе легкой доставкѣ хлѣба изъ внутреннихъ рынковъ къ предѣламъ, подняли цѣны страны и во всей европейской Россіи. Такимъ образомъ дороговизна сдѣлалась у насъ повсемѣстною и всеобщою: съ пониженіемъ цѣнности кредитнаго рубля поднялись цѣны и на заграничныя товары, по мѣрѣ истощенія ихъ запасовъ, и на внутреннія произведенія, за исключеніемъ весьма немногихъ (напр. сахара), которые не вздорожали, только благодаря избытку производства и неурожаю хлѣба въ 1879 году.

Упадокъ вексельнаго курса, лажъ на монету, возвышеніе цѣнъ въ 1857—1858 годахъ представлялись еще какъ явленія неустановившіяся, которыя не отнимали надежды на возстановленіе нормальной денежной системы. Какъ ни велики были затрудненія, съ которыми приходилось бороться финансовому

управленію, послѣ сдѣланной ошибки пониженія процентовъ по банковымъ вкладамъ, но поворотъ къ лучшему казался возможнымъ, — объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ попытка возобновленія размѣна въ 1862—1863 годахъ. Но, въ 1878—1879 годахъ, фактъ пониженія цѣны кредитнаго рубля и его послѣдствія представляются съ характеромъ постоянства и устойчивости. Масса бумажныхъ денегъ въ миллиардъ сто миллионѣвъ не легко можетъ быть уменьшена, и хотя государство сократило свой долгъ банку съ 1 сентября 1878 года къ 1 мая 1880 года на 219,4 милл. руб., но уменьшеніе кредитнаго обращенія, съ 1 октября 1878 г. по 1 мая 1880 г., всего на 108 милл., очень не велико. Если бы даже это уменьшеніе было значительнѣе, то едва ли можно рассчитывать на возвышеніе вскорѣ вексельнаго курса до 311 сантимовъ, — до нормы, на которой онъ находился передъ войною. Извлеченіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія скорѣе всего можетъ предотвратить дальнѣйшее пониженіе вексельнаго курса, но не болѣе этого. Расчеты на улучшеніе нашей валюты, вслѣдствіе выгоднаго торговаго баланса болѣе чѣмъ сомнительны, потому что монета не можетъ служить у насъ орудіемъ обращенія, а если бы монета и получила это право, то нужны годы для того, чтобы она появилась на рынкѣ и могла повліять на твердость вексельнаго курса.

Несмотря однако на всѣ темныя стороны, представляемая современнымъ положеніемъ нашей денежной системы, можно, наравнѣ съ неблагоприятными признаками, указать и на благоприятныя, которые позволяютъ отнестись съ нѣкоторымъ довѣріемъ въ будущему.

Къ числу неблагоприятныхъ признаковъ должно отнести:

- 1) истощеніе запасовъ монеты и въ рукахъ частныхъ лицъ, и въ размѣнномъ фондѣ Государственнаго Банка. Отношеніе размѣннаго фонда къ выпущеннымъ кредитнымъ билетамъ составляло въ 1875 г. какъ 1 : 3,45, а въ 1880 г. 1 мая какъ 1 : 7,2;
- 2) малое сокращеніе суммы выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, всего на 108 милл. руб. (1 мая 1880 г.);
- 3) непрерывное паденіе вексельнаго курса;
- 4) возвышеніе цѣнъ на товары, въ которомъ отразилось пониженіе цѣнности кредитнаго рубля.

Къ благоприятнымъ признакамъ слѣдуетъ отнести: во-1-хъ, тотъ фактъ, что цѣна кредитныхъ билетовъ не упала соразмѣрно съ ихъ выпускомъ. Въ 1875 г. 797 милл. кредитныхъ рублей

стоили на монету 677 милл., а въ 1880 г. 1 мая 1106 милл. р. стоятъ около 730; поэтому цѣнность всей совокупности нашихъ бумажныхъ денегъ возвысилась на 53 милл. руб., тогда какъ кредитные билеты потеряли противъ 1875 г. около 25%. Это даетъ право рассчитывать на то, что сокращеніе массы кредитныхъ билетовъ можетъ остановить возвышеніе курса. Затѣмъ, несмотря на сравнительно слабое уменьшеніе бумажнаго обращенія (на 108 милл. руб.), нельзя не признать благопріятнымъ признакомъ довольно быстро и успѣшнаго погашенія государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ. Наконецъ, хотя цѣны большей части товаровъ и имуществъ возвысились на 20—25%, но въ вѣкоторой степени это возвышеніе должно быть приписано не однимъ бумажнымъ деньгамъ, но и неурожаю.

IV. Что можетъ быть предпринято въ настоящее время для улучшенія нашей денежной системы?

Разсмотрѣніе условий, въ которыхъ находится наше народное и государственное хозяйство, а также ближайшее знакомство съ положеніемъ денежной системы, указываютъ на то, что можетъ быть предпринято для улучшенія послѣдней съ наибольшою вѣроятностію успѣха.

Само собою разумѣется, что дѣйствительное улучшеніе предполагаетъ возобновленіе разнѣна кредитныхъ билетовъ на монету; но эта главная, можно сказать, единственная цѣль едва ли можетъ быть достигнута сразу. Самыя рѣшительныя мѣры, самыя громадныя жертвы могутъ оказаться безсильными, пока не будетъ подготовлено многое для достиженія вѣрнаго результата. При данныхъ обстоятельствахъ, прежде составленія проектовъ о восстановленіи нормальной денежной системы, и присканія способовъ для ихъ выполненія, надо опредѣлить направленіе, которому необходимо слѣдовать, подумать о благопріятныхъ условияхъ, для разрѣшенія предстоящей задачи въ будущемъ, и освободиться отъ гнета обстоятельствъ, которыя заставляли насъ обращаться къ бумажнымъ деньгамъ. Все это предполагаетъ обширныя экономическія преобразованія, обнимающія не одну денежную систему, но совокупность всего государственнаго и народнаго хозяйства. Такія приготовительныя мѣры, проведенныя съ энергіею и быстротою, могутъ приблизить насъ скорѣе, чѣмъ полагаютъ

многіе, къ тому моменту, когда наступитъ пора для окончательнаго регулированія денежной системы.

Возвращеніе монетъ права служить орудіемъ обращенія, приведеніе цифры выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ къ той нормѣ, на которой она находилась передъ восточною войною, улучшеніе финансовой системы, въ видахъ развитія не однихъ источниковъ государственныхъ доходовъ, но въ видахъ улучшенія всего государственнаго хозяйства и усиленія производительныхъ средствъ страны, наконецъ рядъ реформъ, обнимающихъ разнообразныя отрасли народнаго хозяйства и долженствующихъ возвысить благосостояніе народа—вотъ программа, выполненіе которой стоитъ на очереди.

Возвращеніе монетъ права служить орудіемъ обращенія предполагаетъ разрѣшеніе совершать сдѣлки на монету (т. е. сообщеніе такимъ сдѣлкамъ законной силы, которой онѣ теперь не имѣютъ) и дозволеніе послѣдней обращаться съ лажемъ). Нечего опасаться, что эта мѣра поколеблетъ курсъ кредитнаго рубля, что монета вытѣснитъ бумажныя деньги изъ обращенія. Сохраненіе счета на кредитные рубли, обязательный пріемъ послѣднихъ въ платежахъ, слѣдующихъ по сдѣлкамъ, заключеннымъ не только на бумажную, но и на металлическую валюту. (по курсу), обезпечать кредитнымъ билетамъ свободное обращеніе, но въ то же время и монета не будетъ лишена права служить платежнымъ средствомъ. Примеръ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ законъ, запрещавшій употребленіе монеты въ частныхъ сдѣлкахъ и названный въ „Merchant Magazine“ закономъ объ изгнаніи послѣдняго доллара изъ предѣловъ страны, былъ отмѣненъ 30 іюня 1864 г., 10 дней спустя послѣ его утвержденія, въ то время, когда лажъ достигалъ наибольшей высоты (256¹/₂ долларовъ за 100 дол. монетою); примеръ Италіи, гдѣ разрѣшеніе употреблять монету не имѣетъ никакихъ вредныхъ послѣдствій; наконецъ опытъ Россіи, въ которой, съ 1812 по 1839 г., дѣйствовало законодательство, сходное съ принятымъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Италіи, всѣ эти факты убѣждаютъ въ томъ, что мѣра эта не только не препятствуетъ кредитному обращенію, но и способствуетъ накопленію въ странѣ запаса металлическихъ денегъ, запаса, необходимаго для возобновленія разнѣна въ будущемъ.

Конечно металлическіе рынки „не создаются законами или манифестами“, конечно дозволеніе заключать сдѣлки на монету и принимать ее съ лажемъ не произведетъ внезапнаго переворота.

Сдѣлки будутъ по большей части совершаться на кредитные рубли и монета не появится сразу въ частныхъ кассахъ, въ Государственномъ Банкѣ и въ казначействахъ. При ассигнаціонной системѣ пришлось ожидать 18 лѣтъ, пока монета вошла у насъ снова въ обращеніе, и если теперь, вслѣдствіе болѣе удобныхъ и легкихъ сообщеній, можно рассчитывать на менѣе продолжительное переходное время, то все-таки нужны годы, для того, чтобы появленіе металлическихъ денегъ сдѣлалось замѣтнымъ. Самые главные и ближайшіе результаты этого появленія будутъ состоять въ большей устойчивости вексельнаго курса, въ облегченіи заграничныхъ металлическихъ платежей и въ установленіи фактическаго разбѣна кредитныхъ билетовъ на монету съ существующимъ на нее лажемъ.

Что же касается приведенія этой мѣры въ исполненіе, то можно избрать двоякій путь. Во-1-хъ, не устанавливая общаго правила, можно опредѣлить случаи, допускающіе совершеніе сдѣлокъ на монету, и употребленіе монеты въ платежахъ. Такъ напр. можно разрѣшить выдачу на монету векселей, заключеніе займовъ подъ закладныя на недвижимыя имущества и нѣкоторыхъ долгосрочныхъ контрактовъ (но съ надлежащими предосторожностями); можно дозволить банкамъ приѣмъ процентныхъ вкладовъ, выдачу ссудъ и учетъ металлическихъ векселей монетою; можно дозволить уплату налоговъ монетою (по курсу, назначенному правительствомъ) — заводчикамъ, фабрикантамъ, купцамъ, владельцамъ крупныхъ недвижимыхъ имуществъ. Во 2-хъ, можно установить общее правило и перечислить случаи, въ которыхъ употребленіе монеты должно подлежать ограниченіямъ. Такъ напр. слѣдуетъ запретить совершеніе сдѣлокъ на монету, въ особенности долгосрочныхъ контрактовъ, крестьянамъ и людямъ неграмотнымъ; слѣдуетъ запретить уплату монетою нѣкоторыхъ налоговъ, напр. личныхъ податей, паспортнаго сбора и проч. Всѣ подобнаго рода ограниченія предписываются соображеніями не экономическаго, а чисто полицейскаго свойства, необходимою предупредить обманъ и эксплуатацію людей темныхъ, незнакомыхъ съ колебаніями лажа, людей, которыхъ легко и обойти, и обчитать.

Приведеніе цифры выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ къ той нормѣ, на которой эта цифра находилась передъ послѣднею восточною войною, составляетъ вторую задачу, болѣе трудную, хотя и довольно скромную по ближайшимъ общающимся ей ре-

зультатамъ. Удачное ея разрѣшеніе не обѣщаетъ ни выхода изъ затрудненій, которыя мы испытываемъ около 26 лѣтъ, ни даже значительнаго улучшенія курса кредитнаго рубля. Но надо покориться необходимости: пока нѣтъ монеты во внутреннемъ обращеніи, пока металлическій фондъ въ Государственномъ Банкѣ очень малъ, сравнительно съ суммою выпущенныхъ бумажныхъ денегъ, до тѣхъ поръ, независимо отъ другихъ причинъ, нельзя рассчитывать на успѣхъ какихъ бы то ни было проектовъ относительно возстановленія нормальной денежной системы. Консолидація бумажныхъ денегъ въ тѣхъ размѣрахъ, какіе были предлагаемы иными писателями нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда кредитныхъ билетовъ было у насъ на 300 мил. руб. менѣе, даже при соблюденіи постепенности и при обращеніи извлеченныхъ кредитныхъ билетовъ, на банковыя операціи, въ настоящій моментъ представляетъ большія трудности. При этомъ было разчитываемо на консолидацію серій (билетовъ государственнаго казначейства) на 159 мил. рублей, вкладовъ на 100 мил. руб., 4% металлическихъ билетовъ на 50 мил. руб., и наконецъ кредитныхъ билетовъ на всю сумму, за вычетомъ металлическаго фонда Государственнаго Банка и за исключеніемъ 130 мил. руб., которые предполагалось возможнымъ оставить какъ безпроцентный долгъ Казначейства. Если примѣнить всѣ эти расчеты къ настоящей цифрѣ кредитныхъ билетовъ, то пришлось бы заключить займы на сумму свыше 1,100 мил. руб. и изъять изъ обращенія кредитныхъ билетовъ на сумму свыше 800 мил. руб. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта операція, по громадности своихъ размѣровъ, потребовала бы продолжительнаго времени, въ теченіи котораго пришлось бы не разъ пересоставлять проекты и планы, а всякая поспѣшность обрекла бы ее на несомнѣнную неудачу. Простое извлеченіе на 800 милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ, хотя бы и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, произвело бы сильный денежный и промышленный кризисъ. Возвращеніе же денежному рынку значительной части консолидированныхъ бумажныхъ денегъ, какъ было при этомъ предлагаемо, подъ учетъ векселей и подъ залогъ процентныхъ бумагъ, невозможно потому, что на нѣсколько сотенъ мил. руб. Банкъ не скоро и не легко найдетъ солидныхъ векселей и процентныхъ бумагъ, которые составили бы хорошій портфель, не говоря уже о томъ, что подобное фундированіе не подвинуло бы насъ далеко въ дѣлѣ возстановленія нарицательной цѣны кредитнаго рубля.

При такомъ положеніи вещей остается продолжать дѣю, начатое нашимъ финансовымъ управленіемъ, — погашеніе долга государственнаго казначейства по кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ во время войны на сумму въ 300 мил. руб. Установленіе правильной періодической его уплаты, болѣе точное опредѣленіе условий для выпуска Государственнымъ Банкомъ кредитныхъ билетовъ, извлеченныхъ консолидаціею и переданныхъ Банку для погашенія долга, числящагося за Казначействомъ; наконецъ пріисканіе финансовыхъ способовъ для уплаты Государственнымъ Казначействомъ Банку 300 мил. руб., — вотъ три предмета, которые заслуживаютъ особаго вниманія.

Можно полагать, что назначеніе сроковъ для уплаты упомянутыхъ 300 мил. рублей, подобно тому какъ это было сдѣлано во Франціи, послѣ франко-германской войны, было бы не бесполезно. Общество и биржевой міръ получили бы убѣжденіе, что извѣстная цѣль имѣется въ виду и будетъ непременно достигнута (за исключеніемъ развѣ непредвидѣнныхъ и случайныхъ препятствій).

Затѣмъ неизлишне кажется опредѣлить условия выпуска Государственнымъ Банкомъ въ обращеніе билетовъ, поступившихъ къ нему въ уплату отъ Казначейства. Такъ какъ простое благоразуміе требуетъ, чтобы извлеченіе бумажныхъ денегъ изъ обращенія не происходило внезапно, скачками, и въ особенности не влекло за собою стѣсненія учетной и ссудной операцій въ кредитныхъ учрежденіяхъ, то Государственному Банку должно быть предоставлено право выпускать по коммерческимъ операціямъ билеты, нѣкогда выпущенные имъ за счетъ Казначейства и поступившіе къ нему обратно въ уплату государственнаго долга. Но, предоставляя этотъ ресурсъ Банку, для развитія его операцій, и для предупрежденія внезапнаго истощенія денежнаго рынка, должно обязать Банкъ уплачивать по затратамъ такого рода суммъ проценты въ пользу Казначейства. Если этотъ процентъ будетъ нѣсколько выше, противъ платимаго по вкладамъ и по текущимъ счетамъ, то Банку очевидно будетъ выгодноѣ развивать свои операціи на счетъ вкладовъ и текущихъ счетовъ, чѣмъ на счетъ оставленныхъ въ его распоряженіи кредитныхъ билетовъ. Это даже желательно. Если бы суммы, накопившіяся по вкладамъ и по текущимъ счетамъ въ Банкѣ позволяли при учетѣ и ссудахъ обойтись безъ обратнаго выпуска консолидированныхъ кредитныхъ билетовъ, то это

было бы не только признакомъ образованія капиталовъ въ рукахъ частныхъ лицъ, но и условіемъ для болѣе солиднаго банковаго портфеля, чѣмъ запасъ бумажныхъ денегъ, подлежащихъ изытію изъ обращенія. Векселя и ихъ учетъ давали бы помѣщеніе дѣйствительно сдѣланнымъ сбереженіямъ, а не одну лишь возможность распоряжаться вещественными капиталами, нерѣдко уже затраченными.

Уплатить 300 милл. руб. изъ обыкновенныхъ финансовыхъ ресурсовъ невозможно; правительство должно будетъ прибѣгнуть къ займамъ внутреннимъ или вѣшнимъ, на кредитную или на металлическую валюту. Какіе займы и на какую валюту должны быть признаны болѣе выгодными à priori рѣшить довольно трудно. Если имѣть въ виду возстановленіе нарицательной цѣны кредитнаго рубля, то выгоднѣе конечно займы внутренніе и притомъ металлическіе. Правительство поступило бы нерасчетливо, заключая займы на кредитные рубли и предполагая платить рублями металлическими; получая 65 коп., оно обязывалось бы отдать 100 коп. Напротивъ, занимая на металлическую валюту, оно, при курсѣ облигаціи at par, на каждую 100 рублевую облигацію, извлекало бы въ настоящее время изъ обращенія около 150 кредитныхъ рублей, не нарушая притомъ требованій справедливости ни относительно капиталистовъ, ссужающихъ его деньгами, ни относительно плательщиковъ налоговъ, которымъ приходится разсчитываться за государственные долги. Конечно финансовое управленіе поступило бы не обдуманно и опрометчиво, если бы оно заключало металлическіе займы, не имѣя рѣшимости возстановить нормальную денежную систему, или же зная, что его ресурсы не могутъ доставить ему достаточнаго количества монеты для выполненія принятыхъ обязательствъ.

Въ заключеніе, не бесполезно припомнить еще разъ, что уплата Казначействомъ Банку 300 милл. рублей, за выпущенные кредитные билеты, не позволяетъ разсчитывать на немедленныя ощутительныя послѣдствія погашенія этого долга. Если бы кредитное обращеніе было доведено до той нормы, на которой она находилась въ 1876-мъ году; т. е. до 800 милл. рублей, если бы Банкъ не затратилъ въ учетъ и ссудахъ, изъ предоставленныхъ ему 300 милл. руб. кредитныхъ билетовъ ни одного милліона, то и тогда, въ ближайшемъ будущемъ, можно было бы надѣяться, главнымъ образомъ, только на приостановку

непрерывнаго пониженія вексельнаго курса. Возвышеніе послѣдняго, конечно, не представляетъ ничего невѣроятнаго, но для этого необходимы и благопріятныя обстоятельства, и мѣры экономическія, направленныя къ облегченію налоговъ, къ развитію производства и къ возвышенію общественнаго благосостоянія. Во всякомъ случаѣ, результатъ уменьшенія безпроцентнаго долга по кредитнымъ билетамъ на 300 милл. рублей былъ бы очень важенъ, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ не обнаружился чѣмъ либо особенно замѣтнымъ. Возвратъ денежнаго обращенія къ той цифрѣ, которая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, передъ 1876 годомъ, была господствующею, послужилъ бы болѣе твердою точкою опоры для дальнѣйшихъ дѣйствій финансоваго управленія, такъ какъ онъ возстановилъ бы, послѣ короткаго промежутка, положеніе вещей, длившееся достаточно долгое время, въ продолженіи котораго и цѣны, и даже успѣли прійти въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ итогомъ бумажныхъ денегъ въ 800 милл. рублей.

Наконецъ, нельзя не придавать вѣса уменьшенію шансовъ для пониженія вексельныхъ курсовъ, пониженія не вслѣдствіе случайныхъ и неустраимыхъ причинъ (политическихъ событій и проч.), а вслѣдствіе выпуска кредитныхъ билетовъ, сдѣланныхъ на послѣднюю войну.

Преобразование финансоваго системы, въ видахъ развитія источниковъ государственныхъ доходовъ, улучшенія всего государственнаго хозяйства и усиленія производительныхъ средствъ страны, составляетъ одну изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей, одно изъ существенныхъ условій приведенія въ порядокъ денежной системы. Въ предлагаемой замѣткѣ, предметъ этотъ можетъ быть обозначенъ только въ самыхъ общихъ чертахъ и лишь съ указаніемъ на отношеніе, которое онъ имѣетъ къ денежному обращенію. Публицисты самыхъ разнообразныхъ направленій согласны въ томъ, что переложеніе подушной подати, отмѣна солянаго налога, упраздненіе паспортной системы и пересмотръ таможеннаго тарифа необходимы, и для того, чтобы увеличить наши финансовыя средства, и для того, чтобы самыя источники, изъ которыхъ черпаются государственныя доходы, сдѣлались болѣе обильными.

Переложеніе подушной подати на доходы съ земель, имущества и промысловъ, по значенію своему уступаетъ только крестьянской реформѣ и послужило бы естественнымъ къ нему

дополненіемъ. Налогъ, который взимается съ лица, а не съ дохода, остатокъ прикрѣпленія рабочей силы къ землѣ, относится къ числу главныхъ препятствій для накопленія капиталовъ въ рукахъ сельскаго населенія. А между тѣмъ недостатокъ капиталовъ долженъ быть отнесенъ къ главнѣйшимъ причинамъ отсталости нашего сельскаго хозяйства, медленности, съ которою проникаютъ въ него улучшения, бѣдственнаго положенія крестьянства, послѣ каждаго неурожая, невѣжества, пьянства и недостатковъ крестьянскаго самоуправления. Тамъ, гдѣ масса бѣдна, и гдѣ налогъ подкашиваетъ зачатки благосостоянія, тамъ нельзя разсчитывать на успѣхи промышленности, образованія и народной нравственности. Во всѣхъ странахъ Европы, за уничтоженіемъ крѣпостнаго права, слѣдовалъ быстрый подъемъ матерьяльнаго довольства; въ одной Россіи это явленіе не было всеобщимъ, и отчасти именно благодаря подушной подати.

Не должно впрочемъ удивляться медленности и колебаніямъ въ этомъ дѣлѣ нашего финансоваго управленія. Подушная подать не могла быть отмѣнена, ее необходимо было переложить, а переложеніе предполагаетъ не только привлеченіе къ участию въ налогахъ классовъ неподатныхъ, но и присканіе предметовъ для податнаго обложенія и опредѣленіе новыхъ основаній для послѣдняго. Если бы земледѣліе отличалось у насъ большею интенсивностію, то подушная подать легко нашла бы для себя замѣну въ поземельномъ налогѣ; если бы у насъ существовало болѣе развитое мѣстное хозяйство, при болѣе значительной обрабатывающей и заводской промышленности и большей массѣ движимаго богатства, то подать личная легко могла бы перейти въ подоходный налогъ. Но, при громадныхъ пространствахъ мало производительныхъ и мало цѣнныхъ земель, введеніе рациональной системы поземельной подати, основанной на кадастрѣ, потребовало бы и много времени, и большихъ расходовъ. Что же касается подоходнаго налога, то онъ предполагаетъ въ большей или меньшей степени, готовыя основанія и для обложенія, и для соразмѣрнаго распредѣленія податнаго бремени. Конечно нельзя сказать, чтобы эти трудности были непреодолимы; но онѣ достаточно объясняютъ почему, выбирая между подворнымъ, поземельнымъ, подоходнымъ и поразряднымъ налогами, мы не могли до сихъ поръ остановиться ни на одномъ изъ нихъ.

Отмѣна солянаго налога имѣла бы не менѣе могущественное вліяніе на подъемъ народнаго благосостоянія. Нѣтъ конечно ни

одного финансового дохода, который по тяжести своей могъ бы сравниться съ солянымъ сборомъ. Это подать личная и притомъ такая, которая исключаетъ всякое уравненіе посредствомъ раскладки, и опредѣляется не по числу душъ, записанныхъ въ ревизію, а по наличному составу населенія. Это подать, которая самымъ пагубнымъ образомъ вліяетъ на наше скотоводство, а слѣдовательно и на наше земледѣліе; это подать, которая лишаетъ насъ возможности извлекать всѣ выгоды изъ естественныхъ богатствъ, заключающихся въ нашихъ рыбныхъ промыслахъ, и которая наконецъ препятствуетъ возникновенію и развитію нѣкоторыхъ отраслей заводской промышленности.

Преобразование паспортной системы, составляющей принадлежность подушной подати, по переложеніи послѣдней, не должно встрѣтить возраженій. И теперь едва ли не всю нашу періодическую печатью признано, что паспорта, бесполезные въ видахъ огражденія общественной безопасности, составляютъ у насъ тяжелый налогъ, не по суммѣ уплачиваемаго за нихъ гербоваго сбора, а по расходамъ, соединеннымъ съ ихъ полученіемъ. Рѣдкій паспортъ обходится у насъ дешевле трехъ рублей для мѣщанина, неплатящаго подушной подати. Къ этимъ тремъ рублямъ надо прибавить расходы на написаніе письма за безграмотнаго, расходы на пересылку и проч. Можно смѣло утверждать, что паспорта обходятся въ два и въ три раза дороже, противъ того, что они приносятъ казнѣ, не считая потери времени, если приходится сходить за видомъ для полученія его на мѣстѣ жительства ¹⁾.

Пересмотръ таможеннаго тарифа — четвертая финансовая мѣра — рекомендуется съ разныхъ сторонъ. На нее указываютъ послѣдователи свободы торговли, какъ на средство для удешевленія потребления, а поборники протекціонизма, какъ на необходимое условіе для поддержанія и развитія отечественнаго производства; тѣ и другіе, — какъ на способъ для увеличенія государственныхъ доходовъ. Если, съ одной стороны, нѣкоторые фритредеры въ увлеченіи своемъ полагаютъ, что всякое увеличеніе привоза и потребления сопровождается усиленіемъ внутренняго

¹⁾ Само собою разумѣется, что преобразование паспортной системы не предполагаетъ отбрасыванія всякихъ документовъ, удостоверяющихъ личность. Такими документами должны служить метрическое свидѣтельство о рожденіи, документы о происхожденіи, объ окончаніи образованія, аттестаты о службѣ частной, общественной или государственной.

производства и отпуска, ради оплаты ввоза, и что всякое понижение таможенного тарифа сопровождается увеличением поступления таможенных сборов; то, с другой стороны, найдутся и такие протекционисты, которые в ревности своей к защите отечественной промышленности забывают, что покровительство не всегда создает для последней более выгодные условия, а тем более не всегда способствует возрастанию государственных сборов. Есть однако критерий, не лишенный некоторого практического значения, если не для соглашения противоположных мнений, то для присуждения более правильного разрешения сомнительных случаев. Этот критерий заключается в оценке изменений, предполагаемых в таможенном тарифе с точки зрения дешевизны внутреннего производства, достигаемой без понижения рабочей платы. Дешевизна производства может усилить финансовые ресурсы страны и доставить те средства для покрытия платежного баланса, которыми никогда не могут обеспечить нас ни внешние займы, ни покровительственная система. Если ошибаются фритредеры, полагая, что всякое понижение таможенного налога способствует дешевизне и потреблению, и производства (есть много предметов, усиленное потребление которых не может иметь влияния на производство и даже не желательно в виду расстройства нашей денежной системы), то не менее ошибаются и протекционисты, заботясь о создании производства, и не обращая внимания на то, во что оно обходится. Более дешевое производство обуславливается дешевизной сырых материалов, которые нам приходится покупать, дешевизмой орудий, машин и пр. Само собою разумеется, что мы должны иметь в виду не одни интересы настоящего, но и будущего; не следует однако жертвовать первым, когда последнее представляется мало вероятным и не обеспеченным.

Удешевление производства, т. е. не одно понижение цены произведений, но также большая производительность труда и большая поучная сила последнего, вследствие освобождения рабочей силы, быстрого накопления капиталов и большого пользования естественными богатствами, которыми надѣлена Россія, составляют цель не одной торговой политики, но вообще всех податных преобразований. К удешевлению производства ведут и переложение подушной подати, и отмена соляного налога, и упразднение паспортной системы.

Установление более рациональной системы налогов далеко

не исчерпывает собою улучшеній, необходимых въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ. Расходы государственные требуютъ также тщательнаго пересмотра. Правительство сознало эту задачу и положило начало для ея разрѣшенія учрежденіемъ особой комиссіи для сокращенія финансовыхъ издержекъ. Дѣятельность комиссіи и предполагаемыя ею сбереженія еще очень мало извѣстны и это совершенно понятно, потому что серіозные результаты могутъ быть достигнуты не упраздненіемъ нѣсколькихъ sinecurъ, не уменьшеніемъ содержанія служащихъ, часто далеко не обезпеченныхъ жалованьемъ, а реформами внутренняго управленія, переустройствомъ административной организаціи, болѣе точнымъ разграниченіемъ предметовъ вѣдомства и дѣлъ между разными вѣдомствами, болѣею простотою и опредѣленностію дѣйствій каждаго органа правительственной власти. Очевидно, что подобная программа выходитъ далеко за предѣлы финансовой спеціальности и обнимаетъ всю совокупность государственныхъ потребностей, — порядокъ и способъ ихъ удовлетворенія. Комиссія по сокращенію расходовъ для своихъ соображеній и заключеній должна имѣть въ виду рядъ готовыхъ проектовъ, составленіе и окончательное принятіе которыхъ не входитъ непосредственно въ кругъ ея дѣятельности. Въ этихъ проектахъ заключается однако существенное условіе для болѣе крупныхъ сбереженій и при томъ нисколько не гадательныхъ, потому что рядъ реформъ, совершенныхъ въ настоящее царствованіе, при коренномъ измѣненіи нѣкоторыхъ сторонъ общественной жизни, оставилъ неприкосновеннымъ много стараго. Прежніе органы администраціи признаны были непригодными для дѣлъ новыхъ, и веденіе этихъ дѣлъ поручено было новымъ учрежденіямъ; между тѣмъ старыя учрежденія съ кругомъ правъ и обязанностей, значительно ограниченными, по недостаточно яснымъ и опредѣленнымъ, не могли быть упразднены, только потому, что во внутреннемъ управленіи многое оставалось неизмѣненнымъ. Впрочемъ, далеко не всѣ возможныя сбереженія относятся къ улучшенію административнаго устройства. Есть еще цѣлая отрасль крупныхъ государственныхъ расходовъ, которые требуютъ особаго вниманія правительства. Это расходы по выдачѣ ссудъ, субсидій и гарантій разнымъ общепользымымъ предпріятіямъ, въ особенности желѣзнымъ дорогамъ. Желѣзно-дорожное хозяйство вездѣ представляло много темныхъ сторонъ. Вездѣ наживались концессіонеры и строители на счетъ государства, вездѣ эксплуатація дорогъ сопро-

вождалась злоупотребленіями въ ущербъ акціонерамъ, торговннмъ классамъ и всей массѣ публики. Гудсоны, Струсберги, Оффенгеймы, и ихъ подражатели въ Россіи выросли, можно сказать, не на національной, а на всемірной желѣзно-дорожной почвѣ. Но должно сознаться, что сумма розданныхъ государствомъ субсидій, сумма выплачиваемыхъ послѣднимъ гарантій нигдѣ не была такъ велика, какъ въ Россіи, и намъ, болѣе чѣмъ кому либо, необходимо свести счеты съ желѣзно-дорожными компаніями, и при томъ не только въ интересахъ казны и самихъ акціонеровъ, но и всего народнаго хозяйства. Если дѣло будетъ идти такъ, какъ оно шло доселѣ, то можетъ наступить моментъ, когда долги нѣкоторыхъ желѣзно-дорожныхъ компаній правительству будутъ превышать стоимость дорогъ, и государство только потому не сдѣлается обладателемъ предприятий, что компаніи по концессіямъ и уставамъ сохраняютъ право платить казнѣ, когда у нихъ окажутся свободныя средства, или когда наступать условія для производства платежей. Установленіе болѣе правильныхъ отношеній между казною и желѣзнодорожными компаніями, относительно уплаты числящихся на нихъ долговъ, и способовъ расчета въ случаѣ несостоятельности акціонерной компаніи, подчиненіе строгому контролю правительства расходовъ, производимыхъ задолжавшими обществами, по сооруженіямъ, ремонту, эксплуатаціи и пр., могло бы освободить наши финансы отъ крупныхъ расходовъ и главнымъ образомъ отъ расходовъ, часто совершенно непроизводительныхъ. То, что сказано было выше о желѣзныхъ дорогахъ, въ большей или меньшей степени, относится къ другимъ предприятиямъ, пользующимся содѣйствіемъ казны, къ вещественнымъ заготовленіямъ, сооруженіямъ, субсидіямъ, ссудамъ, пособіямъ и пр. Если при пересмотрѣ штатовъ разныхъ отраслей управленія могутъ быть сбережены десятки тысячъ, то здѣсь могутъ быть экономизированы милліоны. Подъ экономіею должно разумѣть, въ настоящемъ случаѣ, не прекращеніе субсидій, гарантій и вообще оказанія правительствомъ содѣйствія общепользнымъ предприятиямъ, но дѣлсообразное употребленіе средствъ, предоставляемыхъ казначействомъ.

Финансовыя улучшенія могутъ имѣть неоспоримое вліяніе на установленіе нормальной денежной системы. Но ими не исчерпывается задача правительства. Въ жизни общественной всѣ стороны такъ тѣсно связаны, что устраненіе недостатковъ въ одной какой либо области предполагаетъ энергическое пробужденіе дѣ-

тельности во всѣхъ остальныхъ. Переселеніе крестьянъ, не подходящихъ въ воздѣлываемой ими землѣ достаточныхъ источниковъ для заработка, пріисканіе лучшихъ формъ для укрѣпленія правъ на крестьянскую собственность, состоитъ ли она въ личномъ или въ общинномъ владѣніи, развитіе на этомъ болѣе твердомъ основаніи закладнаго и ипотечнаго права; изданіе постановленій, регулирующихъ трудъ ремесленнаго, фабричнаго и рабочаго класса вообще, пересмотръ торговаго законодательства совершенно устарѣлаго, въ которомъ прійдется составить новый уставъ для векселей, новое положеніе для акціонерныхъ компаній, новые законы о несостоятельности; установленіе желѣзнодорожнаго права, ограждающаго товароотправителей и пассажировъ отъ произвола желѣзнодорожныхъ акціонерныхъ компаній и пр., все это необходимо и само по себѣ, и для возвращенія нашей денежной единицы ея нарицательной цѣны. Напрасно думаютъ, что мѣры благоустройства, относящіяся къ той или другой отрасли народнаго хозяйства, могутъ имѣть только отдаленное и случайное вліяніе на наши бумажныя деньги. Это можно было бы допустить, если бы упадокъ ихъ цѣны не произвелъ глубокихъ измѣненій въ положеніи имущества и доходовъ всѣхъ классовъ общества, еслибы наконецъ періодъ неразвѣнности кредитнаго рубля длился не долго, и еслибы одного энергическаго усилія было достаточно, для возвращенія къ металлическому обращенію. При такихъ условіяхъ конечно можно было бы еще что нибудь предпринять въ тѣсной сферѣ денежнаго обращенія, не обращаясь къ широкимъ финансовымъ реформамъ и къ мѣрамъ благоустройства, обнимающимъ всѣ отрасли экономической дѣятельности. Но, такъ какъ вліяніе нашей денежной системы проникло съ большей или меньшей силою во всѣ проявленія нашей экономической жизни, и такъ какъ эта жизнь со всѣми своими недостатками отразилась на денежной системѣ (мы обращались къ бумажнымъ деньгамъ, потому что не имѣли другихъ финансовыхъ ресурсовъ), то можно съ полнымъ правомъ сказать, что наша денежная система можетъ улучшиться не только вслѣдствіе того, что будетъ сдѣлано полезнаго для нея самой, но и вслѣдствіе того, что будетъ предпринято въ видахъ обновленія на разумныхъ началахъ всего строя нашей экономической жизни.

Кіевъ 1 іюня 1880 г.

О ВОЛОСТНЫХЪ И СЕЛЬСКИХЪ СУДАХЪ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ И НЫНѢШНЕЙ РОССИИ,

Н. В. КАЛАЧОВА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ ¹⁾.

Въ числѣ разныхъ отдѣловъ нынѣшняго русскаго судоустройства и судопроизводства несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ представляется съ перваго взгляда, принадлежитъ нашимъ крестьянскимъ судамъ; такъ называемымъ *волостнымъ* и *сельскимъ*. Дѣйствительно, эти суды, имѣющіе своей задачей охрану и восстановленіе правовыхъ отношеній многихъ десятковъ миліоновъ нашего сельскаго населенія, заслуживаютъ самаго серьезнаго и всесторонняго вниманія. Но, съ другой стороны, исторія ихъ далеко не сходна съ возникновеніемъ и судьбою нашихъ

¹⁾ Статья эта читана на одной изъ вечернихъ бесѣдъ въ Археологическомъ Институтѣ, и въ такомъ видѣ представляетъ лишь сжатый очеркъ цѣлаго сочиненія, которое обрабатывается мною подъ приведеннымъ заглавіемъ, при чемъ самую цѣную часть ея составляютъ документы XVI и XVII столѣтій, которые будутъ къ ней приложены. По этой же причинѣ я не останавливаюсь здѣсь въ отдѣльности на «копныхъ судахъ» древнихъ сельскихъ общинъ въ сѣверо-западной и юго-западной Россіи, тѣмъ болѣе, что о нихъ мы уже знаемъ изъ изданій Ивашишева, Антоновича, Леонтовича и Новицкаго. Но цѣль моего настоящаго труда заключается не въ одномъ историческомъ изложеніи нашихъ народныхъ судовъ. Оканчивая печатаемую здѣсь *первую статью* критическимъ взглядомъ на нынѣшніе волостные и сельскіе суды, я имѣю въ виду въ слѣдующей за симъ *второй статьѣ* представить мои мысли относительно тѣхъ основныхъ положеній, которые должны быть, по мнѣнію моему, приняты во вниманіе при необходимо предстоящемъ измѣненіи въ составѣ, предметахъ вѣдомства и дѣлопроизводствъ означенныхъ судовъ. Н. К.

другихъ судебныхъ учрежденій. Своимъ извѣчнымъ, устойчивымъ строемъ волостныя и сельскія суды рѣзко отличаются отъ столь много измѣнявшейся въ разное время, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ и условій, характеристики прочихъ судовъ, даже въ центральной части Россіи. Дѣлая однако такое строгое разграниченіе въ историческомъ ходѣ этихъ исконныхъ, по мнѣнію моему, народныхъ судовъ съ другими бывшими у насъ въ разные періоды и нынѣшними судебными учрежденіями, я не могу не сознаться, что тотчасъ же навлекаю на себя упрекъ и нашихъ практиковъ и нашихъ историковъ въ незнаніи или непониманіи настоящаго значенія какъ современныхъ намъ волостныхъ судовъ, такъ и судовъ такъ называемыхъ волостелей и другихъ судебныхъ органовъ древней Россіи. „Вы забываете, скажутъ мнѣ мои почтенные товарищи по редакціоннымъ комиссіямъ объ откѣнѣ вѣрѣннаго состоянія, что именно наши комиссіи выработали независимость помѣщичьихъ крестьянъ и утвердили за ними самостоятельный народный судъ“. Правда, имъ возразить дѣльцы знаменитыхъ учрежденія и устава, начертанныхъ для государственныхъ крестьянъ въ управленіе ими графомъ Киселевымъ, что не съ 1861 года, а слишкомъ 20 лѣтъ ранѣе открыты у этихъ крестьянъ волостныя правленія и усвоены имъ волостныя и сельскія расправы, но и они укажутъ мнѣ на прежній бытъ казенныхъ крестьянъ, не имѣвшихъ, какъ думаютъ обыкновенно, ничего общаго съ новыми волостными судами, а также на бытъ закрѣпощенныхъ подъ разными управленіями крестьянъ донетровской реформы, надъ которыми судъ поручался ихъ непосредственными властями поставленнымъ ими самими лицамъ, носившимъ разные названія. Съ своей стороны, опираясь не только на сочиненія нашихъ лучшихъ историковъ русскаго права — Морошкина, Кавелина, Чичерина, Дмитріева, Бѣляева и многихъ другихъ, но и на самые акты, изданные разными обществами, комиссіями и частными лицами, наши изслѣдователи, не смотря на ихъ неодинаковые выводы о степени самостоятельности крестьянъ въ древней Россіи, укажутъ мнѣ именно на эти важные матерьялы, доказывающіе, по общему мнѣнію, совершенную несостоятельность моего взгляда. Если — скажутъ они — и можно согласиться съ тѣмъ, что въ цѣлой огромной массѣ документовъ, встрѣчаются указанія на какія-то льготы, данныя по суду нѣкоторымъ крестьянскимъ общинамъ съ замѣною правительственныхъ чиновниковъ выборными народными

судьями, то вѣдь это была не болѣе какъ привилегія, какъ исключеніе изъ общаго правила, а общее правило состояло въ томъ, что какъ въ отправленіи суда, такъ и въ исправленіи разныхъ должностей, подъ правительственнымъ надзоромъ, принимали извѣстное участіе *выборные* изъ крестьянъ, но лишь потому, что на городскія и сельскія общины возлагалась отвѣтственность во взносѣ податей и сборовъ, въ соблюденіи не только въ ихъ кругу, но и въ цѣлыхъ уѣздахъ тишины и спокойствія и въ огражденіи мѣстныхъ жителей отъ воровства и разбоевъ. изъ чего слѣдуетъ, что означенные выборные люди были ничто иное какъ тѣ же чиновники, которые не допускались, а *требовались* правительствомъ, съ одной стороны, съ цѣлью полицейской, а съ другой, по неумѣнью его официальныхъ дѣателей сладить съ затрудненіями, какія представлялись назначавшимся для того въ московскихъ приказахъ властямъ, высшимъ и низшимъ. Противъ этого аргумента — прибавятъ они — даже самый компетентный защитникъ самостоятельности крестьянъ въ допетровское время — покойный профессоръ Бѣляевъ не нашелся ничего возразить.

На всѣ эти дѣйствительно вѣскіе доводы я могу отвѣчать одно: я не упускаю ихъ изъ виду, не устраниаю ихъ, но не имѣя въ настоящей статьѣ своей задачей возражать на нихъ отдѣльно и обстоятельно (для чего — прибавлю кстати — мнѣ пришлось бы приводить, въ подтвержденіе моихъ словъ, документы, которые еще не изданы въ свѣтъ), я тѣмъ не менѣе стою твердо на томъ, что въ средѣ всѣхъ крестьянъ, носившихъ въ разные періоды нашей исторіи разные названія, не только съ древнѣйшихъ незапамятныхъ временъ, не только въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ, но и въ XVIII-мъ и даже XIX-мъ вѣкѣ народный судъ и исполнители его — народные выборные, народные органы для рѣшенія дѣлъ гражданскихъ и частію уголовныхъ и самые судебные разборы и рѣшенія не только проявлялись случайно и самоуправно, не только терпѣлись иногда правительствомъ, но имѣютъ значеніе никогда не сходящихся со сцены народныхъ представителей и выраженной судебной власти. Скажу болѣе: *земскіе судейки* древней Руси, носившіе официально такое названіе — это были настоящіе народные дѣатели, направлявшіе народную жизнь, регулировавшіе ея проявленія и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно отвѣчавшіе передъ правительствомъ за проступки подвластныхъ имъ членовъ общинъ. И конечно правд-

тельство не только их знало и допускало, но и требовало нерѣдко ихъ выбора, не смотря на свои административныя и полицейскія власти, именно для лучшаго охраненія государственныхъ интересовъ, ради которыхъ эти власти были имъ поставлены надъ народомъ, но оказывались и недостаточными и слабыми, чтобы сладить съ тѣмъ, что выработала искони сама народная жизнь. Въ виду этого, порядокъ моего изслѣдованія будетъ нѣсколько иной, чѣмъ моихъ достойныхъ ученыхъ товарищей, работавшихъ исключительно по печатнымъ документамъ. Я начну съ разсмотрѣнія судебныхъ дѣлъ и актовъ, дошедшихъ до насъ отъ черносошныхъ крестьянъ допетровской эпохи и анализируя ихъ, постараюсь найти и въ другихъ документахъ, относящихся къ крестьянамъ несвободнымъ, по крайней мѣрѣ отдѣльныя слова и выраженія, которыя указываютъ на самостоятельную судебную дѣятельность и въ тѣхъ крестьянскихъ общинахъ, гдѣ она не предполагалась, или по крайней мѣрѣ не затрогивалась изслѣдователями, и за тѣмъ перейду черезъ исторію волостныхъ учреждений XVIII-го вѣка къ нынѣшнимъ волостнымъ и сельскимъ судамъ.

Для того, чтобы съ самаго начала поставить твердое основаніе для моихъ наблюденій и выводовъ, я предложу прежде всего вопросъ: какъ сложились наши общины, городскія и сельскія, о которыхъ нашъ первый лѣтописецъ говоритъ какъ о существовавшихъ уже въ глубокую, даже и для его времени, древность? На это положительно и ясно отвѣчаетъ покойный С. М. Соловьевъ въ своей прекрасной статьѣ: „Начала русской земли“¹⁾. „Мы знаемъ, говоритъ онъ, Славянъ, разумѣя подъ ними древнѣйшихъ жителей городовъ и селеній, осѣдлыми и живущими въ формѣ родового союза, въ той самой формѣ, въ какой многіе изъ ихъ потомковъ живутъ и теперь.“ — „Родовой бытъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, это явленіе вовсе не доисторическое; мы въ своей разработкѣ русской исторіи должны были постоянно считаться съ нимъ: дѣйствуя въ нашей древней исторіи въ самыхъ выпуклыхъ отношеніяхъ, оно провожаетъ насъ и въ XVIII-й вѣкъ.“ Но эти указанія, хотя и несомнѣнно вѣрныя, суть все таки болѣе или менѣе точный выводъ многоученаго историка. Прочтемъ лучше въ самыхъ актахъ XV, XVI и

¹⁾ См. Сборн. государств. знаній, т. IV, стр. 12 и 13.

даже XVII-го столѣтій — для того, чтобы узнать, такъ сказать, въ очью, какъ нарождались еще въ эти столѣтія новыя сельскія общины — подлинныя слова, съ одной стороны, самихъ засельниковъ пустопорожныхъ земель, собиравшихъ подъ свою руку людей гулящихъ, т. е. вольныхъ и нетяслыхъ, а съ другой стороны, слова князей, великихъ и удѣльныхъ, а впоследствии и царей, разрѣшавшихъ этимъ засельникамъ призывать къ себѣ и копить всякихъ людей, лишь бы не подвластныхъ самому князю или не бывшихъ въ царскомъ тяглѣ, съ дарованіемъ имъ за то на опредѣленные годы разныхъ льготъ отъ податей и другихъ повинностей ²⁾). Этотъ старикъ, испрашивающій своимъ *родичамъ*, которые садятся съ нимъ на новой лѣсной члщобѣ, и тѣмъ *сборнымъ, гулящимъ людямъ*, которыхъ они будутъ къ себѣ призывать, и получающій *свободу* отъ князя или царя и ихъ властей; этотъ *свободчикъ*, какъ могу я теперь назвать его, которому поручается государемъ главенство надъ набранной имъ колоніей, по крайней мѣрѣ до поры до времени, не есть-ли въ самомъ дѣлѣ патріархъ ее руководящій и творящій надъ нею судъ и расправу; а эта колонія не есть-ли крестьянскій *міръ*, скопленная свободничомъ *дружина*, уже складывающаяся въ одну неразрывно связанную своими членами *сельскую общину*. Да оно и дѣйствительно было такъ. Вотъ прошли для этой общины ея льготныя годы; вотъ княжескіе или царскіе писцы измѣрили и отмежевали ея пашни, покосы и лѣса, поверстали эти уголья наравнѣ съ другими въ казенныя облады и сборы; вотъ наконецъ государевы намѣстники или воеводы, съ волостелями и ихъ тѣнами, взяли этихъ засельниковъ подъ свою начальственную тяжелую руку. „Нѣтъ, завопили слобожане, обращаясь съ слезною мольбою къ князю или царю, не дай намъ умереть голодною смертію отъ излишней тяготы, отъ нестерпимыхъ поборовъ и взятокъ: мы готовы платить тебѣ оброкъ и доходы, какіе на насъ положишь, но дозвожь собирать ихъ намъ самимъ, по нашимъ животамъ и промысламъ, и дозвожь привозить ихъ нашимъ посыльщикамъ къ тебѣ.“ И князь или царь, милуя крестьянъ, освобождаетъ ихъ вновь отъ своихъ намѣстниковъ, волостелей и ихъ тѣновъ и разрѣшаетъ имъ управляться и въ-

²⁾ Уставныхъ грамотъ, въ концѣ помѣщены указываемыя здѣсь челобиты и льготы, данныхъ челобитчикамъ князьями и царями, напечатано такъ много въ изданіяхъ Археографической Комиссіи, что я считаю излишнимъ изчислять ихъ.

даться ихъ выборными головами, старостами и другими излюбленными людьми. И творять эти излюбленные люди судъ и расправу по извѣчнымъ уставамъ, которые живутъ въ народной памяти, какъ пошло изъ старины. Самые живые, полные интереса акты XV-го, XVI-го и XVII-го столѣтій, которые я тщательно и долго собиралъ въ разныхъ архивахъ, рисуютъ намъ картину этихъ самостоятельныхъ крестьянскихъ судовъ. Изъ найденныхъ мною документовъ видны до самыхъ подробностей выработанныя самими слобожанами начала судопроизводства, важнѣйшія основанія суда, судовореніе и приговоры судеевъ, которымъ *такую* цѣловальники и другіе добрые мужи. Но я рассмотрю все это далѣе, теперь же остановлюсь для разрѣшенія одного недоумѣнія, которое могутъ возбудить мои настоящія слова.

Я сказалъ, что *волостные* суды были у насъ искони, а здѣсь говорю о судѣ какихъ-то слобожанъ. Мнѣ могутъ замѣтить, что если и дѣйствительно были у насъ такіе суды въ привилегированныхъ селеніяхъ, называвшихся слободами, то нельзя же ихъ возводить въ народные суды, общіе всему крестьянскому населенію и сравнивать ихъ съ нынѣшними волостными судами. На это я отвѣчу, что, во-первыхъ, суды, о которыхъ я говорю, въ самыхъ актахъ вовсе не называются судами такихъ-то слобожанъ, а просто указывается, что въ такомъ-то, очевидно центральномъ для многихъ селеній мѣстѣ, которое называлось то слободой, то погостомъ, то станомъ, разбиралось такое-то дѣло, и что оно рѣшено такъ-то и такими-то судьями. Но совокупность всѣхъ селеній, подсудныхъ этому центральному пункту, называется обыкновенно въ актахъ *волостью*, а всѣ живущіе въ этой волости — *волостными людьми*, отчего и самый судъ носилъ иногда названіе *волостнаго*. Если же, во-вторыхъ, я коснулся прежде всего самостоятельнаго суда слободчиковъ, то единственно для того, чтобы выяснитъ происхожденіе такого народнаго суда, который производился безъ всякаго участія въ немъ княжескихъ или царскихъ чиновниковъ. Само собою разумѣется однако, что, по мѣрѣ размноженія народонаселенія, по мѣрѣ образованія новыхъ выселковъ или колоній изъ слободъ и селеній, уже давно сидѣвшихъ на своей землѣ, силою того, что къ нимъ тянули эти выселки какъ къ своему центру, въ нихъ должно было развиться нѣкоторое *главенство* или *старшинство*, которое и выразилось въ томъ, что въ древнѣйшихъ по времени селеніяхъ стали жить выборные или лучшіе мужи всей

земли или *волости* ¹⁾, и что здѣсь земскіе судейки и цѣловальники стали творить судъ и расправу всѣмъ волостнымъ людямъ, въ вышедшихъ же изъ этихъ старѣйшихъ селеній *вселяхъ* хотя и могъ производиться судъ, но по дѣламъ менѣе важнымъ и особенно по дѣламъ мѣстнымъ, который, въ подражаніе нынѣшнимъ *сельскимъ* судамъ, можно назвать этимъ же именемъ, хотя въ актахъ древней Россіи оно вовсе не встрѣчается. Нельзя также не замѣтить, что съ теченіемъ времени, вслѣдствіе народныхъ и правительственныхъ распоряжковъ, судебныя власти, равно какъ и власти административныя и полицейскія, могли перемѣщаться изъ прежнихъ центральныхъ мѣстъ въ другія болѣе удобныя для прочихъ селеній, которыя должны были составлять вмѣстѣ съ ними одну волость. Отсюда видно, что самая волость имѣла въ древней Россіи тоже значеніе, какое имѣетъ она и теперь, именно какъ административная, и судебная единица, и что въ центральномъ мѣстѣ этой волости производившійся судъ для всѣхъ жителей такого района можетъ быть по всей справедливости названъ, какъ и нынѣ, волостнымъ судомъ.

Какимъ же образомъ, спросимъ мы теперь, былъ организованъ этотъ волостной судъ въ древней Россіи? Изъ кого онъ состоялъ, какъ возбуждался и какъ производился; какія наконецъ извѣстны намъ тогдашнія рѣшенія? Обо всемъ этомъ я позволю себѣ сказать здѣсь нѣсколько словъ, основываясь на указанныхъ мною выше документахъ.

Составъ волостнаго суда того времени лучше всего объясняетъ намъ слѣдующая жалованная грамота царя Михаила Феодоровича отъ 1622 года, данная крестьянамъ Устьянскихъ волостей, названныхъ такъ отъ рѣки Устьи, на которой сидѣли разныя селенія этихъ волостей. „Вы били челомъ, пишетъ царь здѣшнимъ волостнымъ людямъ, что въ прежнихъ годѣхъ до московскаго разоренья у васъ въ Устьянскихъ волостяхъ приказныхъ людей не было, а судили васъ мирскіе выборные судейки. Теперь же жалуетесь вы, что назначенные къ вамъ при-

¹⁾ Слово «земля» имѣетъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ разныя значенія: иногда оно дается мѣстностямъ, занимаемымъ цѣлымъ племенемъ; иногда всѣмъ городамъ, волостямъ и селеніямъ, взаимнымъ договоромъ или правительственнымъ распоряженіемъ соединеннымъ въ одно цѣлое для отправленія какихъ либо повинностей; иногда наконецъ означаетъ поземельную общину, разившуюся изъ одного центра, но распавшюся на нѣсколько поселковъ. тянувшихъ однако къ этому центру какъ въ дѣлахъ хозяйственныхъ и административныхъ, такъ и судебныхъ.

кащики чинятъ вамъ великіе налоги и продажи и вы хотите брести врознь. Вслѣдствіе сего мы повелѣли во всѣхъ городахъ, станахъ и волостяхъ учинить старость излюбленныхъ, которыхъ крестьяне выберутъ всею землею и которые умѣли бы разсудить ихъ въ правду, беспосулно и безволонитно.“ За тѣмъ опредѣляется, чтобы въ каждой волости, которыхъ изчислится здѣсь пять, лучшіе, середніе и молодшіе люди выбрали изъ волостныхъ крестьянъ по два лучшихъ человека и списали ихъ за своими руками прислали въ Москву. „Они будутъ — продолжаетъ грамота — приседены къ присягѣ, судъ же и управу должны чинить по судебнику и по уложенной вновь уставной о судѣ грамотѣ. Пошлинъ съ судебныхъ дѣлъ они не должны брать, а въ чемъ найдутъ невозможнымъ учинить управу, о томъ судные свои списки и обояхъ исцовъ должны прислать къ докладу въ Москву, въ Устюжскую четъ. А цѣловальниковъ, кому у нихъ въ судѣ сидѣть и на розыскахъ быть, и дьячковъ земскихъ, кому у нихъ судныя дѣла писать, и въ доводчиковъ мѣсто, кому у нихъ на поруки давать и на судъ ставить, всѣмъ Устьянскихъ волостей крестьянамъ выбрать у себя въ волостяхъ кого межъ себя излюбить всѣ волостные люди, изъ каждой волости по два человека въ цѣловальники, да по одному дьячку земскому, да по одному доводчику и всѣхъ ихъ привести въ волостяхъ къ цѣлованью, списки же ихъ именъ за своею выборщиковъ подписью, а кто грамотѣ не умѣть, за подписью ихъ духовныхъ отцовъ, прислать въ Москву.“ Въ заключеніе царь угрожаетъ этимъ выборнымъ людямъ за неправый судъ и взятки смертною казнію и конфискаціей имущества, а за безволонитное и беспосульное рѣшеніе дѣлъ обѣщаетъ освободить ихъ отъ податей и пошлинъ, да и сверхъ того награждать ихъ своимъ жалованьемъ. И такъ двое судеекъ или излюбленныхъ старость, два волостныхъ цѣловальника, земскій дьячекъ и доводчикъ — вотъ составъ волостнаго суда. Но въ практикѣ, какъ видно изъ тогдашнихъ дѣлъ, обыкновенно выбирался одинъ земскій судейка и притомъ на одинъ годъ, а въ придачу ему участвовалъ въ судѣ старый прошлогодній судейка, что было и необходимо, ибо новый судейка отлучался перѣдко въ Москву, на долгое время; цѣловальники выбирались также погодно, но кромѣ того засѣдали въ судахъ еще земскіе старости, которые въ нѣкоторыхъ волостяхъ сами заступали мѣсто судеекъ, и нѣсколько лучшихъ или добрыхъ мужей, которые также избира-

лись миротъ и назывались, по своему значенію въ судѣ, *мужами приговорными*. О томъ, на сколько всё эти судные люди могли знать грамотѣ, можно судить на основаніи одного акта, которымъ предписывается, чтобы умѣющіе писать непременно прикладывали къ суднымъ дѣламъ свои руки, слѣдовательно такое знаніе грамотѣ не считалось, какъ видно, чѣмъ-то необыкновеннымъ ¹⁾. Касательно земскаго дьячка должно замѣтить, что въ эту должность обыкновенно выбирался мѣстный церковный дьячокъ, почему онъ иногда называется въ актахъ и церковнымъ дьячкомъ. Выборы производились конечно на сходкѣ всѣхъ волостныхъ людей-домохозяевъ, и по ихъ количеству, вѣроятно, на улицѣ или на площади близъ волостной избы. На такую сходку созывалъ *тремями* въ разное время *ключемъ* по всѣмъ селеніямъ своей волости церковный *трапезникъ*. О выборѣ всѣхъ означенныхъ выше должностныхъ лицъ съ означеніемъ лежащихъ на нихъ обязанностей составлялись акты, которые назывались *выборами*. Самый судъ производился въ *церковной трапезѣ*; по крайней мѣрѣ въ тѣхъ селеніяхъ гдѣ могло не быть волостной избы. За отправление же должностными лицами ихъ обязанностей имъ выдавалось опредѣленное въ *выборныхъ* записяхъ вознагражденіе.

Жалобы подавались земскому судейкѣ, но на имя царя и въ той же формѣ, какъ подавались челобитныя въ приказахъ. Принявъ *исковую* отъ *истца*, судейка вызывалъ на опредѣленный срокъ *ответчика*, давая на него *проставную*, которую долженъ былъ вручить ему *доводчикъ*. Когда такимъ образомъ являлись на судъ обѣ стороны, судейка, по прочтеніи челобитной, обращался къ отвѣтчику съ словами: „отвѣчай ты своему испу по его челобитной.“ Если отвѣтчикъ не сознавалъ себя виновнымъ или подлежащимъ иску, судья спрашивалъ истца: „чѣмъ уличаешь ты отвѣтчика?“ И истецъ указывалъ или на сдѣланную имъ прежде явку или на свидѣтелей, или же изъявлялъ готовность подтвердить свое показаніе присягой. Согласно этому производилась справка о явкѣ, дѣлался допросъ пред-

¹⁾ На сколько въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ знаніе грамотѣ было распространеннѣе, чѣмъ въ послѣдующія столѣтія, можно заключить изъ то.о, что судебныя дѣла и всѣ документы, которые весьма часто приводятся въ нихъ какъ доказательства, предъявленные сторонами, составлялись на мѣстѣ, и что въ нихъ, кромѣ подписей дьячка и священника, нерѣдко встрѣчаются рукоприкладства и тяжущихся или свидѣтелей.

ставленнымъ той или другой стороною свидѣтелямъ или давалась присяга. Иногда на самомъ судѣ стороны мирились и въ такомъ случаѣ въ судномъ дѣлѣ о томъ не только записывалось, но означались и „добрые люди“ или свидѣтели, при семъ бывшіе. Но мировыя были исключеніемъ, а при документальности, какою сопровождались въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ разныя сдѣлки, письменные акты — купчія, данныя, мѣновныя, закладныя, прежніе судные списки, правыя грамоты и другія бумаги были въ процессѣ въ полномъ ходу и нерѣдко служили подтвержденіемъ показаній истца или возраженій отвѣтчика. При неимѣніи же актовъ, кромѣ упомянутыхъ выше явоекъ, свидѣтелей и присяги, допускался еще, какъ доказательство, жеребей ¹⁾. Наконецъ въ дѣлахъ спорныхъ о землѣ, въ подтвержденіе границъ владѣнія, назначалось истцу или отвѣтчику, или представляемымъ ими старожиламъ, хожденіе по межамъ съ образомъ, а иногда и съ дерномъ на головѣ или въ рукахъ. Всѣ такія доказательства обсуждались судьями, что называлось *отговоромъ*, но рѣшеніе или *приговоръ* — это и былъ техническій его терминъ — произносилось судьейкой, а *засѣдчики*, т. е. сидѣвшіе съ нимъ на судѣ, по немъ *такали*. Весь ходъ процесса записывался дьячкомъ въ *судное дѣло*, часть котораго составлялъ приговоръ или *судный списокъ*, почему иногда и все дѣло называлось суднымъ спискомъ. Въ приговорѣ же означалось кого судьи *оправимъ*, т. е. оправдали, и кого *повинили*. Въ заключеніе судный актъ подписывался тѣми изъ судей, кто умѣлъ писать, и земскимъ дьячкомъ, а о незнавшихъ грамотѣ, если за нихъ не подписывался священникъ, отмѣчалось, что они „грамотѣ не умѣютъ.“

Приговоръ суда, заключавшійся иногда и въ присужденіи штрафа, приводился къ исполненію самимъ судьейкой. если же обвиненный не уплачивалъ положеннаго на него взыскація, то ставился на *правежъ* передъ цѣловальниками. О тѣлесномъ наказаніи въ собственномъ смыслѣ этого слова, въ бывшихъ у меня актахъ не упоминается, за исключеніемъ одного, найденнаго мною указанія въ царевой грамотѣ, на присужденіе въ Москвѣ къ *батагамъ* одного ослушника выборному судьейкѣ. за оказанное ему этимъ ослушаніемъ безчестіе. Оправданному давалась судьейкою

¹⁾ Въ судныхъ дѣлахъ XVI-го вѣка упоминается еще «поле» или поединокъ, но въ XVII-мъ столѣтіи оно уже не встрѣчается въ числѣ доказательствъ.

память, на основаніи которой онъ могъ впоследствии доказывать и защищать свое право.

Самый любопытный вопросъ представляется намъ относительно значенія приговорозъ волостныхъ судеекъ или вообще судныхъ мужей въ тѣхъ случаяхъ, когда одна изъ сторонъ или же и обѣ стороны были *рѣшеніемъ* недовольны. Изъ дѣлъ до насъ дошедшихъ видно, что на волостной судъ апелліяція допускалась, но дѣлалось различіе въ отношеніи апелліаціоннаго мѣста между рѣшеніями судовъ привилегированныхъ и общихъ. На рѣшенія первыхъ жалоба должна была приноситься въ Москву, въ мѣсто, назначенное въ жалованной льготной грамотѣ, на рѣшенія же обыкновенныхъ судовъ по дѣламъ между черносошными крестьянами въ XVII-мъ вѣкѣ — мѣстному воеводѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, воевода стоялъ въ отношеніи къ черносошнымъ волостямъ на степени второй инстанціи. Но и на его рѣшеніе допускалась еще жалоба въ Москву — въ тотъ Приказъ или Четь, какому бы съ подчиненъ городъ, которымъ онъ управлялъ. Въ имѣніяхъ помѣщичьихъ второй инстанціей былъ прикащикъ владѣльца или домовый судья, а третьей — домовый приказъ, какіе приказы были у многихъ помѣщиковъ въ Москвѣ, при ихъ лицѣ, а также въ другихъ городахъ, если они здѣсь жили постоянно ¹⁾). Во всѣхъ этихъ судахъ, при судьяхъ, для того поставленныхъ, встрѣчаются старосты, цѣловальники и лучшіе мужи, о которыхъ упоминается въ Судебникахъ какъ о необходимыхъ членахъ царскихъ судовъ. Основаніе, вызвавшее необходимость такихъ придаточныхъ судей, понятно: они были вѣщателями или глашатаями народной жизни, мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ и истолкователями тѣхъ рѣшеній, которыя, на началахъ, утверждавшихъ эти обычаи, постановлялись въ низшихъ судахъ. Изъ судовъ крестьянскихъ, при предстоявшемъ въ Москвѣ разборѣ дѣла, рѣшеннаго въ волости, обыкновенно отправлялись туда, для участія въ судѣ, иногда одинъ изъ судеекъ, а иногда цѣловальникъ. И въ дворцовыхъ волостяхъ, если судъ чинили не выбранные крестьянами судейки, а поручался онъ царскому прикащику, при немъ должны были также находиться лучшіе люди.

Останавливаясь, въ заключеніе моего отчета объ актахъ, до-

¹⁾ О судахъ въ имѣніяхъ духовныхъ властей, монастырскихъ и дворцовыхъ я не говорю здѣсь особенно, потому что они имѣли обыкновенно каждый свое особое положеніе, по крайней мѣрѣ въ высшей инстанціи, но и въ нихъ замѣтны слѣды то одной, то двухъ низшихъ инстанцій.

шедших до насъ относительно устройства волостныхъ судовъ и рѣшенія въ нихъ дѣлъ, на ихъ содержаніи, я долженъ сказать, что оно ограничивалось преимущественно, съ одной стороны, хозяйственною и имущественною сферою, стоявшею въ сельской жизни и въ взаимныхъ между крестьянами отношеніяхъ на первомъ планѣ, а съ другой — разборами личныхъ ссоръ и недоразумѣній, а иногда и преступленій, встрѣчавшимися въ ихъ средѣ. Отсюда видно, что лежащіе передъ нами судные списки относятся главнымъ образомъ къ дѣламъ гражданскимъ, и лишь изрѣдка встрѣчаются въ нихъ и производства по дѣламъ уголовнымъ. Такимъ образомъ, въ нихъ разбираются права собственности, сила предъявленныхъ на судъ документовъ и другихъ доказательствъ и взаимныя между тяжущимися обиды; обсуждаются расходы и самовольныя издержки мірскихъ суммъ; повѣряются на мѣстахъ завладѣнія и границы или межевыя признаки; сводятся счеты и взаимныя недоразумѣнія между разными сельскими обществами по лежащимъ на нихъ передъ правительствомъ повинностямъ, и т. под. Встрѣчаются также указанія на временное порученіе выборнымъ судейкамъ „дѣлъ татинныхъ и разбойныхъ“ и распоряженія воеводъ о допросѣ судейками всѣхъ волостныхъ людей чрезъ повальный обыскъ.

Изъ сказаннаго видно, что XVI-й и особенно XVII-й вѣкъ оставили намъ обильные матерьялы для изученія самостоятельнаго крестьянскаго суда, преимущественно благодаря письменности, которая требовалась присутственными мѣстами того времени какъ въ отношеніи сдѣлокъ и условій разнаго рода, такъ и судебныхъ разборовъ тяжбныхъ и другихъ дѣлъ. На сколько въ этомъ отношеніи бѣднѣе и менѣе поэтому доступенъ для изученія XVIII-й вѣкъ, мы еще положительно сказать не можемъ, ибо матерьялы этого вѣка еще не были до сихъ поръ достаточно разсмотрѣны и даже, можно сказать, почти неизвѣстны. Но совершившаяся перемѣна въ судоустройствѣ и въ судопроизводствѣ въ разныя царствованія, главнымъ же образомъ подчиненіе правительствомъ волостей ближайшему завѣдыванію мѣстныхъ административныхъ и полицейскихъ органовъ заставили конечно и казенныхъ, а также и другихъ крестьянъ отказаться отъ письменнаго производства при своихъ домашнихъ разборахъ, хотя отсюда не слѣдуетъ, чтобы они прекратили и самые разборы и отказались отъ выбора для нихъ судеекъ или должностныхъ лицъ подъ другими названіями. Одинъ дворцовый актъ, относящійся

еще къ половинѣ XVI-го вѣка, даетъ намъ ключъ къ объясненію съ этой точки зрѣнія домашнихъ разборовъ своихъ дѣлъ крестьянами разныхъ вѣдомствъ. Именно въ одной указной грамотѣ, писанной изъ Дворцоваго Приказа Вологодскаго уѣзда въ село Воздвиженское съ деревнями, о хлѣбной дачѣ Кириллоблужерскому монастырю. распоряженіе адресовано не на имя дворцоваго прикащика, а на имя старосты, цѣловальниковъ и всѣхъ крестьянъ. Въ числѣ ихъ значится и *выборный судья* ¹⁾. Этотъ терминъ „выборные судьи“, а чаще и наконецъ даже исключительно „выборные“, встрѣчается за тѣмъ постоянно во всѣхъ волостныхъ селеніяхъ не только казенныхъ и дворцовыхъ, но также духовныхъ волостей. синодальныхъ и экономическихъ. Что же касается до волостей, какъ административныхъ частей уѣздовъ, то и о нихъ есть точныя свѣдѣнія въ дѣлопроизводствахъ петровскаго и ближайшаго къ нему времени, и въ этихъ актахъ упоминаются также, среди правительственныхъ органовъ, и *выборные миромъ*, т. е. крестьянами каждаго отдѣльнаго сельскаго общества. Для примѣра и въ подтвержденіе моихъ словъ, я могу привести ревизскія сказки всѣхъ первыхъ трехъ ревизій, въ которыхъ встрѣчаются, именно вслѣдствіе того, что онѣ подавались „съ вѣдома мірскихъ людей“ и притомъ лицами, которымъ они преимущественно довѣряли такую подачу, неупоминаемая обыкновенно въ тогдашнихъ официальныхъ дѣловыхъ бумагахъ, и названіе *волостей*, уцѣлѣвшихъ, какъ оказывается, и въ своемъ составѣ и въ своей хозяйственной, если не административной связи, и термины *выборный*, *выборный волостной*, *староста волостной* и выборные въ слободахъ. Въ Ржевскомъ уѣздѣ упоминается даже село Оковцы какъ центр *Оковецкой волости*, состоящей изъ этого села съ числящимися при немъ деревнями ²⁾.

¹⁾ Этотъ актъ напоминаетъ намъ и многіе другіе дворцовые акты, начиная съ XIV-го даже столѣтія по XVIII-й вѣкъ, въ которыхъ дворцовымъ крестьянамъ предоставлялось самоуправленіе подъ условіемъ исправнаго доставленія въ Москву ежегодныхъ дворцовыхъ запасовъ.

²⁾ См. ревизскія сказки первыхъ трехъ ревизій, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. Въ подтвержденіе того, что названіе *волостей* и волостныхъ и сельскихъ *выборныхъ* продолжалось въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, я укажу здѣсь особенно на ревизскія сказки губерній Воронежской и Ярославской (1719 — 1721 г.), Московской, Тверской, Новгородской и Нижегородской (1744 — 1751 г.), и по Московской губ. 1773 г. Замѣчу еще, что даже въ одномъ официальномъ актѣ — рапортѣ, присланномъ въ Сенатъ изъ Перискаго намѣстническаго правленія, отъ 27 мая 1788 г., упоминаются существующія здѣсь волости Ирбитская, Рудная и Киргянская (см. дѣло Сената 1-го деп. по Статсъ-Конторѣ и Ревизионъ-Коллегіи 1787 г.). Впрочемъ ближайшія указанія на продолжавшееся и въ XVIII-е сто-

Такимъ образомъ нельзя считать нововведеніемъ встрѣчающееся въ царствованіе Императрицы Екатерины II правительственное распоряженіе имѣть въ учреждаемыхъ вновь селеніяхъ „выборныхъ отъ крестьянъ“. За тѣмъ, въ царствованіе Императора Павла, 7 августа 1797 года, какъ бы вновь, но конечно на основаніи прежнихъ практическихъ данныхъ, селенія разбиваются на волости, а въ отдѣльныхъ волостяхъ и приписанныхъ къ нимъ селеніяхъ, подобно тому какъ было въ томъ же году заведено въ удѣльныхъ имѣніяхъ, учреждаются „выборные крестьянами волостные головы“, „выборные или старосты“, сельскіе и деревенскіе, и писаря, при чемъ въ главныхъ изъ волостныхъ селеній назначается быть „волостному правленію“. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ частностяхъ это положеніе какъ-бы буквально списано съ актовъ XVII вѣка, такъ наприм. чтобы раскладка крестьянами податей и другихъ сборовъ дѣлалась по каждому селенію особо, а не по мірскому приговору всей волости; но судебныя права волостнаго головы противъ правъ бывшихъ земскихъ судеекъ весьма ограничены — ясный признакъ, что на самомъ дѣлѣ „положеніе“ составлено не на основаніи документовъ прошлаго столѣтія, а на основаніи современныхъ въ означенное царствованіе у крестьянъ порядковъ съ измѣненіемъ ихъ согласно практическимъ соображеніямъ составителей положенія ¹⁾. Узаконеніе это оставалось въ силѣ до изданія для казенныхъ крестьянъ въ 1838 и 1839 годахъ учрежденія объ управленіи государственными имуществами въ губерніяхъ и сельскаго судебного устава съ открытыми на основаніи его крестьянскими судами или, какъ они здѣсь названы, расправами, волостной и сельской. Не исчезли, наконецъ, даже до половины настоящаго столѣтія „выборные“ и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ: я самъ еще помню въ одномъ имѣніи моей матери „выборнаго“, который, нося это имя, отдѣлялся отъ господскаго старосты и конечно имѣлъ свое значеніе въ крестьянскихъ дѣлахъ не подлежавшихъ ближайшему контролю помѣщика или его прикащика и старосты ²⁾.

дѣіе существованіе волостныхъ округовъ (волостей) встрѣчаются во всѣхъ тогдашнихъ официальныхъ и частныхъ документахъ, какъ очевидно, между прочимъ, изъ трудовъ В. И. Семевского, посвященныхъ быту крестьянъ этого столѣтія.

¹⁾ См. Полн. Собр. Закон., собр. 1, т. XXIV, № 18,082, а также указанія по этому предмету проф. А. Ф. Кистяковскаго въ его статьѣ: «Очерки волостнаго суда» въ «Трудахъ этнограф. статистич. экспедиціи въ западно-русскій край, отд. юговол.», т. VI, стр. 7—8.

²⁾ Не могу не обратить здѣсь вниманія на одно обстоятельство, которое упу-

За отсутствіемъ данныхъ для болѣе точнаго уясненія состава волостей и народныхъ должностныхъ лицъ въ волостныхъ и сельскихъ общинахъ и судахъ въ XVIII-мъ столѣтіи и первой половинѣ XIX-го, мы переходимъ къ волостямъ и волостнымъ судамъ, открытымъ въ 1861-мъ и слѣдующихъ годахъ, съ изданіемъ знаменитыхъ положеній о крестьянахъ, какъ выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, такъ и бывшихъ государственныхъ, удѣльныхъ, сибирскихъ, горнозаводскихъ, приписныхъ и всѣхъ прочихъ. Великое дѣло царя-освободителя стало и знаменемъ возстановленія вновь самостоятельнаго суда многомилліоннаго крестьянскаго населенія. Этотъ судъ сдѣлался опять свободнымъ и народнымъ. Опять являются передъ нами живыми, не таящимися болѣе отъ дневнаго свѣта, волостные судьи, что съ извѣчныхъ временъ давали свою управу въ слободахъ, погостахъ, селахъ и другихъ волостныхъ центрахъ и оглашали народную правду не только въ городахъ, передъ князьями и правительственными судьями, но и въ Москвѣ, въ приказахъ, передъ боярами и даже на глазахъ самихъ царей и патріарховъ. И всѣмъ намъ не только открыты теперь двери въ эти волостные суды, но уже ревизовала ихъ дѣятельность въ разныхъ губерніяхъ цѣлая коммиссія министерства юстиціи и не только ревизовала, но и собирала ихъ рѣшенія, обнародовала ихъ и представила свои выводы изъ составленныхъ на мѣстахъ данныхъ объ этихъ судахъ. Съ своей стороны я разсматривалъ во многихъ волостныхъ правленіяхъ книги съ записанными въ нихъ рѣшеніями волостныхъ судовъ, а сверхъ того изъ разныхъ губерній получилъ обстоятельныя выписки изъ такихъ книгъ. Какія же могутъ быть сдѣланы заключенія о практическомъ значеніи этихъ народныхъ судовъ какъ для крестьянъ, такъ и для лицъ иныхъ сословій? На сколько они важны и полезны тѣмъ и другимъ? Поддажатъ ли они сохраненію или же совершенному закрытію, или наконецъ лишь болѣе или менѣе значительнымъ исправленіямъ? — вотъ, думаю

скается изъ виду при обсужденіи быта крестьянъ въ имѣніяхъ помѣщичьихъ и тѣхъ, которыя до послѣдней реформы находились въ особой зависимости отъ поставленныхъ надъ ними властей: предполагается обыкновенно, что въ такихъ имѣніяхъ крестьяне вовсе не имѣли «своего права и суда». Но достаточно вспомнить, что въ мирскихъ общинахъ у крестьянъ всѣхъ разрядовъ бывали свои хозяйственные, земельныя и другія дѣла, свои разборы въ денежныхъ и семейныхъ счетахъ, свои выборы для исправленія дѣлаемыхъ ими порученій лицъ, о которыхъ не заботились означенныя власти (наприм. стариковъ, увѣчныхъ, женщинъ и даже дѣтей): отсюда бывшіе всегда и продолжающіеся и донинѣ сходы, въ которыхъ важную роль занимаютъ бывалые и опытные домохозяева, не имѣющіе никакого officialнаго значенія.

я, существенные вопросы, на которыхъ мнѣ слѣдуетъ теперь остановиться, ибо устройство, предметы вѣдомства и вся обстановка волостныхъ судовъ конечно всеѣмъ хорошо извѣстны не только изъ обнародованныхъ въ свое время положеній, но и изъ другихъ относящихся до нихъ изданій; притомъ мнѣ придется кстати говорить обо всемъ этомъ, сводя въ одно важнѣйшія основанія, представляющіяся какъ противъ дальнѣйшаго существованія такихъ судовъ, такъ и въ ихъ пользу.

Я уже высказалъ разъ мое мнѣніе по этому предмету и не имѣю доселѣ основанія измѣнять его ¹⁾. Читая рѣшенія волостныхъ судовъ, записанныя большею частію весьма кратко, далеко не только, съ указаніями обыкновенно не на настоящія основанія пародныхъ приговоровъ — мѣстные обычаи, — а на статьи Свода Законовъ, которыя прискиваетъ писарь-самоучка, но которыхъ не могутъ отвергать неграмотные судьи, ибо они видятъ въ этихъ законахъ царское слово, царскій приказъ; усматривая въ обсуждаемыхъ нами приговорахъ вліяніе не только этого писаря, но и волостнаго старшины, заботливо устраниннаго составителями крестьянскихъ положеній отъ всякаго участія въ народныхъ судахъ; встрѣчая наконецъ въ самомъ изложеніи дѣлъ и въ исполненіи волостныхъ рѣшеній указанія не только на народ-

¹⁾ См. мою статью подъ заглавіемъ: «Объ отношеніи юридическихъ обычаевъ къ законодательству», помѣщенную въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи» т. VIII. Въ этой статьѣ, выражая полное сочувствіе тому, что приводится въ пользу волостныхъ судовъ, я не могъ, съ другой стороны, не указать на тѣ возраженія, которыя дѣлаются ихъ противниками. «Чтобы убѣдиться — говорилъ я — въ томъ, что эти суды постановляютъ свои рѣшенія на какихъ либо основательныхъ соображеніяхъ, необходимо имѣть въ виду эти соображенія и тѣ обычаи, которыми они вызываются. Между тѣмъ, что видимъ мы въ самой значительной массѣ судебныхъ рѣшеній? Одни приговоры или доводы личные волостныхъ судей или наконецъ основанія религіозныя, нравственныя (да и то по понятіямъ крестьянъ). Самая суть дѣла — обычай — не выдвинутъ въ такихъ рѣшеніяхъ, какъ бы это слѣдовало, а умолченъ какъ слишкомъ извѣстный, безспорный. Какъ же судить о такихъ рѣшеніяхъ лицамъ, не знающимъ ни обычаевъ, ни быта крестьянъ? Съ точки зрѣнія человѣка образованнаго, т. е. не знающаго крестьянскаго брата, и юриста, т. е. лица, знакомаго съ одними законами, такія рѣшенія должны казаться весьма часто не только несправедливыми, но даже и абсурдными. И каждую минуту такой критикъ можетъ подтвердить свои слова самими, повидимому, убѣдительными доказательствами. Вотъ, наприм., рѣшеніе, постановленное, очевидно, послѣ обильной попойки: волостные судьи, какъ извѣстно, большею частью вслѣдъ за произнесеніемъ своихъ рѣшеній угощаются стороною оправданною или даже обѣими, но иногда та или другая сторона ухитряется и до суда задобрить виномъ кого нужно. Вотъ другое рѣшеніе, записанное такъ коротко, что даже неясно: приговоренъ ли подсудимый къ наказанію за извѣстное дѣйствіе, или только потому, что на него принесена извѣстная жалоба; а есть и такія рѣшенія, изъ коихъ даже очевидно, что никакого розыскашія или хотя бы допроса по жалобѣ произведено не было».

ное суевѣріе, на незнаніе или искаженіе религиозныхъ истинъ, но и на нарушеніе даже положительныхъ по крестьянскому дѣлу законовъ, изданныхъ съ цѣлью ограничить или совершенно воспретить ложные приемы, укоренившіеся въ народѣ, наприм. для дознанія истины — пытку и для наказанія — сѣченіе розгами, — мы не можемъ быть сторонниками такого дѣлопроизводства. Но стѣитъ только обратиться съ живою рѣчью къ этимъ народнымъ судьямъ; стѣитъ послушать, особенно на сельскихъ сходахъ, въ которыхъ подчасъ и донинѣ рѣшаются стариками тяжбынныя дѣла, хозяйственныя споры и общественныя распоряженія, ихъ полныя практическаго смысла доводы, какъ взглядъ на непригодность этихъ умныхъ и смѣтливыхъ стариковъ къ дѣлу суда совершенно измѣняется. Это ясное пониманіе своихъ домашнихъ и общественныхъ нуждъ; эти трезвыя сужденія, не поддающіяся ни житейской неприязни къ подсудимымъ, ни страху передъ сильными людьми, ни презрѣнію къ безпомощнымъ и слабымъ — все это невольно располагаетъ васъ въ пользу этихъ неграмотныхъ, но крайне разсудительныхъ стариковъ. Справедливость ихъ въ рѣшеніяхъ доходитъ до того, что многіе помѣщики по порубкамъ крестьянамъ въ ихъ лѣсахъ и по потравамъ въ ихъ поляхъ и лугахъ обращаются съ жалобами въ волостные суды и удовлетворяются этими судами несравненно скорѣе и лучше, чѣмъ мировыми судьями. Слѣдовательно, не въ самой природѣ, не въ притупленной отъ тяжелыхъ работъ способности, не въ недостаткѣ ума, смѣтливости и чувства правды въ простолудинѣ должно искать причину многихъ дѣйствительныхъ недостатковъ въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ подлежащихъ волостнымъ судамъ. Постараемся подтвердить это мнѣніе наше небольшимъ обзоромъ данныхъ, собранныхъ въ „Трудахъ“ упомянутой выше комиссіи министерства юстиціи о волостныхъ судахъ, которыми выясняются не только производства этихъ послѣднихъ, а также судовъ сельскихъ сходовъ, но и независимо отъ нихъ и другіе способы, какіе существуютъ у крестьянъ разныхъ мѣстностей для обсужденія и рѣшенія встрѣчающихся у нихъ гражданскихъ и отчасти уголовныхъ дѣлъ ¹⁾. Этотъ обзоръ имѣетъ въ нашихъ глазахъ тѣмъ большее значеніе, что онъ знакомитъ насъ и съ тѣми словесными судами, какіе, безъ сомнѣнія, практиковались въ крестьянскомъ быту

¹⁾ См. сверхъ шести томовъ означенныхъ трудовъ также изданные томъ же комиссіею «выводы изъ собранныхъ на мѣстахъ данныхъ о волостныхъ судахъ» (Спб. 1874 г.). Ср. помѣщенную въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1880 г. (№№ 6 и 7) ст. II. *Скоробогатю* «Устройство крестьянскихъ судовъ».

и въ теченіи того времени, когда официальные источники упоминали объ нихъ лишь въ томъ смыслѣ, что она воспрещаются ¹⁾, притомъ частныя свѣдѣнія объ нихъ едва-ли и найдутся.

Какъ въ „Положеніяхъ“ о крестьянахъ, такъ особенно въ практикѣ, встрѣчается одноличный судъ сельскаго старосты и волостнаго старшины, но съ одной стороны онъ возникаетъ изъ тѣсной связи того и другаго со всѣмъ строемъ сельской общины и волости, а съ другой, вслѣдствіе того, что судныя дѣла крестьянъ обыкновенно вносятся ими, какъ должностными лицами, въ волостной судъ и они пользуются этимъ, чтобы склонять тяжущихся къ мировымъ сдѣлкамъ. Настоящіе же сельскіе суды суть коллегіальные, т. е. состоятъ изъ нѣсколькихъ судей, преимущественно людей пожилыхъ, хорошо знакомыхъ съ бытомъ своихъ односельцевъ и опытныхъ въ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ разбору. Иногда такіе суды выбираются на болѣе или менѣе определенное время и называются *выборными*, а также *добросовѣстными* ²⁾; иногда сельскіе старосты разбираютъ спорныя дѣла вмѣстѣ съ излюбленными обѣими сторонами стариками, въ числѣ коихъ встрѣчается обыкновенно одинъ изъ волостныхъ судей; иногда наконецъ судилище составляетъ цѣлый сходъ, сельскій или волостной. Бываютъ сверхъ того особые суды для разбора дѣлъ между отдѣльными сельскими обществами. Мы конечно не можемъ разсматривать здѣсь всѣ тѣ случаи, когда имѣютъ мѣсто тѣ или другіе изъ изчисленныхъ судовъ; не можемъ также выяснитъ тѣ основанія, которыми они руководствуются въ своихъ разборахъ и на сколько приводятся въ исполненіе постановляемыя ими рѣшенія: считаемъ достаточнымъ остановиться лишь на томъ выводѣ, что каждый изъ приведенныхъ судовъ имѣетъ свое основаніе въ подлежащихъ ему дѣлахъ, и что во всякомъ случаѣ судъ сельскаго общества, какъ бы онъ ни назывался, имѣетъ большое значеніе, какъ первая инстанція народнаго суда по той близости, въ какой онъ находится къ тяжущимся и преступникамъ, если обсуждается какое-либо противузаконное дѣйствіе. Вотъ почему нельзя не придти къ заключенію, что сельскіе суды, существующіе вѣрнѣе вслѣдствіе

¹⁾ Я разумѣю здѣсь главнымъ образомъ XVIII-е столѣтіе. Указаніемъ же на воспрещеніе такимъ судамъ собираться и рѣшать дѣла, я обязанъ В. И. Семевскому, который встрѣтилъ такого рода свѣдѣніе въ документахъ царствованія Екатерины II.

²⁾ Такихъ «добросовѣстныхъ» я помню еще въ крѣпостное время въ моемъ сербскомъ имѣніи.

обычая, укоренившаяся издавна въ народной жизни, нежели на основаніи закона, такъ какъ въ „Положеніяхъ о крестьянахъ“ они вовсе не выдѣлены ни своимъ составомъ, ни предметами вѣдомства изъ числа дѣлъ, подлежащихъ сельскому сходу, — требуютъ точнѣйшаго опредѣленія ихъ устройства, занятій, дѣлопроизводства и силы ихъ рѣшеній, какъ первой инстанціи суда. Въ настоящее же время весь исходъ разнообразныхъ сельскихъ судовъ, говоря строго, ограничивается примрніемъ тяжущихся, ибо тѣ наказанія или взысканія, которыя практикуются въ селеніяхъ, на основаніи рѣшенія того или другаго сельскаго суда, не имѣютъ опредѣленнаго законнаго основанія.

Волостные суды, какъ выяснилось изъ отвѣтовъ, данныхъ, съ одной стороны, самими крестьянами разныхъ губерній, а съ другой, должностными лицами, знакомыми съ крестьянскими дѣлами, представляютъ не коллегіальное учрежденіе, а почти всюду собраніе неграмотныхъ людей, опутываемыхъ, съ одной стороны, довлѣдѣмъ дѣла и вставочными рѣчами волостнаго старшины, а съ другой — ссылками писаря на статьи свода законовъ, которыя онъ приводитъ по своему усмотрѣнію и надобности. Упадокъ нравственности и излишнее пристрастіе къ вину, отъ котораго не отказываются часто волостные судьи даже передъ самымъ разборомъ дѣла (если съумѣютъ заманить ихъ въ свои сѣти тотъ или другой изъ тяжущихся), считаются и самими крестьянами поводомъ къ неправильности рѣшеній въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣніе волостнаго старшины или запугиваніе со стороны писаря могли-бы и не склонять судей къ неправильному рѣшенію. Наконецъ существующій порядокъ обжалованія приговоровъ волостнаго суда не только крестьянамъ не понятенъ, но — при неразвитости ихъ въ юридическомъ отношеніи — признается ими служащимъ не къ отиѣнѣ неправильныхъ рѣшеній, а лишь къ оттяжкѣ и замедленію тяжбы. Тѣмъ не менѣе большинство допрошенныхъ заявило, что волостной судъ крайне важенъ и дорогъ для крестьянъ по своей близости къ населенію, по однородности взглядовъ и понятій въ тяжбныхъ дѣлахъ судей и сторонъ, по возможности обходиться безъ расходовъ на путевыя издержки и на наемъ повѣренныхъ, что было бы неизбѣжно при судѣ въ другихъ учрежденіяхъ: только желательно — добавляли они въ заключеніе — чтобы сдѣланы были необходимыя въ волостномъ судѣ перемѣны. Къ нимъ, кромѣ отиѣны указанныхъ

выше недостатковъ, они относятся: передачу въ вѣдѣніе мировыхъ судебныхъ учрежденій тѣхъ проступковъ, за которые закономъ опредѣлено заключеніе въ тюрьму; ограниченіе подсудности по дѣламъ гражданскимъ уменьшеніемъ цѣны иска (для крестьянъ — какъ оказывается — при ихъ бѣдности, и сумма 100 руб. слишкомъ высока); наконецъ учрежденіе высшей апелляціонной инстанціи.

Какой же выводъ сдѣлаемъ мы изъ этихъ краткихъ, но вѣрныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ, можно сказать, изъ устъ самихъ крестьянъ? Не выродились-ли въ самомъ дѣлѣ рѣшенія сельскихъ судовъ, подъ вліяніемъ закона, въ ничтожныя постановленія, если они не ограничиваются мировыми сдѣлками и одинъ изъ тяжущихся захочетъ продолжать тяжбу? А рѣшенія волостныхъ судовъ не представляютъ-ли обратно, вслѣдствіе неправильнаго хода крестьянской жизни, весьма часто странную пародію, которая дѣйствительно возмущаетъ ихъ посѣтителя? Такъ волостной старшина, не имѣющій собственно никакихъ правъ по суду, царитъ въ его засѣданіяхъ, защищаетъ или обвиняетъ подсудимыхъ и наконецъ направляетъ дѣло къ рѣшенію по своему усмотрѣнію; такъ судьи, эти смѣтливые и толковые разборщики дѣлъ на сельскихъ судахъ и сходкахъ, обыкновенно молчатъ, устремляя взоръ на писаря, а писарь самоувѣренно, съ книгою въ рукѣ, изрекаетъ законъ и угрожаетъ имъ за его нарушеніе¹⁾. Я уже не говорю ничего болѣе сказаннаго выше объ обильныхъ винныхъ угощеніяхъ, какими нерѣдко ублажаютъ судей и писаря еще до суда и послѣ суда смѣтливые истцы и ходяки по крестьянскимъ дѣламъ. А между тѣмъ какой въ самомъ дѣлѣ контроль и пересудъ установлены для рѣшеній волостныхъ судовъ при такихъ условіяхъ? Это рѣшенія окончательныя, ибо могутъ отмѣняться лишь вслѣдствіе формальныхъ нарушеній закона, въ кассационномъ порядкѣ. Правда, что по суммѣ исковъ и по подлежащимъ волостнымъ судамъ дѣламъ (не свыше 100 рублей) они съ точки зрѣнія людей достаточныхъ

¹⁾ Одинъ изъ волостныхъ писарей, недовольный этимъ нашимъ мнѣніемъ, счелъ долгомъ помѣстить въ опроверженіе его замѣтку въ № 147 (за 1880 г.) «Виленскаго Вѣстника». Къ сожалѣнію, мы не можемъ воспользоваться этимъ возраженіемъ, ибо имъ подтверждается лишь то, что указанные нами дѣйствія и приемы волостныхъ старшинъ и писарей (конечно, они могутъ встрѣчаться и не повсемѣстно) воспрещаются и закономъ и высшей администраціей, точно также какъ и мнѣніе наше о необходимости *апелляціонной* инстанціи не устраняется его же замѣчаніемъ, что рѣшеніе волостнаго суда не приводится въ исполненіе до истеченія мѣсячнаго срока и слѣдоват. можетъ быть обжаловано въ силу закона: конечно можетъ, но какъ мы сказали, лишь въ *кассационномъ* порядкѣ.

ничтожны; но нельзя оставлять без вниманія положеніе крестьянъ, для которыхъ и небольшія суммы и неважныя съ означенной точки зрѣнія дѣла имѣютъ большое значеніе. Поэтому возможность пересмотра крестьянскихъ тяжбныхъ и уголовныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ волостныхъ судахъ, высшей *апелляціонной* инстанціей, имѣла бы для нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, свою хорошую сторону.

Если же такимъ образомъ неотложно требуются измѣненія какъ въ отношеніи къ сельскимъ судамъ, такъ особенно въ отношеніи къ судамъ волостнымъ, то спрашивается однако: можетъ-ли быть также неотложно къ этому приступлено? Не зависитъ-ли такая возможность отъ возвышенія съ одной стороны народной грамотности и народной нравственности, а съ другой — отъ предоставления крестьянамъ возможности заявлять свои права, основанныя на мѣстныхъ обычаяхъ, и въ высшемъ апелляціонномъ судѣ, если таковой будетъ установленъ? Но грамотность, но улучшеніе нравственности, тѣсно связанная съ возвышеніемъ религіозныхъ воззрѣній крестьянъ, которые ограничиваются доселѣ одною обрядовою стороною православія, и наконецъ основательная выработка не только значенія мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ, но и программы для изложенія выражающихся въ нихъ началъ народной жизни на столько, чтобы необходимость примѣненія тѣхъ или другихъ обычаевъ въ данномъ случаѣ была вполне ясна и наглядно убѣдительна не только для самихъ крестьянъ, но и для высшихъ судовъ — все это видѣтъ взятое не есть-ли такая задача, которая должна устрашить самихъ ревностныхъ защитниковъ волостнаго суда, если-бы потребовалось ея исполненіе? Кому, однако, можетъ подлежать осуществленіе такой задачи, какъ не нашему высшему сословію, которое еще недавно такъ охотно и легко отказалось отъ бывшаго за нимъ крѣпостнаго права, и ему ли — спрашиваю я — страшиться взять на себя этотъ славный подвигъ — развитіе въ народѣ грамотности, нравственности и религіозности; а что касается до составленія программы народныхъ юридическихъ обычаевъ и ихъ изученія, то за это уже принялись разныя общества, комиссіи и частныя лица. Да поможетъ намъ Богъ!

УПРАВЛЕНІЕ ССЫЛКИ ¹⁾.

И. Я. ФОЙНИЦКАГО.

«Одною изъ *главнѣйшихъ* причинъ безуспѣшности до сего времени всѣхъ стараній правительства къ правильному устройству ссыльныхъ можетъ быть постоянный недостатокъ не только денежныхъ по сей части средствъ, но и хорошихъ на мѣстѣ исполнителей, исключительно посвятившихъ себя сему трудному дѣлу и могущихъ быть посредниками въ примѣненіи къ мѣстнымъ обстоятельствамъ плановъ высшаго правительства».

Замѣчаніе гр. Д. Н. Блудова, принятое Госуд. Совѣтомъ (Арх. Гос. Сов. 1859 г., дѣла № 24, л. 281).

Посвящается К. К. Гроту.

I. Депортационное управленіе на Западѣ. — II. Русская ссылка. Московскій періодъ. Сибирскій Приказъ и воеводы. Распаденіе этой системы. — III. Гр. Сперанскій. Общее гражданское управленіе по Сибирскому учрежденію 1822 г. — IV. Особенныя установленія для ссыльныхъ и отношеніе ихъ къ общему управленію. — V. Органы центрального управленія ссылки. — VI. Правительственныя предположенія о реформѣ ссыльнаго управленія. Предположенія гр. Блудова. Проекты г. и. Гасфорта, гр. Муравьева-Амурскаго и г. л. Корсакова. Проектъ статьи-секретара гр. Валуева. — VII. Критика и выводы.

Нынѣ, когда вопросъ о тюремномъ управленіи въ Имперіи разрѣшенъ законодательною властью, пришло, кажется, время поднять изъ архивной пыли другой, тѣсно связанный съ нимъ

¹⁾ Главнѣйшіе источники и пособия:

Holtendorff, die Deportation als Strafmittel, Leipzig, 1859.

Marquis de Blossville, histoire de la colonisation pénale en Australie, Paris, 1859.

(*Jules de la Pilorgerie*) Histoire de Botany-Bay, Paris, 1836.

вопросъ — о реформѣ ссыльнаго управленія. Еще очень недавно, на разработку его были положены лучшія усилія нашихъ государственныхъ людей, стоявшихъ во главѣ какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго сибирскаго управленія. Было бы прискорбно, если бы усилія эти погибли безслѣдно.

Таковыми соображеніями руководился авторъ нижеслѣдующихъ строкъ, предлагая благосклонному вниманію читателей „Сборника“ настоящую главу своего сочиненія о ссылкѣ. Не будучи увѣренъ, что напечатаніе этого сочиненія въ полномъ объемѣ не задержатъ другія лежащія на немъ обязанности, онъ выбралъ вопросъ ссыльнаго управленія какъ такой, который требуетъ ближайшаго, безотлагательнаго разрѣшенія нашей законодательной власти. Всѣ остальные вопросы ссыльной политики, имѣющей столь огромное значеніе въ системѣ нашей государственной жизни, связаны съ нимъ самымъ тѣснымъ, самымъ неразрывнымъ образомъ.

I.

Депортаціонное управленіе на западѣ.

Римская ссылка, въ обѣихъ ея формахъ — *relegatio* и *deportatio* — не знала особаго управленія. Преслѣдуя почти исключительно цѣли полицейскія, она могла быть сосредоточена въ рукахъ органовъ общаго управленія, тѣмъ болѣе, что число лицъ, подвергавшихся ссылкѣ, не было велико: *relegatio* примѣнялась только къ политическимъ преступникамъ, *deportatio* назначалась

William Eden, history of new Holland, Lond. 1838.

Hughes, the australian Colonies, Lon. 1836.

Mills, Colonial constitutions. Lond. 1856.

Pike, History of Crime in England, Lond, 1875—1878.

Отчеты французскаго морскаго министерства и колоній (*Notices sur la transportation; not. sur la déportation*).

Полное собраніе и сводъ законовъ, изд. 1832, 1842 и 1857 г.

(*Сперанскій*). Обзорѣніе главныхъ основаній мѣстнаго управленія Сибири, 1841.

Вашинъ, историческія свѣдѣнія о дѣятельности гр. Сперанскаго въ Сибири, Сиб. 1872.

Ядринцевъ, Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ:

Максимовъ, Сибирь и каторга.

Списки населенныхъ мѣстъ рос. Имперіи (губ. Тобольская, Томская и Енисейская).

Московскій Сенатскій Архивъ, дѣла Сибирскаго приказа (книги, столбцы и вѣзки).

Архивъ Сибирскаго Комитета, стараго (1822—1838) и новаго (1852—1863).

Архивъ Государственнаго Совѣта (1814—1869).

лишь для лиц привилегированных, въ тѣхъ случаяхъ, когда непривилегированныя (*humiliores*) подвергались наказанію плетью и уголовной работѣ.

Тоже отсутствіе особаго депортаціоннаго управленія, хотя и по инымъ причинамъ, представляетъ исторія ссылки въ сѣверную Америку. Англо-американская ссылка имѣла въ виду узкія меркантильныя цѣли. Она, можно сказать, цѣликомъ находилась въ рукахъ частныхъ лицъ, такъ какъ государственная дѣятельность прекращалась въ моментъ передачи ссыльныхъ судовщику, а на американскомъ континентѣ проявлялась только въ наблюденіи сроковъ, съ наступленіемъ которыхъ ованчивалось право наемателя на подневольный трудъ ссыльнаго.

Не въ этихъ, конечно, историческихъ примѣрахъ нужно искать образца для ссылки русской, существующей уже около трехъ вѣковъ, преслѣдующей программу весьма широкую и охватывающей собою огромное число людей. Интересъ сравненія съ нею представляютъ только рѣшенія, данныя важному вопросу ссыльнаго управленія, съ одной стороны, практическими англичанами въ Австраліи, а съ другой — новѣйшими опытами Франціи.

Уже 13 мая 1787 г., когда руководимый Сиріусомъ флотъ покидалъ Темзу для далекаго плаванія, управленіе австралійской ссылки имѣло всѣ необходимыя элементы. На этомъ флотѣ размѣстились пассажиры двухъ классовъ. Одинъ изъ нихъ, болѣе многочисленный (свыше 750 чел.), состоялъ изъ осужденныхъ въ ссылку преступниковъ. Пассажирами другаго класса были ихъ начальники разныхъ степеней, какъ на пути, такъ и на будущемъ поселеніи. Онъ составился изъ 168 солдатъ морской службы, 24 низшихъ начальниковъ (капралы и сержанты) и 20 высшихъ (капитаны и офицеры). Во главѣ всего флота, въ качествѣ генералъ-капитана, былъ поставленъ Филиппъ; съ прибытіемъ въ колонію, это званіе должно было смѣниться званіемъ губернатора. Лейтенантомъ его назначенъ майоръ Патрикъ Россъ. Коэлинсъ, первый лѣтописецъ Австраліи, отправлялся въ путь въ качествѣ правительственнаго адвоката при главномъ судѣ. Медицинскія заботы поручены доктору Уайту и его помощникамъ. Не были забыты и потребности религіозныя, для удовлетворенія которыхъ при флотѣ отправлялось нѣсколько духовныхъ лицъ.

Посыла въ путь этотъ транспортъ при весьма отрывочныхъ и неточныхъ свѣдѣніяхъ о странѣ назначенія, центральное пра-

вительство уже поэтому не могло снабдить губернатора подробными инструкціями и должно было предоставить его усмотрѣнію широкій, почти неограниченный просторъ дѣйствія. Въ лицѣ его была сосредоточена вся гражданская, военная и уголовная власть, даже право помилованія. Филипсъ вступалъ на материкъ пятой части свѣта съ правами законодателя, высшаго администратора и верховнаго судьи. Прижѣра такихъ обширныхъ полномочій не знаетъ ни прежняя, ни позднѣйшая исторія Англій.

Этотъ широкій просторъ дѣйствія, предоставленный первыимъ губернаторамъ, былъ весьма полезенъ для успѣховъ колонизаціи. Прибывъ въ Ботани-Бей, гдѣ первоначально предполагалось положить первое основаніе колоніи, и встрѣтивъ здѣсь мѣстность, совершенно непригодную для этой цѣли, Филипсъ по своему почину и за свой страхъ приступаетъ къ розыскамъ болѣе подходящаго пункта, находитъ его и высаживается со всеимъ флотомъ въ портъ Джаксона, гдѣ вскорѣ создается Сидней. Дальнѣйшія мѣста поселенія — Тасманія, Норфолькъ и другія — также были заняты безъ всякаго вмѣшательства сенъ-джемекаго кабинета, и если выборъ оказывался неудачнымъ, то губернаторъ своею же властью отменялъ первоначальный планъ и переносилъ поселеніе въ другое мѣсто.

Тюю же обширную властью располагалъ онъ во всеихъ вопросахъ хозяйства и администраціи колоніи. По его почину и полномочному усмотрѣнію принимаются мѣры обезпеченія колоніи продовольствіемъ, заводятся торговныя сношенія, назначаются начальствующія лица, опредѣляются способы преуспѣянія колоніи въ отношеніяхъ матерьяльномъ и нравственномъ, избираются лучшіе способы поощренія и наказанія ссыльныхъ, нормируется отношеніе ихъ къ свободнымъ колонистамъ. Не стѣняясь иною властью при соображеніи своей дѣятельности съ мѣстными условіями и имѣя возможность со всею быстротою примѣнять свои рѣшенія въ дѣлу, не ожидая отписки изъ Лондона, австралійскіе губернаторы были поставлены въ положеніе, весьма благопріятное для твердаго устройства вѣрвнаго имъ дѣла.

Какіе же элементы для организаціи мѣстной власти находились въ ихъ распоряженіи и что имъ удалось изъ нихъ сдѣлать?

На первомъ мѣстѣ, конечно, здѣсь стояли силы военныя, которыя увеличивались постепенно, хотя и весьма незначительно, по мѣрѣ прибытія новыхъ транспортовъ изъ метрополіи. Но еще болѣе, чѣмъ въ отношеніи количественномъ, силы эти были не-

удовлетворительны въ отношеніи качественномъ. Трудно было отыскать достаточное число людей вполне надежныхъ, которые рѣшились бы оставить родину для страны отдаленной, совершенно неизвѣстной и, притомъ, имѣя въ перспективѣ постоянное сообщество преступниковъ. За невозможностью выбора приходилось довольствоваться тѣмъ, что имѣлось подъ руками. Солдаты и офицеры, за рѣдкими счастливыми исключеніями, стояли далеко ниже желательнаго уровня нравственности и познаній. Для того, чтобы сдерживать эту разнузданную и алчущую наживы толпу въ надлежащихъ границахъ, требовалась вся неутомимая энергія полномочнаго губернатора, которому войско нерѣдко доставляло еще больше хлопотъ, чѣмъ даже ссыльные преступники. Едва въ 1792 г. Филипсъ сѣлъ на корабль, отвозявшій его въ Англію, колонія, благодаря своимъ начальникамъ, стала ареною ажіотажа на пьянство и самыя дурныя наклонности человѣческой природы, что никогда не могло быть искоренено въ полной мѣрѣ. Хищническія наклонности начальствующаго сословія проявлялись и въ прямой эксплуатаціи ссыльныхъ, которыхъ по нѣсколько десятковъ приписывали иногда къ одному офицеру не только для полевыхъ работъ, но и для личныхъ услугъ. Но едва ли не самый поразительный примѣръ распущенности войска выпалъ на правленіе Блея: всесильный губернаторъ, который имѣлъ самыя обширныя полномочія и безъ разрѣшенія котораго не могъ даже собираться судъ, былъ низложенъ своими подчиненными, судимъ ими и отправленъ подъ арестомъ въ Англію.

При всемъ томъ, австралійское военное сословіе имѣло и свои хорошія стороны, вырабатываемыя морскою службою: способность къ инициативѣ, знаніе людей, быстроту соображенія и энергію въ исполненіи. Получая должность, эти моряки не нуждались въ подробныхъ инструкціяхъ и умѣли понимать мысль начальника съ полуслова. Въ свою очередь, и начальникъ, закаленный въ морской службѣ, былъ свободенъ отъ соблазна регламентировать дѣятельность своихъ подчиненныхъ въ малѣйшихъ чертахъ. Его опытъ моряка говорилъ ему, что во всякомъ положеніи могутъ встрѣтиться непредвидѣнныя случайности, и что главнѣйшее достоинство подчиненнаго — умѣть найтись среди этихъ случайностей и стать выше ихъ, а не исполнять слѣпо приказанія начальства о разныхъ деталяхъ, данныя совершенно среди иныхъ обстоятельствъ.

Другой элементъ, находившійся въ распоряженіи австралій-

скихъ губернаторовъ для организаціи управленія, представляли свободные колонисты. Ихъ собственный интересъ побуждалъ ихъ имѣть за ссыльными дѣятельный надзоръ и облегчать задачу управленія. Впрочемъ, число ихъ до 1824 г. было ничтожно, а по мѣрѣ своего усиленія они выступаютъ болѣе и болѣе противъ неограниченной власти губернаторовъ и скорѣе противодействуютъ, чѣмъ помогаютъ имъ.

Наконецъ, каторжные (convicts) и поселенцы (ticket of leave holders) представляли собою третій и послѣдній элементъ, къ которому могли обращаться губернаторы. Исторія колоніи показываетъ, что ссыльные нерѣдко оказывали имъ существенную помощь. По инициативѣ и при энергическомъ содѣйствіи ихъ положено начало караульной стражѣ, которая стала держать дозоръ на улицахъ Сиднея. При ближайшемъ ихъ участіи устроена первая тюрьма. Не мало ссыльныхъ, кончившихъ обязательный срокъ, занимали мѣста въ австралийскомъ управленіи, и не разъ губернаторъ Маккэри приглашалъ лучшихъ изъ нихъ, къ вѣщему соблазну офицеровъ и колонистовъ, на свои парадные обѣды.

Изъ этихъ трехъ элементовъ, первый, конечно, вложился всего болѣе въ составъ управленія. Оно было организовано на началахъ военнаго положенія и съ чрезвычайно широкою властью, предоставленною всѣмъ органамъ. Въ отдаленные пункты губернаторъ назначилъ офицеровъ, снабженныхъ болѣе обширными полномочіями, въ ближайшихъ ставилъ начальниковъ съ властью болѣе ограниченою. Непосредственное завѣдываніе ссыльными принадлежало старшимъ и младшимъ *надзирателямъ*. Съ теченіемъ времени, для спеціальныхъ отраслей ссыльнаго быта появляются, по распоряженіямъ губернаторовъ, особые органы. Такъ, когда значительное число ссыльныхъ стало работать въ партіяхъ по расчисткѣ и осушкѣ почвы, за счетъ правительства (clearing gangs), то во главѣ каждой такой партіи ставится особый *инспекторъ*, отвѣтственный въ известной степени за успѣшность работъ ссыльныхъ; для руководства-же всѣми clearing gangs назначенъ *генералъ-инспекторъ*. Когда приписка (assignment) ссыльныхъ къ колонистамъ получаетъ значительные размѣры, то создается особая должность *комисара* по припискѣ, который удовлетворялъ требованія частныхъ лицъ, нуждавшихся въ рабочихъ, соображаясь со свѣдѣніями, доставленными ему о ссыльныхъ старшимъ надзирателемъ. Школьное дѣло имѣло своихъ спеціальныхъ представителей.

Что касается суда, то онъ получилъ особое устройство. Верховный судъ колоніи, учрежденный статутомъ, созывался губернаторомъ по мѣрѣ нужды въ составѣ 6 высшихъ офицеровъ. Рѣшенія его, постановляемыя по большинству голосовъ, восходили на утверженіе губернатора. Въ дѣлахъ же меньшей важности, не требовавшихъ созванія этого суда, юрисдикція первоначально принадлежала администраціи. Съ развитіемъ приписной системы, нѣкоторая часть дисциплинарной власти предоставлена нанимателямъ; но въ губернаторство Барка, послѣдніе должны были уступить ее мировымъ судьямъ, избравшимся, впрочемъ, изъ ихъ среды, а затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія числа свободныхъ колонистовъ въ Австраліи, единоличная власть судей уступаетъ мѣсто мировымъ съѣздамъ, дѣйствовавшимъ на основаніи общаго права и статутовъ Англіи, съ тѣмъ только различіемъ, что жюри по уголовнымъ дѣламъ не допускалось.

Съ 1824 г. начинаются крупныя измѣненія въ этой системѣ управленія. Австралія (Новый Южный Валлисъ) перестаетъ быть исключительно штрафною колоніею и дѣлается колоніею смѣшанною. Наплывъ свободной колонизаціи, поощряемой центральнымъ правительствомъ, болѣе и болѣе увеличивается, такъ что къ 1830 году эта страна имѣла уже 40-тысячное населеніе. Власть губернатора ограничивается совѣтами законодательнымъ и исполнительнымъ; сентъджемскій кабинетъ приглашается чаще подавать свой голосъ по вопросамъ колониальнаго управленія, для согласенія интересовъ свободныхъ колонистовъ съ мѣропріятіями губернаторовъ; въ колонію переносятся и другія административныя учрежденія Англіи, напр. съѣзды мировыхъ судей. Однако, хотя всѣ эти новыя учрежденія значительно измѣняютъ картину Австраліи, на нихъ, въ большинствѣ случаевъ, возлагаются функціи, не имѣвшія прямаго отношенія къ ссыльнымъ, такъ что ссылка по прежнему продолжаетъ имѣть свое самостоятельное управленіе. Губернаторъ Вэркъ, преемникъ Дарлингга, своею властью постановилъ; что число ссыльныхъ, которые могутъ быть приписаны къ одному лицу, не должно превышать 60 человекъ. Онъ-же лишилъ нанимателей права назначать тѣлесныя наказанія приписаннымъ къ нимъ ссыльнымъ и перенесъ это право сперва на мировыхъ судей единолично, затѣмъ — на ихъ съѣзды. Старшіе надзиратели по прежнему опредѣляли, по распоряженіямъ губернатора и на основаніи полученныхъ изъ Англіи документовъ и собственныхъ наблюденій, могъ ли ссыльный

непосредственно приписаться къ нанимателю, или долженъ былъ предварительно отправиться на правительственныя работы. Только право раздачи земель ссыльнымъ сокращено; уменьшились для нихъ и шансы прочнаго благосостоянія. Власть губернатора сократилась также въ отношеніи подвѣдомственнаго ему района, потому что нѣкоторыя мѣстности, прежде подчиненныя управленію сиднейскаго губернатора, отдѣлились отъ него и получили самостоятельное управленіе, которое устроилось на тѣхъ же началахъ. Такова напр. Ванъ-Дименова земля, гдѣ съ 1825 г. появляется отдѣльный губернаторъ, съ исполнительнымъ и законодательнымъ совѣтами.

Періодъ времени съ 1840 по 1857 г. для Новаго Южнаго Валиса можетъ быть названъ эпохою ссылки замаскированной. Внявъ настояніямъ колонистовъ, на которыхъ чрезмѣрное число ссыльныхъ начало ложиться тяжелымъ бременемъ, центральное правительство должно было отказаться отъ отправленія сюда преступниковъ для отбытія наказанія, но по исполненіи надъ ними части депортаціонной кары въ другомъ мѣстѣ (преимущественно въ Тасманіи) давало имъ свободу, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они отправлялись не на родину, а въ Новый Южный Валисъ (exiles). Нормальными же мѣстами наказанія ссылкой становятся Тасманія, (гдѣ переполненіе ссыльныхъ очень скоро затруднило управленіе), о-въ Норфолькъ для рецидивистовъ, знаменитый дѣятельностью капитанъ Мэконочи, и западная Австралія. Въ послѣдней, управленіе ссыльными получило нѣсколько своеобразный характеръ, благодаря тому, что ссыльные отправлялись сюда въ интересахъ частной компаніи и только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она ихъ принимала. Ссыльные употреблялись преимущественно для работъ общественныхъ, ида далѣе и далѣе въ глубь материка по системѣ, напоминающей наши сибирскія заимки.

Весь складъ *французской* ссылки и организація ея управленія опредѣлились двумя обстоятельствами, существенно отличающими ее отъ ссылки англійской: во первыхъ — тѣмъ, что во Франціи и ссылка въ тѣсномъ смыслѣ (transportation), и высылка (déportation), появились въ порядкѣ административныхъ мѣропріятій, въ качествѣ мѣръ безопасности; и во вторыхъ — тѣмъ, что Франція направляла свою ссылку въ мѣстности, уже имѣвшія готовое общее управленіе, къ которому, какъ придаточная его часть, присоединялось и управленіе депортаціонное.

Государственный уклад колоній опредѣляется сенатусъ-консультумъ 3 мая 1854 г., которымъ установлено, что всѣ французскія колоніи, за исключеніемъ Мартиники, Гваделупы и о—въ Соединенія, управляются декретами главы государства, — прежде императора, нынѣ президента республики. Мѣстное высшее управление ввѣрено губернаторамъ, зависящимъ непосредственно отъ морскаго министерства. Власть губернатора, стѣшенная прежде подробною регламентаціею изъ центра и различными мѣстными комиссіями, назначенными министерствомъ, въ послѣднее время получаетъ больше и больше самостоятельности. Но это — не столько власть дѣйствующая, сколько власть объединяющая и направляющая отдѣльныя части колониальнаго управления, въ лицѣ ихъ представителей, на которыхъ возложено губернаторское дѣлопроизводство по вѣдомству каждаго и которые не перестаютъ быть лично отвѣтственными за всѣ акты, составшіеся по ввѣренному имъ вѣдомству.

Организація губернаторской власти какъ въ Гвианѣ, гдѣ ссылка находится въ процессѣ вымирания, такъ и въ Новой Коледоніи, гдѣ она болѣе и болѣе развивается, представляетъ много сходства. Тамъ и здѣсь губернаторъ назначается центральнымъ правительствомъ и окруженъ тайнымъ совѣтомъ (*conseil privé*), который имѣетъ только совѣщательный голосъ. Для исполненія и развитія законовъ, декретовъ и министерскихъ инструкцій, губернаторъ, по представленіямъ управляющихъ отдѣльными частями, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — и по выслушаніи совѣта, издаетъ обязательныя распоряженія (*arrêtés* и *décisions*); опредѣляетъ и увольняетъ, по представленіямъ управляющихъ отдѣльными частями, подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ, устанавливая и новыя должности, въ которыхъ встрѣчается необходимость; опредѣляетъ отношенія подчиненности между должностными лицами колоніи и кругъ ихъ вѣдомства, въ порядкѣ издаваемыхъ имъ распоряженій; издаетъ регламенты относительно классификаціи ссыльныхъ, устройства ихъ работъ, дисциплины и мѣръ поощренія; утверждаетъ представляемые ему начальниками отдѣльныхъ частей проекты бюджетовъ и новыхъ сооруженій по вѣдомству каждаго на сумму до 10 т. франковъ, а проекты, превышающіе эту сумму, представляетъ на утвержденіе министерства; разрѣшаетъ земельныя надѣлы ссыльныхъ и браки ихъ; утверждаетъ и пересылаетъ министерству, со своими замѣ-

чаніями, всѣ отчеты управляющихъ отдѣльными частями и представленія о помилованіи, и т. под.

Въ непосредственномъ подчиненіи губернатора состоятъ, назначаемые центральнымъ правительствомъ, начальники отдѣльныхъ частей управленія колоніи. Такъ, въ Гвіанѣ существуютъ особые представители вѣдомствъ военнаго, финансоваго (*ordonnateur*), внутреннихъ дѣлъ (*directeur de l'interieur*) и пенитенціарныхъ заведеній колоніи (*directeur des établissements penitentiaires*). Въ Новой Каледоніи, декретомъ президента республики Мамагона отъ 12 декабря 1874 г., введена подобная-же организація: колоніальныя войска подчинены, подъ высшею властью губернатора, особому воинскому начальнику; затѣмъ внутренняя администрація колоніи распределена между четырьмя начальниками отдѣльныхъ частей, объединяемыхъ властью губернатора, а именно: представителемъ финансоваго вѣдомства (*ordonnateur*), директоромъ внутреннихъ дѣлъ (*d. de l'interieur*), начальникомъ судебнаго вѣдомства и директоромъ пенитенціарной администраціи. Послѣдняя должность составила изъ двухъ должностей, которыя до того времени были раздѣлены, а именно изъ должности директора ссылки (*d. de la transportation*) и директора высылки (*d. de la déportation*).

Функціи гвіанскаго директора пенитенціарныхъ заведеній, которому подвѣдомственны всѣ депортаціонныя установленія колоніи, по соглашенію съ министерствомъ, опредѣлены губернаторскимъ распоряженіемъ 31 августа 1870 года. Ему принадлежатъ: наблюденіе за всѣми ссыльными, какъ находящимися въ пенитенціаріяхъ, такъ и внѣ ихъ, и представленіе губернатору о мѣрахъ, необходимыхъ для обезпеченія порядка и спокойствія въ средѣ ссыльныхъ; распределеніе ссыльныхъ по различнымъ пенитенціаріямъ; веденіе ихъ именныхъ списковъ и данныхъ депортаціонной статистики; управленіе всѣмъ составомъ пенитенціарнаго вѣдомства; представленія губернатору о надѣленіи ссыльныхъ земельными участками; представленіе ему-же списка ссыльныхъ, достойныхъ помилованія высшимъ правительствомъ, и всѣхъ мѣръ, относящихся къ пищевому довольствію ссыльныхъ, снабженію ихъ одеждою и вознагражденію за трудъ, а также къ сооруженію или исправленію пенитенціарныхъ зданій и производству всякаго рода работъ руками ссыльныхъ, при чемъ онъ долженъ предварительно снестись съ управляющими другими

частями и официальными техниками относительно стоимости и свойства этих сооружений и работ; онъ ведетъ списки гражданскаго состоянія ссыльныхъ и непосредственно сносится съ органами прочихъ колоніальныхъ вѣдомствъ (напр. съ мѣстной жандармеріею) въ случаяхъ нужды. Онъ же сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе всею экомомическою частью ссылки, въ томъ числѣ на немъ лежитъ отчетность по такъ называемой добровольной кассѣ (caisse des dépôts volontaires), находящейся въ С. Лоранѣ. Онъ представляетъ періодическіе отчеты по пенитенціарному вѣдомству какъ непосредственно министерству, такъ и губернатору. Отношеніе губернатора къ депортаціонному управленію ограничивается личностью директора (il travaille et correspond seul avec le gouverneur), который „получаетъ отъ губернатора распоряженія по всемъ частямъ ввѣреннаго ему вѣдомства, направляетъ ихъ, наблюдаетъ за ихъ исполненіемъ, представляетъ ему отчеты о результатахъ своего управленія, доводитъ до свѣдѣнія его о всѣхъ чрезвычайныхъ и непредусмотрѣнныхъ случаяхъ“, ведетъ переписку губернатора съ министерствомъ, prepares проекты и представляетъ ему проекты по пенитенціарному вѣдомству и исполняетъ всѣ другія его порученія по этой части. Но непосредственное управленіе вѣдомствомъ принадлежитъ директору, въ рукахъ котораго сосредоточивается вся исполнительная по ссылкѣ власть, который контрастируетъ всѣ распоряженія губернатора о ссылкѣ и о ссыльныхъ и несетъ личную отвѣтственность за всѣ дѣйствія по ввѣренному ему вѣдомству, исключая тѣхъ случаевъ, когда онъ докажетъ, что отвѣтственность должна лежать на другомъ лицѣ.

Подобныя же начала примѣнены декретомъ 1874 г. къ организаціи должности директора пенитенціарной администраціи въ Новой Каледоніи. Онъ исполняетъ порученія губернатора, prepares проекты распоряженій по пенитенціарному вѣдомству, ведетъ его переписку о ссылкѣ съ министерствомъ, представляетъ ему личные назначенія, отчеты, проекты сооружений и работъ, и тому подобное. Но въ тоже время онъ и непосредственно отъ себя посылаетъ отчеты въ министерство, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все непосредственное управленіе служебнымъ персоналомъ ссылки и ссыльными, сносится непосредственно съ органами другихъ вѣдомствъ, контрастируетъ всѣ распоряженія губернатора о ссылкѣ и несетъ личную отвѣтственность за всѣ акты по ввѣренному ему вѣдомству,

„исключая лишь тѣ случаи, когда имъ будетъ доказано, что онъ дѣйствовалъ въ силу прямыхъ распоряженій губернатора, состоявшихся несмотря и вопреки категорическимъ его пред- ставленіямъ“.

Затѣмъ всѣ прочіе органы депортаціоннаго вѣдомства пред- ставляются низшими исполнителями, дѣйствующими по указа- ніямъ директора. Сюда принадлежатъ: смотрители пенитенціа- ріевъ въ ихъ разныхъ формахъ, и подчиненные имъ старшіе и младшіе надзиратели, съ санитарнымъ, церковнымъ, школьнымъ и техническимъ тюремными штатами; начальники разныхъ де- портаціонныхъ заведеній подъ различными названіями, напр. сельскохозяйственныхъ фермъ, сахарныхъ фабрикъ, лѣсныхъ и строительныхъ мастерскихъ, дорожныхъ командъ и т. под.; инспекторы для періодическихъ объѣздовъ (въ Гвіанѣ) земельныхъ участковъ, уступленныхъ ссыльнымъ для обработки, и для пред- ставленія отчетовъ о ихъ положеніи. Кромѣ того, въ послѣднее время въ Гвіанѣ, путемъ губернаторскихъ распоряженій, обра- зованы выборные органы. Такъ, распоряженіемъ, 21 іюля 1870 г. создана для гор. Каэнны и его окрестностей особая комиссія изъ именитыхъ (notables) мѣстныхъ жителей, по назначенію губерна- тора изъ кандидатовъ, представляемыхъ въ двойномъ числѣ (8) директоромъ пенитенціарныхъ учрежденій, и подъ предсѣдатель- ствомъ каэнскаго мэра; назначеніе этой комиссіи состоитъ въ томъ, чтобы „подавать свой совѣтъ (avis) по всякому требова- нію, адресованному къ директору внутреннихъ дѣлъ или къ ди- ректору пенитенціарныхъ заведеній о помѣщеніи ссыльныхъ на работы“. Кромѣ этой функціи, она имѣетъ еще значеніе тре- тейскаго судьи между свободными жителями и ссыльными, жи- вущими внѣ пенитенціаріевъ въ Каэннѣ и ея предмѣстьяхъ. Въ томъ же 1870 г., постановленіемъ гвіанскаго губернатора, об- разовано выборное изъ ссыльныхъ жюри для присужденія луч- шимъ изъ концессионеровъ наградъ за успѣхи по сельскому хо- зяйству, въ видахъ поощренія ссыльныхъ къ земледѣлію.

Практика депортаціоннаго управленія за послѣднее время показываетъ, что прежнее централистическое направленіе фран- цузскаго правительства въ колоніяхъ болѣе и болѣе ослабѣваетъ и мѣстныя власти начинаютъ пользоваться большею степенью простора. Въ Гвіанѣ, гдѣ ссылка вымираетъ, мѣстное управленіе, почти безъ всякаго вмѣшательства центрального управленія, при- няло рядъ мѣръ, которыя оказались въ высшей степени цѣлесооб-

разными; оно закрыло многія пенитенціаріи (въ особенности такъ наз. плавучія суда) и мастерскія, сконцентрировало остающихся ссыльныхъ, сократило служебный персоналъ и депортационные расходы, приблизило къ ссыльнымъ населеніе, которое тамъ всегда относилось къ нимъ враждебно. Напротивъ, въ Новой Каледоніи, гдѣ ссылка находится въ періодъ своего развитія, число пенитенціаріевъ и мастерскихъ возрастаетъ, отводы земельныхъ участковъ ссыльщицъ увеличиваются, по указаніямъ колониальнаго начальства и при помощи доставляемыхъ имъ пособій, заселяются мѣстности, которыя еще наканунѣ были пустынями. Администрация, не связанная постояннымъ вмѣшательствомъ центрального управленія и не обязанная выжидать его рѣшеній по текущимъ вопросамъ ссыльной политики, получаетъ возможность дѣйствовать быстро, энергично и соображаясь съ конкретными обстоятельствами даннаго случая; мѣры пробныя, требующія оцѣнки опыта, не превращаются въ мѣры постоянныя и отменяются немедленно послѣ того, какъ обнаружилась ихъ непригодность. Такъ напр. обширная сахарная фабрика Марони (въ Гвианѣ) имѣла сперва управляющаго съ ограниченной властью, подобно какъ въ фискальныхъ заведеніяхъ; онъ дѣйствовалъ какъ органъ совѣта, снабженнаго властью распорядительною; но затѣмъ признано было необходимымъ сообщить управленію этой фабрики характеръ, приближающійся къ типу частной предпримчивости, почему совѣтъ распорядительный былъ замѣненъ, въ порядкѣ губернаторскаго распоряженія, совѣтомъ наблюдательнымъ и управляющій получилъ гораздо большій просторъ дѣйствія. Въ Нумеѣ (Новая Каледонія) губернаторскимъ распоряженіемъ 5 октября 1870 г. строительная мастерская ссыльныхъ возведена въ званіе арсенала, подъ начальствомъ особаго морскаго офицера; но въ 1874 г. должность директора арсенала признана излишнею и была упразднена, а мастерская получила другое назначеніе. Лѣсная мастерская Прони, образованная въ 1867 г. губернаторскимъ распоряженіемъ 27 декабря 1873 г. обращена въ карательное заведеніе. Весьма существенныя реформы предпринимаются и осуществляются властью мѣстнаго управленія и во внутреннемъ бытѣ ссыльныхъ. Такъ напр. въ Новой Каледоніи губернаторскими положеніями 5 ноября 1872 г. и 12 октября 1873 г. существенно измѣнены прежнія правила относительно ссыльныхъ, освобожденныхъ отъ публичныхъ работъ, и относительно обязанностей наняmateлей, причѣмъ коло-

низаціонная идея начинаетъ занимать видное мѣсто. Первыми изъ этихъ положеній образованы *asiles* для ссыльныхъ, неспособныхъ къ работамъ по дряхлости или болѣзнямъ, и *dépôts* спеціальныхъ для временнаго призрѣнія и занятія работами тѣхъ ссыльныхъ, которые, окончивъ срокъ каторжныхъ работъ, не прискакали себѣ занятій у частныхъ лицъ. Отмѣтимъ, наконецъ, что въ порядкѣ губернаторскаго же распоряженія, 1 января 1873 г., въ Новой Каледоніи образована сельская полиція изъ туземцевъ, которая значительно облегчила заботу мѣстной администраціи по надзору за ссыльными и предупрежденію бродяжничества.

II.

Русская ссылка. Московскій періодъ. Сибирскій приказъ и воеводы. Распаденіе этой системы.

Обращаясь къ нашей ссылкѣ, мы встрѣчаемся съ явленіемъ, въ высшей степени поразительнымъ. *Она никогда не имѣла и до сихъ поръ не имѣетъ своего отдѣльнаго управленія*, подобно тому, какъ она не имѣла и до сихъ поръ не имѣетъ своего спеціального контингента ссылаемыхъ людей: въ ссылку идутъ у насъ не только осужденные преступники, какъ на западѣ, но также — и значительно больше ихъ — пересылаемые въ порядкѣ административномъ. Судьбами нашей ссылки всегда руководили органы общаго управленія, обремененные другими заботами, дѣйствовавшіе каждый въ своей мѣстности независимо другъ отъ друга и — за весьма рѣдкими, временными исключеніями — лишеные единаго компетентнаго руководителя. Потому-то ссыльная политика до сихъ поръ не выработалась у насъ въ самостоятельную отрасль управленія, не успѣла получить подлежащей устойчивости и единства, ставится часто въ зависимость отъ постороннихъ, совершенно чуждыхъ ей соображеній, а разрозненныя мѣстныя власти обезсиливались центральными установленіями, которыя, въ свою очередь, были очень слабы и, не давая имъ необходимаго законнаго простора дѣйствія, не могли предупредить ихъ произвола и злоупотребленій.

Было бы излишне доказывать это положеніе относительно ссылки въ мѣстности европейской Россіи, не сибирскія. Здѣсь ссылка

всегда причѣнялась или какъ мѣра общей политики заселенія окраинъ, или какъ мѣра для временнаго удовлетворенія мѣстной нужды въ рабочихъ рукахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, въ созданіи для ссыльныхъ особаго управленія не было нужды; они поступали въ распоряженіе общаго управленія.

Могло ли быть иначе въ первыя времена сибирской ссылки? Могла-ли у московскаго правительства явиться мысль создать для нея особое самостоятельное управленіе?

Конечно, въ Сибирь, съ самыхъ раннихъ временъ, отправлялись и такіе ссыльные, по отношенію въ которымъ правительство преслѣдовало спеціальныя задачи и которые, по предназначеніямъ его, не должны были смѣшиваться съ населеніемъ свободнымъ. Таковы ссыльные политическіе, „взвѣнники“ и опальные, послывшіеся не для колонизаціи, а по соображеніямъ безопасности или въ видахъ личнаго возмездія; ихъ обыкновенно держали въ особыхъ помѣщеніяхъ и ставили иногда при нихъ особыхъ приставниковъ. Однако, эти ссыльные составляли ничтожное меньшинство даже среди ссыльныхъ за вины, вливавшихся въ общее населеніе и распредѣлявшихся на разныя государевы службы: на пашню, въ ружники, оброчники, охотники, стрѣльцы, посадскіе люди, въ подъячіе, дьяки и даже въ воеводы ²⁾. Независимо отъ того, одними ссыльными за вины мѣстныя потребности Сибири въ людяхъ далеко не удовлетворялись, и потому вмѣстѣ съ ними ссылалось множество людей свободныхъ, въ порядкѣ общегосударственной повинности, государевой службы. То время хотя и начинается уже различать ссылку на житье за вины отъ ссылки въ службу, но въ обоихъ случаяхъ примѣнялось начало принудительнаго переселенія и обязательной повинности на государя, такъ что одинъ видъ незамѣтно переходилъ въ другой. Въ 1636 г. въ Тобольскъ и въ Туринскъ для государева дѣла отправлены были кузнецы изъ свободныхъ людей на житье. Тогда же изъ Вологды и другихъ городовъ въ Сибирь на житье посланы стрѣльцы съ сотниками, съ ружьемъ и семьями, для обереганія отъ набѣговъ. Въ 1640 г. взяты были люди изъ разныхъ мѣстъ на Верхотурье для плотничьяго дѣла; оказалось, что этого мастерства они не знали, и ихъ заключили въ тюрьму

²⁾ Москов. Сенат. Архивъ, книги Сибирскаго Приказа № № 42, 46 листъ 727; 96 л. 34 и др.; Столбцы Сиб. Прик. № 6093, 49 дѣла п^о 9 и др.

3). Примеры, подобные приведенным и доказывающие, что обязательные колонисты подвергались положению ссыльных за вину и смешивались с ними, нередки. А между тем, число их до такой степени превышало число ссыльных за вину, что последние составляли лишь ничтожную часть принудительного поселения. При этих условиях невозможно было ожидать, чтобы для ссыльных за вину создавалось особое управление, и действительно мы не встречаем его в московский период.

Но за то этот период нашей истории создал сильный центральный орган общего сибирского управления, который бесследно погиб в вихрь позднейших преобразований.

Таким органом был *сибирский приказ*, учрежденный в 1595 г., подчиненный Сенату в 1733 г., но просуществовавший еще в этом подчиненном положении до 1767 года. Отсюда посылались сибирским воеводам грамоты и указы, здесь получались их отписки и доношения дьяков, дѣлались распоряжения по челобитным разного рода, группировались все свѣдѣнія о Сибири вообще и о ссыльных в частности. Функции эти исполняемы были приказом весьма старательно. В то далекое время, когда еще понятие статистики было совершенно неизвестно, сибирский приказ имѣлъ гораздо болѣе точныя свѣдѣнія о числѣ ссыльных и распредѣленіи ихъ по полу, возрасту, состоянію, преступленіямъ и мѣстамъ ссылки, чѣмъ даже министерство внутреннихъ дѣлъ нашихъ дней⁴). Слѣдующимъ традиціоннымъ правиламъ Москвы и приказной системы, сибирский приказъ положилъ первое основаніе чрезмѣрной централизаціи

³) Моск. Сенат. Арх., Столб. Сиб. Прик. № 6093, 49 дѣла н° 5; № 6105, 61 дѣла н° 1; № 6138, 94 н° 1.

⁴) Москов. Сенат. Арх., Книги Сиб. Прик. № 75, роспись, кому именно и за какую вину какое было наказаніе; № 506 — расходная книга поденному корму ссыльными людьми; столбцы № 6051, 7 н° 1 — отписки отъ воеводъ разныхъ городовъ о сосланныхъ въ Сибирь людяхъ (1626 и 1627 г.); № 6127, 83 н° 2: отписки изъ Тобольска и подъ отпискою реестръ, сколько въ Тобольскѣ и по какимъ дѣламъ содержатся колодниковъ и съ котораго года; № 6132, 88 п. 4: отписка Василія Челогова о тарскихъ тюремныхъ сидѣльцахъ; № 6250, 206 н° 1 (1649 г.): именныя списки сосланныхъ за вину въ сибирскіе города на жительство, кто именно сосланъ по среднимъ винамъ; № 6506, 462 н° 1 — отписка о ссыльныхъ за разныя вину въ сибирскіе города; № 6509, 465 н° 1 (1654 г.): столбъ о ссыльныхъ колодникахъ, кои посланы въ сибирскіе города за вину; № 6751, 706 н° 1 (1678 г.): о посланныхъ въ Сибирь за разныя вину разныхъ людяхъ; № 6908, 863 п. 1 (1667 г.): именная роспись московскимъ ссыльнымъ людямъ, которые посланы были съ Москвы и изъ русскихъ разныхъ городовъ въ Сибирь на Лѣнской волокъ въ Минской острогъ на вѣчное житье съ женами и дѣтьми, и холостыхъ; № 6917, 872 п. 1 (1668 г.) — отписки воеводъ о ссыльныхъ; тоже № 7060, 1015 п. 1 (1688 г.), № 7121, 1076 п. 4 (1689 г.), съ именной росписью, и мн. др.

нашего ссыльнаго дѣла. Не говоря уже о томъ, что на немъ лежали всѣ заботы по отправленію поступавшихъ къ нему изъ разныхъ вѣдомствъ ⁵⁾ ссыльныхъ въ Сибирь ⁶⁾, снабженіе ихъ платьемъ и деньгами ⁷⁾, приказъ оставлялъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи даже распределеніе ссыльныхъ по разнымъ сибирскимъ мѣстностямъ ⁸⁾, указывая со всею точностью и тотъ родъ жизни или дѣятельности, который ожидалъ ихъ на мѣстѣ ⁹⁾, и тѣ средства вспомошествованія, которыя имъ отпускались государствомъ, какъ-то: жалованье ¹⁰⁾ денежное ¹¹⁾, хлѣбное ¹²⁾ и соляное ¹³⁾, кормовыя деньги ¹⁴⁾, денежные ¹⁵⁾ и иныя ¹⁶⁾ под-

⁵⁾ Бывали даже случаи ссылки за вины по распоряженіямъ патріарховъ; такъ въ 1654 г. иноземецъ Дубровскій былъ отправленъ приказомъ въ ссылку по распоряженію патріарха Никона (Сиб. Прик., Столб. № 6495, 451 дѣла n° 1).

⁶⁾ Моск. Сенат. Арх., Книги Сиб. Прик. №№ 218, 291, 296, 340, 417, 436, 445, 456, 555 и др. Столб. Сиб. Прик. № 6099 n° 1, № 7051 n° 1, № 7254 n° 1, № 6461 n° 1, № 6413 n° 1 и др.

⁷⁾ Это называлось «верстать платьемъ»: Моск. Сен. Арх., Столб. № 6461, n° 1 и др.

⁸⁾ *Ibidem*, Столб. № 6099 n° 1 (1636 г.), № 6461 n° 1 и др.

⁹⁾ Они, какъ замѣчено выше, записывались на службу въ стрѣльцы и казаки, въ посадскіе и промышленные люди, въ пахотные крестьяне,—съ обязанностью производить часть работъ на государя.

¹⁰⁾ До конца XVII ст. «жалованье» означало всякое вспомошествованіе со стороны государства, какъ ссыльнымъ за вины, такъ и ссыльнымъ по инымъ основаниямъ: въ дѣлахъ, производившихся въ 1681 и 1687 годахъ (Столб. Сиб. Прик. № 6776, 732 n° 1 и № 7034, 989 n° 1), «жалованье» служилымъ людямъ, въ первый, кажется, разъ, рѣзко противопоставляется «кормовымъ деньгамъ» ссыльнымъ за вины; но и впоследствии первое выраженіе употреблялось иногда въ прежнемъ болѣе широкомъ смыслѣ; см. П. С. З. № 1594.

¹¹⁾ Денежное жалованье назначалось гораздо рѣже, чѣмъ хлѣбное, только служилымъ людямъ и уплачивалось золотомъ, между прочимъ, ефимками: Книги Сиб. Прик. № 270 и 197.

¹²⁾ Столб. Сиб. Прик. № 6046, 2 — о выдачѣ жалованья польскимъ и другимъ выходцамъ въ Сибирь; № 7112, 1067 дѣла n° 8 (1689 г.): о высылкѣ изъ Тобольска въ Даурскій острогъ служилыхъ людей за поруками и о дачѣ имъ хлѣбнаго жалованья; № 7292, 1206 n° 1 (1698 г.): выписки и отписки о верстаніи разныхъ чиновъ людей денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ; № 7672, 1626 n° 1: о находящихся на службѣ въ разныхъ сибирскихъ городахъ людяхъ и о дачѣ имъ заслуженнаго жалованья; № 7689, 1643 n° 1: списокъ разнаго званія людямъ, находящимся въ Сибиріи на жалованьяхъ.

¹³⁾ Книги Сиб. Прик. №№ 146 (1640 г.), 155 (1642 г.), 156 (1642 г.) и др.

¹⁴⁾ Кормовыя деньги или поденный кормъ назначались какъ для ссыльныхъ за вины, такъ и для ссыльныхъ служилыхъ людей; но этотъ терминъ употребляется съ конца XVII ст. главнымъ образомъ относительно ссыльныхъ за вины. Въ дѣлахъ сибирскаго приказа различается поденный кормъ на дорогу (книги Сиб. Прик. №№ 291, 296, 340, 417, 436 и др.) и въ городахъ (книги Сиб. Прик. №№ 146, 155, 218, 506 и др.; столбцы Сиб. Прик. № 7132, 1087 n° 1, 1690 г., наказы воеводамъ объ отпускѣ денежной суммы на кормъ ссыльнымъ людямъ за разныя вины въ сиб. города; № 7211, 1165 n° 3, о дачѣ посланнымъ въ сибирскіе города въ ссылку кормовыхъ денегъ). Поденный кормъ въ дорогу назначался государевымъ указомъ и рассчитывался отъ Москвы до Тобольска на 4 недѣли, различно смотря по человѣку по 3, 4 и 6 денегъ, а дѣтямъ—по одной и двѣ деньги; памяти о вы-

моги на обработку земель, и т. под.¹⁷⁾. По всѣмъ этимъ вопросамъ приказъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, давалъ мѣстнымъ воеводамъ (иногда — дьякамъ) государевы указы, подлежавшіе безусловному исполненію. Но, помимо этихъ распоряженій на отдѣльные случаи, составлявшихъ, если можно такъ выразиться, продолженіе судебного приговора или государева указа о назначеніи даннаго лица и о судьбѣ его въ ссылкѣ, приказъ давалъ распоряженія общаго свойства, оставлявшія воеводамъ значительный просторъ дѣйствія. Таковы наказы воеводамъ „какъ имъ поступать“, опредѣлявшіе дѣятельность ихъ болѣе общими чертами, умѣвшіе со всею точностью намѣчать задачи ихъ дѣятельности и оставлять имъ извѣстную свободу въ выборѣ способовъ достиженія этой задачи. Любопытная грамота Турьинскому (пограничному) воеводѣ Ивану Суздальцеву, сохранившаяся въ Полномъ Собраніи Законовъ (№ 562) подъ 1675 г., предписываетъ московскихъ людей въ ссылкѣ записывать въ тѣ именно чины, въ которые сосланы, а не выше и не ниже; но въ тоже время усмотрѣнію его предоставляется, для предупрежденія побѣговъ, обратившихъ на себя вниманіе правительства, или держать ссыльныхъ въ тюрьмѣ, или отдавать ихъ на крѣпкія поруки, или даже оставлять на свободѣ, если отънынъ будутъ удовлетворительны. Навазъ тобольскому воеводѣ кн. Черкасскому (1696 г.) предписываетъ смотрѣть за ссыльными, поверстанными въ государевы службы денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, накрѣпко, оставляя на выборъ воеводы мѣры достиженія этой цѣли¹⁸⁾. Еще шире опредѣляется функція воеводъ по отношенію къ ссыльнымъ въ наказныхъ статьяхъ воеводамъ тарскому и тюменскому: имъ указывалось „къ благополучному состоянію людей всѣхъ привести, къ доброму и христіанскому благоугодному житію, а воровства всякія въ началѣ во вся-

дачѣ денегъ на дорогу клались или на челобитныхъ, или на выпискахъ дьяка объ указѣ, назначавшемъ ссылку. Въ городахъ, подневный кормъ назначался по челобитнымъ, по 3—4 деньги, а на дѣтей по 2 деньги.

¹⁷⁾ Напр. въ 1689 г. ссыльнымъ поселеннымъ въ крестьянство въ сибирскихъ городахъ, дана подмога по 4 рубля на десятину (столбцы, № 7117, 1072 н° 17).

¹⁸⁾ Напр. въ 1625 г., когда при Енисейскомъ острогѣ, послѣ замиренія окрестнаго края, приступили къ устройству пашни, то поселеннымъ на пашни указано было купить лошадей на счетъ казны (Столб. Сиб. Прик. № 7720, 1674 д. н° 6). См. тоже П. С. Зак. № 6460.

¹⁹⁾ Таковы: отводъ земель въ казну и подъ пахоту, устройство путей сообщенія, снаряженіе дощаниковъ для снабженія жителей продовольствіемъ и т. д.

²⁰⁾ Полн. Собр. Зак. № 1594.

комъ человѣкъ истребить“¹⁹⁾. Предписывая воеводамъ заботиться объ интересѣ государевой казны посредствомъ работъ ссыльныхъ на пашнѣ, центральная власть предоставляла имъ самимъ изыскивать пригодныя для этого мѣры и давала имъ обширныя полномочія по отношенію къ ссыльнымъ, которые стали бы уклоняться отъ работы²⁰⁾.

Мѣстное управленіе Сибири, поставленное подъ крѣпкую власть зоркихъ бояръ и дьяковъ Приказа, сосредоточивалось въ рукахъ воеводъ и ихъ товарищей, дьяковъ, подъячихъ и племенныхъ головъ; ближайшее завѣдываніе ссыльными по работамъ и водворенію ввѣрялось стольникамъ, приказчикамъ и ссадчикамъ; войско состояло изъ стрѣльцовъ и казаковъ, въ значительной степени пополнялось самими ссыльными. Эта воеводская система продолжалась до 1710 г., когда въ Сибири было введено управленіе губернское.

Первоначально, когда еще московское правительство не имѣло опредѣленнаго представленія о Сибири, оно назначило на всю Сибирь одного воеводу — кн. Волховскаго съ товарищемъ его Глуховымъ. Но когда, послѣ пораженія Ермака, Сибирь пришлось завоевывать снова медленнымъ путемъ поступательнаго занятія, то правительство начало назначать особыхъ воеводъ почти въ каждый городъ и острогъ, по мѣрѣ ихъ образованія. Въ рукахъ ихъ сосредоточивалась власть военная, гражданская и судебная; дѣла большей важности отписывались на Москву, и только въ концѣ XVII ст. о сосланныхъ въ дальніе города воеводамъ предоставлено право суда не отписываясь къ государю²¹⁾. Воеводы не были подчинены другъ другу²²⁾, не имѣли между собою никакой связи на мѣстѣ и сносились съ Приказомъ непосредственно²³⁾, хотя воеводства, по объему и степени своей важности, различались на областныя, среднія и малыя. Въ отношеніи управленія, различіе это сводилось единственно къ численности штата: въ областныхъ вое-

¹⁹⁾ Полн. Собр. Зак. № 1670.

²⁰⁾ Ibid., а также №№ 1822 и 6460.

²¹⁾ П. С. Зак. № 562.

²²⁾ Списки насел. мѣстъ, Тобольская губ., стр. LXXXV.

²³⁾ Въ обзорѣ главнѣйшихъ основаній мѣстнаго управленія Сибири, на стр. 2, высказано иное положеніе, будто бы средоточіемъ мѣстной власти и въ московскій періодъ былъ Тобольскъ, откуда другіе города получали свои наказы. Такъ дѣйствительно предполагалось при Годуновѣ, въ 1599 г., но это предположеніе не осуществилось; см. Списки насел. м., Тобольская губ., стр. LXXXV.

водствахъ число товарищей, дьяковъ и племенныхъ головъ было больше, чѣмъ въ среднихъ, а въ малыхъ воеводствахъ случилось, что при воеводѣ бывалъ только подьячій. Областными воеводствами были тобольское и томское. Воеводы тобольскіе иногда назывались „сибирскими“ по преимуществу, такъ какъ черезъ Тобольскъ проходила вся переписка центрального правительства съ Сибирью. Обращикомъ этой переписки можетъ служить дѣло сибирскаго приказа 1652 года о послыѣ въ Сибирь пушкарей Захара да Анисима съ товарищами, съ женами и дѣтьми, за ихъ воровство и за смертное убійство въ вѣчное житье на Лену. Изъ Москвы они посылались съ приставами, которымъ даны были наказъ и нѣсколько грамотъ. Наказъ опредѣлялъ обязанности приставовъ. Первая грамота адресована верхотурскому воеводѣ, которому предписывалось принять ссыльныхъ отъ приставовъ и препроводить ихъ до Тобольска. Вторая грамота предназначалась тобольскому воеводѣ, о принятіи ихъ и препровожденіи далѣе до Енисейска. Особою грамотою енисейскому воеводѣ предписывалось принять этихъ ссыльныхъ у приставовъ тобольскихъ и помѣстить ихъ въ енисейскій острогъ, о чемъ увѣдомить государева дьяка. Наконецъ, грамотою изъ приказа-же на малый волочекъ въ острогъ боярину Богдану Денисьевичу Оладьину предписывалось отправить за ними провожатыхъ въ Енисейскъ, принять ихъ тамъ и поселить ихъ на пашнѣ на Ленѣ съ женами и дѣтьми, о чемъ увѣдомить государева дьяка ²⁴⁾.

Число воеводъ было весьма значительно. Въ XVII ст. мы находимъ ихъ въ Верхотурѣ, Томскѣ, Тобольскѣ, Тюмени, Пелымѣ, Березовѣ, Мангазеѣ, въ Турьинскомъ острогѣ, на ленскомъ волокѣ, въ Тарѣ, въ Ишимѣ, въ наринскомъ острогѣ, въ Нерчинскѣ, въ Даурахъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Они перемѣнялись очень часто. Независимо отъ смѣны отдѣльныхъ воеводъ, вслѣдствіе открывавшихся злоупотребленій по челобитнымъ и доносамъ товарищей или дьяковъ, были еще общія раскасирванія воеводъ, примѣнявшіяся съ воцареніемъ новаго государя или при иныхъ обстоятельствахъ. Кажется, это было созвательною мѣрою политики, направленною къ тому, чтобъ воеводы долго не засиживались и не дѣлались слишкомъ сѣлыми въ

²⁴⁾ Моск. Сенат. Арх., Столб. Сибир. Пр. № 6461, 417 дѣла н^о 1.

злоупотребленіяхъ. Въ 1629 г. назначены новые воеводы и пленные головы почти во всѣ сибирскіе города ²⁵⁾; не далѣе, какъ черезъ 6 лѣтъ, въ 1635 г., происходитъ новое повсемѣстное ихъ раскасірованіе ²⁶⁾, которое повторяется неоднократно и впоследствии ²⁷⁾. Къ дьякамъ и подъячимъ эта мѣра не примѣнялась.

Другая мѣра обезпеченія власти противъ чрезмѣрнаго усиленія и неправильныхъ дѣйствій воеводъ, состояла въ томъ, что они окружались товарищами и дьяками. Товарищъ былъ гораздо болѣе, чѣмъ помощникомъ воеводы, вполне ему подчиненнымъ и не имѣвшимъ самостоятельнаго голоса. Онъ останавливалъ незаконныя дѣйствія воеводы отписками въ Москву, замѣнялъ воеводу на случай отсутствія, болѣзни или смерти, и до такой степени раздѣлялъ съ нимъ власть управленія, что часто называется также воеводою. Въ 1699 г. въ Сибирскомъ Приказѣ забиралась справка, когда и кто были въ нарымскомъ острогѣ воеводами и по какому указу велѣно быть одному воеводѣ, разумѣя подъ другимъ его товарища ²⁸⁾. Государевъ дьякъ наблюдалъ за дѣйствіями воеводы и товарищей, контролировалъ ихъ въ отношеніи фискальныхъ интересовъ, сносясь непосредственно съ Москвою и иногда получалъ изъ приказа грамоты и наказы вмѣсто воеводъ; онъ-же и подъячіе его принимали ближайшее участіе въ судѣ. Племенные головы къ ссылкѣ никакого отношенія не имѣли.

Для ближайшаго наблюденія за поселеніемъ и пашнею, съ которой опредѣленная часть дохода шла въ пользу государя, назначались стольники, приказчики и ссадчики. Такъ напр. въ 1633 г. стольникъ Егуповъ назначенъ на службу въ Сибирь для смотрѣнія надъ крестьянами, чтобъ радѣтельно пашню пахали и хлѣба сѣяли и ясашины подати платили безъ замедленія ²⁹⁾. Въ подчиненіи стольникамъ, а гдѣ особнхъ стольниковъ не было, то въ подчиненіи воеводамъ непосредственно, находились приказчики. Они назначались въ каждую деревню для наблюденія за обработкой земли пашенными крестьянами въ интересахъ исправнаго поступленія десятинной платы. Приказчики ложились довольно

²⁵⁾ *Ibid.*, столб. № 7726, 1680 дѣла н° 3.

²⁶⁾ *Ibid.*, столб. № 6087, 43 н° 1.

²⁷⁾ *Ibid.*, столб. № 7643, 1597 н° 1.

²⁸⁾ *Ibid.*, столб. № 7393, 1347 н° 1.

²⁹⁾ *Ibid.*, № 6077, 33 н° 1.

тяжелымъ бременемъ на деревню, кормясь на ея счетъ; это видно изъ того, что запрещено было назначать особыхъ приказчиковъ въ тѣ деревни, гдѣ было менѣе 5—6 дворовъ. Ссадчикъ, кажется, мѣстное названіе приказчика; эта должность въ дѣлахъ сибирскаго приказа упоминается въ смыслѣ обязанности расселенія вновь прибывающихъ ссыльныхъ, указанія имъ мѣсть и наблюденія за ихъ работами ³⁰⁾.

Что касается суда, то въ сибирскихъ воеводствахъ онъ былъ организованъ на тѣхъ-же началахъ, какъ и въ остальномъ государствѣ; особенность, состоявшую въ томъ, что по дѣламъ о ссыльныхъ, избличенныхъ въ неоднократныхъ побѣгахъ и пересланыхъ въ отдаленныя окраины, воеводамъ предоставлено было право суда не отписываясь на Москву, мы уже имѣли случай указать ³¹⁾; съ этимъ небольшимъ изъятіемъ, правила уложенія 1649 г. о судѣ имѣли въ Сибири полное примѣненіе ³²⁾.

Весьма серьезныя измѣненія въ этомъ порядкѣ вещей произошли со введеніемъ въ Сибирь губернскаго управленія и подчиненіемъ, а затѣмъ и совершеннымъ упраздненіемъ Сибирскаго приказа.

Петровская эпоха представляетъ дезорганизацію прежнихъ учрежденій и замѣну ихъ новыми. У центра созиданіе новаго шло параллельно съ разрушеніемъ стараго. Но Сибирь была такъ далека, ссылку до такой степени закрыли отъ глазъ правительства другіе важные вопросы общегосударственной жизни, что, распатая систему прежняго управленія, центральная власть не успѣла поставить на его мѣсто новаго, болѣе соответствующаго, или указать вновь учрежденнымъ общимъ установленіямъ спеціальными относительно Сибири задачи и способъ дѣятельности. Въ теченіи почти всего XVIII ст., вѣдавшія судьбами Сибири установленія представляютъ картину въ высшей степени пеструю и постоянно измѣнявшуюся. Сибирскій Приказъ раздѣлилъ свою власть по управленію ссыльными со множествомъ другихъ вѣ-

³⁰⁾ *Ibid.* № 7279, 1233 н° 1.

³¹⁾ I Полн. С. зак. № 562.

³²⁾ Столб. Соб. Прик. № 7117, 1072 н° 3: содержавшихся въ якутской тюрьмѣ раскольниковъ за расколъ, а смертоубійцъ за смертное убійство, велѣно было наказывать (въ 1689 г.) по уложенію и новеуказнымъ статьямъ. I Пол. Собр. Зак. № 562: наказывать по Уложенію; № 1594: предписывается, чтобы въ тюрьмахъ сидѣльцевъ не множилось, и велѣно имъ указъ чинить по уложенію, и мн. др.

домствъ, каковы: сысеной приказъ ³³⁾, бергъ-коллегія ³⁴⁾, адмиралтействъ-коллегія ³⁵⁾, сенатская экспедиція о колодникахъ ³⁶⁾, а съ подчиненіемъ Сенату утратилъ всякую самостоятельность. Такой переходъ власти по управленію Сибирью отъ приказа ко множеству самостоятельныхъ центральныхъ вѣдомствъ, другъ отъ друга независимыхъ и преслѣдовавшихъ различныя цѣли, имѣлъ своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ разрозненность и слабость власти, — чего не могла отворотить и широкая программа, начертанная Сенату, который былъ поставленъ во главѣ общаго имперскаго управленія. Обремененный массою другихъ заботъ и построенный по западноевропейскому коллегіальному образцу, Сенатъ могъ быть полезенъ отдаленной Сибири для указанія общихъ нормъ дѣятельности, но отнюдь не для разрѣшенія мелкихъ текущихъ вопросовъ управленія, съ которыми приходилось имѣть дѣло сибирскому приказу. Упрекаютъ гр. Сперанскаго въ томъ, что онъ распаталъ власть въ Сибири; но эта власть уже была распатана всѣмъ теченіемъ XVIII ст., а то, что называли ея силою въ эпоху напр. Селифонтова и Пестеля, было лишь произволомъ, котораго не могли предотвратить разрозненныя центральныя установленія.

Распавшись въ центрѣ, единство и сила власти не перемѣстились и въ самую Сибирь. Почти въ самомъ началѣ новаго порядка вещей, мѣстное управленіе раздвоилось; подлѣ тобольскаго губернатора появляется совершенно независимый отъ него ³⁷⁾ иркутскій вице-губернаторъ, и съ центральными властями иркутская провинціальная канцелярія сносятся непосредственно ³⁸⁾. Это раздвоеніе упрочено въ 1764 г., когда Сибирь раздѣляется на два губернаторства. Введеніе губернскаго управленія умножило въ Сибири число инстанцій, увеличило переписку, а съ нею — медленность производства и преобладаніе канцелярій, от-

³³⁾ Въ сысеномъ приказѣ сосредоточена вся пересылкасылныхъ съ 1733 г.; см. П. С. З. № 6318. Въ 1765 г. сысеной приказъ преобразованъ въ московскую розыскную канцелярію.

³⁴⁾ 1 Пол. Соб. Зак. № 11113; Бергъ-Коллегіи переданы заводы нерчинскіе и екатеринбургскіе золотыя промыслы; вполнѣдствіи управленіе ими сосредоточено непосредственно въ Сенатѣ, а затѣмъ они перешли изъ казны къ императорскому кабинету.

³⁵⁾ Каторжныя азовскіе, ровервинскіе и др. находились въ распоряженіи Адмиралтействъ — Коллегіи; П. С. З. № 1930.

³⁶⁾ Она была учреждена въ 1761 году.

³⁷⁾ Обзорніе главныхъ основаній, стр. 2.

³⁸⁾ П. С. З. № 11,1160.

врывавшія широкую дверь своеволю и злоупотребленіямъ. Московское служилое сословіе было воспитано на строгомъ надзорѣ изъ центра. За каждымъ воеводой наблюдали по крайней мѣрѣ четыре глаза, хотя длинный списокъ сибирскихъ воеводъ былъ богатъ очень знатными фамиліями, каковы кн. Голицыны, Путятинны, Шаховскіе, Милословскіе, а также Плещеевы, Шенны, Оладьины и многіе другіе. Но, не смотря даже на все это, находились воеводы, которые сумѣли получить громкую извѣстность своими пороками и злоупотребленіями. Киргизскій князь Неме или Немча хотѣлъ сперва добровольно подчиниться русскимъ; въ 1606 г. онъ послалъ въ Томскъ свою жену, къ воеводамъ, смѣнившимъ Писемскаго, но воеводы, прельстясь дорогою ея собольей шубой, ограбили ее и тѣмъ возстановили противъ себя Немчу, который, въ отмщеніе за жену, пожогъ всѣ томскія волости по рѣкѣ Чулыму и сдѣлался послѣ того непримиримымъ врагомъ русскихъ³⁹⁾. Тарскій воевода кн. Шаховской и товарищъ его Кайсаровъ едва не довели барабинскихъ татаръ до открытаго бунта своими злоупотребленіями по сбору ясака. Тобольскій митрополитъ Павелъ вынужденъ былъ отлучить отъ церкви товарища мѣстнаго воеводы Приклонскаго „за презорство и гордость, и за неистовое его житіе, и блудодѣяніе, и несносныя и поносныя рѣчи“⁴⁰⁾. Съ распаденіемъ сильнаго центрального надзора, злоупотребленія сибирскихъ служилыхъ людей, отъ высшихъ до низшихъ степеней, стали явленіемъ обычнымъ. Первый сибирскій губернаторъ Гадаринъ былъ казненъ. Иркутскій вице-губернаторъ Якоби нѣсколько лѣтъ былъ подъ судомъ. Чичеринъ оставилъ по себѣ тяжелую память. Злодѣяства иркутскаго слѣдователя Крылова поразили Екатерину II и остались памяты сибирякамъ до нашихъ дней⁴¹⁾.

Общее губернское учрежденіе въ Сибири введено было (въ 1782 и 1783 годахъ) безъ всякаго соображенія съ мѣстными особенностями этого края. Оно не дало ни большаго единства мѣстному управленію, ни большихъ гарантій противъ злоупотребленій служащихъ. Сибирь раздѣлилась на три намѣстничества, въ которыхъ учреждены два генераль-губернаторства: тобольское и иркутское. Во всѣхъ намѣстничествахъ, общее учрежденіе вве-

³⁹⁾ Списки насел. мѣсть. т. LX, стр. LII.

⁴⁰⁾ Списки насел. мѣсть, Тобольская губ., стр. LXXXV.

⁴¹⁾ Вашиъ, историч. свѣд., I, 4.

дено во всемъ его пространствѣ, со всеми верхними и нижшими расправами, надворными судами, совѣстными судами и пр. Границы уѣздовъ означены безъ соображенія съ мѣстными условіями, и во многихъ пустыняхъ появились полные уѣздные штаты. Число инстанцій умножилось, медленность производства увеличилась.

Вскорѣ (въ 1797 г.) генераль-губернаторства были упразднены, упразднено и колыванское намѣстничество, въ части котораго (алтайскій горный округъ) введено, даже для общаго управленія, горное начальство, совершенно независимое отъ гражданскаго. Намѣстничества тобольское и иркутское переименованы въ губерніи, но въ иркутскую губернію назначенъ военный губернаторъ съ гражданскою властью. Для уменьшенія медленности производства, все среднія мѣста закрыты; совѣстные суды также уничтожены.

Въ такомъ положеніи застаеъ Сибирь XIX в. Отсутствие всякаго надзора въ центрѣ, разрозненность и слабость власти на мѣстѣ были его характеристическими чертами. Злоупотребленія служилыхъ людей не только не унимались, а продолжались съ большою силою. „Лихоимство, произволь, личные интриги — вотъ характеристика сибирскаго управленія за цѣлое столѣтіе“, говоритъ г. Вагинъ.

Между тѣмъ, ссылка въ Сибирь, на время уменьшившаяся при Петрѣ I, продолжалась съ новою силою при его преемникахъ; въ вѣкъ Екатерины II и Павла задумывались въ кабинетахъ Петербурга такіе грандіозные проекты колонизаціи этой окраины, на восточной и юго-восточной ея границахъ, какъ никогда, ни прежде, ни послѣ. Но отсутствіе сильной центральной власти, которая могла бы направлять ссыльную политику, повело къ тому, что Сибирь вскорѣ была до того обременена ссыльными, что явилась даже мысль совершенно отказаться отъ ссылки. Разрозненное и слабое мѣстное начальство не было въ состояніи приспособиться къ новымъ условіямъ ссылки и создать для нихъ новыя мѣры. Еще при Екатеринѣ II, главнѣйшую заботу, которую продолжало себѣ ставить мѣстное начальство по отношенію къ ссылкѣ и которая указывалась ему высшимъ правительствомъ, составляла забота о приращеніи ссыльными казеннаго интереса. Они или сажались на государевы пашни, или отдавались на работы въ заводы, или поступали въ солдаты. Положеніе ссыльныхъ, посаженныхъ на пашнѣ, было продолженіемъ порядка, выработаннаго еще практикою сибирскаго приказа. Они вносили

оброчный хлѣбъ, шедшій для прокормленія жителей въ недородныхъ областяхъ, или должны были обработать для казны опредѣленный земельный участокъ ⁴²⁾. Наблюденіе за ними принадлежало полиціи уѣздной и волостной, а въ 1799 г. велѣно было назначить для этой цѣли надзирателей надежныхъ, попечительныхъ и знающихъ въ сельскомъ хозяйствѣ ⁴³⁾. Въ 1803 г. появляются смотрители и главные смотрители поселеній. Что касается заводовъ, то на нихъ работали какъ ссыльные по суду, такъ и люди другихъ состояній, подобно эпохѣ сибирскаго приказа; въ значительной мѣрѣ контингентъ рабочихъ пополнялся по началу военной повинности. Всѣ рабочіе безразлично поступали подъ управленіе и власть мѣстнаго заводскаго начальства, которому въ извѣстныхъ предѣлахъ принадлежало и право суда.

Ревизія сенатора Селифонтова и донесенія т. с. Лавы обратили вниманіе правительства на огромныя злоупотребленія мѣстныхъ властей, какъ по общему управленію, такъ и по ссыльному дѣлу. Правительство рѣшилось положить имъ предѣлъ, назначивъ для управленія Сибири лицъ вполне надежныхъ и снабдивъ ихъ большою властью. Званіе генераль-губернатора, одного для всей Сибири, возстановляется, и Селифонтову, назначенному на этотъ постъ, даются полномочія, которыя въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ вещей казались огромными. Ему предоставлено опредѣлять и отрѣзывать большую часть чиновниковъ; въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенно же по продовольствію края, принимать своею властью нужныя мѣры не ожидая разрѣшенія; на его же попеченіе возложено продовольствіе и расположеніе войскъ, но не управленіе ими. Въ то же время произведены нѣкоторыя измѣненія въ административныхъ дѣленіяхъ, а уѣзды раздѣлены на комисарства, для болѣе удобнаго управленія ими.

На этомъ новомъ положеніи, Сибирь имѣла только двухъ генераль-губернаторовъ: Селифонтова и Пестеля. Селифонтовъ на своемъ посту оставался недолго; въ 1806 г., по донесеніямъ гр. Головкина, онъ былъ уволенъ отъ службы съ воспрещеніемъ вѣзда въ столицы. Остальныя 13 лѣтъ генераль-губернаторствовалъ Пестель, но онъ, тотчасъ послѣ перваго обозрѣнія Сибири выѣхалъ въ Петербургъ и жилъ тамъ постоянно. Фактически, управленіе оставалось въ рукахъ трехъ губернаторовъ,

⁴²⁾ Пол. Соб. Зак. № 11633.

⁴³⁾ Пол. Соб. Зак. № 19157.

„съ заключеніями которыхъ Пестель почти всегда соглашался и которыя выдавалъ передъ высшимъ правительствомъ за свои собственныя“: тобольскаго — фонъ Брига, томскаго — Марченка, а потомъ Иличевскаго, и особенно иркутскаго — Трескина, ближайшими сподвижниками котораго были Бѣлявскій и Лоскутовъ. Польза, которую можно было ожидать отъ объединенія Сибири въ одно генералъ-губернаторство, была совершенно парализована такими дѣятелими. Но и они успѣли кое что сдѣлать для ссылки и съ помощью ссылки. Трескинъ уничтожилъ въ губерніи разбой, устроилъ кругобайкальскую дорогу, обращалъ серьезное вниманіе на поселенія; у Лоскутова и Геденштрома, которые во всѣхъ другихъ отношеніяхъ были худшими исправниками иркутской губерніи, поселенцы процвѣтали. Гр. Сперанскій нашелъ положеніе ихъ удовлетворительнымъ, и только тѣ, которые находились въ подчиненіи заводскому начальству или жили въ дикихъ туруханскихъ пустыняхъ, произвели на него тяжелое впечатлѣніе.

Много въ нашихъ правительственныхъ сферахъ и въ нашей литературѣ было говорено и писано въ томъ смыслѣ, что расширеніе власти сибирскихъ начальствъ приводило къ результатамъ отрицательнымъ, именно — что съ усиленіемъ ихъ власти видимо умножались и беспорядки, и жалобы на злоупотребленія. Еще министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ настойчиво проводилъ эту мысль, считая главною причиною сибирскихъ беспорядковъ самовластіе мѣстнаго начальства. Да, самовластіе, но не самостоятельность власти. Самовластіе было гибельно для Сибири, но оно происходило не отъ излишняго расширенія власти мѣстныхъ начальствъ, а отъ отсутствія у нихъ необходимой законной самостоятельности дѣйствія и слабости центральной власти. Предоставляя губернатору Чичерину право распредѣлять ссыльныхъ по его усмотрѣнію (по поводу устройства дороги въ барабинской степи), т. е. такое право, которымъ уже задолго передъ тѣмъ располагали сибирскіе воеводы, Петербургъ смотритъ на это какъ на нѣчто совершенно исключительное и ограничиваетъ его личностію Чичерина⁴⁴⁾. И далѣе, что это за „обширная“ полномочія, которыя были предоставлены закономъ 1803 г. генералъ-губернатору огромной страны, отдѣленной отъ центра значительными разстояніями и находившейся въ моментъ своего образованія? Имѣлъ-ли онъ право издавать обязательныя для жителей

⁴⁴⁾ П. С. З. № 12373.

распоряженія, какъ губернаторъ австралійскій? Располагаль-ли онъ военными силами? Могъ-ли онъ по своему усмотрѣнiю обращать присланныхъ въ Сибирь ссыльныхъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, или устраивать изъ нихъ поселенія съ необходимыми пособіями? Былъ-ли онъ свободенъ отъ порядка штатовъ, напередъ опредѣленныхъ до мельчайшихъ деталей? Не былъ ли онъ лишенъ всякихъ денежныхъ ресурсовъ, подчиняясь той сложной системѣ отчетности, которая дѣйствовала во всей имперіи и, оставляя мѣсто злоупотребленіямъ, клеймила названіемъ преступленія расходъ, обещающій въ близкомъ будущемъ большую пользу для страны, но не предусмотрѣнный опредѣленною графюю финансовыхъ вѣдомостей? Въ своей дѣятельности, мѣстное начальство было связано по рукамъ; оно должно было прибѣгать къ обходу закона даже для дѣлъ чистыхъ; впоследствии эта практика привилась, къ ней начали прибѣгать и для злоупотребленій. Отсутствие необходимой законной свободы дѣйствія неизбежно вело къ самовластію и создало порядокъ, который гр. Сперанскій весьма мѣтко назвалъ порядкомъ домашняго управленія.

Характеръ этого домашняго управленія еще ближе опредѣлился отсутствіемъ всякаго надзора въ центрѣ. Надзоръ этотъ сдѣлался до того призрачнымъ, что центральное управленіе, въ теченіи 13 лѣтъ, терпѣло въ Сибири генераль-губернатора, который лишь мелькомъ взглянулъ на Сибирь и представлялъ изъ себя самую жалкую административную посредственность. Подобное явленіе было немыслимо въ московскій періодъ. „Двѣнадцать лѣтъ безъ ревизіи и безъ надзора достаточны къ тому — замѣтилъ гр. Сперанскій, — чтобы разстроить и привести въ безпорядокъ наилучше устроенную губернію“.

III.

Гр. Сперанскій. Общее гражданское управленіе Сибири.

Въ ссылкѣ гр. Сперанскій видѣлъ институтъ не карательный, а колонизаціонный, входящій въ систему общей политики. Хотя онъ энергически настаивалъ, чтобы ссылка въ Сибирь примѣнялась не иначе, какъ по суду, но разъ ссыльные прибыли въ Сибирь, они переставали быть для него предметомъ наказанія и становились элементомъ, существенно необходимымъ Сибири своими рабочими силами и своею колонизаціонною спо-

собностью. Въ этомъ лежитъ объясненіе, почему въ системѣ учреждений 1822 г. ссыльное управленіе такъ тѣсно соединено съ общимъ гражданскимъ управленіемъ Сибири.

Познакомившись съ сибирскими неурядицами, гр. Сперанскій поставилъ себѣ благородную задачу насадить законъ на мѣсто найденнаго беззаконія и водворить прочный порядокъ тамъ, гдѣ успѣли укорениться произволъ и самовластіе. Въ то же время онъ вполне сознавалъ невозможность текущаго управленія Сибирью изъ центра и необходимость „особыхъ правилъ для такихъ частей управленія, кои составляютъ въ Сибири весьма обширный кругъ дѣйствія“ и совершенно неизвѣстны Имперіи, напр. образъ управленія племенъ инородныхъ, приѣмъ, прирѣвнѣ и водвореніе ссыльныхъ и т. под. Требовалось создать правительство сильное, но подчиненное закону, опредѣливъ его организацію и функціи примѣнительно къ мѣстнымъ сибирскимъ условіямъ: „ибо нельзя думать, чтобъ когда нибудь полагали возможнымъ управлять краемъ, столь отдаленнымъ и столь разнороднымъ, по тѣмъ-же правиламъ, какъ управляются вблизи столицы губерніи новгородская или тверская“. Требовалось, въ то же время, создать особые органы управленія для специфическихъ частей сибирскаго населенія, напр. для ссыльныхъ, и опредѣлить отношеніе ихъ къ общему управленію. Требовалось, наконецъ, связать эту сложную систему мѣстнаго управленія съ правительствомъ центральнымъ.

Первая задача разрѣшалась образованіемъ общаго гражданского управленія Сибири, по четыремъ его ступенямъ: управленіе волостное, окружное, губернское и главное. Вторая задача по отношенію къ ссыльнымъ разрѣшалась образованіемъ приказа и экспедицій о ссыльныхъ, съ состоящими при нихъ органами. Наконецъ, рѣшеніе третьей задачи даетъ не сибирское учрежденіе, а законы общегосударственные; впрочемъ, при жизни Сперанскаго эта функція исполнялась учрежденіемъ, въ дѣятельности котораго онъ оставилъ явственныя слѣды; мы говоримъ о первомъ сибирскомъ комитетѣ (1822—1838).

Въ прежней системѣ общаго управленія новый порядокъ произвелъ значительныя перемѣны. Изъ нихъ особенное значеніе гр. Сперанскій придавалъ раздѣленію Сибири на два генералъ-губернаторства и превращенію управленія изъ личнаго или домашняго въ публичное, обставленное коллегіальными установленіями и дѣйствующее въ предѣлахъ закона. Остальныя за-

тѣмъ правила сибирскаго учрежденія представляють собою развитіе этихъ двухъ основныхъ положеній⁴⁵⁾.

Раздѣленіе Сибири на два генераль-губернаторства, совершенно самостоятельныя и независимыя другъ отъ друга, гр. Сперанскій рекомендовалъ весьма настойчиво. Въ основаніе его онъ приводилъ удобства населенія и горнаго промысла, удобства сообщенія, удобства продовольствія и торговли, удобства гражданскаго и пограничнаго управленія⁴⁶⁾; но онъ не указалъ и не могъ указать на удобства управленія ссылки. Правильное и быстрое дѣйствіе его, единство депортаціонной политики и устойчивость ея, какъ мы увидимъ, во многомъ пострадали отъ того, что во главѣ этого института общегосударственной важности были поставлены два различныя, совершенно между собою независимыя мѣстныя начальства.

Другая существенная сторона новаго порядка, выраженная въ первомъ положеніи программы гр. Сперанскаго (см. примѣчаніе 45), состояла въ учрежденіи дѣйствія сибирскаго управленія такъ: „чтобы оно было не личнымъ и домашнимъ, но публичнымъ и служебнымъ“. Въ этихъ видахъ генераль-губернаторы, губернаторы и окружныя начальники обставлены были коллегіальными установленіями изъ чиновниковъ, представлявшихъ собою разныя мѣстныя вѣдомства, или особо назначенныхъ для присутствованія въ этихъ установленіяхъ. Таковы совѣтъ главнаго управленія, губернской совѣтъ и окружное управленіе. Въ нихъ предсѣдательствовали генераль-губернаторъ, губерна-

⁴⁵⁾ Въ «Обозрѣніи главныхъ основаній» задача реформы выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ (стр. 24): «1) преобразить личную власть въ установленіе, и согласивъ единство ея дѣйствія съ гласностью, охранить ее отъ самовласти и злоупотребленій законными средствами, изъ самаго порядка дѣлъ возникающими; учредить дѣйствіе ея такъ, чтобы оно было не личнымъ и домашнимъ, но публичнымъ и служебнымъ; 2) усилить надзоръ, собравъ раздробленныя и потому безсильныя его части въ одно установленіе, и тѣмъ, вмѣсто безплодной переписки, сдѣлать его средствомъ къ дѣйствительному исправленію, замѣнивъ имъ — съ одной стороны удаленный отъ Сибири надзоръ высшаго правительства, а съ другой — недостаточный надзоръ общественнаго мнѣнія; 3) раздѣлать и раскрыть тѣ установленія, кои, бывъ сокрыты и смѣшаны въ губернскомъ правленіи, не производили сего дѣйствія; 4) постепенностью, связію, средоточіемъ всѣхъ частей управленія достигнуть того, чтобы части сіи одна другой содѣйствовали, чтобы весь составъ губернскаго управленія представлялъ нѣчто цѣлое и совокупное, и могъ-бы въ назначенномъ ему кругѣ самъ собою двигаться, находя въ себѣ и средства къ сему движенію, и побудительную силу; 5) приспособить управленіе къ особенному положенію тѣхъ сибирскихъ областей, кои при великомъ пространствѣ весьма мало имѣютъ населенія; наконецъ 6) простотою и удобностью обрядовъ доставить каждому роду дѣлъ своевременное и успѣшное движеніе».

⁴⁶⁾ Обозрѣніе, стр. 5—7, 11—15.

торъ и окружной начальникъ; предполагалось, что эти власти будутъ управлять вѣрненнымъ имъ райономъ не единолично, а каждая въ составѣ своего совѣта. Нельзя отрицать правильности этой мысли въ ея основаніи. Отъ учрежденія совѣтовъ можно было ожидать большую пользу: ограниченіе личнаго произвола, всестороннее обсужденіе предполагаемыхъ мѣропріятій, выработку общихъ, руководящихъ правилъ администраціи и устойчивой системы дѣйствія, что было бы особенно важно по отношенію къ ссыльѣ. Но разрѣшеніе вопроса, оправдывается или не оправдывается это ожиданіе, зависѣло, очевидно, отъ *состава* совѣтовъ. При опредѣленіи его, гр. Сперанскій встрѣтился съ чрезвычайно трудностью: въ Сибири не было еще дворянства, не было и другихъ независимыхъ и словившихся сословій. Можно было или создать сословія, которыхъ Сибирь еще не имѣла, и окружить представителей власти общественными выборными, или удовольствоваться чиновнымъ составомъ совѣтовъ. Первый путь былъ предложенъ еще мин. вн. д. О. П. Козодавлевымъ, который въ 1818 г. вносилъ въ комитетъ министровъ мнѣніе, предлагавшее, для ограниченія самовластиа, учредить верховное сибирское правительство частью изъ чиновниковъ, опредѣленныхъ отъ правительства, частью-же изъ выборныхъ отъ общества; предоставить генераль-губернатору только право предсѣдателя, имѣющаго перевѣсъ при равенствѣ голосовъ; учредить губернскіе совѣты изъ выборныхъ отъ сословій, и усилить власть магистратовъ и городскихъ правленій. Предполагаютъ, что и гр. Сперанскій первоначально хотѣлъ идти тѣмъ-же путемъ, даже по программѣ еще болѣе широкой. Но, окончателно, для устройства сибирскаго управленія принять второй путь. Совѣты назначены исключительно изъ чиновниковъ, опредѣленныхъ правительствомъ. Совѣтъ главнаго управленія замѣнялъ намѣстническое правленіе; генераль-губернаторъ назначенъ предсѣдателемъ, а губернаторъ и особыя совѣтники—засѣдателями; положенія совѣта не имѣли никакой силы безъ утвержденія генераль-губернатора и, притомъ, нѣкоторыя дѣла, „не требующія совѣщанія“, присвоены его непосредственному вѣдѣнію. Губернскій совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, состоялъ изъ предсѣдателей губернскихъ мѣстъ, губернскаго прокурора и губернскихъ стряпчихъ; въ немъ сосредоточены дѣла по надзору и ревизіи, жалобы на нарушеніе обрядовъ въ окружныхъ судебныхъ мѣстахъ и всѣ предметы управленія, требующіе общаго соображенія хозяйствен-

ной и исполнительной части. Въ отдѣльности, полиція, судъ и хозяйство губерніи были представлены губернскимъ правленіемъ, губернскимъ судомъ и казенной палатой. Общее окружное управленіе, введенное лишь въ значительныхъ округахъ, составлено, подъ предѣтельствомъ окружнаго начальника, изъ представителей окружнаго суда, земскаго суда, казначейства и страичаго. Для округовъ менѣе значительныхъ совѣтовъ не полагалось и управленіе въ нихъ образовано или по прежнему типу комисарствъ, съ подчиненіемъ земскому суду, или сосредоточено въ рукахъ земскаго исправника.

Въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ домашней власти, учрежденія эти, безспорно, принадлежать „къ высшему роду понятій“⁴⁷⁾. Но при указанномъ составѣ трудно было ожидать, чтобы члены совѣтовъ могли пользоваться достаточною независимостью по отношенію къ своимъ предѣтелямъ и образовать изъ себя компактное цѣлое, являющееся дѣйствительнымъ выразителемъ мѣстныхъ потребностей и обеспечивающее устойчивость административной дѣятельности. Напротивъ, съ измѣненіемъ мѣстной генераль-губернатора обыкновенно мѣнялись и мѣстныя совѣта по самымъ существеннымъ пунктамъ; мы будемъ имѣть случай изложить ниже характеристическій въ этомъ родѣ примѣръ изъ исторіи совѣта главнаго управленія восточной Сибири по вопросу объ управленіи ссыльными; но такими случаями исторія совѣтовъ богата и по другимъ вопросамъ. Между тѣмъ, представители администраціи получали возможность укрываться за совѣтами, отвѣтственность ихъ ослабѣвала, а производство усложнялось и замедлялось коллегіальнымъ установленіемъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно бесполезнымъ.

Сибирское войско, можно сказать, было продолженіемъ ссылки. Огромный процентъ его состоялъ изъ штрафованныхъ нижнихъ чиновъ, т. е., въ виду порядковъ того времени, изъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ дважды заслужившихъ ссылку. Ближайшій преемникъ гр. Сперанскаго, ген.-губ. восточной Сибири Лавинскій, изображаетъ состояніе сибирскаго войска въ самыхъ мрачныхъ чертахъ. Всѣ линейные батальоны и всѣ подвижныя роты и этапныя команды, расположенныя въ восточной Сибири, говоритъ онъ, по большей части наполнены людьми порочными, переведенными туда изъ другихъ полковъ и командъ по неодно-

⁴⁷⁾ Обзоръіе, стр. 23.

кратномъ наказаніи и продолжающими совершать всякія новыя преступленія въ новыхъ мѣстахъ ихъ служенія. Чтобы вездер- живать ихъ отъ худыхъ поступковъ необходима вся строгость дисциплины, между тѣмъ сибирскіе батальоны и команды бѣдны и хорошими офицерами, которые бы дѣйствительно заботились о пользѣ службы ⁴⁸⁾. Тоже повторялось въ Сибири западной, а по свидѣтельству г. Власова, и въ наши дни нравственный уро- вень сибирскихъ военныхъ командъ разныхъ наименованій стоитъ до того низко, что въ караульныхъ казакахъ и солдатахъ силь- ные легко приобретаютъ соучастниковъ своихъ преступленій и помощниковъ для обхода установленной дисциплины. Управление сибирскимъ войскомъ принадлежало не общимъ гражданскимъ, а особеннымъ военнымъ властямъ, совершенно отъ нихъ независи- мымъ; средоточіе ихъ находилось для всей Сибири въ Tobольскѣ, въ рукахъ корпуснаго начальства. Генераль-губернаторамъ воен- ные власти были подчинены только въ отношеніи надзора и въ случаяхъ злоупотребленій (п. 3 § 159 сиб. учр.). Это поло- женіе вещей, порождая безпрерывные конфликты, ослабляя граж- данскую власть, въ тоже время вело къ раздробленію централь- ной сибирской власти, котораго такъ желалъ избѣжать гр. Спер- анскій. Уже ближайшій преемникъ его по вост. Сибири, Лавин- скій, ходатайствовалъ, но безуспѣшно, о томъ, между прочимъ, чтобъ „полную власть надъ войсками, въ восточной Сибири расположенными, сосредоточить въ лицѣ генераль-губернатора“.

Кромѣ военнаго управленія, въ Сибири оставались и другія вѣдомства, независимыя отъ мѣстной гражданской власти. Та- ковы управленія казенныхъ заводовъ и горное вѣдомство, пред- ставлявшее интересы императорскаго Кабинета въ горныхъ окру- гахъ алтайскомъ и черчинскомъ. Не ограничиваясь хозяйствен- ную стороною, власть ихъ распространялась и на администра- тивное управленіе приписаннымъ къ нимъ населеніемъ. Попытки гр. Сперанскаго положить конецъ этому порядку вещей привели къ тому только результату, что казенные заводы объявлены въ главномъ завѣдываніи генераль-губернаторовъ ⁴⁹⁾.

⁴⁸⁾ Дѣло секретнаго Комитета 1833 г., въ Арх. Гос. Сов. 1840 № 53, 1841 г. № 72, л. 177 и слѣд.

⁴⁹⁾ *Визнь*, II, 346.

IV.

Особенныя установленія для ссылки и отношеніе ихъ къ общему сибирскому управленію.

Взглядъ на ссылку какъ на колонизаціонный институтъ, вхлотившій въ систему общей политики, ничтожная цифра ежегоднаго поступления ссыльныхъ въ то время ⁵⁰⁾, наконецъ и те обстоятельства, что гр. Сперанскій нашелъ положеніе ссыльныхъ въ Сибири (кромя подчиненныхъ заводскимъ начальствамъ) удовлетворительнымъ, дѣлали въ глазахъ его излишнимъ создавать для завѣдыванія ссыльными на мѣстахъ и устройства ихъ совершенно самостоятельную систему управленія.

Но его поразили неправильности и злоупотребленія какъ въ приговорахъ о ссылкѣ, такъ и въ порядкѣ препровожденія ссыльныхъ и распредѣленія ихъ. Онъ съ удивленіемъ останавливается на разнорѣчіяхъ судебной практики, назначавшей за одно и тоже преступленіе (поддѣлка фальшивой монеты) или каторгу съ кнутомъ, или просто поселеніе; указываетъ на „незаконныя дѣйствія“ судовъ и администраціи, ставившихъ назначеніе ссылки въ зависимость не отъ рода и тяжести преступленія, а отъ повальныхъ обысковъ, общественныхъ приговоровъ и даже отъ воли помѣщика. Еще болѣе, если это возможно, поразили его безпорядки по препровожденію и распредѣленію ссыльныхъ. Многіе казенные заводы имперіи, мало того — почти всѣ начальствующія лица считали своимъ неотъемлемымъ правомъ оставлять у себя ссыльныхъ изъ проходящихъ въ Сибирь партій, не разбирая, къ какому наказанію они были приговорены, и эксплуатирова ихъ по своему усмотрѣнію. Вслѣдствіе этого, судебные приговоры не исполнялись и „самый счетъ сихъ людей (ссыльныхъ) до того былъ потерянъ, что ни горное, ни губернскае начальство не могли доставить никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о числѣ ихъ“ ⁵¹⁾.

⁵⁰⁾ «Не думай — писалъ гр. Сперанскій своей дочери 6 сентября 1819 г. — и не дозволай думать, чтобъ Сибирь была населена ссыльными и преступниками. Число ихъ какъ капля въ морѣ; ихъ почти не видно, кромя нѣкоторыхъ публичныхъ работъ. Невѣроятно, какъ вообще число ихъ маловажно. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, они едва составляютъ до 2,000 въ годъ, и въ томъ числѣ иногда и десятой части нѣтъ женщинъ. Современемъ я издамъ таблицы, которыя удивятъ просвѣщенную Европу».

⁵¹⁾ Обзорніе, стр. 39.

Этими обстоятельствами опредѣлилась и новая организація особенныхъ установленій по ссылкѣ. Въ двухъ обширныхъ уставахъ, относящихся къ настоящему предмету (уставъ о ссыльныхъ и уставъ объ этапахъ), въ совокупности содержащихся около тысячи статей, менѣе 200 посвящены управленію и водворенію ссыльныхъ въ самой Сибири, остальные же говорятъ о препровожденіи и распредѣленіи ихъ, а изъ названныхъ 200 не болѣе 20 относятся къ управленію ссыльныхъ на мѣстѣ. Находя возможнымъ применить послѣднее къ общему управленію, съ нѣкоторыми лишь, незначительными особенностями, было излишне останавливаться на немъ съ болѣею подробностью, которой требовали опредѣленія о препровожденіи и распредѣленіи ссыльныхъ.

Забота объ устраненіи безпорядковъ по препровожденію, счету и распредѣленію ссыльныхъ, особенно поразившихъ гр. Сперанскаго, была возложена на губернскія правленія и вновь учрежденный Тобольскій Приказъ. Самое передвиженіе сосредоточено по Имперіи въ вѣдѣніи внутренней стражи, а по Сибири въ рукахъ военныхъ командъ, сѣдившихъ бродячія толпы киргизовъ и калмыковъ⁵²⁾. На губернскія правленія возложены многообразныя обязанности по составленію пересыльныхъ партій, снабженію ссыльныхъ одеждою, свидѣтельствуванію ихъ и — главное — по регистраціи ихъ. Мы не останавливаемся на нихъ подробно, такъ какъ эти функціи имѣли лишь косвенное отношеніе къ управленію ссылке⁵³⁾, и переходимъ къ сибирскимъ учрежденіямъ.

Тобольскій Приказъ о ссыльныхъ образованъ какъ особое установленіе въ системѣ тобольскихъ губернскихъ мѣстъ, въ составѣ управляющаго, двухъ засѣдателей и канцеляріи, съ подчиненіемъ мѣстному губернатору. Его функціи: пріемъ всѣхъ ссыльныхъ, въ Сибирь поступающихъ, распредѣленіе ихъ по губерніямъ и разрядамъ, и общій счетъ ссыльныхъ, во всѣхъ мѣстахъ Сибири находящихся, до окончательнаго ихъ водворенія. Онъ обязанъ былъ наблюдать, чтобы ссыльные и всѣ установленныя закономъ свѣдѣнія о нихъ поступали къ нему отъ губернскихъ правленій и другихъ начальствъ (военнаго и пр.) въ исправности, но не имѣлъ распорядительной власти; усматривая неисправность, онъ долженъ былъ входить съ представленіемъ

⁵²⁾ Обзорѣніе, стр. 46, 47. *Визитъ*, I стр. 219 и сл.

⁵³⁾ По той же причинѣ мы находимъ излишнимъ говорить объ учрежденіяхъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, которое въ Сибири отличалось, притомъ, еще болѣею безличностью и мертвенностью, чѣмъ даже въ Имперіи.

въ Сенатъ ⁵⁴⁾). Приказъ не имѣлъ и власти управительной: „главныя дѣйствія“ его должны были состоять въ составленіи вѣрныхъ и обстоятельныхъ списковъ ссыльныхъ и въ настояніяхъ о скорѣйшемъ ихъ доставленіи ⁵⁵⁾. Всякое „начальство“ приказа надъ ссыльными *оканчивалось* съ поступленіемъ ссыльныхъ въ вѣдомство экспедицій, съ тѣмъ только, что экспедиціи о всѣхъ людяхъ, совершенно выбывшихъ изъ ихъ вѣдомства и о всѣхъ измѣненіяхъ въ употребленіи ссыльныхъ, должны были увѣдомлять приказъ, но не какъ мѣсто управительное, а только какъ мѣсто, которое „ведетъ общій счетъ ссыльныхъ“ ⁵⁶⁾.

Не имѣя, такимъ образомъ, ни власти распорядительной, ни власти управительной, тобольскій (нынѣ — тюменскій) приказъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ продолженіе сибирскаго приказа московскаго періода на новомъ мѣстѣ. Онъ былъ лишь статистическимъ учрежденіемъ, даже менѣе — счетнымъ отдѣломъ сибирской ссылки, ибо всѣ его функціи сводились къ общему счету ссыльныхъ, какъ его „главному дѣйствию“.

Однако, въ учрежденіи Тобольскаго приказа, даже съ такимъ скромнымъ назначеніемъ, были слабыя стороны, которыя не замедлили обнаружиться на практикѣ. Во первыхъ, въ распоряженіе его были предоставлены силы, до такой степени незначительныя, что онъ не могъ выполнять съ успѣхомъ даже задачъ, на него возложенныхъ. Уже съ тридцатыхъ годовъ, раздаются жалобы мѣстныхъ начальствъ на недостатокъ силъ приказа, а ген.-ад. Анянковъ, ревизовавшій его въ 1851 г., сообщалъ, что списки ссыльныхъ, которые ведутся приказомъ, не могутъ похвастаться вѣрными, общаго счета ссыльныхъ нѣтъ и быть не можетъ вслѣдствіе того, что экспедиціи, не будучи подчинены приказу, не исполняютъ его распоряженій, да, притомъ, и сами не получаютъ въ точности текущихъ свѣдѣній отъ мѣстныхъ полицій; что недостатокъ чиновниковъ весьма чувствителенъ и ведетъ къ запущенію дѣлъ приказа ⁵⁷⁾. Подъ вліяніемъ этого представленія, мѣстныя начальства ходатайствовали объ увеличеніи штата приказа; впоследствии, центральное правительство въ лицѣ статсъ-секретаря гр. Валуева энергически поддер-

⁵⁴⁾ Уст. о сс. § 177.

⁵⁵⁾ Уст. о сс. § 170.

⁵⁶⁾ Ibid. §§ 220 и 240.

⁵⁷⁾ Арх. Сиб. Ком. 1853 г. дѣла № 17.

живало это ходатайство, но дѣло кончилось безъ всякихъ результатовъ, такъ какъ ожидалась реформа всей системы управления ссылки⁵⁸⁾. — Второе, и гораздо болѣе существенное неудобство, обнаружившееся въ учрежденіи тобольскаго приказа, состояло въ томъ, что не была строго выдержана мысль объ ограниченіи его дѣятельности функциями счетными. Вкѣстѣ съ ними, на него возложена была весьма важная распорядительная по ссылкѣ обязанность, которой приказъ, по основному своему назначенію и составу, выполнить сколько нибудь удовлетворительно былъ не въ силахъ. Мы говоримъ о распредѣленіи ссыльныхъ по губерніямъ и разрядамъ. Хотя при этомъ приказъ долженъ былъ сообразоваться съ требованіями, поступавшими отъ мѣстныхъ начальствъ, но ему предоставлено было и отступать отъ нихъ при излишкѣ или недостаткѣ ссыльныхъ⁵⁹⁾; назначеніе же губерній, сдѣланное тобольскимъ приказомъ, ни въ какомъ случаѣ не могло быть измѣнено⁶⁰⁾. Такимъ образомъ, установленіе губернское было поставлено выше главныхъ управленій, что создало для него положеніе ненормальное. Когда, подѣ влияніемъ указа 23 февраля 1823 г., число ссыльныхъ значительно увеличилось и приказъ вынужденъ былъ отправлять въ восточную Сибирь по 300 и 400 человекъ еженедѣльно, то ген.-губ. восточной Сибири Лавинскій, наскучивъ бумажною перепискою съ приказомъ, своею властью распорядился не впускать въ предѣлы восточной Сибири болѣе 50—60 чел. ссыльныхъ еженедѣльно, какъ предполагалось по уставу объ етапахъ. Положеніе приказа было критическое, и только вмѣшательство ревизовавшихъ западную Сибирь сенаторовъ кн. Курякина и Безроднаго, да энергическое настояніе сибирскаго комитета, могли устранить противодѣйствіе Лавинскаго⁶¹⁾. Еще большія затрудненія для приказа представляло распредѣленіе ссыльныхъ по разрядамъ, которое было одною изъ самыхъ слабыхъ сторонъ устава 1822 г.

Что касается собственно управленія ссыльными въ Сибири, то оно распредѣлилось между многими вѣдомствами, составляя въ большинствѣ случаевъ придаточную, второстепенную ихъ обязанность.

⁵⁸⁾ Арх. Гос. С. 1868 г. № 19 и 24.

⁵⁹⁾ Уст. о сс. §§ 202, 203.

⁶⁰⁾ Ibid. 207.

⁶¹⁾ Арх. Сиб. Ком. (старого), отдѣл. VII № 24.

Сельно-каторжные и сельно-поселенцы, отправлявшіеся на казенные заводы и фабрики, состояли въ вѣдѣніи *казенныхъ палатъ*, которымъ ввѣрено и поименное ихъ распредѣленіе въ каждой губерніи; надзоръ и распоряженіе ими предоставлены мѣстнымъ управленіямъ каждаго завода ⁶²). Заводское управленіе составляло одно изъ самыхъ большихъ мѣстъ Сибири въ періодъ ревизіи гр. Сперанскаго, но реформа здѣсь не могла пройти и уставъ 1822 г. сохраняетъ прежніе порядки, намѣчая лишь, и то только въ видѣ благопожеланій, тѣ правила, по которымъ слѣдовало бы содержать рабочихъ изъ сельныхъ ⁶³). Единственная, но весьма призрачная уступка, сдѣланная тогда новому порядку, состояла въ томъ, что работавшіе на заводахъ сельные объявлены подъ *покровительствомъ* экспедицій, которымъ они могли приносить жалобы на несправедливости, имъ оказываемыя ⁶⁴). Было бы любопытно знать, сохранились ли въ мѣстныхъ архивахъ подобныя жалобы и какія по нимъ чинились резолюціи. Для осуществленія этой неопредѣленной функціи „покровительства“ экспедиціямъ было предоставлено только одно право — дѣлать въ тѣхъ же казенныхъ палатахъ надлежащее настояніе для удовлетворенія обиженныхъ ⁶⁵).

Уставъ о сельныхъ обходитъ совершеннымъ молчаніемъ сельно-каторжныхъ, работавшихъ на рудникахъ нерчинскаго округа. Этотъ богатый рудными мѣсторожденіями край становился болѣе и болѣе средоточіемъ сельно-каторжныхъ. До 1760 г., нерчинскіе рудники управлялись мѣстнымъ начальствомъ, подобно другимъ *казеннымъ* заводамъ. Въ 1760 г. состоялся указъ, которымъ рудники нерчинскіе и екатеринбургскіе переданы Бергъ-Коллегіи, подъ главнымъ наблюденіемъ Сената, а указомъ 5 Января 1787 г., „для приведенія нерчинскихъ заводовъ въ хозяйственное устройство и для удобнѣйшаго оными управленія“, велѣно отдать ихъ, со всѣми матеріалами и людьми, какъ и нерчинскую горную экспедицію, „въ *вѣдѣніе* кабинета нашего подъ особое распоряженіе члена онаго генераль-майора Соймонова, на *такомъ основаніи*, какъ состоятъ нынѣ колымако-во-

⁶²) Уст. о сс. §§ 243, 246 и 266.

⁶³) Уст. о сс. §§ 247—257.

⁶⁴) Ibid § 258.

⁶⁵) Казенные заводы хотя и постановлены подъ общій надзоръ генераль-губернатора и губернаторовъ, но не въ видахъ общегосударственныхъ, а въ экономическихъ интересахъ владѣльца.

скресенскіе заводы“⁶⁶). Изданіе устава о ссыльныхъ ни въ чемъ не измѣнило этого порядка, и ссыльно-рабочіе нерчинскаго округа продолжали находиться въ вѣдѣніи горнаго начальства. Въ 1826 г. главное завѣдываніе рудниками нерчинскаго округа, съ сохраненіемъ горнаго управленія, сосредоточено въ лицѣ генераль-губернатора восточной Сибири, съ подчиненіемъ министру финансовъ какъ шефу корпуса инженеровъ, а затѣмъ — министру двора (съ 1852 г.). Подъ властью генераль-губернатора состояли горный начальникъ и горное управленіе. Каждый заводъ и большой рудникъ имѣли особую горную контору, подчиненную горному начальнику. Во главѣ горной конторы поставленъ управляющій съ его помощниками, которымъ подчинялись заводскіе и рудничные пристава и весь остальной штатъ чиновниковъ и низшихъ служителей.

Вскорѣ послѣ изданія устава о ссыльныхъ, начальство омской крѣпости потребовало себѣ ссыльно-рабочихъ. Приказъ затруднялся исполнить своею властью это требованіе, какъ не предусмотрѣнное уставомъ; но въ виду чрезмѣрнаго накопленія ссыльныхъ и сенатскаго указа 11 іюля 1821 г., сибирскій комитетъ, выс. утвержд. 28 іюня 1829 г. положеніемъ, уважилъ это ходатайство, при чемъ ссыльно-рабочіе переданы въ непосредственное распоряженіе крѣпостнаго начальства, которому поставлено на видъ имѣть за ними особый надзоръ, для предупрежденія побѣговъ⁶⁷).

Въ 1832 г., вслѣдствіе того же переполненія Сибири ссыльными, разрѣшено было помѣщать каторжныхъ для работъ въ иркутскомъ ремесленномъ домѣ и на состоявшихъ при немъ фабрикахъ; они были подчинены иркутскому губернатору и начальству ремесленного дома⁶⁸).

Такимъ образомъ, и уставъ о ссыльныхъ, и состоявшіяся въ

⁶⁶) Переходъ нерчинскаго горнаго округа изъ казны къ Кабинету составляетъ весьма характерную и еще вовсе не развернутую страницу нашей исторіи. Когда въ 1858 г. сибирскому комитету, для опредѣленія положенія нерчинскихъ заводовъ, потребовалось узнать, «на какомъ основаніи» владѣть Кабинетъ заводами колымано-воскресенскими, поступившими отъ Демидова, то въ полученной имъ отъ Кабинета справкѣ, въ доказательство хозяйскихъ правъ кабинета, былъ сообщенъ слѣдующій разсказъ: при Екатеринѣ II возникло разногласіе, по какой дѣлѣ нерчинскіе заводы должны отпущать свинецъ колыманскимъ; разрѣшая это разногласіе, императрица Екатерина II къ революціи своей прибавила: «сверхъ всего того не должно забывать, что какъ колыманской, такъ и нерчинской вотчинамъ таже одна помѣщица». См. Арх. Сиб. Ком. 1858 г. № 255.

⁶⁷) Арх. Сиб. Ком. (старого), отдѣл. VII дѣла № 31.

⁶⁸) Ibid., № 41.

развитіе его въ сибирскомъ комитетѣ, при ближайшемъ участіи гр. Сперанскаго, позднѣйшія законоположенія, относительно ссыльно-рабочихъ придерживаются прежняго правила XVIII ст., ввѣряя управленіе ими тому вѣдомству, при которомъ они работали.

Что касается поселенцевъ, то управленіе ими ввѣрено губернскимъ властямъ. съ образованіемъ при губернскихъ правленіяхъ, въ качествѣ особаго отдѣленія, *экспедицій* о ссыльныхъ. Каждая экспедиція составлена изъ совѣтника и канцеляріи ⁶⁹⁾; для обзорѣнія ссыльныхъ въ губерніи, при экспедиціяхъ учреждены особые чиновники, подъ названіемъ ревизоровъ ⁷⁰⁾, а для ближайшаго надзора за ссыльными указывалось отражать городовыхъ казаковъ ⁷¹⁾. Затѣмъ, особые смотрители назначались только въ двухъ случаяхъ: 1) для управленія заведеніями, въ которыхъ работали ссыльные, и 2) если они водворялись въ казенныхъ поселеніяхъ, то для управленія ими на мѣстѣ до дѣйствительнаго водворенія ⁷²⁾. Ссыльные, назначенные въ другіе разряды, поступали въ управленіе полиціи городской (цехъ слугъ) или земской (приселенные къ селеніямъ старожиловъ и неспособные). Тотъ же порядокъ управленія распространенъ практикою на бродягъ и сосланныхъ въ порядкѣ административномъ, какъ по недостатку помѣщеній въ мѣстахъ заключенія, такъ и по приговорамъ обществъ или по волѣ помѣщиковъ.

Всякая власть экспедиціи относительно ссыльныхъ превращалась съ „дѣйствительнымъ“ ихъ водвореніемъ. Съ этого момента въ управленіи ссыльныхъ и свободныхъ жителей не дѣлалось никакого различія.

Власть судебная надъ ссыльными принадлежала не экспедиціямъ, а обыкновеннымъ сибирскимъ судебнымъ установленіямъ; не дѣлалось никакого различія между ссыльными и свободными жителями и въ порядкѣ судебного разбирательства, такъ что дѣла важнѣйшія должны были одинаково идти на ревизію въ Сенатъ.

Таковы особенныя установленія для управленія ссыльными въ Сибири. Бросая на нихъ общій взглядъ, нельзя не замѣтить, что управленіе это представлялось весьма раздробленнымъ и сла-

⁶⁹⁾ Уст. с сс. § 163.

⁷⁰⁾ Уст. о сс. § 237.

⁷¹⁾ Ibid. § 235.

⁷²⁾ Ibid. § 377. Смотрители поселеній, напоминающіе приказчиковъ московскаго періода, состояли въ то время отдѣльными засѣдателями земскихъ судовъ.

бымъ. Образование при губернскихъ правленіяхъ особыхъ экспедицій о ссыльныхъ должно было служить двумъ цѣлямъ: 1) помочь тобольскому приказу вести общій счетъ ссыльныхъ, до дѣйствительнаго ихъ водворенія, и 2) быть средоточіемъ управленія ссыльныхъ. Но возможность успѣшнаго разрѣшенія первой задачи парализовалась частью недостаточнымъ личнымъ составомъ экспедицій, частью отсутствіемъ у приказа всякой по отношенію къ нимъ власти, частью тѣмъ, что управленіе ссыльными было раздроблено въ рукахъ многихъ независимыхъ отъ экспедицій вѣдомствъ⁷³⁾. Еще труднѣе для экспедицій было управленіе ссыльными. Стать средоточіемъ этого управленія въ губерніи они не могли, уже потому, что рядомъ съ ихъ властью по управленію ссыльными была поставлена власть другихъ вѣдомствъ, совершенно отъ нихъ независимыхъ. Но даже относительно тѣхъ ссыльныхъ, которые находились въ ихъ завѣдываніи, экспедиціи не могли быть хорошимъ органомъ управленія. Даже по личному своему составу, онѣ не стояли на высотѣ этой задачи и не были въ силахъ дать себѣ сколько нибудь правельный отчетъ о задачахъ ссыльной политики. Распоряженія и дѣйствія ихъ отличались крайнею близорукостью. По свидѣтельству томскаго губернатора Ковалевскаго, экспедиція водворяла ссыльныхъ, назначаемыхъ въ эту губернію, большею частью въ ближайшихъ къ тобольской губ. волостяхъ каинскаго округа для того только, чтобы сберечь кормовыя деньги, которыя-бы слѣдовало выдать на болѣе отдаленный путь. Никакой власти надъ ссыльными экспедиціи не имѣли; имъ не присвоена ни власть дисциплинарная, ни власть понужденія къ работамъ. Личныя силы, находившіяся въ распоряженіи экспедицій, были крайне недостаточны, такъ что онѣ были лишены всякой возможности имѣть надзоръ за ссыльными на мѣстахъ ихъ приселенія. Выше замѣчено, что особые смотрители на мѣстахъ допускались только въ казенныхъ поселеніяхъ, образование которыхъ уставомъ 1822 г. было чрезвычайно затруднено, можно сказать — даже совершенно прекращено въ нормальномъ порядкѣ вещей. Въ западной Сибири, гдѣ казенныхъ поселеній вовсе не было, положенные по штату смотрители оставались при экспедиціяхъ, для письменныхъ занятій, а ближайшее мѣстное

⁷³⁾ Ген.-ад. Анненковъ объяснял несправности Приказа по веденію общаго счета ссыльныхъ несправностями экспедицій, которыя въ свою очередь, по замѣчанію его, были бессильны для хорошаго выполненія этой задачи.

управленіе ссыльными сосредоточивалось въ рукахъ полиціи. Вслѣдствіе происшедшихъ между ссыльными безпорядковъ ⁷⁴⁾, главное управленіе предписало смотрителямъ принять въ свое завѣдываніе ссыльныхъ, приписанныхъ къ селеніямъ старожиловъ и въ другіе разряды, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя уст. о сс. указаны для казенныхъ поселеній. Въ 1837 г. предполагалось санкціонировать эту мѣру въ законодательномъ порядкѣ, но противъ нея возсталъ тогдашній генераль-губернаторъ зап. Сибири кн. Горчаковъ ⁷⁵⁾. По словамъ его, раздѣленіе управленія ссыльныхъ и крестьянъ, живущихъ въ однихъ и тѣхъ-же деревняхъ, вело на практикѣ къ тому, что земскіе чиновники стали смотрѣть на нужды и дѣйствія ссыльныхъ какъ на дѣло, вовсе до полиціи не касающееся: старожилы начали (сирать поселенцевъ, которые у сельскихъ властей не могли найти никакой защиты; крестьяне чуждались смотрителей поселеній до того, что не давали имъ квартиръ и подводъ, обращая повинность эту на поселенцевъ; сами смотрители не могли надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности, какъ по обширности ввѣренныхъ имъ округовъ, такъ и по недостатку команды, которая состояла изъ двухъ городовыхъ казаковъ и нѣсколькихъ поселенцевъ, безъ жалованья. По этимъ соображеніямъ кн. Горчаковъ, вмѣсто расширенія института смотрителей, ходатайствовалъ о подчиненіи ссыльныхъ западной Сибири общему надзору городскихъ и земскихъ полицій, съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ ихъ штатовъ. Государственный Совѣтъ въ 1840 г. съ предположеніями кн. Горчакова согласился, но штатовъ не увеличилъ ⁷⁶⁾. Съ этого времени по западной Сибири учрежденные уставомъ смотрители поселеній и ревизоры навсегда упразднены, а для казенныхъ поселеній, по мѣрѣ ихъ устройства, предложено было учреждать особыхъ комиссаровъ ⁷⁷⁾. Та-же участь постигла особыхъ смотрителей, хотя нѣсколько позже, и по Сибири восточной: ассигнованныя на нихъ суммы обращены на усиленіе канцелярскихъ средствъ экспедицій.

⁷⁴⁾ Между ними распространился слухъ, будто бы всѣ ссыльные помилованы, и они большими массами начали направляться къ границамъ Имперіи.

⁷⁵⁾ Впослѣдствіи, какъ увидимъ, противъ принятой по предположеніямъ кн. Горчакова мѣры энергически высказался одинъ изъ его ближайшихъ преемниковъ, ген. отъ инф. Гасфортъ.

⁷⁶⁾ Арх. Гос. Сов. 1840/41 № 53/72.

⁷⁷⁾ Вышеуказ. дѣло, а также Арх. Гос. Сов. 1859 г. № 24 л. 28.

Экспедиціи о ссыльныхъ были включены въ систему общихъ губернскихъ учреждений. Онѣ составляли особое отдѣленіе губернскаго правленія, которое, въ свою очередь, было частью губернскаго совѣта. Такое іерархическое положеніе ссыльнаго дѣла въ служебной лѣстницѣ повело прежде всего къ тому, что экспедиціямъ сообщена была ничтожная доля власти. Если уставъ 1822 г. не нашелъ возможнымъ предоставить даже генералъ-губернаторамъ права, которое они имѣли прежде, которымъ въ полномъ сбѣмѣ располагали всегоды московскаго періода, устранивать поселенія изъ ссыльныхъ и снабжать ихъ необходимыми на первое время пособиями, и призналъ нужнымъ потребовать для этого разрѣшеніе министерствъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что объемъ власти экспедицій по отношенію къ ссыльнымъ былъ ничтоженъ до смѣшнаго. Ни онѣ, ни состоящіе при нихъ ревизоры, а тѣмъ менѣе смотрители, не только не имѣли права предпринять своею властью какія либо новыя мѣры для устройства ссыльныхъ, но даже, какъ замѣчено, не имѣли права употребить какія бы то ни было мѣры понужденія ихъ къ работамъ, примѣнять дисциплинарныя взысканія, или, напротивъ, назначать мѣры поощренія. Порою кажется, что экспедиціи были простымъ продолженіемъ тобольскаго приказа и что единственное ихъ назначеніе состояло въ „счетѣ ссыльныхъ“. Другое прямое послѣдствіе этого іерархическаго положенія экспедицій состояло въ томъ, что производство дѣлъ о ссылкѣ и о ссыльныхъ стало въ высшей степени медленнымъ. Смотритель или полиція входили въ экспедицію съ какимъ нибудь представленіемъ; иногда представленіе это шло первоначально въ окружное правленіе; затѣмъ экспедиція изготавляла свое постановленіе, которое представлялось въ губернское правленіе; здѣсь оно лежало въ ожиданіи своей очереди, докладывалось, составлялось новое постановленіе, представлялось на утвержденіе губернатора; отсюда дѣло шло въ губернской совѣтъ, гдѣ повторялась таже процедура. Во многихъ случаяхъ, губернскимъ совѣтомъ производство не заканчивалось; нужно еще было пройти новую инстанцію — совѣтъ главнаго управленія. Проходили мѣсяцы и годы, пока наконецъ дѣло чѣмъ нибудь рѣшалось. Бывало, что къ тому времени обстоятельства совершенно измѣнялись, и во всякомъ случаѣ такая медленность производства, такое обезужденіе множествомъ инстанцій мѣръ, предположенныхъ непосредственнымъ начальствомъ ссыльныхъ, безъ всякаго участія въ этомъ лица, ихъ предложившаго, по спра-

ведливому замѣчанію совѣта главнаго управленія восточной Сибири, „должны были неминуемо охладить порывы усердія и ослабить энергію къ дѣлу со стороны лица, управляющаго экспедиціей, и направить его дѣятельность въ ту сторону обязанностей его, къ которой онъ чувствуетъ себя болѣе самостоятельнымъ, именно къ канцелярскому порядку и соблюденію формальностей“ ⁷⁸⁾.

Безсиліе мѣстнаго надзора надъ ссыльными не замедлило сказаться увеличеніемъ числа преступленій и разныхъ безпорядковъ съ одной стороны, а съ другой — уменьшеніемъ благосостоянія ссыльныхъ. чѣмъ затруднился и успѣхъ ихъ водворенія. Съ разныхъ мѣстъ начали раздаваться требованія объ усиленіи власти. Онѣ прежде всего обратились на самую слабую сторону организаціи ссыльнаго управленія, именно на судъ. Судебные порядки, которые даже для имперіи были въ высшей степени неудовлетворительны, обезпечивая безнаказанность несомнѣнныхъ преступленій, примѣненные къ неоднократнымъ рецидивистамъ, сказывались на Сибири очень тяжело. Уже въ 1831 г. внесено было въ сибирскій комитетъ предположеніе о введеніи для преступленій наибольшей важности, совершенныхъ ссыльными, военно-полевого суда и смертной казни. Только благодаря энергическимъ настояніямъ гр. Сперанскаго, комитетъ на этотъ разъ отклонилъ его. Но не далѣе, чѣмъ черезъ годъ, таже мысль поднимается Лавинскимъ, а затѣмъ въ пользу нея выступаютъ ген. м. Чевкинъ и министръ финансовъ гр. Канкринъ. Для разсмотрѣнія предположеній Лавинскаго учрежденъ былъ особый секретный комитетъ и, несмотря на возраженія гр. Сперанскаго, бывшаго его членомъ, онѣ принимаются; впрочемъ, полевой судъ и смертная казнь вводятся на этотъ разъ, въ 1834 г., только для преступленій политическаго свойства, и не закономъ обнародованнымъ, а личными рескриптами генераль-губернаторамъ, которые не должны быть оглашаемы до дѣйствительнаго ихъ примѣненія. Въ защиту полевого суда Лавинскій прямо указывалъ то соображеніе, что необходимо усилить надзоръ, а усилить его другими способами дорого. Въ 1838 г. очередь дошла до пред-

⁷⁸⁾ Журналъ сов. гл. упр. вост. Сибири 20 декабря 1864 г. № 33. Сложныя формальности, установленныя для счета ссыльныхъ, оставляли, вообще, мало времени для существа дѣла. Совѣту главнаго управленія вост. Сибири пришлось даже упрекнуть смотрителей поселеній своею властью, обративъ ассигнованныя на нихъ суммы на усиленіе канцеляріи; это, по отъѣзду его, не принесло вреда, потому что смотрители, по низкому уровню образованія, не были въ состояніи принести ссыльнымъ никакой пользы.

положеній Чевкина, а въ 1843 г.—гр. Канкриня. Компетенція военнаго суда распространялась болѣе и болѣе, пока наконецъ (въ 1847 г.) не объяла всѣхъ тяжкихъ преступленій, совершенныхъ ссыльно-каторжными. Но, кромѣ введенія военно-судебнаго разбирательства, постановленія устава о судѣ подверглись измѣненію и въ другомъ отношеніи. По обстоятельнымъ запискамъ ген.-губ. западной Сибири кн. Горчакова, государственной Совѣтъ, высоч. утв. 12 іюня 1840 г. мѣняемъ, между прочимъ, вмѣсто прежняго судебного порядка, для преступленій каторжныхъ, ссыльнопоселенцевъ и бродягъ, смотря по важности ихъ, установилъ: 1) разбирательство мѣстнымъ начальствомъ, а) по собственному его удостовѣренію о винѣ, или б) по формальному полицейскому разслѣдованію, и 2) разбирательство судомъ. Въ то же время, для дѣлъ о ссыльныхъ отмѣнены многія процессуальныя формальности общаго порядка и сокращены сроки. Съ незначительными измѣненіями, эти правила остаются въ силѣ до настоящаго времени.

Легко видѣть, однако, что введеніе строгостей суда было лишь палліативомъ. Не давая ссыльнымъ лучшаго устройства, оно не увеличивало и средствъ мѣстнаго начальства къ надзору за ними, къ направленію ихъ на путь труда и къ обезпеченію ихъ благосостоянія.

Гр. Сперанскій и его сподвижники вынуждены были работать очень быстро; неудивительно, что на составленныхъ ими уставахъ лежитъ печать поспѣшности и недодѣланности⁷⁹⁾. Но на нихъ самъ Сперанскій смотрѣлъ только какъ на „планъ къ будущему преобразованію“, ожидая дальнѣйшее ихъ развитіе отъ генераль-губернаторовъ и совѣтовъ главныхъ управленій. Однако, надежда эта не осуществилась.

Еще въ 1858 г. гр. Киселевъ, въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ, въ одномъ изъ своихъ представленій государственному совѣту, замѣтилъ, что причина неустройствъ нашей ссылки послѣ устава 1822 г. лежитъ, между прочимъ, „въ несогласіи между собою генераль-губернаторовъ на введеніе общихъ мѣръ“⁸⁰⁾. Въ самомъ дѣлѣ, двойственность высшаго мѣстнаго направленія ссыльной политики сказывалась на ней очень вредно. Многія полезныя предположенія не прохо-

⁷⁹⁾ *Визитъ*, II, 327.

⁸⁰⁾ Арх. Гос. Сов. 1859 г. № 24, л. 15.

дли потому только, что мѣстные генераль-губернаторы были неодинаковаго мнѣнія о деталяхъ ихъ. Мы будемъ имѣть еще случай иллюстрировать это положеніе характернымъ примѣромъ по вопросу о реформѣ ссыльнаго управленія. Но кромѣ того, такое раздвоеніе ссылки вело и къ поразительной медленности производства по нашему депортационному дѣлу. Вносились въ Петербургъ предположенія одного генераль-губернатора, пройдя уже всѣ установленныя ступени, — экспедицію, губернское правленіе, губернской совѣтъ, совѣтъ главнаго управленія; Петербургъ спрашивалъ мнѣніе другаго генераль-губернатора, — и начиналось новое мытарство того же вопроса по всѣмъ указаннымъ инстанціямъ, сперва сверху внизъ, за тѣмъ снизу вверхъ. Проходили годы, поднятый вопросъ не разрѣшался, начальства смѣнялись, перемѣняли предположенія своихъ предшественниковъ; опять новая переписка съ управленіемъ другой части, и такъ далѣе, — до тѣхъ поръ, пока государственный совѣтъ, утомясь постоянными противорѣчіями главныхъ мѣстныхъ начальствъ Сибири, не бросалъ дѣла въ сторону.

И какъ много такихъ брошенныхъ вопросовъ, имѣющихъ огромное значеніе для нашей ссылки!

V.

Органы центрального управленія ссылки.

Это отсутствіе единства управленія, этотъ недостатокъ инициативы и слабость власти, не пополнялись ли Петербургомъ? Не было ли здѣсь сильнаго центрального управленія, которое съ знаніемъ дѣла, энергією и чувствомъ отвѣтственности за успѣхи ссылки, могло бы взять въ свои твердыя руки общее направленіе ссыльной политики?

Учрежденія 1822 г. не говорили и ничего не могли говорить о центральныхъ установленіяхъ, вѣдающихъ судьбами Сибири. Эта задача выпала на долю другихъ законоположеній, не имѣвшихъ въ виду специально ссыльнаго института. Созданные ими центральные органы, имѣвшіе болѣе или менѣе близкое отношеніе къ ссылкѣ, были въ высшей степени разнообразны.

Задача эта раздѣлилась между министерствами, III отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, сенатомъ, сибирскими

комитетами старымъ и новымъ, комитетомъ министровъ и государственнымъ совѣтомъ.

Учрежденіе министерствъ предназначалось къ централизаціи власти и сообщенію ей единства дѣйствія. Именно во имя этой цѣли, генераль-губернаторы подчинены министерствамъ и пользовались весьма незначительнымъ просторомъ дѣйствія. Но управленіе ссылкой, въ свою очередь, было раздроблено между нѣсколькими министерствами, которыя мало по малу потеряли изъ виду первоначальную цѣль объединенія государственной дѣятельности и болѣе и болѣе становились, можно сказать, отдѣльными государствами въ государствѣ. Дѣла о ссылкѣ приспособлены частью къ министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ высшему представителю административной и полицейской власти ⁸¹⁾, частью къ министерству финансовъ, частью къ министерству государственныхъ имуществъ, частью къ III отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи (съ 1826 года). Министерство юстиціи имѣло къ ссылкѣ лишь косвенное отношеніе.

Разногласія и столкновенія этихъ вѣдомствъ, при отсутствіи точнаго указанія, не столько правъ, сколько прямыхъ обязанностей каждаго, по справедливому замѣчанію графа Киселева, должны быть признаны одною изъ главныхъ причинъ нестройства нашей ссыльной системы въ теченіи всего XIX столѣтія.

Уже въ 1827 г. встрѣтилось недоразумѣніе, въ вѣдомствѣ какого именно „министерства“ должны находиться казенныя поселенія изъ ссыльных (§ 354 Уст. о сс.)? Министръ внутреннихъ дѣлъ, представляя сибирскому комитету предположенія свои объ учрежденіи такихъ поселеній въ Енисейской губерніи, находилъ, что заботы о нихъ должны принадлежать министерству финансовъ, на томъ основаніи, что ссыльно-поселенцы по водвореніи поступаютъ въ состояніе государственныхъ крестьянъ. Съ этимъ соглашался и сибирскій комитетъ. Но министръ финансовъ представилъ особое мнѣніе, высочайше принятое, гдѣ доказывалъ, что забота объ устройствѣ ссыльныхъ, до полнаго ихъ водворенія, какъ дѣло полицейское, должна быть отнесена къ вѣдомству внутреннихъ дѣлъ ⁸²⁾.

Съ учрежденіемъ особаго министерства государственныхъ

⁸¹⁾ Мы не говоримъ о министерствѣ полиціи, такъ какъ существованіе его было весьма непродолжительно.

⁸²⁾ Арх. Спб. Ком. (старый) Отдѣл. VII, № 24. Уставъ говорилъ о «министерствѣ съ единственнымъ числѣ, предполагающа дѣйствительное изъ единство.

имуществовъ, на которое возложены были заботы о благосостояніи государственныхъ крестьянъ, вновь возбуждается сомнѣніе, на комъ должна лежать функція устройства казенныхъ поселеній изъ ссыльныхъ, и на этотъ разъ разрѣшается иначе. Въ 1840 г. государственный совѣтъ предоставилъ начертаніе предположеній объ устройствѣ изъ ссыльныхъ, прибывающихъ въ Сибирь съ семействами, отдѣльныхъ поселеній на счетъ казны и о назначеніи вспомоцествованія поселенцамъ, непринятымъ въ дома старожиловъ, министерствамъ финансовъ, государственныхъ имуществовъ и внутреннихъ дѣлъ, по взаимномъ ихъ сношеніи по тѣмъ предметамъ, кои принадлежать вѣдомству каждаго ⁸³⁾. Эта мѣра, въ виду текста учрежденія министерства государственныхъ имуществовъ, практикою была понята въ томъ смыслѣ, что заботы о казенныхъ поселеніяхъ ссыльныхъ и водвореніи ихъ въ деревняхъ старожиловъ принадлежать именно министерству государственныхъ имуществовъ. Въ этомъ вѣдомствѣ, по свидѣтельству графа Ланскаго и гр. Киселева, во исполненіи указаннаго мнѣнія государственнаго совѣта, разсматривались предположенія о водвореніи ссыльныхъ, разрѣшеніе которыхъ затнулось вслѣдствіе того, что къ вопросу о ссыльныхъ былъ присоединенъ болѣе обширный вопросъ объ устройствѣ государственныхъ имуществовъ и государственныхъ крестьянъ въ Сибири. Въ 1847 г. были выработаны только главныя начала, на которыхъ должно быть предпринято улучшеніе быта крестьянъ и поселенцевъ, — начала, которыя, въ виду высочайше утвержденного 17 іюня журнала комитета министровъ, сообщены сибирскимъ генералъ-губернаторамъ, съ тѣмъ, чтобы на основаніи ихъ они составили подробныя предположенія и доставили ихъ въ министерство государственныхъ имуществовъ. Тогда же при главномъ управленіи Сибири учреждены отдѣленія этого министерства. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до 1859 г., когда въ государственномъ совѣтѣ возбужденъ былъ общій вопросъ о водвореніи ссыльныхъ и когда оказалось, что министерство государственныхъ имуществовъ еще не исполнило порученія, возложеннаго на него въ 1840 г. Въ позднѣйшихъ дѣлахъ, какъ сибирскаго комитета, такъ и государственнаго совѣта, мы равнымъ образомъ не нашли какихъ либо слѣдовъ дѣятельности означеннаго министерства по вопросу о водвореніи ссыльныхъ.

⁸³⁾ Выс. утв. мнѣн. Гос. Сов. 1840 г. См. Арх. Гос. Сов. 1840/41 № 62/21 Архивъ Гос. Сов. 1859 № 24, л. 12, представленіе гр. Киселева.

Мы не думаемъ, однако, возлагать всю отвѣтственность за такое поразительное бездѣйствіе исключительно на это вѣдомство и на представителей его, въ ряду которыхъ встрѣчаются имена, заслуживающія всякаго уваженія. Весь складъ, вся организація ссыльнаго управленія вообще и центрального въ особенности дѣлали такую печальную практику, можно сказать, неизбѣжною и позволяли расти злу до колоссальныхъ размѣровъ.

Министерство государственныхъ имуществъ въ перипетіяхъ ссыльнаго вопроса очутилось совершенно неожиданно. Уставы 1822 г. съ достаточною опредѣленностью возлагаютъ заботы о водвореніи ссыльныхъ на экспедиціи, которыя, будучи отдѣленіями губернскихъ правленій, представляли собою власть полицейскую. Тамъ, гдѣ не было ревизоровъ и смотрителей, экспедиціи функционировали черезъ посредство органовъ городской и земской полиціи. Этимъ законодатель достаточно ясно говорилъ, что дѣятельность по устройству ссыльныхъ, до дѣйствительнаго ихъ водворенія, есть дѣятельность полицейская, и потому во главѣ ея должно стоять министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ и было прежде. Возложеніе заботы объ устройствѣ ссыльныхъ на вновь образованное министерство государственныхъ имуществъ было въ высшей степени неудачнымъ актомъ внутренней политики, главнымъ образомъ по двумъ причинамъ. Во первыхъ, это было учрежденіе совершенно новое, съ задачами въ высшей степени обширными и еще мало выяснившимися; ему предстояло еще ориентироваться въ существеннѣйшихъ своихъ предметахъ вѣдомства, заслонявшихъ ссылку, какъ предметъ для него второстепенный. Во вторыхъ, министерство государственныхъ имуществъ, какъ учрежденіе новое, долгое время находилось въ періодѣ образованія, такъ какъ подчиненные ему мѣстные органы явились не сразу; въ этотъ долгій періодъ оно не имѣло достаточныхъ въ своемъ распоряженіи средствъ для того, чтобы выяснить себѣ всѣ мѣстныя особенности Сибири и сибирской ссылки, и было вынуждено обращаться къ органамъ, ему непосредственно не подчиненнымъ, — что, при нашихъ порядкахъ, отнюдь не обезпечивало ни быстроты полученія нужныхъ свѣдѣній, ни точности ихъ. А между тѣмъ, время упускалось, задача водворенія болѣе и болѣе усложнялась, а съ изданіемъ уложенія о наказаніяхъ, въ корнѣ измѣнившаго взглядъ на ссылку и ссыльныхъ, оказалась совершенно вѣдъ предѣловъ компетентности вѣдомства, которое могло бы взять въ свои руки дѣло колонизаціи, но ко-

торое не могло имѣть ничего общаго съ функціею суроваго и неупустительнаго исполненія наказанія.

Даже вѣдомства, по призванію своему стоявшія несравненно ближе къ этой функціи, проявляли тѣже нерѣшительность и пассивность въ вопросахъ ссылки. Мы имѣемъ въ виду министерство внутреннихъ дѣлъ. Одновременно съ тѣмъ (въ 1840 г.), какъ на министерство государственныхъ имуществъ была возложена забота по водворенію ссыльныхъ въ казенныхъ поселеніяхъ, министерству внутреннихъ дѣлъ было предписано, по сношеніи съ обоими сибирскими генераль-губернаторами, „распорядиться объ учрежденіи, въ видѣ ошты, въ двухъ или трехъ мѣстахъ, арестантскихъ поселенныхъ ротъ или командъ“. На этотъ разъ, выраженное государственнымъ совѣтомъ требованіе было болѣе категорическимъ и несравненно легче исполнимымъ; оно, притомъ, обращено было къ вѣдомству, стоявшему уже въ Сибири твердою ногою, имѣвшему въ своемъ распоряженіи значительныя личныя силы на мѣстахъ. Однако, и это требованіе осталось неисполненнымъ. Любопытно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прискорбно читать объясненія этой несправности, представленныя въ 1843 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскимъ. Онъ сообщалъ, что генераль-губернаторъ западной Сибири находилъ учрежденіе арестантскихъ поселенныхъ ротъ „затруднительнымъ“, а генераль-губернаторъ восточной Сибири замѣтилъ, что въ предположеніи объ устройствѣ поселенныхъ ротъ есть большое сходство съ представленнымъ имъ проектомъ о водвореніи ссыльныхъ особымъ поселеніемъ. Усмотрѣвъ въ этихъ отвѣтахъ „препятствія со стороны мѣстнаго начальства“ и находя, что ссылка преступниковъ въ Сибири уже уменьшилась и что ссыльные имѣютъ средства заработка на золотыхъ промыслахъ, гр. Перовскій „призналъ удобнѣйшимъ ограничиться только введеніемъ строгаго порядка между ссыльными, употребляемыми въ работы на частныхъ пріискахъ“. Но и это было только канцелярскою отпискою: не только „строгаго“, но и никакого порядка на промысловыхъ работахъ между ссыльными установлено не было; изданы лишь законы (1838 и 1843 года) о наказаніи военнымъ судомъ ссыльныхъ за безпорядки на частныхъ золотыхъ промыслахъ.

Продолжая перечень вѣдомствъ, завѣдывавшихъ судьбами ссылки, мы дошли до министерства финансовъ. Оно имѣло со ссылкой различныя точки соприкосновенія. Во первыхъ, въ завѣдываніи его находились всѣ казенные заводы Сибири, между прочимъ и тѣ,

на которыхъ работали ссыльные. Во вторыхъ, къ нему поступали представленія мѣстныхъ начальствъ и запросы центральныхъ властей по вопросамъ фискальнаго свойства, относившимся къ ссыльнымъ, напр. о податяхъ, о правѣ на торговлю и пр. Въ третьихъ, въ лицѣ министра финансовъ, какъ главноуправляющаго корпусомъ горныхъ инженеровъ, имѣли главнаго начальника алтайскій и перчинскій горные округа. Эта послѣдняя функція, соединявшаяся съ министерствомъ финансовъ только личною связью, перешла отъ него къ министру двора въ 1852 г., а въ 1869 г. ссыльнокаторжные перчинскаго округа окончательно переданы изъ горнаго вѣдомства въ гражданское.

И для министерства финансовъ, какъ для министерства государственныхъ имуществъ, ссылка была навязаннымъ пріемомъ. Мы уже брали примѣры изъ высочайше утвержденного 12 іюня 1840 г. мѣнія государственнаго совѣта; обратимся къ нему еще разъ. Департаментъ законовъ государственнаго совѣта предполагалъ, между прочимъ, „предоставить“ министру финансовъ „войти въ подробное соображеніе и представить, въ установленномъ порядкѣ, предположеніе объ устройствѣ заводовъ такимъ образомъ, чтобы пространство и внутреннее ихъ управленіе вполнѣ соответствовали числу приговоренныхъ въ работу и требованіямъ правосудія, и чтобы, за исполненіемъ уже сихъ главныхъ условій, стараться извлекать изъ заводовъ наибольшую пользу“. Въ общемъ собраніи, подъ вліяніемъ настояній министра финансовъ, эта глубоко-продуманная редакція была измѣнена и выражена слѣдующимъ образомъ: „предоставить министру финансовъ, по сношеніи съ кѣмъ нужнымъ признаеть, войти въ ближайшее соображеніе, въ какой степени горные заводы и, въ особенности, перчинскіе могутъ быть приспособлены къ принятію большого противу нынѣшняго количества ссыльныхъ и какія потребуются для сего въ управленіи тѣхъ заводовъ измѣненія“. Но даже это скромное требованіе, было ли оно исполнено? Утвердительнаго отвѣта мы не могли найти въ дѣлахъ архива государственнаго совѣта. Помѣщенія для рабочихъ на рудникахъ и заводахъ послѣ этого времени, конечно, неоднократно расширялись, но исключительно по соображеніямъ хозяйственнымъ, а не въ виду государственныхъ интересовъ ссылки, которые цѣнились до такой степени не высоко, что при первомъ требованіи министерства двора перчинскій округъ почти совершенно закрылся для каторжныхъ.

Мы не будем останавливаться, затѣмъ, на другихъ вѣдомствахъ съ правами министерствъ, соприкасавшихся къ ссылке, какъ по недостатку о нихъ матеріала, такъ и потому, что не пришло еще время говорить о нихъ въ печати безъ многочисленныхъ пропусковъ.

Выше министерствъ въ порядкѣ государственнаго управленія стояли сенатъ, комитетъ министровъ и государственный совѣтъ. Эти коллегіальныя установленія опирались на министерства и мѣстныя управленія. Но, кромѣ того, сенатъ и государственный совѣтъ знакомились со ссылкой черезъ посредство ревизій своихъ членовъ, назначавшихся по Высочайшимъ повелѣніямъ.

Сенаторскія ревизіи Сибири были очень рѣдки. Онѣ не практиковались уже болѣе 30 лѣтъ, между тѣмъ какъ польза ихъ была несомнѣнна: при разрозненности вѣдомствъ, завѣдывавшихъ судьбами ссылки, въ сенаторскихъ ревизіяхъ правительство имѣло весьма важное средство какъ для полученія о ссылкѣ точныхъ и скорыхъ свѣдѣній, такъ и для быстрого устраненія по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ изъ накопившихся злоупотребленій; иногда сенаторскія ревизіи служили основаніемъ для дальнѣйшихъ, весьма важныхъ реформъ въ этой области. Послѣ ревизіи Селифонтова, о которой мы уже имѣли случай упомянуть выше, до 1819 г. правительство не посылало въ Сибирь своихъ ревизоровъ. Гр. Сперанскій посѣтилъ Сибирь не только какъ генераль-губернаторъ, но также какъ ревизующій сенаторъ. Послѣ него были три ревизіи. Первая производилась сенаторами кн. Куракиннимъ и Безроднымъ, въ 1827 г. въ Зап. Сибири; вторая сенаторомъ граф. Толстымъ въ 1846 и 1847 гг. въ восточной Сибири; и третья членомъ государственнаго совѣта генераль-адъютантомъ Анненковымъ, въ 1851 г., въ западной Сибири. Эта послѣдняя была самою богатою по обнаруженнымъ ею свѣдѣніямъ и достигнутымъ результатамъ. Ген.-ад. Анненковъ обозрѣлъ, можно сказать, всѣ стороны сибирскаго быта и представилъ рядъ обширныхъ записокъ. Онъ обратилъ вниманіе на отсутствіе въ Сибири дворянства и проектировалъ рядъ мѣръ для образованія этого состоянія. Онъ внимательно познакомился съ организаціею и производствомъ какъ Тобольскаго Приказа, такъ и экспедицій о ссыльныхъ, и изложилъ, какія въ нихъ желательны измѣненія. Онъ съ большимъ знаніемъ дѣла и значительною энергіею успѣлъ до того заинтересовать высшее правительство вопросомъ о водвореніи ссыльныхъ, что, казалось, ссылкѣ предстояло выйти изъ

того заброшеннаго положенія, въ которомъ она находилась послѣ смерти г-ра Сперанскаго; онъ проектировалъ впервые расширеніе гражданскихъ правъ ссыльныхъ, введеніе арестантскихъ ротъ для занятія ссыльныхъ различными работами, измѣненіе системы наказаній ссыльныхъ и управленія ими.

Однако, ревизіи не могли пополнить недостатковъ управленія ссыльными, не могли связать въ одно стройное цѣлое разрозненныя его части. Уже назначеніе ихъ въ неопредѣленные и весьма отдаленныя одинъ отъ другаго промежутки времени мѣшало достиженію такой цѣли. Къ этому присоединялось и положеніе ревизоровъ, которые имѣли власть распорядительную лишь въ размѣрахъ ограниченныхъ; отчеты ихъ и предположенія представлялись по принадлежности, разсматривались въ опредѣленномъ порядкѣ инстанцій, подвергались обсужденію вѣдомствъ, которыя, какъ замѣчено, не обладали и не могли обладать значительною компетентностью въ вопросахъ ссылки, и на все это требовалось время столь продолжительное, что къ тому моменту, когда предположенія ревизіи готовы были осуществиться, обстоятельства существенно измѣнялись на мѣстѣ и требовалась новая ревизія.

Взоръ изслѣдователя центральныхъ установленій, соприкосавшихся къ ссылке, утоmlенный этииъ печальнымъ складомъ розни, апатіи, невѣдѣнія и канцелярскихъ отискокъ, отдыхаетъ только на сибирскомъ комитетѣ г-ра Сперанскаго (1822—1838 г.).

Первый сибирскій комитетъ, учрежденный указомъ 22 іюля 1822 г., можно разсматривать какъ продолженіе особаго комитета, образованнаго за годъ передъ тѣмъ для разсмотрѣнія отчета Сперанскаго ⁸⁴⁾. Оба состояли почти изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, и уже близкое изученіе ревизіи 1819—1820 г. было для сибирскаго комитета хорошею подготовкою для ознакомленія съ порядками этой окраины, а дѣятельное участіе г-ра Сперанскаго въ его дѣлахъ охраняло его отъ формализма и сообщало его мѣропріятіямъ глубину и серьезность. Назначеніе сибирскаго комитета состояло въ томъ, чтобы разсматривать и представлять непосредственно Государю общія и частныя предположенія по устройству сибирскаго края и руководствовать главныя мѣстныя начальства по приведенію въ дѣйствіе устава 1822 г. и по-

⁸⁴⁾ Вагнъ, I, стр. 119 и сл.; II, 340.

ложений, относящихся къ Сибири. Первая функція имѣла характеръ законодательный, такъ что во имя ея комитетъ по дѣламъ Сибири былъ тѣмъ же, чѣмъ для Имперіи были государственный совѣтъ, а потомъ отчасти и комитетъ министровъ. Разграниченіе вѣдомства между сибирскимъ комитетомъ и государственнымъ совѣтомъ опредѣлялось тѣмъ, относилось ли данное предположеніе только къ Сибири и сибирскимъ порядкамъ, или же вмѣстѣ съ тѣмъ оно касалось и общихъ законовъ имперіи. Всѣ предположенія перваго рода шли въ комитетъ, предположенія втораго рода — въ государственный совѣтъ, который выслушивалъ предварительно заключеніе комитета. Но это разграниченіе проводилось далеко не со всею строгостью. Почти до изданія уложенія о наказаніяхъ, вопросы о способѣ исполненія наказанія ссылкой въ Сибири считались мѣстными, а не общегосударственными, вслѣдствіе чего разрѣшеніе ихъ давалось сибирскимъ комитетомъ помимо государственнаго совѣта. Такъ, въ маѣ 1826 г. сибирскій комитетъ значительно сѣзнилъ прежнее ограниченіе почтовой корреспонденціи ссыльныхъ. Тогда же имъ разъяснено право ссыльныхъ женщинъ вступать въ Сибири въ бракъ съ мужчинами свободнаго состоянія. Въ январѣ 1828 г. состоялось весьма важное положеніе комитета, которымъ, въ отиѣну правила устава 1822 г., рѣшено: ссыльнымъ, водворяемымъ въ деревняхъ старожиловъ, льготные годы давать въ началѣ водворенія. Въ апрѣлѣ того же года установлено наказаніе за развратное и буйное поведеніе ссыльныхъ, записанныхъ въ цѣхъ слугъ. Въ 1828 и 1829 годахъ комитетъ опредѣлялъ наказанія, которымъ каторжные и ссыльные должны подлежать за побѣги, за кражи выше 100 р. и за соотвѣтствующія имъ по важности преступленія. Тогда же, по высочайше утвержденнымъ 28 іюня 1829 г. и 3 марта 1830 г. положеніямъ сибирскаго комитета, а не въ общемъ законодательномъ порядкѣ — только потому, что вопросъ этотъ возбудился однимъ изъ общихъ сибирскихъ начальствъ — измѣнено положеніе всѣхъ приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ въ крѣпостяхъ и, въ соотвѣтствіе съ уставомъ 1822 г., постановлено, что срокъ работъ и для нихъ оканчивается по истеченіи 20 лѣтъ, если не было учинено ими новаго преступленія.

Этотъ послѣдній примѣръ ясно показываетъ, что иногда на разрѣшеніе комитета, по случайнымъ обстоятельствамъ, восходили законодательные вопросы, которые имѣли общегосударственное

значение. Наоборотъ, вслѣдствіе той же неопредѣлительности и указанной уже нами розни вѣдомствъ, иногда случалось, что вопросы, непосредственно относившіеся къ Сибири, находили разрѣшеніе не въ сибирскомъ комитетѣ, а въ комитетѣ министровъ или въ государственномъ совѣтѣ. Такъ напр. дозволеніе увольнять водворившихся ссыльныхъ для промысловъ по всѣмъ сибирскимъ губерніямъ состоялось по высочайше утвержденному 12 апрѣля 1827 г. положенію комитета министровъ. Дѣйствіе указа 23 января 1823 г. ограничено въ отношеніи къ сибирскимъ губерніямъ высочайше утвержденнымъ 16 октября 1829 г. мѣстнымъ государственнаго совѣта.

Вообще можно сказать, что направленіе того или иного вопроса въ сибирскій комитетъ или въ государственный совѣтъ весьма часто зависѣло не столько отъ свойства самаго вопроса, сколько отъ того, какимъ вѣдомствомъ, какимъ начальствомъ вопросъ этотъ былъ возбужденъ и обсуждался. Предположенія мѣстныхъ сибирскихъ начальствъ шли въ сибирскій комитетъ; опредѣленія сената — въ государственный совѣтъ. Если вопросъ возбуждался въ какомъ либо министерствѣ, то опредѣленной практики не было, и, смотря по обстоятельствамъ, онъ направлялся или въ сибирскій комитетъ, или въ государственный совѣтъ, или въ комитетъ министровъ. Не ранѣе 1832 г. мы встрѣчаемъ первый примѣръ, что сибирскій комитетъ нашелъ себя некомпетентнымъ для разрѣшенія внесеннаго къ нему вопроса о ссылкѣ и испросилъ высочайшее повелѣніе о передачѣ его въ государственный совѣтъ, на томъ основаніи, что этотъ вопросъ, кромѣ мѣстныхъ сибирскихъ интересовъ, затрогивалъ и общегосударственные законоположенія.

Нельзя, конечно, отрицать, что такое смѣшеніе предметовъ вѣдомства представляло извѣстныя неудобства. Но въ этомъ безпорядкѣ была и хорошая сторона. Во первыхъ, сибирскій комитетъ сдѣлался инстанціею, куда мѣстныя сибирскія власти обращались почти по всѣмъ вопросамъ, возбуждавшимъ сомнѣніе и требовавшимъ компетентнаго разрѣшенія; это давало комитету возможность стоять близко ко всѣмъ сторонамъ официальной сибирской жизни, сообщая въ то же время высшей политикѣ единство дѣйствія и устойчивость въ мѣропріятіяхъ. Во вторыхъ, считая себя компетентнымъ для разрѣшенія всякаго вопроса, тѣмъ или инымъ путемъ въ нему дошедшаго, сибирскій комитетъ старался немедленно выяснитъ его себѣ и разрѣшить;

ему была чужда практика отклоненія вопроса къ другимъ вѣдомствамъ, по некомпетентности, почему и производство комитета было быстрое и, въ большинствѣ случаевъ, плодотворное.

Кромѣ функціи законодательной, сибирскому комитету была ввѣрена функція высшаго управленія: на обязанности его лежало руководить мѣстныя сибирскія начальства по приведенію въ дѣйствіе законоположеній, относящихся къ Сибири. Благодаря ей, сибирскія власти, во все время существованія комитета, имѣли высшаго руководителя, сообщавшаго, на сколько то было въ его силахъ, единство практикѣ обѣихъ частей и соблюдавшаго ихъ взаимные интересы. Принимая какую либо мѣру общаго свойства, хотя бы по представленію начальства одной части Сибири, комитетъ не забывалъ упомянуть, на сколько она относится и къ другой ея части.

Производство перваго сибирскаго комитета было очень не сложно. Сношенія съ сибирскими властями производились непосредственно, т. е. журналы совѣтовъ главнаго управленія поступали въ комитетъ помимо министровъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ. Въ первомъ комитетѣ, преобладающее значеніе имѣли предсѣдатели (сперва вн. Кочубей, затѣмъ вн. Голицынъ) и члены, особенно гр. Сперанскій, а не канцелярія. Снабженный высокою довѣренностью Государя и имѣя въ составѣ своемъ министровъ, вѣдомства которыхъ могли касаться дѣла, подлежащія ихъ разбору, комитетъ съ успѣхомъ пользовался этимъ благоприятнымъ положеніемъ. По вопросамъ законодательнаго свойства, журналы комитета представлялись на высочайшее усмотрѣніе. По вопросамъ управленія, комитетъ ограничивался или принятіемъ къ свѣдѣнію представленнаго ему журнала главнаго совѣта или министерства, если находилъ ихъ правильными, или же разъясненіемъ возникшаго недоразумѣнія, иногда въ формѣ простаго письма предсѣдателя къ генераль-губернатору или министру; но случалось, что и по такого рода вопросамъ журналы комитета представлялись на высочайшее усмотрѣніе.

Первый сибирскій комитетъ, который можно назвать комитетомъ Сперанскаго, былъ закрытъ въ январѣ 1838 г.; закрытіе его объяснено тѣмъ, что главная цѣль, ему поставленная, была достигнута. Функціи его распались тогда между государственнымъ совѣтомъ, комитетомъ министровъ и министерствами, вліяніе которыхъ на сибирскія дѣла стало болѣе и болѣе увеличиваться.

Въ 1852 г. сибирскій комитетъ былъ учрежденъ вторично, но между нимъ и комитетомъ гр. Сперанскаго существуетъ огромная разница.

Учрежденіе этого втораго сибирскаго комитета стоитъ въ тѣсной связи съ ревизією генераль-адъютанта Анненкова, который вынесъ изъ личнаго обозрѣнія Сибири, между прочимъ, убѣжденіе о недостаткахъ существующаго тамъ по уставамъ 1822 г. управленія, крайне слабаго и разрозненнаго, и о необходимости, измѣнивъ взглядъ на этотъ край, принять мѣры къ прочному сліянію его съ Имперіей введеніемъ тамъ тѣхъ же учреждений и состояній, какія существуютъ въ прочихъ частяхъ. Рассмотрѣвъ двѣ записки ген. Анненкова объ этихъ предметахъ было Высочайше поручено князю А. Чернышову, который, во исполненіе этого порученія, представилъ 13 апрѣля 1852 г. всеподданнѣйшую записку. Кн. Чернышевъ совершенно соглашался съ мыслию Анненкова о необходимости прочнаго сліянія Сибири съ Имперіей и находилъ полезнымъ „всѣ вопросы, относящіеся до устройства этого края, согласовать съ этою общою цѣлью, поручивъ ихъ рассмотрѣніе особому установленію“. Поставивъ себѣ вопросъ, не слѣдуетъ ли возложить эту задачу на комитетъ министровъ, кн. Чернышевъ пришелъ къ отрицательному его разрѣшенію, „такъ какъ сей комитетъ есть учрежденіе, занимающееся дѣлами по преимуществу исполнительными, между тѣмъ въ особое установленіе по дѣламъ Сибири должны поступать предметы частей исполнительной и законодательной“. Болѣе соответственнымъ онъ полагалъ поручить эту обязанность кавказскому комитету, образованному еще въ 1842 г., съ прибавленіемъ къ составу его одного члена — ген. Анненкова. Дѣйствуя въ особыхъ присутствіяхъ по дѣламъ Сибири, онъ долженъ былъ называться комитетомъ сибирскимъ; канцелярія кавказскаго комитета въ тоже время должна была исполнять обязанности канцеляріи сибирскаго комитета. Однако, по мнѣнію кн. Чернышева, въ учрежденіи кавказскаго комитета необходимо было сдѣлать для сибирскаго нѣкоторыя измѣненія. Такъ какъ Кавказъ составлялъ намѣстничество, находящееся подъ одною властью, а Сибирь состояла изъ двухъ генераль-губернаторствъ, правители которыхъ были и должны были быть подчинены министерствамъ, то, созидая особое высшее установленіе для Сибири, необходимо было, согласно предположеніямъ кн. Чернышева, сохранить въ полной силѣ вліяніе на нее министерствъ. Въ этихъ видахъ онъ

рекомендовалъ: 1) сосредоточить въ сибирскомъ комитетѣ только дѣла, превышающія власть министровъ, какъ законодательныя, такъ и исполнительныя, и 2) относительно порядка сношеній опредѣлять, что всѣ сношенія сибирскаго комитета съ мѣстными властями производятся при посредствѣ соотвѣствующихъ министерствъ.

Эти предположенія были приняты указомъ 17 апрѣля 1852 г. съ однимъ незначительнымъ измѣненіемъ: на министровъ возложена обязанность доставлять въ сибирскій комитетъ *седьмیا* и по дѣламъ, непревышающимъ ихъ власти, для установленія единства дѣйствія. Комитетъ составленъ изъ предсѣдателя и 8 членовъ; въ числѣ ихъ были предсѣдатель департамента законовъ государственнаго совѣта, министры внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственныхъ имуществъ и юстиціи, шефъ жандармовъ и генералъ-адъютантъ Анненковъ. Въ одинъ день съ изданіемъ указа объ учрежденіи сибирскаго комитета состоялся указъ о предоставленіи ему права, безъ доклада Государю, разрѣшать маловажныя дѣла, подобно комитету министровъ, и всѣмъ министерствамъ предписано доставить въ комитетъ всѣ необходимыя по Сибири свѣдѣнія.

Но уже та невнимательность, съ которою министры отнеслись къ этой послѣдней, возложенной на нихъ обязанности, была дурнымъ предзнаменованіемъ для новаго учрежденія ⁸⁵⁾. Предзнаменованіе это оказалось правильнымъ: второй сибирскій комитетъ не оправдалъ ожиданій высшаго правительства, и дѣятельность его прошла почти безъ слѣда.

Въ учрежденіи его допущена огромная ошибка, которую успѣла избѣжать практика комитета Сперанскаго. Отдаленное положеніе Сибири требовало предоставленія мѣстнымъ органамъ управленія большей власти, чѣмъ въ Имперіи; требовало, съ другой стороны, образованія такого центрального учрежденія, которое, не уничтожая самостоятельности мѣстныхъ властей, въ тоже время было бы достаточно сильно и дѣльно для того, чтобы направлять дѣйствія мѣстныхъ властей къ одному общему знаменателю. Въ 1852 г. мѣстные органы остались подчиненными

⁸⁵⁾ О числѣ каторжныхъ и ссыльныхъ въ Сибири министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были въ 1872 г. доставлены свѣдѣнія, крайне разнорѣчивыя; прочія министерства не дали никакихъ отвѣтовъ; въ 1857 г. комитетъ вынужденъ былъ напомнить министрамъ объ ихъ обязанности, и всѣтаки отвѣты были получены только отъ министра иностранныхъ дѣлъ и шефа жандармовъ.

множеству отдѣльныхъ министерствъ, представители которыхъ хотя и участвовали, на правахъ членовъ, въ сибирскомъ комитетѣ, но комитетъ по отношенію къ этимъ министрамъ не имѣлъ никакой власти и очутился къ нимъ въ томъ же положеніи, въ какомъ уставн 1822 г. поставили экспедиціи о ссыльныхъ къ казеннымъ палатамъ. Это связало ему руки и поставило его дѣятельность въ полную зависимость отъ министерствъ, которыя вносили сюда лишь тѣ вопросы, какіе желали.

Съ другой стороны, производство сибирскаго комитета, который не могъ сноситься съ сибирскими властями непосредственно, было очень медленное. Вотъ два поразительные примѣра. Въ іюнь 1849 г., въ с. Готопутовскомъ, произошелъ пожаръ; нѣсколько человекъ ссыльно-кааторжныхъ, съ опасностью жизни, дѣятельно помогали тушенію его, почему мѣстныя начальства нашли необходимымъ ходатайствовать объ облегченіи ихъ участи; ходатайство это дошло до сибирскаго комитета только въ мартѣ 1854 г. и разрѣшено годъ спустя; подобное же ходатайство мѣстныхъ властей о смягченіи наказанія каторжнымъ, участвовавшимъ въ потушеніи пожара въ дер. Колтаѣ, который произошелъ въ 1847 г., поступило въ комитетъ въ сентябрѣ 1853 г. и разрѣшено имъ только въ іюнь 1860 года.

Между тѣмъ какъ комитетъ гр. Сперанскаго, при принятіи дѣла къ своему разсмотрѣнію и при разрѣшеніи его, руководился существомъ самаго дѣла, сибирскій комитетъ 1852 г. обращалъ преимущественное вниманіе на его формальную, канцелярскую сторону. Вотъ любопытный примѣръ для сравненія. Въ 1830 г. гр. Бенкендорфъ переслалъ къ гр. Сперанскому цѣлый рядъ записокъ неизвѣстнаго лица, случайно къ нему попавшихъ, гдѣ указывались различныя недостатки сибирскаго управленія и ссыльнаго устройства. Не смотря даже на рѣзкій тонъ ихъ относительно новыхъ порядковъ, введенныхъ съ 1822 г., и на восхваленіе ими Трескина и Лоскутова, эти записки анонимнаго автора (или авторовъ) были внесены гр. Сперанскимъ въ сибирскій комитетъ, разсмотрѣны имъ по внимательномъ сношеніи съ мѣстными начальствами и даже повели къ измѣненію политики относительно цеха слугъ, къ увеличенію числа смотрителей поселеній въ Томской губ. и къ нѣкоторымъ другимъ мѣрамъ для лучшаго устройства ссыльныхъ ⁸⁶). Иначе поступалъ второй си-

⁸⁶) Арх. сб. ком. 1830 — 1833 г., отдѣл. VII; № 33.

бирскій комитетъ. Въ 1856 г. тит. сов. Похилевичъ, кievлянинъ, за полной своей подписью, представилъ сюда подробный проектъ по вопросу „о средствахъ умножить народонаселеніе Сибири безъ обремененія государства“. Канцелярія комитета возвратила ему этотъ проектъ на томъ единственно основаніи, что комитетъ не призванъ разсматривать предположенія частныхъ лицъ, а только предположенія, вносимыя министрами; списокъ съ проекта былъ, однако, снятъ, пришитъ къ надлежащему мѣсту, чѣмъ дѣло и кончилось ⁸⁷⁾. Этотъ канцелярскій характеръ дѣятельности рѣзко отличаетъ второй комитетъ отъ перваго.

Онъ существовалъ почти столько же времени, какъ и комитетъ графа Сперанскаго, но въ исторіи ссылки дѣятельность его несравненно менѣе замѣтна. Между тѣмъ, незадолго передъ учрежденіемъ его издано было уложеніе о наказаніяхъ, которое въ корнѣ измѣнило прежніе взгляды законодательства на ссылку, такъ что въ это время ей нуженъ былъ единый сильный руководитель на столько же, на сколько и при введеніи уставовъ 1822 г. Вся дѣятельная работа оставалась за министерствами, комитетъ служилъ только мѣстомъ отписокъ по множеству мелкихъ текущихъ вопросовъ, напр. для разсмотрѣнія просьбъ о помилованіяхъ, о дозволеніи воротиться на родину, или представленій, весьма многочисленныхъ за это время, о дозволеніи принимать ссыльных на государственную службу (преимущественно въ должности смотрителей тюремъ), о несчитаніи прежней судимости препятствіемъ къ полученію чиновъ и т. под. Единственный крупный вопросъ о ссылахъ, внесенный въ сибирскій комитетъ въ 1858 г., былъ вопросъ о дозволеніи ссыльнопоселенцамъ приобретать недвижимое имущество; но и онъ къ 1864 г. оставался неразрѣшеннымъ.

Трудно сказать что либо лучшее объ этомъ бюрократическомъ учрежденіи, которое въ 1856 г. похоронило предположенія объ открытіи сибирскаго университета, а въ 1857 г., подъ предлогомъ сибирскихъ интересовъ, отклонило предложеніе Коллинса о постройкѣ желѣзной дороги отъ Иркутска до Читы. Въ декабрѣ 1864 г., оно присоединено къ комитету министровъ.

⁸⁷⁾ Арх. сиб. ком. 1860 г. № 73.

VI.

Правительственныя предположенія о реформѣ управленія ссылки.

Ревизія 1819 — 1820 годовъ создала сибирское учрежденіе. Ревизія, произведенная въ 1851 г. ген.-адъют. Анненковымъ, указала главнѣйшіе существенные его недостатки и потребовала пересмотра прежняго законодательства о ссылкѣ въ полномъ объемѣ. Формулированіе новаго порядка организаціи сдѣлано было впервые гр. Д. Н. Блудовымъ.

Ген.-адъют. Анненковъ, послѣ произведенной имъ ревизіи, нарисовалъ картину быта ссыльныхъ самыми мрачными красками. Онъ находилъ, между прочимъ, что мѣстныя власти для разрѣшенія ссыльнаго вопроса совершенно безсильны. Записки его, по Высочайшему повелѣнію, внесены были въ сибирскій комитетъ, а затѣмъ переданы со всѣми отзывами на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Предлагаая заключеніе, въ качествѣ главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, о различныхъ предположеніяхъ по этому дѣлу и начертавъ правила распредѣленія и водворенія ссыльныхъ, которыя стали затѣмъ закономъ 18 мая 1859 г., гр. Блудовъ въ представленіи своемъ государственному совѣту прибавилъ, что правила эти не принесутъ почти никакой ожидаемой отъ нихъ пользы, если не будетъ обращено вниманія не два предмета: на средства личныя, т. е. на управленіе, и на средства денежныя для приведенія ихъ въ исполненіе. Главнѣйшую причину неустройства нашей тюрьмы и ссылки онъ видѣлъ въ отсутствіи правильнаго тюремнаго управленія. Проведя параллель между западными пенитенціаристами, преданными исключительно своему дѣлу, знающими и любящими его, и нашими органами тюремнаго и ссыльнаго управленія, частью обремененными другими многочисленными занятіями, частью состоящими изъ невѣжественныхъ тюремщиковъ, онъ продолжаетъ⁸⁸⁾: „по мнѣнію моему, высшее завѣдываніе ссыльными въ Сибири, какъ отрасль, требующую спеціальнаго вниманія и изученія, должно бы отдѣлится отъ прочихъ общихъ дѣлъ мѣстной администраціи и поручить, подѣ главнымъ наблю-

⁸⁸⁾ Арх. Гес. Сов. 1859 г. № 24 л. 171 оборотъ.

деніемъ генераль-губернаторовъ, особымъ лицамъ, собственно къ сему предназначеннымъ и не имѣющимъ иныхъ не относящихся къ сей цѣли обязанностей. На нихъ слѣдовало бы возложить какъ ближайшую отвѣтственность и непосредственное личное участіе въ выполненіи наиболѣе важныхъ распоряженій правительства относительно ссыльныхъ, каковы напр. учрежденіе рабочихъ ротъ или командъ, устройство новыхъ казенныхъ селеній и т. под., такъ и самое изысканіе средствъ, представляющихся въ семъ краѣ къ занятію преступниковъ трудомъ и содержанію ихъ въ порядкѣ, требуемомъ строгостью судебныхъ приговоровъ, предложеніе нужныхъ въ семъ отношеніи новыхъ мѣръ и измѣненій въ дѣйствующихъ правилахъ, а также надзоръ за дѣйствіями низшихъ начальствъ надъ ссыльными и *вообще все главное направленіе сей части*. Такія лица, исключительно предназначенныя для дѣлъ о ссыльныхъ, были бы, по мнѣнію моему, еще полезны и тѣмъ, что они' ближайшимъ образомъ познакомили бы насъ съ положеніемъ этихъ людей въ Сибири, которое до сего времени вообще мало изучено, чему должно приписать главнымъ образомъ и самую шаткость и разнообразіе мнѣній о необходимыхъ по сей части улучшеніяхъ“.

Государственный совѣтъ одобрилъ въ принципѣ эту мысль, но нашелъ, что „какъ предположенія главноуправляющаго II отдѣленіемъ по сему предмету сопряжены съ увеличеніемъ расходовъ казны, къ чему нельзя приступить безъ предварительнаго сношенія съ министромъ финансовъ, и не были въ виду министра внутреннихъ дѣлъ, въ главномъ вѣдѣніи котораго состоятъ ссыльные и которому генераль-губернаторъ западной Сибири, съ своей стороны, представилъ также предположенія объ усиленіи управленія ссыльными, то государственный совѣтъ, не приступая къ окончательному обсужденію тѣхъ предположеній, положилъ: предоставить главноуправляющему II отдѣленіемъ войти по онимъ въ надлежащія сношенія съ министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и главными начальствами Сибири, и затѣмъ внести дѣло сіе, по принадлежности, на разсмотрѣніе сибирскаго комитета“.⁸⁹⁾

Во исполненіе этого порученія, гр. Блудовъ завязалъ сношенія съ вѣдомствами, которыя ему были указаны. Въ бумагахъ, адресованныхъ къ главнымъ начальствамъ Сибири, онъ точнѣ

⁸⁹⁾ Арх. Гос. Совѣта 1859 г. № 24.

выразилъ свою мысль о предполагаемыхъ имъ новыхъ органахъ управленія ссылки, прижнувъ, и по принятому для нихъ названію, и по существу обязанностей, которыя предполагалось на нихъ возложить, къ проекту генераль-губернатора западной Сибири Гасфорта, который у него уже былъ въ рукахъ ⁹⁰⁾. На первый разъ, гр. Блудовъ полагалъ опредѣлить для дѣлъ о ссыльныхъ въ каждое главное управленіе Сибири по одному чиновнику, назвавъ ихъ главными инспекторами или попечителями надъ ссыльными и сравнивъ въ званіи и правахъ съ членами совѣтовъ главныхъ управленій, подобно тому, какъ уже состоятъ при этихъ совѣтахъ особые члены по предметамъ государственныхъ имуществъ, а въ восточной Сибири, кромѣ того, и по дѣламъ горнымъ, монетнымъ, солянымъ и дорожнымъ. Обязанности этихъ чиновниковъ, по мнѣнію гр. Блудова, должны быть подробно опредѣлены инструкціями. Имъ въ особенности надо внушить, что они назначаются не какъ исполнители существующихъ правилъ, для чего есть другія начальства, но, если можно такъ выразиться, какъ организаторы и преобразователи поручаемой имъ части; что имъ, поэтому, не слѣдуетъ входить въ подробности мѣстнаго управленія ссыльными, удерживая за собою лишь общій за ними надзоръ, высшее руководство ихъ дѣйствіями и ходатайство предъ правительствомъ о нужныхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ дѣйствующихъ правилахъ и законахъ. Они должны быть въ полномъ подчиненіи какъ министерству внутреннихъ дѣлъ, такъ и главнымъ управленіямъ Сибири. Отношенія же ихъ къ начальствамъ губернскимъ и низшимъ должны быть подробно и точно опредѣлены инструкціею, для того, чтобы недостатокъ ясныхъ и опредѣленныхъ правилъ не произвелъ впоследствии столкновеній и недоразумѣній.

Эти предположенія гр. Блудова имѣютъ сходство съ мыслями, высказанными еще ранѣе генераль-губернаторомъ западной Сибири Гасфортомъ; однако, онѣ не составляютъ простаго ихъ повторенія. Ген.-губ. Гасфортъ вполне соглашался съ замѣчаніемъ ген.-ад. Анненкова о безсиліи власти въ Сибири для устройства ссыльныхъ. Заботы объ этомъ онъ предполагалъ возложить на особо назначенныхъ для того лицъ, въ видѣ главныхъ инспекторовъ и попечителей надъ ссыльными. Имъ

⁹⁰⁾ Дальнѣйшія свѣдѣнія почерпнуты нами изъ двухъ дѣлъ архива Госуд. Совѣта, а именно: 1864 г. № 41 и 1869 г. № 2.

предполагалось поручить изысканіе средствъ къ лучшему водворенію ссыльныхъ, употребленію ихъ въ общественныя работы и моральному ихъ возрожденію. По мнѣнію ген.-губ. Гасфорта можно надѣяться, что ими, какъ несвязанными никакими другими обязанностями кромѣ управленія ссыльныхъ, будутъ собраны вполне положительныя свѣдѣнія, необходимыя для прочнаго устройства ссылки. Въ подчиненіи имъ должны находиться помощники и представители ихъ въ окружныхъ правленіяхъ, а при каждомъ волостномъ правленіи необходимо имѣть особаго поселенческаго старосту на правахъ засѣдателя, изъ ссыльно-поселенцевъ. Въ тоже время экспедиціи о ссыльныхъ должны сохраниться, съ увеличеніемъ ихъ штатовъ. Цифру всѣхъ дополнительныхъ расходовъ на новое управленіе по западной Сибири ген. Гасфортъ опредѣлялъ въ 6700 руб. Онъ находилъ крайне необходимымъ усиленіе особыхъ органовъ, непосредственно завѣдывающихъ ссыльными, подвергая суровому критическому разбору порядокъ, установленный по представленію его предшественника кн. Горчакова закономъ 12 іюня 1840 г., который упразднилъ ревизоровъ и смотрителей поселеній и подчинилъ ссыльныхъ непосредственно полиціи. „При недостаткѣ средствъ и разстроенномъ состояніи вообще полицейскихъ мѣстъ въ здѣшнемъ краѣ, мѣра эта, по мнѣнію г. ин. Гасфорта, „повела неизбѣжно къ ослабленію, или лучше сказать, къ уничтоженію надзора надъ ссыльнопоселенцами, чему можетъ служить разительнымъ доказательствомъ сравненіе успѣха въ сборѣ податей при содѣйствіи смотрителей и безъ участія ихъ.“ Поэтому, возстановляя смотрителей поселенцевъ и назначая въ каждое волостное правленіе особаго поселенческаго старосту изъ ссыльныхъ, онъ полагалъ еще въ помощь деревенскимъ старостамъ дать особыхъ выборныхъ, для содѣйствія имъ по надзору за поселенцами въ полицейскомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ.

Между тѣмъ особый комитетъ по нерчинскимъ заводамъ, образованный при министерствѣ двора въ 1858 г., нашелъ, что ссыльнокаторжные становятся въ тяжесть заводамъ и не окупаютъ расходовъ, которые несетъ на нихъ кабинетъ, приблизительно на 45 т. руб. ежегодно. Вслѣдствіе этого комитетъ требовалъ, чтобъ въ распоряженіе заводскаго начальства были передаваемы только тѣ ссыльнокаторжные, которые въ состояніи исполнять заводскія работы. Это заключеніе Высочайше утверждено 15 Марта 1859 года. Во исполненіе такого распоряженія, генераль-

губернаторъ восточной Сибири гр. Муравьевъ-Амурскій полагалъ нужнымъ немедленно изъять всѣхъ ссыльнокаторжныхъ нерчинскаго округа изъ вѣдѣнія горнаго начальства, передать ихъ, на государственный счетъ, въ отдѣльное управленіе, подъ главнымъ начальствомъ военнаго губернатора забайкальской области, и отпустить ихъ на работы по требованіямъ горнаго начальства съ выдачею опредѣленной платы за трудъ. По Высочайшемъ одобреніи такой мысли, гр. Муравьеву-Амурскому въ маѣ 1859 г. поручено было составить проектъ положенія по этому предмету.

Послѣ этого гр. Муравьевъ-Амурскій, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, въ засѣданіи сибирскаго комитета 16 мая 1860 г., объяснилъ, что вопросъ о передачѣ ссыльнокаторжныхъ нерчинскаго округа изъ горнаго вѣдомства въ гражданское тѣсно связанъ съ болѣе общимъ вопросомъ объ управленіи всѣми вообще ссыльными, находящимися въ восточной Сибири, и что потому онъ, съ своей стороны, признаетъ существенно необходимымъ приступить предварительно къ составленію проекта положенія объ управленіи ссыльными ввѣренной ему части Сибири вообще. Комитетъ согласился съ заявленіемъ генераль-губернатора, и Высочайше утвержденнымъ 1 іюня 1860 г. журналомъ его, графу Муравьеву-Амурскому предоставлено составить полный проектъ положенія объ управленіи ссыльными въ Сибири, съ тѣмъ, чтобы въ этотъ проектъ были включены и правила о порядкѣ передачи ссыльнокаторжныхъ нерчинскаго округа изъ горнаго вѣдомства въ гражданское.

Первоначально разсмотрѣніе этого проекта предполагалось въ сибирскомъ комитетѣ, причѣмъ предписано, совмѣстно съ записками гр. Муравьева-Амурскаго, разсмотрѣть также предположенія ген.-губ. Гасфорта, истребовавъ заключенія отъ соотвѣтствующихъ министерствъ. Затѣмъ, по докладу ст.-с. Вуткова, велѣно было разсмотрѣть это дѣло въ государственномъ совѣтѣ, пригласивъ въ засѣданія его сибирскій комитетъ въ полномъ составѣ.

Предположенія генераль-губернатора западной Сибири Гасфорта объ управленіи ссыльными, еще въ 1859 г. представленныя имъ министру внутреннихъ дѣлъ, приведены выше. Что касается предположеній гр. Муравьева-Амурскаго, то онѣ состояли изъ двухъ проектовъ: во 1-хъ, проекта положенія объ управленіи ссыльными въ восточной Сибири и о порядкѣ употребленія тамъ ссыльнокаторжныхъ въ работы, и во 2-хъ, особаго проекта правилъ о новомъ порядкѣ распредѣленія ссыльныхъ, составленнаго съ цѣлью

взять изъ вѣдѣнія тобольскаго приказа тѣхъ ссыльныхъ, которые слѣдуютъ въ восточную Сибирь по требованію самого закона.

По вопросу объ управленіи ссыльными, проектъ гр. Муравьева-Амурскаго во многихъ существенныхъ чертахъ отличался отъ предположеній его товарища по управленію Сибирью. Экспедиціи о ссыльных онъ находилъ совершенно излишними и предлагалъ ихъ уничтожить. Главнѣйшая обязанность экспедицій — распределеніе ссыльныхъ, — по замѣчанію его, не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ родъ работъ и большая или меньшая отдаленность мѣста водворенія зависятъ или отъ политическихъ опредѣленій законодательства, которыя экспедиціи измѣнять не вправѣ, или отъ видовъ главнаго управленія по отношенію къ заселенію края. Препровожденіе арестантовъ не требуетъ особаго установленія: этии дѣломъ во внутреннихъ губерніяхъ и въ двухъ сибирскихъ областяхъ безъ всякихъ затрудненій завѣдываютъ губернскія правленія. Хозяйственныя заготовленія могутъ быть производимы губернскими и областными совѣтами или особыми чиновниками, на правахъ комисіонеровъ. Переписка о ссыльныхъ и составленіе разнообразныхъ списковъ не требуетъ особаго установленія. По этимъ соображеніямъ, функціи экспедицій гр. Муравьевъ-Амурскій распредѣлялъ между губернскими и областными совѣтами, совѣстно съ проектированными институтомъ инспекторовъ.

Общее управленіе ссыльными предполагалось раздѣлить на три степени: главное, губернское и мѣстное.

Главное начальство всѣми ссыльными оставалось въ рукахъ генералъ-губернатора, права и обязанности котораго очерчены широко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно опредѣлительно указывали задачу, разрѣшеніе которой ожидало отъ него высшее правительство. На него возлагалось особенное попеченіе и принятіе всѣхъ мѣръ къ точному исполненію законовъ, чтобы не было оказываемо ссыльнымъ послабленія и потворства, или же излишнихъ и бесполезныхъ отягощеній, и чтобы ссылка достигала своей цѣли, исправляя ссыльныхъ и приучая ихъ къ осѣдлости и домообзаводству. Въ этихъ видахъ генералъ-губернаторъ, не стѣсняя мѣстныхъ управленія, снабжаетъ ихъ надлежащими наставленіями и инструкціями, разрѣшаетъ возникающія сомнѣнія своею властью, или съ разрѣшенія вышнихъ учреждений, избираетъ и утверждаетъ должностныхъ лицъ для завѣдыванія ссыльными, пресѣкаетъ безпорядки и злоупотребленія, изыскиваетъ и предписываетъ все, что можетъ способство-

вать къ упроченію и улучшенію быта ссыльныхъ, получаетъ отъ подчиненныхъ начальствъ свѣдѣнія о положеніи ссыльныхъ и представляетъ ежегодно всеподданнѣйшіе отчеты о состояніи ссыльныхъ, съ соображеніями о мѣрахъ къ лучшему устройству ихъ быта. Органы, посредствомъ которыхъ генераль-губернаторъ дѣйствуетъ въ отношеніи къ ссылкѣ, суть начальники губерній и областей и особый чиновникъ, назначаемый при немъ подъ названіемъ главнаго инспектора, съ правами члена совѣта главнаго управления. Цѣль учрежденія послѣдней должности, по объясненію гр. Муравьева-Амурскаго, состояла въ томъ, чтобы специализировать управленіе ссыльными; но онъ находилъ излишнимъ опредѣлять въ законѣ функціи главнаго инспектора, предоставляя это генераль-губернаторской инструкціи и указывая нѣкоторыя обязанности его (доклады генераль-губернатору, главное завѣдываніе перепискою о ссыльныхъ, распредѣленіе ссыльныхъ, инспектированіе ихъ быта, контроль надъ инспекторами, начертаніе, по совѣщаніи съ инспекторами, предположеній объ устройствѣ ссыльныхъ) лишь въ видѣ примѣровъ. Главному инспектору предполагалось предоставить право непосредственныхъ сношеній съ начальниками губерній и областей и при немъ полагалась особая канцелярія (VIII отдѣленіе совѣта главнаго управления).

Губернское управленіе ссыльныхъ предполагалось оставить въ подчиненіи начальниковъ губерній и областей; лично при губернаторахъ, собственно для содѣйствія имъ при надзорѣ за точнымъ и повсемѣстнымъ исполненіемъ законовъ и распоряженій высшаго начальства относительно ссыльныхъ, предполагалось учредить инспекторовъ, по одному въ губ. Енисейской, Иркутской и въ Якутской области и двухъ въ Забайкальской области. Права и степень ихъ власти, завися отъ личнаго довѣрія къ нимъ губернатора, должны быть опредѣлены закономъ только въ общихъ чертахъ. Такъ, на нихъ предполагалось возложить завѣдываніе перепискою губернатора по устройству ссыльныхъ; производство обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ инспекцій заведеній, гдѣ работаютъ ссыльные, съ правомъ разрѣшать мѣстныя сомнѣнія не допуская продолжительной переписки и съ обязанностию представлять о результатахъ ревизіи отчеты губернатору и главному инспектору; свидѣтельствовать ссыльныхъ въ состояніи здоровья; производить, по особымъ порученіямъ губернатора, важнѣйшія уголовныя или уголовно-административныя слѣдствія; наблюдать за правильностью передвиженія арестантовъ по этапамъ,

осматривая какъ можно чаще этапныя помѣщенія, опрашивая арестантовъ, повѣряя ихъ документы, свидѣтельствуя ихъ одежду и т. под.; на правахъ директоровъ управлять тюрьмами, предназначенными исключительно для каторжныхъ, и инспектировать общія тюрьмы въ отношеніи къ содержанію въ нихъ ссыльныхъ; вести всѣ статистическія и справочныя свѣдѣнія о ссыльныхъ; участвовать въ губернскомъ правленіи и губернскомъ совѣтѣ при обсужденіи всѣхъ вопросовъ о ссыльныхъ; быть прямымъ защитникомъ и ходатаемъ ссыльныхъ, пользуясь въ этомъ отношеніи правами, предоставленными губернскимъ прокурорамъ по отношенію къ людямъ, отыскивавшимъ свободу. По званію своему, инспекторъ состоитъ членомъ мѣстнаго тюремнаго и статистическаго комитетовъ.

Для нерчинскаго округа, на всемъ пространствѣ котораго разбросано значительное число ссыльныхъ, гр. Муравьевъ-Амурскій признавалъ необходимымъ создать управленіе особенно твердое, самостоятельное, облеченное полнымъ довѣріемъ, по возможности свободное отъ бюрократическихъ и коллегіальныхъ формъ, въ лицѣ котораго сосредоточены были бы и власть собственно тюремная, для всего безъ исключенія округа, и полицейская, для лицъ всѣхъ сословій, проживающихъ на карійскихъ промыслахъ, и власть надъ воинскою стражею. Поэтому въ лицѣ инспектора нерчинскаго округа предполагалось сосредоточить не только власть инспекторскую надъ ссыльными, но все управленіе ими въ отношеніи полицейскомъ и хозяйственномъ, за исключеніемъ только суда, который, по распоряженію губернатора, будетъ поручаться или гражданскимъ, или военнымъ судебнымъ мѣстамъ; кромѣ того, ему же поручалась полицейская власть надъ всѣмъ округомъ карійскихъ промысловъ, на правахъ исправника или коменданта, и главное начальствованіе (но не непосредственное завѣдываніе) мѣстнымъ своднымъ батальономъ. Инспекторъ нерчинскаго округа долженъ быть назначаемъ по преимуществу изъ военныхъ чиновъ. Въ помощь ему даются: для управленія каторжныхъ тюремъ — тюремные смотрители, а по прочимъ частямъ управленія — чиновники особыхъ порученій, дѣйствующие на тѣхъ же правахъ, какъ такіе же чиновники при губернаторахъ. Инспектору нерчинскаго округа подчиняется батальонный командиръ. Инспекторъ управляетъ ввѣренною ему частью подъ своею личною отвѣтственностью; для обсужденія нѣкоторыхъ полицейскихъ вопросовъ предполагалось окружить его

совѣтомъ, состоящимъ, подъ его предсѣдательствомъ, изъ баталіоннаго командира, старшаго тюремнаго смотрителя и одного изъ мѣстныхъ благочинныхъ; въ случаяхъ важнѣйшихъ, инспекторъ обязывался испрашивать разрѣшеніе генераль-губернатора.

Наконецъ мѣстное управленіе ссыльными, по мысли гр. Муравьева-Амурскаго, должно-было имѣть три вида, сообразно способу водворенія ссыльныхъ. На заводахъ и золотыхъ промыслахъ каторжине, содержимые въ особыхъ острогахъ, должны были находиться въ завѣдываніи особаго тюремнаго управленія; живущіе въ акатуевской богадѣльнѣ—въ завѣдываніи инспектора и мѣстной полиціи; съ переходомъ же въ разрядъ поселенцевъ, ссыльные разныхъ наименованій должны были подчиняться власти мѣстныхъ начальствъ, а именно: живущіе въ городахъ—полицейстеровъ и городничихъ, живущіе въ округахъ—земскихъ судовъ, участковыхъ засѣдателей, волостныхъ правленій и сельскихъ начальниковъ; инспекторы сохраняютъ надъ ними единственно право попечительства и надзора. Въ нерчинскомъ округѣ, мѣстное тюремное управленіе, подъ начальствомъ инспектора, должно было принадлежать смотрителямъ, приставникамъ и избираемымъ изъ каторжныхъ старостамъ; всѣмъ имъ предполагалось назначить увеличенное содержаніе.

Стоимость новаго управленія по восточной Сибири, на основаніи приложенныхъ штатовъ, исчислена была гр. Муравьевымъ-Амурскимъ въ 36,450 р. ежегодно. Эту цифру предполагалось дополнить суммою до 5 т. р., которая должна была находиться въ распоряженіи генераль-губернатора для поощренія служащихъ и особенно для возвышенія окладовъ священнослужителей, „въ виду необходимости дать въ системѣ тюремнаго заключенія, наиболѣе простора духовному элементу, могущему болѣе всего способствовать въ дѣлѣ нравственнаго исправленія преступниковъ“.

Затѣмъ, полицейская и хозяйственная власть горнаго вѣдомства по отношенію къ ссыльнымъ должна была прекратиться, а отношенія, вытекавшія изъ производства ссыльными работъ по заказамъ горнаго начальства, опредѣлялись особо проектированными правилами.

Второй рядъ предположеній, внесенныхъ гр. Муравьевымъ-Амурскимъ, состоялъ въ изытаніи ссыльныхъ, слѣдующихъ въ восточную Сибирь, изъ вѣдѣнія тобольскаго приказа. Присутствен-

ныя мѣста Имперіи, назначая ссылку въ восточную Сибирь, ⁹¹⁾ должны были послать именныя списки, вмѣсто приказа, въ главное управленіе восточной Сибири, къ которому переходили всѣ права приказа. Этою мѣрою предполагалось достигнуть большаго единства въ организаціи управленія ссылки, но и проектъ гр. Муравьева-Амурскаго не избѣжалъ особаго учрежденія для ссыльныхъ, предназначаемыхъ въ Сибирь восточную, въ предѣлахъ западной Сибири какъ и приказъ, вслѣдствіе того, что могла представиться необходимость въ измѣненіи первоначальнаго назначенія, сдѣланнаго въ Имперіи; такъ напр. приговоренныхъ къ ваторжнымъ работамъ, но не способныхъ къ нимъ, онъ желалъ оставлять въ Сибири западной; излишекъ ссыльно-поселенцевъ, оказывавшійся въ западной Сибири, предполагался для Сибири восточной. Поэтому, для дѣйствительнаго распредѣленія ссыльныхъ между Сибирью западной и восточной, по освидѣтельствованіи ихъ, и для направленія ссыльныхъ партій по сибирскимъ трактамъ со всѣми установленными закономъ формальностями, гр. Муравьевъ-Амурскій предлагалъ, отдѣльно и независимо отъ тобольскаго приказа, учредить въ Тюмени *особое присутствіе* изъ городничаго, начальника инвалидной команды, окружнаго стряпчаго и окружнаго врача. Предположеніе это подкрѣплялось тѣми доводами, что ссыльныхъ, слѣдующихъ въ восточную Сибирь, для сбереженія пространства, предполагалось направлять изъ Тюмени прямо на Томскъ, минуя Тобольскъ. По полученіи отъ тюменскаго присутствія свѣдѣній о направленныхъ въ восточную Сибирь ссыльныхъ партіяхъ, главное управленіе должно было немедленно распредѣлить ихъ по губерніямъ и областямъ и распорядиться сношеніемъ съ ачинскимъ городничимъ, чтобъ ссыльные, назначенные для Енисейской губ., были своевременно останавливаемы.

Министръ внутреннихъ дѣлъ ст.-секр. Валуевъ, согласно Высочайшему повелѣнію, передалъ эти предположенія на предварительное разсмотрѣніе различныхъ вѣдомствъ; ихъ отзывы о новой организаціи ссыльнаго управленія состояли въ слѣдующемъ.

⁹¹⁾ Сюда, на основаніи закона 1859 г. и новыхъ предположеній, должны были слѣдовать: каторжные I и III разрядовъ, за исключеніемъ дряхлыхъ; ссыльно-поселенцы, назначаемые въ восточную Сибирь, — и избытокъ отъ ссыльно-поселенцевъ западной Сибири; сосланные на житье въ восточную Сибирь, а также изъявившіе на то желаніе; водворяемые рабочіе, присужденные къ арестантскимъ ротамъ на срокъ болѣе 8 лѣтъ; сослаемые по приговорамъ обществъ, отказавшіеся принять ихъ по освобожденіи изъ арестантскихъ ротъ; всѣ преступники изъ жителей Сибири, осуждаемые на каторгу, на поселеніе, на житье и на водвореніе.

Главное управленіе западной Сибири (генераль-губернаторъ Гасфортъ) учрежденіе въ Тюмени особаго присутствія находило неудобнымъ и несообразнымъ съ общимъ порядкомъ управленія ссыльными. Каждый изъ членовъ этого предполагаемаго присутствія, замѣчало оно, и безъ того обремененъ обязанностями, непосредственно на немъ лежащими. Учрежденіемъ такого присутствія должна образоваться особая инстанція, въ которой нѣтъ надобности, такъ какъ: а) въ случаѣ сомнѣнія въ распредѣленіи, проектомъ гр. Муравьева-Амурскаго на присутствие возлагается входить съ представленіемъ въ Тобольскій приказъ, къ обязанности котораго отнесена также повѣрка дѣйствій тюменскаго присутствія, и б) измѣненіе тракта въ близкомъ будущемъ нельзя предвидѣть, по значительности расходовъ на сооруженіе новыхъ этапныхъ помѣщеній; слѣд. партіи будутъ по прежнему направляемы на Тобольскъ, гдѣ есть врачебная управа, близкій надзоръ губернскаго прокурора и губернатора и гдѣ, потому, гораздо правильнѣе удерживать освидѣтельствованіе и распредѣленіе ссыльныхъ.

Министръ финансовъ находилъ невозможнымъ ассигновать изъ казны около 22½ тыс. руб. ежегодно на увеличеніе штата ссыльнаго управленія, въ виду Высочайше утвержденного 30 января 1861 г. положенія комитета министровъ, которымъ велѣно министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями вмѣнено въ обязанность принять неотлагательно рѣшительныя и коренныя мѣры къ уменьшенію расходовъ.

Главноуправляющій II Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцелярш бар. Корфъ отзывался, что мысль объ учрежденіи главныхъ инспекторовъ ссыльныхъ, какъ предварительно одобренная государственнымъ совѣтомъ (въ 1859 г.) и единогласно принятая обоими генераль-губернаторами, нынѣ уже не можетъ подлежать дальнѣйшему обсужденію и остается привести ее въ дѣйствіе. Что же касается остального штата, то можетъ явиться вопросъ: одно размноженіе чиновниковъ, въ особенности при трудности находить благонадежныхъ людей въ далекой Сибири, поведетъ ли къ желаемымъ улучшеніямъ и не усилить-ли, напротивъ, безъ существенной пользы, ту бюрократическую перениску и тотъ бумажный формализмъ, которымъ мы и безъ того страдаемъ? Въ виду этой стороны дѣла бар. Корфъ полагалъ, если предположенные штаты будутъ утверждены, предоставить генераль-губернаторамъ вводить ихъ не сразу, а постепенно, по мѣрѣ дѣйствительной надобности и присканія надежныхъ людей. На-

ходя затѣмъ, что вопросъ правильнаго исполненія судебныхъ приговоровъ имѣетъ не только мѣстный, но общегосударственный интересъ, баронъ Корфъ высказалъ желаніе, чтобы лица, которымъ будетъ поручено направленіе этой части, особенно же вышія изъ нихъ, т. е. главные инспекторы, были не только мѣстными исполнителями мыслей и плановъ генераль-губернаторовъ, дѣйствующими по ихъ инструкціямъ, но, состоя въ подчиненіи имъ, находились-бы въ нѣкоторыхъ прямыхъ отношеніяхъ и къ центральному управленію. Такъ напр. назначеніе ихъ должно дѣлаться не иначе, какъ по общему выбору генераль-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ; они должны представлять свои отчеты тому и другому, доставлять непосредственно въ министерство нужныя свѣдѣнія, сообщать ему объ имѣющихся въ виду преобразованіяхъ и т. под. Для опредѣленія всѣхъ этихъ обязанностей, инструкція имъ должна быть дана по соглашенію генераль-губернатора съ министерствомъ, и въ ней, между прочимъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду мысли гр. Блудова, что главные инспекторы, по крайней мѣрѣ на первое время, должны быть не столько исполнителями существующаго порядка, сколько организаторами, преобразователями ввѣряемой имъ части, а съ этою цѣлью важно не обременять ихъ множествомъ текущихъ обязанностей и не лишать возможности посвящать себя тѣмъ важнымъ и труднымъ дѣламъ, къ которымъ съ самаго изданія устава 1822 г. не было приступлено съ надлежащимъ вниманіемъ, тогда какъ безъ нихъ всѣ заботы правительства о ссыльныхъ не приведутъ къ желаемому результату. По вопросу объ учрежденіи тюменскаго присутствія бар. Корфъ отказался представить какія бы то ни было соображенія на тотъ основаніи, что II Отдѣленію ничего неизвѣстно о неудобствахъ постановленій относительно распределенія ссыльныхъ тобольскимъ приказомъ.

Въ представленіи, внесенномъ 3 октября 1863 г. въ сибирскій комитетъ, министръ внутреннихъ дѣлъ ст.-секр. Валуевъ защищалъ для западной Сибири предположенія ген.-губ. Гасфорта, а для восточной, въ виду особыхъ мѣстныхъ ея условій, накопленія огромнаго числа тяжкихъ преступниковъ и необходимости дать здѣсь ссыльному управленію совершенно новую организацію вслѣдствіе предстоящаго прекращенія власти горнаго начальства, онъ принялъ предположенія гр. Муравьева, но съ нѣкоторыми существенными измѣненіями. Мысль объ учрежденіи особаго Тюменскаго присутствія онъ нашелъ не практичною, по

соображеніямъ, которыя были приведены въ журналѣ совѣта главнаго управленія западной Сибири; она, впрочемъ, не осталась безъ всякихъ послѣдствій; приказъ о ссыльныхъ нынѣ за-сѣдаетъ не въ Тобольскѣ, а въ Тюмени. Принимая, затѣмъ, безъ всякихъ обсужденій мысль объ образованіи должности главныхъ инспекторовъ, какъ одобренную уже государственнымъ совѣтомъ, ст.-секр. Валуевъ, согласно съ заключеніемъ бар. Корфа, нашелъ необходимымъ, чтобъ лица эти, состоя въ подчиненіи генераль-губернаторамъ, въ то же время находились въ прямыхъ отношеніяхъ къ центральному управленію, на томъ же основаніи, какъ члены совѣта главнаго управленія. Ихъ права и обязанности ближайшимъ образомъ должны быть опредѣлены въ инструкціи, которая должна быть дана по соглашенію генераль-губернаторовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; въ этой инструкціи, по мнѣнію статсъ-секретаря Валуева, между прочимъ слѣдовало бы указать: 1) что главные инспектора, состоя въ подчиненіи генераль-губернаторовъ, находятся въ прямыхъ отношеніяхъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, которому должны доставлять нужныя свѣдѣнія и сообщать свои мнѣнія объ имѣющихся въ виду преобразованіяхъ; 2) что они, по крайней мѣрѣ на первое время, должны быть не столько исполнителями существующаго порядка, для чего есть другія начальства, сколько организаторами - преобразователями ввѣряемой имъ части; 3) что главный инспекторъ вѣдаетъ всю перепискою о ссыльныхъ, восходящую до главнаго управленія, а по восточной Сибири — и распределеніемъ ссыльныхъ, и всѣми предметами, которые будутъ возложены на инспекторовъ. Инструкціи инспекторамъ губернскимъ и областнымъ, по мнѣнію ст.-секр. Валуева, также должны были быть составлены по соглашенію генераль-губернаторовъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; предположенія гр. Муравьева относительно инспектора нерчинскаго округа приняты безъ измѣненій. Но затѣмъ ст.-секр. Валуевъ, соглашаясь съ заключеніемъ бар. Корфа, находилъ ненужнымъ вводить особня опредѣленія правъ и обязанностей генераль-губернаторовъ, а также начальниковъ губерній и областей, относительно управленія ссыльныхъ: „повтореніе законовъ, изложенныхъ въ другихъ частяхъ свода, было бы излишнимъ обремененіемъ свода, а нравственныя предписанія не подлежатъ опредѣленію юридическому“. Въмѣсто всего предположеннаго гр. Муравьевымъ, ст.-секр. Валуевъ считалъ достаточнымъ сказать въ законѣ: „Высшее управленіе ссыльными всѣхъ разрядовъ сосредото-

точивается въ лицѣ генераль-губернатора; онъ избираетъ и утверждаетъ, въ мѣрѣ власти, ему представленной, должностныхъ лицъ, снабжаетъ ихъ инструкціями непосредственно или по соглашенію съ министерствою внутреннихъ дѣлъ, и представляетъ ежегодно всеподданнѣйшіе отчеты съ своими соображеніями ⁹²⁾. Въ губерніяхъ же и областяхъ надзоръ и попеченіе, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальниковъ губерній и областей, ввѣряется особымъ чиновникамъ, именуемымъ инспекторами ссыльныхъ. Ссылно-кааторжные въ нерчинскомъ округѣ управляются особеннымъ инспекторомъ; всѣ прочіе, содержащіеся въ тюрьмахъ, больницахъ и богадѣльняхъ, — смотрителями сихъ учреждений; живущіе же свободно, внѣ остроговъ — мѣстными полиціями, волостными и сельскими начальствами“. Экспедиціи о ссыльныхъ по восточной Сибири, согласно мнѣнію гр. Муравьева-Амурскаго, предполагалось упразднить. Наконецъ, ст.-секр. Валуевъ, согласно съ заключеніемъ барона Корфа, находилъ нужнымъ немедленно учредить только должности главныхъ инспекторовъ съ положеннымъ при нихъ штатомъ канцеляріи, а прочія части новаго управленія предоставить генераль-губернаторамъ вводить постепенно, по мѣрѣ дѣйствительной надобности и возможности.

Этому проекту не суждено было быть разсмотрѣннымъ. 5 ноября 1863 г., по особому Высочайшему повелѣнію, записка ст.-секр. Валуева передана была изъ сибирскаго комитета въ государственный совѣтъ, такъ какъ въ ней, кромѣ управленія, затрогивался вопросъ о способѣ отбытія наказанія каторжными работами. Между тѣмъ, 12 декабря того же года, новый генераль-губернаторъ восточной Сибири ген.-лейт. Корсаковъ, письмомъ на имя государственнаго секретаря, просилъ пріостановиться докладомъ этого дѣла въ виду того, что ближайшее ознакомленіе командированнаго имъ штабъ-офицера съ нерчинскими заводами „*можетъ* указать на такія обстоятельства, которыя не были предумотрѣны въ проектѣ гр. Муравьева-Амурскаго и *могутъ* потребовать измѣненія въ ономъ“. Ходатайство это было уважено. Въ маѣ 1864 г. Корсаковъ сообщилъ, что въ нерчинскомъ округѣ имъ учреждено временное надъ ссыльными управленіе, собранное матерьялы, указывающіе на необходимость нѣкоторыхъ измѣненій

⁹²⁾ Ст. 107 представленія. Въ заключительной редакціи представленія (ст. 141) было означено, что генераль-губернаторъ по дѣламъ ссыльныхъ дѣйствуетъ черезъ главнаго инспектора, который назначается по соглашенію его съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

въ проектѣ гр. Муравьева, который, по его мнѣнію, слѣдовало подвергнуть новому всестороннему разсмотрѣнію на мѣстѣ, дополнивъ и измѣнивъ на основаніи данныхъ, имѣющихъ быть представленными временнымъ управленіемъ ссыльныхъ. Департаментъ Законовъ журналомъ 1 іюля 1864 г. рѣшилъ выждать предположенія ген.-губ. Корсакова, возвративъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ всѣ внесенныя имъ бумаги.

Въ декабрѣ 1864 г. государственный секретарь получилъ отъ ген.-губ. Корсакова проекты объ управленіи ссыльными восточной Сибири и объ употребленіи въ работу ссыльно-каторжныхъ на золотыхъ промыслахъ нерчинскаго округа, съ утвержденнымъ имъ журналомъ совѣта главнаго управленія въ видѣ объяснительной записки. Совѣтъ на этотъ разъ уже находилъ, что „образование новаго управленія ссыльными на предположенныхъ въ проектѣ гр. Муравьева-Амурскаго основаніяхъ, представило бы на практикѣ много затрудненій и неудобствъ“⁹³).

Нельзя отказать въ критическомъ талантѣ и въ новой постановкѣ вопроса этому журналу⁹⁴). Критическая сторона его, имѣющая своимъ предметомъ сперва дѣйствующее законодательство, затѣмъ предположенія гр. Муравьева и ст.-секр. Валуева, развившія мысли гр. Блудова, наиболѣе цѣнна. Относительно существующаго порядка управленія ссыльными совѣтъ замѣчаетъ, что оно „ни по составу своему, ни по характеру, нисколько не соответствуетъ своему назначенію“. Управленіе это въ высшей степени разрознено. На экспедиціи о ссыльныхъ, при весьма ограниченномъ штатѣ и зависимомъ положеніи, возложено было столь громадное дѣлопроизводство, что вся дѣятельность ихъ должна была обратиться къ канцелярскимъ занятіямъ. Смотрители и ревизоры поселеній, ни по официальному положенію своему, ни по степени развитія, не могли принести существенной пользы классу людей, которыми, они непосредственно завѣдывали. Въ тоже время, *отсутствіе* у экспедицій *всякой самостоятельности* и множество инстанцій, учрежденныхъ для разсмотрѣнія каждаго предположенія о ссыльныхъ, вели къ тому, что „еслибы даже какимъ либо чудомъ канцелярской энергіи и уда-

⁹³) При прежнемъ мнѣніи, остался только д. с. с. Успенскій и товарищъ председателя иркутскаго суда т. с. Милютинъ, на котораго гр. Муравьевымъ возлагались нѣкоторыя работы по составленію проекта 1861 г.

⁹⁴) Журн. Сов. Главн. Управ. вост. Сибири 22 ноября 1864 г. № 18, по IV отдѣленію.

лось экспедиціи удовлетворительно исполнить формальную часть своихъ обязанностей, и лице, завѣдывающее ею, получило бы возможность обратить вниманіе на существо порученнаго ему дѣла, то въ осуществленіи задуманныхъ имъ мѣръ встрѣтились бы затрудненія непреодолимыя, такъ какъ почти ни одна мѣра не могла быть задумана и осуществлена властью самой экспедиціи. “Возлагать какія либо надежды по разрѣшенію вопросовъ ссылки на начальниковъ губерній также едва ли возможно. Этому прежде всего мѣшаетъ разнообразіе и сложность ихъ обязанностей; затѣмъ — меньшая степень власти, предоставленная имъ вслѣдствіе необходимаго сосредоточенія ея въ рукахъ генераль-губернатора; наконецъ и то обстоятельство, что условія страны, въ особенности обширность ея и разбросанность населенія, затрудняютъ скорое ознакомленіе губернаторовъ съ потребностями края и нуждами ссыльныхъ, а, между тѣмъ, начальники губерній восточной Сибири перемѣняются черезъ весьма короткіе промежутки времени. Такъ напр. въ Забайкальской области, со времени учрежденія ея въ 1851 г. по 1864 г. перемѣнилось шесть губернаторовъ, въ иркутской губерніи въ послѣдніе 8 лѣтъ — 4, не считая при этомъ значительныхъ перерывовъ между назначеніями губернаторовъ, когда оба эти края управлялись вице-губернаторами или соотвѣтствующими имъ предсѣдателями губернскаго правленія. При такомъ положеніи дѣлъ, не можетъ быть и рѣчи о какой либо серьезной *отвѣтственности* лицъ, въ вѣдѣніи коихъ находятся ссыльные восточной Сибири, тѣмъ болѣе, что, кромѣ экспедицій и частью казенныхъ палатъ, ни одно мѣсто и лице не имѣетъ даже сколько нибудь точно опредѣленныхъ по этому предмету обязанностей. Экспедиціи же, отягощенныя обширною перепискою, могутъ подлежать отвѣтственности только за неисправность дѣлопроизводства и за отступление отъ установленныхъ формъ и обрядовъ, но отнюдь не за бездѣйствіе по устройству ссыльныхъ.

Таковы недостатки существующаго управленія ссыльныхъ. Инспекція въ смыслѣ гр. Блудова, инспекція преобразовательная, а не управительная, по замѣчанію совѣта, устранить ихъ не можетъ. И при настоящемъ положеніи вещей, генераль-губернаторы имѣютъ подъ рукою лицъ, которыя могли бы составить весьма основательныя и рациональныя предположенія объ устройствѣ быта ссыльныхъ; но въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ практическомъ предиріятіи, успѣхъ зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ способа

исполненія, которое по необходимости было бы возложено на лицъ, непосредственно въ дѣлѣ не заинтересованныхъ. Кромѣ того, главный предметъ при устройствѣ ссыльныхъ все таки составляетъ не принятіе какихъ либо новыхъ и чрезвычайныхъ мѣръ, а преимущественно наблюденіе за тѣмъ, чтобъ постановленныя правительствомъ общія мѣры относительно ссыльныхъ получали надлежащее примѣненіе.

Не могутъ устранить этихъ недостатковъ и предположенія графа Муравьева-Амурскаго. Отдѣленіе главнаго управленія (VIII-е), по мысли его, должно обнять всѣ экспедиціи о ссыльныхъ и равныя имъ мѣста восточной Сибири, унаслѣдовавъ отъ нихъ огромную переписку; это было бы что то похожее на одну общую экспедицію на всю восточную Сибирь, не имѣющую никакого самостоятельнаго значенія въ управленіи ссыльными, съ тою только разницею, что теперь экспедиціи о ссыльныхъ составляютъ отдѣленія губернскихъ правленій, а тогда — отдѣленіе главнаго управленія, въ которомъ должны будутъ производиться дѣла, вовсе не подлежащія производству главнаго управленія. Далѣе, по мнѣнію временнаго комитета по управленію ссылокаторскими нерчинскаго округа, принятому совѣтомъ главнаго управленія и ген.-лейт. Корсаковымъ, проектъ гр. Муравьева не сообщаетъ новому управленію надъ ссыльными никакой самостоятельности и не устанавливаетъ дѣйствительной его отвѣтственности. Главный инспекторъ, какъ членъ совѣта главнаго управленія ⁹⁵⁾, не можетъ имѣть никакого независимаго значенія. Всѣ дѣйствія его и предположенія будутъ утверждаться подписью генераль-губернатора, который и останется единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ въ дѣлѣ управленія ссыльными, что, при многосложности его занятій, совершенно немислимо. Что касается до значенія главнаго инспектора, какъ состоящаго при главномъ начальникѣ края организатора быта ссыльныхъ, то, при крайнемъ обремененіи его текущими дѣлами, онъ не будетъ имѣть ни малѣйшей возможности серьезно заняться этой стороною своихъ обязанностей ⁹⁶⁾. Организациія губернскаго и областного управленія также неудовлетворительна, ибо вслѣдствіе того, что начальники губерній и областей обре-

⁹⁵⁾ Это уже видоизмѣненіе, сдѣланное въ проектѣ гр. Муравьева стать-секретаремъ Валуевымъ.

⁹⁶⁾ Это замѣчаніе также относится болѣе къ проекту ст.-секр. Валуева, чѣмъ гр. Муравьева.

менены другими занятіями, вся тяжесть исполненія разнообразныхъ обязанностей по управленію ссыльными должна лежать на мѣстномъ инспекторѣ, лицѣ совершенно не самостоятельномъ, такъ какъ онъ, по смыслу проекта, есть ничто иное, какъ чиновникъ особыхъ порученій губернатора по дѣламъ о ссыльныхъ; къ этому нужно прибавить, что на него возложено очень много обязанностей и, между прочимъ, исполненіе такихъ дѣйствій, которыя заставляютъ его быть въ постоянныхъ разъѣздахъ, напр. инспектированіе заведеній, гдѣ работаютъ ссыльные, производство важнѣйшихъ слѣдствій и т. под. Инспекторъ нерчинскаго округа имѣетъ по проекту болѣе самостоятельное значеніе, но въ штатѣ его слѣдуетъ прибавить казначея и бухгалтера. О предположеніяхъ по организаціи мѣстнаго управленія совѣтъ главнаго управленія отказался высказать свои соображенія, впредь до указаній опыта, замѣтивъ только, что въ преобразованіи заводской полиціи не представляется надобности, такъ какъ съ предстоящею передачею всѣхъ казенныхъ заводовъ въ частное владѣніе или пользованіе они уже не будутъ мѣстомъ пребыванія ссыльнокаторжныхъ.

Такова критическая часть журнала совѣта главнаго управленія. Что касается организаціонной ея части, то существенныя отличія ея отъ проекта гр. Муравьева-Амурскаго состоятъ въ слѣдующемъ. За генераль-губернаторомъ относительно ссыльныхъ оставлено только „главное вѣдѣніе“ (стр. 1), за начальниками губерній и областей— „право высшаго полицейскаго надзора“ (стр. 6); „завѣдываніе“ же ссыльными сосредоточивается въ лицѣ главнаго инспектора ссыльныхъ (ст. 1), при которомъ состоитъ особое *управленіе* (ст. 2), гдѣ, между прочимъ, сосредоточиваются всѣ дѣла экспедицій, предполагаемыхъ къ упраздненію. Права и обязанности главнаго инспектора „относятся“ во 1-хъ, къ распредѣленію ссыльныхъ, во 2-хъ, къ надзору за ними, въ 3-хъ, къ устройству ихъ быта, и въ 4-хъ, къ надзору за подвѣдомственными ему мѣстами и лицами (ст. 6). Начальники губерній и областей о всѣхъ мѣрахъ, предполагаемыхъ ими въ видахъ устройства ссыльныхъ, входятъ въ сношеніе съ главнымъ инспекторомъ (ст. 5), который всѣ предположенія свои объ улучшеніи быта ссыльныхъ представляетъ на благоусмотрѣніе главнаго начальника края (ст. 14). Главному инспектору, своею властью или съ разрѣшенія генераль-губернатора, относительно ссыльныхъ дурнаго поведенія, противъ ко-

торыхъ оказались недѣйствительными мѣры полицейскаго исправленія, предоставлялось принимать особыя, чрезвычайныя мѣры, какъ-то: отдачу въ общественную или казенную работу на срокъ болѣе или менѣе продолжительный, перечисленіе изъ одного мѣста въ другое, усиленіе строгости содержанія ссыльнокаторжныхъ и продолженіе срока пребыванія ихъ въ работѣ (ст. 11 и 12). Въ распредѣленіи ссыльныхъ, онъ исполняетъ обязанности экспедицій, дѣйствуя черезъ состоящее при немъ управленіе и инспекторовъ (ст. 7), а въ случаѣ сомнѣній и затрудненій сносятся съ мѣстными начальниками губерній или входитъ съ представленіями къ генераль-губернатору (ст. 8). Лично и черезъ посредство подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ, онъ имѣетъ постоянное наблюденіе за соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ закономъ относительно ссыльныхъ правилъ; въ случаѣ неправильностей и упущеній, замѣченныхъ со стороны полиціи, сельскихъ и волостныхъ начальствъ, онъ даетъ имъ надлежащія на основаніи закона указанія; при бездѣйствіи же ихъ, или допущенныхъ ими злоупотребленіяхъ, онъ входитъ въ сношеніе съ начальниками губерній и областей, а о болѣе важныхъ случаяхъ представляетъ генераль-губернатору (ст. 9). Мѣстная полиція, волостныя и сельскія начальства обязаны доставлять всѣ нужныя о ссыльныхъ свѣдѣнія по требованіямъ инспекціи, которой предоставляется также обозрѣвать подлинныя дѣла и повѣрять отчетность о ссыльныхъ (ст. 10). Въ непосредственномъ вѣдѣніи главнаго инспектора находится экономическій поселенческій капиталъ восточной Сибири; онъ входитъ въ положеніе и нужды водворенныхъ здѣсь ссыльныхъ, принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ водворенію ихъ, заботится объ улучшеніи ихъ быта, содѣйствуетъ имъ къ домообзаводству и устройству хозяйства посредствомъ заемобразныхъ и безвозвратныхъ пособій изъ экономическаго капитала, а если размѣръ пособія, на основаніи инструкціи, которая должна быть составлена по соглашенію генераль-губернатора съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, превышаетъ его власть, то онъ входитъ съ представленіемъ къ генераль-губернатору (ст. 13 и 15). Онъ имѣетъ наблюденіе за подчиненными ему лицами, даетъ имъ съ утвержденія генераль-губернатора инструкціи (ст. 16), производитъ ежегодное обозрѣніе мѣстъ поселенія ссыльныхъ и содержанія ссыльнокаторжныхъ, составляетъ ежегодный отчетъ по управленію ссыльными, представляемый генераль-губернатору и (въ спискѣ) министру

(ст. 17); въ главное управленіе ежегодно представляет отчетъ о состояніи поселенческаго капитала (ст. 18) и, кромѣ того, о движеніи дѣлъ по ввѣренному ему управленію представляет генераль-губернатору срочныя вѣдомости на общемъ порядкѣ, установленномъ для сибирскихъ губернскихъ учреждений (ст. 19).

Въ непосредственномъ подчиненіи главнаго инспектора должны были находиться инспекторы губернскіе и областныя съ особыми помощниками по губерніямъ иркутской и енисейской, и состоящее при немъ управленіе. Инспекторы опредѣляются и увольняются генераль-губернаторомъ по представленіямъ главнаго инспектора (ст. 26), состоя въ послѣднему въ прямомъ и непосредственномъ подчиненіи (ст. 20). Исполняя всѣ возлагаемыя на нихъ главнымъ инспекторомъ порученія, они должны оказывать съмысленнымъ полное покровительство, давать по дѣламъ ихъ наставленія, инспектировать заведенія, въ которыхъ работаютъ ссыльные, доводя о замѣченныхъ безпорядкахъ до свѣдѣнія надлежащаго начальства; наблюдать за правильностью препровожденія арестантовъ по этапамъ; входить въ бытъ ссыльныхъ, предупреждать стѣсненія ихъ мѣстными начальствами, представлять главному инспектору о необходимыхъ для ссыльныхъ пособіяхъ и ссудахъ (ст. 21) и, по соглашенію съ мѣстными начальствами, относительно ссыльныхъ неодобрительнаго поведенія принимать различныя мѣры исправленія, предоставленныя имъ на основаніи инструкціи, или входить съ представленіями о томъ къ главному инспектору, въ случаяхъ, власть ихъ превышающихъ (ст. 22). Что касается инспектора нерчинскаго округа, то опредѣленіе его правъ и обязанностей предоставлялось особой инструкціи (ст. 23). Управленіе ссыльныхъ, работавшихъ на казенныхъ заводахъ восточной Сибири (солеваренныхъ, винокуренныхъ и желѣзодѣлательныхъ), оставлялось на прежнемъ основаніи, съ тѣмъ лишь, что чинамъ новаго управленія предоставлялось право наблюденія за порядкомъ содержанія ссыльнокааторжныхъ на этихъ заводахъ и право доводить до свѣдѣнія надлежащихъ начальствъ о замѣченныхъ ими безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ (ст. 24).

Согласно съ мнѣніемъ барона Корфа, принятымъ статсъ-секретаремъ Валуевымъ, совѣтъ главнаго управленія восточной Сибири въ изложенномъ журналѣ останавливался на введеніи проектированнаго имъ управленія не вдругъ, а постепенно. Въ приложенномъ штатѣ временнаго управленія ссыльнокааторжными одного *нерчин-*

скаго округа восточной Сибири ежегодный расходъ вычисленъ въ 22 т. руб.; при инспекторѣ или управляющемъ ссыльными нерчинскаго округа предполагались два чиновника особыхъ порученій и канцелярія; для непосредственнаго завѣдыванія ссыльными—5 тюремныхъ смотрителей и надзиратели. На петровскомъ заводѣ, въ непосредственномъ подчиненіи инспектору нерчинскаго округа, проектировались особый полицеймейстеръ и одинъ смотритель тюрьмы.

Этотъ проектъ былъ представленъ государственному секретарю, какъ значилось въ журналѣ совѣта главнаго управленія, „для приобщенія къ внесенной уже въ государственный совѣтъ запискѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 30 октября 1863 г.“. Но, почти одновременно съ нимъ, къ государственному секретарю поступили отъ ген.-лейт. Корсакова новыя предложенія, въ которыхъ, указывая на измѣнившееся положеніе нерчинскаго края вслѣдствіе присоединенія Амура и постоянно продолжающаго заселенія его, облегчающаго побѣги и затрудняющаго надзоръ за ссыльными, онъ ходатайствовалъ, оставивъ употребленіе ссыльнокаторжныхъ на работу въ видѣ временной мѣры, нынѣ же приступить къ изысканію въ Сибири другихъ мѣстъ содержанія ссыльнокаторжныхъ, которыя соотвѣтствовали бы болѣе условіямъ каторжной работы, чѣмъ Забайкальская область. По мнѣнію его, на будущее время слѣдовало бы сосредоточивать всѣхъ каторжныхъ на заводахъ и рудникахъ внутренней Сибири, напр. въ Алтайскомъ округѣ, гдѣ на долгое время могутъ быть обезпечены занятія преступниковъ.

Въ такомъ положеніи 9 января 1865 г. дѣло это поступило на разсмотрѣніе департамента законовъ, который нашелъ необходимымъ, въ виду новыхъ представленныхъ начальствомъ восточной Сибири предложеній, несходныхъ съ прежними и не бывшихъ въ виду министерствъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и двора, обратить все дѣло къ министру внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ, по сношенію съ надлежащими министерствами и управленіями, внесъ въ государственный совѣтъ окончательныя свои предложенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду неоднократныхъ настояній министра двора, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено выдѣлить вопросъ о передачѣ ссыльнокаторжныхъ нерчинскаго округа изъ горнаго вѣдомства въ гражданское и внести свои предложенія въ государственный совѣтъ, не ожидая окончательнаго устройства быта ссыльныхъ въ Сибири.

Во исполненіе этого порученія и не находя возможнымъ разрѣшить отдѣльно вопросъ о передачѣ ссыльныхъ въ гражданское вѣдомство, статсъ-секретарь Валуевъ 24 іюля 1865 г. внесъ въ государственный совѣтъ новое подробное заключеніе по организаціи ссыльнаго управленія вообще, въ которомъ онъ энергически высказывается противъ предположенія ген. лейт. Корсакова отдѣлить управленіе ссыльными отъ общаго гражданскаго управленія. Однако, и это представленіе не разсматривалось государственнымъ совѣтомъ; по желанію министра, оно было возвращено ему въ 1866 г. для новаго соображенія съ тѣми распоряженіями, которыя послѣдовали по устройству быта сосланныхъ въ Сибирь: политическихъ преступниковъ и учрежденія за ними тамъ, надзора. Въ январѣ 1868 г. поступило, уже подписанное премьерникомъ гр. Валуева, новое представленіе (отъ 31 дек. 1867 № 13356), которое по вопросу объ организаціи ссыльнаго управленія весьма близко къ первому: измѣненія состояли только въ томъ, что экспедиціи о ссыльныхъ даже по восточной Сибири предполагалось сохранить, для предупрежденія излишняго обремененія инспекторовъ, а штаты нѣсколько увеличены: по Западной Сибири — 9 т., а по восточной Сибири — 41¼ т., вѣсто предполагавшихся прежде 34½ т. ежегодно. Въ этомъ представленіи, какъ и въ первомъ, кромѣ вопроса объ управленіи, были затронуты вопросы о производствѣ ссыльнокаторжными работъ на золотыхъ промыслахъ и другихъ заводахъ Нерчинскаго округа, а также о содержаніи каторжныхъ, призрѣніи ихъ и водвореніи; расходы по содержанію, призрѣнію и водворенію каторжныхъ предполагалось обратить на государственный земскій сборъ. Противъ этого послѣдняго положенія выступилъ министръ финансовъ, статсъ-секретарь Рейтернъ. Хотя возраженія его не имѣли никакого отношенія къ вопросу объ организаціи управленія ссыльными, но государственный совѣтъ, выслушавъ дѣло въ засѣданіи 24 февраля 1868 г., призналъ необходимымъ имѣть въ виду еще нѣкоторыя дополнителныя по нему свѣдѣнія и соображенія, и потому снова постановилъ: возвратитъ министру внутреннихъ дѣлъ его представленія, предоставивъ ему, по собраніи этихъ свѣдѣній и по сношеніи съ министрами двора и финансовъ, внести дѣло вновь въ государственный совѣтъ со своимъ заключеніемъ.

Но чаша была переполнена. Проектъ гр. Муравьева былъ остановленъ смѣною генераль-губернатора. На этотъ разъ смѣ-

нился министр внутренних дѣлъ, постъ заняло другое лицо. Имѣвшее на вопросъ иные взгляды, и общее представленіе о реформѣ ссыльнаго управленія въ Сибири болѣе въ государственнѣйшій совѣтъ не вносилось.

Статсъ-секретарь Валуевъ, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, несмотря на предоставленное ему государственнымъ совѣтомъ право выдѣлить вопросъ о передачѣ ссыльноваторскихъ нерчинскаго округа въ гражданское вѣдомство изъ общаго дѣла объ устройствѣ быта ссыльныхъ, неоднократно высказывался, что онъ находитъ невозможнымъ такое выдѣленіе, потому что для принятія нерчинскихъ преступниковъ въ гражданское вѣдомство необходимо прежде всего устроить на прочныхъ основаніяхъ управленіе ссыльными въ Сибири ⁹⁷⁾. Преемнику его, въ виду прежнихъ примѣровъ и продолжавшихся настояній министра двора, пришлось поступить иначе, ограничившись исключительно удовлетвореніемъ ближайшихъ требованій министерства двора. Внесенное имъ представленіе разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ въ январѣ и февралѣ 1869 г.; 10 марта мѣніе общаго собранія Высочайше утверждено, ссыльноваторские нерчинскихъ и петровскаго завода переданы въ гражданское вѣдомство, съ учрежденіемъ, впродолженіе до общаго преобразованія устройства ссыльныхъ въ Сибири, *временнаго* надъ ними управленія, въ непосредственномъ вѣдѣніи губернатора Забайкальской области. Начальникомъ ссыльноваторскихъ нерчинскихъ заводовъ назначенъ управляющій, „преимущественно изъ военныхъ“; при немъ учреждены чиновникъ особыхъ порученій, дѣлопроизводитель, казначей, 2 старшихъ и 2 младшихъ тюремныхъ смотрителя, смотритель цеховъ, смотритель богадѣльни и 20 тюремныхъ надзирателей. На петровскомъ заводѣ, въ подчиненіи управляющему, назначенъ особый полицеймейстеръ, 1 смотритель тюрьмы и 5 приставниковъ. Ссыльноваторские продолжаютъ нести работы на золотыхъ промыслахъ, рудникахъ и заводахъ кабинета, причемъ горное начальство руководить работами только въ отношеніи техническомъ. За трудъ ихъ горное вѣдомство производитъ особую плату, предпочтительно задѣльную, изъ которой часть отчисляется въ пользу каторжныхъ, для поощренія ихъ ⁹⁸⁾. Въ этихъ подробностяхъ видны слѣды проекта гр. Муравьева.

Въ томъ же 1869 г. была принята извѣстная мѣра о цен-

⁹⁷⁾ Отношеніе его къ министру двора отъ 2 ноября 1865 г. № 8854.

⁹⁸⁾ Арх. гос. сов. 1869. № 2.

тральныхъ тюрьмахъ въ Имперіи и начались въ широкихъ размѣрахъ попытки штрафной колонизаціи Сахалина. При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ образованъ особый комитетъ, которому поручено разработать вопросъ объ устройствѣ быта ссыльнокаторжныхъ и управленія ими. На Сахалинѣ образовано особое управленіе, въ подчиненіи начальника Приморской области и на началахъ, близкихъ съ тѣми, которыя приняты для нерчинскаго округа ⁹⁹).

VII.

Критика и выводы.

Представленное выше изложеніе различныхъ предположеній о реформѣ ссыльнаго управленія показываютъ, что вопросъ этотъ достаточно уже созрѣлъ и въ официальныхъ сферахъ господствуетъ полное единодушіе относительно необходимости вывести управленіе ссыльными изъ того безотраднaго положенія, въ которомъ оно находится въ настоящее время.

Нельзя не согласиться вполне съ замѣчаніемъ совѣта главнаго управленія Восточной Сибири, что существующее нынѣ управленіе ссыльными ни по составу своему, ни по характеру, нисколько не соотвѣтствуетъ своему назначенію ¹⁰⁰). Оно не имѣетъ на мѣстѣ общаго центра и представляется агрегатомъ разрозненныхъ органовъ, не имѣющихъ другъ съ другомъ никакой связи. Органы эти или обременены массою другихъ занятій, или лишены всякой самостоятельности. Формальная, канцелярская сторона закрываетъ совершенно существо дѣла, для служенія которому нѣтъ на мѣстѣ ни достаточныхъ знаній, ни достаточныхъ средствъ. Центръ не помогаетъ сибирской окраинѣ, какъ это было въ московскій періодъ, и если справедливо замѣчаніе гр. Киселева, что правильному развитію нашего ссыльнаго вопроса мѣшали постоянныя несогласія генералъ-губернаторовъ между собою, то не менѣе справедливо, что этотъ вопросъ тормозился и центральными непорядками. Приведенная выше

⁹⁹) См. тщательную работу г. *Тамберга*, Вѣст. Евр. 1879 г. № 5.

¹⁰⁰) Журн. сов. гл. управ. Восточной Сибири 22 ноября 1864 г. № 18, по IV отдѣленію.

исторія дѣла о реформѣ ссыльнаго управленія служить разительнымъ тому доказательствомъ.

Положеніе вещей нисколько не измѣнилось за послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Въ это время образовано нѣсколько новыхъ органовъ ссыльнаго управленія, каковы напр. управленіе нерчинское, сахалинское. Но всѣ они имѣютъ характеръ случайный, всѣ они, по признанію самого правительства, устроены лишь въ качествѣ мѣръ временныхъ, еще болѣе испестрившихъ картину ссыльнаго управленія, и безъ того чрезвычайно пеструю.

Средь нами пять проектовъ новой организаціи ссыльнаго управленія, которые могутъ быть сведены къ тремъ типамъ. Проектъ гр. Блудова образуетъ первый типъ. Онъ носитъ еще переходный характеръ. Существующіе органы ссыльнаго управленія остаются на прежнемъ основаніи; отдѣльно отъ нихъ проектируется преобразовательная должность главнаго инспектора, который въ дѣла текущей администраціи не вмѣшивается. Другой типъ данъ проектомъ гр. Муравьева-Амурскаго; здѣсь уже рекомендуется новое управленіе не только созерцательное, но полное дѣятельности; но оно неразрывно связано съ общимъ гражданскимъ управленіемъ, представляемымъ генералъ-губернаторами и начальниками губерній и областей. Наконецъ, третій типъ указанъ проектомъ ген.-лейт. Корсакова; устанавливая, подобно проекту гр. Муравьева, новое управленіе не для преобразованій, а главнымъ образомъ для текущихъ дѣлъ, этотъ проектъ пошелъ еще дальше; онъ желаетъ совершенно специализировать ссыльное управленіе, поставить его самостоятельно и независимо отъ общаго гражданского управленія и связать его непосредственно съ центромъ. Два остальные затѣмъ проекта, изложенные нами, представляютъ лишь модификаціи этихъ основныхъ типовъ, которыя можно разнообразить до безконечности.

Въ послѣднее время, вслѣдствіе образованія въ имперіи главнаго тюремнаго управленія, указанъ еще одинъ новый типъ управленія ссыльными; примѣнительно къ ссылкѣ, его можно представить себѣ въ трехъ различныхъ видоизмѣненіяхъ, а именно: 1) или такъ, что управленіе ссыльными будетъ возложено на образованное уже главное тюремное управленіе, находящееся въ Петербургѣ, или 2) параллельно съ нимъ, въ Петербургѣ-же, можетъ быть открыто главное управленіе ссылки, или 3) этому вѣдомству можетъ быть назначено мѣстопробываніе въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ, съ распространеніемъ его компетенціи

на оба генераль-губернаторства и съ сообщеніемъ ему власти департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, причеъ главно-управляющему могли бы быть сообщены права директора департамента или даже товарища министра.

Таковы, подлѣ существующаго порядка вещей, различныя возможныя комбинаціи ссыльнаго управленія. Для опредѣленія достоинствъ или недостатковъ каждой изъ нихъ, необходимо отдать себѣ ясный отчетъ, въ какихъ условіяхъ придется дѣйствовать нашему ссыльному управленію, какія оно должно преслѣдовать задачи и какими мѣрами можетъ быть обеспечено наиболѣе успѣшное ихъ достиженіе?

Скажемъ прежде всего объ условіяхъ, ожидающихъ новое ссыльное управленіе, объ обстановкѣ, среди которой ему придется дѣйствовать, о тѣхъ различныхъ элементахъ, съ которыми оно встрѣтится на своемъ пути ¹⁰¹⁾.

При обзорѣни изложенныхъ выше официальныхъ предположеній о реформѣ ссыльнаго управленія, вниманіе читателя не могло не поразить слѣдующее обстоятельство. Предположенія эти шли отдѣльно для Сибири западной и восточной. Даже въ редакціи ст.-секр Валуева, они не сведены къ одному знаменателю и различаются между собою въ существенныхъ чертахъ. По мнѣнію начальства западной Сибири, экспедиціи должны были сохраниться, главный инспекторъ проектировался въ видѣ инспектора о ссыльныхъ, свободный отъ занятій по перопискѣ о ссыльныхъ и обязанный заботиться о лучшемъ ихъ устройствѣ, черезъ изысканіе средствъ къ прочному ихъ водворенію и нравственному ихъ возрожденію. Въ подчиненіи ему проектировались помощники и представители въ окружныхъ управленіяхъ, для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о ходѣ устройства поселенцевъ и предупрежденія неправильныхъ дѣйствій мѣстныхъ начальствъ относительно ссыльныхъ. При каждомъ волостномъ правленіи требовался поселенческій староста, на правахъ волостнаго засѣдателя, а въ каждомъ округѣ специальное наблюденіе за поселенцами и забота о нихъ должна была быть возложена на смотрителя поселеній, подчиненнаго земскому исправнику. Эта организація носитъ характеръ сельско-хозяйственный и, притомъ,

¹⁰¹⁾ Авторъ имѣетъ въ виду дѣйствующее законодательство, такъ какъ реформа его, предложенная многими комиссіями, по всей видимости отодвигается далѣе и далѣе.

попечительный. Предположенія начальства восточной Сибири носят иной характеръ, если такъ можно выразиться, фабрично-карательный. Во главѣ системы управленія ставится лице съ огромною властью, съ широкою инициативою, съ разнообразнымъ кругомъ дѣйствія, специально знакомое съ интересами и нуждами завѣдываемаго дѣла. Въ непосредственномъ подчиненіи ему проектируется обширный штатъ служащихъ, завѣдующихъ ссылными во всѣхъ отношеніяхъ. Общему начальству по отношенію къ ссылнымъ предоставляется лишь весьма тѣсная власть; напротивъ, въ нѣкоторыхъ районахъ интересы ссылки до того покрываютъ интересы мѣстнаго населенія, что даже свободное населеніе подчиняется ссылкеному управленію. Главнѣйшая забота его — дисциплина, а потомъ уже — благосостояніе ссылныхъ какъ результатъ достигнутой дисциплины.

Повидимому, это различіе объясняется тѣмъ исключительно, что предположенія по западной и восточной Сибири представлялись различными начальствами: но не трудно открыть болѣе глубокую и болѣе правильную причину его, чѣмъ различіе личныхъ мнѣній.

Въ отношеніи къ контингенту ссылныхъ, западная Сибирь нашихъ дней не имѣетъ ничего общаго съ восточною. Это различіе ведетъ свое начало съ закона 18. мая 1859 г., послѣ котораго, а отчасти и вслѣдствіе неисполненія котораго и передачи всѣхъ бывшихъ въ западной Сибири казенныхъ заводовъ въ частныя руки, эта часть Сибири почти совершенно перестала быть мѣстомъ штрафной колонизаціи. Нынѣ всѣ осужденные въ каторжныя работы ¹⁰²⁾ и ссылку на поселеніе, а также осужденные за бродяжничество, высылаются въ восточную Сибирь; сюда же должны быть направляемы тѣ осужденные въ ссылку на житье, которые изъявляютъ на то желаніе. Наконецъ, и для такъ называемыхъ водворяемыхъ рабочихъ, мѣстомъ ссылки является по преимуществу восточная Сибирь. Затѣмъ для Сибири западной остаются: 1) высылаемые по приговорамъ обществъ, 2) высылаемые по непосредственному усмотрѣнію администраціи и 3) тѣ изъ осужденныхъ въ ссылку на житье въ губерніяхъ западной Сибири, которые не пожелаютъ поселиться въ Сибирь восточной. Характеристическая черта всѣхъ этихъ категорій

¹⁰²⁾ Кромѣ временно пребывающихъ въ центральныхъ каторжныхъ тюрьмахъ имперіи по закону 1869 г.

лицъ состоитъ въ томъ, что для всѣхъ ихъ дѣйствіе ссылки ограничивается единственно переселеніемъ и, лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, установленіемъ полицейскаго надзора; они тотчасъ по прибытіи въ Сибирь поступаютъ въ среду мѣстныхъ обществъ и занимаютъ положеніе, почти одинаковое съ положеніемъ лицъ свободнаго населенія, ограничиваясь только въ правѣ передвиженія. Для нихъ нѣтъ никакой надобности, мало того — нѣтъ никакого юридическаго основанія, создавать особое управленіе по образцу карательнаго управленія для ссыльныхъ восточной Сибири. Конечно, правительство можетъ и должно поставить себѣ задачей обезпечить ихъ благосостояніе, содѣйствовать ихъ водворенію, доставить имъ средства къ домообзаводству и, въ случаѣ нужды, учредить для достиженія этой цѣли особые органы. Но эти органы не будутъ органами управленія штрафной колонизаціи, которую мы имѣемъ въ виду, и должны преслѣдовать единственно цѣли благосостоянія. Задача эта значительно облегчилась съ распространеніемъ въ истекшемъ году на западную Сибирь дѣйствія общаго крестьянскаго положенія.

Такимъ образомъ, въ учрежденіи особаго ссыльнаго управленія для западной Сибири нынѣ утратилась всякая надобность. Остается Сибирь восточная, гдѣ оно существенно необходимо.

Здѣсь сосредоточиваются почти всѣ виды ссылки штрафной, требующей, кромѣ общихъ административныхъ заботъ, еще и карательнаго ухода. Между этими видами, въ свою очередь, существуютъ различія, основаніе которыхъ лежитъ именно въ карательной сторонѣ каждаго. Табъ, ссыльнокаторжные производятъ обязательныя работы и содержатся на положеніи, для нихъ установленномъ; положеніе это весьма близко къ тюремному, а во многихъ случаяхъ тюремный порядокъ соблюдается со всею строгостью, съ тѣмъ только, что работы производятся почти всегда на открытомъ воздухѣ, но подъ постояннымъ надзоромъ. Потому для людей этого класса управленіе должно быть организовано по образцу тюремному; но оно должно имѣть въ виду дальнѣйшую ихъ судьбу, которую законъ отличаетъ отъ положенія, ожидающаго обыкновенныхъ арестантовъ по освобожденіи изъ тюремъ. Послѣдніе поступаютъ въ состояніе полной свободы, верѣдко—въ ту же общественную среду, въ которой находились до заключенія, и вольны избирать себѣ мѣсто жительства, образъ жизни и средства существованія; государственная дѣятельность съ исполненіемъ наказанія по отношенію къ нимъ закон-

чена, поддержки и помощи они могут ожидать только от патроната. Совершенно иное положеніе каторжныхъ, окончившихъ срокъ работъ; съ прекращеніемъ ихъ еще не прекращается наказаніе; они поступаютъ не въ среду свободнаго общества, а въ карательное состояніе поселенцевъ; къ этому состоянію они должны быть подготовлены своимъ управленіемъ, на обязанности котораго лежитъ облегченіе имъ дѣйствительнаго водворенія. Намъ и въ литературѣ, и въ официальныхъ бумагахъ приходилось иногда встрѣчать мнѣніе, что дѣло водворенія поселенцевъ можетъ быть значительно облегчено патронатомъ и что развитіе его въ Сибири должно быть поощряемо всѣми мѣрами. Не отрицая, что частная благотворительность можетъ принести огромную пользу и въ ссылкѣ, напр. для дѣтей ссыльноваторжныхъ и ссыльно поселенцевъ, для пріисканія ссыльнымъ занятій и доставленія средствъ къ домообзаводству, мы далеки однако отъ мнѣнія, что на патронатъ можно возложить всю заботу или даже сколько нибудь значительную часть прямой заботы по поселенію ссыльныхъ. Во первыхъ, рассчитывать на скорое появленіе и прочное развитіе его въ Сибири было бы полнѣйшею иллюзіею. Во вторыхъ, и самое главное, дѣло поселенія, подготовляющее водвореніе, есть продолженіе исполненія наказанія, и въ такомъ своемъ качествѣ должно находиться въ рукахъ власти государственной, а не въ вѣдѣніи частныхъ лицъ ¹⁰³).

Кромѣ карательной стороны, поселеніе имѣетъ и другую, социальную-экономическую. Оно составляетъ подготовительную ступень къ „дѣйствительному водворенію“, т. е. къ переходу ссыльныхъ въ среду свободнаго общества, подѣ дѣйствіе общихъ законовъ и во власть общаго гражданскаго управленія, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями. Для ссыльно каторжныхъ это — вторая ступень, для ссыльно поселенцевъ — первая. Такъ какъ имъ готовится окончательное водвореніе, то къ нему не можетъ имѣть приложенія порядокъ тюремнаго быта во всей его строгости, не цѣлесообразно и рѣзкое раздѣленіе управленія для ссыльно поселенцевъ и людей свободныхъ, съ которыми они жи-

¹⁰³) Словами, приведенными въ текстѣ, авторъ не желаетъ, однако, защищать положеніе, будто-бы карательное поселеніе должно быть регламентировано со всею точностью и для всѣхъ одинаково, на подобіе тюремнаго быта. Опытъ доказалъ, напротивъ, что чѣмъ болѣе инициативы будетъ предоставлено самимъ ссыльнымъ (въ выборѣ мѣстъ, въ пріисканіи промысловъ и т. под.), тѣмъ болѣе обезпеченъ успѣхъ поселенія. Но надзоръ за нимъ во всякомъ случаѣ необходимъ и онъ можетъ принадлежать только власти государственной.

вуть совмѣстно, ибо въ противномъ случаѣ можетъ затрудниться столь желаемый законодательствомъ успѣхъ сліянія. Однако, на общее управление не можетъ быть всецѣло возложена забота за вѣдыванія ссыльно—поселенцами; нѣкоторыя стороны ея, свойства пенитенціарнаго, требуютъ ближайшаго участія специалистовъ.

Осужденные за бродяжничество подлежатъ тому же порядку, какъ и ссыльно-поселенцы. Это самый трудный для управленія элементъ. Привычка къ кочевой жизни, постоянное пребываніе въ условіи гражданскаго общества, и во многихъ случаяхъ длинный списокъ необнаруженныхъ преступленій, требуютъ здѣсь болѣе энергическій надзоръ и болѣе строгую дисциплину.

Задачи ссыльнаго управленія ясны уже изъ того, съ какими элементами ему приходится имѣть дѣло. Онѣ представляютъ соединеніе задачъ пенитенціарныхъ съ административными. Забота объ исполненіи карательнаго закона, о сліяніи ссыльныхъ со свободнымъ населеніемъ и объ устройствѣ ихъ быта — такова программа управленія ссыльныхъ. Ее прекрасно выразилъ проектъ гр. Муравьева, и мы думаемъ, вопреки возраженіямъ, сдѣланымъ гр. Корфомъ, что опредѣленіе этого проекта было бы весьма умѣстно въ законѣ. Власть, дѣйствующая въ такой отдаленности отъ центра, какъ восточная сибирская окраина, должна пользоваться извѣстною самостоятельностью. Согласовать такую самостоятельность съ подзаконностью невозможно указаніемъ отдѣльныхъ *случаевъ*, разрѣшеніе которыхъ предоставляется ей умотрѣнію, во-первыхъ, потому, что нельзя напередъ предусмотрѣть всѣ случаи, въ которыхъ ей долженъ быть предоставленъ просторъ дѣйствія, а во-вторыхъ, — и потому, что такими указаніями можно пользоваться въ явный обходъ цѣли, которая имѣлась въ виду законодателемъ. Гораздо правильнѣе со всею точностью опредѣлить ту *задачу*, достиженіе которой возлагается на управление и въ предѣлахъ которой легко найти мѣру его дѣйствительной отвѣтственности. Такъ поступала Англія въ практикѣ австралійской ссылки, такъ начинаетъ теперь поступать Франція, и этотъ образъ дѣйствій принести хорошіе плоды.

Что касается затѣмъ мѣръ, обеспечивающихъ успѣхъ достиженія указанныхъ закономъ задачъ, то, въ виду двойственности этихъ задачъ, и самыя мѣры носятъ двоякій характеръ. Ссыльное управленіе должно быть хорошимъ пенитенціарнымъ начальствомъ, компетентнымъ въ дѣятельности карательнаго воспитанія, и въ тоже время должно обладать въ широкихъ размѣрахъ

административными качествами. Если публичность и гласность необходимы для общей администраціи, то еще болѣе онѣ необходимы для ссыльнаго управленія. Въ то же время ему необходимо предоставить значительную долю самостоятельности, не только потому, что ссыльная территория лежитъ далеко отъ центра, но и потому, главнымъ образомъ, что центръ склоненъ, обращая исключительное вниманіе на карательную сторону ссылки, забывать другую не менѣ важную ея сторону, социально-экономическую, которая съ полною рельефностью выступаетъ только передъ глазами мѣстнаго начальства. Въ существѣ пенитенціарной дѣятельности ссыльнаго управленія лежитъ также необходимость предоставить ему болѣе широкую степень власти относительно надзора за ссыльными и принятія мѣръ исправленія, чѣмъ та, которая присвоивается общей администраціи. Но, въ свою очередь, эта именно сторона его дѣятельности требуетъ и болѣе близкой, болѣе непосредственной связи его съ центромъ.

Изъ сказаннаго видно уже, что то созерцательное управленіе, которое было предложено гр. Влудовымъ, не выдерживаетъ критики. По справедливому замѣчанію совѣта главнаго управленія восточной Сибири, главный предметъ, при устройствѣ ссыльныхъ составляетъ не начертаніе предположеній о мѣрахъ новыхъ и чрезвычайныхъ, а преимущественно наблюденіе затѣмъ, чтобы поставленныя правительствомъ общія мѣры относительно ссыльныхъ получали надлежащее примѣненіе. Проектъ гр. Влудова обнаруживаетъ хорошій кабинетный умъ и мастерское перо, но въ немъ нѣтъ практическаго взгляда на дѣло.

Предположенія ген.-лейт. Гасфорга, сходныя съ проектомъ гр. Влудова, можно оставить въ сторонѣ и потому еще, что, какъ замѣчено выше, западная Сибирь нынѣ вовсе не нуждается въ особомъ ссыльномъ управленіи, такъ какъ она перестала быть мѣстомъ штрафной колонизаціи. Для содѣйствія же успѣхамъ водворенія пересыльныхъ, сюда поступающихъ, могутъ быть учреждены новые органы въ составѣ мѣстной администраціи, въ замѣнъ экспедицій о ссыльныхъ, которыя для людей этихъ категорій представляются совершенно неумѣстными и ведутъ лишь къ смѣшенію понятій. Новые органы, въ которыхъ нуждается западная Сибирь, должны быть органами попечительства о пересыльныхъ и полицейскаго за ними надзора, а не органами кары. Потому же и приказъ о ссыльныхъ нынѣ сослужилъ уже свою службу и утратилъ всякое значеніе. Дальнѣйшее существованіе

его, особенно въ западной Сибири, является анахронизмомъ. Переноска, счетъ и распредѣленіе пересылаемыхъ въ порядкѣ административномъ можно съ удобствомъ сосредоточить въ главномъ управленіи западной Сибири, присоединивъ эти обязанности къ функціямъ того отдѣленія или къ вѣдомству того лица, которому будетъ поручено попеченіе о водвореніи ихъ. Это вѣдомство или отдѣленіе не будетъ затруднено прибавленіемъ къ обязанностямъ его и дѣлъ о сосланныхъ въ западную Сибирь по суду на *житье*, такъ какъ число ихъ ничтожно. Что же касается дѣлопроизводства и распредѣленія ссыльныхъ другихъ категорій, то обязанности эти во всякомъ случаѣ должны быть перенесены изъ Сибири западной въ восточную. Уже однимъ такимъ перенесеніемъ, — независимо отъ вопроса о томъ вѣдомствѣ, которому задачи эти будутъ поручены, — въ значительной степени обеспечивается большая правильность и полнота въ счетѣ ссыльныхъ и болѣе цѣлесообразности въ распредѣленіи ихъ, такъ какъ вѣдомство, завѣдывающее этими функціями, будетъ ближе къ мѣсту пребыванія ссыльныхъ и въ болѣе непосредственной связи съ мѣстными начальствами, управляющими ими. Затѣмъ общая статистика ссыльныхъ, стекаясь изъ Сибири западной и восточной, можетъ быть сосредоточена въ рукахъ центрального органа.

Сомнѣніе могутъ представить только вопросы о передвиженіи и о ссыльныхъ дряхлыхъ и неспособныхъ. Конечно, завѣдывающее въ восточной Сибири вѣдомство не можетъ принять на себя завѣдываніе *пересылкою* въ предѣлахъ Сибири западной; но и нѣмѣ сибирскія начальства не принимаютъ никакого участія въ передвиженіи ссыльныхъ по мѣстностямъ европейской Россіи, такъ что распространеніе этого общаго порядка на западную Сибирь не представитъ никакихъ затрудненій для вѣдомства, находящагося въ восточной Сибири. Что касается затѣмъ ссыльныхъ *дряхлахъ и неспособныхъ*, то эта категорія людей составляетъ едва-ли не самую большую сторону всей нашей депортаціонной системы; огромное число ихъ безъ всякой пользы направляется въ сибирскіе предѣлы, обременяя собою и мѣстное населеніе, и мѣстное начальство, которое вынуждается по отношенію къ нимъ превращать вопросъ наказанія и водворенія въ вопросъ богадѣленъ и больницъ. Но если нѣтъ основанія обременять ими восточную Сибирь, то равнымъ образомъ было-бы неправильно принять нѣніе гр. Муравьева-Амурскаго, полагавшаго сосредоточивать ихъ въ Сибири западной. Смыслу управленію будетъ достаточно заботы

и съ тѣми ссыльными, которые заболѣютъ и сдѣлаются неспособными въ работамъ на мѣстѣ, такъ что и въ финансовыхъ интересахъ государства, и въ экономическихъ интересахъ сибирскаго населенія, и для облегченія управленія, преступники дряхлые и неспособные въ работамъ уже въ моментъ приведенія приговора въ исполненіе должны быть оставляемы въ Имперіи, гдѣ— подобно тому, какъ дѣлается въ государствахъ западныхъ— ихъ можно бы сосредоточить въ какихъ нибудь центральныхъ пунктахъ, доставивъ, по мѣрѣ возможности, и соответствующія для нихъ работы. Волѣзненное же состояніе этихъ людей можетъ служить достаточной порукой, что ими не будетъ нарушена внутренняя безопасность Имперіи.

Переходя затѣмъ къ предположеніямъ объ организаціи ссыльнаго управленія въ восточной Сибири, мы прежде всего должны отдать дань уваженія проекту гр. Муравьева-Амурскаго, который послужилъ исходною точкою для всѣхъ остальныхъ.

На этомъ проектѣ лежитъ печать внимательнаго знакомства съ дѣломъ, правильнаго пониманія его и организаторскаго таланта. Огромное достоинство его состоитъ какъ въ томъ, что онъ впервые указалъ и съ замѣчательною точностію выразилъ вѣрныя задачи ссыльнаго управленія, такъ и въ томъ, что сфера самостоятельнаго дѣйствія, потребованная имъ для управленія, завѣдывающаго ссыльными, очерчена здѣсь мастерскою рукою и въ высшей степени правильно. Мы глубоко убѣждены, что главное мѣстное управленіе ссылки, въ чьихъ-бы рукахъ оно ни находилось, можетъ успѣшно дѣйствовать тогда только, если ему будетъ предоставлено, „неотвѣтныя мѣстныя управленія, снабжать ихъ надлежащими наставленіями и инструкціями, избирать и утверждать должностныхъ лицъ для завѣдыванія ссыльными (и даже создавать самыя должности, по мѣрѣ ихъ нужды), инспектировать тюрьмы и другія хозяйственныя заведенія, пресѣкать безпорядки и злоупотребленія, изыскивать и предписывать все, что можетъ способствовать къ улучшенію и упорядоченію быта ссыльныхъ, получать отъ подлежащихъ начальствъ свѣдѣнія о положеніи ссыльныхъ и представлять ежегодно всеподданнѣйшіе отчеты о ссылкѣ (которые, прибавимъ, должны быть опубликованы), съ своими соображеніями“. Въ рукахъ его должна также находиться сильная власть по наблюденію за дѣйствіями ссыльныхъ, такъ, чтобы оно имѣло возможность, избѣгая излишней регламентаціи, руководить однако всѣмъ ихъ бытомъ

и давать каждому соответствующее назначеніе смотря по его способностямъ и силамъ. Несмотря на энергическія возраженія гр. Панина, мы думаемъ, что главное мѣстное управленіе сельными не можетъ, безъ вреда для ссылки, обойтись и безъ потребованнаго для него гр. Муравьевымъ-Амурскимъ права „дѣлать“ распоряженія объ употребленіи въ работы и о назначеніи на „поселеніе, не стѣсняясь судебными приговорами, а также измѣнять родъ ссылки“ и сокращать срокъ установленныхъ приговоромъ работъ, условно или безусловно, во вниманіе къ хорошему поведенію. Возраженія гр. Панина основываются на выраженіи не вполне умѣстномъ „не стѣсняясь судебными приговорами“, которое встрѣчается въ проектѣ гр. Муравьева. Бывшій представитель министерства юстиціи правильно замѣтилъ, что „произвольныя распоряженія администраціи о замѣнѣ ка-торжныхъ работъ поселеніемъ, и обратно, не могутъ быть допущены и находились бы въ прямомъ противорѣчій съ основными началами уложенія о наказаніяхъ о замѣнѣ однихъ наказаній другими“. Но мысль гр. Муравьева состояла собственно не въ томъ, чтобы предоставить сибирской администраціи право измѣнять судебные приговоры, а въ томъ, чтобы въ законодательномъ порядкѣ было отмѣнено весьма стѣснительное для мѣстной администраціи дробленіе наказанія ссылкой на множество подраздѣленій, какъ-то: работа въ рудникахъ, въ крѣпостяхъ и на заводахъ, а затѣмъ еще особня не каторжныя работы и простое поселеніе. Это правило закона на практикѣ оказывалось въ высшей степени стѣснительнымъ, такъ какъ сибирское начальство, связанное опредѣленіями судебныхъ мѣстъ о назначеніи ссылныхъ въ опредѣленные работы, не имѣло затѣмъ возможности сообразовать выборъ работъ съ личными условіями каждаго и не было въ состояніи направлять рабочихъ, за избыткомъ, изъ одного мѣста въ другое, гдѣ въ нихъ чувствовался недостатокъ. Въ подобномъ затруднительномъ положеніи нигдѣ не находилось ссылное управленіе. Мы видѣли, напротивъ, что напр. въ австралійской ссылкѣ отъ усмотрѣнія органовъ ссылнаго управленія, притомъ далеко не высшихъ, зависѣло или направить ссылнаго по прибытіи его въ какія либо общественныя работы, или немедленно разрѣшить ему приписаться къ одному изъ колонистовъ. Мы видѣли, далѣе, что въ московскій періодъ нашей ссылки воеводы располагали правомъ употреблять ссылныхъ въ такое дѣло, въ какое приго-

дятся. Если существуетъ наказаніе ссылкой, то законъ уголовный долженъ знать его какъ наказаніе единое, опредѣливъ только юридическое положеніе ссылныхъ; что же касается опредѣленій о родѣ работъ, о способахъ водворенія ссылныхъ и т. под., то они должны быть цѣликомъ предоставлены распоряженіямъ высшей ссылочной администраціи.

Этотъ объемъ власти можно признать достаточнымъ для управленія тою формою ссылки, которая извѣстна Сибири въ настоящее время. Но такая форма едва ли долго продержится. Какъ ни рѣдко населеніе Сибири, оно уже начинаетъ громко жаловаться на постоянный огромный приливъ ссылныхъ. Интересы высшей государственной политики требуютъ, чтобъ въ Сибири штрафная колонизація постепенно смѣнялась свободнымъ переселеніемъ, организація котораго должна быть взята въ твердыя руки высшаго правительства. Но въ то-же время наше тюремное дѣло еще такъ молодо и такъ мало еще шансовъ на прочную и удовлетворительную поставку его въ недалекомъ будущемъ, а наши азійскія окраины, преимущественно въ мѣстностяхъ вновь присоединенныхъ, еще такъ мало обезпечены въ отношеніи военномъ и такъ бѣдны русскимъ элементомъ, что мы не можемъ обойтись безъ ссылки еще очень долгое время. Каждый ссылный — будетъ ли то ссылкаемый по суду, или въ порядкѣ административномъ, — лежащійся теперь такимъ тяжелымъ бременемъ на сибирское населеніе и мѣстное начальство, будетъ драгоценнымъ приобретеніемъ для государства, если онъ, послѣ нѣкотораго подготовленія, ухода и испытанія въ Сибири или въ другомъ мѣстѣ, послужитъ для расширенія предѣловъ русскаго владычества и постепеннаго занятія для будущей цивилизаціи пространствъ, на которыхъ сидятъ теперь различныя племена азійскія. Мы не думаемъ — и факты послѣднато времени краснорѣчиво говорятъ въ нашу пользу, — чтобы мудрые планы московской политики постепеннаго занятія путемъ принудительной колонизаціи уже отжили свое время; мы не раздѣляемъ, помня факты русской исторіи, и высказываемаго нерѣдко опасенія побѣговъ со стороны ссылныхъ, поселенныхъ близъ границъ. Московскую политику ссылки дискредитировали только черезчуръ обширныя и послѣшныя планы 1799, 1803 и 1806 годовъ; но даже не смотря на то, что планы эти были слишкомъ мало обдуманы и слишкомъ быстро приведены въ исполненіе, они принесли огромную пользу. Забайкалье заселилось, восточное побережье Сибири стало

русскимъ не только по имени, Амуръ приобрѣтенъ почти шутя. Не останавливаясь подробно на развитіи этой мысли, которая составляетъ уже предметъ другаго обширнаго вопроса ссыльной политики, — о водвореніи, — скажемъ только, что кромѣ современной формы принудительной колонизаціи, заключившейся въ опредѣленіи для нея мѣстныхъ границъ, намъ необходима еще другая ея форма, — *поступательная*, — которую такъ хорошо изучилъ и приѣмлялъ русскій народъ. Для такой *поступательной ссылки*, которой является новая сложная задача военного свойства, которой придется строить свои дома и воздѣлывать свои поля съ ружьемъ въ рукахъ (какъ было въ періодъ московскій), объемъ власти управленія долженъ быть еще шире. Интересу занятія путей прочнаго водворенія на новыхъ мѣстахъ должны быть подчинены всѣ другіе интересы, для чего необходимы полныя единство и сила власти.

За опредѣленіемъ задачъ и мѣры самостоятельности ссыльнаго управленія, указаніе отдѣльныхъ органовъ его и ихъ взаимныхъ соотношеній представляется несущественною подробностью. Гр. Муравьевъ желалъ, чтобы мѣстное главенство ссыльнаго управленія принадлежало: для всей восточной Сибири генераль-губернатору, а для отдѣльныхъ губерній и областей — начальникамъ ихъ. Проектъ г.-л. Корсакова совершенно исключаетъ губернаторовъ, оставляетъ за генераль-губернаторомъ только право высшаго мѣстнаго наблюденія и сосредоточиваетъ активное управленіе ссыльными въ лицѣ главнаго инспектора. Замѣчаніе г.-л. Корсакова, что при главномъ инспекторѣ долженъ состоять болѣе обширный штатъ канцеляріи, чѣмъ предполагалъ гр. Муравьевъ, можетъ быть и вѣрно; но гр. Муравьевъ требовалъ меньшаго, очевидно, потому только, что большаго труднѣе было достигнуть. По вопросу объ отношеніи начальниковъ губерній и областей къ ссыльному управленію проектъ г.-л. Корсакова можно бы рекомендовать тогда, еслибы всѣ ссыльные восточной Сибири во все время наказанія подвергались тюремному режиму; но такъ какъ сюда поступаютъ и поселенцы, такъ какъ и каторжные оканчиваютъ свое наказаніе въ этомъ состояніи, задача государственной политики относительно котораго состоитъ въ облегченіи сліянія его со свободнымъ населеніемъ, то истина лежитъ едва-ли не на сторонѣ проекта гр. Муравьева; и это тѣмъ болѣе, что непосредственное завѣдываніе ссыльно-поселенцами сосредоточивается не въ лицѣ особыхъ органовъ, а въ рукахъ органовъ общей адми-

нистраціи. Только въ интересахъ іерархической связи можно желать, чтобъ инспекторы, кромѣ подчиненія губернскому началству, находились въ непосредственномъ подчиненіи главному инспектору ссыльныхъ.

Проектъ г.-л. Корсакова грѣшитъ прежде всего тѣмъ, что онъ былъ представленъ несвоевременно, не въ установленномъ порядкѣ и задержалъ надолго реформу ссыльнаго управления. Онъ повторяетъ всё существенныя положенія проекта гр. Муравьева, оцѣнка же предположенныхъ имъ измѣненій невозможна, такъ какъ проектъ этотъ былъ представленъ безъ конца: за исключеніемъ нерчинскаго округа, онъ ничего не говоритъ объ органахъ непосредственнаго завѣдыванія ссыльными. „Специализація“ ссыльнаго управления, на которой онъ такъ настаиваетъ какъ на своей особенности, взята имъ цѣликомъ изъ проекта гр. Муравьева; отсюда же взяты и мысли о главномъ инспекторѣ и инспекторахъ. Расширеніе власти инспекторовъ и самостоятельности ихъ по отношенію къ начальникамъ губерній могло бы быть достигнуто, по указаніямъ опыта, и при проектѣ гр. Муравьева, въ предположенномъ имъ порядкѣ генераль-губернаторскихъ инструкцій. Весьма слабую сторону проекта г.-л. Корсакова составляетъ неточность его терминологіи; такъ напр. власть главнаго инспектора опредѣляется здѣсь словами „завѣдываніе ссыльными“, которыя безъ всякихъ измѣненій повторяются и для обозначенія власти инспектора нерчинскаго округа, лица подчиненнаго; для опредѣленія власти генераль-губернатора употребляется не точный и ничего не говорящій терминъ „главное вѣдѣніе“, безъ всякаго его поясненія.

На долю мин. вн. дѣлъ ст.-секр. Валуева выпала самая трудная и, въ то же время, самая неблагодарная, мозаическая работа по составленію предположеній объ организаціи ссыльнаго управления. Множество возраженій, представленныхъ противъ проекта гр. Муравьева, побудили его сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя существенныя измѣненія. Установленіе болѣе прямой связи между главнымъ инспекторомъ и центральнымъ правительствомъ составляетъ здѣсь шагъ впередъ. Но нельзя того-же сказать объ ограниченіи степени самостоятельности ссыльнаго управления. Выбѣтъ съ тѣмъ, ст.-секр. Валуевъ, въ виду сдѣланныхъ баронамъ Кофмъ замѣчаній, былъ поставленъ въ чрезвычайно трудное положеніе выбора между двумя типами инспекціи, изъ которыхъ одинъ, предложенный гр. Блудовымъ, былъ уже косвенно одобренъ государ-

ственнымъ совѣтомъ, а другой предлагался вновь мѣстнымъ начальствомъ. Симпатіи его, какъ дѣятеля практическаго, чувствовавшаго невозможность довольствоваться созерцательнымъ органомъ, были на сторонѣ активной инспекціи, проектированной гр. Муравьевымъ. Но, затрудняясь обойти замѣчаніе барона Корфа, онъ соединилъ въ своемъ проектѣ оба эти типа, принципиально между собою различающіеся. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, согласить, что, съ одной стороны, „главный инспекторъ долженъ быть не столько исполнителемъ существующаго порядка, для чего есть другія начальства, сколько организаторомъ — преобразователемъ ввѣряемой ему части“, а съ другой — что онъ „вѣдаетъ всею перепискою о ссыльныхъ, распредѣленіемъ ихъ и всѣми тѣми предметами, которые возложены будутъ на инспекторовъ“. Напомнимъ также, что окончательный проектъ гр. Валуева, расходясь съ первоначальными его предположеніями, сохранялъ экспедиціи о ссыльныхъ. Не отрицая необходимости имѣть при губернскомъ начальствѣ особое установленіе для дѣлъ о ссыльныхъ, мы думаемъ, однако, что для этой цѣли экспедиціи представляются установленіемъ слишкомъ мало подвижнымъ, съ весьма медленнымъ дѣлопроизводствомъ и крайне несамостоятельнымъ. Можно, если угодно, оставить прежнее названіе, — но не больше. Это губернское установленіе слѣдовало бы подчинить инспекторамъ, предоставивъ имъ возможно широкую степень власти въ дѣлѣ управленія ссыльными, но точно опредѣливъ задачи ихъ дѣятельности и отвѣтственность.

Что касается затѣмъ непосредственнаго управленія ссыльными, то всѣ проекты оставляли его почти безъ всякихъ измѣненій, т. е. относительно содержавшихся въ тюрьмахъ, больницахъ и т. под. — въ рукахъ смотрителей этихъ заведеній, а относительно живущихъ на свободѣ — у мѣстныхъ полицій, волостныхъ и сельскихъ начальствъ. Только нерчинскій округъ составлялъ исключеніе, да въ западной Сибири предполагались нѣкоторые особые попечительные органы. Такое рѣшеніе вопроса болѣе другихъ согласнo съ особенностями ссыльнаго быта и съ назначеніемъ поселенія служить подготовительною ступенью для окончательнаго перехода въ среду гражданскаго общества. Созданіе обширной сѣти мѣстныхъ органовъ для управленія ссыльными, живущими уже на свободѣ, въ видѣ особыхъ смотрителей, приказчиковъ и т. под., было бы очень дорого и едва-ли могло-бы принести какую нибудь пользу для ссылки, такъ какъ правительство

встрѣтилось бы съ огромными трудностями по пріисканію значительнаго числа нужныхъ и свѣдущихъ людей. Весьма характерично, что какъ въ западной, такъ даже и въ восточной Сибири учрежденные уставомъ 1822 г. особые стотрители ссыльныхъ упразднены практикою, и мѣстное управленіе ими сосредоточилось въ рукахъ полиціи.

Но подлѣ органовъ общаго управленія, ссылка нуждается еще въ органахъ, посвященныхъ служенію специальнымъ ея потребностямъ. Таковы главнымъ образомъ потребности рабочія, гигиеническія, духовныя и умственныя.

Мы не имѣемъ въ виду останавливаться здѣсь подробно на организаціи каждой изъ этихъ потребностей, и ограничимся замѣчаніемъ, что онѣ крайне нуждаются въ своихъ специальныхъ руководителей, въ своихъ техникахъ, находящихся въ распоряженіи общаго управленія. Въ настоящее время только рабочая потребность, да и то не вполне, обращаетъ на себя вниманіе. Кромѣ того, гр. Муравьевъ-Амурскій, съ отличающею его проектъ предусмотрительностью, указалъ на важное для ссылки значеніе священно-служителей и медиковъ, и потребовалъ ассигновку особой суммы (до 5000 р. въ годъ) на улучшеніе ихъ положенія. Забытъ былъ, однако, одинъ элементъ ссыльной техники, едва-ли не самый важный — школа, которая для ссылки и для ссыльныхъ имѣетъ огромное значеніе. Появляясь въ качествѣ невольныхъ пришельцевъ въ странѣ совершенно для нихъ новой, ссыльные крайне нуждаются въ ближайшемъ ознакомленіи со свойствами ея природы, съ составомъ населенія, съ ожидающими ихъ новыми условіями быта и отношеніями какъ къ начальству, такъ и къ мѣстному населенію. Въ настоящее время у нихъ есть одинъ только источникъ, къ которому они могутъ обращаться для удовлетворенія такой ихъ законной любознательности, это — рецидивисты, нѣсколько разъ побывавшіе въ Сибири и слѣдующіе съ ними въ пересыльныхъ партіяхъ или являющіеся ихъ тюремными товарищами. Но получаемыя отсюда свѣдѣнія должны быть очень сомнительнаго качества. Въ интересахъ общегосударственныхъ, въ интересахъ свободнаго сибирскаго населенія нужно желать, чтобъ этотъ источникъ былъ замѣненъ другимъ, болѣе надежнымъ, и чтобъ правильное школьное преподаваніе развилось въ ссылкѣ какъ для самихъ ссыльныхъ, такъ и для дѣтей ихъ. Кромѣ этого specialнаго сооб-

раженія, въ пользу депортаціонной школы говорятъ и всѣ тѣ аргументы, которые приводятся въ пользу школы тюремной.

Изъ представленныхъ выше замѣчаній видно уже, что мы не находимъ ни ужнимъ, ни даже возможнымъ, сосредоточивать высшее *мыстное* управленіе ссыльными въ рукахъ особаго центрального установленія, какимъ для тюремъ Имперіи является вновь образованное главное тюремное управленіе. Прошли уже времена сибирскаго приказа, когда центральная власть могла, даже съ нѣкоторымъ усѣхомъ, руководить всѣми подробностями ссыльнаго дѣла, тогда еще весьма несложнаго. Нынѣ управленіе должно стоять ближе къ ссыльнымъ, жить среди нихъ, а между тѣмъ учрежденіе *центрального* установленія въ предѣлахъ самой Сибири по многимъ причинамъ было-бы до такой степени неудобно, могло бы создать такое поразительное смѣшеніе властей, что эта мысль должна быть совершенно отброшена. Если-же оно будетъ находиться въ Петербургѣ, то инспекторы, состоящіе при немъ, на основаніи теперешняго порядка, очевидно, будутъ совершенно непригодны для управленія ссылкой, какъ влѣдствіе отдаленности восточной Сибири, такъ и потому, что наше ссыльное управленіе нуждается въ людяхъ, имѣющихъ о ссылкѣ совершенно основательныя свѣдѣнія, которыхъ нельзя пріобрѣсти мимолетною инспекціею; оно нуждается, притомъ, не столько въ органахъ для производства повременныхъ инспекцій, сколько въ органахъ, которые могли-бы взять въ свои твердыя и опытныя руки ссыльное дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. Кромѣ того, главное тюремное управленіе—вѣдомство еще очень молодое; мы не знаемъ, освоилось-ли оно даже съ вопросомъ, непосредственно ему порученнымъ, такъ какъ о дѣятельности его, кромѣ летучихъ и недоказательныхъ рекламъ, время отъ времени появляющихся на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій, ничего еще не извѣстно. Конечно, задача его очень трудная; но успѣхъ удовлетворительнаго разрѣшенія ея еще болѣе задержится, если къ его функціямъ присоединится сложный ссыльный вопросъ. Наконецъ, политика тюрьмы и политика ссылки далеко между собою не тождественны. Задачи первой кончатся съ освобожденіемъ арестанта; задачи второй идутъ далеко за предѣлы тюремныхъ стѣнъ, постепенно переходя въ дѣятельность общаго административнаго свойства. Существуетъ большая опасность, что дѣятели *тюремнаго* управленія, воспитанные или печальными

приѣбрами нашихъ тюремъ-остроговъ, или — самое лучшее — сочиненіями пенитенціаристовъ запада, вовсе не имѣвшихъ въ виду ссылки, могутъ направить ссыльное дѣло по ложной дорогѣ. Уже исторія нашей ссылки показываетъ, что для нея была въ высшей степени вредна регламентація центра потому, между прочимъ, что центръ, увлекаемая карательной ея стороною, приносилъ ей въ жертву сторону социально-экономическую. Еще легче специальное тюремное управленіе можетъ забыть интересы свободнаго населенія, въ среду котораго вливается ссылка. Только мѣстныя власти, близко стоящія къ ссыльному быту, въ состояніи сохранить надлежащее равновѣсіе между всеми разнообразными его сторонами.

Но затѣмъ, конечно, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для сосредоточенія переписки мѣстныхъ органовъ ссыльнаго управленія, для докладовъ министру и для подготовленія предположеній, вносимыхъ министерствомъ по вопросамъ ссылки въ законодательныя установленія, должно находиться особое лицо съ соответствующимъ штатомъ. Не имѣя никакой самостоятельной власти по отношенію къ ссылкѣ, это лицо не будетъ составлять лишней инстанціи, замедляющей дѣлопроизводство, служа лишь посредствующимъ канцелярскимъ звѣномъ между мѣстнымъ управленіемъ и министромъ и помогая послѣднему своими специальными знаніями ссыльнаго быта. Весьма важно, чтобы дѣла о ссыльныхъ *во всѣхъ отношеніяхъ* были сосредоточены въ вѣдомствѣ одного министерства: раздробленіе ихъ между нѣсколькими министерствами, какъ показалъ нашъ прежній опытъ, крайне пагубно для успѣховъ ссыльнаго дѣла.

Властью министра завершается дѣятельность правительственныхъ органовъ ссылки. Стоя на самомъ верху ея, онъ долженъ имѣть право общаго надзора за дѣйствіями всѣхъ органовъ ссыльнаго управленія и высшаго руководства ссыльной политики. Не стѣсняя мѣстныя начальства, онъ будетъ наблюдать за законностью ихъ дѣйствій и сообразностью ихъ съ общими государственными интересами. Эта задача до такой степени важная и сложная, устойчивость политики, полное и всестороннее обсужденіе входящихъ вопросовъ здѣсь до такой степени необходимы, что авторъ настоящихъ строкъ склонился-бы къ мысли объ образованіи высшаго коллегіальнаго установленія, на подобіе сибирскаго комитета, еслибы можно было надѣяться, что найдется другой Сперанскій, который сумѣетъ дать этому установленію

надлежащую энергію и познанія. Но безцвѣтность второго сибирскаго комитета заставляеть думать, что нынѣ предпочтительнѣе во главѣ ссыльнаго управленія поставить единоличную власть министра. Этимъ во всякомъ случаѣ достигается уже та выгода, что одною инстанціею для прохожденія дѣлъ о ссылкахъ становится меньше.

Заканчивая нашъ трудъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ еще одну сторону въ вопросѣ о ссыльномъ управленіи, которая относится къ разсмотрѣнію предположеній его въ законодательномъ порядкѣ. Примѣръ разсматривавшагося въ государственномъ совѣтѣ дѣла о новой системѣ управленія ссыльными, выше нами изложеннаго, обнаруживаетъ весьма печальное положеніе вещей. Это въ высшей степени важное дѣло обременяло собою государственный совѣтъ и высшіе органы администраціи въ теченіи дѣлаго десятилѣтія, и кончилось ничѣмъ потому, главнымъ образомъ, что при самомъ разсмотрѣніи его въ государственномъ совѣтѣ обнаружилось, по болѣе или менѣе второстепеннымъ пунктамъ его, разногласіе между внесшимъ его министромъ и товарищами его по портфелямъ; а такъ какъ государственный совѣтъ, въ качествѣ учрежденія законодательнаго, не призванъ примирять министровъ, то ему оставалось только воротить дѣло, послѣ десятилѣтнихъ перипетій, къ той-же министерской власти. Между тѣмъ, въ теченіи всего этого времени всякія частныя улучшенія, въ близкомъ ожиданіи общей реформы, приостановились, и руки администраціи были связаны. Нужно, притомъ, прибавить, что въ этомъ дѣлѣ кромѣ вопроса объ управленіи былъ поднятъ весьма крупный вопросъ объ устройствѣ быта ссыльныхъ; его постигла та-же печальная участь по соображеніямъ и обстоятельствамъ совершенно побочнаго свойства. И это — въ лѣтописяхъ нашей законодательной дѣятельности новѣйшаго времени примѣръ далеко не единичный. То-же повторилось, напр., и съ вопросомъ о наказаніяхъ ссыльныхъ, объ экономическомъ поселенческомъ капиталѣ и т. д. Трудно представить себѣ, какъ много вреда приноситъ государству такой порядокъ — или, правильнѣе говоря — такой не порядокъ вещей. Оставить его безъ вниманія и безъ измѣненія, значило-бы въ самомъ началѣ парализовать наибольшую долю пользы, которую могло-бы принести новое ссыльное управленіе. Апатія прививается въ администраціи очень легко, а она станетъ неизбѣжною и реформированное управленіе скоро напомнить нынѣшнія

экспедиціи, если предположенія, выработанныя ими и представленныя какъ требующія настоятельнаго разрѣшенія, будутъ лежать въ Петербургѣ годами и затѣмъ возвратятся къ нему безъ всякихъ практическихъ послѣдствій, хотя-бы и съ канцелярскимъ ихъ одобреніемъ.

Бенъямъ.

Іюль 1880.

КРИТИКА
И
БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ПРАВО.

Н. Бунге. Полицейское право. Введение и Государственное благоустройство. Т. 1. Курсъ, читанный въ Университетѣ Св. Владиміра. Кіевъ, 1869—1873 гг.

И. Андреевскій. Полицейское право. Два тома. Спб. 1871—1874 гг.

М. Шнилевскій. Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія. Одесса. 1875 г.

Смысль настоящаго разъясняется прошедшимъ, корни-же будущаго можно усмотрѣть въ настоящемъ. Поэтому, предпринимая разборъ двухъ курсовъ науки полицейскаго права, изданныхъ нашими полицеистами, профессорами *Бунге* и *Андреевскимъ*, и книги профессора *Шнилевскаго* о полицейскомъ правѣ, какъ самостоятельной отрасли правовѣдѣнія, мы сочли необходимымъ предпослать этому разбору историческій очеркъ литературы изслѣдуемой науки; а такъ какъ въ разбираемыхъ трудахъ отразилось почти исключительно только германское вліяніе, то мы и ограничимся краткимъ и сжатымъ очеркомъ литературы по наукѣ полицейскаго права въ Германіи ¹⁾. Очеркъ этотъ освѣтитъ намъ нѣкоторыя достоинства и недостатки въ трудахъ названныхъ авторовъ и дастъ также возможность опредѣлить количество и качество услугъ, оказанныхъ ими наукѣ.

Первымъ специальнымъ изслѣдованіемъ о полиціи въ западно-европейской литературѣ считается обширный трудъ *Делямаре*, изданный въ 1722-мъ году и озаглавленный „Трактатъ о полиціи съ исторіей ея учрежденія, ея функций и прерогативы должностныхъ лицъ ея и т. д.“ ²⁾ Слоны

¹⁾ См. *Н. Тарасова*. Опытъ разработки программы и конспекта общей части науки полицейскаго права. Ярославль, 1879.

²⁾ *Де-Зессаръ* сдѣлалъ извлеченіе изъ трактата *Делямаре* (см. *De-sessarts diction. univ. de police Paris 1786, I—VIII, 8*), переведенное въ 1814 году въ 2-хъ частяхъ на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «О полиціи вообще». Раньше, въ концѣ прошлаго столѣтія, на русскій языкъ переведены были, кромѣ сочиненій *Юсти* и *Зонинфельса*, еще «Политическія наставленія барона Бильфельда»

„полиція“ *Делямаре* придала троякое значеніе: а) общее управленіе государствъ, б) управленіе каждаго государства и в) самое употребительное и тѣсное—управленіе каждаго города. Трактатъ *Делямаре*, какъ известно, имѣетъ значеніе превосходнаго сборника историческаго матерьяла, но не научнаго изслѣдованія: въ трактатѣ этомъ не разъясняется, есть ли полиція учрежденіе, или-же только задача, не указывается на мѣсто полиціи въ организмѣ государственнаго управленія и въ системѣ задачъ государства, наконецъ—не опредѣляется соотношеніе между центральными, мѣстными и общественными органами при совмѣстной полицейской дѣятельности ихъ.

За *Делямаре*, въ генетическомъ и историческомъ порядкѣ, слѣдуетъ *Юсти*, основательно называемый отцемъ науки полицейскаго права, такъ какъ онъ первый соединилъ систематически основныя положенія для дѣятельности полиціи, выдѣливъ эти положенія изъ другихъ наукъ и указавъ на мѣсто науки о полиціи въ ряду другихъ наукъ.¹⁾ По мнѣнію *Юсти* задача полиціи заключается въ согласованіи благосостоянія отдѣльныхъ семей съ благосостояніемъ государства, поэтому предметами полиціи онъ считаетъ движимое и недвижимое имущество и моральныя богатства. Не смотря на очевидное стремленіе *Юсти* разработать всю науку о полиціи какъ одно цѣлое, найти руководящее начало, рѣзко очертить границы,—онъ называетъ однако полиціей совершенно несоответствующіе предметы и возлагаетъ на полицію задачи, ей несвойственныя. Такое смѣшеніе понятій дѣлается совершенно понятнымъ, если принять въ соображеніе то смутное представленіе о значеніи термина „полиція“, которое господствовало во времена *Юсти*. Даже во Франціи, — этой родиѣ полиціи, употребленіе термина „полиція“ было совершенно произвольное; такъ напримѣръ, *Савари* въ своей знаменитой книгѣ, *Dictionnaire universel*, изданной въ 1726 г., говоритъ, между прочимъ, по поводу эдикта, даннаго въ 1717 году Западной Кампаніи, о „дисциплинѣ и полиціи, необходимыхъ для счетоводства и кассоводства“.

Почти одновременно съ *Юсти* писалъ о полиціи *Зонненфельсъ*²⁾. Онъ полагаетъ задачу полиціи въ заботѣ о публичномъ благосостояніи, которое заключается въ безопасности и удобствахъ жизни. Совокупность мѣръ для вышвей безопасности онъ называетъ *политикой*, для внутренней—*полицией*. Эта внутренняя полиція касается внутренней публичной и частной безопасности, причеъ частная безопасность имѣетъ предметами дѣяствія, лица, честь и имущества. *Зонненфельсъ*, давая полиціи болѣе уз-

перев. кн. *Шаховскаго* 1768 г.,—«Разсужденіе о благоденствіи общенародномъ, Лудовика Антонія Муратори» перев. *Попова*, 1780 г.,—*Шаѣцера* «Первыя начала государственнаго хозяйства, или наука о народномъ богатствѣ» перев. *Гуржеева*, и то-же «Начальныя основанія государственнаго хозяйства» 1-е изд. 1805, 2-е изд. 1821 г., перев. *Смирнова*.

¹⁾ Одно сочиненіе *Юсти* переведено *Богосскимъ* въ 1772 году на русскій языкъ, подъ заглавіемъ «Основаніе силы благосостоянія царства или подробное начертаніе всѣхъ знаній, касающихся до госуд. благосостоянія», другое переведено въ 1770 г. *Волковымъ*, подъ заглавіемъ «Существенное изображеніе естества народныхъ обществъ и всякаго рода законовъ».

²⁾ Въ 1787 г. изданъ русскій переводъ *Гаврилова* первой части сочиненія *Зонненфельса*, подъ заглавіемъ «Начальныя основанія полиціи и благочанія».

кое опредѣленіе, чѣмъ *Юсти*, не ставить однако общаго принципа, на основаніи котораго государство и, по его уполномочію, органы самоуправленія и общественные могутъ вторгаться въ сферу дѣятельности гражданъ; равно какъ онъ нигдѣ не опредѣляетъ принципиально границы для этого вторженія, хотя и упоминаетъ „объ опасности для дѣйствій или для свободы частныхъ лицъ отъ государственной власти“.

Дальнѣйшій шагъ къ развитію науки полицейскаго права сдѣланъ былъ *Бергомъ*,—авторомъ руководства къ нѣмецкому полицейскому праву, издавнаго въ 1799 году¹⁾. *Бергъ* первый разработалъ *положительное полицейское право*; онъ же первый сдѣлалъ попытку къ опредѣленію границы для полицейской дѣятельности, исходя изъ понятія о правѣ; наконецъ, онъ первый раздѣлилъ полицію на полицію *безопасности* и *благоустройства*. Въ видахъ удобства обзорнія многоразличныхъ предметовъ, входящихъ въ разсмотрѣніе науки полицейскаго права, онъ раздробилъ эту науку на дѣлюю массу отдѣльныхъ вопросовъ, придавъ каждому изъ нихъ свою задачу и свой принципъ. Это было какъ-бы слияніемъ полиціи съ камеральными науками: основныя положенія послѣднихъ вошли въ полицію, забота о народномъ благосостояніи и безопасности поставлена была выше заботы о камеральныхъ имуществахъ.

Послѣ замѣчательнаго изслѣдованія *Берга*, ближайшія задачи, при дальнѣйшемъ развитіи науки полицейскаго права, очевидно, должны были заключаться, съ одной стороны, въ принципиальномъ опредѣленіи соотношенія между полиціей и юстиціей, съ другой стороны—въ выясненіи связи между наукой полицейскаго права и наукой народнаго хозяйства. Разрѣшеніемъ этихъ двухъ задачъ занялись *Лотцъ* и *Соденъ*.

Лотцъ, сначала въ своей книгѣ „Понятіе о полиціи и объ объемѣ государственной полицейской власти“, изданной въ 1807 году, а затѣмъ, главнымъ образомъ, въ своихъ двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ Новомъ Архивѣ уголовного права²⁾, указалъ на соотношеніе между полиціей и юстиціей. По мнѣнію *Лотца*, на обязанности полиціи, которую онъ считаетъ отраслью управленія, лежитъ предупрежденіе и пресѣченіе опасности, правонарушеній и т. п., на обязанности-же юстиціи лежитъ возстановленіе нарушенныхъ правъ, а такъ какъ безнаказанность преступленій опасна для общества и государства, то полиція, кромя того, является служебнымъ органомъ юстиціи, разыскивая преступниковъ, производя дознанія, подвергая предупредительному аресту и т. п.

Соденъ, въ своей книгѣ „Государственная полиція по основнымъ положеніямъ національной экономіи“ изданной въ 1817 году³⁾, ставитъ задачей полиціи способствованіе удобствамъ общежитія и устраненіе

¹⁾ Руководство *Берга*, на сколько намъ извѣстно, не было переведено на русскій языкъ, равно какъ остались не переведенными нижеуказанныя сочиненія *Лотца*, *Содена* и *Циммермана*.

²⁾ См. *И. Тарасовъ*. Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности, ч. I. Кіевъ, 1873 г. стр. 33 и слѣд.

³⁾ Книга эта составляетъ только часть обширнаго 9-ти томнаго сочиненія *Содена*, озаглавленнаго «Die Nationaloekonomie, ein philosophischer Versuch über die Quellen des Nationalreichthums und über die Mittel zu dessen Beförderung» 1805—1824.

неудобствъ, возможныхъ при этомъ общезити. Онъ выдѣляетъ изъ полиціи ту дѣятельность правительства, которая, опираясь на начала науки о народномъ хозяйствѣ, содѣйствуетъ развитію матеріальнаго народнаго благосостоянія, — это, такъ называемое имъ, государственно-народное хозяйство, какъ прикладная часть Политической Экономіи: Однако выдѣленіе изъ полиціи этой прикладной части Политической Экономіи сдѣлано *Соденомъ* не достаточно ясно и мѣстами встрѣчаются у него грубыя противорѣчія¹⁾.

Хотя перечисленные авторы касались вопроса объ организаціи полиціи, посвящая ему въ своихъ сочиненіяхъ особые отдѣлы, тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ оставался открытымъ, главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе недостаточнаго уясненія задачъ полиціи и отношенія полицейской власти къ другимъ властямъ. За разрѣшеніе этого вопроса взялся опытный полиціенно-практикъ — *Циммерманъ*²⁾.

По опредѣленію *Циммермана* полиція есть опытная, а не отвлеченная наука. Задача полиціи — порядокъ (*Ordnung*) и эту задачу она выполняетъ какъ особо выработавшійся для этого института (*Institut der Ordnungssorge, Polizeiinstitut*). Полицію *Циммерманъ* называетъ публич-

¹⁾ Дѣло *Содена*, т. е. выдѣленіе народно-хозяйственной политики изъ полиціи, завершилъ *Рау*. *Народно-хозяйственную политику Рау* считаетъ за самостоятельную науку, возникшую изъ связи законовъ политической экономіи съ цѣлями государства. Задача этой науки заключается въ томъ, чтобы указать на границу и мѣры содѣйствія правительства къ развитію народнаго благосостоянія. Дѣятельность правительства, направленную къ достиженію этой задачи, онъ называетъ *хозяйственною полиціей* (*Wirthschaftspolizei, Volkswirthschaftspflege, Wohlstandssorge*). Сознаніе необходимости заботы государственной власти о народномъ хозяйствѣ вытекаетъ, по мнѣнію *Рау*, изъ того, что 1) благосостояніе народа и единичнаго гражданина зависитъ отъ благоприятныхъ хозяйственныхъ условій, и 2) государство не можетъ преслѣдовать своихъ цѣлей, если не заботится о хозяйственномъ благосостояніи народа. Народно-хозяйственная политика есть часть политики въ обширномъ смыслѣ; отличие ея отъ полиціи заключается въ томъ, что характеръ дѣятельности послѣдней преимущественно отрицательный, но вмѣстѣ съ тѣмъ связь съ полиціей столь тѣсная, что большая часть задачъ народно-хозяйственной политики можетъ быть поручена органамъ полиціи. Такъ какъ для народно-хозяйственной политики не достаточно однихъ только законовъ хозяйственной жизни, но нужно еще знакомство съ сущностью государства, его цѣлями, съ характеромъ и формой государственной власти и т. п., то ее нельзя считать за прикладную часть политической экономіи. Изъ предисловія ко 2-му изданію (всѣхъ изданій было 6) видно, что *Рау* допускаетъ возможность включенія народно-хозяйственной политики въ полицію, но не иначе какъ въ полномъ ея объемѣ, не разрывая ее на части.

²⁾ Сочиненіе *Циммермана* въ 3-хъ томахъ, озаглавленное «*die deutsche Polizei im neunzehnten Jahrhundert*», издано въ 1846—1849 гг., т. е. послѣ появленія 1-го изданія науки о полиціи *Моля*; но, держась генетическаго порядка, мы относимъ *Циммермана* къ числу предшественниковъ *Моля*, во 1-хъ потому, что взглядъ *Моля* на полицію слѣдуетъ считать окончательно выясненнымъ лишь въ 8-мъ изданіи, вышедшемъ въ 1866 году, во-вторыхъ, сочиненіе *Циммермана* совершенно чуждо вліянію *Моля*, и въ третьихъ, возвращенію *Циммермана* на полицію далеко отстали отъ возвращенія *Моля* на тотъ же предметъ. Въ 1882 г. тотъ-же авторъ издалъ извлеченіе изъ своего перваго сочиненія, озаглавивъ его «*Wesen, Geschichte, Literatur, charakteristische Thätigkeit und Organisation der modernen Polizei* и т. д.

ними институтомъ управленій (öffentliches Behördeninstitut) внутри государства, стоящимъ рядомъ съ юстиціей для охраненія порядка, въ видахъ чего полиція предупреждаетъ нарушенія порядка, возможные со стороны силъ природы или людей, пресѣкаетъ наступившія нарушенія порядка и раскрываетъ совершившіяся. Самостоятельнаго значенія за полицейскими правомъ онъ вовсе не признаетъ, видя въ немъ только составную часть государственнаго права, дѣятельность-же полиціи дѣлитъ на наблюдательную (beobachtende), предупредительную, репрессивную (formlose Behandlung gegenwärtiger Uebelstände) и слѣдственную (entdeckende). Въ послѣдней части своего сочиненія *Циммерманъ* говоритъ подробнѣйшимъ образомъ объ организаціи полиціи, посвящая этому вопросу цѣлый томъ. Вся полицейская дѣятельность должна быть сосредоточена въ одноиъ вѣдомствѣ, — въ министерствѣ полиціи; въ составъ этого министерства входятъ высшія, среднія и низшія управленія, подчиняющіяся строго-бюрократическому порядку, причемъ управленія эти дѣлятся, съ одной стороны, на распорядительныя и исполнительныя, съ другой — на административныя, вѣдающія наблюдательную, предупредительную и репрессивную части дѣятельности полиціи, и на судебную, вѣдающую слѣдственную часть этой дѣятельности. Значеніе полицейскихъ распоряженій онъ ставитъ въ зависимость отъ пространства дѣйствія ихъ и отличаетъ отъ распоряженій полицейскія приказанія и запрещенія, касающіяся отдѣльныхъ лицъ или предметовъ.

Въ 1832 г. появился трактатъ *Роберта фонъ Моля*, озаглавленный „die Polizei-Wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates“, которому, повидимому, предстояло сказать заключительное слово о работахъ предшественниковъ. Трактатъ этотъ, значительно измѣненный и дополненный, вышелъ 3-мъ изданіемъ въ 1866 году¹⁾. Цѣль полиціи, по мнѣнію *Моля*, заключается въ устраненіи препятствій для всесторонняго развитія гражданъ, а такъ какъ препятствія эти могутъ быть со стороны лицъ и природы, то отсюда корень различія между юстиціей и полиціей, отсюда-же и необходимость выдѣленія изъ полиціи, такъ называемой, *предупредительной юстиціи* или *правовой полиціи* (Präventiv-Justiz, Rechts-Polizei). Въ основаніе разработки науки о полиціи (не полицейскаго права) *Моль* беретъ понятіе о правовомъ государствѣ (Rechtsstaat) и, считая полицію за составную часть управленія, онъ полагаетъ, что дѣятельность ея должна согласоваться съ основной задачей правового государства, заключающейся въ томъ, чтобы, посредствомъ разумной организаціи общей силы, дать возможность какъ единичному лицу, такъ и фактически существующимъ общественнымъ единицамъ развивать свои силы и преслѣдовать свои разумныя цѣли. Такимъ образомъ полиція является совокупностью тѣхъ государственныхъ учрежденій и дѣйствій, которыя имѣютъ цѣлью удалять, посредствомъ примѣненія государственной силы, вѣншія, не заключающіяся въ правонарушеніяхъ, препятствія, которыя становятся помѣхой всестороннему, разумному раз-

¹⁾ На русскій языкъ перевено *Семитковскимъ* только начало науки о полиціи *Роберта фонъ Моля*. Вышелъ до сихъ поръ только первый выпускъ этого весьма неудачнаго перевода.

витію чловѣческихъ силъ, и которыхъ не въ состояніи удалить ни единичное лицо, ни дозволенный союзъ единичныхъ лицъ. Устраняя эти препятствія, полиція касается личной, хозяйственной и умственной жизни гражданъ. Наука о полиціи есть систематическое изложеніе основныхъ положеній объ устройствѣ и распространеніи отдѣльныхъ вспомогательныхъ учрежденій государства, имѣющихъ цѣлью устраненіе препятствій со стороны вѣдшихъ силъ. Полиція, съ одной стороны, обращается къ гражданамъ съ требованіями, съ другой—она устанавливаетъ учрежденія, которыми граждане могутъ или должны пользоваться. Неисполненіе требованій влечетъ за собой принужденіе, которое согласуется не только со степенью сопротивленія, но и съ значеніемъ требованія; нарушенія-же полицейскихъ законовъ, если они не связаны съ нарушеніемъ правъ, должны входить въ сферу компетенціи полицейскихъ судовъ, присуждающихъ къ значительнымъ денежнымъ штрафамъ¹⁾. Опредѣляя ближе отношеніе между полиціей и юстиціей, *Моль* говоритъ, что юстиція обязана предупреждать и наказывать нарушенія права, полиція-же удаляетъ вѣдшія препятствія для всесторонняго развитія гражданъ, слѣдовательно предупрежденіе правонарушеній отнюдь не входитъ въ сферу компетенціи полиціи, а составляетъ особую, самостоятельную отрасль той дѣятельности государства, которая называется правосудіемъ (*Rechtspflege*), а такъ какъ въ этой отрасли государство дѣйствуетъ главнѣйшимъ образомъ посредствомъ принужденія, то необходимо отысканіе формъ и мѣръ этого принужденія, что и составляетъ задачу, такъ называемой, предупредительной юстиціи или правовой полиціи²⁾.

На такой ступени развитія засталъ науку о полиціи *Лоренцъ фонъ Штейнъ*. Кромя того, съ одной стороны, въ жизни, въ практикѣ, сложилось представленіе о полиціи, какъ о чемъ-то ненавистномъ, враждебномъ свободѣ, произвольномъ; съ другой стороны—трактаты *Моля* и другихъ ясно указывали на необычайную массу предметовъ, на которые распространяется дѣятельность полиціи. Практика молила о пощадѣ, требуя ограниченія полицейской дѣятельности въ интересахъ гражданской свободы; теорія-же обнаруживала свое безсиліе справиться съ изобиліемъ предметовъ, подлежащихъ ея разсмотрѣнію въ предѣлахъ одной, отдѣльной науки; вмѣстѣ съ тѣмъ здравый смыслъ, внутреннее сознаніе и даже поверхностное знакомство съ жизнью государственнаго организма ясно указывали на то, что вся, такъ называемая, полицейская дѣятель-

¹⁾ До какой степени такое возрѣніе на полицейскіе суды было значительнымъ шагомъ впередъ,—можно опредѣлять только послѣ знакомства съ господствовавшими до тѣхъ поръ возрѣніями на тотъ-же предметъ, когда, ради какихъ-то понятій о *publica honestas specialis* и *generalis, disciplina publica* и т. п., утверждали, что полицейскимъ судьямъ долженъ быть предоставленъ возможно большій просторъ ихъ субъективнымъ возрѣніямъ въ оцѣнкѣ полицейски наказуемыхъ дѣяній: опредѣленіе-же этихъ дѣяній казалось совершенно излишнимъ, такъ какъ пробѣлъ, допущенный въ этомъ случаѣ законодательствомъ, восполняется общимъ понятіемъ объ опасности. См. *И. Тарасова*. Личное соержаніе, ч. I, стр. 20, 33 и слѣд.

²⁾ Схематическое изображеніе системы науки о полиціи *Роберта Моля* см. *И. Тарасова*. Опытъ разработкы программы и конспекта общей части науки полицейскаго права. Ярослав. 1879 г.

ность необходима, что можно изменить принцип, можно установить иное руководящее начало, но вычеркнуть эту деятельность, сдать ее въ архивъ исторіи — невозможно. Примирить эти противорѣчія, согласовать противоположные интересы, указать полиціи иное мѣсто, не совершая однако переворота въ отправленіяхъ государственнаго организма, взявъ на себя *Лоренцъ Штейнъ*.

Возрѣнія *Л. Штейна* на полицію изложены въ обширномъ трудѣ его, до сихъ поръ неоконченномъ и озаглавленномъ „Ученіе объ управленіи“ (*Verwaltungslehre*)¹⁾. По опредѣленію *Штейна*, государство есть общество, возвысившееся до самоопредѣленія своей личности и до внутренней и внѣшней индивидуальности. Такъ какъ элементы личности заключаются въ понятіяхъ о „я“, волѣ и дѣятельности, то государство, будучи высшей формой личности, заключаетъ въ себѣ тѣ-же элементы. Первый элементъ обнаруживается въ существованіи верховнаго главы государства, второй — въ законодательствѣ, третій — въ управленіи; при этомъ управленіе согласно съ сущностью государства, раскрываетъ, двѣ стороны: съ одной стороны — оно распространяется на дѣйствительныя отношенія жизни, на реальныя предметы, — это собственно — управленіе; съ другой — оно предполагаетъ наличность силы и воли, посредствомъ которыхъ управленіе является исполнителемъ воли государства, выражающей въ законодательствѣ, — это исполнительная власть. Въ *управленіи* сосредоточиваются всѣ задачи государства, система-же управленія, вытекающая изъ понятія о природѣ и характерѣ государственной личности, представляетъ три области: правосудіе, государственное хозяйство и внутреннее управленіе, причемъ *внутреннее управленіе* обнимаетъ собою совокупность всѣхъ тѣхъ дѣйствій государства, задача которыхъ и конечная цѣль заключается въ содѣйствіи каждому къ всестороннему развитію силъ его; система-же этого управленія, очевидно, опредѣляется объектомъ его, т. е. жизнью личности, согласно съ чѣмъ внутреннее управленіе обнаруживаетъ три сферы своей дѣятельности, — управленіе личною жизнью, управленіе хозяйственною жизнью и управленіе жизнью общественною. Каждая изъ этихъ сферъ имѣетъ соответствующія подраздѣленія²⁾. *Исполнительная власть*, являясь только необходимымъ элементомъ управленія, имѣетъ общій съ нимъ организмъ, дѣятельность котораго и обнаруживается въ каждомъ актѣ управленія, причемъ власть эта, представляющая органическое цѣлое: 1) обладаетъ способностью выражать въ распоряженіяхъ и предписаніяхъ свою волю, имѣющую содержаніемъ исполненіе закона, 2) обладаетъ совокупностью органовъ, посредствомъ кото-

¹⁾ Ученіе объ управленіи *Л. Штейна* изложено въ 7-ми томахъ и 9-ти книгахъ, причемъ первыя три книги, посвященныя вопросу объ исполнительной власти (*die vollziehende Gewalt*), вышли 2-мъ изданіемъ; собственно-же полиція посвящена 4-ая книга. Кромѣ того *Л. Штейнъ* издалъ Руководство къ ученію объ управленіи, вышедшее въ 1877 году 2-мъ изданіемъ въ 2-хъ томахъ. По 1-му изданію Руководства сдѣланъ русскій переводъ, подъ редакціей *проф. Андреевскаго*, но переводъ этотъ нельзя назвать вполне усѣннымъ.

²⁾ Схематическое изображеніе системы *Л. Штейна* см. *И. Тарасова*, Основныя положенія *Л. Штейна* по полицейскому праву въ связи съ его ученіемъ объ управленіи. Кіевъ 1875 г.

рыхъ приводить въ исполненіе свою волю, и органы эти дѣлятся, по существу, объему и характеру своей дѣятельности, на правительственныя, самоуправленія и союзныя или общественныя, и 3) приводить въ исполненіе свою волю, посредствомъ выполнения — въ сферѣ безличной или посредствомъ приказанія и принужденія — въ сферѣ личной. Слѣдовательно исполнительная власть распадается на распорядительную, организаціонную и принудительную; принужденіе, являясь заключительнымъ моментомъ въ исполненіи, часто называется, въ отдѣльныхъ его проявленіяхъ, *полиціей*.

Исполнительная власть не тождественна съ полицейскою, но послѣдняя составляетъ существенную часть ея. Соотношеніе это опредѣляется тѣмъ, что полицейская власть есть та-же принудительная на столько, на сколько задача ея заключается въ исполненіи только тѣхъ приказаній и заповѣдей, которыя имѣютъ цѣлью огражденіе отъ опасности. Но такъ какъ различіе въ объектѣ не вызываетъ никакого различія въ правѣ принужденія вообще, то основныя положенія права принужденія могутъ быть разработаны въ *полицейскомъ правѣ*, какъ составной части права исполненія вообще. Такъ какъ задача полиціи заключается исключительно только въ устраненіи опасности, посредствомъ принужденія, то она составляетъ только отрицательную сторону управленія, отнюдь не исчерпывая послѣдняго, какъ утверждаютъ нѣкоторые.

Слѣдовательно по *Штейну* управленіе имѣетъ двоякую дѣятельность, — положительную, т. е. содѣйствующую, и отрицательную, т. е. ограждающую или полицейскую. При этомъ полиція распадается на двѣ части, — общую и особенную. Общая часть, заключающая въ себѣ общія положенія для всей дѣятельности полиціи, составляетъ отдѣлъ исполнительной власти вообще. Особенная часть, касаясь отрицательной дѣятельности всего Управленія, распадается на *финансовую, судебную и внутреннюю полиціи*. Внутренняя полиція распадается на *полицію безопасности*, какъ особую отрасль внутренняго управленія, имѣющую объектомъ опасность вообще, и на отдѣльныя полиціи, присущія различнымъ отраслямъ внутренняго управленія, согласно съ особымъ характеромъ опасностей, свойственныхъ этимъ отраслямъ. Полицію безопасности *Штейнъ* дѣлитъ на *высшую и низшую*, относя къ первой огражденіе общаго порядка какъ угрожающей ему опасности, а ко второй — огражденіе единичныхъ лицъ¹⁾, причемъ высшая полиція безопасности, въ зависимости отъ того, что безопасности угрожаютъ общественныя группы, или-же единичныя лица, дѣлится на общественную и личную полиціи; низшая-же полиція безопасности, въ зависимости отъ того, что безопасности угрожаютъ лица, природа, или занятія промыслами, дѣлится на личную, стихійную и промышленную²⁾.

Исторію русской литературы по науцѣ полицейскаго права слѣдуетъ начинать съ крестьянина *Ивана Посошкова*, — современника Петра

¹⁾ Терминологія *Л. Штейна* чрезвычайно своеобразна, а потому точный переводъ ея на русскій языкъ сопряженъ съ большими затрудненіями.

²⁾ Свое изслѣдованіе о полиціи *Л. Штейнъ* заключаетъ тщательнымъ изслѣдованіемъ вопроса объ отвѣтственности полиціи, указывая на необходимость примѣненія къ этой области конституціонныхъ началъ.

Великаго. Онъ заложилъ первый камень, хотя не въ качествѣ опытнаго зодчаго, но въ качествѣ умнаго простолюдина-самоучки, постигнаго существо государственнаго организма и его отправлениямъ. Въ рукописи своей, написанной въ 1724 году и озаглавленной „книга о скудости и богатствѣ, сіе есть изъясненіе, отъ чего приключается напрасная скудость и отъ чего гобзовитое богатство умножается“¹⁾. *Посошковъ* оказывается самостоятельнымъ развѣвателемъ господствовавшихъ въ ту эпоху ученій о меркантилизмѣ и абсолютизмѣ. Подобно *Макиавелли*, *Гоббсу*, *Борнишу* и др. онъ считаетъ монарха способнымъ устанавливать совершенно новыя условія государственной жизни, независимо отъ какихъ-либо историческихъ или естественныхъ условій; подданныхъ онъ считаетъ царскими рабами, царскую волю — непреложнымъ закономъ, царскій интересъ — народнымъ; „нашъ Государь, говоритъ онъ, подобенъ Богу“, „яко Богъ всѣмъ владѣетъ, такъ и царь въ своей державѣ имѣетъ власть.“ Подобно *Серръ*, *Беллони*, *Броджіо* и др. онъ видитъ въ монетѣ главный источникъ богатства, а въ купечествѣ — самый производительный классъ населенія, — „царство воинствомъ расширяется, купечествомъ украшается“ — говоритъ онъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, финансовыя воззрѣнія *Посошкова* приближаютъ его къ физиократамъ: его проектъ царской десятины кажется какъ-бы списаннымъ съ проекта *dîme-royale* (королевской десятины) маршала *Вобана*.

Указанная рукопись *Посошкова* дѣлится на 9 главъ: 1) о духовствѣ, 2) о военныхъ дѣлахъ, 3) о правосудіи, 4) о купечествѣ, 5) о художествѣ, 6) о разбойникахъ, 7) о крестьянствѣ, 8) о дворянствѣ и землѣ и 9) о царскомъ интересѣ. Этими 9-ти главамъ авторъ предпосылаетъ краткое предисловіе, въ которомъ говоритъ о необходимости правды, такъ какъ въ отсутствіи ея заключается главная причина всѣхъ нравственныхъ и матерьяльных золъ. Подъ правдой онъ понимаетъ порядокъ, въ обширномъ смыслѣ, — нѣчто соответствующее нѣмецкому термину „*Ordnung*“, какъ понимали его современные *Посошкову* нѣмецкіе полиценсты. Затѣмъ, въ каждой изъ главъ онъ трактуетъ о соответствующемъ заглавію предметѣ, рекомендуя дѣлать рядъ мѣръ, обнаруживающихъ въ авторѣ замѣчательное знакомство съ существовавшимъ порядкомъ вещей и необыкновенный запасъ здраваго смысла, причемъ въ главѣ о разбойникахъ онъ излагаетъ проектъ организаціи полиціи безопасности. Подобно *Юсти*, опредѣлявшему соотношеніе между полиціей и финансами словами „полиція съѣтъ, финансы жнутъ, и подобно знаменитому положенію физиократовъ „*raucge reuple, raucge goуаше; raucge goуаше, raucge гоі*“, *Посошковъ* говоритъ: „въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство богато, понеже все что есть у народа богатства, есть богатство царственное, оскудѣніе-же народное есть оскудѣніе царственное“, „кто хочетъ прямо Его Императорскому Величеству порадовать, то люди его паче себя надлежитъ беречь, чтобъ въ убожество не приходили, и того ради ни малаго-бы убытку имъ не чинили“, „худой тотъ сборъ, говоритъ онъ, аще кто казну Царю собираетъ, а людей

¹⁾ Рукопись «о скудости и богатствѣ» впервые издана *Погодинымъ* въ 1842 году.

раззоряеть". Указывая на необходимость правды, онъ говоритъ, что при существованіи ея никто не будетъ обиженъ, а любовь побудитъ людей помогать другъ другу въ нуждѣ, всѣ люди обогатятся, царскія-же сокровища съ излишествомъ наполнятся.

Разумѣется, рукопись *Посошкова* не имѣетъ значенія научнаго трактата; авторъ не обнаруживаетъ ни обширныхъ историческихъ познаній *Деламаре*, ни теоретическихъ познаній *Юсти*, — онъ самъ говоритъ о себѣ: „азъ весьма мизиренъ и ученію школьному неискусенъ, и како по надлежащему достоинъ писати, ни слѣда нѣсть во мнѣ, нбо самой простецъ есмь“. Онъ не систематикъ и не методологъ. Тѣмъ не менѣе у рукописи *Посошкова* „о скудости и богатствѣ“ нельзя отнять права, по содержанію ея, на почетное мѣсто въ исторіи русской литературы по наукѣ полицейскаго права.

Послѣ *Посошкова*, если не считать вышеуказанныхъ переводовъ на русскій языкъ сочиненій *Юсти*, *Зонненфельса*, *Деламаре*, *Бильфельда* и *Шлѣцера*, первое русское сочиненіе по тому-же предмету принадлежитъ *Гуляеву*.

Въ 1824 г. *Гуляевъ* издалъ свой, какъ онъ называетъ, „опытъ систематическаго изложенія полицейской части“, озаглавленный „Права и обязанности градской и земской полиціи и всѣхъ вообще жителей русскаго государства по ихъ состояніямъ“²⁾. Въ предисловіи *Гуляевъ* говоритъ, что „между многими изданіями по Россійскому Законовѣднію нѣтъ еще доселѣ ни одного систематическаго сочиненія, которое-бы имѣло предметомъ Полицейское законодательство, столь нужное во всякомъ благоустроенномъ государствѣ. Занимаясь по склонности моей Россійскимъ Законовѣдніемъ и руководствуясь разными юридическими сочиненіями, желалъ я быть хотя нѣсколько полезнымъ для отечества; почему и рѣшился составить книгу, которая-бы содержала въ себѣ мудрое законоположеніе по полицейской части въ Россіи“. Въ первой части своего сочиненія авторъ говоритъ о правахъ и обязанностяхъ полиціи, во второй — жителей. *Гуляевъ* самъ указываетъ на то, что, издавая свою книгу, онъ преслѣдовалъ не научную цѣль, а практическую: устранить какъ для чиновъ полиціи, такъ и для жителей тѣ затрудненія, которыя проистекають отъ того, что законоположенія о полиціи, изданныя въ разное время, находятся болѣею частью безъ связи и порядка въ книгахъ, или въ архивахъ. Очевидно, ради этой только цѣли онъ включилъ въ свое сочиненіе, между прочимъ, узаконенія о податяхъ, рекрутской, квартирной и почтовой или подводной повинностяхъ, равно какъ, говоритъ онъ, „самыя наказанія за нѣкоторыя преступленія, до конхъ не касается полиція, помѣщены въ сей книгѣ для того, чтобы видѣть какъ важность преступленія, такъ и слѣдующее за тѣмъ наказаніе“. Въ опредѣленіи и изложеніи предметовъ онъ держится „точного смысла и словъ закона, и не позволяетъ себѣ толкованія, только охуждаемаго знаменитыми Беккариемъ и Бентамомъ“; о

²⁾ Сочиненіе *Гуляева* вышло 2-мъ изданіемъ въ 1827-мъ году и 3-мъ — въ 1832-мъ году.

полиціи-же онъ отзывается, какъ о предметѣ „никѣмъ еще порядочно не разъясненномъ“. *Гуляевъ* указываетъ на существованіе въ положительныхъ узаконеніяхъ особенной части, которую называетъ *благотворительной* или *полицейскою*. Часть эта заключаетъ въ себѣ постановленія, относящіяся до благочинія, безопасности и устройства общества. Полиціей онъ называетъ исполнителей полицейскихъ постановленій, причемъ дѣлитъ этихъ исполнителей, по чинначалію, на высшихъ и низшихъ, причисляя къ органамъ полиціи даже и гражданъ, такъ какъ „въ гражданскомъ состояніи всякой человекъ есть нѣкоторымъ образомъ надзиратель дѣйствій другихъ людей“. Цѣль полицейскихъ законовъ заключается въ томъ, чтобы „привести благоденствіе гражданина въ тѣснѣйшую связь съ общимъ благомъ“, предметы-же полиціи, составляющіе главное ея занятіе, слѣдующіе: „1) надлежащее благочиніе при отправленіи службы Вожей. 2) Благвременное предупрежденіе нарушенія тишины и спокойствія. 3) Всеобщее повиновеніе правительству и законамъ. 4) Предохраненіе отъ воровъ, разбойниковъ и убійць. 5) Предупрежденіе отъ пожара, наводненія, заразительныхъ болѣзней и прочихъ несчастныхъ происшествій. 6) Занятія, ремесла и поведеніе жителей. 7) Общественные увеселительные дома. 8) Отвращеніе всякихъ соблазнительныхъ дѣйствій. 9) Благвременныя распоряженія къ доставленію вещей, для существованія и потребностей человека необходимо нужныхъ. 10) Свободная и нестѣснительная по цѣнѣ и добротѣ торговли товарами и припасами. 11) Чистота и украшеніе зданій, улицъ и дорогъ. 12) Свободное и удобное сообщеніе по дорогамъ, мостамъ и переправамъ. 13) Вообще все то, что служитъ къ пользѣ и пріятности, дозволенной въ жизни“. Въ чрезвычайно сжатомъ историческомъ очеркѣ полиціи въ Россіи *Гуляевъ* находитъ это, какъ онъ выражается, „чинначаліе“ уже при *Рюрикѣ*, такъ какъ тогда были чиновники, къ числу которыхъ *Гуляевъ* относитъ вириковъ, мѣтальниковъ, мечниковъ, тиуновъ княжескихъ и сельскихъ, поздне — воеводъ, намѣстниковъ, волостелей, губныхъ старостъ, цѣловальниковъ и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе полицейскихъ законовъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) О полиціи въ Россіи и главномъ начальствѣ оной. 2) О градской и земской полиціи, куда входитъ и опредѣленіе предметовъ, къ обязанности полиціи относящихся ¹⁾, причемъ остальные узаконенія распределены по этимъ предметамъ. Во 2-й части, въ которой говорится о правахъ и обязанностяхъ гражданъ въ Россіи, предметы распределены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Права жителей Россіи по состояніямъ, относительно гражданства ихъ. 2) Повинности жителей въ отношеніи государства. 3) Повинности жителей въ отношеніи мѣстнаго пребыванія. Въ заключеніе *Гуляевъ* говоритъ, что „каждый гражданинъ

¹⁾ Предметы эти слѣдующіе: 1) Благочиніе и ненарушимый порядокъ въ положенныхъ закономъ должностяхъ и обязанностяхъ. 2) Народное продовольствіе и торговля припасами. 3) Устройство зданій, улицъ и дорогъ, сохраненіе и благопріятіе оныхъ. 4) Безопасность лицъ и вещей. 5) Дѣйствія полиціи въ случаѣ нарушенія права общественнаго или личнаго производства другихъ дѣлъ.

обязанъ повиноваться законамъ, полиція-же, не взирая ни на какое лице, можетъ и должна принуждать каждого къ исполненію законовъ“. „Отъ точнаго исполненія законовъ, говоритъ онъ, зависятъ сила и благоденствіе государства; отъ уклоненія-же и небреженія ихъ слѣдуютъ всегда неустройство и разрушеніе“.

Изъ вышензложеннаго очевидно, что книга *Гуляева* имѣетъ значеніе систематическаго свода полицейскихъ постановленій, со включеніемъ однако многихъ узаконеній, неимѣющихъ полицейскаго значенія; основныя-же положенія цѣликомъ заимствованы у другихъ лицъ, — такъ, напримѣръ, неудачное опредѣленіе цѣли полиціи переведено дословно изъ *Юсти*.

Въ 1840 г. издана адъюнктомъ Петербургскаго Университета, *Н. Рождественскимъ*, книга, озаглавленная: „Основанія государственнаго благоустройства съ примѣненіемъ къ российскимъ законамъ“. *Г. Рождественскій* начинаетъ съ указанія на раздѣленіе политическихъ наукъ; на философскія, историческія и философско-историческія. Къ первой группѣ онъ относитъ философское частное право, философское государственное право и философское народное право; ко второй — политическую исторію, статистику, политическое государственное право, политическое народное право, дипломатию и государственную практику; къ третьей — политику, народное хозяйство, государственное хозяйство, науку финансовъ, науку государственнаго благоустройства и благочинія. „Только въ государствѣ, говоритъ онъ, можемъ мы наслаждаться безопасностью и благосостояніемъ. Опасность можетъ происходить отъ людей и отъ такой опасности защищаютъ юстиція и войско; она можетъ происходить и отъ природы, — такую опасность устраняетъ правительство. Благосостояніе также входитъ въ составъ важнѣйшихъ задачъ государства, причемъ между безопасностью и благосостояніемъ существуетъ тѣснѣйшая связь: обезпеченіе безопасности содѣйствуетъ развитію условій благосостоянія (*благоустройства*), т. е. обогащенію народа, размноженію его, образованію и просвѣщенію“. „Наука, излагающая мѣры правительства, имѣющія цѣлю, удалить *внѣшнія препятствія*, встрѣчаемыя подданными, при стремленіи ихъ къ благосостоянію, и ими самими, безъ пособія правительства, непреодолимныя, — называется *государственнымъ благоустройствомъ* (*Polizeiwissenschaft*)“. Основныя положенія науки государственнаго благоустройства, равно какъ опредѣленіе отношенія этой науки къ юстиціи и финансамъ *Рождественскій* заимствуетъ у *Моля*, причемъ, подобно *Молю*, онъ выдѣляетъ предупредительную юстицію какъ особую науку. Науку государственнаго благоустройства авторъ дѣлитъ на три части. „Въ первой — излагается попеченіе правительства о благосостояніи физическомъ, во второй — о благосостояніи умственномъ и нравственномъ, въ третьей — о народномъ имуществѣ“. Первая часть содержитъ въ себѣ три отдѣла: 1) попеченіе о надлежащемъ отношеніи между народонаселеніемъ и пространствомъ земли, 2) сохраненіе жизни и здравія народа и 3) препятствіе дороговизнѣ и попеченіе о лицахъ, неспособныхъ пріобрѣтать себѣ пропитаніе. Вторая часть заключаетъ въ себѣ: 1) попеченіе объ образованіи умственныхъ способностей, 2) удаленіе всего того, что оо-

корбляетъ нравственное чувство, 3) оказаніе пособія подданнымъ для образованія религіознаго и 4) эстетическаго чувствъ. Третья часть заключаетъ въ себѣ 4 раздѣла: 1) попеченіе о томъ, чтобы каждый имѣлъ возможность приобрѣтать себѣ собственность, 2) охраненіе имущества отъ разрушенія элементарными силами природы, 3) удаленіе пренятствій, встрѣчаемыхъ подданными при занятіи земледѣліемъ, при учрежденіи фабрикъ и производствѣ ремеслъ, и въ торговлѣ, 4) запрещеніе мотовства и расточительности. Затѣмъ, послѣ краткаго историческаго очерка науки государственнаго благоустройства и послѣ весьма неполнаго указателя литературы, *Рождественскій* переходитъ къ изложенію отдѣльныхъ предметовъ, большею частью, какъ онъ самъ указываетъ на это, по *Молю* и *Рау*, причѣмъ заимствованія у этихъ двухъ авторовъ дополняются обстоятельными ссылками на русское законодательство.

Книга *г. Рождественскаго*, какъ видно изъ вышеизложеннаго, не имѣетъ значеніе самостоятельнаго изслѣдованія, тѣмъ не менѣе она можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ для систематическаго изученія русскаго законодательства о полиціи, разсѣяннаго по разнымъ уставамъ, положеніямъ, наказамъ и т. п. Книга эта для своего времени, послѣ „Опыта“ *Гулаева*, была значительнымъ вкладомъ въ русскую литературу по наукѣ полицейскаго права.

Въ 1856 г. появилось сочиненіе профессора Харьковскаго Университета *И. Платонова*, озаглавленное „Вступительныя понятія въ ученіе о благоустройствѣ и благочиніи государственномъ“. Послѣ краткаго указанія на многочисленныя и разнообразныя попытки къ опредѣленію понятія о государственномъ благоустройствѣ, авторъ, исходя изъ понятій о правѣ и благодѣ, какъ двоякой цѣли государства, опредѣляетъ науку о благоустройствѣ, въ обширномъ смыслѣ, какъ „такую часть законодательства, которая имѣетъ цѣлю опредѣленіе мѣръ къ устроенію матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія народа путемъ, какъ положительнымъ (Благоустройство), такъ и отрицательнымъ (Благочиніе)“. Въ тѣсномъ смыслѣ ¹⁾, „законы Благоустройства и Благочинія государственнаго представляютъ совокупность мѣръ къ устроенію физическаго и матеріальнаго благосостоянія, пріемлемыхъ, какъ въ смыслѣ положительномъ (Благоустройство), такъ и отрицательномъ (Благочиніе)“. Способъ воздѣйствія правительства на благосостояніе народному тройкій: 1) правительство можетъ дѣйствовать прямымъ или положительнымъ образомъ, принимая соотвѣтствующія мѣры и устанавливая соотвѣтствующія учрежденія, 2) оно можетъ дѣйствовать косвеннымъ образомъ, устраняя только пренятствія, которыя могутъ встрѣчаться на пути стремленія народнаго къ высшему благосостоянію и 3) оно можетъ дѣйствовать отрицательнымъ образомъ, предоставляя достиженіе кадой-либо полезной цѣли усиліямъ частнаго труда. Правительство дѣйствуетъ положительно къ благосостоянію народному тамъ,

¹⁾ Благоустройство въ тѣсномъ смыслѣ *г. Платонова* понимаетъ такъ, какъ оно постановлено сдѣланнымъ въ общемъ уставѣ университетовъ распределеніемъ частей Свода Законовъ, и какъ, слѣдовательно, оно должно быть преподаваемо.

гдѣ народъ находится въ отрицательномъ отношеніи къ несущему, но возможному благу. Къ косвенному образу дѣянія правительство призывается тогда, когда народъ встрѣчаетъ на пути къ развитію какія-либо препятствія, для собственныхъ силъ его непреодолимыя. Отрицательное отношеніе правительства къ народной дѣятельности имѣетъ мѣсто тогда, когда народъ самъ по себѣ представляетъ достаточныя условія для осуществленія какой-либо общественной цѣли. Законодательство по благоустройству раздѣляется на два большіе отдѣла, изъ которыхъ первымъ опредѣляются чисто правомѣрные отношенія гражданъ, въ видахъ безопасности, а другимъ полагаются мѣры къ созиданію благосостоянія народнаго. Такъ какъ законы, издаваемые въ видахъ благоустройства, представляютъ множество частныхъ, условливаемыхъ дѣйствительною жизнію индивидовъ, и не легко допускаютъ обобщенія правилъ, свойственнаго прямому закону, то они являются, болѣею частію, въ формѣ уставовъ, отличительное свойство которыхъ заключается въ томъ, что, развивая идею какого-либо общаго права и постановленія, они входятъ въ подробности, необходимыя для осуществленія какой-либо мѣры на самомъ дѣлѣ. Мѣры благосостоянія троанаго рода: „однѣ предполагаются, какъ слѣдствія свободной благопопечительности правительства, желающаго облегчить народу достиженіе вышшаго блага; другія принимаются, какъ слѣдствіе необходимости, и не иначе возможны бывають въ исполненіи, какъ подъ условіемъ соблюденія ихъ всѣми; *третьи*, составляющія средину между сими двумя видами, имѣють то особенное свойство, что правительство, предоставляя употребленіе ихъ произволу каждаго, тѣмъ не менѣе, лишаетъ нѣкоторыхъ преимуществъ того, кто пренебрегаетъ ими“. Слѣдовательно принужденіе имѣетъ мѣсто отнюдь не въ отношеніи ко всѣмъ мѣрамъ благосостоянія и принужденіе во всѣхъ случаяхъ должно непремѣнно сообразоваться со степенью сопротивленія. Соотношеніе между правомъ и благоустройствомъ таково, что, хотя право есть главнѣйшее условіе совмѣстной гражданской жизни, однако бывають случаи, когда по требованіямъ разума, право должно подвергаться ограниченіямъ, въ интересахъ блага или пользы. Это бываеть, во первыхъ, тогда, когда право въ своемъ безусловномъ, неограниченномъ приложеніи, дѣлается разрушительнымъ, и такимъ образомъ, вмѣсто созиданія общества, составляющаго его цѣль, разстраиваетъ его въ самомъ основаніи, и, во вторыхъ, тогда, когда соблюденіе права представляетъ непреодолимыя препятствія къ достиженію какой-либо важной, болѣе или менѣе общепользующей цѣли, или къ устраненію какого-либо важнаго, болѣе или менѣе противнаго общему благу, злоупотребленія. При такомъ ограниченіи права, слѣдуетъ держаться слѣдующихъ правилъ: 1) предполагаемое благо должно быть всеобщее и неподлежащее никакому сомнѣнію; 2) нарушаемое для всеобщей пользы право должно быть сравнительно незначительнымъ; 3) нарушеніе должно ограничиваться предѣлами необходимаго для достиженія предполагаемой цѣли, и 4) лица, терпящія хозяйственный вредъ отъ лишенія или ограниченія права, должны быть вознаграждены. Затѣмъ, *г. Платоновъ* излагаетъ систему „Законовъ Благоустройства и Благочинія Государственнаго“, опре-

дѣля предварительно благосостояніе какъ „такое положеніе человѣка, въ коемъ нужды его, если не съ избыткомъ, то, по крайней мѣрѣ, достаточно удовлетворительны“, а такъ какъ нужды, потребности человѣка двоякаго рода, — вещественныя и духовныя, то Благоустройство и Благочиніе также дѣлятся на двѣ соответствующія части. Въ вещественную часть Благоустройства входятъ мѣры къ поощренію и усовершенствованію сельскаго хозяйства, мануфактурной промышленности, торговли, кредита, путей сообщенія и строительной части; въ нравственную-же часть Благоустройства входятъ мѣры, служащія къ развитію народнаго образованія. Наконецъ, указавъ на отношеніе законовъ Благоустройства къ гражданскому праву, къ законамъ полицейскимъ и уголовнымъ, понимая подъ первыми предупрежденіе и пресѣченіе зла нравственнаго ¹⁾, къ финансовому праву, — и на значеніе для законовъ Благоустройства общихъ и частныхъ вспомогательныхъ наукъ, причемъ къ первой категоріи онъ относитъ камеральныя науки, политическую экономію и естественныя науки, а ко второй — агрономію, технологию, науку о торговлѣ, гражданскую архитектуру и медицину, — авторъ переходитъ къ историческому очерку развитія науки государственнаго благоустройства и заключаетъ свой трудъ весьма обстоятельнымъ указателемъ на литературу.

Слѣдовательно книга *г. Платонова* не имѣетъ значенія полнаго изслѣдованія науки полицейскаго права; въ ней нѣтъ даже дѣльнаго изслѣдованія общей части этой науки, такъ какъ авторъ ограничивается анализомъ только основныхъ понятій, могущихъ составить содержаніе введенія. Тѣмъ не менѣе книга *г. Платонова* представляетъ собою въ русской литературѣ по наукѣ полицейскаго права *первое самостоятельное научное изслѣдованіе*, хотя и не чуждое отчасти вліянія *Моля*.

Новое слово сказано было *проф. Лешковымъ*. Въ 1858 г. появилась его книга, озаглавленная „Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII в.“. Въ извѣстной книгѣ этой *г. Лешковъ* говоритъ, что гражданскій элементъ и государственный находятся въ постоянномъ антагонизмѣ, примиряемомъ посредствующею средой, которую онъ называетъ государственнымъ обществомъ, имѣющимъ свое право, — право общественное. Въ классическомъ мѣрѣ, говоритъ онъ, не было и не могло быть общества, такъ какъ личность поглощалась государствомъ, дѣлю-же государства были преимущественно безопасность, или самостоятельность, поддержаніе своего могущества во вѣншихъ сношеніяхъ, и установленіе юридическихъ нормъ для жизни различныхъ элементовъ своего населенія; задачи эти осуществлялись не для дѣлей жизни, а жизнь была приносима въ жертву имъ. Городъ, какъ центръ тяготѣлъ надъ всѣмъ, малочисленный высшій классъ тяготѣлъ надъ всѣмъ остальнымъ населеніемъ. Въ средніе вѣка, выступаетъ народъ съ его составными элементами, частными лицами и ихъ

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ своей книги *г. Платоновъ* отступаетъ отъ этого возрѣнія на полицейскіе законы. Ср. стр. 86 и 112.

соединеніями для частныхъ интересовъ; болѣе высокаго, гражданскаго, политическаго соединенія не ищетъ и не терпитъ средневѣковая личность. Столкновеніе интересовъ этихъ соединеній заставляетъ послѣднія объединиться въ политическое цѣлое, — государство. Это государство, существенно новое, не могло ограничиться однимъ только охраненіемъ безопасности, но оно должно было, согласно съ характеромъ элементовъ, вошедшихъ въ него, сдѣлать предметомъ своего управленія всѣ вопросы народной, человѣческой жизни.

Такимъ образомъ новое государство, состоя изъ общества и народа, поставило себѣ задачей удовлетвореніе политическому, гражданскому и общественному интересамъ. Первый интересъ удовлетворяется посредствомъ дипломатіи, войска, флота, финансовъ, государственныхъ законовъ и учреждений; второй — посредствомъ уголовной и гражданской юстицій; третій — посредствомъ общественного права, нормирующаго дѣятельность сословій, общинъ, всего населенія. Эту послѣднюю дѣятельность назвали на западѣ полиціей, которая впослѣдствіи раздѣлена на полиціи благосостоянія (благоустройства) и безопасности (благочинія), причемъ терминологія эта перешла и въ наше законодательство.

Понимая подъ полицейскою дѣятельностью исключительно только дѣятельность правительства, г. *Лешковъ* признаетъ вышеуказанную терминологию ошибочною, причемъ онъ оспариваетъ въ особеннѣе учебнѣ *Моля* о полиціи. Единичныя лица, говоритъ онъ, соединяются въ общества; общества эти входятъ въ составъ государства и государство признаетъ ихъ лицами. Общества имѣютъ свои интересы, удовлетвореніе которыхъ требуетъ дѣятельности, извѣстной подъ названіями промышленности, образованіе, цивилизація. Понятно, что частныя лица, входя въ составъ этихъ обществъ, получаютъ новыя права, недоступныя для нихъ разрозненныхъ усилій, выходящія за предѣлы ихъ личныхъ средствъ, создаемыя единственно обществомъ, общественнымъ союзомъ. Но также понятно, что и общества, вошедшія въ составъ государства и признанныя государствомъ, занимаютъ отъ государства новыя силы, новыя средства, новыя успѣхи въ своей дѣятельности и получаютъ значеніе посредствующей среды между частнымъ, личнымъ, стремящимся къ своему развитію, и общимъ, государственнымъ призваннымъ въ содѣйствію этому развитію. Эти права обществъ или общества, относительно государства, и эти права частныхъ лицъ относительно общества и государства, съ обоюдными обязанностями, составляютъ, въ отличіе отъ права гражданскаго или частнаго, систему общественного права.

Общественное право имѣетъ свои лица или субъекты, свои предметы права и способы приобрѣтенія, свои права и законы о правахъ, какъ установительные, такъ и охранительные, но все это въ другомъ размѣрѣ, съ другимъ характеромъ и другимъ значеніемъ, чѣмъ въ гражданскомъ и государственномъ правѣ.

Субъектами общественного права являются прежде всего семейства, общины, сословія, вообще органическія соединенія, представляющія собою весь народъ и все населеніе, все общество, къ которому частныя лица принадлежатъ не отдѣльными своими дѣйствіями, а всею жизнью,

и отъ котораго получаютъ не одно гражданское, а полное человѣческое значеніе.

Объектами общественнаго права бываютъ не одни имущества движимыя и недвижимыя, благопріобрѣтенныя и родовыя, а всё предметы природы, вся природа, со всёми ея производительными силами, и всё народныя человѣческія средства къ разработкѣ этихъ силъ, — дороги, каналы, почты, школы и учрежденія для развитія въ народѣ просвѣщенія.

Права, входяція въ составъ общественнаго права, имѣютъ другой характеръ и другое, болѣе высокое, значеніе, въ сравненіи съ другими правами. Характеръ этихъ правъ не можетъ быть выраженъ понятіемъ о собственности, а развѣ только понятіемъ о вѣчномъ и неизмѣнномъ владѣніи, какимъ оно не бываетъ въ частномъ правѣ. Напримѣръ, нѣтъ города безъ земли, но это право города на землю исключаетъ право отчужденія. Значеніе общественнаго права также совершенно особенное. Если гражданское право даетъ частному лицу право на проходъ и проѣздъ къ полю и водѣ, то въ общественномъ образуется отсюда доступное для всёхъ право путей сообщенія. Если въ частномъ правѣ открыты для лицъ способы пріобрѣтенія, извѣстныя въ жизни подъ названіемъ наследованія, находки, купли-продажи, то въ общественномъ всёмъ дано право рыть горы для прісковъ, заводить фабрики, вступать въ торговлю и т. п. Далѣе, если въ частномъ правѣ семья рассматривается какъ условіе для бытія, то въ общественномъ отсюда выводятся вопросъ о народонаселеніи и т. п. Наконецъ, самая защита и обезпеченіе правъ въ общественномъ правѣ явно разнится отъ защиты и обезпеченія, предоставляемыхъ частнымъ правомъ. Здѣсь защита правъ дѣйствуетъ только на основаніи прошеній, посредствомъ судебныхъ приговоровъ; тогда какъ въ общественномъ правѣ часто дѣло идетъ объ отстояніи правъ населенія отъ вліянія цѣлой природы, для чего необходимо бываетъ смыкать народъ въ систему взаимнаго страхованія, разлагать потери частныхъ лицъ между всею массою народа и общими усиліями и пожертвованіями вознаграждать частныя лица за всё ихъ потери.

Послѣ этихъ предварительныхъ разъясненій, *г. Лешковъ* опредѣляетъ общественное право какъ *право частныхъ лицъ и общества на ту дѣятельность и на тѣ средства, которыми совершается въ государствѣ развитіе и обезпеченіе цивилизаціи, или благосостояніе народа*; общественное право состоитъ въ правѣ личности на ея развитіе, посредствомъ пользованія общественными установленіями, существующими въ государствѣ для этой цѣли.

О соотношеніи общественнаго права съ уголовною юстиціей *г. Лешковъ* говоритъ, что послѣдняя служитъ обезпеченіемъ ненарушимости всёхъ законовъ и гражданского и общественнаго и государственнаго права, а потому не можетъ составлять труднаго вопроса дѣло различія этой сферы права отъ права общественнаго. О соотношеніи съ политическою экономіей, онъ говоритъ, что политическая экономія, будучи наукой о цѣнностяхъ, изъ которыхъ составляется народное богатство, тѣсно сближается съ общественнымъ правомъ. Та и другая

наука говорятъ о народномъ богатствѣ, но съ тѣмъ различіемъ, что въ политической экономіи богатство есть цѣль и высшая идея науки, въ общественномъ же правѣ богатство есть одно изъ средствъ, или одинъ изъ элементовъ народнаго благосостоянія, причемъ политическая экономія разсматриваетъ богатство только съ его матерьяльной стороны, а общественное право разсматриваетъ благосостояніе народа во всей его полнотѣ. Далѣе, политическая экономія разсматриваетъ богатство какъ сумму индивидуальныхъ усилій, а общественное право какъ результатъ дѣятельности общества. Наконецъ, политическая экономія разсматриваетъ богатство отвлеченно, а общественное право—во времени и въ мѣстѣ.

Держась „историко-теоретическаго“ метода, г. Лешковъ устанавливаетъ самостоятельную систему общественного права. Система эта обнимаетъ законы о лицахъ, предметахъ, правахъ и средствахъ защиты этихъ правъ. Прежде всего законы общественного права говорятъ о дѣятеляхъ, лицахъ, или субъектахъ общественного права, опредѣляя ту степень простора или свободы, которая необходима имъ, какъ для пользованія общественнымъ правомъ, такъ и для его дальнѣйшаго развитія. Главныя начала при этомъ выражаются въ устраненіи личной физической зависимости и въ узаконеніи бытія личности въ общности, въ избѣжаніи обособленія лицъ и въ противодействіи безусловному господству общаго надъ частнымъ. Послѣ того, общественные законы излагаютъ понятіе о предметахъ общественного права, или объектахъ, и преимущественно объ основаніи всякаго вещнаго права, о землѣ, устанавливая тотъ способъ общественного владѣнія землею въ государствѣ, который наиболѣе общааетъ успѣха для развитія интересовъ народа. Затѣмъ слѣдуютъ законы о правѣ личности на бытіе, или о народонаселеніи, и законы о правѣ на сближеніе народа и его различныхъ элементовъ, посредствомъ дорогъ или путей сообщенія, и посредствомъ почтъ и подобныхъ учреждений. Далѣе слѣдуютъ установительные законы о правѣ труда, съ одной стороны, для развитія вещественнаго, а съ другой, для развитія духовнаго благосостоянія. Въ первомъ случаѣ, они извѣстны подъ именемъ законовъ о промышленности сельской, ремесленной, фабричной, торговой; во-второмъ, законы излагаютъ учреждения и мѣры къ образованію народа умственному, эстетическому и нравственно-религіозному, посредствомъ дѣйствія семьи, церкви, школы. — Во-второй части системы общественного права излагаются охранительные законы, которые содержатъ въ себѣ опредѣленія для дѣятельности общества, стремящагося спасти себя какъ отъ вреднаго вліянія внѣшней природы, такъ же и отъ вредныхъ дѣяній человѣка. Эта дѣятельность начинается предупрежденіемъ зла и его пресѣченіемъ; но, въ случаѣ ихъ несостоятельности, она переходитъ въ соединеніе населенія въ систему взаимнаго застрахованія, съ цѣлю вполне спасти частное лицо отъ совершеннаго раззоренія, посредствомъ разложенія на общество частной потери, не чувствительной для цѣлой системы соединенія. Однимъ словомъ, говоритъ авторъ, такъ какъ право есть мѣра свободы, то общественное право узаконяетъ предѣлы, до которыхъ простирается требованіе общества, чтобы государство осу-

шествляло идеи науки, и до которых доходить право частных лиц требовать от общества, чтобы оно выводило все добытые государством результаты науки до каждой личности в народѣ. — Относительно оснований для этой системы в русском Сводѣ Законовъ, г. *Лешиковъ* замѣчаетъ, что законы установительные носятъ въ Сводѣ Законовъ названіе законовъ благоустройства, а законы охранительные называются законами благочинія. Законы установительные или благоустройства основываются на идеѣ свободнаго пользованія общественными учреждениями; законы охранительные опредѣляютъ обязательную дѣятельность, требуемую отъ настоящаго поколѣнія для сохраненія всего общественнаго на пользу будущихъ поколѣній ¹⁾.

При несомнѣнныхъ, капитальныхъ достоинствахъ изслѣдованія г. *Лешикова*, оно не чуждо и недостатковъ. Замѣна термина „полиція“ общественнымъ правомъ вызвана въ сущности тѣми-же мотивами, которые заставили *Лоренца Штейна* назвать полицію внутреннимъ управленіемъ. Проф. *Лешиковъ*, какъ и *Лоренцъ Штейнъ*, доказываетъ, что первоначальная дѣятельность государства ограничивалась только охраною безопасности и только эта дѣятельность, безъ соучастія общества, названа была полиціей. Но изъ того, что полиція, вслѣдствіе разныхъ причинъ, первоначально ограничивала свою дѣятельность лишь охраною безопасности, не слѣдуетъ, что она всегда оставалась только при этой задачѣ, наоборотъ, мы видимъ, что, съ развитіемъ верховной власти и государственности, задачи полиціи быстро расширились, причемъ самое заимствованіе у грековъ термина „полиція“ сдѣлано было отнюдь не для опредѣленія только той дѣятельности государства, которая имѣла цѣлью установленіе условій безопасности, а всей дѣятельности государства вообще въ отношеніи къ внутреннему управленію, по необходимости ограничивавшейся на первыхъ порахъ одною безопасностью. При послѣдующемъ-же быстромъ возрастаніи предметовъ полиціи, когда идеи права, общества и государства достигли извѣстной степени развитія, начался какъ-бы обратный процессъ выдѣленія изъ полиціи отдѣльныхъ предметовъ, какъ самостоятельныхъ сферъ, и процессъ этотъ продолжается до сихъ поръ, но не на тѣхъ основаніяхъ и не въ тѣхъ предѣлахъ, какъ это дѣлаютъ гг. *Лешиковъ* и *Штейнъ*. Далѣе, что касается положенія, будто-бы полицейская дѣятельность исключаетъ соучастіе общества, то и это не вѣрно. Мы видимъ, что государство въ дѣлѣ созданія условій благоустройства и безопасности дѣйствуетъ не одно, а при соучастіи органовъ самоуправления и разныхъ союзовъ, причемъ такая совмѣстная дѣятельность различныхъ органовъ представляетъ различныя ступени развитія. Исторія указываетъ на періодъ въ жизни государства, когда эта дѣятельность сосредоточивается въ рукахъ только общества такъ, что правительство или вовсе не принимаетъ участіе въ немъ, или-же участіе это чрезвычайно слабо, ограничено; во та-же исторія указываетъ и на такіе періоды, когда дѣятельность эта вся сосредоточивается въ рукахъ одного

¹⁾ Схематическое изображеніе системы общественнаго права по *Лешикову* см. *И. Тарасова* опытъ разработки программы и конспекта общей части науки полицейскаго права. Ярославль, 1879 г.

только правительства, безъ всякаго участія общества и органовъ самоуправления; наконецъ, въ настоящее время мы видимъ совмѣстную дѣятельность органовъ правительства, самоуправления и общественныхъ союзовъ. Подобныя историческія ступени замѣчаются въ области не одной только полиціи, но и юстиціи, финансовъ и проч. Такимъ образомъ очевидно, что явленіе временное, проходящее, *Лоренцъ Штейнъ* и г. *Лешковъ* приняли за постоянное и на этомъ основаніи нашли не только возможнымъ, но и необходимымъ изъять изъ понятія о полиціи всѣ тѣ области, дѣятели въ которыхъ является не одно только правительство.

Предлагаемое г. *Лешковому* понятіе объ общественномъ правѣ не обнимаетъ собою всей совокупности полицейской дѣятельности, такъ какъ дѣятельность эта служитъ не только обществу или, вѣрнѣе, народу, но и единичнымъ лицамъ, и совершается не только посредствомъ общественныхъ органовъ но и посредствомъ органовъ правительственныхъ и самоуправления; поэтому, включая въ общественное право всю т. н. полицейскую дѣятельность, г. *Лешковъ* неизбежно неправильно расширилъ-бы имъ-же самимъ установленное понятіе; оставаясь-же въ предѣлахъ понятія объ общественномъ правѣ, онъ долженъ былъ-бы указать на положеніе остальной части полицейской дѣятельности и на отношеніе ея къ общественному праву, чего онъ однако не дѣлаетъ. Кромѣ того, самое понятіе объ общественномъ правѣ построено у *Лешкова* на ошибочномъ, хотя и весьма распространенномъ, воззрѣніи на общество и государство, какъ на явленіяхъ не только отличныхъ, но и какъ-бы враждебныхъ другъ другу.

Далѣе, проф. *Лешковъ* дѣлитъ общественное право на законы установительные и охранительные, это дѣленіе соотвѣтствуетъ ошибочному раздвоенію науки полицейскаго права на полиціи благоустройства и безопасности, но г. *Лешковъ*, усиливаетъ эту ошибку еще тѣмъ, что законы охранительные онъ совершенно произвольно и безъ всякой надобности подраздѣляетъ на законы предупредительные и охранительные, относя къ послѣдней категоріи одно лишь призрѣніе. Въ сущности весьма распространенное раздвоеніе науки полицейскаго права на отдѣлы благоустройства и безопасности не имѣетъ за себя ни теоретическихъ, ни практическихъ данныхъ. Во первыхъ, объ полиціи имѣютъ одинъ общій источникъ, изъ котораго онѣ извлекаютъ свои основныя положенія, — а именно общественныя отношенія, сложившіяся исторически въ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Во-вторыхъ, законы, опредѣляющіе эти отношенія, установлены ради благоустройства и ради безопасности. Въ третьихъ, дѣятельность той и другой полиціи имѣетъ одну и ту-же конечную задачу, — общее благо; вручается болѣею частью тѣмъ-же самымъ органамъ и въ обществѣ не отличается даже характеромъ своихъ мѣръ: часто цѣли благоустройства достигаются мѣрами отрицательными, цѣли-же безопасности — мѣрами положительными. Слѣдовательно полиціи благоустройства и полиціи безопасности, различаясь, не представляютъ однако раздвоенія, но суть части одного цѣлаго, — полиціи вообще, проникнутой однимъ принципомъ и преслѣдующей одну задачу. Полиція безопасности входитъ въ составъ полиціи вообще только какъ предметъ, какъ одна изъ отраслей полицейской дѣятельности точно такъ-же какъ входятъ въ составъ полиціи вообще полиція дорожная, торговая, промышленная, кредитная и т. п., съ той

только разницей, что отрасль полицейской дѣятельности, имѣющая предметомъ безопасность, находится въ болѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ остальными отраслями полицейской дѣятельности, чѣмъ эти отрасли между собою, хотя и эта разница условная и во всякомъ случаѣ она можетъ вліять только на то или другое распредѣленіе предметовъ полицейской дѣятельности въ общей системѣ науки полицейскаго права, но не можетъ служить основаніемъ для раздвоенія этой науки, тѣмъ болѣе, что вредъ отъ такого раздвоенія очевидный и двоякій. Во первыхъ, большая часть предметовъ науки полицейскаго права раздвѣляется на двѣ части, въ ущербъ цѣльности и всесторонности обзрѣнія; во вторыхъ, нѣкоторые предметы рассматриваются въ двухъ разграниченныхъ отдѣлахъ нерѣдко съ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, и, въ третьихъ, нѣкоторые предметы рассматриваются исключительно только въ отдѣлѣ полиціи благоустройства, или полиціи безопасности, вызывая этимъ одностороннее отношеніе къ изслѣдуемому предмету, причемъ отнесеніе одного и того-же предмета въ тотъ или другой отдѣлъ часто различно у различныхъ изслѣдователей. Такъ, на примѣръ, страхование относится всецѣло то въ отдѣлъ полиціи благоустройства, то въ отдѣлъ полиціи безопасности, тогда какъ страхование имѣетъ отношеніе къ тому и къ другому отдѣламъ и трудно, или даже невозможно опредѣлить, съ какимъ изъ двухъ указанныхъ отдѣловъ вопросъ о страхованіи имѣетъ болѣе тѣсную связь. Также, на примѣръ, вопросъ о печати рассматривается въ отдѣлѣ полиціи благоустройства съ точки зрѣнія содѣйствія развитію печатнаго промысла, распространенія и удешевленія книгъ, развитія свободы слова, тогда какъ въ отдѣлѣ полиціи безопасности о томъ-же предметѣ говорится въ связи съ вопросомъ о цензурѣ, о превентивныхъ и репрессивныхъ мѣрахъ, о примѣненіи концессионной системы къ открытію типографій, объ инспекторахъ по дѣламъ печати и т. п. Тоже самое происходитъ и съ вопросомъ о паспортахъ, рассматриваемомъ исключительно только въ отдѣлѣ полиціи безопасности, не смотря на его несомнѣнное и большое вліяніе на условія благоустройства и т. д.

Соотношенія между общественнымъ правомъ и уголовною юстиціей и политической экономіей опредѣлены проф. *Лешковымъ* недостаточно ясно; ничего не сказано о т. н. судебной полиціи, равно какъ характеръ и значеніе политической экономіи опредѣлены неполно и неясно. Затѣмъ система Г. *Лешкова*, основанная на распредѣленіи предметовъ въ зависимости отъ связи ихъ съ формами общенія (семья, община, сословіе, народъ), едва-ли правильная, такъ какъ основаніе ея не представляется постояннымъ, неизмѣннымъ, подчиняясь историческому развитію: отношеніе между предметами и формами общенія совершенно различно въ разныхъ историческихъ эпохи.

Тѣмъ не менѣе, книга проф. *Лешкова* была неоцѣненнымъ вкладомъ въ русскую литературу по наукѣ полицейскаго права и, независимо отъ всѣхъ другихъ ея достоинствъ, заключающихся въ самостоятельности, богатствѣ тщательно и научно обработаннаго матерьяла, въ ясности изложенія и т. п., главное достоинство ея, вмѣстѣ съ послѣдованіемъ *Лоренца Штейна* заключается въ установленіи юридическихъ началъ для полицейской дѣятельности, каково-бы ни было даваемое ими ей названіе,

При прежней обработкѣ, полиція не имѣла и не могла имѣть значенія не только юридической науки, но и науки вообще, такъ какъ систематически излагаемыя разныя практическія соображенія относительно того, какія мѣропріятія могутъ въ болышой или меньшей мѣрѣ содѣйствовать благосостоянію, безъ малѣйшаго научнаго анализа тѣхъ правоотношеній, которыя создаются этими мѣропріятіями, безъ малѣйшаго анализа правовыхъ (юридическихъ) началъ, на которыя должны опираться эти мѣропріятія и безъ опредѣленія вопроса о правомѣрномъ распредѣленіи политической дѣятельности между органами правительства, самоуправления и общественныхъ союзовъ, — не могли создать ни науки вообще, ни, тѣмъ менѣе, науки юридической. При такихъ условіяхъ, полиція была не наукой, а искусствомъ и въ нее входила дѣлая масса предметовъ, не имѣвшихъ ровно ничего научнаго, какъ, напримѣръ, вопросы о крашеніяхъ иривникахъ, луженіи посуды и т. п. (см. у *Моля*). Гг. *Лешковъ* и *Штейнъ* выдвинули на первый планъ анализъ юридическаго значенія и формъ полицейской дѣятельности и собственно съ этого времени сдѣлалась возможною разработка науки полицейскаго права, какъ самостоятельной отрасли правовѣдѣнія, къ зачѣту т. н. науки о полиціи, которая въ прежней своей обработкѣ, не заключавшей въ себѣ ничего научнаго.

Съ 1869-го года началъ появляться въ печати, отдѣльными выпусками, курсъ полицейскаго права *Н. Х. Бунге*, (введеніе и государственное благоустройство). Первый выпускъ, значительно и существенно измѣненный и дополненный, вышелъ въ 1873 г. вторымъ изданіемъ. Первое изданіе начиналось съ чрезвычайно краткаго введенія, заключавашаго въ себѣ общія понятія, послѣ чего слѣдовало изложеніе законовъ благоустройства, предшествуемыхъ разборомъ экономическихъ ученій, въ число которыхъ не вошли нѣкоторыя ученія, весьма замѣчательныя, какъ, напримѣръ, ученія *Мальтуса*, *Риккардо*, *Миля* и др. Во второмъ изданіи, 1873-го года, общія понятія нѣсколько расширены и измѣнены: въ первомъ изданіи при раздѣленіи полиціи на отдѣлы благосостоянія (законы благоустройства) и безопасности (законы благочинія), *г. Бунге* считалъ благоустройство прикладною частью политической экономіи и дѣйствующею преимущественно мѣрами положительными, а благочиніе — частью государственнаго права и дѣйствующею преимущественно мѣрами отрицательными, причѣмъ однако онъ соединялъ эти два отдѣла. Во второмъ изданіи *г. Бунге* ограничился по тому-же вопросу только поясненіемъ, что хотя основныя начала благоустройства и благочинія представляютъ существенное отличіе, тѣмъ не менѣе они имѣютъ много общаго между собою. Тутъ-же встрѣчается какъ-бы намекъ на раздѣленіе науки полицейскаго права на общую и особенную части. Далѣе слѣдуетъ краткое указаніе на общественныя, мѣстные и личныя союзы на томъ основаніи, что полицейское право излагаетъ юридическія нормы, которыя подчиняются общественныя отношенія, въ видахъ общаго блага, т. е. благосостоянія и безопасности; эти нормы, говоритъ *Н. Х. Бунге*, учреждаются и поддерживаются полицейскою властью, установленною въ союзахъ, возникающихъ между людьми, поэтому, прежде всего, необходимо ознакомиться со свойствами и назначеніемъ этихъ союзовъ, съ органами полицейской власти, съ предметомъ вѣдомства послѣдней

и съ кругомъ ея дѣятельности. Обо всемъ этомъ сказано весьма кратко, безъ установленія какого-либо руководящаго начала; такъ, напримѣръ, о кругѣ вѣдомства и предѣлахъ исполнительной власти сказано только, что „они различны, смотря по тому, въ какой мѣрѣ отдѣлена законодательная власть отъ исполнительной и какою самостоятельностью пользуются союзы, подчиненные государству. Въ правильно устроенныхъ политическихъ обществахъ органы внутренняго управления обязаны во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ строго сообразоваться съ законами“. Затѣмъ, упомянувъ о семействѣ, словесіяхъ и церкви, *г. Бунге* указываетъ на то, что противоестественное развитіе началъ, полагаемыхъ въ основаніе тѣхъ или другихъ союзовъ, создало три направленія въ государственныхъ наукахъ — государственное, федеративное и личнаго интереса, причѣмъ онъ заявляетъ себя сторонникомъ начала государственнаго. Послѣ этого, находя излишнимъ излагать устройство полицейской власти, образа ея дѣятельности и предметовъ вѣдомства, какъ относящихся къ государственному праву, авторъ считаетъ необходимымъ указать только на отношенія правительства къ мѣстному управленію, а потому въ бѣгомъ очеркѣ онъ описываетъ мѣстныя учрежденія Англіи, Франціи, Пруссіи и Россіи, посвящая больше всего вниманія нашему городскому управленію. Далѣе слѣдуютъ колоніи, такъ какъ *г. Бунге* считаетъ ихъ за особый видъ земства, причѣмъ о колоніяхъ говорится несоотвѣтственно много, сравнительно съ личными союзами, которымъ посвящена одна лишь страница объемистаго курса. Сравненіе законодательства о личныхъ союзахъ, авторъ полагаетъ болѣе удобнымъ, при разнородности ихъ, производить при сравненіи отдѣльныхъ частей полицейскаго права.

Послѣ этихъ общихъ понятій, не исчерпывающихъ всего содержанія общей части науки полицейскаго права, *г. Бунге* переходитъ къ изложенію законовъ благоустройства, основаніе которыхъ, по его мнѣнію, содержится въ прикладной части политической экономіи. Въ виду-же взаимодѣйствія между ученіями экономистовъ, хозяйственнымъ бытомъ и законами, устанавливающими нормы хозяйственныхъ отношеній, авторъ полагаетъ необходимымъ поставить въ системѣ науки на первомъ планѣ экономическія ученія, которымъ онъ и посвящаетъ весьма много мѣста, — въ особенности-же критикѣ ученій социалистовъ и коммунистовъ. Затѣмъ, при изложеніи т. н. авторомъ науки законовъ благоустройства, онъ избираетъ не теоретическое основаніе, а практическое (?), т. е. онъ распределяетъ матерьялъ согласно съ различными отраслями дѣятельности человѣка, направленными къ удовлетворенію потребностей. Руководствуясь этими соображеніями, *Н. Х. Бунге* рекомендуетъ въ 1-мъ изданіи слѣдующую систему науки законовъ благоустройства, не касаясь законовъ благочинія: онъ дѣлитъ свой курсъ на двѣ книги, причѣмъ въ первую книгу входитъ историческій очеркъ экономическихъ ученій, во вторую-же — обзорніе различныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности. Обзорніе это заключаетъ въ себѣ 8 раздѣловъ: добывающую, земледѣльческую, обрабатывающую и торговую промышленность; дѣятельность, облегчающую обороты и сношенія: духовную дѣя-

тельность; дѣятельность для обезпеченія доходовъ, имущества и удовлетворенія потребностей; мѣстное общественное хозяйство. Каждый раздѣлъ распадается на нѣсколько главъ, причемъ въ раздѣлѣ III-мъ, объ обрабатывающей промышленности, одна глава посвящена введенію, котораго нѣтъ во всѣхъ другихъ раздѣлахъ; раздѣлъ-же VIII-ой, о мѣстномъ общественномъ хозяйствѣ, состоящій изъ 3-хъ главъ (областное хозяйство, городское и сельское хозяйство, колоніи), во 2-мъ изданіи перваго выпуска перенесенъ во введеніе при рассмотрѣніи органовъ полиціи. Въ курсѣ, при выполненіи этой системы допущены нѣкоторые отступленія.

Курсъ полицейскаго права *Н. Х. Бунге* до сихъ поръ не оконченъ: „законовъ благочинія“ въ немъ вовсе нѣтъ, „наука-же законовъ благоустройства“ доведена только до VII раздѣла.

Главное достоинство книги *Н. Х. Бунге* заключается въ тщательной разработкѣ тѣхъ отдѣловъ предмета, въ которыхъ преобладаетъ хозяйственный характеръ; но въ общемъ, курсъ *г. Бунге* построенъ на несовсѣмъ вѣрныхъ по нашему мнѣнію началахъ. Нельзя нижнимъ образомъ раздѣлить воззрѣнія автора на науку полицейскаго права, какъ на состоящую изъ двухъ частей, изъ которыхъ обѣ не имѣютъ самостоятельнаго значенія, являясь одна въ видѣ экономическихъ ученій получившихъ *практическій* характеръ въ прикладной части политической экономіи и отсюда перешедшихъ въ законодательство, а другая — частью государственнаго права. Кроме того, вводя новый терминъ, а именно „наука законовъ благоустройства“, авторъ не только не доказалъ и не оправдалъ необходимости этого термина и не выяснилъ его значенія, но и связалъ его еще съ другимъ терминомъ, съ т. н. прикладною частью политической экономіи; причемъ *г. Бунге*, упустивъ изъ виду различіе, дѣлаемое *Карломъ Рау*, который первый указалъ на отдѣльность этой части, между *хозяйственной полиціей* (*Wirthschaftspolizei*, *Volkswirthschaftspflege*, *Wohlstandssorge*) и *народно-хозяйственной политикой* (*Volkswirtschaftspolitik*), кажется намъ, невѣрно ставить эти термины рядомъ, какъ однозначащіе, и столь-же невѣрно опредѣляетъ послѣднимъ нѣмецкимъ терминомъ прикладную часть политической экономіи, тогда какъ *Рау* ясно говоритъ, что *Volkswirtschaftspolitik* не есть прикладная часть политической экономіи, а что она имѣетъ значеніе самостоятельной науки ¹⁾. Вслѣдствіе этого въ со-

¹⁾ Подобно *Рау* и русскій экономистъ, *г. Вернадскій*, признаетъ за наукой о *благосостояніи* (благоустройствѣ) самостоятельное значеніе. Въ своемъ критико-историческомъ изслѣдованіи объ итальянской политико-экономической литературѣ до начала XIX вѣка, появившемся въ 1849 г., онъ говоритъ, что связь между предметомъ теоріи и предметомъ практики политической экономіи чисто случайная: предметъ теоріи политической экономіи постоянно составляетъ *цѣльность*, предметъ практики — *народное благосостояніе*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ каждый изъ этихъ предметовъ можетъ и долженъ имѣть свою *отдѣльную теорію* и свою *отдѣльную практику*. Предметомъ изслѣдованія науки о *благосостояніи* должно служить удовлетвореніе потребностей: каждая вещь

держаніи курса *г. Бунге* не могла быть выдержана строгая система и появляются нѣкоторыя случайности. Такъ напр. добавленія, сдѣланныя во 2-мъ изданіи перваго выпуска, куда включено разсмотрѣніе мѣстныхъ и общественныхъ союзовъ и колоній, не касаясь остальныхъ органовъ полиціи на томъ основаніи, что разсмотрѣніе ихъ входитъ въ государственное право, тогда какъ разсмотрѣніе земскихъ учреждений и городского управленія вѣдь также входитъ въ государственное право. Точно также изложеніе экономическихъ ученій, въ особенности въ той формѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это дѣлаетъ *г. Бунге*, кажется искусственно притянутымъ къ курсу, безъ сомнѣнія, знакомство съ экономическими ученіями необходимо для изученія науки полицейскаго права, но для той-же цѣли столь-же необходимо и знакомство съ ученіями политическими, однако изъ этого не слѣдуетъ, что въ курсъ какой либо науки должно войти изложеніе всѣхъ другихъ наукъ съ которыми она находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи ¹⁾.

Въ 1871 году изданъ былъ 1-й томъ Полицейскаго Права проф. *И. Е. Андреевскаго*, заключавшій въ себѣ введеніе и полицію безопасности; послѣ этого, въ 1873 году, появился и 2-й томъ, посвященный полиціи благоустройства. Первый томъ вышелъ въ 1874 году вторымъ изданіемъ. *Г. Андреевскій* называетъ полиціей совокупную дѣятельность правительства и общества для созданія условій благоустройства и безопасности, а такъ какъ привлеченіе общества къ этой дѣятельности произошло лишь въ недавнее время, то говорить авторъ, это привлеченіе новаго органа не могло не измѣнить значенія полицейской дѣятельности, содержанія полицейскаго законодательства и существа науки, которая имѣетъ цѣлью разъяснить полицейскую дѣятельность государства и которая черпаетъ свои истины изъ философской науки (науки полиціи) и заключается въ анализѣ положительнаго полицейскаго законодательства, нося названіе науки полицейскаго права. Авторъ объясняетъ въ предисловіи, что изученіе полицейской дѣятельности общества, рядомъ съ полицейскою дѣятельностію правительства, и разъясненіе началъ, связу-

принимается въ ней, не какъ цѣнность, а какъ годность; индивидуумъ, о которомъ не заботится наука цѣнно-тей, находится здѣсь на первомъ планѣ; здѣсь разсматриваются *его* интересы и въ виду имѣется *его* дѣятельность, *его* развитіе. *Г. Вернадскій* не только не отнимаетъ самостоятельнаго значенія науки о благосостояніи для подчиненія ея политической экономіи, какъ прикладной части ея, но находитъ даже между этими двумя науками разногласіе. Примиреніе ихъ, говоритъ онъ, можетъ быть предпринято только на практикѣ, но не въ теоріи, въ которой требуется безусловная логичность выводовъ и строгое единство предмета.

¹⁾ Предоставивъ *г. Тарасову* свободу критическихъ сужденій, невольнѣ нами раздѣлаемыхъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить относительно курса *Н. Х. Бунге*, что онъ превосходно достигаетъ своей цѣли служить пособіемъ при университетскомъ преподаваніи. Другой цѣли почтенный авторъ не имѣлъ; съ точки зрѣнія этой цѣли слѣдуетъ обсуждать его трудъ, и въ этомъ отношеніи онъ оказалъ большую услугу университетской наукѣ. Сверхъ того см. ниже отзывъ по этому предмету ближайшаго нашего сотрудника по полицейской наукѣ *И. Е. Андреевскаго*.

Ред.

щихъ въ самомъ законодательствѣ эти двѣ вѣтви органически, было задачей его труда.

И. Е. Андреевскій объясняетъ, что для жизни человѣка развитія его способностей и возможности достиженія его человѣческихъ цѣлей, необходимы извѣстные условія, между которыми главнѣйшее мѣсто занимаютъ безопасность и благосостояніе. Безопасность обезпечивается предупрежденіемъ и пресѣченіемъ опасностей, могущихъ грозить, какъ отъ злой воли другихъ людей, такъ и отъ силъ природы и различныхъ несчастныхъ случаевъ. Благосостояніе достигается возможностью пріобрѣсти и пользоваться извѣстнымъ количествомъ матеріальныхъ благъ, необходимыхъ для удовлетворенія сознаваемыхъ человѣкомъ потребностей, и, кромѣ того, возможностью достигать извѣстнаго духовнаго развитія. Оба эти условія, — безопасность и благосостояніе, находятся въ неразрывной органической связи: всякая мѣра, содѣйствующая обезпеченію безопасности, тѣмъ самымъ содѣйствуетъ и развитію благосостоянія, и на оборотъ. государство, въ дѣлѣ созданія такихъ условій, дѣйствуетъ въ цѣлой своей совокупности: отдѣльныя лица, въ соединеніи своихъ силъ съ другими отдѣльными лицами, въ видѣ меньшихъ или большихъ союзовъ, отдѣльные такіе союзы, взаимно соединяясь другъ съ другомъ въ болѣе сильные общественные союзы, затѣмъ общины и правительство напрягаютъ силы для обезпеченія условій благосостоянія и безопасности, причѣмъ такая совокупная дѣятельность государственныхъ элементовъ представляетъ въ своемъ историческомъ развитіи весьма различныя степени. Таковую дѣятельность цѣлаго государства, т. е. отдѣльныхъ лицъ, союзовъ общественныхъ и правительства, для созданія условій безопасности и благосостоянія, авторъ называетъ полицейскою, въ обширномъ смыслѣ этого слова, производя этотъ терминъ отъ греческаго *πολιταια*: полицейскою же дѣятельностью, въ тѣсномъ смыслѣ, онъ называетъ дѣятельность правительства, заключающуюся въ наблюденіи за предпріятіями частныхъ лицъ, союзовъ и обществъ, имѣющими цѣлью обезпеченіе условій безопасности и благосостоянія, и въ принятіи съ своей стороны мѣръ для обезпеченія этихъ условій, при недостаточности для того частной и общественной дѣятельности. Проявленія полицейской дѣятельности, въ тѣсномъ смыслѣ, авторъ видитъ, во-первыхъ, въ полицейскомъ законодательствѣ страны, опредѣляющемъ начала и положенія этой дѣятельности; во-вторыхъ, въ полицейской администраціи, т. е. въ дѣятельности государственныхъ центральныхъ и мѣстныхъ установленій, которымъ вѣряются опредѣленные вѣтви полицейскаго дѣла, причѣмъ установленія эти, пользуясь правами издавать предписанія, должны однако оставаться въ предѣлахъ закона, различіе-же въ условіяхъ возбужденія ответственности администраціи въ различныхъ государствахъ, и различно понимаемое отношеніе административнаго распоряженія и предписанія къ положительному закону даютъ различныя послѣдствія относительно возможности административнаго произвола и пренебреженія правами частныхъ лицъ; и, въ третьихъ, въ дѣятельности органовъ исполнительной полиціи, являющихся необходимыми для обезпеченія дѣятельности полицейскихъ установленій и примѣненія полицейскаго закона. Полицейское законодательство, центральныя и мѣстныя полицейскія установленія и органы

исполнительной полиціи должны находиться въ органической связи, стронтыся на однихъ и тѣхъ-же началахъ.

Затѣмъ, указавъ на связь полицейской дѣятельности съ другими видами государственной дѣятельности, *г. Андреевскій* переходитъ къ анализу соотношенія полицейскаго права съ другими науками, причемъ непосредственное соотношеніе замѣчаетъ онъ прежде всего съ философскою наукою полиціи, подвергающей изученію истины, на которыхъ зиждется полицейская дѣятельность государства; соотношеніе-же съ науками полицейской экономіи, общественвѣдѣнія и политики устанавливается только чрезъ посредство науки о полиціи. Кромѣ того авторъ замѣчаетъ связь полицейскаго права съ правомъ государственнымъ, военнымъ, финансовымъ, гражданскимъ, судебнымъ, церковнымъ, международнымъ и уголовнымъ.

Задачей полицейскаго права *г. Андреевскій* ставитъ изученіе полицейскаго законодательства, т. е. систематическое его изложеніе съ показаніемъ обстоятельствъ и причинъ, вызывающихъ именно такіе-то законы и предписанія, и разъясненіе ихъ началами, представляемыми наукою о полиціи. „Полицейское право, подвергающее такому изученію полицейскія законодательства всѣхъ или многихъ государствъ, есть общее полицейское право. Ограничивающееся изученіемъ полицейскаго законодательства отдѣльнаго какаго-либо государства — составляетъ особенное полицейское право даннаго государства. Для того и другого теорію, могущую объяснить отдѣльные вопросы полицейской государственной дѣятельности, связать всѣ вопросы въ одно систематическое цѣлое и доставить тѣмъ изложенію характеръ науки, является наука полиціи“.

Затѣмъ *И. Е. Андреевскій* переходитъ къ изложенію коренныхъ законовъ науки полиціи, насчитывая впрочемъ только одинъ такой законъ, а именно тотъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда отдѣльное лице собственными своими силами и средствами не можетъ создать такихъ условій безопасности и благосостоянія, безъ которыхъ развитіе его невозможно, тогда на помощь ему должна явиться дѣятельность другихъ, называемая полицейскою. Изъ этого кореннаго закона авторъ дѣлаетъ соответствующіе выводы, согласные съ выработаннымъ понятіемъ о политико-гражданской свободѣ, и устанавливаетъ условія и границы полицейской дѣятельности правительства.

Далѣе слѣдуетъ указаніе на источники полицейскаго права и наконецъ исторія полиціи и науки полиціи, причемъ авторъ различаетъ три ступени полицейскаго развитія государства: 1) почти полное отсутствіе сознанія значенія условій безопасности и благосостоянія, — это до XIII стол.; 2) признанія важности условій безопасности и благосостоянія, стремятся взять это дѣло въ свои руки и доставить безопасность и благосостояніе во что-бы то ни стало, но безъ участія въ этой работѣ со стороны общества, — это до конца XVIII стол.; и 3) вслѣдствіе научнаго анализа условій безопасности и благосостоянія и тѣхъ средствъ, которыя могутъ быть приняты для ихъ обезпеченія, раскрываютъ существо государственной полицейской дѣятельности, какъ дѣятельности общества и правительства, — это съ конца прошлаго сто-

дѣтѣ до настоящаго времени. Разсмотрѣніе каждаго изъ этихъ періодовъ заключается указаніемъ и разборомъ соотвѣтствующей по времени и по содержанию литературы.

Курсъ полицейскаго права проф. *Андреевскаго*, какъ мы сказали, дѣлится на двѣ части, — полицію безопасности и полицію благоустройства. Въ полиціи безопасности авторъ разграничиваетъ опасность отъ злой воли человѣка и опасность, независящую прямо отъ человѣческой воли. Часть вторая состоитъ изъ трехъ раздѣловъ, хотя авторъ указываетъ въ своемъ введеніи только на два, а именно: мѣры, содѣйствующія духовному благосостоянію; мѣры, имѣющія цѣлю обезпечить условія матеріальнаго благосостоянія, и мѣры, обезпечивающія условія благосостоянія какъ духовнаго, такъ и матеріальнаго. Раздѣлы эти также подраздѣляются на главы, пункты и параграфы ¹⁾.

Въ курсѣ *И. Е. Андреевскаго*, рядомъ съ крупными достоинствами, заключающимися главнымъ образомъ въ стремленіи изобразить совмѣстную полицейскую дѣятельность правительства и общества, въ попыткахъ установить для нея юридическія начала, въ живости изложенія и т. д., — вкрались и нѣкоторые, по нашему мнѣнію, недостатки. Раздѣленіе науки полицейскаго права на полицію безопасности и благоустройства нарушаетъ необходимую органическую связь между частями этой науки, и хотя авторъ утверждаетъ, что связь эта тѣмъ не менѣе остается, но одного утвержденія для этого, разумѣется, недостаточно, вслѣдствіе чего первый томъ его курса можно читать какъ отдѣльное изслѣдованіе, независимо отъ второго и наоборотъ, не замѣчая, что обѣ книги должны составлять части одного и того-же органическаго цѣлаго. Затѣмъ, г. *Андреевскій* не доказалъ существованія науки полиціи, не опредѣлилъ точно и ясно ни предметовъ ея, ни содержанія, ни системы, ни основанія, а ограничился только указаніемъ на одинъ коренной законъ этой науки, который по содержанию своему заключаетъ въ себѣ юридическую норму и потому долженъ былъ-бы всецѣло войти въ науку полицейскаго права, а не въ науку полиціи, которой въ дѣятельности не существуетъ. Далѣе, г. *Андреевскій* невѣрно характеризуетъ второй періодъ полицейскаго развитія государствъ, считая его съ XIII стол., какъ такой, когда правительство стремилось въ установленію условій безопасности и благоустройства безъ участія общества: здѣсь, очевидно, авторъ распространилъ явленіе позднѣйшее на періодъ предшествующій, когда, какъ полицейская дѣятельность правительства, въ эту эпоху, была незначительна въ сравненіи съ дѣятельностью общества, общинъ, общественныхъ союзовъ. Точно также кажется намъ невѣрнымъ, что авторъ усматриваетъ зародыши полиціи тамъ, гдѣ не было и не могло быть никакой полиціи, такъ какъ существованіе полиціи и сознаніе идеи ея возможно только какъ результатъ развитой государственной жизни и выработавшихся политико-гражданскихъ правоотношеній.

Нельзя также признать правильнымъ опредѣленіе общаго полицей-

¹⁾ Схематическое изображеніе системы г. *Андреевскаго* см. нашъ Опытъ разработки программы и конспекта и т. д. Ярославль, 1879 г.

скаго права, какъ изучающаго полицейскія законодательства всѣхъ или многихъ государствъ, въ отличіе отъ полицейскаго права даннаго государства. Едва-ли одно только *совмѣстное изученіе* полицейскихъ законодательствъ всѣхъ или многихъ государствъ можетъ создать *общее* полицейское право, все равно какъ одно только совмѣстное изученіе всѣхъ или многихъ расъ не создаетъ еще общей расы. Затѣмъ, разграниченіе мѣръ благосостоянія на содѣйствующія матеріальному, духовному и матеріально-духовному благосостоянію не совсѣмъ удачно, такъ какъ въ большей части случаевъ правильное разграниченіе этихъ двухъ формъ благосостоянія невозможно, вслѣдствіе органической связи ихъ. Наконецъ, система *И. Е. Андреевскаго*, отличающаяся сложностью, представляется намъ не совсѣмъ правильною, такъ какъ она основывается преимущественно на внѣшнихъ данныхъ, вслѣдствіе чего разсмотрѣніе многихъ предметовъ (напр. печать, ассоціаціи, кредитъ и т. п.), раздробляется, въ зависимости отъ различныхъ внѣшнихъ проявленій этихъ предметовъ. Замѣтимъ еще, что хотя указанія, которыя въ изобиліи дѣлаетъ *г. Андреевскій* дѣятельность нашихъ земскихъ учреждений весьма интересны, однако едва-ли они умѣстны въ курсѣ науки полицейскаго права, въ той формѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, какъ это дѣлаетъ уважаемый авторъ.

Сравнительно, курсъ *г. Андреевскаго* страдаетъ гораздо меньше курса *г. Буте* однимъ существеннымъ недостаткомъ, котораго нѣтъ въ изслѣдованіи *г. Лешкова*. Этотъ недостатокъ заключается въ томъ, что, говоря о полицейскомъ *правѣ*, авторы курсовъ какъ-будто забываютъ о *правѣ*. Не развивая самостоятельно ни одного основнаго (юридическаго правоваго) начала, они повидимому полагаютъ возможнымъ анализъ полицейской дѣятельности государства, независимо отъ юридическихъ нормъ, на которыя она опирается, и независимо отъ вызываемыхъ ею правоотношеній. При такихъ условіяхъ наука полицейскаго права сводится къ болѣе или менѣе полному сборнику благопожеланій, изложенныхъ въ болѣе или менѣе удачной системѣ, и этимъ въ значительной степени объясняется то изобиліе терминовъ „полезно“, „дѣлесообразно“, „желательно“ и т. п., которыми заключается изложеніе многихъ отдѣльныхъ предметовъ науки. При такихъ условіяхъ наука полицейскаго права превращается въ искусство; она превращается въ обвѣстивый сборникъ безконечнаго множества полицейскихъ мѣропріятій, безъ малѣйшаго вниманія къ юридическому характеру и основанія ихъ, между тѣмъ какъ несомнѣнно, что наука полицейскаго права есть отрасль правовѣдѣнія. Кромѣ того, оба курса погрѣшаютъ въ отношеніи къ методологіи. Такъ, напримеръ, *г. Буте*, говоря о желѣзныхъ дорогахъ, указываетъ на цѣлый рядъ данныхъ, доказывающихъ несомнѣнное преимущество государственныхъ желѣзныхъ дорогъ предъ частными, но послѣ этого слѣдуютъ слова: „нельзя однако не замѣтить“, приводящія изслѣдователя къ заключенію, что и частныя желѣзныя дороги бываютъ лучше государственныхъ, причемъ не сдѣлано ни малѣйшей попытки къ анализу способовъ перехода частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе государства, тогда какъ тутъ-то преимущественно и выступаетъ полицейско-юридическое значеніе вопроса

о желѣзно-дорожномъ промышлѣ. Какой методъ могъ привести къ такого рода приѣмамъ изслѣдованія? *Г. Бунге* называетъ этотъ методъ положительнымъ (?), „который извлекаетъ общія теоретическія начала изъ сравнительно-историческаго изученія общественныхъ отношеній, входящихъ въ область полицейскаго права“. *Г. Андреевскій*, судя по его указанію, держится „метода сравнительно-историко-статистическаго изложенія“. Признаемся, мы такого метода не знаемъ, равно какъ не понимаемъ, что такое „методъ изложенія“; есть методы изслѣдованія — это одно, есть порядки изложенія — это другое, но метода изложенія нѣтъ и не можетъ быть, какъ это и видно у самаго *г. Андреевскаго*, который объясняетъ свой методъ изложенія такъ: „1) каждый вопросъ постараемся разъяснить положеніями науки полиціи; 2) затѣмъ представлять по возможности сравнительно съ разрѣшеніемъ его въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ (Англіи, Франціи, Пруссіи, Австріи), останавливаясь съ подробностію (насколько долженъ позволять объемъ учебника) на разрѣшеніи этого вопроса въ Россіи; 3) при представленіи дѣйствующаго законодательства разъяснить его историческими указаніями; и 4) присоединять статистическія данныя тамъ, гдѣ по существу вопроса такія данныя необходимы для его разъясненія“. Спрашивается, какимъ-же методомъ разъясняются положенія науки полиціи? и откуда берутся эти положенія? На это *г. Андреевскій* не отвѣчаетъ и, полагаемъ, не безъ серьезнаго основанія.

Кромѣ вышеназванныхъ сочиненій, въ русской литературѣ по наукѣ полицейскаго права, есть еще изслѣдованія, специально посвященныя вопросу о полиціи или полицейскомъ правѣ, какъ наукѣ. Первымъ такимъ изслѣдованіемъ была небольшая статья *Я. Степанова* о полиціи какъ наукѣ во Франціи, напечатанная въ 1867-мъ году въ ученыхъ запискахъ Казанскаго Университета. Въ краткомъ предисловіи авторъ указываетъ на то, что, владея болѣе экономической, чѣмъ юридическою подготовкой, онъ избралъ себѣ въ руководители *Рау*, а не *Моля*. По его мнѣнію, къ изученію науки о полиціи (не науки полицейскаго права, о которой проф. *Степановъ* не упоминаетъ) слѣдуетъ примѣнять сравнительно-историко-физиологическій методъ, называемый иногда органическимъ, реальнымъ. Этотъ методъ старался онъ по возможности приложить къ изложенію (разработкѣ?) главнѣйшихъ отдѣловъ своей науки, а примѣненіе этого метода подало ему мысль прослѣдить развитіе полицейской науки (а именно: какъ матерьяла, составляющаго ея содержаніе — законодательства полицейскаго съ его раздѣленіемъ на догматическую и формальную части, такъ и самой доктрины) у главнѣйшихъ народовъ Европы въ связи, во-первыхъ, съ политическимъ, социальнымъ и экономическимъ строемъ государства, а равно характеромъ и состояніемъ (въ данную эпоху) главнѣйшихъ вѣтвей законодательства и администраціи (полиція, судъ, война, финансы); во-вторыхъ, съ состояніемъ тѣхъ наукъ, которыя находятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи и солидарности съ наукой о полиціи, каковы: наука о правѣ вообще, о государствѣ, о хозяйствѣ народномъ, наконецъ наука объ общественномъ воспитаніи и здоровьи (общественная педагогика и ги-

гиена). У каждого писателя авторъ обращаетъ вниманіе на опредѣленіе, систему и методъ. Полицію онъ разсматриваетъ какъ институтъ, какъ отрасль администраціи.

Исторію французской литературы по наукѣ о полиціи авторъ начинаетъ съ *Деламаре*, находя, что „здѣсь наука какъ-бы разомъ встала во весь ростъ, явилась во всеоружіи, какъ Минерва, притомъ съ такимъ богатствомъ содержанія и послѣдовательностью изложенія, какихъ не достигали позднѣйшіе груды того-же рода“. Очевидно, что въ такомъ отзвѣвѣ преувеличено значеніе *Деламаре*, тѣмъ болѣе, что далѣе самъ г. *Степановъ* указываетъ на то, что во Франціи не суждено было ученію о полиціи развиваться въ самостоятельную науку, причѣмъ ссылается на *Л. Штейна*, который говоритъ, что до настоящаго времени выраженіе „полицейская наука“ непонятно для французовъ. Затѣмъ напрасно г. *Степановъ* находитъ у *Деламаре* развитіе историко-сравнительнаго метода, правда, у *Деламаре* встрѣчаются историческія изслѣдованія, встрѣчаются мѣстами и сравненіе,—онъ даже самъ указываетъ на это и называетъ это методомъ,—тѣмъ не менѣе историко-сравнительнаго метода у него нѣтъ. Далѣе г. *Степановъ* излагаетъ содержаніе сочиненій *Пѣше*, *Фрефье*, опредѣленія полиціи въ словаряхъ *Дезессара*, *Аллеца*, *Вивіена* и др., указывая на полную туманность этихъ опредѣленій. По мнѣнію автора, полиція во Франціи получила значеніе части административнаго права, ученая же разработка положительно административнаго права началась въ относительно недавнее время и быстро достигла блестящаго развитія. Остановливаясь въ особенности на изложеніи курсовъ административнаго права *Де-Жерандо*, *Лафериера*, *Блока*, *Батби*, авторъ, къ сожалѣнію, удѣляетъ сравнительно мало вниманія французскимъ экономистамъ, занимавшимся предметами науки полицейскаго права, причѣмъ напрасно удвѣняется *замѣчательному методу*, котораго держится *Дююйе*, „—метода строго реального, чуждаго всякихъ апіористическихъ построеній, на основаніи опытныхъ данныхъ, опредѣляющаго, при какихъ условіяхъ возможны извѣстные результаты.“ Такого метода держится вся экономическая школа и избобрѣлъ его отнюдь не *Дююйе*. Далѣе слѣдуетъ указаніе на такихъ писателей, которые выдѣляютъ изъ политической экономіи прикладную часть ея, какъ самостоятельную науку; инициативу въ этомъ дѣлѣ авторъ приписываетъ экономисту *Росси*, окончательное-же выдѣленіе произведено было *Курсель-Семелемъ* и *Шевалье*.

Указанную статью г. *Степанова* нельзя не признать весьма полезною и притомъ весьма удачною, первую попытку такого рода изслѣдованій въ русской литературѣ. Вся статья написана прекраснымъ языкомъ. Но жаль, что г. *Степановъ* не сдержалъ даннаго имъ сначала обѣщанія останавливаться на опредѣленіи, системѣ и методѣ каждого изъ цитируемыхъ авторовъ; методъ многихъ изъ нихъ остается неизвѣстнымъ послѣ прочтенія этой статьи. Жаль также, что г. *Степановъ* счелъ неумѣстнымъ распространяться въ своей статьѣ о значеніи метода въ наукѣ; подробное указаніе на значеніе метода въ такой статьѣ, какъ г. *Степанова*, не только умѣстно, но даже необходимо. Далѣе, авторъ не всегда пользуется оригиналами, прибѣгая къ помощи переводовъ, изъ которыхъ нѣкоторые не совсѣмъ удачны. Наконецъ, намъ кажется, г. *Степановъ* напрасно не

обратилъ должнаго вниманія на аналогію между нѣмецкими наукою о полиціи и полицейскимъ правомъ и французскими прикладною частью политической экономіи и административнымъ правомъ. Для исторіи науки полицейскаго права аналогія эта имѣетъ большое значеніе.

Вторая статья проф. *Степанова*, „О полиціи, какъ наукѣ, въ Англіи,“ напечатана также въ ученыхъ запискахъ Казанскаго университета за 1868 г. Въ этой очень коротенькой (11 стр.), но хорошо написанной статьѣ, авторъ указываетъ на бѣдность англійской литературы по наукѣ о полиціи, причемъ обстоятельство это онъ невѣрно приписываетъ, между прочимъ, преобладанію въ Англіи органовъ самоуправленія. Въ англійской литературѣ авторъ видитъ нѣчто среднее между французскою и нѣмецкою литературами по тому-же предмету. Статья посвящена изложенію содержанія сочиненій *Колмухуна*, *Блэкстона*, *Бентама*, *Лорда Брума*, *Бокса* и нѣкоторыхъ англійскихъ экономистовъ.

Третья статья того-же автора, озаглавленная „Первые два періода самостоятельнаго существованія науки о полиціи въ Германіи“, напечатана въ 1869 году. г. *Степановъ* излагаетъ постепенное развитіе и формулированіе понятія о полиціи не изолировано, а параллельно и въ связи съ характеромъ и формой государственнаго быта изслѣдуемой эпохи, а также и съ теоретическими воззрѣніями на государство, господствовавшими тогда въ наукѣ. Авторъ совершенно вѣрно ведетъ начало исторіи съ послѣсредневѣковыхъ временъ, когда средневѣковая государственная власть, стѣсненная въ своихъ движеніяхъ множествомъ автономныхъ кружковъ, сферъ и союзовъ, освободилась наконецъ отъ этихъ перегородокъ и для нея открылось обширное поле дѣятельности. Онъ указываетъ на значеніе въ исторіи науки о полиціи философіи Эвдемонизма, камеральныхъ наукъ и политической экономіи. Затѣмъ слѣдуетъ ясное, толковое и вѣрное изложеніе *Юсти*, *Зоненфельса*, *Рёссига*, *Берга*, *Цахарія*, *Шлѣгера*, *Зодена*, *Якоба*, *Лотца*, *Бэлла*, *Рау*, *Моля* и ии. др.; изложеніе ученія послѣдняго особенно подробно и полно. Критику ученій мы, къ сожалѣнію не находимъ у г. *Степанова*, исторія-же доведена лишь до 1848 года, а потому вдвойнѣ жаль, что авторъ не продолжалъ своихъ изслѣдованій.

Въ 1875 г. г. *Шпилевскій* напечаталъ книгу, озаглавленную „Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія.“ Послѣ дважды повтореннаго довольно спорнаго опредѣленія науки ¹⁾, авторъ объясняетъ причины, отчего 1) до сихъ поръ наука полицейскаго права разрабатывалась болѣе монографически, нежели систематически, и 2) ли-

¹⁾ Только та наука, говоритъ г. *Шпилевскій*, имѣетъ полное право на самостоятельность, право гражданства въ области знаній, которая совершенно и окончательно вытѣснлась изъ круга сродныхъ ей наукъ, выработала свой собственный методъ, привела свой матеріалъ въ систематическій порядокъ и наконецъ прискала для себя приличное названіе; однимъ словомъ, усвоила себѣ опредѣленную, если можно такъ выразиться, научную физиономію (стр. 1). Въ другомъ мѣстѣ г. *Шпилевскій* говоритъ, что всякая отрасль знаній, имѣющая претензію на названіе науки, должна выработать строго очерченную классификацію, опредѣленную терминологию, точный методъ, болѣе или менѣе установленную систему (стр. 5).

тература этой науки представляет весьма значительное число сочинений, посвященных специально общему понятию о науках, общим воззрениям на основные элементы науки, каковы — предмет, название, отношения к другим сродным наукам, система, метод, критика мнений разных писателей. При этом автор относит свое сочинение ко второй категории, но с более широко поставленной задачей, так как он не ограничивается одним только „определением науки полицейского права, а считает необходимым разсматривать все элементы этой науки во всей их совокупности, т. е. предмет, метод и систему.“ Очевидно, что тутъ *г. Шпилевскій* не совсѣмъ точенъ: 1) нѣтъ ни одного изслѣдованія науки полицейскаго права, которое ограничивалось-бы исключительно только определениемъ этой науки и 2) по его-же собственному указанію сочиненія, отнесенныя имъ почему-то ко второй категоріи, — хотя очевидно, что они ничѣмъ не отличаются отъ первой, — также разсматриваютъ все „элементы“ науки, т. е. предмет, методъ и систему; слѣдовательно *г. Шпилевскій* напрасно приписываетъ только себѣ „болѣе широкое пониманіе задачъ подобнаго рода сочиненій.“ Кромя того, *г. Шпилевскій* отличаетъ свое сочиненіе отъ предидущихъ тѣмъ, что все они имѣютъ характеръ критико-догматическій, онъ-же вноситъ въ основаніе своего изслѣдованія историко-сравнительное изложеніе ученій о наукахъ полицейскаго права. Но авторъ не поясняетъ, что такое „критико-догматическій характеръ“, а затѣмъ его „историко-сравнительное изложеніе“, превратившееся на другой страницѣ въ „историко-литературное изученіе“ (стр. 11), а на стр. 18-й въ „историко-систематическій методъ“, рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ однородныхъ сочиненій.

Далѣе, авторъ утверждаетъ, что „къ сожалѣнію, серьезныхъ, специальныхъ сочиненій по исторіи полицейской науки не существуетъ, большинство писателей ограничивается самымъ бѣглымъ очеркомъ историческаго, развитія полицейской науки“. „Если полицейсты и касались разбора чужихъ мнений, то для того только, чтобы раскритиковать ихъ во что-бы то не стало, иногда даже — чтобы умалить значеніе трудовъ своихъ предшественниковъ и чрезъ это возвысить свои собственныя заслуги въ области науки. Хотя, конечно, вслѣдствіе общихъ законовъ развитія человѣческихъ занятій, каждый изъ нихъ въ той или другой мѣрѣ пользовался трудами другихъ и никто не избѣгъ, въ большой или меньшей степени, чужаго вліянія, но, не смотря на это, бессознательно или часто сознательно не хотѣлъ признавать этого факта.“ Составляя первое положеніе со вторымъ, ясно будетъ, что здѣсь *г. Шпилевскій* какъ бы бичуетъ самого себя, ибо существуетъ нѣсколько монографій по исторіи науки полицейскаго права не только на иностранныхъ, но и на русскомъ языкѣ; большая часть этихъ монографій стоитъ въ научномъ отношеніи выше изслѣдованія *г. Шпилевскаго*, и не подлежитъ сомнѣнію, что онъ „въ той или въ другой мѣрѣ пользовался этими монографіями и не избѣгъ, въ большей или меньшей степени, ихъ вліянія“. Такое пренебреженіе къ чужимъ заслугамъ авторъ называетъ *либеральнымъ нигилизмомъ* (?), въ отличіе отъ *консервативнаго нигилизма* (?), заключающагося „въ непризнаніи новыхъ идей, въ невниманіи ко вновь народившимся потребностямъ, вызвавшимъ эти идеи.“ Ав-

торъ утверждаетъ, что онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы избѣгнуть того и другого нигилизма и, отдавая преимущество историческому методу, онъ понималъ этотъ методъ не въ смыслѣ хронологической послѣдовательности, а органической преемственности, такъ что изслѣдованіе его, какъ не обращающее вниманіе на время появленія произведеній по полицейскому праву, „можно назвать историко-систематическимъ.“ „Таковъ методъ или способъ изложенія, говоритъ г. Шпилевскій, котораго мы будемъ придерживаться въ нашемъ изслѣдованіи.“

Затѣмъ слѣдуетъ на 2^{1/2} страницѣхъ очеркъ исторіи возникновенія полиціи, на 2-хъ страницѣхъ очеркъ исторіи ученій о полиціи до Юсти, послѣ чего авторъ переходитъ къ изложенію содержанія двухъ сочиненій Юсти по наукѣ полиціи. При этомъ г. Шпилевскій нашелъ, что по методу изслѣдованія „сочиненія Юсти носятъ болѣе характеръ политическій, чѣмъ юридическій“. Таковой-же методъ авторъ приписываетъ Зонненфельсу. За Юсти и Зонненфельсомъ слѣдуетъ простой перечень именъ 15-ти авторовъ, писавшихъ будто-бы въ духѣ этихъ двухъ публицистовъ, причемъ время появленія сочиненій однихъ авторовъ указано въ перечнѣ, другихъ-же — нѣтъ.

Только съ конца XVIII и начала XIX вѣка, продолжаетъ авторъ, „мало по малу возникаетъ новое направленіе въ разработкѣ полицейской науки. Направленіе это имѣетъ болѣе отрицательное, нежели положительное вліяніе, и болѣе догматическое, нежели методическое значеніе“. Это было результатомъ новыхъ идей и новыхъ событій, „вліяніе которыхъ проявилось въ двухъ видахъ или направленіяхъ“. „Одни писатели, не ограничивая предмета полицейской дѣятельности государства, старались ограничить ея предѣлы или внутреннюю силу, интенсивность полиціи; другіе-же писатели стремились ограничить матеріальную сферу полицейской дѣятельности, ограничить ее такъ сказать, въ экстенсивномъ отношеніи. Отсюда первое направленіе имѣло вліяніе на ученіе о принципѣ, а второе — на предметъ полицейской науки“. Къ первой категоріи авторъ относитъ прежде всего Берга. По мнѣнію г. Шпилевскаго, „Бергъ первый изъ полицейстовъ обратилъ вниманіе на необходимость установить границы, предѣлы для дѣятельности полицейской власти“, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 27) г. Шпилевскій приписываетъ ту-же заслугу Зонненфельсу. Методъ Берга имѣетъ характеръ „болѣе догматическій, нежели чисто теоретическій“, „но болѣе теоретическій, чѣмъ у Юсти и Зонненфельса“.

Далѣе слѣдуетъ Моля, методъ изслѣдованія котораго, прилагаемый къ изученію „полицейской науки“ можно назвать, по мнѣнію г. Шпилевскаго, „чисто политическимъ“ (?). Къ послѣдователямъ Моля въ русской литературѣ авторъ относитъ Рождественскаго, Платонова и Андреевскаго, причемъ видитъ важную заслугу послѣдняго въ томъ, „что онъ считаетъ органами полицейской дѣятельности не одно правительство, но и отдѣльные лица“, „но къ сожалѣнію, продолжаетъ г. Шпилевскій, слишкомъ пристрастная привязанность автора къ названію, данному нѣмецкими учеными этой отрасли народной дѣятельности, помѣшала ему вступить окончательно на прямой путь къ вѣрному пониманію предмета и характера полицейскаго права“.

Писателей 2-го направленія авторъ дѣлитъ на три категоріи. „Первую категорію составляютъ тѣ писатели, которые стремились ограничить предметъ полицейской дѣятельности охраненіемъ безопасности. По мнѣнію писателей этой категоріи, значительная часть матерьяла полицейской науки должна войти въ политическую экономію, или какъ нераздѣльная составная часть этой науки, или въ видѣ отдѣльной ея отрасли, подъ названіемъ государственнаго хозяйства, экономической политики, или попеченія о народномъ хозяйствѣ“. На долю-же полиціи или полицейской науки, по мнѣнію ихъ, должны остаться чисто отрицательныя мѣры, имѣющія своимъ предметомъ охраненіе внутренней безопасности, порядка и спокойствія. Къ этой категоріи писателей авторъ относитъ *Берга*, который, „что касается метода, подобно большинству другихъ полиценствъ, ограничивается общими разсужденіями о пользѣ или вредѣ того или другаго полицейскаго установленія, тѣхъ или другихъ полицескихъ мѣръ, совершенно не касаясь положительнаго законодательства“. Затѣмъ слѣдуетъ *Рау*, ученіе котораго авторъ излагаетъ чрезвычайно кратко и мѣстами невѣрно¹⁾, притомъ ничего не упоминая о методѣ, котораго держится этотъ писатель. Изъ русскихъ-же слѣдуетъ *Бунге*, курсъ котораго авторъ излагаетъ гораздо подробнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ *Рау*, причемъ усматриваетъ въ этомъ писателѣ болѣе экономиста, чѣмъ полиценста-юриста; „что-же касается метода, приѣмовъ автора при разработкѣ матерьяла, то и въ этомъ отношеніи въ немъ виденъ болѣе экономистъ-статистикъ, чѣмъ полиценствъ-юристъ. При разсмотрѣніи каждаго института, авторъ пускается въ подробныя экономическія соображенія и приводитъ подробныя статистическія указанія, которыя по нашему мнѣнію, не должны имѣть мѣста въ курсѣ полицейскаго права“. „Но не смотря на указанныя недостатки въ формально-систематическомъ или методологическомъ отношеніи, курсъ профессора *Бунге* можетъ служить хорошимъ пособіемъ при ознакомленіи съ нѣкоторыми институтами полицейскаго права“.

Къ писателямъ 2-й категоріи, которые дѣлятъ полицейскую дѣятельность на двѣ отрасли—полицію въ тѣсномъ смыслѣ и попеченіе (*Pflege*), авторъ относитъ *Лотца*, *Блунчли*, *Медикуса*, изъ русскихъ—*Степанова*, ученія которыхъ онъ не излагаетъ и останавливается только на *Пеццлѣ*, заключая изложеніе содержанія его сочиненія словами: „таковы предметъ, система и методъ полицейской науки по воззрѣніямъ *Пеццля*“, хотя о методѣ *Пеццля* не упоминается.

„На болѣе вѣрномъ пути къ истинному пониманію полиціи, какъ органа государственной власти, стоятъ, по мнѣнію г. *Шпилевскаго*, тѣ изъ

¹⁾ Г. Шпилевскій держится для изложенія воззрѣнія *Рау* на полицію только одной журнальной статьи послѣдняго, упуская изъ виду народно-хозяйственную политикѣ *Рау*, а потому по г. Шпилевскому выходитъ, что *Рау* ограничиваетъ содержаніе полицейской науки ученіемъ о полиціи безопасности въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, выдѣляя изъ нея одинъ изъ важныхъ отдѣловъ—ученіе о мѣрахъ противъ бѣдности. Между тѣмъ какъ *Рау* допускаетъ возможность включенія въ науку о полиціи народно-хозяйственной политики, но не иначе какъ въ полномъ ея составѣ.

нѣмецких писателей-полицейстовъ, которые смотрятъ на полицію съ чисто формальной, процессуальной стороны. Къ этой третьей категоріи писателей должно отнести *Циммерманна* и *Ферстеманна*⁴. Разница между этими писателями заключается только въ томъ, что *Циммерманнъ* преимущественно имѣетъ въ виду техническую, а *Ферстеманнъ* — чисто юридическую сторону полицейской дѣятельности⁴.

Затѣмъ авторъ находитъ, что въ разработкѣ „полицейской науки“ наступилъ кризисъ, который грозилъ ея самостоятельному существованію въ области знанія⁴. Но столь важная наука, имѣющая своимъ предметомъ самые насущные интересы общества, не могла погибнуть въ этомъ кризисѣ. Она снова возродилась: „вновь возникшее ученіе объ управленіи спасло ее отъ гибели“⁴. Это новое направление, выразившееся у нѣмецких писателей въ ученіи объ управленіи, у французовъ — въ административномъ правѣ, почему-то заставляетъ автора сначала сдѣлать длинный перечень именъ писателей, включая сюда даже испанскихъ, послѣ чего, изложивъ кратко, въ общихъ чертахъ, содержаніе ученія объ административномъ правѣ, авторъ говоритъ, что методъ, прилагаемый французскими юристами къ изученію науки административнаго права, юридическо-догматическій: писатели по этому предмету ограничиваются систематическимъ изложеніемъ французскаго положительнаго права; сочиненія ихъ носятъ характеръ комментариевъ на дѣйствующее законодательство. — „Честь совершеннаго отдѣленія понятія о государственномъ управленіи отъ государственнаго устройства принадлежитъ знаменитому публицисту и полицесту, *Роберту фонъ-Молю*, но „начало возникновенія въ нѣмецкой литературѣ понятія о государственномъ управленіи (*Staatsverwaltung*) въ отличіе отъ государственнаго устройства (*Staatsverfassung*) можно отнести къ концу XVIII или къ началу XIX стол.“⁴. На развитіе ученія о правѣ управленія въ Германіи большое вліяніе имѣли издвореніе конституціонной формы правленія, понятіе о правовѣрномъ государствѣ (*Rechtsstaat*), философія права *Краузе*, разработанная въ примѣненіи къ государству и управленію *Аренсомъ* и *Шеффле*, и французская теорія административнаго права.

Изложивъ очень кратко сущность ученія объ управленіи, авторъ останавливается на *Лоренцѣ Штейнѣ*, какъ на важнѣйшемъ современномъ представителѣ этой науки. Въ ученіи *Л. Штейна* объ управленіи, автора приводитъ въ недоумѣніе, „признаетъ-ли *Штейнъ* дѣйствительное существованіе исполнительной власти или придаетъ этому понятію чисто-методологическое значеніе?“ равно какъ онъ порицаетъ *Штейна* за причисленіе „къ органамъ государственной исполнительной власти, такъ называемыхъ, личныхъ союзовъ или частныхъ обществъ“, тогда какъ тоже самое поставлено было в. *Штилевскимъ* въ заслугу проф. *Андреевскому*¹⁾. Затѣмъ, изложивъ не вездѣ вѣрно возрѣніе *Штейна* на по-

¹⁾ Кроме того, стр. 103 и 104-й самъ авторъ говоритъ, «въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что органами, субъектами полицейской дѣятельности въ обширномъ смыслѣ слова могутъ быть мѣстныя общества, частныя союзы или ассоціаціи и даже отдѣльныя лица».

лицію въ тѣсномъ смыслѣ¹⁾, авторъ объявляетъ, что система *Штейна* не выдерживаетъ критики, но за то методъ его — „это лучшая сторона сочиненія *Штейна*“. Методъ этотъ заключается въ томъ, что „разсмотрѣніе каждаго института *Штейна*“ начинается съ анализа его природы или сущности. Этотъ анализъ даетъ ему основаніе для раздѣленія его на элементы или категоріи. Затѣмъ, *Штейнъ* разсматриваетъ каждый институтъ въ его историческомъ развитіи и въ современномъ проявленіи у трехъ великихъ культурныхъ народовъ Западной Европы: Англіи, Франціи, Германіи. Въ основу историческаго развитія права управленія онъ кладетъ свое ученіе о трехъ основныхъ формахъ общества, а именно: родовую, сословную, государственно-гражданскую. Кроме того, при каждомъ институтѣ онъ дѣлаетъ указанія на литературу и положительное законодательство, но при этомъ избѣгаетъ излишнихъ подробностей, а напротивъ постоянно старается извлечь только основныя начала. Однимъ словомъ, заключаетъ г. *Шпилевскій*, „въ нѣмецкой литературѣ нѣтъ другаго сочиненія, въ которомъ-бы съ такимъ званіемъ дѣла примѣненъ былъ историко-сравнительный или, лучше сказать, филологическій методъ къ изученію внутренняго или полицейскаго управленія“.

Далѣе слѣдуютъ *Майеръ*, примѣнившій юридическій „методъ, и *Инама-Спарнегъ*, методъ котораго „одинаковъ съ примѣняемымъ въ полицейской наукѣ“. Послѣ чего авторъ объявляетъ, что „нельзя считать состояніе науки полицейскаго права вполне безвыходнымъ, напротивъ, уже въ настоящее время можно опредѣлить истинныя задачи этой науки и указать на то направленіе въ ея разработкѣ, которое, по мнѣнію г. *Шпилевскаго*, „одно только и можетъ вывести ее на настоящій путь и доставить ей вполне опредѣленное, самостоятельное и почетное положеніе въ ряду другихъ юридическихъ наукъ“. Указаніе на это направленіе и составляетъ содержаніе слѣдующихъ главъ книги г. *Шпилевскаго*, причемъ авторъ начинается съ опредѣленія понятія объ обществѣ, приписывая, между прочимъ, *Шлѣцеру* часть наиболѣе яснаго различія общества отъ государства и относя къ числу послѣдователей ученія (какого?) объ обществѣ профессоровъ *Градовскаго*, *Симоненко* и др. (?). На стр. 128 и 129-й своей книги авторъ объясняетъ, что общественное право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія, не есть результатъ „безплоднаго оригинальничанья того или другаго писателя, а духъ времени и сила вещей вызвали потребность въ правѣ общественномъ“. Г. *Шпилевскій* заявляетъ себя защитникомъ этого права, въ которое должно превратиться (?) полицейское право, и „только отъ такого превращенія, по его мнѣнію, зависитъ вся судьба науки полицейскаго права, такъ какъ только понятіе объ обществѣ можетъ сообщить единство разнообразному и пестрому матеріалу этой науки и чрезъ то окончательно опредѣлить ея настоящія границы“. Далѣе слѣдуетъ на стр. 130 и 131

¹⁾ Такъ, напримѣръ, г. *Шпилевскій* утверждаетъ на стр. 84-й; будто-бы *Л. Штейнъ* говоритъ объ организмѣ полиціи, тогда какъ *Л. Штейнъ* именно этого-то и не говоритъ, отрицая существованіе особаго организма полиціи, такъ какъ полиція есть ничто иное какъ одна изъ формъ дѣятельности исполнительной власти.

пространное и разнообразное определение общества, какъ понимаетъ его г. Шпилевскій. Общество и государство представляются автору какъ два организма, которые въ жизни, въ дѣйствительности существуютъ нераздѣльно и только въ наукѣ, въ теоріи, для общества изученія могутъ и должны быть раздѣляемы и отдѣльно рассматриваемы.

На стр. 135-й авторъ упрекаетъ политическія науки въ томъ, что онѣ впали въ реализмъ и материализмъ. Такой-же недостатокъ замѣчаетъ онъ въ классификаціи юридическихъ наукъ, которыя выработывались путемъ чисто-практическихъ, историческихъ, тогда какъ „правильная, рациональная классификація юридическихъ наукъ должна удовлетворять логическимъ требованіямъ и въ тоже время должна быть согласована съ реальными условіями. Логика требуетъ установленія опредѣленнаго основанія для раздѣленія юридическихъ наукъ на классы. Такимъ основаніемъ должно служить самое право, рассматриваемое съ различныхъ сторонъ. Полагая въ основаніе классификаціи юридическихъ наукъ самое право, мы должны различать три стороны права: во-первыхъ, пространство дѣйствій или предѣлы обязательности права; во-вторыхъ, предметъ или содержаніе права; и, въ третьихъ, характеръ опредѣленій права, способъ его формулированія“.

Послѣ новаго опредѣленія общественнаго права, на стр. 143-й, авторъ переходитъ къ указанію на методъ въ примѣненіи къ юридическимъ наукамъ, находя, что методъ этотъ до сихъ поръ „далеко еще не выясненъ“, въ особености въ отношеніи къ науки полицейскаго или общественнаго права. „Въ этой области права всякій писатель прилагаетъ свой собственный методъ, до котораго онъ доходитъ чисто-эмпирическимъ путемъ, не принимая на себя труда выяснить теоретическое значеніе того или другаго метода, его преимущества и недостатки сравнительно съ другими методами. Мы полагаемъ, что къ изученію общественнаго права, какъ и всякой отрасли права, могутъ и должны быть примѣняемы одни и тѣ же приемы или способъ изслѣдованія. Принимая во вниманіе исторію правовѣдѣнія и его современное состояніе въ отношеніи къ методу, мы приходимъ къ убѣжденію, что всякая отрасль права можетъ быть изучаема съ троякой точки зрѣнія: догматической, политической и философской. Въ первомъ случаѣ на право смотрятъ какъ на совокупность догматовъ; при этомъ въ основу изученія кладутъ догму положительнаго права и изучаютъ его съ чисто-формальной стороны, не обращая никакого вниманія на ту связь, которая существуетъ между правовыми нормами и жизненными отношеніями, ими регулируемыми. Это точка зрѣнія судьи, это методъ догматическій, господствующій въ области науки гражданскаго права. Этотъ методъ, употребляемый въ юриспруденціи, соответствуетъ, такъ называемому, описательному способу изученія въ другихъ наукахъ. Важное теоретическое и практическое значеніе этого метода несомнѣнно. Но, несмотря на это, одного этого метода недостаточно для кознанія права, такъ какъ онъ знакомитъ только съ одной стороною права—съ чисто формальной, догматической“. Необходимо еще, по мнѣнію автора, „изученіе права въ связи съ жизнью, съ бытомъ народа, изученіе его, какъ средство удовлетворенія жизненныхъ потребностей народа“,—и это достигается посредствомъ „такъ называе-

мага политическаго метода“¹⁾, который можетъ быть „уподобленъ прагматическому методу въ другихъ наукахъ“. „Наконецъ, право можетъ быть изучаемо съ точки зрѣнія идеи, сущности, природы права. Эта задача философіи права или философскаго метода въ правѣ. Для познанія сущности или природы права могутъ быть употреблены два способа: дедуктивный и индуктивный. Въ первомъ случаѣ исходятъ отъ общей идеи права; во второмъ—отъ наблюденія надъ правовыми отношеніями, существующими въ жизни. Отсюда методъ философскій можетъ быть двоякаго рода: философскій въ тѣсномъ смыслѣ или метафизическій и философско-положительный или физиологическій. Первый стремится познать сущность права, второй ограничивается изученіемъ природы права. Этотъ послѣдній методъ, къ которому обращается юриспруденція только въ послѣднее время, составляетъ конечную цѣль всякой науки въ строгомъ смыслѣ этого слова. Только этимъ путемъ изслѣдованія можно дойти до открытія существенныхъ законовъ права, что и должно составлять задачу и содержаніе правовѣдѣнія, какъ настоящей положительной науки. Два первые метода готовятъ необходимый матерьялъ для этого послѣдняго“. Авторъ настойчиво требуетъ примѣненія всѣхъ трехъ методовъ ко всякой отрасли права безъ исключенія, утверждая, что исключительное примѣненіе того или другого метода къ той или другой отрасли правовѣдѣнія совершенно неправильно и вредно во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ оно ведетъ „къ обособленію различныхъ отраслей права и къ неправильной градаціи между ними“. Такой тройной методъ, т. е. догматическій, политическій и философскій, авторъ рекомендуетъ примѣнять и къ общественному праву, но на стр. 157-й присоединяетъ сюда еще „чисто-юридическій методъ“, посредствомъ котораго конкретныя положенія этого права могутъ быть сведены къ немногимъ общимъ началамъ.

Въ заключеніе, авторъ предлагаетъ свою систему общественнаго права. Общественное право должно состоять изъ общей и особенной частей. „Содержаніе общей части составляетъ изложеніе общихъ категорій, общихъ основныхъ началъ права общественнаго, а особенная часть содержитъ въ себѣ изложеніе отдѣльныхъ институтовъ общественнаго права“. Общественное право, какъ и всякое право, можетъ быть разсматриваемо съ трехъ сторонъ: формальной, матерьяльной и процессуальной. Отсюда возникаютъ три категоріи права общественнаго: формальное общественное право, опредѣлительное или матерьяльное общественное право, и охранительное или процессуальное общественное право. На этомъ основаніи общая часть можетъ быть подраздѣлена на три отдѣла. „Въ первый отдѣлъ входятъ понятія объ источникахъ, органахъ и формахъ права. Источникомъ права служитъ народная жизнь, органами—народъ, государственная власть и сословіе юристовъ. Участіе народа въ созданіи права проявляется въ формахъ обычая, автономіи и волонтаризма, понимая подъ послѣднимъ „тѣ уставы обществъ, которые составляются свободнымъ соглашеніемъ отдѣльныхъ лицъ и только утвер-

¹⁾ Авторъ объявляетъ въ примѣчаніи, что онъ считаетъ политику не за науку, а за методъ.

ждаются, санкционируются законодательной или правительственной властью". Формы права, "создаваемого естественным путем развития народной жизни", — обычай, закон и научные положения. — Затѣмъ, послѣ продолжительной остановки на вопросѣ о законахъ, распоряженіяхъ и соотношеніи ихъ, г. Штумлевскій переходитъ ко 2-му отдѣлу общей части общественнаго права. „Общественное право, говоритъ онъ, содержитъ въ себѣ, подобно всякой другой самостоятельной отрасли права, двоякаго рода нормы: одни изъ нихъ опредѣляютъ права и обязанности различныхъ лицъ, субъектовъ въ отношеніи развитія и охраненія общественныхъ интересовъ и устанавливаютъ опредѣленные взмсканія за нарушение и неисполненіе правъ и обязанностей; другія-же содержатъ въ себѣ правила для охраненія указанныхъ нормъ отъ нарушеній и возстановленія нарушенныхъ правъ. На этомъ основаніи общественное право, какъ и всякое право, дѣлится на право опредѣлительное и право охранительное. Опредѣлительное право, въ свою очередь, можетъ быть подраздѣлено на два вида: на догматическое и карательное“. „Право общественное догматическое заключаетъ въ себѣ троякаго рода нормы, правила, догматы: запретительные, повелительные и дозвонительные“. Затѣмъ, послѣ опредѣленія терминовъ: вредное дѣяніе, уголовное преступленіе, полицейскій проступокъ, субъектъ и объектъ (лице, вещь, услуги) общественнаго права ¹⁾, социальный прогрессъ, органы охраненія социального прогресса (государство, правительство, общественныя корпораціи и отдѣльныя лица), — авторъ предлагаетъ дѣленіе охранительнаго общественнаго права на право охранительное въ тѣсномъ смыслѣ или административно-полицейское и право возстановительное или судебное право. На основаніи формы, способа проявленія право охранительное, въ тѣсномъ смыслѣ, можетъ быть раздѣлено на право надзора, предупрежденія, пресѣченія и обнаруженія правонарушеній. Право надзора дѣлится по субъектамъ: на 1) право административнаго надзора или контроля за социальной дѣятельностью правительственныхъ мѣстъ и лицъ, 2) право правительственнаго надзора за дѣятельностію органовъ самоуправленія въ области общественнаго права и 3) право полицейскаго наблюденія за социальной дѣятельностію частныхъ лицъ. По органамъ, право это дѣлится на право общаго высшаго надзора, главнаго мѣстнаго надзора, и право мѣстнаго ближайшаго надзора. По поводу судебно-охранительнаго права авторъ говоритъ о судахъ публичнаго права и на двухъ страницахъ порѣшаетъ вопросъ въ утвердительномъ для нихъ смыслѣ.

Особенная часть общественнаго права дѣлится на право социальной организациі народа и на право развитія и охраненія общественныхъ силъ народа. Право социальной организациі дѣлится на: 1) право кровныхъ союзовъ, 2) право сходокъ и собраній, 3) право товариществъ и компаній, 4) право общественныхъ союзовъ или обществъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (*Vereinsrecht*), 5) право сословно-профессиональныхъ союзовъ, 6) право общинъ, 7) право земствъ. Право развитія и охра-

¹⁾ По различію объектовъ г. Штумлевскій предлагаетъ дѣленіе общественнаго права на личное, вещное, обязательственное, съ подраздѣленіемъ каждаго изъ нихъ.

ненія общественныхъ силъ народа. Это право дѣлится на право общества на развитіе и охраненіе его вещественныхъ средствъ (право экономическое) и на право общества на развитіе и охраненіе личныхъ силъ. Право экономическое дѣлится на: 1) право благоустроительное, подраздѣляющееся на право строительное, право поселеній, право помощи при пожарахъ, наводненіяхъ и др. бѣдствіяхъ. 2) право путей и средствъ сообщенія, подраздѣляющееся на право устройства и содержанія путей сообщенія и право пользованія ими, причемъ это право дѣлится опять на право мореплаванія, желѣзнодорожное, почтовое и телеграфное; 3) право сельско-хозяйственное подраздѣляющееся на а) право охоты или звѣроловства, б) рыболовство съ раздѣленіемъ на рѣчную и морскую ловлю, в) сельско-хозяйственное, въ тѣсномъ смыслѣ, съ раздѣленіемъ на земледѣльческое, водное и лѣсное и г) право горное; 4) промышленное право съ раздѣленіемъ на кустарное, ремесленное и фабричное; 5) право торговое съ раздѣленіемъ по отраслямъ и на внутреннюю и вѣдущую; 6) право страхованія и 7) право кредитное съ раздѣленіемъ на а) право ссудныхъ и сберегательныхъ установленій, б) право поземельнаго или недвижимаго кредита, в) право коммерческаго кредита, г) право промышленнаго или движимаго кредита.—Общественное право охранительное дѣлится сначала на два отдѣла, — физическое и духовное. Первый отдѣлъ дѣлится на 1) право передвиженія, съ подраздѣленіемъ на право путешествія и право передвиженія, которыя опять дѣлятся и подраздѣляются; 2) право благотворительности, съ подраздѣленіями и 3) санитарно-врачебное право, которое дѣлится опять на три отрасли права. Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ право народнаго просвѣщенія, право печати и право публичной нравственности, которыя дѣлятся и подраздѣляются на особыя отрасли права. Въ каждомъ изъ этихъ правъ должны быть разсматриваемы источники, догматическое право, карательное право, право надзора и право суда.

Такое содержаніе книги *г. Штилевскаго*. Мы нарочно большею частью излагали ее словами самаго автора, избѣгая критической оцѣнки, которой едва ли могутъ заслуживать многія его положенія (таковы: „методологическая и исполнительная власть“, „физиологическій, политическій, полицейскій, чисто-юридическій“ и т. п. методы, система, построенная на второстепенныхъ и разнородныхъ признакахъ, сотни новыхъ правъ и масса предметовъ, неимѣющихъ никакого или слишкомъ отдаленное значеніе для изслѣдуемаго предмета). Едва ли *г. Штилевскій* найдетъ себѣ послѣдователей какъ въ своихъ воззрѣніяхъ на науку полицейскаго права, такъ и въ приемахъ изслѣдованія ¹⁾.

И. Тарасовъ.

(Профессоръ Демидовскаго лиція).

¹⁾ Не раздѣляя всѣхъ воззрѣній рецензента на науку полиціи и на разбираемая имъ сочиненія, мы дали мѣсто его труду какъ интересному и весьма полезному очерку литературы полиціи, подобно многимъ помѣщаемымъ въ нашихъ изданіяхъ работамъ. Съ нашей стороны, мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе, что одна изъ главныхъ причинъ вышеизложенныхъ *г. Тарасовымъ* разногласій и

По поводу статьи г. Тарасова, „Полицейское право“.

Помѣщаемая въ этомъ томѣ статья г. *Тарасова*, „Полицейское Право“ находится въ тѣсной связи съ изданнымъ имъ въ прошедшемъ году „Опытомъ разработки программы и конспекта общей части науки полицейскаго права“. Встрѣтивъ съ полнымъ сочувствіемъ стремленіе молодого профессора поставить преподаваніе полицейскаго права въ Ярославскомъ Лицеѣ на своеобразныя начала, значительно впрочемъ напоминая воззрѣнія Л. Штейна, изученіемъ котораго г. Тарасовъ тщательно занимался ¹⁾, и вполне привѣтствуя дальнѣйшія его работы въ этомъ направленіи, считаемъ однако необходимымъ сдѣлать по поводу его статьи нѣсколько замѣчаній, дабы читатели сборника не впали въ недоразумѣнія. При бѣгломъ очеркѣ довольно обширной литературы, г. Тарасовъ очевидно принужденъ былъ нерѣдко, вмѣсто критическаго разсмотрѣнія, ограничиваться простыми отзывами о томъ или другомъ писателѣ, скорѣе свидѣтельствующими о большей или меньшей симпатіи его къ опредѣленному мнѣнію, чѣмъ о желаніи подвергнуть анализу или изученію разсматриваемыя тѣмъ или другимъ авторомъ вопросы. Такъ порѣшивъ въ § 6 своего конспекта весьма быстро съ тѣмъ, что никакой науки полиціи не существуетъ, но есть только наука полицейскаго права („Такъ, какъ невозможно“, говоритъ г. Тарасовъ, „разсматривать научно-всесторонне полицейскую дѣятельность независимо отъ вызываемыхъ ею правоотношеній, то невозможна и наука полиціи“), онъ уже дѣлается весьма выскательнымъ въ своихъ требованіяхъ, представляемыхъ къ курсамъ и учебникамъ полицейскаго права. Правда, что о наукѣ полиціи высказывались самыя многообразныя мнѣнія и давались ей разностороннія аттестаціи, что видно между прочимъ и изъ замѣчанія о наукѣ полиціи, сдѣланнаго со стороны редакціи сборника въ статьѣ г. Тарасова. Но это не даетъ критику права, при разборѣ учебниковъ, заставлять авторовъ ихъ держаться такого отрицательнаго мнѣнія, которое высказываетъ г. Тарасовъ, увлеченный очевидно ученіемъ и воззрѣніями г. *Лешкова*. Очень можетъ быть, что и самъ г. *Тарасовъ*, когда побольше самостоятельно поработаетъ надъ разсмотрѣніемъ

недоразумѣній относительно содержанія и предѣловъ полицейской науки заключается въ неправильномъ и противуестественномъ, по нашему мнѣнію, смѣшеніи полиціи съ общимъ государственнымъ управленіемъ или администраціей. При такомъ смѣшеніи (проникавшемъ, подъ влияніемъ нѣкоторыхъ германскихъ ученыхъ, въ нашу литературу и въ университетское преподаваніе) наука полиціи теряетъ всякую спеціальную и самостоятельную область и сливается съ общею наукою администраціи, въ которой она должна быть только частью (какъ это въ дѣйствительной жизни). Это явленіе произошло у насъ отчасти, потому что мы не имѣемъ въ университетахъ особой кафедры для административной науки, въ современномъ ея значеніи (преимущественно по системѣ Л. Штейна). Подъ «полиціей» должно, по нашему мнѣнію, разумѣть, согласно смыслу, связываемому съ этимъ терминомъ въ практической жизни, только полицію, или только то, что теоретики разумѣютъ подъ «полиціей безопасности». *Ред.*

¹⁾ См. нашу рецензію на соч. г. *Тарасова*, «Основныя положенія Л. Штейна по полицейскому праву»,—въ Сборникѣ госуд. знаній, Т. II, 1875.

отдѣльныхъ вопросовъ полицейскаго права, придетъ къ убѣжденію, что § 6 его конспекта нужно будетъ совершенно измѣнить. Очень можетъ быть, что при самостоятельномъ, отчетливомъ изученіи какого нибудь вопроса полицейской дѣятельности страны, разрѣшаемаго полицейскимъ положительнымъ правомъ даннаго государства, г. Тарасову придется не только сравнивать законоположенія этого государства съ законами положительными другихъ государствъ, но и войти въ изученіе различій, которыя представляются отъ различнаго пониманія обществами (союзами и общинами) и правительствами экономическихъ и социальныхъ законовъ, т. е. ему придется войти въ область той философской науки, строящейся однако на положительномъ изученіи явленій, которая въ состояніи будетъ навести его на научныя истины относительно полицейской дѣятельности, — той философской науки, которую и называютъ *наука полиціи*. Во всякомъ случаѣ, еслибы и теперь г. Тарасовъ строже отнесся къ вопросу о важности для размышляющаго о полицейской дѣятельности, регулируемой положительнымъ полицейскимъ правомъ, понимать экономическіе законы, стоять самостоятельно въ области политической экономіи, онъ даль-бы несомнѣнно другую критическую оцѣнку учебнику или скорѣе лекціямъ *Н. Х. Бунге*. Желаящему уяснить себѣ многіе вопросы полиціи благосостоянія, напр. отношенія государства къ промышленности земледѣльской, торговой, къ банковому дѣлу и пр., учебникъ г. Бунге принесетъ громаднѣйшую пользу; въ этомъ учебникѣ слышится ученіе дѣйствительнаго учителя, знатока дѣла въ поясненіи законовъ экономическихъ, мыслителя, не компилятивно набравшаго различныя справки, но давно самостоятельно обдумавшаго всю совокупность дѣла, составляющую полицейскую дѣятельность государства, давно обнявшаго еще столь многимъ непонятныя экономическіе законы и усвоеніемъ ихъ вѣрно проникшаго въ область науки полиціи. Русскій ученый, стремящійся изучить полицейское право, не можетъ не сказать профессору *Бунге* за его учебникъ *спасибо*, и не вписать себя въ ряды его многочисленныхъ учениковъ.

И. Андреевскій.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ.

Алексѣева, Макиавелли, какъ политической мыслитель. Москва 1879.

Сочиненіе г. Алексѣева о Макиавелли заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ: на основаніи изученія главнѣйшихъ его сочиненій, авторъ дѣлаетъ попытку представить вамъ въ цѣльной картинѣ его политическое ученіе. Мы вполне привѣтствуемъ это первое произведеніе нашего ученаго, хотя и расходимся съ нимъ въ самомъ пониманіи Макиавелли. Изъ дальнѣйшаго опредѣлится наша точка зрѣ-

ніа, впрочемъ уже давно, безъ насъ установившаяся въ литературѣ, а здѣсь замѣтимъ только, что книга г. Алексѣева читается не только легко, но даже съ удовольствіемъ. Ясная, строго обдуманная система, прекрасное изложение немольно подкупаютъ читателя въ пользу автора. Всюду замѣтно его увлеченіе своимъ предметомъ; это придаетъ теплоту и прелесть его книгѣ, но мѣшаетъ ей съ высшей научной точки зрѣнія.

Вполнѣ вѣрно, г. Алексѣевъ начинаетъ свою книгу съ *литературы о Макиавелли*. Она такъ обширна и богата самыми противоположными мнѣніями, что ориентироваться въ ней весьма не легко. Но очеркъ этой литературы у г. Алексѣева мы находимъ, особенно для русскихъ читателей, слишкомъ краткимъ. Упомянувъ объ іезуитахъ и монахахъ, какъ первыхъ врагахъ Макиавелли, онъ касается за тѣмъ писателей, которые возставали на него изъ-за политическихъ мотивовъ. Источникъ возрѣній, выставляющихъ Макиавелли безнравственнымъ писателемъ, онъ видитъ въ „невѣжествѣ и беззащѣтничности въ союзѣ съ религиозными предрасудками и фанатизмомъ учениковъ Лойола“¹⁾. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Робертъ фонъ Мольте, котораго конечно нельзя причислить не только къ іезуитамъ, но даже къ людямъ съ религиозными предрасудками, называетъ ученія Макиавелли „страшно безнравственными“. О новѣйшихъ писателяхъ г. Алексѣевъ говоритъ почти вскользь, останавливаясь нѣсколько подробнѣе только на историкахъ (Равве, Гервинусѣ и Маколей). Поэтому, прочитавъ его введеніе, мы не можемъ объяснить себѣ почему писатель, излагавшій свои мысли повидимому столь просто и ясно, какъ Макиавелли, могъ вызвать всевозможныя, противорѣчивыя мнѣнія о себѣ. Мы не видимъ ничего подобнаго относительно другихъ политическихъ мыслителей. Мольте въ своей прекрасной монографіи: „Литература о Макиавелли“²⁾ указываетъ на 12 группъ писателей, между которыми находятся: абсолютные противники Макиавелли, безусловные его защитники, такіе, которые поняли его совершенно невѣрно, писатели не пришедшіе ни въ какомъ положительному о немъ выводу и наконецъ критики. Причину этого явленія нельзя искать въ одномъ недостаточномъ пониманіи Макиавелли этими писателями. Она скрывается глубже и объясняется: во 1-хъ противорѣчіями самого Макиавелли, и во 2-хъ, тенденціозностью тѣхъ писателей, которые занимались изученіемъ его произведеній. Такъ, одни видятъ въ немъ наставника тирановъ, другіе — защитника демократическихъ идей (Руссо, Альфиери, Франкъ, и наконецъ самъ г. Алексѣевъ), третьи — провозвѣстника теоріи національности (Блюнчли) и т. д. Всмотриваясь глубже въ литературу о Макиавелли, мы видимъ, что отношенія къ нему писателей обуславливаются различнымъ характеромъ той или другой области человѣческаго знанія. Къ безусловнымъ его противникамъ должны относиться богословы, моралисты и философы, — нообще люди становящіеся на точку зрѣнія этихъ наукъ. Критическое отношеніе къ Макиавелли свойственно историкамъ и политическимъ

¹⁾ Макиавелли, стр. 7.

²⁾ Die Machiavelli-Literatur въ Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. III, 521.

мыслителямъ, а безусловными его поклонниками могутъ быть только практическіе политики, для которыхъ Макиавелли искони былъ первымъ авторитетомъ, снабжавшимъ ихъ драгоценнѣйшими правилами на разные случаи практической государственной жизни.

Вся разсматриваемая нами книга распадается, весьма правильно, на три части: систематическое изложеніе ученія Макиавелли; условія, при которыхъ сложились его философскія и политическія воззрѣнія и мѣсто занимаемое имъ въ исторіи политическихъ ученій. Последняя, какъ бы вѣчающая все сочиненіе, глава прославляетъ Макиавелли, какъ защитника политической свободы.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору отдѣльныхъ мѣстъ этого сочиненія, мы должны указать на два главные, по нашему мнѣнію, недостатка его. Въ книгѣ г. Алексѣева, какъ уже замѣчено, невольно удивляетъ излишнее увлеченіе Макиавелли; такое увлеченіе, которое помѣшало ему отнестись къ изучаемому имъ автору со всею подобающею объективностью и критическою оцѣнкою. Мы имѣемъ предъ собою скорѣе апологію Макиавелли, нежели строгій, критическій анализъ его личности и произведеній. Между тѣмъ, именно личность Макиавелли требуетъ трезваго и серьезнаго отношенія къ ней для того, чтобъ быть понятною. Казалась бы, что въ наше время, вполне возможна спокойная и всесторонняя оцѣнка ея: въ теченіе трехъ съ лишнимъ вѣковъ литература о Макиавелли такъ накопилась, что изслѣдователю о немъ нужно не столько гоняться за новизною, сколько заботиться объ установленіи исторически вѣрнаго пониманія этого примѣчательнаго и своеобразнаго писателя.

Второй недостатокъ въ книгѣ г. Алексѣева, мы видимъ въ томъ, что она не даетъ отвѣтовъ на многіе весьма существенные вопросы, которые представляются сами собою при изученіи Макиавелли. Такъ, одинъ изъ ея главныхъ пробѣловъ состоитъ въ томъ, что указавъ на освобожденіе Макиавелли изъ подъ вліянія средневѣковыхъ теорій и идей и установивъ ту связь, которая соединила его съ его временемъ и эпохою возрожденія вообще, нашъ авторъ не упоминаетъ о почвѣ, которая произвела и вскормила Макиавелли. Почва эта — классическій міръ. Воззрѣнія Макиавелли на религію, нравственность и государство проникнуты древне-римскими идеями. Его патриотизмъ и либерализмъ (если только допустить послѣдній) отмѣчены узкостью и деспотизмомъ, отличавшими эти чувства въ древности. Вотъ почему, мы видимъ въ Макиавелли не основателя ученія о новомъ государствѣ, но фанатическаго и упрямаго поборника государства давно отжившаго — античнаго. Отсюда его пренебреженіе къ идеальнымъ благамъ жизни, его воззрѣніе на религію, какъ на политическое орудіе, — *instrumentum regni* или *totius servitutis*, — его ученіе объ абсолютности государства и безправіи чело-вѣческой личности и т. д. ¹⁾

¹⁾ Въ виду громаднаго вліянія на Макиавелли древности и современной ему эпохи возрожденія, мы находимъ невѣрнымъ утвержденіе г. Алексѣева, что «его умъ былъ бѣлымъ листомъ бумаги, неисписаннымъ ни общественными, ни

Изложенію собственно политическаго ученія Макиавелли авторъ предпосылаетъ очеркъ его *міросозерцанія*. Это міросозерцаніе вполнѣ языческое. Въ сторонѣ отъ высшихъ идей христіанства, оно смутно, полно противорѣчій и безотраднo. вмѣсто вѣры мы видимъ у Макиавелли — грубыя суевѣрїи. Рядомъ съ человѣческою волею, онъ признаетъ еще *судьбу*, какую-то безличную стихійную силу, которая не присуща міру и не управляетъ имъ по неизмѣннымъ законамъ, а вторгается въ дѣла людей лишь по временамъ: въ эпохи броженія и всеобщихъ переворотовъ. Какое понятіе можно признать менѣе философскимъ, чѣмъ это? Полны противорѣчій отношенія, по Макиавелли, человѣческой воли къ этому слѣпому фактору. Съ одной стороны, люди могутъ ему только содѣйствовать „прясти его нити, но не въ силахъ разорвать ихъ“. Съ другой, они могутъ и должны вступать съ нимъ въ борьбу (зачѣмъ?), — могутъ предупреждать послѣдствія его вторженія и должны надѣяться (неизвѣстно на что?). Но путаница увеличивается еще признаніемъ третьяго, также слѣпаго фактора — *счастья* — „стеченія случайныхъ обстоятельствъ, слагающихся помимо воли людей.“¹⁾

Въ виду всего этого, мы не можемъ понять, какъ г. Алексѣевъ утверждаетъ, что Макиавелли „признаетъ законѣнность социальныхъ явленій.“²⁾

Переходимъ къ разбору отдѣльныхъ моментовъ *ученія Макиавелли о государствѣ*. На нашъ взглядъ, это ученіе передано г. Алексѣевымъ безъ достаточной критической оцѣнки; мѣстами онъ какъ бы смягчаетъ рѣзкіе выводы Макиавелли, мѣстами наконецъ опускаетъ нѣкоторые интересныя стороны его ученія.

Государство, по Макиавелли, не есть объективный порядокъ, имѣющій свое основаніе въ себѣ самомъ. Оно — не божественное установленіе, не организмы, не олицетвореніе живущаго и дѣйствующаго въ немъ народа. „Государство создается, держится и направляется *свободною волею* людей.“ При основаніи его и въ вопросахъ дальнѣйшихъ его преобразованій челоѣку данъ будто бы самый широкій просторъ и произволь. Онъ „ничѣмъ не стѣсненъ“: ни „историческимъ прошедшимъ народа,“ ни „естественными условіями страны.“ Его „связываютъ лишь тѣ дѣли, которыя *по произволу* ставитъ себѣ организуемое имъ общество.“³⁾ Какое обширное повидимому попріще для „творческой дѣятельности“ челоѣка. Но только именно повидимому. Челоѣкъ, по мнѣнію Макиавелли, свободы воли не имѣетъ. Онъ не царь природы, а самая жалкая и безпомощная тварь. Имъ управляютъ страсти и влеченія.⁴⁾ Если это такъ, то зачѣмъ толковать о „свободѣ,“ „творчествѣ.“⁵⁾ Развѣ это не пустыя слова?

религиозными предразсудками), и что «между его пронципальнымъ окомъ и объектами его наблюденій не существовало никакой посредствующей среды» (стр. 151).

¹⁾ Стр. 30 и 31.

²⁾ Стр. 213.

³⁾ Стр. 37, 38—40.

⁴⁾ Стр. 212 и 26.

⁵⁾ Какъ странно звучитъ для насъ подобная фраза: «основаніе государства есть творческій актъ свободной воли людей» (стр. 83)?

Впрочемъ г. Алексѣевъ даетъ намъ и другую теорію Макиавелли о происхожденіи государства, болѣе подходящую ко внутреннему смыслу всего его ученія: борьба за существованіе создала государство. Оно возникаетъ прежде всего; за этимъ послѣдовалъ миръ съ природою (въ какомъ отношеніи борьба съ природою для человѣка неизбежна, пока онъ существуетъ), а „этотъ миръ научаетъ человѣка дорожить и миромъ съ себѣ подобными.“ За основаніемъ государства возникаетъ для человѣка, новый, искусственный и цѣлесообразный миръ — нравственности и религіи. ¹⁾ Но мы знаемъ изъ исторіи, что развитіе человѣчества начинается съ религіи и что первыя государства были теократіи. Самъ Макиавелли ставитъ основателей религіи выше основателей государствъ. ²⁾

Весьма недостаточно раскрываетъ намъ авторъ *существо политическаго ученія* Макиавелли. Очевидно оно обусловливается самою идеею Макиавелли о государствѣ. Эта идея насъ поражаетъ своею несостоятельностью: государство, по мнѣнію флорентійскаго историка, абсолютно. Все въ человѣческой жизни поэтому является для государства лишь служебнымъ орудіемъ и не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Человѣкъ самъ по себѣ безправенъ; религія и нравственность, какъ продукты государства, не имѣютъ самостоятельнаго бытія, и Макиавелли даже не понимаетъ ихъ высшаго и идеальнаго призванія: такова и есть идея античнаго государства. Вытекающіе отсюда выводы чрезвычайно важны: въ противоположность среднимъ вѣкамъ, когда религія подчиняла себѣ политику, Макиавелли думаетъ, что политика должна управлять всеми сторонами человѣческой жизни. Онъ отрѣшаетъ ее отъ всякихъ нравственныхъ основъ и выдѣляетъ въ самостоятельную область, но не науки, а скорѣе искусства. Отдѣльными правилами у него сведены къ тому, что приняты называть „raison d'Etat“ (государственной необходимостью). Это понятіе и прежде признавалось основнымъ принципомъ практическихъ государственныхъ людей, но никто не провелъ его съ такою исключительною послѣдовательностью какъ Макиавелли. Но что такое эта raison d'Etat? Мы переводимъ это слово въ лучшемъ его смыслѣ: „общимъ благомъ“. Оно, по Макиавелли, не есть совокупность частныхъ пользъ и не благо государства, какъ такового, а „не что иное, какъ совокупность интересовъ, общихъ большинству гражданъ.“ ³⁾ Всмотрѣваясь ближе, мы должны сознаться, что это обозначаетъ въ сущности интересы лицъ, власть имѣющихъ. Макиавелли ничего не знаетъ о правахъ меньшинства. На его ученіи, мы лучше всего можемъ видѣть, къ чему приводитъ политика, лишенная нравственныхъ основъ. Онъ всецѣло держится на правилѣ: цѣль оправдываетъ средства. Все у Макиавелли сводится къ достиженію цѣли, а вопросъ о средствахъ для него безразличенъ. Если можно достигнуть хорошей цѣли добрыми средствами — тѣмъ лучше, но въ политикѣ нечего останавливаться и предъ самыми дурными средствами. Въ Князѣ подъ фирмою общаго блага оправдываются самыя возмутительныя поступки (какъ поучительна въ этомъ

¹⁾ Стр. 26, 27 и 257.

²⁾ Разсужденія; I, 10.

³⁾ Стр. 241.

отношеніи 18 гл. этого сочиненія), а нравственная сторона разсужденій о Ливіи ничѣмъ не лучше (напр. оправданіе двойнаго убійства, совершеннаго Ромуломъ, изъ коихъ одно даже братоубійство¹⁾).

Все это хорошо извѣстно нашему автору, но онъ объясняетъ излагаемое имъ ученіе своеобразнымъ и довольно страннымъ образомъ. По его мнѣнію правило: „цѣль освящаетъ средства“, господствуетъ въ догосударственномъ бытѣ, а въ государственномъ лишь тогда, когда законный порядокъ пересталъ существовать, т. е. когда цѣль не можетъ быть достигнута законными средствами. Случаи эти въ глазахъ Макиавелли представляются: въ тираніи, при основаніи и переустройствѣ государства, подавленіи мятежей и возстанія, во время войны²⁾. Но очевидно, что эти случаи поглощаютъ большую часть государственной жизни: для правильнаго и законнаго порядка остается очень мало мѣста. Очевидно Макиавелли не имѣетъ и понятія о непрерывности и законности государственнаго порядка. Прославленіе успѣха ведетъ его къ культу силы и къ презрѣнію права.

Г. Алексѣевъ думаетъ, что 7 гл. „Князя“ (о Цезарѣ Борджіи) сдѣлала „для людей толпы имя Макиавелли синонимомъ политическаго коварства“.³⁾ Странное утвержденіе! Главы 8 и особенно 18 ни чужъ не лучше; да и вообще весь характеръ „Князя“, за исключеніемъ очень немногихъ фразъ, падаетъ безславіемъ на его автора. Но въ виду особой настойчивости, съ которою г. Алексѣевъ старается оправдать глубокую безнравственность⁴⁾ Макиавелли, мы не можемъ обойти этотъ вопросъ молчаніемъ. Разсказывая о подвигахъ одного изверга по Макиавелли, Паоло Больони, нашъ авторъ замѣчаетъ, что авторъ „Князя“ въ этомъ случаѣ выступаетъ не моралистомъ и не политикомъ, а безпристрастнымъ наблюдателемъ, подмѣтившимъ интересный психологическій фактъ⁵⁾.

Но изъ характера всей этой главы „Разсужденій“ (I, 27) ясно выступаетъ упрекъ въ трусости, который дѣлаетъ Макиавелли Больони за то, что онъ не убилъ папу Юлія II. „Люди благоразумные, говорить онъ, которые были съ папою, не могли понять почему Больони не рѣшился на поступокъ, который сдѣлалъ бы его навсегда знаменитымъ, почему онъ однимъ ударомъ не уничтожилъ своего врага и не обогатился на счетъ кардиналовъ, бывшихъ вмѣстѣ съ папою, легкою для него добычею. Онъ совершилъ бы поступокъ, который, въ случаѣ успѣха, совершенно загладилъ бы его позоръ. Всѣ стали бы удивляться величію его духа и эта попытка доставила бы ему вѣчную славу“⁶⁾.

Мѣста же приводимца г. Алексѣевымъ изъ этой главы⁷⁾ далеко

¹⁾ Разсужденія I, 9.

²⁾ Стр. 255.

³⁾ Стр. 250.

⁴⁾ Мы не отвергаемъ, что у Макиавелли встрѣчаются, даже въ нравственномъ отношеніи, прекрасныя мѣста (напр. Разсужденія I, 10, 17, 26 и др.), но мы говоримъ, что онъ не держался въ этомъ отношеніи никакихъ принциповъ, что и дѣлаетъ его ученіе вполнѣ безнравственнымъ.

⁵⁾ Стр. 247.

⁶⁾ Стр. 246.

⁷⁾ Стр. 249.

не передаютъ всей рѣзкости мыслей Макиавелли. Въ 40 гл. 1 вв. „Разсужденій, посвященной введенію децемвирата въ Римъ, Макиавелли, по мнѣнію“ автора, „также безпристрастно рассматриваетъ поведеніе народа, какъ и образъ дѣйствія тирана, и, на ряду съ совѣтами, обращенными къ народу, — выставляетъ правила, которыми долженъ руководствоваться тиранъ. Согласимся съ этимъ, но съ этимъ стоитъ въ противорѣчій слѣдующая за тѣмъ фраза г. Алексѣева: „Макиавелли не выступаетъ здѣсь ни руководителемъ ¹⁾ народа, ни совѣтникомъ тирана“. Вотъ, однако, что говоритъ самъ Макиавелли: „замѣчательнаго въ этихъ событіяхъ очень много и особеннаго вниманія заслуживаютъ они со стороны тѣхъ, кто желаетъ спасти свободу республики и тѣхъ, кто хочетъ поработить ее“. Это положеніе весьма мѣтко характеризуетъ все ученіе Макиавелли, дающее богатый арсеналъ какъ для республиканцевъ, такъ и для деспотовъ, но, по отсутствію нравственныхъ началъ, служащее болѣе цѣлямъ послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Весьма мягко далѣе смотритъ г. Алексѣевъ на 7 гл. „Князя“. Въ ней будто бы Макиавелли не сочувствуетъ цѣли политическихъ стремленій Борджіи, а хвалитъ лишь ту желѣзную послѣдовательность, съ которою герцогъ преслѣдовалъ свой планъ. И эта послѣдовательность тѣмъ болѣе удивляла его, что онъ не находилъ ее у современниковъ, которыхъ онъ обвиняетъ въ неумѣннѣ смѣло и прямо идти по разъ избранному пути ²⁾. Но именно на Цезаря Борджіи мы можемъ видѣть всю безнравственность ученія Макиавелли. Изъ исторіи мы знаемъ, что между итальянскими бандитами того времени онъ былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ. „Почти каждая минута его жизни, говоритъ Періесъ ³⁾, была ознаменована вѣроломствомъ или преступленіемъ. Вѣроломство же подъ конецъ и погубило того, кто ему былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ“. Но Макиавелли находитъ нужнымъ подробно изложить подвиги Борджіи въ Синигалии и въ Чезенѣ, по отношенію къ вѣкоему Рамиро д'Орко. Онъ удивляется его искусству „привлекать людей и истреблять ихъ“. Мы согласны, что Макиавелли видитъ въ немъ не образецъ для государей вообще, а лишь для государя новаго, но и такое объясненіе значенія Борджіи для насъ непонятно. Послѣ цѣлой жизни преступленій онъ достигнулъ чего же? Того, что Романья осталась ему вѣрною болѣе одного мѣсяца! ⁴⁾ Въ его хитро обдуманнѣ планъ дѣйствій не вошли два обстоятельства, которыя его и сгубили: недолговѣчность его отца и собственная его болѣзнь. Мы видимъ причину полнаго его фіаско въ болѣе глубокихъ нравственныхъ принципахъ, имъ поправныхъ, а Макиавелли приписываетъ ее просто „стеченію обыкновенныхъ, крайне неблагоприятныхъ для него обстоятельствъ“.

Впрочемъ самъ г. Алексѣевъ допускаетъ, что „дабы сдѣлаться достойнымъ послѣдователемъ Борджіи необходимо принадлежать къ кате-

¹⁾ Стр. 249.

²⁾ Стр. 253.

³⁾ Извѣстный переводчикъ всѣхъ сочиненій Макиавелли на французскій языкъ въ 1823 г.

⁴⁾ На это указываетъ Жане.

горя тѣхъ кондотьеры, которые безъ зазрѣнія совѣсти, насиліемъ и обманомъ прокладываютъ себѣ путь къ власти и не останавливаются ни предъ какимъ средствомъ для достиженія своей цѣли“¹⁾. Совершенно вѣрно! Но возводить такихъ господъ въ образецъ, хотя бы для новыхъ правителей, какъ это дѣлаетъ Макиавелли, значитъ: самому принадлежать къ ихъ обществу. Въ доказательство, что послѣдній и съ нравственной точки зрѣнія не одобряетъ образа дѣйствій героя Синигалии, г. Алексѣевъ ссылается на 26 гл. I кн. „Разсужденій“. Но въ ней даже не упоминается Борджіа. Напротивъ изъ частной, интимной переписки Макиавелли, мы узнаемъ, что онъ былъ не прочь подвигнуть его подвигамъ. Въ письмѣ къ Веттари, 31 янв. 1514 г., онъ говоритъ: „дѣйствіямъ Борджіи я подражалъ бы всегда, если бы былъ новый государь“.

Въ связи съ этимъ замѣтимъ, что весь отдѣлъ о воззрѣніяхъ Макиавелли на нравственность и объ утилитаризмъ въ разбираемой нами книгѣ мы находимъ невѣрными и излишними невѣрными, — потому, что онъ далеко не полонъ; излишнимъ, — съ точки зрѣнія автора, потому, что изученіе Макиавелли въ нравственномъ отношеніи приводитъ только къ чисто отрицательнымъ выводамъ. Макиавелли выставляется какимъ-то творцемъ новѣйшей, утилитарной философіи, когда на самомъ дѣлѣ у него былъ умъ совершенно не философскій, о чемъ свидѣлствуютъ весь строй его сочиненій и множество противорѣчій въ нихъ. Онъ ввѣлъ весь запасъ своихъ моральныхъ изреченій отъ своихъ учителей — древнихъ, которымъ онъ во всемъ рабски подражаетъ. Впрочемъ мысли самого г. Алексѣева объ этомъ довольно шатки. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Макиавелли должно считатьъ отцемъ моральныхъ теорій, защищаемыхъ въ наше время Контомъ“²⁾. — „Онъ провозглашаетъ новую свѣтскую мораль съ новыми идеалами и новыми цѣлями, которыя научаютъ людей видѣть въ служеніи отечеству и государству свое призваніе и свое высшее назначеніе“³⁾. Эту предполагаемую новую мораль знали уже греки и римляне. Но рядомъ съ такими положеніями встрѣчаемъ другія: „Феррари правъ, утверждая, что Макиавелли не вѣритъ въ нравственный порядокъ и не признаетъ самобытности нравственныхъ началъ, но онъ жестоко ошибается, думая, что Макиавелли отрицаетъ нравственность вообще“⁴⁾. Нравственность, лишенная самобытныхъ началъ, дѣйствительно теряетъ свое существованіе и обращается въ собраніе практически-полезныхъ совѣтовъ. Въ этомъ даже самъ г. Алексѣевъ проговаривается въ одномъ мѣстѣ: „Міросозерцаніе Макиавелли исключаетъ вѣру въ какія бы то ни было абсолютныя начала: онъ не могъ поэтому отдѣлять политику отъ морали, которая для него не существовала“⁵⁾.

Обращаемся снова къ разбору собственно политической части кни-

¹⁾ Стр. 253.

²⁾ Стр. 275.

³⁾ Стр. 180.

⁴⁾ Стр. 234.

⁵⁾ Стр. 240.

ги. Авторъ съ понятнымъ увлеченіемъ ставитъ на видъ, что, по Макиавелли, „гражданскія добродѣтели могутъ развиваться только въ *свободномъ государствѣ*“¹⁾, „что лишь въ немъ проявляется все богатство и разнообразіе народныхъ силъ“ и „все, что способно жить, живетъ полною и цѣльною жизнью“²⁾. Мы не должны однако ослабляться этими блестящими фразами. Это большое заблужденіе—видѣть въ Макиавелли защитника политической свободы, какого-то друга народа³⁾: такой человекъ, не только никогда не написалъ бы „Князя“, но и не отвергъ бы въ политикѣ нравственныхъ началъ, въ которыхъ ничто человѣческое, а тѣмъ менѣе человѣческая свобода, не можетъ развиваться. Весь строй политическаго ученія Макиавелли совмѣстимъ развѣ съ либерализмомъ въ античномъ смыслѣ, но отсюда еще очень далеко до высшаго и настоящаго либерализма, съ полноправностью всѣхъ гражданъ (подданныхъ) государства, какъ его понимаетъ современная политическая наука.

Впрочемъ и тутъ г. Алексѣевъ впадаетъ въ противорѣчія съ собою. Онъ говоритъ, что въ государствѣ необходима внѣшняя сила, которая въ виду крайней впечатлительности и неустойчивости человѣческой природы, должна быть силою принудительною и постоянно воздѣйствующею на людей. „Она должна быть какъ бы мечемъ дамоклеса, висающимъ надъ головою гражданъ и напоминающимъ имъ объ ихъ обязанностяхъ“⁴⁾. Дѣйствительно такой мечъ всегда необходимъ для человека, какъ его понимаетъ Макиавелли, т. е. для „крайняго материалиста“⁵⁾. Но гдѣ же тутъ тогда мѣсто „свободному государству“? Иначе придется сказать, что свободою пользуются и ваторожники.

При всей положительности „своего метода“ Макиавелли имѣетъ однако и свой *идеалъ государственнаго устройства*. „Лучшею формою обществитія, говоритъ г. Алексѣевъ, является для него республика. Подъ этимъ онъ разумѣетъ не народное правленіе, а смѣшанную государственную форму, въ которой власть поκειται въ рукахъ выборнаго князя, вельможъ и представителей народа“⁶⁾. Очевидно это не республика, а смягченный видъ конституціонной монархіи. Макиавелли мимоходомъ признаетъ дѣленіе Аристотеля государственныхъ формъ, но говоритъ, что это разнообразіе ихъ вызвано „случаемъ“. Чистыя

¹⁾ Стр. 60.

²⁾ Стр. 83.

³⁾ Въ «Discorsi», восклицаетъ г. Алексѣевъ, Макиавелли является предъ нами, какъ человекъ, воодушевленный любовью къ своему отечеству, проникнутый сознаніемъ всенцѣляющей силы политической, защитникъ республики, краснорѣчивый ходатай народа, врагъ деспотизма, безпощадно бичующій тирановъ и угнетателей народа. (Стр. 321). Между тѣмъ въ «Исслѣдованіи о преобразованіи государственнаго строя Флоренціи», написанномъ для папы Льва X, онъ совѣтуетъ ему сохранить для вида республиканскія учрежденія и забрать всю власть въ руки, такъ, чтобъ отъ него и его приверженцевъ завистли командование войсками, изданіе законовъ, управленіе и самое отправленіе правосудія. Онъ даже отступаетъ предъ организованнымъ обманомъ на выборахъ! Такимъ образомъ Флоренція будетъ и «республика» и «настоящая монархія».

⁴⁾ Стр. 51.

⁵⁾ Стр. 59.

⁶⁾ Стр. 80.

формы и ихъ извращеніе онъ отвергаетъ вслѣдствіи ихъ непрочности ¹⁾. Но г. Алексѣевъ не упоминаетъ о выводѣ совершенно противоположномъ, къ которому приходитъ Макиавелли въ „Исслѣдованіи о преобразованіи государства во Флоренціи“. Здѣсь мы читаемъ, что „ни одно государство не можетъ быть прочно, если оно неорганизовано какъ настоящая монархія или какъ дѣйствительная республика. Всѣ смѣшанныя же формы недостаточны и непрочны“. Вотъ образецъ крупнаго противорѣчія въ ученіи Макиавелли по одному изъ капитальныхъ вопросовъ политической науки. По всѣмъ своимъ симпатіямъ, онъ—демократическій республиканецъ. Монархію и аристократію онъ не знаетъ и ненавидитъ. Излагая мысли Макиавелли о княжествѣ (монархіи) г. Алексѣевъ держится близко самого автора, но становится болѣе на точку зрѣнія „Разсужденій“, а не „Князя“. Напр. „Макиавелли смотритъ на княжество какъ на ненормальный строй“ ²⁾. Но эта мысль нигдѣ не встрѣчается въ „Князь“. Тутъ самая полная тиранія признается законною. Вообще весь „Князь“ вращается около двухъ основныхъ вопросовъ: какъ тирану пріобрѣсти власть надъ массами и какъ ее удержать. Говорится о всѣхъ способахъ пріобрѣтенія власти, даже чрезъ преступленія, но умалчивается о главномъ: о томъ, что дѣлаетъ власть правомѣрною. Народъ въ „Князь“ является вездѣ мертвою, страдательною массою. „Краснорѣчивый ходатай“ народа едва вспоминаетъ о немъ и рѣдко проронить въ его пользу хоть единое слово! Въ одномъ отношеніи „Князь“ можетъ быть названъ провозвѣстникомъ новаго времени: въ немъ довольно ясно проводится теорія современнаго милитаризма, т. е. того воззрѣнія, которое отводитъ военному сословию первое и преобладающее мѣсто въ государствѣ. Въ войскѣ, Макиавелли видитъ главную основу общежитія, даже предпочтительно предъ хорошими законами ³⁾. Война и связанная съ нею учрежденія признаются единственнымъ предметомъ для мыслей и дѣятельности государя. „Если онъ не на войнѣ, онъ долженъ заниматься охотою“ ⁴⁾. Кто въ этомъ не увидитъ наставника государей новѣйшаго времени?

Но если Макиавелли является съ одной стороны въ „Князь“ руководителемъ тирановъ, то, съ другой, онъ оправдываетъ въ „Разсужденіяхъ“ революціонный терроръ ⁵⁾. Высказываетъ онъ это въ своемъ ученіи о необходимости смерти сыновей Брута. „Когда государство, говоритъ онъ, переживаетъ революцію и республика обращается въ тиранію или тиранія переходитъ въ республику, необходимо, чтобы страшный примѣръ поразилъ враговъ новаго порядка. Кто завладѣваетъ тиранією и оставляетъ въ живыхъ Брута, кто кладетъ основаніе свободному государству и не избиваетъ сыновей Брута, тотъ долженъ готовиться къ близкой гибели“ ⁶⁾. Сильную ненависть питаетъ Макиа-

¹⁾ Разсужденія; I, 2.

²⁾ Стр. 91.

³⁾ Князь, гл. 12.

⁴⁾ Тамъ же, гл. 14.

⁵⁾ Жане.

⁶⁾ Разсужденія III, 3.—Стр. I, 16.—Противъ злаго государя, говоритъ онъ прямо, нѣтъ другаго средства, кромѣ меча. (Ib. I, 58). Узурпаторъ, съ дру-

вели къ аристокрагін. По его мнѣнію, народъ желаетъ только не быть угнетаемымъ, а аристократы хотятъ властвовать надъ нимъ, чтобъ его угнетать¹⁾. Поэтому, кто хочетъ, замѣчаетъ онъ, основать республику въ странѣ, гдѣ много аристократовъ, долженъ истребить ихъ всѣхъ. Г. Алексѣевъ²⁾, приводя это мѣсто въ примѣчаніяхъ, выражается въ текстѣ чрезъ-чуръ мягко: „основатель республики долженъ устранить эти вредные всякому здоровому обществу элементы“³⁾. Различіе между обѣими мыслями бросается въ глаза: устраненіе далеко не тождественно съ истребленіемъ!

Такія смягченія, въ благопріятномъ для Макиавелли смыслѣ многихъ мѣстъ изъ его сочиненій, особенно изъ „Князя“, нерѣдки у нашего автора. Съ другой стороны, онъ далеко не исчерпываетъ собственно политической стороны ученія Макиавелли и не упоминаетъ ни однимъ словомъ о громадномъ его влияніи на практическую государственную жизнь послѣдующихъ вѣковъ. А между тѣмъ все это интересно и важно для оцѣнки изучаемаго имъ автора. Къ наиболѣе крупнымъ пробѣламъ, мы относимъ умолчаніе: о законѣ смѣны государственныхъ формъ⁴⁾, о влияніи религіи на политическую жизнь человѣчества⁵⁾, о вѣшной или международной политикѣ государства. Въ виду значенія Макиавелли въ этой послѣдней области — его можно считать законодателемъ той печальной эпохи, которая извѣстна въ исторіи подъ именемъ абсолютизма и династической политики! Мы считаемъ полезнымъ упомянуть хотя о самыхъ главныхъ положеніяхъ, по этой части, Макиавелли. Близкій предшественникъ Гентилуса и Гроція, онъ о международномъ правѣ не имѣлъ даже понятія. Государства, по его воззрѣнію, не являются членами одного высшаго союза, но живутъ въ полной изолированности и поэтому въ вѣчной враждѣ (то открытой, то тайной) между собою. Таково логическое послѣдствіе, неизбежно вытекающее изъ самой его идеи о государствахъ! Построенныя на силѣ, равнодушныя къ принципамъ нравственности и права, государства, по мысли Макиавелли, могутъ покушаться на все, на что хватаетъ только ихъ мощи. Самая коварная и насильственная политика по отношенію къ сосѣдямъ не преступна, если она ведетъ къ нашему возвышенію. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Какъ извѣстно, Макиавелли дозволяетъ государю играть своимъ словомъ. Прикрываясь маскою толпы, то льва, государь предусмотрительный, говоритъ онъ, не долженъ исполнять своихъ обѣщаній и обязательствъ, если такое исполненіе будетъ для него вредно и мотивы, вынудившіе его обѣщаніе, устранены... Для государей не трудно прикрыть каждое свое клятвенное преступленіе благовидными предлогами... Мы видимъ въ современной

гой стороны не можетъ обладать престоломъ спокойно, пока остаются въ живыхъ тѣ, которыхъ онъ лишилъ власти. (III, IV). И такъ всюду — месть и обманъ, политика единственно возможная для того, кто не уважаетъ права!

¹⁾ Стр. 91.

²⁾ Примѣч. 155-е къ 1-й ч.

³⁾ Стр. 86.

⁴⁾ Разсужденіе I, 2.

⁵⁾ Назв. соч. I, 11 и 12. — Князь гл. 6.

исторіи безчисленные примѣры мирныхъ трактатовъ и соглашеній всякаго рода, нарушенныхъ государями или оставшихся мертвою бумвою. При этомъ въ большихъ барышахъ оставались тѣ государи, которые въ своихъ дѣйствіяхъ лучше умѣли подражать лисицамъ. Какъ характерно слѣдующее заключеніе: „необходимо однако послѣдній способъ дѣйствій хорошо скрывать подъ личиною честности: государи должны обладать великимъ искусствомъ притворства и одурачиванья людей“¹⁾. При такомъ возведеніи вѣроломства въ принципъ мирное сожителство народовъ невозможно.

Говоря о присоединеніи къ государству новыхъ областей, Макиавелли даже не задумывается надъ неправомѣрностью завоеваній между цивилизованными государствами. Въ числѣ способовъ удержанія страны, прежде свободной, онъ рекомендуетъ прежде всего истребленіе ея жителей, „иначе намъ придется ожидать себѣ отъ нея погубели“.²⁾ Государь, по его мнѣнію, долженъ быть скорѣе скупъ, нежели щедръ, но „по отношенію къ военной добычѣ и завоеваннымъ землямъ ему необходимо быть щедрымъ безъ всякихъ ограниченій.“ Раздавать приобретенное завоеваніями онъ долженъ для удержанія въ вѣрности своей арміи, „живущей грабежемъ и контрибуціями.“³⁾ Для Макиавелли представляются идеаломъ отношенія римлянъ къ покореннымъ народамъ и ихъ способы веденія войны.⁴⁾ Обсуждая различныя хитрости на войнѣ онъ упоминаетъ и объ отравленіи съѣстныхъ припасовъ, безъ малѣйшаго осужденія.⁵⁾ Правило „цѣль оправдываетъ средства“ получаетъ по отношенію къ врагамъ, въ его глазахъ самое широкое при- мѣненіе.

При борьбѣ сосѣдей нейтралитетъ кажется ему хуже открытаго участія. На него соглашались только государи слабые и нерѣшительные.⁶⁾

Одну изъ причинъ долгаго существованія Спарты онъ видитъ „въ недопущеніи на ея территоріи иностранцевъ, что предотвращало ея населеніе отъ размноженія и всякой порчи“⁷⁾.

Приведенныхъ мѣстъ достаточно для убѣжденія насъ въ томъ, что въ ученіи Макиавелли можно найти орудія для проведенія какой угодно политической доктрины и при томъ самыми неразборчивыми средствами, лишь бы можно было укрыться за личину государственной пользы и общаго блага, да провести задуманное дѣло съ мужествомъ и успѣхомъ. „Толпа, говоритъ Макиавелли, обыкновенно увлекается внѣшностью и успѣхомъ, а весь міръ представляетъ толпу, да не многихъ лицъ, къ совѣту которыхъ государи иногда обращаются“⁸⁾.

Другой важный пробѣлъ въ сочиненіи г. Алексѣева мы видимъ въ

1) Князь, гл. 18. — Ср. Разсужденія; III, 42.

2) Князь, гл. 5.

3) Тамъ-же, гл. 16.

4) Разсужденія, II, 4 и 6.

5) Въ соч. «О военномъ искусствѣ», кн. 6.

6) Князь, гл. 21.

7) Разсужденія I, 6.

8) Князь, гл. 18.

тожъ, что онъ совершенно не касается *биографіи* Макиавелли. Въ ней заключается главный ключъ къ пониманію всѣхъ произведеній флорентійскаго писателя. Появленіе въ новѣйшее время дѣльныхъ монографій о немъ Виллари, Нятти и др. не служитъ оправданіемъ для нашего автора. Самая задача, которую онъ себѣ поставилъ — изученіе Макиавелли, какъ политическаго мыслителя, неразрѣнима безъ серьезнаго и всесторонняго изученія житейскихъ обстоятельствъ и личнаго характера Макиавелли. Особенно его письма даютъ намъ интересную, живую, далеко впрочемъ не всегда симпатичную картину внутренняго міра ихъ автора ¹⁾.

г. Алексѣевъ отчасти постарался замѣнить этотъ пробѣлъ тѣмъ отдѣломъ своей книги, гдѣ онъ говоритъ о задачахъ Макиавелли и о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ сложились его политическія и философскія воззрѣнія. ²⁾ Но этотъ очеркъ далеко не полонъ, именно потому что не указываетъ на главное — на ту связь, которая существуетъ между жизнію и писаніями Макиавелли. А такъ какъ у него все было лично и субъективно, то это опущеніе рѣшительно не даетъ возможности русскому читателю составить себѣ вѣрное понятіе о Макиавелли. Въ свое оправданіе г. Алексѣевъ ссылается на „внѣшнія обстоятельства“ и на желаніе не откладывать выхода своего труда. ³⁾ Мы же желаемъ надѣяться, что по удаленіи этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, онъ дополнитъ свою книгу въ указанномъ выше отношеніи; безъ этого она останется недоделаннымъ этюдомъ.

Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ стоитъ другой, очень важный и давно вызывающій споры между писателями: это объясненіе того глубокаго различія, которое существуетъ между двумя главными политическими трактатами Макиавелли — „Княземъ“ и „Разсужденіями о Ливіи“. Г. Алексѣевъ дѣлаетъ попытку объяснить это различіе тѣмъ, что въ первомъ сочиненіи Макиавелли изучаетъ частный вопросъ, а во второмъ изслѣдуетъ всѣ явленія политической жизни, доступныя его наблюденію. Затѣмъ въ „Князѣ“ личность Макиавелли скрывается за объективнымъ изслѣдованіемъ политическаго вопроса, между тѣмъ какъ въ „Разсужденіяхъ“ она выступаетъ предъ нами во весь ростъ. ⁴⁾ Это оригинальное объясненіе намъ кажется неудовлетворительнымъ по многимъ причинамъ. Оба трактата Макиавелли сходны между собою по отсутствію въ нихъ нравственныхъ началъ, но въ „Разсужденіяхъ“ онъ является республиканцемъ, хотя и въ древне-римскомъ смыслѣ, а въ „Князѣ“ онъ даетъ не только совѣты тиранамъ, выгодные для тиранин, но и показываетъ почти полное пренебреженіе къ народу. Это противорѣчіе объясняется только мотивами вызвавшими Макиавелли къ сочиненію „Князя“. Кто знакомъ съ его жизнію, едвали согласится съ слѣдующимъ мнѣніемъ г. Алексѣева: „Недосугъ натолкнулъ Макиавелли на теоретическія размышленія:

¹⁾ Ср. напр. его письма къ Веттори отъ 10 іюня и 3 авг. 1514 и 31 января 1515.

²⁾ Стр. 107—168.

³⁾ Предисловіе, стр. VIII.

⁴⁾ Стр. 320.

онъ былъ для него лишь удобнымъ случаемъ дать волю широкому полету его теоретической мысли.“¹⁾ Изъ письма Макиавелли къ Веттори отъ 10 дек. 1513 — поэтическое начало котораго приводитъ самъ нашъ авторъ²⁾ — мы узнаемъ, что онъ началъ заниматься своими сочиненіями лишь по потерѣ своей государственной службѣ, при возвращеніи Медичи во Флоренцію. Это случилось на 43 году его жизни, послѣ того какъ лучшую пору молодости онъ провелъ въ практической дѣятельности, о которой никогда не переставалъ вздыхать. Изъ этого же письма мы ясно видимъ, что исключительно личные мотивы руководили Макиавелли при написаніи „Князя“, — что и объясняетъ характеръ послѣдняго. „Князь“ или „De Principatibus“ — какъ называетъ его самъ авторъ — написанъ имъ съ цѣлю доказать Медичи, что „15 проведенныхъ имъ лѣтъ на государственной службѣ не были потрачены на сонъ или игру.“ Затѣмъ онъ говоритъ: „Нужда, въ которой я нахожусь, побуждаетъ меня къ этому (т. е. поднести эту книгу Медичи). Больше я не могу оставаться въ такомъ положеніи, иначе бѣдность сдѣлаетъ меня предметомъ всеобщаго презрѣнія. Наконецъ я желалъ бы, чтобы господа Медичи употребили меня въ дѣло, хотя бы съ начала для перевозки камней.“³⁾ Для подтвержденія нашего взгляда, мы можемъ еще лучше сослаться на заключительныя слова въ посвященіи „Князя“ Лаврентію: „И если съ высоты своего величія, ваше Величество удостоитъ взглянуть на то, что находится внизу, то вы увидите на сколько незаслуженно приходится мнѣ въ жизни страдать и быть жертвою суровой и несправедливой судьбы.“ Слова эти звучатъ особенно странно въ устахъ человѣка, который въ предисловіи къ „Разсужденіямъ“ высказывается прямо противъ „общаго обычая писателей посвящать свои труды какому нибудь государю.“

Нельзя не согласиться съ выводами Періеса что „Князь“ даже не предназначался для печати. Это было просто руководство, которое Макиавелли хотѣлъ дать лично Лаврентію. Въ этой книгѣ онъ не задумывается надъ идеями прекраснаго и нравственнаго, а просто указываетъ на полезное и необходимое для государей я въ особенности для государей новыхъ.“ Макиавелли дожигъ до вторичнаго изгнанія Медичи въ 1527 г., вслѣдствіе взятія испанцами Рима. Его ожиданія посвятить себя опять служенію республикѣ не оправдались: напрасно старался онъ тогда объ истребленіи всѣхъ копій книги „Князя“, еще не напечатанной. Народъ не могъ простить ему его заискиваній предъ Медичи и огорченіе отъ этого было одною изъ причинъ его смерти (22 іюня 1527). Лишь 5 лѣтъ спустя, т. е. въ 1532 г. „Князь“ былъ впервые напечатанъ.

И такъ „не одно только чувство — любовь къ отечеству — какъ утверждаетъ нашъ авторъ — воодушевляло Макиавелли“⁴⁾. Послѣ „Князя“

¹⁾ Стр. 124.

²⁾ Стр. 110.

³⁾ Г. Алексѣевъ на стр. 110 не приводитъ слова, написанныя нами курсивомъ. Все это указано уже Жане, но онъ не останавливается даже на этомъ столь противорѣчащемъ ему мнѣніи.

⁴⁾ Стр. 114. — Для объясненія задачъ Макиавелли нашъ авторъ приводитъ

не малымъ также безславіемъ падаетъ на него написанное по заказу „Исслѣдованіе о преобразованіи государства во Флоренціи.“

Мы приходимъ къ слѣдующему общему заключенію: отдавая должное уму, патриотизму, познаніямъ и практической дѣятельности Макиавелли, мы не можемъ — какъ дѣлаетъ это г. Алексѣевъ — приложить къ нему слова, вырѣзанныя на его памятникѣ во Флоренціи: „Tanto nomini nullum par elogium“; не можемъ увлекаться „огненнымъ“ потокомъ его воодушевленной рѣчи“ или въ особенности преклоняться предъ его „благородной душой“¹⁾.

Мы должны признать въ немъ, съ другой стороны, порядочную долю эгоизма и много практической изворотливости. Могло ли быть иначе при его глубокомъ презрѣніи къ человѣческой природѣ вообще²⁾? А послѣднее въ свою очередь вызывалось полнымъ равнодушіемъ, часто даже пренебреженіемъ къ высшимъ нравственнымъ началамъ, которое проходитъ чрезъ всѣ сочиненія Макиавелли. По мѣткому выраженію историка Лорана: „совѣсть его не была на высотѣ его генія.“ Онъ успѣлъ изучить человѣческую природу, но надо сознаться, въ той страшной испорченности, въ какой она ему представлялась въ его глубоко безнравственный вѣкъ. Смыслъ своего времени и своего народа, онъ принёсъ своими сочиненіями очень много вреда, въ которомъ онъ тѣмъ болѣе отвѣтственъ предъ потомствомъ, чѣмъ большимъ обладалъ талантомъ и знаніемъ практической государственной жизни.

Мы остановились такъ долго на книгѣ г. Алексѣева въ виду безспорнаго интереса, который она представляетъ для русской публики по своему предмету и изложенію. Не одобряя тенденціозности, съ которою авторъ силится провести свои мысли, мы отъ души желаемъ ему успѣха на его дальнѣйшемъ ученомъ поприщѣ.

Гр. Л. Камаровскій

(Профессоръ Имп. Московскаго университета)

ИСТОРИЯ РУССКАГО ПРАВА И УПРАВЛЕНІЯ.

Устройство и управленіе городовъ Россіи. Томъ I. Введеніе. Города въ Россіи въ XVIII столѣтіи. *И. Дитятина*. Спб. 1875 г. 507 стр. Томъ II. Городское самоуправленіе въ настоящемъ столѣтіи. *И. Дитятина*. Ярославль. 1877. 563 стр.

Объемистое сочиненіе г. Дитятина представляетъ весьма подробное изложеніе судебъ юридической жизни нашего городского общества въ

мѣста изъ введенія «къ Разсужденіямъ» и изъ «Исторіи Флоренціи», но не упоминаетъ о посвященіи «Князя».

¹⁾ Стр. 321.

²⁾ Г. Алексѣевъ даетъ намъ живой очеркъ воззрѣній Макиавелли на человѣка вообще (стр. 41—49). Замѣчательно, что тутъ не выставляется ни одна хорошая сторона въ природѣ человѣка. Его отличительная черта, учитъ насъ авторъ «Князя», — эгоизмъ. Изъ него вытекаютъ всѣ человѣческія влеченія, между которыми главныя — корыстолюбіе и властолюбіе.

теченіи двухъ столѣтій. Исторію городского положенія 1870 г. авторъ обѣщаетъ написать въ слѣдующемъ, третьемъ томѣ. Сочиненіе г. Дитятина отличается необыкновенной полнотой. Картина нашихъ городскихъ учреждений за два столѣтія, которую авторъ намъ даетъ здѣсь, показываетъ всѣ мажйшія подробности того явленія, съ которымъ онъ знакомитъ читателя. Притомъ книга г. Дитятина хорошо разработана въ научномъ отношеніи. Стараясь вездѣ отыскать основное начало даннаго общественнаго учрежденія, авторъ связываетъ явленія, разныхъ временъ органическими образомъ, указывая весьма обстоятельно на то, что въ новомъ явленіи новаго, и что его связываетъ съ предыдущимъ временемъ. Но авторъ не довольствуется однимъ изученіемъ юридическихъ догмъ правовыхъ порядковъ нашихъ городовъ, онъ неуспѣшно старался найти объясненія этимъ явленіямъ юридической жизни; и можно даже сказать, что эта сторона въ научной работѣ автора преобладаетъ. Эти объясненія основываются при томъ на положительныхъ данныхъ. Такой приемъ изложенія и дѣлаетъ для насъ вполне понятной ту печальную роль, которую нашимъ городамъ пришлось играть въ эпоху безпрестанныхъ реформъ, измѣнявшихъ чуть ли не чаще всего общественные порядки городовъ. Г. Дитятинъ, далѣе, постоянно указываетъ на различіе, которое существуетъ между развитіемъ общественнаго управленія на западѣ, гдѣ имѣлись автономическія силы въ городскомъ населеніи, и у насъ, гдѣ этихъ силъ не было, благодаря политикѣ закрѣпощенія сословій, начавшейся въ Московскомъ государствѣ и продолжавшейся до реформъ Екатерины Великой. И съ этихъ поръ, благодаря такому прошлому безъ всякихъ традицій автономіи, городскія силы самоуправленія не успѣли развиваться. Бюрократическому начальству и до послѣдняго времени, даже вопреки закону, было трудно разыгрывать роль господина предъ органами общественнаго городского управленія; въ послѣднихъ еще не развилось автономическое самосознаніе; и развитію помѣшало, въ значительной степени, то недоверіе, съ которымъ законодатель относился къ силамъ городского населенія относительно его умѣнья справляться съ обязанностями самоуправленія. Опасенія въ этомъ отношеніи заставляютъ его поручить своимъ бюрократическимъ органамъ довольно неограниченный надзоръ надъ учреждениями общественнаго городского управленія, надзоръ, который юридически, а еще болѣе фактически, лишаетъ эти учрежденія всякой возможности самой незначительной доли самоуправленія. Различіе въ городскомъ управленіи въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ заключается въ томъ, что въ XVIII вѣкѣ для государства преобладала финансовая цѣль при всѣхъ реформахъ въ городскомъ управленіи: забота правительства заключалась въ томъ, чтобы не было недоборовъ, чтобы не было казны государевой убытку; это-то и вызывало заботу правительства, чтобы градскому населенію не было притѣсненій; и Екатерининская жалованная грамота городамъ 1785 года, еще въ значительной степени, стоитъ на этой точкѣ зрѣнія; на финансовый интересъ государственной казны и здѣсь есть указаніе. Государство однако начинаетъ понимать, что расходы на содержаніе городского управленія, если ихъ не можетъ нести городское населеніе по причинѣ недостатка средствъ, а существо-

ваніе города необходимо въ виду правительственныхъ административныхъ интересовъ, — должна нести государева казна. Такихъ случаевъ было не мало; можно насчитать сотню городовъ, которые для содержанія городского управленія снабжались отъ казны субсидіями въ нѣсколько сотъ рублей въ годъ, но большинство городовъ содержались на свои средства, получаемыя или путемъ различныхъ сборовъ и налоговъ и доходовъ отъ городского имущества, тѣмъ не менѣе же расходованіе этихъ суммъ подлежало строжайшему надзору мѣстныхъ и центральныхъ правительственныхъ органовъ, какъ относительно назначенія расхода, даже только копѣечнаго, такъ и относительно самаго расходованія разрешенныхъ для этого городскихъ средствъ. Такая осторожность законодателя по отношенію къ городской собственности (имѣвшая свое основаніе) потянула за собою, какъ неизбежное послѣдствіе, введеніе въ общественныя учрежденія городского управленія — бюрократическаго порядка, практиковавшагося въ правительственныхъ канцеляріяхъ. Такой порядокъ отдавалъ во власть городского секретаря органы городского общественного управленія, людей „темныхъ“, какъ они часто сами называли себя, людей притомъ изъ среднихъ классовъ городскихъ обывателей, не рѣдко безграмотныхъ, а по-давно, разумѣется, незнакомыхъ съ тайнами канцелярской пути. Въ высшемъ же мѣстномъ начальствѣ мало было развито чувство уваженія къ самоуправленію; о развитіи самосознанія городскихъ обывателей въ этомъ направленіи едва ли можно было говорить въ официальныхъ сферахъ. Мѣстное бюрократическое начальство смотрѣло на общественное управленіе, какъ на канцелярію, какъ на бюрократическое чиновничество. Отстаивать предъ такимъ авторитетомъ свое достоинство было городамъ не по силѣ. Повиноваться должны были и люди съ большими средствами и съ болѣе виднымъ общественнымъ положеніемъ. Авторъ въ этомъ отношеніи многого не досказалъ, но эти пробѣлы каждый, мало-мальски знакомый съ недалекимъ прошлымъ жизни нашихъ городовъ и ихъ отношеніями къ бюрократическимъ властямъ, можетъ легко пополнить собственными воспоминаніями. Очень интересно то, что г. Дитятинъ намъ рассказываетъ въ обширномъ второмъ отдѣлѣ втораго тома (стр. 242—367) о фактическомъ состояніи городскихъ учреждений и общественномъ строѣ городской жизни. Картина эта необыкновенно полная, насколько это возможно при существующихъ источникахъ. Во главѣ о состояніи города въ первой половинѣ настоящаго столѣтія (т. II, отд. II, стр. 302—61) авторъ весьма тщательно изучилъ между прочимъ уровень образованія городскихъ обывателей, указывая на тѣ средства, которыми оно добывалось; заключеніе его вполне справедливо: классы, въ рукахъ которыхъ до конца шестидесятихъ годовъ находилось такъ называемое городское самоуправленіе, по образованію стояли на очень низкой ступени. Какимъ образомъ эта среда могла въ собственныхъ вѣдрахъ, такъ сказать, возсоздать то, чего не создавалъ законъ, такъ далеко уклонившійся отъ началъ самоуправления; какимъ образомъ могла она сохранить въ себѣ самый духъ самоуправления, его коренныя основанія, не имѣя о нихъ понятія, не будучи способною воспринять и усвоить ихъ? Ряды нашего городского сословія зачастую пополнялись изъ крѣпостныхъ крестьянъ. Что могли внести эти новобранцы въ среду городского торгово-промышленнаго сословія такого, что оживляло

бы жизнь этого сословія, что вливало бы въ него жизненные силы, которыя однѣ и могли только возродить захнувшее городское управленіе? Но и коренные, представители этой среды, гдѣ они могли набраться этихъ силъ? Авторъ проситъ читателя не упустить изъ виду прошлое; традиции о городскомъ управленіи въ теченіи XVII и XVIII столѣтій въ Россіи должны дать въ результатѣ нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что могли дать традиции о немъ въ XVII—XV столѣтіяхъ въ западной Европѣ; очеркъ происхожденія городского самоуправления авторъ излагаетъ какъ введеніе къ первому тому, на стр. 1—105. Этотъ очеркъ составленъ на основаніи лучшихъ сочиненій по этому предмету. Изложеніе автора ясно и послѣдовательно.

Въ бѣгомъ очеркѣ авторъ характеризуетъ русскій городъ до Петра Великаго и приходитъ къ заключенію, что это время не успѣло создать городъ, какъ земскую единицу. Въ пору самостоятельности — городъ, какъ городъ-государство, имѣлъ въ виду преимущественно роль политическую. Эпоха монгольскаго ига и московское государство не благоприятствовали развитію земской самостоятельности городовъ. Сословія московскаго государства, не исключая торговопромышленниковъ, суть слуги царя; потребностями государевыми опредѣляется родъ и видъ закрѣпощенія отдѣльныхъ сословій. На долю Петра Великаго пришлось собрать воедино разсыпанную хранину торговопромышленнаго люда, и г. Дятлинъ совершенно справедливо ставитъ вопросъ такъ: всѣ реформы преобразователя по отношенію къ городскому населенію являются ничѣмъ инымъ, какъ попыткой разрѣшить поставленную XVII вѣкомъ задачу и притомъ разрѣшить ее путемъ, намѣченнымъ тѣмъ же столѣтіемъ. Въ началѣ царствованія Петра Великаго торговля и производительная промышленность Россіи находятся въ томъ же самомъ состояніи, въ какомъ мы видимъ въ царствованіи отца и брата великаго преобразователя. Ни одно изъ золъ, препятствовавшихъ развитію этихъ могущественныхъ рычаговъ развитія общества и государства, не было устранено. Потребности общества не увеличились; оно не стало богаче. Главнымъ занятіемъ посадскихъ людей остается земледѣліе. Пути сообщенія находились въ первобытномъ состояніи. Разбормъ не брезгаютъ даже князья. Конкуренція иностранцевъ какъ въ торговлѣ, такъ и въ промышленности также сильна и непреодолима, какъ и въ XVII ст., — пожалуй еще сильнѣе. У русскихъ купцовъ не ставало силъ „тягаться“ съ богатыми компаніями иностранцевъ; послѣдніе затирали первыхъ. Разоряли посадскихъ воеводы и приказные, разоряли ихъ своя же братья — всякаго рода выборные. Притомъ законное тягло было тяжелое. При такомъ положеніи дѣла посадское торговопромышленное населеніе не могло дойти до сознанія единства общественныхъ нуждъ и потребностей. И въ рукахъ Петра оказалось все таже безотвѣтная, пассивная масса посадскаго населенія, не сознающаго ни своихъ общественныхъ, ни государственныхъ интересовъ. Этой пассивной массѣ пришлось теперь испытать много въ рукахъ великаго, энергическаго экспериментатора, не останавливавшагося ни предъ какими средствами. Преобразователь видитъ одну цѣль: создать могущественное, государство со всѣми внѣшними признаками западно-европейскаго государства. — Всѣ мѣры и преобразованія его *eo ipso* должны были идти въ духъ мѣръ XVII ст.,

съ, тою только разницей, что мѣры Петра, въ силѣ самаго его характера, должны были отличаться большей опредѣленностью, послѣдовательностью, безошадностью. Тяглыя сословія, почти организованныя въ XVII вѣкѣ, онъ организуетъ, закрѣпощаетъ окончательно. Каждое сословіе неукоснительно должно исполнить возложенную на него службу, отбывать подати и повинности. Относительно торговопромышленнаго сословія г. Дитятинъ эту мысль развиваетъ весьма пространнѣмъ образомъ. Нѣкоторыя фразы регламента главному магистрату указываютъ на что-то новое, другое, чѣмъ то, что лежитъ въ основѣ Бурминстерской палаты и Земскихъ избъ. Но на основаніи частныхъ авторъ доказываетъ, что эти фразы сказаны только ради краснаго слова, и только подъ вліяніемъ традицій западно-европейскаго городского самоуправления. На самомъ же дѣлѣ цѣлю и новыхъ учрежденій, какъ и прежнихъ, являлось удовлетвореніе интересовъ исключительно государственныхъ. Эта то цѣль и была, между прочимъ, причиной, почему законодатель не могъ перенести цѣликомъ западно-европейскія городскія учрежденія съ ихъ сущностью. Онъ занималъ лишь форму этихъ учрежденій, которую наполнилъ содержаніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ содержаніемъ ея въ западно-европейскихъ городахъ. Ему нужна была не автономическая дѣятельность его подданныхъ, а на оборотъ, ему необходимо было, чтобы всѣ силы ихъ были закрѣпощены прямо или посредственно государству; но онъ хотѣлъ при этомъ, почти невозможнаго, чтобы закабаленные работали энергически; работали, посвящая чужому, въ ихъ глазахъ, дѣлу чуть не всѣ свои силы. И торговопромышленное сословіе должно было служить государственной цѣли — людьми и деньгами. Отдѣлъ на 248—326 стр. озаглавленъ „цехи“. Здѣсь говорится о цехахъ въ западной Европѣ, ихъ зарожденіи, процвѣтаніи, вырожденіи и паденіи, о русскихъ артеляхъ; авторъ доказываетъ, что ихъ, никоимъ образомъ, нельзя сравнивать по ихъ устройству съ цехами. Цехи же Петра Великаго должны были носить тотъ же характеръ, который вообще свойственъ его реформамъ. О замкнутости цеховаго общества въ автономическихъ интересахъ даннаго сословія не могло быть рѣчи.

Поворотъ въ понятіяхъ о городскомъ общественномъ управленіи совершаетъ жалованная грамота городамъ 1785 г.

Только здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемся съ новымъ понятіемъ русскаго города, какъ мѣстной общины, какъ юридическаго лица; организація Оренбурга при Аниѣ Іоанновнѣ по такимъ началамъ былъ примѣръ уже забытый. Жалованная грамота ложится въ нашемъ законодательствѣ о городахъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ покоилось городское общественное устройство до самаго послѣдняго времени. Это положеніе авторъ затѣмъ доказываетъ во второмъ томѣ. Для лучшаго выясненія роли выборныхъ въ городскомъ управленіи, авторъ излагаетъ въ разныхъ мѣстахъ исторію мѣстной правительственной полиціи, права которой въ ея отношеніяхъ съ городскими выборными весьма важны для опредѣленія правъ и обязанностей этихъ послѣднихъ. Юридическая неопредѣленность этихъ взаимныхъ отношеній всегда порождала послѣдствія въ ущербъ правъ посадскихъ выборныхъ.

Во второй книгѣ втораго тома авторъ излагаетъ новое городовое

положеніе 1846 года для Петербурга и примѣненіе его къ Москвѣ и Одессѣ. Отдѣльный очеркъ излагаетъ исторію разработки новаго городского положенія 1846 г., на основаніи архивныхъ матеріаловъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Очеркъ этотъ содержитъ въ себѣ весьма много интересныхъ фактовъ, которые весьма мѣтко характеризуютъ состояніе городскихъ обывателей обѣихъ столицъ въ ихъ понятіяхъ о городскомъ управленіи. По объявленіи новаго городского положенія для Петербурга въ 1846 г. купцы подали государю прошеніе, чтобы продолжались старые порядки; „при нихъ имъ было хорошо!“ Определенность относительно выборовъ гласныхъ сильно ихъ встревожила. Прежде въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ на практикѣ, не было точнаго порядка. — Очеркомъ общественнаго управленія города Тифлиса заканчивается второй томъ.

Всѣ мѣры, принятыя властью относительно устройства и управленія городовъ, авторъ постоянно рассматриваетъ съ точки зрѣнія ихъ юридической определенности и съ точки зрѣнія ихъ послѣдовательности въ связи съ общимъ началомъ. Что закономъ недосказано, авторъ старается объяснить общою связью отдѣльныхъ постановленій или путемъ аналогій и т. п. Онъ, можно сказать, безошибочно врывается во всѣ пѣдра предмета своего изслѣдованія.

Теоріи городского самоуправленія авторъ не даетъ, но онъ весьма часто ссылается на начало этой теоріи, насколько она общепринята въ литературѣ, благопріятствующей ей. И вотъ въ своей критикѣ тѣхъ нормъ, которыя авторъ излагаетъ, онъ всегда имѣетъ въ виду самостоятельность городского самоуправления, требуя строгаго разграниченія между этимъ „автономическимъ“ управленіемъ и „государственнымъ“.

Не буду пускаться въ возможные возраженія противъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ положеній автора. Недостатками ихъ считать нельзя. Авторъ, кромѣ того, предлагаетъ матеріалъ въ такомъ полномъ видѣ, что читатель всегда въ состояніи проверить правильность положеній автора.

Недостатокъ сочиненія г. Дитятина заключается, по моему мнѣнію, въ томъ что изложеніе его слишкомъ разговорно. При нѣкоторой экономіи въ этомъ отношеніи автору было бы не трудно сократить объемъ сочиненія на нѣсколько сотъ страницъ, безъ всякаго притомъ ущерба для богатаго содержанія книги. Соответствующій порядокъ въ изложеніи фактовъ довольно часто могъ бы замѣнить всякіе комментаріи. Изъ сообщаемыхъ фактовъ было бы иногда достаточно взять наиболѣе характерный моментъ и имъ ограничиться. Для обыкновеннаго читателя этого довольно, специалистъ же безъ того обратится къ источникамъ. Но этого рода недостатки ни на іоту не умаляютъ высокаго научнаго достоинства сочиненія автора, приобрѣвшаго посредствомъ его прочное мѣсто въ ряду лучшихъ юристовъ-историковъ. Похвала съ нашей стороны уже ничего не прибавитъ къ установившейся репутациі г. Дитятина. Ждемъ съ нетерпѣніемъ продолженія начатаго труда!

О. Эйхельманъ

(профессоръ дѣмидовскаго лицея).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Европейское международное право, Сочинение Гефтера, съ измѣненіями и дополненіями, сдѣланными, для русскаго перевода авторомъ; переводъ К. Таубе. Спб. 1880. XVI + IX + 453 + 133 стр.

Вопросъ о характерѣ международнаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ науки этой отрасли юриспруденція все еще продолжаетъ быть спорнымъ. Можно было бы поэтому предполагать, что относящіеся сюда вопросы служить предметомъ серьезной научной разработки; но это было бы ошибочно. Научное достоинство ученой разработки международнаго права успѣло за послѣднее полстолѣтіе подвинуться впередъ въ весьма значительной степени и численность такихъ сочиненій, какъ систематическихъ изложеній всего предмета, такъ и монографій по отдѣльнымъ вопросамъ, доказываетъ, что наукой международнаго права очень интересовались. Но при всемъ этомъ, коренной вопросъ о реальныхъ основаніяхъ разрабатываемаго предмета и о методѣ науки его, ученые, если вообще и затрагивали, то касались этого вопроса только вскользь, не вникая въ тонкости и подробности его. Этотъ вопросъ остается еще нерѣшеннымъ. Мало того, что предѣлы юридической стороны международной жизни нашего вѣка въ такой степени расширились, что положительность этого права уже не можетъ подлежать сомнѣнію, — надо *магичнымъ* образомъ изслѣдовать вопросъ объ естественныхъ основаніяхъ этого права, вывести отсюда законы, и на этомъ базисѣ продолжать научную разработку явленій юридической жизни въ области международныхъ сношеній. Исполненію этой задачи, при современномъ состояніи историческихъ наукъ, не представляется непреодолимыхъ препятствій; требуется конечно большая любовь къ предмету, и думаю, что при постепенномъ развитіи отдѣльныхъ кафедръ по наукѣ международнаго права, можно было бы надѣяться, что при такихъ удобныхъ условіяхъ для специалистовъ по международному праву, должна будетъ развиться также та любовь, которая будетъ въ состояніи удовлетворить этимъ самымъ настоятельнымъ требованіямъ науки, на которыя только что было указано. — Институтъ международнаго права, существующій съ 1873 года, задаясь, кажется, всецѣло разрѣшеніемъ вопросовъ пракческаго характера. Указанныхъ нами общихъ вопросовъ онъ до сихъ поръ не касался. Но должно предполагать, что при богатыхъ ученыхъ средствахъ этого учрежденія, составившагося съ цѣлью разработки международнаго права, для содѣйствія развитію этого права въ сношеніяхъ между государствами, удобно было бы, при распредѣленіи работъ между болѣе способными къ этому членами института, подвинуть научную разработку основныхъ вопросовъ предмета, составляющаго его цѣль.

Шаткость въ методологическихъ приѣмахъ научнаго изслѣдованія международнаго права нынѣ весьма сильно отражается, главнымъ образомъ, и въ систематическихъ изложеніяхъ этого права, и неудобства такой шаткости, какъ нетрудно понять, чувствуются сильнѣе всего здѣсь же. Трудно здѣсь бываетъ опредѣлить, какъ авторы понимаютъ

отношеніе другъ къ другу элементовъ философскихъ и положительнаго права, и изъ чего они себѣ составляютъ первыя. Часто слышатся еще и отголоски вліянія школы естественнаго права прошлаго столѣтія. Недостаточность нѣкоторыхъ не совсѣмъ ясныхъ замѣтокъ относительно научной методы, связи философскаго элемента съ положительнымъ правомъ, встрѣчающихся почти во всѣхъ курсахъ международнаго права, не восполняется потомъ и при изложеніи отдѣльныхъ институтовъ, гдѣ почти никогда не указывается на научныя основанія и причины, по которымъ надо придти къ извѣстному положенію. Вездѣ слышится кромѣ того, какая то боязливая нерѣшительность поставить ясно вопросъ о различіи международнаго права и науки его, безусловной положительности которой, какъ науки, извѣстной части дѣйствительной жизни, не можетъ мѣшать даже нѣкотораго рода шаткость и недостаточность въ положительности самой практикѣ международнаго права. Эти недостатки, однако, не суживаютъ области научной работы по вопросамъ изъ этой сферы человѣческихъ отношеній. Возможность примѣненія правилъ юридической техники къ международному праву незначительна. Нормы этого права носятъ иной характеръ, чѣмъ нормы внутренняго законодательства государствъ. Собрать ихъ — составляетъ необходимость; они даютъ матеріалъ наукъ. Но случайнымъ, — и даже полнымъ собираніемъ этого матеріала и систематической группировкой его, съ приведеніемъ, большею частью, немотивированныхъ мнѣній авторовъ и съ нѣкоторымъ примѣненіемъ юридической техники къ изучаемымъ вопросамъ — задача науки не исчерпывается. Почувствовалась потребность въ философскомъ дополненіи, но здѣсь то, и до сихъ поръ, не могли выйти на прямой и ясный путь. Приложение этого философскаго дополненія дѣлается лишь такъ — по приблизительному глазомѣру. Но уже и это одно подвинуло науку впередъ въ значительной степени. Весьма часто дѣлались вѣрные выводы, хотя только истинatively, ощущенью, и безъ научныхъ основъ. Счастливые всѣхъ, въ этомъ истинatively связыванія элемента философскаго съ элементомъ положительнаго права въ изложеніи курса международнаго права, были безспорно нѣмецкіе публицисты Блючли и Гефтеръ и именно послѣднему изъ нихъ наука обязана больше чѣмъ кому либо другому относительно юридической стороны въ разработкѣ предмета. Школа, которую Гефтеръ въ этомъ отношеніи промель, занимаясь гражданскимъ и уголовнымъ правомъ, послужила ему весьма въ пользу при составленіи учебника по международному праву. Авторъ при томъ не вдался въ ошибочныя и неумѣстныя аналогіи съ институтами римскаго права; онъ глубоко проникъ въ индивидуальную природу предмета и руководствуется идеей *международнаго права*. Книга Гефтера написана при этомъ, на манеръ образцовыхъ нѣмецкихъ учебниковъ, кратко, сжато, — какъ говорится, безъ лишняго слова.

Переводъ этой книги на русскій языкъ — дѣло очень полезное, которое весьма удачно исполнено г. Таубе. Этотъ переводъ заслуживаетъ особенной похвалы и потому, что переводъ сочиненій Гефтера связанъ съ большими затрудненіями, чѣмъ напр. сочиненій Блючли и многихъ другихъ. Переводъ этотъ принадлежитъ къ разряду трудныхъ. Затѣмъ пользованіе русскимъ

переводомъ курса международного права Гефтера, сдѣланнымъ г. Таубе, для русскаго читателя, по нѣкоторымъ причинамъ, должно считаться даже удобнѣе, чѣмъ чтеніе нѣмецкаго подлинника или французскаго перевода, сдѣланнаго г. Бергсономъ: г. Таубе поступилъ весьма цѣлесообразно, отпечатавъ въ приложеніяхъ не только всѣ важнѣйшіе международные договоры и деклараціи, состоявшіеся послѣ послѣдняго нѣмецкаго изданія сочиненія Гефтера, т. е. послѣ 1873 г., но и нѣкоторые акты изъ эпохи до этого времени, такъ напр., акты перваго и втораго вооруженнаго нейтралитета, которые при общемъ ихъ значеніи, особеннаго вниманія заслуживаютъ спеціально въ нашей отечественной исторіи: въ нѣмецкомъ подлинникѣ они не напечатаны. Далѣе, переводчикъ напечаталъ въ приложеніяхъ русскій переводъ полевой инструкціи для войскъ Сѣв.-Ам. Штатовъ. Кромѣ проекта Брюссельской конференціи 27 авг. 1874 г. мы въ этихъ приложеніяхъ находимъ также первоначальный проектъ русскаго правительства, по которому конференція приступила къ своимъ занятіямъ; нѣкоторые отдѣлы своего проекта русское правительство потомъ, еще до поступленія ихъ на разсмотрѣніе и обсужденіе конференціи, въ значительной степени измѣнило. Впрочемъ нельзя понять, почему переводчикъ отказался перевести всѣ приложенія нѣмецкаго подлинника, изданія 1873 г. Между прочимъ, здѣсь слѣдовало непременно перевести и парижскій договоръ 1856 г., какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ актовъ недавняго прошлаго, необходимый при этомъ для пониманія событій самаго близкаго прошлаго, въ которыхъ мы такъ сильно были заинтересованы. Также надо пожалѣть, что г. Таубе не перевелъ VIII приложеніе нѣмецкаго подлинника, заключающаго въ себѣ весьма драгоценный списокъ государственныхъ договоровъ о судоходствѣ на международныхъ рѣкахъ (нѣмецкій подлинникъ, изданія 1873 г., стр. 492—496).

При своемъ переводѣ г. Таубе пользовался совѣтами и указаніями для дополненій—самого автора, и ссылки на литературу имъ пополнены сочиненіями, написанными русскими авторами.

Русскій писатель будетъ поэтому въ состояніи пользоваться русскимъ переводомъ книги Гефтера, замѣняя этимъ нѣмецкій подлинникъ или французскій переводъ. Русскій переводъ написанъ ясно и хорошо и сдѣланъ точно, и можетъ поэтому служить у насъ весьма удобнымъ учебнымъ руководствомъ, тѣмъ болѣе, что достоинство сочиненія Гефтера именно съ этой точки зрѣнія, при современномъ состояніи нашей науки, столь значительно. Отсутствие русскихъ учебниковъ, какъ извѣстно, вообще весьма тормозитъ у насъ успѣшный ходъ занятій университетскаго юношества, поэтому трудъ г. Таубе очень отрадное явленіе, которое, надѣмся, не останется безъ полезныхъ послѣдствій для нашего учебнаго дѣла. Правда, самое сочиненіе Гефтера страдаетъ, при современныхъ условіяхъ науки значительными недостатками, но также несомнѣнно, что оно, при нынѣшнемъ состояніи науки международного права, лучшее учебное руководство.

Восточная война и Брюссельская конференція 1874 — 1878.

Ф. Мартенса, профессора Спб. университета и члена Института международного права. Спб. 1879. VIII + 596 + 46.

Прекрасная книга профессора Мартенса имѣетъ свою главную цѣлью — установить, на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, тѣ обычаи и правила, которыми наша доблестная армія (ей авторъ посвятилъ книгу) руководствовалась въ послѣднюю войну съ Турціей, въ своихъ отношеніяхъ къ непріятельской странѣ и къ непріятельскому населенію, и провѣрить на этомъ основаніи, насколько наше военное начальство руководствовалось тѣми взглядами на войну, которые наше правительство выставило въ 1868 и 1874 годахъ на международныхъ конференціяхъ, С.-Петербургѣ и Брюсселѣ. — Для большей же доступности всего вопроса для читателей, незнакомыхъ съ международнымъ правомъ, но интересующихся событіями, относящимися къ праву войны въ нашу послѣднюю кампанію, авторъ расширилъ свою программу: чтобы читатели могли лучше понять данныя, относящіяся къ Брюссельской деклараціи и къ правиламъ и обычаямъ нашей арміи въ ея обращеніи съ непріятелемъ, профессоръ Мартенсъ знакомитъ читателей съ правомъ войны въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Въ двухъ первыхъ главахъ своей книги онъ рассуждаетъ на 86 страницахъ о „войнѣ и правѣ“ и „о войнѣ и законѣ“, какъ продолженіе этой второй главы слѣдуетъ изложеніе факта Брюссельской конференціи. Въ довольно обширной 3-ей главѣ (стр. 142—229) излагается вкратцѣ постепенное усложненіе восточнаго вопроса въ послѣдніе годы и окончательный разрывъ Россіи съ Турціей, поведшій къ объявленію войны послѣдней. А затѣмъ уже начинается разборъ вопроса о соблюденіи международного права въ эту войну. Авторъ раздѣлилъ эту часть своей книги на слѣдующія главы: гл. V—Россія и Турція какъ воюющія державы; гл. VI—русская армія въ непріятельской странѣ, гл. VII— русская армія на полѣ сраженія, гл. VIII—о раненыхъ и больныхъ воинахъ и военнопленныхъ, гл. IX—объ отношеніяхъ воюющихъ государствъ къ нейтральнымъ державамъ. Въ приложеніи авторъ напечаталъ: 1) проектъ международной конвенціи о законахъ и обычаяхъ войны нашего правительства съ 1874 г., 2) проектъ международной деклараціи о законахъ и обычаяхъ войны (составленный Брюссельской конференціей, въ 1874 г.), 3) указъ правительствующаго сената отъ 12 мая 1877 г., и 4) декларацію института международного права отъ 12 сентября 1871 года.

Авторъ успѣлъ собрать весьма полный матеріалъ, какъ нельзя лучше доказывающій, что русское правительство осталось вѣрно своему слову, данному имъ въ началѣ войны нашей съ Турціей— о томъ, что русская армія, по отношенію къ врагу и его странѣ будетъ обязана соблюдать правила проекта брюссельской деклараціи. Авторъ кромѣ того ссылается преимущественно на отзывы и реляціи англичанъ и не только такихъ изъ нихъ, которые относились къ намъ, въ послѣднюю войну, не враждебно, но и самыхъ ярыхъ туреофиловъ. Работа автора, безъ сомнѣнія, была весьма кропотливая, но для русскаго ученаго и патриота она стоила потраченнаго на нее труда. Результаты ея для русской

арміи весьма лестны. Послѣ работы профессора Мартенса, слава русской арміи на полѣ сраженіи и въ странѣ непріятеля вполне выяснена, по отношенію къ соблюденію ею законовъ и правилъ войны, обязательныхъ для европейскихъ воиновъ. Для нашей доблестной арміи это можетъ служить прекраснымъ памятникомъ въ исторіи цивилизациі. Для того, чтобы столь благоприятные выводы о поведеніи нашей арміи противъ врага сдѣлать вполне несомнѣнными, авторъ не пренебрегъ и опроверженіемъ самыхъ жалкихъ сказокъ о какихъ-то варварствахъ, якобы совершенныхъ нашей арміей. Такие приемы въ обработкѣ своего вопроса, обеспечиваютъ за авторомъ заслугу вполне безпристрастнаго отношенія къ предмету его изслѣдованія. Онъ хорошо знаетъ, что въ этомъ отношеніи ему надо было всеми силами стараться не оставить никакихъ сомнѣній въ читателѣ, и именно въ той категоріи читателей, которые, принадлежа къ лагерю намъ враждебному, вѣрили самымъ невѣроятнымъ и нахальнымъ выдумкамъ нашихъ недоброжелателей въ западноевропейской печати о неслыханныхъ будто бы въ исторіи войнъ нарушеніяхъ права войны русской арміей. Эта ложь и уже во время войны не могла подлежать сомнѣнію. Авторы этихъ слуховъ почти никогда не могли указать на отдѣльные случаи, а ограничивались самыми общими фразами—ругательнаго характера.

Ни отъ кого не можетъ укрыться, и самъ г. Мартенсъ на это указываетъ, что несмотря на всю строгость со стороны военного начальства нашего, въ преслѣдованіи нарушеній законовъ и правилъ войны въ отношеніяхъ къ непріятелю, его странѣ и подданнымъ, — всеже отдѣльными нарушенія могли иногда и совершаться безнаказанно; и это, разумѣется, не удивительно и иначе не можетъ быть даже во время мира.

Сказаннымъ мы ограничимся относительно той части книги г. Мартенса, въ которой рассказывается о поведеніи нашей арміи въ отношеніи къ непріятелю. Приводить содержаніе этого рассказа здѣсь, съ большею или меньшею подробностью, я считаю излишнимъ. Отсылаемъ читателя къ самой книгѣ. Я здѣсь хочу остановиться лишь на краткихъ критическихъ указаніяхъ преимущественно по поводу первыхъ двухъ главъ этого сочиненія; на разсмотрѣніи общихъ разсужденій автора по вопросамъ „о войнѣ и правѣ“ и „о войнѣ и законѣ“. Послѣ этого сдѣлаю еще нѣкоторые указанія на общія положенія автора въ прочихъ частяхъ его сочиненія „восточная война и Брюссельская конференція“.

Въ весьма живыхъ краскахъ авторъ представляетъ тотъ контрастъ, который мы замѣчаемъ между современною цивилизаціей и тѣмъ фактомъ, что на войнѣ продолжаютъ повторяться жестокіе ужасы. Мало того. Слава героевъ, пріобрѣвшихъ ее на войнѣ, и нынѣ считается необыкновенно идеальной. Поэзія восхваляетъ героевъ и теперь; она восхваляетъ въ народныхъ поэмахъ часто такіа ихъ дѣянія, которыя не могутъ быть оправданы съ точки зрѣнія морали, по крайней мѣрѣ, современной. Но правда также, что вмѣстѣ съ тѣмъ, съ довольно раннихъ временъ, замѣтно сознание,

что война — тягость и что ей предпочитать слѣдуетъ миръ. Эту мысль прямо выразилъ еще историкъ Геродотъ. Фактъ войны рассматривали и съ другихъ точекъ зрѣнія; съ чисто философской; уже Гераклитъ опредѣлилъ войну какъ необходимый переходный пунктъ къ соглашенію. Съ чисто политической точки зрѣнія, уже рано поняли культурное значеніе войны, какъ средства сближенія народовъ. Таковымъ она была, когда еще не существовало другихъ случаевъ сближенія между народами. Сильная агитація противъ войны начинается преимущественно въ XIX столѣтіи, что можно объяснить, какъ развитіемъ нравственныхъ понятій, такъ и развитіемъ матерьяльнаго благосостоянія народовъ, вслѣдствіе чего война грозитъ, несравненно болѣе, чувствительными потерями, нежели это было еще въ прошломъ столѣтіи. И дѣйствительно, война нынѣ есть всегда разореніе для страны, которой приходится ея служить театромъ. Религіозное настроеніе ума, можетъ въ этомъ видѣть судъ Божій, какъ неотлоняемую необходимость. Ужасы войны являются наказаніемъ за человѣческіе грѣхи и средствомъ Промысла. Война является какъ наказаніе и какъ средство для культурнаго развитія. Наиболѣе остроумно на эту тему разсуждалъ Деместръ. — Съ половини нынѣшняго столѣтія, затѣмъ возрастаетъ опять число поборниковъ идеи, что война есть что-то возвышенное. Самымъ послѣдовательнымъ представителемъ ея выступаетъ талантливый Прудонъ, который войну возвелъ въ такой идеалъ, что она для него дѣлается основнымъ началомъ всего, что есть человѣческаго; это былъ неизбѣжный выводъ изъ того общаго начала въ его теоріи, что „право на той сторонѣ, на чьей сила“. Этотъ общій, коренной принципъ Прудонъ видитъ во всей природѣ, и онъ считаетъ его на столь очевиднымъ, что по его мнѣнію достаточно одной этой, ссылки безъ подробныхъ объясненій и доказательствъ на фактахъ. Война потому для Прудона составляетъ основу международнаго права, поэзіи и богословія. — Нѣмецкій публицистъ Трейчке стоитъ довольно близко къ этимъ взглядамъ. Противниковъ своихъ онъ называетъ матерьялистами, не понимающими идеальныхъ прелестей нравственнаго значенія войны. Для него непонятна та мысль, чтобы развитіе культуры должно имѣть дѣлю упраздненіе войны. Взгляды Трейчке по указаннымъ вопросамъ впрочемъ не составляютъ результатъ чисто научныхъ размышленій, но были вызваны и изложены для защиты политики и поступковъ Бисмарка. Многое въ этихъ разсужденіяхъ уважаемаго историка и публициста весьма справедливо; но его приемы доказательства не научны, а скорѣе употребительны въ спорахъ и полемикѣ политическихъ партій. У него подчасъ преобладаетъ софистическая діалектика. Профессоръ Мартенсъ далѣе указываетъ, что и теорія Мальтуса о народонаселеніи и новая школа естествоиспытателей — дарвинизмъ — должны были содѣйствовать развитію только что указаннаго пониманія войны. Въ противоположность — этому ученію сталъ знаменитый антропологъ Бэръ, заявившій протестъ противъ такого для человѣческаго достоинства (какъ говорятъ) унижительнаго пониманія закона развитія; этотъ законъ развитія ему представляется какъ поступательное торжество духа надъ матеріей. Какъ на весьма разительный примѣръ истинны этого изреченія

нашего знаменитого соотечественника, профессор Мартенсъ ссылается на постепенное торжество требованій цивилизаціи надъ грубымъ произволомъ на войнѣ.

Дж. Ст. Милль въ одномъ изъ своихъ опытовъ заявилъ, что даже недостойно спорить о безнравственности завоевательныхъ войнъ.

Г. Мартенсъ затѣмъ спрашиваетъ, возможно-же ли обойтись безъ войны? Уже у народовъ древняго міра мы видимъ зачатки третейскаго суда, но до сихъ поръ результаты въ этомъ отношеніи еще весьма незначительны. Притомъ и наука поступала недостаточно осторожно. Весьма многіе прямо начали требовать вѣчнаго мира. — И съ чисто экономической точки зрѣнія вопросъ подвергался подробному изслѣдованію, на основаніи числовыхъ данныхъ. Въ результатѣ нашли, конечно, совершенно непродуманную трату на войнымассамъ хозяйственныхъ благъ. Моралисты называютъ войну развуданнымъ грабежомъ, и названіемъ убійць казнятъ героевъ.

Контрасты между такой апофеозой войны, какъ чуть ли не единственнаго блага—блага все спасающаго, и только что указаннымъ отрицаніемъ всякаго нравственнаго характера за войною—очевиденъ; но есть у этихъ столь различныхъ одно отъ другаго направленій и одна общая черта, въ которой они сходятся: оба направленія отрицаютъ возможность существованія права войны; правда, точка отпавленія у нихъ не одинаковая: возводяще войну въ высшій идеалъ жизни считаютъ существованіе права войны за помѣху полному развитію силъ этого идеала „войны“; оспаривающіе у войны всякій нравственный характеръ не допускаютъ права войны на томъ основаніи, что война есть дѣйствіе, само по себѣ преступное, которое не можетъ служить содержаніемъ правоотношеній. Право войны такимъ образомъ не имѣло бы содержанія.

Профессоръ Мартенсъ затѣмъ продолжаетъ свою мысль, что право войны тѣмъ не менѣе существуетъ. Воюющіе постоянно ссылались и нынѣ ссылаются на извѣстные обычаи и правила войны, прибѣгая нерѣдко къ свидѣтельству нейтральныхъ государствъ для точнаго истолкованія этихъ правилъ и обычаевъ. Мало того, государства кромѣ того заключали между собою договоры о взаимномъ другъ къ другу поведеніи на случай войны. Наука международнаго права обязательно должна была обратить вниманіе также на право войны. Прямымъ толчкомъ для этого служили ужасы войны. Гуго Гроцій писалъ свой знаменитый трактатъ въ самый разгаръ ужасовъ тридцатилѣтней войны. Полнаго вниманія къ требованіямъ этого публициста удостоился его тогда только шведскій король (Густафъ Адольфъ). Но наука, начата Гроціемъ, продолжаетъ процвѣтать, несмотря на ужасы послѣдовавшихъ за тѣмъ войнъ и на невниманіе практиковъ къ требованіямъ права. Авторъ затѣмъ находитъ три причины того явленія что практики относятся съ такимъ неуваженіемъ къ требованіямъ теоріи: 1) Самый предметъ права войны весьма труденъ и еще не установленъ. 2) Теорія, предъявляя свои требованія, недостаточное вниманіе оказывала при этомъ къ справедливымъ интересамъ военной необходимости. 3) Теорія проводила неприложимую въ данномъ отношеніи паралель между войною и процессомъ

судебнымъ. Люди военнаго искусства и военной науки посмотрѣли на подобныя приемы, какъ на фантазию кабинетныхъ ученыхъ, весьма часто надсмѣхаясь надъ ними. Г. Мартенсъ не признаетъ возможнымъ подобной аналогіи. Война, говоритъ онъ, происходитъ большею частью въслѣдствіе столкновенія интересовъ различныхъ народовъ. Споръ о правѣ рѣже бываетъ причиною войны. — У людей военныхъ на первомъ планѣ стоитъ, разумѣется, интересъ военнаго искусства для большей свободы котораго они часто отрицаютъ возможность военныхъ законовъ, всетаки признавая тѣмъ не менѣе, въ сущности, право войны. Извѣстный прусскій генералъ Клаузевицъ, занимающій видное мѣсто въ литературѣ военной науки, ставя всякую войну въ тѣсную зависимость отъ дѣйствій политики, установилъ положеніе, что война, какъ продолженіе, извѣстнаго политическаго дѣйствія должна руководиться тѣмъ же началомъ, какъ и политика; значить, разъ эта послѣдняя заинтересована извѣстнымъ порядкомъ въ отношеніяхъ жизни, то этотъ принципъ долженъ быть обязательнымъ также для дѣйствій на войны.

Свою исходную точку зрѣнія проф. Мартенсъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ.

Споры между народами неминуемы. Этотъ фактъ доказываетъ, что причины ихъ глубоко коренятся въ человѣческой природѣ и во внѣшнихъ условіяхъ жизни. Независимыя государства составляютъ неизбежное условіе политической жизни. Вступая въ международное общеніе каждый народъ вноситъ сюда свои взгляды и стремленія, въ которыхъ не безсильны условія внѣшней природы. Самое высокое въ человѣкѣ — это его нравственная природа и развитіе ея. Приводя далѣе ссылку на Геринга, что всѣ для міра и міръ для всѣхъ, авторъ выставляетъ желательность примѣненія этого-же начала также въ жизни международной, какъ принципъ весьма плодотворный. Но авторъ не могъ не признать, что мы еще очень далеки отъ необходимаго для осуществленія этого принципа — взаимнаго согласія народовъ въ пониманіи ими своихъ общихъ интересовъ. И мало еще заботятся объ изученіи и уразумѣніи законовъ международной жизни. Научное изслѣдованіе касается самыхъ незначительныхъ явленій физической природы, но на изученіе законовъ международной жизни, по мнѣнію автора, привыкли смотрѣть съ высокока. Вездѣ признаютъ существованіе права, но отрицаютъ его въ сферѣ международной жизни, и это дѣлаютъ очень часто юристы, многіе изъ которыхъ пользуются весьма заслуженною извѣстностью. Авторъ доказываетъ, что такое отношеніе юристовъ къ международному праву надо считать послѣдствіемъ односторонняго ими пониманія права. Во главѣ ихъ, Мартенсъ ставитъ Геринга, знаменитаго романиста, замѣчая, что теорія этой категоріи юристовъ, что основаніемъ права служитъ сила, — недостойна нравственной природы человѣка, и что она опасна, потому что законъ самъ по себѣ не есть источникъ права; если не согласиться съ этимъ, тогда мы должны будемъ оправдывать всѣ жестокости, совершенныя съ дозволенія безчеловѣчныхъ законовъ. Неправильны поэтому и взглядъ нѣкоторыхъ специалистовъ по международному праву, что на войнѣ должна и можетъ господствовать лишь одна грубая сила. Г. Мартенсъ далѣе говоритъ, что, если право и можетъ

быть охраняемо посредствою силы, то отсюда еще нельзя сдѣлать того вывода, что сила входитъ въ составъ самаго понятія права, что право безъ нея немислимо; право кредитора не прекращается вслѣдствіе временной несостоятельности должника; неприкосновенность челоуѣческой жизни не признается единственно только потому, что преступленія противъ нея законъ, подѣ страхомъ наказанія, запрещаетъ,—источникомъ этихъ правъ служить вытекающее изъ нашей цивилизаціи правосознаніе. Принципъ „право безъ силы—мечта“, г. Мартенсъ поэтому не раздѣляетъ; онъ указываетъ на бесспорное существованіе международнаго права также во время войны, что подтверждается существованіемъ соответствующихъ правилъ и законовъ, признаваемыхъ государствами—обязательными для нихъ. Сила цивилизаціи повліяла на развитіе правосознанія даже и воюющихъ.—Къ этому объясненію своей исходной точки зрѣнія авторъ присовокупляетъ свою confession de foi, относительно будущаго, онъ вѣруеть въ идеальную силу права и думаетъ, что народы современемъ найдутъ, для рѣшенія распріе между собою, болѣе цѣлесообразныя средства, нежели война, и что этому будетъ содѣйствовать знакомство воиновъ съ правомъ войны и уваженіе къ нему съ ихъ стороны. Современное же понятіе о правѣ есть результатъ матеріалистическаго стремленія нашего вѣка; оно имѣетъ въ виду лишь одно прошедшее, упуская изъ виду, что культура идетъ впередъ, что вмѣстѣ съ нею должна развиваться и государственная жизнь. Поэтому надо имѣть въ виду и будущее. Прогрессъ же безъ идеаловъ—мечта. Право безъ идеаловъ составляетъ лишь одинъ голый фактъ. Авторъ заканчиваетъ эту первую главу вытекающимъ изъ сказаннаго выше положеніемъ, что такъ какъ вѣрующій въ свою жизненность народъ нельзя стереть съ лица земли, такъ и право въ концѣ концовъ восторжествуетъ надъ силою, одинаково и въ государственной и въ международной жизни (т. е. идеальная сила права не дастъ вытѣснить себя изъ нравственнаго міра).

Установивъ понятіе о правѣ войны, авторъ переходитъ во главѣ „война и законъ“ къ изслѣдованію вопроса о кодификаціи этого права. Монтескье говоритъ, что законы суть необходимыя отношенія, которыя вытекаютъ изъ природы вещей, и въ этомъ смыслѣ всѣ существа подчинены законамъ. Переиной слова „отношенія“—словомъ „правила“, „нормы“—, г. Мартенсъ устанавливаетъ понятіе о юридическомъ законѣ для общественной жизни. — Относительно же законовъ права войны надо имѣть въ виду еще и то обстоятельство, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ независимыми государствами, для которыхъ должны быть обязательны эти законы. Государства и опредѣляли эти законы, признавая извѣстные обычая и регулируя ихъ иногда, въ болѣе точной формѣ, въ договорахъ между собою. Но этого недостаточно. Этимъ не исчерпывается все содержаніе вытекающей изъ природы вещей системы права войны.—За неизбѣнимъ же возможности осуществить болѣе совершенное полное, всетаки желательна кодификація признаваемыхъ нынѣ государствами правилъ и обычаевъ права войны. Преимущественно на войнѣ важно точное право. Отъ неопредѣленности его никто не выигрываетъ. Тѣмъ не менѣе, мы видимъ цѣлый рядъ противниковъ, возражающихъ противъ такой необходимости; они даже говорятъ, что кодификація права

войны вовсе нежелательна, потому что может служить въ иныхъ случаяхъ помѣхою для законныхъ военныхъ дѣйствій. Но самого то права войны и они не отрицаютъ, вмѣняя, напротивъ, его соблюденіе воюющимъ въ нравственную обязанность. При такомъ отношеніи этихъ писателей къ существу дѣла, разумѣется, безразлично, какъ она называютъ эту обязательную для воюющихъ во взаимныхъ отношеніяхъ систему морали. Прусскій генералъ Гартманъ, противопоставляя другъ другу „идеализмъ межународнаго права“ и „реализмъ войны“, высказываетъ положеніе, что реализмъ войны не терпитъ права войны. Но онъ больше, можетъ быть, чѣмъ кто нибудь другой, требуетъ отъ воюющихъ соблюденія въ отношеніяхъ между собою человѣкодостойнаго поведения; иначе нинѣ невозможно вести войны; война долженъ быть проникнуть правосознаніемъ своего долга противъ личности врага. Г. Мартенсъ при этомъ дѣлаетъ основательно замѣчаніе, что трудно опредѣлить необходимость кодификаціи права войны лучше, чѣмъ это сдѣлано указанными положеніями компетентнаго знатока военнаго дѣла, прусскаго генерала Гартмана, хотя и отрицающаго возможность такой кодификаціи съ точки зрѣнія стратегическихъ интересовъ воюющаго. Г. Мартенсъ спрашиваетъ: какое-же это правосознаніе, какая эта совѣсть, которая не знаетъ своихъ обязанностей? Ихъ надо знать и опредѣлить, а именно посредствомъ межународнаго соглашенія между государствами съ одинаковой культурой; правосознаніе здѣсь должно быть обоюдное между воюющими сторонами, только тогда возможно соблюденіе ими между собою права войны, *точною опредѣленія правилъ котораго, посредствомъ кодификации, требуетъ здравый разумъ.*

Швейцарскій полковникъ Рюстовъ отрицаетъ законы войны, надсиѣхаясь при томъ весьма недостойнымъ образомъ надъ наукою межународнаго права, но онъ тѣмъ не менѣе признаетъ обязательнымъ для военной политики — соблюденіе *обычаевъ* войны, не возражая при томъ и противъ возможности кодификаціи права войны, т. е. допуская превращеніе *обычаевъ* войны въ законы. Такое странное явленіе въ средѣ людей военнаго искусства, что, сознавая необходимость соблюденія воюющими извѣстныхъ *обычаевъ* и правилъ войны, и требуя непремѣннаго уваженія ихъ, какъ безусловнаго нравственнаго долга, эти люди, всетаки, такъ настойчиво пятятся отъ точнаго юридическаго опредѣленія права войны, — это явленіе странное г. Мартенсъ объясняетъ повизною дѣла, съ мыслью, о которомъ еще не успѣли свыкнуться. Потребность въ кодификаціи тѣмъ не менѣе существуетъ. Только посредствомъ ея возможно окончателъно избѣгнуть безпрестанно повторяющихся споровъ объ обязательности извѣстной нормы права войны. Еще послѣдняя франко-нѣмецкая война доказала гибельныя послѣдствія отсутствія точныхъ, несомнѣнныхъ правилъ войны, безусловно обязательныхъ для воюющихъ. Споры эти касались весьма важныхъ отношеній: напр. права народнои обороны противъ вторгающагося въ страну непріятеля; условій; при которыхъ вольные стрѣлки должны быть признаваемы законными войнами и проч. Въ 1812 году, между русскимъ и французскимъ военачальствами возникъ споръ объ условіяхъ, соблюдаемыхъ парламентарями. Русскій генералъ Винцигероде, отправленный къ Наполеону въ качествѣ

парламентера, былъ имъ задержанъ какъ военнопленный, по той причинѣ, что русскій генералъ пришелъ во французскій лагерь съ однимъ флагомъ, безъ трубача. Императора Александра I этотъ поступокъ Наполеона очень возмущилъ; онъ считалъ, что его генералъ долженъ былъ принять какъ парламентаръ, хотя и явился во французскій лагерь безъ трубача. Этотъ примѣръ интересенъ именно тѣмъ, что споръ здѣсь касается правила, которое должно считаться однимъ изъ самыхъ неизмѣнныхъ обычаевъ права войны.

Требованіе точнаго юридическаго опредѣленія права войны не можетъ быть опровергнуто тѣмъ для насъ прискорбнымъ фактомъ, что Турція въ послѣднюю войну не соблюдала правилъ и обычаевъ войны, хотя она участвовала на конференціяхъ въ Петербургѣ въ 1868 и въ Брюсселѣ въ 1874 и она, заявляла неоднократно свое желаніе, чтобы право войны было человѣчно и чтобы оно было кодифицировано въ общемъ международномъ договорѣ.

Турція подписала также Парижскую декларацію и Женевскую конвенцію и была въ 1856 г. принята въ союзъ европейскихъ государствъ. Но все это не сдѣлало ее цивилизованною націей; она осталась до сихъ поръ азіатскимъ государствомъ, стоящимъ подъ вліяніемъ ислама; и если просвѣщенные государственные мужи изъ турокъ могли дать всѣ вышеуказанныя обѣщанія, то они всеже не могли доставить гарантій, обеспечивающихъ исполненіе обѣщаній. Распоряженій для принятія мѣръ, чтобы ознакомить, кого слѣдуетъ, съ содержаніемъ Женевской конвенціи, обязательной также для Турціи, Турецкое правительство никакъихъ не дѣлало.

Желательная и неотлагаемая необходимость кодификаціи права войны отстаивается впрочемъ весьма извѣстными специалистами военнаго искусства; не менѣе авторитетными, чѣмъ Гартманъ и Рюстовъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ не разъ упомянутыя нами конференціи въ Петербургѣ въ 1868 г. и въ Брюсселѣ въ 1874 г., въ особенности послѣдняя; на этой конференціи особеннаго вниманія заслуживаютъ объясненія авторитетныхъ специалистовъ своего дѣла, генераловъ Фоктъ-Ретца (прусскаго) и Леера (русскаго) и швейцарскаго полковника Гаммера. Другіе знатоки военнаго дѣла, напр. бельгійскій генералъ Бриальмонъ, французъ Вандениль и голландскій министръ военныхъ дѣлъ Денъ Бэръ Нортугаль съ большимъ усердіемъ выступили въ литературѣ за дѣло Брюссельской конференціи о кодификаціи права войны. Денъ Бэръ Нортугаль — основательный знатокъ своего дѣла; онъ былъ начальникомъ генеральнаго штаба въ своемъ отечествѣ. Голось его слѣдовательно можно считать вполне компетентнымъ. Институтъ международного права, поставившій вопросъ о Брюссельской деклараціи на очередь своей сессіи въ 1875 году, высказался съ значительнымъ большинствомъ голосовъ въ пользу дѣла начатаго Брюссельской Конференціей. Въ меньшинствѣ находились почти одни только англичане; и съ этой стороны также въ литературѣ послѣдовали возраженія. Англичане Твиссъ и Голландъ считаютъ время для такой кодификаціи еще не пришедшимъ. Твиссъ кромѣ того высказываетъ опасеніе, что такая кодификаціи права войны можетъ привести это право въ застою, воспрепятствовать его

развитію. Въ разсужденіяхъ такого рода мы должны очевидно искать причину подобныхъ взглядовъ во враждебномъ отношеніи англичанъ вообще къ кодификаціи права. Итальянецъ Манчини доказываетъ на-противъ, что именно наше время призвано къ совершенію великаго дѣла кодификаціи права войны.

Надо указать и на тѣ возраженія противъ кодификаціи права войны, которыя исходятъ изъ той точки зрѣнія, что для возможности скорого прекращенія войны вообще, для вселенія отвращенія къ войнѣ, лучшимъ средствомъ служить то, если войны будутъ вестись жестоко. Новѣйшій представитель этого направленія — американскій дипломатъ Лауренсъ, недовольный, конечно и Петербургскою деклараціей 1868 г. о разрывныхъ пуляхъ, радъ каждому новому разрушительному средству войны. Г. Мартенсъ старается опровергнуть таковой взглядъ ссылкой на исторію; въ прошломъ столѣтіи, когда войны были весьма разрушительны и послѣдствія ихъ очень жестоки, отдѣльныя войны, тѣмъ не менѣе, продолжались обыкновенно весьма долго.

Заканчивая обзоръ содержанія первыхъ двухъ главъ книги проф. Мартенса, я долженъ замѣтить, что въ литературѣ разборъ указанныхъ выше вопросовъ до сихъ поръ не былъ предметомъ такого всесторонняго изслѣдованія, какое намъ представляется въ книгѣ г. Мартенса; вторая глава, рассматривающая вопросъ о кодификаціи, имѣетъ свое продолженіе въ третьей главѣ, знакомящей читателя съ исторіей попытокъ кодификаціи права войны. Этимъ подтверждается еще въ большей степени выводъ второй главы. Четвертая глава даетъ читателю возможнымъ образомъ вспомнить предшествующую объявленію войны исторію восточнаго вопроса, на каждой страницѣ доказывающую, какъ неосновательно было обвиненіе Россіи Турціей въ несоблюденіи VIII статьи Парижскаго трактата 1856 г., обязующей подписавшія его государства, на случай грозящей войны между нѣкоторыми изъ нихъ, обратиться за *bonis officis* къ дружескимъ нейтральнымъ государствамъ. Такія добрыя услуги были испрашиваемы и оказывались въ теченіе двухъ лѣтъ тщательными; еще предъ самымъ объявленіемъ войны, со стороны Россіи сдѣланы были всѣ усилія для предотвращенія такого факта. Изъ слѣдующихъ затѣмъ главъ, шестая во многихъ отношеніяхъ имѣетъ наибольшее значеніе; она озаглавлена: русская армія въ непріятельской странѣ. Съ точки зрѣнія науки, конечно, всѣ вопросы военнаго права имѣютъ одинаковое значеніе. Нѣкоторое неравенство начинаетъ проявляться при обсужденіи значенія того или другаго вопроса въ примѣненіи къ жизни, и спеціально къ жизни извѣстной давней эпохи. Въ такомъ смыслѣ, напр. въ правѣ войны, въ настоящее время заслуживаетъ особеннаго вниманія вопросъ объ отношеніи оккупанта въ непріятельской странѣ къ частной собственности, а именно вопросъ о правѣ оккупанта налагать здѣсь въ свою пользу реквизиціи и контрибуціи, которыя населеніе доставлять должно изъ своего имущества.

Ни теорія, ни проектъ Брюссельской деклараціи, не рѣшились выставить, какъ обязательный законъ въ такомъ случаѣ — непосредственную уплату за потребованное и полученное. Были высказаны взгляды, что для

оккупанта во многихъ отношеніяхъ выгодноѣ покупать все для его продовольствія необходимое, чѣмъ принуждать населеніе занятой имъ непріятельской территоріи доставлять это нужное. Сознавая это удобство, были военачальники, которые, при имѣніи въ наличности достаточныхъ денежныхъ средствъ, предпочитали вниманіе реквизицій съ непосредственной выдачей за полученное денегъ. Эту послѣднюю систему соблюдала, можно сказать; почти безъвсякихъ отступленій русская армія на обоихъ театрахъ войны во время всей послѣдней кампаніи противъ Турціи. И уваженіе этого начала со стороны нашихъ войскъ было образцовое. За нарушение безпощадно наказывали. Имущество какъ христіанъ, такъ и турокъ охранялось русскими военно-уголовнымъ закономъ одинаковымъ образомъ. Г. Мартенсу удалось подтвердить это множественномъ самыхъ надежныхъ и достовѣрныхъ отзывомъ по этому поводу иностранныхъ корреспондентовъ, какъ дружелюбныхъ къ намъ, такъ и туркофильскихъ; далѣе, отзывами англійскаго военнаго агента при нашей Дунайской арміи, полковника Веллслея, какъ извѣстно не дружелюбнаго къ Россіи, который по собственному сознанію поставилъ себѣ задачей отыскать подтвержденіе распространенныхъ слуховъ о варварскомъ поведеніи нашей арміи по отношенію къ мусульманскому населенію. Но онъ такого подтвержденія найти не могъ и честно въ этомъ сознался. Послѣ его донесеній своему правительству крикуны, обвинявшіе нашу доблестную армію въ безчеловѣчности противъ непріятеля, понизили тонъ. Нападки уже значительно стихли, хотя и не совсѣмъ прекратились.

И вотъ почему явленія послѣдней войны, сообщаемыя профессоромъ Мартенсомъ въ шестой главѣ (русская армія въ непріятельской территоріи) заслуживаютъ наибольшаго, сравнительно, вниманія. Извѣстно что изсѣдователи этой отрасли права всегда какъ то боялись выставить требованія, для которыхъ на практикѣ нельзя было отыскать прямыхъ примѣровъ.

Разумѣется само собою, что это преимущественно практическое значеніе шестой главы не умаляетъ научнаго значенія остальныхъ главъ, столь же добросовѣстно разработанныхъ; если здѣсь было сравнительно меньше извѣстій, свидѣтельствующихъ о строгомъ соблюденіи нашими войсками восстановленій Брюссельской деклараціи, то это зависѣло отъ степени вниманія, которое очевидцы обращали на эти вопросы. Они объ нихъ меньше сообщали. Но и того, что сообщено совершенно достаточно для доказательства безупречнаго отношенія нашихъ военныхъ властей къ исполненію нашей арміей и каждымъ отдѣльнымъ воинкомъ своего долга, предписываемаго современнымъ правомъ войны. Наши военачальники, руководимые монаршею волею, получившею столь прекрасное выраженіе въ сенатскомъ указѣ отъ 12 мая 1877 года, глубоко были проникнуты его цѣлями; нерѣдко они даже допускали свисходительность въ такихъ случаяхъ, когда правила войны давали имъ полное и никѣмъ неоспариваемое право поступать гораздо строже. И вообще можно сказать, что практика нашей послѣдней войны съ Турціей не въ одномъ лишь какомъ нибудь вопросѣ превосходила гуманныя постановленія Брюссельской деклараціи. Какъ русское военное начальство относилось

въ реквизиціяхъ, мы выше видѣли. Относительно военноплѣнныхъ по-ступали также съ большей заботой, чѣмъ это было обязательно по деклараціи Брюссельской. Попустившійся бѣжать военноплѣнный, будучи оставленъ и снова возвращенъ въ плѣнъ не подлежалъ никакому суду; Брюссельская декларація здѣсь дозволяла дисциплинарное наказаніе. На Брюссельской конференціи, затронутый по поводу военныхъ репрессалій вопросъ остался нерѣшеннымъ. Въ проектѣ нашего правительства этотъ вопросъ былъ поставленъ весьма правильно. Но на конференціи сочли неудобнымъ регулировать его: установить тѣ ограниченія, которыя должны быть соблюдаемы при пользованіи правомъ отомщать непріятелю за нарушеніе права войны — репрессаліями. Въ ряду разныхъ предложенныхъ въ этомъ проектѣ ограниченій, только одно вполне юридически опредѣлено: только съ разрѣшенія главнокомандующаго можно употреблять репрессаліи. Русскій главнокомандующій прибавилъ къ этому еще слѣдующее условіе: начальники отрядовъ, получившіе отъ главнокомандующаго разрѣшеніе на употребленіе репрессалій, въ отдѣльномъ случаѣ, обязаны, раньше чѣмъ ихъ привести въ исполненіе, объявить о предстоящемъ противной сторонѣ, которой такимъ образомъ предоставляется возможность предотвратить грозящую репрессалію устраненіемъ тѣхъ причинъ, которыя побуждаютъ противника прибѣгать къ этой крайней мѣрѣ. Желательно, конечно, чтобы при неотвращаемой необходимости репрессалій на войнѣ, эта обязанность предварительнаго извѣщенія, составляющая одно изъ условій употребленія мирныхъ репрессалій, сдѣлалась общою и на войнѣ. Еще лучше, разумѣется, было бы, если бы будучи слѣдовать просвѣщенному примѣру нашего Государя Императора въ послѣднюю войну, запретившаго въ половинѣ іюля употребленіе репрессалій вообще. Наши военачальники вполне понимали этотъ запретъ. Его смыслъ заключался въ томъ, что употребленіе репрессалій, безъ достиженія цѣли, причиняютъ совершенно напрасно зло людямъ, невиновнымъ въ причинахъ вызвавшихъ репрессаліи. А что репрессаліи съ нашей стороны въ отмщеніе за безпрестанное нарушеніе турками правилъ и законовъ войны не могли заставить турокъ перемѣнить свой образъ дѣйствія, это было для всѣхъ очевидно. Далѣе, наше военное начальство понимало, что репрессаліи, и именно частое ихъ примѣненіе, должны повліять на войска, деморализующихъ образомъ. Если, слѣдовательно ихъ вообще допускать, то только при условіи большой осмотрительности и осторожности; въ противномъ случаѣ мѣры должны становиться опасными для сохраненія строгой дисциплины въ соблюденіи права войны.

Въ исторіи послѣдней войны мы вообще впервые встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что военачальникъ дозволяется сдѣлать перехватѣнаго непріятельскаго шпиона лишь военноплѣннымъ, не поступая съ нимъ такъ, какъ это было до сихъ поръ. Прежде шпиона вѣшали, и этотъ порядокъ никѣмъ и никогда не оспаривался; всѣ были до того убѣждены въ законности такого обращенія съ человекомъ, который былъ столь опасенъ, именно тѣмъ, что его свойство, какъ врага, не было явно. Графъ Лорисъ-Меликовъ, намѣлъ такое обращеніе со шпиономъ совершенно излишнимъ. Имѣя въ виду, что шпионъ можетъ причинить вредъ только въ

теченіи войны, онъ счелъ достаточнымъ предупредить этотъ вредъ на соотвѣтствующее время, т. е. до окончанія войны. Вопросъ такимъ образомъ получилъ новую постановку.— Укажемъ еще и на слѣдующіе факты, сообщаемые въ книгѣ г. Мартенса и доказывающіе, какъ вообще русскія военныя власти старались никому не причинять лишняго зла, если это не было существенно необходимо для военнаго интереса. Англичанинъ Кри, взятый въ плѣнъ отрядомъ Геймана, упорно увѣрялъ, что онъ корреспондентъ газеты, требуя освобожденія отъ плѣна. Русское военное начальство имѣло серьезное основаніе считать г. Кри за офицера непріятельской стороны, но его тѣмъ не менѣе освободили изъ плѣна, причеиъ генералъ Гейманъ руководился, быть-можетъ, и тѣмъ, что г. Кри, по собственному разсказу, былъ ограбленъ: виновники не сдѣлались извѣстными. Затѣмъ трое англійскихъ офицеровъ, попавши въ русскій плѣнъ, усиленно увѣряли русское военное начальство, что они санитары непріятельской стороны. И дѣйствительно, они носили соотвѣтствующіе знаки. Но имъ весьма основательно не повѣрили, и это подозрѣніе потомъ вполнѣ подтвердилось. Всѣ трое, одинъ съ балканскаго полуострова, другіе оба изъ подъ Карса, были отпращены въ качествѣ военнопленныхъ въ Россію; но здѣсь ихъ вскорѣ освободили совсѣмъ. По поводу г. Кри англійскій корреспондентъ Норманъ высказываетъ предположеніе, что никакой англійскій генералъ не поступилъ бы такъ снисходительно.

Что касается характера изложенія, то оно было *расчитано* г. Мартенсомъ на большую публику. Эта послѣдняя цѣль однако заставила автора, какъ кажется, стѣснить научное содержаніе книги. Авторъ какъ бы избѣгаетъ дать въ общихъ объясненіяхъ строго формулированныя положенія.

Въ заключеніе не могу не обратить еще вниманія на основную мысль автора о понятіи войны и права войны, мысль, изложенную нами уже выше. Авторъ говоритъ, что вѣрить въ идеальную силу права вообще и также права войны; прогрессъ (онъ въ другомъ мѣстѣ это говоритъ) безъ идеаловъ — мечта! Исторія доказываетъ поступательное торжество духа надъ матеріей. Право и сила не одно и тоже; авторъ при этомъ смѣляется на право войны; оно дѣйствительно существуетъ и составляетъ часть міроваго правоваго порядка. Съ другой же стороны, авторъ также не умаливаетъ о довольно печальномъ положеніи права войны; примѣры изъ самаго послѣдняго времени доказали это; грубое насиліе нарушало говорить авторъ, требованія права, которое можетъ быть поддерживаемо силою. Но сила, тѣмъ не менѣе, не составляетъ необходимой части понятія права. Слѣдовательно, право войны существуетъ. Въ этой аргументаціи автора мы можемъ, очевидно, замѣтить стараніе примирить идеалистическое направленіе съ позитивнымъ онъ становится самъ на реальную почву, связывая факты общей идеей—идеей о внутренней силѣ права и о прогрессѣ человѣческихъ понятій. Это совершенно правильно, и дѣло разумѣется только въ томъ, какъ опредѣлить эту общую идею. Она существуетъ, это несомнѣнно; исторія намъ доказываетъ это на каждой страницѣ ея лѣтописей. Въ чемъ же заключается эта высшая идея права вообще, въ особенноти, въ примѣненія къ праву войны? Она есть сила. Но эта сила не является. въ видѣ чисто нравственнаго побужденія. До этого мы еще не дожили; имѣемъ только надежду, что будемъ совершенствоваться въ этомъ направленіи;

будетъ ли исполнѣ достигнута цѣль, это другой вопросъ. Мы видимъ, что въ основаніи прогресса лежитъ нравственное побужденіе; но оно соединяется съ эгоистическими стремленіями людей, будучи часто и значительно парализовано ихъ противоѣйствиемъ ему. Эта чисто нравственная сила права, какъ его можно себѣ представить in abstracto, какъ идею principles agento въ нѣкоторомъ отношеніи, — она развивается, вмѣстѣ съ просвѣщеннымъ пониманіемъ разумныхъ интересовъ. Насколько же она имѣетъ свое самостоятельное происхожденіе, это вопросъ, окончательнаго рѣшенія котораго осторожно поступающая наука никогда, повидимому, не добьется, нинѣ она можетъ сказать только то, что судьба идеальной силы права въ будущемъ будетъ зависѣть отъ пониманія народами своихъ интересовъ; а такъ какъ въ этихъ интересахъ играетъ роль эгоистическая сила, частью, и отъ нея будетъ зависѣть право. И если она себя проявляетъ не всегда какъ явное насиліе, а находитъ другія, мирныя по своему внѣшнему виду, средства для достиженія своихъ цѣлей — какъ въ государствахъ, такъ и между государствами — то это не противорѣчитъ нашему положенію. Это мирное насиліе бываетъ часто гораздо чувствительнѣе явнаго — для тѣхъ, кого оно постигаетъ. Подтверждающіе это примѣры у насъ на каждомъ шагѣ. Наука, конечно, имѣетъ обязанность и право указать на пути развитія данныхъ отношеній; но при этомъ она должна, очевидно, имѣть въ виду условія реальной жизни. Сила ума одерживаетъ побѣду надъ неразумными влеченіями человѣка, но только постепенно, проходя извилистый путь, одерживая побѣды, но и не безъ пораженій. — При такомъ положеніи дѣла наиболѣе надежнымъ путемъ доказательства положительнаго характера права войны является возможность доказать существованіе прочнаго интереса въ правѣ войны, какъ на основаніи отдѣльныхъ фактовъ, такъ и на основаніи ихъ связи съ политической культурой вообще. И это доказательство возможно. Профессоръ Мартенсъ самъ помогалъ выяснитъ этотъ интересъ. И при такомъ коренномъ взглядѣ на вопросъ мы вовсе не лишаемся возможности стремиться къ добру, столько же какъ и бѣра въ основаніе взглядъ Г. Мартенса. Реализмъ этотъ не равняется материалистическому взгляду на силу. Игерингъ, противъ котораго Г. Мартенсъ полемизируетъ, не понимаетъ право материалистически; цѣли людей создаютъ право, и тотъ, у кого больше могущества, дѣлаетъ свою волю обязательной для другихъ; это всегда такъ было и будетъ; но и при этомъ положеніи вещей слагается охраняемое силою право въ такомъ видѣ, что оно соотвѣтствуетъ нашимъ взглядамъ на справедливость, состояніе которой стоитъ въ тѣсной связи со всѣмъ предыдущимъ. Для насъ очевидно лишь совершенствованіе въ пониманіи разумныхъ интересовъ. Это было и будетъ самымъ постояннымъ источникомъ права. Это положеніе можно пояснить также постепеннымъ развитіемъ международныхъ отношеній и выростаніемъ изъ нихъ довольно обширнаго юридическаго порядка. Игерингъ, относительно международнаго права вообще, говоритъ: что оно пока еще недостаточно обезпечено отъ нарушеній его правыхъ, но что оно въ этомъ отношеніи усовершенствуется по мѣрѣ лучшаго пониманія народами своихъ взаимныхъ интересовъ (Zweck im Recht), этого взгляда и Г. Мартенсъ не могъ не высказать, когда онъ указываетъ на то, что научное изслѣдованіе касалось всѣхъ возможныхъ ниллинокъ, но мало

заботилось объ изученіи законовъ международнаго общенія, которые бы указали практикъ средства и пути, для разумнаго дѣйствія и лучшаго достиженія благопріятныхъ результатовъ изъ международной жизни.

Далѣе думаю, что ошибочно поставить Лассона на одну точку съ Гезелемъ. У Лассона нѣтъ діалектическаго процесса въ развитіи понятія международнаго права; у него оно только просто право будущаго; идею же его онъ и нынѣ не отрпцаетъ. Вообще мнѣ кажется, что строгое критическое отношеніе Лассона къ международному праву придаетъ его книгѣ гораздо болѣе отрицательный видъ, чѣмъ это на самомъ дѣлѣ.

Въ превосходной главѣ о кодификаціи права войны авторомъ допущена маленькая неточность въ пониманіи взглядовъ Бульмеринга и Неймана на этоѣ вопросъ. Эти ученые не отрицаютъ возможности кодификаціи права войны, а считаютъ невѣроятнымъ кодификацію всего международнаго права. Связь, въ которую поставлены относящіяся сюда положенія ихъ, заставляетъ меня сдѣлать такой выводъ о настоящей мысли недосказанныхъ ими мыслей. По крайней мѣрѣ, про Бульмеринга мнѣ положительно извѣстно, что онъ во время созванія Брюссельской конференціи, когда онъ оканчивалъ свою работу: практика, теорія и кодификація международнаго права, возлагалъ большія надежды на эту попытку кодификаціи части международнаго права. Отъ такого сочувственнаго отношенія къ начатому Брюссельской конференціей дѣлу, Бульмерингъ впоследствии ни разу не отступилъ, какъ это и знаетъ институтъ международнаго права, и какъ это доказываетъ специальная статья этого ученаго о кодификаціи права войны (впрочемъ не особенно содержательная, новаго она ничего не даетъ).—Нейманъ же, какъ извѣстно тому же институту международнаго права, высказывался въ пользу дѣла Брюссельской конференціи одинаково—какъ до появленія втораго изданія его учебника, такъ и послѣ этого.

Остановимся теѣерь еще на нѣкоторыхъ частныхъ положеніяхъ автора въ специальной части его книги. Онъ отстаиваетъ необходимость завѣдыванія военно-плѣнными—военными властями. Думаю, что рѣшать этотъ вопросъ такъ абсолютно нѣтъ надобности. Определеніе порядка должно здѣсь зависѣть отъ мѣстныхъ соображеній. Если-бы у насъ не было воинскихъ начальниковъ, тогда-бы было весьма естественно отдать военно-плѣнныхъ турокъ подъ надзоръ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, съ прикомандировкой къ нимъ очередныхъ карауловъ изъ мѣстныхъ войскъ, какъ это бываетъ и при разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, напр. гдѣ хранятся казенныя имущества. Доктринарнымъ образомъ этотъ вопросъ рѣшить нельзя. И что-же оказалось у насъ на дѣлѣ въ теченіи послѣдней войны? Турецкіе военноплѣнные вели себя достаточно смирно; обыкновенныхъ гражданскихъ властей для надзора за ними было бы совершенно достаточно, если-бы у насъ не были въ распоряженіи уѣздные и губернскіе по воинскимъ дѣламъ начальники, не особенно заваленные работою. Для черкесовъ и башибузукровъ требовались уже безъ того болѣе строгія мѣропріятія. Также кажется намъ слишкомъ абсолютнымъ взглядъ автора на необходимость подсудности военноплѣнныхъ военнымъ судамъ. Доводами къ такому взгляду для автора служить военный характеръ плѣннаго и общеупотребительная практика. Но надо замѣтить, что между военноплѣн-

ными могут находиться также невоенные, взять их въ военный плѣнъ дозволяется обычаями, и это право было также признано Брюссельской конференціей.—Относительно доводовъ г. Мартенса надо имѣть въ виду и то, что настоящій военный характеръ человѣка, бывшаго воиномъ въ рядахъ непріятельскаго войска и попавшаго въ военный плѣнъ къ противнику, собственно говоря, пріостановился. Кромѣ того, подсудность военныхъ чиновъ военному суду, кромѣ дѣлъ военной дисциплины, по всѣмъ имѣющимся признакамъ, есть только остатокъ прошлаго, — остатокъ, у котораго нѣтъ прочности въ будущемъ. Оправдывать эту подсудность можно только соображеніями военной дисциплины войска, какъ единаго дѣлага, въ интересахъ отечества. Относительно же военноплѣнныхъ эти соображенія не имѣютъ мѣста. Затѣмъ и основаніе существующей практики подсудности военноплѣнныхъ военнымъ судамъ, надо искать просто въ прежнихъ суровыхъ взглядахъ на военноплѣнныхъ и въ нѣкоторомъ сходствѣ положенія ихъ съ военными; а гдѣ не было военныхъ судовъ, тамъ военноплѣнные судились въ гражданскихъ судахъ. — Далѣе нѣсколько поражаетъ взглядъ автора, всегда старающагося дать вопросамъ практически цѣлесообразное рѣшеніе, — что отбираніе у военноплѣнныхъ находящихся при нихъ денегъ и драгоцѣнныхъ вещей, для сохраненія, съ выдачей собственнику квитанціи, есть униженіе ихъ достоинства. Это начало не только часто практиковалось, между прочимъ, и у насъ, но оно и вполне справедливо при извѣстныхъ условіяхъ, опредѣлитъ которія приходится, конечно, только военному непріятельскаго воина въ плѣнъ военному начальству. Не могло не ускользнуть отъ вниманія практики, что въ военноплѣнномъ существуетъ желаніе освободиться изъ плѣна; онъ это желаніе можетъ привести въ исполненіе, пользуясь удобнымъ случаемъ, который плѣнившая его власть должна имѣть право, по мѣрѣ возможности, затруднять; однимъ изъ средствъ для этого является отнятіе у военноплѣннаго имѣющихся при немъ драгоцѣнныхъ вещей и денегъ, либо до самаго окончанія плѣна или только до прибытія на мѣсто временнаго жительства; этимъ у плѣннаго отнимаются матеріальныя средства, отсутствіе которыхъ будетъ, конечно, затруднять возможность бѣгства. Оскорбленія достоинства военноплѣннаго, въ такой предосторожности со стороны воюющаго, усмотрѣть нельзя. Указанное желаніе плѣннаго совершенно естественно и не безчестно, и пока воюющій не заручился общаіемъ военноплѣннаго, закрѣпленнымъ честнымъ словомъ, — до этихъ поръ, не имѣя права наказывать покусившагося бѣжать или бѣжавшаго за такое дѣйствіе, онъ отнимаетъ у плѣннаго матеріальныя средства, могущія послѣднему способствовать при освобожденіи изъ плѣна, противъ его воли. Если дѣйствіе бѣгства въ давномъ случаѣ не безчестно, почему же считать указанную мѣру противника унижительной для плѣннаго? На стр. 328 авторъ замѣчаетъ, что такое подчиненіе суда администраціи, какъ это возможно было по распоряженіямъ главнокомандующаго въ Болгаріи, можетъ быть оправдываемо только потребностями военного времени. Ближе авторъ своего положенія не поясняетъ; онъ не говоритъ какъ онъ его понимаетъ, — какъ общее ли правило или лишь какъ исключительное для даннаго случая, во время оккупации нашими войсками Болгаріи. Отъ точнаго знанія объема положенія автора должны зависѣть и возможныя

на него возраженія. Замѣчу только еще, что, какъ общее положеніе, указанный взглядъ проф. Мартенса признанъ затрудняюсь.

Касаясь вопроса о бомбардированіи Θεодосіи, Анапы и Евпаторіи турецкимъ флотомъ, авторъ, указывая на то, что эти города были совершенно открыты, замѣчаетъ, что нельзя считать защитою города какуюнибудь батарею, устроенную на морскомъ берегу и снаряженную оружіями, совершенно (?) безопасными для броненосцевъ (стр. 453). Но если въ данномъ случаѣ турки бомбардировали названныя мѣстности, не будучи къ этому вынуждены положеніемъ батарей, и, слѣдовательно, нарушали правила войны, то положеніе автора, въ той формѣ, въ которой оно имъ опредѣлено (оно выписано его же словами) кажется намъ не совсемъ точнымъ. Вопросъ о размѣрахъ опасности для непріятельскихъ броненосцевъ со стороны этихъ батарей здѣсь совершенно безразличенъ; эти батареи были сооружены для военныхъ цѣлей, и это обстоятельство важно. Рѣшеніе же вопроса о томъ, насколько можетъ быть притомъ оправдываемо разрушеніе находящихся при батареяхъ или вблизи отъ нихъ городовъ и селеній, зависить конечно отъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ вопросовъ: тутъ надо принять въ соображеніе, съ котораго мѣста необходимо было совершить бомбардированіе, и въ какомъ положеніи при этомъ находились данныя открытыя мѣстности, въ отношеніи къ необходимымъ линіямъ стрѣльбы, которыхъ воюющій не обязанъ измѣнить, потому только, что бомбардированіемъ можетъ нанести убытки извѣстнымъ открытымъ мѣстностямъ. Если они ему мѣшаютъ при достиженіи его законныхъ военныхъ цѣлей, тогда они подлежатъ суровой судьбѣ бомбардированія; не изъбавлены отъ этого и учрежденія санитарныя.

Къ проекту русскаго правительства на Брюссельской конференціи относительно условій для употребленія военныхъ репрессалій, проекту, содержаніе котораго институтъ международнаго права потомъ сформулировалъ въ другихъ словахъ, — къ этому проекту проф. Мартенсъ предлагаетъ слѣдующія дополненія относительно круга лицъ, которыхъ непріятель имѣетъ право подвергнуть репрессаліямъ (стр. 488). Авторъ раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: воюющій можетъ подвергнуть репрессаліямъ только самихъ же нарушителей права, если они попадутъ къ нему въ плѣнъ, и, во-вторыхъ, если нѣтъ возможности привлечь къ отвѣтственности самихъ нарушителей, то ей подлежатъ командиры и офицеры непріятельскихъ войскъ, «которые прежде всего виновны въ гнусныхъ поступкахъ своихъ подчиненныхъ». Но подверженіе самого виновнаго наказанію, очевидно, не есть репрессалія въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Что несправедливо подвергать дѣйствию репрессалій нижнихъ чиновъ, совершенно вѣрно. Но, спрашивается, справедливо ли командировъ и офицеровъ подвергать репрессаліямъ, безразлично виновны ли они въ причинахъ, побудившихъ противника прибѣгнуть къ помощи репрессалій, или нѣтъ? Если они виновны, то они могутъ быть наказаны какъ преступившіе; и только тогда, если нельзя доказать ихъ виновности и они, тѣмъ не менѣе, будутъ подвергнуты какимънибудь насильственнымъ вѣркамъ, — наказанію безъ вины, — можно говорить о репрессаліяхъ.

Американская полевая инструкція опредѣлила для шпіона, перехваченнаго американской арміей, смертную казнь посредствомъ повѣшанія. Проектъ

Брюссельской деклараціи этого не дѣлаетъ; онъ ограничивается представлениемъ воюющему права поступать съ перехваченными неприятельскими шпионами по законамъ, дѣйствующимъ въ его арміи. Г. Мартезъ на это различіе указываетъ какъ на что-то, заслуживающее особеннаго вниманія; но думаю, что это напрасно: американская полевая инструкция составляетъ внутренній законъ одной стороны, подобно тому, какъ, напр., приказы нашихъ главнокомандующихъ во время послѣдней войны съ Турціей. Въ Болгаріи шпионы также подлежали смертной казни. Но было бы странно, если бы Брюссельская декларація, которая должна была служить проектомъ общаго международнаго договора, обязала бы отдѣльныхъ участниковъ ея наказывать военныхъ шпионовъ непремѣнно смертью. Это не имѣло бы основанія и русской проектъ для Брюссельской конференціи хорошо это понималъ.

Относительно вопросовъ о военнопленныхъ и раненыхъ и больныхъ воинахъ авторъ старается доказать особенную связь, именно между этими двумя вопросами права войны. Поэтому онъ ихъ и помѣститъ въ одной главѣ. Но не думаю, чтобы нѣкоторое сходство во внѣшнемъ положеніи и тѣхъ и другихъ воиновъ могло намъ дать право найти въ этомъ больше того, что есть на самомъ дѣлѣ.

Своей мысли, что репрессалии противъ нижнихъ чиновъ неприятельской арміи не достигаютъ цѣли и несправедливы, и что репрессалии въ послѣднюю войну нашу съ Турціей ни къ чему не привели бы, авторъ (на 552 стр.) не выдерживаетъ, высказывая взглядъ, что обращеніе съ пленныхъ башибузуками, курдами и черкесами, какъ съ арестантами, (напр. транспортированіе ихъ въ цѣпяхъ и проч.), имѣло бы послѣдствіемъ, что меньше было бы совершено гнусныхъ преступленій надъ нашими равными и больными. Въ другихъ мѣстахъ, авторъ самъ опровергаетъ это послѣднее предположеніе и дѣйствительно, съ такимъ обращеніемъ съ этими извергами турецкихъ войскъ въ русскомъ плѣнѣ уживались вѣдь лишь одни просвѣщенные туркофилы, и то не всѣ; только немногіе, покровительствуемые или полудикіе башибузуки, курды и черкесы такой защиты со стороны ихъ друзей и не понимали; указанное обращеніе съ ними въ русскомъ плѣнѣ они понимали по своему, и гораздо правильнѣе, чѣмъ ихъ просвѣщенные покровители. По ихъ понятіямъ такой плѣнъ на цѣпи, какъ это въ исключительныхъ случаяхъ быть можетъ и практиковалось, былъ совершенно справедливъ. Для нихъ это не было уголовнымъ наказаніемъ, и для ихъ собратьевъ, продолжающихъ совершать свои безчинства надъ русскими ранеными и пленныхъ; слухъ о такомъ плѣнѣ не могъ быть имъ страшенъ, и подавно не могъ остановить ихъ кровожадія и фанатизма по отношенію къ христіанскому врагу.

На стр. 593 мы читаемъ: „на основаніи существующей практики и возрѣвній современныхъ писателей по международному праву должно скорѣе признать, что рельсы не могутъ считаться предметомъ военной контрабанды; послѣ такого примѣра можно бы было считать военною контрабандою также всякій другой предметъ“. Авторъ объ этомъ заговорилъ по поводу того факта, что венгерскія власти остановили провозимыя черезъ Орзову въ Румынію рельсы, подъ предлогомъ, что они военная контрабанда, предназначенная для Россіи. Затѣмъ, когда выяснилось, что рельсы

эти провозятся для Румынии, венгерскія власти пропустили ихъ. Последнее было, конечно, неосновательно; Румынія была союзницею Россіи противъ той же Турціи. Г. Мартенсъ на это указываетъ совершенно вѣрно. Но положеніе его тѣмъ не менѣе не совсѣмъ правильно. Дѣло, въ специальномъ случаѣ, представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 12 мая 1877 г., для подробнаго объясненія понятія военной контрабанды, исчислены сначала всѣ отдѣльные предметы, подходящіе подъ это понятіе, а затѣмъ сказано: „и вообще всѣ другіе предметы, непосредственно предназначенные для войны, какъ сухопутной, такъ и морской. Всѣ эти вещи, застигнутыя на нейтральныхъ судахъ, могутъ быть захватываемы и конфискуемы, если онѣ предназначены въ непріятельскій портъ, исключая только количества этихъ вещей, потребнаго для самаго нейтральнаго судна“. „Наравнѣ съ торговлею военною контрабандою должны считаться... поставка и подвозъ непріятелю военныхъ судовъ“. Руководствуясь такимъ пониманіемъ со стороны самаго русскаго правительства, военной контрабанды, мы не могли бы обижаться, если бы венгерское правительство не разрѣшило провоза для насъ черезъ свою область желѣзнодорожныхъ рельсовъ. Оправленіе ихъ въ Россію по такому пути все-таки могло вызвать подозрѣніе, когда они могли быть употреблены для рельсовыхъ путей на театрѣ войны. Такое подозрѣніе не должно быть понимаемо, какъ совершенно произвольное. А рельсовые пути, какъ извѣстно, весьма важное средство войны, хотя они, главнымъ образомъ, служатъ цѣлямъ мирнымъ. И если, положимъ, война, такимъ образомъ, можетъ остановить поправки и постройки на желѣзныхъ дорогахъ въ области одной изъ воюющихъ сторонъ, то такая помѣха, очевидно, неизбежна; она зависитъ отъ того, быть можетъ, неблагопріятнаго для желѣзныхъ дорогъ обстоятельства, что онѣ служатъ столь разнообразнымъ интересамъ. Разъ война — по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ — составляетъ необходимость, то, конечно, и нельзя не считаться со всѣми отсюда по необходимости вытекающими послѣдствіями; мы можемъ только стараться смягчить ихъ, но предотвратить ихъ совсѣмъ не можемъ. Авторъ думаетъ, что причисленіе рельсовъ къ военной контрабандѣ заставитъ дать согласіе на причисленія вообще всѣхъ вещей, какъ напр. обуви, полотна, сукна, кожи и хлѣба, къ военной контрабандѣ. Я думаю, что при извѣстныхъ условіяхъ въ будущемъ можетъ состояться расширеніе понятія о военной контрабандѣ и въ эту сторону. Здѣсь практика не можетъ быть стѣснена и не дастъ стѣснять себя теоретическими положеніями, выработанными при условіяхъ жизни, которыя измѣнились. Что же касается настоящаго, то мы должны подвозъ рельсовъ причислить къ предметамъ военной контрабанды, если условія, какъ относительно времени, такъ и мѣста и прочихъ обстоятельствъ (дѣйствій и событій на театрѣ войны), дадутъ основаніе думать, что провозимый товаръ предназначенъ для военныхъ цѣлей одною изъ воюющихъ сторонъ. Перехватить его можетъ противникъ, остановить — данная нейтральная страна. Правда, здѣсь много надо предоставить благоусмотрѣнію и доброй совѣсти даннаго правительства, и потому было бы полезно, если бы оно напередъ объявляло, какъ оно въ такихъ случаяхъ поступать будетъ. И если невозможно вполне точное опредѣленіе, то и, по мѣрѣ возможности, точное—

все же полезнѣе, чѣмъ совершенное его отсутствіе. Опредѣляя, такимъ образомъ, свое отношеніе къ дѣлу напередъ, данное правительство освобождается впоследствии отъ нареканій въ произволѣ. — Авторъ говоритъ, что послѣдняя война между Россіей и Турціей доказала вообще настоятельную необходимость точнаго опредѣленія предметовъ, признаваемыхъ во всякомъ случаѣ военною контрабандою. Отсутствіе такого опредѣленія можемъ привести даже къ нехѣтіямъ, въ требованіяхъ воюющихъ сторонъ отъ нейтральныхъ и въ обращеніи послѣднихъ съ воюющими. Конечно, точное международное соглашеніе въ этомъ вопросѣ безусловно желательно; но прежде чѣмъ сдѣлать это, правительство должно основательно познакомиться съ отзывами военныхъ специалистовъ, и это едва ли можетъ быть иначе. Что эти специалисты скажутъ по поводу желѣзнодорожныхъ рельсовъ, какъ предмета военной контрабанды, — предрѣшить это, конечно, не берусь, но осторожность вѣроятно заставитъ ихъ соблюсти всесторонне военный интересъ.

Вообще я долженъ, въ заключеніе моей рецензіи сказать, что во всѣхъ вопросахъ военного права, мы должны прибѣгать къ помощи военныхъ специалистовъ, которые лучше насъ, юристовъ, въ состояніи обсудить настоятельную требованій военной необходимости, которую мы обязаны уважать. Полученное такимъ образомъ, мы можемъ развивать; мы вправѣ поставить новыя требованія, но доказательство достаточной ихъ основательности нуждается сперва въ эмпирической повѣркѣ, для которой нуженъ, отзывъ знатока по вопросамъ о военной необходимости. И факты именно послѣдняго времени доказали намъ, что военные специалисты понимаютъ и уважаютъ интересы человечности на войнѣ, не менѣе специалистовъ-юристовъ. Самъ проф. Мартенсъ совершенно справедливо замѣтилъ, что *одни* военные скорѣе привели бы дѣло Брюссельской конференціи къ благоприятному результату. Затѣмъ, послѣ конференціи, весьма авторитетные военные высказались въ пользу проекта Брюссельской деклараціи, не менѣе толково и не менѣе человѣколюбиво, нежели юристы. Для нашей повѣрки мы будемъ обращаться конечно не только къ военнымъ *à la* Гартманъ и Рюстовъ (не мѣшаетъ выслушать и ихъ), а будемъ преимущественно искать объясненій людей, какъ Бриальконтъ, Лееръ, Фохтъ-Рецъ, Декъ-Бэръ. Существуютъ затѣмъ и другіе не менѣе вѣскіе авторитеты для этой повѣрки нашихъ выводовъ по праву войны, еще не получившихъ обязательной силы на практикѣ; это такіе военные, которые хотя и не имѣли случая высказать свои взгляды на правила и законы международного права во время войны, подобно только что названнымъ, путемъ печати или публично, на такомъ собраніи, какъ Брюссельская конференція, — но которые на самомъ дѣлѣ проводили въ жизнь эти правила и законы. Такъ напр. въ послѣднюю войну полководецъ Бруденеръ далъ лучшій примѣръ гуманнаго порядка при бомбардированіи непріятельскаго города и взятіи его штурмомъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ явился сущимъ благодѣтелемъ въ непріятельской странѣ, занятой командующими или войсками. У такихъ военныхъ могутъ поучиться специалисты по международному праву войны. — Въ виду всего этого не могу согласиться съ мнѣніемъ профессора Мартенса, чтобы члены института международного права были вполне компетентными судьями

въ международномъ правѣ войны. Такое абсолютное мнѣніе можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Для удовлетворительнаго рѣшенія вопросовъ по праву войны необходимо знать реальныя условія даннаго вопроса въ жизни. Лучшими судьями здѣсь юристы-публицисты считаться не могутъ; во всякомъ случаѣ мы здѣсь не стоимъ впрочемъ выше компетентныхъ военныхъ специалистовъ. Съ этимъ были согласны и разныя мнѣнія, поданныя институту международного права и принятыя имъ; и самъ профессоръ Мартенсъ, постоянно ссылается на авторитетъ фактовъ и мнѣній военныхъ, какъ на лучшее подтвержденіе его юридическихъ положеній.

Въ нашей рецензіи мы должны были, конечно, ограничиться указаніемъ на самое существенное. Даже и при этомъ условіи, наша статья должна была расширяться до довольно пространныхъ размѣровъ. Это разумѣется зависѣло отъ того значенія, которое необходимо признать за превосходнымъ сочиненіемъ профессора Мартенса, какъ по его научному интересу, такъ и по его практической цѣли, которую поставить себѣ было столь современно. Наши критическія замѣтки по поводу отдѣльныхъ вопросовъ могли только доказать нашъ интересъ къ сочиненію столь выдающемуся въ нашей и западно-европейской литературѣ по международному праву. Нѣкоторые изъ затронутыхъ вопросовъ ждутъ еще дальнейшей разработки; авторъ безъ сомнѣнія содѣйствовалъ своимъ трудомъ къ возбужденію этой разработки. — И оставляя теперь въ сторонѣ научную сторону сочиненія г. Мартенса, мы должны пожелать, чтобы оно принесло жизни ту культурную пользу, которую принести оно можетъ: чтобы оно укрѣпило въ нашей доблестной арміи сознаніе того значенія, которое себѣ приобрѣли наши братья, защищая въ тяжелой борьбѣ съ полудикими врагомъ святыя интересы человѣчества, не отыцая при этомъ за зло зломъ, а соблюдая, даже при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, законы человѣчности по отношенію къ неприятелю, незнающему ихъ.

О. Эйхельманъ.

(Профессоръ Дежидовскаго лицея).

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.
С.-Петербургъ, 1867—1879 томъ I—XXVI.

Учрежденію литературныхъ, ученыхъ обществъ и академій на западѣ Европы соответствовало учрежденіе въ Россіи въ концѣ царствованія Петра Великаго Академія Наукъ въ С.-Петербургѣ. Точно также столѣтіемъ позже, сообразно возникновенію различныхъ учебныхъ обществъ для спеціальныхъ цѣлей, происхожденію на западѣ историческихъ обществъ (въ родѣ созданной по инициативѣ барона Штейна „Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde“ во Франкфуртѣ на Майнѣ), у насъ въ Россіи послѣдовало учрежденіе разныхъ историческихъ обществъ для разработки отечественной исторіи.

Извѣстно въ какой мѣрѣ историческая наука обязана трудамъ и изданіямъ археологическаго общества, общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Одесскаго общества исторіи и древностей и пр.

Весьма важнымъ явленіемъ въ исторіи организаціи труда въ области отечественной исторіи, за послѣднее время, должно считать учрежденіе въ 1866-мъ году „Русскаго Историческаго Общества.“ Въ продолженіе четырнадцатилѣтняго существованія этого общества цѣли и приемы его дѣятельности опредѣлились довольно ясно и отчетливо. Они представляютъ богатую коллекцію, состоящую изъ двадцати шести томовъ.*) Мы позволимъ себѣ, хотя и въ самомъ бѣгломъ обзорѣ указать на характеръ трудовъ этого общества и на значеніе его изданій въ отечественной историографіи.

Трудъ историка можетъ заключаться главнымъ образомъ или въ собраніи историческихъ данныхъ и матерьяловъ или въ разработкѣ ихъ для частныхъ, т. е. специальныхъ монографическихъ цѣлей или же наконецъ въ сопоставленіи результатовъ монографическихъ изслѣдованій для общенсторическихъ выводовъ и сочиненій. Между тѣмъ какъ послѣдній видъ историческаго труда обыкновенно бываетъ предоставленъ отдѣльнымъ ученымъ, личной дѣятельности самостоятельныхъ специалистовъ и писателей, собраніе историческихъ матерьяловъ и монографическая разработка историческихъ данныхъ бываютъ особенно плодотворны и успѣшны и принимаютъ громадныя размѣры при помощи ассоціаціи или соединенныхъ силъ отдѣльныхъ лицъ. Особенно же изданіе большихъ массъ историческихъ матерьяловъ требуетъ значительныхъ средствъ, многосложной организаціи, specialнаго раздѣленія труда, нѣкоторой авторитетности въ отношеніи къ общественнымъ и государственнымъ учрежденіямъ, располагающимъ запасами матерьяловъ. Не даромъ, потому начиная со времени процвѣтанія наукъ въ древней Александріи, представляющей собою первый примѣръ организаціи научнаго труда, особенно при помощи ученыхъ корпорацій собраніе и опубликованіе громадныхъ историческихъ матерьяловъ были особенно успѣшны. Только стоитъ вспомнить о результатахъ дѣятельности болландистовъ при изданіи „Acta sanctorum“ въ XVII вѣкѣ, или о громадной коллекціи „Monumenta Germaniae Historica“, бывшей плодомъ вышеупомянутаго общества, учрежденнаго въ 1879 году по инициативѣ барона Штейна.

Точно также и „Русское Историческое Общество“ съ самаго начала своего существованія важнѣйшею своею задачею считало собраніе сырого матерьяла, доставленіе отдѣльнымъ историкамъ средствъ для разработки историческихъ вопросовъ. Въ этомъ смыслѣ и въ первыхъ трехъ параграфахъ устава общества говорится слѣдующее:

§ 1. Русское историческое общество имѣетъ цѣлью собирать, обрабатывать и распространять въ Россіи матерьялы и документы, до отечественной исторіи относящіеся, какъ хранящіеся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ и бібліотекахъ, такъ равно и находящіеся у частныхъ людей.

*) Настоящая наша статья писана весной 1880 года.

„§ 2. Общество входит въ сношенія съ возможно большимъ числомъ лицъ внутри имперіи, отъ коихъ можетъ ожидать нужныхъ ему свѣдѣній и содѣйствій, а также съ учеными обществами и лицами внѣ имперіи, могущими доставлять ему матерьялы для отечественной исторіи.“

„§ 3. Общество издаетъ Сборникъ, выходящій въ свѣтъ безъ опредѣленныхъ сроковъ и заключающій матерьялы въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ архивахъ и у частныхъ лицъ, съ объясненіями, примѣчаніями, комментаріями, которые признаны будутъ совѣтомъ общества необходимыми. Документы и акты, писанные на иностранныхъ языкахъ, печатаются въ подлинномъ текстѣ съ переводомъ на русскій языкъ.“

Значитъ особенное, почти исключительное вниманіе обращается на собраніе и изданіе „матерьяловъ“ „документовъ и актовъ.“ Не столько разработка историческихъ матерьяловъ для монографическихъ изслѣдованій сколько обработка ихъ для напечатанія въ сыромъ видѣ считается задачею общества. Отъ настоящаго научнаго труда, т. е. отъ эксплуатаціи архивовъ или архивныхъ данныхъ для составленія законченныхъ историческихъ трудовъ общество отказывалось уже съ самаго начала, довольствуясь сравнительно скромнымъ трудомъ посредничества между владѣльцами архивныхъ бумагъ и настоящими тружениками науки. Создавая путемъ собранія и изданія сырого матерьяла благопріятныя условія для настоящихъ историческихъ изслѣдованій, общество ограничивается ролью поставщика строительнаго матерьяла, не имѣя въ виду посвятить себя дѣятельности зодчаго. Это направленіе дѣятельности Общества заслуживаетъ полнаго одобренія.

При оцѣнкѣ дѣятельности Общества въ продолженіе всего его существованія, нужно имѣть въ виду именно это направленіе его, эту скромность опредѣленныхъ имъ себѣ задачъ; нельзя отрицать, что при такомъ самоограниченіи результаты дѣятельности Общества были чрезвычайно важны и что она оказывала весьма существенныя услуги наукѣ отечественной исторіографіи.

Въ уставѣ общества однако не говорилось о другомъ ограниченіи его дѣятельности, которое бросается въ глаза при разборѣ всѣхъ томовъ „Сборника.“ Не отечественная исторія вообще, а исключительно новая исторія Россіи—мало того, главнымъ образомъ, исторія царствованія Екатерины II,—была въ продолженіе четырнадцатилѣтней дѣятельности общества, предметомъ его занятій. Исторія XVIII-го вѣка до того преобладаетъ при изданіи матерьяловъ, что напечатаніе въ 24-мъ томѣ депешъ голландскихъ дипломатовъ, относящихся къ началу XVII вѣка оказывается единственнымъ исключеніемъ. Эпохѣ Петра Великаго посвящены томы 11-й (бумаги, указы и пр. Петра) и 24-й (Шереметева); къ ней же относятся нѣкоторые матерьялы, напечатанные въ томахъ 1-мъ, 3-мъ и 20-мъ „дипломатическіе документы относящіеся къ исторіи Россіи въ XVIII столѣтіи“, сообщенные изъ дѣлъ Саксонскаго государственнаго архива въ Дрезденѣ профессоромъ Марбургскаго Университета Эрнстомъ Германомъ; матерьялы помѣщенные въ 3-мъ, 5-мъ и 6-мъ томахъ относятся лишь отчасти къ эпохѣ Петра, гораздо-же болѣе ко времени царствованія его непосредственныхъ наслѣдниковъ.

Эпохъ царствованія императора Александра I посвященъ исключительно весь 21-й томъ, въ другимъ томахъ (2-мъ, 3-мъ, 5-мъ, 6-мъ) встрѣчаются также нѣкоторые данныя, относящіяся ко времени послѣ Екатерины II.

За то эпоха царствованія императрицы Екатерины занимаетъ самое видное мѣсто; изъ 26 томовъ, поминѣ изданныхъ, не менѣе 15 посвящены исключительно времени отъ 1761 до 1796 года; изъ остальныхъ же 11 томовъ большая часть наполнена также значительною долею данными о царствованіи Екатерины.

Не только объѣмомъ, но и важностью содержанія, а также и техникою обработки матерьяла, относящяся къ исторіи Екатерины II далеко превосходятъ все, относящееся къ другимъ предметамъ новой русской исторіи и напечатанное въ „Сборникѣ“. Такъ напр. имѣютъ капитальное значеніе историческія свѣдѣнія о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія, собранныя и приведенныя въ порядокъ Д. В. Полѣновымъ (въ 4-мъ, 8-мъ и 14-мъ томахъ), бумаги князя Репнина (въ 15-мъ и 16-мъ томахъ), бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, собранныя и изданныя Пешарскимъ и Гротомъ (въ 7-мъ, 10-мъ и 13-мъ томахъ), депеши англійскихъ дипломатовъ (въ 12-мъ и 19-мъ томахъ), графа Мерси д'Аржанто (въ 18-мъ томѣ), переписка Екатерины II съ королемъ Фридрихомъ II (въ 20-мъ томѣ) и пр. и пр. Все это представляетъ собою неисчерпаемый запасъ самыхъ важныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній о всевозможныхъ сторонахъ исторіи царствованія императрицы Екатерины.

Такое обращеніе главнаго вниманія на новую русскую исторію вообще и на царствованіе Екатерины II въ особенности, въ Сборникѣ Историческаго Общества, вполне соответствуетъ направленію и содержанію періодическихъ изданій, которыя приобрѣли, въ новѣйшее время, большое значеніе въ исторической литературѣ. „Русскій Архивъ“, „Русская Старина“, „Древняя и новая Россія“ обращаютъ исключительное вниманіе на новую и новѣйшую исторію Россіи, сообщая множество матерьяловъ и статей для исторіи XVIII и XIX столѣтій; развѣ лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія, въ этихъ изданіяхъ посвящаются краткіе замѣтки болѣе отдаленнымъ періодамъ. Во всѣхъ этихъ сборникахъ царствованіе Екатерины II занимаетъ самое видное мѣсто. Накопленіе столь громадныхъ массъ сыраго матерьяла, относящагося къ Екатерининскому времени, заключаетъ въ себѣ въ одно и то же время и облегченіе и затрудненіе для разработки исторіи этого царствованія. Мы, въ настоящее время, снабжены такимъ неизмѣримымъ количествомъ документовъ, дипломатическихъ донесеній, частныхъ писемъ и записокъ этого времени, что разработкою этого необозримаго запаса можно оказать гораздо болѣе важную услугу наукѣ, нежели прибавленіемъ къ нему еще новыхъ данныхъ.

Нельзя не пожелать, чтобы при изданіи историческаго матерьяла, нигдѣ еще не напечатаннаго, издателями было бы указываемо мѣсто, занимаемое этими новыми данными въ накопившемся запасѣ свѣдѣній. Поэтому специалисты, при чтеніи вновь издаваемыхъ архивныхъ бумагъ,

особенное вниманіе обращаютъ на замѣчанія издателей въ введеніи или въ комментаріяхъ къ такимъ изданіямъ. Такъ напр. чрезвычайно важное для исторіи послѣднихъ десятилѣтій прошедшаго вѣка изданіе писемъ Екатерины II къ барону Гримму (въ 23-мъ томѣ Сборника), сопровождается введеніемъ, которое можетъ служить образцомъ монографическаго труда этого рода; вообще труды М. К. Грота въ этомъ отношеніи отличаются почти исключительными у насъ достоинствами историческихъ матерьяловъ: солидностью и начитанностью, глубокимъ знаніемъ дѣла и обладаніемъ во всѣхъ отношеніяхъ техникою издательской задачи. Изданіе переписки императрицы Екатерины II съ Фальконетомъ (въ 17-мъ томѣ Сборника) сопровождается также прекраснымъ введеніемъ, написаннымъ А. Половцовымъ и заключающимъ въ себѣ оцѣнку значенія историческаго факта этой переписки, біографію Фальконета и исторію изваянія статуи Петра Великаго. Чрезвычайно полезенъ также трудъ Д. В. Полѣнова при приведеніи въ порядокъ огромнаго количества дѣловыхъ бумагъ и свѣдѣній о Екатерининской Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Издатель не довольствовался напечатаніемъ архивныхъ дѣлъ; томы 5-й, 8-ой и 14-й сопровождаются предисловіями богатыми содержаніемъ; документы связываются историческимъ разказомъ, весь трудъ такимъ образомъ приближается къ формѣ исторической монографіи.

Нельзя не пожалѣть, что не всѣ изданія Историческаго Общества сопровождаются такими работами; такую оцѣнку важности издаваемого историческаго матерьяла, такую біографическими свѣдѣніями или указаніемъ на источники даннаго историческаго предмета. Между тѣмъ какъ напр. изданіе бумагъ князя Репнина за время управленія его Литвою (въ 16-мъ томѣ) сопровождается дѣловымъ біографическимъ очеркомъ, введеніе къ изданію бумагъ Шереметева (въ 25-мъ томѣ) оказывается недостаточнымъ и скуднымъ. Специалисты, принимающіеся за чтеніе этихъ дѣловыхъ бумагъ были въ правѣ ожидать отъ издателя объясненія вопроса объ отношеніяхъ этихъ писемъ къ прежде изданнымъ и т. п. Между тѣмъ какъ депеши графа Мерси д'Аржанто (въ 18-мъ томѣ), депеши англійскихъ дипломатовъ (въ 12-мъ и 19-мъ томахъ), депеши графа Сольмса (въ 22-мъ томѣ) сопровождаются краткимъ введеніемъ, объясняющимъ положеніе дѣлъ въ данное время и указывающимъ на значеніе новаго матерьяла, дѣловыя бумаги времени императора Александра I (въ 21-мъ томѣ) напечатаны безъ всякаго объясненія или введенія. Такихъ томовъ Сборника, лишенныхъ всякаго комментарія, насчитывается нѣсколько.

Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи Русское Историческое Общество могло бы сдѣлать гораздо болѣе; услуга, оказываемая наукѣ была бы гораздо существеннѣе при болѣе тщательномъ вниманіи къ техникѣ дѣла при изданіи историческихъ матерьяловъ. При сравненіи напр. переписки императрицы Екатерины II съ Иосифомъ II, изданной г. Арнетомъ въ Вѣнѣ десять лѣтъ тому назадъ съ перепискою императрицы Екатерины съ Фридрихомъ II въ 20-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества нельзя не замѣтить, что весьма дѣльные и чрезвычайно тщательно составленныя замѣчанія, которыми г. Арнетъ

сопровождаетъ свое изданіе, свидѣтельствуетъ о научномъ отношеніи къ предмету, между тѣмъ какъ механическое воспроизведеніе въ Сборникѣ столь важныхъ документовъ, каковы письма прусскаго короля и Екатерины, безъ всякихъ объясненій, не соответствуетъ требованіямъ науки. Здѣсь и тамъ сопровождающія эту переписку краткія замѣтки, то на нѣмецкомъ то на русскомъ языкѣ, неудовлетворительны; мы не въ каждомъ данномъ случаѣ можемъ даже распознать авторовъ и источники этихъ замѣтокъ; вопросъ о томъ, принадлежать ли эти замѣтки одному изъ чиновниковъ Берлинскаго архива или издателю или кому нибудь другому остается часто сомнительнымъ; о первоначальной орфографіи писемъ ничего не сказано; о томъ, можетъ ли считаться рядъ этихъ писемъ совершенно полнымъ или представляющимъ пробѣлы не говорится и пр.

Также напр. помѣщеніе между бумагами лорда Каскарта (въ 12 томѣ) письма графа Миниха къ князю Лобковичу отъ 1739 свидѣтельствуетъ о нѣсколько механическомъ отношеніи издателей къ дѣлу. То случайное обстоятельство, что между бумагами англійскаго дипломата 1770 года, хранящимися въ „Foreign office“ или въ „State Paper office“ нашлось это письмо его тѣмъ менѣе могло быть поводомъ къ его изданію, что оно нѣсколько разъ уже ранѣе было напечатано въ различныхъ изданіяхъ записокъ Мавштейна.

Далѣе, мы позволяемъ себѣ указать на слѣдующее обстоятельство, не лишнее важности для специалистовъ, пользующихся матерьялами, издаваемыми въ Сборникѣ Историческаго Общества. При изданіи депешъ графа Мерси д'Аржанто (въ 18-мъ томѣ Сборника) было составлено весьма полное оглавленіе, въ которомъ кратко указано на содержаніе каждаго донесенія. Въ сожалѣнію этотъ примѣръ подробнаго оглавленія остался исключеніемъ. Оглавленія же въ родѣ тѣхъ, которыя предисылаются депешамъ дипломатовъ въ 12-мъ, 19-мъ и 21-мъ томахъ могутъ считаться почти вовсе бесполезными.

Каждый томъ „Сборника“ сопровождается „Азбучнымъ указателемъ именъ“ и этотъ трудъ весьма полезенъ для пользованія всѣмъ изданіемъ. Этотъ указатель, пожалуй даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняетъ полное оглавленіе сообщенныхъ документовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, составители азбучныхъ указателей именъ даже придавали къ нимъ нѣкоторыя, похожія на комментарий замѣчанія, большею частью біографическія данныя („род... +“) или иногда и указанія на тѣ книги, въ которыхъ говорится объ упоминаемыхъ лицахъ. При скудости и случайности такихъ прибавленій, въ которыхъ всетаки не обращается достаточное вниманіе на источниковѣдѣніе даннаго предмета, мы не можемъ придавать имъ особенное значеніе. За то мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что издатели Сборника ограничиваются составленіемъ азбучныхъ указателей именъ, не рѣшаясь присоединить къ нимъ указатели предметныя (Sachregister); разумѣется, мы понимаемъ, что составленіе такихъ указателей требуетъ гораздо болѣе труда и — главное — гораздо болѣе основательнаго знакомства съ предметомъ, нежели составленіе указателей именъ.

Наконецъ, намъ кажется, что въ большей части случаевъ печатаніе, кромѣ подлинныхъ документовъ, ихъ перевода на русскій языкъ из-

лишне. Переводъ иногда можетъ быть неточенъ, — можно указать на такіе случаи неисправности въ Сборникѣ; спеціалнсты все таки при монографическихъ изслѣдованіяхъ должны обращаться къ подлинникамъ. Составленіе и печатаніе переводовъ сопряжено съ весьма большими расходами. Публика, не могущая читать нѣмецкія, французскія и англійскія депеши, едва ли вообще займется чтеніемъ Сборника; однако Уставъ въ 3-мъ параграфѣ требуетъ прибавленіе къ подлинникамъ переводовъ. Мы съ удовольствіемъ въ 23-мъ томѣ Сборника встрѣтили нововведеніе: сообщеніе писемъ Екатерины къ Гримму безъ такого перевода, который затѣмъ явился въ „Русскомъ Архивѣ“.

Какъ уже выше было сказано, Русское Историческое Общество считало съ самаго начала своего существованія главною или даже исключительною своею задачею сообщеніе новыхъ историческихъ матерьяловъ. Тамъ не менѣе здѣсь и тамъ встрѣчаются, хотя и въ видѣ весьма рѣдкаго исключенія монографическіе труды. Такъ напр. достойны особеннаго вниманія прекрасныя статьи: Полѣнова, Законодательная Коммиссія при Императорѣ Петрѣ II (въ 2-мъ томѣ), Я. К. Грота, Сотрудничество Екатерины II въ „Собесѣдникѣ“ княгини Дашковой и т. п. Наконецъ 26-ой томъ „Сборника“ представляетъ собою тяжело-вѣсный монографическій трудъ Григоровича, біографію графа Безбородки. Быть можетъ появленіе этого труда обозначаетъ нѣкоторую перемѣну въ программѣ дѣятельности общества. Услуги, оказанныя имъ наукѣ отечественной исторіи чрезъ изданіе новыхъ матерьяловъ, чрезвычайно значительны. Но при столь громадномъ запасѣ неразработанныхъ историческихъ данныхъ, невольно можно вспомнить выраженіе древняго греческаго философа, называвшаго исторію „ἀρεθόδος ὄλη“ или замѣчаніе Канта въ его статьѣ о всеобщей исторіи: „Die Umständlichkeit ist bedenklich. Wie werden es unsere spätere Nachkommen anfangen die Last von Geschichte zu fassen?“ Нельзя не желать, чтобы и въ области исторической науки, какъ и въ другимъ областямъ знанія была бы примѣняема истина, высказанная Лейбницемъ: „les sciences abrègent en augmentant.“

А. Вригнеръ.

(Профессоръ Имп. Дерптскаго Университета).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО.

Н. С. Таганцева, Курсъ русскаго уголовного права. Часть общая, книга I, выпускъ III. Спб. 1880.

Первая половина текущаго года обогатила нашу литературу нѣсколькими уголовно-юридическими изданіями. Видное между нихъ мѣсто занимаетъ трудъ профессора с.-петербургскаго университета Н. С. Таганцева, заглавіе котораго приведено выше.

„Курсъ“ г. Таганцева началъ появляться въ печати съ 1874 года, когда вышелъ первый его выпускъ ученія о преступленіи, трактованшій о субъектѣ и объ объектѣ преступленія. Послѣ четырехъ-лѣтняго пере-

рыва, въ 1878 г., появился второй выпускъ, самый капитальный, излагавшій ученія о внутренней и о ви́шней сторонѣ преступнаго дѣянія. Вышедшимъ нынѣ выпускомъ, который содержитъ въ себѣ ученіе о соучастіи, авторъ заканчиваетъ отдѣлъ о преступленіи.

Эти длинныя перерывы вполне объясняются характеромъ почтеннаго изданія профессора Таганцева.

Оно занимаетъ среднее мѣсто между „курсами“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, которые ставятъ себѣ задачей въ самомъ сжатомъ видѣ свести къ одному знаменателю накопившіяся по данной области знанія матерьяла, и „монографіями“, разрабатывающими предметъ не только въ общихъ его чертахъ, но и въ деталяхъ, которые для специалиста представляютъ особенный интересъ, но обработка которыхъ требуетъ больше времени и труда. Многія части курса г. Таганцева до такой степени детальны, что скорѣе принадлежатъ къ типу трудовъ монографическихкихъ.

Этотъ характеръ носить весь третій выпускъ его, посвященный ученію о соучастіи, въ высшей степени интересному и едва-ли не самому богатому монографической разработкой въ литературахъ иностранныхъ, преимущественно въ германской. Съ извѣстною уже читателямъ сочиненій Н. С. Таганцева эрудиціею, авторъ излагаетъ догматическое ученіе о соучастіи, оставаясь на почвѣ сравнительнаго правовѣдѣнія. Слѣдуя послѣднимъ указаніямъ науки и оставаясь вѣренъ своимъ положеніямъ о причинной связи (вып. II стр. 297 и сл., 307 и сл.), авторъ раздѣляетъ соучастіе въ преступленіи на двѣ группы: соучастіе въ тѣсномъ смыслѣ (§ 1) и прикосновенность (§ 2). Изложивъ сперва понятіе о соучастіи въ тѣсномъ смыслѣ, его общіе признаки и его формы (скопъ: стоворъ, шайка), авторъ переходитъ къ вопросу о видахъ участія и объ отвѣтственности соучастниковъ, по которому имъ представлена весьма подробная разработка сравнительно догматическаго матерьяла въ его историческомъ развитіи. Онъ сводитъ участвующихъ въ совершеніи преступленія къ тремъ типамъ: 1) физическіе исполнители, принимавшіе участіе въ самомъ совершеніи преступленія; 2) пособники, словомъ или дѣломъ оказавшіе содѣйствіе исполнителямъ, и 3) подстрекатели, вовлекшіе другихъ въ сообщество. Но это дѣленіе авторъ принимаетъ только „съ точки зрѣнія классификацій“, замѣчая, что „всякія попытки различать а priori, въ интересахъ наказуемости, категоріи участвующихъ, какъ объективныя, такъ и субъективныя, оказываются несостоятельными“ (стр. 52). Какъ видно изъ послѣдующаго изложенія, это не совсѣмъ ясно сформулированное положеніе означаетъ, что авторъ, примыкая къ французскому типу, находитъ неправильнымъ установленіе въ самомъ законѣ какихъ либо, какъ объективныхъ, такъ и субъективныхъ признаковъ разграниченія между участвующими лицами по важности наказанія и, слѣд., требуетъ уравниенія въ законѣ по наказуемости всѣхъ соучастниковъ, съ тѣмъ, чтобы судъ, по соображеніи индивидуальныхъ условій дѣятельности cadaго, отдѣлялъ самъ маловажныхъ участниковъ отъ главныхъ. Весьма подробно въ разсматриваемомъ курсѣ излагается также ученіе о подстрекательствѣ (стр. 64 и сл.), за которымъ слѣдуютъ любопытные вопросы о вліяніи на отвѣтственность cadaго изъ участниковъ увеличивающихъ и уменьшающихъ.

вину обстоятельств (стр. 97 и сл.) и объ условіяхъ, при которыхъ наказуемость ихъ можетъ отпасть (стр. 113 и сл.). Закончивъ этимъ ученіе о соучастіи въ тѣсномъ смыслѣ, авторъ переходитъ къ прикосновенности, которая ставится имъ совершенно иначе, чѣмъ дѣйствующимъ нынѣ русскимъ уголовнымъ законодательствомъ. Дѣйствія, въ нее входящія, по замѣчанію автора, составляютъ особія самостоятельныя преступленія; потому ее нельзя разсматривать какъ особый типъ соучастія и даже какъ дополнительное совинновничество. Это положеніе роскошно иллюстрируется данными исторіи законодательствъ и науки права (стр. 120 и сл.). Переходя за тѣмъ къ положительному русскому матеріалу, авторъ подвергаетъ сперва внимательной критической оцѣнкѣ общую постановку у насъ прикосновенности, затѣмъ (стр. 150 и сл.) предлагаетъ драгоцѣнный, даже послѣ трудовъ г. Неклюдова, для практики анализъ отдѣльныхъ типовъ прикосновенности попустительства, укрывательства и недонесенія.

Таково, въ краткихъ чертахъ, содержаніе новаго выпуска труда профессора Таганцева. Важность вопроса, о которомъ онъ трактуетъ, тщательная разработка его какъ въ общей постановкѣ, такъ и въ деталяхъ, основанная на внимательномъ изученіи обширной литературы, дѣлаютъ настоящій выпускъ особенно пріятнымъ приобретеніемъ для русскихъ юристовъ.

Въ немъ мы получаемъ обстоятельную работу о соучастіи въ преступленіи, имѣющую всѣ достоинства труда монографическаго и, въ тоже время, избѣгающую важнаго недостатка, въ который нерѣдко впадаютъ монографіи—односторонности, такъ какъ авторъ провѣряетъ положенія о соучастіи началами, помѣченными имъ въ изданныхъ уже выпускахъ курса.

Это послѣднее обстоятельство сообщаетъ всему принятому авторомъ ученію ясность, послѣдовательность и стройность. Но въ немъ не нужно искать объясненія и неправильныхъ отвѣтовъ, даваемыхъ авторомъ по нѣкоторымъ вопросамъ этого ученія.

Легко видѣть, въ самомъ дѣлѣ, что отвѣтъ, выведенный дедуктивно изъ известнаго общаго положенія, будетъ хорошъ, правиленъ тогда только, когда хорошо то общее начало, котораго онъ является логическимъ выводомъ. Новый трудъ г. Таганцева долженъ быть оцѣниваемъ въ связи съ изданными имъ уже выпусками курса, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онъ является лишь приложеніемъ къ спеціальному ученію о соучастіи общихъ началъ, принятыхъ имъ ранѣе.

Еще во второмъ выпускѣ (стр. 266 и сл.) авторъ защищалъ положеніе, что „способъ дѣйствія не имѣетъ вліянія на юридическую конструкцію преступленія“. Хотя тогда онъ допускалъ отсюда и исключеніе, замѣчая (стр. 271) что въ нѣкоторыхъ случаяхъ способъ дѣйствія служитъ основаніемъ разграниченія неправды уголовной отъ неправды гражданской, „является существеннымъ условіемъ самого бытія преступленія“, но это исключеніе въ его глазахъ, только подкрѣпляло силу общаго правила. На немъ онъ твердо стоитъ и въ новѣйшемъ своемъ изслѣдованіи.

Посмотримъ же, куда автора привелъ этотъ избранный имъ малекъ.

„Для подстрекательства—говорит онъ (стр. 64)—необходимо только доказательство вовлеченія въ преступленіе, но безразлично, какими путями и средствами совершилось это вовлеченіе. Все ученіе о средствахъ подстрекательства авторъ относитъ къ казуистическимъ тонкостямъ схоластики, и находитъ, что всякое дѣйствіе или бездѣйствіе, которымъ другое лицо было вовлечено въ преступленіе, отвѣчаетъ понятію наказуемаго подстрекательства. Разрѣшеніе вопроса, было или нѣтъ данное дѣяніе подстрекательствомъ, должно зависѣть не отъ способствъ дѣятельности, а единственно отъ существованія или отсутствія въ данномъ случаѣ причинной связи. Обыкновенно оно является въ простѣйшей формѣ прямого направленія воли совершившаго, но оно возможно и подъ видомъ склоненія къ противоположному, запрета того дѣйствія, котораго совершеніе виѣняется исполнителю. Развивая это положеніе, авторъ идетъ такъ далеко, что признаетъ наказуемое подстрекательство и въ тѣхъ случаяхъ, когда склоненіе къ противоположному, запрещеніе преступнаго дѣйствія, вызвало его благодаря упрямому, самолюбивому, самодурному характеру подговариваемаго, для котораго чей либо совѣтъ всегда являлся основаніемъ совершенно противоположной дѣятельности. Въ выносѣхъ (278) поясняется, что здѣсь авторъ имѣетъ въ виду типы Островскаго изъ темнаго царства.

Далѣе этого распространять дѣйствіе уголовного правосудія едва-ли возможно. Самые характерные типы самодуровъ Островскаго—Большовъ („Свои люди сочтемся“), Торповъ („Бѣдность не порокъ“), Брусковъ („Въ чужомъ иру похмѣлье“) и наиболѣе изъ нихъ симпатичный Русаковъ („Не въ свои сани не садись“). Большовъ становится злостнымъ банкротомъ вслѣдствіе сложнаго духовнаго процесса, первымъ моментомъ котораго было—нежеланіе разстаться съ деньгами, вторымъ—злоба на кредиторовъ вслѣдствіе отказа ихъ принять предложенную сдѣлку, третьимъ—„юридическія“ наставленія Рисположенскаго. Если прокурорскій надзоръ предположить, что кредиторы упорно отказывались отъ предложенной имъ сдѣлки вслѣдствіе зависти къ Большову и желанія видѣть его банкротомъ, то, по теоріи Таганцева, онъ воленъ привлечь всѣхъ ихъ на скамью подсудимыхъ въ качествѣ подстрекателей Большова, да кстати прибавить къ нимъ и Рисположенскаго. Торповъ, Брусковъ—матерьялъ, еще легче поддающійся дѣйствію упрямства, еще болѣе удобный для составителя обвинительныхъ актовъ. Легко видѣть, однако, что примѣненіе къ этимъ типамъ теоріи г. Таганцева означало бы возвращеніе къ навсегда, надѣмся, оставленному порядку инквизиціи, который возложилъ бы на судъ обязанность читать не во виѣшнихъ дѣйствіяхъ, а исключительно въ сердцахъ, и при которомъ никто не былъ бы обезпеченъ отъ скамьи подсудимыхъ.

Структура подстрекательства далеко не такъ проста, какъ можно заключить изъ сочиненія г. Таганцева. Авторъ строить ее на началахъ причинности; но при специальномъ изложеніи вопроса о причинной связи (вып. 2, стр. 315 и сл., 321) онъ самъ указывалъ, что при произведеніи преступнаго послѣдствія силами нѣсколькихъ лицъ связь перваго дѣйствія и результата исчезаетъ, если второе лице само отвѣчаетъ за совершенное и присоединившійся дѣйствовалъ умышленно.

Правда авторъ оговаривалъ, что иначе этотъ вопросъ ставится при соучастіи (п. 413), но тогда никакихъ этому доказательствъ не представлялъ. Онѣ должны были появиться во вновь изданномъ выпускѣ, гдѣ подобіе разрѣшенія этого вопроса мы находимъ только на стр. 74. Трудно назвать его сколько нибудь удачнымъ. Примыкая положенія свои къ теоріи законѣрности человѣческихъ дѣйствій, авторъ говоритъ: „если каждое лицо въ своей дѣятельности опредѣляется мотивами, вытекающими частью изъ собственнаго опыта, характера, привычекъ дѣйствующаго, частью изъ обстоятельствъ, окружающихъ виновнаго въ данный моментъ, то, конечно, въ числѣ послѣднихъ можетъ быть и прямое воздѣйствіе третьяго лица. Дѣйствія лица, совершенныя вслѣдствіе подговора, убѣжденій другаго, — являются *вопнмъ аналогичными* (sic) съ дѣйствіями, вызванными ощущеніями голода, жажды, а потому вмѣняются совершившему, такъ что наличность подговора не исключаетъ ответственности подговореннаго“. Что касается подговорщика, то для обоснованія ответственности его за совершенное виновникомъ преступленіе не приводится никакихъ общихъ философскихъ соображеній; говорится лишь, что отвѣтственность его вытекаетъ изъ возбужденія, вовлеченія имъ виновника на совершеніе преступленія, причемъ рассматриваются подробно признаки такого вовлеченія (пп⁰ 454, 455, 456, 457, 463, 464). Но во 1-хъ одна ссылка на теорію законѣрности ничего не разрѣшаетъ; по началамъ ея, съ равною основательностью можно утверждать, что вовлекающею въ преступленіе дѣятельностью слѣдовало-бы признать дѣятельность родителей, оставившихъ свое дитя безъ средствъ жизни, наставниковъ, не сообщившихъ ему подлежащихъ нравственныхъ правилъ, всей власти государственной, не достаточно пекущейся о благосостояніи гражданъ; во 2-хъ, если бы дѣйствія, вызываемыя подговоромъ, были воплнѣ аналогичны тѣмъ, которыя совершаются вслѣдствіе голода, жажды и т. под., то къ нимъ слѣдовало бы примѣнять и общія начала о состояніи крайней необходимости, независимо, притомъ, отъ способовъ подстрекательства; въ 3-хъ, выставивъ положеніе, что умышленная присоединяющаяся дѣятельность другаго лица уничтожаетъ причинную связь первой дѣятельности съ результатомъ, авторъ не предлагаетъ обѣщанныхъ во второмъ выпускѣ доказательствъ, что отсюда слѣдуетъ допустить исключеніе для подстрекателей, между тѣмъ само собою это не можетъ подразумеваться: міръ сознанія и желаній, на который приходится дѣйствовать подстрекателю, до такой степени сложенъ, произведенное виновникомъ послѣдствіе является результатомъ условій до такой степени разнообразныхъ, и вліяніе подстрекателя до такой степени переплетается здѣсь съ индивидуальными импульсами физическаго виновника, что въ интересахъ научныхъ было-бы желательно болѣе тщательная разработка вопроса о причинной связи подстрекательства съ совершившимся преступленіемъ.

Мы привели положеніе г. Таганцева, согласно которому всякое вовлеченіе въ преступленіе, какими бы способами оно произведено ни было, относится къ наказуемому подстрекательству. Однако самъ авторъ

не могъ съ полною послѣдовательностью выдержать это начало. Отступленія отъ него мы видимъ въ слѣдующемъ.

Изъ показуемаго подстрекательства онъ выдѣляетъ возбужденіе къ преступленіямъ путемъ печати или публично произнесенныхъ рѣчей (стр. 67 и сл.). Правда, въ основаніе такого выдѣленія, приводится тотъ аргументъ, что для подстрекательства необходимо возбужденіе „къ данному опредѣленному преступленію, а не къ преступнымъ идеямъ и планамъ вообще“, но, во 1-хъ слово, обращаемое къ неопредѣленному множеству лицъ, можетъ быть направлено къ возбужденію цѣлаго ряда преступленій, можетъ дѣйствительно вызвать этотъ результатъ, и все таки не становится подстрекательствомъ; 2) если путемъ устного слова допускается подстрекательство даже въ формѣ непрямого возбужденія или замаскированнаго возраженія (стр. 81 и 82), то совершенно не понятно почему авторъ, соглашаясь съ бельгійскимъ криминалистомъ Гаусомъ, утверждаетъ, что не прямое возбужденіе путемъ печати не есть подстрекательство. Очевидно, спорить противъ этого безпорнаго въ современной юриспруденціи положенія авторъ не могъ; но не менѣе ясно, что оно стоитъ въ рѣдкомъ противорѣчьи съ его теоріей.

Далѣе, авторъ былъ также вынужденъ выдѣлнить изъ подстрекательства безмолвное порученіе (стр. 79) и тѣ случаи, когда преступленіе совершается по истеченіи весьма значительнаго промежутка времени послѣ подговора. „Нельзя, говоритъ онъ, считать подстрекателемъ лицо, нѣсколько лѣтъ тому назадъ склонявшее другого къ преступленію и уже, можетъ быть, даже забывшее о своемъ подговорѣ“, и прибавляетъ: „судья долженъ тщательно рассмотреть, существовала-ли причинная связь въ данномъ случаѣ, между подговоромъ и совершеннымъ преступленіемъ“. Намъ кажется, что между этими двумя положеніями существуетъ непримиримое противорѣчіе. Если и здѣсь разрѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону зависить отъ усмотрѣнія суда, то незачѣмъ было говорить о немъ особо. Выдѣляя его и отводя ему самостоятельное мѣсто, авторъ, очевидно, сказалъ, что не всякое возбужденіе къ совершенію преступленія должно быть относительно къ подстрекательству, а только, удовлетворяющее извѣстнымъ условіямъ, — и именно, какъ видно изъ приведеннаго случая, между прочимъ условію *внѣшней распознаваемости* связи вовлеченія съ совершившимся преступленіемъ. А если такъ, то, въ свою очередь, *способъ* вовлеченія, какъ одинъ изъ весьма важныхъ признаковъ внѣшней распознаваемости, тѣмъ самымъ является необходимымъ признакомъ наказуемаго подговора.

Авторъ, какъ уже замѣчено, выступаетъ противникомъ всякихъ разграниченій соучастія въ тѣсномъ смыслѣ *по наказуемости*. Мы вполне присоединяемся къ этому очень смѣлому въ нашей литературѣ положенію, хотя бы, потому уже, что новый судъ нуждается и въ новой конструкціи уголовно-юридическихъ нормъ.

Равнымъ образомъ мы съ удовольствіемъ привѣтствуемъ ту прекрасную разработку ученія о прикосновенности, съ постановкою его на совершенно новую почву, которая дана г. Таганцевымъ. Въ этой части

труда наиболее цѣнны критическія замѣчанія автора относительно дѣйствующаго законодательства.

Дм. Тальберга; Насильственное похищеніе имущества по русскому праву (разбой и грабежъ). С.-Петербургъ, 1880 г.

Имя молодого автора этого труда появляется въ нашей печати уже не въ первый разъ. Оно встрѣчалось на страницахъ „киевскихъ университетскихъ извѣстій“, московскаго „юридическаго вѣстника“, „Русской старины“ и „Вѣстника Европы“, гдѣ въ прошломъ году г. Тальбергъ помѣстилъ дѣльную работу относительно нашей сахалинской ссылки.

Но всѣ предшествующія работы г. Тальберга посвящались пенитенциарному вопросу и были журнальными статьями. Теперь авторъ впервые выступаетъ съ подробною монографіею историко-догматическаго свойства, которая, какъ намъ извѣстно, составляетъ его магистерскую диссертацию.

Этотъ родъ сочиненій поставленъ въ совершенно особое, исключительное положеніе. Онѣ вынуждены сообразоваться не только и даже не столько съ потребностями читателей, сколько съ требованіями даннаго факультета, мало того — спеціалиста по извѣстному предмету въ данномъ факультетѣ. На магистерскихъ диссертацияхъ лежитъ обыкновенно печать двухъ лицъ: автора и профессора, подъ руководствомъ котораго онъ работаетъ, который иногда (какъ бываетъ въ иныхъ университетахъ) диктуетъ самую тему. Задача книги свободной — развить определенную мысль; ближайшая задача диссертациі магистерской — обнаружить приобрѣтенныя знанія. Такъ, по крайней мѣрѣ, ставится вопросъ практически и такъ онъ будетъ постоянно ставиться, пока существуетъ система этихъ срочныхъ работъ, выполняемыхъ торопливо и, обыкновенно, при мало благоприятныхъ условіяхъ.

Трудъ г. Тальберга свидѣтельствуетъ, что авторъ, стоявшій подъ руководствомъ такого солиднаго ментора, какъ профессоръ Кистяковский, успѣлъ приобрѣсти весьма основательныя познанія въ области уголовного права и вышелъ съ честью въ такомъ новомъ для него родѣ труда, какъ историко-догматическое изслѣдованіе. Сочиненіе автора носитъ по преимуществу характеръ исторической разработки, рисующей автора весьма начитаннымъ, внимательнымъ и добросовѣстнымъ труженникомъ. Въ первыхъ пяти главахъ своего сочиненія, онъ излагаетъ исторію русскаго и литовскаго законодательства о насильственномъ похищеніи чужаго имущества, ставя ее мѣстами въ связь съ данными исторіи народовъ западно-европейскихъ. При изложеніи историческомъ, авторъ идетъ обыкновенно въ первымъ источникамъ, не довольствуясь пособіями. Шестая и послѣдняя глава посвящена догматическому анализу дѣйствующаго законодательства; очевидно, на разработку ея у автора не хватило времени, почему здѣсь попадаются мѣстами шероховатости и недосмотры. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ приѣмовъ этого рода — отождествленіе предмета преступленія въ разбой и грабежъ (стр.

126 и сл.), между тѣмъ какъ ст. 1627 и 1637 улож. о наказ. не даютъ на это права.

Впрочемъ, встрѣчающіеся въ книгѣ г. Тальберга недосмотры находятъ себѣ достаточное объясненіе въ срочномъ характерѣ диссертаций. Тоже обстоятельство, очевидно, вызвало и малоразвитость, — сухость слога, которая скрадываетъ огромный трудъ, положенный авторомъ, вредитъ книгѣ въ глазахъ читающей массы, и которой мы не встрѣчали въ прежнихъ произведеніяхъ г. Тальберга. Но несмотря на это, новое его сочиненіе представляетъ собою весьма пріятное явленіе въ нашей уголовно-юридической литературѣ, какъ первая попытка строго-научнаго изслѣдованія весьма важной области имущественныхъ преступленій. Авторъ съ полнымъ правомъ приобрѣлъ ученую степень и общаетъ стать однимъ изъ полезныхъ дѣятелей въ рядахъ русскихъ криминалистовъ.

Н. Д. Сергѣевского, О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ.
Ярославль, 1880 г.

Сочиненіе г. Сергѣевского также принадлежитъ къ области диссертаций, но оно является представителемъ другого типа, чѣмъ трудъ г. Тальберга: послѣдній имѣетъ своимъ предметомъ разработку положительнаго матерьяла въ его историческомъ развитіи, первое есть изслѣдованіе по отвлеченному вопросу о значеніи причинной связи, на основаніи главнымъ образомъ германской доктрины.

Г. Сергѣевскій обратилъ на себя вниманіе читающихъ юристовъ вступительною по уголовному праву лекціею, которая была помѣщена въ „Журн. гражд. и угол. пр.“ Ясность слога и мысли, живое и теплое отношеніе къ предмету, воня струны, мастерски затронуты лекторомъ пріятно поразили читателей и, по всей вѣроятности, еще болѣе слушателей его устной рѣчи. По лекціи этой можно было судить, что г. Сергѣевскій обладаетъ позитивнымъ складомъ ума и съ наибольшимъ успѣхомъ общаетъ работать въ направленіи историческомъ и сравнительно — догматическомъ.

Вышедшее въ свѣтъ сочиненіе его, къ сожалѣнію, принадлежитъ совершенно къ другому типу, что отнюдь не послужило въ пользу автора.

Прежде всего является вопросъ: существуетъ-ли особое понятіе причинной связи въ смыслѣ уголовно-юридическомъ, — такъ какъ только при утвердительномъ на него отвѣтѣ можно объяснить попытку, и притомъ первую попытку начинающаго автора, разъяснить его на основаніи наличнаго запаса *уголовно-юридическихъ* познаній.

Авторъ, понятно, долженъ былъ дать на этотъ вопросъ отвѣтъ утвердительный. „Констатированіе причинной связи между явленіемъ и дѣйствіями человека есть необходимый предварительный актъ при разрѣшеніи вопроса о *вмѣненіи* этого явленія этому лицу“. Отсюда выводится, что „теорія права (?) должна выработать такую формулу, посредствомъ которой можно было бы опредѣлить наличность между дѣйствіемъ и послѣдствіемъ необходимой для *вмѣненія* связи“ (стр. 15). Если же вопросъ ставится о *вмѣненіи* уголовно-юридическомъ, то, по мнѣнію автора, должна

быть рѣчь и о причинной связи въ томъ же уголовно-юридическомъ смыслѣ (стр. 73, 86).

Но такое расчлененіе понятія причинной связи на значительное число „смыслов“ или видовъ только запутываетъ дѣло. Понятіе причинной связи вовсе не относится ни къ области понятій юридическихъ вообще, ни уголовно-юридическихъ въ частности, и изъ того, что криминалистъ долженъ опираться на него, настолько же вытекаетъ необходимость или даже возможность разработки его по уголовно-юридическимъ приемамъ и на основаніи уголовно-юридическаго запаса знаній, какъ еслибы кто сталъ утверждать, что уголовное право должно заняться ученіемъ о происхожденіи идей, такъ какъ въ немъ лежитъ разрѣшеніе уголовно-юридическаго вопроса о преступномъ умыслѣ, или о народномъ благосостояніи, такъ какъ имъ условливается лѣстница наказаній и даже объемъ запрещенныхъ дѣяній, и т. под. При подобномъ приемѣ, очевидно, подъ уголовное право можно было бы подвести всѣ области знанія, до физики и химіи включительно.

Огромный вредъ такого приема понятенъ. Съ особенною энергіею нужно возставать противъ предвозвѣстниковъ его у насъ, такъ какъ, въ виду бѣдности нашей литературы, мы должны поправлять всѣ наши силы на настоятельныя нужды юриспруденціи, не растрачивая ихъ по сторонамъ.

Законовъ причинности есть законъ физическій. Вводя въ него элементъ свободной воли, получается возможность разсматривать его и въ системѣ этики, — но не дальше: право беретъ это понятіе готовымъ, основывается на немъ, прилагаетъ его къ юридическимъ явленіямъ, но не можетъ, не должно разрабатывать его, такъ какъ въ правовомъ матеріалѣ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для его разрѣшенія. Взвѣсивъ за него, юриспруденція можетъ лишь замѣнить его метафизическими приемами, унаслѣдованными ею въ такомъ обидѣи отъ прежняго времени, да и теперь еще благополучно разрабатываемыми на ея нивахъ.

Сочиненіе г. Сергѣевского, всѣмъ своимъ содержаніемъ, подтверждаетъ эту мысль.

Авторъ говоритъ, что ему нужна разработка вопроса о причинной связи для полученія формулы виѣненія. Но о какомъ виѣненіи ведетъ онъ свою рѣчь (стр. 15, 18; 73, 86, 93 и мн. др.)? Хотя въ формулѣ, предложенной на стр. 86, говорится о виѣненіи „въ смыслѣ уголовного права“, но всѣ указанные здѣсь признаки одинаково приложимы какъ къ родовому обще-этическому понятію виѣненія, такъ и къ видовымъ его подраздѣленіямъ. „Дѣйствія человека, говоритъ онъ, бываютъ причиной въ смыслѣ уголовного права (вѣриѣ — этики) тогда, когда они служатъ однимъ изъ условій явленія и когда, при этомъ, они совершаются съ предвидѣніемъ или съ возможностью предвидѣнія этого явленія какъ послѣдствія; всякое послѣдствіе, стоящее за предѣлами возможности предвидѣнія, представляется для уголовного права (но тоже — и для этики вообще) стоящимъ и за предѣлами причинной цѣпи; силы присоединяющіяся не прерываютъ причинной связи, если онѣ нѣбютъ значеніе силъ, совпадающихъ или если онѣ могли быть и дѣйствительно были предусмотрѣны дѣятелемъ; преступная дѣятельность другою лицъ, являющагося въ качествѣ соединяющей силы, не прерываетъ причинной связи только тогда,

когда первоначальный действующий имѣлъ относительно присоединенія ея спеціальныя указанія; сложеніе въ развитіи послѣдствія, т. е. большее или меньшее количество присоединяющихся силъ, а равно и размѣръ времени, протекшаго между дѣйствіемъ и возникновеніемъ послѣдствія, не имѣютъ сами по себѣ никакого значенія. „Только тѣ строки, которыя напечатаны курсивомъ, имѣютъ спеціальное приложеніе къ уголовному праву, хотя и здѣсь слова „преступная дѣятельность“ могли бы съ удобствомъ быть замѣнены выраженіемъ „вынуждаемая дѣятельность“. Но именно онѣ и стоятъ въ самой рѣзкой дисгармоніи со всею системою автора. Допуская, въ видѣ общаго правила, наличность причинной связи не только при дѣйствительности, но даже и при возможности предвидѣнія послѣдствія, авторъ только для этого спеціальнаго случая дѣлаетъ исключеніе, требуя здѣсь дѣйствительное знаніе и не довольствуясь его возможностью. Съ существомъ отвѣта мы совершенно согласны, — но указываемъ на противорѣчіе его съ другими положеніями и на шаткость аргументовъ, которые приводитъ г. Сергѣевскій на стр. 78 — 79. Съ его точки зрѣнія, было бы послѣдовательнѣе и здѣсь дать просторъ судейскому усмотрѣнію и не вводить лишней фикціи въ область уголовного правосудія.

Мы согласны съ существомъ предложеннаго г. Сергѣевскимъ рѣшенія на томъ основаніи, что находимъ его необходимою уступкою практическимъ потребностямъ юридической жизни, для которой внѣшняя распознаваемость причинной связи имѣетъ огромное значеніе. Было бы опасно для личной свободы, если бы на скамью подсудимыхъ привлекались лица за присоединившуюся и отвѣтственную передъ закономъ дѣятельность другихъ безъ твердаго внѣшняго признака, доказывающаго, что они именно расчитывали на такое присоединеніе, т. е. знали о будущей ихъ дѣятельности, дѣйствовали по соглашенію съ ними. Но этого признака авторъ не принимаетъ и горячо возстаетъ противъ представителей теоріи способа дѣйствія какъ одного изъ необходимыхъ элементовъ состава преступленія. Я не буду входить здѣсь въ разборъ доводовъ автора; замѣчу только, что авторъ не привыкъ еще точно читать юридическія книги: такъ напр. мое мнѣніе имъ совершенно искажено, несмотря на недавнее весьма точное воспроизведеніе его г. Таганцевымъ во второмъ выпускѣ его курса, хотя и вышедшемъ въ свѣтъ раньше сочиненія г. Сергѣевского, но, кажется, не вполне имъ прочитаннымъ.

Трудъ г. Сергѣевского состоитъ изъ двухъ выпусковъ, первый посвященъ догмѣ ученія о причинной связи и приложенію его къ нѣкоторымъ преступленіямъ, второй излагаетъ теоріи криминалистовъ по этому вопросу въ связи съ критическимъ ихъ разборомъ. Законодательнаго матерьяла и судебной практики авторъ не коснулся.

Будемъ надѣяться, что слѣдующій выборъ тѣмъ г. Сергѣевскимъ будетъ удачнѣе, и что авторъ посвятитъ свой трудъ насущнымъ вопросамъ русской юриспруденціи, которая настоятельно нуждается въ такихъ талантливыхъ и энергичныхъ труженикахъ, какъ г. Сергѣевскій.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО.

Кр. Малышева, Курсъ общаго гражданскаго права Россіи. Особое приложеніе. Гражданскіе законы и обычное право Россіи. Томъ I. Спб. 1880.

Это—самая капитальная юридическая работа нашего времени, которая была бы по плечу дѣлой обширной комисіи, но которая задумана и исполняется силами одного лица, на его рискъ и страхъ. Предпринята она въ самыхъ скромныхъ видахъ университетскаго преподаванія. Читая гражданское право въ здѣшнемъ университетѣ, г. Малышевъ встрѣтился съ затрудненіемъ, состоящимъ въ томъ, что у насъ примѣняется, какъ право дѣйствующее, самый разнообразный положительный матеріалъ, который не только не сведенъ къ одному мѣсту, но даже не весь изложенъ на русскомъ языкѣ. Поэтому, въ видѣ приложенія къ курсу, онъ нашелъ нужнымъ дать сводъ всего наличнаго по гражданскому праву матеріала, изложивъ его на общедоступномъ для слушателей языкѣ русскою. Но, помимо этой скромной дѣли, изданіе г. Малышева ведется до такой степени тщательно, что оно пригодится не для однихъ только студентовъ, а должно сдѣлаться настояною книгою всякаго, сколько нибудь образованнаго русскаго юриста.

Огромность труда, предпринятаго и совершеннаго авторомъ, поразительно. Въ первомъ томѣ изложены общія положенія по гражданскому праву и право семейственное. При этомъ сведены въ одну общую систему своды законовъ общій и остзейскій, гражданское уложеніе и законы о брачномъ союзѣ въ царствѣ польскомъ, финляндское уложеніе съ дополнителными къ нему узаконеніями шведскаго и русскаго правительствъ, бессарабскіе источники—шестикнижіе Арменопуло и собраніе законовъ Донича, законы еврейскіе и мусульманскіе и разные матеріалы общаго права и судебной практики. Законы финляндскіе г. Малышевъ перевелъ съ нѣсколькихъ сличенныхъ имъ изданій на шведскомъ и частью на нѣмецкомъ языкѣ. Ему же привелось перевести шестикнижіе Арменопуло по греко-латинскому изданію Геймбаха. Еврейское право скомбинировано по библіи и по французскимъ и нѣмецкимъ переводамъ еврейскихъ источниковъ. Коранъ и шеріатъ (проф. Казембека), англійскаго (Родвела) и французскаго (Казимірскаго). Законы монголо-камыцкіе взяты изъ изданія проф. Леонтовича, и т. д.

Всѣ эти разнообразные источники авторъ сводитъ подъ общимъ заглавіемъ „Гражданскіе законы и обычное право Россіи“. Хотя въ правильности такого названія весьма позволительно усомниться, такъ какъ положенія права, выработанныя до появленія русскаго государства (напр. права еврейскаго, магометанскаго), трудно назвать правомъ Россіи и самъ авторъ замѣчаетъ: „всѣ эти старинные племенные законы и обычаи должны быть строго различаемы отъ дѣйствующаго нынѣ законодательства; они принадлежатъ къ области исторіи и этнографіи, а не къ судебной практической системѣ права“ (стр. XXVII); хотя по той же причинѣ можно усомниться въ цѣлесообразности принятой авторомъ системы ра-

сложения всего поднятого имъ, чрезвычайно пестраго по своему содержанию и значенію, матерьяла въ одной общей системѣ хотя въ такомъ обширномъ трудѣ неизбежно окажутся нѣкоторыя неточности перевода или изложения; тѣмъ не менѣе трудъ г. Малышева есть трудъ гигантскій. Онъ не можетъ пройти незамѣтно и долженъ обратить на себя всеобщее вниманіе.

И. Фойницкій.

(Профессоръ Имп. С.-Петербургскаго Университета).

ИСТОРИЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА.

Новыя изслѣдованія о Боярской Думѣ.

Н. П. Загоскинъ. Исторія права Московскаго Государства: Т. II. Центральное управленіе Московскаго Государства. Вып. I. Дума боярская. Казань, 1879 г.

Ключевскій. Боярская Дума древней Руси. Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества (Русская Мысль 1880 г., январь, мартъ, апрѣль; сочиненіе продолжающееся).

Передъ нами два сочиненія по исторіи одного и того же учрежденія древней Руси, очень мало изслѣдованнаго, но тѣмъ не менѣе давно обезславленнаго и поруганнаго (чѣмъ отчасти и объясняется долгое отсутствіе спеціальныхъ изслѣдованій о немъ). Земскіе Соборы имѣютъ уже цѣлую значительную литературу; о Боярской Думѣ не было ни одной статьи, ей собственно посвященной, до одновременнаго появленія двухъ названныхъ сочиненій.

Изъ нихъ одно вышло изъ рукъ историка, другое — юриста. Вслѣдствіе этого, каждое изъ нихъ отличается соответствующими достоинствами и недостатками. Сочиненіе г. Загоскина имѣетъ въ виду Думу, какъ учрежденіе, почти въ покойномъ, неподвижномъ состояніи ея, безъ историческаго движенія. Говоримъ „почти“, потому что историческая часть, хотя весьма слабая, есть и у г. Загоскина. Г. Ключевскій, напротивъ, желаетъ разсматривать Думу какъ *явленіе* въ связи со всѣмъ ходомъ государственной исторіи Россіи. Мы имѣемъ пока только часть этого сочиненія, но и на ней отразились всѣ существенные недостатки избраннаго имъ метода. Мы и будемъ разсматривать появившуюся часть сочиненія г. Ключевского не столько по его результатамъ (которые еще не ясны); сколько по приемамъ изслѣдованія.

I.

Приемы изслѣдованія.

Результаты историческаго изученія нашего отечества и его государственныхъ формъ, до такой степени еще малы, что изслѣдователь, взявшійся за одинъ предметъ, видитъ вокругъ себя массу другихъ, сосѣд-

ственных или вовсе неразрешенных или неудовлетворительно разрешенных. Очевидно это еще не большая беда; этот количественный недостаток науки есть лишь дело времени. Следует только желать, чтобы каждый, взявшийся за известный вопрос сосредоточил на нем все свое внимание. Нетъ сомнѣнія, что при такомъ частичномъ, но внимательномъ изученіи историческихъ судебъ нашего государства, быстро подвинулось бы изученіе ихъ въ цѣломъ. По этому мы искренно порадовались, что совсѣмъ забытый вопросъ о Боярской Думѣ сдѣлался предметомъ сразу двухъ монографій. Но для успѣховъ дѣла совершенно неизбѣжно постоянно имѣть въ виду только что высказанный элементарный принципъ методологии, т. е. полное сосредоточеніе вниманія на избранномъ предметѣ. Если же авторъ увлечется желаніемъ, заговоривъ объ одномъ, разрешить всѣ сопряженные, а иногда и совсѣмъ сторонніе вопросы, то успѣха ждать нельзя. Это—уже не количественный, а качественный порокъ въ наукѣ, органический порокъ въ приемахъ изслѣдованія, парализующій самыя хорошія намѣренія, самыя богатые силы и средства, какими владѣлъ бы изслѣдователь.

Нужно замѣтить, что въ историческомъ изученіи нашей государственности, историки—юристы преимущественно избѣгали этого недостатка. По самому требованію своей специальности, они признаны были къ болѣе точному различенію границъ предметовъ и распредѣленію явленій между ними. Благодаря ихъ усиліямъ, грубая масса пестрыхъ явленій сводилась къ одному порядку и изъ него въ нашемъ сознаніи возникло *учрежденіе* съ опредѣленнымъ составомъ и правами. Сопремся на одинъ примѣръ. До недавнихъ изслѣдованій юристовъ о вѣчѣ, исторія знала о сборищахъ народа въ разныхъ случаяхъ и въ разныхъ мѣстахъ, не признавая въ нихъ не только характера учрежденія съ политической властію, но и вообще характера правомѣрнаго явленія (кроме Новгорода и Пскова, однако и здѣсь, именно благодаря вѣчу, все государственное устройство признавалось аномальнымъ). Теперь почти всѣ убѣждены, что во всѣхъ старшихъ городахъ древней Руси вѣче было политическимъ учрежденіемъ съ властію, равную власти князя.

Нужно сознаться, что иногда историки-юристы злоупотребляли этимъ приемомъ синтеза явленій, группировки ихъ, и такъ сказать возсозданія изъ нихъ учреждений. Иногда, увлекаясь имъ, они придавали значеніе правомѣрности дѣйствительно случайнымъ фактамъ и даже проявленіямъ грубой силы. Но на вѣсахъ здравой критики, эти преувеличенія не могутъ перетянуть заслугъ ихъ наукѣ русской исторіи.

Г. Ключевскій также недоволенъ успѣхами нашихъ историческихъ знаній, но ищетъ причинъ этого совсѣмъ въ другомъ. Сказавъ, что ни одна сторона древне-русской жизни не изучалась у насъ такъ хорошо, какъ изучена, напр., администрація Московскаго Государства, онъ продолжаетъ: „этимъ мы обязаны усиліямъ людей, специально изучавшихъ русское право, особенно нѣкоторыя явленія права государственнаго. Но, можетъ быть, именно поэтому картина древняго русскаго управленія освѣщена съ одной только стороны, съ той, которую можно назвать *технической*. Механизмъ правительственныхъ учреждений былъ любимую те-

мою изысканий въ области нашей политической исторіи“ (Р. М. I, 40—41).

Отсюда по мнѣнію автора исходятъ слѣдующіе результаты: 1) „является нѣсколько лишнихъ фактовъ“; выраженіе — вовсе не объясняющее его мысли, которая состоитъ въ томъ, что историко-механикъ выдаетъ правительственныя реформы учрежденій за дѣйствительныя успѣхи общества. Авторъ во взглядѣ на учрежденія очевидно стоитъ на точкѣ зрѣнія реформированной Россіи; въ древней Руси „бумажныхъ“ учрежденій не было, а реформы учрежденій были дѣйствительно новыми ступенями общественной жизни. Замѣчаніе г. Ключевскаго направляется въпрочемъ преимущественно противъ тѣхъ, кто полагаетъ, что при Петрѣ русское общество „совлекло съ себя свою ветхую одежду“, т. е. „обетшавшіи государственный порядок“¹⁾ т. е. онъ не согласенъ съ тѣми, которые полагаютъ, что петровскія реформы государственныхъ учрежденій обновили самое общество. Но такихъ идолопоклонниковъ Петра, называвшихъ его богомъ-творцомъ Россіи, было мало; прочіе его поклонники говорили о дѣйствительномъ обновленіи государственнаго порядка; о преобразованномъ обществѣ XVIII и даже XIX в. молчали, или говорили неслестныя вещи.—Однако причѣмъ тутъ историко-юристы, или иначе, „историко-механики?“ 2) „Механическое“ изученіе учрежденій, по мнѣнію автора, ведетъ къ неумѣнью оцѣнить надлежащимъ образомъ относительное достоинство учрежденій разныхъ эпохъ; напр. московская приказная администрація ставится очень низко по сравненію ея съ администраціею XVIII в., между тѣмъ какъ г. Ключевскій не находитъ въ послѣдней (даже Екатерининской) никакихъ преимуществъ.

3) Третье обвиненіе, вводимое авторомъ на „механическое“ направленіе въ наукѣ, совсѣмъ непонятно; оно касается уже не исторіи учрежденій, а политической судьбы самаго государства; именно авторъ обвиняетъ историковъ въ неумѣнью точно опредѣлить начало и конецъ Московскаго Государства. Заговоривъ о началѣ государства, онъ взялъ у кого-то изъ историковъ-юристовъ (Б. Н. Чичерина?) формулу такого рода: „Московское Государство образовалось путемъ возведенія частнаго права въ государственное, или, говоря проще, путемъ превращенія удѣльной вотчины московскихъ князей во всероссійское государство“. Упрощеніе формулы принадлежитъ, очевидно, самому г. Ключевскому; но съ такою про-

¹⁾ Однажды навсегда сбѣгаемъ замѣтку о той сторонѣ сочиненія г. Ключевскаго, которая насъ прямо не интересуетъ, но по истинѣ претягиваетъ чтенію его. Говоримъ о языкѣ, отличающемся притязаніями на художественность, но въ дѣйствительности полнымъ отсутствіемъ простоты и изящества. Вотъ какъ, напр., изложена анализируемая мысль: «Новая Россія вышла изъ преобразовательнаго горнила Петра, если не какъ античная богиня изъ морской пѣны, то по крайней мѣрѣ, какъ разслабленный изъ возмущенной воды Иерусалимской Висезды... Достаточно ли внимательно мы въ своей исторической діагнозѣ, приписывая такую скоропостижную смерть нашимъ старымъ государственнымъ учрежденіямъ» (ibid. 45). Въ одной фразѣ, съ удивительнымъ недостаткомъ вкуса и такта, насыпаны образцы, взятые изъ кузнечнаго мастерства, классической мифологіи, библейскихъ преданій и медицинскихъ книгъ. Истинно бываетъ досадно, когда встрѣчаемъ иногда симпатическую мысль, облеченную въ такую пышную одежду, неструю до комизма.

стотою едва ли бы помирился неизвестный творец формулы. Однако и въ этомъ упрощенномъ видѣ взятая формула не нравится г. Ключевскому; онъ порицаетъ ея „узкость“ (но кто же такъ съузилъ, какъ не онъ самъ!). Затѣмъ онъ приступаетъ къ разбиванію этой формулы, въ выраженіяхъ, весьма не простыхъ, напротивъ — крайне мудреныхъ. „Въ указанной діалектической (?) схемѣ, говоритъ онъ, собственно выражается смѣна началъ (?), развитіе *идеи государства*, точнѣе — идеи государственной власти, а не *самаго государственнаго порядка*, который при такомъ же точно ходѣ развитія государственной власти могъ выйти не такимъ, какимъ онъ вышелъ на самомъ дѣлѣ“ (стр. 44). Вотъ образчикъ „неюридическихъ“ размышленій автора. Что это за самый *государственный порядокъ*, отдѣленный отъ *государства* и *государственной власти*?

Мы предпочтемъ ужъ лучше „діалектическую схему“ даже въ ея упрощенномъ видѣ.

Вотъ пункты обвиненія противъ историковъ-механиковъ, или что то же, — историковъ-юристовъ. Всѣ они вытекаютъ изъ одного главнаго обвиненія въ односторонности. „Историческое изученіе техники правительственныхъ учрежденій, продолжаетъ г. Ключевскій, далеко не обнимаетъ всей исторіи этихъ учрежденій“. — Истина непререкаемая: описаніе одного состава учреждений отнюдь не есть полное историческое описаніе ихъ. Чего же именно не достаетъ? Мы сказали бы, что не достаетъ еще описанія функций ихъ (отправленій), гдѣ онѣ и сопринасаются съ цѣлою жизнію общества. Но г. Ключевскій говоритъ не такъ; по его словамъ „историки-технологи забываютъ о *соціальному составу управленія*“ (!).

Что бы могло подразумеваться подъ этою большою странностью? По своей обыкновенной манерѣ, г. Ключевскій не даетъ ясныхъ опредѣленій, а прибѣгаетъ для объясненія къ длинному и туманному примѣру. Просимъ извиненія у читателя, что мы принуждены познакомить его съ этимъ удивительнымъ примѣромъ. Онъ беретъ изъ исторіи русскаго областного управленія, очеркъ котораго построенъ г. Ключевскимъ на слѣдующемъ принципѣ: чѣмъ болѣе усиливалось провинціальное самоуправленіе, тѣмъ болѣе усиливалась административная централизація. Иной подумаетъ, что мы шутимъ. Вотъ напр. мѣсто объ администраціи въ удѣльномъ княжествѣ (какого времени?): „Административная дѣятельность (намѣстниковъ и волостелей) находится въ очень *слабой связи съ центральнымъ княжескимъ управленіемъ*....; они служилые люди князя и дѣйствуютъ *по назначенію и полномочію*, полученному отъ *центрального* правительства“.

Но читатель видитъ тутъ только образецъ противорѣчія и принужденъ выбирать любое. — Затѣмъ дальнѣйшимъ образцамъ зависимости успѣховъ централизаціи отъ успѣховъ самоуправления, авторъ считаетъ искаженіе земскихъ учреждений въ XVII в., чрезъ возложеніе на нихъ приказныхъ обязанностей, чрезъ обращеніе дѣятельности земства въ повинность. Но это называется не самоуправленіемъ, а отрицаніемъ самоуправления. Все это крайне неясное совершенно затемнено слѣдующею общою фразою: „органами децентрализаціи являются люди, которые были представителями центральной власти“ (ibid. стр. 47). Иной подумаетъ, что г. Ключевскій отыскалъ какой-нибудь чиновничій сепаратизмъ въ XV в.!

Познакомившись съ этимъ примѣромъ надеждащей, а не механической

исторіи учреждений, читатель всетаки остается въ недоумѣніи: что же такое „соціальный составъ управленія“?

„Итакъ“, заключаетъ авторъ, въ исторіи нашихъ древнихъ учреждений остаются въ тѣни общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и „черезъ нихъ дѣйствовали“. Хотя это „итакъ“ явилось совершенно неожиданно, хотя изъ представленнаго очерка областного управленія отнюдь не видно было никакихъ „общественныхъ классовъ и интересовъ“; но мы рады, что выбрались наконецъ на „относительно“ ясную дорогу.

Итакъ надлежащая (а не техническая) исторія учреждений должна идти объ руку съ исторіею классовъ (и сословій). Итакъ въ этой простой мысли разгадка всѣхъ предварительныхъ туманныхъ намековъ. — Но во-первыхъ, кого же изъ историковъ или историковъ-юристовъ можно упрекнуть въ незнаніи или непризнаніи такой элементарной мысли? Развѣ неизвѣстно г. Ключевскому, что одно изъ важнѣйшихъ сочиненій по исторіи московской областной администраціи, именно сочиненіе А. Д. Градовскаго все построено на этой мысли и содержитъ въ себѣ вмѣстѣ съ исторіею мѣстнаго управленія довольно полную исторію классовъ Московскаго государства? Неужели незнакомы ему труды И. И. Дитятина по исторіи городского управленія, которые въ то же время заключаютъ въ себѣ и исторію городского сословія? — Во-вторыхъ, историческія знанія, подѣ руками историковъ-юристовъ, какъ сказано, стали приближаться уже къ нѣкоторой точности и раздѣльности понятій, безъ которыхъ всякая наука должна превращаться въ хаосъ. Сторонніе, но близкіе вопросы могутъ быть лишь затронуты и уяснены по скольку это необходимо для главнаго предмета. Никто не долженъ выдавать смѣшенія разныхъ предметовъ (что служить признакомъ несовершенства науки) за новое направленіе науки, за открытіе. Поэтому мы сказали, что исторія учреждений должна идти объ руку съ исторіею классовъ, а не сливаться съ нею.

Вопросъ о Воярской Думѣ, конечно, очень тѣсно связанъ съ вопросомъ о классахъ (или сословіяхъ) древне-русскихъ; пожалуй, мы не стали бы порицать автора за невольное смѣшеніе разныхъ предметовъ въ его трудѣ (подъ условіемъ признавать это за неизбежное зло). Но въ дальнѣйшемъ изложеніи дѣла г. Ключевскій перешелъ всякую мѣру въ этомъ отношеніи и представилъ самый яркій образецъ такихъ работъ, въ которыхъ основная задача расплывается и теряется въ массѣ привходящихъ предметовъ. Истиннымъ заглавіемъ первой части его сочиненія о Думѣ, должно бы быть: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“.

Авторъ желаетъ, какъ мы видѣли, ввести въ исторію учреждений не только исторію классовъ, но и исторію *интересовъ*. Хотя и это — загадка; но разгадать ее отчасти можно; повидимому онъ желалъ бы, чтобы историкъ представлялъ намъ, какія изъ учреждений вызваны были самою жизнью (а не мертвою бумагою), въ какомъ отношеніи находилась ихъ дѣятельность къ жизни и обратно. Но было уже упомянуто, что описаніе функций есть непрѣжняя часть исторіи учреждений. Историки права знаютъ и различаютъ гораздо яснѣе двѣ основныя задачи всякаго историко-юридическаго изслѣдованія: описаніе *состава* и *отправленій* учрежденія. Простая юридическая терминологія спасла бы г. Ключевскаго отъ напрас-

нихъ напряженій выразить мысли столь извѣстныя. Функціи учрежденій обнимаютъ всю жизненную сторону ихъ и не ограничиваются вѣдомствомъ ихъ по регламенту (опять напомнимъ, что древней Руси чужды регламенты). Быть можетъ онъ разумѣетъ еще что-либо подъ *интересами*, но ничего больше мы не могли извлечь изъ весьма неясныхъ страницъ его вступительной главы, которая вся состоитъ изъ такихъ страницъ.

Г. Ключевскій начинаеть изслѣдованіе о Думѣ съ древнѣйшихъ временъ. У г. Загоскина есть такая глава о Думѣ въ княжескій періодъ. Остановимся и мы, вслѣдъ за ними, на Думѣ IX — XII вѣковъ.

II.

Княжеская Дума.

О княжеской Думѣ, какъ особомъ учрежденіи, кажется, въ первый разъ заговорилъ В. И. Сергѣевичъ („Вѣче и Бязь“, стр. 359 — 362). До того времени историки говорили о *боярахъ* и обычаяхъ князей совѣщаться съ ними. Не только до появленія книги В. И. Сергѣевича, но и долго спустя, существованіе княжеской Думы многіе подвергаютъ сомнѣнію. Такъ С. А. Петровскій („О Сенатѣ“, стр. 12 — 15) положительно затрудняется причислить княжескую Думу къ одному изъ органовъ управленія, какъ это дѣлаетъ В. И. Сергѣевичъ. Гдѣ Дума (спрашиваетъ онъ), что она? Укажите на нее опредѣленно, скажите: вотъ Дума, совѣтъ такого-то князя. Нельзя. Можно только сказать, что это Дума по такому-то вопросу, по такому-то предложенію князя, потому что можетъ быть, въ тотъ же день, по другому вопросу, князь будетъ совѣщаться съ совершенно другими лицами, и будетъ совершенно *въ правъ*; выгодно ли это будетъ ему, или нѣтъ, это другой вопросъ, и вопросъ, совершенно *личный*, касающійся только самаго князя....¹⁾

Нужно сознаться, что отчасти самъ В. И. Сергѣевичъ подалъ поводъ къ сомнѣніямъ на счетъ существованія княжеской Думы. Онъ смотритъ на Думу, какъ на органъ центрального *управленія*²⁾. Сверхъ того Дума, по его словамъ, не имѣетъ постоянного состава: „особаго званія (говоритъ онъ) совѣтниковъ князя, въ которое возводились бы служилые люди, входившіе въ составъ Думы, не было. Дума составлялась *всякій разъ вновь*, „по особому приглашенію“, хотя онъ самъ тутъ же признаетъ, что „согласно *естественному тяготѣнію силы* обыкновенными совѣтниками князя были его мужи и бояре“.

Такимъ образомъ *составъ Думы* остается неуловимымъ, а потому весьма легко придти къ мысли, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ учрежденіемъ, а съ фактическими случайными явленіями.

¹⁾ Княжеская Дума, совѣщанія князей съ дружиной просто *фактъ* и какъ бы *часто* намъ летописи не упоминали о немъ, все же эти совѣты останутся безъ всякаго юридическаго значенія, на *ряду* съ *совѣщаніями* *всѣхъ частныхъ лицъ*, чисто фактическими.

²⁾ Тогда какъ вѣче и князя считаетъ основными элементами государственнаго *устройства*.

Поэтому нечего очень удивляться, что Н. П. Загоскинъ относительно этого предмета впадаетъ въ сильныя противорѣчія: отрицаетъ возможность органовъ центрального управленія въ княжеской Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ Думу органомъ центрального управленія (подчиняясь В. И. Сергѣевичу); рассматриваетъ Думу, какъ учрежденіе, говоритъ объ ея личномъ составѣ, порядкѣ совѣщаній и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ ее такъ: „Думу княжескую составляла вся совокупность лицъ, созванныхъ княземъ для совѣщанія объ известномъ предметѣ“ (стр. 8) и дагѣ замѣчаетъ: „Личный составъ ея не носилъ твердо опредѣленнаго характера, онъ былъ *чистослучайнымъ*, завися отъ усмотрѣнія князя и степени значенія и вліянія тѣхъ или другихъ лицъ въ дружинѣ княжеской, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и сознавались известныя принципиальныя требованія относительно лицъ, долженствующихъ засѣдать въ княжеской Думѣ“ (стр. 12). Последняя половина фразы: „хотя...“ есть лишь неловкая попытка замаскировать противорѣчіе.

Итакъ есть сильныя поводы опасаться, что мы разсуждаемъ о такомъ предметѣ, существованіе котораго подлежитъ большому сомнѣнію.

Но дѣйствительно ли такъ шатокъ и неуловимъ составъ княжеской Думы? Дѣйствительно ли онъ могъ измѣняться нѣсколько ежедневно, но и ежечасно (по словамъ С. А. Петровскаго). Не думаемъ.

Въ основѣ состава Думы всѣ признаютъ *княжескихъ мужей*, или что тоже *бояръ* (последній терминъ поглотилъ собою первый около XII в.)¹⁾. Намъ нужно прежде всего донскаться, имѣлъ ли какую-нибудь опредѣленность терминъ — „бояринъ“. „Всякій ли могъ произвольно назваться этимъ именемъ, или для пріобрѣтенія его требовались какія-нибудь опредѣленныя условія? Не вдаваясь глубоко въ сферу стороннюю для вопроса, именно въ область исторіи сословнаго права, можно отвѣтить почти à priori на поставленный вопросъ такъ: нѣтъ, не всякій произвольно могъ нязя на себя титулъ боярина; надо было пріобрѣсти его или путемъ рожденія, или путемъ пожалованія, или посредствомъ назначенія на высшую должность. На счетъ рожденія источники мало даютъ матерьяла. Но они говорятъ, что Св. Владиміръ сдѣлалъ „великимъ мужемъ“ сына кожевника-побѣдителя надъ Печенѣжскимъ богатыремъ. Владиміръ Мономахъ собираетъ *тысячникъ* изъ провинцій на Думу для обсужденія законовъ, пошедшихъ въ Русскую Правду.

Повторяемъ, какія именно условія нужны были для пріобрѣтенія званія боярина, — вопросъ для насъ теперь сторонній, не подлежитъ только сомнѣнію, что эти условія были.

Такимъ образомъ одна — главная часть состава Думы становится опредѣленною, но далеко еще не опредѣляется вполне. Слѣдуетъ еще знать, какое же отношеніе между боярствомъ и членствомъ въ Думѣ! Всякій ли бояринъ былъ членомъ Думы? На это въ источникахъ есть одно характерное мѣсто: лѣтопись, рассказывая о потеряхъ, понесенныхъ русскими

¹⁾ И дѣйствительно, члены Думы всегда называются боярами или *лужами* княжескими: «бояре размоливша Гюрга... Гюргеви же послушавшю бояръ» (1150 г.). «Рѣши ему (Даніилу Галицкому) бояре его: прими Луческъ...» (1227 г.), и т. п.

въ войнѣ Половецкой, восклицаетъ: „гдѣ бояре думаютъ, гдѣ мужи храброствуютъ!“ Такимъ образомъ главная роль боярь — думать; это ихъ право и ихъ обязанность, какъ участвовать въ войнахъ право и обязанность мужей ¹⁾).

Но если это не подлежитъ сомнѣнію, то еще остается вопросомъ: было ли право боярь участвовать въ Думѣ ихъ исключительнымъ правомъ? Не могъ ли князь въ замѣнъ ихъ пригласить для совѣщанія другихъ лицъ, не боярь. Лѣтописи, дѣйствительно, сообщаютъ нѣсколько фактовъ обращенія князей за совѣтомъ не къ боярамъ; напр. Всеволодъ Ярославичъ въ 1093 г. „нача любити смыслъ унихъ, совѣтъ твора съ ними!“ Святославъ въ 1180 г. „сдумавъ съ княгинею своею и съ кочкаремъ, милостникомъ своимъ, и не повѣда мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея!...“. Оба эти случая приводитъ В. И. Сергѣевичъ, но онъ же замѣчаетъ: „такіе случаи можно разсматривать, какъ весьма рѣдкое исключеніе“. Уже одна эта количественная разница случаевъ совѣщанія князей съ боярами, и совѣщанія ихъ съ другими лицами, помимо боярь, для историка права достаточна, чтобы опредѣлить, въ какомъ рядѣ случаевъ выражается право, въ какомъ — отрицаніе его, нарушеніе. Князь могъ совѣщаться и съ другими лицами, но это не значитъ, чтобы онъ былъ „съ правъ“ такъ поступать, какъ говоритъ С. А. Петровскій. Кромѣ этого способа распознаванія обычнаго права, т. е. наблюденія надъ большинствомъ случаевъ (повтореніемъ) есть и другой: выраженіе взгляда современниковъ на правомѣрность событія. При каждомъ изъ упомянутыхъ случаевъ совѣщанія князя не съ боярами, лѣтописецъ прямо или не прямо выражаетъ осужденіе. Голосъ лѣтописца есть для насъ голосъ тогдашняго общественнаго мнѣнія.

Другихъ средствъ для распознаванія обычнаго права нѣтъ въ нашемъ распоряженіи. А другаго права кромѣ обычнаго въ то время не было; не было ни регламентовъ, ни уставовъ.

Слѣдуетъ признать, что участіе въ Думѣ есть исключительное право боярь.

Но у насъ есть рядъ другихъ лѣтописныхъ извѣстій, по которому князю приписывается нормальнымъ образомъ право совѣщанія съ дружиною. Въ началѣ исторіи это выраженіе употребляется обыкновенно, вмѣсто позднѣйшаго — „съ боярами“. Св. Владиміръ часто совѣщался съ дружиною, „о строѣи земленѣмъ, о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ.“ Владиміръ Мономахъ поучаетъ дѣтей ежедневно садиться думать съ дружиною. Измѣняется ли этимъ нашъ выводъ о боярахъ, какъ единственныхъ совѣтникахъ князя? Что разумѣется подъ словомъ „дружина“? Дружиною

¹⁾ Поэтому нельзя принять вышенаведенной мысли В. И. Сергѣевича; «особаго званія совѣтниковъ князя, въ которое возводились бы служилые люди, входившіе въ составъ Думы, не было». Это было именно — званіе боярина, въ которое возводились служилые люди. Въ началѣ московской эпохи термины: «бояринъ» и «совѣтникъ» отождествляются и употребляются одинъ вмѣстѣ другаго.

Бояре могли получать (и получали) и другія должности (судебныя и административныя), но главное значеніе ихъ — участіе въ Думѣ.

въ обширномъ смыслѣ называется всякое товарищество и шайка, иногда цѣлое войско (съ народнымъ ополченіемъ въ томъ числѣ): въ тѣсномъ смыслѣ — дворъ князя, состоявшій изъ бояръ и низшихъ слугъ, свободныхъ и несвободныхъ, наконецъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ бояре. Въ какомъ изъ этихъ значеній употребляется здѣсь слово — „дружина“?

Несомнѣнно—въ послѣднемъ. Мы уже упомянули выше, что совѣщаніе съ „юными“, т. е. младшею дружиною, т. е. низкими слугами двора, признаваемо было фактомъ ненормальнымъ. Сверхъ того, тѣ же лѣтописи, говоря объ отдѣльныхъ случаяхъ совѣщанія при тѣхъ же князьяхъ (Владимірѣ Св. и Владимірѣ Мономахѣ), говорятъ, что они совѣщались съ боярами, и такимъ образомъ сами истолковываютъ для насъ неопредѣленный терминъ „дружина“.

Итакъ составъ княжеской Думы весьма опредѣленный: въ ней участвуютъ лица, имѣющія званіе боярина. Всѣ ли они участвуютъ въ Думѣ *всякій разъ*? Вопросъ чисто фактической. Въ большинствѣ случаевъ, конечно, нѣтъ. Многие изъ бояръ находятся по провинціямъ—на посадничествахъ, въ войскахъ—на походѣ, или въ посольствахъ. Но каждый изъ нихъ, находясь при князѣ, есть его постоянный совѣтникъ. Мысль о томъ, что князь каждый разъ могъ изъ числа бояръ пригласить однихъ и не пригласить другихъ, ни на чемъ не основана; фактовъ, подтверждающихъ ее, мы не знаемъ. Да если бы они и нашлись, то означали бы актъ *наказанія* для отдѣльныхъ членовъ Думы за проступки, актъ „опалы“, какъ говорилось въ Москвѣ ¹⁾.

Въ начальную эпоху княжескаго періода, именно въ X вѣкѣ, въ составѣ Думы, лѣтописи, кромѣ бояръ, упоминаютъ еще *старцевъ* весьма часто съ прибавленіемъ „городскихъ“. Эта примѣсь въ составу Думы относится только къ X вѣку, отнюдь не характеризуетъ княжеской Думы вообще во все время ея существованія (XI, XII, XIII вв.).

Что это за старцы? И что означаетъ ихъ участіе въ Думѣ? Прежнюю литературу этотъ вопросъ, очевидно, мало интересовалъ, такъ что и теперь г. Загоскинъ заговорилъ о старцахъ городскихъ по поводу рѣчи о *старшинствѣ физическомъ*, какъ качествѣ, обуславливающей приглашеніе въ Думу (стр. 11). Но это, очевидно, большое заблужденіе. „старцы“ или „старѣйшины“ означаютъ должность; лица эти, по лѣтамъ, могли быть очень молоды.

За то г. Ключевскій обратилъ на этотъ вопросъ все свое вниманіе.

Авторъ характеризуетъ Думу княжескую въ отличіе отъ Думы царской въ Московскомъ Государствѣ и говоритъ, что по составу первая была сложнѣе второй. А именно въ первую входили и *старцы градскіе*. Вотъ классъ, „которому уже не было мѣста въ Думѣ никогда потомъ“.

¹⁾ Напротивъ, фактовъ, доказывающихъ противное, не мало. Князь созывалъ Думу не изрѣдка по особо важнымъ дѣламъ, а засѣдалъ съ нею *ежедневно* (Иоуч. Моном.). Въ житіи препод. Θεодосія разсказывается, что *вся бояре* отправлялись къ князю изъ Кіева (когда онъ находился въ загородномъ дворцѣ) ежедневно съ разсвѣтомъ солнца, и что князь, отправляясь къ Θεодосію, имѣлъ обыкновеніе распускать всѣхъ бояръ въ дома ихъ («распустише *вся бояре* въ дома своя, а токмо съ 6 или 5 отрокъ прїѣздяше къ нему»).

Однако же параллель проводится между Думою княжескаго періода вообще (IX, X, XI, XII и нач. XIII вв.) и Московскою Думою; а это отличие касается по словамъ самого автора только одного X вѣка. Что нибудь тутъ излишне; или обозначеніе отличій княжеской Думы отъ Московской, или признакъ отличія взять невѣрно.

Но возвратимся къ „старцамъ городскимъ“. Г. Ключевскій справедливо доказываетъ, что они принимаютъ дѣятельное участіе въ совѣтѣ князей (собственно только кн. Владиміра); можно согласиться и съ тѣмъ, что они суть представителя неслужилаго населенія; въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи называются старцами *людскими*; а „людинъ“, по словамъ автора, противопоставляется мужу княжескому, какъ *мужикъ барину*“ (стр. 58), что вполне невѣрно.

Кто такіе эти старцы? Самымъ обыкновеннымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ авторъ считаетъ тотъ, что это „потомки родовыхъ царьковъ или филарховъ“. О царькахъ или филархахъ не помнится, чтобы кто либо говорилъ, а считаютъ ихъ многіе просто главами родовъ — старшинами. Авторъ не соглашается съ этимъ и разрѣшенію этого вопроса посвящаетъ слѣдующія главы своего сочиненія.

Но тутъ онъ и уклоняется далеко въ сторону, именно туда, куда онъ считаетъ не только возможнымъ, но и единственно полезнымъ уклоняться въ исторіи учрежденій, т. е. въ сферу исторіи сословій. Здѣсь онъ опять специальную черту X-го только вѣка разсматриваетъ какъ особенность всей княжеской эпохи и противопоставляетъ ее порядкамъ Московскаго Государства. Утверждаетъ, что въ этомъ послѣднемъ, сословія (служилое и тяглое) были точно разграничены; что присутствіе гостя въ Боярской Думѣ показало бы тогда „возмутительнымъ извращеніемъ политическихъ понятій“ (въ доказательство указываетъ на оппозицію бояръ Федору Андронову, назначенному въ Думу изъ кожевниковъ, но умалчиваетъ о Козьмѣ Мининѣ; указываетъ на законъ 1657 года о бытіи дьячему чину выше гостинаго, но умалчиваетъ объ обратномъ рѣшеніи вопроса въ 1649 г., когда именно было приказано перепечатать листы Уложенія, чтобы помѣстить гостей выше дьяковъ).

Но пусть такъ; въ чемъ же дѣло?

Ходъ дальнѣйшей мысли таковъ. „*Мѣщанство* большихъ городовъ въ Кіевской Руси X в. политически и экономически съ одной стороны рѣзче отдѣлялось отъ сельскаго населенія, съ другой, стояло ближе къ служилому военному и правительственному классу сравнительно съ посадскими людьми Московскаго Государства“ (61), т. е. здѣсь можно различать тоже два класса, но не служилыхъ и тяглыхъ, а городскихъ и сельскихъ обывателей, включая въ первый и служилое населеніе и *мѣщанъ*. Доказательства этого находятся будто бы въ Ярославовой Правдѣ, именно въ томъ, что этотъ списокъ Правды не упоминаетъ въ своей 1-й ст. о сельскихъ жителяхъ, хотя стремится перечислить всѣ классы, — въ томъ числѣ упоминаетъ грядина и купчину¹⁾. Отсюда: Русская Правда изла-

¹⁾ Между тѣмъ изъ лѣтописи видно, что смерды тогда были, и именно въ качествѣ государственныхъ крестьянъ.

гаетъ законъ въ томъ видѣ, какъ онъ сложился въ городѣ и для города и потому на его складѣ отразилась существовавшая нѣкогда политическая обособленность городского общества отъ сельскаго. (64) Доказательства такой же обособленности города отъ села онъ думаетъ найти и въ статьяхъ Русской Правды о наследствѣ, въ которыхъ онъ отличаетъ постановленія о наследованіи *имущества городского* отъ наследованія *имущества сельскаго* (стр. 67), причемъ подъ сельскимъ имуществомъ подразумѣваетъ и землевладѣльческое (боярское) ¹⁾. По его мнѣнію двѣ статьи Р. Правды (о наследованіи дочерей въ имуществахъ бояръ и о ненаследованіи ихъ въ имущество смердовъ) возникли потому, что явилась въ селахъ боярская собственность и потребовала отличенія ея отъ смердѣй. Всѣ же прочія статьи о наследствѣ болѣе древнія, относятся къ наследованію въ прежнихъ имуществахъ.

Новое доказательство того, что городъ и село были отдѣльными другъ отъ друга политическими мірами, имѣвшими каждый свои обычаи, свое право, „законъ отецъ своихъ и преданья“ (70), онъ находитъ въ статьяхъ Рус. Пр. о *Сводѣ*, именно въ томъ, что Правда имѣетъ въ виду случай, когда сводъ выходитъ изъ города и идетъ по землямъ (селама), но не говоритъ о случаѣ обратномъ. Трудно догадаться, что отсюда слѣдуетъ. По мнѣнію автора слѣдуетъ, „особенная внимательность Правды къ быту городского населенія“; это еще возможно; но отсюда же, по его мнѣнію слѣдуетъ, что будто села „не переставали жить своею особою жизнью юридической и даже политической“. Вотъ это уже ни откуда не слѣдуетъ.

Доказавъ такимъ обр. раздѣльность городовъ отъ селъ, авторъ доказываетъ далѣе тождество или по крайней мѣрѣ близость другъ къ другу *всѣхъ городскихъ классовъ*, т. е. *торговаго и служилого населеній*. Это послѣднее аргументируется: а) рассказомъ Константина Багрянороднаго, б) договорами русскаихъ съ греками и в) языкомъ лѣтописей и актовъ. — Изъ разсказа Константина онъ справедливо заключаетъ, что князь и дружина занимались торговлею съ Византіею (кто же въ этомъ сомнѣвался?). Такова близость правящаго князя и его дружины — къ горожанамъ — торговцамъ. Въ свою очередь торговцы весьма близки къ служилымъ людямъ (73), что въ свою очередь доказывается безразличіемъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ), которое допускаютъ договоры русскихъ съ греками въ терминахъ: „Русь“ и „гость“, хотя сознается, что въ другихъ случаяхъ (въ большинствѣ числѣ ихъ) договоры „вездѣ отличаютъ гостей отъ пословъ“, говорятъ, что Русь приходитъ или съ куплею или съ собою“. Авторъ разъясняетъ эту „путаницу“ слѣдующимъ образомъ: „имя Руси, которое *начинало усваивать себѣ служилый классъ*, еще не утратило прежняго своего значенія, покрывавшаго все свободное населеніе приднѣпровскихъ городовъ“ (74). Впрочемъ близость гостей къ служилому классу доказывается и болѣе

¹⁾ Онъ находитъ даже противорѣчіе между одними рядомъ статей о наследствѣ (105—107 и 110—117) и другими (103—104 вар. сп.). Противорѣчіе усматривается въ томъ, что въ первомъ ряду статей будто бы предоставляются права о наследованіи дѣтямъ, въ томъ числѣ и дочерямъ, безъ ограниченія какими либо классами общества. По второму ряду статей какъ извѣстно, дочери наследуютъ лишь въ имущество бояръ, но не смердовъ!

основательными соображениями: гости носили официальный характер, шли в Византию с княжескими печатями, получали там содержание, отправляли вместе с послами посольства.

Языкъ летописи не отличаетъ въ общемъ имени „мужей“ пословъ и купцовъ: „и посла Игорь мужъ свои къ Роману“. Особенную же поддержку своей мысли авторъ находитъ въ Новгородскихъ памятникахъ (въ „Новгородскомъ строѣ, какъ муха въ янтарѣ, застыла и хранилась до позднего времени старина, общая всемъ большимъ древнѣйшимъ городамъ“). Въ Уставѣ Всеволода сотскіе (по мнѣнію автора неслужилые, и м. б. выборные), названы „мужами князя“, въ 1015 г. Ярославъ называлъ избитыхъ имъ Новгород. гражданъ „своею любимую дружиною“. Дружина обхватывала собою не только служилое населеніе князя, но все городское населеніе ¹⁾. Читатель могъ забыть уже о Думѣ; свернувъ съ дороги, мы ушли далеко въ сторону и притомъ кружились по разнымъ направленіямъ. Мы коснулись и процесса (свода) и уголовного права (головничество) и правъ наследства; занимались немножко исторіею торговли. Вездѣ по дорогѣ авторъ дѣлаетъ самостоятельные выводы согласно или вопреки существующимъ изслѣдованіямъ объ этихъ вопросахъ, какъ будто бы такихъ специальныхъ изслѣдованій вовсе не существовало; и нельзя рѣшить, пренебреженіе ли это или незнакомство.

Во всемъ, что до сихъ поръ указано въ первомъ отрывкѣ изслѣдованія г. Ключевского, есть одна весьма справедливая мысль, именно мысль о правительственномъ значеніи города вообще и старшихъ городовъ въ особенности (городъ есть правящая община). Но не смотря на справедливость этой мысли многія догадки въ аргументаціи ея у г. Ключевского останутся навсегда весьма слабыми гипотезами.

Сверхъ того, на что онѣ нужны? Зачѣмъ потребовалась г. Ключевскому мысль о правовомъ различіи городскихъ жителей отъ сельскихъ? Можетъ быть онъ объяснить это намъ подробнѣе и отчетливѣе въ слѣдующихъ частяхъ изслѣдованія; теперь же читатель видитъ, что главная мысль автора состоитъ въ томъ, что Дума въ X в. (а не княжеская Дума вообще) служила представителемъ интересовъ и воли не только служилого, но и городского населенія („мѣщанства“), между тѣмъ какъ Дума въ Московскомъ Государствѣ выражала интересы лишь одного высшаго служилого класса населенія.

Однако подтверждается ли эта мысль фактомъ участія въ Думѣ „старцевъ“? Для дѣла гораздо существеннѣе заняться вопросомъ, кто такіе эти „старцы“? Для этой цѣли анализируемъ одно мѣсто летописи. Въ разсказѣ о мести Ольги летописецъ знакомитъ насъ съ складомъ Древлянскаго общества, въ которомъ различаются просто *люди* — массы свободного населенія и высшій классъ; члены этого послѣдняго называются „нарочитыми мужами“, „лучшими мужами, которые держатъ Древлянскую землю“ (т. е. владѣютъ и управляютъ ею вмѣстѣ съ княземъ ихъ Ма-

¹⁾ Затѣмъ г. Ключевскій совсѣмъ уклоняется въ исторію первоначальнаго образованія русскаго общества, въ частности въ исторію возникновенія городского быта. Здѣсь можно найти нѣсколько очень здравыхъ догадокъ; намъ пріятно было бы остановиться на нихъ, если бы все это имѣло какое либо отношеніе къ боярской Думѣ.

ломъ). Но они же въ томъ же разсказѣ называются „старѣйшими града“: „Ольга (старѣйшины града изыма, и прочіе люди—овыхъ избра другіе работѣ предастъ“ (обратила въ рабство). Тождество „старѣйшинъ града“ и „лучшихъ людей, держащихъ землю“ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ Искоростенѣ плѣнено было все населеніе, преимущественно же боярское, лучшее, ибо здѣсь страна защищала свой главный городъ, въ которомъ и не въ военное время сосредоточивались лучшія силы общества.—Нѣтъ надобности указывать на тождество „старцевъ градскихъ“ съ „старѣйшинами града“. Надѣмся, что всякій читатель уволитъ насъ отъ доказательства столь очевидной мысли. Если такъ, то старцы градскіе не представители „мѣщанства“ (намъ тяжело повторять такой анахронизмъ въ языкѣ), а лучшіе люди земли, т. е. бояре.

Считаемъ необходимымъ подкрѣпить эту мысль еще слѣдующими фактами. Древнѣйшій лѣтописецъ по одному случаю приводитъ изъ Библии изображеніе идеальной семейной жизни и переводитъ это мѣсто на свой языкъ такъ: взоренъ бываетъ во вратѣхъ мужъ ея (хорошей жены) внигда аще сядетъ на совмищи съ старци и съ жители земли“. Это же самое мѣсто въ латинскомъ переводѣ Библии читается: „Nobilis in pontis vir ejus, quando sederit cum senatoribus terrae“; а въ древне-чешскихъ: „Slechtic jest i brame její muž, kdyz sedi s kmety zemskymi“. Итѣкъ нашъ лѣтописецъ словомъ „старцы“ выразилъ то понятіе, которое на латинскомъ языкѣ выражается словомъ „сенаторъ“, а на древне-чешскомъ *кметь*. Терминъ—сенаторъ всякому извѣстенъ; но многимъ также извѣстно, что *кметь* на древне-чешскомъ языкѣ означалъ самаго высшаго сановника и вмѣстѣ высшій классъ общества (такъ на Сеймѣ Любуши присутствуютъ *кметь*, *лехи* и *владыки*).

Еще одно соображеніе: въ лѣтописныхъ разсказахъ о совѣщаніяхъ Владиміра Св. иногда въ числѣ совѣтниковъ князя вовсе не упоминаются бояре, а лишь одни „старцы“, напр. вопросъ о возстановленіи вирѣ, отмѣненныхъ было Владиміромъ, рѣшенъ такъ: „рѣша епископи и старци: рать многа; оже вира—то на оружіи и на конихъ буди“ (т. е. вира нужна на приобрѣтеніе оружія и коней). Трудно построить предположеніе, что здѣсь намѣренно отстранены отъ совѣщанія бояре; предположеніе наиболее вѣроятное, и, скажемъ, несомнѣнное то, что здѣсь слово „старци“ означаетъ всю совокупность членовъ Думы, кромѣ епископовъ, т. е. подъ нимъ подразумѣваются и старѣйшины собственно и бояре. Далѣе иногда въ разсказѣ о совѣтѣ Св. Владиміра „старцы“ предшествуютъ боярамъ; напр. вопросъ о принесеніи человѣческой жертвы въ благодарность богамъ за счастливый походъ на Ятвяговъ, шель такъ: „рѣша старци и бояре: мечемъ жребій..“

Думаемъ, что не долженъ подлежать сомнѣнію слѣдующій выводъ изъ этихъ фактовъ: „Старцами“ или старѣйшинами“ называются высшія лица въ государствѣ, такіе же бояре, а не представители „мѣщанства“¹⁾.

¹⁾ Замѣтимъ, что г. Загоскинъ, хотя мимоходомъ и безъ всякихъ доказательствъ называетъ старцевъ градскихъ—лучшими земскими людьми» (стр. 9).

Однако въ большинствѣ случаевъ старцы отличаются отъ бояръ, противопоставляются имъ, стоятъ рядомъ съ ними. Изъ этого слѣдуетъ, что если „старцы“ и равны боярамъ, по положенію въ обществѣ и государствѣ, то составляютъ тѣмъ не менѣе отдѣльную специальную часть высшаго класса. Это такъ и есть. „Лучшіе люди, держащіе землю“ суть *земскіе бояре*, въ противоположность служилымъ боярамъ княжескимъ. О происхожденіи ихъ и ихъ роли въ X в. можно дѣлать разныя предположенія (какъ и дѣлали уже многіе); они могли быть начальниками племенъ и родовъ, медіатизированными туземными князьями, выборными правителями (въ родѣ позднѣйшихъ Новгородскихъ магистратовъ), богатыми землевладѣльцами и т. д. Во всякомъ случаѣ ихъ высшее положеніе въ обществѣ опиралось на ихъ отношенія къ населенію, а не къ князю; почему они и называются *земскими боярами*. Они не были *служилыми* людьми, но не были и „мѣщанами“.

Почему исчезаютъ они послѣ X в.? ¹⁾ Не знаемъ, какъ отвѣтить на этотъ вопросъ г. Ключевскій. Но мы не обинуясь дадимъ „свой“ отвѣтъ: вездѣ, кромѣ Новгорода и Пскова, служилые бояре слились съ земскими; служилые приобрѣли оскѣдность, землю, а съ нею и значеніе въ землѣ, земскіе поступили на службу. Въ Новгородѣ и Псковѣ, напротивъ, остались одни земскіе бояре, до конца существованія этихъ государствъ; а служилымъ боярамъ княжескимъ вовсе было запрещено приобретать землю на территории Новгородской или Псковской.

Надѣмся, что эти простыя соображенія совершенно упраздняютъ всѣ замысловатые поиски г. Ключевского въ области древнѣйшихъ отношеній города и села.

Не будемъ болѣе останавливаться на составѣ думы княжеской, такъ какъ новѣйшія изслѣдованія о ней не дадутъ никакихъ поводовъ къ дальнѣйшимъ подробностямъ въ этомъ отношеніи и такъ какъ ниже мы надѣмся представить образецъ думы древняго періода въ Новгородскомъ севатѣ, гдѣ, „какъ муха въ яantarѣ“ (выражаясь слогомъ г. Ключевского), уцѣлѣли палеонтологическія формы древнѣйшаго государства.

Что касается *правъ Думы* въ княжескій періодъ, то мы встрѣчаемся и здѣсь опять съ безысходными противорѣчіями въ прежнихъ и новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Да при томъ этотъ вопросъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о составѣ Думы; если подъ Думою разумѣются факты совѣщаній князя съ разными лицами, то о какихъ и чьихъ правахъ можетъ быть тутъ рѣчь! Если Думы не было, то смѣшно говорить о ея правахъ. Однако всѣ говорятъ о нихъ, и даже считаютъ эти права болѣе высокими и опредѣленными, чѣмъ права Московской Думы.

Осторожнѣе всѣхъ выражается В. И. Сергѣевичъ: „Согласно характеру княжескихъ совѣтниковъ имъ могъ принадлежать только совѣщательный голосъ“ (стр. 361). С. А. Петровскій говоритъ рѣшительнѣе: „Совѣщался князь о тѣхъ вопросахъ, какіе находилъ нужными обсу-

¹⁾ Исчезаютъ ли они только изъ Думы, или изъ исторіи вообще?

дить съ дружиною. Какіхъ-нибудь *постановленій* для этого не существовало, да не могло существовать въ то безформенное время, когда о какіхъ-нибудь *регламентаціяхъ* и понятіяхъ не имѣли, до нихъ еще было далеко даже и послѣдующему времени. Мнѣнія княжихъ мужей *не были обязательны* для князя, князя слѣдуютъ имъ или не слѣдуютъ „по своей доброй волѣ“ (стр. 11). Любопытно сопоставить съ этимъ мѣсто, помѣщенное на слѣд. стр. отъ автора (стр. 12): „Отсюда *необходимость* совѣщаній князя съ своими боярами и при томъ не съ однимъ или двумя любимцами, а со *всеми* (см. вышеприв. мѣсто состава Думы)... Княжеская Дума—результатъ положенія русскаго князя въ данную эпоху, результатъ значенія и силы бояръ при безсиліи верховной власти“. И такъ гдѣ нѣтъ „регламента“, „постановленія“, тамъ нѣтъ вовсе права, а съ другой стороны оказывается, что была *необходимость* совѣщаться съ боярами.

Нѣсколько болѣе (хотя не вполне) опредѣленный отвѣтъ даетъ о правахъ Думы Н. П. Загоскинъ: „Дружинники, какъ это вполне ясно усматривается изъ лѣтописей, смотрятъ на совѣщанія, на думу съ ними князей, какъ на свое *неотъемлемое право*“ (стр. 7).

Въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ выражается, хотя не точно, но довольно рѣшительно, именно такъ: „Князь удѣльно-вѣчевой Руси считалъ себя *обязаннымъ* въ силу самаго порядка вещей обо всемъ думать со своими дружинниками; фактическая необходимость думы съ ними сводилась для него къ *юридической обязанности*“ (стр. 21).

Г. Ключевскій не останавливался еще на вопросѣ о правахъ княжеской Думы, но мимоходомъ высказалъ упомянутое положеніе; но можетъ ли ученый, опытный въ конституціонномъ правѣ, сказать, что князь могъ совѣщаться съ кѣмъ ему угодно, но самое совѣщаніе для него обязательно? Этимъ старается онъ примирить мысль о шаткости состава Думы съ мыслью о твердости ея правъ. Замѣтимъ, что никто, знакомый съ историческими и дѣйствительными формами государственнаго устройства, не скажетъ этого: нельзя сдѣлать *обязательными* совѣщанія съ *неизвѣстными* лицами. Сверхъ того, такое требованіе было бы безцѣльно (а безцѣльныхъ требованій при господствѣ обычнаго права не бываетъ): какая польза государству, если князь посовѣтуется съ первымъ встрѣчнымъ на дорогѣ и при томъ не будучи обязанъ слѣдовать его совѣту?

Поставимъ вопросъ такъ:

Совѣщаніе князя съ Думою было ли обязанностію для него и правомъ бояръ? Если такъ, то обязанъ ли былъ онъ слѣдовать мнѣнію Думы? Предупреждаемъ, что отвѣтъ на эти вопросы заимствуется не изъ „уставовъ“ и „регламентовъ“, которыхъ въ періодъ господства обычнаго права не бываетъ; не было ихъ и въ Московскомъ государствѣ до конца его существованія. Не было „устава“ и для римскаго сената. Отвѣты на предложенные вопросы заимствуются изъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ обычномъ правѣ, бытіе и твердость котораго не должны бы подлежать сомнѣнію, по крайней мѣрѣ для юристовъ.

Немногочисленные факты, относящіеся сюда, были въ виду у всѣхъ названныхъ выше историковъ; да они и не могли быть не замѣчены по своей крайней характерности. Въ 1170 г. двое бояръ, Петръ и

Несторъ Бориславичи, сообщили князю Давиду ложное извѣстіе, будто бы кievскій князь Мстиславъ хочетъ схватить и лишитъ свободы Давида и брата его Рюрика. Давидъ и Рюрикъ повѣрили. Откуда такое легковѣріе? Почему можно было предположить, что Бориславичи знаютъ мысль князя? Это тотчасъ же и объяснилось. Когда ложный навѣтъ двухъ бояръ открылся, то оклеветанный „Мстиславъ ужасеся мыслию и яви дружинѣ своей... И рѣша ему дружина его... цѣ да будутъ злии челоувѣцы, завидяче твоей любви юже къ братьѣмъ имѣше, вложили будутъ злое слово. А ты всякъ правъ передъ Богомъ и прѣдъ челоувѣкы; *тобѣ безъ насъ того нелзѣ было замыслити, ни створити, а мы вси вѣдаемъ твою истинную любовь къ всѣмъ братьѣмъ*“.—Итакъ князю нельзя было ничего важнаго не только сотворить, но и замыслить. На счетъ *испоменія* важныхъ замысловъ рѣчь будетъ сейчасъ. Теперь отмѣтимъ, что князь не могъ и *замыслить* безъ совѣщанія съ боярами.

Послѣ этого принципиальнаго выраженія становится понятно, какъ нужно смотрѣть на *безчисленный рядъ* совѣщаній князей всѣхъ земель съ своими боярами. Припомнимъ, что было сказано о принципѣ распознаванія обычнаго права (черезъ повтрєненіе), и мы будемъ въ состояніи судить правъ ли С. А. Петровскій, сказавши: „какъ *часто* намъ лѣтописи ни упоминали бы, все же эти совѣты останутся безъ всякаго юридическаго значенія“.

Другой фактъ, который мы приведемъ сейчасъ, отвѣчаетъ и на первый и на второй изъ поставленныхъ вопросовъ: обязанъ ли былъ князь подчиняться рѣшенію Думы? Въ 1169 г. кн. Владиміръ Мстиславичъ задумалъ нарушить клятву къ кievскому князю Мстиславу „и посла къ Рагуйлѣ Добрыничю и къ Михалева (своимъ боярамъ), являя имъ думу свою. И рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не вѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“. Состояла ли изъ этихъ двухъ бояръ вся „дружина“ кн. Владиміра, или двое наиболѣе довѣренныхъ передали мысль князя прочимъ—неизвѣстно. Скорѣе послѣднее, ибо въ противномъ случаѣ бояре не могли бы сказать князю: „мы того не вѣдали, потому что онъ именно яви имъ думу свою“. Во всякомъ случаѣ бояре разошлись въ мнѣніяхъ съ княземъ. Повидимому мнѣніе бояръ не обязательно для князя. „Володимеръ же рече, воззрѣвъ на дѣцкы: а се будутъ мои бояре и поѣха къ Берендичемъ.“ Т. е. князь, обращаясь къ младшимъ членамъ двора („дѣтскимъ“), сказалъ, что онъ ихъ сдѣлаетъ боярами, въ замѣнъ теперешнихъ несговорчивыхъ. И этотъ фактъ замѣчательнъ: князь угрожаетъ замѣнить бояръ другими,—но не говорить, что онъ можетъ обойтись безъ бояръ. Но онъ не прибѣгъ къ этой мѣрѣ, а рѣшился осуществить намѣреніе неодобренное боярами, поѣхалъ за военною помощію къ усмиреннымъ варварамъ—Берендичамъ (которые составляли военную границу у кievской земли). Но Берендичи вида, что онъ пріѣхалъ одинъ, и безъ мужей своихъ, начали въ него стрѣлять, говоря: „Ты вѣдешъ одинъ и безъ мужей своихъ: значитъ ты насъ обманулъ“.

Какое дѣло Берендичамъ, что князь пріѣхалъ безъ бояръ? Поселенные варвары не разъ распоряжались судьбами кievской земли. Неужели для военнаго успѣха такъ важно было присутствіе въ походѣ нѣ-

скольких лицъ съ ихъ малочисленными свитами? Нѣтъ, отвѣтъ Берендѣевъ имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. Князь, окруженный своими боярами, есть законный князь; присутствіе бояръ ручается за симпатію населенія къ его предпріятію. Князь безъ бояръ есть авантюристъ. Это понятно было даже варварамъ. Итакъ князь, не покорившійся мнѣнію Думы, не только не могъ создать новыхъ бояръ изъ дѣтскихъ, но не встрѣтилъ сочувствія и повиновенія ни въ комъ.

Это обстоятельство даетъ поводъ и отчасти возможность оцѣнить и распутать смѣшеніе понятій: *нужды, необходимости, обязательности* совѣщаній князя съ боярами. Говорятъ, что „князь долженъ былъ прибѣгать къ этому средству, потому что сила князя въ дружинѣ; а эта сила независима отъ князя: оскорбленная въ чемъ-нибудь она оставитъ князя, уйдетъ; *поневоля* князь для успѣха своихъ предпріятій долженъ напередъ заручиться согласіемъ на него этой силы“. (С. А. Петровский, стр. 12).—Дѣйствительно между понятіемъ нужды и понятіемъ юридической обязанности большая разница. Я могу нуждаться въ совѣтѣ друга, потому что безъ помощи его не могу осуществить предпріятія; но я „не обязанъ“ по закону съ нимъ совѣщаться. Такъ въ частныхъ отношеніяхъ. Но такъ ли бываетъ въ отношеніяхъ государственныхъ, особенно когда государство не имѣетъ письменныхъ регламентовъ? Что такое „нужда“ для правителя государства? Политическое намѣреніе (пріобрѣтеніе престола, открытіе военнаго похода и т. д.). „Помощь друга“, необходимая для осуществленія его, есть согласіе и повиновеніе населенія. Если къ этому населенію, или его части необходимо обращаться подъ опасеніемъ полнаго неуспѣха, то значить князь *обязанъ* къ этому. Въ государствахъ, гдѣ нѣтъ этой *нужды*, нѣтъ и *обязательности* такихъ соображеній. ¹⁾ Изъ „нужды“ интересовъ зарождаются все государство и тотъ и другой видъ его управленія. Изъ повторенія явленія, вызванныхъ „нуждою“, является обычное право.

Конечно, есть легкій способъ уклониться отъ натиска этихъ выводовъ. Можно повторить безъ дальнѣйшихъ размысленій, что государства то и не было въ то время, и „когда начало личное, субъективное господствуетъ надъ общимъ, частное надъ государственнымъ, когда все истекаетъ изъ личности...“ и т. д. (Петровский, стр. 13).

Но гдѣ же наконецъ государство и его начало? Не пора ли

¹⁾ Князь, лишенный содѣйствія бояръ, повидимому, еще не лишенъ всѣхъ средствъ: еще остается прочее гораздо большее населеніе. Но и это населеніе не повинуется князю, именно потому, что съ нимъ нѣтъ бояръ. Князь долженъ не только выслушать мнѣнія бояръ, но долженъ былъ согласиться и *волю* ихъ.

Отсюда становится любопытнымъ отношеніе правъ Думы къ правамъ вѣча. И къ вѣчу обращаются князья когда *хотятъ*, или когда *принуждены*, и вѣче востаетъ на князя когда *можетъ*. Но за вѣчемъ большинство исследователей признало политическую силу, равную князю. Если права Думы равны правамъ вѣча, то надо быть последовательными. А они дѣйствительно равны; достаточно одинъ примѣръ изъ сферы правопривзанія князей и заключенія «ряда» съ ними: въ 1169 г. кн. Мстиславъ Изяславичъ «взялъ рядъ съ братьемъ, дружиною и киянами». О законодательной власти вѣча мы знаемъ мало, а о законодательной дѣятельности Думы весьма не мало и изъ лѣтописей и изъ Русской Правды.

оставить въ покоѣ идеи столь неплодотворныя, не пора-ли признать въ этихъ формахъ „частныхъ“, „личныхъ“, „субъективныхъ“ зародышъ и корень государства? Лицо не есть отрицаніе государства, а его творческая сила.

Признавая только личную силу и волю, называя первый періодъ „безформеннымъ“, изслѣдователи тѣмъ не менѣе говорятъ не о князьяхъ (Владиміръ, Изяславъ и т. п.), а о княжеской власти, о способѣ ея преемства и правахъ, говорятъ, не о фактахъ сборищъ народа, а о вѣчѣ, какъ цѣльномъ учрежденіи и т. д. Даже болѣе: говоря, что и совѣты (князя съ боярами) остаются безъ всякаго юридическаго значенія, только одними частными личными совѣтами, на ряду съ совѣщаніями всѣхъ частныхъ лицъ, „чисто фактическими“, они прибавляютъ (какъ будто продолжая ту же мысль): „Совѣщанія князей, Дума въ этомъ періодѣ остаются только зерномъ, изъ котораго впоследствии *можетъ* развиться то или другое государственное высшее учрежденіе, и, смотря по тому, въ какія отношенія поставитъ впоследствии исторія князя и старшихъ дружинниковъ, какой элементъ усилится, возьметъ перевѣсъ: князь, или старшая дружина—боярство, тотъ и отгѣнокъ приметъ самое государственное устройство—чисто монархическій или аристократическій“ (С. А. Петровскій; стр. 14). Последняя мысль весьма справедлива; только между зерномъ и растеніемъ гораздо больше соотношенія, чѣмъ между произволомъ, случаемъ и правомъ.

Посмотримъ, какія учрежденія развились изъ княжеской Думы *въ тотъ же княжескій періодъ*, когда формы государственнаго устройства специализировались по разнымъ землямъ, когда въ Новгородѣ и Псковѣ взяла перевѣсъ вѣчевая власть, въ Галицкой и Волынской земляхъ боярская, въ Суздальской—княжеская.

Достойно замѣчанія, что всѣ упомянутые историки кромѣ В. И. Сергѣевича, писали свои книги и статьи послѣ появленія изслѣдованій г. Никитскаго о Новгородѣ и Псковѣ („Очерки жизни В. Новгорода. I. Правительственный Совѣтъ“, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1869 г. № 10 и „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“. Спб. 1873 г.). Въ одномъ изъ нихъ спеціально разсматривается одна изъ формъ княжеской Думы, именно самая интересная, т. е. та, которая установилась въ *вѣчевыхъ* земляхъ древней Руси (т. е. по общему признанію демократическихъ). Между тѣмъ ни одинъ изъ изслѣдователей не упомянулъ ни объ этой формѣ Думы, ни объ изслѣдованіяхъ г. Никитскаго, хотя одинъ изъ нихъ, какъ мы видѣли, хотѣлъ наблюдать въ Новгородскомъ устройствѣ слѣды древнѣйшаго времени, „какъ муху въ янтарѣ“. Постоянно говоря о Думѣ, какъ результатѣ отношеній *бояръ къ князю*, упустили изъ виду отношенія ея къ населенію и вѣчу. Нуждается ли въ ней само государство, а не одинъ князь съ ихъ случайными интересами? Была ли она только „дружиною“, свитою князя, необходимымъ dodatкомъ къ его власти, или составляетъ самостоятельную силу *на ряду съ княземъ и вѣчемъ*?—Именно примѣръ Новгорода можетъ дать удовлетворительный отвѣтъ на эти вопросы, а изслѣдованіе г. Никитскаго цѣнными указанія для него.

Прежде всего „Совѣтъ“ (Rath) *существуетъ* въ Новгородѣ, не

смотря на полное самодержавіе вѣча. Въ актахъ иностранныхъ сношеній, онъ именуется *Herren-Rath*—совѣтъ господъ. Въ этихъ актахъ онъ выступаетъ на сцену наиболѣе по свойству дѣла, т. е. условіямъ дипломатическихъ сношеній: съ вѣчемъ постоянно сносятся по всякому вопросу неудобно.—Состоитъ этотъ сенатъ изъ владки, княжескаго намѣстника, посадника тысяцкаго и пяти концевыхъ старостъ (по русскимъ источникамъ: и изъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ—этихъ консуляровъ и преторіевъ Новгорода). Сверхъ того несомнѣнно, что въ немъ участвуютъ и просто бояре, потому что по иностраннымъ актамъ, совѣтъ состоитъ изъ 300 членовъ и даже называется совѣтомъ „300 золотыхъ поясовъ“ („drey hundert guldenen gondelen“ по внѣшнему сенаторскому знаку отличія). Не слѣдуетъ думать, чтобы составъ совѣта буквально выполнялъ эту цифру (подобно 300 римскихъ сенаторовъ), это такая же фикція, какъ въ названіяхъ частей государства тысячами и сотнями. Она указываетъ лишь на множественность членовъ совѣта.

Совѣтъ, засѣдавшій прежде на Городищѣ (княжескомъ замкѣ), когда власть кн. за была еще значительна, перенесенъ въ самый городъ, именно во дворъ архіепископа, когда народное собраніе начало брать перевѣсъ.

Совѣтъ имѣетъ несомнѣнно сильное значеніе особенно въ иностранныхъ сношеніяхъ. Да какъ ему не имѣть его, если въ немъ соединены всѣ магистраты В. Новгорода и всѣ „лучшіе люди“ Новгородской земли?

Вотъ всѣ малочисленные, но цѣнные выводы изслѣдованій г. Никитскаго. Съ этимъ слѣдуетъ только сопоставить русскія извѣстія о „маломъ вѣчѣ“, собиравшемся на „свѣняхъ“ князя и извѣстія Мѣховиты о Новгородской „преторіи“ изъ 100 сенаторовъ съ судебною властію.

Во Псковѣ высшая правительственная и судебная коллегія состоявшая изъ князя, посадниковъ и сотскихъ, называлась *господомо*.

Полоцкъ, который долженъ быть также отнесенъ къ типу вѣчевыхъ земель, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, получилъ отъ князей Вячеслава и Давыда (сыновей Всеслава) вольность, которою этотъ городъ долженъ воспользоваться по смерти ихъ; по этому будто бы городъ сдѣлался вольнымъ городомъ, а княжество полоцкое республикою, которая управлялась вѣчемъ и *зо старейшинами или боярами* (Narbutt. III. 266. Турчиновичъ: Об. ист. Бѣлоруссіи, прим. 94).

Изъ этихъ фактовъ мы должны вывести, что и при господствѣ вѣчевыхъ формъ и приложеніи княжеской власти Дума Боярская, остается и притомъ съ правами весьма значительными. Слѣдов. она есть органическая часть *государственнаго устройства* древней Руси и не есть лишь додатокъ къ княжеской власти, или органъ управленія въ ихъ рукахъ.

Другой типъ древне-русскаго государственнаго устройства, специализировавшійся еще въ княжескомъ періодѣ, представляетъ Галицкая, а потомъ Галицко-Волинская земля; какъ въ сѣверозападныхъ земляхъ (Новгородѣ, Псковѣ и Полоцкѣ) взяла перевѣсъ вѣчевая власть, такъ здѣсь власть боярской Думы. Типическія стороны господства этой власти

проявляются уже тогда (въ XII, а особенно въ XIII вв.) въ слѣдующихъ чертахъ. Мы знаемъ уже, что согласно древнему общерусскому государственному устройству, Дума дѣлать съ вѣчемъ право призванія и смѣщенія князей. Въ упомянутой землѣ, это право специализируется въ рукахъ Думы: въ 1202 г. „Галицкіе бояре послали по князей Игоревичей (желаа устранить династію Романа В.) и посадили ихъ: въ Галичѣ Володимира, а Романа въ Звенигородѣ? Но чрезъ 6 лѣтъ призванные князья вступили въ открытую борьбу съ боярами (конечно потому, что боярская Дума лишила ихъ всякой власти, князья „сдѣлали заговоръ“ („совѣтъ сотвориша“) на бояръ Галицкихъ, чтобы избить ихъ, и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, дѣйствительно избili. Тогда былъ убитъ Юрій Витоновичъ, Илья Щепановичъ, и иные великіе бояре; и было ихъ убито тогда 500 человекъ, а другіе разбѣжались. Но нѣкоторые остались вѣрными сторонѣ Игоревичей. Бѣжавшіе нашли помощь въ Уграхъ—своихъ постоянныхъ союзникахъ и выставили противъ Игоревичей свою старую княжескую фамилію, которую они же изгнали. Съ угорскою помощію и съ Даниломъ Романовичемъ, они явились въ отечество. Игоревичи взяты въ плѣнъ; Данилъ возведенъ на княжескій столъ. Такимъ образомъ бояре Володимерьстін и Галичнии и воеводы Угорьскыя посадиша князя Данила на столѣ отца своего, вел. кн. Романа въ церкви Св. Богородицы. Объ участіи народа (вѣча) въ этомъ посаженіи и рѣчи нѣтъ. Плѣненные князья Игоревичи Романъ, Святославъ Ростиславъ казнены боярами „яко злодѣи“. — Недолго ужились бояре и съ Даниломъ и изгнали его. Вообще право смѣщенія князей выражено въ слѣд. словахъ обращенныхъ къ князю: „Не можеша держати Галича, бояре не хотять тебе“.

Право распоряжаться княжескимъ столомъ въ рукахъ бояръ не ограничилось правомъ призванія и смѣщенія князей изъ рода Рюрика: они призываютъ и иноземныя династіи, в разъ заявлена была попытка сдѣлать княжескій столъ доступнымъ для бояръ: одинъ бояринъ (Володиславъ) „въѣхалъ въ Галичъ, вокнажился и сѣлъ на столѣ“. Но эта попытка пока неудалась; она осуществится въ той же западной половинѣ Руси позднѣе— въ эпоху польскаго владычества.

О вѣчѣ во всю Галицкую исторію этого времени упоминается только одинъ разъ въ 1231 году, когда Данилъ хотѣлъ поднять эту силу въ противовѣсъ боярамъ: „Данилъ созвалъ вѣче..., и сказалъ имъ (народу): хочете ли быть вѣрны мнѣ, чтобы я могъ итти на враговъ моихъ (бояръ)? Они же кликнули: вѣрны мы Богу и тебѣ. “Однако и эта сила оказалась не дѣйствительною, и „Самодержецъ земли Русской“ Данилъ долженъ былъ подчиниться вліянію бояръ во все свое княженіе.

До сихъ поръ рѣчь шла все о „боярахъ“. Нужно ли считать это тождественнымъ съ боярскою Думою? Откуда слѣдуетъ, что бояре дѣйствуютъ какъ члены правительственной коллегіи, а не просто, какъ члены партіи? Для рѣшенія этихъ вопросовъ просимъ обратить вниманіе на то, что боярамъ приписываются общія правительственныя дѣйствія (напр. общее рѣшеніе вопросовъ о призваніи и смѣщеніи князя).

Надо же предположить такое учреждение, гдѣ эти вопросы выработались и рѣшенія постановлялись.

Нужно, однако, замѣтить, что эта форма далѣе другихъ отклонилась отъ древняго типа обще-русскаго государственнаго устройства. Она послужила переходомъ къ порядкамъ Литовско-Русскаго государства.

Итакъ въ одной группѣ русскихъ государствъ, именно въ государствахъ вѣчевыхъ, боярская Дума остается тѣмъ не менѣе *одной изъ важнейшихъ частей государственнаго устройства*; въ другой группѣ—государствахъ юго-западныхъ, она становится *главнымъ основаніемъ государственнаго устройства* (а не органомъ управления).

Такъ какъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ генетической связи между княжескою Думою и Радою или Сенатомъ великаго княжества Литовскаго, съ одной стороны, и Московскою Думою—съ другой, то нашимъ историкамъ слѣдовало бы сопоставить эти учреждения для полученія надлежащихъ выводовъ какъ объ этихъ учрежденіяхъ такъ и о томъ зернѣ, изъ котораго они развились (т. е. о Думѣ княжеской). Всѣ они суть различныя проявленія того общаго типа учрежденій, который во всѣхъ государствахъ классической и новой Европы носитъ названіе *сената* или *совета* (Vovchū, Rath).

Такія учрежденія, говоримъ, существуютъ повсюду несмотря на разницу въ основаніяхъ государственнаго устройства. На примѣрѣ русской исторіи мы видимъ, что Дума существуетъ не только при демократическихъ и аристократическихъ формахъ, но и чисто монархическихъ (Московская Боярская Дума).

М. Владимірскій-Будановъ.

(Профессоръ Имп. Университета Св. Владиміра).

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИСТОРИЯ.

Л. Де-Вальроже, Кельты и кельтическая Галлія, критическій этюдъ.
(Les Celtes, la Gaule celtique, étude critique par L. de Valroger,
Professeur d'histoire du droit romain et du droit français à la
faculté de droit de Paris. Paris. 1879).

Профессоръ исторіи права при парижскомъ юридическомъ факультетѣ Л. Де-Вальроже приступилъ въ настоящее время къ обнародованію пространной исторіи французскаго права. Введеніе къ этому труду обнимаетъ собою два критическихъ этюда, изъ которыхъ первый подъ заглавіемъ „Les Celtes et la Gaule celtique“ уже появился въ печати, а другой „La Gaule romaine“ выйдетъ въ непродолжительномъ времени. Эти этюды имѣютъ цѣлью подготовить читателя къ вѣрному пониманію характера права первыхъ временъ франкской монархіи, невозможному безъ близкаго знакомства съ судьбами Галліи въ кельтическое время и во времена господства Римлянъ.

Первый этюдъ обнимаетъ собою большой томъ въ 560 стр. in-8° и посвященъ главнымъ образомъ разрѣшенію вопроса, на сколько древнекельтическое право послужило основаніемъ обычному праву средне-вѣковой Франціи. Ученіе, что средневѣковые французскіе кутюмы имѣютъ своимъ главнымъ источникомъ древнекельтическое право, высказано и развито уже въ прошломъ столѣтіи ученымъ Гроле (Grosley), въ его сочиненіи „Recherches pour servir à l'histoire du droit français, 1752“; оно получило право гражданства во французской наукѣ и разрабатывалось въ послѣднее время на основаніи новыхъ данныхъ и съ новой точки зрѣнія. А именно, сравнительное языковѣднѣе удостовѣрило кельтическое происхожденіе нѣкоторыхъ языковъ, на которыхъ говорятъ еще въ настоящее время въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Бретани, Великобританіи и Ирландіи и указало такимъ образомъ на близкое родство племенъ, говорящихъ на этихъ языкахъ съ древними Галлами. Отсюда ученые юристы заключили, что сохранившіеся у этихъ народовъ памятники ихъ древняго права представляютъ вѣрный образъ юридическихъ обычаевъ древней Галліи, и въ нихъ стали искать

основъ средне-вѣковаго французскаго права. — Де-Вальроже подвергаетъ всѣ эти положенія научной критикѣ. Съ этою цѣлью онъ рядомъ съ изученіемъ показаній древнихъ писателей о бытѣ Кельтовъ Галліи занимается изслѣдованіемъ исторіи и быта другихъ кельтическихъ народовъ, причѣмъ, придерживаясь вполнѣ вѣрныхъ воззрѣній на солидарность явленій во всѣхъ сферахъ народной жизни, онъ обращаетъ вниманіе не только на право и памятники права, но также и на проявленія народнаго духа въ другихъ областяхъ жизни, въ области религіознаго, нравственнаго и умственнаго развитія. Въ пасогащемъ этюдѣ, авторъ знакомитъ насъ не только съ правомъ Галліи, но и съ ея общественнымъ бытомъ, политическимъ устройствомъ, военной организаціей, и религіозными вѣрованіями; то же самое онъ дѣлаетъ относительно другихъ странъ, населенныхъ кельтами: въ 3-емъ и 4-омъ отдѣлѣ этюда мы можемъ найти подробныя свѣдѣнія о правѣ и исторіи, политической организаціи, умственномъ развитіи, литературѣ, мѣстахъ и вѣрованіяхъ Валліса, нижней Бретани, Ирландіи и Горной Шотландіи. Такимъ образомъ авторъ подробно знакомитъ насъ съ кельтической цивилизаціей, такъ какъ она проявилась въ древней Галліи и затѣмъ въ средніе вѣка и остатковъ нѣкогда многочисленной кельтической отрасли арійской расы. Изъ только что сказаннаго видно, что изслѣдованіе Де-Вальроже, по одному въ немъ сведенному матеріалу, представляетъ значительный научный интересъ. Правда, во французской литературѣ тотъ же самый матеріалъ не разъ уже изслѣдовался, сводился и систематизировался, но ни одинъ изъ этихъ сводовъ, ни одна изъ этихъ систематизацій не представляетъ такой полноты, какую мы находимъ въ трудѣ Де-Вальроже. Къ тому же всѣ предшествующія систематизаціи нѣсколько уже устарѣли; всѣ онѣ составлены относительно уже давно, когда большинство памятниковъ кельтической старины не были еще изданы, когда почти не существовало изслѣдованій по спеціальнымъ вопросамъ. Де-Вальроже изучилъ всѣ изданные до сихъ поръ памятники; онъ основательно познакомился со всѣми новѣйшими работами, относящимися къ кельтическимъ древностямъ и исторіи кельтическихъ племенъ. Кромѣ того работа Де-Вальроже отличается отъ прежнихъ систематизацій и по научной обработкѣ матеріала. Авторъ, собственно говоря, не удовлетворился одной систематизаціей кельтическихъ бытовыхъ и юридическихъ древностей. Для разрѣшенія занимавшаго его вопроса, онъ счелъ нужнымъ сравнить бытъ и право древнихъ Кельтовъ съ бытомъ и правомъ древнихъ Германцевъ: только послѣ такого сравненія онъ счелъ себя въ правѣ сдѣлать заключеніе объ основахъ средневѣковыхъ французскихъ кутюмовъ. Точно также для большей полноты авторъ всему этюду предпослалъ отдѣлъ, въ которомъ изложилъ свѣдѣнія объ индоевропейскихъ народахъ вообще, объ ихъ первоначальной родинѣ, объ ихъ переселеніяхъ, объ общихъ началахъ быта и права, которые они вынесли съ собою изъ первоначальной родины. Здѣсь же авторъ упомянулъ и объ аборигенахъ, жившихъ въ Галліи до занятія этой страны Кельтами.

Указавъ такимъ образомъ на задачи, разрѣшеніе которыхъ игнѣлось въ виду при составленіи рассматриваемаго нами этюда, познакомимся въ общихъ чертахъ съ самымъ содержаніемъ книги Де-Вальроже. Первая часть посвящена доисторическому времени, она озаглавлена „Les temps

primitifs de la Gaule". Здѣсь авторъ прежде всего занимается вопросомъ, кто были аборигены древней Галліи? Почва Франціи изобилуетъ слѣдами неизвѣстныхъ намъ первобытныхъ народовъ, обитателей пещеръ и свайныхъ построекъ. Этимъ народамъ принадлежать по всей вѣроятности тѣ загадочныя памятники грубой работы, которые считали прежде кельтическими и которые принято теперь называть согласно ихъ формѣ мегалитическими. Но до сихъ поръ не удалось наукѣ опредѣлить, къ какой расѣ принадлежало это первоначальное населеніе Франціи. Первые обитатели этой страны, наименованіе которыхъ дошло до насъ, были Иберы и Лигуры. Происхожденіе этихъ двухъ народовъ загадочно. Принято считать ихъ принадлежащими къ двумъ различнымъ расамъ. Нѣкоторые ученые признаютъ даже Лигуровъ индо-европейскихъ народовъ, каковымъ Иберы, согласно новѣйшимъ ученымъ изслѣдованіямъ, несомнѣнно не были. На основаніи показаній древнихъ писателей, согласно которымъ типъ, нравы и обычая Лигуровъ крайне схожи были съ типомъ, нравами и обычаями Иберовъ, Де-Вальроже высказываетъ предположеніе, что эти два народа принадлежали къ одной расѣ. Исторія застаегъ Иберовъ не только въ Галліи, но и по ту сторону Пиренеевъ, въ теперешней Испаніи, а остатки этого народа живутъ и теперь на границахъ Франціи и Испаніи. Это — Баски. Дѣйствовавшее у Басковъ въ средніе вѣка обычное право (такъ напримѣръ бискайскіе fuegos) представляетъ для историка-юриста громадный интересъ. Это право сложилось въ теченіи вѣковъ, подъ различными вліяніями. Было бы крайне ошибочно искать въ немъ полного образа древне-иберійскихъ юридическихъ обычаевъ. Но, посреди крайне смѣшанныхъ обычаевъ, до сихъ поръ въ странѣ Басковъ мы встрѣчаемъ съ оригинальными институтами, которые еще Страбонъ подмѣтилъ у древнихъ Иберовъ. Такъ, напримѣръ, женщина у Иберовъ пользовалась гораздо большими правами, тѣмъ у другихъ народовъ; она не только не уступалась братьямъ отъ наслѣдованія, но даже часто сама устраняла ихъ. Тѣже начала мы встрѣчаемъ въ обычномъ правѣ нѣкоторыхъ мѣстностей баскскихъ провинцій. Точно также странный обычай, извѣстный подъ названіемъ la souvade или la souvade, до сихъ поръ практикующійся въ Бискайѣ, существовалъ по показаніямъ Страбона у древнихъ Иберовъ. Параллель между обычаями древнихъ Иберовъ и нынѣшнихъ Басковъ проводится Де-Вальроже съ крайнею осторожностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Небольшая, относящаяся сюда глава составлена на основаніи лучшихъ изслѣдованій по исторіи Басковъ, каковы сочиненія Вильгельма Румбольдта, Люшера, Кордье, Мишеля де ля Греза и Беллоге. Послѣ Лигуровъ и Иберовъ появляются Кельты, они вытѣсняють Иберовъ отъ береговъ моря въ припиренейскія мѣстности и за Пиренеи. Кельты были первымъ индо-европейскимъ народомъ, появившимся въ древней Галліи. Коснувшись индо-европейскаго происхожденія кельтовъ, Де-Вальроже считаетъ уместнымъ сообщить предварительныя свѣдѣнія объ индо-европейской расѣ вообще. Относящаяся сюда глава принадлежитъ къ самымъ слабымъ частямъ сочиненія Де-Вальроже. Она уместна была бы въ лекціяхъ для студентовъ, но не въ критическомъ этюдѣ, предназначенномъ для ученыхъ. Невозможно на какихъ нибудь 20 страницахъ подвести итога всему тому, что сдѣлано за послѣднее время въ области сравнительнаго языковѣднія, сравнительной

миеологии и сравнительнаго правовѣдѣнія индо-европейскихъ народовъ. Кромѣ того, въ сущности, Де-Вальроже говоритъ въ этой главѣ не объ индо-европейскихъ народахъ вообще, а скорѣе о древнихъ индусахъ въ частности. Знакомство съ литературой тоже крайне неполное и носить какой-то характеръ случайности: весь очеркъ составленъ только на основаніи исторіи санскритской литературы и сравнительной миеологии Макса Мюллера, исторіи индусской литературы Вебера и сочиненія Бартеlemi Сентъ-Илера „Буддизмъ“. Глава эта снѣло могла бы быть опущена безъ ущерба для сочиненія. Въ послѣдней главѣ первой части авторъ обращается къ кельтической отрасли индо-европейской расы; указываетъ на подраздѣленія этой отрасли и на тѣ территоріи, которыя кельтическія племена завлали въ Европѣ. Существующія въ настоящее время въ Европѣ кельтическія племена распадаются на двѣ отрасли: а) кимрическую, къ которой принадлежатъ жители Валлиса въ Великобританіи и Нижней Бретани во Франціи, и б) галлическую, къ которой относятся Ирландцы и жители Горной Шотландіи. Каждая изъ этихъ отраслей говоритъ рѣзко обособившимися и отличающимися другъ отъ друга діалектами древне-кельтическаго языка, на которомъ говорила нѣкогда и древняя Галлія, какъ-то явствуетъ изъ галльскихъ словъ, переданныхъ намъ древними писателями: корень большинства изъ этихъ словъ находится въ извѣстныхъ намъ кельтическихъ языкахъ. Таковы результаты новѣйшихъ изслѣдованій въ области кельтической филологіи. Въ виду этихъ результатовъ невольно приходитъ мысль нельзя ли посредствомъ изученія исторіи, дошедшихъ до насъ памятниковъ старины, вѣрованій и преданій Бретани, Валлиса, Ирландіи и Шотландіи уяснить проблемы кельтической эпохи исторіи Галліи. Подобныя попытки не разъ уже дѣлались. Но какъ? Для установленія того или другаго взгляда послѣдніе собирались данныя изъ быта народовъ, исторія которыхъ была мало извѣстна, изъ древнихъ литературъ, о которыхъ имѣлось весьма неясное представленіе, изъ законовъ и обычаевъ, памятники которыхъ оставались далеко неразъясненными. На основаніи этихъ данныхъ дѣлались крайне послѣдственные выводы. Въ воссозданіи общественнаго строя древней Галліи главную роль играю такимъ образомъ воображеніе. Де-Вальроже предполагаетъ слѣдовать иному пути. Онъ прежде всего собираетъ, изучаетъ и излагаетъ въ системѣ показанія древнихъ писателей, относящіяся къ быту древнихъ Галловъ. Затѣмъ онъ обращается къ другимъ народамъ кельтическаго племени, знакомится съ ихъ исторіей, литературой и памятниками ихъ права, и только, послѣ такого изученія, приступаетъ къ разрѣшенію вопроса, насколько данными изъ исторіи и быта другихъ кельтическихъ племенъ могутъ быть пополнены показанія древнихъ писателей о Галлахъ. Первую часть этой задачи онъ выполняетъ во второй части этюда, озаглавленной „les Gaulois dans les temps historiques.“

Во главѣ I-ой второй части онъ говоритъ о переселеніяхъ кельтовъ. Кельты проникли въ Европу инымъ путемъ, чѣмъ греки и латини. Они обогнули черное море, затѣмъ повернули на сѣверо-западъ къ балтійскому морю и, слѣдуя вдоль береговъ балтійскаго и нѣмецкаго морей, включали съ сѣвера въ теперешнюю Францію. Здѣсь кельтическое племя осѣло, но, несмотря на это, выселенія въ другія страны не рѣдко имѣли мѣсто.

Такъ кельты перешли черезъ Пиренеи, заняли часть Испаніи и смѣшались съ Иберами. Далѣе, преданіе говоритъ о галльскихъ вождяхъ Сиговезѣ и Белловезѣ, изъ которыхъ одинъ вывелъ часть кельтическаго племени чрезъ герниевскій лѣсъ въ придунайскія страны, а другой перешелъ Альпы и занялъ часть Италіи, которая и впоследствии населена была кельтами. Въ историческое время кельты вторгаются въ Грецію, переходятъ Босфоръ и овладѣваютъ въ Малой Азійи областью, извѣстною подъ названіемъ Галатіи. Здѣсь они быстро усваиваютъ себѣ формы эллинской культуры.

Глава II-ая посвящена вѣднѣннмъ вліяніямъ на Галлію, исторіи основанія въ ней финикійскихъ и греческихъ колоній.

Въ III-ей главѣ излагается исторія завоеванія Галліи Римлянами, а въ IV и V-ой мы находимъ описаніе Галліи во времена Цезаря главнымъ образомъ на основаніи комментарій самаго Цезаря, показанія котораго Де-Вальроже считаетъ заслуживающими наиболѣе довѣрія. Цезарь въ началѣ своихъ комментарій говоритъ про кельтовъ или галловъ „Ipsorum lingua Celtae, postea Galli appellantur“ и констатируетъ такимъ образомъ, что Кельты и Галлы были однимъ и тѣмъ же народомъ. Де-Вальроже полагаетъ, что латинское „Galli“ было искаженіемъ греческаго „Galatai“, являющагося въ свою очередь искаженіемъ кельтическаго „Kaltos“ и опровергаетъ мнѣніе Бертрама (въ его *Archéologie celtique*, 1876), утверждающаго, что въ Галліи жили два отличные другъ отъ друга народа — Кельты и Галлы. Далѣе, Де-Вальроже, приводя показанія Цезаря о томъ, что вся Галлія дѣлится на три части, на аквитанскую, белгійскую и кельтическую, объясняетъ это дѣленіе на основаніи изученія всѣхъ касавшихся этого вопроса сочиненій древнихъ писателей, самаго Цезаря, Страбона, Аммиана Марцелина и Тацита, слѣдующимъ образомъ: средина Галліи была занята чисто кельтическимъ населеніемъ, въ Аквитаніи Кельты смѣшались съ Иберами, а въ Бельгіи съ Германцами, пришедшими сюда изъ теперешней Голландіи. Въ Аквитаніи преобладалъ элементъ иберійскій, а въ Бельгіи германскій надъ кельтическимъ, хотя большинство германскаго населенія этой страны и усвоило кельтическій языкъ.

Въ главѣ VI Де-Вальроже обращаетъ вниманіе читателя на то, что Кельты и Германцы являются хотя и отраслями одной и той-же расы, но отраслями значительно обособившимися и отличающимися другъ отъ друга языкомъ: время, среда и исторія положили на каждую изъ нихъ своеобразный отпечатокъ. Затѣмъ авторъ ставитъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли въ виду такого отличія древнихъ Германцевъ отъ Галловъ устранить при изложеніи находящихся у древнихъ писателей свѣдѣній о древней Галліи все то, что относится къ Германцамъ. Вопросъ этотъ рѣшается авторомъ отрицательно. По его мнѣнію ничто не можетъ дать такого вѣрнаго понятія о Галлахъ какъ подобное сравненіе съ Германцами. Германцы намъ гораздо лучше извѣстны, чѣмъ Галлы, о бытѣ которыхъ всѣ наши свѣдѣнія заключаются въ нѣсколькихъ страницахъ комментарій Цезаря и отрывочныхъ показаніяхъ латинскихъ и греческихъ писателей. Памятники быта Германцевъ напротивъ того находятся въ изобиліи. У Цезаря мы находимъ первый очеркъ нравовъ Германцевъ. Тацитъ, какъ-бы пред-

чувствуя величіе будущаго судьбы германскаго народа, подробно съ нимъ знакомится; послѣ паденія имперіи, Германцы сами описываютъ себя въ *leges barbarorum*, наконецъ важный источникъ познанія древне-германскаго быта представляютъ памятники скандинавскихъ народовъ, отрасли германскаго племени, вслѣдствіе изолированности своей наименѣе измѣнившей свои національныя основы. По этому говорить Де-Вальроже, то, что болѣе извѣстно, послужитъ намъ къ познанію того, что менѣе извѣстно: мы увидимъ, въ чемъ Германцы и Галлы были схожи другъ съ другомъ, и въ чемъ они другъ отъ друга отличались.

Въ Главѣ VII Де-Вальроже разсматриваетъ состояніе культуры въ Галліи и Германіи. Галлія во времена Цезаря представляетъ гораздо большіе успѣхи гражданственности, чѣмъ Германія. Не только земледѣліе, но и промышленность и торговля достигли въ Галліи извѣстной степени развитія, между тѣмъ какъ въ Германіи даже земледѣліе было крайне слабо развито, а главное богатство народное составляли стада. Этимъ слабымъ развитіемъ земледѣлія Де-Вальроже объясняетъ поземельныя отношенія древней Германіи, гдѣ мы не встрѣчаемся съ частной поземельной собственностью, но гдѣ земля составляла собственность общины, а отдѣльныя лица получали участки только въ пользованіе, при чемъ ежегодно былъ передѣлъ. Здѣсь Де-Вальроже пользуется случаемъ, чтобы указать, что мѣста изъ Цезаря и Тацита (*Caesar, VI, 22; Tac. Germ. CXXVI*), касающіяся поземельныхъ отношеній въ древней Германіи, несомнѣнно говорятъ о ежегодныхъ передѣлахъ общинной земли, и что всѣ доводы, приводимые нѣкоторыми германскими учеными въ пользу мнѣнія, по которому у Цезаря и Тацита говорится не о передѣлахъ, а о трехпольномъ хозяйствѣ, голословны. ¹⁾ Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ главы Де-Вальроже указываетъ на отсутствіе городовъ въ древней Германіи, между тѣмъ какъ у Цезаря часто упоминаются *oppida*, существовавшія въ Галліи. Правда, въ большинствѣ случаевъ эти *oppida* имѣли значеніе т. н. *refugia*, т. е. убѣжищъ, но были и такія *oppida*, которыя могутъ быть названы въ точномъ смыслѣ этого слова городскими поселеніями.

Въ Главѣ VIII разсматривается политическая организація Галловъ и Германцевъ. Какъ Германцы такъ и Галлы, по показаніямъ древнихъ писателей, распадался на массу небольшихъ народцевъ, которые Цезарь и Тацитъ называютъ „*civitates*“. Во главѣ этихъ *civitates*, какъ у того, такъ и другаго народа, мы встрѣчаемъ королей. Въ Германіи королевская власть была ни чисто наследственной, ни чисто выборной: короли избирались народомъ изъ опредѣленнаго рода, прославившагося подвигами въ древнія времена. Въ Галліи короли избирались, и Цезарь не упоминаетъ нигдѣ о наследственной монархіи у Галловъ. Въ обѣихъ странахъ были *civitates* безъ королей: въ Галліи въ такомъ случаѣ вмѣсто короля избирались магистраты на извѣстный

¹⁾ По поводу спора ученыхъ о значеніи указанныхъ въ текстѣ мѣстъ изъ Цезаря и Тацита сравни весьма интересную брошюру боннскаго профессора Аженбаха «о дѣлосѣчныхъ общинахъ въ горахъ Зигерланда» русскій переводъ подъ моею редакціей. Ярославль 1878.

срокъ, такъ напр. у Aeduî избирался на годъ верховный вождь, именовавшийся Vergobret. И въ Германіи и въ Галліи власть королевская была ограничена народнымъ собраніемъ, при чемъ въ Германіи по словамъ Тацита «de minoribus rebus principes consultant, de majoribus omnes»; въ Галліи же въ собраніи участвовали далеко не всѣ граждане, что видно уже изъ того, что Цезарь называетъ эти собранія — сенатами. Что касается общественныхъ классовъ, то въ этомъ отношеніи Галлія еще болѣе отличалась отъ Германіи. Въ Германіи хотя и была аристократія, но она пользовалась только особымъ почетомъ и не устранила народъ отъ участія въ управленіи: всякій свободный Германецъ принималъ участіе въ политической жизни, какъ только онъ становился способнымъ носить оружіе. Въ Галліи масса народная не только устранилась отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, но и жила въ глубокомъ униженіи, подавляемая могучей и многочисленной аристократіей, т. е. equites. Де-Вальроже высказываетъ предположеніе, что аристократія эта была потомствомъ Кельтовъ-завоевателей, а плеба потомствомъ Аборигеновъ, покоренныхъ Кельтами. Ниже плебы стояли овагати, напоминающіе пехи древняго Рима. Впрочемъ, плеба Галліи имѣла косвенное вліяніе на общественныя дѣла. А именно, въ Галліи мы встрѣчаемся съ различными отношеніями патрона и клиентеллы: такъ, лица изъ сословія всадниковъ брали подъ свое покровительство лицъ плебейскаго званія и защищали ихъ отъ насилій со стороны другихъ членовъ своего сословія. Значеніе извѣстнаго лица при такомъ порядкѣ вещей въ свою очередь въ извѣстной степени зависѣло отъ числа клиентовъ, которыхъ ему удалось сгруппировать около себя. Начало клиентеллы примѣнялось не только во внутренней жизни племенъ Галліи, они имѣли значеніе и въ отношеніяхъ между-племенныхъ. Civitates Галліи далеко не всѣ были одинаково могущественны, въ слѣдствіе чего не рѣдко слабое племя поручало себя защитѣ болѣе сильнаго, дѣлалось, если можно такъ выразиться его клиентомъ. Племя, сгруппировавшее около себя значительное число такихъ племенъ — клиентокъ, дѣлалось очень могущественнымъ и стремилось къ гегемоніи въ Галліи. Этимъ объясняется постоянная борьба между племенами Галліи. Неурядица, отсюда вытекавшая, могла быть предотвращена только посредствомъ прочной федеративной системы правленія. Зачатки подобной системы въ дѣйствительности существовали въ Галліи. Между тѣмъ какъ народы Германіи не связаны были между собою никакою связью, въ Галліи были общія національныя собранія — concilia totius Galliae, какъ ихъ называетъ Цезарь. Но эта федеративная организація осталась въ зачаточномъ состояніи. Де-Вальроже указываетъ, какъ Цезарь хотѣлъ эксплуатировать её для своихъ цѣлей, и какъ затѣмъ она окончательно пала въ слѣдствіе внутренней розни. Рознь была повсюду въ Галліи: внутри civitates она выразилась въ борьбѣ плебы съ equites. въ отношеніяхъ между-племенныхъ въ борьбѣ изъ за гегемоніи. Вмѣшательство римлянъ еще усложнило эту рознь, появились партіи римская и національная: послѣдней не суждено было восторжествовать надъ первой.

Въ главлѣ IX-ой Де-Вальроже сравниваетъ военную организацію

Галловъ и Германцевъ. Въ Германіи всякій свободный способный носить оружіе, былъ воиномъ. Тоже самое можно сказать про сословіе equites въ Галліи. Equites составляли обыкновенную военную силу страны и отправляли воинскую повинность на конѣ. Только въ экстренныхъ случаяхъ войско пополнялось плебеями, изъ которыхъ организовались отряды пѣхоты: плохо подготовленные къ военной службѣ, и плохо вооруженные, плебей являются самою слабою частью галльскихъ арій. Такимъ образомъ вся военная сила Галловъ сосредоточивалась въ конницѣ, наоборотъ у Германцевъ, по выраженію Тацита „in pedite robur“, главную роль играла пѣхота. Какъ въ Германіи, такъ и въ Галліи войско не состояло изъ частей, искусственно составленныхъ: люди, выставленные пзвѣстнымъ племенемъ, составляли независимый отдѣлъ войска. Кромѣ этихъ отношеній, какъ въ Германіи, такъ и въ Галліи мы встрѣчаемъ постоянно окружающую вождей дружину. Что дружина существовала въ древней Галліи, это, по нашему мнѣнію, несомнѣнно доказано доводами, которые приводитъ Де-Вальроже. Намъ кажется, что вельза не согласится съ нимъ, что *devoti* и *soldurii*, о которыхъ говоритъ Цезарь (Сот. III 22), были дружинниками галльскихъ вождей. Съ однимъ, съ чѣмъ мы позволимъ себѣ не согласиться, это съ выводомъ, который Де-Вальроже дѣлаетъ въ концѣ сравненія германской дружины съ галльской. Онъ думаетъ, что существованіе дружиннаго начала у Галловъ нисколько не даетъ намъ права заключить, что средневѣковый феодализмъ кельтическаго происхожденія, такъ какъ дружинное начало не могло удержаться въ Галліи подъ владычествомъ римлянъ. По его мнѣнію феодализмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ исключительно дружинному началу германскихъ племенъ. Въ виду новѣйшихъ изслѣдованій о происхожденіи феодализма подобный выводъ намъ кажется одностороннимъ. Изслѣдованія Фюстель-де-Куланжа (смотри рядъ его статей въ „Revue des deux mondes“ за 1873 и 74 годъ подъ заглавіемъ „Les origines du régime féodal“, а равнымъ образомъ его „Histoire des institutions politiques de l'ancienne France“) ясно показали, что многіе элементы феодализма, а главнымъ образомъ патронатъ и кліентелла (дружина была видомъ кліентеллы) существовали и въ послѣдніи времена римскаго владычества до занятія Галліи варварами. Ходъ событій можетъ быть объясненъ слѣдующимъ образомъ. Въ тотъ моментъ, когда Цезарь знакомится съ кельтическимъ обществомъ, общество это находится въ переходномъ состояніи. Родовое начало пало, на его развалинахъ создается начало государственное, но развитіе этого начала встрѣчаетъ не мало препятствій. Главнымъ препятствіемъ была та рознь, о которой мы говорили выше. Въ слѣдствіе этой розни не могла возникнуть сильная центральная власть, а потому отдѣльныя личности, лишеныя защиты, рода, искали покровительства не у слабой, еще не разившейся общественной власти, но у сильныхъ частныхъ лицъ. Такимъ образомъ возникли различные виды патроната и кліентеллы. Патронатъ по самому существу своему былъ враждебенъ государственному началу. Эти два начала боролись другъ съ другомъ въ Галліи, когда появился Цезарь въ этой странѣ. Безъ вмѣшательства римлянъ, неизвѣстно, которая изъ двухъ системъ общественнаго устрой-

ства восторжествовала бы окончательно. Римляне дают перевѣсъ началамъ государственности подъ двойкой формой муниципальных союзовъ и императорской централизаціи. Не было иной власти, кромѣ власти имперіи и муниципальных курій. Черезъ нѣсколько столѣтій въ лонѣ самой римской имперіи снова возрождается патронатъ. Это возрожденіе совпадаетъ съ полнымъ ослабленіемъ публичной власти. Когда государство оказалось не въ силахъ охранять повсюду общественную безопасность, совершился у людей инстинктивный поворотъ къ старому началу личнаго подчиненія. Кельтическій патронатъ и кельтическая кліентелла снова возродились въ Галліи при благопріятныхъ для нихъ условіяхъ; затѣмъ въ Галлію вторгаются франки, общественный строй которыхъ въ свою очередь проникнуть былъ въ значительной степени началами личнаго добровольнаго подчиненія, началами патроната и кліентеллы. Такимъ образомъ феодализмъ слагается изъ началъ кельтическихъ, возродившихся при благопріятныхъ условіяхъ въ послѣднія времена имперіи и началъ германскихъ, чѣмъ и объясняется быстрое развитіе феодализма, поконившагося такимъ образомъ на возрѣвнѣихъ всѣхъ народностей, изъ сліянія которыхъ возникъ французскій народъ.

Глава X посвящена религіи. Въ первомъ, отдѣленіи авторъ говоритъ о религіи германцевъ, приводитъ Эдды Стурлезона и Семунда, какъ главные источники, откуда мы почерпаемъ наши свѣдѣнія о германской міеологіи, обращаетъ вниманіе читателя на то, что въ основахъ языческихъ вѣрованій древнихъ Германцевъ встрѣчаются характеристическія черты первобытнаго язычества индо-европейской расы, обоготвореніе явленій природы, чувствъ, волнующихъ человѣческую душу, и культъ предковъ; наконецъ, заключеніе указываетъ на отсутствіе вполне организованнаго жреческаго сословія у древнихъ Германцевъ. Въ отдѣленіи второмъ предлагается авторомъ очеркъ религіозныхъ вѣрованій древнихъ Галловъ. Народная религія древней Галліи по существу не отличается отъ древне-германской, но культомъ завѣдуетъ прочно организованная жреческая корпорація — друиды. Де-Вальроже тщательно сводитъ всѣ свѣдѣнія, которые дошли до насъ объ этой замѣчательной корпораціи, которая играла такую видную роль въ исторіи Галліи, и въ которой сосредоточивалась вся умственная жизнь кельтическаго племени. Возникаетъ вопросъ, какъ сложилось ученіе друидовъ, какъ возникла ихъ корпорація? Де-Вальроже указываетъ на то, что, Кельты не могли принести съ собой изъ обще-арійской прародины началъ друидизма, что сей послѣдній даже по водвореніи Кельтовъ въ Галліи долгое время не былъ извѣстенъ въ этой странѣ, что Кельты, переселившіеся изъ Галліи въ Италію, Испанію и Галатію, не имѣли объ немъ понятія. По показаніямъ самихъ друидовъ ихъ ученіе возникло на британскихъ островахъ: еще во времена Цезаря Британія считалась главнымъ центромъ друидизма. Значить остается узнать, какимъ образомъ, друидизмъ развился въ Британіи. Грубость нравовъ, которую Цезарь встрѣтилъ въ этой странѣ, не позволяетъ намъ, по мнѣнію Де-Вальроже, видѣть въ друидизмъ самостоятельное творчество британскаго духа. Но если друидизмъ былъ занесенъ въ Британію, то откуда и въ какое время? По мнѣнію Де-Вальроже вся организація сословія

друидовъ, ученія о вѣчности вселенной, о безсмертїи души и метемпсихозѣ, таинства друидизма, все указываетъ на заимствованіе съ востока. Образование ученій друидизма и возникновеніе сословія друидовъ объясняются такимъ образомъ вліяніемъ восточныхъ народовъ. И, въ дѣйствительности, финикійцы не только знали о существованіи британскихъ острововъ, но и часто ихъ посѣщали съ торговыми дѣляни. Съ финикійскими кораблями могъ захватить членъ какого-нибудь жреческаго сословія востока, который изъ своихъ знаній сдѣлалъ себѣ средство для пріобрѣтенія вліянія въ средѣ туземцевъ и, такимъ образомъ, положилъ основаніе друидизму. Подобное объясненіе, кажется намъ въ значительной степени произвольнымъ, ибо не опирается ни на какія фактическія данныя. Для обоснованія такого вывода, какой дѣлаетъ Де-Вальроже, недостаточно указать извѣстное сходство, ибо сходство это можетъ быть объяснено не только заимствованіемъ, но и тѣмъ, что одинаковыя историческія обстоятельства вызываютъ одинаковыя явленія.

Въ главѣ XI проводится сравненіе между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ Галловъ и таковымъ-же Германцевъ. Въ Германіи все право было обычнымъ правомъ, и правосудіе отправлялось народными или общинными собраніями. Въ Галліи напротивъ того отправленіе правосудія находилось въ рукахъ друидовъ, которые содержали выработанную ими и по всей вѣроятности въ высшей степени искусственную правовую доктрину въ познѣйшей тайнѣ. Этимъ объясняется то, что мы вообще весьма мало знаемъ о гражданскомъ правѣ древней Галліи. Указавъ на общее различіе въ основахъ галльскаго и германскаго права, Де-Вальроже переходитъ къ сравненію отдѣльныхъ институтовъ и выводитъ изъ этого сравненія заключеніе, что для объясненія происхожденія юридическихъ обычаевъ средневѣковой Франціи вѣтъ надобности прибѣгать къ кельтскому праву: основа всѣхъ этихъ обычаевъ можетъ быть найдена у древнихъ Германцевъ. Съ этою цѣлью Де-Вальроже изслѣдуетъ происхожденіе самыхъ характеристическихъ институтовъ средне-вѣковаго права. Домашняя власть французскихъ кутюмовъ, выражавшаяся главнымъ образомъ въ попеченіи о малолѣтнихъ и слабыхъ членахъ семьи, несомнѣнно находится въ большей связи съ *mundium* Германцевъ, чѣмъ съ домашней властью древней Галліи, приближавшейся, по показаніямъ Цезаря, къ римской *patria potestas*. Точно такъ-же, въ древней Галліи мы напрасно будемъ искать обычаевъ, которые могли-бы послужить основаніемъ одному изъ прекраснѣйшихъ институтовъ средне-вѣковаго права, а именно общности имущества между супругами. Мѣсто изъ комментарій Цезаря (II. 19), которое приводили какъ доводъ въ пользу существованія общности имущества между супругами у древнихъ Галловъ, по справедливому замѣчанію Де-Вальроже вовсе сюда не относится. Напротивъ того, какъ у Тацита, такъ и въ *leges barbarorum*, мы встрѣчаемся съ указаніями на существованіе у древнихъ Германцевъ подобной общности. О наследственномъ правѣ древней Галліи мы почти ничего не знаемъ. Цезарь говоритъ только, что споры о наследствѣ вѣдалься друидами. У германцевъ, напротивъ того, находятся почти всѣ основныя начала средне-вѣковаго наследственнаго права, какъ, наприимѣръ, предпочтеніе муж-

скої ливіи женскої, исключительное господство одной формы наследства, а именно наследства по закону и т. д.; не встрѣчаются только такія правила средне-вѣковыхъ кутюмовъ, начало которымъ положено феодальнымъ строемъ, каковы приногенитурa и правило „*paterna paternis, materna maternis*“. Съ выводомъ Де-Вальроже вообще нельзя не согласиться. Гражданскіе институты средне-вѣковаго права несомнѣнно имѣютъ гораздо больше связи съ германскимъ обычнымъ правомъ, чѣмъ съ правомъ древней Галліи. Но, относительно нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ заключенія Де-Вальроже намъ кажутся немного поспѣшными. Можно-ли, напримѣръ, абсолютно довѣрять показанію Цезаря о томъ, что домашняя власть въ древней Галліи приближалась къ типу римской *patria potestas*, когда въ дошедшихъ до насъ средне-вѣковыхъ памятникахъ права другихъ кельтическихъ народовъ домашняя власть представляетъ тѣже характерическія черты, что и германскій *mundium*. Намъ могутъ возразить, что характеръ домашней власти могъ измѣниться съ теченіемъ времени, но для того, чтобы это возраженіе имѣло силу, нужно указать причины такого измѣненія. Далѣе, странно, что такое измѣненіе имѣло мѣсто у всѣхъ кельтическихъ племенъ: домашняя власть имѣетъ одинаковый характеръ какъ въ законахъ Говеля добраго, такъ и въ памятникахъ права прландскихъ бретонцевъ. Въ правѣ уголовномъ мы встрѣчаемся съ одинаковыми началами въ древней Галліи и древней Германіи, только система публичныхъ каръ получила большее значеніе у Галловъ, чѣмъ у Германцевъ, а именно, большее число преступленій подлежало публичному наказанію. Правила древняго галльскаго судопроизводства намъ почти неизвѣстны, съ древнимъ же—германскимъ судопроизводствомъ мы знакомимся посредствомъ *leges barbarorum*, гдѣ главными судебными доказательствами является присяга, соприсяжники, ордалин и судебный поединокъ.

Этимъ Де-Вальроже заканчиваетъ вторую часть своего этюда. Несмотря на то, что относительно нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ нельзя согласиться съ авторомъ, который, желая доказать, что французскіе средне-вѣковые кутюмы покоятся главнымъ образомъ на германскихъ началахъ, впадаетъ подъ часъ въ крайности и отвергаетъ иногда кельтическое вліяніе тамъ, гдѣ оно болѣе чѣмъ очевидно, всякій, тщательнo провѣрившій доводы Де-Вальроже, принужденъ будетъ согласиться съ его общимъ выводомъ. А именно, начала средне-вѣковаго французскаго обычнаго права вполнѣ схожи съ началами древне-германскаго права; съ древне-кельтическимъ же правомъ они схожи въ большинствѣ случаевъ только относительно тѣхъ институтовъ, которые въ кельтическомъ правѣ имѣютъ одинаковый характеръ съ германскимъ.—Вообще всю вторую часть этюда можно признать вполнѣ удавшеюся. Очеркъ общественнаго и праваго быта древней Галліи, а равнымъ образомъ сравненіе быта Галліи съ бытомъ Германіи, основанъ на тщательномъ изученіи источниковъ. Правда, значительнымъ пособіемъ автору служилъ здѣсь прекрасный этюдъ извѣстнаго историка Жиро (*Ch. Giraud*) въ его „*Essai sur l'histoire du droit français au moyen age*“, но тѣмъ не менѣе какъ изложеніе, такъ и выводы автора вполнѣ самостоятельны.

Третью часть своего этюда Де-Вальроже озаглаживаетъ „*Vues nouvelles de la science contemporaine — les peuples de langue celtique*“.

Заглавіе это объясняется тѣмъ, что новая наука, найдя показанія древнихъ писателей недостаточными для полного изученія быта Галліи, обратилась для пополненія пробѣловъ къ памятникамъ быта другихъ кельтическихкихъ народовъ. Де-Вальроже подвергаетъ взгляды новой школы тщательной критикѣ. Съ этою цѣлью онъ дѣлаетъ очеркъ исторіи кельтическихкихъ народовъ, устанавливаетъ правильное воззрѣніе на ихъ литературу и памятники ихъ древняго права. Размѣры статьи не позволяютъ мнѣ слѣдить здѣсь шагъ за шагомъ за авторомъ. Скажу только, что онъ вполне воспользовался всею богатою литературою предмета и въ сжатомъ очеркѣ (всего 178 стр.) далъ полное понятіе о результатахъ новѣйшихъ изслѣдованій. Затѣмъ я ограничусь самымъ общимъ очеркомъ содержанія. Занятіе Великобританіи римлянами имѣло скорѣе характеръ военной оккупации нежели завоеванія, чѣмъ и объясняется то, что Великобританія не подверглась романизации какъ Галлія: когда римскіе легіоны ее покинули, главный элементъ ея населенія были кельты, сохранившіе всѣ основы своей національности. Борьба кельтовъ со вторгнувшимися германскими и скандинавскими племенами превосходно описана Де-Вальроже на основаніи источниковъ историческихкихъ и легендарныхъ, каковы *Annales Cambriae*, *liber de Excidio Britanniae*, исторія англосаксонской церкви Беды, древняя хроника, приписываемая какому-то неизвѣстному *Nennius*, романъ Готфрида Монмута. Здѣсь нашъ авторъ весьма искусно выдѣляетъ историческое основаніе изъ накопившихся въ позднѣйшее время фабулъ и легендъ. Въ легендарной части сказаній онъ обращаетъ главное вниманіе на легенды о королѣ Артурѣ и волшебникѣ Мерлинѣ, въ которыхъ выразилась народная вѣра въ окончательное торжество кельтическаго племени надъ германскимъ, вѣра, которой, какъ извѣстно, не суждено было осуществиться. Англо-нормандскій труверъ Васъ (*Wace*) познакомилъ Францію съ исторіей Бритовъ Готфрида Монмута, заключавшей въ себѣ сказанія объ Артурѣ и Мерлинѣ. Отсюда, изъ этой *matiere bretonne*, какъ ее называла средне-вѣковая Франція, возникъ циклъ легендъ, извѣстный подъ названіемъ цикла *de la table ronde*. Последней твердыней кельтическаго племени была древняя Камбрія, — нынѣшній Валлисъ. Де-Вальроже подробно излагаетъ борьбу Камбрійцевъ съ Англо-Саксами, а потомъ съ норманскими королями, закончившуюся полнымъ подчиненіемъ при Эдуардѣ I, издавшемъ т. н. Рутельскіе статуты, замѣнявшіе собою среднее право страны. Описаніе состоянія быта древней Камбріи въ XII столѣтіи составлено нашимъ авторомъ на основаніи сочиненій валлійскаго писателя *Жиральдо: itinera rium Cambriae* и *descriptio Cambriae*. Цѣлую главу Де-Вальроже посвящаетъ валлійскимъ пѣвцамъ — бардамъ. Классъ пѣвцовъ встрѣчается у всѣхъ народовъ въ самыя раннія времена ихъ исторіи. Когда, друидизмъ организовался, онъ считъ полезнымъ сдѣлать бардовъ орудіемъ своего вліянія, для чего придалъ этому классу форму корпоративную: барды составили висшую степень іерархіи друидизма. Сословіе бардовъ, существовавшее до появленія друидовъ въ Великобританіи, пережило на нѣсколько вѣковъ паденіе друидизма. Оно поддерживало борьбу камбрійцевъ съ англичанами, а послѣ подчиненія Валлиса англійскимъ королямъ — надежду освобожденія. Остатки бардизма существуютъ до сихъ поръ въ Валлисѣ. Древней валлійской литературѣ авторъ отводитъ

также особую главу. На основаніи изслѣдованій Стифенса, Скйна, Неша и Шульца, онъ знакомитъ насъ съ лирической и эпической поэзіей бардовъ, а на основаніи статей Ренана съ цикломъ сказокъ такъ-наз. *Mabinogion*. Древнія хроники (*Brut*) и такъ-наз. валлійскія триады равнымъ образомъ подробно рассмотрѣны авторомъ. Отъ кельтовъ Великобританіи авторъ переходитъ къ кельтической Бретани. Эта страна называлась въ древнее время Арморикой, т. е. приморской. Въ римское время она была частью Галліи наименѣе романизированною. Во времена англосаксонскаго вторженія въ Великобританію массы бриттовъ ибгледцами въ Арморикѣ: часть этой страны буквально заселилась ибгледцами изъ Великобританіи и стала называться *Britannia minor* или Бретань. Она распадалась на нѣсколько небольшихъ государствъ, главы которыхъ назывались королями. Эти короли принуждены были мало-помалу признать верховную власть франкскихъ государей. Зависимость эта прекращается въ послѣднія времена меровингской династіи. Карлъ Великій снова подчиняетъ Бретань, но послѣ смерти великаго императора она освобождается, а во главѣ ея появляются короли, то признающіе, то не признающіе себя вассалами французскихъ монарховъ. Карлъ Простой уступилъ свои права на Бретань нормандскому герцогу: такимъ образомъ Бретань сдѣлалась леномъ Нормандіи и только посредственно зависѣла отъ короны. Къ французской коронѣ Бретань присоединена была окончательно въ XVI столѣтіи. Присоединеніе это совершилось на извѣстныхъ условіяхъ, причемъ Бретань сохранила свои особенныя провинціальныя чины, въ которыхъ она нашла вѣрныхъ защитниковъ своихъ традиціонныхъ вольностей. Литература Бретани подробно рассмотрѣна у Де-Вальроже, причемъ обращено вниманіе и на сказки и цѣсныя народныя, которыми такъ богата Бретань. Послѣднія три главы третьей части посвящены галлической отрасли кельтической расы. Здѣсь авторъ прежде всего предпосылаетъ краткій очеркъ исторіи Ирландіи. Эта страна въ древнія времена распадалась, какъ и остальныя кельтскія страны, на небольшія племенные общины съ племенными королями во главѣ, находившимися въ постоянныхъ войнахъ другъ съ другомъ. Подобное состояніе страны весьма благопріятствовало вторженіямъ извнѣ. Уже римляне замыслили овладѣть Ирландіей, и Агрикола предполагалъ сдѣлать высадку въ эту страну: только потому что этотъ полководецъ былъ отозванъ изъ Великобританіи, походъ въ Ирландію не состоялся. Затѣмъ датчане завладѣли нѣкоторыми береговыми пунктами въ Ирландіи и оттуда опустошали прилегающія мѣстности. Впрочемъ датчанамъ не удалось окончательно утвердиться въ странѣ. Небольшія государства, ими основанныя, пали вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Болѣе посчастливилось нормандскимъ властителямъ Англіи. Долгое время однакожъ англійская власть распространялась только на такъ-наз. *Pale*, территорію, получившую это названіе потому, что она окружена была непрерывнымъ рядомъ укрѣпленій защищавшихъ ее отъ вторженія независимыхъ ирландцевъ. Только послѣ реформаціи свершилось полное завоеваніе страны, сопровождаемое страшнымъ гоненіемъ побѣжденныхъ. Со временъ Елисаветы, англійское правительство стремилось водворить англійскую церковь въ Ирландіи и уничтожить національныя стрем-

ленія въ этой странѣ, но кельтическія начала оказались на столько стойкими, что протестантизму и англо-саксонской расѣ удалось восторжествовать только въ тѣхъ частяхъ острова, которыя лежатъ насупротивъ Великобританіи. Вся исторія завоеванія Ирландіи англичанами излагается Де-Вальроже весьма оживленно, а состояніе Ирландіи въ то время, когда въ нее проникли впервые нормандскіе завоеватели, описывается по сочиненіямъ извѣстнаго уже намъ Жиральда Камбрійскаго: *Torogographia Hiberiae* и *Expugnatio Hiberiae*. Глава, посвященная древней галльской литературѣ Ирландіи заслуживаетъ особеннаго вниманія: это плодъ долгой и усидчивой работы. Видно, что авторъ основательно познакомился съ самыми трудными для изученія памятниками древней ирландской литературы и съ обширной новѣйшей литературой предмета. Изъ его мастерскаго изложенія мы получаемъ вполне ясное представленіе о манускриптныхъ сборникахъ произведеній древней ирландской литературы различнаго содержанія, свѣдѣнія о которыхъ впервые сообщены ученому міру ирландскими учеными О'Beilly и О'Сиггу, о монастырскихъ лѣтописяхъ, главномъ источникѣ исторіи Ирландіи, о жизнеописаніяхъ ирландскихъ святыхъ, весьма важныхъ для изученія быта этой страны въ средніе вѣка и наконецъ о твореніяхъ ирландскихъ бардовъ, прославлявшихъ легендарныхъ героевъ и поэтовъ Финна и Ойзина (ирландскаго Оссиана). Съ такимъ же тщаніемъ написанъ и очеркъ исторіи и литературы Шотландіи. Страна эта распадается на горную и на нижнюю Шотландію, причемъ границей служатъ Грампіанскія горы. Въ нижней Шотландіи жили искони пикты, въ горной же поселились выходцы изъ Ирландіи — скоты. Пикты, какъ доказываетъ съ большою эрудиціей Де-Вальроже, были германскаго, а именно скандинавскаго происхожденія, скоты — кельтическаго. Между обоими племенами вплоть до IX вѣка происходила ожесточенная борьба, кончившаяся подчиненіемъ пиктовъ властителямъ скотамъ. Послѣ соединенія обѣихъ частей Шотландіи въ одно государство король скотовъ покинулъ горы и перешелъ въ бывшую резиденцію пиктскихъ королей, Сконе, затѣмъ въ Дунфермингъ и наконецъ въ Эдинбургъ, приближаясь такимъ образомъ къ англійской границѣ. Частыя сношенія установились между обѣими странами, англійскіе нравы быстро проникли и въ безъ того уже германскую нижнюю Шотландію. Вслѣдствіе этого нижняя Шотландія все болѣе и болѣе разобщалась съ сохранившей древній кельтическій строй горной Шотландіей: власть шотландскихъ королей была въ сей послѣдней странѣ вполне номинальной. Такъ было и послѣ присоединенія Шотландіи къ Англій. Только послѣ возстанія горной Шотландіи подъ предводительствомъ послѣдняго изъ Стюартовъ, Карла Эдуарда, англійское правительство приняло энергическія мѣры для водворенія своего владычества въ такъ-наз. Highlands. Въ очеркѣ литературы древней Шотландіи Де-Вальроже обращаетъ главное вниманіе на разрѣшеніе вопроса, на сколько пѣсни древнихъ шотландскихъ бардовъ, не дошедшія до насъ непосредственно, вошли въ составъ такъ-наз. поэмъ Оссиана, изданныхъ Макферсономъ, и приходитъ къ заключенію, что Макферсонъ крайне произвольно и своеобразно воспользовался древними шотландскими эпическими пѣснопѣвнiami для составленія своего Оссиана.

Въ заключеніе обзора третьей части труда Де-Вальроже замѣтимъ, что такого очерка исторіи и литературы кельтическихъ племенъ, представляющаго такой сводъ результатовъ новѣйшихъ изслѣдованій, и дающаго, несмотря на сжатость изложенія, такое полное понятіе о предметѣ, нѣтъ ни въ англійской, ни въ нѣмецкой литературѣ и не было до сихъ поръ во французской.

Четвертая часть разсматриваемаго нами этюда носитъ названіе „*les Problèmes*“ и посвящена спорнымъ вопросамъ въ исторіи древней Галліи. Въ первой главѣ нашъ авторъ подвергаетъ тщательной критикѣ попытку ученыхъ, въ особенности Амедея Тьери (въ его *Histoire des Gaulois depuis les temps les plus reculés*, 1828), основать этнографію древней Британіи, Ирландіи и Галліи на преданіяхъ и легендахъ ирландскихъ и валлійскихъ о переселеніяхъ кельтическихъ племенъ. Во всѣхъ этихъ преданіяхъ положительно невозможно доискаться историческаго основанія. Далѣе, не извѣстно, когда сложились эти преданія: относительно валлійскихъ положительно можно сказать, что они сравнительно поздняго происхожденія, такъ какъ во времена занятія римлянами Британіи ихъ еще не было. И вотъ, на такихъ шаткихъ основаніяхъ Амедей Тьери основываетъ всю исторію переселенія кельтическихъ племенъ, утверждаетъ, что Британія занята была сперва галльской отраслью кельтической расы, что затѣмъ туда вкочевали Кимры, другое кельтическое племя, вытѣснившее Галловъ въ сѣверную часть острова и въ Ирландію. Подобное же столкновеніе двухъ отраслей кельтическаго племени, по мнѣнію Тьери, имѣло мѣсто и въ Галліи, причеиъ древніе Белги признаются не смѣсью германскихъ и кельтическихъ племенъ, а чисто кельтическимъ племенемъ, оставшимъ отъ другихъ при общемъ переселеніи и вкочеваннымъ позднѣе. Де-Вальроже блистательно доказываетъ, что подобная произвольная фантастическая система не можетъ замѣнить собою ясныхъ и опредѣленныхъ показаній Цезаря. Въ главѣ II-й, Де-Вальроже сводитъ всѣ предположенія, которыя высказаны были въ англійской, французской и нѣмецкой литературѣ по поводу ученія древнихъ друидовъ, указываетъ, что всѣ эти гипотезы ни на чемъ не основаны, и что до сихъ поръ тайна друидизма остается неразгаданною наукой. Въ этомъ очеркѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе блестящее доказательство того, что т. н. „*Mystère des Bardes de l'île de Bretagne*“, изданный Эдвардомъ Вильямсомъ, и послужившій Генри Мартену основаніемъ для изложенія полной системы ученія друидовъ, произведеніе, посвященное въ высшей степени апокрифическій характеръ. Глава III-я содержитъ изложеніе изслѣдованій памятниковъ, которые до недавняго времени считали кельтическими и находящимися въ связи съ друидическимъ культомъ, а именно дольменомъ, кромлехомъ и менгировъ.

Де-Вальроже вмѣстѣ съ Александромъ Бертраномъ признаетъ эти памятники принадлежащими докельтическому періоду. И въ дѣйствительности, если бы эти памятники имѣли связь съ друидическимъ культомъ, то странно, что о нихъ не упоминаетъ ни одинъ греческій или римскій писатель.

Въ главѣ IV, Де-Вальроже приступаетъ къ разрѣшенію вопроса, насколько древне-кельтическія начала сохранились въ нравахъ Валлиса, Ирлан-

діи, Бретани и Шотландіи. Разрѣшеніе этого вопроса важно потому что большинство историковъ французскаго права исходили изъ того возрѣнія, что въ правѣ только что названныхъ кельтическихъ странъ какъ въ зеркалѣ, отразилось право древней Галліи, и что слѣдовательно въ изученіи права этихъ странъ слѣдуетъ искать объясненія происхожденія средневѣковыхъ французскихъ учрежденій и тѣхъ кутюмовъ, которые дѣйствовали во Франціи вплоть до великой революціи. Въ виду исполненія своей задачи Де-Вальроже изучаетъ исторію памятниковъ и источниковъ Валлійскаго права. Валлійскія триады говорятъ о какомъ-то легендарномъ Мельмудѣ, который за нѣскольکو столѣтій до Р. Х. далъ законы британскимъ кельтамъ. Два сборника правовыхъ правилъ, которые, по стилю, несомнѣнно принадлежатъ Гламорганской школѣ бардовъ, приписываются этому Мельмуду. Де-Вальроже не безъ основанія приписываетъ составленіе этихъ сборниковъ какому нибудь барду, желавшему по своему изложить древнее право страны, и объявляетъ ихъ произведеніями фантазій. Гораздо больше вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній мы имѣемъ о законодательной дѣятельности короля Говеля Добраго, царствовавшаго въ X столѣтіи, и собравшаго въ бѣломъ домѣ большое собраніе свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ и лицъ, свѣдущихъ въ правѣ, для предавія юридическихъ обычаевъ письму и для введенія необходимыхъ реформъ въ законодательствѣ. Къ несчастію кодексъ, составленный этимъ собраніемъ, до насъ не дошелъ. Сборники, носящіе названіе законовъ Говеля Добраго несомнѣнно гораздо позднѣйшаго происхожденія: всѣ они относятся къ XIII вѣку. Основой этимъ сборникамъ послужило впрочемъ законодательство Говеля, исполненное узаконеніями послѣдующихъ королей и извлеченіями изъ ученыхъ трактатовъ валлійскихъ юристовъ. Мы различаемъ двѣ серіи сборниковъ. Одни изъ нихъ написаны по латыни, по всей вѣроятности для примѣненія въ вѣдомствѣ церкви, другіе на кельтскомъ діалектѣ. Эти послѣдніе въ свою очередь распадаются на три разряда, смотря по той части Валлиса, въ которой они дѣйствовали. А именно мы имѣемъ сборникъ, дѣйствовавшій въ Венедотин, другой, примѣнявшійся въ Диметин, и третій, въ которомъ излагается право Гвента. Мы упоминали выше о переѣздахъ въ правѣ Валлиса, происшедшихъ въ слѣдствіе подчиненія этой страны англійской власти и изданія Рутеланскихъ статутовъ. Тѣмъ не менѣе туземное право и подъ англійскимъ владычествомъ не вышло совершенно изъ употребленія. Валлійскіе законовѣды продолжали трудиться надъ его разработкой, и, такимъ образомъ, возникло значительное число позднѣйшихъ сборниковъ. Извлеченія изъ этихъ сборниковъ помѣщены въ изданіи валлійскихъ юридическихъ памятниковъ, предпринятомъ по почину англійскаго правительства, подъ неопредѣленнымъ названіемъ „Welsh laws“. Этими извлеченіями надо пользоваться съ большою осторожностью, такъ какъ издатели не опредѣлили нигдѣ даже времени составленія манускрипта, изъ котораго слѣдано то или другое извлеченіе. На этихъ „Welsh laws“ ясно видны слѣды вліянія англійскаго права. Впрочемъ, вліяніе это замѣчается уже въ древнихъ сборникахъ, о которыхъ мы упомянули выше, въ особенности въ сборникахъ Диметин и Гвента, между тѣмъ какъ въ сборникѣ Венедотин оно проявляется гораздо менѣе. Въ главѣ V, Де-Вальроже дѣлаетъ очеркъ валлійскаго права. Мы не можемъ предложить здѣсь

полнаго реферата изъ этой части сочиненія Де-Вальроже. Замѣтимъ только, что въ большинствѣ учрежденій не видно рѣзкаго различія между валлійскимъ и древне-германскимъ правомъ, и укажемъ на нѣкоторые институты въ особенности интересные для исторіи права народовъ, стоящихъ на низкой степенѣ развитія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, мы находимъ въ древней Камбріи остатки общиннаго владѣнія, подобнаго тому, которое Тацитъ и Цезарь описали у Германцевъ: и здѣсь имѣли мѣсто передѣлы, хотя и не ежегодные, какъ у Германцевъ. Далѣе, обратимъ вниманіе на ту ассоціацію родичей, которая носила названія *kenede*, и во главѣ которой стоялъ выборный старшина. Характеръ этой ассоціаціи проблематиченъ. Нѣкоторые думаютъ, что это была семья, другіе, что родъ. Намъ кажется, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ процессомъ разложенія родового начала, когда, по мѣрѣ ослабленія родовой связи, терминъ, обозначавшій прежде родъ, сталъ примѣняться къ тѣмъ группамъ, на которыя распался родъ, т. е. къ семьямъ. Замѣчательно также, какъ производилось взысканіе виры (*galapas* по кимрически), въ случаѣ совершенія убійства кѣмънибудь изъ членовъ *kenede*. Въ уплатѣ виры участвовали какъ родственники со стороны отца, такъ и родственники со стороны матери. Это явленіе, встрѣчающееся впрочемъ и у германскихъ народовъ, указываетъ на то, что въ основу родства полагался у нѣкоторыхъ арійскихъ племенъ не только агнатическій, но и когнатическій принципъ. Отмѣтимъ такъ же одну особенность валлійскаго права, заключающуюся въ странномъ сборѣ, который дозволялся убійцѣ, не находившемуся въ состояніи уплатить виру: ему дозволялось ходить по дорогамъ и требовать отъ каждаго встрѣтившагося ему человѣка, чтобы онъ присягнулъ, что онъ ему не родственникъ. Въ случаѣ отказа отъ присяги, отказывающійся долженъ былъ уплатить требующему присягу извѣстную сумму денегъ. Наконецъ, укажемъ на непрочность брачныхъ узъ древнихъ камбрійцевъ, на то, что внѣбрачное сожителство не лишено было юридическихъ послѣдствій, и что незаконныя дѣти наравнѣ съ законными призывались къ наслѣдованію. Какъ справедливо замѣчаетъ Де-Вальроже, во всемъ брачномъ правѣ нельзя не замѣтить остатковъ древнихъ нравовъ Британіи, о которыхъ повѣствуетъ Цезарь. Въ виду этихъ данныхъ странными кажутся усилія нѣкоторыхъ ученыхъ, какъ напр. Гирна (въ его недавно появившемся трудѣ „*the aryan household*“), опровергнуть во чтобы то ни стало показанія Цезаря о брачныхъ формахъ у древнихъ бритовъ. Впрочемъ, отношенія этихъ авторовъ къ повѣствованію Цезаря объясняются ихъ желаніемъ доказать во что бы то ни стало, что моногамія испоконъ вѣку господствовала у всѣхъ арійскихъ племенъ, и что этимъ племенамъ была извѣстна только одна форма семьи, а именно семья патриархальная. Въ концѣ своего очерка валлійскаго права Де-Вальроже дѣлаетъ заключеніе, что въ виду своеобразныхъ судебъ этого права, въ виду вліянія на него англо-саксонскаго права, имъ нельзя пользоваться непосредственно для возсозданія системы права древней Галліи. Сходство валлійскаго права съ германскимъ онъ объясняетъ принадлежностью кельтовъ и германцевъ къ одной расѣ: оба эти народа, хотя и представляющіе двѣ значительно обособившіяся отрасли индо-европейской расы, все-таки сохранили въ основахъ своего права слѣды общности происхожденія.

Кромѣ того въ древней Британіи было много белгійскихъ колоній, а белги, какъ извѣстно, были смѣсью кельтическихъ и германскихъ племенъ. Такимъ образомъ германскія правовыя начала могли попасть въ обычное право древней Британіи и сохраниться въ обычномъ правѣ Валлиса.

Въ главѣ VI Де-Вальроже обращается къ нижней Бретани и не находитъ въ обычномъ правѣ этой страны почти никакихъ остатковъ кельтическихъ началъ. Даже за т. н. *domaine congeable*, институтомъ, схожимъ съ римскимъ *precatium*, за которымъ большинство историковъ признаетъ кельтическое происхождение, Де-Вальроже этого происхожденія не признаетъ. Въ дѣйствительности, прямыхъ указаній на то, какъ и когда возникъ этотъ институтъ, мы не имѣемъ.

Главы VII и VIII посвящаются праву древней Ирландіи. Право это извѣстно намъ изъ сборниковъ, составленныхъ туземными ирландскими законовѣдами брегонами. На этой части труда Де-Вальроже я еще менѣе останавлиюсь, такъ какъ брегоны и ихъ юридическія сочиненія хорошо извѣстны русской публикѣ изъ имѣющагося въ русскомъ переводѣ сочиненія извѣстнаго англійскаго ученаго Мэна, „*Early history of institutions*“ (древнѣйшая исторія юридическихъ институтовъ). Считаю только долгомъ замѣтить, что очеркъ Де-Вальроже не представляетъ простаго реферата изъ книги Мэна, но что онъ составленъ на основаніи всѣхъ литературныхъ пособій и на непосредственномъ поученіи изданныхъ по почину англійскаго правительства памятниковъ права древнихъ брегонцевъ. По поводу этой главы, я коснусь только нѣкоторыхъ вопросовъ. Такъ, Де-Вальроже расходится съ издателями ирландскихъ памятниковъ относительно вопроса объ авторитетѣ, который имѣли рѣшенія брегонцевъ. А именно, въ предисловіи къ III тому *Brehon laws* издатели высказываютъ мысль, что рѣшенія брегонцевъ имѣли характеръ третейскаго суда, санкціей для котораго служило исключительное общественное мнѣніе; согласно ихъ воззрѣніямъ въ древней Ирландіи вовсе не было судебныхъ мѣстъ, облеченныхъ необходимою властію для приведенія въ исполненіе своихъ рѣшеній. Подобное предположеніе удивляетъ Де-Вальроже: онъ не можетъ себѣ представить общества безъ болѣе или менѣе правильно организованной судебной власти, а потому думаетъ, что судьями въ Ирландіи были короли, имѣвшіе при себѣ брегонцевъ въ качествѣ совѣтниковъ. Насъ въ свою очередь удивляетъ подобное заявленіе со стороны такого историка юриста, какъ Де-Вальроже, занимавшагося, какъ видно изъ его сочиненій, весьма долго и весьма серьезно сравнительной исторіей права. Въ большинствѣ первичныхъ обществъ, еще слагающихся, но еще не сложившихся вполне, мы не встрѣчаемся съ организованной судебной властію. Позволю себѣ привести какъ примѣръ нашихъ кавказскихъ горцевъ, а именно чеченцевъ, у которыхъ не существовало судебной власти, а при возникновеніи споровъ стороны обращались къ третейскому суду стариковъ, славившихся знаніемъ адапа. Старики эти произносили рѣшеніе, но отъ сторонъ зависѣло подчиниться ли этому рѣшенію или нѣтъ (ср. Дубровина, Исторія войны и владычество русскихъ на Кавказѣ. Т. I стр. 455. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ, выпускъ VI. Статьи Умалати-Лоудаева „Чеченское племя“ стр. 25).

Далѣе, позволю себѣ обратить вниманіе читателя на то, что семей-

ныя отношенія въ древней Ирландіи представляютъ тотъ же характеръ, что и въ Валлисѣ: и здѣсь мы встрѣчаемся съ легализаціей вѣбрачнаго сожителства и съ наслѣдованіемъ незаконныхъ.

Въ заключеніе укажу на одинъ обычай, о которомъ подробно говоритъ Мэнъ, и существованіе котораго въ древней Ирландіи заподозривается Де-Вальроже. Рѣчь идетъ объ одномъ оригинальномъ способѣ взысканія долговъ, встрѣчающемся въ Индіи, и называемомъ „*dhaḡna*“. А именно, если должникъ, не исполнившій своего обязательства, занималъ высокое положеніе въ обществѣ, то кредиторъ являлся къ нему, умолялъ объ уплатѣ долга, садился у порога дома должника и заявлялъ, что не уйдетъ, пока не получитъ удовлетворенія, даже, если бы ему пришлось умереть съ голоду, воздерживаясь во все время своего пребыванія у дома должника отъ пищи. Если кредиторъ въ самомъ дѣлѣ умиралъ, то должнику, какъ причинившему ему, хотя и косвеннымъ образомъ, смерть, грозила страшная кара въ будущей жизни. Нѣкоторымъ ученымъ показалось, что подобный обычай находится и въ ирландскомъ юридическомъ сборникѣ, называемомъ *Senchus Mor*: полагали, что, согласно положеніямъ этого сборника, кредиторъ, прежде чѣмъ приступить ко взысканію съ принадлежавшаго къ высшимъ общественнымъ классамъ должника, долженъ былъ, воздерживаясь отъ пищи, просидѣть извѣстное время у порога его дома. Здѣсь возникъ вопросъ, какъ у народовъ, столь отдаленныхъ другъ отъ друга, могъ возникнуть одинъ и тотъ же столь оригинальный обычай. Невольно напрашивался отвѣтъ, что кельты принесли этотъ обычай съ собою изъ обще-арійской прародины. Но, при болѣе внимательномъ изученіи относящихся сюда текстовъ, ученымъ пришлось усомниться, въ дѣйствительности ли то слово сборника *Senchus Mor*, которое обыкновенно истолковывалось въ смыслѣ воздержанія отъ пищи со стороны кредитора, имѣетъ это значеніе. Де-Вальроже на основаніи доводовъ, приводимыхъ ирландскимъ ученымъ Селливаномъ (въ его введеніи къ сочиненію *O'Siugru „Mapners and customs of ancient Irish.“ 1879. pag. 283*) сомнѣвается въ правильности того чтенія, котораго до сихъ поръ придерживались ¹⁾.

Въ главѣ IX, Де-Вальроже сводитъ всѣ скудныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о правѣ шотландскихъ Highlands.

Десятая глава содержитъ въ себѣ эпизодъ, въ которомъ авторъ подводитъ итоги своимъ изслѣдованіямъ.

Во первыхъ, онъ заявляетъ, что Кельты и Германцы были схожи другъ съ другомъ болѣе чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Галлія отличалась отъ Германіи только своимъ друидизмомъ восточнаго происхожденія и началами цивилизаціи, которыми она обязана была своимъ сношеніямъ съ Греціей и Римомъ.

Во вторыхъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ, слѣдуетъ ли ему, подобно другимъ изслѣдователямъ, сдѣлать попытку воссозданія быта юридическаго древней Галліи при помощи права другихъ кельтическихъ народовъ, и отвѣчаетъ отрицательно; подобная попытка привела бы только къ составленію историческаго романа, а не исторіи.

¹⁾ Глава эта въ книгѣ Де-Вальроже отмѣчена по ошибкѣ какъ XIII.

Въ третьихъ онъ высказываетъ мнѣніе, что кельтическія начала въ самой слабой степени вошли въ составъ древняго французскаго права, въ которомъ все можетъ быть объяснено и безъ того, чтобы была необходимость обращаться къ кельтическому праву.

Трудъ Де-Вальроже важенъ, по нашему мнѣнію: 1) потому что въ немъ впервые строго научно опредѣлено, въ какой степени и какъ историкъ французскаго права можетъ пользоваться памятниками права Валлиса, Бретани, Ирландіи и Шотландіи для своихъ цѣлей, и 2) потому что содержитъ полный очеркъ исторіи права кельтическихъ народовъ вмѣстѣ съ полнымъ указаніемъ источниковъ и литературы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, книга Де-Вальроже является необходимымъ пособіемъ для всякаго, занимающагося сравнительной исторіей права.

В. Сожольскій.

(Профессоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея.)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Manuel de droit international à l'usage des officiers de l'armée de terre. Ouvrage autorisé pour les écoles militaires. Paris 1877. — 136 стр. (Руководство по международному праву для офицеровъ сухопутныхъ войскъ).

Дѣйствительная юридическая обязательность международнаго права даже на войнѣ весьма часто отрицается юристами; спрашиваютъ, чѣмъ эта дѣйствительная обязательность обезпечена, что гарантируетъ ее? Имѣютъ, при этомъ, обыкновенно въ виду, что нѣтъ такой власти, въ родѣ государственной, которая могла бы наказывать за каждое нарушеніе предписываемыхъ военнымъ международнымъ правомъ „правилъ и законовъ“. Эти скептики ограничиваются, слѣдовательно, одной внѣшней стороной вопроса, не принимая во вниманіе разнаго другаго обстоятельства, обезпечивающія обязательность такъ наз. „правилъ и законовъ войны“, соответствующихъ состоянію политической культурѣ вѣка, — можно сказать, даже помимо субъективной воли отдѣльных государствъ. Эти обстоятельства, слагающіяся изъ элементовъ матерьяльных и этическихъ составляютъ внутреннюю силу обязательности военнаго международнаго права. Одна изъ гарантій, усиливающихъ уваженіе къ этой обязательности, по мнѣнію весьма авторитетныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, заключается въ обученіи „международному праву во время войны“ тѣхъ лицъ, которые служатъ военнымъ цѣлямъ, т. е. воиновъ; требуютъ такого обученія по крайней мѣрѣ относительно офицеровъ. Въ русскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ наша военная администрація отнеслась къ этому вопросу съ полнымъ пониманіемъ культурнаго его значенія; во всѣхъ ли государствахъ было тоже,

не знаем; кажется, что во Франціи, послѣ послѣдней ея войны съ Германіей (гдѣ, ко стыду французскаго правительства, оказалось незнакомство французскихъ офицеровъ съ существованіемъ женеvской конвенціи 1864 г.), нынѣ хорошо сознается необходимость, что и на войнѣ должно господствовать извѣстное право, обуздывающее произволъ, дѣйствующій безъ всякой нужды для законныхъ цѣлей войны, и что ему обучать слѣдуетъ воиновъ еще во время мира. Всего лучше называется это названнымъ выше „руководствомъ по международному праву для офицеровъ сухопутныхъ войскъ.“ Если на войнѣ будутъ соблюдены эти начала, которыя анонимный авторъ излагаетъ столь прекраснымъ образомъ, и заучить которыя, очевидно, обязательно во французскихъ военноучебныхъ заведеніяхъ, тогда французскія войска будутъ принадлежать къ самымъ цивилизованнымъ, какими до сихъ поръ оказались только наши, въ послѣднюю войну съ Турціей.

Указанное руководство однако, прекрасно не только по гуманности излагаемыхъ въ немъ началъ, слѣдующихъ почти всецѣло принципамъ Брюссельской конференціи, но и по образу изложенія оно достигло, въ извѣстной степени, совершенства, какъ по ясности, точности и послѣдовательности, такъ и, если можно такъ выразиться, по педагогическимъ приемамъ въ немъ. Военное право не можетъ сформулировать вполне категорически всѣхъ правилъ, которыя желательно установить; приходится поэтому довольствоваться иногда гипотетическими предписаніями, предоставляя многое благоусмотрѣнію и доброй совѣсти командующихъ и даже подчиненныхъ войсковыхъ начальствъ, въ вѣкоторыхъ случаяхъ, нравственно обязуя ихъ имѣть въ виду, что отступленіе отъ высшаго правила можетъ имѣть мѣсто только при условіи дѣйствительнаго къ тому принужденія военною необходимостью. И воѣ, въ этомъ отношеніи въ руководствѣ понято дѣло весьма основательно. Черезъ всю книгу проходитъ та мысль, что только законная военная необходимость оправдываетъ то или другое насильственное дѣйствіе на войнѣ противъ непріятеля. Очевидно, весьма важно, чтобы будущіе офицеры воспитывались въ духѣ такихъ правилъ; чтобы они проникались глубоко нравственностью ихъ. Всему этому превосходно содѣйствовать должно серьезное изученіе этой, маленькой по объему, но большой по значенію, книги не назвавшего своей фамиліи автора. Нашъ хвалебный отзывъ находить себѣ подтвержденіе на каждой страницѣ въ ней. Приводить здѣсь примѣры было бы совершенно излишне. Отсылаю интересующагося этимъ вопросомъ читателя къ самой книгѣ, написанной необычайно простымъ, яснымъ и изящнымъ языкомъ, можно сказать— безъ единого лишняго слова.

Кто авторъ, юристъ ли онъ или военный,— одно ли лицо составило эту книжку или участвовало въ этомъ нѣсколько лицъ,— мы этого не знаемъ; но изъ книги видимъ только одно, что она составлена весьма толково, какъ въ юридическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи пониманія требованій военной необходимости; послѣднее обстоятельство и обезпечить за этимъ руководствомъ его практическій успѣхъ и послужило, конечно, причиной, что ему придано такое значеніе въ военноучебномъ мирѣ во Франціи. Книга эта достойна была бы

и русского перевода; она, и по содержанию, значительно превосходить „правила и законы войны по международному праву,“ составленные Циуновскимъ и получившія, въ послѣднюю русско-турецкую войну, весьма большое распространеніе въ нашей арміи. — Въ изложеніи не отсутствуетъ и научный элементъ. Ученыхъ разсужденій, правда, мы здѣсь не встрѣчаемъ, но вопросы поставлены и связаны научнымъ образомъ; вообще, вся книга пропитана глубокимъ научнымъ духомъ и стоитъ въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ, не ниже напр. сочиненій Блюмчли, Геффгера, Неймана и т. д. Да принесетъ она всю ту пользу, которую она принести можетъ по своему высокому внутреннему достоинству.

О. Эйхельманъ.

(Профессоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея).

ОБОЗРѢНІЕ
ДВИЖЕНІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ.

ЗА 1879 Г.

Общій взглядъ на движеніе нашей государственной и общественной жизни въ 1879 г. — Политическія преступленія и чрезвычайныя государственныя мѣры.—Характеристика нашей общественной смуты. Доктрины въ ней предъявленныя. Ея связь съ предыдущею государственною эпохою.—Система чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣропріятій въ 1879 г. — Поворотъ къ новому направлению въ нашей внутренней политикѣ.

Настоящему обзорѣнію подлежитъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ годовъ нашей государственной исторіи.

Съ одной стороны, самыя безнравственныя и самыя бессмысленныя преступленія революціоннаго свойства, начавшіяся еще въ 1878 г. ¹⁾, учащаясь все болѣе и болѣе въ 1879 г., почти безъ всякаго роздыха и перерыва, достигли своего крайняго апогея къ началу нынѣшняго года (6 февраля), отбуда началось какъ будто возвратное движеніе этой мутной волны, зачумившей было всю нашу общественную жизнь. Минувшему же году принадлежатъ наибольшее сгущеніе въ нашей общественной атмосферѣ тѣхъ болѣзненныхъ міазмовъ, которые зачавшись много ранѣе, породили эти преступленія и сопровождали ихъ, насколько присутствіе этихъ міазмовъ около насъ выражалось во внѣшнихъ и осязаемыхъ явленіяхъ, между прочимъ главнѣйше въ пропагандѣ и тайной, такъ называемой «подпольной» литературѣ.

Съ другой стороны, не только общество, но также и само правительство жили въ 1879 г. подъ тяжкимъ гнетомъ чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣръ, которыя были вызваны политическими преступленіями, и достигли, въ этомъ году, также са-

¹⁾ См. Сб. Гос. Зн. Т. VII, Обзоріе, сс. 4 и 5.

маго крайняго своего развитія, прервавъ собою путь законо-
мѣрной государственной жизни и ея мирнаго преуспѣянія. Къ
печалымъ и негодованію общества, возмущеннаго злодѣйскими и
неслыханно дерзкими покушеніями на его спокойствіе, — и болѣе
того, — покушеніями на всѣ самыя свята историческія и народ-
ныя его преданія, — прибавились новыя удрученія отъ чрезвы-
чайныхъ полицейскихъ мѣръ, которыя, ко всеобщей скорби, оста-
вались безуспѣшными и поражали скорбе людей порядка и мира,
чѣмъ ихъ преступныхъ смутчиковъ. Наше общество, какъ всякое
другое, и даже гораздо болѣе всякаго другаго, было безъ сомнѣ-
нія, совершенно готово, безропотно нести всякія временныя стѣ-
сненія своей свободы, вынужденныя чрезвычайными политическими
обстоятельствами. Эти стѣсненія весьма обыкновенны, при такихъ
обстоятельствахъ, угрожающихъ государственной тишинѣ и безо-
пасности, даже въ государствахъ, неизмѣримо богѣе нашего свы-
шихся съ льготами и вольностями общественной жизни. Но тя-
жесть всѣхъ этихъ экстраординарныхъ правительственныхъ распо-
ряженій, развивавшихся и усиливавшихся параллельно съ потокомъ
политическихъ преступленій, особенно болѣзненно отзывалась на
обществѣ, какъ впрочемъ и на самомъ правительствѣ, особенно
потому что всѣ эти распоряженія оказывались не только безсиль-
ными въ борьбѣ съ этимъ потокомъ, но напротивъ того, какъ
будто облегчали его разливы и сами раскапывали новыя для него
ложа. Самое тяжкое чувство, объявшее при этомъ все мыслящее
и разумное русское общество, заключалось конечно въ томъ об-
щемъ, непрерывно возраставшемъ, впечатлѣніи, что эти разливы
упреждаютъ всѣ противупоставленныя имъ плотины, что устраи-
тели первыхъ пересѣкаютъ своими засадами и взрывами всѣ пред-
начертанія строителей послѣднихъ; что инициатива этой борьбы
государства съ его врагами, а съ тѣмъ вмѣстѣ, — что всего ужас-
нѣе, — инициатива въ самомъ движеніи законодательства и всего
государственнаго управления, — какъ будто, была перехвачена въ
свои руки врагами государственнаго порядка, изъ рукъ его охра-
нителей. Первые какъ будто влекли за собою послѣднихъ. Слиш-
комъ извѣстно, что самыя суровыя полицейскія мѣры, когда онѣ
возбуждаютъ недовольство и раздраженіе въ мирномъ обществѣ и
въ особенности когда онѣ принимаются ошупью, и безцѣльно, мо-
гутъ, при извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, прямо вхо-
дить въ вѣрнѣйшіе расчеты государственной крамолы. Давленіе
всего этого впечатлѣнія, наполнявшаго недоумѣніями и всеобщимъ

взапнымъ недовѣріемъ общественныя и даже правительственныя сферы и прибавлявшаго къ подпольной смутѣ другую, новую смуту, возрастало все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ параллельно съ размноженіемъ полицейскихъ вооруженій, размножались и тайныя и явныя злоумышленія, какъ будто обгоняя всякія вооруженія государства. Никому невѣдомая, но малочисленная, по всякимъ вѣроятнымъ соображеніямъ, шайка крамолы брала, казалось съ виду, верхъ надъ величайшимъ въ свѣтѣ государственнымъ могуществомъ.

Причину этого впечатлѣнія, можетъ быть ошибочнаго, но для всѣхъ неотразимаго и охватывавшаго болѣе и болѣе не только общество, но и самое правительство, ближе всего всѣ искали въ полномъ невѣдѣніи существа и источниковъ зла, со стороны тѣхъ, на комъ лежала обязанность борьбы съ нимъ; не только для исцѣленія отъ недуга, но даже для какого нибудь на него дѣйствія, нужно прежде всего его изслѣдованіе ¹⁾. Непроницаемая темнота обружала и для общества и для правительства всѣ эти таеъ называемыя подпольныя явленія, нарушавшія здоровый ходъ жизни, и показывавшіяся на свѣтѣ Вожій изъ какой то никому неизвѣстной, но какъ будто со всѣхъ сторонъ обступавшей насъ пропасти. Для нихъ не знали даже общепринятаго и общепонятнаго названія: то говорили о нигилизмѣ, то о социальной революціи, то о бунтаряхъ, радикалахъ, либералахъ и проч. Дѣлалось для всѣхъ болѣе и болѣе яснымъ и твердымъ только одно убѣжденіе — въ своемъ безвыходномъ невѣдѣніи. Но это-то убѣжденіе и посѣвало въ обществѣ самое тяжкое и самое опасное въ такія години чувство — взаимное всеобщее сомнѣніе. Это всеобщее сомнѣніе поддерживалось тѣми понятіями о посѣтвшемъ насъ злѣ и о способахъ его искорененія, которыя появлялись въ официальныхъ изданіяхъ и которыя противорѣчили фактамъ, для всѣхъ очевиднымъ. Заподозривались, какъ источники зла явленія (напр. разные законныя литературныя и даже чисто ученые предпріятія), завѣдомо для всѣхъ ничего не имѣющія общаго со зломъ, даже ему враждебныя; падали удары государственнаго меча на головы людей ни въ чемъ неповинныхъ. Невѣдѣніе зла всего рѣзче изобличалось полицейскими поисками и судебными процессами, сѣтями которыхъ излавливались преимущественно толпы личностей ничтожныхъ въ пре-

¹⁾ См. писанное нами объ этомъ еще 1½ года тому назадъ въ Сб. Гос. Зн. VII Т. Обзорніе, с. 5.

ступной дѣятельности, отдаленно, безсознательно въ ней прикосновенныхъ, даже ни къ чему непричастныхъ. Между тѣмъ этотъ мракъ, окружавшій зло, и парализовавшій всякую борьбу съ нимъ и государства и общества, стужался тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе усиливались чрезвычайныя полицейскія мѣры, нисколько не содѣйствовавшія распознаванію недуга въ правительственной сферѣ, и только пресѣкавшія всякіе пути его изслѣдованія со стороны общественныхъ силъ. Въ то время, какъ потаенная и запретная печать, минуя всякія препоны и заставы, выходила изъ всякихъ границъ своеволія и дерзости, фактически пользовалась безусловною свободою, въ это самое время, гласная и законная печать не имѣла даже законнаго права упоминать о такъ называемыхъ подпольныхъ и для всѣхъ явныхъ изданіяхъ, защищать противъ нихъ свои мысли и вѣрованія; не имѣла законнаго права даже на самооборону. Въ искренность этой законной печати всѣ переставали вѣрить. Заклятые враги общества, приверженцы самыхъ нелѣпыхъ и невѣжественныхъ политическихъ и соціальныхъ понятій забрали въ свои исключительныя руки самую страшную, самую могущественную человѣческую силу, какъ свою привилегію, какъ свою монополію, — *искренность мнѣнія и слова*. Въ эту ихъ искренность, невозможную, но всеобщему убѣжденію, ни для кого другаго ни въ обществѣ, ни въ государствѣ, вынуждены были вѣрить даже всѣ тѣ, кому были отвратительны ихъ мысли и желанія. Всѣми признанная искренность чувствъ и мнѣній, хотя бы самыхъ чудовищныхъ и дикихъ, есть великая нравственная сила въ обществѣ, въ особенности, посреди всеобщихъ взаимныхъ сомнѣній въ искренности. И этою силою, по странному недоразумѣнію, овладѣвали только враги государства и общества!

Подъ возрастающимъ гнетомъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, полуобманчивыхъ, полуистинныхъ, проведенъ былъ нашимъ обществомъ весь 1879 г. Эта для всѣхъ очевидная ложь общественной жизни не могла долго продолжаться. Всѣми, безъ различія мнѣній и вѣрованій, до безконечности разнообразныхъ и до безконечности запутывавшихся въ темнотѣ, овладѣвало только одно единодушное сознаніе, что такъ жить нельзя, что этотъ путь жизни ни къ чему отрадному дальше привести не можетъ.

Дѣйствительно это напряженное и невозможное состояніе общественной атмосферы разрядилось, вслѣдъ за исходомъ 1879 г., и даже внезапно, въ тотъ самый моментъ, когда можно было всего менѣе этого ожидать, когда развитіе чрезвычайныхъ военно-поли-

цейских иѣръ достигло своего кульминаціоннаго пункта, съ учрежденіемъ Верховной Распорядительной Коммисіи. Отсюда начинается совсѣмъ другая эпоха въ нашей государственной жизни, поворотъ къ иному, почти противоположному ея направленію въ законодательствѣ и управленіи. Совершенно неожиданно и какъ будто противно всякимъ теоретическимъ предвидѣніямъ, это новое направленіе, вообще возвѣстившее собою расширеніе общественныхъ льготъ и свободныхъ отношеній общества къ государству, народа къ правительству, началось съ того самаго формальнаго акта, который водворилъ въ государствѣ почти неограниченную и почти единоличную военно-полицейскую власть, призванную, казалось, поглотить въ себѣ всякія другія законныя и установленныя власти, и всякую свободу жизни. Между тѣмъ вошло совсѣмъ напротивъ. И тутъ пришлось еще разъ убѣдиться, что какъ ни важны формальныя условія государственной жизни, законы и учрежденія, но также важны и личности, приводящія ихъ въ исполненіе, и духъ, влагаемый людьми въ дѣйствія законовъ и учрежденій. И тѣ и другіе мало измѣнились съ прошедшаго года, но въ ихъ жизни «повѣялъ» другой духъ. Въ личномъ составѣ высшаго государственнаго управленія произошли нѣкоторыя значительныя перемѣны въ нынѣшнемъ году; эти перемѣны существенныя сами по себѣ, имѣли еще и то, едва ли не столько-же сильное вліяніе на упомянутый поворотъ въ системѣ отношеній государственной власти къ обществу, что понятія о необходимости этихъ новыхъ отношеній быстро и легко, какъ это всегда у насъ бываетъ, распространились во всемъ остальномъ личномъ составѣ управленія. А эти личныя понятія высшихъ представителей административной власти, при существующей у насъ, крайне и бюрократически централизованной организаціи власти, играютъ первостепенную роль во всѣхъ ея отправленіяхъ.

Но этотъ поворотъ къ новой системѣ государственнаго управленія принадлежитъ уже нынѣшнему году. Въ «обозрѣніи» государственной дѣятельности за 1879 г., мы не могли однако не коснуться этого поворота. Обязанные по возможности искать въ нашихъ «обозрѣніяхъ» опредѣленій общаго характера законодательныхъ постановленій и административныхъ распоряженій данной эпохи, искать ихъ общаго смысла, мы не можемъ терять изъ виду ихъ историческую связь какъ съ предыдущимъ, такъ и съ послѣдующимъ временемъ.

Никогда польза и удобства такихъ «обозрѣній» государственныхъ эпохъ, которыя уже отодвинулись отъ нашихъ непосредствен-

ных впечатлѣній и отъ окружающихъ насъ теперь явленій, не были для насъ такъ ощутительны, какъ въ настоящемъ случаѣ. Общее значеніе чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣръ, господствующихъ во всей государственной дѣятельности 1879 г., совершенно теперь измѣнилось. Хотя онѣ только частью были отмѣнены, и въ значительной своей части (учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторствъ, 5 Апрѣля 1879 г., исключительный порядокъ суда надъ политическими и другими преступленіями, и т. д.), остались еще по буквѣ въ своей законной силѣ, однако общій духъ приведенія въ исполненіе этихъ мѣръ кореннымъ образомъ теперь другой, чѣмъ былъ въ 1879 г., такъ что намъ нѣтъ надобности долго на нихъ останавливаться. Хотя-бы болшею частью и не отмѣненные, всѣ эти мѣры получили для насъ теперь характеръ мѣръ какъ бы почти отмѣненныхъ и временно дѣйствовавшихъ.

Но тѣмъ не менѣе, мы не можемъ оставить вовсе въ сторонѣ, безъ всякаго упоминовенія, всю эту чрезвычайную государственную дѣятельность 1879 г. и съ нею всѣ печальныя общественныя явленія того года, ее вызвавшія. Мы обязаны къ размышленію надъ этими явленіями и этою дѣятельностью, тѣмъ болѣе, что оно можетъ быть теперь свободно отъ гнета первыхъ впечатлѣній. Мы обязаны къ этому не только потому, что исключительныя событія 1879 г. сохранять навсегда большой историческій интересъ, но также и потому что они важны въ практическомъ государственномъ отношеніи, для пониманія потребностей современнаго положенія и ближайшаго будущаго. Какъ бы ни могла казаться для поверхностнаго взгляда совершенно *порванною* всякая связь настоящаго съ прошедшимъ, сколько бы ни говорилось мало размышляющему толпою о внезапно «новомъ наступающихъ эрахъ», но такихъ «порванныхъ связей» и такихъ «внезапныхъ эръ» не существуетъ въ историческомъ развитіи государства и общества.

Также какъ раньше, издавна, готовились и созрѣвали необычныя общественныя явленія 1879 г., также точно въ нихъ самихъ коренились и причины для того послѣдующаго переворота, который повидимому такъ неожиданно и такъ быстро произошелъ въ нынѣшнемъ году, и въ нравственной атмосферѣ общества, и въ сферѣ правительственныхъ мѣропріятій, — въ такъ называемой внутренней нашей политикѣ. Чтобы взять фактическій примѣръ, наиболѣе близкій нашему наблюденію, вспомнимъ, что сознаніе упомянутой выше несостоятельности всѣхъ чрезвычайныхъ военно-полицейскихъ мѣръ 1879 г. къ пресѣченію и предупрежденію по-

литических преступлений должно было скорѣе всего привести къ опыту совершенно противоположнаго направленія въ государственномъ управленіи; этотъ переходъ долженъ былъ совершиться тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе и неподготовленнѣе былъ предыдущій рядъ мѣръ. Такой порывистый ходъ, въ движеніи каеъ нашей административной машины, такъ и самихъ умовъ въ обществѣ, весьма обыкновененъ въ нашей государственной и общественной исторіи. Но даже и въ этихъ порывистыхъ формахъ жизни, которыя принадлежать къ характеристическимъ чертамъ, если не народнаго характера, то физиологіи нашего высшаго общественнаго слоя въ новѣйшемъ его развитіи, — въ этихъ формахъ дѣйствуютъ тѣ же основныя и постоянныя стихіи общественной жизни, которыя хотя и видоизмѣняются, въ своемъ историческомъ развитіи, но только весьма медленно и туго. Было бы слишкомъ легкомысленно думать, что всѣ тѣ нравственные и умственные атомы, изъ которыхъ сложились болѣзненные пароксизмы въ нашей общественной атмосферѣ недавняго времени, могли внезапно исчезнуть, подъ вліяніемъ какого-то чудодѣйственнаго вѣтра, невѣдомо откуда подувшаго; хотя и дѣйствительно въ высшей степени замѣчательно успокоеніе, вдругъ наставшее въ обществѣ вслѣдъ за выше указанными перемѣнами въ духѣ и системѣ государственнаго управленія въ 1880 г. Также точно, съ другой стороны, какъ бы рѣшительны ни были эти административныя перемѣны и каеъ бы много онѣ ни были обусловлены перемѣнами въ личномъ составѣ администраціи, нельзя однако думать, чтобъ уже совсѣмъ перестали существовать въ государствѣ тѣ понятія и условія, изъ которыхъ образовалась предыдущая полицейская система, и чтобъ эти понятія и условія, при той или другой случайности, не могли снова возымѣть силу, хотя бы и въ другихъ формахъ и сочетаніяхъ. Самые эти, столь обыкновенные у насъ, переходы отъ однихъ административныхъ воззрѣній къ другимъ, отъ одного общественнаго настроенія къ другому, часто противоположному, составляютъ сами по себѣ элементъ въ нашей государственной жизни, который долженъ быть принимаемъ въ расчетъ при всякихъ сужденіяхъ объ окружающей дѣйствительности и при всякихъ государственныхъ соображеніяхъ и предположеніяхъ относительно ближайшаго будущаго.

Поэтому, даже для правтическихъ государственныхъ интересовъ текущаго дня, необходимо установленіе какого либо общаго взгляда на исключительныя явленія и чрезвычайныя мѣры прошедшаго года, хотя бы этотъ взглядъ и подлежалъ значительной провѣркѣ

и передѣлѣ въ будущемъ, съ оглашеніемъ новыхъ фактическихъ данныхъ, пока намъ недоступныхъ. Во всякомъ случаѣ, по роду нашего служенія государству, мы обязаны извлечь возможно болѣе государственныхъ назиданій изъ пережитой нами тяжелой години.

Съ тѣхъ поръ, какъ произошли кровавыя преступленія, омрачившія нашу общественную жизнь въ 1878 и 1879 гг., и съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько утихло (по крайней мѣрѣ съ виду) связанное съ ними болѣзненное броженіе въ нѣкоторыхъ нашихъ общественныхъ кружкахъ, мы уже имѣемъ теперь изъ разныхъ источниковъ, главнѣйше судебныхъ, много свѣдѣній о лицахъ, участвовавшихъ въ этихъ преступленіяхъ, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ этому броженію или имъ зараженныхъ, и объ ихъ дѣятельности. Но все таки всѣ эти свѣдѣнія слишкомъ недостаточны, многія изъ нихъ идутъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, изъ источниковъ слишкомъ пристрастныхъ или неблагонадежныхъ (каковы напр. полицейскіе розыски или тайная революціонная литература, старавшаяся всячески раздувать подвиги своихъ героевъ, преувеличивать ихъ силы, искажать дѣйствія властей противъ нихъ, и проч.); критическая оцѣнка такихъ источниковъ пока невозможна и вообще весь этотъ фактическій матеріалъ еще слишкомъ мало разработанъ съ научной, или нейтральной, точки зрѣнія, чтобы возможно было уже теперь, безошибочное и окончательное сужденіе обо всѣхъ этихъ явленіяхъ, столь нужное для исторіи и для государственной практики.

Правда, что доктрина или теоретическая сторона пропаганды, частью революціонной ¹⁾, частью только противозаконной, производившейся у насъ въ разныхъ слояхъ общества, принимавшей на себя оправданіе и даже апологію самыхъ безумныхъ и самыхъ гнусныхъ политическихъ преступленій и потому солидарная съ ними, достаточно извѣстна изъ всѣхъ литературныхъ органовъ этой пропаганды, внутреннихъ и заграничныхъ, чтобы мы могли имѣть уже теперь очень точное сужденіе объ этой доктринѣ.

Но что же это за доктрина? И нужна ли здѣсь какая либо ея критика? Эта критика была бы совершенно праздною дѣломъ, да къ тому же она почти невозможна.

¹⁾ Мы должны оговориться, что подъ терминомъ «революція», «революціонный», мы разумѣемъ исключительно элементъ «противозаконнаго насилія» для «насильственнаго» разрушенія существующаго порядка и насильственнымъ водворенія новаго, или стремленій ко всѣмъ такимъ насиліямъ.

Эта теоретическая сторона нашей общественной смуты, сторона «доктрины» и «идей», подъ открытымъ знаменемъ которыхъ она шевелилась, представляетъ наименѣе и всякаго теоретическаго и всякаго практическаго интереса, — можно даже сказать, что она не представляетъ никакого интереса. При этомъ мы даже и не говоримъ о томъ, что для просвѣщеннаго круга обычныхъ читателей нашего изданія критика этихъ невѣжественныхъ и отста-лыхъ «идей», приводимыхъ какъ мотивъ или какъ оправданіе злодѣйскихъ попушеній и преступленій, была бы только потеряннымъ временемъ. Могутъ ли для мыслящихъ людей быть подобные мотивы и оправданія для подобныхъ преступленій? Уже этого одного, т. е., приведенія какихъ бы то ни было ученій въ связь съ преступленіями, достаточно чтобъ въ наше время, на высотѣ нынѣшнихъ воззрѣній государственной науки, считать несостоятельными всякія такія ученія.

Но сверхъ этого, *во первыхъ*, во всей этой смутѣ и не было никакой дѣйствительной доктрины и никакихъ идей; таковыя могли быть въ ней только обманчивымъ призракомъ для людей, не свѣдущихъ въ развитіи смуты, напр. для такихъ, которые способны были укорять во всѣхъ этихъ преступныхъ явленіяхъ науку и видѣть что-то общее между нею и революціоннымъ образомъ мыслей; проповѣдывать все это въ видахъ ли религіознаго или инаго назиданія юношества, предостерегая его противъ «новѣйшихъ» (?) движеній науки!

Никакой доктрины въ нашей смутѣ не обрѣталось уже потому только, что ея глашатаями и органами, внутренними и зарубежными, предъявлялось неслыханное и безконечное смѣшеніе всякихъ доктринъ и всякихъ идей. Не было политическихъ и социальных системъ и ученій, не было убѣжденій, желаній, стремленій и чаяній, не было политическихъ и социальныхъ «проблемъ», не было воззрѣній на государство и общество, самыхъ между собою противоположныхъ, начиная отъ самыхъ крайнихъ революціонныхъ и дикихъ террористскихъ и коммунистическихъ до самыхъ обыкновенныхъ воззрѣній, напр. конституціонныхъ и даже такъ называемыхъ либеральныхъ, и даже самыхъ охранительныхъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, каковы напр. требованія законности въ государственномъ управленіи, законной охраны неприкосновенности личности и собственности въ государствѣ,— не было наконецъ понятій, которыя бы не излагались въ этой подпольной литературѣ и въ устной потаенной пропагандѣ. Такъ напр. требованія чисто полити-

ческих реформъ встрѣчались въ однихъ и тѣхъ же изданіяхъ, часто на однихъ и тѣхъ же страницахъ, даже у однихъ и тѣхъ же авторовъ, съ исключительнo социальными задачами, съ чистымъ социализмомъ, съ безусловнымъ отрицаніемъ всякой нужды и пользы въ государственныхъ преобразованіяхъ, съ отрицаніемъ всякаго значенія какихъ бы то ни было государственныхъ формъ и учреждений. Для объясненія всѣхъ этихъ противорѣчій и этой разногласицы, было много говорено о разныхъ теченіяхъ, о разныхъ школахъ (?), о разныхъ партіяхъ и фракціяхъ, будто бы существующихъ въ кругу этой самой смуты; однако всѣ эти фракціи, не смотря на свои невообразимыя разногласія и противорѣчія на почвѣ мышленія, изумительнымъ образомъ сходились на почвѣ разрушенія,—яда, винжала, револьвера и динамита. Вотъ этотъ-то послѣдній, самый черный пунктъ въ движеніи нашей смуты, вмѣстѣ съ тѣмъ самый любопытный для ея изученія.

Могутъ замѣтить, что какъ въ революціонной пропагандѣ, начавшейся у насъ много лѣтъ назадъ, такъ и въ атмосферѣ «идей», обружавшей политическія преступленія недавняго времени и вскормившей этихъ новыхъ «дѣятелей», всего болѣе, сравнительно со всякими другими ученіями, выступали элементы социализма, или лучше ученія, извѣстныя въ Европѣ подъ названіемъ «соціальной демократіи». Большинство этихъ новыхъ людей сами всего чаще давали себѣ любящейшую между ними кличку «революціонеровъ *соціалистовъ*» и болшею частью называли часный ими переворотъ «соціальной революціей» (т. е., насильственный политическій переворотъ для переустройства *общества, а не государства*). Но оставляя совершенно въ сторонѣ всякій разборъ теоріи «соціальной демократіи и соціальной революціи» *по ея существу*,—можно ли придавать серьезное практическое у насъ значеніе и этой доктринѣ, какъ *жизненной* причинѣ всего нашего общественнаго броженія, какъ дѣятельному умственному мотиву въ *нашей* смутѣ? Нужно ли доказывать здѣсь, что всѣ ученія, примыкающія къ этой доктринѣ и къ такъ называемому въ западной Европѣ «рабочему или соціальному вопросу», составляющему тамъ жизненный центръ этой доктрины, возникли на исторической и экономической почвѣ, не имѣющей ничего общаго съ нашею. Поэтому, когда литературные органы нашей пропаганды возглашали роковую и кровавую борьбу рабочаго «пролетаріата» съ «буржуазіей», труда съ капиталомъ, влекущую будто бы неизбежно къ соціальной революціи, то для всякаго мыслящаго человѣка всѣ эти возгласы, не смотря на всю ихъ ярость

и весь их пафосъ, хотя бы и искренніе, были только комичны. Было слишкомъ очевидно, что весь этотъ рабочій или социальный вопросъ, со всѣми возбужденными имъ въ западной Европѣ здоровыми и больными учениями, не имѣетъ у насъ, въ нашемъ обыденномъ житейскомъ бытѣ,—въ бытѣ всѣхъ милліоновъ нашихъ рабочихъ людей, *не имѣетъ «костей и плоти», въ той формѣ* жизненныхъ экономическихъ отношеній и даже теоретическихъ ученій, въ какой этотъ вопросъ поставленъ въ западно-европейскихъ обществахъ и цѣлкомъ, безъ всякой оглядки, перенесенъ къ намъ или выкраденъ нашими агитаторами изъ чужой жизни. Было слишкомъ ясно, что этотъ вопросъ и эти ученія не могутъ сами по себѣ сознательно воодушевить, не только вооружить у насъ людей ни къ геройскому самоотверженію, ни къ преступленіямъ, что этотъ вопросъ и эти ученія могутъ развѣ только, по невѣжеству или по другимъ причинамъ, служить случайнымъ флагомъ для прикрытія иныхъ болѣе дѣятельныхъ, болѣе жизненныхъ побужденій и цѣлей.

Конечно, и у насъ, какъ во всемъ свѣтѣ, существуетъ неумолкаемая всемірная борьба капитала съ трудомъ, переходящая вездѣ и всегда черезъ безчисленное множество историческихъ фазъ и національныхъ формъ; сверхъ того, существуютъ и у насъ глубокие недуги и язвы рабочихъ классовъ, причиняющіе мученія сотнямъ тысячъ и можетъ быть милліонамъ людей. Но вся эта борьба, всѣ эти недуги и язвы находятся у насъ въ совершенно иной исторической фазѣ, проявляются въ совершенно иныхъ національныхъ формахъ, во многихъ случаяхъ, даже противоположныхъ формамъ, чѣмъ на западѣ; вызываютъ совершенно иные общіе взгляды на наши общественныя недоразумѣнія, на вопросы о рабочихъ, о главныхъ недостаткахъ ихъ быта и мѣрахъ помощи имъ, чѣмъ форма рабочаго вопроса, системы, теоріи и грезы разрѣшенія его въ другихъ государствахъ. Всѣ эти системы, теоріи и грезы, и въ здоровыхъ и въ болѣзненныхъ своихъ проявленіяхъ, теряютъ въ нашей дѣйствительной жизни всякій практической смыслъ; по крайней мѣрѣ это можетъ быть несомнительно сказано, за исключеніемъ отдѣльныхъ и частныхъ вопросовъ (напр. о дѣтскомъ трудѣ, о гигиенѣ на фабрикахъ, о кредитѣ для рабочихъ и проч.), объ общемъ направленіи и духѣ рабочаго вопроса, въ какомъ онъ волнуетъ западно-европейскія народныя массы, породилъ революціонныя движенія въ ихъ средѣ и пропагандировался ихъ подражателями въ нашей смутѣ.

Впрочемъ все вышесказанное до-нельзя уже доказано фактическимъ опытомъ. Нѣсколько лѣтъ сряду наша социальнo-революціон-

ная пропаганда дѣятельно, но безусловно, работала надъ нашимъ рабочимъ людемъ, и городскимъ и сельскимъ, и фабричнымъ и земледѣльческимъ; она «ходила въ народъ», наряжалась во всѣ возможные самые соблазнительные для народныхъ вкусовъ и предрасудковъ костюмы, и поддѣлываясь подъ всякія формы «народной воли» даже самыя національныя (?),—казацкія круги, раскольничьи толки, разбойничьи шайки, черныя передѣлы земель и т. д. Самые ловкіе и умѣлые пропагандисты и ихъ вожаки торжественно однако сами сознались въ несостоятельности всѣхъ своихъ «хожденій въ народъ». Онъ ихъ рѣшительно не понималъ, а когда случалось, что понималъ, то только вязалъ, побивалъ и предавалъ властямъ. Безъ исключеній не могло разумѣться и тутъ обойтись. Но даже изъ среди самыхъ бойкихъ и возбужденныхъ нашихъ фабричныхъ населеній, получившихъ въ своемъ бытѣ новѣйшаго времени нѣкоторое наружное подобіе съ западно-европейскимъ-промышленнымъ пролетариатомъ, пропагандѣ удалось вырвать только десятки, или только почти единицы *настоящаю* рабочаго люда, сбитаго ею съ толку. Согласно съ положительными, намъ извѣстными, свѣдѣніями, собранными въ нѣкоторыхъ промышленныхъ нашихъ центрахъ, пропагандисты потерпѣли полную неудачу даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе, вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ и личныхъ недоразумѣній, имѣли столкновенія съ своими хозяевами или съ мѣстными полицейскими властями, были недовольны и раздражены противъ «начальства» и производили *своего рода* беспорядки и даже буйства. Но они были возбуждены *своими* недовольствами, неимѣющими ничего общаго съ печалями нашихъ «соціальныхъ революціонеровъ и демократовъ» и потому пускались въ *свои* безчинства и *свои* правонарушенія, неимѣющія ничего общаго съ политическими преступленіями. Единственный случай (чягиринское дѣло въ Черниговской губерніи) увлеченія народной «массы» по слѣдамъ, намѣченнымъ новѣйшими нашими бунтарями, былъ возможенъ только при помощи грубаго съ ихъ стороны обмана и подлога, подъ знаменемъ народной преданности царской волѣ.

Какъ извѣстно и какъ они сами это объясняютъ (въ своихъ судебныхъ и другихъ показаніяхъ), наши смутчики, отчаявшись въ успѣхъ своихъ «хожденій въ народъ», провозгласили для своей дальнѣйшей дѣятельности доктрину «террора», которая и получила господство въ ихъ кружкахъ въ самое послѣднее время; подъ ея знаменемъ, какъ говорятъ сами они, были совершены политическія убійства и злодѣяства 1878—1880 гг. Но что-же и это за доктрина? Можетъ ли она

сама по себѣ быть достаточною умственною причиною для загубленія и траты такого запаса молодыхъ силъ на преступленія, явная безнравственность которыхъ не можетъ не быть сознаваема ими самими? Исключеніемъ изъ этого сознанія могутъ быть развѣ совсѣмъ умственно-притупленные, до мозга костей развращенные или душевно больные люди; но не могло же быть много такихъ людей и не такими же людьми производятся общественныя смуты. Неужели такая доктрина можетъ требовать съ нашей стороны критики и опроверженія? Но можно ли иначе, какъ развѣ въ видѣ горькой ироніи или шутки, называть «доктриною» это новѣйшее «террористское» ученіе «о разрушеніи для разрушенія, безъ всякой идеи, безъ всякаго идеала»? Доктрина парижскихъ коммуналистовъ, до сихъ поръ самая ужасная въ исторіи революціонныхъ движеній и породившая самыя неистовыя подвиги разрушенія, — даже и та доктрина не лишена нѣкотораго идеала, нѣкоторыхъ идей, хотя бы и фантастическихъ, о воссозданіи государственнаго и общественнаго строя. Впрочемъ предположеніе о самой возможности *механическаго* или насильственнаго разрушенія того государственнаго и общественнаго порядка, который зиждется *на органическихъ историческихъ и нравственныхъ основахъ, на понятіяхъ*, выросъ органическимъ историческимъ процессомъ жизни, — все это предположеніе слишкомъ бессмысленно, чтобы его стоило подвергать какому-либо научному анализу. Этотъ процессъ и съ нимъ весь общественный и государственный порядокъ, со всѣми своими людскими отношеніями и понятіями, долженъ ежеминутно снова возрождаться, послѣ каждаго самаго смертельнаго удара. Это предположеніе все равно, что захотѣть вещественнымъ мечомъ разсѣчь безтѣлесное понятіе! Можно развѣ въ какомъ нибудь больномъ бредѣ объ этомъ думать, но даже такая дума только призракъ и ничего болѣе. Однако, могутъ намъ возразить, что это мировоззрѣніе, какъ бы оно ни было нелѣпо, привело же у насъ ко множеству положительныхъ дѣяній, хотя бы и только злодѣяній; оно воодушевило людей, изъ которыхъ многіе, какъ всѣ въ томъ убѣдились на судебныхъ процессахъ, далеко не могутъ быть признаны совершенно глухими и даже совершенно невѣжественными людьми; оно съ упорствомъ держится въ этой кучкѣ, кичащихся своею кличкою «террористовъ» и оно отчасти распространено даже въ болѣе образованныхъ странахъ запада подъ наименованіемъ партіи «анархистовъ» или крайнихъ «нигилистовъ». Замѣтимъ мимоходомъ, что и тамъ за этою революціонною сектою, вышедшею да-

леко за всякіе предѣлы всякихъ, самыхъ крайнихъ западно-европейскихъ революціонныхъ ученій, признается по преимуществу русскій характеръ и русское происхождение. Но не будемъ на этомъ останавливаться. Не въ этомъ для насъ здѣсь дѣло.

Намъ нужно было только показать, что доктрина «разрушенія для разрушенія», которую приводятъ, какъ единственную возможную общую доктрину для объясненія теоретической или умственной стороны нашихъ политическихъ преступленій послѣднихъ лѣтъ, совершенныхъ отъ имени нашихъ «террористовъ» до того бессмысленна и теоретически и практически, что она ничего собою не объясняетъ. Но дѣло въ томъ, что логически бессмысленная сама въ себѣ, на почвѣ мышленія, она возможна на *почвѣ чувствъ и страстей*, какъ результатъ или какъ предлогъ крайней, беззабѣтной душевной и личной злобы и ненависти противъ общества и существующаго порядка. Эта доктрина постижима, если мы допустимъ, что въ людяхъ, зараженныхъ ею, чувства и страсти совершенно поглотили собою дѣятельность разума.

Здѣсь, по долгу безпристрастія, мы обязаны замѣтить, что въ среды нашихъ террористовъ выдѣлилась особая «фракція», умѣренная (?),—откровенные представители которой исключительно и появлялись на послѣднихъ политическихъ процессахъ и которая чуть чуть не именуется себя «мирными террористами». ¹⁾ Эта фракція, признавая свою солидарность съ «чистыми террористами» (слѣдующими доктринѣ «разрушенія для разрушенія»),—но только временную солидарность,—для совокупнаго дѣйствія во всѣхъ покушеніяхъ къ насильственному низверженію существующаго порядка, вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что она имѣетъ «свои идеалы», которые и предложить народу и къ исполненію которыхъ будетъ всѣми своими силами стремиться послѣ «низверженія». Нечего и говорить, что эти «идеалы» на сколько они были изложены этою «фракціей» публикѣ (?) самые смутные. Къ мечтаніямъ чисто социалистическаго или лучше коммунистическаго свойства, которыя въ нихъ господствуютъ, и прямо заимствованы у нѣмецкой «соціальной демократіи», примѣшиваются разные намеки на желаемыя политическія преобразованія, въ томъ числѣ даже самыя обыкновенныя, каково развитіе мѣстнаго самоуправленія. Но оставляя въ сторонѣ

¹⁾ См. кромѣ показаній подсудимыхъ на политическихъ процессахъ, «программу исполнительнаго комитета», извѣстную по этимъ процессамъ и пропандировавшуюся въ 1879 г.

безсмысліе совмѣщенія такихъ противоположныхъ элементовъ въ схемѣ однихъ и тѣхъ-же идеаловъ, болѣе всего спрашивается какимъ образомъ могли совмѣститься въ однихъ и тѣхъ же умахъ вѣрованія въ такіе идеалы, осуществленіе которыхъ немислимо безъ какихъ либо нравственныхъ началъ, и покушенія на преступленія, отрицающія всякія такіа начала? Какимъ образомъ, если только «мирные террористы» или «террористы-соціалисты» искренни въ своихъ показаніяхъ и программахъ и если была какая нибудь логическая послѣдовательность въ ихъ мысляхъ,—какимъ образомъ была возможна какая нибудь ихъ сдѣлка, хотя бы только временная, хотя бы только мгновенная съ «чистыми террористами» съ чистыми разрушителями? Понять это возможно, только допустивъ иступленное раздраженіе чувствъ и страстей въ людяхъ, иступавшихъ въ подобныя сдѣлки, раздраженіе помрачавшее ихъ разумъ.

Вотъ, мы и пришли къ самому существенному, по нашему мнѣнію, вопросу въ нашей смутѣ. Никакихъ сколько нибудь ясныхъ и опредѣленныхъ теоретическихъ ученій, никакихъ даже *общихъ* практическихъ программъ и требованій, политическихъ или соціальныхъ, никакой логики понятій, не видно въ этомъ броженіи умовъ; оно само и весь хаосъ безчисленно разнообразныхъ ученій или лучше обрывковъ всякихъ ученій, въ немъ носившихся, и наконецъ самая послѣдняя доктрина,— террористовъ,— потинувшая за собою людей къ самымъ тяжкимъ преступленіямъ, объясняются гораздо болѣе возбужденіемъ чувствъ, крови, нежели дѣятельностью разума, мозга. Эта дѣятельность разума, если и была тутъ, то она была только послѣдствиемъ возбужденія чувствъ. Подобно тому, какъ изученіе химіи и протехники и все умственное напряженіе, нужное для примѣненія этихъ наукъ къ цѣлесообразному устройству дѣйствія взрывчатыхъ веществъ, требовались только для удовлетворенія личному чувству злобы, ненависти, мести, также точно для тѣхъ же цѣлей требовались и разныя ученія, выставившіяся какъ значки на показъ, можетъ быть, отчасти для успокоенія собственной, еще не совсѣмъ заглушенной, совѣсти, отчасти для совѣсти другихъ. Мы не говоримъ объ исключеніяхъ, о людяхъ, которые по крайней ограниченности ума или по крайнему невѣжеству съ фанатизмомъ предавались этимъ ученіямъ или также о самыхъ простыхъ солдатахъ этой арміи, хотя даже и имъ нужно было сильное возбужденіе чувствъ, чтобъ выйти на эти темные, опасные и новые пути жизни, изъ обыденной, *благонадежной*, проторенной колеи своего прежняго быта. Мы имѣемъ въ виду преимущественно передовыхъ дѣятелей,

или по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые оказались до сихъ поръ таковыми, за непимѣниемъ въ виду другихъ; мы имѣемъ въ виду этихъ дѣятелей до-бѣла раскаленныхъ злобою противъ «легальнаго» общества, *противъ всего живущаго по закону*, — этихъ нашихъ «непримиримыхъ», олицетворяющихъ собою все это общественное броженіе, если его нельзя назвать движеніемъ.

Откуда же накопилось въ нашемъ обществѣ столько непримѣримой злобы и ненависти, что онѣ нуждаются для оправданія своихъ дѣяній въ подобныхъ чудовищныхъ и бессмысленныхъ доктринахъ? Этотъ вопросъ кажется намъ важнѣйшимъ, въ печальной отечественной исторіи послѣднихъ лѣтъ, — важнѣйшимъ не только для науки, но преимущественно для государственной практики, — ибо для всѣхъ слишкомъ ясно, что по тому государственному пути, на которомъ накопилось, въ аріергардѣ государственнаго обоза, столько скверныхъ чувствъ, нельзя безопасно идти.

Такое накопленіе злобы и ненависти въ разныхъ общественныхъ слояхъ весьма понятно въ западно-европейскихъ государствахъ, исторія которыхъ переполнена междуособными бранями, раздоромъ средневѣковыхъ сословій, разрушеніемъ ихъ и возникновеніемъ на ихъ развалинахъ новыхъ общественныхъ группъ, еще не осѣвшихъ и организующихся, не подходящихъ новыми условіями своего быта подъ рамки стараго государственнаго устройства и предъявляющихъ новыя для него условія, различныя со стороны каждой общественной группы, — новой финансовой и буржуазной аристократіи, рабочаго пролетаріата, остатковъ старыхъ сословій, родовой аристократіи, церкви, ея могущественныхъ латинскихъ конгрегацій, и т. д. Но у насъ ничего подобнаго не было и нѣтъ. Сверхъ всего этого, нельзя не замѣтить, что, кромѣ совершенно различнаго съ западною Европою хода нашей исторіи, которая не дала у насъ образоваться крѣпко сплоченнымъ внутри себя и стоящимъ враждебно другъ противъ друга *общественнымъ сословіямъ*, паразитальное для другихъ народовъ добродушіе нашего племени еще болѣе затрудняетъ объясненіе той злобы и ненависти, о которыхъ было говорено выше. Дѣйствительно, уже только поэтому, холодная, бездушная, заваленная выдержка характеровъ героевъ въ нашей общественной драмѣ, на этой почвѣ общественной злобы и ненависти, казалась всѣмъ чѣмъ-то нерусскимъ, хотя и не могло быть сомнѣнія, что въ этой разноплеменной смѣси, какая являлась передъ нами на судебной сценѣ, были и чисто русскіе люди (т. е. по своему происхожденію) и они были между главными дѣйствующими

щими лицами. Только одна черта во всѣхъ этихъ характерахъ, — и только она, — представлялась чисто русскою, — это безстрашіе смерти, пренебреженіе къ жизни!

Отвѣчать на поставленный выше вопросъ весьма не легко. Настоящимъ отвѣтомъ можетъ быть только вся исторія нашей государственной и общественной жизни, и даже не за одно истекшее двадцатипятилѣтіе, а почти за все нынѣшнее столѣтіе. Для такой исторіи, въ особенности за новѣйшее время, нужно еще много изслѣдованій и также много безпристрастія, котораго не могутъ имѣть самые безпристрастные современники. Не вдаваясь однако такъ далеко въ историческія изысканія и нуждаясь, во что бы то ни стало, въ какомъ нибудь объясненіи окружающихъ насъ общественныхъ явленій, мы попробуемъ бѣгло указать на самыя выпуклыя черты *той связи*, въ которой могутъ или должны, по всему вѣроятію, находиться эти явленія съ общимъ движеніемъ пережитыхъ нами историческихъ эпохъ.

Чтобы раскрыть эту связь и розыскать въ разныхъ общественныхъ слояхъ источники накопленія упомянутыхъ элементовъ раздраженія, вскормившихъ собою новѣйшую нашу смуту и ея дѣятелей, нужна была бы по меньшей мѣрѣ точная относительно нихъ статистика, которой нѣтъ и которая едва ли возможна при нашихъ условіяхъ. Нужно было бы въ подробности знать изъ какихъ общественныхъ положеній вышли эти новые, неслыханные въ старое, такъ называемое *дореформенное*, время люди, знать всѣ обстоятельства ихъ воспитанія и окружавшей ихъ семейной и общественной обстановки, условія ихъ предыдущей жизни; затѣмъ знать исторію первыхъ зародышей революціонной мысли и ея послѣдующаго движенія, ея воплощенія въ дѣло и его организацію, всѣ стадіи дальнѣйшаго развитія этой организаціи и т. д. Если относительно лицъ, подпавшихъ публичному судебному обвиненію, мы имѣемъ въкоторыя такія данныя, впрочемъ весьма отрывочныя и туманныя, то мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній о несравненно большемъ числѣ лицъ, ускользнувшихъ отъ всякаго правительственнаго преслѣдованія, о подвергнувшихся только полицейскимъ распоряженіямъ, объ административно высланныхъ, наконецъ о лицахъ и кружкахъ, бывшихъ въ тѣхъ или другихъ, болѣе или менѣе сочувственныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ предыдущимъ категоріямъ и не проявившихъ ничѣмъ ни своихъ противозаконныхъ дѣйствій, ни даже своихъ протестующихъ противъ су-

шествующаго порядка мыслей или озлобленныхъ противъ него чувствъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что еслибъ даже и возможна была статистика, хотя бы только вышеупомянутыхъ категорій людей, официально виновныхъ и заподозрѣнныхъ, то и она не привела бы насъ ни къ какимъ результатамъ, ибо между этими людьми было не мало преслѣдовавшихся по недоразумѣніямъ и ошѣбкамъ.

Вся эта область покрыта для насъ почти непроницаемымъ мракомъ; иначе и быть не можетъ при условіяхъ нашей общественной жизни, которая, въ искреннѣйшихъ порывахъ души и сердца, бываетъ сокрыта отъ всякаго свѣта. Освѣтить всю эту темную область нельзя одними полицейско-сыскными силами, хотя бы даже и гораздо лучше организованными, чѣмъ наши. Кстати сказать, даже и для лучшей организаціи и болѣе успѣшной дѣятельности самыхъ этихъ силъ, встрѣчаются непреодолимые препятствія въ самыхъ условіяхъ этой неискренности и негласности общественной жизни. Таковы бывають примѣры печальной исторической провинности свободы общественной жизни мстятъ сами за себя, парализуя даже законныя и необходимыя орудія борьбы государства съ своими врагами! Въ другихъ странахъ, гдѣ гласность и свобода мнѣнія и общественной дѣятельности предшествовали подобнымъ катастрофамъ, поле ихъ дѣйствія было заранее освѣщено для правительственной власти, она не была застигаема врасплохъ и не была вынуждена распорядиться ощупью. Такъ напр. въ Германіи, при неизмѣримо болѣе серьезномъ распространеніи революціонныхъ элементовъ и при неизмѣримо большихъ трудностяхъ борьбы съ ними, чѣмъ у насъ, она была однако сравнительно гораздо легче потому, что взрывамъ революціонныхъ страстей, послѣдовавшимъ или на почвѣ самой «соціально-демократической» организаціи или въ нравственной связи съ нею, предшествовала открытая и свободная дѣятельность этой организаціи и всякихъ другихъ политическихъ и другихъ союзовъ и обществъ. Для административныхъ и полицейскихъ мѣръ, которыя были приняты въ Германіи противъ «соціальной демократіи» и которыя мы впрочемъ нисколько не беремся здѣсь защищать, была, между прочимъ, прочная основа въ обширной и даже научной литературѣ, обсуждавшей этотъ предметъ, въ связи со всѣми однородными общественными движеніями въ Европѣ, со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣній и въ духѣ всѣхъ возможныхъ пар-

тій. Нѣкоторыя работы по этой части, оказавшія собраніемъ обширнаго фактическаго матерьяла ¹⁾ большія услуги даже наукѣ, были предприняты отчасти съ содѣйствіемъ или подъ покровительствомъ самого германскаго правительства. Ничего подобнаго не существуетъ и не могло существовать у насъ. Если и имѣются у насъ какіе либо официальные сборники такихъ свѣдѣній, впрочемъ недоступные публикѣ, то они не могли служить вѣрнымъ пособіемъ для администраціи, такъ какъ они не основаны на личныхъ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ людей, знающихъ дѣло съ другихъ сторонъ, чѣмъ съ исключительно полицейско-сыскной. Не бывъ изданы въ свѣтъ, такіе труды не могли быть очищены и провѣрены критикою и скорѣе могли вводить въ заблужденіе относительно явленій нашей общественной жизни, чѣмъ освѣщать ихъ.

Пользуясь тѣми немногими фактическими данными, какія вамъ доступны, преимущественно по судебнымъ процессамъ, мы можемъ однако уловить нѣкоторыя историческія и фізіологическія черты нашего общественнаго броженія, несовсѣмъ ошибочныя и несовсѣмъ бесплодныя для размышленія о прошедшемъ и о ближайшемъ будущемъ.

Быль часто возбуждаемъ вопросъ, и онъ дѣйствительно существенъ: къ какому сословію, состоянію или общественному классу главнѣйше принадлежать участники политическихъ преступленій и прикосновенныя къ нимъ лица?

Если отнести этотъ вопросъ только къ той массѣ лицъ, которая сдѣлалась извѣстна публикѣ черезъ судебные процессы, то можно было бы получить только одинъ безошибочный отвѣтъ, который уже и былъ часто выводимъ изъ всѣхъ официальныхъ свѣдѣній объ этихъ лицахъ. Нѣтъ того сословія, состоянія, званія, класса, рода занятій, общественнаго положенія, вѣронсповѣданія, племени, области и края, входящихъ въ составъ русскаго государства и его народонаселеній, которые бы не имѣли тутъ своихъ представителей. Эта масса людей всего болѣе поражаетъ пестротой и смѣсью всѣхъ безъ изыатія общественныхъ элементовъ, существующихъ на русской землѣ. Этотъ выводъ единственный безошибочно вѣрный; а болѣе близкія опредѣленія личнаго состава этой массы привлеченныхъ къ суду людей могутъ быть только при-

¹⁾ Напр. см. многотомное изданіе «Der Emancipationskampf des vierten Standes von R. Meyer. Berlin. 1875».

близительно вѣрны. Мы вынуждены однако отважиться, хотя бы на нѣкоторыя, наиболѣе вѣроятныя, изъ такихъ опредѣленій, чтобы имѣть передъ собою нѣсколько болѣе точныя очертанія этой вновь появившейся передъ нами общественной массы.

Не смотря на смѣсь въ этой массѣ всѣхъ безъ изъятія сословій и общественныхъ положеній, въ ней совершенно однако недостаютъ, представители двухъ крайнихъ общественныхъ слоевъ: самаго высшаго (по рожденію, богатству и положенію) аристократическаго, знатнаго и высокочиннаго, на сколько таковой у насъ существуетъ, и также самаго низшаго слоя — крестьянскаго. Если къ первому слою и могутъ быть отнесены въ этой массѣ нѣкоторыя капли, то овѣ восходятъ къ нему только косвенными, побочными путями и утратили всякія съ нимъ связи. Еще на болѣе далекомъ разстояніи отъ этой преступной сферы, стоитъ крестьянское или лучше мужицкое народонаселеніе, т. е., настоящее и натуральное наше мужицкое народонаселеніе, — бѣдное, земледѣльческое, забитое трудомъ и сросшееся съ своимъ міромъ и своею землею. Если и попадались на скамьяхъ подсудимыхъ люди, официально принадлежащіе къ крестьянскому сословію, то они давно вырвались изъ мужицкой среды и потеряли всякое ея подобіе.

Затѣмъ замѣчается наибольшее, сравнительно съ другими сословіями, общественными группами и племенами, участіе въ политическихъ преступленіяхъ евреевъ, духовнаго сословія и *въ особенности дворянскаго*. Но никакъ не должно терять изъ виду, что субъекты являвшіеся на скамьяхъ подсудимыхъ или въ спискахъ скрывшихся отъ судебного преслѣдованія, яко экземпляры изъ упомянутыхъ трехъ сословій, вслѣдствіе своего официального званія, крови или просто приписки, въ сущности нисколько *не представляютъ собою типически* этихъ классовъ, на сколько *тѣмъ* cadaго изъ нихъ *установился* въ его стародавнемъ бытѣ и нашихъ прежнихъ о немъ, понятіяхъ. Если печать еврейскаго типа, выдерживающаго всегда всякія испытанія судебъ, сохранилась наиболѣе на его представителяхъ, то все таки это были не тѣ евреи, какихъ мы знаемъ и знаетъ весь свѣтъ: они оторвались отъ обычныхъ еврейскихъ занятій, значительно разстались съ еврейскихъ характеромъ, совсѣмъ отпали отъ іудейскаго закона, совсѣмъ вышли изъ кагала, хотя родители многихъ такихъ субъектовъ могли быть настоящіе евреи. Духовенство, въ настоящемъ смыслѣ слова (по крайней мѣрѣ духовенство не заштатное и незапрещенное) не имѣло кажется ни одного представителя; даже это, поражавшее всѣхъ

множество лицъ, по происхожденію своему изъ духовнаго сословія, являлось, весьма обезличеннымъ въ своемъ семинарскомъ типѣ, столь у насъ рельефномъ въ старое время и столь живучемъ, (подобно еврейскому). Изъ круга представителей нашего высшаго или дворянскаго сословія, собственно лица, вполне выражающія собою его типъ и быть въ ихъ многообразныхъ формахъ—помѣщичьей или нечиновной, провинціальной и деревенской, служивой гражданской и военной,—составляли самое ничтожное исключеніе. Къ дворянству чиновному и нечиновному, или лучше къ «благороднымъ» повывраженію иныхъ, (или къ «господамъ» и «барамъ» по выраженію нашихъ простолюдиновъ) причисляется у насъ, и на официальномъ языкѣ и въ понятіяхъ общества, самая разнообразная и необъятная масса всякаго рода людей и всякаго рода общественныхъ типовъ, необычайно различныхъ и по своему рожденію, и по быту, и по воспитанію, и по занятіямъ, и даже по своимъ узаконеннымъ званіямъ. Неудивительно, что на сценѣ разыгрывавшейся передъ нами политической и судебной драмы, всего болѣе фигурировали, въ особенностяхъ между главными лицами, разнородные представители этой наименѣе стрѣйшей массы нашего общества. Наибольшее число субъектовъ принадлежитъ тутъ или по происхожденію или своему настоящему положенію къ тому разряду людей, который въ прежнее время именовался у насъ «разночинцами», за невозможностью объединить его чрезвычайное разнообразіе и причислить къ какому нибудь опредѣленному «чину», сословію и званію. Этотъ разрядъ наименѣе стрѣйшій, безъ всякихъ установившихся занятій и быта, состоявшій изъ обрывковъ всѣхъ сословія, главнѣйше дворянскаго, всего болѣе приближался, по своему типу и быту или лучше по своимъ «требованіямъ отъ жизни» (или «аспираціямъ») къ дворянству, къ высшему классу, къ «интеллигенціи». Въ старое время этотъ нашъ общественный классъ былъ самый несчастный и самый «придавленный»,—самый угнетенный обстоятельствами жизни и самый безгласный и тихій, развѣ за исключеніемъ выходившихъ изъ его среды «приказныхъ ябедниковъ» и «ходатаевъ по дѣламъ». Но онъ былъ тогда малочисленъ. Въ новѣйшее время онъ особенно размножился и особенно оживился.

Этотъ очеркъ личнаго состава толпы, участвовавшей въ политическихъ преступленіяхъ, съ точки зрѣнія ея отношеній къ общественнымъ классамъ, изъ которыхъ она вышла, остается еще пополнить нѣкоторыми замѣчаніями. Какъ дворянство или разночинцы въ высшемъ общественномъ слоѣ, также точно и мѣщанство въ низ-

пемъ доставило наибольшій контингентъ въ эту армію. Подобно разночинцамъ, мѣщане такое-же неопредѣленное у насъ сословіе; для него нѣтъ никакихъ точныхъ очертаній ни по занятіямъ, ни по быту, ни по общественному положенію. Мѣщанство не имѣетъ никакого бытоваго типа; не только нѣтъ никакой общей фізіономіи у русскаго мѣщанина, но она даже не одинакова у нѣсколькихъ лицъ этого сословія въ одномъ городѣ и въ одномъ посадѣ. Сюда, вслѣдствіе той или другой случайности, большею частью *бѣдности*, можетъ принадлежать или быть *приписано* все что угодно въ кругу нисшихъ классовъ: мѣщаниномъ можетъ быть и чистый крестьянинъ-хлѣбопашецъ (какихъ не мало въ мелкихъ городахъ) и фабричный рабочій пролетарій, и купецъ, и фабрикантъ, и адвокатъ и писатель и лице изъ всякихъ другихъ новѣйшихъ либеральныхъ профессій.

Всего кажется менѣе изъ всѣхъ нашихъ сословій доставило своихъ представителей на скамью политическихъ подсудимыхъ купечество. Мы говоримъ о томъ купечествѣ, которое установилось изъ рода въ родъ, съ своимъ опредѣленнымъ бытомъ и типомъ, а не о той весьма колеблющейся у насъ массѣ, которая то торгуетъ, то не торгуетъ по гильдейскимъ свидѣтельствамъ и смѣшивается съ мѣщанствомъ. Изъ самаго высшаго, родового и знатнаго слоя купечества, въ томъ смыслѣ въ какомъ мы его выше опредѣлили, не было кажется ни одного субъекта въ числѣ гласно обвиненныхъ по политическимъ преступленіямъ.

Ко всей этой характеристикѣ нужно наконецъ прибавить еще одну черточку, въ нашихъ глазахъ немалозначительную. Посреди этой смѣси всѣхъ безъ изыятія родовъ людей, находящихся въ русскомъ подданствѣ, всѣхъ племенъ, языковъ и вѣроисповѣданій, нельзя не замѣтить *безусловнаго отсутствія двухъ элементовъ*, не малочисленныхъ однако въ составѣ этого подданства: раскольниковъ-старообрядцевъ и остзейцевъ. Этотъ фактъ кажется намъ несомнительнымъ; можетъ быть, при ближайшемъ анализѣ массы подсудимыхъ по политическимъ преступленіямъ, окажется такое же отсутствіе въ немъ и нѣкоторыхъ другихъ элементовъ.

При чрезвычайной многочисленности и разнообразіи нашихъ религіозныхъ сектъ, нельзя положительно утверждать, чтобы безусловно всѣ онѣ отсутствовали, хотя вѣроятно всѣ отсутствовали (за исключеніемъ конечно вновь народившейся у насъ секты, дерзко и бессмысленно именовавшей себя на политическихъ процессахъ

атеистическимъ революціоннымъ *впроисовданіемъ?* ¹⁾, но безусловное отсутствіе важнѣйшей и многочисленнѣйшей отрасли нашихъ сектантовъ — раскольниковъ - старообрядцевъ, во всѣхъ толкахъ, по обѣимъ вѣтвямъ ихъ поповцевъ и безпоповцевъ, ²⁾, положительно извѣстно. Также точно замѣчательно безусловное отчужденіе отъ нашей смуты всѣхъ *безъ изытія сословіи* прибалтійскихъ губерній (за исключеніемъ евреевъ); въ этомъ краѣ не было и никакихъ слѣдовъ пропаганды, хотя представители нѣкоторыхъ разрядовъ его сословіи, преимущественно бюргеровъ (напр. литераты) заявляли неоднократно сильный и даже безпокойный политическій духъ, хотя все нѣмецкое прибалтійское народонаселеніе не отличается нѣжными чувствами къ Россіи и хотя наконецъ между нимъ и другими мѣстными племенами и низшими классами существуетъ разнь. Потому здѣсь можно было, болѣе чѣмъ гдѣ либо, ожидать сѣмянъ гражданской смуты, и однакоже они въ этомъ случаѣ не оказались.

Изъ всего этого очерка границъ той общественной среды, которая находилась въ ближайшемъ соприкосновеніи съ лицами и «организациями», производившими политическія преступленія, можно вывести довольно вѣроятное общее заключеніе, что въ этой общественной средѣ преимущественно участвовали всѣ «*неустановившіяся*» у насъ внизу и наверху старыя и новыя общественныя классы. Нужно замѣтить, что въ границахъ этой-же самой среды, разобщенной со всѣми установившимися общественными кругами, съ обыденною, нормальною жизнью нашего общества, и потому въ средѣ скрытой и темной для него, происходило и зачалось гораздо ранѣе все то «броженіе идей», смута понятій, болѣе или менѣе сочувственная или родственная позднѣйшей смутѣ дѣяній и покушеній. Подъ «неустановившимися» мы разумѣемъ такіе общественныя слои или лучше пространства промежуточныя между рѣзко опредѣленными слоями и историческими общественными формациями, гдѣ слабы или вовсе отсутствуютъ вообще однородныя, отчасти со-

¹⁾ Вѣроятно въ шутку.

²⁾ Извѣстна неудача многократныхъ чрезвычайныхъ усилій, употребленныхъ къ соращенію раскольниковъ въ революціонную пропаганду. Даже когда это соращеніе удавалось, въ видѣ рѣдкаго исключенія, относительно двухъ-трехъ личностей, сбитыхъ съ толку, то эти личности тотчасъ дѣлались отщепенцами отъ раскола и были исторгаемы изъ своей среды. Дальнѣйшая пропаганда въ этой средѣ черезъ посредство этихъ личностей дѣлалась невозможною.

словныя, преданія воспитанія, преемственности занятій, строго очерченнаго быта (дворянскаго, священно-служительскаго, купеческаго крестьянскаго, и проч.) и его своеобразныхъ привычекъ, понятій и вѣрованій; гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ господствуетъ шаткость имуществъ, матерьяльнаго обезпеченія и всего общественнаго положенія; гдѣ люди бродятъ между всѣми положеніями, неустанно озабоченные поисками на какое бы то ни было положеніе; гдѣ образуются общественные «пролетаріи» или по нашему «скитальцы», какъ они уже были весьма характеристично названы въ современной нашей литературѣ. Не должно забывать, что характеристическую черту «пролетарія» составляетъ никакъ не «бѣдность» сама по себѣ, а прежде всего несоотвѣтствіе наличныхъ матерьяльныхъ средствъ съ ощущаемыми потребностями, съ требованіями отъ жизни; это несоотвѣтствіе и производитъ то острое ощущеніе нищеты, возможное при средствахъ весьма обильныхъ для удовлетворенія инаго объема и инаго рода потребностей, ту шаткость и необезпеченность быта и то неизбѣжное при всемъ этомъ *чувство раздраженія*, — всѣ тѣ свойства, которыми отличается типъ такъ называемаго «пролетарія» во всѣхъ общественныхъ слояхъ, и самыхъ высшихъ и самыхъ низшихъ.

Всѣ эти общественно-физиологическія свойства рождаются и развиваются главнѣйше въ тѣ историческіе моменты, когда вслѣдствіе новаго поворота государственной и общественной жизни, растриваются установившіяся вѣками матерьяльныя и нравственныя условія *наследственнаго быта*, характеризующаго каждый общественный классъ; эти свойства рождаются и развиваются главнѣйше на тѣхъ пространствахъ или въ тѣхъ промежуточныхъ полостяхъ общественнаго организма, въ которыхъ накапливается наиболѣе осадковъ или обломковъ отъ разстроивающихся, разрушающихся, вывѣтривающихся старыхъ общественныхъ формаций, классовъ, сословій. Тутъ въ этихъ полостяхъ, посреди этого историческаго процесса, который собственно никогда не прерывается, но который въ иныя государственныя эпохи бываетъ особенно стремителенъ и особенно быстро расширяетъ упомянутыя «междоумочныя» пространства между общественными группами, размножаются эти люди весьма характеристично названныя французами «gens déclassés», у насъ въ дворянскомъ быту «недорослями», и которыхъ мы позволимъ себѣ назвать «междоумками». Этотъ родъ людей образуетъ собою то общественно-физиологическое вещество, наполняющее полосы и ущелія между установившимися общественными класса-

ми, которое служить матерьяломъ для образованія пролетаріата, въ особенности *пролетаріата умственнаго*, самаго несчастнаго и самаго болѣзненнаго. Въ кругу какихъ-же больше личностей, какъ не тѣхъ, которыя оторвались отъ одного наслѣдственнаго быта и не пристали къ другому, или же выросли въ тѣхъ закоулкахъ общества, у которыхъ никогда не было никакого точно опредѣленнаго быта и типа (какъ между нашими разночинцами), которыя не доросли ни до какого опредѣленнаго положенія въ обществѣ,—гдѣ-же больше могло возникнуть упомянутое выше не соответствіе между «средствами» и «потребностями», производящее наибольшую горечь и раздраженіе жизни, помимо всякихъ «доктринъ» и «ученій»?

Отъ этихъ общихъ мыслей, которыя хотя и имѣютъ прямое отношеніе къ нашему предмету, но полное развитіе которыхъ отвлекло бы насъ слишкомъ далеко,—мы должны слѣпить къ очерку дѣйствительныхъ фактовъ нашей общественной смуты, еще несовершеннаго нами законченному.

Хотя русскому обществу далеко не пришлось испытать ничего подобнаго глубокимъ переворотамъ, разрушившимъ, во всей Западной Европѣ, сословный общественный строй и средневѣковое сословное государство и породившимъ (совокупно съ другими причинами экономическаго свойства) между прочимъ рабочій (преимущественно фабричный) пролетаріатъ,—такъ называемое четвертое сословіе и его волненія *), — также какъ у насъ не было строго очерченныхъ, родовыхъ сословныхъ союзовъ и феодальнаго сословнаго государства, подобнаго западно-европейскимъ,—однако мы имѣли, въ недавней нашей исторіи, *нѣчто сходное съ западно-европейскими явленіями, отразившееся у насъ въ противоположность къ западу, преимущественно въ высшихъ слояхъ общества.* Съ упраздненіемъ крѣпостнаго права и другими государственными реформами, тѣсно съ нимъ связанными и обновившими нашъ общественный и административный строй, мы также должны были пережить историческій процессъ, разстроившій всѣ прежнія, давно сложившіяся, съ XVII столѣтія, общественныя организаціи,—если не настоящія средневѣковыя феодальныя сословія, какихъ у насъ не было, то «состоянія», окончательно сформулированныя и закрѣплен-

*) См. «Соціальный вопросъ» В. П. Безобразова (статьи печатавшіяся въ газетѣ «Голось» въ 1878 и 1879 г.г.).

ння въ сводѣ законовъ. Этотъ процессъ распаталъ установившійся (впрочемъ и до того большею частью не крѣпкій) бытъ этихъ «состояній», преимущественно высшихъ, или вѣрнѣе ихъ низшаго и средняго слоя ¹⁾. Существовавшія дотолѣ обезпеченія благосостоянія и условія хозяйства и дѣятельности (а также и бездѣятельности) этихъ общественныхъ классовъ были круто потрясены. Слишкомъ очевидно вліяніе въ этомъ отношеніи на средній, и въ особенности, на нисшій помѣщичій бытъ упраздненія крѣпостнаго права, барщины во всѣхъ формахъ и видахъ, *всего натуральнаго хозяйства*, которое обезпечивало и всякими даровыми цѣнностями и всякою даровою людскою службою благополучіе и даже почетъ многочисленнаго бѣднаго дворянства и которое пришлось замѣнить денежнымъ хозяйствомъ, при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было денежныхъ капиталовъ. Сверхъ того, неумѣніе вести денежное или коммерческое хозяйство, совершенная нравственная и умственная беспомощность въ новомъ положеніи повели къ тому, что значительная часть денежныхъ капиталовъ, которые достались по выкупнымъ и другимъ операціямъ, сопровождавшимъ ликвидацию крѣпостнаго хозяйства, были непроизводительно растрочены въ нисшемъ словѣ дворянства. Тутъ многое произошло по русской поговоркѣ: «последняя копѣйка поставлена была ребромъ», съ горя! Но въ томъ-же направленіи дѣйствовали, преимущественно на разныя категоріи высшихъ или образованныхъ (?) классовъ, и всѣ другія реформы, сами по себѣ справедливыя и въ высшей степени благодѣтельныя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, всѣ административныя и судебная реформы значительно измѣнили условія жизни многочисленнѣйшей и бѣднѣйшей группы нашего высшаго класса, нашей «интеллигенціи», служилаго или чиновничьяго класса, преимущественно нисшаго, мало образованнаго и мало воспитаннаго (при всѣхъ его претензіяхъ на образованіе и «благородство»),—этого настоящаго нашего пролетаріата.

Благодаря крѣпко сложившемуся многими вѣками общественному строю нашихъ крестьянъ, вѣковѣчнымъ историческимъ преданіямъ и религіознымъ вѣрованіямъ въ ихъ средѣ и великимъ началамъ крестьянской реформы, согласованнымъ съ ихъ историческимъ бытомъ,

¹⁾ Известно какъ мало были потрясены крестьянскою реформою условія благосостоянія самаго верхняго слоя дворянства, жившаго преимущественно на счетъ обширныхъ оброчныхъ мѣстъ; во многихъ случаяхъ владѣльцы такихъ мѣстъ даже значительно выиграли отъ выкупа.

онъ былъ *сравнительно* (мы говоримъ сравнительно съ другими сословіями) наименѣ поколебленъ, хотя бы наша финансовая система и продолжала, и даже еще въ большей степени, чѣмъ прежде, лежать тяжкимъ бременемъ на крестьянскомъ благосостояніи. Нищета, какъ бы она ни была мучительна для людей, еще не есть сама по себѣ расшатанность, дезорганизація ихъ быта; первая только усиливаетъ послѣднюю, когда съ нею соединяется, какъ это случилось въ нисшемъ слоѣ дворянства, чиновничества, разночинцевъ и духовенства.

Совершенно иное чѣмъ въ крестьянствѣ, мы видимъ въ другой крупнѣйшей группѣ нашихъ нисшихъ или рабочихъ классовъ, такъ называемыхъ податныхъ сословій, въ мѣщанствѣ, которое никогда не имѣло никакой прочной, самостоятельной исторической организаціи, которое никогда ничего не представляло собою рельефнаго и типическаго въ народной жизни и которое было въ своемъ бытѣ также бѣдно и необезпечено въ дореформенное время, какъ и въ позднѣйшее.

Совсѣмъ противоположный характеръ имѣлъ у насъ крѣпко сложившійся бытъ высшаго слоя городскихъ сословій,—купечества; его-же вмѣстѣ съ тѣмъ всего менѣ коснулись реформы. Напротивъ, общій ходъ законодательства, финансовой администраціи и нашей государственной жизни, въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, былъ таковъ, что онъ могъ быть наиболѣе благопріятенъ для высшаго коммерческаго класса, который оказался всего умнѣ среди обстоятельствъ новаго періода нашей государственной исторіи; онъ всего скорѣе нашелся въ новыхъ условіяхъ народнаго и государственнаго хозяйства, въ новыхъ условіяхъ промышленной дѣятельности и обогащенія, желѣзнодорожныхъ, банковыхъ и всякихъ другихъ предпріятій, и въ новыхъ условіяхъ пріобрѣтенія имуществъ и спекуляціи. Въ этомъ отношеніи къ купечеству, исключеніе изъ всѣхъ государственныхъ реформъ составляла только новая венская повинность; она одна шла рѣзко наперекоръ всѣмъ преданіямъ и всѣмъ привычкамъ купеческаго быта. Она и произвела въ немъ, и она одна, нѣкоторое разстройство, горечь и недовольство. Но социальныя послѣдствія этой реформы, самой послѣдней, изъ нашихъ государственныхъ преобразованій, еще въ будущемъ. Не должно забывать, что вообще социальныя послѣдствія глубокихъ преобразованій, о которыхъ мы говоримъ, проявляются весьма медленно; они ощутительны въ наружныхъ явленіяхъ жизни много времени спустя послѣ законодательныхъ мѣръ. Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, когда

люди близорукіе относительно будущаго боялись крестьянскихъ бунтовъ, а болѣе дальновидные враги освобожденія запугивали этими бунтами, — всѣ изумлялись необычному общественному спокойствію, у насъ господствовавшему въ деревнѣ. Также точно теперь люди, столь-же близорукіе относительно пропедшаго, не видятъ неизбѣжныхъ дальнѣйшихъ послѣдствій кореннаго общественнаго переворота, начавшагося у насъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Вліяніе указаннаго выше и зарожденнаго обновленіемъ всего нашего гражданскаго и административнаго строя историческаго и общественно-фізіологическаго процесса разложенія разныхъ общественныхъ формаций и разстройства быта ихъ членовъ на то смутное броженіе понятій и чувствъ, какое оказалось впослѣдствіи, въ разныхъ частяхъ этихъ формаций, этихъ «состояній», вліяніе этого процесса на *возбужденіе въ изъ кругу раздраженія и злобы*, о которыхъ было говорено выше, — все это не можетъ казаться подлежащимъ сомнѣнію. Все это въ той или другой степени должно было неизбѣжно быть. Ничто, никакая скудость и нищета не способны сами по себѣ, въ особенности когда онѣ привычны, въ особенности когда онѣ изъ вѣка въ вѣкъ угвѣтають такой многотерпѣливый народъ, какъ нашъ русскій и крестьянскій народъ, раздражить людей въ такой степени, какъ коренная перемѣна ихъ традиціоннаго быта, ихъ наслѣдственнаго образа жизни, какъ перестановка общественныхъ положеній, какъ утрата одного опредѣленнаго мѣста въ обществѣ, безъ пріобрѣтенія и до пріобрѣтенія новаго, какового бы то ни было опредѣленнаго мѣста. Отсюда зачался первичный источникъ того накопленія злобы и ненависти въ нѣкоторыхъ, преимущественно «междоумочныхъ» (или промежуточныхъ) общественныхъ сферахъ, которое такъ насъ изумляетъ въ чисто русскихъ сердцахъ.

Если бы все сказанное, какъ выведенное теоретически, могло показаться сомнительнымъ, то оно окончательно подтверждается положительными фактами въ сдѣланномъ нами очеркѣ общественныхъ элементовъ болѣе и менѣе участвовавшихъ въ нашей общественной смутѣ. Относительно преимущественнаго участія нѣкоторыхъ элементовъ высшихъ, привилегированныхъ или неподатныхъ классовъ, — ниспаго слоя дворянства и «разночинцевъ», — также мѣщанства, и относительно совершеннаго безучастія крестьянства и почти совершеннаго безучастія купечества нѣтъ надобности повторять все уже объясненное и кажется достаточно теперь ясное.

Значительный контингентъ, доставленный нашей смутѣ духов-

нынѣ «сословіемъ», вполне объясняется *разстройствомъ ея какъ сословія*, наследственно со всѣмъ своимъ потомствомъ обеспеченнаго, хотя бы и весьма скудно обеспеченнаго, въ дореформенное время. Ни какое другое наше сословіе или состояніе не претерпѣло столько превратностей на пути реформъ какъ «духовное»; это было тѣмъ болѣе для него чувствительно и обидно, что никакое другое сословіе не организовалось у насъ такъ кастообразно и въ теченіи такого продолжительнаго времени, и никакому другому сословію не было труднѣе разомѣнуться, какъ духовному. Между тѣмъ основы организациіи духовнаго сословія были болѣе искусственны, чѣмъ всякаго другаго, и даже нисколько несогласны съ древними преданіями самой православной церкви, съ ея духомъ и съ ея современными прагматическими нуждами. Для дезорганизациіи этого сословія и его общественнаго быта было достаточно малѣйшаго историческаго толчка. Этотъ толчекъ и былъ данъ измѣненіемъ многихъ законодательныхъ и административныхъ условій прежняго быта духовнаго сословія, безъ всякихъ обеспеченій положенія духовенства, вызывавшихся новыми потребностями жизни, *при чрезвычайныхъ затрудненіяхъ, окружавшихъ выходъ ея новымъ поколѣніемъ на новые пути* и на новыя поприща общественной дѣятельности. Объ этой послѣдней многозначительной для всѣхъ сословій и состояній сторонѣ того періода нашей государственной жизни, который непосредственно слѣдовалъ за эпохою реформъ, будетъ сказано ниже, а здѣсь мы только замѣтимъ, что выступленіе на другія поприща лицъ, приписанныхъ къ духовному сословію, и уже давно переполнявшихъ его своею многочисленностью, (своимъ спросомъ на священно и церковно-служительскія мѣста, сверхъ предложенія, сверхъ наличнаго числа этихъ мѣстъ) и сліяніе этихъ лицъ съ другими сословіями и состояніями, были особенно затруднены исключительнымъ, обособленнымъ, кастообразнымъ ихъ воспитаніемъ и образованіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ новѣйшее время ослабли солидныя основы прежней нашей духовной школы, благодаря которымъ ея питомцы выдавались на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Кромѣ обстоятельствъ новѣйшаго времени, обусловившихъ собою расположеніе въ средѣ духовнаго сословія толпы людей безъ опредѣленнаго мѣста и занятій, бродячей и недовольной, уже издавна накопились въ этомъ сословіи, болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ, иные нравственные элементы недовольства и раздраженія; эти элементы обусловлены многими внутренними причинами въ жизни самаго этого

сословія, зависящими отъ всѣхъ особенностей нашего «духовнаго вѣдомства», въ подчиненіи къ которому поставлены служители церкви ¹⁾ (антагонизма бѣлаго и чернаго духовенства, юридическаго безправія нисшихъ степеней іерархіи въ отношеніи къ полновластію высшихъ, нищеты, приниженности и придавленности общественнаго положенія огромнаго большинства сельскаго духовенства, и т. д.). Нѣтъ возможности говорить здѣсь подробно обо всѣхъ исключительныхъ, сравнительно съ другими нашими общественными классами, неправильныхъ условіяхъ быта духовнаго сословія; всѣ эти условія сводятся къ ненормальности самаго его существа какъ «родоваго» сословія, сдѣлавшагося невозможнымъ въ современномъ обществѣ. Но мы еще упомянемъ здѣсь только объ одной особенной чертѣ въ общественно-физиологическомъ характерѣ этого сословія, дѣлающей его почвою особенно благодатною для развитія того безпокойнаго умственнаго пролетаріата, который является самымъ дѣятельнымъ факторомъ во всякомъ общественномъ броженіи. Весь обездоленный и неуспѣвшійся по священно- и церковнослужительскимъ мѣстамъ людъ въ этомъ сословіи, который признаетъ себя со всѣмъ своимъ родомъ въ разрядѣ высшихъ привилегированныхъ классовъ, стремится во что бы то ни стало въ высшіе слои общества, въ «либеральныя профессіи» и ни какъ не покоряется суровой необходимости перехода въ нисшіе, рабочіе классы, въ простонародіе. Борьба за существованіе, за общественное положеніе особенно способна распалать въ этомъ людѣ злобное чувство зависти къ высшимъ классамъ, къ «общественному и государственному порядку», поддерживающему эти классы, потому что недостатки его умственнаго образованія, грубость воспитанія и имущественная несостоятельность чрезвычайно затрудняютъ для него доступъ къ высшимъ профессіямъ. Сверхъ всего этого, нельзя умолчать и о всеобщей во всѣхъ нашихъ общественныхъ классахъ, и высшихъ и нисшихъ, значительной антипатіи къ насгѣдственному «типу» этого совсѣмъ обособившагося у насъ сословія; эта антипатія также не мало затрудняетъ всѣ гражданскія карьеры для его сыновъ и въ свою очередь вызываетъ въ нихъ злобу къ другимъ классамъ. Въ средѣ духовенства всѣхъ безъ изыятія дру-

¹⁾ См. между прочимъ во II томѣ Сб. Гос. Зн. 1875 г. *М. И. Горчакова*: «Научная постановка церковно-суднаго права» и другія статьи того-же автора въ критическомъ отдѣлѣ нашего изданія.

гихъ европейскихъ вѣроисповѣданій нѣтъ ничего подобнаго, потому что оно нигдѣ не составляетъ такой касты, какъ наше православное духовенство и что нигдѣ оно не поставлено въ такое *примижненное* положеніе относительно свѣтской администраціи (или государства), какъ у насъ. Дѣти духовныхъ лицъ, когда они не составляютъ наслѣдственнаго сословія, и потому, чужды всякимъ сословнымъ домогательствамъ, легко спускаются въ нисшіе классы и поднимаются въ высшіе, смотря по личнымъ и семейнымъ обстоятельствамъ cadaго. Напр., у насъ-же дѣти лютеранскаго духовенства, матерьяльно обезпеченныя и образованныя, легко достигаютъ высшихъ профессій и положеній. Или напр., дѣти нашего раскольническаго — старообрядческаго духовенства, вышедшаго большею частью изъ простонародья, совершенно безпритязательно въ немъ и остаются.

Причина столь-же значительнаго контингента, доставленнаго нашей смутѣ другою, почти противоположною стихіей нашего общества, — еврейскимъ племенемъ, — возбуждала много вопросовъ и кажется почти загаочною. Это племя считалось, въ прежнее время, и можно сказать въ теченіи вѣковъ, наиболѣе чуждымъ всякимъ политическимъ движеніямъ; оно признавалось по преимуществу практическимъ, коммерческимъ и промышленнымъ, и въ силу какъ будто прирожденныхъ ему и господствующихъ въ его большинствѣ инстинктовъ матерьяльной корысти, наиболѣе застрахованнымъ противъ всякаго увлеченія политической идеей и ея фанатизма, — племенемъ, равнодушнымъ ко всякому государственному порядку и уживающимся во всякихъ его условіяхъ и формахъ. Не будемъ здѣсь разбирать все это общепринятое представленіе «еврейскаго типа», едва ли правильное, когда исторія самыхъ отвлеченныхъ наукъ (напр. философіи и математики) и самыхъ отвлеченныхъ искусствъ (напр. музыки) имѣетъ замѣчательнѣйшихъ своихъ представителей въ этомъ племени. Оставимъ также въ сторонѣ тотъ несовсѣмъ безразличный для нашей смуты фактъ, что въ противоположность прежнимъ вѣкамъ, евреи, съ середины (приблизительно) XIX столѣтія, выступаютъ вездѣ въ западной Европѣ въ первостепенныхъ роляхъ какъ политической дѣятельности вообще, такъ и революціонной. Связей нашего общественнаго броженія съ иноземными центрами «всемірной революціи» и съ интернаціональными и космополитическими ея органами мы пока вовсе не касаемся. Здѣсь насъ интересуютъ только наши внутренніе, отечественные элементы соціального раздора, которыхъ не могутъ вовсе отрицать даже люди,

привыкнувшіе объяснять всё наши «политическія катастрофы» исключительно дѣйствіемъ международныхъ революціонныхъ организацій, иноземными заговорами. Намъ кажется однако, что въ собственной нашей еврейской средѣ можно найти достаточно условій, которыя объясняютъ въ ней, какъ и во многихъ другихъ нашихъ общественныхъ кружкахъ, социальное раздраженіе, вызвавшее революціонную дѣятельность. Старинная безусловная замкнутость нашихъ евреевъ, обособившихся въ видѣ отдѣльнаго сословія или состоянія, ихъ кагалное устройство значительно ослабили подъ влияніемъ государственныхъ преобразованій послѣдняго двадцатилѣтія и всего духа новаго времени; между ними возникли умственные потребности, недовольствовавшіяся ни рутинными религіозными обрядами, ни обычными меркантильными промыслами отцевъ, и возбудились, въ особенности въ новомъ поколѣніи, стремленія приблизиться къ общей жизни русскаго общества. Все это можетъ быть сказано, если не обо всей загрузбѣлой массѣ нашего еврейства, то преимущественно о высшихъ и болѣе зажиточныхъ его слояхъ. Въ теченіи послѣдняго десятилѣтія были дарованы у насъ евреямъ *нѣкоторыя* льготы, были *нѣсколько* расширены ихъ права, но всё эти мѣры совокупно съ общимъ движеніемъ западно-европейской жизни, связь съ которою наши евреи поддерживаютъ болѣе всякой другой части русскихъ подданныхъ (за исключеніемъ развѣ только поляковъ), не могли не возжечь между ними еще болѣе желанія перейти бездну, до сихъ поръ ихъ отдѣляющую отъ равноправности съ прочими русскими подданными. Во всей западной Европѣ эта равноправность уже существуетъ. Раздраженіе должно было въ особенности развиться въ новомъ поколѣніи евреевъ, достигнувшихъ нѣкотораго и въ особенности высшаго образованія; отчасти по закону, отчасти фактически и вопреки закону, ему открыты были пути къ высшимъ общественнымъ профессіямъ, къ выходу изъ увѣковѣченнаго и теперь разстроившагося исключительно промышленнаго быта еврейскаго племени. Если накопленіе желчи въ данномъ общественномъ классѣ происходитъ преимущественно, какъ мы говорили, отъ разстройства заповѣданной исторической организаціи его быта, *на перепутьи* къ новому быту, еще не сложившемуся, то здѣсь въ кругу нашего еврейства, въ особенности молодого, это накопленіе желчи довольно понятно. Нельзя сказать, чтобы евреямъ, какъ и многимъ русскимъ подданнымъ, не стало жить на Руси лучше, чѣмъ прежде; но жизнь

переходная, хотя бы и лучшая, способна часто дѣлать людей только несчастными, только возмущать ихъ противъ жизни. Не можемъ не замѣтить, при этомъ, что относительно дѣятельной роли, принятой этимъ племенемъ въ нашей смутѣ, замѣчаютъ дѣйствіе одного особеннаго, племеннаго его свойства — тщеславія: говорятъ, что наши юные евреи, или нео-іудеи, хотя бы и не такъ солидно и философски образованные какъ ихъ западные собратія, захотѣли разомъ перескочить на «незаконной» почвѣ, на которой это представлялось всего легче, глубокую бездну, раздѣлявшую ихъ на всѣхъ законныхъ путяхъ, отъ равноправности, отъ общей жизни, отъ «общества» съ русскою молодежью!

Чтобы окончательно подтвердить фактами нашу общую мысль о первоначальной причинѣ нашего общественнаго броженія и накопленія общественной злобы, такъ неистово проявившей себя въ нашихъ политическихъ преступленіяхъ, напомнимъ послѣднюю черточку въ очерченномъ выше личномъ составѣ общественной среды, принадлежавшей къ этимъ преступленіямъ и наполнявшей своими испареніями нравственную атмосферу, ихъ окружающую, — напомнимъ о безусловномъ отсутствіи остзейцевъ и раскольниковъ-старообрядцевъ. Оно одинаково объясняется въ обоихъ случаяхъ, не смотря на взаимную противоположность этихъ нашихъ двухъ общественныхъ элементовъ. Относительно нашего прибалтійскаго края нужно имѣть здѣсь въ виду, что его всего менѣе коснулась наша эпоха реформъ и его общественный строй по всѣмъ классамъ народонаселенія остался неизмѣннымъ, по крайней мѣрѣ въ общемъ своемъ направленіи и духѣ. Заявляя здѣсь этотъ фактъ, мы тѣмъ самымъ нисколько не выражаемъ ему ни похвалы, ни порицанія, а только стараемся объяснить этимъ тактомъ отсутствіе въ этомъ крайѣ того броженія умовъ, которое въ большей или меньшей степени проявилось во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи. Финляндія также точно осталась въ сторонѣ отъ этого броженія, но объ ней мы не считаемъ нужнымъ даже говорить, такъ какъ не только въ общественномъ, но даже въ государственномъ отношеніи, она составляетъ особую страну, не живущую общею органическою жизнью съ русскимъ народомъ. Мы не знаемъ послужить ли къ худшему или къ лучшему упомянутая неподвижность общественнаго быта въ прибалтійскомъ крайѣ? Если эта неподвижность какъ во взаимныхъ отношеніяхъ сословій, такъ и въ администраціи, въ мѣстномъ самоуправленіи, основанныхъ на этихъ привилегированныхъ отношеніяхъ, будутъ долго продолжаться, безъ своевременныхъ и по-

степенныхъ преобразованій (пріуроченныхъ конечно къ особеннымъ мѣстнымъ условіямъ), то не произойдетъ ли отсюда опасность еще болѣе глубокихъ общественныхъ потрясеній для этого края въ будущемъ, чѣмъ у насъ? Все это рѣшить будущее, а мы говоримъ здѣсь только о прошедшемъ и настоящемъ.

Какъ ни можетъ показаться страннымъ такое сближеніе, но быть нашихъ раскольниковъ, въ значительной степени обусловленный во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, даже экономическихъ (напр. во взаимной помощи въ промышленныхъ занятіяхъ) религіозными понятіями и отношеніями, остался также мало тронутымъ, какъ и быть народонаселеній прибалтійскаго края. Тутъ также мало могло образоваться бродячихъ общественныхъ элементовъ, умственного пролетаріата, жадно бросающагося на заносныя идеи революціоннаго социализма западной Европы. Однако, не мѣшаетъ замѣтить, съ другой стороны что для нашего раскола наступилъ теперь весьма серьезный, почти критическій періодъ жизни, угрожающій при своемъ продолженіи значительными недоразумѣніями и раздраженіями въ его средѣ, именно потому что наши освободительныя реформы, такъ мало распространились на нашихъ сектантовъ. Никакія условія жизни, даже для ея постоянства и порядка, не могутъ оставаться неподвижными. Отсутствіе всякихъ законныхъ гарантій для свободы совѣсти въ кругу нашего раскола дѣлается все болѣе и болѣе возрастающимъ препятствіемъ къ устойчивому развитію ихъ быта, въ особенности при новыхъ въ немъ потребностяхъ и движеніяхъ. Кромѣ постоянства общественнаго быта, покоющагося на историческихъ преданіяхъ, способныхъ выдержать борьбу со всякою «логикою понятій», есть еще *нѣчто общее* между нашими остзейцами и нашими раскольниками-старообрядцами, существенно важное для нашего вопроса, хотя тѣ и другіе находятся на совершенно противоположныхъ полюсахъ нашей общественной жизни: это общее заключается въ крѣпкихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, даже болѣе этого, въ крѣпкой церковной дисциплинѣ, по крайней мѣрѣ болѣе крѣпкой, въ той и другой общественной средѣ, чѣмъ въ бытѣ всѣхъ другихъ народонаселеній нашей имперіи, хотя религіозныя вѣрованія прибалтійскихъ лютеранъ и нашихъ старообрядцевъ и исходятъ, изъ совершенно разнородныхъ и даже противоположныхъ источниковъ. Независимо отъ могущественнаго вліянія на наше общественное броженіе всякихъ другихъ общественныхъ и экономическихъ причинъ, кого-же не поражали въ нравственной атмосферѣ, и во всемъ движеніи «идей», окружав-

шихъ наши политическія преступленія, слабость и большею частью отсутствіе всякихъ религіозныхъ вѣрованій и кому-же не приходило въ голову, что это отсутствіе религіозныхъ вѣрованій порождаетъ собою не индивидуальныя и исключительныя явленія, а избобляетъ шаткость этихъ вѣрованій во всѣхъ тѣхъ общественныхъ слояхъ, изъ которыхъ исходили «новые дѣтели», при всемъ разнообразіи ихъ официальныхъ вѣроисповѣданій?

Итакъ, общій результатъ всѣхъ вышенамѣченныхъ фактовъ и ихъ ближайшихъ объясненій, тотъ, что первичныя причины того возбужденія чувствъ, того раздраженія, которыя замѣчаются въ нашей общественной смутѣ, въ душѣ людей прикосновенныхъ къ преступленіямъ, покушеніямъ и катастрофамъ нашего недавняго времени и которыя лучше всякой «доктрины» и всякой «литературы» ихъ объясняютъ, должно искать въ томъ социальномъ переворотѣ, въ тѣхъ потрясеніяхъ изстари установившагося быта разныхъ общественныхъ группъ, преимущественно высшихъ, въ тѣхъ перемѣщеніяхъ изъ одного общественнаго положенія въ другое, — однимъ словомъ во всемъ томъ броженіи общества, или лучше *верхняго его слоя*, которое было отраженіемъ глубокихъ государственныхъ преобразованій послѣдняго двадцатилѣтія.

Намъ остается еще подтвердить этотъ неизбѣжный по нашему мнѣнію выводъ другою, всѣмъ извѣстною, характеристикю личнаго состава, участвовавшаго въ политическихъ преступленіяхъ и въ немъ прикосновеннаго, — другою характеристикю, чѣмъ разборъ этого персонала по его сословному общественному происхожденію. Въ этомъ персоналѣ, при самомъ разнообразномъ происхожденіи его членовъ изъ всѣхъ классовъ общества, замѣчается однако необыкновенное господство надъ всѣмъ прочимъ трехъ элементовъ: молодежи, женскаго пола и лицъ неокончившихъ курсовъ во всѣхъ возможныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Кажется весьма ясно, что на всѣхъ этихъ трехъ элементахъ должны были всего болѣе отразиться потрясенія и перемѣщенія общественныхъ положеній. Раздраженіе отцевъ, которые сами, самолично, не могли же идти ни «въ народъ» (напр. прямо съ барскихъ усадебъ), ни въ тайныя общества, ни въ какую бы то ни было скитальческую жизнь, — это раздраженіе вскормило юное поколѣніе сильнѣе, чѣмъ всякая школа и всякія литературныя ученія. Женскій полъ всего впечатлительнѣе ко всякой перемѣнѣ общественнаго положенія; на немъ она всего мучительнѣе отзывается, вслѣдствіе консерватизма, непреложно принадлежащаго женской природѣ. Когда этотъ консер-

ватизмъ вступаетъ въ борьбу съ переломанными навыками жизни, съ порванными преданіями дома, тогда нервное возбужденіе чувствъ еще несравненно сильнѣе въ женщинѣ, чѣмъ въ мужчинѣ, и страсти, въ ней несравненно менѣе, чѣмъ въ немъ признають какіе нибудь для себя предѣлы. Наконецъ «не окончаніе курса» въ какой бы то ни было школѣ, высшей или нисшей, всего болѣе располагаетъ въ обществѣ тотъ бродячій элементъ, тѣхъ недоучекъ, «междоумковъ» и «скитальцевъ», которые не получили образованія *свойственнаго своему наслѣдственному быту*, своему общественному положенію и *нужнаго для куска хлѣба, сообразно съ этимъ положеніемъ*, съ его требованіями отъ жизни, и о которыхъ мы говорили выше. А эта чрезвычайно значительная и прежде незамѣтная у насъ масса недоучекъ и «неокончившихъ курса» была сама послѣдствіемъ всѣхъ потрясеній, происшедшихъ въ нашемъ общественномъ бытѣ и его экономическихъ условіяхъ въ разныхъ слояхъ. За исключеніемъ необыкновенныхъ личностей, которыхъ всегда не много, для каждаго общественного класса и для каждаго ближайшаго къ нему круга житейскихъ профессій, болѣе свойственъ одинъ родъ школы и одни стадіи образованія, сравнительно съ другими. Между тѣмъ все это у насъ перемѣшалось съ потрясеніемъ общественныхъ положеній въ высшихъ классахъ общества и преимущественно съ измѣненіемъ экономическихъ условій быта ихъ нисшаго слоя. «Аспираціи» относительно образованія сдѣлались почти одинаковыя во всѣхъ классахъ и группахъ общества; всѣ они двинулись къ возможно болѣе высшей школѣ сравнительно съ своимъ положеніемъ и, главное, сравнительно съ своими матеріальными средствами. Сверхъ общаго и какъ нельзя болѣе естественнаго пробужденія умственныхъ потребностей, находившихся до этого въ дремотѣ въ массѣ нашего общества, дѣйствовало также то обстоятельство, что возможно болѣе высшее образованіе представлялось всѣмъ наиболѣе вѣрнымъ средствомъ къ улучшенію, къ восстановленію потрясеннаго быта. Между тѣмъ матеріальныя средства оказывались несоразмѣрными съ потребностями этого движенія, недостаточными для обезпеченія окончанія курсовъ. Этотъ ходъ вещей, какъ нельзя болѣе естественный и печальный самъ по себѣ, былъ впоследствии еще усиленъ и ожесточенъ посторонними обстоятельствами позднѣйшей нашей государственной эпохи. Съ одной стороны, было дано всѣмъ общественнымъ классамъ не мало разныхъ *искусственныхъ* толчковъ, чрезвычайно усиливавшихъ и безъ того стремительный темпъ ихъ движенія къ об-

разованію. Подъ такими толчками мы разумѣемъ всѣ разнообразныя гражданскія привиллегіи, связанныя съ каждою категоріею школъ, между прочимъ въ особенности привиллегіи, истекавшія изъ необычайно крутой учебной реформы по вѣдомству народнаго просвѣщенія и также изъ новой системы воинской повинности. Съ другой стороны, этимъ искусственнымъ толчкамъ, въ особенности, требованіямъ поставленнымъ упомянутою учебною реформою, нисколько не соответствовали средства къ образованію, находившіяся въ наличности и главнѣйше въ распоряженіи правительства. Но мало этого,—несоизмѣрность средствъ съ потребностями во всѣхъ сферахъ нашего народнаго просвѣщенія была еще крайне усилена такими же *искусственными* прегражденіями на разныхъ путяхъ къ просвѣщенію, на разныхъ путяхъ къ самостоятельному приобрѣтенію и выработкѣ этихъ средствъ въ самомъ обществѣ. Кромѣ множества всего другаго, самыми разительными тому примѣрами могутъ служить искусственныя препятствія, встрѣченныя земствомъ въ его дѣятельности по народной школѣ и также всѣ безчисленныя искусственныя препоны къ развитію печати, этого другаго могущественнѣйшаго послѣ школы орудія народнаго просвѣщенія. Но обо всѣхъ этихъ повдѣйшихъ обстоятельствахъ и недоразумѣніяхъ нашей жизни, усложнившихъ и ожесточившихъ первоначальный общественный кризисъ, обусловленный событіями первой половины истекшаго двадцатилѣтія, — намъ придется еще говорить впоследствии.

Изъ всего до сихъ поръ нами сказаннаго вытекаетъ, что общественною почвою, вскормившею раздраженіе чувствъ въ нашей смутѣ, была та неустановившаяся общественная среда, которая образовалась послѣ эпохи реформъ между распатанными общественными классами и положеніями, на окраинахъ этихъ классовъ. Мы старались доказать, что не «ученія», не «идеи» и не «доктрины» были причиною всей этой смуты и ея преступныхъ явленій, какъ это многими предполагалось, а что, скорѣе напротивъ, всѣ эти ученія, идеи и доктрины были послѣдствіемъ возбужденія чувствъ и страстей, которое только и можетъ объяснить нелѣпость теоретической стороны всего этого общественнаго броженія. Безъ нелѣпыхъ ученій и бессмысленныхъ теорій не можетъ обойтись никакое умственное движеніе; они всегда сопровождаютъ даже величайшіе успѣхи просвѣщенія, какъ разные болѣзненные симптомы сопровождаютъ ростъ всякаго организма. Но всякія недозрѣлыя и неправильныя ученія или фантастическія теоріи, социальныя и политическія, мо-

гуть оставаться единичными индивидуальными явлениями, плодами личной ошибочной мысли или болѣзненно разстроеннаго воображенія. Распространяются они какъ зараза въ обществѣ, дѣлаются въ немъ эпидемическими только тогда, когда есть болѣзненное къ нимъ расположеніе въ самомъ общественномъ организмѣ или въ нѣкоторыхъ его частяхъ, *вслѣдствіе жизненныхъ болѣзненныхъ причинъ, вслѣдствіе разстройства дѣйствительнаго, практическаго быта общества или нѣкоторыхъ его классовъ.* Такъ было вездѣ, такъ было отчасти и у насъ. Раздраженными чувствами, а не сознательнымъ мышленіемъ были выхвачены на лету, изъ болѣзненнаго вихря чуждой намъ западно-европейской жизни, разныя идеи и ученія, годныя для употребленія у насъ только потому, что они исходили изъ подобнаго-же источника раздраженія, хотя бы жизненныя, бытовыя причины общественной злобы тамъ и у насъ были совершенно различныя, даже почти противоположныя. Мы увѣрены и видѣли это очію, что даже раздраженіе чувствъ въ нашихъ дѣятеляхъ бессознательное, и они сами затрудняются отдать въ немъ отчетъ. Невѣжество и въ особенности полуобразование содѣйствовали не только распространенію упомянутыхъ идей, но развитію ихъ до такихъ чудовищныхъ формъ и размѣровъ, какихъ онѣ никогда не имѣли даже на своей родинѣ. Эти «идеи», сами по себѣ умственно ничтожныя, получали у насъ жизнь, только прилѣпляясь ко всѣмъ болѣзненнымъ чувствамъ въ обществѣ, существовавшимъ въ немъ и безъ всякихъ идей, и посредствомъ этихъ чувствъ, эти идеи переносились въ нашу нравственную атмосферу и наполняли ее въ разныхъ общественныхъ сферахъ, потрясенныхъ новыми событіями государственной жизни. Такимъ образомъ, могло случиться, что старый крѣпостникъ, отставленный чиновникъ, изступленные оба отъ потери права на розги и права на теплыя мѣста, могли во имя однихъ и тѣхъ-же идей «революціоннаго социализма» подавать дружественную руку изступленному юношѣ, алчущему новой и здоровой умственной жизни и лишенному средствъ для своего образованія. Само изступленіе этого юноши могло достигнуть такихъ страшныхъ размѣровъ, только вслѣдствіе той среды раздраженія, въ которой онъ выросъ.

Не слѣдуетъ себя обманывать, — и это слишкомъ извѣстно, — что нравственные миазмы, образовавшіеся изъ болѣзненно раздраженныхъ чувствъ съ прилѣпленными къ нимъ всякими болѣзненными идеями, зародившимися очень давно, были, въ послѣднее время, широко распространены въ нашей общественной атмосферѣ, насыщая

разныя сферы въ весьма различной степени. Эти мѣзмы болѣе и болѣе сгущались, въ тѣхъ или другихъ ущеліяхъ и углахъ общества, при болѣе или менѣе благоприятныхъ, вышеупомянутыхъ, условіяхъ быта въ этихъ закоулкахъ общества. Изъ сгущеній возникали болѣе или менѣе постоянныя гнѣзда броженія, и на почвѣ этихъ гнѣздъ, стали уже организовываться правильныя и систематическія тайныя и революціонныя «сообщества» съ заговорами, покушеніями и положительными преступленіями. Надо думать, что весь этотъ историческій процессъ броженія и образованія этихъ разныхъ «не легальныхъ» формацій былъ довольно продолжителенъ, ибо веда жизнь въ ихъ средѣ наши новые люди почти совершенно обезличились отъ всѣхъ первоначальныхъ типовъ своихъ сословныхъ происхожденій, и запечатлѣлись въ этой своеобразной жизни какии-то новымъ общественнымъ типомъ слывающимъ у насъ подъ названіемъ «нигилиста». Этотъ типъ успѣлъ даже выработаться довольно рѣзко.

Вся указанная выше послѣдняя сторона формальнаго историческаго развитія нашихъ политическихъ преступленій, заговоровъ и крамолы, насъ вовсе здѣсь не касается; для ея освѣщенія впрочемъ и нѣтъ еще достаточныхъ фактическихъ данныхъ. Насъ интересуеетъ здѣсь только тотъ внутренній ходъ общественной жизни, который исподволь подготовилъ матерьялъ для позднѣйшихъ наружныхъ вспышекъ и взрывовъ, какъ будто совсѣмъ неожиданно ужаснувшихъ общество. Эти вспышки и взрывы могли получить подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ стороннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ и вліяній, даже случайныхъ, то или другое направленіе; но для мыслящихъ людей всего болѣе важна та общественная почва, на которой по видимому такъ легко и удобно могли быть *устроены* эти вспышки и взрывы и которая при *другихъ стороннихъ* обстоятельствахъ и вліяніяхъ, при другихъ «устроеніяхъ», могла бы произвести, хотя бы и иные, плоды, но все-таки болѣзненные.

Здѣсь мы должны упомянуть объ одномъ мнѣніи довольно у насъ распространенномъ, что вся наша смута произведена какии-то таинственнымъ заговоромъ, который не имѣетъ ничего общаго съ русскою землею; этотъ заговоръ искали вездѣ и большею частью за нашимъ рубежомъ. Центръ нитей этого подкюпа подъ Россію указывали то въ Берлинѣ, то въ Лондонѣ, то въ Швейцаріи, то въ непримирившейся съ нами и непримиримой Польшѣ, всюду, неустанно будто бы дѣйствующей. Весьма основательнымъ мотивомъ для всѣхъ подобныхъ предположеній, которыя въ панически напуганномъ во-

ображеніи разыгрывались до самых невѣроятныхъ фантазій, представлялось то обстоятельство, что до сихъ поръ раскрыты только исполнители нашихъ политическихъ преступленій, а не ихъ распорядители, что послѣ всѣхъ новѣйшихъ, самыхъ энергическихъ, полицейскихъ розысковъ, послѣ недавнихъ политическихъ процессовъ, на сценѣ которыхъ явились личности, гораздо ближе стоящія къ дѣлу, чѣмъ всѣ толпы людей, привлекавшіяся къ суду въ прежнее время, сдѣлались однако извѣстны только солдаты, отчасти штабъ-офицеры, можетъ быть нѣкоторые случайные генералы революціонной арміи, но что регулярные генералы и главнокомандующіе и ихъ министры остаются до сихъ поръ совершенно невѣдомыми. Такъ напр. говорили, что на недавнемъ политическомъ процессѣ фигурировали нѣкоторые члены пресловутаго «исполнительнаго комитета», но что ни одна личность, участвовавшая въ высшей его инстанціи, «распорядительной комисіи», не была обнаружена.

Весьма понятно, что вся эта темная сторона дѣла можетъ возбуждать острое любопытство въ публикѣ, преимущественно впрочемъ въ праздной, что она можетъ давать ей поводъ ко всѣмъ возможнымъ предположеніямъ, что она, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ и должна быть предметомъ дальнѣйшей полицейской дѣятельности. Но вся эта сторона дѣла не имѣетъ почти никакого отношенія къ серьезному, дѣйствительно государственному взгляду на настоящее положеніе нашего общества и государства и на вызываемыя такимъ взглядомъ, кромѣ полицейскихъ распоряженій, государственныя мѣры.

Допустимъ даже возможность темнаго дѣйствія всякихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ нашего государства и народа, далѣе, возможность личнаго заговора, брамолы нѣсколькихъ личностей не русскихъ или даже русскихъ (отрѣшившихся отъ своего народа), воодушевленныхъ, по тѣмъ или другимъ личнымъ побужденіямъ, ненавистью къ существующему въ Россіи порядку, къ главенствующимъ въ немъ лицамъ, и возмѣвшихъ желаніе ниспровергнуть этотъ порядокъ и устранить этихъ лицъ. Но все-таки всѣ эти темныя дѣйствія, заговоры, личные ненависти ничто иное какъ историческая случайность. Сверхъ того, всякій русскій человѣкъ, сверху до самаго низа, глубоко убѣжденъ, что ни какой серьезной политической опасности всѣ эти вспышки и взрывы не представляютъ; что *низверженіе посредствомъ нихъ государственнаго строя немислимо*. Думать иначе могутъ развѣ только какіе нибудь исключительные чудаки. Гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія, гораздо серьезнѣе для будущаго роста нашего общества и государ-

ства всё тѣ болѣзненные общественные элементы, которые могли доставить матерьялъ, обстановку и орудія исполненія для всѣхъ этихъ злоумышленій. Хотя бы даже на послѣдней стадіи своего развитія, въ правильно организованномъ заговорѣ для «ниверженія государственнаго порядка» въ Россіи, наша революціонная пропаганда и не могла обойтись безъ единоличныхъ организующихъ рукъ, но для русскаго общества гораздо важнѣе изученіе безличныхъ атомовъ, изъ которыхъ въ его собственныхъ нѣдрахъ составила почва, удобная и нужная для этой организаціи. Противъ единоличныхъ крамольныхъ заговоровъ, случающихся въ самой здоровой государственной жизни, или невозможны никакія мѣры, или возможны только чисто полицейскія мѣры, а противъ зарожденія и дальнѣйшаго развитія упомянутыхъ болѣзненныхъ атомовъ внутри общества, возможны и крайне необходимы глубокія и органическія государственныя мѣры. Броженіе и развитіе этихъ болѣзненныхъ общественныхъ атомовъ, задерживая правильный государственный ростъ, парализуя нормальную государственную дѣятельность, отвлекая отъ нея умственныя силы, неизмѣримо опаснѣе для жизни государства, чѣмъ всякіе тайные заговоры, безсильные произвести какой бы то ни было переворотъ въ нашемъ отечествѣ.

Но прежде чѣмъ говорить о государственныхъ мѣрахъ, мы должны закончить діагнозу нашего общественнаго недуга, безъ которой нельзя и думать о средствахъ исцѣленія.

Если признать, послѣ всего вышеизложеннаго, что сферою нашего общественнаго броженія была преимущественно вся та общественная среда, которая подверглась въ эпоху реформъ разстройству своего унаслѣдованнаго быта и что все неслыханное до толѣ и проявившееся въ нашей смутѣ изступленіе чувствъ было только отраженіемъ этого разстройства общественныхъ положеній, то отсюда возможно такое заключеніе, что во всемъ виновата эпоха реформъ, прославившая настоящее царствованіе. Это заключеніе уже и дѣлалось поверхностными наблюдателями общественной жизни, своекорыстными противниками государственныхъ преобразованій, возродившихъ нашъ общественный строй, и также иноземными врагами нашего государства. Послѣдніе говорили, что нашъ народъ недостойнъ новыхъ правъ гражданской свободы, ему дарованныхъ, и неспособенъ ихъ вынести.

Но ничего не можетъ быть превратнѣе такой мысли, о которой мы должны были упомянуть только потому, что она была

въ разныхъ кружкахъ неоднократно высказываема, и что ничто, болѣе этой мысли, не можетъ такъ исказить пониманіе нашего прошедшаго, настоящаго и будущаго.

Если какая нибудь государственная эпоха, сверхъ общаго неизбѣжнаго теченія исторіи, можетъ быть призвана къ отвѣту за нашу смуту, то всего скорѣе — время, предшествовавшее эпохѣ реформъ, и также время за нею слѣдовавшее.

Глубокія государственныя преобразованія, подобныя упраздненію крѣпостнаго права и другія за нимъ слѣдовавшія, не могутъ не оставить рѣзкихъ за собою слѣдовъ въ общественной жизни, не могутъ не взволновать ее на нѣкоторое время, не могутъ обойтись безъ жертвъ и нѣкоторыхъ мучительныхъ ощущеній въ обществѣ. Такими преобразованіями измѣняются не одни только формальныя, государственныя условія общественной жизни, а сокрушаются основныя начала юридическія, экономическія и нравственныя всѣхъ ея внутреннихъ отношеній, существовавшія вѣка, и на ихъ мѣсто ставятся новыя начала. Не одни только взаимныя отношенія двухъ важнѣйшихъ общественныхъ классовъ и всѣ условія ихъ быта были основаны на крѣпостномъ правѣ, но имъ былъ проникнутъ весь нашъ общественный строй, и въ большей или меньшей зависимости отъ него находились всѣ безъ изъятія сословія, состоянія и званія, всѣ группы общества. На мѣсто крѣпостнаго строя жизни долженъ былъ стать *свободно гражданскій*. Такія реформы *по необходимости* разлагаютъ всѣ прежнія общественныя формации, всѣ прежнія организаціи быта каждой общественной группы, по необходимости вызываютъ къ жизни новыя формации и организаціи и черезъ все это не могутъ обойтись безъ нѣ котораго броженія въ обществѣ. Все это было неизбѣжно.

Все это неизбѣжное разстройство общественнаго организма было значительно усилено быстротою, почти крутостью реформъ, бойко слѣдовавшихъ одна за другою, въ началѣ истекшаго двадцатилѣтія, посреди общества, и *въ особенности посреди административнаго* строя, къ нимъ не подготовленныхъ. *Но эта быстрота была историческою необходимостью*, вынужденною *всѣмъ предшествовавшимъ* продолжительнымъ періодомъ государственнаго застоя, и этому-же періоду обязаны высшіе слои нашего общества и нашъ административный строй (т. е., *большинство* членовъ того и другаго) своею неподготовленностью къ реформамъ и своею умственною беспомощностью при встрѣчѣ съ ними. Въ быстротѣ, даже крутости этихъ реформъ настояла для Россіи, въ началѣ настоящаго

царствованія, можно сказать роковая, критическая необходимость, какъ вслѣдствіе всѣхъ условій внутренняго ея бытія, доказанныхъ даже для близорукихъ людей первою восточною войною, такъ и вслѣдствіе всѣхъ условій нашего общежитія съ образованными народами Европы. Едва ли нужно распространяться здѣсь обо всемъ этомъ; едва-ли во всемъ этомъ можетъ быть сомнѣніе для здравомысленныхъ людей, когда все это было ими сознано не только четверть вѣка, но болѣе полувѣка тому назадъ. Необходимость упраздненія крѣпостнаго права уже чувствовалась у насъ и сознавалась лучшими умами, въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія и даже раньше, и если-бы оно тогда началось (между прочимъ вмѣсто гораздо менѣе необходимой перестройки административныхъ учреждений и вмѣсто формальныхъ государственныхъ украшеній нашей жизни), то оно конечно могло бы дѣлаться тогда исподволь, идти болѣе медленнымъ шагомъ. А если-бы это дѣло не пошло такъ быстро и не было ведено такъ энергично въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, въ то время, когда пробилъ, такъ сказать, послѣдній для него часъ, то произошло бы многое неизмѣримо худшее въ жизни Россіи, нежели все то, что намъ пришлось видѣть. Сказанное здѣсь было бы излишне, какъ праздный укоръ невозвратимому прошлому, если бы изъ него не истекали самыя плодотворныя уроки для будущаго. Между прочимъ, еще весьма недавнее прошлое могло подтвердить для насъ ту старую истину, — что вредныя послѣдствія иныхъ запозданій и замедленій въ государственной дѣятельности бываютъ не вознаградимы.

Въ ожесточеніи того общественнаго кризиса, который неизбежно истекалъ изъ эпохи реформъ, еще болѣе виноватъ слѣдующій за нею и только что пережитый нами періодъ (приблизительно между польскимъ повстаніемъ и войною). О бездѣйствіи и застоѣ въ этомъ десятилѣтнемъ періодѣ, когда безусловный внутренний и вѣншній миръ особенно благоприятствовалъ самой широкой государственной дѣятельности, было въ свое время говорено въ нашемъ изданіи; мы обсуждали въ немъ многіе стоявшіе и стоящіе до сихъ поръ на очереди вопросы; поэтому не намъ удивляться испытаннымъ послѣдствіямъ этого періода искусственной задержки естественнаго развитія всѣхъ начатыхъ государственныхъ преобразованій и задержки въ естественномъ теченіи общественной жизни, по новымъ проложеннымъ для нея путямъ.

Было не мало и убѣдительно говорено въ нашей литературѣ,

съ самыхъ компетентныхъ сторонъ, о вредѣ непродолженія и приостановки реформъ, и здѣсь едва ли есть надобность повторять все сказанное. Упомянемъ только, что всякое замедленіе государственной дѣятельности пагубно; для полнаго здоровья общества, жизнь котораго ставить ежедневно новые вопросы государству, его работа должна быть непрерывна и неумолаема. Очень странно думать, какъ думаютъ иные, что нужны какіе-то интерваллы отдыха въ этой работѣ; они-то и производятъ тотъ перывистый ходъ государственнаго механизма, который смущаетъ умы общества. Всякій искусственно задержанный, противъ требованій народной жизни, темпъ государственной дѣятельности ведетъ только къ искусственно усиленному ея темпу въ послѣдующее время, и отсюда неизбежно истекають безпокойства и сотрясенія въ общественномъ организмѣ, въ особенности въ такомъ охранительномъ, по своей исконной національной природѣ, какъ нашъ русскій общественный организмъ. Все это кажется слишкомъ ясно въ теоріи, и кромѣ того слишкомъ достаточно практически провѣрено въ исторіи всѣми образованными народами. Сверхъ всего этого, замѣтимъ здѣсь только, что многія наши государственныя преобразованія были не довершены въ эпоху реформъ, многія были только начаты, многія другія (какъ напр. финансовыя и податныя), непосредственно истекавшія изъ совершенно измѣнившихся условій государственнаго и народнаго быта, были только указаны, и потому какъ будто совсѣмъ забыты. Поэтому позднѣйшій періодъ бездѣйствія былъ особенно губителенъ для возвращенія плодовъ великихъ государственныхъ преобразованій предыдущей эпохи, — главнѣйше для возвращенія практическихъ ихъ плодовъ въ общественной жизни.

Но если бы время, слѣдовавшее за реформами, ограничивалось только однимъ бездѣйствіемъ, то оно далеко бы не могло дать намъ такихъ ядовитыхъ плодовъ, какіе мы вкусили. Вопреки основнымъ началамъ реформъ, — и систематически вопреки имъ, — были принимаемы государственныя мѣры, предназначенныя лишь къ тому, чтобъ парализовать все новое направленіе, данное реформами государственной и общественной жизни. Могло ли произойти отсюда, изъ всѣхъ этихъ крайнихъ противорѣчій, какое нибудь добро для государства и общества?

Мы не будемъ однако настаивать на всемъ этомъ, достаточно впрочемъ всѣмъ извѣстномъ. Всякія рекриминаціи относительно прошедшаго бесплодны; онѣ въ особенности излишни въ то новое, не-

давно наступившее, для насъ время, когда въ правительственной средѣ вполнѣ сознаны ошибки прошедшаго и когда, надо надѣяться, онѣ не повторятся. Если мы коснулись времени, слѣдовавшаго за реформами, то только для того, чтобы въ связи со всѣмъ сказаннымъ о нашей смутѣ лучше распознать ея причины, а это распознаваніе нужно не для рекриминацій, а для самыхъ практическихъ государственныхъ интересовъ настоящаго и будущаго.

Мы хотимъ обратить здѣсь вниманіе на одну особенную сторону всего этого времени, истекшаго послѣ реформъ, которая имѣетъ специальное значеніе для вопросовъ насъ занимающихъ. Всякій историческій и общественно-физиологическій процессъ разложенія старыхъ формъ быта и разстройства связанныхъ съ ними общественныхъ классовъ тѣмъ менѣе мучителенъ для общества, чѣмъ быстрѣ рядомъ съ нимъ складываются новыя формы и новыя общественныя группы. Вотъ, въ этомъ то отношеніи было особенно вредно все реакціонерное движеніе противъ реформъ: оно становилось поперегъ всѣхъ новыхъ *законныхъ* путей дѣятельности и жизни, всѣхъ новыхъ призваній, открывавшихся въ силу новыхъ началъ, положенныхъ въ общество преобразовательною эпохою, для общественныхъ классовъ, ею потрясенныхъ. Всего болѣе искусственныхъ препятствій было нагромождено на всѣхъ поприщахъ *умственной и общественной* дѣятельности, именно той, которая была всего сподручнѣе для всѣхъ этихъ потрясенныхъ общественныхъ классовъ, очерченныхъ нами выше. Также точно и промышленная дѣятельность по всѣмъ своимъ отраслямъ не была нисколько освобождена отъ своихъ старыхъ путей и регламентацій; хотя это было менѣе чувствительно для высшаго общественного слоя, наиболѣе пошатнувагося въ эпоху реформъ и стремившагося къ высшимъ профессіямъ, однако промышленныя занятія должны были бы сдѣлаться самымъ правильнымъ выходомъ для множества неосѣвшихъ общественныхъ элементовъ, бродившихъ и въ старое время въ нашемъ обществѣ (разночинцевъ) и потомъ еще болѣе распложенныхъ низверженіемъ быта, обусловленнаго крѣпостнымъ правомъ. Къ сожалѣнію, съ самаго низу до самаго верха нашей промышленной дѣятельности, наиболѣе свободныя (?) поприща открылись только для привилегированныхъ промышленныхъ предпріятій, начиная внизу отъ питейно-акцизныхъ до желѣзно-дорожныхъ и банковыхъ на верху. Но у многихъ членовъ распатанныхъ общественныхъ классовъ не доставало ни капиталовъ, ни расположенія къ этимъ привилегированнымъ поприщамъ. Такимъ образомъ, былъ за-

трудненъ и даже остановленъ, въ своемъ естественномъ развитіи, процессъ образованія новыхъ общественныхъ формаций на развалинахъ старыхъ насажденій жизни, — новыхъ *организаций*, соединяющихъ людей между собою вслѣдствіе однородности ихъ затяній и быта, организаций, безъ которыхъ происходитъ броженіе общественныхъ атомовъ и людей; а этотъ процессъ могъ всего скорѣе залѣчить раны прошлаго и собрать воедино разваливавшуюся храмину «состояній и сословій». Отсюда произошло такое накопленіе въ обществѣ всякихъ обломковъ прежнихъ званій, состояній и сословій, о которыхъ было говорено выше и которые утративъ всѣ старыя колени жизни, не обрѣли *законныхъ новыхъ*. Нужно ли удивляться тому явленію, которое уже было выше отмѣчено, что на всѣхъ этихъ распутьяхъ жизни, оказалось (преимущество во всемъ нисшемъ, необезпеченномъ словѣ высшихъ классовъ) столько людей, сломя голову бросившихся, за немѣнимъ подъ собою никакой проторенной, безопасной колени, на первыя попавшіяся имъ въ глаза тропинки, хотя бы и темныя и неблагонадежныя, но все таки *куда нибудь*, авось, ведущія? Съ развитіемъ подпольныхъ «нелегальныхъ» организаций, въ нихъ получали опредѣленную общественную дѣятельность, извѣстное «общественное положеніе» или по крайней мѣрѣ «призваніе» и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣкоторое матерьяльное обезпеченіе люди, вышедшіе изъ общественныхъ классовъ или изъ развалинъ этихъ классовъ, утратившихъ прежнія крѣпкія, сложившіяся въ ихъ прежнемъ отеческомъ бытѣ надежды на дѣятельность, на призваніе, на положеніе, на кусокъ хлѣба. Мы говоримъ о большинствѣ элементовъ этихъ организаций, но конечно въ нихъ были и другаго рода люди, составляющіе исключеніе; были даже такіе, которые доставляли денежныя средства для подпольныхъ замысловъ.

Нѣтъ надобности указывать здѣсь на всѣ неисчислимыя искусственныя и официальныя препятствія, на бюрократическія регламентации, съ которыми изстари были связаны у насъ всякая частная и общественная дѣятельность и инициатива; время, о которомъ мы говоримъ, виновато тѣмъ, что оно не только не продолжало мѣропріятій предыдущей освободительной эпохи къ устраненію этихъ препятствій и регламентацій ¹⁾, не существующихъ болѣе

¹⁾ Самымъ рѣзкимъ прииѣромъ этихъ насильственныхъ регламентацій жизни, давно противорѣчащихъ не только всѣмъ умственнымъ, но и всѣмъ матерьяль-

нигдѣ въ образованномъ мірѣ, но прибавило къ нимъ много новыхъ. По странному, едва постижимому недоразумѣнію, всѣ эти стѣсненія были преимущественно созидаемы на почвѣ всякой такой частной и въ особенности совокупной общественной дѣятельности, которая имѣла сколько нибудь умственный, а тѣмъ хуже политическій характеръ. Между тѣмъ на этой почвѣ, всего скорѣе и ближе, должны были искать *законнымъ образомъ устроиться* всѣ разстроенныя реформами общественныя группы и въ особенности ихъ новыя поколѣнія; найти новую для себя духовную и матерьяльную пищу. Здѣсь ихъ разсѣянныя члены должны были войти въ новыя между собою сочетанія, въ новыя формаціи, въ новыя отношенія общественной союзности (класса), составляющія самый охранительный элементъ во всякомъ государствѣ. Нельзя послѣ этого удивляться, что многіе выходы изъ этихъ разстроенныхъ общественныхъ группъ, преимущественно раздраженные и юные, вмѣсто трудной законной борьбы со всѣми этими стѣсненіями, которыя оттолкнули многихъ лучшихъ и почтенныхъ людей къ полному «абсентеизму», — предпочитали пускаться въ разныя, болѣе удобныя, *незаконныя* предпріятія и соединенія своихъ силъ. Самымъ характеристическимъ здѣсь примѣромъ странныхъ недоразумѣній этого столь недавняго времени могутъ служить удобства, представлявшіяся для изданія подпольныхъ листовъ, въ особенности за границую, въ сравненіи съ затрудненіями для всякаго законнаго изданія, хотя бы даже самаго охранительнаго.

Сюда-же, къ явленіямъ искусственно усилившимъ нашъ общественный кризисъ послѣ реформъ, принадлежитъ и ненормальный ходъ нашего народнаго образованія, уже выше нами указанный; правильно устроенная школа, на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ, сообразно съ дѣйствительными, а не мнимыми потребностями каждаго класса, была призвана всего болѣе облегчить болѣзненные ощущенія этого переходнаго государственнаго періода въ обществѣ; помочь новымъ поколѣніямъ подняться выше прежняго умственнаго уровня въ каждомъ общественномъ классѣ, не возбуждая въ нихъ неопредѣленныхъ и недостижимыхъ умственныхъ идеаловъ, превыше всякихъ ихъ матерьяльныхъ средствъ и

нимъ ея условіямъ въ нашемъ вѣкѣ, служить наша паспортная система. Вопросъ объ ея отмініи былъ поставленъ на первую очередь уже 20 лѣтъ тому назадъ.

возможностей; энергически парализовать размноженіе недоучекъ и полубразованія, — этой язвы нашего просвѣщенія по всѣмъ его общественныхъ категоріяхъ. Къ несчастію, у насъ случилось совершенно противоположное; школа и всѣ ея улучшенія и преобразованія внесли почти всего болѣе раздраженія въ общество и въ его кризисъ.

Наконецъ, мы должны еще упомянуть о самомъ важномъ съ усвоенной нами точки зрѣнія на нашу смуту государственномъ недоразумѣніи эпохи, слѣдовавшей за реформами, и самомъ характеристическомъ признакѣ этой эпохи. Мы говоримъ о странныхъ отношеніяхъ, водворившихся между центральной администраціей или лучше ея мѣстными органами и земскими учрежденіями. Можно сказать, что въ этихъ отношеніяхъ водворился самый острый антагонизмъ, тогда какъ бюрократическія и земскія административныя инстанціи, — тѣ и другія въ границахъ своей компетенціи и своихъ административныхъ отраслей, — призваны были, по своему существу, быть равноправными, органическими частями одного и того-же государственнаго управленія; начала земскаго и городскаго самоуправленія должны были въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи все болѣе и болѣе заступать въ организаціи всего мѣстнаго управленія начала бюрократическія. Устройство всѣхъ учрежденій безсловнаго самоуправления не имѣло иной задачи, какъ обновить собою весь строй мѣстной администраціи и устранить изъ нея давно замѣченныя недостатки бюрократической и сословной ея организаціи. Упомянутый антагонизмъ не только пресѣкалъ дальнѣйшее развитіе земскихъ учрежденій въ этомъ направленіи и содѣйствовалъ уродливому образованію и разростанію въ нѣдрахъ одного и того-же государственнаго управленія какихъ-то двухъ болѣзненно враждебныхъ другъ другу тѣлъ — бюрократическаго или казеннаго и земскаго, — но этотъ противоположный антагонизмъ совершенно парализовалъ земскую дѣятельность, не позволялъ извлечь изъ нея даже ту долю практической пользы, для мѣстныхъ народонаселеній, какая была возможна при данныхъ, хотя-бы и недостаточныхъ, условіяхъ устройства земскихъ учрежденій и ихъ правахъ, отталкивалъ отъ нихъ многія лучшія и независимыя мѣстныя силы и распожалъ, на почвѣ земской дѣятельности, въ ущербъ настоящему дѣлу, элементъ мелкихъ интригъ, дрызгъ и бесплодныхъ пререканій.

Правда, что зародыши этого антагонизма были положены въ самое устройство земскихъ учрежденій, спѣшно и мало обдуман-

нос, весьма неопредѣленное и неясное во многихъ своихъ предначертаніяхъ и нѣсколько несогласованное со всѣми прочими мѣстными учрежденіями. ¹⁾ Но личныя благонамѣренныя усилія бюрократическихъ органовъ могли бы много сгладить всѣ недостатки этихъ учреждений; эта возможность доказана нѣкоторыми исключительными примѣрами добрыхъ отношеній между администраціей и земствомъ. Между тѣмъ общій духъ бюрократической дѣятельности, проникнутый недоувѣріемъ и даже враждою къ земству, былъ направленъ къ разжиганію борьбы съ нимъ, почти систематической. Подъ вліяніемъ этого духа, не только былъ забытъ поставленный на первую очередь въ эпоху реформъ общій пересмотръ всей системы мѣстнаго управления, который долженъ былъ исправить первоначальные недостатки «положенія о земскихъ учрежденіяхъ» и послужить къ ихъ дальнѣйшему развитію, но цѣлымъ рядомъ распоряженій, ихъ самостоятельность и права были постоянно сокращаемы и они болѣе и болѣе вводились въ подчиненныя отношенія къ бюрократическимъ учрежденіямъ, въ противность основнымъ началамъ самоуправления, въ нихъ положеннымъ законодателямъ.

Ясно, какою связью все это имѣетъ съ нашими вопросами, съ смутнымъ броженіемъ умовъ и съ раздраженіемъ въ высшемъ образованномъ слоѣ мѣстныхъ народонаселеній. Но самое существенное значеніе этого болѣзненнаго хода въ развитіи земскихъ учреждений и земской дѣятельности, на которое мы здѣсь въ особенности обязаны указать, заключается въ томъ, что на почвѣ безусловнаго земства должна была самымъ естественнымъ образомъ произойти, на самыхъ мѣстахъ дѣйствительной, т. е., мѣстной, народной жизни, внутренняя постепенная перестройка всѣхъ нашихъ «сословій и состояній», ихъ историческое преображеніе (трансформация); новая безусловная и самородная группировка нашихъ общественныхъ классовъ по занятіямъ, образованію, призваніямъ, участію въ мѣстныхъ интересахъ; окончательное превращеніе высшаго привилегированнаго и служиваго сословія въ высшій руководящій разрядъ земства, открытый для всѣхъ сословій; наконецъ новыя отношенія всѣхъ общественныхъ классовъ, провинціи и съ

¹⁾ См. обо всемъ этомъ статьи *А. Д. Градовскаго* въ V и VI т. Сборника Государств. Знаній, «Системы мѣстнаго управления въ Западной Европѣ и Россіи». Также *В. П. Безобразова*, *Земскія учрежденія и самоуправленіе*, Москва. 1874 г.

нею всей земли къ государственному управленію. Тутъ должно было произойти все то здоровое обновленіе нашего государственнаго и гражданскаго строя, начала которому были положены въ эпоху реформъ. Послѣ всего нами сказаннаго о нашей общественной смутѣ было бы излишне говорить здѣсь какое сильное вліяніе на развитіе ея элементовъ должно было имѣть все это замедленіе въ развитіи самостоятельной земской жизни. Она была призвана скорѣе всего служить къ воссоединенію и спайкѣ всѣхъ раздробленныхъ атомовъ, выскочившихъ изъ прежнихъ классовъ и сословій, расшатанныхъ реформами, и она должна была всего болѣе возбудить дѣятельность въ общественномъ организмѣ всѣхъ здоровыхъ его силъ, которыя уже тѣмъ самымъ, —однимъ своимъ широкимъ проявленіемъ, —противодѣйствовали бы развитію всякихъ болѣзненныхъ соковъ и ихъ броженію.

Между тѣмъ, къ самому чудовищному и прискорбному недоумѣнію, эти-то здоровыя земскія силы всего болѣе заподозривались въ своей политической неблагонадежности. Посреди безуспѣшныхъ поисковъ за потаенными дѣятелями революціонныхъ ватастрофъ, какъ будто пораженныя какимъ-то раздраженнымъ безсиліемъ и слѣпотою, бюрократическія власти обращали свои громы противъ этихъ силъ, какъ единственныхъ явныхъ, общественныхъ силъ, не входившихъ въ приказный строй жизни, ему антипатичныхъ по самой своей натурѣ, не скрывавшихся подъ фальшивыми паспортами и потому легко уловимыхъ. Печальнымъ результатомъ всего этого было то, что всѣ здоровыя и дѣйствительно благонадѣжныя въ обществѣ стихіи — *благонадѣжныя нравственно и политически* въ настоящемъ значеніи этихъ словъ для будущности государства и самой администраціи, благонадѣжныя *искренне*, — эти стихіи, уязвленныя со всѣхъ сторонъ недоувѣріемъ, какъ будто опальныя, все болѣе и болѣе проникались апатіей и удалялись съ поля общественнаго дѣйствія. Таковъ, кажется, по отношенію къ нашему общественному броженію «общій мрачный результатъ», — и не на одной только земской почвѣ, — всей разсматриваемой нами государственной эпохи. Индифферентизмъ, — даже болѣе этого, *упадокъ духа*, постоянно возраставшій въ лучшей, честной, образованной и независимой средѣ общества и вмѣстѣ съ тѣмъ все возраставшее разлученіе ея съ официальными сферами, ставшими къ ней во враждебныя отношенія и искусственно выталкивавшими повсемѣстно эту среду въ «оппозицію», — ослабляли тотъ нравственный и умственный отпоръ, который только одна эта среда способна была дать

развивавшимся элементамъ смуты и на недостатковъ котораго стали потомъ жаловаться правительственныя лица. Въмѣстѣ съ тѣмъ избытокъ другихъ, болѣе безпокойныхъ, преимущественно юныхъ силъ, ненаходившій себѣ употребленія на законныхъ путяхъ, или-же малодушный въ борьбѣ съ препятствіями на этихъ путяхъ или недостаточно воспитанный въ чувствѣ нравственнаго долга и законности, все болѣе и болѣе изливался на всѣ незаконныя тропы, оказывавшіяся гораздо болѣе привольными для частной дѣятельности.

Здѣсь теперь мѣсто напомнить о совершенно другой категоріи *незаконныхъ* путей общественной дѣятельности, о цѣлой особой группѣ общественныхъ явленій, которой мы еще не касались, которая развивалась параллельно съ нашею политическою смутою и заключала въ себѣ не менѣе дерзкія и безнравственныя преступленія и покушенія, хотя и на совершенно другой почвѣ, — на почвѣ не государственнаго, а *частнаго и гражданскаго права*. Всѣ эти явленія могутъ быть обобщены подъ общимъ, за ними признаннымъ, названіемъ «расхищеній кассъ». Эти расхищенія въ правительственныхъ и въ общественныхъ учрежденіяхъ свирѣпствовали одно время, не задолго до взрыва политическихъ преступленій, эпидемически, подобно заразѣ революціонной пропаганды. Всѣ эти явленія слишкомъ извѣстны и мы можемъ говорить объ нихъ коротко, только для выясненія ихъ общаго историческаго для насъ смысла. При поверхностномъ взглядѣ на общественную жизнь можетъ казаться, что всѣ эти «правонарушенія» и «злодѣянія» въ области частнаго права не имѣютъ ничего общаго съ правонарушениями и злодѣяніями въ области публичнаго права; что безграничныя пространства въ обществѣ раздѣляютъ нашихъ «расхитителей кассъ» съ нашими бунтарями. При такомъ поверхностномъ взглядѣ, у насъ случались даже и такія нелѣпыя мнѣнія, — что общественные элементы, соприкосновенные съ расхищеніями, въ политическомъ отношеніи самыя благонадежныя (?). При этомъ предполагалось, что люди подходящіе къ публичному дѣлу съ своекорыстными личными или *частными* побужденіями, «безъ всякой общей идеи», наиболѣе безопасны для государства! Такія сужденія доказываютъ только, какія дикія фантазіи могутъ разыгрываться въ умахъ даже «серьезныхъ» (?) людей въ эпохи общественной смуты.

Одна крупная катастрофа расхищенія впрочемъ уже доказала, что темныя и преступныя силы на почвѣ государственнаго права могутъ дѣйствовать совокупно съ такими же силами на почвѣ гражданскаго права. Но не нужно этого факта, который можетъ быть приз.

нанъ только случайностью, чтобъ найти тѣсное общественно-физиологическое сродство, въ особенности по историческому происхожденію, между двумя темными мірами тѣхъ и другихъ явленій, исказившихъ нашу общественную и государственную жизнь послѣднихъ лѣтъ.

Мы не будемъ останавливаться на томъ (несомнѣнномъ однако) фактѣ, объединяющемъ тотъ и другой міръ, что цинизмъ нравственныхъ понятій и отсутствіе нравственнаго долга передъ существующимъ законнымъ порядкомъ общи и расхищеніямъ и революціоннымъ насиліямъ. Эти общіе нравственные признаки одинаково указываютъ на общій нравственный недугъ, обусловившій собою въ обществѣ возможность *эпидемическаго* развитія тѣхъ и другихъ явленій. Но мы считаемъ нужнымъ обратить здѣсь вниманіе главнѣйше на отношенія хищническихъ явленій къ изложенному нами историческому ходу нашей подпольной смуты и къ эпохѣ государственнаго застоя, усилившей, какъ мы объяснили, этотъ ходъ.

Обнаружившіяся «расхищенія кассъ» казенныхъ, банковыхъ и всякихъ другихъ, были, подобно революціоннымъ взрывамъ, убійствамъ и покушеніямъ, только самыми острыми пароксизмами, исключительными трагическими моментами въ томъ непрерывномъ броженіи болѣзненныхъ общественныхъ стихій, которыя во всѣхъ сферахъ нашей общественной дѣятельности влеклись гораздо предпочтительнѣе къ быстрой, неправильной наживѣ, къ расхищенію общественнаго достоянія, чѣмъ къ медленному, честному и законному труду. Нѣтъ надобности исчислять здѣсь всѣ виды и формы этой слишкомъ извѣстной язвы кулачества и міроѣдства, чрезвычайно разившейся у насъ во всѣхъ общественныхъ слояхъ, снизу до верху, отъ держателей распивочныхъ питейныхъ заведеній и сельскихъ ростовщиковъ — эксплуататоровъ до такихъ же привилегированныхъ промышленниковъ, появившихся нѣсколько времени тому назадъ въ обликѣ желѣзно-дорожныхъ концессионеровъ, всякаго рода подрядчиковъ и «высшихъ финансовыхъ дѣятелей». Сущность хищничества, «промышленнаго производства» (?) и обогащенія не на счетъ труда, знаній и благопріобрѣтеннаго капитала, а на счетъ благопріобрѣтенныхъ (?) привилегированныхъ правъ и монополей, на счетъ привилегій и монополей беззащитивой совѣсти и обмана надъ болѣе боязливою совѣстью конкурента и невѣдѣніемъ публики, рынка и начальства, — эта сущность хищничества и денежнаго разбоя одинакова во всѣхъ ихъ фазахъ и на всѣхъ

ихъ ступеняхъ. Эта сущность только называется въ высшихъ сферахъ своего проявленія болѣе благоприличными терминами, «шпекуляціей», ажіотажемъ или самымъ облагоустроеннымъ терминомъ «практическою дѣятельностью». Но не все это и не бесплодное нравственное назиданіе въ пользу расхитителей нашихъ казенныхъ и частныхъ имуществъ васъ здѣсь занимаютъ. Мы уважемъ только на специальную сторону всей этой грязной исторіи послѣднихъ лѣтъ, прямо относящуюся къ нашему предмету и ко всему выше нами изложенному.

Если разобрать общественные элементы, принимавшіе участіе въ этой хищнической промышленной дѣятельности и къ ней прикосновенные, то можно кажется убѣдиться, что на всѣхъ ея ступеняхъ и на всѣхъ соотвѣтствующихъ ступеняхъ общественной жизни, сюда принадлежать *по преимуществу*, если не исключительно, такіе же обломки и отброски изъ всѣхъ распатанныхъ старыхъ общественныхъ «состояній» снизу до верху (соотвѣтственно каждой ступени) и изъ всѣхъ неустановившихся новыхъ общественныхъ группъ, — такіе-же обломки и отброски, какіе мы видѣли въ личномъ составѣ нашей политической смуты.

Самое крупное въ этомъ сравненіи исключеніе составляетъ купечество, которое, какъ мы говорили, воцѣ отсутствуетъ въ общественной сферѣ, обружавшей политическія преступленія; для него былъ ближе соблазнъ незаконныхъ промышленныхъ, чѣмъ политическихъ, предпріятій. Однако спѣшимъ замѣтить, что въ рядахъ новѣйшей «шпекуляціи» и ажіотажа, новѣйшихъ «легкихъ» финансовыхъ предпріятій, хотя и принималъ значительное участіе торговый классъ, но въ этомъ мірѣ «аферъ» совсѣмъ не видно, за немногими исключеніями, представителей родового нашего купечества, въ особенности провинціального. Оно продолжало вести свою правильную торговлю, не смотря на чрезвычайныя трудности конкуренціи съ новѣйшими неправильными торговыми предпріятіями и съ привилегированнымъ покровительствомъ, которымъ они пользовались. Еще болѣе рѣзкое различіе личнаго состава арміи смутчиковъ и личнаго состава арміи расхитителей и аферистовъ состоитъ конечно въ томъ, что въ первой участвовали преимущественно юныя и наивныя, а во второй — преимущественно возмужалыя, даже устарѣлыя и опытыя силы изъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Это различіе какъ нельзя болѣе естественно: нечего и говорить о томъ, что вообще юношескій возрастъ столько же расположенъ къ фанатизму идеи, сколько возмужалый воз-

расть — къ фанатизму стяжанія; но кромѣ того, при уклоненіи съ законныхъ путей жизни, для перваго была столько-же болѣе сподручна политическая смута, сколько для втораго — хищническая денежная афера.

Исшедъ изъ тождественныхъ историческихъ и нравственныхъ источниковъ, зачавшись въ одномъ и томъ-же процессѣ разложенія стараго общественнаго порядка и разрушенія всѣхъ прежнихъ обезпеченій благосостоянія разныхъ общественныхъ классовъ, обѣ группы болѣзненныхъ общественныхъ явленій, — социальное броженіе и гнилая промышленная горячка, жажда политической агитации и жажда наживы, — соприкасались между собою во всемъ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, и воздѣйствовали другъ на друга во многихъ отношеніяхъ. Это взаимодѣйствіе имѣло несомнѣннымъ своимъ послѣдствіемъ усиленіе смуты, въ особенности въ умахъ молодаго поколѣнія. Между прочимъ, безнравственныя стяжанія, быстрыя неправильныя наживы, казусы лихоимства и казнокрадства, подъ лживымъ прикрытіемъ формальной законности, равнодушіе къ нимъ и попустительство общественной среды, въ которой совершались эти злодѣянія корысти для удовлетворенія грубыхъ плотскихъ страстей — все это разжигало элементы раздраженія и зависти на той общественной почвѣ, на которой производилась революціонная агитация; все это давало агитаторамъ съ виду основательныя, хотя бы и обманчивыя, нравственные поводы для распространенія недовѣрія и презрѣнія къ существующему общественному порядку, къ его нравственнымъ и юридическимъ основамъ, и для пропаганды понятій о необходимости и возможности низверженія этого порядка. Безнравственность, съ одной стороны, — съ той стороны, которую агитаторы злонамѣренно обзывали «легальной», — служила имъ какъ бы нравственнымъ оправданіемъ для провозглашеннаго ими впоследствии отъ «фракціи террористовъ» безнравственнаго права на политическія насилія. Всѣ подобныя дерзкія умозаключенія, лишеныя внутренней нравственной правды, но построенныя на лживой формальной логикѣ, смущали и расплаляли молодые умы, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые не были воспитаны на строгихъ началахъ религіозной нравственности и на строгомъ примѣрѣ нравственнаго долга въ ближайшемъ старшемъ поколѣніи.

Во всемъ указанномъ выше направленіи, самое пагубное воздѣйствіе «спекуляціи» съ ея взрывами — расхищеніями, на развитіе революціонной смуты было обусловлено тѣмъ печальнымъ

обстоятельствомъ, что въ періодъ застоя, слѣдовавшій за реформами, всѣ эти неправильныя промышленныя предпріятія и незаконныя денежныя операціи имѣли для публики такой наружный видъ, что онѣ какъ будто находятся подъ особымъ покровительствомъ и даже пользуются поощреніями въ привилегированной общественной и даже въ административной средѣ. Самымъ рѣзкимъ образчикомъ такого впечатлѣнія, производившагося въ обществѣ привилегированными промышленными предпріятіями, служить исторія желѣзнодорожнаго дѣла съ его вопіющими злоупотребленіями. ¹⁾ Близко примыкали сюда и наши банковыя предпріятія, которыя до сихъ поръ остаются при своихъ привилегированныхъ отношеніяхъ къ правительству и обществу, при тѣхъ-же «концессіяхъ», подобныхъ желѣзно-дорожнымъ и доступныхъ только для исключительныхъ кружковъ «предпринимателей». Этотъ привилегированный ходъ былъ данъ (банковому дѣлу также вопреки первоначальнымъ правительственнымъ предположеніямъ, проецированнымъ въ эпоху реформъ ²⁾). Къ этимъ предположеніямъ принадлежалъ между прочимъ общій банковый законъ, который былъ впоследствии совсѣмъ забытъ и при которомъ были бы невозможны разныя позднѣйшія привилегированныя банковыя насажденія, открывшія путь ко множеству злоупотребній. Всѣ эти факты приведены нами только какъ примѣры общаго направленія промышленной дѣятельности въ продолжительную и мирную эпоху, слѣдовавшую за реформами: всѣ многообразныя законодательныя постановленія (напр. пересмотръ фабричнаго законодательства, устава объ акціонерныхъ компаніяхъ и проч.), въ которыхъ такъ давно нуждалось наше народное хозяйство и которыя должны были облегчить трудъ и производительность для большинства народа, приостановились, а все вниманіе и какъ будто вся любовь были обращены на монопольныя предпріятія, выгодныя только для немногихъ избранниковъ, жаждущихъ субсидій и поставленныхъ въ «особенныя отношенія» къ вліятельнымъ лицамъ.

Страннымъ результатомъ всего этого, одинаковымъ и на экономической и на политической почвѣ, было то, что въ то время

¹⁾ См. въ Сборникѣ Госуд. Знаній статьи *А. А. Головачева*, «Желѣзныя дороги въ Россіи», законченныя въ настоящемъ томѣ.

²⁾ См. между прочимъ четыре тома «Трудовъ Комиссіи, Высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ», 1859 — 1861 гг.

как законная и открытая дѣятельность общества на обѣихъ почвахъ встрѣчала величайшія стѣсненія, незаконная и потаенная дѣятельность на тѣхъ-же почвахъ развивалась съ непрерывно возрастающею «свободою» (?) и необузданностью. Въ это-же самое время громадное, большинство общества во всѣхъ его слояхъ, никогда и нигдѣ несклонное къ незаконной жизни, а между тѣмъ всячески стѣсненное въ свободѣ законной жизни, болѣе и болѣе устраняло себя отъ всякой дѣятельности, отъ всякаго участія въ дѣлахъ, отъ всякой инициативы; оно поражалось маразмомъ равнодушія. Это болѣзненное равнодушіе является, въ свою очередь, всегда наилучшимъ пособникомъ всякой общественной смуты.

Таково, кажется, главное общее заключеніе, которое можетъ быть выведено изъ всего нами сказаннаго; оно уже было неоднократно намѣчаемо нами выше, но мы считаемъ нужнымъ повторить его здѣсь, какъ одинъ изъ наиболѣе назидательныхъ выводовъ, какіе могутъ быть сдѣланы изъ безпристрастнаго и безпартейнаго изученія нашего общественнаго броженія. Намъ остается только упомянуть здѣсь о той тѣсной связи, въ которой находится этотъ выводъ со всѣмъ изложеннымъ выше историческимъ ходомъ этого броженія, со всѣмъ нашимъ общественнымъ кризисомъ, произведшимъ это броженіе, хотя и эта связь выступала довольно ясно въ указанныхъ нами фактахъ.

Все органическое разчлененіе нашего общества на «сословія, состоянія и званія», хотя бы весьма не крѣпкое и весьма искусственное уже въ дореформенное время, но обеспечивавшее собою тогда известный, типическій бытъ людей, входившихъ въ составъ всѣхъ этихъ общественныхъ группъ, окончательно пошатнулось, въ эпоху реформъ. Эта такъ сказать трещина въ общественномъ организмѣ произошла преимущественно въ верхней его части, гдѣ она была наиболѣе широкою, постепенно суживаясь къ низу. Естественнымъ историческимъ послѣдствіемъ реформъ должны были сдѣлаться новыя общественныя группы или новыя соединенія личныхъ силъ для своего быта и дѣятельности, новыя общественныя формаціи и съ тѣмъ вмѣстѣ новый *мѣстный* административный строй, основанный на началахъ самоуправленія; онъ всегда находится въ непосредственной зависимости отъ той или другой группировки общества. Новая естественная группировка должна была всего скорѣе и всего болѣе здоровымъ образомъ возникнуть на вновь открывшейся земской безсословной почвѣ. Весь этотъ возможный и желанный, естественный историческій ростъ общества, его органическое здо-

ровое развитіе столкнулись съ искусственными механическими препятствіями, которыя дали этому росту и развитію искривленное болѣзненное направленіе. Въ то время, какъ этими препятствіями были замедлены новыя и законныя общественныя формаціи, долженствовавшія постепенно замѣнить собою старыя «сословія и состоянія», было замедлено и образованіе мѣстнаго земскаго самоуправления, призваннаго постепенно замѣнить собою старую приказную и сословную администрацію,—въ то время пошли изъ общества съ полною свободою, въ разныя стороны, всякіе дикіе его ростки, всякія *беззаконныя* формаціи, «нелегальныя», организаціи и соединенія личныхъ силъ, какъ для революціонной пропаганды идей, такъ и для любостыжанія. Въ этихъ организаціяхъ пріютились и нашли для себя общественное положеніе выходцы изъ всѣхъ поколебленныхъ общественныхъ классовъ. Разсѣянные атомы этихъ классовъ, встрѣчая затрудненія на законныхъ путяхъ для своего воссоединенія въ новыхъ формахъ жизни, устремились къ своему соединенію въ «нелегальныхъ» или противозаконныхъ «сообществахъ» и организаціяхъ. Натура человѣческаго общества, не терпящая такихъ разсѣянныхъ атомовъ и требующая внутри себя какихъ либо органическихъ клѣточекъ,—сочетаній и союзовъ личностей,—взяла верхъ надъ всякими искусственными препятствіями къ соединенію этихъ атомовъ. Вотъ этотъ послѣдній фактъ и обобщаетъ исторію двухъ группъ болѣзненныхъ явленій, которыя, при первомъ на нихъ взглядѣ, не имѣютъ ничего между собою общаго и происходили какъ будто на двухъ противоположныхъ полюсахъ общественной жизни. Не менѣе чѣмъ черезъ ихъ общее историческое происхожденіе изъ общественнаго кризиса, начавшагося двадцать лѣтъ тому назадъ, эти двѣ группы явленій могутъ быть обобщены и черезъ разсмотрѣніе ихъ внутренняго нравственнаго содержанія: въ томъ и другомъ случаѣ одинаково изобличается отрицаніе нравственныхъ началъ жизни. Въ этомъ отношеніи «нигилизмъ» героевъ революціонной смуты ничѣмъ не отличается отъ нигилизма всѣхъ тѣхъ другихъ героевъ въ скандальныхъ судебныхъ процессахъ, которые эксплуатировали свои общественныя положенія и свои «законныя права» для незаконныхъ промышленныхъ цѣлей, для личнаго обогащенія и для удовлетворенія своихъ невѣжественныхъ, животныхъ страстей. Въ той и другой преступной сферѣ одинаково обнаруживается шаткость не только нравственныхъ принциповъ, но и понятій о законности и долгѣ въ публичномъ дѣлѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ чрезвычайная слабость

умственного развитія и истиннаго просвѣщенія; а весь этотъ недугъ зародился издавна въ верхнемъ слоѣ нашего общества, который былъ преимущественно потрясенъ кризисомъ послѣднихъ двадцати лѣтъ, — зародился въ немъ неизмѣримо ранѣе этого кризиса и всего болѣе способствовалъ безсилію нашихъ высшихъ классовъ къ перенесенію этого кризиса.

Очертивъ, насколько мы могли, общее движеніе нашей общественной смуты, достигнувшей къ началу нынѣшняго года, въ формѣ политическихъ преступленій, своего крайняго развитія, мы должны перейти теперь къ чрезвычайнымъ полицейскимъ мѣрамъ, которыя были предназначены къ борьбѣ съ этими преступленіями и которыя наполняютъ собою всю законодательную и административную дѣятельность истекшаго года. Какъ несостоятельность этихъ мѣръ признана теперь самимъ правительствомъ, то намъ нужно сказать весьма немного о причинахъ этой несостоятельности, только для будущаго нашего назиданія. Весь выше-сдѣланный нами опытъ діагнозы нашихъ болѣзненныхъ общественныхъ явленій, весьма облегчаетъ оцѣнку приложенныхъ къ нимъ способовъ лѣченія. Намъ достаточно только взглянуть въ общую систему этого лѣченія.

Главная, коренная ошибочность всей этой системы, кромѣ всѣхъ другихъ грубыхъ ея недостатковъ, заключалась въ томъ, что всѣ элементы смуты и всѣ вышеизложенныя разнообразныя стадіи ея развитія *смѣшивались въ одно нераздѣльное цѣлое*, начиная отъ смутныхъ «идей» болѣе или менѣе «преступнаго свойства» и даже отъ идей или лучше рѣчей только не ценсурнаго свойства, пропагандировавшихся или даже только бродившихъ въ разныхъ слояхъ общества, до самой послѣдней стадіи смуты, до организованныхъ заговоровъ для политическихъ преступленій, до организованнаго небольшою кучкою людей «терроризма». Всѣ эти элементы и стадіи, имѣющіе между собою только нѣкоторую, болѣе или менѣе близкую (и чаще отдаленную) нравственную связь, не имѣющія между собою ничего общаго, а въ формальномъ юридическомъ отношеніи смѣшивались для распорядителей полицейскихъ мѣръ въ одно, единое, смутное представленіе, противъ призрака котораго и направлялись *безразлично* всѣ вооруженія и всѣ удары полицейской власти.

Въ этомъ смутномъ призракѣ *чего-то неопредѣленно враждеб-*

наго существующему порядку ничего не различалось, и всё угрозы и кары безразлично поражали всё признаки и явления, въ которыхъ сколько нибудь осязательно, а часто даже и вовсе не осязательно (а только въ воображеніи), давало себя чувствовать присутствіе этого призрака. Отъ такихъ смутныхъ отношеній полиціи къ смутѣ произошло много крайне жестокихъ послѣдствій для многихъ отдѣльныхъ лицъ, хотя причина этихъ послѣдствій заключалась вообще ни сколько не въ жестокосердіи исполнителей, чуждомъ нашему національному характеру, даже въ лицъ нашихъ полицейскихъ органовъ, но причина эта лежала только въ совершенномъ *невѣдѣніи* источниковъ, элементовъ и всего историческаго развитія нашего общественнаго броженія. Въ этомъ случаѣ наши полицейскія власти, также какъ и само общество (или по крайней мѣрѣ его большинство) были застигнуты всѣми наружными пароксизмами нашего общественнаго недуга совершенно *врасплохъ*.

Но произошло нѣчто гораздо худшее вышесказаннаго смѣшенія всѣхъ элементовъ и стадій смуты подъ ударами полицейской власти: посреди невѣдѣнія и общей темноты, окружавшихъ предметъ полицейскихъ распоряженій, они, по естественной необходимости, были съ наибольшою энергіею устремлены къ тѣмъ частямъ этого предмета, которыя были относительно наиболѣе освѣщены. Отсюда цѣлый рядъ печальнѣйшихъ недоразумѣній во всей полицейской дѣятельности истекшаго года, хотя всё эти недоразумѣнія начались у насъ уже гораздо ранѣе и только до крайности усилились въ 1879 г., вслѣдствіе чрезвычайныхъ полицейскихъ полномочій въ этомъ году. Вслѣдствіе упомянутой естественной необходимости, прежде всего и болѣе всего преслѣдовались всяческими полицейскими строгостями, стѣсненіями личной свободы и даже положительными наказаніями, какихъ было не мало въ безконтрольномъ распоряженіи полиціи, при просторѣ новыхъ ея полномочій ¹⁾, тѣ сферы броженія или такъ называемой пропаганды, которыя были наиболѣе открыты для полицейскаго дѣйствія, которыя были наиболѣе явны и потому наименѣе преступ-

¹⁾ Аресты, административныя высылки и отдача подъ надзоръ полиціи большею частію превышали своими тягостными послѣдствіями для преслѣдуемыхъ лицъ всякія уголовныя наказанія, какія могли быть наложены на нихъ по суду, за проступки и преступленія, въ которыхъ они обвинялись или только заподозривались.

ны. Если припомнить то, что было сказано нами раньше о разных фазах и стадиях въ развитіи смуты, то болѣе всего поддавали полицейскимъ преслѣдованіямъ тѣ ея области, гдѣ матерія броженія лежало болѣе тонкимъ слоемъ, болѣе открыто на воздухъ, наименѣе скрывала себя отъ свѣта, вслѣдствіе наименьшей своей виновности и наименьшаго участія въ преступныхъ замыслахъ. Чѣмъ болѣе она сгущалась въ настоящія революціонныя гнѣзда и изъ ихъ теоретическихъ умствованій — въ «практическіе» заговоры, тѣмъ болѣе она уходила въ темноту, во всѣ ущелія общества, недосягаемая для ока полиціи. Преслѣдуя болѣе открытыя сферы «преступной» пропаганды, въ которыхъ многія «преступныя дѣйствія» имѣли даже чисто условный и искусственный характеръ (при существующихъ у насъ обвѣтнанныхъ законахъ по части свободы мнѣнія, слова и печати), полиція, по неизбѣжной необходимости, за одно съ этими сферами, захватывала въ своихъ мѣропріятіяхъ даже и совершенно законныя области общественной жизни, находившіяся въ какомъ нибудь сопрікосновеніи съ этими сферами. Матерія смутныхъ понятій и чувствъ, какъ мы объясняли это выше, — матерія общественнаго раздраженія, исшедшая подобно ядовитому испаренію изъ нашего историческаго общественнаго кризиса, — незамѣтно сопрікасается съ самою здоровою атмосферою, съ самою законною дѣятельностью общества, тамъ гдѣ эта матерія разсѣяна нантончайшимъ слоемъ: захотѣтъ преслѣдовать тутъ полицейскими и судебными мѣрами эту эфирную общественно-физиологическую матерію, — эти первые зародыши нравственныхъ и умственныхъ міазмовъ, — это захотѣтъ исполнить задачу невозможную для какой бы то ни было полиціи. Полицейская борьба съ такими духовными элементами немислима, или она ведетъ къ неисчислимымъ зловреднымъ послѣдствіямъ, *діаметрально противоположнымъ* своей цѣли. Такъ у насъ и случилось.

Мы укажемъ здѣсь только на самыя важныя въ практическомъ отношеніи послѣдствія всего этого направленія полицейскихъ дѣйствій противъ смуты. Прежде всего она *ускорила* объясненный выше постепенный процессъ сгущенія болѣзненныхъ атомовъ отъ одной стадіи къ другой, отъ ихъ туманныхъ пятенъ, отъ разсѣянной, бродячей агитации къ организованнымъ твердымъ тѣламъ (къ тайнымъ обществамъ съ положительными заговорами на преступленія): каждый ударъ въ какое бы то ни было пространство съ разсѣянными въ немъ безсознательными или системати-

ческими пропагандистами выгонялъ тѣхъ изъ нихъ, которые оставались въ этомъ пространствѣ живыми или высвобождались изъ рукъ полиціи, въ слѣдующую, болѣе сгущенную сферу революціоннаго броженія, и т. д., до послѣдней его стадіи, на которой, до самаго недавняго времени, всѣ дѣйствующія лица успѣвали совершенно укрываться отъ полицейскаго преслѣдованія. Это дѣйствіе чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣръ было обусловлено тѣмъ раздраженіемъ, которое онѣ вносили во всѣ сферы броженія и даже въ свободныя отъ него, вполне законныя области жизни; это раздраженіе было неизбежно вслѣдствіе описаннаго порядка этихъ мѣръ, начинавшихъ свое дѣйствіе съ пространства, наименѣе зараженныхъ и даже вовсе не зараженныхъ. Это раздраженіе чувствъ есть другое послѣдствіе испитанной въ 1879 г. полицейской системы, чрезвычайно ожесточившее фанатизмъ «идей» или лучше страстей на всѣхъ ступеняхъ смуты, снизу до верха. О необычайныхъ, почти неслыханныхъ примѣрахъ этого ожесточенія мы уже говорили.

Сторонниками экстраординарныхъ полицейскихъ и судебныхъ мѣръ было высказываемо мнѣніе, что устрашеніе есть единственное дѣйствительное средство противъ смутчиковъ. Но это средство (не говоря даже объ его нравственной сторонѣ) еще можетъ быть сколько нибудь дѣйствительно, когда дѣло идетъ объ обыкновенныхъ бунтовщикахъ и нарушителяхъ наружнаго общественнаго порядка; оно совершенно несостоятельно, когда оно призвано укротить людей нафанатизированныхъ до безумія, идущихъ, въ холодномъ изступленіи страстей, къ своимъ цѣлямъ, съ бессознательною слѣпою вѣрою и находящихъ почти наслажденіе въ налагаемыхъ на нихъ страданіяхъ, даже въ смерти. Всему этому мы были свидѣтели.

Нельзя не упомянуть, затѣмъ, о третьемъ немаловажномъ послѣдствіи этой системы, о бесплодной тратѣ полицейскихъ силъ, которая и безъ того оказывалась у насъ недостаточными для исполненія прямыхъ своихъ обязанностей. Отъ этихъ обязанностей и отъ сосредоточенія себя на розысканіи настоящихъ преступниковъ, настоящихъ заговорщиковъ, ускользавшихъ изъ рукъ власти, полицейскія силы были отвлечены къ борьбѣ съ призраками.

Далѣе, гораздо болѣе еще существенно и въ государственномъ отношеніи и для развитія самой смуты, четвертое послѣдствіе всѣхъ чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣръ устрашенія и стѣсненія личной свободы, принятыхъ въ минувшемъ году. Онѣ усилили то

бездѣйствіе и оцѣпененіе самодѣятельныхъ здоровыхъ силъ въ обществѣ, о которыхъ мы говорили выше. Эти мѣры коснулись даже самой законной почвы общественной дѣятельности, какова земская, гдѣ было именно желательнѣе *наибольшее возбужденіе* силъ общественнаго организма для естественной его реакціи противъ всѣхъ болѣзнетворныхъ его началъ. Во всякомъ обществѣ, всегда и вездѣ, бываетъ масса «недовольныхъ» и также недовольныхъ съ той или другой точки зрѣнія, тѣми или другими правительственными распоряженіями. Съ умственными и гражданскими успѣхами каждаго народа эта масса недовольныхъ, элементъ «оппозиціи», даже всегда неизбѣжно возрастаетъ. Нѣтъ надобности скрывать отъ себя, что и у насъ было не мало такихъ «недовольныхъ», — между прочимъ въ особенности недовольныхъ нашими административными порядками. Всего болѣе возбуждалъ недовольство первородный грѣхъ всѣхъ нашихъ административныхъ порядковъ, заключающійся въ «полномъ смѣшеніи законовъ съ самоличными административными распоряженіями». Этотъ грѣхъ, насколько не ослабѣвшій послѣ нашего гражданскаго обновленія въ эпоху реформъ, а скорѣе даже усилившійся, производилъ, въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, всего болѣе недовольства въ здоровой, образованной и здравомысленной части нашего общества, — въ *консервативной* его части, въ настоящемъ смыслѣ слова. А эта консервативная часть общества составляетъ громадное большинство такъ называемой нашей «интеллигенціи», не говоря уже о нашемъ народѣ, преданномъ престолу, какъ святинѣ и охранительномъ до мозга своихъ костей ¹⁾. Но всѣ эти «недовольные» не имѣютъ ничего, малѣйшимъ образомъ, общаго съ крамольниками и только отплевывались отъ нихъ. Стремленія къ законности въ управленіи, къ «правомѣрному государству» всего болѣе чужды мечтаніямъ всякихъ демагоговъ, въ томъ числѣ и нашихъ.

Между тѣмъ въ воззрѣніяхъ органовъ власти, приводившихъ въ исполненіе чрезвычайныя полицейскія и административныя мѣры, недовольные всякаго рода и оттѣнка смѣшивались съ отъявленными врагами престола и государства въ одну нераздѣльную

¹⁾ Извѣстно, что въ пресловутомъ революціонномъ катехизисѣ, напечатанномъ за границею и служившемъ кодексомъ для нашихъ «террористовъ», было имъ рекомендовано вступить въ союзъ, для успѣха своего дѣла, съ разбойниками, ворами и всякими негодными русскими людьми. Никакой надежды на скольконибудь честныхъ русскихъ людей въ этомъ кодексѣ не выразалось.

кучу. Такимъ образомъ люди, воодушевленные самымъ здоровымъ патриотизмомъ и самыми непоколебимыми вѣроподданническими чувствами попадали въ ряды людей «опасныхъ»; классифицировались въ одинъ разрядъ съ революціонными дѣятелями. Понятно въ какой степени это было на руку послѣднимъ. Самые страшныя для нихъ силы въ обществѣ, единственныя способныя вести съ ними борьбу, — борьбу, хотя не легкую, но все-таки болѣе надежную, чѣмъ «малая» полицейская война, — были повержены въ бездѣйствіе.

Наконецъ, въ тѣсной связи съ предыдущимъ, намъ остается указать еще на одно, едва ли не самое существенное и самое печальное послѣдствіе чрезвычайной полицейской дѣятельности, направленной противъ смуты и достигнувшей, въ минувшемъ году, своего самаго крайняго и послѣдняго развитія. Эта дѣятельность, поглотивъ въ себѣ все вниманіе и всѣ заботы правительства, совершенно прервала собою прогрессивное движеніе законодательства. Уже перёдъ этимъ, четырехлѣтняя тяжелая година войны и дипломатическихъ переговоровъ, ей предшествовавшихъ и за нею слѣдовавшихъ, замедлила и почти приостановила всѣ серьезныя законодательныя работы. Можно было надѣяться, что съ заключеніемъ мира, эти работы оживятся съ особенною энергіею тѣмъ болѣе, что война изобличила для публики и для самаго правительства многія административныя неурядица и доказала вредъ предыдущаго періода застоя въ государственной дѣятельности. Крайнее усиленіе полицейскихъ вооруженій противъ смуты совсѣмъ прекратило всякую прогрессивную законодательную дѣятельность. Вотъ, это-то послѣдствіе смуты 1878 и 1879 гг. и было самою пагубною ея стороною въ нашей государственной жизни. Только дальнѣйшій беспрепятственный ростъ сѣмянъ, посѣянныхъ на нашей государственной почвѣ въ эпоху реформъ, могъ возродить (какъ это было изложено выше) въ нашемъ обществѣ *устойчивыя стихіи ея равновѣсія*, смертельно враждебныя для всякаго революціоннаго броженія и для всякихъ демагогическихъ попытокъ, парализовать, *новыми обезпеченіями новаго быта и новой дѣятельности* каждаго общественнаго класса, развитіе горечи и раздраженія, происшедшихъ отъ потрясеній въ условіяхъ стараго, дореформеннаго быта.

Здѣсь нельзя не замѣтить, что если справедливо мнѣніе, часто у насъ высказывавшееся, но, еще не доказанное положительными фактами, что позади слѣпыхъ и безумныхъ фанатиковъ, появлявшихся въ нашихъ политическихъ процессахъ, дѣйствовали люди

(русскіе или иноземные) съ еще болѣе адскими замыслами противъ нашего государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ болѣе разумнымъ политическимъ расчетомъ, то приостановленіе у насъ нормальной и законной государственной жизни и прогрессивнаго движенія нашего законодательства, — это самое дѣйствительное поврежденіе государственнаго механизма, — не могло не входить въ этотъ расчетъ. И этотъ расчетъ какъ будто удавался злоумышленникамъ до послѣдней, самой отчаянной ихъ попытки (6 февраля 1880 г.), хотя бы всѣ самыя крайнія и самыя преступныя ихъ покушенія оставались безуспѣшными. О безсмыслии этихъ покушеній, бессильныхъ, даже и въ случаѣ своего успѣха, произвести какой-нибудь государственный переворотъ въ нашемъ отечествѣ, было не мало разсужденій; всѣ конечно понимаютъ это безсмысліе. Всякій подобный успѣхъ враговъ существующаго у насъ государственнаго строя способенъ скорѣе только упрочить его основы. Не понимать это могутъ только совсѣмъ обезумѣвшіе фанатики политическихъ преступленій, въ ярости своего раздраженія противъ всей окружающей ихъ жизни. Но тѣ, болѣе дальновидныя личности, которыя употребляли этихъ людей, какъ исполнителей своей воли, — если такія личности дѣйствительно были, — могли имѣть болѣе разумныя, хотя бы и болѣе злостныя цѣли: онѣ могли не желать ничего инаго, какъ разстраивать правильный ходъ государственной машины, выводя ее изъ ея законной и прогрессивной колеи посредствомъ задуманныхъ катастрофъ. Каждая такая катастрофа, производя паническій страхъ, отвлекая правительство отъ государственныхъ вопросовъ внутреннихъ и внѣшнихъ, стоявшихъ на очереди, сосредоточивая все его вниманіе на чрезвычайныхъ, полицейскихъ мѣрахъ, къ тому-же неприятныхъ мирнымъ гражданамъ, — каждая такая катастрофа, хотя бы по наружности и не удавшаяся относительно ближайшаго, видимаго въ ней покушенія, отлично достигала дальнѣйшихъ и можетъ быть настоящихъ цѣлей настоящихъ руководителей крамолы. Вліяя такимъ образомъ на все государственное управленіе, направляя терроръ снизу и сверху, они (это было замѣчено нами въ самомъ началѣ), какъ будто захватывали въ свои руки инициативу управленія и внутренней политики государства. Самая крайняя реакція, самый понятный ходъ этой политики не могли быть противны цѣлямъ настоящихъ злоумышленниковъ, не идеалистовъ.

Слава Богу, все это было наконецъ прекрасно признано нашимъ правительствомъ. Вся представленная выше мрачная кар-

тина совершенно измѣнилась въ 1880 г.; хотя впечатлѣнія ея еще свѣжи въ нашей памяти, но она уже принадлежитъ теперь къ давнопрошедшему, вслѣдствіе рѣшительнаго поворота во всей нашей внутренней политикѣ, ознаменовавшаго нынѣшній годъ.

Результаты новаго направленія въ государственномъ управленіи еще въ будущемъ и потому не могутъ быть пока въ точности оцѣнены; къ тому-же это направленіе еще не достаточно опредѣлилось, чтобъ могло сдѣлаться предметомъ всесторонняго обсужденія съ точки зрѣнія не однихъ только личныхъ «сочувствій» или «несочувствій».

Однако въ нѣкоторомъ отношеніи, хотя бы только преимущественно въ отрицательномъ, т. е., въ отрицаніи всей прежней системы полицейскихъ мѣръ противъ смуты, это новое направленіе нашей внутренней политики уже довольно ясно обозначилось. Выстъ съ тѣмъ, за нимъ можетъ быть признанъ одинъ важный результатъ — успокоеніе умовъ и нѣкоторое удовлетвореніе чувствъ въ лучшей, просвѣщенной части общества, въ особенности провинціальнаго и между прочимъ главнѣйше въ сферѣ земской его дѣятельности. Во всей этой сферѣ уже заявляется со всѣхъ сторонъ сознаніе иныхъ отношеній къ администраціи, чѣмъ тотъ печальный антагонизмъ, то искусственное, раздраженное разлученіе земства, всего мѣстнаго самоуправленія съ государствомъ, съ казною, о которомъ было говорено выше. Этотъ одинъ результатъ уже самъ по себѣ довольно крупенъ, чтобы послѣ нами сказаннаго, быть благодарнымъ за него новому направленію нашей внутренней политики. Элементы броженія и даже политическихъ преступленій могутъ еще на нѣкоторое время продолжать свое существованіе; тѣмъ не менѣе надо предполагать, что нынѣ пресѣкаются дѣйствовавшія до сихъ поръ условія дальнѣйшаго развитія этихъ болѣзненныхъ элементовъ.

Это предположеніе можно, кажется, считать основательнымъ въ виду одной особенной черты въ новомъ поворотѣ нашей внутренней политики, наиболѣе ясно въ немъ высказавшейся. Эта черта заключается, по нашему разумѣнію, въ томъ, что наше государственное управленіе совершенно разсталось нынѣ съ вредоноснымъ порокомъ прежней полицейской системы, съ смѣшеніемъ въ одну нераздѣльную кучу всѣхъ «непріятныхъ» для администраціи явленій, и преступныхъ и «только непріятныхъ». Мѣры полицейскихъ подозрѣній и полицейскаго преслѣдованія сосредоточены нынѣ исключительно на сферѣ положительныхъ политическихъ преступле-

ній и на ихъ участникахъ , а за тѣмъ всѣ болѣе или менѣе близко прикасающіяся къ нимъ сферы умственнаго и нравственнаго броженія оставлены въ покоѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, вся область законныхъ и здоровыхъ проявленій общественныхъ силъ, какова земская дѣятельность и гласная печать, хотя бы онѣ и желали идти своими собственными самостоятельными путями, освобождены теперь отъ прежней опалы: въ этой области неусматриваются болѣе враги государства, за одно съ крамольниками и демагогами, хотя бы тутъ и заявляли себя мысли и чувства не казенныя, неподчиненныя прямымъ указаніямъ административныхъ учреждений и лицъ.

Во всемъ этомъ мы видимъ громадный успѣхъ въ нашей государственной жизни, долженствующій устранить всѣ тѣ горькія недоразумѣнія недавняго времени, которыя были выше изложены и которыя усиливали и раздражали нашу общественную смуту.

Мы уже достаточно говорили о необходимости различенія разныхъ стадій общественнаго броженія и въ особенности о необходимости различенія со «смутю идей и чувствъ» положительныхъ заговоровъ и положительныхъ преступленій. Въ возрѣвнѣхъ полиціи сфера политическихъ преступленій, также какъ и всякихъ преступленій, должна быть безусловно разграничена со «сферою чувствъ и идей», хотя бы нравственно даже и подготовляющихъ гражданъ къ преступленіямъ. Эта послѣдняя сфера, хотя бы въ ней и бродили болѣзненныя чувства и мысли, должна быть ограждена отъ всякихъ полицейскихъ вторженій. Тутъ, не говоря ни о чемъ другомъ полицейскія мѣры и преслѣдованія совершенно несостоятельны; онѣ способны только раздражить и усилить всякій нравственный и общественный недугъ. Въ этомъ нужно разъ навсегда убѣдиться.

Положительныя покушенія и заговоры къ политическимъ преступленіямъ, также какъ и ко всякимъ другимъ преступленіямъ, должны быть съ возможно большею бдительностью преслѣдуемы полицейскими органами, которые призваны къ «предупреженію и пресѣченію преступленій», къ охранѣ общественнаго порядка и спокойствія. Для этой цѣли желательно даже, чтобы наша полиція была возможно лучше и строже организована, въ особенности лучше дисциплинирована. Въ этомъ заключается одна изъ серьезныхъ и нелегкихъ государственныхъ задачъ настоящаго времени. Наша полиція далеко отстала отъ всей новѣйшей организаціи политическихъ преступленій, которая, какъ всѣ видѣли, постоянно

торжествовала надъ всякими полицейскими предвидѣніями. Надо думать, что эта отсталость была преимущественно обусловлена тѣмъ, что всѣ прежнія дѣйствія нашей политической полиціи были отвлечены отъ прямыхъ ея цѣлей къ «движенію идей и чувствъ» въ общества, гдѣ полиція рѣшительно не компетентна и гдѣ она просто терялась. Политическія преступленія разъ обнаруженныя или обнаружившіяся должны быть судимы по закону, установленными общимъ закономъ судами, безъ всякой тенденціозности и безъ всякихъ политическихъ цѣлей. Надо разъ на всегда разстаться съ ошибочною мыслію, что посредствомъ суда можно достигать тѣ или другія политическія цѣли: вразумленіе, устрашеніе преступниковъ, обузданіе революціоннаго фанатизма и проч. Нужно стремиться и тутъ только къ одной, къ прямой цѣли всякой уголовной судебной власти: чтобы она возможно справедливѣе налагала на преступниковъ опредѣленныя закономъ кары, чтобы «правосудіе свершалось». Въ этомъ единственное средство внушить уваженіе къ правосудію даже самымъ закорѣнѣлымъ фанатикамъ, и тогда даже всѣ побочныя политическія цѣли, связываемыя съ политическими процессами, могутъ быть легче достигнуты.

Совершенно иныя государственныя мѣры нужны для сокращенія первичныхъ, нравственныхъ и умственныхъ болѣзненныхъ элементовъ броженія, изъ которыхъ образуется атмосфера благопріятная для всякой смуты. Мы видѣли развитіе у насъ этихъ элементовъ въ нашемъ общественномъ кризисѣ и причины его ожесточившія. Всѣ эти причины могутъ быть сведены къ одному дѣйствию: къ приостановкѣ того органическаго процесса въ жизни общества, изъ котораго долженъ былъ возникнуть новый ея строй и новый быть разныхъ общественныхъ классовъ, преимущественно высшихъ. Отсюда мы объясняли накопленіе стихій броженія въ нашемъ обществѣ, послужившихъ, совокупно съ неправильнымъ ходомъ народнаго образованія, удобною почвою для революціонной пропаганды. Чтобы приостановить дальнѣйшее развитіе этихъ раздражительныхъ стихій, если невозможно ихъ внезапное уничтоженіе, былъ возможенъ только одинъ путь: возобновленіе органическаго процесса перерожденія нашего общественнаго строя изъ прежней его сословно-крѣпостной формы въ новую свободно-гражданскую. А для этого была прежде всего необходима возможно большая и возможно болѣе законная свобода гражданской жизни, освобожденіе ея отъ всѣхъ старыхъ и новыхъ полицей-

ских стѣсненій и затѣмъ продолженіе и довершеніе государственныхъ преобразованій, на основаніи началъ, положенныхъ въ эпоху реформъ. Въ числѣ этихъ преобразованій на первой очереди стояла организациа мѣстнаго управленія, значеніе которой въ нашемъ общественномъ кризисѣ было объяснено выше. Эта организациа заключалась до сихъ поръ только въ дезорганизаціи, въ разстройствѣ стараго административнаго порядка и въ закладѣ подлѣ него новаго зданія на противоположныхъ ему началахъ земскаго самоуправленія, и затѣмъ въ возбужденіи неразрѣшимой ничѣмъ борьбы между двумя рядами административныхъ учрежденій — казенныхъ и земскихъ, между бюрократіей и самоуправленіемъ.

Всѣ упомянутыя государственныя мѣры называются *органическими*, потому что онѣ должны измѣнить условія государственнаго организма сообразно съ новыми потребностями общественнаго организма, котораго получилъ новую жизнь въ эпоху реформъ и встрѣтилъ искусственныя препятствія для своего роста въ отсталыхъ формахъ государства и его управленія. Извѣстно, что въ общественной жизни происходитъ тѣмъ менѣе потрясеній, чѣмъ болѣе государственныя формы, посреди которыхъ идетъ ея историческое прогрессивное теченіе, видоизмѣняются сообразно съ этимъ теченіемъ и за нимъ слѣдуютъ. Только эти органическія государственныя мѣры могутъ приостановить болѣзненный ходъ, который приняла наша общественная жизнь въ послѣдніе годы и приостановить дальнѣйшее развитіе болѣзненныхъ міазмовъ, доставляющихъ матерьялъ для революціонныхъ замысловъ. Къ этому совершенно безсильны полицейскія мѣры, хотя бы самыя экстраординарныя, а напротивъ для этого нужна возможно болѣе свободная работа здоровыхъ силъ въ самомъ общественномъ организмѣ и для этого нужна возможно болѣе самостоятельная ихъ дѣятельность относительно государства. Къ законному обезпеченію этой самостоятельности и должны быть направлены всѣ органическія государственныя мѣры.

Замѣтимъ здѣсь, что только выше объясненное дѣйствіе государственныхъ мѣръ на революціонную смуту и возможно ожидать отъ государства, отъ правительственной власти, Совершенное искорененіе «революціонныхъ и анархическихъ идей», которыя носятъ теперь повсюду въ Европѣ, и заносятся во всякую страну, какъ всемірная зараза, немислимо требовать отъ правительственной власти. Но эти идеи и совсѣмъ не опасны когда онѣ бросаются на общественную почву здоровую, не страдающую своими собственными

національними язвами и не расположенную къ революціоннымъ движеніямъ; напротивъ того онѣ привязываются къ всякимъ язvamъ, хотя бы и не имѣющимъ ничего общаго съ этими движеніями, и черезъ эти язвы получаютъ эпидемическое распространіе, хотя бы только такое искусственное и поверхностное, какъ у насъ. Нужно думать лишь о томъ, чтобы исцѣлять эти собственныя домашнія язвы и тогда всякія заносныя «разрушительныя» идеи совершенно безопасны, хотя бы онѣ и заражали отдѣльныя личности. Таково положеніе Англіи относительно революціонной пропаганды въ континентальной Европѣ; и тутъ-же въ Великобританіи совершенно противоположно положеніе Ирландіи, которая поражена своими собственными недугами и открыта для дѣйствія революціонной пропаганды изъ другихъ странъ. Самые разумные государственные люди Великобританіи сосредоточили теперь свое вниманіе не на этой пропагандѣ, а на принятіи органическихъ мѣръ противъ мѣстныхъ недуговъ въ ирландскомъ обществѣ. Нѣчто подобное проповѣдуетъ новѣйшая медицина, рекомендуя какъ вѣрнѣйшій способъ для предохраненія себя отъ свирѣпствующей повальной болѣзни гигиеническія и санитарныя средства.

Мы беремъ на себя смѣлость полагать, что всѣ упомянутыя выше воззрѣнія на настоящее наше внутреннее положеніе не чужды тому повороту, который произошелъ не такъ давно въ нашей руководящей правительственной сферѣ. На сколько мы можемъ судить по тѣмъ государственнымъ мѣропріятіямъ, которыя, если еще не приведены въ исполненіе, то уже намѣчены въ этомъ новомъ направленіи нашей внутренней политики, — они вполне соответствуютъ зрѣлому пониманію какъ дѣйствительныхъ историческихъ причинъ постигшаго насъ зла, такъ и дѣйствительныхъ способовъ борьбы съ нимъ, зависящихъ отъ правительственной власти. Мы выводимъ это заключеніе изъ тѣхъ государственныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ поставлено теперь правительствомъ на первую очередь, судя по всѣмъ опубликованнымъ свѣдѣніямъ.

Во-первыхъ, общая совокупность этихъ вопросовъ доказываетъ положительное намѣреніе возобновить эру реформу, перерывъ которой имѣлъ, какъ мы видѣли, такое пагубное вліяніе на наше общественное броженіе. Во-вторыхъ, вниманіе правительства обращено прежде всего именно на тѣ части нашего законодательства и государственнаго управленія, которыя остались наиболѣе недо-

строенными въ преобразовательную эпоху и которыя наиболѣе соприкасаются со всѣми описанными выше болѣзненными стихіями нашей общественной и государственной жизни. Сюда принадлежатъ: пересмотръ законовъ о печати, финансовыя реформы и дальнѣйшее развитіе мѣстной администраціи на началахъ земскаго самоуправленія. Послѣ всего того, что было сказано нами выше почти нѣтъ надобности объяснять здѣсь какъ настоятельно и какъ будетъ благодѣтельное разрѣшеніе всѣхъ этихъ государственныхъ задачъ, въ духѣ освободительныхъ началъ, возвѣщенныхъ въ первую эпоху нашихъ реформъ. Прибавимъ къ сказанному нами раньше только нѣсколько словъ для окончательнаго опредѣленія тѣхъ специфическихъ связей, въ которыхъ всѣ упомянутыя задачи находятся съ изложеннымъ выше общественнымъ кризисомъ и смутю послѣднихъ лѣтъ.

Разрѣшеніе всѣхъ трехъ названныхъ выше государственныхъ задачъ должно содѣйствовать возбужденію дѣятельности всѣхъ здоровыхъ и потому охранительныхъ силъ въ нашемъ обществѣ, — умственныхъ, нравственныхъ, экономическихъ и политическихъ, — и оно должно устранить всѣ искусственныя помѣхи на пути того естественнаго, неизбежнаго историческаго процесса, который начался въ первую эпоху реформъ и перераждаетъ весь нашъ общественный строй изъ государственно-закрѣпощеннаго въ свободно-гражданскій. Подъ свободно-гражданскимъ, мы разумѣемъ такой общественный строй, въ которомъ права личности на трудъ и имущество, на свободное употребленіе своихъ силъ, обеспечены *твердыми законами* и ограждены противъ всякаго произвола и противъ всякихъ привилегій и монополей. Только на этой почвѣ свободно-гражданскаго строя могутъ возникнуть у насъ новыя прочныя общественныя классы и союзы на мѣстѣ потрясенныхъ старыхъ сословныхъ и привилегированныхъ, — могутъ, возродиться законныя общественныя положенія для обломковъ всѣхъ прежнихъ «сословій, состояній и званій» и могутъ вновь «собраться въ одну храмину» всѣ бродящія нынѣ общественныя элементы. Съ тѣмъ вмѣстѣ должно стихнуть и то раздраженіе, которое ужаснуло общество въ нашей смутѣ.

Таковъ кажется намъ общій смыслъ всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ категорій государственныхъ преобразованій, поставленныхъ нынѣ на первый планъ. Расширеніе свободы печати и законно-обезпеченіе ея правъ, немислимое безъ какихъ либо судебныхъ гарантій, должны содѣйствовать усиленію умственной дѣятель-

ности въ нашемъ обществѣ; осудѣніе ея мы замѣтили въ разгулѣ слѣпыхъ страстей и животныхъ инстинктовъ, изобличенныхъ и нашею политическою смутю и нашими хищническими промышленными операціями. Кромѣ большаго простора для дѣятельности благонадежныхъ умственныхъ силъ, нужныхъ въ борьбѣ съ фантастическими политическими ученіями, новые законы о печати должны также значительно сократить кругъ тѣхъ «условныхъ» и «искусственныхъ» политическихъ проступковъ и преступленій, которыя были порождены только стѣсненіями свободы слова и мнѣнія. Всѣ эти стѣсненія лишь распложили подпольную печать, единственное значеніе которой заключалось въ ея таинственности и незаконности.

О финансовыхъ реформахъ здѣсь излишне распространяться, такъ какъ имъ посвящена въ настоящемъ томѣ нашего изданія особая статья нашего почтеннаго сотрудника *Н. Х. Буме*. Замѣтимъ только, что двѣ главныя задачи, стоящія на первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ реформъ, — регулированье нашего бумажнаго денежнаго обращенія и преобразование системы прямыхъ податей, — могутъ имѣть самое могущественное вліяніе на устраненіе условий, ожесточившихъ нашъ общественный кризисъ. Колебанія узаконенной бумажной денежной единицы внесли самыя глубокія потрясенія во все наше народное хозяйство; они разстроили (сверхъ дѣйствія упомянутыхъ выше соціальныхъ причинъ) экономическій бытъ всѣхъ нашихъ общественныхъ классовъ, хотя бы эти потрясенія и не были для большинства нашей публики ощутительны и не были имъ сознаваемы. Податная реформа, самая трудная, должна окончательно упразднить сословно привилегированный строй нашего общества, отмѣнивъ невозможныя болѣе, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, податныя привилегіи высшихъ сословій. Эта реформа должна всего болѣе содѣйствовать здоровому перерожденію нашихъ «сословій и состояній» въ новыя свободно-гражданскія общественныя группы. Сверхъ того нельзя забыть, что въ вѣдѣніи нашей финансовой администраціи находятся «промышленность и торговля». Поэтому въ кругъ финансовыхъ реформъ входитъ у насъ неотъемлемо пересмотръ промышленнаго и торговаго законодательства, долженствующій освободить всю хозяйственную дѣятельность нашего общества отъ тѣхъ искусственныхъ препятствій и регламентацій, о которыхъ было сказано выше, и также освободить ее отъ всякихъ привилегированныхъ промышленныхъ паразитовъ, занимавшихся неправильными денежными операціями

во всѣхъ слояхъ общества. Само собою разумѣется, что одно законодательство, какое бы оно ни было точное, тутъ еще не поможетъ, если подлѣ него не будетъ стоять администрація, рѣшившая строго соблюдать исполненіе законовъ и отрѣшавшаяся отъ всякаго покровительства не законнымъ промышленнымъ предприятиямъ. На такую финансовую администрацію возлагаются теперь всѣ надежды общества.

Что касается до предполагаемыхъ преобразованій въ нашемъ мѣстномъ управленіи, то объ ихъ первостепенномъ значеніи въ нашемъ общественномъ кризисѣ было нами достаточно говорено. По всему что извѣстно изъ опубликованныхъ свѣдѣній, можно заключить, что въ основу этихъ преобразованій будетъ положено дальнѣйшее развитіе началъ земскаго самоуправления, уже насажденных въ эпоху реформъ и возрожденныхъ ею изъ нашего древняго историческаго, глубоко національнаго государственнаго строя. При этомъ долженъ устраниться тотъ дуализмъ казеннаго и земскаго управленія, который нынѣ вноситъ всего болѣе раздраженія въ нашу мѣстную общественную жизнь. Съ тѣмъ вмѣстѣ должна упрочиться *стихія законности* во всемъ государственномъ управленіи, такъ какъ коренное понятіе о «самоуправленіи» заключается ни въ чемъ иномъ какъ въ «управленіи по законамъ,» въ отличіе отъ бюрократическаго или приказнаго управленія, основаннаго на предписаніяхъ. Нужно ли говорить что усиленіе въ нашемъ государственномъ строѣ стихіи законности есть первый вопросъ не только въ одномъ этомъ строѣ, но также и въ самой нашей общественной жизни. Передъ развитіемъ этой стихіи могутъ утихнуть наши общественныя волненія и примириться многіе наши общественныя раздоры. Ей вынуждена будетъ подчиниться и всякая смута.

Въ заключеніе, мы не можемъ не замѣтить, что всѣ вышеуказанныя государственныя преобразованія относятся исключительно къ «государственному управленію» и нисколько не касаются «государственнаго устройства». Мы дѣлаемъ это замѣчаніе въ виду того весьма распространеннаго, въ прежнее время, мнѣнія, что обновленіе государственной жизни народовъ должно начинаться не съ формъ ихъ государственнаго устройства, отъ которыхъ будто бы зависитъ характеръ государственнаго управленія. Правильность этого мнѣнія весьма однако поколеблена практическимъ политическимъ опытомъ всѣхъ западно-европейскихъ народовъ въ нынѣшнемъ столѣтіи; этимъ опытомъ не могла не вос-

пользоваться государственная наука нашего времени. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ ея представителей, германскій ученый Р. Гнейстъ, высказываетъ такую мысль, — что главное историческое различіе между здоровою политическою жизнью Великобританіи и болѣзненнымъ политическимъ развитіемъ другихъ европейскихъ націй, на почвѣ ихъ теоретическихъ «конституцій», заключается въ томъ, что всѣ формы государственнаго устройства Великобританіи, всѣ формы ея практической конституціи, всегда постепенно возникали изъ преобразованій въ ея государственномъ управленіи, изъ его *практическихъ нуждъ* въ каждомъ историческомъ періодѣ, а другіе народы, по примѣру французскаго, шли обратнымъ путемъ, начиная съ государственнаго переустройства и надѣясь черезъ это одно улучшить свое государственное управленіе. Этимъ различіемъ Гнейстъ и объясняетъ столь извѣстную практичность государственныхъ учрежденій Англии и столь завидную для другихъ націй политическую жизнь этой страны. На этой глубокой мысли Германскаго ученаго мы и остановимся во всѣхъ нашихъ размышленіяхъ о нашемъ недавнемъ прошломъ и ближайшемъ будущемъ *).

*) Обзорніе текущаго законодательства 1879 г. мы отлагаемъ до слѣдующаго тома нашего изданія.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫШЕДШИХЪ ВЪ СВѢТЪ ТОМОВЪ

СБОРНИКА

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. П. ВЕЗОБРАЗОВА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ СОДѢЙСТВІИ

ПРОФЕССОРОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: И. Е. АНДРЕЕВСКАГО (по полицейской наукѣ), М. И. ГОРЧАКОВА (по церковному законодѣнію), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ф. Ф. МАРТЕНСА (по международному праву), В. И. СЕРГѢЕВИЧА (по исторіи русскаго права) и Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), ПРОФЕССОРА АКАДЕМІИ ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА Г. А. ЛЕБЕРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ф. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

ТОМЪ I. — СОДЕРЖАНИЕ: Законъ и административное распоряженіе по русскому праву, А. Д. Градовскаго. — Эмиграція, кн. А. И. Васильчикова. — Банковые законы и банковая политика, И. Х. Бунте. — Русская карательная система, И. Я. Фойншикаго. — Устройство правильной переписи населенія въ Россіи, статья первая, Ю. Э. Янсона. — Записка о сокращенныхъ срокахъ воинской повинности и обязательномъ обученіи, Г. С. Сидоренки. — Брюссельская международная конференція 1874 г., Ф. Ф. Мартенса. — Русская политика въ отношеніи къ Средней-Азіи. Историческій очеркъ В. В. Григорьева. — Новѣйшія попытки къ лучшему устройству прирѣчій бѣдныхъ, Н. Е. Андреевскаго. — Привилегіи на изобрѣтенія, В. И. Веснякова. **Критика и библиографія.** Русская литература. Церковь. Православная церковь въ Вуковинѣ, соч. Влад. Мордвинова. — М. Н. Горчакова. Государственное право (теорія). Исторія политическихъ ученій, соч. В. Чичерина. — Г. — Государственное управленіе. Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII-го вѣка, соч. М. Владимірскаго-Вудянова. Ч. I-я. — И. Андреевскій. — Международное право. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россією съ иностранными державами, соч. Ф. Мартенса, т. I-я. — М. — Военныя науки. Всеобщая военная исторія, князя Н. С. Голицына. — Г. Леера. Франко-нѣмецкая война 1870 — 1871 г.; перев. съ нѣмецк. А. Риттера и И. Маслова. — Г. Леера. Исторія. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Сергѣя Соловьева, т. XXIII. — К. Бестужевъ-Рюминъ. — Статистика. Памятныя книжки. — з. — Историко-статистическое описаніе Черниговской епархіи, книги 5 и 6. — з. Опытъ статистическаго атласа Россійской имперіи, составленъ полковникомъ Ильинимъ. — з. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ по 1-е января 1874 года, изд. 3-е, гр. А. В. Соллогуба. — з. — Западный районъ экспедиціи по изученію хлѣбной торговли и производительности Россіи, соч. М. Раевского, ч. I-я. — з. — Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Вып. III. — з. — Гражданское право. Объ ответственности желѣзнодорожныхъ предпринимателей и ихъ агентовъ за причиненіе эксплуатаціею вреда лицамъ и имуществу, соч. П. Деларова. — И. Кауфмана. — Государственное и народное хозяйство. Реформа нашей кредитной системы, соч. А. Шипова. — И. Кауфмана. **Иностранная литература.** Церковь. Матеріалы для исторіи и статистики церкви и школы въ евангелическо-лютеранскихъ общинахъ Финляндіи, К. Г. фонъ-

Буша. — М. И. Горчакова. — Избрание Папы и Имперія, соч. Лоренца. — М. И. Горчакова. — Международное право. Прибъчания о трактатахъ Соединенныхъ Штатовъ съ другими державами. — Бумаги, относящіяся къ Вашингтонскому трактату. Женевскій арбитражъ. — Женевская конвенція во время франко-германской войны, соч. Муанье. — Отчеты интернациональнаго комитета о раленныхъ. Первая десятъ лѣтъ краснаго креста, соч. Муанье. — Государственное управление. Исторія городского устройства въ Германіи. Маурера. — Происхожденіе германскаго городского устройства, А. Гейслера. — Лекція административнаго права Кабанту, изданіе пересмотрѣнное и пополненное, Ж. Лиежова. — Учебникъ нѣмецкаго административнаго права, соч. Рёсслера. 1 томъ, 2 отдѣлъ. — Право экстеррипации, Грэнгута. Колонизація у современныхъ народовъ, г. Леруа-Вольё. — Государственное и народное хозяйство. Современная германская пресса рабочихъ, профессора А. Гельда. — Гражданское право. Прусскіе гипотечные законы 5 мая 1872 г. со введеніемъ и прибъчаниями Вернера. — Артельное законодательство въ Германіи, Д. Германа Зихера. — Политика гражданскихъ законовъ или наука сравнительнаго законодательства, бар. Ф. де-Цортала. Обзорѣніе движенія законодательства и государственнаго управления (за первую половину 1874 г.). Уставъ о воинской повинности. Прочія постановленія по военной части. — Международныя конвенціи. — Высшія государственныя учрежденія. — Государственная служба. — Словныя права. — Управление: общая организація. — Финансы, бюджетъ на 1874 г., гербовый уставъ. — Государственныя имущества. — Государственное хозяйство; желѣзныя дороги. — Акціонерныя компаніи. — Благотворительность и призрѣніе. — Полиція. — Судебная часть; новыя правила о повѣренныхъ. — Народное образованіе, начальныя училища.

ТОМЪ II. — СОДЕРЖАНІЕ: Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ, В. И. Сергѣевича. — Акціонерныя общества, Н. Г. Тернера. — Устройство правящей перении населенія въ Россіи, Ю. Э. Ясона. — Земскія повинности и мѣстные налоги, В. А. Лебедева. — Земледѣльческіе отхожіе промыслы, въ связи съ переселеніемъ крестьянъ (съ картою), В. И. Чаславскаго. — Международное вѣщательство, М. Н. Капустина. — Научная постановка церковно-суднаго права, М. И. Горчакова. — Значеніе подготовки къ войнѣ вообще и подготовительныхъ стратегическихъ операцій въ особенности, Г. А. Леера. — Моменты исторіи законодательства печати, П. Я. Фойтшикаго. — Замѣтка по поводу акціонернаго законодательства, Д. П. Скуратова. **Критика и библиографія. Руская литература.** Церковь. Мнѣнія духовныхъ консисторій относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. — М. И. Горчакова. — Мнѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. — М. И. Горчакова. — Исторія русской церкви, соч. архіепископа Макарія. — М. И. Горчакова. — Общіе способы призрѣнія священно-церковно-служителей и ихъ семействъ, протоіерея Чижевскаго. — М. И. Горчакова. — О церковномъ хозяйствѣ, протоіерея Чижевскаго. — М. И. Горчакова. — Судьбы уни въ русской Холмской епархіи, соч. Нила Попова. — М. И. Горчакова. Государственное право (исторія). Древніе города Россіи, соч. Д. Я. Самковскаго. — Ф. И. Леонтовича. Государственное управление. Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву, соч. И. Тарасова. — Н. Е. Андреевскаго. — Очеркъ основъ санитарной дѣятельности, соч. А. Доброславина. — Г. И. Архангельскаго. **Международное право.** Начало невѣщательства. — Гр. Л. Комаровскаго. — Начало невѣщательства, соч. гр. Л. Комаровскаго. — Ф. Ф. Мартенса. — Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи, соч. Иванова. — Ф. Мартенса. Международное право, соч. М. Н. Капустина. — Ф. Мартенса. Исторія. Благотворительскій іерей Сильвестръ и его писанія, соч. Д. П. Голохвастова и архимандрита Леонидова. — Е. Е. Замысловскаго. — Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи: Записки фельдмаршала графа Миниха, С. Н. Шубинскаго. — А. Брикнера. — Древности права балтійскихъ славянъ, соч. А. Котляревскаго, ч. I. — Р. С. Иконникова. — Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова, вын. 1. Я. К. Грота. — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева, т. XXIV. — К. Н. Бѣстужева-Рюмина. Статистика. Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, изд. Мин. Юст. — г. — Статистическое обзорѣніе Россійской Имперіи, сост. Д. Ливрономъ. — з. — Холенныя

эпидемія въ Европейской Россіи въ 50-лѣтній періодъ 1823—1872 г., соч. Архангельскаго. — з. Курсъ статистики, соч. Н. Карасевича — з. **Финансы.** Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ: Акцизъ. Соч. Н. Янжула. — **Л. Иностранная литература.** Церковь. Письмо къ проф. Трейтше по поводу нѣкоторыхъ его сужденій о русской православной церкви, соч. Н. Н. М. И. Горчакова. — Государственное управление. Ученіе о военномъ дѣлѣ, какъ часть государствѣдѣнія. Лоренца Штейна. — **Г. С. Исторія.** Орденъ іезуитовъ, его организація, ученія, дѣятельность и исторія, соч. Губера. Іезуиты, соч. Губера, переводъ А. Маршанда. — **В. Бауера.** Статистика. Столица Берлинъ; результаты исчисленія и описанія его народонаселенія; соч. д-ра Швабе. — з. Государственное и народное хозяйство. Исторія политической экономіи въ Германіи, Вильгельма Рошера. — **К. Финансы.** Руководство къ финансовой наукѣ, Лоренца Штейна. — **К. Обзорніе движенія законодательства и государственнаго управления** (за вторую половину 1874 г.). Брюссельская международная конференція для установленія правилъ и обычаевъ войны. — Текущее международное право. — Войско и военная организація. — Государственная служба вообще. — Финансы. — Государственное хозяйство. — Полиція. — Судебная часть. — Народное образованіе. — Мѣстное управленіе; преобразование губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. — Гражданское право; раскольничьи браки.

ТОМЪ III. — СОДЕРЖАНІЕ: Свобода совѣсти и отношенія Государства къ Церкви, *Ө. Г. Тернера.* — Поступательное движеніе Россіи въ средней Азіи, *М. И. Венюкова.* — Республика или монархія установится во Франціи? *В. И. Герье.* — Ансиьонъ и Кругъ, *В. Н. Уичерина.* — Национальный вопросъ, *А. Д. Градовскаго.* — **Ирритица и библиографія.** Русская литература. Государственное право (теорія). Русское государственное право, т. I. — *И. Андреевскаго.* — Посobie къ изученію русскаго государственнаго права. — *А. Романовича-Славатинскаго.* — Начала русскаго государственнаго права, т. I. — *А. Градовскаго.* — *Н. М. Коркунова.* — Государственное право (исторія). Древніе города Россіи. — *Д. Я. Самоковскаго.* — Возраженіе г. Самоковскому. *Ө. И. Леонтовича.* — Исторія права. Исторія Бодификаціи гражданскаго права. — *С. В. Пахмана.* — *Н. В. Калачова.* — Сочиненіе Н. Д. Иванншева. — *И. Е. Андреевскаго.* — Обычное право, выпускъ первый. — *Е. Якушкина.* — *П. А. Матвѣева.* — Значеніе общенароднаго гражданскаго права. — *Воголѣпова.* — *П. Л. Карасевича.* — Исторія. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXV. — *С. Соловьева.* — *Е. Н. Бестужева-Рюмина.* — Гражданское право. Законы о ипотекѣхъ, дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ. — *К. Юзефовича.* — *Ф. И. Шмигельскаго.* Государственное и народное хозяйство. Обзоръ развитія главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли въ Россіи. — *Д. А. Тимирязева.* — *А. Я. Шмидта.* Иностранная литература. Международное право. Институты практическаго международнаго права въ мирное время. — *А. Гартмана.* — *О. Эйхельмана.* Практика, теорія и кодификація международнаго права. — *Бульмеринга.* — *О. Эйхельмана.* Ежегодникъ Института Международнаго права. — *Гр. Л. Комаровскаго.* Исторія. Территориальное расширеніе Россіи. *Д. Макензи-Уолласа.* — *М. Капустина.* Исторія Россіи и европейской политики 1814 до 1831 г. — *Веригарди.* — *А. Г. Брикнера.* Изслѣдованія политическихъ явленій древней и новой исторіи и вліаніе состоянія войны и мира. — *Дево.* — *П. Л. Карасевича.* Исторія государственныхъ учреждений древней Франціи, часть первая. — *Фрестель-де-Куланжа.* — *П. Л. Карасевича.* Статистика. 1) Свѣдѣнія о числѣ родившихся и умершихъ въ Лифляндской губерніи 1863—1872 г.; 2) Матеріалы для статистики Лифляндской губерніи. — *В. Андерса.* — *А. Я. Шмидта.* Народное хозяйство. Матеріалы и Славянство. — *Д-ра Осипа Сернеца.* — *И. А. Бодуна-де-Куртена.* Философія права. Очеркъ курса естественнаго права, или историческое и философское введеніе въ изученіе права вообще. — *Тиссо.* — *П. Л. Карасевича.* Обзорніе движенія законодательства и государственнаго управления (за 1875 г.). Вступленіе. — Церковь; воссоединеніе греко-уніатовъ. — Международное право; всеобщій почтовый союзъ. — Войско и военная организація; развитіе устава 1874 г. о воинской повинности; преобразование въ центральной и мѣстной военной администраціи; развитіе способовъ къ мобилизаціи боевыхъ силъ. — Государственное управленіе; организація центральныхъ органовъ и государственная служба

вообще. — Финансы; упраздненіе государственнаго земскаго сбора; податная реформа; исполненіе бюджета. — Государственное хозяйство; съѣздъ представителей банковъ. — Полиція. — Судебная часть; судебная реформа въ привислянскомъ краѣ. — Народное образованіе; лицей, сельскія школы, среднія учебныя заведенія. — Ученая часть; административная статистика. — Мѣстное управленіе. — Гражданское право. — Заключение.

ТОМЪ IV. — СОДЕРЖАНІЕ: Начала русской земли, *С. М. Соловьева*. — Современныя условія военнаго судостроенія, *Э. Е. Гуляева*. — О подоходныхъ налогахъ, *И. Ю. Патлаевскаго*. — Нуждается ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ кромѣ опредѣляемыхъ по суду? *Я. Ф. Кистяковскаго*. — Условія театра войны на Балканскомъ полуостровѣ для русской арміи, *Г. А. Леера*. — Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство, *Н. В. Калачова*. — Желѣзныя дороги въ Россіи, *А. А. Головачева*. — Исторія построенія дорогъ, статья первая. **Критика и библиографія.** Русская литература. Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, *М. Я. Буданова*. — Исторія. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *С. Соловьева*. Т. XXVI. *К. Вестужена-Рюмина*. — Архивъ юго-западной Россіи. Ч. II, т. II. *В. Иконникова*. — Государственное и народное хозяйство. Англійская свободная торговля. вып. 1-й. *И. Янжула*. — *А. И. Чупрова*. Общинное землевладѣніе, вып. 1-й. *А. Посникова*. *Г. И. Чупрова*. Иностранная литература. Государство и законы о народномъ образованіи. *Н. Х. Бунтс*. — Свѣдѣнія о современной Сербіи. *И. Срезневскаго*. — Статистика. Сравнительная статистика Царства Польскаго В. Залѣнскаго. *Григорія Симоенко*. **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за 1876 г.)** Лондонскій протоколъ, какъ результатъ дипломатическихъ переговоровъ въ 1876 г. и его послѣдствія. — Центральныя государственныя учрежденія. — Текущее международное право. — Войско и военная организація. — Государственное управленіе и государственная служба вообще; правдоуказаніе вообще. — Государственные финансы. — Государственное хозяйство; преміи за успѣхи по дѣльному хозяйству; Казенныя горныя заводы. — Судебная часть. — Народное образованіе; Имп. Медико-Хирургическая Академія; гимназій; реальныя и народныя училища; разныя спеціальныя учебныя заведенія. — Ученая часть. — Мѣстное управленіе; обязательныя постановленія мѣстныхъ административныхъ властей. — Гражданское право.

ТОМЪ V. — СОДЕРЖАНІЕ: Нѣмецкіе социалисты: I. Лассаль. *Б. Н. Чичерина*. — Системы мѣстнаго управленія на западѣ Европы и въ Россіи. *А. Д. Градовскаго*. — Реформа исполнительной полиціи въ Россіи. *И. Е. Андрусевскаго*. — Очеркъ политической этнографіи странъ, лежащихъ между Россіею и Индіею. *М. И. Вєнюкова*. — Желѣзныя дороги въ Россіи. *А. А. Головачева*. Исторія постройки дорогъ. Статья вторая. — **Критика и библиографія.** Русская литература. Церковь. Правила святыхъ апостоловъ, святыхъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и святыхъ отецъ съ толкованіями, вып. 1. *М. И. Горчакова*. — Историко-статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи, вып. I — V. *Ею-же*. — Руководство къ русской церковной исторіи. Сост. П. Знаменскій. *Ею-же*. — Статистическія свѣдѣнія по общественному призрѣнію С.-Петербурга. П. П. Семѣнова и И. Е. Андреева. Ч. I. Приходскія благотворительныя общества. *Ею-же*. — Историческій очеркъ управленія духовенствомъ военнаго вѣдомства въ Россіи. П. Невзорова. *Ею-же*. — Исторія старой Казанской духовной академіи (1797 — 1818 гг.). А. Благовѣщенскаго. *Ею-же*. — Исторія Владимирской духовной семинаріи 1750 — 1840 гг.). Соч. К. Надеждина. *Ею-же*. — Исторія русской церкви. Т. VIII. Архiep. Макарія. *Ею-же*. — Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней калужской губерніи. Iерон. Леонида. *Ею-же*. — Отношенія римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности до Константина великаго включительно. П. Лошкарева. *Ею-же*. **Философія права.** Спиноза и его ученіе о правѣ. — К. Н. Яроша. *Л. Е. Владимірова*. — **Исторія права.** О Маветскомъ правѣ. Ч. I. Карла Дунина. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова*. **Военныя науки.** Прикладная тактика. Сост. ген.-маіоръ Лееръ. *Я. А. Гребенщикова*. — **Исторія.** Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Соч. И. Забѣлина. *Б. А. Бѣлова*. — Описаніе дѣлъ архива Морскаго Министерства за время съ половины VII до начала XIX столѣтія. Томъ I. *С. В. Ведрова*. — **Уголовное право.** Элементарный учебникъ общаго

уголовнаго права. Общая часть. А. Ф. Кистяковского. А. И. Памомбескаю. — **Иностранная литература** Церзовъ. Лѣтопись евангелическихъ приходовъ въ Москвѣ. Соч. Фехнера. А. Г. Брикнера. — **Государственное право.** Философское государственное право. Гумпловича. П. Л. Карсевича. — **Политика.** Политика какъ наука. Блунчли. Гр. Л. А. Комаровскаю. — **Международное право.** Руководство къ международному праву. Функъ-Брентано и Сореля, Ф. Ф. Мартенса — Политика и обычай войны. Рюстова *Ею-же.* — Право добычи на войнѣ и морское право добычи въ особенности. Блунчли. *Ею-же.* — Комплектованіе военнаго и коммерческаго флота; права воюющихъ и нейтральныхъ въ случаѣ войны. Линдсея. *Ею-же.* — Исторія международного права въ XIX вѣкѣ. Пьерантони. *Ею-же.* — Право войны, основанное на нравственности. Никазіо Ди Ланда. *Ею-же.* — Дипломатическій ежегодникъ Россійской Имперіи за 1877 г. *Ею-же.* — Конспектъ дѣйствующаго европейскаго международного права. Неймана. О. О. Эйхельмана. Новое собраніе трактатовъ и дипломатическихъ актовъ, продолженіе собранія. Мартенса. *Ею-же.* — Управление Эльзаса. Соч. Ленинга. *Ею-же.* — **Государственное и народное хозяйство.** Общинное земледѣніе. Собственность и ея первобытныя формы. Лавеле. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Соколовскаго. К. К. Гаттенбергера. — Деньги и денежное обращеніе. Леванса. *Ею-же.* **Обзорныя движенія законодательства и государственнаго управленія** за первую половину 1877 г. Война и ея послѣдствія въ государствѣ и обществѣ. — Международное право. — Войско и военная организація. — Государственные финансы; финансовое положеніе до войны и чрезвычайныя финансовыя ресурсы для покрытія военныхъ расходовъ; бумажныя деньги; текущее финансовое законодательство; таможенный тарифъ. — Государственное хозяйство; всемірная выставка въ Парижѣ; пути и способы сообщеній; комисиія для изслѣдованія желѣзно-дорожнаго дѣла; передача шоссеиныхъ дорогъ въ распоряженіе земствъ; разныя другія жѣры по государственному хозяйству. — **Полиція.** — Судебная часть; тюремная комисиія. — Народное образованіе; вновь открытыя и преобразованныя учебныя заведенія. — Ученая часть. — Мѣстное управленіе — Гражданское право.

ТОМЪ VI. СОДЕРЖАНІЕ: Нѣмецкіе социалисты. П. Карлъ Марксъ. Б. Н. Чичерина. — Очеркъ военныхъ дѣйствій въ Турціи. Статья первая. Г. А. Леера. — Система мѣстнаго управленія на западѣ Европы и въ Россіи. Статья вторая. А. Д. Градовскаю. — Акціонерныя компаніи. И. Т. Тарасова. — Неразвѣныя банковыя билеты во Франціи съ 1870 по 1874 г. Н. Х. Буше. — Финансовыя реформы въ Пруссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Ю. Ф. Самарина. — **Критика и библиографія.** Русская литература. Народное и государственное хозяйство. Теорія биржевыхъ кризисовъ. К. К. Гаттенбергера. Вѣнскій кризисъ 1873 года. И. Н. Кауфмана. — Очерки экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Д. Г. Анучина и Г. Ф. Симоненки. — Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣятельности Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства (1850 — 1875). Н. Ситовскаго. — Краткій очеркъ дѣятельности Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства за первое двадцатипятилѣтіе его существованія 1850 — 1875. И. И. Вешнякова. — Сельскохозяйственное дѣло Европы и Америки на вѣнской всемірной выставкѣ 1873 года и въ эпоху ея. А. Ермолова. *Ею-же.* — Государственные финансы. Русскій промышленный налогъ. А. Субботина. В. А. Лебедева. — Ежегодникъ русскихъ финансовъ, шестой годъ. А. Веселовскаго. А. Я. Шмидта. — **Военныя науки.** Записки стратегіи, вып. I. Сост. генералъ-майоръ Лееръ. И. Б. — Исторія. Архивъ Правительствующаго Сената. П. Баранова. В. С. Иконникова. — Уставныя грамоты XIV — XVI вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, вып. 1 и 2. Н. Загоскина. Д. Мѣичка. — Писовыя книги, часть 1-я, отд. 2-е. В. И. Вешнякова. — Систематическій каталогъ Департамента Внѣшней Торговли, А. Я. Шмидта. — **Гражданское право.** Обычное гражданское право въ Россіи, томъ I. С. В. Пахмана. П. А. Матвѣева. — **Общая публицистика.** Статьи политическія и польскія и польскій вопросъ (1856 — 1867). М. П. Погодина. К. Н. Бестужева-Рюмина. — **Иностранная литература.** Государственное право. Ученіе о современномъ государствѣ. Соч. Блунчли. О. Эйхельмана. — Государственные финансы. Наука о государственныхъ финансахъ. П. Леруа-Вольѣ. В. А. Лебедева. — Общинныя

налоги и ихъ преобразование, соч. Билинскаго. *Ею-же.* — Государственное и народное хозяйство. Новые законы и сочинения въ Германіи объ привилегіяхъ и изобрѣтеніяхъ. *В. И. Вешякова.* — Исторія права. Изслѣдованія салическаго права франковъ Клемента. *С. В. Ведрова.* — **Обзорніе движенія законодательства и государственнаго управленія** (за вторую половину 1877 г.). Международное право. — Военная организація. — Государственная служба вообще. — Государственное хозяйство. — Полиція. — Судебная часть. — Народное образованіе. — Мѣстное управленіе.

ТОМЪ VII. СОДЕРЖАНІЕ: Начала русской земли, *П. С. М. Соловьева.* — Государство и право въ исторіи, *В. И. Сергѣевича.* — Полицейскій арестъ, *И. Т. Тарасова.* — Военная организація и статистика, *Я. Х. Гребенщикова.* — Железныя дороги въ Россіи, *А. А. Головачова.* Исторія постройки дорогъ. Статья третья. — Бумажно-денежные проекты и экстраординарные финансы, *И. И. Кауфмана.* — О значеніи науки для образованія должностныхъ лицъ въ государственномъ управленіи, *В. П. Безобразова.* — **Критика и библиографія.** Русская литература. Церковь. Критическій анализъ главнѣйшихъ ученій объ отношеніи между церковію и государствомъ, вып. 1. *П. Срѣтенскаго.* *М. И. Горчакова.* — Очерки внутренней исторіи Византійско-восточной церкви въ IX—XI вѣкахъ. *А. Лебедева.* *Ею-же.* — Споры безпоповцевъ о бракѣ. *К. Надеждина.* *Ею-же.* — Церковный судъ въ первые вѣка христіанства. *Н. Заозерскаго.* *Ею-же.* — Опытъ изслѣдованія объ имуществѣхъ и доходахъ нашихъ монастырей. *Ею-же.* — Государственное и народное хозяйство. Железнодорожное хозяйство. *Т. П. Условія, опредѣляющія движеніе и сборы на желѣзныхъ дорогахъ.* Вып. 1. *А. Чупрова.* *Д. Писно.* — Исторія. Славянство Болгаръ передъ критикой. Проф. *Макушева.* *Д. Иловыйскаго.* — Уголовное право. Руководство къ особенной части Русскаго уголовного права. *Н. А. Неклюдова.* *А. Палкомбекаго.* — Гражданское право. Понятіе добровольнаго представительства въ гражданскомъ правѣ, соч. *Нересова.* *С. Мурамцева.* — Иностранная литература. Церковь. Греческіе канониканы. *Пахарія фонъ-Лингентала.* *М. И. Горчакова.* — Современное состояніе Римско-католической церкви во Франціи. Очеркъ аббата *Мишо.* *Ею-же.* — О нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ церковнаго права и политики. *Д-ра Цорна.* — Важнѣйшія новыя церковно-государственныя узаконенія Германской Имперіи, Австріи, Швейцаріи и Италіи. *Д-ра Цорна.* — Государство и церковь въ Швейцаріи. *Д-ра Гарейса* и *Д-ра Цорна.* *Ею-же.* — Радикальный нѣмецкій социализмъ и христіанское общество, соч. *Тодта.* *Ею-же.* — Исторія нѣмецкаго церковнаго права. *Д-ра Ленинга.* *Ею-же.* — Международное право. Женевская Конвенція. Соч. Проф. *Людера.* *О. Эйхельмана.* — Воюющія и нейтральныя державы. Соч. *Гесснера.* *Ею-же.* — Статистика. Теоретическое и практическое руководство къ статистикѣ. *Мориса Блока.* *Д. Писно.* — Закономѣрность явленій общественной жизни, соч. *г. Майра.* *Ею-же.* — Государственное и народное хозяйство. Свободная торговля и покровительственная система. *Г. Фоссета.* *И. Янжула.* — **Обзорніе движенія законодательства и государственнаго управленія** (за 1878 г.). Вступленіе. Общій взглядъ на событія 1878 г. — Кодефикаціонная работа. — Центральныя учрежденія. — Военная организація и войско. — Финансы; общее финансовое положеніе по окончаніи войны и расходы на нее; финансовое законодательство и текущія распоряженія. — Государственное хозяйство. — Полиція. — Судебная часть. — Уголовное право. — Народное образованіе. — Художественная часть. — Мѣстное управленіе.

СПИСОКЪ

ОПЕЧАТОКЪ VIII ТОМА СБОРНИКА ГОСУД. ЗНАНІЙ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
3	16 сверху	неа	нее
4	2 >	первые	надъ первыми
—	11 >	не	ни
5	7 снизу	онѣ	они
—	5 снизу	тактики	тактикѣ
7	12 >	прійти	придти
10	11 сверху	взглянуть	взглянуть
—	14 >	на—трактатъ	на трактатъ
12	прим. 2	обнимающіи	обнимающіе
18	10 снизу	наукъ	наукъ —
14	4 и 10 сверху	} Вонопарте	Бонапарте
—	въ прим. 2 >		
15	12 >	ее	ея
—	3 снизу	все таки	всетаки
19	1 сверху	завершало	завершило
20	5 снизу	боя павшаго	боя, павшаго
25	11 сверху	подърядъ	подъ рядъ
30	14 снизу	предпословъ	предпославъ
33	9 >	фальшь	фальшъ
39	6 сверху	не вѣроятны	невѣроятны
—	10 >	покрайнѣй	по крайней
42	11 >	негарантированные	негарантированны
43	15 >	они	онѣ
44	8 >	дорована	дарована

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
45	12	сверху	степи,
—	14	>	испытываешь
46	10	снизу	ни гдѣ
47	4	сверху	фактивныхъ
—	—	>	считалось
—	14	снизу	исчисленный
48	4	сверху	имени
—	19	>	открыть
49	13	снизу	онѣ
—	8	>	утвердить
51	7	сверху	Солевозкой
—	8	снизу	представлялась
54	2	сверху	Фаставской
—	18	снизу	временю
56	17	сверху	слѣдующія
—	5	снизу	юридическое
58	22	сверху	но
59	2	снизу	исчислялись
60	12	>	реализации
68	18	сверху	Исчезновение
76	9	снизу	какіе
79	18	сверху	промежуточныхъ
87	5	снизу	казначействомъ
91	15	сверху	кредита
92	17	>	они
100	4	>	нея
121	15	>	прійди
126	4	>	націальной
132	18	>	ее
136	6	снизу	исцу
141	7	>	исчезли
145	17	сверху	спорнымъ
—	18	>	въ
147	7	снизу	ходаки
157	15	сверху	состоявшіеся
—	19	>	Каледоніи
172	6	>	Милословскіе
179	13	>	славившихся
189	7	снизу	приселенія
192	8	>	онѣ
195	4	>	доказывалъ
201	3	>	предположенію
202	9	сверху	комитетъ
211	9	>	сравнивъ
213	10	>	этого
—	8	снизу	сибири
214	11	сверху	положительныхъ

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Следуетъ.</i>
232	4 снизу	Киселева	Киселева
236	1 сверху	ихъ	нихъ
244	14 >	полные	полниа
247	4 >	смотрители	смотрители.

20	5 сверху	матерьяльной	матерьяльной
21	10 снизу	соучагіе	соучастіе
24	13 сверху	крашенныхъ	крашенныхъ
26	2 снизу	Volkswirtschaftspolitik	Volkswirtschaftspolitik
27	пр. 1 сверху	индивидуумъ	индивидуумъ
Г	> 11 >	раздѣляемыхъ	раздѣляемыхъ
28	20 снизу	нмѣющими	нмѣющими
29	22 сверху	другого	другаго
32	1 снизу	здоровья	здоровья
35	18 сверху	предидущихъ	предидущихъ
36	21 снизу	экстенсивномъ	экстенсивномъ
40	8 сверху	выработывались	выработывались
42	8 >	они	онъ
57	6 >	серьезнаго	серьезнаго
69	24 снизу	всеже	все же
71	13 сверху	но войны массы	на войны массы
87	12 снизу	святыя	святыя
89	21 сверху	сырого	сыраго
93	15 снизу	von	der
94	3 сверху	содержитъ	содержитъ
101	5 сверху	юрдическихкихъ	юрдическихкихъ
113	12 снизу	пусть	пусть
131	18 >	кляентокоъ	кляентовъ
134	5 сверху	существованн	существованн
135	2 снизу	Де-Волороже	Де-Валороже

5	8 снизу	заподазривались	заподозривались
10	13 >	обо	объ
14	15 сверху	съ западно - европейскимъ промышленнымъ пролетриа- томъ	западно-европейскому промы- шленному пролетариату
18	7 сверху	непримѣрмой	непримирной
23	7 >	служивой	служилой
24	10 >	мѣщаниномъ	мѣщаниномъ
29	10 снизу	венская	воинская
38	5 сверху	не окончаніе	неокончаніе
41	14 >	типомъ	типомъ,
42	15 снизу	народа	народа;

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Следуетъ.</i>
60	4 снизу	не живущія между собою ничего общаго а въ фор- мальномъ юридическомъ отношеніи	а въ формальномъ юри- дическомъ отношеніи не живущія между собою ни- чего общаго
61	12 снизу	недоразумѣній	недоразумѣній
71	4 сверху	эпидемическое	эпидемическое
73	14 >	посвящена	посвящена
74	13 снизу	наши	наши
74	5 >	не съ формъ	съ формъ
75	4 сверху	жизнею	жизнью
75	9 сверху	преобразованій	преобразованій

С. Е. Д.
5/14/20

